

Серия
«Славянское Добротолубіє»

ТОМ 2

На славянском и русском языках

«Самъиздатъ»

2016

ДОБРОТОЛЮБІЄ

ИЛИ

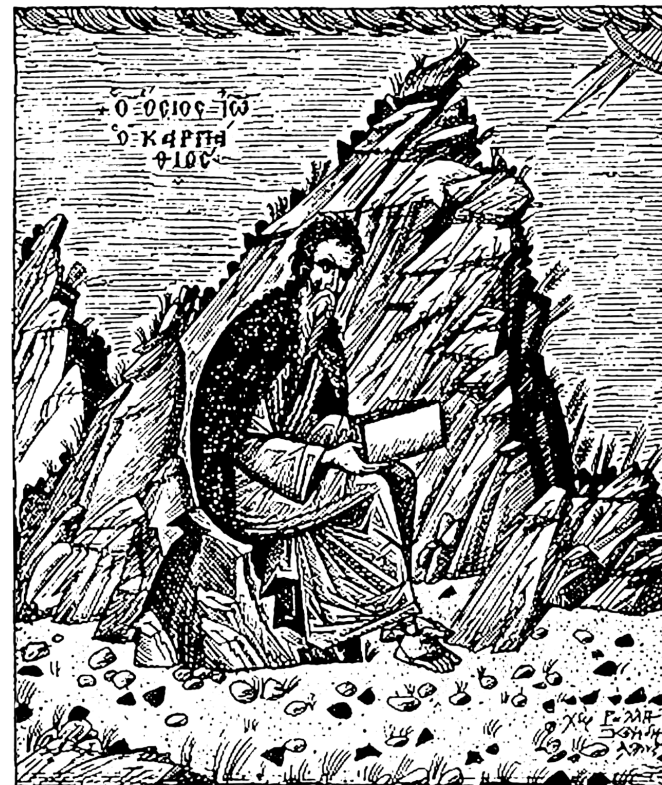
СЛОВЕСА И ГЛАВІЗНЫ СЩІЕННАГО ТРЕЗВЕНІА,
СВѢРАННАА Ѡ ПИСАНИИ СТЫХЪ И
БГОДУХНОВЕННЫХЪ ОТЕЦЪ, ВЪ НЕМЖЕ
НРАВСТВЕННЫМЪ ПО ДѢАНІЮ, И
ОУМОЗРѢНІЮ ЛЮБОМЪДРЕМЪ ОУМЪ
ѠЧИЩАЕТСА,
ПРОСВѢЩАЕТСА И СОВЕРШЕНЪ БЫВАЕТЪ.

ТОМЪ В.

Переведенò сь елліногрéческаго ѡзыка.

Иоанн Карпафский

Повѣсть вкратцѣ ѿ житїи преподобнаго іоанна карпафійскаго

Ѿже во ст҃ыхъ ѡтцѣхъ нашемъ іоаннѣ карпафійскомъ, ктѣ ѡный бѣ, въ кое процвѣташе время, и гдѣ теченіе подвижничества совершаше, и прѣчаа, іаже ѿ немъ, невлѣнна сѣть. Сїе же точію свидѣтельствуетъ фѡтїи, (въ ѡдѣленїи сѣа, на страницѣ сѣс). Ѣнъ же (сїрѣчь діадѡхъ) слѣдуетъ многѡ и іоаннѣ карпафійскомъ, іаже и даѣтъ надписанїе свое трѣдѣ егѡ, писанномъ ѡутѣшительнымъ слѡвомъ пришедшымъ инокомъ, іаже ѡ індіи, еже сѣи въ сотницѣ главїзнѣ глаголъ свѡй скончаваетъ, въ нїхже многѡ ѡтѣчески чтѣщихъ ѡвѣщаваетъ благодѣшествовати въ скорбехъ, и терпѣніе имѣти въ находящихъ іскушенїахъ.

Краткое сведение о св. Иоанне Карпафском

О св. отце нашем Иоанне Карпафском, кто он был, в какое время процветал, где совершал течение подвижничества, и [все] прочее, касающееся его, ничего не известно. Только блаженный (іерѡс) Фотий пишет о нем (в 201-м чтении): «Он же (то есть Диадок) во многом следует и Иоанну Карпафійскому, который дает такое оглавление своему труду: "утешительное слово к монахам, пришедшим из Индии", и излагает свое слово в ста главах». — В них св. отец отчески призывает читающих быть стойкими (ευκατέρηση) в перенесении скорбей и иметь терпение в находящих искушениях (υπομένουν).

Преподобнаго отца нашего Іоанна,
Епископа Карпадіискаго, ко инокомъ нже во
Індіи, писавшимъ емѹ.

Оутѣшительныя главы ѿ.

Сущимъ на земли царемъ весенны цвѣты приносяще
нѣщны просители, не токмо ѿвержени не быша мно-
жицею, но и нѣкимъ воспримахѹ дары. И азъ оубо ѿ
васъ повелѣнъ бывъ, единѹ сотницу ѿнѣкѹдѹ заим-
ствовавъ, и приносѹ словесъ добрыхъ вамъ, жителство
на небесѣхъ имѹщимъ, благопріятенъ же да бѹдѹ, и
молитвѹ дарѹ ѿ васъ да воспримѹ.

а. Елико присный есть црѣ всѣхъ, ни начала, ни
конца царствію своему имѣа, толіко ѿ немже и ѿ доб-
родѣтелехъ трѹдѣтиса произволяющимъ прѣверѣтн-
шѹ быти слѹчѣса тцѣанію: чѣсти бо настоѣщаго житїа,
ѹще и сѣла ѹть свѣтлый, съ настоѣщимъ житїемъ
разорѣютсѹ всѹкѹ: раздѣлаемыя же ѿ вѣа достѣй-
нымъ ѹки съ нетлѣнїемъ даемы, ѿнѹдѹ (присно) пре-
бывають.

б. Блаженный давидъ пѣснь ѿ всеа дѣлаа твари
бгови, вспоманѹ ѹглы и невидимыя силы всѹ: сниде

Преподобного отца нашего Иоанна Карпафско-
го к монахам, находившимся в Индии, писав-
шим к нему.

Сто утешительных глав

Земным царям весенние цветы преподнося, некие из
просителей не только не бывали отвергаемы, но иной
раз сподоблялись и особенных даров. Так и я, по вашему
желанию, заимствованную негде сотницу благих словес
принося вам, жителство на Небесах имущим, да буду
благодарно принят и дара молитв от вас да сподоб-
люсь.

1. Поскольку присносущен есть Царь всяческих, не
имея ни начала, ни конца Царствию Своему, постольку
сердечнейшему подобает быть тщанию у тех, кои поло-
жили поработать ради Его и ради добродетелей, благо-
удных Ему. Ибо почести настоящей жизни, как ни будь
они блестящи, пресекаются вместе с настоящею жизнью,
те же, какие Бог разделяет достойным, пребывают вовеки,
так как даются вместе с бессмертием.

2. Блаженный Давид, песнь творя Богу от лица всей
твари, помянув Ангелов и все небесные силы, снизошел

же да́же и до земли, ꙗ́коже ни звѣрѣй, ни скотѡвъ, ни пти́цъ, ни га́дѡвъ оудалáтиса, понéже сотворшѣмъ покланáтиса, и ѿ си́хъ пѣнїю мнáщеса, ꙗ́кѡ хотѣ все бѣвшее ѿ негѡ подобное совершáти вношенїе (дань) и кáкѡ оубѡ инокъ вкѡпѣ приносїмый со златомъ, иже ѿ сапфі́ра, не чѣстѡвати когдá, илї лѣнїтиса претерпїтъ къ пѣснопѣнїю.

Г. ꙗ́коже кѡпнѣ ѡгнь ѡдѣржáше, не ѡпалáше же ю̀: тáкѡ и прїемшихъ дарованїе безстрастїа, ꙗ́ще и тáкѡ и зѣлѡ теплѣйше носáтъ тѣлѡ, ничтѡже плѡти илї оумѣ стѣжáетъ илї вредїтъ теплотá тѣла: глáсъ бо гд́нь пресѣче пла́мень естества, занéже хотѣнїе бж́їе и слѡво соединеннаа по естествѣ разстáвило е́сть.

Д. Лѣна, растѣщи и пáки оумалáющиса, ꙗ́влáетъ чѣловѣка оустроенїе: нынѣ оубѡ двѣраа дѣлающагѡ, нынѣ же согрѣшáющагѡ, тáже пока́нїемъ пáки текѣщагѡ къ жїзни добродѣтельной. Тѣмже не погїбе оумѣ согрѣшївшагѡ, ꙗ́коже нѣцыи оубáсъ мнáтъ, ꙗ́коже и лѣны тѣло не оумáлиса, но свѣтъ. Возстажáváетъ оубѡ чѣловѣкъ пáки свою свѣтлостъ пока́нїемъ, ꙗ́коже и лѣна по е́же оумáлитиса, ѿ себѣ свѣтомъ ѡдѣвáетсá: вѣрѡаи бо во хр́та, ꙗ́ще и оумретъ, живъ бѣдетъ: и оубѣсть, рече, ꙗ́кѡ азъ гд́ь глаголахъ, и сотворю (їезек. ѡз, дї).

Е. ꙗ́ще востáвшъ на тá въ мысли множествѣ вражїихъ воображенїй, посла́бнѣвъ (вмáлѣ оустѣпнѣвъ) побѣдїшиса, вѣждь себѣ, ꙗ́кѡ разлѣчилсá еси на время ѿ бж́ественнаа блгодáти. Тѣмже и прѣданъ бѣлъ еси въ рѡцѣ паденїа твоегѡ, по праведномѣ сѣдѣ. Сегѡ рáди подвїзáйсá никогдáже нерадѣнїемъ ѡстáвленъ бѣти ѿ бладодáти, ниже къ чертѣ́ времени. ꙗ́ще же возмѡжешї, лѣчшїй поползновенїа бѣвъ, превзыти стѣнѣ́ страстныхъ пѡмыслѣ, и чáстыа сквѣрнаа прилѡги многоумїа врагѡвъ. да не разумѣешї даръ свѣше дáнный тебѣ́.

даже и до земли и не пропустил ни зверей, ни скотов, ни пернатых, ни пресмыкающихся, почитая такую песнь от лица их поклонением Сотворшему их, и как бы желая, чтоб всякая тварь имела в сем подобающий ей вклад. Как же монаху, сравниваемому со золотом сапфирским, можно позволять себе ослабеть когда-либо в псалмопении или полениться на него!

3. Как огонь обнимал купину, но не опалял, так и жар тела не беспокоит и не сквернит ни плоти, ни ума в тех, кои получили дар бесстрастия, хотя бы они носили тело очень тяжелое и горячее: ибо *глас Господа высекает пламень* (Пс. 28, 7) естества и хотение Божие, и слово Его разделяют соединенное по естеству.

4. Луна, то увеличиваясь, то умаяясь, изображает состояние человека, то добре действующего, то грешащего, и опять через покаяние вступающего на путь добродетели. Ум у согрешившего не погиб, как некие из нас думают, так же, как и у луны не тело умалилось, а свет. Так через покаяние человек опять возвращает себе свойственную ему светлость, как и луна после умаления опять облекается обычным светом. *Верующий во Христа если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). *И узнаете, что Я, Господь, сказал это — и сделал* (їез. 37, 14).

5. Когда восстанет на тебя мысленно рой вражеских воображений, и ты, поддавшись им, побежден будешь, ведай, что ты на время отделился от Божественной благодати, почему по праведному суду и предан в руки падения своего. Подвизайся же, чтоб благодать никогда, даже на мгновение времени, не оставляла тебя за нерадение твое. Когда же, став выше поскользновения, возможешь ты прейти стену страстных помыслов и друг за другом толпящихся скверных прилогов вражеской злокозненности, не окажись неблагодарен, не признав в сем дара,

Глаголетъ во апѳстолъ: Не азъ же, но благодать вѣѣмъ, ѣже со мною, таково содѣла знаменіе побѣды (а Кор. ѳі, і), и ѿ востаѳщихъ на мѧ скверныхъ помышленій вознесѣ мѧ: и ѿ мѣжа неправедна, сирѣчь дѣвола, и ветхаго челоуѣка избави мѧ. Темже криломъ дѣха возвысивса, и ѿпѣщенъ бывъ ѿ тѣла, возмогохъ полетѣти верхѣ ловѧщихъ бѣсѡвъ, ѣмлющихъ челоуѣческой оумъ сладострастїемъ, ѣже пондѣительнѣ и нѣжданѣ пощрающе предлагають. Изведый мѧ оубо ѿ земли египетскѣа, сирѣчь ѿ дѣшепогѣбели мѣрсѣа, сѣй тайною рѣкою ѡ мнѣ ратѣа, порази амалика, и подаде ми оуповѧти, ѣкѡ и прочыа скверныхъ страстѣй ѣзыки потрѣбитъ гдѣ ѿ лица нашего (Исхѳд. зѣ, дѣ–ѣі). Сѣй вѣтъ нашъ дастъ премѣдрость и силѣ: нѣцын во премѣдрость оубо прѣша, не оубо же и силѣ дѣа, во ѣже побѣдити враги. Сѣй вознесѣтъ главѣ твою на врага твоего, и дастъ ти крилѣ ѣкѡ голубинѣ, и полетѣвъ почѣеши оубо вѣа (Псал. нд, з). Положитъ гдѣ лѣкъ мѣданъ мышцы твоѣ, тверда и скоро и крѣпка показѣа тѧ на сѣпостѧта, испинаа подъ тѧ всѧ противѧщыасѧ тебѣ (Псал. зѣ, лѣ). Воздаждь оубо гдѣви благодареніе ѡ чистотѣ, ѣкѡ не затвори тѧ въ рѣкахъ похотей плѳти твоеѧ и крове, и оупраждѧющихѧ въ сѣхъ тлетворныхъ и нечистыхъ дѣхѡвъ, но оутверди тѧ десницею своею: созижди емѣ олтарь, ѣкоже и мѡисѣй по ѣже побѣдити амалика (Исхѳд. зѣ, ѳі). Сегѡ ради исповѣмса, и восхвалю тѧ гдѣи, и имени твоему воспѡю, величѧа силы твоѣ (Псал. зѣ, н), ѣкѡ избавилъ еси ѿ тли животъ мой, и исхитилъ мѧ еси ѿ сѣтѣй и ловленій оудобовѣстоѧтельныхъ и многообразныхъ и оутреннѣа слѡбы.

Ѣ. Возжигаютъ въ насъ скверныа страсти, и ѡбновляють, и возвышаютъ, и оумножаютъ лѣкавіи бѣси: посѣщеніа же бѣжественнаго слѡва, и паче же лѣаніемъ

свыше тебе данного; но исповедуй, с апостолом говоря: *не я, но благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10), соделала во мне сию победу, поставила меня выше восставших на меня нечистых помышлений, и *от мужа неправедного*, то есть от диавола и от ветхого человека, *избавил меня* (Пс. 17, 49). Почему крылами Духа поднятый горѣ, и отрешившись как бы от тела, силен я был парить выше охотящихся за мною бесов, обычно уловляющих ум человеческий сетью сластолюбия, избавление от которого вымоливший себе взывает: *изведший меня из земли Египетской, то есть из душегубительного міра, рукою тайною ратуя за меня, порази Амалика и обнадежил меня, что и прочие непотребных страстей народы истребит Господь от лица нашего* (см. Исх. 17, 14–16). Сей Бог наш даст премудрость и силу: *ибо некие премудрость получили, но не и силу Духа на побеждение врагов. Сей вознесет главу твою над врагами твоими и даст тебе крылья, как у голубя, и полетишь, и почиешь у Бога* (см. Пс. 54, 7). Положит Господь *мышцы твои луком медным*, показывая тебя твердым, скорым и сильным противостоять сопротиворцу, и под ноги твои повергая всех восставших на тебя (Пс. 17, 35–40). Воздай убо благодарение Господу за сохранение чистоты твоей, что не затворил Он тебя в руках похотей плоти твоей и крови и действующих через них нечистых и тлетворных духов, но, как стеною, оградил тебя десницею Своею. Созижди Ему алтарь, как Моисей по обращении в бегство Амалика (см. Исх. 17, 15), и воспой Ему: *посему я исповедаюсь Тебе и восхвалю Тебя, Господи. И буду петь Твоему имени, величая силы Твои* (Пс. 17, 50–51), что избавил Ты от тли живот мой и похитил меня из сетей и уловлений удобообстоятельной, многообразной и многоискусной злобы.

6. Возжигают в нас нечистые страсти, обновляют их, возвышают и размножают злые бесы, а размышления о Божественном слове, особенно с изливанием слез бываю-

слѣзъ бываюцѣмъ мертвотворѣтъ (оумерщвлѣютъ) ст-
расти, ꙗже и многоврѣменны сѣтъ, и разорѣютъ, и по-
малѣ малѣ въ небытїе превращаютъ гвѣбительнаѣ души
и тѣла согрѣшительнаѣ дѣйствиѣ: точїю мы да не
оуныемъ, еже молитвою и оупованїемъ неослабнымъ и
безстыднымъ пристѣдѣти гдѣви.

з. Почто изъ оустъ злобою младенчествующихъ вѣр-
ныхъ, хртосъ совершаетъ хвалѣ; точїю воистиннѣ, да
пѣснопѣнемъ разрѣшитъ врага и мѣстника, мѣстниче-
льствуюца вельми: врага оубо добродѣтелей, мѣстника
(защитника) же злобы дїавола. Тѣмже и мы влкъ про-
стотою сѣрдца поюще, сокрѣшаемъ же и разрѣшаемъ
кѡзни вражїи: множествомъ бо славы твоеѣ стѣрлѣ еси
сѣпостѣтвѣи и сопротивныхъ, рѣтвующихъ ны.

и. ꙗже кто есть по видѣ и звергъ, полъ глаголетса
нынѣ ѿ плотскихъ похвѣти, дрѣгѣю же полъ въ бѣдѣ-
щемъ вѣцѣ: пѣти бо своегѡ плоды кїждо познаетъ.

ѣ. Добрѣйшее пощенїе, и не прельщѣтисѣ страстьми,
произволѣти долженъ есть инокъ, и велико безмолвїе
воздѣловати вынѣ.

и. Ненавїдѣщїи души наша вѣси совѣтѣютъ нѣ-
кїимъ, ꙗкѡ стѣденѣ нѣкѣю похвалѣ намъ даровати,
таже ѡ сѣмъ возвеселїтисѣ насъ подѣщѣютъ. ꙗже оубо
разслабившесѣ мнѣнїемъ, дамы мѣсто и тцеславію, не
оутомлѣютсѣ прочее вразїи наши плѣнїти насъ.

аї. Прїими паче рѣгающагосѣ тебѣ, нежели похва-
лающагѡ, ꙗже ничтоже разнствѣетъ кленѣцагѡ, писано
есть.

бї. Егда ѡ постнѣи потцѣвсѣ добродѣтели, немоци
ради погрѣшѣши елѣ, и сокрѣшишь сѣрдце, на благо-
даренїе прилагѣшисѣ всѣхъ промысленника и сѣдїи.

щие, умерщвляют их и истребляют, хотя бы они были за-
коренелы, и мало-помалу как бы не сущими делают па-
губные греховные действия, душевные и телесные: толь-
ко не поленимся молитвою и упованием, неослабными и
неотступными, присесть Господу.

7. Для чего Христос из уст младенчествующих злобою
верных совершает хвалу? Конечно для того, чтоб псалмо-
пением сокрушить врага и мстителя, тиранствующего без
меры, врага добродетелей, мстителя злобного, дїавола.
Ибо, говорится, *величием славы Твоей Ты низложил
восставших против Тебя* (Исх. 15, 7) и супостатов,
ратующих против нас.

8. Тот, кто, как урод (έκτρομα) деформировался гре-
хом (αμαρτία), ныне, от плотских (σαρκικά), поест
(κατατροφή) лишь половину. Другую половину (в виде
наказаний (ποινές)) — в будущем веке. Ибо каждый по-
знает плоды своего пути.

9. Монах должен держаться всегда добрейшего поще-
ния, не прельщаться страстями и великое воздѣлывать
безмолвїе.

10. Ненавистники душ наших, бесы, внушают неким
воздать нам какую-либо ничтожную похвалу, а потом и
нас подущают порадоваться о том. Если после сего, рас-
слабев от самомнения, дадим место и тщеславию, то вра-
гам нашим немного уже будет и труда совсем забрать нас
в плен.

11. Принимай лучше поносящего тебя, чем хвалящего,
который, по Писанию, ничем не разнится от клянущего
(см. Притч. 27, 14).

12. Когда, ревностно проходя подвиг пощения, по не-
мощи послабишь себя в нем, тогда, сокрушив сѣрдце, об-
ратись с благодарением к Промыслителю и Судии всех.

ѿще сегѡ ради смиренна вѣнѡ показѡши себѣ гдѣви, и ни на еди́наго когда́ челоуѣка вознесѣшиса.

҃҃. Вѣдаа врагъ моли́твѡ намъ оубѡ сщцѡ побѡрнѡ, томѡ же навѣтнѡ, и ѡторгнѡти насъ ѡ сеа тѡцаса, въ желаніе насъ влагае́тъ е́ллинскихъ словесѡ, ѡ ни́хже ѡстѡпнѡмъ, и ѡ се́мъ оупражнѡтиса подѡцаетъ: е́мѡже да не повинѣмса, да не ѡ ѡсей своегѡ земледѣльства заблѡждше, вмѣстѡ смѡквѡ и грѡздѡ, те́рнїе и волчцы ѡберѣмъ: премѡдрость бо міра сегѡ, вѣйство оубѡ вѣа вмѣни́са (а́ Кор. ҃, ҃҃).

҃҃. Радость, глаголетъ, вѣлію благоуѣствѡю вамъ, ѿже бѡдетъ всѣмъ людемъ (Лѡкѡ в, ҃), не части люде́и. И, вса́ земля да поклѡнитса тебѣ, и поетъ тебѣ (Псал. ҃ѣ, ҃): не бо подѡбае́тъ части земли. Пѣнїе же нѣсть со слезамнѡ мола́щихса, но радѡющихса. ѿще оубѡ сѡа́ та́кѡ сѡтъ, никогда́же да ѡчаемса, но благоуѡшни настоа́щее да пре́идемъ житїе, ѡсюдѡ ѡныа радости и благоуѡшїа прїемлюще мы́сль: ѡба́че вѡжественнымъ стра́хомъ веселїе растворїмъ, ѿкоже глаголетъ: радѡитеса гдѣи сѡ трѣпетѡмъ (Псал. в, ҃҃). Ибо ѿже ѡ марїи со стра́хомъ и радѡстїю вѣлію вѣжаша ѡ грѡба: негли и насъ нѣкогда свазѡетъ и радѡсть, ѡ мы́сленнагѡ оустремїмса грѡба. Оудивлѡюса бо, ѿще безъ стра́ха, занѣже никтѡже безгрѣшенъ, ѿще бы и мѡу́сеѡ, ѿще бы и пѣтрѡ а́пѡстѡлѡ вѡлѡ: но ѡба́че въ таковы́хъ вѡжественнаа любѡи побѣдївши, вѡнѡ изгѡнитъ стра́хъ во вре́мѡ исхо́да (а́ Іѡан. ҃, ҃҃).

҃҃. И́кѡ ѿще встра́стенъ вѣровавъ всесердечнѣ, и смири́вса, прїемлетъ дарѡванїе безстра́стїа, и маши свидѣтельствѡющее писанїе: днѣсь бо глаголетъ, со мною бѡдеши въ рай (Лѡкѡ к҃г, м҃г): и, вѣра твоа́ спасѣ

Если так будешь всегда смиренным являть себя пред Господом, то никогда ни пред одним человеком не вознесешься.

13. Враг, зная, что молитва есть самое победоносное для нас оружие и для него сокрушительное, и стараясь всячески отторгнуть нас от нее, влагает в нас иногда желание заняться еллинскими писаниями, от которых мы отстали. Но не будем слушаться его внушений, чтоб не уклониться от законов и порядков нашего делания духовного, и не собрать вместо смокв и гроздей виноградных терний и волчцев. *Ибо мудрость міра сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19).

14. *Радость великую*, — говорит Ангел, — *возвещаю вам, которая будет всем людям* (Лк. 2, 10), а не части некоей. И еще: *вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе* (Пс. 65, 4), а не часть земли. Петъ же свойственно не слезно молящимся получить что, а радующимся о получении желаемого. Если это так, то не будем отчаиваться, но, радуясь, будем проводить настоящую жизнь, из сказанного заимствуя побуждение к такой радости и благодушию. Однако ж, страхом Божиим растворим сие радование, как говорится в другом месте: *радуитесь Господу с трепетом* (Пс. 2, 11). Так жены, бывшие с Мариною, со страхом и радостью великою бежали от Гроба (см. Мф. 28, 8). Может быть и мы когда-нибудь со страхом и радостью от мысленного устремимся гроба. И дивно будет, если без страха, потому что никто не безгрешен, хоть будь Моисей, хоть Петр апостол. Однако ж в таковых Божественная любовь, победив, вон изгоняет страх в час исхода.

15. О том, что страстный, уверовав от всего сердца и со всем смирением, получает дар бесстрастия, имеешь свидетельство в Писании. *Ныне*, — говорит Господь благоумному разбойнику, — *со Мною будешь в раю* (Лк.

та, иди въ миръ блаженнѣйшаго безстрастіа (Марк. ѳ, ѿд). И, елика таковаобразна, и въ сѣмени созрѣетъ гробздъ: и, по вѣрѣ ваю вѣди вама (Матф. ѳ, ѿд).

ѿ. Егда приболѣзненнѣ противъ страстемъ ѡверѣтающеся, сѣльнѣе стѣдными помышленми ѡ вѣсѡвъ стѣжаеми есмь, тогда наипаче въ вѣрѣ гдней оутверждаимса, и извѣстншъ ѡ ѡбѣтованныхъ вѣчныхъ благихъ показзимъ надеждѣ, еаже лишитиса намъ вразнѣ, и ѡчѣждитиса завистію тцятса. Яце бо не сѣлѡ велика быша были она блга, не быша толикою завистію на ны вѣсове возжэгшеса, скверными пѡмыслы частѣ стрѣлѣти: поне симъ неистовство свое извѣстно творити мнѣще, и ко ѡчѣанію насъ спорѣвати нещѣюще, несноснымъ и многимъ стѣженіемъ.

ѿ. Разумъ истиннѣйшъ нѣцыи быти дѣаніе ѡпредѣлѣютъ. Тцитса оубо наипаче дѣлы и вѣрѣ и разумъ показовати: ѡ разумѣ бо единѣмъ воскичавыйса, оуслышитъ, ѿкв вѣа исповѣдуютъ вѣдати, а дѣлы ѡмѣщѣтса егѡ.

и. Якв наинѡжайше во время прѣзникѡвъ и свѣтыхъ собраній, и паче же егда иматъ кто къ тайнѣй трапѣзѣ пристѣпати, тогда скверными мечтаніи и теченіемъ сѣмене пѡстника вѣсове ѡсквернити тцятса: но ниже симъ да сокрѣшатъ, или раслабятъ всѣ терпѣливнѣ и доблественнѣ носити ѡбѣченнаго: ниже да хвалѣтса на ны дѣворастлители, ѿкв правн.

ѿ. Правъ и оусердію вразнѣ ѡмщеваютъ, различными и неизреченными искѣшенми дѣшѣ зашѣюще: ѡ скорбей же многихъ и несповѣдимыхъ вѣнець тебѣ плетѣтса, и въ немоцехъ же совершается сила хртѡва (ѿ Кор. ѳ, ѿ), и въ печальншихъ оустроеніихъ процвѣтати ѡбыче благодать дѣа: возсіа бо во тьмѣ свѣтъ прѣ-

23, 43); жене кровоточивой: *вера твоя спасла тебя; иди в мире* блаженнейшего бесстрастия (Мк. 5, 34). Есть и других подобных мест немало, как: *по вере вашей да будет вам* (Мф. 9, 29).

16. Когда, строго относясь к страстям, сильнее от бевсов бываем стужаемы срамными помышлениями, тогда наипаче да утверждаемся в вере Господу, и крепчайшее да восставляем в себе упование обетованных вечных благ, которых лишить и от которых отчуждить нас стараются враги наши по зависти. Ибо если блага сии не были крайне велики, то бесы не горели бы такую к нам завистью и не устреляли бы нас так часто скверными помыслами, чая хоть этим удовлетворить злобе своей и думая вогнать нас в отчаяние многократным этим и несносным стужанием.

17. Некоторые определяют, что истиннейшее знание есть действие [по истине узнанной]. Итак, старайтесь паче делами показывать и веру и знание; ибо кичащийся одним знанием услышит: *показывают, что они знают Бога, делами же отрекаются Его* (Тит. 1, 16).

18. Большею частью во время празднеств и святых собраний, особенно же когда кто намеревается приступить к Таинственной трапезе, бесы стараются осквернить подвижника срамными мечтаниями и истечением семени. Но и этим не успевают они сокрушить или расслабить навыкшего все переносить терпеливо и мужественно. И пусть не хвастают на наш счет эти в дугу сгибающиеся [подобно змиям], будто прямые.

19. За постоянство и ревность враги отмщают, заушая душу различными и несказанными искушениями. Но мужайся! Этими скорбями великими и неисчетными сплетается тебе венец. К тому же *в немоци совершается... сила Христова* (2 Кор. 12, 9), и в печальнейших состояниях обывла процветать благодать Духа, как уверяет слово

вымъ (Псал. раі, в), аще оубо дерзновѣніе и похвалѣ оупованіа даже до конца извѣстнѣ оудѣримъ.

к. Ничтоже такъ истреблѣти добродѣтель ѡбыче, ѡкоже кощны, и еже играти, и празднословіе. И напротивъ ничтоже такъ ѡветшавшю ѡбновлѣтъ дѡшѣ, и приближитисѣ къ бгѡви оустроѣтъ, ѡкоже страхъ бжій, и доброе вниманіе, и еже побчатисѣ непрестаннѣ словесемъ бжїимъ, и молитвою себѣ вооружати, и бдѣніа прѡвѣрѣтеніе ислѣдовати.

ка. Приличнѣйше кѡпнѣ и полѣзно дѡшї, еже твѣрдѣ носїти всѣмъ скорбь, или ѡ челѡвѣкѣ, и ѡ бѣсѡвѣ навѡдїмѣ, и вѣдѣти извѣстнѣ, ѡкѡ должницѣ есмѣ оудрѡченїа. И никогѡже иного, тѡчїю единаго себѣ всегда порїцати: иного бо ѡ своїхъ скорбнѣхъ порїцаѣм, по ползѣсѣ ѡ праведнагѡ приличности сѣдѣ.

кв. Овогда ѡ деснагѡ челѡвѣкѣ ѡдвїжитсѣ (оудалѣтсѣ) стоанїа, аще бы и тцаливѣ былѣ, оумножившымсѣ искѡшенїамъ, и зѣтѣпаѣ ѡ своегѡ чїна: за еже всѣй егѡ, ѡкоже глаголетъ писанїе, поглощеннѣй быти мѡдрости же и хѡдѡжествѣ (Псал. рѣ, кз). Икѡ да не оупѡвающе вѣдемъ на сѣ, и да не похвалїтсѣ иїль глагола: рѡка моѣ спасѣ ма (Сѡдѣй з, в). Но оупѡвай паки оустроїтисѣ въ прѣжнемъ красномъ оустроенїи, ѡпадшѣ ѡ тебѣ бжѣственнымъ велѣнїемъ, и ѡгнанѣ бывшѣ лѡкавомѣ, иже всѣ оубо страстнѣ и вїдѣти и слышати подѡцѣаетъ, и ко грѣхѣ побѡждаетъ: ѡдебелївѣ же оумъ ѡкоже ѡблакомъ гѡстїмъ, творїтъ и плѡтъ ѡцѣцати неизреченнѣ тѡготѣ же и брѣма: и всажденнѣй помѣслъ прѡстѣ нѣкїй сѡцѣ и непритворенѣ, по подобїю новорожденнѣхъ младенцевѣ, различенѣ показѣтъ, и сѣлѡ многонскѡсенѣ всѣческагѡ грѣхѣ, ѡбаавѣ и превратївѣ сего къ нечїстѡтѣ прикло-

пророческое: *возсиял*, — говорит, — *во тьме свет правым* (Пс. 111, 4); конечно, *если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца* (см. Евр. 3, 6).

20. Ничто так не расстраиывает обычно доброго настроения, как смехи, шутки и празднословия. И опять ничто так не обновляет обветшавшую душу и не уготовляет к сближению с Богом, как страх Божий, доброе внимание, непрестанное поучение в словах Божиих, вооружение себя молитвою и взыскание доброплодного бденія.

21. И удобно и вместе душеполезно твердо переносить всякую скорбь, людьми ли она причиняется или бесами, зная, что мы заслуженно подлежим всякой тяготе и никого при том, кроме себя самих за то не укоряя. Другого укоряющий в своих прискорбностях уклоняется от правого подобающего сужденія.

22. Бывает, что человек сдвигается с правого стоянїа, хотя он и старателен, выступая из своего чїна по причине умножившихся искушений, которыми, как говорит Писанїе, *и вся мудрость его поглощена была* и все искусство (Пс. 106, 27). Попускается сїе, *чтобы не надеяться на самих себя* (2 Кор. 1, 9), и *чтобы не возгордился Израиль... говоря: «моя рука спасла меня»* (Суд. 7, 2). Но упѡвай, что опять восстановлен будешь в прѣжнее прекрасное состоянїе, когда повеленїем Божиим отпадет от тебя и отогнан будет лукавый, который заставляет все и видеть и слышать страстно и на грѣх подвїгает; одебелїв же ум как бы облаком густым, и плѡти дает чувствовать неизреченнѣй тяготу и бремя; и врожденнѣй помѣсл, который сам по себе прѡст и не лукав, подобно новорожденнѣм младенцам, делает многосоставнѣм и очень искуснѣм во всяком грѣхе, растлїв его и извратїв склоненїем то туда, то сюда.

нѣнѣмъ.

ѿг. Велика нѣкаа вещь человекъ, растый внутри, и величаемъ добродѣтели: но обаче сей великій боится грѣха, якоже мыши слонъ, да не какъ инымъ проповѣдавъ, самъ неключимъ вѣдетъ (а Кор. ѿ, кз).

ѿд. Не точію близъ скончаніа міра діаволъ словеса възглаболетъ на вышнаго (Даніил. з, ке), якоже глаболетъ даніилъ: но оубо и нынѣ нѣкогда тяжкіа чрезъ помыслы нашъ до самаго тогò невесе възсылаетъ хулы: и на самаго хула вышнаго, и на созданіа егò, и на стѣа хртòвы тайны. Но мы водржѣни сѣще на камени разума, да не оубоимса ѡ сихъ, ни да оудивимса ѡ дерзости нечестиваго: вѣрѣ же и молитвѣ теплѣшѣ оупотребляюще, и свѣшнее посѡбїе полчїише ѡмцеваемъ врагѣ.

ѿе. Ратѣа и поношаа съ дерзостїю находитъ врагъ на дѣшѣ изшедшю ѡ тѣла, клеветникъ бывъ горекъ же и страшенъ ѡ согрѣшенныхъ. Но возможно єсть видѣти тогда боголюбивю и вѣрнѣйшю дѣшѣ, аще и множицею оуазвлена бысть грѣхами, не оужасающюса ѡнагѣ стремлѣнїи же и преценїи: но паче оукрѣплѣмъ ѡ гдѣ, и воскрилѣмъ радостїю, и дерзотворимъ наставляющими свѣтлыми силами, и ѡстѣнѣемъ свѣтомъ вѣры, и противозывающѣ со многимъ дерзновѣнемъ лѣкавомъ діаволѣ: что тебѣ и намъ, чуждый бѣа; что тебѣ и намъ, вѣжателю небесныхъ и рабе лѣкавый; не имаша ты власти надъ нами: хртòсъ во снѣ вжїи, надъ нами же и надъ всѣми власть имать: томѣ согрѣшихомъ, томѣ и ѡвѣтствовати вѣдемъ, ѡврѣченїе (залогъ) имѣще еже къ намъ милосердіа и спасенїа, крестъ сегò честный. Ты же вѣжи далече ѡ насъ гвѣителю, ничтоже тебѣ и рабѡмъ хртòвымъ. Сїа глаболющей дѣши съ дерзостїю, плещи прѡчее даетъ діаволъ, и вопїетъ плачѣса: не възмѡгъ противостати имени

23. Великое нечто есть человек, возрастающий внутри и величаемый за добродетели. И, однако ж, сей великий боится греха, как слон мыши, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным (1 Кор. 9, 27).

24. Не только пред скончанием міра диавол *против Всевышнего будет произносить слова*, как говорит Даниил (Дан. 7, 25); но и ныне бывает, что он через наши помыслы воссылает тяжкие хулы на самое Небо, и Самого Всевышнего бесславит, и создания Его и Святые Христовы Таинства. Мы же, твердо стоящие на камне ведения, не должны бояться сего и дивиться дерзости этого нечестивца, но верою и теплейшею молитвою вооружась и вышнего сподобясь пособия, смело отвечаать врагу.

25. С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что изшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ее. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильною в Господе, окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее Небесные Силы, и как стеною ограждающий ее свет веры, и с великим дерзновением взывает против злого диавола: что тебе и нам, чуждый Богу? Что тебе и нам, сверженный с Неба и раб лукавый? Не имеешь ты власти над нами; власть над нами и над всем имеет Христос, Сын Божий; Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим, имея ручательством милосердие Его к нам и спасения в Нем Честный Его Крест. Ты же беги дальше от нас, окаянный. Ничтоже тебе и рабам Христовым. От таких дерзновенных слов души хребет наконец даст диавол, раздрающий испуская крик, в бессилии устоять против имени Христова; душа же превыше его будучи и пара над вра-

хрѣтѣвъ. Превышше же сѣщи дѣша, паритъ верхѣ врагѣ, зашѣяючи егѣ, ꙗкоже глаголемый борзокрилъ врана. И по сихъ радѣющиха ѿ вѣжественныхъ аггль преноситса въ мѣста ѡпредѣленная ей по оустроенію еѣ.

ѣс. ꙗкѡ и малымъ нѣкимъ искѣшеніемъ по попѣщенію возбранѣемъ естъ предѣспѣти тцаливыи, да оувѣрѣетъ тѣ, ехеннѣ (корабледѣржица), малѣйшаа рыбица, тьмами ѡвременѣнъ корабль прикосновеніемъ единѣмъ оупразднѣющаа, и предити возбранѣющаа, и помани всѣкѡ глаголющаго: ꙗкѡ азъ толікій павелъ единою и двѣжды восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возврати намъ сатана (ѣ Гол. Ѣ, иі). Но не сегѣ ради да сматѣшиса, противоподвизайса же паче терпѣніемъ, и получиши благодать.

ѣз. Иже добродѣтелями сѣлѡ и звѣилѣай, ꙗще оуныніемъ оуклонитса ѿ подобающагѡ, восхѣдатъ на него сынове злыхъ востѡкъ ѿ амалика, и паче же мадіамъ (сѣдѣй 5), блудлюбиваа сила, съ вельюды своїми, сирѣчь со страстными пѣматями, иже нѣсть числа, и разорѣютъ всѣ плоды земныа, сирѣчь и зрѣднѣйшагѡ дѣаніа же и обычаа. И тогда прочее ѡбнищавѣетъ ийль, и сѣлѡ малодѣшествѣетъ, и понѣждаемъ естъ возопити ко гдѣ. И тѣкѡ посылаетса съ небесе помыслъ блѣгъ, гедѣѡнѣ подражающъ многою вѣрою и смиренномѣдріемъ: тѣсаща бо молъ, речѣ, хѣждаша въ манассин, ꙗкѡ ѡполчитса на толікаа множества, тремі стѣи немощными челѡвѣки, и знаменіа повѣды преслѣвнѡ поставити на сопротивнымъ спѡборствомъ благодати.

ѣи. Не оубѡ возможеши на ѣспіда и васіліска наступити, и прѡчѣа, ꙗще не многою мольбою бѣа оумолівъ пріимеши повѡрникѡвъ аггль ѡвлегчавѡющихъ тѣ своїми рѡками, и горѣ тѣ творѣщихъ тимѣннагѡ произволѣніа.

ѣѡ. Егда ктѡ подвизѣетса крѣпкѡ повѣжденъ въ бѣлъ, никтоже да печѣлѣетъ, ниже да оутомлѣетса: но

гом, заушает его, как так называемый быстрокрыл ворону. После сего она в радовании переносится Божественными Ангелами в определенное ей по ее состоянию место.

26. Что и малое некое искушение иногда по попущенію полагает препону в преуспянии ревнителю, да удостоверит тебя в сем ехениис, малейшая рыбица, одним прикосновением своим останавливающая тьмами вещей нагруженный корабль и не дающая ему подвигаться вперед; припомни при том и того, кто говорит о себе: *я Павел, — хотел прийти к вам, и раз и два, но воспрепятствовал мне сатана* (1 Фес. 2, 18). Однако ж, не приходи от сего в смятение, но паче подвизайся против сего с терпением и получишь благодать.

27. Когда богатый добродетелями по разленению уклонится от достодолжного, тогда восстают на него сыны злых востоков от Амалика, наипаче же Мадіам (см. Суд., гл. 6), блудлюбивая сила, с верблюдами их, то есть страстными воспоминаниями, коим нет числа, и растлевают все плоды земли, то есть плоды добрейшего действия и обычая; вследствие чего обнищавает наконец Израиль, впадает в малодушие и понуждает воззвать ко Господу. Тогда посылается ему свѣше блѣгий помысл, подражатель Гедѣону в великой вере и смиренномудрии [ибо он говорил: *тысяча моя худшая в Манасии* (Суд. 6, 15)]; и он ополчается против такого множества нападающих с тремястами человек немощных, и при спѡборстве благодати преславно воздвигает трофеи победы над врагами.

28. Не возможешь ты на аспіда и васілиска наступить и попать *льва и змея* (см. Пс. 90, 13), если, долгим молением умолив Бога, не получишь в спѡборники себе Ангелов, чтоб они, подъяв тебя на своих руках, соделали тебя высшим всякаго веществолюбивого мудрования.

29. Когда кто из крепко подвизающихся будет побежден, да не падает он духом и да не расслабляется нравом,

глаголы исѣи да исправитса, да благодушествуетъ такъва напѣваѣ: Могущіи покарѣйтеса! Съ лѣкѣви бѣси, ѣще во ѡ паки возможете, паки повѣждѣни бѣдете. И ѡже ѣще совѣтъ совѣщаваете, разоритъ гдѣ, ѡкв съ нами бѣтъ ѣсть, бѣтъ низверженныа возставлѣай, и оустроѣай враги наша плакати, внегда быхомъ каалиса.

л. Невозможно ѣсть безъ печали преити наказуемому во искушеніихъ: и посѣмъ многѣа радости исполняются таковыи, и слезъ сладкихъ, и разумѣній бжественныхъ, елицы воздѣлаша болѣзнь и скорбь въ сердцахъ своихъ.

ла. ѡще хотѣ исаакъ: и течѣ нѣкогда исавъ къ желанію благословеніа погрѣшнста (Рим. ѡ, 51): милѣющаго бѣа и блгословѣщаго дхомъ помазѣющаго. Не ѣгѣже мы всѣкѣ восхотѣхомъ, но ѣгѣже бѣтъ, прежде неже создѣати предѣстави въ служеніе. Никакоже да сматѣмса ниже оубѣ завидѣти да ѡмамы, егда оувидимъ братію нѣкѣю оумильну и малѣйшу въ добродѣтели предѣспѣвшю. Слышалъ еси и гдѣ глаголющаго: Дажь семѣ мѣсто, ѡкоже сѣсти выше (Лѣкѣ дѣ, ѡ). Оудивлѣемса же паче ѡ сѣхъ сдѣи премѣдрѣ и неизреченнѣ сдѣившѣ, ѡномѣ оубѣ малѣйшемѣ и послѣднемѣ первенствовати и наставляти: намъ же послѣднимъ быти, побстничествомъ и временемъ паче ѡнаго первенствѣющимъ. Коемѣждо во человекѣ, ѡкоже раздѣли гдѣ, такъ и ходити да ѡмамы: ѡще дхомъ живѣмъ, дхомъ и да ходимъ (Галѣт. ѣ, кѣ), по писанномѣ.

лв. Никогдаже прѣемли сѣщаго въ повиненіи твоѣмъ, даждь ми, глаголюща тебѣ, власть нѣкое время на добродѣтель, сѣю, или сѣю вещь искусити, и такъ исправити: такъ во глаголаи, ѡавѣ ѣсть, ѡкв своѣ совершѣай волю и добрѣйшаго повиненіа слѣги (ѡбѣ-

но под действием слов Исаии выпрямься, да благодушествует, такую воспевая песнь: *крепкие покарѣйтесь, о лукавые бесы! Если снова укрепитесь, то снова будете покорены; и если замыслите совет, разорит Господь, ибо с нами Бог* (Ис. 8, 9–10), Бог, восставляющий низверженных и заставляющий врагов наших раздираться скорбью и досадой, коль скоро покаемся.

30. Невозможно миновать печали тому, кто обучается искушениями, но после сего великой сподобляются радости таковыи и слез сладких, и помышлений Божественных, за то, что болезнование и сокрушение возделали в сердцах своих.

31. Если ни хотящий Исаак, ни текущий Исав к желанному благословию не получили чаемого (см. Рим. 9, 16), так, как Бог милует, благословляет и Духом помазует не того, кого мы восхотели, но того, кого Он Сам, прежде создания, предопределил в служение Себе; то отнюдь не будем смущаться или завидовать, когда увидим каких-либо братьев, жалких и последних, преуспевающими в добродетели. Слышал ты, конечно, и то, что говорит Господь в притче: *уступи ему место* (Лк. 14, 9), чтоб возлег тут тот, кто выше тебя. Подивимся же паче при Сем Судии, премудро и неизреченно присудившему, чтоб тот, малейший и последний, первенствовал и предводительствовал, а мы были последними, хотя первенствуем над ним и подвигами и летами. Какую меру Господь дал каждому человеку, с тою и да соображаемся. *Если мы живем духом, то по духу и поступать должны*, как написано (Гал. 5, 25).

32. Никак не соглашайся, когда находящийся у тебя на послушании скажет тебе: дай мне власть некоторое время для добродетели попытать то или другое дело, и совершать его так и так. Ибо говорящий так явно свою волю

ты) ѿмѣщеть.

лг. Страсти оубо плоти и души, якоже оузриши, временем, и бжественнымъ маніемъ (хотѣніемъ) потребатся, аще и приращены (оумножены) сѣть: милость же хртѡва никогдаже разоритца: милость бо гдѡа, ѿ вѣка сегѡ и до вѣка вѣдѡцагѡ на боѡщихса егѡ (Псал. рѡ, зѡ).

лд. Сокровища царска оумножатся злата, и оумове сѡщихъ воистиннѡ инѡкъ исполнатся разумѡ.

ле. Овогда оучитель въ безчестіе предаётся за дѡхѡвнѣ пользовавшихса искѡшеніѡ терпѡ: мы бо глаголетъ, безчестни и безчестими пакостникомъ и немощни: вы же славы и крѣпцы ѡ хртѣ есте (ѡ Кор. д, г).

лз. Источникъ и подлогъ (вина), еже плотию тлѣніѡ страстный помыслъ, ебоже поканіемъ изпредѣлетъ (изгонитъ) ѡ души, трезвенъ бывый по падѣніи: добръ бо плакасте паче, да измется ѡ среды васъ подѡстивый дѣло сѣе содѣлати лѡкавый и неподѡбный помыслъ (ѡ Кор. е, в). Тѣмже плачь сопротивлется дѡхѡ тлѣніѡ.

лз. Кто возвеститъ изгнѣтѣнномѡ безславіемъ и безсиліемъ добродѣтелей, ѡкѡ оузритъ ииса не точію въ вѣдѡщемъ, но и здѣ оуже съ силою и славою великою градѡца къ немѡ безстрастіемъ. Якоже реци ѡкѡ сарра души въ неплодствѣ состарѣвшейся, и паче члнѡ рѡдшей сына правды, ѡкѡ смѣхъ мнѣ сотвори бгѡ: сирѣчь, величайшѡ радость дарѡвѡ мнѡжайшими лѣты ѡпечаленномѡ многострастіемъ. Или якоже инѡ толкователь издаде: младость мнѣ сотвори бгѡ: сирѣчь, ѡбнови́са ѡкѡ орла юность моѡ (Псал. рѡ, е), ѡбетшавша прежде во грѣсѣхъ и страстѣхъ безчестіѡ: нынѣ бо паки роди́хса, и паки юнѡ есмь и магокъ ѡжесто-

исполнять хочет, а заветы добрейшего послушания отмечает.

33. Страсти плотские и душевные, как увидишь, временем и Божиим мановением истребятся, хотя бы их и много было; милость же Христова никогда не пресечется. Ибо *милость же Господня от века сего и до века грядущего на боящихся Его* (Пс. 102, 17).

34. Сокровищницы царские наполняются золотом, а умы истинных монахов исполняются ведения.

35. Бывает иной раз, что учитель предается бесчестию и подвергается искушениям за получивших от него духовную пользу. Ибо, говорит, *мы в бесчестии*, — бесчестимы будучи пакостником плоти, — *мы немощны, а вы крепки; вы в славе... о Христе* (1 Кор. 4, 10).

36. Источник и опора растления через плоть — страстный помысел. Но отрезвившийся после падения изгоняет его из души покаянием. Ибо, говорится, лучше бы было, если б вы поплакали, *дабы изъят был из среды вас настроивший вас сделать такое дело*, злой и непотребный помысл (1 Кор. 5, 2). Так плач противостоит духу растления.

37. Кто возвестит угнетенному бесславием и бессилием к добродетелям, что он узрит Иисуса не только в будущем, но еще здесь, с силою и славою многою грядущего к нему через бесстрастие? Так что, подобно Сарре, душа его, состарившаяся в бесплодии и по обетованию родившая наконец сына правды, скажет: *смех сделал мне Господь* (Быт. 21, 6), то есть великую даровал радость, столь много лет в печали пребывшую по причине многострастия; или по другому переводу: *младость сотворил мне Бог*, и обновилась, подобно орлу, юность моя (Пс. 102, 5). Ибо состарившись прежде во грехах и страстях бессчетных, ныне снова родилась я и стала юною и неж-

чѣнный прѣжде веществѡмъ, и глѣдцѣ вѣждѣ нынѣ прочее ꙗже въ мѣрѣ вещи: прѣемъ ѣже по естествоу простое неразличное здравѣ бывшѣ оумѣ многомилосѣрдѣемъ вѣжимъ. И бысть плѡть моѣ ꙗкоже неемана сѣрианина, ꙗкоже младенцевъ, за ѣже измытисѣ ми во иорданѣ рѣзѣма, и есмь единомысленъ благодѣтѣю вѣтею, избавленъ совѣта змиева и полка, ꙗже противѣ естествоу стажавъ первѣе многоискѣсныхъ же и многовещественныхъ пѡмыслѣ слѡбы.

лн. Вмѣни къ тебѣ глаголати гдѣ, ꙗкѡ во время нѣкое ѡахъ ѡ тебѣ сѣ и сѣ дарованѣе, ѡ нихъже нещевалъ еси оумѣ твоѣ извѣствовати и почивати: дахъ же тебѣ вмѣстѣ сѣхъ ино равноважно дарованѣе сѣ и сѣ. Ты же ѡагала оубѡ помышлѣа: данна же паче онѣхъ не созирѣа, драхлѣши и болѣзнѣши и печалѣю оумзвлѣшисѣ. Но веселиши мѣ, прѣемла скорбь ѡ менѣ (ѣ Корин. ѣ, ѣ): скорбь во творю азь на пользѣ, спасти паче, а не погубити оустроѣа вмѣненнаго ми сына.

лѡ. Заповѣждь себѣ и оузакони не ꙗсти рыбы, и назирѣй по сѣхъ, ꙗкѡ къ желанѣю рыбы нехслабнѣ врагъ порѣваѣтъ тѣ, и ты паки подобнѣ къ наслажденѣю невольнагѡ тебѣ неистовнѣ тѣишиши, ꙗкѡ да набчѣешиши ѡ адамнихъ ѡбразнѣ слѣчаахъ: слышавъ во онѣ, да не ꙗси ѡ сѣа единыа вещи, на сѣа паче со многимъ желанѣемъ единѣ ѡреченнѣю (возбраненнѣю) потечѣ.

лѣ. Инаго оубѡ рѣзѣмомъ бгѣ спасѣетъ, а инаго простотою и незлѡбѣемъ: вѣдѣти бо долженъ еси, ꙗкѡ не ѡринетъ бгѣ незлѡбѣаго.

лѣа. Елицы молитвѣ сѣльнее оупотреблѣютъ, сѣи ѡстрашнѣхъ и свирѣпѣхъ искѣшенѣи пѣнѣеми сѣтъ.

лѣв. ꙗще въ безстрастѣе произволилъ еси ѡдѣлѣтисѣ, не безъ попеченѣа бѣди, но и елика сила, тѣиши сѣа полѣ-

ною, прежде бывши огрубелою от вещества, и легко уже ныне смотрю на мѣрские вещи, восприяв свойственную мне по естеству простоту и безразличность, после того, как по многоблагоутробию Божию здравым соделался ум мой, и плѡть моя стала, как у Неемана Сирианина, подобною плѡти младенцевъ, чрез омытие мое в Иордане ведения; теперь я единоправна, по благодати Божией избавившись от мудрования змиева, и от полчища злых помысловъ, многоискусныхъ во зле и многовещественныхъ (погруженныхъ в чувственность).

38. Предположи, что Сам Господь говорит тебе: «В одно время Я отнял у тебя такой-то и такой-то дар, в которых ты удовлетворялся умом и упокоевался; и дал тебе вместо них другое равносильное им дарование такое и такое. Ты же, думая об отнятом и не обращая внимания на данное вместо того, стенаешь, болѣзнуешь и печалью уязвляешься; но радуешь Меня, *принимая скорбь от Меня* (2 Кор. 2, 2), ибо Я скорбь причиняю на пользу, спасти паче, а не погубить заботаюсь почитаемого сыном Мне».

39. Наложу на себя заповѣдь не есть рыбы, и смотри, как враг после того начнет неустанно гнать тебя к похотению рыбы. И как равно и ты сам неистово начнешь устремляться ко вкушению того, чего и желать тебе не следует, да испытаешь примерно случившееся с Адамом; ибо и он, услышав: «вот от этого древа не ешь», на это одно запрещенное и устремился со всем похотением.

40. Иного Бог спасает разумностью, а иного простою и незлѡбием; ибо ведать тебе надлежит, что Бог не отринет незлѡбѣаго.

41. Которые сильнее налегают на молитву, те подвергаются более страшным и свирѣпым искушениям.

42. Если облещисъ в бесстрастѣе предызбран ты, не предавайся беспечности, но сколько сил есть — старайся

чѣти: въздыхаемъ бо, въ жилище наше небесное ѡбле-
щїса желюще. Да пожертво вѣдетъ не точію тѣлеснѣ по
скончанїи вѣка, но и здѣ оуже мысленнѣ во ѡбрѣченїи
мертвенное животомъ (вѣ Кор. е, вѣ и д): пожертва бо
бысть смѣрть побѣдою (а Кор. еі, нд), и пожертвы вѣ-
дѣтъ вси егїптяне ѡскорбляющїи насъ и гонящїи въ
слѣдъ насъ, волнами съ небесѣ намъ низпосланныя си-
лы.

мг. Яще завѣдеши рѣкшагъ: ѡкв боюса, да не какъ
инымъ проповѣдаа, самъ неключимъ вѣдѣ (а Кор. ф,
кз): и мнѣиса стоати, да блюдетса да не падѣтъ: и, ты
дѣховный, блюдыи себѣ, да не и ты искѣшенъ вѣдеши (а
Кор. і, вї): и яще завѣдеши соломѡново по толицѣй
благодати оуклонѣнїе и беззаконїе: и яще завѣнїю пре-
даси нечѣлнное великагъ петра ѡверженїе (Галат. 5, а):
возвѡвай на разумъ твоѣй, и велехвалиса ѡ жителѣст-
вѣ, и времени многагъ поствнчества твоегѡ велемѣдр-
ствѣй, и даси мѣсто гордости. Но никакоже взнакъ да
возлѣгнеши, ѿ брате, бойса же паче, донѣлѣже ды-
хѣеши, яще и въ число достїглѣ еси мѡисеевыхъ лѣтъ,
и молиса, глагола: гдї, не ѡвержи мене во время ста-
рости моеа, вневда ѡскѣдѣвати крѣпости моеї, не
ѡстави мене вѣже спсїтелю мой (Псал. Ѡ, ф). ѡ тебѣ
пѣнїе моѣ вѣнѣ (Псал. Ѡ, 5).

мд. Глаголетъ тебѣ гдѣ, ѡкоже матфею, по мнѣ
градї. Ты оубо твоегѡ многовожделѣннагъ оусердїемъ
въ слѣдѣ течѣ вѣки, яще на пѣтї житѣйствѣмъ претк-
нѣши ѡ камень страстенъ ногѣ твоѣ, и падѣши во грѣхъ
нечѣлннѡ: илї множицею тимѣннѣмъ ѡбрѣтающымса
мѣстѡмъ, ѡкоже не хотѣлѣ еси, поползѣлса еси и
палѣ, елїжды яще слѣчитса пѣсти же и помѣчїти тѣло,
толикожды востаѣвъ, тѣмже оусердїемъ въ слѣдѣ тецѣ

достигнуть ее. *Оттого мы и въздыхаем, желая облечься
в небесное наше жилище; чтобы смертное поглощено
было жизнью* (2 Кор. 5, 2, 4), не только телесно вместе со
скончанием міра, но и еще здесь духовно, как залог. Ибо
поглочена смерть победою (1 Кор. 15, 54). И жертвы
будут волнами с Небес посланной нам силы все египтяне,
которые, гонясь вслед нас, оскорбляют нас.

43. Если забыл ты сказавшего: боюся, дабы, пропове-
дуя другим, самому не остаться недостойным (1 Кор. 9,
27), и: кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не
упасть (1 Кор. 10, 12), еще: смотри и за собою (слово к
духовным), чтобы и тебе не впасть в искушение (Гал. 6,
1), если забыл ты об уклонении с правого пути и беззакон-
иях Соломона после толикой благодати, если предал ты
забвению неожиданное отречение великого Петра, то по-
надейся на свой разум, повеличайся образом жизни своей,
похвались длительностью твоего подвижничества вели-
кого, и дай место гордыне. Но, о брате, отнюдь не разле-
нивайся (развалившись навзничь) и не предавайся бес-
печности, но паче бойся, пока есть дыхание в ноздрях
твоих, хотя ты достиг числа лет Моисеевых, и молись, го-
воря: Господи, *не отвергни меня во время старости, ко-
гда будет оскудевать крепость моя, не оставь меня, Бо-
же, Спасителю мой! О Тебе песнь моя всегда* (Пс. 70, 9,
6).

44. Говорит тебе Господь, как Матфею: *следуй за
Мною* (Мф. 9, 9). Если теперь ты, усердно теча вслед сво-
его многовожденного Владыки по пути жизни, претк-
нешься о камень страсти ногою своею и внезапно па-
дешь во грех, или, встречая тенистые места, почасту и
нехотя будешь поскользаться и упадать, то сколько раз
случится тебе пасть и боль мучительную причинить телу
своему, столько же, вставши, опять с прежнею ревностью

своегò гд̄а, дондеже постигнешь егò. Такъ во свѣтѣмъ помышленіи яви́хса тебѣ, видѣти спасающую ма̀ силъ и славу, и ѡ имени твоёмъ гд̄и воздежѹ рѹцѣ мой (Ψал. ̄ѡв, ̄е). И возмню и вознепщю тѹка и ма̀сти исполнатиса, и возрадуютса оустнѣ мой поюще тебѣ. Веліе во ми єсть, ѡкѡ прозвахса христіанинъ, ѡкоже глаголетъ ми гд̄ь исѡемъ: Веліе ти єсть, еже назватиса тебѣ рабомъ моимъ (Исаіи м̄а, ̄с).

м̄е. Нѣгдѣ оубо глаголетъ, ѡкѡ дастъ блага оц̄ь просѡщимъ оу негò (Матѡ. ̄з, ̄аі): нѣгдѣ же, ѡкѡ дастъ дѡха с̄таго молѡщимса. Имиже глаголы разумѣемъ не токѡмъ прегрѣшеній ѡставленіе, но и нѣныхъ дарованій подааніе полчати молѣбникѡмъ вѣимъ, оукрѣпляющимса таковою мыслію: ѡкѡ не праведникѡмъ, но грѣшникѡмъ такъвѡ блага ѡбѣщаваетъ гд̄ь: ѡще во вы, глаголетъ, слн̄ сщце, оумѣете даднѡа блага даати чадѡмъ вашимъ, кольми паче оц̄ь вашъ небесный дастъ просѡщимъ оу негò дѡха с̄таго (Лк̄и ̄аі, ̄гі). Проси оубо неослабнѡ, и несомнѣннымъ произволеніемъ, ѡще и хѹдъ єси въ добродѣтельномъ жителствѣ, и сѣлѡ безсиленъ, и паче достóинства, и пріимешь великаа.

м̄с. Какъ бы мógлз вѣровати невѣрный или маловерный, ѡкѡ мрѡвїи воскриллетса, и червь нѣкій птица бываетъ, и ѡкѡ ина мнѡжайша преслабнѡ бывають во тваріи: да понѣ такъ ѡложивъ невѣрїа недѹгъ и безнадѣжїа, крилѣ израститъ прочее, и проращаетъ ѡкѡ древо всехвальный разумъ (Іезек. ̄зї, ̄кд). Изъ во єсмь, глаголетъ, древо сухое, проращай и ѡживотворай изсѡхшыа кѡсти (Іезек. ̄лз).

м̄з. Никакоже потребы ради телесе попеченіи восхощимъ тѡати, всею же дѡшею оувѣримъ бг̄ови: ѡкоже нѣкій нѣкогда глагола мѡжъ блага: Оувѣрите бг̄ови, и оувѣрено бѹдетъ вамъ. И ѡкоже пишеть блаженный

теки вслед Господа своего, пока не достигнешь Его. Тако во святем помышлении явился к Тебе, чтобы видеть спасающую меня силу Твою и славу Твою... во имя Твое подниму руки мои, и возмню себя как туком и елеем исполненным быть и возрадуются уста мои поя песнь Тебе (Пс. 62, 3. 5. 6). Великое для меня достоинство в том, что я получил имя христианина, как говорит мне Господь устами Исаии: великое для Тебя — назваться рабом Моим (Ис. 49, 6).

45. Где говорится, что Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него (Мф. 7, 11), а где, что даст Духа Святого просящим у Него (Лк. 11, 13): каковыми речениями внушается, что не только оставление грехов, но и подаения небесных даров сподобляются молитвенники Божии, укрепляемы бывая в своем искании тою мыслию, что не праведникам, а грешникам обетовал Господь такие блага: если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него (Лк. 11, 13). Итак, проси неотступно и с несомненным расположением, хотя несовершен ты в добродетельной жизни, немощен и ничего недостóин, и получишь великое.

46. Да помыслит невер или маловер, как муравей окрыляется и еще, как червь некий делается пернатым, и много других дивных явлений совершается среди тварей; чтоб хоть таким образом отложив недуг неверия и нечаяния, окрылить наконец и прорастить, как древо, преславное ведение. Ибо Аз есмь, говорит Господь, — проращайяй древо сухое и кости сухия оживотворяющий (см. Иез. 17, 24; Иез. 37, 4 и 9).

47. Отнюдь да не восхощем ради потребностей телесных истаявать в заботах, но всею душою будем веровать Богу, как некий некогда говорил благий муж: вверьтесь Господу, и Он вверится вам, и, как пишет блаженный

пѣтръ ап̄лъ: оуцѣломѣдритеса и трезвѣтеса въ молитвахъ (а Петра д, з): и, всю вашу печаль на бога возвергше, ѡакъ той печетса ѡ васъ (а Петра е, з). Ище же ещѣ съмнѣнїса и не вѣрѣши, ѡакъ ѡнюдъ печетса той ѡ тебѣ, во еже пропитати тѣ, возри на паукѣ, и разсмотри, колику человекѣкъ паукѣ разнствуетъ, паукѣ глаголю, егѡже ничтоже немоцнѣйше, ниже беснѣйше: сей во ни стажанїа имѣа, ни чрезмѣрна ѡшествїа творѣа, ни сдѣса, ни гнѣваеса, ни житницы имѣа, во всеконечнѣй кротости и цѣломѣдрїи, и крайнѣмъ безмолвїи свое подизводѣ житїе: ѡнюдъ ни ѡже ближнѣхъ любопытствовавъ, едина же своѣ дѣствѣа, дѣломъ своимъ тихо нѣкое и немѣтно оупотреблетъ оустроенїе: точїю и гласъ не испѣщаа честлюбивымъ ѡ празности, ѡакъ всѣкъ человекѣкъ празденъ быти хотѣи, ниже ѡсти да восхощетъ (долженъ). Толикъ же молчитъ, ѡкоже пѣфагѡра превосходительнѡ повѣдїти, емѡже еллини паче всѣхъ любовѣдрцевъ оудивляютса, за еже воздержанїю ѡзыка извѣчїтиса. Пѣфагѡръ оубѡ прочее не со всѣми глаголаше, но оубѡ съ возлюбленнѣйшими емѡ человекѣки бесѣдоваше ѡтай времемъ, и волѣмъ же множицею и орламъ повѣщаа любочестнѣ владѣнїа нѣкаа и безмстиванїа. Вїна же ѡнюдъ оудалѣса, водѣ оупотреблѣше. Сей же преимѣществѡющимъ и крайнимъ безгласїемъ превзыде пѣфагѡрово ѡзыка воздержанїе, заплѣва же съ вїнопитїемъ и водопитїе. Въ таковомъ же оубѡ оустроенїи безмолвнѣ пребывающѣ немоцномъ и смиренномъ паукѣ, и нигдѣ же внѣ терпѣщѣ ходїти, ниже ѡкрестъ скитатиса здѣ и ѡндѣ мечтательнѣ, ниже трѣдїтиса и слострадѣти безконечнѡ, иже на высѡкихъ живѣи, и на смиреннаа призираѣи гдѣ, (ничтоже во паукѣ естѣ смиреннее), и даже до тогѡ простирѣа промыслъ: посылѣетъ семѣ на всѣкъ дѣнь пїщѣ, близъ скїнїицы егѡ оустроѣа впадати во мрѣжы сегѡ, ѡже къ потребѣ малаа живѡтна.

Петр, апостол: *будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах* (1 Пет. 4, 7) — *все заботы ваши возлагая на Бога, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5, 7). Если еще сомневаешься и не веришь, что Он печется о тебе, чтоб препитать тебя, посмотри на паука и рассуди, сколько разнствует человек от паука, паука, говорю, которого слабее и бессильнее ничего нет. А он ни стяжаний не имеет, ни повсюдных хождений не совершает, не судится и не гневается, и кладовых не имеет, в совершенной кротости и целомудрии и крайнем безмолвии проводит жизнь свою, о том, что касается ближних, не любопытствует, одно свое делает и своим делом тихо и безмятежно занимается, чем и не говоря говорит любителям бездействия, что не хотящий трудиться не должен и есть, молчалив же он столько, что много превзошел самого Пифагора, которому больше всех философов еллины дивятся за его подвиг воздержания языка. Пифагор не со всеми говорил, но с приятелями своими говаривал по временам тайком, также к быкам и орлам обращал иногда речь, делая нечто смеха достойное и бессмысленное; вина совсем он не употреблял и пил одну воду. Такое Пифагорово воздержание языка паук превзошел совершенным своим безгласием; воздержание же его от винопития — тем, что чуждается и водопития. В таком безмолвном состоянии пребывает слабый и смиренный паук, не любя выходить наружу и блуждать там и сям, ни безмерно предаваться труду и утомлению; и *на высоте живущий и на смиренных взирающий* (Пс.112, 5–6) (а ничего нет смиреннее паука), простирая даже до него свое промышление, посылает ему каждодневно питанїице некое, по близости скинїицы его, давая попадаться в сети его для потребности его малым насекомым.

ми. Но негли речётъ ктò ѿ гортановѣсіемъ порабощенныхъ, ꙗкѡ азъ сѣлò многѡ ꙗмъ, и понѣже многѡ иждивителенъ ѣсмь, нѣжда ми ѣсть безчисленными житѣйскими кѡплами ѡбѣзоватиса. Но и сѣй да смотрѣетъ киты великіа во атлантійстѣй пасѣщыма пѣчинѣ ѿ вѣа и зовѣильнѡ питаемыа, и никогдѣже глада и скѣсъ прѣемшыа. Толикѡ во кійждо ѿ тѣхъ свѣрь поглощѣетъ рѣбы, елику ниже градъ нѣкѣй многочеловѣченъ на всѣкъ дѣнь иждити мѡжетъ. Всѣа къ тебѣ чаютъ, дати пищѣ имъ во блѣго врѣма (Ѵал. рѣг, кз). Тѣмже и многолюднаго, и малопищнаго вѣтъ ѣсть питаай. Сѣа слышавъ и самъ широкое и пространное имѣй чрѣво, вѣгови и вѣрѣ прочее всегò себѣ возложи, всѣческое ѡтрасъ мѣрское попечѣніе, и оумъ многопопечителенъ, и не вѣди не вѣренъ, но вѣренъ.

ма. ꙗще хѡцѣемъ воистиннѣ благогòдѣити вѣхъ, и блаженнѣйшимъ возлюблени быти люблѣнѣемъ, нагъ оумъ нашъ вѣгови представимъ, ничѣмже привлачимъ присѣщангѡ вѣка, ни хѣдѡжествомъ, ни рѣзумомъ, ни и змѣдрствованѣемъ, ни словоправданѣемъ, ꙗще и всѣй наказани вѣдемъ премѣдрости мѣра. Ѳвращѣетса во вѣтъ съ мнѣтельными нравомъ пристѣпающихъ къ немѣ, и тщеславѣемъ оупитаваемыхъ и надмѣнныхъ: дѡбрѣ во нѣцыи ѿ сказѣтелей, оупитѣтельство и дмѣніе, сѣетное и здадѡша мнѣніе.

н. Какѡ возмогли быхомъ борѣнѣемъ побѣдѣити предѣдержавшѣй грѣхъ; нѣжды потреба: мѡжъ во, глаголетъ, во трѣдѣхъ трѣдѣтса, и понѣждѣетса погѣбель свою любоврѣса всегдѣа возрѣватѣ къ стѣинѣ своѣхъ пѡмыслѣ. Нѣждою же нѣждѣ рѣшитѣи не ѡречѣно ѣсть закѡны. Прѡчее ꙗще оубѡ и внѡсимъ нѣждѣ нѣкоегѡ тѣцѣательства, ꙗще и немоцнѣйшѣ, ѡжидѣемъ же прочее имѣщыа найтѣи на ны съ высотѣ силы, сѣдѣще во іерѣсалимѣхъ (Лѡкѣи кѣд, ма), сѣрѣчь въ неперестѣннѣй

48. Может быть, кто из порабощенных гортанобесию скажет: я много ем, и как много потом трачусь, то мне нельзя не вплетаться во многие житейские хлопоты и сделки. Но и этот пусть посмотрит на китов великих, пасомых в Атлантическом океане, как изобильно питаемы они бывают от Бога и никогда голода не испытывают, хотя каждый из этих зверей столько поедает рыбы, сколько даже самый многолюдный город в день потребить не может. *Все ожидают от Тебя пищи, чтобы Ты дал им благовременно*, — поет святой пророк (Пс. 103, 27). Почему много ли кто съедает или мало — того и другого питает Бог. Слыша сие, и ты, широкое и пространное чрево имеющий, всего себя возложи на Бога и веру, отряси всякую мѣрскую заботу и ум многопопечительный, и не будь неверен, но верен.

49. Если желаем воистину угодить Богу и блаженнейшею возлюблены быть от Него любовью, представим Богу ум наш нагим, ничего от века сего не влекущим с собою и в себе, ни искусства, ни знания, ни софистического мудрования, хотя бы мы изучили всю премудрость мѣрскую. Ибо Бог отвращается от того, кто приступает с самомнительным нравом, упитан тщеславием и надмен. Добре некоторые истолкователи назвали суетное самомнение упитанием себя собою и дмением.

50. Как можем мы преодолеть укоренившийся прежде грех? Нужно самопринуждение (или насилие делать желаниям воли своей). Ибо говорится: *трудящийся человек трудится... и избавляется от своей погибели* (см. Притч. 16, 26), всегда любопрѣся возводит помыслы свои горѣ к святыне. Насилие насиліем разрушать не воспрещено законами (т. е. насилие грѣха насиліем добрых стремлений). Когда вносим самопринуждение к какому-либо доброму тщанию (т. е. сами себя насильно заставляем в

моли́твѣ ѿ инѣхъ добродѣтелехъ: когда прїидетъ къ намъ нѣждою крѣпкою, ниже бо немощнѣйшею, по нашей нѣждѣ дѣлающею, но нѣждою нѣкоею изглаголатиса не могущею плотскїма оустнама: побѣждающею мно́гою держа́вою (крѣпостїю) ѿ долѣвающею сла́бїйшїи же нра́вѣ ѿ бесовское ѿсловленїе: побѣждающею же ѿ горшеша оуклоненїе душъ нашихъ, побѣждающею же ѿ неподвѣнаа тѣлесѣ движенїа. Бысть бо, глаголетъ, шѣмъ съ небесѣ ѡ́къ носїмъ дыханїю вѣрнѣ (Дѣян. 2, 2): да извержетъ сло́вѣ прїиснѣ на горшее нѣдащїю насъ.

ѿа. Довїтъ врагъ, ѡ́къ лѣвъ во ѿградѣ своѣй (Псал. 5, 1), ѿ крїетъ намъ сѣти ѿ мрежи помысла нечистыхъ ѿ нечестивыхъ: но ѿ мы ѡ́це не спїмъ, возмо́жемъ бо́льшы ѿ люте́йшы томъ поставлѣти сѣти ѿ мрежи ѿ подсады: моли́тва бо ѿ ѿсло́мъ, бдѣнїе же ѿ смиренномудрїе, ѿ еже къ ближнимъ служенїе, ѿ мїлость, ѿ благодаренїе, ѿ бжественныхъ словесъ слышанїе, подсада врагъ ѿ сѣть ѿ ѡ́ма ѿ раны ѿ оудава ѿ мрежи бывають.

ѿв. Во мно́зѣ (мно́гимъ вре́менемъ) стѣлѣмъ въ возрастѣмъ предъспѣвъ бжественный давидъ, благодарѣмъ избравшемъ ѿ бгѣ, глаголетъ ѿ конечныхъ благословенїа: ѡ́къ нынѣ ѿверѣте рабъ твоѣ сердце свое помолїтиса моли́твою сею. Гїе же рече́са, да мы оуразумѣемъ, ѡ́къ мно́га по́двига ѿ вре́мене потре́ва въ моли́твахъ. ѿкъ да е́два ѿверѣшемъ нестѣжаемое о́ма оустроенїе, ѿно нѣкое сердечно небо, ѿдѣже живѣтъ хрѣтосъ, ѡ́коже глаголетъ аплѣ: ѿли не знаѣте, ѡ́къ ѿисъ хрѣтосъ живѣтъ въ васъ; (ѿ Кор. 13, 5)

ѿг. ѿще хрѣтосъ намъ бысть пра́вда ѿ премудрость, ѿ прѣчаа: ѡ́въ, ѡ́къ ѿ по́кой (ѿ Кор. 13, 5). Прїидїте бо,

дело произвести доброе стремление), тогда ожидаем прочее имеющую прийти к нам с высоты силу, сидя в Иерусалиме (см. Лк. 24, 49), то есть в непрестанной пребывая молитве и в прочих добродетелях, пока придет к нам сия сила державная, действующая не как наши немощные усилия, но такая, которой нельзя выразить телесными устами, мощно побеждающая и одолевающая и греховный нрав, и злобу бесов, побеждающая и склонность наших душ к худому, побеждающая и все непотребные движения телесные. *И сделался*, — говорит, — *внезапно с небес шум, как бы от несущегося сильного дыхания [ветра]* (Деян. 2, 2), чтоб нудительно изгнать из нас зло, всегда нудительно нас влекущее к худому.

51. *Сидит* враг в засаде, *как лев в логовище своем* (Пс. 9, 29–30), скрывая для нас сети и мрежи помыслов нечистых и нечестивых. Но и мы, если не спим, можем еще большие и опаснейшие для него поставить сети, тенета и засады. Ибо молитва и псалом, бдение и смиренномудрие, послужение ближним и милость, благодарение и Божественных словес слушание — вот засада врагу: и сеть, и яма, и бичи, и тенета, и удушение.

52. Исполненный лет многих, Божественный Давид, благодаря Бога, избравшего его, говорит к концу своего исповедания благословений Божиих: ныне обрел раб Твой сердце свое помолитиса Тебе моли́твою сею. Это сказано, чтоб дать нам уразуметь, что требуется великий подвиг и много потребно времени провести в молитвах, чтоб достигнуть начатков безмятежного устройства сердца, сего другого некоего неба сердечного, где обитает Христос, как говорит апостол: *или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас* (2 Кор. 13, 5).

53. Если Христос *сделался для нас премудростию от Бога, праведностию и освящением и искуплением* (1 Кор.

глаголетъ, ко мнѣ вси труждающіица и ѡремененніи, и азъ оупокою вы (Матф. ѿ, ки). Добрѣ оубо речеца, ѿкв сбвѡта, сирѣчь покой, человека ради бысть: въ самомъ во единомъ хрѣтѣ покой полъчитъ человѣческой родъ.

ѿд. Икоже есть чаша паденіа и чаша ѿрости, такъ есть и немоци чаша, юже вземъ ѡ насъ гдѣ въ приличествующее время, даетъ въ руки врагъ нашихъ: да прочее не котомъ мы, но беси изнемогаютъ и падаютъ.

ѿе. Икоже во внѣшнихъ вещьхъ сѣтъ торжницы (пѣнажницы) ткатели, ловцы, ратницы, сооружители: такъ и во внѣтреннихъ размѣвай, ѿкв сѣтъ и въ помышленіихъ, котѡрницы, ѡбаватели, морстїи разбойницы, ловители, сквернители, оубійцы, и прѡчаа: иже подобаетъ скорѡ предзатворати (предвозбранати) внѣ благочестивымъ сопротиворѣчіемъ и молитвою, и паче же сквернителей: да не ѡсквернатъ стѡе мѣсто, и да не ѡсквернатъ человека бжїа.

ѿз. Не токму азъыкомъ разбойничествемъ есть гдѣ, ко еже спасти, икоже на разбойницѣ бысть, иже вопіаше ѡ креста, но и помысломъ: глаголаше бо, рече, въ себѣ кровоточиваа, аще прикоснѣца воскрилю ризъ егѡ, спасена бѣдѡ. И рабъ авраамовъ ѡ ревеккѣ глагола бгѡви во оумѣ (Быт. кд, еі).

ѿз. Искѣ самой той грѣхъ къ бгѣ приводитъ раскавѡцающагоса, чѡство прѣемлюцаго слосмрадїа и тѡжести и неистовства егѡ: не хотѡцаго же къ покаїнію преклонїтїса, не приводитъ къ бгѣ: оу себѣ же паче держа, оузами нерѣшимыми свлзѣтъ, крѣпльша и лютейша прочее желанїа погїбели дѣлаа.

ѿи. Внемліи себѣ ѡ чарѡвъ иезавелиныхъ (д Цар. ѡ, кѡ), иже паче сѣтъ помыслы, киченїа и сѣтныа славы.

1, 30), то явно, что и упокоением. Ибо говорит: *приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28). Хорошо потому говорить можно, что Он соделался для человека субботою, то есть упокоением. Ибо род человеческий только в едином Христе покой обрести может.

54. Как есть чаша падения и чаша гнева, так есть и чаша немоци, которую, прияв от нас, Господь в подобающее время дает в руки врагов наших, чтобы прочее не мы, а бесы немоцествовали и падали.

55. Как во внешних делах есть менялы, ткачи, птицеводы, воины, строители; так разумей о внутренних делах, что есть и в помыслах азартные игроки, отравители, морские разбойники, звероловы, блудники, убийцы и подобные; каковых надлежит тотчас изгонять вон благочестивым противоречием и молитвою, особенно блудных сквернителей, чтоб не сквернили святого места и не делали мерзким человека Божия.

56. Не только словом преклоняется Господь на дарование спасения, как было с разбойником, вопившем к Нему со креста, но и помыслом. Так кровоточивая сказала в себе (т. е. помыслила с верою): *если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею* {спасена буду} (Мф. 9, 21); и раб Авраамов глаголющу во уме своем к Богу о Ревекке (см. Быт. 24, 15).

57. Содеянный грех почти тотчас сам гонит кающаго к Богу, как только он примет в чувство зловоние, тяготу и неистовство греха. Кто же не хочет преклониться на покаяние, того не гонит он к Богу, а удерживает при себе и вяжет его неразрешимыми узами, делая сильнейшими и лютейшими пагубные пожелания.

58. Блюда себя от чар Иезавелиных (см. 4 Цар. 9, 22), из коих лютейшие суть помыслы кичения и суетной сла-

Возможеш ли же сѣмъ ѡдолѣти благодѣтїю бжїею, оунич-
жѣа дшш, и ѡхуждѣа тѣ, и повергѣа себѣ предъ гдемъ, и
призывѣа егò, во еже помощи тевѣ, и вѣдаа, ѣкв
небесна сѣтъ дарованїа. Тѣмже глаголетъ: никтоже мо-
жетъ прїимати ничесоже, аще не бѣдетъ данò емъ съ
небесè (Іван. ̑, ̑з).

̑ѡ. Глаголетъ законъ: аще же бѣдутъ свидѣтельст-
вовавше емъ, и не потребитъ егò, да ѡдѣстъ. Овогда на
оучрежденїи предскачетъ тщеславный помыслъ воз-
глаголати хотѣмъ внѣ времени: засвидѣтельствуютъ же
тебѣ аггльстїи помыслы потребити бладолюбивый и
безвременный помыслъ. Аще оубо не потребиши егò
благимъ молчанїемъ, но попустиши емъ произыти на
внѣшнее, напыщенъ бѣвъ киченїемъ, тогда прочее воз-
дѣси долгъ, или грѣхъ великъ сѣдомъ преданъ бѣвъ, или
тѣжкимъ нѣкимъ волѣзнемъ тѣлеснымъ: или чѣс-
тымъ братїи прираженїамъ: или еже въ бѣдѣщемъ вѣ-
цѣ мученїю: ибо и ѡ празднои и тщеславнѣ словѣ слово
воздѣмы за ѡзыка ненаказанїе: тѣмже подобаетъ
ѡзыкъ нашъ трѣзвеннѣ хранити.

̑ѣ. Слицы сластемь искѣшаеми сѣтъ и ѣростями и
славолюбїемъ и прочими, сїи глаголютсѣ солнцемъ оубо
во дни ѡжигатсѣ, ноцїю же лѣною (Псал. ̑к, ̑). Помо-
лисѣ оубо бжїественнымъ покровенъ быти рососпѣцаю-
щимъ облакомъ, ѣкв да знòмъ врагòвъ оубѣжиши.

̑ѣа. Никакоже на тѣ дерзновенїе дѣждь пїанства за-
щїтникомъ и равомъ безчїннымъ трапѣзы, ниже съ
безстѣдемъ глаголати съ тобою хотѣщимъ, аще бы и
сѣды лицемъ бѣли, аще бы и много время имѣли во
иночестѣмъ житїи, да не по писанїю, гнилость покры-
етъ тѣ, и нечїстыми и сѣрдцемъ неубрѣзанными
сведенъ бѣдеш.

вы. Избавиться же от них можешь ты благодатью Божи-
ею, если будешь унижать и охудать душу свою, и по-
вергать себя предъ Господомъ, призывая Его помочь тебе и
исповедуя, что искомое тобою избавление есть небесное
дарование. Почему и говорится: *не может человек ничего
принимать на себя, если не будет дано ему с неба* (Ин. 3,
27).

59. Бывает иногда, что во время учреждения братии,
прорывается тщеславный помысл сказать что-либо не во-
время; ангельские же помыслы внушают тебе прогнать
этот болтливый безвременный помысл. Итак, если ты не
прогонишь его добрым молчанием, а позволишь ему
пройти наружу, напыщен бѣвъ кичением, то должен бу-
дешь понести худые от того последствия, — праведно
предан будучи или большому еще греху, или внешним
каким прискорбностям, или тяжелым неприятностям со
стороны братий, или мучению в будущем веке: ибо и о
праздном и тщеславном слове, произнесенном по необу-
ченности языка, отдадим мы отчет; почему тщательно
должно блюсти язык свой.

60. Которые искушаются чувственными утѣхами, гневом,
славолюбїем и другими страстями, о тех говорится,
что они днем жегомы бывают солнцем, а ночью луною
(см. Пс. 120, 6). Итак, молись, да осенит тебя Божествен-
ное росоиспускательное облако, чтоб избежать вражеско-
го жжения.

61. Отнюдь не давай смелого к себе доступа любите-
лям пѣанства и рабам бесчїнных трапѣз, ни тем, кои охо-
чи говорить бесстыдные речи. Хотя бы они были убелены
сединами, и хотя бы долгое время вели монашескую
жизнь; чтоб их гнилость не покрыла и тебя, и ты не при-
чтен был к нечїстым и необрезанным сѣрдцем.

ѿв. Прѣжде вручишася петрѹ ключи, тѣже поощренъ бысть пѣсти во ѿверженіе, ѿкоже оуцѣломѣдритиса паденіемъ мѣдрованію. И ты оубо, ѿще разумѣніа ключь пріемь. и въ различны помыслы впадаеши, не оужасайся: слави же единого премѣдраго нашего гда, паденіи ѿвѣздающаго мнѣніе восходѣщее на вѣст-веншій разумъ, искѣшеніа во оузда сѣтъ ѿвѣздовати могоща человѣческое дмѣніе промысломъ вѣжимъ.

ѿг. Ище двѣраа множицею ѿ насъ ѿемлетъ гдѣ ѿкоже богатство іовле: Гдѣ бо даде, гдѣ взятъ (іова а, ка): всѣкѡ нѣгдѣ и слаа, ѿже намъ наведе вѣчный, ѿ рѣки нашеа возметъ: благаа бо, глаголетъ, и слаа ѿ гда. И наводѣи на ны слаа, той наведѣтъ на ны и вѣч-ное веселіе со славою вѣчною. Икоже бо вѣдѣхъ, гла-голетъ гдѣ, во еже низвратити, и слод сотворити вамъ, и паки созиждѣ, и не низложѣ, и насаждѣ и не исторгнѣ. Да молчитъ оубо народнаа глаголющи притча: ѿнѣлѣже слѣ, нѣсть добрѣ. На горшее бо измѣнивыи вещи гдѣ, мѡжетъ всѣкѡ сѣа паки на свѣтлѣйшее нечѣлннѡ пре-лагати.

ѿд. Иже на вѣсы илѣи воздержаніемъ, илѣи молитвою, и всѣкою добродѣтелію сѣльнѣе и рѣтительнѣе нахо-дѣи, глѣбшы ѿ нихъ рѣны воспріиметъ, дондеже и въ безнадежѣе пріити: ѡсѣжденіе мысленнаа смѣрти оусмотрѣваа въ своей дѣши, ѿкоже приходити гла-голати емѣ: кто ма избавитъ ѿ тѣла смѣрти сѣа; (Рим. 7, ка) понѣждаемъ бо ѣсмъ невѡлнѡ повин-ватиса законѡмъ сѣпостѣта.

ѿе. Не прѡстѣ преднаписано бысть, ѿкѡ нѣцыи къ себѣ глаголахѣ: востаните, и пріидемъ къ людемъ оуповающимъ надеждею и молчащимъ (сѣдей иі, ѣ). И паки: Пріидите возшедше собесѣдимъ съ ними ѡзы-

62. Прежде Петру вручаются ключи, а потом попускается ему впасть в отречение от Христа Господа, чтоб падением таким уцеломудрить его о себе мудрование. Так и ты, если, получив ключ разума, подпадешь разным искушениям, не дивись сему, но прославляй единого премудрого Господа, падениями обуздывающего самомнение, находящее в след за Божественным ведением: ибо искушения суть узды, по Божію промыслению, могущая обуздать человеческое надмение.

63. Если Господь часто отнимает у нас блага, как, например, богатство у Иова; ибо Господь его дал, Господь и взял (см. Иов. 1, 21), то, конечно, взято будет из рук наших и зло, которое навел на нас Вечный; ибо, как говорит премудрый, *благое {доброе} и злое {худое}... от Господа* (Сир. 11, 14). И наводящий на нас злое, Он же дарует нам и вечную радость со славою вечною. Как я бдел, говорит Господь, чтоб разорить вас, и зло сотворить вам, так и воссозижду, и уже не разорю, насажду и уже не исторгну. Да умолкнет же народное присловие, гласящее: коль скоро стало недобре, не будет уже добре. Ибо изменивший дела наши на худшее, конечно, может опять неожиданно положить их в светлейшее состояние.

64. Сильнее и победолюбнее нападающий на бесов воздержанием или молитвою, или другою какою добродетелью, и сам от них получит глубочайшие раны, до того, что даже в безнадежие придет, подозревая, не лежит ли на душе его осуждение мысленной смерти, и вынужден бывая взывать: *кто избавит меня от сего тела смерти* (Рим. 7, 24); потому что враг против воли заставляет меня повиноваться законам своим.

65. Не просто написано прежде, как некоторые говорили друг к другу: *встаньте, пойдём к народу, живущему с упованием {надеждою, беспечно}*, и в покое пребывающему (Суд. 18, 9–10); и еще: *приидите взойдем в Иу-*

комъ оумнымъ лѣстнымъ, и ѿвратимъ ѿ къ намъ ѿ истины (Исаіи 3, 5). Лютии во бѣсове ѿбыкоша чрезъ всю жизнь на произволившихъ безмолвное житіе изъщрати мечи искѹшеній, и неистовнѣе наипаче на благоговѣйнейшыя же и благочестивѣйшыя воинство оустремляти самими тѣмъ дѣломъ въ грѣхъ рѣюще сиoux ратьми неснѣсными. Да негли понѣ такъ возморгутъ ѿ ѿже во хрѣта вѣры и молитвы и благонадѣжіа ѿстави ратванныя. Но мы, ѿкоже глаголетъ дѣдъ, не ѿступимъ ѿ тебѣ, дондеже оуцѣдриши ны, и оудалатса ѿ насъ поглощающіи ны (Псал. Ѡа, ѡі). Не ѿступимъ ѿ тебѣ, дондеже повелиши ѿити ѿ насъ искѹшающимъ ны, и ѿживѣмъ терпѣніемъ и крѣпкимъ безстрастіемъ. Занеже искѹшеніе єсть житіе челоувѣкъ, и во время оучиненно множицею подъ ноги чуждыхъ падати оуготовляется ѿ подвигоположника. Великодушныя же души и доблестныя свойственно єсть не ѿчаиватса въ напастѣхъ.

Ѣс. ѿще толикъ можетъ бѣсъ, ѿкъ и не хотѣщъ челоувѣкъ престроати сегд, и преводити къ своему стремленію, ѿ же по естествоу изстѹпльша благѣгу оустроеніа: колікъ можетъ аггль во ѿпредѣленное время повелѣніе бжїе прїемъ, все на лѹчее превести челоувѣче завѣщаніе (залогъ): ѿще всехладный сѣверъ толикъ возможе, ѿкъ въ каменную жестокость претворити магчайшее воды естество: что оубо сотворитъ теплейшей югъ; ѿще воздухъ свлѡ ѡхлажденъ, всѡ себе повинѹти творитъ: кто во постоитъ противъ лица мразя (Псал. рмз): какъ оубо къ себѣ теплотѣ всѡ не прелагаетъ: кто во постоитъ противъ лица теплоты; вѣрвимъ оубо, хладный же и черныи оугль оума нашего поздѣ нѣкогда, или скорѣе, горяць же и свѣтовидѣнь быти прилогомъ бжѣственнейшаго огна.

дею, и сговорившись с ними языком лукавым, обратим их к себе от истины (Ис. 7, 5–6). Так обыкновенно и злые бесы против тех, кои избрали безмолвное пребывание, во всю жизнь их точат мечи искушений. И на тех, кои более благоговейны и богобоязненны, с большим неистовством нападают, увлекая их на грех по поводу самых дел благочестия, бранями неизреченными; чтоб хоть таким образом отклонить их от веры во Христа, от молитвы и благоупования, препобедив их. Но мы, Господи, говоря с Давидом (см. Пс. 79, 19), *не отступим от Тебя*, дондеже ущедришь нас, и удалятся от нас поглощающие нас; *не отступим от Тебя*, пока не повелишь отойти он нас искушающим нас, и мы не оживотворимся терпением и твердым бесстрашием. Ибо искушение есть житие челоувеческое и часто, во время определенное, от Самого Подвигоположника попускается нам падать под ноги чуждых, но душе великой и доблестной свойственно не отчаиваться в прискорбных случайностях.

66. Если столько силен бес, что может, и когда не хочет человек, преклонять его и перетягивать на свою волю, по причине выступления его из истинного своего по естеству чина; то сколько более силен Ангел, в определенное время прияв повеление от Бога, все расположения челоука перевести на лучшее? И если север всехладный столько силен, что мягчайшее естество воды превращает в твердость каменную, то чего не может сделать теплейший юг. Если воздух, крайне охлажденный, все себе подчиняет и своим холодом исполняет: *ибо пред холодом... кто устоит?* (Ис. 147, 6). То как теплоте не преложить всего по свойству своему? Ибо и против лица теплоты кто устоит? Будем же веровать, что и хладный и черныи угля ума нашего позже когда-нибудь или скорее, станет горячим и световидным от прикосновения Божественного огня.

Ѣз. Ёсть нѣкое и въ настоящемъ оустроеніе, свидѣтельство и знаменіе нашемъ втайнѣ іуцифъ полагаемо безстрастіа единое есмы, имже оумъ изшедъ ѿ египта, ѿмлетса оубо страстныхъ времѣнъ, и ѿакъ въ нощи стѣднѣйшіа рабѣты, ѿзыка же, егѣже не вѣдаше, слышитъ, не котомъ ѿзыка бѣсѣвъ скверна и тлітельна прѣвагъ рѣзѣма (оумъ), но ѿзыка свѣта свѣтонѣсныхъ ѿггль, превбражающихъ оумъ ѿ тѣла на безтѣлесное, ѿзыка просвѣтительна пріемлющія души.

Ѣи. Слышахъ нѣкѣихъ братіи недѣлюющихъ тѣломъ неуслабнѣ, и не могущихъ оупотребити пощеніа, рѣкшихъ ко мнѣ: какъ можемъ безъ пощеніа избавитиса діавола и страстей; Къ нимже глаголати подобаетъ, ѿакъ не токму ѿшаніемъ снѣдныхъ, но и воплемъ сердца потребити и изгнати возможете слава же и слыхъ подметники: Воззваша бо, глаголетъ, ко гдѣ, внигда скорбѣти имъ, и избави ихъ (ѿал. рс, 5), и паки писано ёсть: Изъ чрева ѿдова вопль мой, оуслышалъ еси гласъ мой: и да въздетъ изъ истлѣніа живѣтъ мой (ївна в, г и з). Тѣмже, дѣндеже прѣйдетъ беззаконіе, сирѣчь стѣженіе грѣха, воззовъ, глаголетъ, къ бгѣ вышнемъ (ѿал. нс, в и г), ѿакъ да величайшее благодѣаніе дарѣма, и самый той прилогъ грѣха истребитъ своею властію, и страстнагъ оумъ идлы изгладитъ, и безидальны (безстрастны) покажетъ, ѿже оу насъ полны идлъ (мечтаніи) немощи. Аще оубо не пріалъ еси дарованіа воздержаніа, вѣждь, ѿакъ молитвою и оупованіемъ хочетъ тѣ гдѣ оуслышати молѣщася. Познавъ оубо влчнюю сдѣвѣ, не печалѣи ѿ постничества иже неможеніи: паче же потщиса избѣити ѿ врага молитвою и терпѣніемъ блгодарнымъ. Аще оубо гонятъ вы пумыслы немощи и злостраданіа ѿ града постническа, бѣгайте въ дрѣгій, сирѣчь, въ молитвѣ и благодареніе.

67. Есть и в настоящемъ веке с вернымъ свидѣтельствомъ и признаками проявляющееся в сокровенномъ нашемъ Иосифе состояние бесстрастіа, в котомъ умъ нашъ, изшедши изъ Египта, отстаётъ отъ страстныхъ влеченій и скрытнаго срамнейшаго рабства, и слышитъ языкъ, котораго не зналъ, не языкъ бесовъ, нечистый и растлевающийъ здравое разуміе, но святой языкъ Ангеловъ, превбражающихъ умъ изъ телеснаго въ бестелесный языкъ, просвѣтительный для пріемлющей его души.

68. Слышалъ я некоторыхъ братіи, тяжко болящихъ теломъ и не могущихъ держать пощениа, обратившихся ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ можемъ мы безъ пощеніа избавитиса отъ діавола и страстей?» Таковымъ надобно отвѣчать, что не однимъ воздержаніемъ отъ яствъ, но и воплемъ къ Богу изъ сердца можете вы истреблять и прогонять недобрыя движенія и техъ, кои возбуждаютъ ихъ. Ибо говорится: *воззвали ко Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ нужды ихъ* (Пс. 106, 6); и еще написано: *изъ чрева преисподней я возопилъ, и Ты услышалъ голосъ мой; но въздетъ изъ истлѣнія жизнь моя* (Иона. 2, 3. 7). Почему пока не пройдетъ, — говоритъ, — *беззаконіе*, то есть стуженіе грѣха, *воззову къ Богу Вышнему* (Пс. 56, 2–3), да подавая мнѣ величайшее благодеяніе, истребитъ Онъ самый прилогъ грѣха властію Своею и изгладитъ идоловъ страстнаго ума и безидольнымъ покажетъ наши полныя идоловъ немощи. Итакъ, если ты не получилъ дара воздержанія, то ведай, что Господь ради молитвы твоей и упованія хочетъ услышать тебя, когда воззовешь къ Нему. Узнавъ теперь такое Господне о тебѣ присужденіе, не тужи о своемъ бессилии къ подытанію подвига пощенія, но паче потщиса избавитиса отъ врага молитвою и благодушнымъ терпеніемъ. *Когда же помыслы немощи и злостраданія будутъ гнать васъ въ одномъ городе пощенія, бегите въ другой* (Мф. 10, 23), то есть въ градъ молитвы и благодаренія.

ѢѢ. Глагола фараонъ молася, да ѡиметъ вѣтъ ѡ менѣ смѣрть сїю, и оуслышанъ бысть: подобенъ же и вѣси, молившии гда, да не во глубинѣ послани вѣдѣтъ, полѣчиша прошенїе: кольми паче оуслышанъ вѣдетъ хрїстїанинъ человекъ, молася свободѣ полѣчити ѡ мысленна смѣрти.

Ѧ. Иже время некое ѡ бжественна просвѣщаемый и оупокоеваемый вѣ благодати, по спратанїи же сеа, въ паренїа и скверны впадаи, и ропцаи сегѡ ради, и не мѣжайса моленїемъ паки воззвати спасительное Ѧно и звѣствованїе, но негодѣи: подобенъ естъ нищѣ прїемшѣ милостыню ѡ палаты, и неѣдобъ терпѣицѣ, занеже не вниде внѣтръ сповѣдати царѣви (повѣдати съ царемъ).

Ѧа. Блажени не видѣвшии ма, и вѣровавше (Іѡан. ѣ, ѣѢ), іакоже блажени иже въ спратанїи блгодати не ѡверѣтаюции оутѣшенїа въ себѣ, паче же прѣтѣженїе видѣицїи скорбныхъ и тьмѣ тѣжкѣ, и не ѡчааваюцииса: но вѣрою оукрѣплѣюцииса, внигда нещевати видѣти невидимаго, и терпѣти доблественнѣ.

Ѧв. Еже благодатїю во своѣ время по мнѣзѣхъ подвизѣхъ и печали и слезахъ даемое съ невесе ищѣщимъ сегѡ смиренномѣдрїе, крѣпльше по превосхожденїю и большее естъ смиренїа ѡпадшихъ ѡ добродѣтели: егѡже сподобльшииса, совершенни воистиннѣ сѣтъ мѣжїе и нестѣжаеми.

Ѧг. Егда ѡстаѣи діаволъ гда, тогда прїидѡша аггїли, и слѣжахѣ емѣ (МатѢ. ѡ, ѡі): подобаетъ оубо вѣдѣти, зане іакоже не писано естъ, внигда и скѣшаемъ блше тѡи, іакѡ пристѣпиша аггїли: тѡкѡ и намъ и скѣшаемымъ, во время некое ѡходѣтъ не далече аггїли вѣи, тѡже по ѡшествїи и скѣшаюцихъ, приходѣтъ къ намъ, прѣставлѣюще бжественна разѣмѣнїа: оутвержденїе, просвѣщенїе, оумиленїе, оутѣшенїе, терпѣнїе, оуслаж-

69. Говорит фараон, молясь: да отымет Бог от меня смерть сию, — и был услышан; также и бесы, просившие Господа, да не повелит им идти в бездну, получили просимое. Не тем ли паче услышан будет человек-христианин, молящийся об избавлении от мысленной смерти.

70. Время некое просвещаемый и упокоиваемый Божественной благодатью, по умалении же ее впадающий в парение ума и влечения неподобные, и ропщущий за то, или бесполезному унынию предающийся, а не ревнующий мужественно молитвою опять восстановить в себе спасительное то настроение, подобен бедному, который, получив милостыню из палаты царской, негодует, что не введен был внутрь, чтоб возлежать за царскою трапезою.

71. Блаженны невидевшие, и уверовавшие (Ин. 20, 29), как блаженны и те, которые, по умалении действия благодати, не находя утешения в себе самих, а, напротив, встречая чередование скорбей и тьму глубокую, не падают в нечаяние, но верою укрепляясь, доблестно терпят в уверенности, что видят Невидимого.

72. Смирение, благодатью Божию в свое время, после многих подвигов, борений и слез свыше подаемое ищущим его, несравненно сильнее и выше смирения, бывающего у отпадавших от добродетели. Сподобившиеся его суть воистину мужи совершенные.

73. Когда диавол оставил Господа, тогда Ангелы приступили и служили Ему (Мф. 4, 11). И так, как не написано, что во время искушения Господа присущи были Ангелы, так когда мы бываем искушаемы в какое-либо время, отступают недалеко Ангелы, потом по удалении искушающих приходят к нам и служат нам, подавая Божественные помышления, утверждение, просвещение, сокрушение, утешение, терпение, услаждение и все, что

дѣнїе, и ѣлика спасають, оукрѣпляютъ, и возстажа-
вають дѣшѣ оутрѣжденнѣ, речеса бо нафанаилѣ: ѣкѡ
оўзриши агглы восходѣщымъ и нисходѣщымъ надъ сѣа
члѣвѣческаго (Іуан. ѧ, ѧа), сирѣчь, на родъ чловѣческїй
слѣженїе аггловъ и помощь богатнѣ изліетса.

Ѡд. Помани архїереа онаго, егѡже одеснѡ стѧ
дїаволь протївнїтса емѣ (Захар. г, ѧ), всѧкомѣ, сирѣчь,
десномѣ помышленїю и словѣ и дѣлѣ, ѣкѡ да не
оужаснешиса ѡ слѣчающнхса.

Ѡе. Вѣдати приличествуетъ иноку, что оубѡ ѣсть
немошь; ѣкоже ѣже, помилѣи мѧ, ѣкѡ немощенъ ѣсмь.
Что же ѡстѣпленїе ѡ вѣа, ѣже недѣлѣ ѣсть дїаволь и
аггеловъ егѡ;

Ѡз. Иже ѡобразомъ желѣзо неприкосновенно тво-
ритъ огнѧ совокѣпленїе: такѡ частымъ мѣтвѣ крѣпльшѣ
оустраѡютъ оумъ на брань вражїю. тѣмже всею сїлою
лѣность намъ сотворѧти тцѧтса ѡ молїтвѣ прїсѣ-
дѣнїи, вѣдѡще сїю, себѣ оубѡ навѣтнѣ, оумѣ же по-
борнѣ.

Ѡз. Прїѧтъ давідъ оусердїе соизшѣдшнхъ съ нїмъ ѡ
секелага на иноплемѣннїки, ѧще изнемогше и ѡстѧшаса
на потоцѣ восѡровѣ: возвратнвса бо къ нїмъ съ побѣ-
дою, ѣже на варвары, и слѣшавъ глагѡлющнхъ, ѣкѡ не
подѡбаѣтъ дѧтнса части ѡ плѣна, сѣдѣвшымъ ѡ раз-
славленїѧ на потоцѣ: и тѣмъ стыдѡщымса и ничтѡже
глагѡлющымъ. ѡвѣтствуетъ ѡ нїхъ блаженнѣйшїй
давідъ, глагѡла: ѣкѡ при сосѣдѣхъ посажденїи бѣша
блюдѣще, тѣмже и равнѡю тѣмъ даде часть съ данною
мѣжественнымъ и благодѣшнымъ рѧтнїкѡмъ (ѧ Цар.
л). Смотри оубѡ, дабы и ѡ братѣ нѣкоемъ, начало оубѡ
тѣпло показавшемъ, послѣжде же вмѧлѣ ѡблѣннївшем-
са, сосѣди спасенїѧ разѡмѣлнса, вѣра и раскѡнїе,

спасает, укрепляет и воссозидает душу, потрудившуюся в
борьбе. Нафанаилу сказано было: *отныне будете видеть
небо отверстым, и Ангелов Божиих, восходящих и нисхо-
дящих к Сыну Человеческому* (Ин. 1, 51), то есть отселе на
род человеческий богато изольется служение и помощь
Ангелов.

74. Помни архиерея оного, одесную коего стал диавол,
чтоб сопротивляться ему (см. Зах. 3, 1), то есть всякому
правому помышлению, слову и делу, — да не изумишься,
когда случится что подобное.

75. Ведать надлежит иноку, что есть немощь, как в
словах: *помилуй меня, Господи, ибо я немощен* (Пс. 6, 3),
и что есть отступление от Бога, — сия болезнь диавола и
ангелов его.

76. Как железо делается неприкосновенным от про-
никновения его огнем, так частые молитвы мощнейшим
делают ум на брань с врагом, почему бесы всеми силами
и стараются леностью расслаблять нас на терпеливое
пребывание в молитве, зная, что она к ним враждебна, и
уму споборательна в брани.

77. Давид принял усердие (с каким они пошли) вы-
шедших вместе с ним из Сekeлага против иноплеменни-
ков, хотя они, изнемогши, и остались на потоке Восор
(двести из шестисот) (см. 1 Цар. 30, 9–10). Почему воз-
вратившись с победы над варварами и услышав, как иные
говорили, что не следует давать части из добычи этим,
сидевшим от изнеможения при потоке, и видя, что они
устыдились, не имея что сказать, благостнейший Давид
защитил их, говоря: они были посажены при вещах, чтоб
беречь их; и отделил на них часть, равную той, какую дал
ратникам, мужественно и благодушно воевавшим (1 Цар.
30, 21–25). Рассуди теперь, что, если в брате каком-либо,
в начале показывавшем горячую ревность [к подвигам
поста, бденія и проч.] и потом немного ослабевшем в

смирѣніе и плачь, терпѣніе и оупованіе, и долготерпѣніе, и прѡчаа, въ нѣхже кто нѣмоцѣнъ нравомъ присѣдѣвъ, и потерпѣвъ, ѣже ѡ хрѣтѣ члвчїемъ: ꙗкоже лѣпо ѣсть, полбчаетъ нѣкїи вѣченъ даръ.

Ѡи. Левїты оубо и свѣщенницы нарекошася, иже всѣхъ ѡнюдъ себѣ вѣгови возложивши и дѣланїемъ и видѣнїемъ: скоти же левїтстїи нарицаютсѣ, иже не могущїи оубо (не) ходити въ слѣдъ страстїей: желѡющїи же добродѣтели, и ѡ сеї по вѣстномъ оусѣрдствѡющїи, и сеѡ желѡющїи всегда, ꙗще и погрѣшѡютъ множицею, за ѣже ѡ слѡбы ижїленнымъ быти. подобаетъ же во время приличествѡющее, и сїмъ дарованїе прїѡти безстрастїа, едїнѣмъ челоувѣколюбїемъ вжїимъ: желанїе во оубогїхъ оуслыша гдѣ.

Ѡѡ. Изывы, ꙗже навѡдитъ на ны врагъ илї ꙗвѣ видимъ, множицею разумѣемъ и вїдимъ: мученїа же и болѣзни, ꙗже ѡ насъ терпнтъ, исправлѡющимъ намъ ѡвогда добродѣтели, илї раскамвѡющимъ ѡ прегрѣшенїихъ, илї долгодѡшествѡющимъ, и терпѡщимъ ѡ приключенїихъ, илї молѡщимъ, и прѡчаа оухищрѡющимъ, ѡ нѣхже той разпыхаетсѣ и мучнтсѣ, и плачетъ и рыдаетъ: сїѡ всѡ мы по смотренїю не вїдимъ, да не какъ ѡславѣемъ: праведно бо, глаголетъ, оубо вѣа воздати скорбь ѡскорблѡющимъ насъ.

п. ꙗще состарѣвшїисѣ на земли и на камени пѣнь, ѡ вонї воднѡа прорацаетъ ꙗкв навосажденный: влѣпотѣ ѣсть и намъ возвѡждѡющимъ сїлою стѡгъ дха, возрастити нетлѣнїе, ѣже по естествѣ прїѡхомъ, и сотворити жатвѣ ꙗкв новосаженїе, ꙗще и въ ветхаго низпадѡхомъ челоувѣка.

них, предположить сохраненными вещи его (внутренние добрые расположения) — веру, раскаяние, смирение, плач, терпение, упование, великодушие и проч.; то этот, приседящий им и терпеливо в них пребывающий в чаянии о Христе Иисусе Господе, хотя и слаб в подвигах явных, улучит, как подобает, некий вечный дар.

78. Левитами и иереями названы те, кои всех себя всецело посвятили Богу, и деятельностью и созерцанием; а скотами левитскими (Чис., гл. 3) называются те, которые, хотя бессильны неуклонно шествовать путем добродетелей, однако ж соулаждаются добродетели, желают ее непрестанно и ревнуют о ней посильно, хотя не всегда успевают в том по причине худа, отнимающего у них силы. Но во время подобающее и они, можно надеяться, получают дарование бесстрастия, по одному челоуеколюбию Божию. Ибо говорится: *желание убогих Ты услышал, Господи* (Пс. 9, 38).

79. Удары, какие наносит нам враг явно и не явно, мы часто замечаем и видим; мучения же и досаждения, какие он от нас терпит, когда мы или преуспеваем в добродетели, или каемся в прегрешениях, или переносим оскорбления, или благодушествуем в несчастиях, или пребываем в молитвах, или какие другие совершаем дела благочестия, от которых он раздирается, мучится, плачет и расседается, — этого всего мы, по смотрению Божию, не видим, чтоб не надмиться. Ибо *праведно пред Богом*, — как говорит апостол, — *оскорбляющим вас воздать скорбью* (2 Фес. 1, 6).

80. Если устаревший на земле или на камне пень от водной влаги дает отростки, как новонасажденное, то возможно и нам, когда бываем оживляемы силою Духа Святого, произращать нетление, которое прияли мы по естеству, и давать плод, как дает новонасажденное, хотя мы ниспадали в ветхого человека.

па. Ко ѿчаавшей себѣ за прехождѣніе искушеній и грѣхѡвъ множество душѣ, и глаголющей: Погибе надежда наша, оубѣены выхоумъ, речено бысть ѿ неѡчааваяюцагѡ спасеніе наше, вѣа, еже живи вѣдите, и оубѣстѣ, ѿкѡ азъ есмь гдѣ (Іезек. лз, 5): къ недоумѣваяющей же душѣ, какѡ оубѡ возможетъ великими добродѣтельными родити хртѣа; глаголаю бысть: дхъ стѣй найдетъ на тѣа (Лукѣ а, лѣ): а идѣже естъ дхѣ стѣа пришествіе, да не възыщеша прочее естества и обычаа послѣдованіа, и закона: всесиленъ бо естъ поклонный и стѣй дхъ, и не сщцаа въ естество производитъ тебѣ, ѿкѡ да оудивишиа: но и побѣдитѣла нынѣ показѣетъ оумѣ, иже прѣжде побѣждашесѣ. Свыше бо градѣй на ны за благоутрѡбіе оутѣшитель, надъ всѣми естъ: надъ всѣми бо тѣа поставлѣетъ естественными движеніи и бѣсовскими страстьми.

пв. Подвизайсѣ во владычественнѣмъ твоѣмъ свѣтозаріе хранити невредимо. Яще начнеша по страсти зрѣти, ѡмрачѣ тѣа гдѣ, и послѣ оудѣ лицѣ твоѣмѣ, и свѣтъ очію твоѣю нѣсть съ тобою (Псал. лз, аі), но яще сѣа и тѣкѡ сѣтъ, да не оутѡмишиа, ниже ѡслабѣшиа моласѣ со стѣымъ давидомъ: Послѣ свѣтъ твоѣй и истину твою, мнѣ драхлюющѣ, спасеніе лица моего, и бѣ мой (Псал. мв, г и ѣ): Послѣши бо дхѣа твоего, и созидѣтсѣ, и ѡбновишиа лице земли (Псал. рг, л).

пг. Блаженъ иже несѣтнѡ имать ѿсти и пѣти молитвы и псалмы здѣ ночью и дѣнь, и оукрѣпитъ себѣ славнымъ писаніа чтеніемъ: таково бо причащеніе израститъ душѣ невѣдаемо веселіе въ вѣдущемъ вѣцѣ.

пд. Всѣю силою оутверждайсѣ не падати: падати бо, не подобѣетъ крѣпкомѣ подвижникѣ: яще же случѣтсѣ пасти, аѣте възскачѣ, и стѣани паки въ добромъ подвижѣ. Яще и тморіцею сѣе случѣтсѣ спратаніемъ благодати,

81. К душе, отчаивающейся по причине обилия искушений и множества грехов, и говорящей: погибла надежда, убиты мы, сказано не отчаивающимся во спасении нашем Богом: *Оживете, и узнаете, что Я — Господь* (Іез. 37, 6). К душе же, недоумевающей, как и силою каких добродетелей возможет она снова родиться во Христе, сказано: *Дух Святой найдет на Тебя* (Лк. 1, 35). Где же присущ Дух Святой, там не ищи закона естества и обычного последования причин и действий. Ибо всемогущ поклоняемый Святой Дух и не могущее сбыться по естеству произведет в тебе силою Своею, так что ты изумишься. Кроме того, еще и победителем явит Он теперь ум твой, который прежде был побеждаем. Ибо свыше нисходящий на нас Утешитель выше всего есть и тебя поставит выше всех естественных движений и бесовских страстей.

82. Подвизайся сохранить невредимым светозарность ума твоего владычественного. Если начнешь страстно смотреть на все, значит, Господь омрачил тебя, наложил покров на лицо твое, — и света очей твоих нет с тобою (см. Пс. 37, 11). Однако ж, если и так у тебя это есть, не знай утомления и не ослабевай, молясь со святым Давидом: *пошли свет Твой и истину Твою мне, омраченному унынием, спасение лица моего и Бог мой* (Пс. 42, 3. 5); *послѣши Духа Твоего, и будут созданы, и обновишиа лице земли* (Пс. 103, 30).

83. Блажен, кто ненасытно яст и пьет молитвы и псалмы здѣ день и ночь, и укрепляет себя славным чтением Писания; ибо такое причащение доставит душе в будущем веке неистощимое радование.

84. Всеми силами крепись не падать; ибо крепкому борцу не подобает падать; если же случится пасть, скорее вставай и стой опять в добром подвиге. Хотя бы тысячекратно случилось с тобою первое по отступлению благо-

тморіцею ѿ оно да вѣдетъ, сирѣчь еже востаніа, ѿ до скончаніа твоего. Писано бо єсть: ѿкъ аще седмерицею падетъ праведникъ, сирѣчь чрезъ все житіе, седмерицею ѿ востанетъ (Притч. кд, 51). Донелѣже держиши оружіе стѣга шкура, со слезами ѿ моленіемъ еже къ богу, въ столицехъ вѣнчашиса, аще ѿ множицею палъ єси: донелѣже пребываєши со иноки, ѿкъ мужественъ воинъ на преднихъ пріемлєши язвы, ѿмиже ѿ похвалєнъ вѣдєши паче, ѿкъ ниже оуазвлѣемъ претерпѣлъ єси предати ѿ ѿстѣпїти. Аще же ѿстѣпиши ѿ иноковъ: по плещамъ оуазвлѣшиса прочее ѿкъ вѣгънъ ѿ боазлівъ ѿ чиновстѣвитель ѿ бездержновенєнъ.

пс. Лютеѣ, ѿ еже согрѣшати, єсть, еже ѿчлѣвѣтиса: ѿда бо предатель малодушенъ вѣ ѿ неискѣсобрѣненъ, ѿ сегѡ ради на ѿчлѣвшася тогѡ притѣкъ врагъ, силѡ возложї: Пѣтръ же камень твердый страшнымъ паденіемъ низведенъ бѣвъ, ѿкъ искѣсобрѣненъ не ѡслабѣ ниже ѿчлѣвшася печалєнъ бѣвъ, но возскачївъ принесє горчайшя слезы ѿ сердца скорбѣща ѿ смиренна: ѿ аѣте сѣпостѣтъ нашъ видѣвъ сїа ѿкъ пламенми сѣльнѣйшими на зрѣцѣхъ палимъ, ѿскачї вѣжа далече, ѿ лютеѣ плачевѡпльствѣа.

пс. Противъ сїмъ тріемъ напаче ѿночєствѣаѿ, брань ѿмѣти долженъ єсть непримирительнѣ: противъ чревонєистовствѣ, ѿ противъ безпрїѡвѣртенной славѣ, ѿ противъ пѣназолѡбїю (сребролѡбїю), еже єсть идѡлослѣженїе.

пс. Царь некїй ісраїльтанинъ, трѡглодїтанъ ѿзѣкъ ѿ ѿныа варвары, ѡсалмы ѿ пѣнїи ѿ пѣсньми дѡхѡвными повѣдї, во словєсѣхъ ѿ органѣхъ даїдовыхъ (ѿ Парал. бї, г: ѿ Парал. к, кѡ): ѿмаши ѿ ты варвары трѡглодїтаны, въ чувства твоа ѿ оудєса вхѡдѣщыа вѣсы, ѿ плѡть мѡчащыа раждеженїемъ, ѿ оустроающыа тѣа страстнѡ зрѣти же ѿ слышати, ѿ

дати, тысячекратно да будет у тебя и второе (т. е. восстание). И так до конца жизни твоей. Ибо написано, что, если *семь раз упадет праведник*, семь раз и *встанет* (Притч. 24, 16). Пока держишь оружие святой схимы (то есть решимость служить Богу), со слезами и умаливанием Бога, дотолє считаєшь ты в ряду стоящих, хотя бы и часто падал. Пока пребываєшь с иноками, как мужественный воин, получаєшь раны спереди, за которые и похвален будєшь, что, и будучи уязвляем, не уступил, не поддадся и не отступил. Если же отступишь от иноков, то будєшь получать раны уже сзади, как беглец и трус, растерявшийся и оставивший строй.

85. Отчаиваться бедственнее, чем согрешать. Иуда-предатель был малодушен и неискѣсен в брани, почему впал в отчаяние, и враг, набєжав, набросил на него петлю. Петр же, сей камень твердый, подвергшись страшному падению, как искусный в брани, не упал духом и не отчаялся в крайней скорби своей, но, вскачїв, излил горячайшие слезы от сердца сокрушенного и смиренного, и супостат наш, видя сїе, как сильнейшим пламенем палимый в лицо, тотчас отскочил и убежал далеко, лютые испуская вопли.

86. Против следующих трех страстей монах должен до конца непримиримую вести брань: против чревоугодия, против тщєславїа и против сребролѡбїа, которое єсть идѡлослѣженїе.

87. Царь некїй израїльскїй побєдил народ трѡглодитѡв и других с ними варварѡв при псалмах и пенїях, и пєснях духовных, пєтых на органах Давїда и словами его (2 Пар. 12, 3. 2 Пар. 20–22). Имєєшь и ты варварѡв трѡглодитѡв, бєсѡв, в чувства твои и члєны прѡтєснѣющїхся и плѡть томѣющїх разжженїем, и настраивающїх тебѣа страстнѡ смѡтрѣть, слѡшать и обѡнѣть, говорїть непо-

Ѡвонѡвѡти, ѡ глагѡлати неподѡбны глагѡлы, ѡ Ѡчи полны ѡмѣти прелюводѡлнѡ, ѡ смѡщѡтисѡ внѣтрѣ ѡ внѣ ѡкѡ вавѡлѡнскѡѡ пѣць. Попецысѡ оубѡ ѡ сѡмѡ вѣрою вѣлѣю ѡ псалмы ѡ пѣннѣ ѡ пѣсньми дѡхѡвными, дѡбѣйствѡющихъ слѡѡ трѡглодѡтѡнѡвъ вnezѡпѡ ѡстрѣвѣти.

пн. Ѣкоже человекѡ чрезѡ человекѡ спасѡтисѡ хѡцетѡ гдѡ, тѡкѡ ѡ человекѡ чрезѡ человекѡ погѣвнѣти тѡщѣтсѡ сѡтанѡ. Тѣмже не подѡвѡетѡ прилѣплѡтисѡ мѡжѡ презрѣтелю ѡ лѡкѡвѡ (слѡѡмнѡ), ѡ не хрѡнѡщѡ мѡзыка, да не сѡ нѣмѡ вѡ мѡкѡ ѡидѣши: ѣдѡѡ вѡ ктѡ прѡвѣдномѡ приближѡлсѡ спасѣнѣе полѡчѡетѡ. Ѣще же ктѡ сѡ лѡкѡвнѣющимѡ совѡрацѡтисѡ вѡдетѡ, не наблѡдѡѡ сѡ, ѡкѡ гѡвѣительствѡ ѡ прокѡзѡ гѡтѡѡ ѡвѡрѡщѣтѡ ѡстоплѣнѣе (кѡрѡвлекрѡшенѣе): ѡ ктѡ прѡчѣе помѡлѡетѡ, рѡдѡстнѣе приближѡющѡгѡсѡ кѡ смѡю; Бѣгай оубѡ ненакѡзанныхъ мѡзыкомѡ ѡ рѡтѡсрѡзѣтелей, ѡ смѡщѡѡемыхъ внѣтрѣнными ѡ внѣшними оубѡдѣсы.

пѡ. Ктѡ мѡдрѡ, ѡ разѡменѡ, ѡ дрѡгѡ вѣжѣ нарѣщѣсѡ хотѡ, да дѡшѡ своѡ потѡщѣтсѡ прѣдстѡвѣти гдѡвѣи тѡковѡ, ѡковѡ тѡ прѡѡтѡтѡ ѡ негѡ чѣстѡ ѡ недѡзвѣленѡ, ѡ всю непѡрѡчнѡ, ѡ сегѡ рѡдѣи да оубѡвѣнѡетсѡ на небѣсѣхѡ, ѡ ѡ ѡггѡлѡ оублѡженѡ да вѡдетѡ.

ч. Ѣдинѡ глагѡлѡ блѡгѡ скѡвѣрнагѡ нѣкогда ѡнагѡ разбѡйника, чѣстѡ ѡ свѡтѡ содѣлѡ, ѡ вѡ рѡѣ ввѣдѣ, ѡ ѣдинѡ глагѡлѡ неподѡбенѡ, вѡзвѡрѡнѣ мѡѡсѣѡѡвѣи зѣмлю ѡвѣтѡвѡнѣѡ, да не оубѡ мѡлѡ недѡгѡ мѡзыковѡлѣе вѡмѣнѣнѣмѡ: досѡдолѡбцы вѡ ѡ блѡдѡслѡбцы затвѡрѡютѡ сѡбѣ царствѣе небѣсное: занѣже мѡжѡ мѡзыченѡ ѡще вѣ ѡ здѣ ѡспрѡвѣлѡ, но тѡмѡ не ѡспрѡвѣтсѡ, пѡче же запнѣтсѡ, ѡ слѡѡ оублѡвѡтѡтѡ ѡ во ѡстѡлѣнѣе (псал. рѡѡ, вѣ). Дѡбрѣе оубѡ глагѡлѡше прѣмѡдрѡ нѣкѣѣи мѡжѡ: ѡкѡ лѡчше ѣсть пѡстѣи ѡ высѡты на зѣмлю, нежели ѡ мѡзыка. Вѣровѡти оубѡ подѡвѡетѡ ѡкѡвѡѡ ѡпѡстѡлѡвѡ пѣшѡщѣемѡ: да вѡдетѡ

требные речи, очи иметь полные блуда, и быть смятенну и внутри и во вне, по-вавилонски. Позаботься же и ты вконец истребить этих злодействующих в тебе троглодитов верою великою, и псалмами, и песнями, и пениями духовными.

88. Как Господь хочет, чтоб человек через человека спасаем был, так диавол усиливается, чтоб человек через человека погубляем был. Почему не должно прилепляться к мужу презорливому, злоумному и болтливому, чтоб вместе с ним не попасть в ад. Ибо и с праведным кто сближаясь, едва улучшает спасение. Если же кто с лукавующим станет общиться без опасения, то, как заразу и проказу, сретит кораблекрушение. И кто будет жалеть с веселым лицом подступающего к дракону? Бегай же необученных владеть языком, сеятелей раздоров и мятущихся внутри и во вне.

89. Кто хочет, чтоб его прозвали мудрым и разумным, и другом Божиим, тот да печется усердно душу свою представить Господу такую, какую от Него приял ее чистою, неузвлекенною и всю непорочною. За это увенчан он будет на Небесах и ублажен Ангелами.

90. Одно доброе слово сделало некогда непотребного одного разбойника чистым и святым и в рай ввело его. И одно недоброе слово заградило Моисею вход в Землю обетованную. Не будем же почитать языкоболие малою болезнью: ибо злоречивые и суесловые заключают для себя Царствие Небесное. *Человек злоязычный* хотя здесь и может еще какой-либо успех иметь, там же — никакого, но *зло уловит* его в истление {погибель} (Пс. 139, 12). Добре сказал некий мудрый муж, что лучше упасть с высоты на землю, нежели от языка. Надлежит нам потому послушаться святого Иакова, который пишет: *да будет*

всѣкъ челоуѣкъ скоръ оуслышати, и кóсенъ глаголати (Іакв. а̄, ѿі).

ѿа. Іѣкѡ да не паримъ прельщѣемѣ ѿ чѣвствъ ѡ сче-
тѣ, добрò внимати глаголющемъ: Идите людѣ мои,
внидите въ храмѣнѣ сердца ва́шегѡ, сокровѣннѡ всѣ-
комъ чѣвственномъ помышленію, въ безвѣднѡ ѡнѣ
обитѣль, просвѣщѣемѡ безстра́стїемъ же и ѡсѣне-
нїемъ стѣла́ благодати: затворите двѣри своѣ всѣмъ
вїдѣимъ: оукрыйтесѡ малѡ е́ликѡ е́ликѡ: малѡ бо
ѣсть всѣ челоуѣческаѡ жїзнь. И посѣмъ глаголетъ:
Дондеже мимоїдетъ гнѣвъ гдѣнь (Ісѡїн к̄с, к̄). Іѣкоже
їнѣ глагола: Дондеже прейдетъ беззаконїе (Псал. н̄с, в̄):
гнѣвъ бо гдѣнь ѣсть и беззаконїе, негли оубѡ бѣсове и
страсти и грѣхѣ, іѣкоже глаголетъ ко вѣх̄ ісѡїа: Сѣ ты
разгнѣвалсѡ еси, и мы согрѣшихомъ (Ісѡїн ж̄д, є̄).
Оубѣгѣетъ же гнѣва сегѡ челоуѣкъ, внегда внимаѡ
сердцѣ моли́твою, и внѣтрь быти невхòднѡхъ любо-
прѣса: привлѣцы бо, глаголетъ, премѣдрость пѣче внѣт-
реннѣйшихъ: занѣже всѣ слава дщѣре царѣвы внѣтрь
(Псал. м̄д, д̄і). Трѣждаюсѡ же, дондеже вни́дѣ во стѣло
вжїе (Псал. ѡв, з̄і), и въ горѣ досто́нїѡ, глаголетъ, въ
готовое жилище, ѣже содѣлалъ еси гдѣн, стѣнїю, юже
оуготовастѣ рѣцѣ твоѣ.

ѿв. Хотѣи воїстиннѣ ѡреци́сѡ, блаженномъ да по-
дражѣетъ пророкъ е́лїссею, ни є́дїнѣ севѣ ѡстѣвль вѣщъ
мнозѣмъ и ѡгнепла́меннымъ ѣже къ вѣх̄ раченїемъ. Всѣ
оубо имѣнїѡ своѣ да раздѣстъ трѣвѣющимъ, и та́кѡ
понѣсѣ крѣтъ гдѣнь предложенїемъ, да понѣждаетсѡ на
бòльнѡ смѣртъ винòвнѣ бывающѣ вѣчнагѡ царствїѡ.

ѿг. Є́гда достїгнеши оуразумѣти, іѣкѡ ѡморрей воз-
могѣетъ въ тебѣ іѣкѡ дѣвѣ: помолїсѡ гдѣви прилѣжнѡ,

всякий человек готов слушать, не скор на слова (Иак. 1, 19).

91. Чтоб не парить нам и не рассеиваться, прельщаясь
суетностью, хорошо внимать пророку, который говорит:
иди, народ Мой, войди в покои твои, в храмину сердца
вашего, сокрытую от всякого чувственного впечатления,
в оное обиталище безобразное, осияваемое бесстрашием
и осенением святой благодати, затвори двери свои от все-
го видимого, *укройся на малое мгновение, —* ибо и вся
жизнь человеческая мала, и после сего прилагает: *пока*
минует гнев Господень (Ис. 26, 20), как другой некто ска-
зал: *пока не пройдет беззаконие* (Пс. 56, 2). Ибо и безза-
коние, а следовательно и бесы, и страсти, и грехи суть
гнев Божий, как говорит к Богу Исаия: *вот Ты прогневал-*
ся за то, что мы согрешили (Ис. 64, 5). Избегает же сего
гнева человек, непрестанно внимая сердцу в молитве, и
усердно борясь быть внѣтрь, во внутренней своей непри-
ступной храмине. Ибо привлеки, говорит некто, премуд-
рость во внутреннейшая твоя (ср. Притч. 8, 12; Сир. 45,
31; 51, 18); потому что *вся слава Дщери Царя внутри* (Пс.
44, 14), говорит другой, прилагая: *это было трудно мне,*
пока я не вошел во святилище Божие (Пс. 72, 16–17), и в
гору достояния (см. Пс. 67, 17), в готовое жилище (см.
Пс. 32, 14), которое соделал Ты, Господи, во святыню,
которую уготовали руки Твои (см. Пс. 77, 54).

92. Желаящий истинно отрещися от міра, да подра-
жает блаженному пророку Елисею, ни одной вещи из
имений своих с собою не взявшему, по великой, как пла-
менем распявшей его любви к Богу. Все, что есть у не-
го, пусть раздаст он нуждающимся, и подъяв таким обра-
зом Крест Господень, да течет произволением на вольную
смерть — виновницу вечного Царствия.

93. Когда восчувствуешь, что Амморей возмощает в
тебе, как дуб, прилежно молись Господу, да иссушит Он

да изсѣшитъ плодъ егѡ аморреевъ. свѣрхѣ, сирѣчь дѣлательный грѣхъ: и кореніа егѡ ѡисподѣ, сирѣчь нечистыа помыслы. И да ѡиметъ гдѣи аморреа ѡ лица твоегѡ.

Ѣд. Не подобаетъ оужасатиса, внегда аще видите посмѣвающихся безмолвію нашемъ, немощныхъ безмолвствовать: паче же пойте на нѣ, обаче не слопомнаще, и еже къ бгѣ повиновеніе ваше сѣланше противу поставите имъ, вопіюще внегда пѣти: обаче бгѡви повиниса душа моа (Псал. ѡа, 5): вмѣстѣ во еже любить мѣ, ѡболгачъ мѣ, азъ же молѣхса (Псал. рн, д), ѡ моѣмъ же и онѣхъ исцѣленіи.

Ѣе. Не дхнѣвш на море вѣтрѣ жестокѣ, не оубо оувидитса волна, и не нашедш на ны вѣсѣ, не имать ѡвзреватиса страстми душа ниже тѣло.

Ѣс. Аще согрѣваешиса приснѣ молитвою и вжественноу благодатію, глаголетъ къ тебѣ вжественное писаніе, іакѡ ко ѡблеченномъ во оръжіа свѣта: твое же ѡдѣаніе тепло: врази бо твои іакоже въ сгѣбо ѡдѣаніе, въ стѣдъ ѡдѣашаса и дрожаніе.

Ѣз. Памать пріемла прегрѣшеній твоихъ, не лѣниса бити перси, іакѡ да таковыми оуазвленми каменостѣци имаша ѡкамененное сердце: и ѡбращеши крѣшець мытаревагѡ злата, и возрадѣшиса ѡ богатствѣ тайнѣмъ.

Ѣи. Огнь моленій ѡлучшихъ, и стѣгѡ побченіа словесъ дха, да горитъ вынѣ на жертвенницѣ души твоеа (Левіт. 5, 6).

Ѣф. Аще приснѣ тѣишиса ѡвѣти нозѣ во оуготованіе благовѣствованіа міра (Ѣфес. 5, 6), созидеши всѣмъ и свой сн домъ и ближнагѡ твоегѡ: аще же оуныеши, ѡплеванъ будеши невидимѣ, и по законѣ наслѣдиши имѣ изѣтагѡ изъ сапога (Втор. 25, 9, 10).

плод его сверху (т. е. делом совершаемый грех) и корни его снизу (нечистые помыслы). И да отженет Господь Аморея от лица твоего!

94. Не следует чудиться, когда увидите посмевающихся безмолвию нашему, потому что сами не могут безмолвствовать; лучше пением отразите дурное от них впечатление, однако ж без злопамятства, восставляя в себе вящее Богу повинование ваше, и взывая в пении: *только Богу повинуйся, душа моя* (Пс. 61, 6); *ибо вместо того, чтобы любить меня, они лгали на меня, — а я молился* (Пс. 108, 4), об исцелении и меня самого, и их.

95. Если не дохнет на море сильный ветер, не появится волнение; и если не нападет на нас бес, не взволнуется страстми ни душа, ни тело.

96. Если ты всегда бываешь согреваем молитвою и Божественною благодатью, то, как говорит Божественное Писание, ты облечен во оружие света. Твое одеяние тепло, враги твои облечены, как в двойную одежду, в стыд и дрожание от холода.

97. Держа памятование о своих погрешениях, не ленись ударять в перси свои, чтоб такими ударами разбить и умягчить окаменелое сердце, как каменщики разбивают металлоносную почву; и обретишь в нем жилу злата, и возрадуешься о сокровенном сокровище.

98. Огонь желанія высших благ и святого богомыслия о словах Духа да горит непрестанно на жертвеннике души твоей.

99. Если всегда будешь стараться *обув ноги в готовность благовествовать мир* (Еф. 6, 15), то всеконечно устроишь добре и свой собственный дом, и дом ближнего твоего. Если же возмалодушествуешь [при встрече неприятностей], то оплеван будешь невидимо, и по закону наследуешь *имя... разутого из сапога* (Втор. 25, 9, 10).

р. ꙗ́ще по іѡáннѣ, вѣ́тъ любви ѣ́сть: любáй въ вѣ́тъ пребывáетъ, и́ вѣ́тъ въ нѣмъ (Іѡан. 4, 19 и́ 21). Ненавídaй же блíжнаго въ любви распражéни, ꙗ́вѣ, ꙗ́кѡ ненави́сть составля́етъ. Ненавídaй оубо тождерóднаго въ растоáнii ѿ вѣ́а ѣ́сть, понéже вѣ́тъ любви ѣ́сть, и́ пребывáай въ любви, въ вѣ́тъ пребывáетъ, и́ вѣ́тъ въ нѣмъ. Томѹ́ сла́ва и́ держа́ва, нынѣ́ и́ приснѡ, и́ во вѣ́ки вѣ́кѡвъ, а́минь.

Конецъ главамъ книги.

100. Если, по Иоанну, *Бог есть любовь*, то любящий в Боге пребывает и Бог в нем. Кто же ненавидит ближнего в разрыве союза любви, тот очевидно вместо любви восприял ненависть. Ненавидящий убо однородного себе далеко отстоит от Бога, если *Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16). Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Конец главам [книги].

Блаженнаго ѿоанна карпафійскаго, слово
подвижческо и сѣлѡ оутѣшительно къ побѣ-
днѣшымъ и ѿ индїи ѿнокомъ.

Никогдаже да восхощеши паче ѿнока, мїранїна оубла-
жити, имѣща женѹ и дѣти, и радѹющася за еже
благотворїти многѣмъ и избѣльнѹ милостыню дѣла-
ти, и ѿнюдѣ ниже ѿ бѣсѡвъ искѹшатися, вмѣнѣа себе
ѿ ѡнаго быти мѣнша во бл҃гоугожденїи вжїи. Ниже
ѡкавѣй себе ѿакѡ погибающѣ. Не глаголю во, ѿакѡ не-
порѡчнѹ живѣши, терпѣ во ѿноцѣхъ, но ѡще и сѣлѡ
грѣшенъ еси: скорбѣ душї твоеѣ и злострадѣнїе чѣстн-
ше есть оуб҃га, превосходѣщїа житѣйскаго добродѣте-
ли. Печаль твоѣа многѣа и жалѣнїе, и въздыхѣнїа, и
сѣтованїе, и слѣзы, и мѹчительство совѣсти, и недо-
умѣнїе помысла, и еже ѡсѹждѣтися мыслїю, и рыданїе,
и плачь оума, и плачевѡпльствїе сѣрдца, и сокрѹшенїе, и
смѹщенїе, и ѡкаванїе, и дрѹхлость и оуничиженїе, сїѣ
всѣа и такѡвѣа, ѿже множицею слѹчѣютсѣ вѣ желѣзнѹю
пѣць искѹшенїи ввергаемымъ, чѣстнша и благопрїѣ-
тнша по превосхожденїю ѿ благоугожденїа мїранїнова.
Внемлї оубѡ, да не подпадѣши по речѣнїю глаголющаго
вжѣственнаго писанїа ѿ лица твоего: *Иѡкѡ что во
пользовахомсѣ молїтвенницы шѣдше предъ гдѣемъ, и вѣ*

Иже во святых отца нашего Иоанна Карпафий-
ского Слово подвижническое и очень утешительное к обратившимся [к нему] монахам из
Индии, восполняющее число ста глав

Никогда не вздумай счастливее монаха считать
мїрянина, имеющего жену и детей и увеселяющегося
тем, что многим он делает добро, и щедро творит мило-
стыню, и вовсе не терпит искушений от демонов, — [не
думай так,] признавая себя ниже его по благоугождению
Богу, и не окаевай себя как погибающего. Ведь я не гово-
рю, что ты живешь безукоризненно, оставаясь в монахах.
Но если ты бываешь и очень грешным, то скорбь души
твоей и злострадание дороже пред Богом, нежели вы-
дающаяся добродетель мїрянина. Печаль твоѣа великая,
уныние, въздыханїа, томление, слезы, мучение совести,
недоумение помысла, самоосуждение мыслию, вопль и
плач ума, рыдание сѣрдца, сокрѹшение, бедственность,
смущение, уничижение — все это и сему подобное, что
часто случается с людьми, вметаемыми в железную печь
искушений, бывает ценнее и несравненно благоприятнее
благоугождения мїянина. Итак, внимай, чтобы не под-
вергнуться тебе порицанию божественного Писания, го-
ворящего от твоего лица: *«Какую пользу извлекли мы,
пошедшие молитвенниками пред Господом (Ср.: Мал. 3,*

домъ егѡ пребывающе приснѡ; ѿвѣ же, ѿкѡ всѧкъ рабѣ
 близъ сый домъ владыки, тогда и вѣнїа прїемлетъ, и
 зашѣнїа, и оукорїзны (поречѣнїа) и поношѣнїа: внѣ
 же сѡщїи прѡчее далѣче сѣтъ ѿ ѿзвѣ, ѿкѡ чѣжди или
 таймичици (прелюбодѣйчици), или небрегѡми. Чтѡ
 оубо пользовахомсѧ, глаголютъ; мы оубѡ въ скѡрбнаа
 впѣдающе дѡшею же и тѣломъ, иже всегда молѡщїисѧ
 же и поющїи: тїи же ни молѡщїисѧ, ни бдѡщїи ра-
 дѡютсѧ и веселѡтсѧ, и благопоспѣшни сѣтъ, и благо-
 дѡшнѡ производѡтъ житїе. И ѿкоже глаголетъ прорѡкъ:
 Сѣ созидѡтсѧ дѡмы чѣжди, и мы блажїмъ чѣждихѣ. И
 навѡдитъ глагола: Сїа рекѡша раби бжїи, имѡщїи
 рѡзѡмъ. Но ѡвѣе подобѣетъ вѣдѣти, ѿкѡ ничтѡже
 страннѡ страждѡтъ ѡскорблѣми, и различнѡ ѡпеча-
 лѣми, ѿже влїки своегѡ терпѡще многими искѡшенїи:
 слышаша бо егѡ глаголюща во еѡлїихѣ: Амїнь, амїнь
 глаголю вамъ, восплачѣтсѧ и возрыдаѣте вы ближнїи
 мои, а мїръ возрадѡетсѧ (їѡан. 51, к): ещѣ малѡ, и
 посѣщѣ вы оутѣшителемъ, и ижденѣ оубнїиѣ вѡше, и
 возвеселю вы помысли невѣснагѡ житїа, и оупокоѣнїа, и
 слезами сладкими, иже малы дни лишѣни вѣсте искѡ-
 шаѣми: и воздамъ вамъ мздѣ (сосѣцѣ) благодѡти моеѡ,
 ѿкоже мѡтеръ младенцѣ плачѡщемъ, и оукрѣплю вы ѿже
 свѣше сїлою, и знемогшымъ за еже вневгдѡ рѡтоватисѧ: и
 оуслаждѣ вы ѡгорчѣннымъ, ѿкоже глаголетъ іеремїа въ
 плачѣ ѡ тайнѣмъ своемъ іерѡсалїмѣ: и оузрю вы, и
 возрадѡетсѧ сѣрдце вѡше тайнымъ посѣщенїемъ, и
 скѡрбѣ вѡша въ радѡсть преложїтсѧ, и радѡсти вѡшеѡ
 нїктоже возмѡжетъ взѡти (їѡан. кѡ).

Да не оубо сомжїмъ, ниже возслѣпотствѡзимъ, оубла-
 жающе пѡче насѣ мїранѣ: но вѣдаѡ различїе истыхѣ
 сынѡвѣ и прелюбодѣйчицѣ, пѡче возлюбимъ мнїмое

14) и всегда пребывающие в доме Его?» Очевидно, что
 всякий раб, находясь вблизи домовладыки, иной раз по-
 лучает и удары бича и заушения, выговоры и упреки, а
 находящиеся вне [его дома] все время бывают вдали от
 ударов как чужие или оставляемые в пренебрежении.
 «Так какую пользу, — говорит [малодушный], — полу-
 чили мы, подвергаясь скорбям душою и телом, мы, всегда
 молящиеся и поющие, между тем как те, не молясь, не
 бодрствуя, радуются, веселятся, бывают счастливы и бла-
 годушно проводят жизнь?» И вот *созидаются* дома чу-
 жие, *мы чужих считаем блаженными*, как говорит про-
 рок и прибавляет, говоря, что *это сказали* рабы Божии,
 имеющие ведение (Ср.: Мал. 3, 15–16). Но, однако, следу-
 ет знать, что ничего странного они не терпят, когда, утес-
 няемые и различным образом огорчаемые, переносят
 волю своего Владыки путем многих искушений. Ибо они
 слышали, как Он говорит в Евангелии: *«Истинно говорю*
вам: вы восплачете и возрыдаете, ближние мои, *а мїр*
возрадуется» (Ин. 16, 20), но еще немного — и Я посету
 вас через Утешителя, изгоню уныние ваше, обрадую
 (ἀνακτήσομαι) вас упованиями (λογισμοῖς) на небесную
 жизнь и покой и сладкими слезами, которых вы лишились
 в течение нескольких дней, будучи искушаемы; и дам вам
 грудь благодати Моей, как мать рыдающему младенцу, и
 укреплю вас, изнемогших в брани, силою свыше, и усла-
 жду вас, *огорченных*, как говорит Иеремия в Плаче о
 внутреннем вашем Иерусалиме (См.: Плач 1, 20), так что
«увиджу вас, и возрадуется сердце ваше от тайного посе-
 щения, *и печаль ваша превратится в радость, и радости*
вашей никто не сможет забрать» (Ин. 16, 22. 20).

Итак, не будем смежать очей своих, не будем слепот-
 ствовать, считая мїрянина счастливее себя; но, понимая
 различие между законными сыновьями и незаконнорож-
 денными (Ср.: Евр. 12, 8), возлюбим лучше мнїмое убо-

инокъ въ слюстраданіе же и зблное оудрчєніе, егѡже конєць въ живѡтъ вѣченъ свываетса и въ неввдае-мый славы гдни вѣнєць. Прїимемъ мнѡцихса грѣш-ныхъ пѡстникъ, да не глаголю правєдныхъ слюстра-даніе. И еже приметатиса въ домѣ вѣїи, сирѣчь въ чинѣ рабѡтающихъ непрестанно хрѣтѡви: а не жити въ селєніихъ грѣшничихъ, илї сообрацатиса (преывати) съ мїрскїми, аще и великїа творятъ правды. Глаголетъ бо къ тебѣ, ѿ иноче, оцѣ твой небесный, прелюблї тл, и ѡскорблїи, и оудрчїи тл различными искушенїа-ми: добрѣ вѣждь, иноче терпѣлїе, занє іакоже чрезъ пророка глаголахъ: вѣдѣ тебѣ наказатель (Ψсїи ̅, ̅), и срѡцѣ тл на пѣти егїпетстѣ, скорбными тл ѡвѣчал: и пѣти порѡчныа (оукѡрныа) заграждѣ тернїемъ моегѡ промысла, водїи напѡстїми нечѡанными и возбранїа, да не іаже хѡщєши несмыслєннымъ сєрдцемъ, сїа всѡкѡ и въ дѣло производїши (Ψсїи ̅, ̅). И заграждѣ морє страстєй твоихъ, враты цєдрѡтъ моихъ. И вѣдѣ тебѣ іакѡ панѣирь, подала тл помыслами поречєніа, и за-зрѣнїа и раскѡнїа въ совѣсти невѣдѣнныхъ тобѡю (Ψсїи ̅, ̅, и слѣд.): сїа же всѡ скѡрбнаа, величїи-шаа єсть благодѡтъ вѣїа. Не токѡмѡ же панѣирь, но и ѡстенъ тебѣ вѣдѣ, помыслы оумилєнїа оуавлїа тл, и болѣзни сердечными. И не ѡскѡдѣетъ болѣзнь ѡ домѣ твоегѡ, сирѣчь ѡ дѡши и тѣла добрѣ и полєзнѣ стрѣ-жемыхъ вѣїими сладкими воїстиннѣ и медонскѡпатє-льными мѡчїтельствы. Конєць же мѡчєнїи и болѣзней и смѡтєнїа и сѡрама и стрѡхѡвъ и ѡчѡаванїи приключѡтиса ѡвѣкшнихъ, пѡстничєствовати предложївшымъ, сїихъ всѣхъ печѡльныхъ конєць: радѡсть єсть небєснаа, и наслаждєніе несказанно, и сладѡсть неизглаголанна, и радѡванїе непрестанное. Сегѡ бо радї ѡскорбїихъ тл,

жєство (ἀθλιότητα) и сильное утруждение монахов, конец которого приводит к вечной жизни и к «*неувядаемому венцу славы*» Господней (1 Пет. 5, 4). Возлюбим поэтому тесный путь (ταλαιπωρία) подвижников, [этих] мнимых грешников — чтобы не сказать праведников, — [возлюбим] «*повергаться в доме Бога*», то есть в сонме непре-станно служащих Христу, а не «*жить в селениях грешников*» (Пс. 83, 11) или вращаться среди мїрян, хотя бы и они совершали великие [подвиги] праведности. Ибо тебе, монах, говорит Отец твой Небесный, особенно любящий тебя и утесняющий и удручающий тебя разнообразными искушениями: «Будь уверен, бедствующий инок, что, как Я сказал через пророка, Я буду твоим *руководителем* (Ос. 5, 2), и встречу тебя на пути египетском, изощряя тебя скорбями, и *пути* твои, достойные порицания, Я *ограничу преградой* (Ос. 2, 8) Моего промысла, поражая неожидан-ными несчастьями и препятствуя приводить решитель-ным образом в дело то, чего ты желаешь неразумным сердцем; и Я *загражду море* страстей твоих *вратами* (Ср.: Иов 38, 8) Моего милосердия (οἰκτιρῶν); Я буду для тебя, как *пантера* (Ос. 13, 7), съедающая тебя помыслами по-рицания, осуждения и раскаяния при сознании заблужде-ний твоих. — (Все же эти скорби — величайшая милость Божия.) — Но Я буду для тебя не только *пантерой*, но и *жалом* (Ос. 5, 12), уязвляющим тебя помыслами сокру-шения, страданиями сердечными, и *скорбь от* дома твое-го не прекратится (Ос. 5, 13), — очевидно потому, что душа и тело прекрасно и с пользой посещаются (ξενομένων – букв. «обтесываются») истинно сладкими и медоточными наказаниями Божиими. Концом же наказа-ний, трудов, смущения, стыда, страхов и отчаяний, обык-новенно случающихся с людьми, решившимися подвиз-аться, — концом всех этих мрачных [явлений] бывает небесная радость, неизъяснимое наслаждение, несказан-ная слава и непрестающее веселие. — Ибо из-за того, —

глаголетъ, да напитáю тл̃ мánною рáзѸма, и глáдомъ придавѣхъ тл̃, да благосотворю тебѣ напослѣдокъ, и въ гóрнее царство введѸ тл̃. Тогда бо възиграете смиренши иноцы, ꙗкоже тельцы разрѣшенни ѿ оузъ, ѿ страстей плóти и ѿ ѿскушенїа врагѡвъ: и тогда поперете беззакѡнныа бѣсы, нынѣ васъ попирающыа, и бѣдѸтъ ꙗкѡ пепелъ подъ ногáма вáшими. ꙗще бо благочестїивъ и смиренномѸдръ еси, не превозношаася сѸетнымъ дмѣнїемъ, ниже продерзала, но сокрушенъ сѸрдцемъ, и вмѣнила себе неключима раба быти, и сокрушенъ дѸхомъ: ꙗще таковъ смиренномѸдръ еси, лѸше есть твоѣ, ѿ иноче, прегрѣшенїе правды мїрскихъ, и нѸжданїишы твоа скверны паче великагѡ житейскихъ ѡчищенїа. Чтѡ бо есть, егѡже ради скорбиши; всаку пороку есть приключившїа. Но виждь некоего человекá ѡсмолившася рѸкама, малымъ елеемъ ѡчїстившася: многѡ оубѡ паче ты можеша ѡчїститиса мїлостїю вѣїею. ꙗкоже бо тебѣ несть недѡбно ѡмыти твою рїзѸ, таку многѡ паче несть недѡбно гдѣви ѡмыти тл̃ ѿ всакагѡ порока, ꙗще и на всакъ дѣнь, ꙗкоже подобно (вѣроатно) есть, приключаетсѡ ѿ нѸжды ѿскушенїи. Внегда бо глаголати тебѣ: согрѣшихъ гдѣви! ѡвѣтъ даѣтсѡ: ѡпѸцаютсѡ грѣси твои. ꙗзъ есмь изглаждааи, и не поманѸ. Елику бо ѡстоатъ востѡцы ѿ западъ, оудалилъ ѿ тебе грѣхї твоа (Ѳал. рѡ, вї). И ꙗкоже цѣдритъ ѡтець сыны, азъ оущедрю тебе: тѡчїю ты да не ѡстѸпиши, ниже ѡскѡчиши избравшагѡ тл̃, во еже пѣти и молїтиса. Но прилѣписѡ къ немѸ во всѣмъ животѣ твоѣмъ, илї дерзновенїемъ чїстымъ, илї безстѸдїемъ благочестїивымъ и крѣпкимъ томѸ исповѣдаася, и тѡй тл̃ ѡчїститъ своимъ мánїемъ. ꙗже бо бѣ хотѣнїемъ своимъ ѡчищаетъ, ниже самъ пѣтръ верховный ѡсквер-

говорит Он, — Я утеснил тебя, чтобы *напитать тебя* манной познания, *истомил тебя голодом* (Ср.: Втор. 8, 3. 16), чтобы облагодетельствовать тебя впоследствии и ввести в горнее царство. Ибо тогда, *как тельцы*, отвязанные *от уз*, *возиграете* вы, смиренные иноки, [отрешенные] от страстей плоти и от искушений врагов, и тогда вы будете *попирать нечестивых* демонов, которые ныне попирают [вас], и *они будут прахом под ногами вашими* (Ср.: Мал. 3, 20–21 [4, 2–3 слав.])». Ибо если ты благочестив и смиренномудр, не превозносишься суетною надменностью, не опрометчив, но сокрушен сердцем, считаешь себя за *непотребного раба* (Ср.: Лк. 17, 10) и смирен духом, — если, будучи таков, ты смиренномудр, то твое прегрешение, монах, предпочтительнее праведности мїрян и твои нечистоты необходимее великого очищения житейских [людей]. Ведь что такое то, из-за чего ты скорбишь? Конечно, [это] порок, но случайный (ἐπισημβάς); а посмотри, как какой-нибудь человек, испачкавший свои руки смолою, очистился при помощи малого количества масла. Так ты гораздо более можешь быть очищен милостию Божией. Ведь как тебе нетрудно вымыть твою одежду, так в гораздо большей степени Господу легко омыть тебя от всякого порока, хотя бы ежедневно, естественно, поневоле и случалось искушение. Ибо в то время, когда ты говоришь: «Я согрешил пред Господом», — дается ответ: «*Отпускаются твои грехи* (Ср.: Мф. 9, 2). *Азъ есмь изглаживающий [их] и не помяну* (Ис. 43, 25). Ибо *как далеко отстоит восток от запада, так удалил Я от тебя беззакония твои, и как отецъ милует сынов*, так Я милую тебя (Ср.: Пс. 102, 12. 13)». Только ты не отставай и не отступай от Того, Кто избрал тебя на псалмопение и молитву, но прилепись к Нему во всю свою жизнь или чистым дерзновением, или благочестивым непостыдством и твердым исповеданием Ему. И Сам Он очищает тебя Своим собственным мановением.

нѣти возмѡжетъ, ѡли ѡсѡдити: речеса бо къ немѡ: Иже бѣъ ѡчиствилъ ѣсть, ты не сквернѣ (Дѣян. 1, 15). Аще бо бѣъ ѣсть, иже своимъ человеколюбіемъ ѡправдивый насъ, кто ѣсть ѡсѡждай ны; (Римл. 1, 14) Призывающимъ бо намъ има гдѣ нашего ииса хрѣта, оудѡбъ ѡчищаетса совѣсть наша. И ничтѡже раздѣляетъ междѡ нами же и пророки, и прочіими стѣими: не бо положиъ ѣсть насъ бѣъ во гнѣвъ, но въ снабдѣніе, гдѣемъ нашимъ иисъ хрѣтомъ оумѣршимъ за ны. Да аще бодрствемъ въ добродѣтелехъ, аще спимъ по некоему ѡбстоянію, ѡкоже подобно (вѣроатно) ѣсть въ некихъ оумаленіихъ, вкѡпѣ со хрѣтомъ живи будемъ, къ немѡ взирающе съ великими стенаніи, и плачущеса непрестанно, и тогѡ въздышце.

ѡблецемса оубо въ броню вѣры, и воспріимемъ шлемъ, надѣждѡ спасеніа, да не ѡбращѣтъ привѡда стрѣлы ѡчашнѣа и безнадеждѣа. Но ты глаголеши ѡкв гнѣваюса, егда видѡ ничімже искѡшаемыхъ мѣранъ, и люте распыхаюса. Но вѣждъ, возлюбленне, ѡкв потребы не имать сатана искѡшати самонскѡшаемыхъ, и присно на дѡльнѣа влекѡмыхъ житѣйскими вещьми. Вѣждъ же и сѣе, ѡкв искѡшаемымъ почеси ѡлагаются и вѣнцы: не бо не пекѡщимса ѡ вѣѣ, и знакъ лежачимъ и храплющимъ мѣраномъ. Но азъ, глаголеши, многу стѣло искѡшаемъ ѣсмъ, и лѡдвѣа моѡ наполняются порѡганіи, ѡкоже глаголетъ пророкъ, и страданіе ѣсть и слаженіе, и несть во плѡтехъ исцѣленіа и прилѣжаніа ѡ костехъ: но оубо близъ великѣи томимыхъ врачъ присутствуетъ, понесѣи немощи, наша, и азъвоу своею исцѣлѣивый насъ и исцѣлѣай: присутствуетъ и нынѣ, наложивъ спасительныа лѣчы: азъ бо, глаголетъ, поразихъ ѡставленіемъ, азъ и исцѣлю: оубо

Ибо что Бог очищает Своим хотением, того не будет в состоянии и сам великий апостол Петр признать нечистым или осудить. Ибо сказано ему: «*Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым*» (Деян. 10, 15). Ведь разве не Бог оправдал нас Своим человеколюбием? Кто же будет осуждать нас? (Ср.: Рим. 8, 34) Ибо когда мы призываем имя Господа нашего Иисуса Христа, то легко очищается совесть наша, и [тогда] не бывает никакой разницы между нами и пророками и прочими святыми. «*Ибо Бог определил нас не на гнев, но к получению [спасения] через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли в добродетелях, или спим по некоему обстоянию, как естественно при некоторых слабостях, жили вместе со Христом*» (1 Фес. 5, 9, 10), взирая на Него с великими стенаниями и непрестанным плачем и Им дыша.

Итак, «*облечемся в броню веры*» и возьмем «*ишем надежды спасения*» (1 Фес. 5, 8), чтобы не нашли доступа к нам стрелы отчаяния или безнадежности. Но ты говоришь опять: «Я сержусь всякий раз, когда вижу, что миряне несколько не подвергаются искушению, и сильно раздражаюсь». Так знай, возлюбленный, что сатана не имеет надобности искушать тех, кто сам себя искушает и житейскими делами увлекается всегда к земному. Познай также и то, что искушаемым уготованы награды и венцы, конечно, не тем, которые не думают о Боге, и не тем мирянам, которые лежат ниц и храпят. «Но я, — говорит [малодушный], — терплю слишком много искушений, ибо *чресла мои полны воспалений* (Пс. 37, 8), как говорит пророк, и [только] бедствие и угнетение, и нет исцеления для плоти и попечения о костях (Ср.: Пс. 37, 4 + Притч. 3, 8)». Но ведь есть вблизи великий Врач страждущих, *понесший наши немощи и страданием Своим исцеливший нас* (Ср.: Ис. 53, 4, 5 + Мф. 8, 17) и исцеляющий; предстоит Он и теперь, налагая спасительные лекарства. «Ибо

да не оубоишиса: егда бо гнѣвъ ярости моеа оуканетъ, паки исцѣлю. Икоже бо не забѣдетъ жена, еже помилувати исчадіа чрева своего, такъ ниже азъ забѣдетъ тебѣ, глаголетъ гдѣ (Исаіи мѣ, ѿ). Ище бо оутрѣбы птицы изливѣются къ птенцѣмъ еа, и на всѣмъ часѣ посѣщѣетъ а, и приглашѣетса къ нимъ, и пищѣ оусты тѣмъ подаваетъ: многу паче щедрѣты моа изливѣются на созданіа моа, и многу множае оутрѣбы моа на тѣ изливѣются, и посѣщѣю тѣ отай, и бесѣдѣю къ тебѣ во оумѣ, и пищѣ мысли влагаю, зинѣвшей ѿкъ малой ластовицѣ: пищѣ бо тебѣ подаю страха лѣчшаго, и пищѣ желаніа небесна, и пищѣ воздыханій оутѣшеніа, и пищѣ оумиленіа, и пищѣ пѣснопѣніа, и пищѣ разума глубочайша, и пищѣ бжественныхъ нѣкїихъ таинъ: сїа глагола тебѣ вѣка твоѣ и оцѣ, ѡбличаю и застѣпаю. Сїа оубо гдѣ намъ присно бесѣдѣетъ помышленіи.

Азъ же вѣмъ, ѿкъ превзыдохъ мѣрѣ, многа писавъ, но вы подвигосте ма сїе сотворити: распространихъ же слово оутверженіа ради бѣдствѣющихъ ѡ малодѣшїа пѣсти. Занеже ѡбрѣтѣшася, ѿкоже писаете ми, оу васѣ сѣщихъ во индїи нѣщыи ѡ братїи паче чланїа, сѣлѣ ѡтѣгченни искѣшенїи, и ѡрицающеся и житїа и пребыванїа иноковъ, глаголюще быти то оутѣшенно и тѣмовѣдственно: и ѿкъ ѿвѣ мїрскихъ оубо оублажиша, порекѣша же (и) дѣнь, въ онъже ѡбразъ прїаша. Сегѣ ради и азъ понѣдихса должайшее сотворити настоящее слово, и гладкими глаголы, ѿкоже мощи и невѣждѣ и не книжномъ глаголемаи разѣмѣти. Сегѣ ради многа написахъ, да прочее не ктомѣ мїранїна, но самѣхъ себѣ тѣчїю оублажаютъ иноцы, иже безъ всѣкаго прекослѣвіа лѣчшы сѣть дїадїмы на главѣ носѣщихъ, и свѣтлѣишы, и славноишы, ѿкъ вѣ присно присѣдѣаце.

Я, — говорит Он, — порази оставлением, Я и исцелю (Втор. 32, 39). Итак, не бойся; ибо, когда ярость гнева Моего истечет, Я опять уврачую (Ис. 7, 4). Ведь как жена не утратит чувства жалости к чадам чрева своего, так и Я не забуду тебя, — говорит Господь (Ис. 49, 15). — Ибо если любовь птицы излита на птенцов ее и она ежедневно посещает их, обращает к ним свой голос и подает пищу в уста их, то значительно более Мои милости изливаются на Мои создания, и Моя благодать (σπλάγχνα) гораздо более излита на тебя: Я тайно посещая тебя, мысленно беседую с тобою и влагаю пищу в отверстый твой разум, как малой ласточке. Ведь Я доставляю тебе пищу страха пред Сильнейшим, пищу желания небесного, пищу воздыханий об утешении, пищу сокрушения, пищу сладкопения, пищу более глубокого знания, пищу некоторых божественных таинств. Если же Я, твой Владыка и Отец, лгу, говоря тебе это, то ты обличи Меня, и Я потерплю», — вот о чем всегда беседует с нами Господь мысленно.

Понимаю, что я преступил меру, много написавши. Но вы заставили меня это сделать. Распространили же мы это слово для утверждения тех, которые подвергались опасности пасть от малодушия. Так как нашлись, как вы писали мне, у вас, живущих в Индии, вопреки ожиданию, некоторые из братии, очень обремененные искушениями и отказывающиеся и от жизни, и от быта монахов, говоря, что он удушлив и представляет бездну опасностей, и они явно считали мїрян счастливыми и порицали дѣнь, в который они приняли [иноческий] образ (σχημα), — то поэтому со своей стороны я вынужден был сделать более длинным настоящее слово и распространить его в более гладких выражениях, чтобы и непосвященный человек и неученый мог уразуметь то, о чем говорится. Вот почему я написал много, чтобы на будущее время монахи уже не мїрянина считали счастливым, но только самих себя, так

И́зъ же сѣѧ написавъ, молю ва́шѸ любовь, пѧмать мою въ моли́твахъ всегда́ творѣти, ꙗкоже сподобитисѧ мнѣ о́ка́нномѸ бѣ́годати гдѣни, на добрѣ́йшѣй и́ благѣ́й конѣцъ ѡ́предѣлѣти настоѧ́щю́ жизнь. О́цъ же щедро́тъ и́ бѣ́ въ всѧ́кѣѧ оутѣ́хѣи (вѣ Кор. ̑, ̑) пода́стъ ва́мъ оутѣ́шеніе вѣ́чно, и́ оупова́ніе блага́го (вѣ Сол. вѣ, 51) ѡ́ хрѣ́тѣ́ и́исѣ́ гдѣ́Ѹ на́шемъ, ѣмѸже сла́ва и́ держа́ва, во вѣ́ки вѣ́кѡвъ, а́минь.

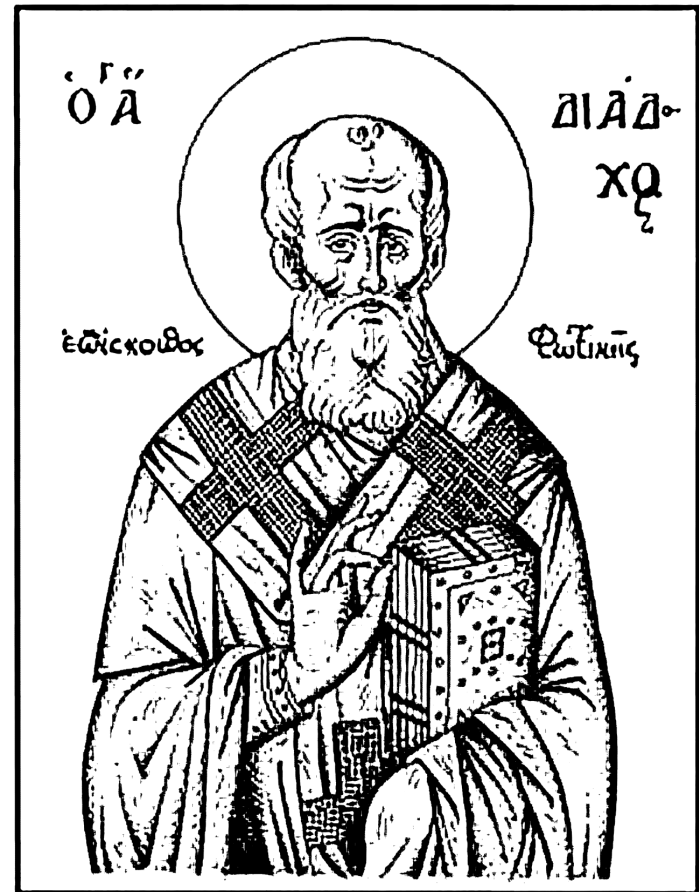

как они, без всякого сомнения, сильнее царей, носящих диадемы на голове своей, и светлее и славнее их как приседающие всегда Богу.

Я же, написавший это, умоляю вашу любовь творить память о мне непрестанно в молитвах, чтобы мне, убогому, удостоиться благодати Господней, скончать настоящую жизнь в самом лучшем и благом исходе. «Отец же щедрот и Бог всякого утешения» (2 Кор. 1, 3) да подаст вам «утешение вечное и надежду благую» (2 Фес. 2, 16) во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Диодор Фотикский

[КРАТКОЕ ЖИТІЕ ЇЖЕ ВО С҃ЫХ҃Ъ О҃ЦА НАШЕГ҃О
ДІАДОХА Ф҃ОТІКІЙСКАГ҃О.]

Иже во с҃ыхъ отецъ нашъ диадохъ, нареченный епископъ фотикійскій, сщ҃ій въ древнемъ епірѣ иллирійстѣмъ: сїе оубо, ѿкъ онъ бѣ древній (отецъ) и прежде седмагъ вѣка, можетъ всакъ оуразумѣти изъ словесъ с҃аг҃о мазіма, въ нихже оупоминаетъ онъ ѡ главїзнахъ діадоховыхъ. ѡ томже, ѿкъ вѣше мужъ премудръ дѣломъ и оумозрѣніемъ сїающъ, всакомъ желающемъ оуразумѣти възможію изъ сохрaненнаг҃о сегѡ слова егѡ: егѡже многимъ искѣсомъ любовдурствѡмъ, и бж҃ественнаа восхожденїа въ с҃рдцѣ стажавъ, израднѣ написа, на сто же главїзнъ раздѣлї: и ѡныа, такъ рецїи, гл҃бочайшыа таїнства вождѣлѣнныа добродѣтели со всакимъ тцїанїемъ ѡкры, и не тѡчію, но и словесы писанїа и видѣнїами и звѣствованнаг҃о разума оумноживъ, ѿкъ нѣкое первообразное сващ҃еннаг҃о трезвѣнїа оученїе изъ всѣхъ добродѣтелей составленное всѣмъ сщ҃ымъ съ съ нимъ трезвенникѡмъ и в҃гонѡснымъ отцѣмъ ѡстаѡи. Сегѡ ради и многихъ изъ нихъ ѡбращеши множицею на главы ѿкъ на сокращенныа: тцїанїемъ содѣланнаа взирающихъ, и ѡ нихъ вины свидѣтельства самыми ѡными реченїами въ изложен-

Краткое сведение о Диадохе Фотикийском

Святой отец наш Диадох, именуемый епископом Фотики, что в Древнем Эпире Иллирийском, жил ранее 7-го века. Это можно заключить (сделать вывод) из писаний святого Максима, в которых он упоминает о главах Диадоба. О том, что св. Отец наш Диадох был муж мудрый в деянии (πράξις) и светлый в созерцании (θεωρία), это всякому желающему можно узнать из дошедшего до нас в сохранности слова сего, которое он прекрасно составил, почерпая духовную мудрость из долговременного опыта своего и из божественных восхождений сердца своего. Разделив его на сто глав, он со всем тщанием раскрывает в них самые глубочайшие тайны желанной добродетели, преисполняя их притом частыми свидетельствами Божественного Писания и созерцаниями просвещенного верою разума. Можно сказать, что в сем слове он оставил для всех, следовавших за ним трезвенников и богоносных отцов, образцовое учение о священном трезвении совместно со всеми добродетелями. Почему найдешь, что очень многие из них обращаются к сим главам, как к самым верным указателям истины, и приводят из них дословные свидетельства в своих писаниях о трезве-

ныя ѿми трезвѣнїа приводящихъ. Воспоминаетъ же ѿ сїхъ и фѳотїй, такъ глагола въ чтенїи са, на стр. сѣг: Подъ сїми оубо (за десятию предѣлами) стѣ главїзнъ положи, и слово сїе во блгоуе служитъ повизающимса и подвижавшимса въ нїхъ совершеннотворными дѣланми, не безъ ясности излагаето... Собранный же въ присутствїи андронїка палеолога соборъ, григорїй фессалонїтскїй, сїмеѡнъ фессалонїтскїй, григорїй сїнаїтъ, сватѣйшїй каллїстъ, и нїи мнози неукорїзненнѡ ѡ нїхъ свидѣтельствоваху. Сѣтенна же главїзна, ꙗкоже глаголетъ фѳотїй, ꙗще и мнїтса быти оукоренїа достѡйна, ѡбаче бжественный мажїмъ вины (ю) избавляетъ, къ правому благочестїа намѣренїю оумъ еа оустремляа, ꙗкоже въ концѣ сїхъ зрїтса.

нии. Их упоминает и святой Фотий, говоря о них так (в чтении 201, стр. 263): «после десяти пределов находится 100 глав, и это слово премного полезно подвижающимся и для тех, которые долгим упражнением приобрели навык в деланиях, ведущих к совершенству, не представляет ничего неясного... Так делали после бывшего при Андронике Палеологе Собора Григорий и Симеон Солунские, Григорий Синаит, святейший Каллист и многие другие, свидетельствуя тем о безукоризненности его учения. Сотая же глава, как говорит Фотий, хотя и кажется достойной порицания (επιλήψιμο), однако божественный Максим избавляет нас от сомнений (αμφιβολία), истолковывая (ερμηνεύοντας) ее значение (έννοιά) согласно правильной цели (σκολό) благочестия, как это показано [здесь] в конце глав.

Бл̄жѣннагѡ діадѡха, єп̄кпа фѡтїкїйскагѡ
ἰλλυρїка словеса̄ по̄стгннчєска̄ главнїзмъ, ꙗ̄:
предѣлъ же дѣсѣть предглаголемн.

Первый предѣлъ вѣры, мысль ѡ вѣѣ безстрастіа.

Второй предѣлъ надежды, изшествіе оума ко оуповаемымъ.

Третій предѣлъ терпѣніа, невидимагѡ ꙗкѡ видимагѡ зра̄ще мысленныма очима, неѡскѡднѡ терпѣти.

Четвертый предѣлъ не сребролюбїа, такѡ хотѣти ѣже не имѣти, ꙗкоже хотѣти ѣже имѣти.

Пятый предѣлъ разума, не размѣти себѣ, внигда изстѡпїти ко вѣѣ.

Шестой предѣлъ смиренномудрїа, забвенїе исправленїй внимательное.

Седьмой предѣлъ безгнѣвїа, желанїе много ѣже не гнѣватиса.

Осмый предѣлъ чистоты, чувство прилѣплено вѣѣ.

Девятый предѣлъ любви, возвращенїе любленїа къ досаждающимъ.

Десятый предѣлъ совершеннагѡ измѣненїа, во сладости бжїей, и радость вмѣнати тѣжестное смѣрти.

Блаженного Диадеха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей

Первый предел (верх совершенства) — веры: бесстрастная мысль о Боге.

2-ой предел — упования: исшествие ума [в любви] к уповаемым (чаемым) [благам].

3-ий предел — терпения: невидимого яко видимого зря умными очами, неуклонно стоять в терпении.

4-ый предел — нестяжательности: так желать не иметь, как иной желает иметь.

5-ый предел — разумения: не ведать себя в исступлении (или всецелом устремлении) к Богу.

6-ой предел — смиренномудрия: решительное забвение своих добрых дел (подвигов).

7-ой предел — безгневия: великое желание не гневаться.

8-ой предел — чистоты: чувство, непрестанно прилепленное к Богу.

9-ый предел — любви: умножение дружеского расположения к тем, которые оскорбляют и поносят.

10-ый предел — совершенного изменения: в сладостном вкушении Бога вменять в радость прискорбность смерти.

Бл҃женнагѡ діадѡха, єпїкпа фѡтїкїи кагѡ
Іллірїка, главнїзны дѣятельны рѣзѡма њ
разсѡжденїа дѡхѡнагѡ, ꙗко: кобгѡ рѣдн
подобѣетъ рѣзѡма, въ предѣвленное, гдѣ
наставлѣющѣ насъ, доспѣти совершенїе, да
кїиждо њже по ѡбразѣ єѡльскїа прїтчи
словесное сѣмя плодоноствдемы.

Всѧкагѡ оубо дѡхѡнагѡ братїе, видѣнїа, да пред-
вхѡдитъ вѣра, надежда, любовь, вѣщше же любовь.
Ова бо прешвїдѣти оучитъ видимаа дѡбраа: любовь
же њ самѡю дѡшѡ добродѣтели совокуплѣетъ бгѡ,
видѣнїемъ оумнымъ невидимаго постизѡючи.

В. Естествомъ блѧгъ єдинъ єсть бгѡ, вывѣетъ же њ
человѣкѣ ѡ прилѣжанїа, ѡбразъ блѧгъ сѡцагѡ рѣди
блѧга, во єже нѣсть њзмѣнѣемъ. Егда дѡша прилѣжа-
нїа рѣди дѡбрагѡ, толикѡ вѡдетъ въ бѣѣ, єлику тоа
сила дѣйствѡючи хѡщетъ: Бѡдите во, речѣ, блѧзи њ
цѣдри, ꙗкоже њ оцѣ вашѣ њже на небесѣхъ (Лѡки 5, 15).

Блаженного Диадоха, епископа Фотики, что в
древнем Эпире Иллирийском, подвижническое
слово, разделенное на сто глав деятельных,
исполненных ведения и рассуждения духовного,
каким знанием надлежит нам, по путеводитель-
ству Господа, достигнуть предьявленного совер-
шенства, чтобы каждый из нас плодоносил семя
слова по образу обозначенных в евангельской
притче (см. Мф. 13, 8. Марк. 4, 8. Лк. 8, 5–15)

Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют
вера, надежда и любовь — и наипаче любовь; ибо те
(две — вера и надежда) научают только презирать види-
мые блага, а любовь самую душу чрез добродетели соче-
тавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого.

2. По естеству благ Един Бог. Но и человек бывает
благим чрез ревностное тщание о благих нравах, будучи
изменяем в то, чем не есть по естеству, Тем, Кто существ-
венно благ, когда душа чрез ревностное тщание о добре
настолько соделается сущою в Боге, насколько она по си-
ле своей возжелает того и деятельно взыщет; ибо сказано:
*будьте благи и милосерды, как и Отец ваш, Который на
Небесах* (Лк. 6, 36; Мф. 5, 48).

Г. Слово ниже в естестве есть, ниже оубо естествомъ кто есть слово, слово во ничтоже бгъ сотвори: егда же в желаніе сердца видъ внесетъ еже не в существе, тогда начало пріемлетъ слово. Яще ли оубо сѣ истребити хощетъ, долженъ сщи в призываніи имени бжїа оупражнѣтиса, и блюстиса обычамъ слаговъ, сильнѣйши бо есть естество добраговъ обычамъ ѿ слаговъ: понеже ово оубо есть, ово же нѣсть, развѣ тѣчїю, внегда содѣвается.

Д. Всеи человецы по ѿбразѣ есмы бжїю, оумнымъ души движениемъ, а еже по подобію, онѣхъ единѣхъ есть, иже многою любовію свою свободѣ порабѣтившихъ бгъ. Егда бо нѣсмы себѣ, тогда подобни есмы, иже насъ себѣ любовію примирившемъ: егѡже оубо никтоже не полчитъ, яще не покоритъ свое желаніе, ѡ житейской славы весьма небреци.

Е. Самовластіе есть души словесныа хотѣніе, вскорѣ движѣемо во еже оубо яще хощетъ, но мы, еже ѡ единомъ добромъ, готовѣ быти да повинемъ, да приснѣ благими мыслми, пѡмать потреблаемъ слаговъ.

Ж. Светъ есть разума истиннаго, еже разсудѣти внимательнѣе доброѣ ѿ слаговъ: той бо правый пѣть, оумъ ѿводѣи къ солнцу правды бгъ, вводитъ егѡ в безконечное оноѣ просвѣщеніе разума, ѡакъ со дерзновениемъ прочее любовь ищѣща. Подобѣетъ оубо не гнѣвною яростїю восхичѣти праведноѣ, ѿ иже досаждѣти дерзающихъ: благочестїа бо рвеніе, не ненавидимыхъ, но ѡбличаемыхъ побѣдѣ ѡблѣетъ.

3. Зла нет в естестве, и нет никого, злого по естеству, ибо Бог не сотворил ничего злого. Но когда кто с похотением сердечным вносит в себя образ зла, тогда оно, несмотря на то, что не есть в естестве, начинает быть, в таком виде, как возжелал сего тот, кто так делает. Почему должно, со всем тщанием непрестанно памятуя о Боге, не внимать обычным позывам на зло; ибо добро, сущее в естестве, могущественнее зла, прибывающего в естество совне чрез навык, — так как то есть, а этого нет, — разве только когда содевается.

4. Все мы люди по образу Божию есмы [умным души движением]; быть же по подобію Божию есть принадлежность одних тех, которые по великой любви свободу свою поработили Богу. Ибо когда мы не бываем своими самим себе, отвергаемъ себя, тогда бываем подобны Тому, Кто по любви Своей примирил нас с Собою; — чего никто не может достигнуть, если не убедит души своей не увлекаться прелестями жизни самодовольной и самоугодливой.

5. Самовластие есть произволение разумной души, с готовностію устремляющееся к чему ни захочет. Таковое произволение мы будем иметь готовым на одно только добро, если всегда благими помышлениями будем истреблять всякий злой помысл.

6. Свет истинного ведения есть — непогрешительно различать добро от зла. И тогда (когда т. е. такое различие есть и по нему устрояется самая жизнь) путь правый, возводя ум к Солнцу правды, Богу, вводит его в беспредельное оноѣ мысленное просвещение, — как с дерзновением (верою и упованием) взыскавшего наконец единой любви. То, что праведно, должно исхищать из рук поносящих то и попирающих, с безгневным воодушевлением; потому что ревность по благочестию одерживает победу не ненавидением [гневным], а обличением и убеждением [любовным].

з. Дѣховное слово, оумное чувство извѣщаетъ, въ дѣйствѣ бо любви ѿ вѣга носится: тѣмже и немѣтенъ нашъ оумъ пребываетъ въ вѣгословіа волнахъ. Не бо страждетъ тогда оубожествомъ печаль носящимъ, понеже толікъ видѣнми изъвѣщаетъ, елику любви дѣйствѣ желаетъ. Добро оубв присну вѣрѣ прилѣжати, любовію дѣйствующее просвѣщеніе во еже глаголати: ничтоже бо ницѣтнѣе помысла, безъ вѣга любовѣдрствѣюща іаже вѣіа.

й. Нижѣ не просвѣщеннѣ сщцѣ, подобаетъ касатися дѣховныхъ видѣній, нижѣ оубв богатнѣ ѡсѣвѣемомѣ ѿ бл҃гости всесѣгѣ дѣа, на глаголаніе приходити: идѣже бо оубожество невѣдѣніе приноситъ, а идѣже богатство, не ѡставляетъ еже глаголати. Оупившисѣ бо тогда дѣша любовію вѣественною, молчательнымъ гласомъ желаетъ насладитисѣ славы вѣіа: средѣ же оубв дѣйствіа зраще, подобаетъ во словеса приходити вѣглаголиван. Сѣа оубв мѣра видѣ нѣкій словесъ преславныхъ дѣши даруетъ, ѡсѣннѣ же богатство, вѣрѣ питаетъ глаголющемѣ въ вѣрѣ: да первѣе оучай плодъ вкуситъ, любовію разумѣ: трѣждяющемѣбосѣ, речѣ, дѣлателю, подобаетъ прѣжде ѿ плодѣвъ вкушати (вѣ Тим. вѣ, 5).

ѡ. Единѣгѣ оубв сѣгѣ дѣа ѣсть дарованіе, и премѣдрость, и разумъ, іакоже и всѣ вѣественнаѣ, ѡсѣннѣ же коейждо ихъ дѣйство имать: тѣмже оубв инѣмѣ даѣтсѣ премѣдрость, дрѣгомѣ же разумъ, ѡ томже дѣѣ (а Кор. вѣ, й), апѣстоль свидѣтельствуетъ. Разумъ бо искѣсомъ совокупляетъ человекѣа вѣгови, во словеса вѣ-

7. Духовное слово вносит удовлетворительное убеждение в умное чувство, потому что оно (слово) действием любви исходит от Бога. Почему тогда ум наш без труда и тяжести движется в волнах богословствования, не терпя прискорбной и озабочивающей скудости светлых помышлений. В этом состоянии он свободно носится в многообъятных созерцаниях, сколько желает того действо любви. Добро убо дело есть — для беседы о Боге всегда с верою ожидать воздействуемого любовию умного просвещения; ибо ничего нет скуднее ума, когда он без Бога берется премудрствовать о Боге.

8. Как тому, кто не просвещен в духе, не должно касаться духовных созерцаний, так и тому, кто богато осиявается благодатию Святого Духа, не подобает приступать к беседе о них: ибо там скудость светлых помышлений облакает ум мраком неведения, а здесь обилие их не дает говорить, так как в эту пору душа, упиваясь любовию Божию, желает безмолвно наслаждаться славою Господа. Итак к богоглаголевым словесам (к беседе о Боге) надлежит приступать тогда, когда замечается средняя мерность в возбуждении духовном; ибо такая мера доставляет душе некий образ преславных словес [точно и ясно изображающих невидимые духовные предметы], между тем как в то же время вожденное осияние духовное питает веру говорящего в вере, чтоб учащий первым вкусил от плода ведения, источника любовию: *трудящемуся земледельцу первому должно вкушать от плодов* (2 Тим. 2, 6)

9. Единого Духа Святого есть дар и премудрость и ведение, как и все божественные дарования; но каждый и из сих даров, как и из всех других, свое особое имеет действо (энергию). Почему Апостол и свидетельствует, что иному дается премудрость, а иному ведение (см. 1 Кор. 12, 8). Ведение опытно (ощутительно) сочетавает душу с

цшымъ (вещественнымъ) дшш не подвижетъ: тѣмже и нѣцыи, ѿ ѿже ѿноческое житіе, любуемоудрствующихъ, просвѣтлѣми оубо ѿ тогò въ чвствѣ, во словеса бжественнаа не приходѣще: мудрость же, аще оубо съ симъ, во стрѣсть даѣтса нѣкоторомъ, скѣдно же сїе, самаа дѣйства ѡбавлѣютъ рѣзума въ любви: понѣже ѡва оубо дѣйствіемъ, ѡва же словомъ просвѣщати ѡбѣче. Но оубо рѣзумъ молитва принѣситъ, и многое молчаніе, въ безпечалїи конѣчнѣмъ: мудрость же не тщеславное поченіе словесъ бжїихъ, наипаче же благодать даюцагѡ бга.

ї. Егда ѿростное души двїжетса на страсти, вѣдѣти подобаетъ, ѿкѡ молчанїа быти врема: годъ бо єсть борьбы. Егда же нестѣвство ѡное видитъ ктò, или молитвою или милостынею въ тишинѣ возвращающееса, да двїжетса рачительствомъ бжественныхъ словесъ, во оузилицѣ смиренномудрїа, ѿже оума затворѣа крылѣ: аще бо ктò себѣ не оуничижитъ сѣлѡ, не можетъ ѡ величествѣ бжїи глаголати.

аї. Духовное слово, не тщеславнѣ внегда дшш хранитъ. видѣнїемъ во свѣта всѣа єа оуды благодѣйствѣа, єже ѿ человекъ чести, тѣю презирати творитъ: тѣмже оубо и немечтательнѣ приснѡ соблюдаѣтъ мысль, ѿкѡ измѣнѣа тѣю всю въ любовь бжїю: а єже мудрости мїрскїа слово, во славолѣбіе приснѡ призываетъ чловѣка, понѣже во искѣсомъ чвственнымъ благодѣйствовати не можетъ, хваленїи любленїе своимъ єгò дарѣетъ, ѿкѡ лжа сѣци тщеславныхъ чловѣкѣ. Да оубо бжественнагѡ слова залогъ не лѣстнѣ рѣзумѣимъ: аще бо въ безпечалнѣмъ молчанїи пребывающе, и єже глаголати врема не все изнѣраемъ, но въ теплѣи пѣммати бжїей и оусердїи сѣльнѣмъ.

Богом, на беседование же о сем и других вещах духовных не подвигает души; почему некоторые из богомудро проходящих уединенническую жизнь хотя просвещаются в чувстве ведением, но к словесам о вещах божественных не приступают. Премудрость же, если она дается кому вместе с ведением страха ради Божия (что редко бывает), с любовью раскрывает самые внутренние воздействия (энергии) ведения; поелику то (ведение) обычно просвещает воздействием внутренним, а эта (премудрость) словом. Достигаются же они так: ведение приносят молитва и великое безмолвие при совершенном беспечении; а премудрость — нетщеславное изучение словес Духа, наипаче же — благодать всеподающего Бога.

10. Когда душа гневом подвигается против страстей, ведать надлежит, что тогда время молчать, ибо то есть час брани. Когда же увидит кто, что это возмущение молитвою ли или милостынею улеглось, тогда пусть уступает влечению любви к изречению божественных словес, сдерживая однако ж крылья ума узами смирения; ибо если кто не смирит себя крайне самоуничижением, то не может достойно разглагольствовать о величии Божиим.

11. Слово духовное хранит душу нетщеславною; ибо, исполняя все части ее ощущением богатства света духовного, делает то, что душа никакой не имеет потребности в чести людской. Почему оно и ум соблюдает всегда немечтательным, изменяя (погружая) его весь в любовь Божию. Слово же мудрости мїрской всегда позывает чловека к славолѣбію; потому что оно не имеет возможности дать чувству опытно ощутить благо от себя (которое насыщало бы сердце) и взамен того дарит своим питомцам любовь к похвалам людским, будучи и само изобретением людей тщеславных. Таковое свойство духовного Слова Божия мы и сами непогрешительно познаем, если часы, в которые не имеем нужды говорить, будем прово-

Ві. Иже себѣ любѣи, бѣга любити не можетъ: а иже себѣ не любѣи превосходящаго ради богатства любвѣ бѣжѣа, сѣи бѣга любитъ: тѣмже оубо таковой не свою ищетъ славу когда, но бѣжѣю: Иже бо себѣ любѣи, свою славу ищетъ, а иже бѣга любѣи сотворшаго, тогѡ славу любитъ. Души бо разумныя и боголюбивыя свойственно, славу оубо искати пришею бѣжѣю, во всѣхъ ѣже творитъ заповѣдехъ, понѣже своимъ смиреніемъ веселѣтса. Икѡ бѣжѣ оубо слава, величїа ради подобаетъ, человекѡ же, смиренїа ради, да тѣмъ присвоимса бѣжѣ: аще оубо такѡ творимъ, и мы, ѣкоже стѣи іѡаннъ креститель, радующеса славу гдней, непрестанно глаголати начнемъ: ѡномъ подобаетъ расти, мнѣ же малитса (Іѡан. 5, 1).

Гі. Видѣхъ азъ некоего, толикѡ бѣга любѣица, и ещѣ рыдающа, ѣкѡ не любитъ ѣкоже хощетъ: ѣкѡ непрестанно тогѡ души въ таковомъ быти некоемъ желанїи, ѣкѡ бѣга оубо въ себѣ славити: себѣ же, ѣкѡ ниже сѣща быти. Сѣи бо ниже вѣстъ бытїе свое, что естъ, ниже въ самыхъ похвалѣющихъ словесѣхъ: многоимъ бо желанїемъ смиренїа, своегѡ не разумѣваетъ достоанїа: но слѡжитъ оубо бѣжѣ ѣкѡ законный священникъ, многою же некоею боголюбїа любѡвїю, крадетъ пѡмѡть своегѡ достоанїа, во глубинѣ негдѣ любвѣ бѣжѣа, иже ѡ томъ скривѣа похвалѣ въ дѡсѣ смиренїа: да рабъ нектїи непотребенъ ѡ себѣ всегда мыслїю гвѡлетса, ѣкѡ чѡждъ сѣи своегѡ достоанїа любленїемъ смиренїа, еже подобаетъ и намъ творити, всѡчески чѣсти и славы мїрскаго прельценїа ѡбѣгати, превосходящаго ради богатства любвѣ, воистинно насъ возлюбившаго гдѡ.

дѣть в теплой памяти Божией при беспопечительном молчании.

12. Кто себя любит, тот Бога любит не может, а кто себя не любит по причине преизобильного богатства любви Божией, тот только воистину и Бога любит. Таковой никогда уже не ищет славы своей, но всегда — одной славы Божией. Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы, так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, чувства Божия исполненной, свойственно в исполнении всех творимых ею заповедей искать единой славы Божией, относительно же себя — услаждаться смиреніем. Ибо Богу ради величия Его подобает слава, а человеку — смирение, чтоб чрез него соделоваться нам своими Богу: что если хотим творить и мы, то, по примеру св. Иоанна Крестителя, радуясь о славе Господа, станем непрестанно говорить: *Ему должно расти, а нам умяться* (Ин. 3, 30).

13. Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанное носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Таковой не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми, не услаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает своего достоинства, но служба Богу, как закон повелевает иереям, сильным неким расположением к боголюбию окрадает память о своем достоинстве, негде во глубине любви к Богу укрывая присущее тому похваление в духе смирения, чтоб в помышлении своем всегда казаться пред собою неким неключимым рабом, как совершенно чуждому требуемого от него достоинства, по сильному вожделению смирения. Так действуя, и нам надлежит бегать всякой чести и славы ради преизобильного богатства любви к Господу, столько нас возлюбившему.

Ді. Иже во ѡцщѣніи сѣрдца любѣи бѣа, той познаса ѡ негѡ: елику во ѡще кто въ разумѣ души прїемлетъ любовь бжїю, толїку бываетъ въ любви егѡ. Темже прочее просвѣщенїа разумнагѡ въ раченїи сѣльнѣмъ нѣкоемъ сицевый желанїа не престаѣтъ, дондеже оубо самое тоѣ костнагѡ чвства изнѡренїе ѡцщтитъ: не ктомѡ знаа себе, но ѡнюдъ ѡ любви бжїа распалѣемъ, и измѣненъ весь. Таковїи же и єсть во здѣшнемъ житїи и нѣсть, и во ѡномъ пребываетъ несовершеннѡ: и еще во не изшѣдъ своегѡ тѣла, исхѡдитъ любовью движениемъ душевнымъ непрестаннѡ ко бгѡ. Неѡложнѣ бо прочее ѡгнемъ любви сѣрдце возжизан, нждею нѣкою и желанїемъ приплѣтса бгѡ, ѡку изстѡпївъ єдиною своегѡ любленїа любовью бжїею. Ище во изумїхомса, рече, бгѡ: ѡще же цѣломѡдрствемъ, вамъ (в Кор. ѳ, гї).

ѳі. Егда начнетъ кто богатнѣ ѡцщцати любовь бжїю, тогда начинаетъ въ разумѣ дхѡвномъ и ближнаго любїти: сїа бо єсть любовь, ѡ нейже всѡкое стѡе писанїе глаголетъ, еже во по плѡти любленїе, сѣлѡ оудѡбъ разрѡшаетса, малѣи нѣкоей ѡбрѣтшейса винѣ: разумомъ бо не свѡзбѡтса дхѡвнымъ. Тогѡ ради ѡще и случитса ѡ нѣкїихъ раздраженїе быти на содѣйствемлю ѡ бѣа душѡ, ѡваче не рѣшитса ѡ толѡ союзъ любви: теплотѡю бо любви бжїа воспаланюци себе, ѡбїе во благоѣ возвращаетса вскорѣ, и съ великою радостїю въ любовь ко ближнемѡ, ѡще и вельми ѡ тогѡ досаждаѣтса, или тцетѡ прїемлетъ: во сладости бо бжїей, горестное всѡчески изнѡраѣтъ любопрѣнїе.

ѳі. Никтоже можетъ, не оубоѡвса бѣа въ разумѣ сѣрдца, возлюбїти когѡ ѡ всегѡ сѣрдца: дѣйствїемъ бо

14. Кто любит Бога в чувстве сердца, тот познан есть от Него. Ибо поколику кто в чувстве сердца восприемлет любовь к Богу, потолику и сам пребывает в любви Божией. Почему таковой не перестает в сильном некоем рвении вожделевать просвещения в разуме и стремится к нему с таким напряжением, что иной раз чувствует совершенное истощание самой силы костей своих, делаясь уже незнающим себя, но весь изменен и поглощен бывая любовью к Богу. Кто таков, тот и есть в животе сем, и не есть; так как еще странствуя в теле своем, душевным движением в силу любви непрестанно отходит он к Богу — и странно приемлется у Него. Ибо непрестанно горя в сердце неистощимым огнем любви, он по необходимости сердечно прилепленным пребывает к Богу, совершенно отрешившись от любления себя силою сей к Богу любви. *Ибо если, говорит, мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас* (2 Кор. 5, 13).

15. Когда кто начнет богато ощущать любовь к Богу, тогда в чувстве духовном начинает он и ближнего любить, и начавши, не престаёт: такова любовь, о коей говорят все Святые Писания. Любовь плотская, не будучи связана духовным чувством, как только представится какой даже незначительный повод, очень легко испаряется. Любовь же духовная не такова: но, хотя случится потерпеть какое огорчение, в душе боголюбивой, состоящей под воздействием Божиим, союз любви не пресекается: ибо возгревши себя теплотою любви к Богу, она тотчас возвращается к благому настроению и с великою радостию восприемлет любовь к ближнему, хотя бы и не малое от него получено было оскорбление, или понесен большой вред; потому что тогда сладостию Божиею совершенно поглощается горечь разлада.

16. Никто не может возлюбить Бога от всего сердца, не возрев прежде в чувстве сердца страха Божия; ибо

страха ѡчищаемо и оумлагчаваемо, ѿкѡ душа въ любовь дѣйствуемою приходитъ. Не прїдетъ же оубѡ кто во страхъ бжїи реченнымъ ѡбразомъ, аще не всѣхъ житейскихъ внѣ вѣдетъ попеченїи. Егда бо въ молчанїи велицѣ и безпечалїи вѣдетъ оумъ, тогда подвижетъ его страхъ бжїи, ѡчищаа того въ чувствѣ мнозѣ ѡ всакагѡ земленэгѡ дебельства, да сїце того введетъ въ великую любовь благости бжїа. Темже оубѡ страхъ еще чїстѣишесѡ есть съ посрединимъ любви, совершенна же любовь оуже ѡчищенныхъ, въ нихже не котомъ есть страхъ: совершенна бо любовь, рече, вонъ изгонитъ страхъ (а Іѡан. д, ии): обоаже праведныхъ сѣтъ единыхъ, иже дѣйствїемъ всестѡгѡ дха, добродѣтели содѣвають. И сегѡ ради оубѡ глаголетъ писанїе: бойтесѡ гда всї сїи егѡ (Псал. лг, і). инде же: возлюбите гда всї преподобнїи егѡ (Псал. л, кд). Да навѣкнемъ ѿвѣ, ѿкѡ и еще чїстѣишесѡ праведныхъ, страхъ бжїи есть, со среднимъ ѿкоже речесѡ любви ѡчищенныхъ же, совершенна любовь, въ нихже не котомъ есть печаль страха коегѡ, но горѣнїе непрестанно, и прилѣпленїе души ко бгѡ дѣйствїемъ стѡгѡ дха, по глаголющемъ: прилпѣ душа моѡ по тебѣ, менѣ же прїатъ десница твоѡ (Псал. зѣ, ѳ).

Зї. Икоже случѡющимся тѣлѡ ѡзвамъ, егда оубѡ ѡледенѣвшимъ, и въ небреженїи бѣвшимъ имъ, тогда и пластырю приносимъ тѣмъ ѡ врачевъ не ѡчищатисѡ: ѡчищеннымъ же, дѣйствїе разѡмѣваетсѡ пластыря, и во исцѣленїе вскорѣ ѡсюдѡ приходити. Сїце и душа, дондеже оубѡ непрїлѣжательна бываетъ, и ѡ проказы любострастїа всѡ покрываема, страхъ бжїи оубѣдѣти не можетъ: аще бы и непрестаннѣ кто воз-

душа в действѣнную любовь приходит после того уже, как очистится и умягчится действием страха Божия. В страх же Божий, со сказанным плодом от него, никто не может прийти, если не станет вне всех житейских попечений; ибо только тогда как ум успокоится в полном безмолвии и беспопечении, начинает спасительно воздействовать на него страх Божий, в сильном чувстве очищая его от всякой земной дебелости, чтоб таким образом возвести его в полную любовь ко всеблагому Богу. Так что страх есть принадлежность праведных, только еще очищаемых, в коих качествует средняя мера любви, а совершенная любовь есть принадлежность уже очищенных, в коих нет страха, так как *совершенная любовь вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). То же и другое бывает только у праведных, действием Духа Святого проходящих добродетели. Почему и Писание, где говорит: *бойтесь Господа все святые Его* (Пс. 33, 10), а где: *возлюбите Господа все преподобные Его* (Пс. 30, 24), — давая нам ясно уразуметь, что страх Божий свойствен только еще очищающимся праведникам с среднею, как сказано, мерою любви, праведникам же очистившимся свойственна совершенная любовь; и в них не бывает уже никакого страшливого помышления, а пребывает одно непрестанное горение и прилепление души к Богу, действием Духа Святого, как говорит пророк: *прильнула душа моя к Тебе, а десница Твоя восприяла меня* (Пс. 62, 9).

17. Как раны, случающиеся в теле, если не прочистить их и не приготовить, как должно, не чувствуют прилагаемых к ним врачами лекарств; а когда очищены бывают, чувствуют действие лекарств и чрез то приходят в совершенное исцеление: так и душа, пока остается нерадивою и покрыта бывает проказою сластолюбия, страха Божия чувствовать не может, хотя бы кто непрестанно толковал ей о страшном и неумытном судилище Божиим; а когда

вѣщальъ ѿ страшное и сильное вѣіе сѣдище, неврежетъ ѡ томъ. Егда же оубо начнетъ многимъ вниманіемъ чиститиса, тогда, ѿкв цѣльвѣ нѣкѣю сѣщѣ животною, вѣественный страхъ познаваетъ, ѿкоже дѣйствіемъ ѡбличитель воспалющъ тѣю во огни безстрастіа: тѣмже по части ѡчищаема, въ совершенную чистотѣ dospѣваетъ, толикъ любви прилагаящиса, еликъ оумаллетса страхъ, да сице въ совершенную любовь dospѣетъ, въ нейже страха нѣсть, ѿкоже речеса: но безстрастіе всако, славою вѣіею содѣваемое. Да бѣдетъ оубо намъ во хвалѣ хваламъ непрестанно, первѣе оубо страхъ вѣіи: потомже любовь стажати: и исполненіе ѿже ѡ хртѣ совершеніа достигнѣти.

иі. Душа не свободившиса мѣрскихъ попеченій, ниже бѣа возлюбитъ искреннѣ, ниже діавола возненавидитъ достѣннѣ: покрывало бо имать ѡнюдѣ тѣжко, печаль сегѡ житіа. Тѣмже оумъ при таковыхъ не можетъ разумѣти свое ѡсѣжденіе, да ѡ себѣ искѣситъ нелѣстнѣ изреченіе сѣда: за сѣе всѣхъ оубо ѡшаланіе прикладно ѣсть.

ѿі. Души чистыа свойственно, слово оубо независимо, рвеніе незлобивое, раченіе же непрестанно гдни славы: тогда бо и оумъ ѡпаснѣ разчитаетъ своѡ мѣрила, ѿкв въ чистѣмъ сѣдищи, во своей сѣщи мысли.

к. Вѣра безъ дѣла, и дѣло невѣрно, праздно ѣсть: единѣмъ бо ѡбразомъ искѣсатса: подобаетъ бо вѣрнѣ вѣрѣ показѣющѣ, вещи бѣѣ приносити: ниже бо оцѣ нашемъ авраамѣ во правдѣ вмѣниласа бы вѣра, ѿце не бы плода еѡ отрока привелъ (Быт. 31, 51).

ка. Иже любай бѣа, и вѣрѣетъ искреннѣ, и дѣла вѣры совершаетъ преподѣннѣ: а иже вѣрѣай токмо, не сѣщи же въ любви, ниже самѣю вѣрѣ имать, юже мнитъ

начнетъ действием полного к себе внимания очищаться, тогда начинаетъ чувствовать, какъ живительное некое врачество, страхъ Божий, пережигающий ее, какъ в огне некоем, действием обличений, и такимъ образомъ мало-помалу очищаясь, достигаетъ наконецъ совершенного очищения. При семъ в ней сколько прилагается любви, столько же умяляется страхъ, пока придетъ в совершенную любовь, в коей, какъ сказано, нетъ страха, но совершенное бесстрастіе, действием славы Божией производимое. Буди же намъ в похвалу похвал непрестанную, во-первыхъ, страхъ Божий, а на конецъ, любовь, — полнота закона совершенства во Христе.

18. Душа, не освободившись отъ мѣрскихъ заботъ, ни Бога не возлюбитъ искренно, ни диаволомъ не возмерзитъ, какъ достойно. Попечение о животе семъ лежитъ на ней какъ тяжелое покрывало, и умъ ее не можетъ установить в себе своего о семъ судилища, чтобъ у себя самого ошутительно слышать безошибочные приговоры суда [совести]. Почему всячески потребно удаление отъ мѣра.

19. Душе чистой свойственны слово независтное, рвеніе незлобивое и раченіе о славе Господа непрестающее. Тогда (когда душа чиста) и умъ верно устанавливаетъ свои чаши (какъ устанавливаются на весахъ чаши весовые), и трезвеннымъ пребываетъ в своемъ о всемъ сужденіи, какъ на чистейшемъ и неподкупномъ судилище.

20. Вѣра безъ делъ, и дела безъ веры одинаково не могутъ быть одобрены. Верующему, чтобъ доказать свою веру, должно приносить Господу дела. И отцу нашему Аврааму вѣра не была бы вменена в правду, если б онъ не привелъ плода ее — сына своего на жертву Богу.

21. Любящий Бога и веруетъ искренно, и дела веры совершаетъ преподѣнно. Верующий же только, а не пребывающий в любви и самой той веры, которую кажется

имѣти. Въ лёгкости во нѣкоей вѣрѣтъ оумъ, ѿкъ ѿ тѣжести мѣрской славы въ любви не дѣйствуема: вѣра оубо любовію содѣйствуема, велика главизна добродѣтелемъ.

ѿв. Вѣры главина испытѣма, оубо волнуется: простымъ же залогомъ зрацалса, оутнишася. Забвѣніе бо слымъ сщи вода, главинѣ вѣры не терпитъ ѿ лѣквыхъ мыслей зрѣтиса: простотою оубо мысли, въ тѣхъ да плаваемъ водами реченными, да во пристанище сице dospѣемъ вжѣа хотѣніа.

ѿг. Никтоже можетъ любить, или вѣровать искреннѣ, развѣ еще имать самаго себе ѿглагольника. Егда бо совѣсть наша себе ѿбличенми возмущаетъ, не ктомѣ оумъ поощається воню премѣрныхъ благъ ѿщцати, но ѿвѣ въ сомнѣніе дѣлитса, теплѣ оубо движатиса предварившимъ искѣсомъ вѣры желам: не могій же тѣю въ чѣствѣ сердца любовію прѣйти, различныхъ ради стрѣканій, ѿкоже речеса, ѿбличающей совѣсти: ѿбаче ѿчище себе теплѣйшимъ вниманіемъ, со множайшимъ искѣсомъ, со бгомъ желаемое начнемъ.

ѿд. Икоже ко мнимымъ намъ дѣверымъ, нужднѣ нѣкагѣ телеснаа предѣвѣждають чѣства: сице къ невидимымъ намъ благимъ оумное движаніе ѿбиче, егда вжѣственнаа вкѣситъ благости, наставлати своё чѣство. Кѣемждо бо своего сродѣа всѣчески желаетъ, душа оубо, ѿкъ безплѣтна, невѣсныхъ горнихъ благъ: тѣло же, ѿкъ персть, земленѣа сладости. Подвигнемса оубо внѣти во искѣсъ неvěщественнагѣ чѣствѣа непрелѣстнѣ, превѣше вѣщественнагѣ, трѣды тончайшими.

имеющим, не имеет. Он верует с некою легкою ума, ненося в себе действенного (устанавливающего его на едином) отвеса преславной любви. Но *вера, действующая любовью* (Гал. 5, 6), есть великая главизна добродетелей.

22. Исследующий глубину веры обуреваются волнами помышлений, а созерцающий ее в престоическом расположении наслаждается сладостною внутреннею тишиною. Глубина веры, будучи водою забвения, не терпит, чтоб в нее смотрели или ее узревали любопытными помышлениями. Будем же в простоте ума плыть по водам сим, чтоб таким образом dospеть в пристань воли Божией.

23. Никто не может искренно любить или веровать иначе, как если он не имеет себя самого осудителем себя. Ибо когда совесть наша тревожима бывает своими обличениями, тогда уму не попускается чувствовать благоухания премѣрных благ, но он тотчас же раздвояется сомнением: в силу предшествовавших опытов веры теплым движением вожделенно устремляется он к ним, но уже не может любовно воспріять их в чувстве сердца по причине, как я сказал, частых угрызений обличающей совести. Впрочем, если мы очистим себя теплейшею молитвою и вниманием, то опять улучим сие вожделенное благо, еще с большим опытным в Боге вкушением его.

24. Как к видимым нам благам невольно некако влекут нас телесные чувства, так к благам невидимым обыкновенно руководит нас чувство умное — духовное, когда вкусит божественной благости. Все вожделевает сродного себе: душа, как бестелесная, — небесных благ, а тело, как персть от земли, — земных сластей. Итак, в состояние опытно вкушать неvěщественное незаблудно достигнем мы, если трудами утончим черствое тело свое.

кѣ. Едино оубо быти чвство естественно, самое дѣйство оучитъ стѣгъ разума, во два же дѣйства прочее, преслшанїа ради адамова раздѣліа, другое же простое, еже ѿ стѣгъ дха силы бывааетъ, егоче не всѣкъ можетъ вѣдѣти, развѣ едини, иже житїа сегѡ маннѣ, надежды ради бѣдущихъ благъ презрѣвше сладцѣ, и всѣ телесныхъ чвствъ желанїа въ воздержанїи изсѣшиша. Въ сихъ во единѣхъ благомоцнѣ оумъ безпечалїемъ двїжимъ бжественнымъ благости неизреченнымъ разумѣти можетъ: тѣмже по мѣрѣ своего преспѣанїа, и тѣлѣ тогда преподаетъ свои радости, безмѣрнымъ нѣкїимъ словомъ любви исповѣданїа радѣася. На тогѡ во речѣ, оупова сердце мое, и помѡже ми: и процвѣтѣ плѡть моя, и волею моею исповѣмса емѣ (Псал. кѣз, з): тогда во бывшамъ радость души и тѣлѣ воспоминанїе есть нелестно нетлѣннагѡ житїа.

кѣ. Неволнѣемѣ прїснѡ подобааетъ хранити мысль подвижающимся, да ѡкоже въ тѣю текѣщымъ помыслы оумъ разсѣждаа дѡбрыа оубо и бгѡпѡсланныа, въ сокровищахъ пѡмѡти полагааетъ: стрѡпотнымъ же и бѣсовиднымъ внѣ нѣгдѣ естественныхъ сокровищъ ѡмѣщѣтѣ. И въ мѡри во оутишаемомъ, даже до глубины тогѡ двїженїа ѡ иже рыбы лѡвѡщихъ зрїтса, ѡкѡ ни едина тѣмъ никакоже оутѡитса тогда, иже тамъ прѣходѡщихъ живѡтныхъ стѣзѡ. Егда же во ѡ бѣри возмѣщѡетса, сокрываетъ смѣщенїа дрѡхлѡстїю, ѡже во смиренїи тишины зрѣтса любѡчѣствоваше. тѣмже и прѡздрѣ сѣщѣ хїтросѣ тогда видимъ, иже лѡвїтвы кѡзни прѡстирѡющихъ. Еже оубѡ и оумѣ зрїтельнѣ прїклячѡетса всѣкѡ страдѡти: наипѡче егда ѡ гнѣѡа непраѡедна, глубина душѣвнаа смѣщѡетса.

25. Что чувство естественное одно, сему научает нас самое действо (энергия) святого ведения (просвещенный благодатию разум). Преступлением Адамовом оно разделилось на два действия (энергии); но Святым Духом оно опять соделовается единым и простым. Этого однако ж никто не может увидеть в себе, кроме тех одних, которые, в чаянии будущих благ, охотно отрешаются от благ жизни сей и воздержанием иссушают всякое вожделение телесных чувств. Ибо только в таких ум, по причине полного беспопечения, здраво и бодренно совершая свои движения, может чувством неизреченно вкушать божественную благостыню, и в то же время по мере своего преспяния сообщать свои радости и телу, безмерным неким словом в любви изъявляя свое обрадование исповеданием, говоря: *на Него уповало сердце мое, и Он помог мне, и процвела плоть моя, и охотно исповедаю Его* (Пс. 27, 7). Таковое обрадование, бывающее в сем случае в душе и теле, есть нелестное напоминание о вечно нетленном житии.

26. Подвизающимся надобно всегда соблюдать мысль свою неволнующуюся, чтобы ум верно мог различать набегающие помыслы, и различая, добрые и богопосланные влагал в сокровищницу памяти, а непотребные и демонские извергал вон из влагалищ естества. И море, когда стоит покойно, бывает видно для рыболовов до самых последних глубин своих, так что тогда не укрывается от них ни одна почти из движущихся там живых тварей; когда же оно взволновывается ветрами, тогда скрывает в непроницаемой мутности своей то, что во время приятной тишины щедро давало видеть; от чего в ту пору искусство рыболовной хитрости устроющих остается без дела. Это же случается претерпевать и созерцательному уму, особенно когда глубина души возмущается гневом неправедным.

кз. Малахъ есть сѣлѡ, ѣже всѧ своѧ ѡпаснѡ вѣдѣти согрѣшенїа, и тѣхъ, иже никогда же оумъ восхищаетса ѡ пѧматѣ вжїа. Имже ѡбразомъ ѡчи наші тѣлесныа, егда оубо здравствѡютъ, всѧ зрѣти даже и летѧемыа комарї илї мѡшїцы по въздѡхѡ мѡгутъ: егда же ѡ мѡтности илї илїтїа нѣкоегѡ покрывѧемѣ сѡтъ, аще оубо и велико что бѡдетъ ѡ сїхъ срѣтѧемыхъ, то и сїе тѡнцѣ зрѧтъ: малаа же и не разѡмѣвѧютъ чѡствомъ вїдѣтельнымъ. Сїце и дѡша, аще оубо ѣже ѡ мїролюбїа сѣй слѡчївшееса помраченїе, внимѧнїемъ истончавѧетъ, и іаже сѣлѡ сѣа малаа согрѣшенїа, іакѡ велика вѡмѣнѧюци, слѣзы на слѣзы во мнѡзѣ благодаренїи непрестѧннѡ изнѡситъ: праведнїи бо, речѣ, исповѣдѡтса імени твоємѡ (Ѳал. рлѡ, дї). Аще ли же въ мїрской молвѣ пребывѧетъ любовнѣ, тогда бо, аще что и оубїйственно, илї мнѡгагѡ достѡйно мѡченїа содѣвѧетъ, то и сїе едѡа знѧетъ: инаа же согрѣшенїа ниже назнѧменати мѡжетъ: но іакѡ испрѡвленїа сїа мнѡгаци вѡмѣнѧетъ: тѣмже ѡ тѣхъ и прилѣжнѣе слѡво творѧци, ѡкааннаа, не стыдїтса.

кн. Оумъ ѡчїстїтї едїномѡ сѣомѡ дѡхѡ есть свѡйственно. Аще бо не внїдетъ крѣпкїй, и плѣнїтъ и свѧжетъ хищника, никакоже плѣнъ свободїтса. Подѡбѧетъ оубо всѣмѣ добродѣтельмѣ, напѡче же мїромѡ дѡшевнымъ покѡтї дѡхѡ сѣїй, да свѣтїльнїкъ разѡма імамы въ насѡ іавлѧема всегда: сїающѡ бо томѡ непрестѧннѡ во хранїльнїцахъ дѡшевныхъ, не тѡкмѡ іавлѧемѣ бывѧютъ во оумѣ гѡрціи ѡнїи и тѣмнїи ѡ бѣсѡвѡвъ прилѡзи, но и изнѡгѡютъ сѣлѡ, ѡблїчѧемѣ ѡ сѣагѡ ѡнагѡ свѣта. Сегѡ бо рѡди и апѡстѡлъ глагѡлетъ: дѡха не оугашѧйте (ѧ Сол. ѣ, ѡї): вѡмѣстѡ не слѡдѣїствѡюще, илї слѡ помышлѧюще, ѡпечалѧете сѣагѡ дѡха блѡгость: да не лишїтса спѡборнїка ѡныа свѣщїи. Не бо, иже прїсносѡщнїй и животѡрнїй, оугасѧетъ: но ѡнагѡ

27. Очень немного таких, которые точно знают все свои падения и которых ум никогда не отторгается от памятования о Боге. Как телесные наши очи, когда здоровы, могут все хорошо видеть до малейших комаров и мушек, летающих в воздухе; а когда бывают запорошены или влажным чем покрыты, тогда что велико и всегда им встречается, то видят, хоть слабо, а что мало, того совсем не ощущают чувством зрения: так и душа, когда вниманием к себе прогонит омрачение, случающееся с нею от миролюбия, тогда и малые свои падения почитая очень великими, слезы к слезам прилагает с великим благодарением, сокрушаясь о том, — как сказано: *праведные будут исповедывать имя Твое* (Пс. 139, 14); а когда одержима бывает миролюбивым расположением, тогда если совершит убийство, или другое что достойное наказания, чувствует еще немного, других же падений никаких и заметить не может, даже нередко почитает их за добродетели и не стыдится с жаром защищать их, несчастная.

28. Очистить ум только Духа Святого есть дело. Ибо если не придет Крепльший Сей, не поймает и не свяжет хищника оногo (см. Лк. 11, 22), то похищенное им никак не может быть высвобождено. Подѡбѧет убо всякїмї добродетельмѣ, напѡче же мїромѡ дѡшевнымъ упоковѧть в себѣ Духа Святого, чтоб имѣть в себѣ свѣтїльнїкъ разума всегда свѣтящїм; потому что когда он непрестѧннѡ свѣтит в сокровенностях души, тогда не только явны бѡвѡют в умѣ даже малые темные прилоги бесѡвскїе, но и бездѣйственны и неустѡйчївы, будучи облїчѧемы Свѣтым оным и прѣславным Свѣтом. Почему Апѡстѡл и говорїт: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19), т. е. не *оскорбляйте* (Еф. 4, 30) блѡгостыни Свѣтого Духа злымї деламї или помышлѧенїамї, чтоб не лишїтса всепѡбѣдїтельнѡ оногѡ

ѡпечалѣніе, сирѣчь ѡвращѣніе драхль, и несѣтеленъ оумъ ѡставляетъ разума.

Ѣд. Едино оубо, ѡкоже речеся, чувство быти естественно души, пать бо единою тѣла нашего разнствившася потребамы, всестый и человеколюбивый оучитъ насъ дхъ вжій: сораздѣлется же сѣѡ преслшаніа прибывшаго ради поползновеніа оума, самыми душевными движеньми. Сего ради оубо страстной соѡвѡдится еѡ части, ѡнюдуже временныхъ благихъ сладостнѣ чувствуетъ: оубо же словесномъ еѡ и оумномъ многажды сорадѣтца движенію, понѣже къ небеснымъ добротамъ, егда цѣломудрствемъ, оумъ нашъ теци желаетъ. Яще оубо во обывай прїидемъ, еже превидѣти міра сего богатство: тогда возможемъ и земное души желаніе, словесномъ еѡ залогъ совокупити, прѡвщѣнію всестягъ дха сѣѡ оустраюющъ въ насъ. Яще бо не тогѡ вжество дѣйственнѣ, ѡже сердца нашего хранилища ѡзаритъ, не возможемъ оубо во нераздѣльнѣ чувствѣ, сирѣчь всецѣлымъ залогомъ вкѡснѣти блгаго.

л. Чувство есть оума, вкѡшеніе ѡпаснѡ рассуждаемыхъ. Яже бо ѡобразомъ вкѡснѣтельнымъ нашимъ чувствомъ тѣла, двѡраѡ ѡ слыхъ нелестнѣ во время здравіа рассуждающе, благихъ желаемъ: такъ и оумъ нашъ, егда блгомощнѣ, и во мнозѣ безпечалїи движатиса начнетъ, можетъ и вжественнаго оутѣшеніа богатнѣ разумѣти, и ѡ противнаго никогдаже совосхичатиса. Якоже бо тѣло, земныхъ вкѡшаѡ сладостей имать искѡсъ чувствіа безъ погрѣшеніа: снѣ и оумъ, егда вышше плотскаго ходитъ мудрованіа, можетъ вкѡшати нелестнѣ оутѣшеніе стягъ дха: вкѡсите бо,

светильника. Ибо не присносущный и животворный угасает при сем Дух, но Его опечаление, или лучше отвращение, оставляет ум наш ожестелым и чуждым света ведения.

29. Едино есть, как я сказал, естественное в душе чувство[, ибо известные пять телесных чувств суть особое дело; они служат потребностям тела, как научает нас все-святой и человеколюбивый Дух Божий]; но оно ныне в проявлениях движений души разделяется надвое по причине поползновения на недоброе, приразившееся к уму чрез преслушание. Почему, то оно влечется страстною частию души, — от чего мы сладостно сочувствуем благам житейским; то соусплаждается разумному мысленному ее движению, — поколику ум наш, когда мы целомудрствуем, с возделением устремляется теши к небесным красотам. Если потому мы придем в навык презирать блага міра сего, то сможем наконец и земное возжеление души привести в согласие с разумным ее настроением, в силу общения Духа Святого, сие в нас домостроительствующего. Ибо если Его Божество действенно не озарит сокровенностей нашего сердца, то мы не возможем нераздельным чувством, т. е. всецелым расположением души, вкусить Небесного блага.

30. Чувство ума есть вкус его, верно различающий духовные вещи. Как телесным нашим чувством вкуса в здоровом состоянии непогрешительно различая хорошее от нехорошего, приятного желаем (от неприятного же отвращаемся): так и ум наш, когда начинает действовать в добром настроении и в полном беспечении о преходящем, может богато ощущать божественное утешение и нимало не быть увлекаемым ничем противным тому. Ибо как тело, земных вкушая сластей, приобретает опытность в чувстве сем безошибочную, так и ум, когда поднимается выше плотского мудрования, может нелестно вкушать

рече, и видите, ѿкъ блáгъ гдѣ (Ψал. лг, ѳ): и имѣти пáмать вкѹшенїа, дѣйствиа ради любвѣ неукѹднѣ, внигда искѹшати непогрѣшнѣ рáзнствѹемаа по глаголющемꙋ стѹмꙋ аплꙋ: и ѡ семъ молю, да любовь вáша ещѣ пáче и пáче избѣточествуетъ въ рáзмѣ, и во всáкомъ чѹствѣ, во еже искѹшати нáмъ рáзнствѹемаа (Філіп. а, ѳ).

лa. Егда оꙋмъ нáшъ начнѣтъ ѡщщати всесѣгꙋ дхa оꙋтѣшенїе, тогда и сатана ѿвлеса во сладцѣ нѣкоторомъ чѹствѣ въ ноцнѣмъ безмóлвіи, егда ктò ѿкоже въ сóнное нѣкое тонкое приходитъ преложенїе, и дшш оꙋтѣшаетъ. И аще оꙋбъ въ теплѣй сѣлѡ пáмати ѡбращетса оꙋмъ, содержаи стѹе имá гдa ииса, и ѿкоже оꙋжїемъ ѡполчаетса на прелестъ всесѣтымъ и преслáвнымъ именемъ онѣмъ: ѡходитъ оꙋбъ лстѣцъ прелести, прочее же во рáтъ ѿвлѣннꙋ возгараетса на дшш: тѣмъ же оꙋмъ разсмѣвáа ѡпаснѣйше лстѣ лѹкавагꙋ, мнѹжае во искꙋсъ преспѣваетъ разсꙋжденїа.

лв. Благое оꙋтѣшенїе, или бдáщꙋ тѣлꙋ вывáетъ, или и въ сóнное нѣкое хотáщꙋ приходити знáменїе, егда ктò въ теплѣй пáмати вжїей, ѿкъ прилѣплѣнъ бꙋдетъ тогѡ любви: лстное же, въ тонокъ нѣкїй приснꙋ, ѿкоже рѣхъ, сѡнъ приходáщꙋ подвижникꙋ, со среднею пáматїю вжїею. Ово оꙋбъ ѿкъ ѡ вѣа сшци, ѿвлѣннꙋ дшшы иже благочестїа подвижникꙋвъ во излїанїи мнѹзѣ дшши, оꙋтѣшати къ любви хѹщетъ: ово же, понѣже на вѣтрѣ нѣкоемъ, прелести развѣвати дшш ѡбыче, оꙋкрадати снѡмъ тѣлеснымъ искꙋсъ чѹствїа, здравствꙋющагꙋ оꙋмá ѡ пáмати вжїей начинáетъ. Аще оꙋбъ ѡбращетса оꙋмъ, ѿкоже рѣхъ, воспоминаá частѣйше гдa ииса, рáточáетъ оꙋбъ дыхáнїе онѡе сладковїдное врáжїе: рáдѹса же, во еже на тогѡ двїжетса рáтъ, ѿкъ оꙋжїе имѣа прочее деснѡе со благодáтїю, юже ѡ искꙋса похва-

и различать утешение Святого Духа, как говорится: *вкусите и увидите, как благ Господь* (Пс. 33, 9), и имея память о сем вкушении по действию любви незабвенною, непогрешительно различать лучшее, по слову св. Апостола: *и молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, дабы узнавать вам лучшее* (Флп. 1, 9).

31. Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна [или засыпания]. Если в это время ум окажется держащим в теплой памяти святое имя Господа Иисуса, и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем, то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но за то возгорается наконец бранию против души своим лицом, а не помыслами]. Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей.

32. Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает любовью к Нему; а утешение обманчивое, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия в любви Божией в сильном излипании душевных чувств; а это обыкновенно обвеает душу неким ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. — Итак, если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то

лѸ.

л҃г. ꙗ́ще несомнѣннымъ и немечтательнымъ движѣнїемъ душа къ любви возжизатиса начнетъ вѣтїей, влекѹщи ꙗ́кѡ и тѣло во глубинѹ любви о́ным неизречѣннымъ, или бдѹщи, или, ꙗ́же рѣхъ ѡбразомъ, въ сонъ градѹщи, ꙗ́же ѡ стѣмъ благодати дѣйствѣемъ, ничтѡже ꙗ́но тогда разѹмѣвающи, развѣ сїе то́чию, въ немже еже движетсѹ, вѣдѣти подобаетъ, стѣгѡ дѹха быти дѣйствїе: оꙋслаждаема бо всѹ ѡ о́ным неизречѣннымъ сладости, ничтѡже ꙗ́но мѡжетъ тогда разѹмѣти: понѣже непрестанноу нѣкоею веселїтсѹ радостїю. ꙗ́ще ли сомнѣнїе ѡнюдъ, или сквернѹю нѣкоторѹю мысль оꙋмъ тогда дѣйствовати начнетъ, или ꙗ́ще и стѡе прїемлетъ ꙗ́ма ко ѡгнѹнїю слѹгѡ, а не паче къ любви то́кмѡ вѣтїей, подобаетъ разѹмѣти, ꙗ́кѡ ѡ прелестника єсть о́ное оꙋтѣшенїе, радости знаменїе: радость же о́на неизвѣстна єсть и некрѣпка всѹ хотѹщи прелюбодѣйствовати душї нашей врагѹ. Егда бо видитъ оꙋма ѡскѹсомъ своегоꙋ чѹствїѹ о́паснѣ хвалащасѹ, тогда оꙋтѣшенїемъ нѣкїими, ꙗ́коже речесѹ, бл҃говлѣнными призываетъ душѹ, да разнесисѹ въ себѣ ѡ славы о́ным и мѡкрыѹ (влажныѹ) сладости, не познаваемо єй вѣдетъ примѣшенїе лѣстївагѡ: ѡ сегѡ оꙋбѡ да разѹмѣемъ дѹхъ истинный, и дѹхъ лѣстчїй. Не мѡцно же оꙋбѡ, или вѣстѣенныѹ бл҃гости въ разѹмѣ вкѹсїти комѹ, или бѣсѡвскїѹ горести разѹмнѣ истѹзати, ꙗ́ще ктѡ себѣ не извѣстїтъ: благодати оꙋбѡ во глубинѹ оꙋма вселїтисѹ, л҃кѹвымъ же дѹховѡмъ при оꙋдесѣхъ сердечныхъ гнѣздїтисѹ: понѣже никогда же хотѹтъ ѡ человекъ познатисѹ ꙗ́снѡ бѣсове, да не оꙋмъ сїе самое ѡщѹтїтъ, и оꙋвѣдѣвъ о́паснѣ, пѹмѹтїю вѣтїею на тѣхъ вѡврѡжетъ-

тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостью выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной.

33. Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некакo в глубину сей неизреченной любви и самое тело, — в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействию святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; — то ведать надлежит, что это есть действие Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятных чувств от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостїю. Если же при таком возбуждении ум воспримет колебание некое сомнительное, или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; — то ведать надлежит, что утешение это — от прельстителя, и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается, и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими некими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу, в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною макротною сластїю, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа обольщения {заблуждения}* (1 Ин. 4, 6). — Никому, впрочем, невозможно ни божественной благодати чувством вкусить, ни горести бесовской ощутительно испытать; если кто не удостоверится в себе,

с.л.

лѡ. Ина ѣсть естественная любовь души, и ина ѡже ѡ сѣагѡ дѡа ѣй прививаетъ. Ова оубѡ, егда хощемъ, ѡ нашеа воли оумѣреннѣ движитса: тѣмже и оудобнѣ ѡ лѡкавыхъ дѡхѡвѣ, егда не крѣпкѡ держимъ, наше произволѣнїе расхищаетса. Ова же толїкѡ воспалаетъ дѡшѡ къ любви вѣжїей, ѡкѡ всѡ тогда ѣже души чѡсти вѣжественномѡ желанїю прилѣпляютса неизглаголанною благодостїю, въ безмѣрнѣй некѡей простотѣ залежанїа (завѣщанїа): ѡкѡ бо въ зачатїи ѡ дѡхѡнагѡ дѣйствїа оумѣ тогда бивѣ, источникъ некѡй любви источаетъ, и радѡсть нелицемѣрнѡю.

лѢ. Икоже море, егда возмѡщаетса, возливаетмѡ маслѡ, естество свое вѣсть покарати, масстїю тогѡ повѣждаамъ вѡрю: сїце и душа наша, егда ѡ благодости напоаетса сѣагѡ дѡа, сладостнѣ оутїшаетса, радѡющиса бо повѣждаетса, по глаголющемѡ сѣомѡ: ѡваче вѣшъ повинїса, дѡше моа (Псал. ѡї, 5): ѡсѣнѡющѡ тѡю ѡною благою и неизреченною благодостїю. Сегѡ ради оубѡ тогда, каковѡа либо раздражанїа вѣсове ни оухищраютъ на дѡшѡ, не гнѣвлива и безъ смѡщенїа пребываетъ, и всѡкїа испѡлнена радѡсти: въ сїе же тѡкѡ не прихѡдитъ, ни пребываетъ, ѡще не страхѡмъ вѣжїимъ свою дѡшѡ непрестаннѣ оусладитъ: подвижѡуцымса бо видѣ некѡй принѡситъ чистотѣ страхъ гѡа иїса: страхъ бо, речѣ, гѡнь чїстѣ, пребываамѡ во вѣкѣ вѣка (Псал. иї, і).

что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтоб люди как-нибудь удостоверились в этом, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятью о Боге.

34. Есть любовь в душе естественная, и есть от Святого Духа в нее изливаемая. Та, если захотим, приходит в соразмерное движение и от нашей воли; почему удобно расхищается злыми духами, коль скоро перестаем в усиленном напряжении держать свое произволение. А эта так пламенит душу любовью к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости божественного возлюбления в безмерной некѡей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват (способным породить) бывая от духовного (благодатного) действия (энергии), источает обильный некѡй поток любви и радования.

35. Как море волнуемое, когда возливают на него елей (масло), обыкновенно стихает, потому что тучность (плотность) елея преобладает силу воздымающей волны бури: так и душа наша, умащаемая благодатию Святого Духа, сладостною исполняется тишиною; потому что, по слову пророка: *только Богу повинуйся, душа моя* (Пс. 61, 6), — тогда к обрадованию ее пресекается всякое в ней волнение, уступая приосеняющей ее благодости Духа и порождаемому тем бесстрастию. Почему какие бы потрясения ни покушались в ту пору произвести в душе бесы, она пребывает мирствующею в себе и полною всякого радования. Но в такое состояние никто не может прийти, ни пребывать в нем, если не будет непрестанно отрезвлять и услаждать душу свою страхом Божиим; ибо страх Господень приносит подвижѡуцымся некѡй вид непорочности и чистоты. *Страх Господен — чист*, говорит пророк, *пребывает во век века* (Пс. 18, 10).

лѡ. Никто́же слы́ша чѣство о́ума, видимѣи томѣ
 сла́вѣ бж́іей іаві́тиса да оупова́етъ: ѡчища́ти во рѣ-
 хомъ, егда ѡчища́етъ дѡшѣ, во неизрече́ннѣмъ нѣкоемъ
 вкѡше́нїи бж́ественнагѡ оутѣше́нїа не іавла́тиса же се́й
 что́ невидимыхъ: поне́же нынѣ вѣрою хѡдимъ, іакоже
 блаже́нный па́вел глаго́летъ, а не видѣ́нми (в Корін. Ѣ,
 3). Я́ще оубо іаві́тиса нѣкоторомѣ ѡ подви́зajúщихсѡ,
 и́ли свѣ́тъ, и́ли ѡбразъ кїи́ о́гневїденъ, и́ли гла́съ,
 никогд́аже да прї́иметъ таковѡе видѣ́нїе: прелесть во
 є́сть іавле́нна вражїа: є́же оубо мно́зи пострада́вше іакѡ
 ѡ невѣ́дѣнїа, преврати́шасѡ пѣти́ истиннагѡ. Мы же
 сїа́ разѡмѣва́юще да бѣдемъ: іакѡ е́лікѡ хѡдимъ во
 тлѣ́ннѡмъ се́мъ тѣ́лѣ, ѡхѡдимъ вѣ́а, сїрѣ́чь видимѡ, и
 самѣ́хъ рѣ́кше небесныхъ е́гѡ чѡдесъ зрѣ́ти не мо́жемъ.

лѡ. И́же во въ любви бж́іей іавла́емаѡ дѡши́ сѡнїа
 здра́вствүющїа дѡши́ нѣкакѡ сѣ́тъ нелестнїи́ изъаві́те-
 лїе: тѣ́мже ниже ѡ́нагѡ ѡбразѡ во дру́гїи ѡбразъ
 прелага́ютсѡ, ниже оубо о́устраша́ютъ чѣство, ниже
 смѣ́ютсѡ, и́ли дра́хли быва́ютъ внеза́пѣ, но со вса́кою
 кро́тостїю дѡши́ приближа́ютсѡ, дѡхѡвнагѡ тѣ́ю іспол-
 на́ютъ веселїа: тѣ́мже и по возбү́жденїи тѣ́ла, мно-
 гимъ желáнїемъ и́щетъ дѡша́ радости сна, бѣсѡвскаѡ
 же мечтáнїа, во всѣ́хъ протї́внѡ імѡтъ: не бо пребы-
 ва́ютъ въ томъже ѡбразѣ, ниже зра́къ нематѣ́женъ во
 мно́зѣ показү́ютъ. Є́же во ѡ́ произволенїа оубо не імѡ-
 щие, ѡ́ своеа́ же прї́емлюще тѡ́чїю прелести, о́удовлетво-
 рїти тѣ́ми на мно́зѣ не мо́гутъ: но и вели́каѡ глаго́-
 лютъ, и претáтъ же вѡцїшаѡ, въ во́инскїи видъ себѣ́
 мно́гажды прешевразү́юще, іногда же и припѣ́ваютъ со
 восклицáнїемъ дѡшѣ́: тѣ́мже познава́а тѣ́хъ о́умъ, егда
 трезвї́тсѡ, въ востѡ́рзѣ бывъ возбү́жда́етъ тѣ́ло: іно-
 гд́а же и радү́етсѡ, іакѡ лестъ тѣ́хъ разѡмѣ́ти возмо́гъ:

36. Никто, слыша о чувстве ума, да не воображает, будто слава Божия является ему чувственно. Мы говорим, что душа, когда бывает чиста, неизреченным неким вкушением ощущает божественное утешение, но не так, чтоб при сем чувственно являлось ей что-либо из невидимого; *ибо ныне мы ходим верою, а не видением*, как говорит блаженный Павел (2 Кор. 5, 7). Почему, когда кому-либо из подвижающихся явится свет, или зрак какой огневидный, или глас, пусть он ни под каким видом не принимает за истинное такое явление. Ибо это явно есть прелесть вражия, — и многие, с которыми это случалось, по неведению сбивались с пути истинного. Мы же знаем, что пока живем страннически в тленном теле сем, устранимся {удаляемся} от Бога (см. 2 Кор. 5, 6), — т. е. не имеем возможности видимо видеть ни Его, ни дивных вещей Его пренебесных.

37. Сны, являющиеся душе по любви Божией, суть не-обманчивые указатели здравия душевного. Они не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха или внезапного опечаления, но приступают к душе со всею тихостию и преисполняют ее духовного радования; почему душа, и по пробуждении тела, со всем вожделением ищет этого испытанного во сне обрадования. У бесовских мечтаний все бывает противно сему, — не пребывают они в одном и том же образе, и вида своего не показывают долго не смятенным; потому что тем, чего нет в их произволении, но что заимствуют они из своей только лживости, долго довольствоваться они не могут. При этом они много говорят и обещают великого, а еще больше угрозами устрашают, принимая на себя нередко вид воинов; иногда припевают душе и что-нибудь льстивое с шумным криком. Ум, когда чист бывает, скоро распознает их, и — иногда мысленным напряжением пробуждает тело, а иногда охотнее остается в

сегò ради въ самомъ томъ снѣ многажды ѡбличаа тѣхъ, во гнѣвъ тѣхъ великъ подвижетъ. Обаче есть, егда и блази сны, радость оубо не приносятъ души, скорь же ей особню творятъ, и неболезненъ слезъ: сие же бывають при онѣхъ, иже во многое смиренномудрие припевающихся.

лн. Рѣхомъ же мы, ѡакъ ѡ иже во искъствъ бывшихъ слышахомъ, дѣбрымъ и слымъ снѡмъ разсуденіе: намъ же довлѣтъ къ добродѣтели великой, еже ни единомъ ѡнюдъ повиноватиса мечтанію: сѡнѡ бо ѡакъ вѣще ничтоже ино сѣтъ, но идѡли пѡмыслъ лѣстныхъ, или паки, ѡкоже речеса, бѣсѡвская нарѡганіа. Егда же аще и ѡ бжѡмъ благности послетса намъ видѣнїе когда, и не прѣмлемъ тое, не оубо на ны иже многолюбимый иисъ гдѣ прогнѣвается за сие: вѣсть бо, ѡакъ прельщенїи ради бѣсѡвскихъ въ сие приходимъ. Предреченное оубо разсуденіе ѡвственнѡ есть, прилѣчается же и ѡ совосхищеніа нѣкоегѡ невѣдѣтельнѣ ѡсквернитиса души: егѡже и кромѣ никтоже, ѡкоже мнѡ, ѡбращетса погубити слѣдъ ѡпаснагѡ разсмѣнїа, и вѣровати слымъ ѡакъ дѣбрымъ.

лф. Да вѣдетъ же ко оуказанію намъ вещь притчею: рабъ, ѡ владыки въ ноци по ѡшествїи изъ домъ своегѡ, и по мнѡзѣмъ коснѣнїи предъ враты храмини зовущїи, и извѣстнѣ не познаваа, емѡже ѡверзенїе дверей весьма ѡверже рабъ: боашеса бо, да не подѡбїемъ тогѡ гласа совосхитивса, сладѣа прїиметъ, и предатель ѡвїтса, иже емѡ ввѣренныхъ имѣнїи. Нанже не токѡмъ не разгнѣваса господинъ егѡ, днѣви бывшъ, но и мнѡгимъ похваламъ сподѡби, ѡакъ и владычнїи гласъ, прелестъ быти непцевѡ, не хотѣа что тогѡ имѣнїи погубити.

том же положении, радуясь, что возмог распознать их лукавство, и в том же сне обличая их и тем подвигая их на великий против себя гнев. — Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную, и слезу неболезненную. Это случается с теми, которые преуспели уже в великом смиренномудрии.

38. Мы изложили, как различать сны хорошие и худые, основываясь на том, что сами слышали от опытных старцев. Да довлѣет однако ж нам паче, как великая добродетель, то правило, чтоб отнюдь не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшую частью бывают ни что иное, как идолы помыслов, игра воображения или еще, как я уже говорил, бесовские над нами наругания и забавы. Если, держась сего правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневается за это на нас любвеобильный Господь Иисус, ведая, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней. Ибо хотя предреченный способ различения снов верен; случается однако ж, что душа, по некоему восхищению вражьему нечувствительно и произвольно будучи осквернена, — без чего, как думаю, никто не обходится, — теряет след верного различения и верит снам недобрым, как добрым.

39. Да послужит нам в доказательство сказанного следующій случай: господин после долгого отсутствия, возвратясь домой, стоит ночью у ворот и зовет раба, чтоб отворил; раб, не распознавая точно, господин ли это, решительно отказывает ему в этом, боясь, чтоб, обманувшись сходством голоса, не впустить злодея и не сделаться предателем вверенного ему господином имущества; и господин, когда настал день, не только не разгневался за это на него, но напротив великими превознес его похвалами что голос его самого счел обманом, не желая утратить что-либо из его имущества.

м̄. Егда бо оумъ начнѣтъ часту ѿ бжественнаго свѣта дѣйствоватиса явленнѣ, такѡвъ весь бываѣтъ, ꙗкоже свѡй свѣтъ сáмый богáтнѣ зрѣти, не подобаѣтъ ѡ томъ сомнѣтиса: сѣе бо весьма бываѣтъ, егда сила дшш възвладáетъ страстьми. ꙗ́ иже всáкѡ еже во ѡбразѣ томъ явлáемо, или свѣтъ или ꙗкѡ о́гнь, ѡ вражѣмъ злохитрства бываѣтъ: бжественный бо павелъ сказѣтъ явѣ, во аггѣла свѣтла тогò, глаголетъ, превражáтиса (в Кор. а́, д́). Не подобаѣтъ ѡ таковой надежди комъ оутверждáтиса по́стническое провожда́ющимъ житѣе, да не сатана готѡвъ ѡбращетъ дшш ѡсѡдѡвъ въ восхищенѣе: но да dospѣемъ тóчию во всáкомъ чвствѣ и извѣщенѣи сѣрдца возлюбѣти бга, еже е́сть всею дшшею, и все́мъ сѣрдцемъ, и всею мы́слию. Иже бо въ сѣе dospѣвый, благодáти бжѣей содѣйствующей, таковой ѡхòдитъ мѣра, ꙗ́ще и посредѣ мѣра хòдитъ.

ма. Послшáнѣе, пѣрвое оубв во всѣхъ заповѣдехъ новоначáльнымъ, добрò е́сть разумѣти: понѣже во ѡлагáетъ киченѣе, раждáетъ же намъ смиренномудрѣе: тѣмже входъ и двѣрь бываѣтъ, иже тогò держащимса слáдцѣ, еже ко бгѡу любвѣ. Сѣе ѡложи адáмъ, во глѡбòкѣй поплзѣса тáртаръ: семъже рачитель бѣвъ гдѣ, смòтренѣмъ слòвомъ дáже до крѣта и смѣрти послшáливъ бѣвъ своемъ оцѣ (Фѣлѣп. в̄, ѱ), ꙗ́ще и ни въ чесòмже сѣй мѣнши тогòжде величествѣмъ бжества: но да человексаа согрѣшенѣмъ ѡ преслшáнѣмъ, своегò рáди послшáнѣмъ, разршѣвъ, во блаженнòю и вѣчнòщую, иже въ послшáнѣи жившылá возведѣтъ жѣзнь. Прѣжде оубв семъ прилѣжáти подобаѣтъ, иже ко гордыни дѣавольской прѣемлющимъ борѣбѡ: покажетъ бо явѣ намъ сѣй предводитель, непрелѣстнѣ всáкѣмъ стезѣи добродѣтели.

40. Что ум наш, когда начнет в нем ощутительно действовать божественный свет, соделовается весь светлым, так что сам богато видит сей сущий в нем свет, в этом не должно сомневаться. Так всегда бывает, коль скоро душа сильно возгосподствует над страстями. Но бывает, что нечто подобное призрачно является в уме и от злокозности вражеской, то как свет, то как огонь, как учит божественный Павел, говоря, что и сатана иногда *принимает вид Ангела света* (2 Кор. 11, 14). Почему не должно в такой надежде, [т. е. в надежде видеть свет в себе,] приступать к прохождению подвижнического жития, чтоб сатана не нашел поэтому души предуготованною к восхищению ее в прелесть и не восхитил в самом деле. Но должно тó одно иметь при сем в виду, чтоб достигнуть любви к Богу всем чувством и с полным удостоверением сердечным, — что и есть любить Бога всею душою, всем сердцем и всем помышлением (см. Лк. 10, 27). В ком действует сие благодатию Божиею, тот, живя в мѣре, чужд бывает мѣра.

41. Послушание есть, как достоверно известно, первое в числе вводных (новоначальных) добродетелей добро; ибо оно отсекает кичение и порождает в нас смиренномудрие. Почему бывает входною дверью любви ко Христу Богу для тех, кои с сердечным расположением держатся его. Отложив его, Адам ниспал во глубину ада. Господь же, возлюбив его, в силу домостроительства нашего спасения, послушлив был Отцу Своему даже до креста и смерти (см. Флп. 2, 8), — и это тогда, как ни в чем не меньше был величества Его, — чтоб, своим послушанием загладив вину преслушания человеческого, тех, кои поживут в послушании, возвести к блаженной и вечнующей жизни. Итак, тем, кои восприемлют борьбу с гордынею диавольскою, прежде всего должно возревновать о сей добродетели, — и она, предшествуя, незаблудно покажет им потом все стези добродетелей.

мв. Воздержаніе, ѿщее ѣсть всѣхъ добродѣтелей тезоименитство: подобаетъ оубо воздержавшася, всегда воздержатися. Икоже бо человекъ чтолибо тончайшихъ оудовъ ѿто бѣдетъ, все человекъ, аще и малъ бѣдетъ лишаемо ѿбраза, неѣпа всего содѣловаетъ: сице и единъ добродѣтель ѿставлаа, все, ѿкв не вѣсть воздержаніа, потребляетъ благолѣпіе. Потреба ѣсть оубо не токма ѿ телесныхъ люботрудитиса добродѣтелехъ, но и ѿ ѿже внѣреннаго нашего человека ѿчистити могущихъ. Каа бо польза бѣдетъ, иже телю сохранивш дѣвственну, аще душю прелюбодѣйствуетъ ѿ прельченіа бѣсовскаго; Или какъ вѣнчается, иже чревоуѣденіа оубо и всакаго телеснаго похотѣніа оудержавса, гордыни же и славолубіа не потцалса истребити; ниже малю терпѣ скорбь, ѿже свѣтъ правды хощетъ ѿцѣнати въ мѣрилѣ, иже дѣла правды содѣлавшимъ въ дѣствѣ смиреніа;

мг. Вса оубо безсловесна похотѣніа такъ подобаетъ возненавидѣти подвижающимся, ѿкв во ѿбычаи ѣже къ телю ненависть стажати. И ѣже ѿ брашнѣхъ воздержаніа, сице подобаетъ сохранати, да не въ мерзость нѣкоторыхъ прійдетъ ктò когда: сіе бо и проклато ѣсть, и бѣсовское оумышленіе. Не бо ѿкв слыхъ тѣхъ ѿмѣшемъ, не бѣди то: но да многихъ пиць себе оудалюще, палимыа оуды плоти нашеа въ мѣрѣ томимъ. Проче же, да наше, ѣже преизлишнее во оупотребленіе доволно бѣдетъ нищимъ, ѣже ѣсть любвѣ чистыа знаменіе.

мд. Ёже ѿ всѣхъ представляемыхъ, или черплемыхъ ѿстїи и питїи, благодарящимъ бѣга, никакоже правили разума радѣютса, вса бо добра сѣлѡ: а ѣже сладкихъ и маститыхъ сладцѣ оуклонатиса, рассудительнѣйшихъ

42. Воздержание есть принадлежность всех добродетелей; почему *подвижник* должен от всего *воздерживаться* (1 Кор. 9, 25). Как, когда отнят будет какой-нибудь наималейший член человеческого тела, весь вид человека делается безобразным, как ни будь мало то, чего в нем не достает: так и когда кто об одной лишь какой вознерадит добродетели, расстраивает все благолепие воздержания, хотя и не видит того. Почему должно не только телесные люботрудно проходить добредетели, но и те, которые имеют силу внутреннего нашего очищать человека. Ибо какая польза тело соблюдать девственным, когда душа блудодействует с бесом непослушания? Или как увенчается тот, кто от чревоугодия и всякой другой похоти телесной блюдет себя, а о кичении и славолубии небрежет, не стерпевая даже и малейшего оскорбления; тогда как ведает, что свет правды имеет уравновесить чашу [воздаяния] с делами правды только тех, кои совершали их в духе смирения?

43. Все бессловесные похоти подвизающимся так должно возненавидеть, чтоб эта ненависть к ним обратилась у них в навык. Воздержание же в пище так надлежит соблюдать, чтоб никто никогда не доходил до почитания мерзким какого-либо из яств. Это бесовское дело и есть клятвы близ. Ибо мы не потому воздерживаемся от некоторых яств, что они по природе злы, — да не будет! — но для того чтоб, воздерживаясь от них, соразмерно укротить пламенеющие члены плоти; еще же и для того, чтоб остающаяся у нас от потребления пища была обращена в удовлетворение насущной нужды бедных, — что есть признак искренней любви.

44. От всего предлагаемого для ястия и пития есть и пить со благодарением Богу нисколько не противно закону ведения; ибо вся в созданиях Божиих *весьма хорошо* (Быт. 1, 31). Но самоохотно воздерживаться от многояде-

ѣсть и разумнѣишихъ: не оубо же настоѣщаѣмъ сладкаѣмъ сладцѣ превидимъ, аще же бж҃ѣмъ сладости всѣмъ разумомъ и извѣщеніемъ вкусимъ.

мѣ. Имже ѡбразомъ ѡ множества снѣдей ѡтагчаваемо тѣло, боѣзливъ нѣкій, и сладвижимъ, оумъ содѣваѣтъ: сице изнемогаемый оумъ ѡ многа воздержаніѣмъ, драхлѣ нѣкѣю и нелюбительнѣмъ слѡва, зрительнѣю дѡши накончаѣтъ часть. Подобаѣтъ оубо прѣмѡ тѣлесныхъ движеній, и пищѣ благоустроѣти, да егда оубо здравствуетъ, оумомлѣти помалѣ: егда же ли болитъ, да ѡтѡчневѣетсѣ оумѣреннѣ. Не подобаѣтъ бо ѡслабѣвати тѣломъ подвижающемсѣ, но еликѡ моци къ подвигѣ довлѣти, да понѣ труды тѣлесными дѡша лѣпотнѣ ѡчищаѣтсѣ.

мѣ. Егда тщеславіе вельми воспалѣетсѣ на ны пощеніѣмъ ради, и братіи нѣкоеѣмъ пришествіемъ стѣжѣамъ намъ, или каковѡлибѡ страннѡ въ винѣ своеѣмъ слѡбы и звѣрѣтамъ, и подстрѣкамъ, да не разоримъ оустѣва своего, добрѡ тогда ѣже оумѣренное ѡставлѣти, и ѡбычномѣ пици оустѣвѣ оусѣргѣвити: ибо и бѣсѡвска начинаніѣмъ бездѣльна пѣче и рыдающіѣмъ ѡслѣмъ, и оустѣвѣмъ любвѣ лѣчше иныхъ исполнимъ: и тайнѣмъ воздержаніѣмъ невлѣннѣмъ сходяженіѣмъ ради сохранимъ.

мѣ. Постъ имать оубо по себѣ похвалѣ, но не ко бж҃ѣ: дѣлательница бо ѣсть ѣкѡ въ цѣломѣдріе вчинѣамъ и завлающихъ егѡ, не подобаѣтъ же оубо ѡ томъ великомѣдрствовати, ѣже благочестіѣмъ подвижникомъ: ѡжидати же токѡмъ въ вѣрѣ бж҃ѣей, конѣцъ нашеѣмъ мысли. Нижѣ бо худѡжницы каковыхъ либѡ хитростей, ѡ орѣдѣмъ ѡбѣщаніѣмъ совершеніе хвалѣтъ когда, но ѡжидѣтъ сиѣхъ кійждѡ, вида начинаніѣмъ, да ѡ онагѡ ѣже и звѣстное хитрости покажетсѣ.

ния и сладкоядения весьма благоразумно и премудро. — Только отказываться так самоохотно от подлежащих сластей мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством.

45. Как множеством яств обременено будучи, тело наше делает ум каким-то беспечным и неподвижным, так и будучи измождено чрезмерным воздержанием, соделывает созерцательную часть души унылою и несловолубивою {не охочю рассуждать}. Подобаѣтъ убо образ питания телесного соразмерять с состоянием сил и крепости тела: когда оно здорово, утеснять его, сколько потребно, а когда немоществует, послаблять ему несколько. Подвижающемуся не следует расслабевать телом, но быть в силе, сколько требуется для подвига, чтоб хотя телесными трудами очищалась надлежаше и душа.

46. Когда, при приходе каких-либо братьев или какого-либо странника, тщеславие, пользуясь сим случаем, придет в движение и, надывая нас своим ядом, станет подстрекать не нарушать своего о пище устава; тогда наипаче благопотребно послабить несколько меру обыкновенного пищеприятия. Ибо таким образом мы и беса отошлем от себя с оплакиванием безуспешности своего покушения, и закон любви рассудительно исполним, и тайну воздержания нашего чрез послабление его сохраним невыказанною.

47. Пост, хотя как орудие, благоустроющее хотящих к целомудрию, имеет цену, но не пред Богом. Почему подвижникам благочестия не должно высокоумствовать по поводу его, но от единой веры в Бога чаять достижения своей цели. И мастера по какому-либо искусству в совершенстве своей искусности удостоверяют не добротностию своих орудий, но терпеливо заканчивают какое-либо изделие, и оно уже служит показателем, насколько они искусны в своем мастерстве.

ми. Иже образомъ земля въ мѣрѣ оубо напаяема, чистое же вмѣтаемо въ тѣю сѣмя, со многимъ прибиткомъ плодъ воздаётъ: ѿ многихъ же оупоима дождѣвъ, тернїе износитъ токми и волчѣць. Сице и земля сердечнаа, аще оубо въ мѣрѣ питїе прїемлетъ, чїста естественнаа своа показѣтъ сѣмена, и ꙗже ѿ стѣгъ дѣа въ тѣю вмѣтаемаа, прозвѣаетъ сѣлѡ, и износитъ многоплоднаа: аще ли же прѣдождѣнна ѿ многоагъ питїа бѣдетъ, тернїе воистиннѣ износити начнѣтъ всѣа еа помышлѣнїа и волчѣць.

ма. Егда бо оумъ нашъ, иже многоагъ питїа погрѣжѣетса волнами, не точїю еже ѿ бѣсѡвъ во снѣ извѣражѣемыа кѡміры страстнѣ зрїтъ, но и въ себѣ зраки нѣкїа притворѣа неподѡбныа, своїми мечтанїи ꙗкѡ рачїтельными нѣкїими имать раждеженїе. Разжизѣемымъ же смѣсительнымъ оудѡмъ ѿ винныа теплоты, нѣжда всѣкѡ предстѡвити самомѣ оумѣ сѣнь страсти сладостїю. Подѡбаетъ оубо оумѣренное намъ прїимати, еже бы ѿ прѣмноженїа оубѣжати врежденїа. Егда бо не имать оумъ подвигающїа тогѡ сладости къ живописанїю грѣхѡ, немечтателенъ весь прѣвыбаетъ: и еже лѣчше, и несладостенъ.

н. Всѣа ꙗже сострѡеннаа питїа, иже предпївнаа наричѣтъ, иже сегѡ хитрецы оумышлѣнїа, ꙗкѡ мнїтса за еже наставлѣти во оутрѡбѣ множество бращенъ: не подѡбаетъ тѣа гонїти, хотѣщимъ сластныа оуды тѣла смирїти. Не бо токми качество сїхъ на вредъ подвижающимса тѣлесемъ бывѣетъ, но и самое то чрезъ словесное сїхъ растворѣнїе, смѣщѣетъ сѣлѡ вїносною совѣсть. Чтѡ во естъ, егѡже лишѣемо оубо вїнное естество; токми да различныхъ сладостей примѣшенїе, сегѡ крѣпость оумагчїтъ.

на. Гдѣ нашъ, и сегѡ сїѣннаагъ житѣльства оучитель иисъ хрѣтѡсъ, оцтомъ напоенъ бысть во врема стра-

48. Какъ земля умеренно напаяемая, с большимъ приплодомъ израшаетъ вмѣтаемое в нее чистое семя, а упоемая слишкомъ обильными дождями приноситъ только терния и волчцы, такъ и земля сердца, когда употребляемъ вина в меру, естественные свои семена являетъ чистыми, а всеаемые в нее Духомъ Святымъ износитъ добролиственными и многоплодными; когда же чрезъ меру одождимъ ее многопитиемъ, износитъ только терния и волчцы всеми помыслами своими.

49. Когда умъ нашъ плаваетъ в волнахъ многопития, тогда не только на образы, во снѣ представляемые ему бесами, смотритъ страстно, но и, самъ в себѣ рисуя некіе красивые лица, такими мечтанїями своими, какъ какими живыми существами, услаждается с раждежениемъ. Ибо когда похотные части тела разогрѣются отъ винной теплоты, тогда нужденїе некое налегаетъ на умъ представлять в себѣ сластолюбно такіе тени страсти. Почему надлежитъ намъ, соблюдая мерность, избегатьъ вреда отъ излишества бывающаго. Тогда умъ, не имея подвигающей его на живописание грѣха сласти, пребываетъ весь немечтательнымъ и, что еще лучше, бессластнымъ.

50. Желѡющимъ укротить воздымающїеся члены тела не должно касаться искусственно приготовляемыхъ напитковъ, которые хитрецами такого изобретѣнїа называются предпїтиемъ по той причинѣ, что они обыкновенно пролагаютъ в чрево путь множеству яствъ. Ибо не только качество ихъ бываетъ во вредъ подвижающимся теламъ, но и самое безмысленное смешѣнїе входящихъ в ихъ составъ веществъ сильно поражаетъ богобоязненную совесть. Ибо чего такого не достаетъ в естестве вина, чтобъ нужда належала пришеменїемъ разныхъ сластей смягчать его крѣпость?

51. Господь нашъ, и сего священнаго (подвижническаго) житїа Учитель, Иисусъ Христосъ оцтомъ былъ напоенъ во

даниа своего, ѿ слѣжащихъ дѣвольскомѹ повелѣнїю: мнѣ мнитсѧ, да ѡставитъ гавѣ намъ ѡбразъ, сщєн-ныхъ залѡга. Не подобаетъ бо, речѣ, сладкамъ прїимати питїа, или снѣдїи, подвижающимъ тѧ на грѣхъ, но паче горестнымъ брани съ терпѣнїемъ держатисѧ: приложисѧ же и ѵссыпъ гѡвѣ досажденїа, гакѡ оубѡ да совершеннѣ внесетсѧ со прикладомъ ѡбразъ нашегѡ ѡчищенїа, ѡво бо, лютое подвиговъ свѡйственно: ѡво же, чистительное самѡгѡ совершенїа.

нв. Ёже въ баню приходїти, не оубѡ тѡ грѣшнѡ, или чрезсловесно гавллетсѧ: а ёже оубѡ воздержанїа ради и сеа оудалатисѧ, и мужественно, глаголю, и цѣломѡдренно. Нижѣ бо тѣло наше ѡслабѣваетъ сладостною ѡною мокрѡтою, нижѣ оубѡ на воспоминанїе приходимъ безславнагѡ поѧ адамова, но да ѡ тогѡ листвїи попецемсѧ непцеванїи, во ёже покрѣти вторїи стѡдъ: а наипаче иже ѡ мїрскагѡ нынѣ пришедшихъ завлжденїа, и незрѣнїа ради своеа наготы, добротѣ цѣломѡдрїа прїединитисѧ должни есмы.

нг. Врачи призывати во время недѡга, ничтѡже ёсть возбранѧемо, понѣже бо хотѧшесѧ иногда и ѡ чело-вѣческагѡ искѡса собиратисѧ хитрости, тогѡ ради прѣдани выша лѣчбы: ѡваче не трѣбѣ ёсть на тѣхъ имѣти надеждѹ исцѣленїа, но на истиннаго нашего спса и врачѧ иїса хртѧ. Сїа же глаголю, иже во ѡбщежительствѣ, или во градѣхъ мысль воздержанїа исправляющимъ, за ёже не возможно тѣмъ ѡ приключающихся напастей непрестаннѡ имѣти любвѣ ради дѣйство вѣры: другѡе же, за ёже и во тщеславїе и искѡшенїе дѣвольское тѣмъ не впадати, ѡ нїхже нѣцыи тѣхъ

время страдания Своего от тех, кои служили повелениям диавола, чтоб оставить нам, как мне кажется, ясный образец, с каким расположением должны мы проходить священные подвиги. Сим он как бы сказал: подвижающимся против греха не должно употреблять сладких яств или питий, но паче должно терпеливо переносить горечь брани. Можно приложить и значение иссопа к губке, чтоб чрез тот и другую совершеннее представить образ нашего очищения. Тот, как вещь жесткая, представляет свойство подвигов, а эта, как вещь, употребляемая при омовениях, напоминает о полном совершенстве очищения.

52. Ходить в баню никто не сочтет грешным или неразумным, но воздержания ради удаляться и от этого я называю делом и мужественным и целомудреннейшим. Ибо в таком случае ни тело наше не разблажается сладким оным омовением, ни в душе не возбуждается воспоминание о бесславном обнажении Адама, чтоб подобно ему заботиться о листьях для прикрытия второй срамоты обнажения. Особенно это необходимо для нас, которые, недавно высвободясь из пагубного растления жизни сей, должны всячески стараться пребывать в неразлучном единении с красотою целомудрия непорочною чистотою своего тела.

53. Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во врачевательном искусстве и благоволил, чтоб оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачевствам в ряду творений. Впрочем, не на них должно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя, Иисуса Христа. Это однако ж я говорю тем, которые жизнь подвижническую проводят в киновиях или в городах, по той причине, что они, судя по течению приключающихся с ними обстоятельств, не всегда могут иметь непрестанном дейст-

врачѣй не трѣбовати при мнѡзѣхъ ѡбѣщаваются. Яще же кто ѡшельническое житіе въ пѣстынныхъ мѣстѣхъ посредѣ двою или тріеихъ единомысленныхъ братіи исправляетъ, гдѣи цѣлѡщемъ нашъ всѧкъ недѣгъ и всѧкъ ѧзю, въ вѣрѣ себѣ да приводитъ, яще кинмибо ѡдержимъ бѣдетъ недѣгомъ. Имать бо болѣзнемъ своимъ довольное оутѣшеніе пѣстыню по гдѣ, тѣмже таковій ниже дѣйствіа вѣры лишѧется когдѧ: понѣже сокровѣннѣ и немвлѣннѣ, еже ѡ терпѣніа ѡбрѣтаютъ добродѣтель, пѣстыню имѣетъ добрый кровъ: сіхъ бо ради гдѣ вселѧетъ единомысленна въ домъ (Псал. 33, 3).

Ид. Егда ѡ приключѧющихся намъ тѣлѣ стрѡпотныхъ скорбимъ, вѣдѣти подобѧетъ, ѧкѡ душа наша еще порабощѧется похотѣнми тѣлесными: тѣмже оубо вѣчнаа желѧющій благодѣнствіа, ниже ѡстѧвити житейскихъ благъ хощетъ: но и нуждѣ великѣ вмѣняетъ еже не мощи ради недѣга пріимати земнаа сладкаа. Яще ли же благодарнѣ пріемлетъ недѣги и болѣзни, таковій не далѣче сѣщи безстрастіа предѣлѡвъ показѣтсѧ: тѣмже и смѣрть ѧкѡ паче винѡвнѣ сѣщѣ живота истиннаго тогда чѧетъ.

Ие. Не оубо возжелѣетъ душа разлѣчитисѧ тѣла, яще нѣкїи залѡгъ къ воздуху семѣ имѣти бѣдетъ, всѧ бо чувства тѣлеснаа вѣрѣ сопротивлѧются: понѣже сѧ оубо настоящихъ ради вывѧютъ: ѡваа же бѣдѣщихъ благъ ѡбѣщавѧютъ богатство. Прикладно оубо подвижѧющемсѧ, не ѡ древесѣхъ нѣкїихъ благовѣтвенныхъ или сѣбныхъ, или истѡчницѣхъ, добротѡчныхъ или ѡ ѡвѡщницѣхъ различныхъ и благовѣтвенныхъ, или палѧтахъ благолѣпныхъ: ниже ѡ срѡдническихъ достѡ-

во веры, будучи окружены любовью, — а то — и по той, чтоб не впадали они в тщеславие и в искушение диавола, по которым некоторые из них при многих объявляют, что не имеют нужды во врачах. Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единомысленными братьями, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, Целителю всякой нашей болезни и немощи. По Господе он в самой пустыни имеет довольное утешение в болезнях, к тому же, как действие веры может у него не оскудеть никогда, так и выставить напоказ свою добродетель терпения не имеет он возможности, будучи прикрыт доброю завесою пустыни. Для сего-то Господь и *вселяет единомысленных* [с Ним] *в дом* (Пс. 67, 7).

54. Когда мы крайне тяготимся приключѧющимися нам расстройствами телесного здравия, ведать должно, что душа нагая еще порабощена телолюбію. Почему как вещественных возделевая услаждений, не хочет она отрешиться от житейских благ, так великою почитает тяготою — не иметь по причине болезней возможности пользоваться приятными для плотской жизни вещами. — Если же она с благодарностью переносит прискорбности из-за болезни, то это знак, что она недалеко от пределов бесстрастия. Почему с радостью ожидает она тогда и самой смерти, как виновницы вступления в истинную жизнь.

55. Душа не возжелает разрешиться от тела, если не делается совершенно равнодушною к воздуху сему (т. е. ко всему житейскому и мірскому). — Все чувства телесные сопротивляются вере, так как чувства вкушать ищут только настоящего — присущего, а вера обещает богатство благ будущих. Почему подвижѧющемся никогда не подобает помышлять ни о древесѧх ветвистых и тенистых, ни об истѡчниках добротечных, ни о лугах доброцветных, ни о домах благолепных, ни о беседах с родны-

инствахъ воспомина́ти когда́, ниже́ торжественными о́чрежда́тиса любоче́стїи, но держа́тиса о́убо нѣждныхъ благодарственнѣ, пѹть же ѡ́ки нѣкїй странаенъ вмѣна́ти житїе́ сїе́, вса́кагѡ о́угожденїа плотска́гѡ пѹстѹ. Си́це бо ѡ́ще весьма́ стѣснїмъ нашѹ мы́сль, во слѣдѹ тѹю всю́ ѡ́братїмъ вѣчныа́ жи́зни.

нз. И́кѡ о́убо вкѹшенїю видѣнїе́ предхѳодитъ, си́це и прѡчаа́ чѹственнаа́ помрача́ютъ па́мать серде́чнѹю, е́гда сїа́ неразсѹднѣ́ прїемлемъ, перваа́ е́ва на́мъ исповѣ́детъ тако́е. До́ндеже бо не воззрѣ́ очїма́ на заповѣ́данное дре́во сла́дцѣ́ (Быт. г, 5), па́матоваше́ вѣ́стивное повелѣ́нїе прилѣ́жнѣ́: сегѡ́ ра́ди ѡ́коже кри́ома е́ще́ вѣ́стивнымъ рачїте́льствомъ покрыва́шеса, ѡ́сю́дѹ своеа́ не разѹмѣ́ючи наготы́. А́ е́гда смотре́вши дре́во прїстра́стнѣ́, и со мно́гимъ томѹ́ прикоснѹ́са желанїемъ, и прѳче́е е́же ѡ́ тогѡ́ пло́да содѣ́йствѹющею нѣ́коею сла́стїю вкѹсївши, ѡ́бїе́ о́убо о́усладїса́ къ тѣ́лесномѹ́ приплетѣ́нїю, ѡ́кѡ ѡ́бнажїса́ ѡ́нагѡ покрѳва́, и стра́сти совокѹ́плшиса́: все́ свое́ желанїе́, въ настоа́щихъ попечѣ́нїе ѡ́даде́, прїмѣ́сївши пло́домъ сласто́влѣ́ннымъ своемѹ́ и а́дамовѹ́ согрѣ́шенїю: тѣ́мже недѳвѣ́ человекскїй о́умъ поманѹ́ти вѣ́а мо́жетъ, илї́ тогѡ́ за́повѣ́ди. Мы́ о́убо во глѹбїнѹ́ прїснѡ́ сер́дца зра́ще, съ па́матїю́ неперста́нною ѓда́ иї́са взыскѹ́емъ, мірови́ семѹ́ не внима́юще, ѡ́кѡ ѡ́слѣ́пленными зра́ки, въ любо́прелѣ́стнѣ́мъ се́мъ да пребыва́емъ житїи́. Любо́мѹ́дрїа́ бо воїстиннѹ́ дѹхѳвнагѡ́ сво́йственно, не воскрївлѣ́нно прїснѡ́ рачїте́льство сохрانا́ти зра́къ: сїе́ же и мно́гискѹ́сный і́овъ о́читъ глаго́ла: ѡ́ще́ и очїма́ моїма́ послѣ́дова́ сердце́ моѹ́, воїстиннѹ́ конѣ́чнагѡ́ воздержа́нїа́ е́сть вина́ сказа́емое.

нз. И́же вхѳодитъ прїснѡ́ во свое́ сердце́, и́зѣмлетса́ вса́кѡ житѣ́йскихъ красѳтъ, въ дѹ́сѣ́ бо хо́даи́ плот-

ми приятных, — равно как воспоминать и о богатых приношениях, если случалось быть ими почтенным. Но ему надлежит тем, что необходимо, пользоваться с благодарностью, жизнь же сию почитать неким странническим путем, чуждым всякого плотского утешения. Ибо только таким образом стеснив свою мысль, возможем мы обработать ее всю на стезю, ведущую в живот вечный.

56. Что зрение, вкус и прочие чувства рассеивают память сердца, когда пользуемся ими без меры, об этом первая возвещает нам Ева. Ибо пока не взглянула она на заповеданное древо сластолюбно, дотоле тщательно помнила заповедь Божию: чего ради как бы покрываемая крылами любви Божией, не ведала она и наготы своей. Когда же воззрела на то древо сластолюбно, коснулась его с великим похотением и наконец вкусила от плода его с неудержимым вожделением, тотчас восприяла склонность к плотскому самоуслаждению и, как обнаженная сочетавшись с сею страстию, все свое вожделение предала взысканию вкушения настоящих утех, примесивши по действию видимой привлекательности плода к своему падению и падение Адама; вследствие чего уму человеческому стало затруднительно памятовать о Боге или о заповедях Его. Мы же, всегда с непрестанною памятию о Боге взирая во глубину сердца своего, будем проводить сию падкую на прелести жизнь, как слепые очами; ибо любомудрию воистину духовному свойственно всегда сохранять [в нас] похоть (ερωτα) очес неокрыленною. Этому и многоопытнейший Иов научает нас, говоря: *если сердце мое следовало за глазом моим...* (см. Иов. 31, 7). Такое действие есть верный признак крайнего воздержания.

57. Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей; и ходя духом, похотей плот-

скіхъ желаній вѣдѣти не мѡжетъ: понѣже прѡчее во зрительнѣмъ оустроеніи хожденіе творитъ, сѣ ѡкв двѣрника добродѣтелемъ имѣа, забвеніе граждѡнства и достѡнства земнаго. Сегѡ ради оуже и бездѣльна прѡчее ѡже ѡ вѣсѡвъ коварствіа бывають на тогѡ, аще даже и до окончѣ естественныхъ подстрѣкающе мѣрскимъ рачительствомъ, пѣщаютъ нань стрѣлы.

ни. Егда начнетъ наша душа ѡставляти похотѣніа земныхъ пристрастій, тогда оунителенъ нѣкоторый ѡкв на мнѡзѣ оумъ сѣи подхѡдитъ, ниже слѡженію ѡставляа слѡдцѣ послѡжити, ниже ѡснѡ вѣдѣщихъ благъ желаніе сѣи пощѣаа имѣти: но и временнѡю сѣю жизнь безмѣрнѣ непотрѣбнѣ творѣа, ѡкв неимѡщю дѣла добродѣтели достѡйна, и сѡмый тои разумъ оуничжаа, ѡкв и дрѡгимъ оуже мнѡгимъ даннй, илѣ ни єдино чтѡ совершенное завѣщавающѣ намъ. Сеа же вращіа и оунылотѡрнма избѣжимъ страсти, аще оубѡ въ тѣсныхъ и сѣлѡ прискѡрбныхъ предѣлѣхъ поставимъ нашѡ мыслѣ, ко єдиной пѡмѡти вѣжѣей взирающе: сѣце во точію оумъ востѣкъ во своѡ теплотѣ, нечѡвствіа ѡнаго безслѡвѣснаго свободитисѡ возмѡжетъ.

на. Прѡситъ нашѡ всѡкв оумъ, егда томѣ всѡ исхѡды затворимъ пѡмѡтїю вѣжѣю, дѣло дѡльное ємѣ извѣстити скоротеченіа. Подѡбаєтъ оубѡ томѣ давѡти, ѣже гдѣ иисѣ точію во всецѣлое дѣло мысли: никтѡже во, речѣ, глаголетъ гдѣ иисѣ, точію дѡмъ стѣымъ (в Кор. вѣ, г). Но сѣце тѣснѣ реченіе вынѣ во своємъ сокровици да зрѣтсѡ, да не въ мечтаніа нѣкаа превратѣтсѡ. Елицы во семѣ стѡмѣ и славномѣ имени во глѡбинѣ своєй сердечнѣй непрестѡннѡ пощѡютсѡ, сѣи свѣтъ своегѡ оума мѡгутъ нѣкогда зрѣти: тѣсною во пѡмѡтїю ѡ мысли содержимъ, всю приближаємѡю скѡрнѣ души въ чѡвствѣ довольнѣ попалѣетъ, ибѡ вѣтъ нашѡ, речѣ, ѡгнѣ подалѡй слѡбѣ (Ѣвр. вѣ, кѡ). Тѣмже прѡчее въ любовь

скихъ изведывать не может. Поелику, таким образом, таковой шествие свое совершает в ограждении добродетельми, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными, хотя иной раз стрелы сей общей всем похоти достигают даже до окон естества.

58. Когда душа начнет уже не похотевать красных земных вещей, тогда прокрадывается в нее большею частию некий унывный дух, который ни охотно потрудиться в служении слова не допускает ее, ни твердого желания будущих благ не оставляет в ней, еще же и эту привременную жизнь представляет крайне непотребною, как не имеющую достойных дел добродетели, и самое ведение унижает, как дарованное и другим многим или ничего особенного нам не возвещающее. Сей теплохладной и разлѣняющей страсти мы избежим, если в крайне тесные вставим пределы нашу мысль, держа во внимании одну память Божию; ибо только таким образом дух, востекши в свойственное ему горение, может отгнать от себя неразумное оное разлѣнение.

59. Ум наш, когда памятью Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было дело какое-нибудь, обязательное для него, в удовлетворение его приснодвижности. Ему должно дать только священное Имя Господа Иисуса, Которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность в достижении предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как Апостол говорит, *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). С нашей стороны требуется, чтоб сказанное реченіе (Господи Иисусе Христе и проч.) умом в себе утѣсняющимся непрестѡннѡ было изрекаемо в сокровенностях его так, чтоб при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтанія. Которые сие святое и

многѣ своеѣ славы призываетъ гдѣ: закоснѣвѣа во славное ѿное и многолюбимое имя паматію оумѣ въ теплотѣ сердечнѣй, ѿбычай намъ всѣкѣ творитъ во ѣже любити тогѣ благостыню, ничесомѣ во прочее спѣнѣ творѣцѣ. Сѣй во ѣсть бисеръ многоцѣнный, егѣже, продавъ всѣ имѣнїа своѣа кѣмѣ, стажати мѣжетъ, и имѣти неизглаголаннѣю ѿ ѿбрѣтенїи егѣ радости.

ѣ. Ина ѣсть новоначальная радость, и ина совершеннотворная: ѿва оубѣ мечтанїю не бывѣетъ непричастна, ѿва же смиренномѣдрїа имать силѣ: посреде же сїхѣ печаль боголюбїва, и неболѣзненна слеза. Во множествѣ во вѣстиннѣ мѣдрости, множество рѣзума, и прилагѣемѣ рѣзумѣ, прилагѣютсѣ болѣзни (Екклес. ѣ, иї). Сегѣ ради оубѣ первѣе подобѣетъ новоначальной радостїю кѣ подвигомѣ призвати дѣшѣ, и ѿбличїти тѣю, и искѣсити прочее ѿ истїны стѣгѣ дѣа, ѿ ихѣже содѣа слыхѣ, илїи и ецѣ дѣетъ киченїемѣ водїмѣ: во ѿбличенїи во, речѣ, ѿ беззаконїи наказалъ еси челоѣка, и истѣмалъ еси ѣкѣ паѣчинѣ дѣшѣ егѣ (Псал. лї, вї): да вѣжественномѣ тѣю ѿбличенїю искѣсївшѣ, ѣкоже въ горнїлѣ, сїце дѣїствїе прїиметъ немечтательна радость, во теплѣй памати вѣїей.

ѣа. Егда ѿ гнѣва дѣша смѣцѣетсѣ, илїи ѿ пїцѣ матѣтсѣ, илїи ѿ лютоѣростїа мѣлвнтсѣ, не мѣжетъ оумѣ держатель быти вѣїа памати, ѣце и всѣкими

преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будучи с напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно попадает всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш есть огонь поядающий* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожденное Имя, укусневая чрез памятование о нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно; потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, продав все свое имение с неизреченною радостїю об обретенїи Его.

60. Иная есть радость началовводная, и иная завершительная: та не непричастна мечтанїй [о себе], а эта сильна смиренномудрием; посреде же их — печаль боголюбивая и неболезненный плач. *Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1, 18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостїю призвать душу к подвигам; потом предать ее обличенїю и искушенїю истїною Духа Святого, как о прежде содеянных грѣхах, так и о содеваемых еще поползновениях в самозабвенїи. *Обличенїями за беззаконїе Ты научал человека и сокрушил как паутину душу его* (Пс. 38, 12). Чтоб после того как обличенїе Божїе искусит ее, как в горнїле, она воспрїяла действо немечтательной радости в теплом памятованїи о Боге.

61. Когда душа возмущается гневом, или отягчается многоядением, или сильною печалию омрачается, тогда ум не может держать памятованїа о Боге, хотя бы и по-

Образы себе нудитъ: потемнѣваемыи во весь сый ѿ люто́сти страсте́й, чужды своегѡ быва́етъ чуждства. То-гѡ ради не имать желаніа гдѣ вообразити свою печатъ, да внесетъ оумъ неускъдѣваемыи видъ побчѣніа, ѡжесточѣннѣй пѣматѣи мыслей ѿ страсти бывшей сровства. Яще ли же сихъ кромѣ вѣдетъ, яще малѡ ѿ забвѣніа и оукрадетса желаемое, авѣе паки оумъ свое течѣніе прѣемъ, теплѣе ѣмлетса многолюбимыа ѡныа и спасительныа ловитвы: имать во самѡю тѣю благода́ть, спощаваѡщю сию дѡшѡ, и совзываетъ, ѣже, гдѣ иисе. Якоже оубѡ мати оучитъ и паки спощава́етъ своегѡ отрочатѣ, ѣже отчее йма, дѡндеже во ѡбычай тоѣ приведѣтъ, вмѣстѡ иныа каковыа любо младоподѡбныа бесѣды, яснѣ отца, яще и спитъ, нарицати. Сегѡ ради апѡстолъ глаголетъ, сице же и дѡхъ споществуетъ намъ въ немоцехъ нашихъ: ѡ чесѡмъ во помѡлимса, якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ дѡхъ ходатайствуетъ ѡ насъ въздыханіи неизглаголаннѡи (Рим. й, кс). По-неже мы младенчествемъ къ молитвѣ и добродѣтели совершѣнію, тогѡ всѡчески трѣбемъ помѡци: да ѿ тогѡ неизглаголаннѡи сладѡсти помыслѡмъ нашимъ содержимымъ и оуслаждаемымъ, ѿ всегѡ желаніа ко гдѣ и ѡца нашего пѣматѣи и любви прѣити возмѡжемъ. Сегѡ ради въ томъже, якоже самъ дивный павелъ рече, зовѣмъ егда самѣмъ тѣмъ гѡ ѡца: благовчинѣемса нарицати непрестаннѡ, авва ѡцѡ.

Ѣв. Йрость вѣчныхъ страсте́й смѡцати ѡбыче и матѣжити дѡшѡ, ѣсть же егда и великѡ пользуютъ тѣю. Егда во на нечѣствѡющаго, илѣ какѡ любо безстѡдствѡющаго, не матѣжитѣ прѣемлемъ ярость, да илѣ спасѣтса, илѣ постыдитса, прибѣтокъ семѡ исхода́тай-

нуждаем был к тому как-нибудь. Ибо весь будучи омрачен люто́стию сихъ страстей, бывает он тогда совершенно чуждъ собственнаго чувства; почему желание не имеет где наложить свою печать, чтоб чрез то ум мог носить незабвенным и неизменным видъ богомыслиа, так как тогда пѣматѣя его огрубевает по причине суровства страстей. — Когда же она бывает свободна от такихъ возмущений, тогда, если иногда и успеет забвѣние на мгновение украсть мысль о возлюбленномъ Господѣ, ум, восприявъ свою энергию и живость, тотчас опять с жаромъ емлетса за многовожденную оную и спасительную ловитву; ибо тогда сама благодать и сѡгомысльствуетъ душе и совзываетъ: Господи Иисусе Христе! Подобно тому, как мать, уча дѣтя свое, многократно повторяетъ вместе с нимъ имя — отецъ, пока не доведетъ его до навыка вместо всякаго другаго, подсильного дѣтяти слова, ясно произносить — отецъ, да же и во снѣ. Посему Апостолъ говоритъ, — что *Самъ Духъ подкрепляетъ в немоцѡхъ нашихъ: ибо мы не знаемъ, о чемъ намъ молиться, какъ должно; но самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ въздыханіями неизглаголаннѡи* (Рим. 8. 26). Ибо, так как мы младенчествуемъ предъ совершенствомъ сей молитвенной добродѣтели, то всеконечно имеемъ нужду въ Его помѡщи; чтобъ, когда неизреченная Его сладость обыметъ и усладитъ все наши помыслы, мы всемъ расположениемъ подвиглись памятовать о Богѣ и Отцѣ нашемъ и любить Его. Почему, какъ тотъ же дивный Павелъ говоритъ, *Которымъ мы взываемъ: «Авва, Отче!»* (Рим. 8, 15), когда Имъ благонастраиваемъ бываемъ призывать Бога Отца.

62. Гневъ больше всехъ другихъ страстей обыкновенно встревоживаетъ и в смятѣние приводитъ душу, но есть случаи, когда онъ крайне для нее полезенъ. Такъ, когда несмущенно гневаемса на нечѣствѡующихъ, или другимъ какимъ образомъ бесстудствующихъ, да спасутса или по крайней

ствѣемъ крѡтости: мыслію во всѣхъ правдѣ и благасти
 бжїей споспѣшаемъ, но и слабость егѡ, тѣжцѣ гнѣваю-
 щеса на грѣхѣхъ, на мужество подвигнемъ многажды: а
 наипаче, и самомѹ тлѣніа дхѹ запрещіающе, егда во
 мнѡзѣ безгнѣвїи есмы, смѣртною мѣдрствемъ похва-
 лою. Не подобаетъ во двоемысленнѹ быти оумѹ, еже во и
 гдѣ сотвори, да наѹчитъ насъ: дважды въ дсѣѣ адѹ за-
 претивъ и возмѣтивъ себѣ, но нематѣжнымъ хотѣні-
 емъ, токму всѣ елика хѡщетъ творѣи, сїце и лазаревѹ
 дхѹшъ возврати тѣлѹ. Икоже мнѣ мнїтса, во орѹжіе
 паче правды естество нашемѹ цѣломѹдреннаа іарость,
 ѡ создавшагѡ насъ бга дадеса: юже аще бы на смїа
 ева прїама тѣю, не бы оубѡ ѡныа страстныа побѣ-
 діласа сладости, іакоже мнѣ мнїтса. Иже во рвенїа
 ради благочестїа іарость цѣломѹдреннѣ имать, искѹс-
 нѣйшїи всѣхъ ѡбращетса въ воздаанїи мѣрила, ѡ иже
 никакоже движенїа оумнагѡ къ іарости имѹцагѡ: ѡвѣ
 во неубѣченнаа человѣческихъ нравѡвѣхъ всадника имѣти
 мнїтса, ѡвѣ же на конехъ добродѣтели подвижникъ
 носитса посредѣ бѣсѡвсагѡ полка, воздержанїа прїснѡ
 ѡвѣчаваа въ страсѣ бжїи четвероконницѹ, юже колес-
 ницѹ ісраилевѹ въ вознесенїи дивнагѡ илїи ѡ писанїа
 реченнїю ѡбрътѣемъ. Понѣже пѣрвымъ іудеѡмъ ѡ че-
 тырехъ добродѣтелехъ различнѣ іавлѣетса бесѣдовавѣ
 бгѣ: сегѡ ради весъ и на колесницѣ огненнѣи вознесеса,
 иже толикїи мѣдрости, и мѣжества, и правды воспи-
 татель, іакоже коими мнѣ мнїтса своїми цѣломѹдрен-
 ными добродѣтелями прїатъ бывѣвѣ, внегда восхищенѣ
 томѹ бывшѹ въ дыханїи огна дхѡмъ.

мере устыдятся, тогда душе нашей доставляем то же, что
 кротость; потому что в таком случае всячески споспеше-
 ствуем целям Божией правды и благодати. Также когда
 поднимаются в душе женолюбивые движения, тогда, раз-
 гневавшись посильнее на этот грех, отрезвляем нередко
 душу и придаем ей мужескую силу противостоять ему. А
 что, находясь в крайнем расстройстве духа, можем мы,
 запретив гневно самому духу расстроителю, возвышаться
 мудрованием даже над ужасами, коими хвалится подав-
 лять нас смерть, в этом не должно сомневаться: что желая
 показать нам, Господь, при воскрешении Лазаря, сначала
 запретил в духе аду и ободрил себя и потом уже несмя-
 тенною волею, как и всегда делал все, что ни делал, воз-
 вратил телу Лазареву душу. Так что, как мне кажется, це-
 ломудрый гнев дан естеству нашему Создавшим нас Бо-
 гом более как орудие правды; и если бы Ева воспользова-
 лась им против змия, то не подпала бы пагубному дейст-
 вию страстного оногo похотения. Почему полагаю, что
 пользующийся целомудренно гневом по ревности к бла-
 гочестию, более одобрительным окажется на весах пра-
 ведного воздаяния, нежели тот, кто по неподвижности
 ума никогда не подвигается на гнев; так как у этого, его
 правитель человеческих мыслей и чувств остается необу-
 ченным, а тот, на конях добродетели восседя, всегда в
 борьбе пребывает и носится среди полчищ бесовских, не-
 престанно обучая в страхе Божиим четвероконницу воз-
 держания, которую Св. Писание назвало *колесницею Из-
 раилевою*, как находим в описании взятия на Небо боже-
 ственного Илии (см. 4 Цар. 2, 12). Иудеев первых Бог
 многообразно обучал четверем добродетелям; почему и
 взят был на Небо таковой и толикий питомец мудрости[,
 мужества, правды и воздержания], конями имея, как мне
 кажется, сии добредетели свои, когда взял его дух в вея-
 нии огня.

ѿг. Иже разум прѣвѣсивсѧ стѣомъ, и сладости вкусивый вѣжѧ, ниже сѣдити долженъ ѣсть, ниже двизати сѣдъ ѿнюдъ къ нѣкоемъ, аще и самю юже ѡблачитъ ризъ вѣзметъ кто: князей бо вѣка сегѡ правда, повѣждаетсѧ всѧкъ правдою вѣжѣю, паче же ничтоже ѣсть равно правдѣ вѣжѣей. Понѣже коликое разнство посредѣ чады вѣжѣихъ, и вѣка сегѡ человекъ: развѣ ѣже сихъ праведное несовершено сѣщи, ѣже ко ѡнѣхъ правдѣ мнитсѧ: тѣмже оубо, ѡво глаголетъ человекское праведное, ѡво же вѣжественнаѧ правда. Сѣце оубо гдѣ иисъ ниже нарѣаемъ ѡвѣщаваше, ниже страждѧ прецаше, но и взѧтѣе ризъ молчѧ терпѧше: да большее же рекъ, и ѡ спасенїи слодѣйствующихъ емъ, ѡца молѧше. Мїрстїи же человекѣцы не оубо потѣзѧтисѧ прѣтанѣтъ, аще не съ привѣткомъ нѣкїимъ сѣдимыхъ прїимѣтъ вѣщи: наипаче егда прѣжде долга лихвы истѣзѣютъ, ѧкъ быти имъ виновнымъ, вмѣстѣ праведнагѡ, начѧло многожды великой неправдѣ.

ѿд. Слышахъ, рече, нѣкоторыхъ глаголющихъ благоговѣйныхъ, ѧкъ не подобаетъ ѡставлати кѡимлибо расхищати ѧже на своѡ потребъ, или къ покою оубѡгимъ имамы: наипаче же, аще ѡ хрїстїанъ сѣе страждемъ, да не грѣхъ ходѧти ѡбидѧщимъ насъ ѡбращемсѧ, и хже и незлопомни пребудемъ: сѣе же ничтоже ино ѣсть, развѣ боли своеѧ исполненїе со безсловеснымъ извѣтомъ. Аще бо ѡставѧ ѧже молїтисѧ, и внимати своемъ сѣрдцѣ, сѣдъ же глаголати къ хотѧщимъ напѣствовати, помѧлѣ же начѣ и сѣдїцнымъ дворѡмъ присѣдѣти, ѧвѣ, ѧкъ прѣдречѣннаѧ вѡльша вмѣнѧю, паче своегѡ спасенїѧ, да не рекъ и самагѡ спсїтѣла заповѣдей. Какъ бо послѣдѣю еѡльскомъ повелѣнїю, повелѣвающимъ мнѣ и ѡ взѣмлюцагѡ моѧ ѡнюдъ не истѣзѧти; аще не съ радостїю терпѧ по апѡстольскомъ словесї, сѣщихъ мї имѣнїи расхищенїе, егда и кромѣ

63. Сподобившийся святого ведения и вкусивший сладости Божией ни тягаться никогда не должен (когда кто на него жалобу подает), ни сам поднимать против кого тяжбу, хотя бы кто стянул с него одежду, в которую одет; ибо правда властей века сего ниже правды Божией, — или лучше, она ничто пред правдою Божиею; да и какое различие между чадами Божиими и людьми века сего, если не то, что правда этих последних нейдет в сравнение с правдою тех первых; почему и называется та правдою человеческою, а эта правдою Божиею. Так и Господь наш *ни злословил взаимно, будучи злословим, ни угрожал, страдая* (1 Пет. 2, 23); а напротив, не только снятие одежды перенес в молчании, но, что несравненно выше, молился Отцу о спасении злодейски действовавших против Него. Люди же мїра не перестанут тягаться, пока с лихвою не получают искомого от тех, с коими тягаются, особенно когда ищут роста на долг: так что их правда бывает часто началом великой неправды.

64. Слышал я, как некие благочестивые говорят, что не должно всякому позволять расхищать то, что имеем для своего содержания и для упокоения бедных; чтобы, снисходя такому злу, не сделаться нам виновными во грехе обижающих нас, и особенно, когда терпим это от христиан. — Но так поступать ни что другое есть, как желать спасать больше свое, чем себя самих. Ибо если я, оставя молитву и внимание своему сердцу, начну искать суда на обидевших меня и корпеть (усердно заниматься) в сенях судилищ, то явно, что для меня искомое гораздо дороже собственного моего спасения, чтоб не сказать, и самой спасительной заповеди. И как явлюсь я последователем Евангельской заповеди, повелевающей мне: *и от взявшего твое не требуй назад* (Лк. 6, 30), если, по слову Апостольскому, не стану *с радостїю принимать разграбление именїи своих* (Евр. 10, 34), когда она (заповедь)

сѣдѧ ктѡ прїимъ, елика оуже хотѧше, грѣхѧ лихоимства не освобождаетса: понѣже тлѣннаѧ сѣдилища, нетлѣнное вѣжѣ сѣдище ѡпредѣлѧти не мѡгутъ. Сїе бо всѧкѡ законѡ винѡвны (дѡлжны) исполнѧти, ѡ нихже и не хотѧ ѡвѣщѧти томѸ слѡчается: тѣмже добрѡ еже ѡ хотѧщихъ насъ ѡбидѣти, терпѣти нѡждѸ, и молїтисѧ ѡ нихъ, да поканїѧ рѧди ѡпѣститса имъ лихоимства прегрѣшенїе, а не воздѧнїѧ рѧди, имже насъ ѡбидѣша. Сїе бо хѡщетъ правдѧ вѣжѣм да не лихоимственнѡ прїиметъ когдѧ: но да лихоимца ѡ прегрѣшенїѧ, поканїѧ рѧди свободнѧ сотворїтъ.

ѡе. Сѣлѡ прикѡдно и во всѣмъ полѣзно познѧвшимъ намъ пѣть благочестїѧ, ѧще всѧ сѣщѧм нѧша продѧти, и ѧже ѡ сїхъ имѣнїѧ раздѧти по зѧповѣди гдѧни (Лѡкї бї, лг), и не извѣтомъ ѧкобы всегда хотѣти милостыннѡ творїти и преслѡшати спїсїтелево повелѣнїе: вѡдетъ бо намъ ѡ сегѡ, пѣрвое оубѡ коемѸждѡ добрѡе безпечѧлїе, и ѡсюдѸ прочѣе ненавѣстнѡ оубѡжество, еже всѧкїѧ неправды, и всѧкагѡ сѣдѧ вышше мѡдрствѣтъ, за еже не имѣти намъ ктомѸ вѣщѣ, ѡгнь лихоимцевъ воспѧлѧющїѡ. Согрѣетъ же насъ тогда вѧщше добродѣтель смиренномѡдрїѧ, и во своїхъ нѣдрѣхъ ѧкѡ нагїхъ сѣщїхъ оупокѡбитъ: ѧкоже мѧти своѧ дѣти на своїхъ рѡкѧхъ предвѣмлющїи ѡбѣмлетъ, егдѧ млѧдѣнцескїѧ рѧди простоты, своѡ совлѣкши рїзѸ далѣче нѣгдѣ повѣргнетъ, наготѡю пѧче многѧгѡ рѧди безслѡбїѧ, нежели разлїчїемъ рїзѸ красѡса: хранїтъ бо, речѣ, млѧдѣнцы гдѣ: смирихса, и спасѣ ма (Ѳѧл. рдї, 5).

ѡс. Понѣже имѧмы, всѧкѡ гдѣ ѡ насъ истѧжетъ милостыннї слѡво, а не ѧкоже не имѧмы: ѧще оубѡ еже

и того, кто по суду обратно получает, в чем насилуван, не освобождает от греха лихоимания? Тленные (временные, или тленными о тленных вещах производимые судилища) не могут отменить нетленного Божия Суда; и виновный тем законам удовлетворять должен, которым подлежит его дело и по которым ему следует защищаться. Доброе убо есть дело перетерпевать насилие от хотящих онеправдовать нас, и молиться о них, чтобы ради их покаяния, а не ради возвращения ими нам того, что они у нас похитили, отпущено было им прегрешение лихоимства. Ибо правда Божия хощет, чтоб мы самого лихоимца, а не олихоимствованное им, некогда прияли свободным от греха чрез покаяние.

65. Очень пригодно и паче всего душеполезно, познав истинный путь благочестия, тотчас все свое распродать и раздать полученное от того нищим, по заповеди Господа, а не ослушаться спасительной заповеди, под предлогом постоянного желания совершать заповеди (милостыни). От сего будет у нас, во-первых, доброе беспопечение, а отсюда потом не подлежащая наветам нищета, которая сама горняя мудрствует, и другим не подает повода к неправым искам на нас, когда у нас ничего уже не будет, чем мог бы воспламеняться огонь лихоимания у лихоимцев. Согреет же нас тогда, паче всех других добродетелей, смиренномудрие и в своих недрах упокоит, как нагих; подобно тому, как мать, взяв на руки дитя свое, упокоевает и согревает его в объятиях своих, когда оно, по младенческой простоте своей, скинув одеяние свое, далеко отбрасывает его от себя, по великому незлобию своему находя более для себя приятною наготу, чем пестротную красоту одеяния своего. Ибо сказано: *хранит младенцев Господь, Я смирился, и Он спас меня* (Пс. 114, 5).

66. Господь потребует от нас отчета в милостынеподавании, *по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не*

имѣхъ даати во многѣ лѣта, сѣмъ въ малѣ времени страха ради бж҃іа благимъ произволѣніемъ расточѣ: ѿ часомъ и еще оукорюса, ничесѣже имѣа; Но речѣтъ ктѣ: ѿкѣдѣ оубо помилѣвани бѣдѣтъ прочее, иже ѿ нашихъ подааній ѿбыкшии помалѣ кормитиса оубѣзѣи; Да навѣкнетъ таковій, извѣтомъ своегѣ любовимѣніа, не поношати бѣѣ: не лишѣтъ бо бѣѣ свою твѣрь ꙗкоже изначала оустраѣюци, ниже бо прѣжде сего илѣ онагѣ, даюцихъ милостыню, лишѣаеми бѣхѣ пици, илѣ крѣва ниции. Добро оубо еже ѿ самагѣ разѣма истины, со благимъ слѣженіемъ ѿврати, еже ѿ богатства безсловесное же мудрованіе и похвалѣ, своѣ похотѣніа возненавидѣвшѣ, еже естѣ взыскати свою дѣшѣ, да не ктомѣ радѣющеса ѿ всегѣашнемъ подааніи, и оуничижимъ сами себе сѣлаѣ, ꙗкѣ ничесѣже добра творѣще. Дѣндеже оубо во имѣніи, блѣгѣ имѣще есмѣ пребываемъ, но велико оубо естѣ въ насъ благодѣнствіе, ꙗще радѣемса ѿ сиѣхъ расточѣніи, ꙗкѣ тихѣ слѣжаще бж҃ественномѣ повелѣнію: и понѣже оубо всѣ истоцихомъ, смиреніе намъ безмѣрное и оумилѣніе привѣдѣтъ, ꙗкѣ ничесѣже правды достѣйно дѣюцимъ. Тѣмже прочее въ себѣ ѿвращаетса дѣшѣ, во многѣ смиреніи и сокрѣшеніи, да еже не имѣть прѣжавати на всѣкъ дѣнь милостынею, сѣѣ ѿ трудныхъ молитвы и терпѣніа и смиренномудрѣа послѣжде себѣ прѣтворѣтъ. Нициѣ бо и оубѣзѣ восхвалѣтъ имѣа твое гдѣ (ѿал. ѿг, ка). Ниже оубо слова дарованіе оуготовлѣетса комѣ ѿ бѣа, ꙗще ктѣ себе не оуготовитъ всѣхъ своихъ сѣцихъ ѿврати, славы ради елѣа бж҃іа: да въ бѣлюбномъ оубѣжествѣ, благовѣствѣетса богатство црѣвѣа бж҃іа. Рекѣи бо: оуготовалѣ еси блѣгостію твоею ницемѣ бж҃е. И пакѣ наведѣ: Гдѣ дастѣ глаголѣ благовѣствѣюцимъ сілою многѣю (ѿал. жз, аі. бі): сѣѣ ꙗвѣ назнѣменѣтъ.

имеет (1 Кор. 8, 12). Посему если я, в страхе Божиим с горячим благорасположением, покорствуя повелению Господа, все, что имел бы раздавать многие годы, раздам в короткое время, в чем еще буду укоряем, когда уже ничего не имею? — Но скажет кто: [если все раздадим], откуда же потом будут получать милостыню бедные, которые теперь кормятся от наших посильных подаваний? — Таковому вот какой приличен урок: не дерзай нечто укорное для Бога примышлять для прикрытия своего любоимания. Не оскудеют у Бога способы попечительно благоустроить создание свое, как делал сие от начала. И прежде, чем сей или оный были возбуждены к милостынеподаванию, оставались ли бедные без пищи или одежды? Будь убо уверен, что гораздо лучше тотчас по познании истины благостно иждить все на послушение бедным, отринув внушаемое пристрастием к богатству неразумное мудрование и горделивость и возненавидев свои похотения, — что и значит — возненавидеть душу свою, чтобы потом, не имея уже поводов радоваться в самовосхвалении постоянному раздаванию имений, унижали мы себя, как ничего доброго не делающие. Ибо пока изобилуем богатством, много услаждаемся раздаянием его, когда бывает на то охота, как с радостью исполняющие божественное повеление; когда же иждивем все, исполняемы бываем смиренными и сокрушенными чувствами, как ничего праведного не творящие. Вследствие сего душа в великом смиреніи возвращается в себя, чтобы чего не можем уже стяжевать каждодневным милостынераздаянием, того сподобляться прилежною молитвою, терпением и смиренномудрием; ибо сказано: *ниций и убогий восхвалят имя Твое* (Пс. 73, 21). К тому же и дар богословствования никому не уготовляется от Бога, кроме тех, кои наперед располагают себя от всего своего отрещись ради славы Евангелия Божия, чтоб в боголюбезной нищете

ѡз. Всѧ оубо дарованїа б҃га нашегѡ, двѣрѧ стѣлѡ, и всѧкїа бл҃гости подательна: но ничтѡже сице воспламетъ и двїжетъ наше сѣрдце въ любовь тогѡ бл҃гости, ꙗкоже богослѡвіе: плѡдъ бо сѣщи сѣи равенъ бж҃ественнаа благодѧти, прѣднѧа изъвлѣетъ, и дѧръ дѧръетъ дѡши. Первѣе бо оустроѣетъ насъ, всѧкое житѣйское любленїе съ радостїю превѣдѣти, ꙗкѡ имѡще вмѣстѡ тлѣнныхъ желанїй, неизглаболанное богатство словесѣ бж҃їа: таже огнемъ измѣненїа оумъ нашъ ѡзарѣетъ, тѣмже тогѡ и причастника слѡжебнымъ дхѡвѡмъ творитъ. Искреннѣ оубо ѡже въ сїе прѣдѡготовльшїисѧ, сицевѡю добродѣтель вождѣлимъ, возлюбленїи, благолѣпотнѡю, всезрїтельнѡю, всѧкагѡ безпечалїа ходѧтайственнѡю, во ѡзаренїи свѣта неизреченнагѡ оумъ питающѡю, слѡва бж҃їа, б҃га слѡва: да не мнѡга глаголю, словеснаа дѡши даромъ прорѡчества почтївши, и ко ѡбщенїю сочетавши нераздѣльнѡ, ѿ чѡдесѣ! да и ѡ челѡвѣкѡ, боговїднѡа вѣщѧтели жениховѡвѡдница сочетѧетъ, бж҃ественнаа ꙗснѡ поюще величїа бж҃їа.

ѡи. Оумъ нашъ, мнѡга оубо, ꙗже въ молитвѣ, оупражденїа слѡстрадаельнѣ имать, тѣсноты ради и собранїа молитвеннаа добродѣтели: въ богослѡвіе же радѡасѧ себѣ предаѣтъ, прострѧнства ради и свѡбѡднѡсти бж҃ественныхъ богоглаболанїй. Да не оубо пѡтъ томѡ дѧмы, ѣже мнѡгѡ глаголати, илїи пѧче мѣры воскрилатисѧ тогѡ ѡставимъ радостїю, но молитвѡю вѧцше и пѣнїемъ, и писанїй прочитанїемъ оупразднїмъ: ниже любѡсловесныхъ мѡжѣй творенїе презирающе, ꙗже вѣра

благовѣствовать о богатстве Царства Божия. Сие дает разуметь рекший: Ты, Боже, по благодати Твоей, приготовил [необходимое] нищему, и присовокупивший к нему: Господь даст слово благовѣствующему великою силою (Пс. 67, 11. 12).

67. Все дары Бога нашего добры вельми и всеблагоподательны, но ни один из них так не воспламеняет и не подвигает сердца к возлюбленію Его благодати, как богословствование. Ибо оно, будучи первейшим порождением благодати Божией, первейшие и дары подает душе: во-первых, оно располагает нас с радостью презирать всякие приятные утѣхи житейские, так как в нем мы имеем вместо преходящих утѣх неизреченное богатство словес Божіих; а потом оно огненным неким изменением ум наш озаряет и чрез то делает его общником служебныхъ духов. Достодолжно убо приготовившись, возлюбленные, потечем к сей добродетели, благолепной, всезрительной, всякое попечение земное посекающей, в озарении света неизреченного ум питающей словесами Божиими, и, — чтоб не говорить много, — словесную — разумную душу к нераздельному общению с Богом Словом благоустроющей чрез свв. пророков. Да и в душахъ чѡвеков, — о дивное чудо! — устроив богогласные песни, сия божественная невестоводительница поет громко величїе Божїе.

68. Ум наш большею частию мало расположен бывает к молитвѣ по причине утеснения его и ограничения молитвенною добредетелию; в богословствование же он охотнее вѡдается по причине простора и неограниченїа божественныхъ созерцанїй. Итак, чтоб не давать хода его свѡбѡдному в себѣ разглагольствованїю и не поблажать его охоте безмерно предаваться выпреннимъ паренїямъ, будемъ упражняться наиболее в молитвѣ, псалмопении и чтении Писанїй, не презирая притом и толкованїа любо-

словесы познаётся: ниже бо ѿ себѣ оустрающе глаголы, приметати словесемъ благодатнымъ: ниже оубо ѿ тщеславіа влещиса, и разсыпатиса, многѣмъ ради сладости и многословіа, попустимъ, но и всакаго мечтаніа кромѣ, той во время видѣніа сохранимъ: и простъ речи, слезнымъ томъ всакъ ѿ сего мысли сотворимъ. Почивай бо во временѣхъ молчаніа, и оуслаждаемъ ѿ молитвы паче сладости, не токму предреченныхъ винъ кромѣ бываесть, но вѣщше и вѣщше поновляесть, во еже быстрѣ и безъ труда бжественнымъ прилагатиса видѣніемъ, и постигати въ разсудженіе, и предъспѣвати во мнѣхъ смиреніи: обаче подобаесть вѣдѣти, ѿкъ молитва всакѣмъ широты вышши естъ: и сѣа онѣхъ единыхъ естъ, иже во всакомъ чувствѣ и извѣщеніи искъсныхъ, исполненныхъ стѣмъ благодати.

ѿ. Благодать въ началѣ разумомъ многимъ дшш своимъ ѿбыче ѿзрѣти свѣтомъ, предидущимъ же подвигомъ, недовѣдомѣ много дѣйствуетъ богословнѣй дшш своеа таинства: тогда оубо насъ радующихъ, во слѣдъ приложитъ бжественныхъ видѣній, ѿкъ ѿ невѣдѣніа въ разумъ призываемыхъ, посредѣ же подвигомъ, не тщеславенъ нашъ разумъ сохраняетъ. Подобаетъ оубо скорбѣти намъ въ мѣрѣ ѿкъ ѿставленнымъ, да вѣщше смиримса и покоримса славѣ гдни: радоватиса же благовременнѣ, благою надеждою воскрилемымъ: ѿкоже бо многоа скорбь въ безнадежіе и невѣріе дшш повергаесть, сице и многоа радость, въ киченіе тѣю призываетъ. Ѿ иже бо ещѣ младенчествующихъ глаголю, просвѣщеніа и ѿставленіа среда, искъшеніе: скорби же и радости среда, надежда: терпѣ бо, рече, потерпѣхъ гда, и внѣтъ ми (ѿал. ѿ, ѿ). И паки: по множествѣ болѣзней моихъ, оутѣшеніа твоеа возвесе-

мудрыхъ мужей, коихъ словеса преисполнены истиннымъ ведениемъ веры. Действуя такъ, мы не только не дадимъ ему свои речения примешивать къ благодатнымъ словесамъ и не попустимъ ему, увлекаясь тщеславіемъ, рассеиваться въ паренияхъ подъ действиемъ самодовольства и словоохотливости; но и научимся сохранять его безмечтаннымъ во время созерцанія и все почти помышления его сделаемъ слезоточными. Упокоеваясь въ себѣ въ часы безмолвіа, наипаче же упоеваясь сладостями молитвы, онъ не только делается свободнымъ отъ указанныхъ предъ симъ страстныхъ движений, но и, паче обновляясь, силы восприимлетъ легко и безтрудно пребывать въ божественныхъ созерцаніяхъ, преуспѣвая вмѣстѣ съ темъ и въ зрячемъ рассужденіи (практической мудрости) съ великимъ смиреніемъ. Ведать впрочемъ подобаетъ, что молитва выше всякой широты созерцаній; сама же она свойственна только темъ, кои во всякомъ чувствѣ и извѣщеніи преисполнены святою благодатию.

69. Благодать вначалѣ обыкновенно озаряетъ душу своимъ светомъ съ сильнымъ того ощущеніемъ; а когда успехи въ духовно-христианской жизни подвинутся впередъ, тогда она большею частию неведомо для боголюбивой души свои совершаетъ въ ней таинства: чтобы после того (по умиротвореніи души) ввести насъ въ радованіе на стезю божественныхъ созерцаній, какъ будто бы мы только что призываемы были изъ неведения въ веденіе, посреди же подвиговъ (объ умирении души отъ страстей) блюсти нашъ помыслъ не тщеславнымъ. Подобаетъ намъ въ меру быть ввергаемыми въ печаль, какъ бы мы были оставлены благодатию, да паче смиримся и научимся покорствовати Господнимъ о насъ опредѣленіямъ, а потомъ благовременно входить въ радость, благою окрыляясь надеждою: ибо какъ безмерная печаль вводитъ душу въ нечаяніе и безнадежіе, такъ и чрезмерная радость приводитъ ее къ самомнѣнію и киченію. Говорю — о младенчествующихъ еще жизни и

лиша дѣшѣ мою (Псал. ѿг, ѿі).

Ѡ. Икоже въ бани частѣ ѿверзаемымъ двѣремъ, юже внѣтрѣ теплотѣ изгоняетъ вонь: сице и дѣша, егда хощетъ многѣ глаголати, аще и всѣ двѣра глаголетъ, свою паметъ гласными враты разноситъ, темже прочее оубо лишается чистѣйшихъ мыслей: самую же словесъ извою матежнѣ никакѣ ко прилѣчимся бесѣдетъ, понеже ниже стѣгѣ дѣа прочее имать, не мечтательнѣ въ той соблюдающа мысль: вѣжитъ бо приснѣ благое многословіа, какъ матежа сѣщи и всѣкагѣ мечтаніа виновно. Добро оубо благовременно молчаніе, ничтоже ино сѣщи, развѣ мати мудрымъ помысламъ.

Ѡа. Многѣ оубо богословнѣю дѣшѣ въ началѣ моватъ, самое насъ слово разума оучитъ, страсти: вѣще же всѣхъ жарость, и ненависть, сѣ же страждетъ, не толкѣ ради дѣйствующихъ сѣа вѣсѣвъ, елику своегѣ ради предъспѣаніа. Донѣже бо міра сегѣ мудрованіемъ водитса: аще и видитъ каковѣ оубо праведное ѿ нѣкоторыхъ попираемо, недвижима и нематѣжна пребываетъ: своими бо похотѣми пекѣчиса, ѿ праведнѣмъ нерадитъ. Егда же вышше своихъ страстѣй начнетъ бывать, превидѣніа ради настоящихъ, и любвѣ ради вѣтѣа, ниже во снѣ самѣмъ, тое праведное презираемо видѣти терпитъ: но гневается на сладѣйствующихыа, дондеже видитъ досадители правды, благочестивымъ помысламъ сѣа покорившихса достѣнствѣ: сегѣ ради оубо неправдивыа ненавидитъ, праведныа же паче любитъ. Не совосхищенно бо всѣчески Ѡко дѣ-

разумом. Между просвещением благодати и оставлением средина — искушение, а между печалию и радостію средина — надежда. Ибо говорится: *терпеливо уповал я на Господа, и Он внял мне* (Пс. 39, 2), — и еще: *при умножении страданий моих, утешения Твои веселили душу мою* (Пс. 93, 19).

70. Как двери в бане часто отворяемые скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне: так и душа, когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорошее, выпускает память свою (сознательное стояние в строе духовных вещей) словесною дверію. От сего ум лишается наконецъ чистейшихъ помышлений и по беспорядочному наплыву помыслов смятенную ведет речъ к прилучившимся. В таком случае он не имеет уже Духа Святого, хранящего нашу мысль в немечтании: ибо сей Дух благий, как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегаеет многословіа. — Молчание же напротивъ благотворно, будучи матерію премудрыхъ помышлений.

71. Само слово ведения научает нас, что вначале на боголюбивую душу[вступившую на путь богоугождения,] многие толпою нападаютъ страсти, особенно же гнев и ненависть. Подвергается же она сему не столько по действию злыхъ духов, сколько по порядку преуспѣянія ее в духовной жизни. Ибо пока душа мірскимъ водится мудрованіемъ, дотолѣ хотя и видитъ правду какъ-нибудь попираемою иными, равнодушною к тому остается: ибо занята будучи вся своими похотѣнями, о правде Божіей не имеетъ попеченія. Когда же она начнетъ быть выше своихъ страстей и похотѣй, тогда, и по отрешенію отъ настоящихъ вещей и по любви к Богу, она не можетъ уже равнодушно видѣть даже во снѣ правду Божію оставляемою, но гневается и возмущается на злотворцевъ, пока не увидитъ этихъ самыхъ оскорбителей правды защищающими ее достоинство по действию благочестивого помысла (пришедши в

шѣвное бываѣтъ, внигда свою завѣсѣ, тѣло глаголю, въ тонкость великъ воздержаніемъ изтѣтъ: обаче больше ѣсть, и наипаче ненавидѣніа неправедныхъ, еже плакати тѣхъ нечувство: аще бо они и ненавидѣніа сѣть достойни, но боголюбивой душѣ оумъ не хощетъ ѿ ненависти матѣжитиса, занеже присѣщей ненависти въ душѣ, не дѣйствуетъ разумъ.

Ѡв. Богословець ѿ самыхъ словесъ вѣиныхъ оуслаждаа душѣ и разжизаа, иже ко безстрастіа примѣцетса мѣрамъ во благовременныхъ широтахъ: словеса бо гдѣна, словеса чиста, серебрѣ разжжено, искѣшено земли (Ѳал. 4, 3). Разумный бо, иже по дѣйствѣ ѿ искѣса извѣщаеъ, выше страстей бываѣтъ: получитъ же и богословець, аще оубо смиреннѣйша себѣ положитъ искѣса разумичнаго. И разумный, аще непогрѣшительнѣ въ разсѣжденіи имать часть души, видѣтельными помалѣ добродѣтели причащаеъ. Двѣхъ бо не случаетса коемѣждо ѿ совершенныхъ пристѣжати дарованій, да обоима чѣдащемаса, во еже кійждо коегождо изліишетъ, смиренномѣдріе бо въ тѣхъ со рвеніемъ правды оумножаеъса. Сегѣ ради аплѣ глаголетъ: Ѡвомѣ оубв даеъса дѣхомъ слово премѣдрости, дрѣгомѣ же слово разума, ѿ томже дѣѣ (а Кор. 1, 1).

Ѡг. Егда въ говзованіи бѣдетъ душа естественныхъ плодовъ, велегласнѣйше и пѣніе творитъ, и гласомъ паче хощетъ молитиса, егда же ли ѿ стѣаго дѣа воздѣйствуетса, со всакою ѿрадою и сладостію помолитса во единомъ сердцѣ: послѣдуетъ же ѿномѣ залогѣ, радостъ мечтательна, Ѡвомѣ же дѣховнаа слеза, и по сіхъ веселіе нѣкое любомечтательно. Теплаа бо памать

страх Божий и покаявшись). Таким образом она естественно неправедных ненавидит, а праведных крепко любит, потому что око души не бывает окрадаемо (увлекаемо на неправое воззрение), когда ее завеса, — тело, — бывает утончено крайним воздержанием. Впрочем, гораздо лучше оплакивать нечувствие неправедных, чем ненавидеть их: ибо хотя они и достойны ненависти, но слово истины не одобряет, чтоб боголюбивая душа была возмущаема ненавистию, потому что, когда в душе ненависть, истинное ведение бездейственно.

72. Ум богословский, самыми словесами Божиими услаждаемый в душе и палимый, достигает своих мер бесстрастия в достаточной широте. Ибо *слова Господни*, как говорится, *слова чистые, серебро расплавленное, испытанное в земле* (Пс. 11, 7). А ум знательный, утверждаясь на испытании благодатных воздействий, бывает выше страстей. Вкушает и богослов опыта знательного, если смиреннейшие водворит в себе расположения, причащается и знатель в некоей мере созерцательной добродетели, если не погрешительною имеет рассудительную часть души. Ибо оба сии дарования не случается каждому стяжать в совершенстве; чтоб каждый из имеющих одно из них, дивясь тому, чем превосходит его другой, преуспевал в смиренномудрии с ревностию оправданной жизни. Почему Апостол и говорит: *одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом* (1 Кор. 12, 8).

73. Когда душа естественными своими изобилует плодами, тогда велегласнейше совершает и псалмопение свое, и бывает расположена молиться наипаче гласом. Когда же она воздействуема бывает Духом Святым, тогда со всею отрадою и сладостию поет и молится в одном сердце. За первым настроением следует радость мечтательная (от самодовольства); а за вторым — слеза духов-

гласныа ради мѣры пребываюци, слезовидныа нѣкѣмъ и кровоткѣмъ мысли въ сердце всегда оустраетъ носити: темже воистиннѣ есть видѣти сѣмена молитвы сѣмена въ земли сердечнѣй, надежды, ради жатвенныа радости. Обаче егда ѿ многопечалѣмъ ѿтѣгчаваеми есмь, подобаетъ малу большиму гласомъ творити намъ пѣнїе, надежды радостию вѣщанїемъ душѣмъ воздарающимъ, дондеже облакъ оный тяжкїй ѿ ветровъ гласа разженѣтсѧ.

Од. Егда во своемъ разумѣ душа вѣдетъ, износитъ изъ себя теплотѣ нѣкую и боголюбезное стыдѣнїе: не смѣщѧема бо ѿ печалей житѣйскихъ, рачителѧ нѣкоего раждаетъ смиренїа, по мѣрѣ бѣга взыскующимъ, даруетсѧ смиренїе: но сїе оубо вскорѣ измѣняется, или ѿ чѣствъ предаемѣй пѧматї, или и поадающѣ естество вскорѣ свое си оубожествомъ добрыхъ дѣланїй. Темже иже ѿ эллинъ премѣдрїи сїе воздержанїемъ ради полчїити нещевѧхъ, еже не имѣша, ꙗкоже подобаше: за еже не дѣйствоватисѧ оумѣ ихъ ѿ присныа и всеистинныа премѣдрости. ꙗ ꙗже ѿ всестѧгѣ дѣхѧ теплотѧ приносимаѧ сердце, первѣе оубѣ мирна есть всѧ, и непрестающа, и всѣ части души въ бжїю любовь призываетъ, и ниже внѣшѣ сердце разумѣваема, собою же паче всего человека, въ любовь нѣкую безмѣрнѣю влекущи и радость: подобаетъ оубо разумѣвшимъ онѣ, въ самѣю тѣлѣ dospѣти, здравствующимаго бо, какъ оубѣ воздержанїемъ естества, познанїе есть естественныа любвѣ, распалїти же оумъ въ безстрастїе, ꙗкоже духовнаѧ любѣвь, не можетъ.

ная, и потомъ радование некое безмолве любивое: ибо память, при удержании гласа, пребывая теплою, настраиваетъ сердце производить слезотворныя некия и въ себя углубляющїя помышления. В этомъ воистину можно видѣти семена молитвы, со слезами, радостно однако ж, сеемые на земли сердца въ верной надежде обильной жатвы (Пс. 125, 5). Впрочем, когда бываемъ подавляемы большею печалию, тогда надо немного громче совершать свое псалмопение, радостию надежды подавляя скорбныя вопли души, пока это тяжелое облако печали не развеется ветромъ псаломской мелодїи.

74. Когда душа придетъ въ познание себя самой, тогда она и изъ себя самой износитъ теплоту некую и стыдїе боголюбивое: ибо, не будучи возмущаема заботами житѣйскими, она любовь некую [къ Богу] отрождаетъ (производитъ) изъ себя въ міре (къ міру), соразмерно взыскуя Бога міра; но это памятование (о Боге взыскомъ) скоро рассеивается, или потому, что впечатленїя чувствъ окрадаютъ сїю память, или потому, что естество по скудости своей скоро иждиваетъ свое собственное добро. Почему эллинскїе мудрецы, чего хотели достигнуть чрезъ воздержанїе, того не имели какъ должно; потому что умъ ихъ не былъ воздѣйствуемъ отъ вечной и всеистинной премудрости. Духомъ же Святымъ подаемаѧ сердцу боголюбиваѧ теплота, во-первыхъ, мирна всѧ и непрестающа; потомъ она все части души призываетъ къ возлюбленїю Бога и вовне сердца не порывается, но сама собою всего человека обвеселяетъ любовїю некоею безмерною и радостию. Ее-то достигнуть и должны стараться те, которые познали ее. Ибо естественная любовь есть признакъ того, что естество некако здравствуетъ чрезъ воздержанїе, но она не можетъ возвести ума въ безстрастїе, какъ делаетъ любовь духовная (благодатная).

ОЕ. И́коже воздѣхъ сѣй, и́же ра́ди насъ сотворѣнный, дышѣщѣ сѣверѣ, чистѣ пребываетъ, вѣтреннагѣ ра́ди то́нка нѣкоегѣ и чиста е́стества: ю́гѣ же дышѣщѣ, весь и́коже де́вель бываетъ вѣтра сегѣ мглотворнымъ е́стествомъ, слѣгомъ нѣкимъ срѣдства, ѿ своихъ е́мѣ частыа ѿблаци наносѣщѣ на всю вселѣнную. Снѣце и́ дѣшѣ, е́гда оубѣ ѿ истиннагѣ и всесѣагѣ дѣа дыханіе дѣйствѣетсѣ, кромѣ вѣсовскіа всѣкіа мглы ѿвѣтѣетсѣ: е́гда же ѿ дѣха льстива сѣльнѣ дышѣщѣа, ѿ ѿблаци грѣхѣнагѣ всѣ покрывѣетсѣ. Потрѣба оубѣ намъ предлѣженіе пріснѣ ѿ всѣа крѣпости ѿвращѣти, къ чистительномъ и животворномъ дыханію всесѣагѣ дѣа, сирѣчь, е́же видѣ прорѣкъ іезекіиль, ѿ сѣвера градѣщѣ во свѣтѣ разѣма (іезек. а, д), да чиста наша пріснѣ дѣшѣзрительнаѣа наипѣче пребываетъ часть, е́же не лѣстнѣ намъ пріхѣдѣти ко бжѣственнымъ видѣніемъ, въ воздѣсѣ свѣтозарнѣ, и́же просвѣщѣетъ зрѣщихъ: сѣй во е́сть свѣтѣ истиннагѣ разѣма.

ОС. Нѣцыи оумышлѣюще благодѣть вкѣпѣ и грѣхъ, сирѣчь, дѣхъ истины, и дѣхъ лѣсти, при крѣщѣемыхъ сокровѣтисѣа во оумѣ: тѣмже речѣсѣа, е́дино оубѣ лице въ двѣраѣа прізывѣетъ оумъ, дрѣгѣе же ѡвѣе къ сопрѣтивнымъ. И́зъ же ѿ бжѣственныхыхъ писаній, и ѿ сѣамагѣ разѣмѣніа оума постигѣхъ, и́кѣ прѣжде оубѣ сѣагѣ крѣщѣніа ѿ внѣшѣдѣа благодѣть къ двѣрымъ прѣвѣждѣетъ дѣшѣ: непріѣзнѣ же гнѣздѣтсѣа въ сѣамахъ глѣвинѣхъ, всѣ десныа исхѣды оумѣ затворѣти тѣитсѣа. ѿ сѣамагѣ во тогѣ часѣ, вѣнѣже оубѣа породѣмсѣа, и́звнѣ оубѣа непріѣзнѣ бываетъ, внѣтрѣ же благодѣть: тѣмже ѿвѣтѣетсѣа, занѣ и́коже прѣжде ѿвладѣше лѣстѣ дѣшѣ, снѣце по крѣщѣніи тоѣа, ѿвладѣетъ истина. Дѣйствѣетъ же и́ непріѣзнѣ дѣшѣю, и́ по сѣмъ и́коже и́ прѣжде и́ гѣрше мнѣжае, но не и́кѣ сѣщѣи со благодѣтїю, не бѣди тоѣа, но и́кѣ воздымѣлѣа оумѣ слабѣстїю тѣлѣсною, сла-

75. Как окружающий нас воздух, когда дует северный ветер, бывает чист по причине тонкости некоей и освежающего действия сего ветра, а когда дует ветер южный, тогда он как бы сгущается по причине какого-то отяжеления его от сего ветра, из своих ему стран износящего и на всю вселенную наносящего некий сухой туман: так и душа, когда приемлет воздействие от веяний истинного и Святого Духа, тогда вся бывает вне бесовского омрачения, а когда сильно обвеивается духом прелести, тогда вся покрывается облаками греха. Итак, надлежит нам всегда свое стремление всеусильно обращать к очистительному и животворному веянию Духа Святого, т. е. к тому Духу, Которого пророк Иезекииль во свете ведения видел грядущим с Севера (см. Иезек. 1, 4), чтобы всегда чистою пребывала наипаче созерцательная часть души нашей, и мы сподоблялись нелестно входить в божественные видения, в воздухе света зря то, что во свете. Это и есть свет истинного ведения.

76. Некоторые придумали, будто благодать и грех, т. е. Дух истины и дух прелести, вместе укрываются в уме крещаемых, почему, говорят, одно лицо призывает ум к добру, а другое — к противному тому. Я же из Божественных Писаний и из самого чувства ума постиг, что прежде крещения благодать совне направляет душу на добро, а сатана гнездится в самых глубинах ее, покушаясь преграждать уму все правые исходы; с того же часа, как возрождаемся в крещении, бес бывает вне, а благодать внутри. Почему и находим, что как древле господствовала над душою прелесть, так по крещении господствует над нею истина. Действует после сего и сатана на душу, как и прежде, а нередко даже горше того, но не как соприсуший благодати — да не будет! — а дымя как бы пред умом чрез мокротность тела, приятностию бессловесных сластей. Бывает же сие по попущению Божию,

достъ безсловесныхъ сладей: пощипеніе же вѣіе сїе бываетъ, да матежемъ и огнемъ и искушеніемъ проходя человѣкъ, сице аще хощетъ въ воспріятіи вѣдетъ благавъ: проидохомъ во, рече, сквозѣ огонь и вода, и извелъ ны еси въ покой (Псал. 124, 5).

Оз. Благодать, якоже рѣхъ, ѿ самаго того часа, въ онъже крещаемся, въ самой той глубинѣ оума скрывается, въ самомъ чувствѣ егѡ крѡящи свое пришествіе: егда же оубо начинаетъ кто ѿ всего предложеніа желати бѣга, тогда неизреченнымъ некимъ словомъ, оумнаго ради разума бесѣдуетъ души часть некотора своихъ елъ благъ, темже въ желаніе прочее ѡвертеніа прихѡдитъ. Иже сїе ѡнюдъ хотѣи ѡпаснѡ держати, еже вса настоящаа блага со мною радостію должень ѡврещи, да селѡ сщци стѣжетъ, въ немже ѡвертается сокровенно сокровище жизни. Егда бо кто все ѡложитъ житейское богатство, тогда ѡвертается мѣсто, въ немже благодать вѣіа крѣтса: по преспѣнію бо души, и вѣественное дарованіе оумѡ свою являетъ благостыню. Вѣще же тогда ѿ вѣсѡвъ душѡ смѡцати пощипаетъ гдѣ, да и разсуденію тѣю подобнѣ начитъ, добръ же и слѡ и смиреннѣйшѡ тѣ содѣлаетъ: за еже много ей стыденіе, егда разсмѣваетъ ѿ вѣсовскихъ быти помыслъ приносимѡ мѣрзость.

Он. По ѡбразѡ есмь вѣію оумнымъ души движеніемъ: тѣло бо якоже домъ сїи есть, понѣже ѿ преступленіа адамова, не токмо ѡбрази начертаніа дѡшевнаго ѡсквернишася, но и тѣло наше тлѣнію подпадѣ. Егѡ ради сѣе вѣіе слово воплотиса, вода намъ спасеніа своимъ крещеніемъ ѡкв бѣ въ порожденіе даровавъ, да породимся же водою, дѣйствіемъ сѣаго и животворящаго дѡха: темже авте и душѡ и тѣло, аще

чтоб человек достигал наслаждения добром не иначе, как проходя чрез бурю, огонь и искушение. Ибо говорится: *прошли мы чрез огонь и воду, и Ты вывел нас в покой* (Пс. 65, 12).

77. Благодать, как я сказал, с самого того момента, как приемлем крещение, сокровенно начинает пребывать в самой глубине ума (духа), утаивая присутствие свое от самого чувства его. Когда же начнет кто любить Бога от всего произволения [сердца] своего, тогда она неизреченным неким словом беседует к душе чрез чувство ума, часть некую благ своих сообщая ей. Вследствие сего, кто восхощет навсегда крепко удержать в себе сие обретение, тот приходит к желанию отрещись с великою радостію от всех настоящих благ, чтоб совсем приобрести то поле, на коем нашел он сокрытым сокровище жизни (см. Мф. 12, 44). Ибо когда кто отречется от всего житейского богатства, тогда обретает в себе то место, в коем укрылась благодать Божия. Затем, по мере преуспѣянія души, и божественный дар [благодати] обнаруживает в уме свою благостыню (благотворность), но тогда же и бесам попускает Господь более беспокоить душу, чтобы и научить ее рассудительному различенію добра и зла, и соделать смиреннейшею, по той причине, что, когда подвергается она таким искушеніям, тогда великим покрывается стыдом от срамоты бесовских помыслов.

78. Мы по образу Божию есмь, умным (духовным) движением души; тело же как бы дом ее есть. Но так как преступлением Адамовым не только характеристические черты души осквернились, но и тело наше подпало тлѣнію, то Всесвятый Бог Слово воплотился и, как Бог, чрез собственное Свое Крещение даровал нам воду спасения в возрождение: ибо мы возрождаемся в воде действием Святого и Животворящего Духа, вследствие чего тотчас

оубо ѿ всецѣлаго залѡга приходитъ къ бгѣ, ѡчищаемъ: стѡмъ оубо дхъ въ насъ вселѡющеса, грѣхъ же ѿ тогѡ бѣжающъ. Не бо ѣсть мѡцно единомъ сщщ, и прѡстъ начертанію души, двѣма лицами въ той быти, ꙗкоже нѣцыи нещеваша: бжественнѣй бо благодати сочетавающей себѣ стѣмъ крещеніемъ, въ любви нѣкоей непостижимѣй, по ѡбразъ, ꙗже при ѡбрѣченіи, ꙗкоже писаніемъ оутверждающеса, гдѣ тамъ можетъ вмѣстити лѣкавое лице, ни единомъ наипаче прѡбщенію свѣта ко тьмѣ сщци: вѣрѡемъ оубо ѡзвещіаса томъ ѿ сокровищъ оумъ, бани ради нетлѣнїа. ꙗ ꙗже свѡщенныхъ пѡдвигъ тцѡтелѣе оусердїи, такъ и смїи многообразїи и не чѡдимса, чесѡ ради по крещеніи пакн, съ добрыми слаа помышлѡемъ: бана во свѡтѣни оубо оубо ѡемлетъ ѿ насъ сквернъ согрѣшенїй, оубо же сгубѡе воли нашеа нынѣ не ѡзмѣнѡетъ. Нижѣ оубо вѣсѡмъ ѣже борити насъ, илї лѣстныа провѣщавати глаголы возбранѡетъ: да ꙗже не сохранихомъ естѣственнъ сщще, орѡжїе правды прѣмше сїа въ силѣ бжїей сохранимъ.

Ѧ. Сатана, ꙗкоже рѣхъ, стѣмъ крещеніемъ ѡзвергаѣтса ѿ души, пощщѡетса же томъ предреченныхъ ради винъ, дѣйствовати своа кѡзни надъ оною чрезъ тѣло: благодать во бжїа въ самѡю тѣ глубинѣ души, сирѣчь во оумъ вселѡетса: вса бо, речѣ, слава дщере црѣвы внѣтрѣдѣ (Ѳал. мд, дї), не ꙗвлѡема вѣсѡмъ. Тѣмже ѿ самыа тоа глубинѣ сердца нашегѡ, разѡмѣваемъ ꙗкоже текущѡю бжественнѡю любовь, егда теплѣ бга вспоминаемъ: лѣкавіи же дхси прѡчее чѡвствы тѣлесными вхѡдѡтъ и гнѣздѡтса, слабѡсти ради плотскїа дѣйствѡюще, при ꙗже ещѣ младѣнчествѡющихъ дхїею: сїце оубо оумъ нашъ прїснѡ по аплѡ наслаждѡетса закономъ дхѡвнымъ, чѡвствїа же плѡти оумѡ-

очищаемся и по душе и по телу, если приступаем к Богу с полным расположением. При сем Дух Святой вселяется в нас, а грех [или отец греха] изгоняется Им, так как невозможно, чтобы при единстве и простоте — характеристических свойствах души, — в ней сосуществовали два эти лица, как думали некие. К тому же, когда божественная благодать чрез Святое Крещение сочетавает себя в безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, где поместиться лицу лукавого, — так как нет никакого общения света со тьмою? (см. 2 Кор. 6, 14). Итак мы, текущие путем священных подвигов, веруем, что *банею* *накибытия* (купелью возрождения) (Тим. 3, 5) сквернообразный змий извергается из глубин ума; при всем том не удивимся, что и после крещения опять с добрыми помыслами испытываем и худые. Ибо баня освящения, хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает, и бесам воевать против нас и обольстительные слова говорить к нам не возбраняет, чтоб чего не сохранили мы, в естественном оном находясь состоянии, то хранили силою Божиею, восприв оружия правды.

79. Сатана, как сказал я, Святым Крещением извергается из души, но ему попускается по указанным выше причинам действовать на нее чрез тело. Благодать Божия вселяется в самую глубину души, т. е. в ум. Ибо, как говорится, *вся слава Дщери Царя внутри*, невидима для бесов (Пс. 44, 14). Почему, когда тепле воспоминаем о Боге, то чувствуем, что Божественная любовь как бы потоком исторгается из самой глубины сердца нашего; духи же злые на чувства телесные нападают и в них гнездятся, удобно действуя чрез подручную им плоть, на тех, кои младенчествуют еще душою. Таким образом ум наш, по божественному Апостолу, всегда соулаждается закону Духа; чувства же плотские охотно увлекаются сластолю-

гченными сластьми соѡводитиса вѡлаще (Рим. 3, ѱ). Тѣмже оубо благодать оумнаго ради чѡствѣа, тѣло въ радость неизреченнѡ прейти, предѡспѣвающихъ разломъ веселитъ: бѣсове же чѡствы тѣлесными, наипаче егда насъ ѡбращатъ малодѡшнѣ теченіе благочестіа шествующихъ, дѡшѡ плѣнаютъ, нѡжднѣ тѡю, во іаже не хѡщетъ, подвижѡще оубійцы.

ѱ. Глаголющыа вкѡпѣ два лица, благодати, ѱ грѣхѡ вѣрнымъ въ сердцахъ быти, ѡ еже реци ѡтлѣстѡ, свѣтъ во тьмѣ свѣтитсѡ, ѱ тьма егѡ не ѡбѣатъ (Іѡан. 1, ѡ), ѡ тогѡ составлѣти хотѣтъ своѡ мнѣніе, глаголюще: никакоже бжественнѣи свѣтлости ѡ еже лѡкавомѡ сопревываніа сквернитсѡ, аще каковымлюбо ѡбразомъ ѱ приближѣетсѡ, речѣ, въ дѡшѡ свѣтъ бжественный тьмѣ бѣсовствѣи. ѡ самаго же реченіа ѡтлѣскаго, ѡбличѡтсѡ внѣ стѣихъ писаній мудрствующій: понѣже во слѡво бжѣе свѣтъ ѱстинный, во плѡти іавѣтисѡ ѱзѡли своѡй тѡари, безмѣрнымъ своімъ человекѡлюбіемъ свѣтъ своѡ въ насъ вжѣгъ стѡго разума: мудрѡваніе же мѡрское, свѣта бжѣа не постиже: понѣже мудрѡваніе плотское враждѡ на вѣа (Рим. ѱ, 3): тогѡ ради богослѡвъ таковыѡ прѡятъ глаголѡ. Тѣмже помѡлѣ дивный, іаснѣйше на средѡ ѱзносѡ, наведѡ: бѣ, речѣ, свѣтъ ѱстинный, ѱже просвѣщаѣетъ всѡкаго человекѡ гравѡщаго въ мѡръ (Іѡан. 1, ѡ, ѡ): вмѣстѡ еже настаѣтъ ѱ животворитъ. Въ мѡрѣ бѣ, ѱ мѡръ тѣмъ бысть, ѱ мѡръ егѡ не позна. Во своѡ прѡидѣ, ѱ своѡ егѡ не прѡша. Ѣлицы же прѡша егѡ, дадѣ ѱмъ власть чѡдѡмъ бжѣимъ быти, вѣрѡщымъ во ѱма егѡ. Глаголетъ же ѱ премудрый пѡвелѡ, сказѡа еже не постиже, не іакѡ оужѣ прѡхъ, ѱлѡ еже совершихъ, гонѡ же, речѣ, да достигнѡ, въ нѣмже ѱ постиже ѱ постиженъ быхъ ѡ хѡтѡ іѡса (Філіп. 3, ѡ): Тѣмже сѡтанѡ, глаголетъ благовѣстникъ, не постигнѡти свѣтъ ѱтины, ѱзъ начѡла во чѡждѡ

бивыми склонностями (см. Рим. 7, 18). От того в тех, кои ревностно преуспевают в ведении, благодать чрез чувства ума и самое тело обвеселяет радованием неизреченным; когда же нерадиво и беспечно течем путем благочестия, то бесы, находя нас такими, пленяют душу нашу чрез чувства телесные, насильственно призывая ее, убийцы, к тому, чего она не желает.

80. Говорящие, что два лица, т. е. дух благодати и дух греха, вместе сопревывают в сердцах верующих, в подтверждение сего мнения своего из слов Евангелиста: *и свет во тьме светит, и тьма не объала его* (Ин. 1, 5), выводят, что светлость божественная нисколько не оскверняется от сопревывания с лукавым, хотя бы свет божественный некако и приближался ко тьме бесовской. Но то же Евангельское слово обличает таковых, что они мудрствуют не согласно с Святыми Писаниями. Ибо так как Бог Слово, сей Свет истинный, благоволив явиться твари во плоти Своей, по безмерному человеколюбию Своему возжег в нас свет святого ведения Своего, мудрѡвание же мѡра не объало (т. е. не познало) сего Совета Божия, поелику *мудрѡвание плотское вражда против Бога* (Рим. 8, 7): то по сей причине Богослов и употребил такое слово; и затем, сказав еще несколько слов, наводит сей дивный муж: — *был свет истинный, который просвѣщает всякого человека, входящего в мѡръ, — вместо: руководит и животворит. В мѡре был, и мѡръ им получил бытие, и мѡръ Егѡ не познал. Пришел к своим, и свои Егѡ не приняли. А тем, которые приняли Егѡ, верующим во имя Егѡ, дал власть, соделываться чѡдами Божиими* (Ин. 1, 9-12). И премудрый Павел в объяснение сего же реченія: не прѡша (γ κατέλαβον – не познали), говорит: *не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли и я, так как достиг меня Христос Иисус* (Флп. 3, 12). Итак, не о сѡтанѣ говорит Евангелист, что он

тогò ѣсть: понѣже въ томъ ниже свѣтитъ, но слышащыа чловѣки силы и чудеса бжїа, не хотѣщыа же приближитиса потемненнагw ради ихъ сердца свѣтъ разума егò (бжїа), словомъ достойнѣ безчествуетъ.

па. Два рода быти. ѿкоже слово насъ оучитъ разума, лкѣавыхъ дхѡвъ, ова оубо ѿ тѣхъ сѣтъ тончайша, ова же вещественнѣйша: тончайшаа оубо дшѡ борити, йннаа (вещественнѣйшаа) же плоть оумацинными нѣкоторыми оутѣшенными плѣнати ѡбыкоша, тѣмже и сопротивнѣ ймѡтъ къ себѣ раздѣленїе, йже дшѡ борющїи бѣсове и йже тѣло: а во ѣже вредити чловѣки, равнw ймѡтъ предложенїе. Егда оубо благодать не водворѣетсa въ чловѣцѣ, тогда во глубинѣ сердца ѡбразомъ сщїи смїевъ возгнѣздѣтсa, не ѡставляюще ѡнюдѣ възрѣти дшѡ ко желанїю добрагw: егда же во оумѣ благодать сокрывѣетсa, тогда оубо ѿкw ѡблаци нѣцыи мрачнїи, прочее частыми сердечными растичѣтсa во страсть грѣхѡ, и въ возношенїа различнаа превразѡщыасa, да пѡмать оума смѡщающе, ѣже ко благодати тогò бесѣды ѡторгнѣтъ. Егда оубо мы ѿ бѣсѡвъ, йже дшѡ смѡщающихъ, въ дшѣвныа возгараемсa страсти, наипаче въ гордыню, ѣже ѣсть мѡти всѣхъ страстѣй, тогда разрѡшенїе тѣла нашегw помышлѡюще, ѡнѡю высотѣ славолюбїа посрамимъ: тожде же подобѣетъ творити, егда йже и тѣло рѡтѡщїи бѣсове, въ стѡднаа похотѣнїа сердце наше возварити оустраѡютъ: сїе бо, всѡкое различїе лкѣавыхъ дхѡвъ, едино воспоминанїе ймене бжїа въ трѣзвѣй пѡмѡти оупразднїти мѡжетъ. Йще ли же ѿ тогò воспоманѣтїа пѡки хѡдость намъ безмѣрнѣ чловѣческагw естества, подлагати ймѡтъ дшѣвнїи бѣсове, ѿкw ничесогò сщїѡ достѡйнѣ: ѡчанїа бо ради сїе любѡтъ творити: егда бо тѣхъ ктѡ прехитрити хѡцетъ, сицевѡю мыслїю про-

не познал света истинного, — потому что он от начала был чужд его, — но достойно порицает сим словом людей, которые, слыша о силах и чудесах Божиих, не хотят однако ж приступить к свету ведения Его, по причине омрачения сердца их.

81. Слово ведения научает нас, что есть два рода злых духов: одни более тонки, другие более грубовещественны. Тончайшие воют на душу, а грубейшие плоть обыкновенно пленяют посредством срамных неких сладных движений; почему всегда друг другу противятся духи, на душу нападающие, и духи, нападающие на тело, хотя к тому, чтобы вредить людям, равное имеют рвение. Когда благодать не обитает в человеке, духи злые наподобие змий гнездятся во глубине сердца, не давая душе воззреть к возжеланию добра. Когда же благодать сокровенно возобитает в уме, тогда они, как облака некие темные, промелькают по частям сердца, преобразуясь в страсти греховные и в призрачные мечтания разнообразные, чтобы через воспоминание развлекая мечтаниями ум, отторгнуть его от собеседования с благодатию. Итак, когда мы духами, на душу нападающими, к душевным разжигаемся страстям, наипаче же к самомнению и гордыне, сей матери всех зол, тогда, приводя на память разложение тела своего, устыдим это надмение славолюбивого самовозношения. То же должно делать, и когда бесы, на тело воюющие, готовят сердце наше к воскипению срамными похотями: ибо это одно воспоминание сильно расстроит всякие покушения злых духов в связи с памятью Божиею. В случае же, если по поводу такого воспоминания душевные бесы начнут влагать мысль о безмерной ничтожности человеческого естества, как никакого достоинства не имеющего по причине разложения плоти (ибо так любят они действовать, когда кто начнет их самих мучить таким помышлением), — приведем на память

чеє невѣснагѡ царствїа чѣсть и слава да воспоминаемъ: ниже горкое и грозное нелицемѣрное сѡдїще да забываемъ, да ѡвѣмъ ѡвѣмъ печаль нашѡ ѡутѣшающе, ѡвѣмъ же поползновѣнїе плѡти нашеа востѡгнемъ.

п̄в. Гдѣ во благовѣстїи насъ ѡучитъ, ѡакъ, егда ѡвѣмъ возвратїтсѡ, ѡвѣрщѣтъ пометѣнъ и ѡупразднѣнъ свѡй дѡмъ, сїрѣчь неплодное сѣрдце, сатана, тогда поѣмлетъ другїхъ сѣдмь дѡхѡвъ, и вхѡдитъ въ тѡй, и возгнѣздитсѡ: и горшее пѣрвыхъ, ѡже послѣднѡа челоувѣкѡ твораше (Лѡкїи аї, кѣ). Тѣмже подобѣетъ разѡмѣти, елику дѡхъ стѣйи въ насъ пребывѣетъ, не мѡжетъ сатана вшѣдъ во глѡбїнѡ дѡши пребывѣати. Но и бжѣственный павелъ ѡвѣ насъ таковѡмъ ѡучитъ ѡумѡ видѣнїю, ѡ подвижнагѡ во искѡса разѡмѣвъ ѡвѣразъ вїны, сїце глаголетъ: *Сѡслаждаюсѡ во законѡ бжїю по внѣтреннемъ челоувѣкѡ, вїждѡ же ииъ законъ во ѡдѣхъ моїхъ, прѡтївѡ воюющъ законѡ ѡумѡ моего, и плѣнѡющъ мѡ законѡмъ грѣхѡвнымъ сѡщїмъ во ѡдѣхъ моїхъ* (Рїм. 3, кг). *Навершѣетъ же: Ни едїно ѡвѡ нынѣ, речѣ, ѡсѡжденїе сѡщїмъ ѡ хрїтѣ иїсѣ, не по плѡти хѡдѡщїмъ, но по дѡхѡ: законъ во дѡха жїзни ѡ хрїтѣ иїсѣ свѡводїлъ мѡ есть ѡ закона грѣхѡвнагѡ и смѣрти* (Рїм. и, а). *Глаголетъ же и индѣ: да пѡки наѡчитъ насъ, ѡакъ чрѣзъ тѣло рѡтѡетъ сатана дѡшѡ прїѡвщѡющїюсѡ стѡмъ дѡхѡ. Стѡните ѡвѡ, речѣ, прѣпоѡсавше чресла вѡша иїстиною, и ѡвѡлкшесѡ въ бронѡ правды и ѡвѡвше нѡзѣ во ѡгѡтованїе благовѣствованїа мїра: надъ всѣми же сїми воспрїимше щїтъ вѣры, въ нѣмже возмѡжете всѡ стрѣлы лѡкавагѡ разжѣннѡа ѡгасїти: и шлѣмъ спасѣнїа воспрїимїте, и мѣчь дѡхѡвнїй, иже есть глаголъ бжїи (Ефес. 3, зї). Ино есть плѣненїе, и иио вѡрѡба: понѣже ѡво ѡвѡ нѡжднагѡ ѡвѡвѣдѣнїа есть назнѡменательно, ѡво же равномѡцїнагѡ нѣкоегѡ пѡд-*

честь и славу Небесного Царствия, не забывая при сем держать в мысли и грозность нелицемерного Суда Божия; чтобы тем младодушное нечаяние предотвратить, а этим легкому и скорому на похоти сердцу нашему придать твердости и силы к противостоянїю.

82. Господь научает нас во св. Евангелии Своем, что когда сатана, возвратясь, найдет дом свой выметенным и пустым, найдет т. е. сердце бесплодным, тогда берет других семь духов, злейших его, входит в него и гнездится там, делая последнее состояние человека того хуже первого (см. Лк. 11, 25). Отсюда надлежит уразуметь, что пока Дух Святой обитает в нас, дотоле сатана не может войти в глубину души и обитать там. Но и божественный Павел учит такому же пониманию сего воззрения на это дело, — когда из подвижнического (опытного) сведения увидев существо дела сего, (каково т. е. оно и как есть воистину), так говорит он: *ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих* (Рим. 7, 22. 23). О преуспевших же в жизни по духу говорит далее: *нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу. Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти* (Рим. 8, 1. 2). И в другом месте опять, чтоб показать, что из тела воюет сатана на душу, соделавшуюся причастницею Святаго Духа, говорит он: *итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие* (Еф. 6, 14–17). Но иное дело есть пленение, и иное — борьба; так как то означает насильственное некое взятие в свою

вѣга ѿвѣтельно: сегѡ во рѡди ѿ стрѣлами разжѣнными на хрѣтолюбивыа дѡшы находѣти дѡвола, глаголетъ апѡстолъ. Иже во не могѣи сразѣтисѡ ѿ повѣдѣти своего противоподвижника, тогда стрѣлы на тогѡ оупотребляетъ да еже ѿдалече томѡ рѡтѣемое, криломъ оуловѣти стрѣльнымъ возмѡжетъ: понѣже пришѣствѣа рѡди благодѡти, возгнѣздѣтисѡ ѿкоже прѣжде въ подвижающихся оумъ не мѡжетъ, сластѣю прѡчее летѡетъ, ѿ возгнѣздаетсѡ въ тѣло, да тогѡ прѡздностѣю дѡшѡ оульститъ. Тогѡ рѡди подобѡетъ оудрѡчѡти тѡе въ мѣрѡ, да не тогѡ сластѣю поползнѣтсѡ оумъ въ маститныа сладости. Ѿ тогѡ во апѡстольскагѡ речѣнѣа прикладно ѣсть разумѣвати, ѿкѡ оумъ оубѡ подвижникъ ѿ бжѣственнагѡ свѣта дѣйствѡетсѡ, тѣмже ѿ бжѣственномѡ законѡ работѡетъ ѿ оуслаждѡетсѡ: плѡтъ же въ лѡкаваа сладѣтсѡ, ѿ тѣа оудѡбнѣ прѣмлетъ дѡхи, сегѡ рѡди ѿ привлѡчитсѡ нѣкогда работати тѣхъ лѡкавствѣю. Тѣмже пѡче мнѣтсѡ, не быти ѡбщее кѡе селѣнѣе оумъ бгѡ, ѿ дѡвола: понѣже, кѡкѡ бы оумомъ работалъ законѡ бжѣю, плѡтѣю же законѡ грѣхѡвномѡ, ѡще не бы оумъ мѡй во всѡкой свѡбѡдѣ стоалъ къ борбѣ бѣсовствѣи, блѡгостѣю благодѡти сладѣцѣ порабоцѡемъ; тѣло же сладѣцѣ воню прѣемлетъ безсловесныхъ сластѣи, за еже къ томѡ, ѿкоже речѣсѡ, попѡститисѡ, приплѣтѡтисѡ при подвижающихся лѡкавыа прѣлести дѡховѡмъ: вѣмъ, речѣ, ѿкѡ не живѣтъ во мнѣ, сѣрѣчь во плѡти моѣй блѡгѡе (Рѣм. 3, 11), но ѿкоже посредѣ нѣкѣа рѡти, подвѣзи сопротивляющихся грѣхѡ. Не ѿ себѣ во сѣе глаголетъ апѡстолъ, ѿкѡ оумъ оубѡ рѡтѡютъ бѣсове, плѡтъ же маститными оутѣшенѣми къ магкомѡ сластѣи начинѡютъ преклонѡти: попѡстѣсѡ во сѣе ѣдиною по праведномѡ сѡдѣ бжѣи, прѡницѡти ѿмъ во глубинѣ тѣлесныа, при ѿже ѿ крѣпцѣ подвижающихся на грѣхъ: за еже под ѿскѡсомъ быти прѣснѡ самовласт-

власть, а эта указывает на равносильное противоборство. Почему Апостол и говорит, что диавол огненными стрелами нападает на души, носящие в себе Христа Господа. Ибо и обыкновенно так бывает, — что кто не может руками достать своего противника, тот употребляет против него стрелы, чтоб издали ведущего с ним брань врага уязвить полетом стрел, так и сатана, поелику не может, как прежде, гнездиться в уме подвижающихся по причине присутствия в нем благодати, то как гнездящийся в теле, налетает на похотную мокротность, чтоб ее влечением прельстить душу. Почему надлежит иссушать тело, чтоб ум, похотную мокроту влекомый, не поскользнулся на приманки сладострастия и не падал. Из самого речения апостольского легко убедиться, что ум подвижающихся состоит под действием Божественного Света, почему рабствует Закону Божию и соулаждается ему; а плоть, по своей падкости на зло, злым подчиняется духам, почему влечется раболепствовать их злым внушениям. Из сего само собою видно, что ум не есть некое общее обиталище для Бога и диавола: иначе как бы я умом моим работал Закону Божию, а плотию закону греховному, если бы ум мой со всею свободою не противоборствовал демонам, охотно покорствуя благому действию на него благодати, тогда как тело в то же время увлекается приятною воню бессловесных сластей, по причине, как я сказал, поущения гнездиться в нем у подвижающихся злым духам? Апостол и говорит: *знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе* (Рим. 7, 18). Таким образом у тех, кои посредством подвигов противостоят греху (ибо Апостол говорит это не о себе), демоны с умом борются, а плоть разнеживающими приятными движениями стараются расслабить и увлечь к похотствованию; ибо им, по праведному суду, попускается укрываться во глубине тела и у тех, кои крепко подвизаются против греха, потому что произволение человеческого мудрования всегда со-

номъ челоуѣческагѡ мудрованіа. ꙗще же возможетъ кто, живъ еще въ житіи семъ, трудѡвъ ради оумрети, прочее весь бываеетъ домъ стѣагѡ дѣа: прежде бо оумертвѣа таковій оуже воскресе, каковъ бѣ и самъ блаженный павелъ, и елѣицы совершеннѣ подвижашася, и подвижуются противъ грѣхѡ.

пг. Износитъ оубо сердце и ѿ себе помыслы дѡбрыа же и недѡбрыа, не естествомъ же плодородства еже не дѡбрыа мысли: но ꙗкоже во ѡбычаи имѣа пѣрвыа ради единаа прелести, пѡмать недѡбрагѡ, а мнѡгѣа же и лѡкавыа, ѿ бѣсовскѣа зачинаетъ горести, всѣхъ же мы, ꙗкѡ ѿ сердца происходѡщихъ разумѣваемъ: и сегѡ ради нѣщын оумыслиша, во оумѣ быти вкѡпѣ со владыкою и грѣхъ. Сегѡ ради глаголютъ и гдѡ рѣкша: исходѡщаа ѿ оустъ, ѿ сердца исхѡдѡтъ, и тѡа сквернатъ челоуѣка: ѿ сердца бо исхѡдѡтъ помышленіа лѡкаваа, любодѣйства, прелюбодѣаніа (Матѡ. ѳі, ѳі), и прѡчаа. Не разумѣша же, ꙗкѡ оумъ нашъ, тонка нѣкоегѡ чувства имѣа дѣйство, самыи же ѿ лѡкавыхъ дѡхѡвъ подлагаемый томъ помыслъ оусвоаетъ, вѡцше стѣа приносѡще раствореніа ради дѡши, ꙗкоже не вѣмы, ꙗкоже и плѡтѣю, дѣйство оудѡвное тѣлѡ: понеже безмѣрнѣ любитъ плѡть, еже ѿ прелести ласкѡтися, и сегѡ ради ѡже и ѿ бѣсовъ всѣваемѣи помыслы, ѿ сердца исхѡдити мнѡтсѡ, своиими же цитѡемъ тѣхъ воистиннѡ, егда оубо тѣми соуслажѡтися хѡщемъ, еже и гдѡ оукорѡа, ꙗкоже самое тѡе бжѣственное явлѡетъ слѡво, предречѣнный глаголъ прѣемъ, речѣ: соуслажѡаисѡ бо ѡже ѿ лѡкавствѣа сатанинскагѡ томъ подлагаемымъ помыслѡмъ, и пѡмать ѡхъ ꙗкоже написѡа во своемъ сердцѣ, не невлѣннѡ прочее, ꙗкѡ ѿ своеа тѣхъ плодородствѡетъ мысли.

стоит под искусом. Если же кто возможет еще в сей жизни посредством подвижнических трудов умереть, тогда он весь наконец делается домом Святого Духа; ибо такой прежде смерти уже воскрес, — каковым был и сам блаженный Павел и каковыми были и бывают все, совершенным подвигом подвизавшиеся и подвизающиеся против греха.

83. Износит сердце и само из себя помышления добрые и недобрые: впрочем, помышления недобрые произрастает оно не из естества своего, но иные из них имеет оно потому, что память о недобром обратилась в ней в навык по причине прежних прельщений, большую же часть их, и притом наиболее злых, зачинает оно от злодеяния демонов. Мы же все их чувствуем исходящими как бы из сердца; почему некие подумали, что в уме нашем вместе пребывают и благодать и грех, приводя в подтверждение сего и слова Господа: *а исходящее из уст — из сердца исходит, и это оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния и проч.* (Мф. 15, 18. 20). Не знают же они, что ум наш по действию тончайшего некоего чувства и тех злых помыслов, кои влагаются в него злыми духами, делается собственником; так как по действию плоти тело, падкое на угождение себе, на это паче, не знаем как, увлекает душу по причине срастворения своего с нею; ибо плоть безмерно любит ласкательства прелести. По сей причине и помыслы, всеваемые в душу демонами, кажутся исходящими из сердца, усвояем же мы их себе, когда вожделеваем соуслаждаться ими: что укоряя, Господь, как само божественное являет слово, и изрек вышеприведенные глаголы. Ибо когда кто соуслаждается помыслами, лукавым сатанюю в него всеваемыми, и память о них как бы напишет в своем сердце, не явно ли, что потом он из собственной своей произрастает их мысли?

пд. Глаголетъ во благовѣстїи гдѣ, ѿкъ не възможно изгнати крѣпкаго изъ домъ егѡ, аще не крѣпчайшїй егѡ связавъ того и плѣнивъ, ижденетъ (Марк. ҃, ҃з). Какъ оубо можетъ ѿже съ толикимъ стѣдомъ изверженный, паки внїти, и сопребывати, истинномъ домъ влцѣ, во своемъ, ѿкоже хощетъ, почиваемъ домѣ: ниже во царь, сопротивацагоса томъ непрїателю повѣдивъ, паки сопребывати того себѣ во царскихъ двѡрѣхъ оустроитъ, но паче аѣте заколетъ, или связавши ко коснѣйшемъ мученїю, и нѣжнѣйшей смѣрти, окааннѣ предастъ своимъ вѡемъ.

пѣ. Аще кто, за ѣже двѡра намъ вкѡпѣ и злаа помышлѣти, стѡмъ дхѣ, и дїаволъ вкѡпѣ жити во оумѣ мнїтъ: да навѣкнетъ таковой, ѿкъ сїе биваетъ, за ѣже не оу намъ вкѡсїти, и вїдѣти ѿкъ благъ гдѣ (Псал. ҃, ҃). Первѣе оубо, ѿкоже и выше рѣхъ, сокрываетъ свое пришествїе при крещаемыхъ благодать, ѡжидѡущи дхшѣвное предложенїе: егда же оубо ѡвратїтса весь человекъ ко гдѣ, тогда неизреченнымъ нѣкїимъ чвствомъ пришествїе свое ѡвладетъ сѣрдцѣ, и паки ѡжидаетъ дхшѣвнаго движенїа, пощцающи оубо бѣсѡвскїа стрѣлы, даже до глѡбокаго еа dospѣти чвства, да теплѣйшимъ предложенїемъ и смиреннымъ залогомъ взыщетъ бга. Аще ли оубо начнетъ прочее прїсходїти храненїемъ заповѣдей, и непрестанно призывати гда їиса, тогда и ѡ внѣшнихъ чвствахъ сѣрдца о҃гнь возгорїтса стѣмъ благодати, тернїе человѣчeskїа земли извѣстнѣ попалающъ: тѣмже и бѣсѡвстїи навѣты далече нѣгдѣ тогда ѡстѡпаютъ онѣхъ мѣстъ, тихѡ прочее подстрѣкающе страстное дхшї. Егда же всѣкїа добродѣтели ѿже въ пѡдвизѣ человекъ исправитъ, напаче же совершенное нестѣжанїе, тогда все егѡ естество глѡбочайшимъ разумомъ ѡзарїтъ, въ любовь тогѡ прочее многѡю согрѣваючи бжїю, тѣмже и внѣздѣ

84. Господь говорит в Евангелии, что сильный не может быт извергнут из дома своего, если сильнейший его не свяжет его, не расхитит всего, что у него, и не выбросит его вон (см. Мф. 12, 29). Как же может, после такого посрамления, этот изверженный опять войти внутрь и пребывать там вместе с истинным домовладыкою, в своем доме упокоевающимся, как ему благоугодно? И какой царь, победив восставшего против него тирана, захочет, чтоб он вместе с ним вращался в его царских покоях? Не паче ли тотчас заколет его, или связав, предаст своим воинам на должайшее мучение и жалчайшую смерть?

85. Если кто на том основании, что мы совместно помышляем и о худом и о добром, заключает что Дух Святый и диавол вместе обитают в уме, да ведает таковой, что сие случается с нами от того, что мы не вкусили еще и не увидели, как благ Господь (Пс. 33, 9). Ибо на первых порах, как я и выше уж говорил, благодать сокрывает свое присутствие у крещаемых, ожидая произволения души; когда же всецело обратится человек к Богу, тогда она неизреченным неким чувством открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, попуская между тем бесовским стрелам достигать до самой глубины ее чувства, чтоб она с теплейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога. Если вследствие сего начнет наконец человек с твердою решимостию подвигаться вперед в соблюдении заповедей и непрестанно приывать Господа Иисуса, тогда о҃гнь святой благодати простирается и на внешние чувства сердца, ощутительно поедая терния человеческой земли, от чего и бесовские советы и внушения далеко негде останавливаются от того места (где сердце с благодатию), лишь слегка затрагивая страстную часть души. Когда же человек подвигами во все облечется добродетели, и особенно в совершенную нестяжательность, тогда благодать все ес-

тѣлеснаго чувства тогда въсѣвскаа стрѣланиа погасаютъ: дыханіе бо всесѣаго дѣа, къ вѣтрѣмъ смиреніа подвижетъ сердце, иже огненоснаго вѣса на воздѣсѣ еще носимыа погашаетъ стрѣлы. Обаче иже и въ сию мѣрѣ доспѣвшаго, поощаетъ нѣкогда бѣе слово вѣсовствѣи приплѣтатиса, не просвѣщенъ тогда тогда оумъ ѡставляетъ, да самовластное наше во всѣмъ не бѣдетъ свѣзано оуми благодати: не токму за еже ѡ подвигъ побѣдити грѣхъ, но за еже должно быти и еще предѣспѣвати въ дѣховный искѣсъ человекѣ. Ище бо наказѣми, мнѣмое совершенное, несовершеннѣ еще непщѣемъ къ богатствѣ наказѣющемъ бѣе, въ любви егѣо благочестіа: ище и всѣо, иже іакѣвѣ показаннѣю лѣствницѣ, взыти кто возможетъ предѣспѣаніемъ трудѣвѣ.

пс. Гдѣ самъ глаголетъ, сатанѣ съ небесѣ іакѣ молнію спасти (Лкѣи і, иі), да не зрѣтъ мерзостный въ селеніа свѣтыхъ аггѣлѣ. И ище оумѣ добрыхъ рабѣвѣ ѡбщеніа не сподоблѣемъ, какѣ можетъ ѡбщее жилище съ бѣомъ человекѣскіи оумѣ имѣти; Но рекѣтъ, іакѣ по поощенію сѣе бываеетъ; вѣище же ничѣоже рекѣтъ: но оумѣ и наказѣтельное поощеніе никакоже дѣшѣ вѣественнаго свѣта лишаетъ, сокрываеетъ же токму свое пришествіе благодать, іакѣ оумѣ и рѣхъ, но дѣйствѣ своегѣо величествіа, да іакѣ подвѣргнетъ дѣшѣ горести вѣсовствѣи, за еже вы со всѣкимъ страхомъ, и многимъ смиреніемъ взыскати тѣи помѣци ѡ бѣа, и іаснѣе врага своегѣо разѣмѣвати слово. Иже оумѣ ѡобразомъ мати, безчѣиннѣющее свое ѡтрѣча ѡ оустѣвѣхъ млекопитаніа, малѣ своихъ рѣкѣ ѡрѣваеетъ, да, оустрашаемо ѡ нѣкоторыхъ предѣстоѣицѣхъ томѣ словидныхъ человекѣкѣ, или свѣрѣи каковыхълибѣ, со страхомъ многимъ и слезами ко матернимъ возвратѣтсѣ нѣдрѣмъ: а еже по ѡвра-

тество его озаряет в глубочайшем некоем чувстве, возгревая в нем теплейшую любовь к Богу; тогда и стрелы бесовские угасают еще вне телесного чувства, так как веяние Духа Святого сердце пополняет глубоким миром, огненные же стрелы бесовские погашает, еще когда они несутся по воздуху. Впрочем, и в сию меру достигшего попускает иногда Бог подвергаться злему действию бесов, оставляя тогда ум его неосвещенным, чтоб самовластие наше не было совершенно связано узами благодати, не только того ради, что грех должен быть побежден подвигами, но и того, что человеку еще и еще надлежит преуспевать в духовной опытности: ибо что почитается совершенным в обучаемом, то несовершенно в сравнении с богатством обучающего Бога в ревнующей о преуспейнии любви, хотя бы кто, трудясь над сим преуспейнием, возшел на самый верх показанной Иакову лестницы.

86. Сам Господь говорит, что сатана спал с неба (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, неудобостаиваемый общения с добрыми рабами Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по поущению, то этим не представят ничего доказательного. Ибо поущение обучительное никак не лишает душу Божественного Света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтобы горечию бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие врага. Так мать дитя свое, бесчинствующее по нехотению подчинится уставам млекопитания, на краткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и слезах в матерние опять потянулось возвратиться объятия. Поущение же, по отвращению бывающее, ду-

щению бываемое пощение, как связника предаётъ въ-совомъ не хотящую души имѣти бѣа. Мы же не смы страхъ чада, да не вѣдетъ: но отрочата ближнамъ бѣимъ благодати быти вѣруемъ, малыми пощеньми, и частыми оутѣшеньми ѿ неа якоже млекоу питаемы: да тоа благостію ѡкормляемы, доспѣемъ прити въ мужа совершенна, въ мѣрѣ возраста исполненіа хрѣтова (Ефес. 4, 13).

пз. Наказательное пощение приноситъ оубо скорбь многъ и смиреніе, и бездерзновеніе оумѣренное души, да якоже славлюбнамъ тоа и оудобъ дерзавъ часть, оудобнѣ во смиреніе прійдетъ, а бѣе же страхъ бжій и слеза исповѣданіа найдеть сердце, и добраго молчаніа многое желаніе: а еже по ѡвращенію бжію бываемое, безнадеждѣмъ вкщпѣ и невѣрїа, и гордости и гнѣва души исполнитиса пощяетъ. Подобаеть оубо намъ вѣдающимъ искъсъ обою пощению, по коегждо ѡбразѣ приходити къ бгови, онаму оубо благодареніе со ѡвѣщаніемъ приносити должны есмы томъ, какъ нрава нашего владное, оупражненіемъ (ѡатіемъ) оутѣшеніа мѣщящъ, да добродѣтели и слобы, какъ отецъ благъ научитъ насъ различію, здѣ же, исповѣданіе согрѣшеніи непрестанно, и слезъ неувсхвднъ, и оудиненіе вѣщше: какъ да сице оубо возможемъ приложеніемъ трудѡвъ оумолити бѣа, призрѣти якоже прежде въ сердца наша. Обаче подобаеть вѣдѣти какъ противъ душевнаго мужества, и сатанѣ ратовати пощскаетса: при наказательномъ, глаголю пощению, скрываетъ оубо благодать себѣ, якоже рѣхъ, невѣдомѣ же души споспѣшествуетъ по-мощію, да побѣдъ души быти единымъ покажетъ врагѡмъ ѣа.

пн. Якоже егда кто въ зимнее время, въ непокровеннѣ ставъ гдѣ мѣстѣ, зра же къ востокумъ весь

шу, не желающую иметь Бога, как бы связанною предаётъ демонам. Но мы — не подметные чада, но как веруем, есмы истинные детища Божией благодати, редкими пощениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да под действием таковой ее к нам благостыни доспеем прийти *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13).

87. Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбью, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое пощение и оставление, во время их приступать к Богу сообразно со свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Ему, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большее уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем должно, что когда при обучительном пощении бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души.

88. Как, когда кто в зимнюю пору, стоя на открытом где-нибудь месте, обратится лицом к востоку в начале

дѣнь: ѿ оўтра оўбв прѣднїа тогò чѣсти всѧ ѿ сòлнца согрѣвѣаютса, заднаа же тогò всѧ лишѧема сѣть теплоты, за ѣже не быти над главою егò сòлнца. Снце и ѡже въ началѣ сѣщи дѡхòвнагв дѣйствїа, согрѣвѣаетса оўбв ѿ чѣсти иногда ѿ сватѣа благодати сѣрдце, тѣмъ же и дѡхòвнаа тогда оўмъ ихъ плодоносїти начнетъ мудрованїа: видимаа тогò чѣсти пребывають по плòти мудрствующе, за ѣже не оў всѣмъ оўдòмъ сѣрдечнымъ во глѡбòцѣ рѡзмѣ ѿ сватѡгв свѣта благодати ѡзарїтиса, ѣже нѣцыи не рѡзмѣвшѣ двѡ сѡстава непцевѡша въ сѣбѣ, ѡкоже сопротивъ сто̀ацїхъ во оўмѣ подвижающихся быти. Снце оўбо и въ сѡмое тòе мгновѣнїе, и дѡбраа и не дѡбраа прилѡчѡютса дѡшї помышлѡти, по ѡбразѣ вышѣписаннаа прїтчи: челòвѣкъ, речѣ, въ сѡмомъ приближенїи, и стѡденѣтъ, и согрѣвѣетса. Ѿнѣлѣже во оўмъ нашъ въ сѡгѣвное рѡзѡма поползѣса, нѡждѣ имать ѡтòлѣ, ѡще и не хòщетъ, въ сѡмый тòй часѣцъ, и дѡбраа и злаа иносїти размышлѣнїа: наипѡче же при ѡнѣхъ, иже въ тòнкòсть рѡсѡзѡденїа прїходѡцїхъ, ѡкоже во спѣшїтса прїснѡ ѣже дòброе помышлѡти, ѡбїе и злое помнїтъ: понѣже въ сѡгѣвнѡю нѣкоторѡю мысль рѡздѣлїса пѡмать ѿ адѡмова прѣслѡшанїа. ѡще оўбв начнемъ тѣплымъ рѡвѣнїемъ заповѣди вѣжїа творїти, всѧ наша прòчеє чѡвства въ глѡбòцѣ нѣкоємъ рѡзѡмѣ прòсѡвѣщающїи благодать, грѣхòвнаа оўбв ѡкоже ѡгнь попалѣтъ воспоминанїа, оўслаждающїи же наша сѣрдца во смирѣнїи нѣкоємъ люблѣнїа непрѣстаннагв, дѡхòвнаа нѣкаа и не ктомѣ по плòти помышлѡти насъ оўстроѡетъ: сїе же приближающимсяъ къ совершенїю чѡстѡ сѣлѡ слѡчѡетса, иже непрѣстаннѡ имѡтъ въ сѣрдцѣ пѡмать гдѡ иїса.

пѡ. Двѡ намъ дòбрѣ сватѡа благодать крѣщенїемъ прїтворѡетъ порожденїа, ѿ нїхже єдїно безмѣрнѡ

дня, передние его части все обогриваются солнцем, а задние части его все остаются непричастными солнечной теплоты, потому что солнце тогда бывает не над головою его: так бывает и с теми, кои находятся еще в начале духовной деятельности, именно: сердце их отчасти согревается иногда святою благодатию, почему ум их начинает тогда плодоносить духовные мудрования, но внешние части сердца их все еще остаются мудрствующими по плоти, потому что не все еще части сердца в глубоком чувстве озаряются святым светом благодати, — (чего некие не понимая, придумали, будто в уме подвижающихся находятся два лица, взаимно друг другу противоборствующие). Вот от чего и случается, что душа в одно и то же время помышляет и доброе и худое, подобно тому как в предложенном выше примере, человек в одно и то же мгновение ощущает прикосновение и холода и теплоты. Ибо ум наш с тех пор, как соскользнулся в двойственность ведения, нужденье некое имеет, хотя бы и не хотел, в одно и то же мгновение помышлять худое и доброе, особенно у тех, кои достигают тонкости рассуждения. Почему как ни старается он всегда помышлять доброе, тотчас припоминается ему и худое, потому что память человеческая от преступления Адамова некако разделилась на двоякое помышление. Но если мы с горячею ревностию начнем исполнять заповеди Божии, тогда благодать, освещая все наши чувства в глубоком некоем ощущении, будет попалять все наши греховные воспоминания, сердце же наше услаждая неким миром любви непрѣстающей, будет приучать нас к тому, чтоб помышлять духовное, а не плотское. Сие очень часто случается с приближающимися к совершенству, кои непрѣстанную имеют в сердце своем память о Господе.

89. Два блага подают нам святая благодать чрез возрождающее нас крещение, из которых одно безмерно пре-

дрѹгáгѡ превосхóдитъ, но оубѡ е́дино áвѣе дáръетсá: ѡбновлáетъ бо нáсъ въ сáмой то́й водѣ́, и всá ѡбразы дѹшѣвныя, сирѣчь, ѣже по ѡбразѹ, свѣтлѣе всáкїа сквѣрныа прегрѣшенїа нáша ѡмывáа: дрѹгóе же ѡжи- дáетъ, да съ нáми дѣ́йствуетсá, ѣже ёсть по подóбїю. Ёгда оубѡ нáчнетъ оумъ во мнóзѣ рáзмѣ́ быти благодáти престáгѡ дхá, тогда дóлжни ёсмь вѣ́дѣти, íкѡ начинáетъ благодáть íкѡ живописáти, ѣже по ѡбразѹ и по подóбїю: íмже бо ѡбразомъ живописцы, пѣрвѣе оубѡ е́динымъ шáромъ начертáвáютъ ѡбразъ челоуѣкá: шáръ же шáромъ помáлѹ разцвѣчáюще, сїце íже подобопїшемагѡ, дáже и до влáсъ пости́жетъ вї́дъ. Тáкѡ и стáа благодáть вжїа, пѣрвѣе оубѡ крещенїемъ во ёже бѣ́, прѣ́жде престѹпленїа почтенъ бы́сть чело- вѣ́къ, благовчинáетъ ѣже по ѡбразѹ: ёгда́ же нáсъ вї́дитъ ѡ́ всегѡ́ предложенїа желáющихъ добрóты подóбїа, и стоáщихъ нáзѣхъ, и мѹжественнѣ воуружїв- шихсá ѣже къ то́а подвигѡмъ: тогда добродѣтелию добродѣтель нацвѣтáющи, и ѡ́ слáвы во слáвѹ дѹшѣв- ный вї́дъ возносáщи, начертáнїе подóбїа сѣй притво- рáетъ (дѹшѣ́): тѣ́мже оубѡ рáзмѣ́ íвлáетъ нáмъ íзѡбразїти ѣже по подóбїю, á ѣже совершенное подóбїе, ѡ́ просвѣщенїа да рáзмѣ́емъ. Всáкїй бо добродѣтели вї́дъ, оумъ по мѣ́рѣ́ нѣ́коей и благовчиненїи неизре- ченнѣ́мъ, рáзмѡмъ предѹспѣвáа воспрїемлетъ: дѹхóв- ню́ же любóвь не мóжетъ ктò стáжáти, áще не во всáкомъ íзвѣщенїи просвѣтїтсá ѡ́ стáгѡ дхá. Áще бо несовершеннѣ́ ѣже по подóбїю вжѣ́ственный свѣ́тъ прї́иметъ оумъ, всáкїа оубѡ íныа добродѣтели по рáдѹ íмѣ́ти мóжетъ, совершенныа же любвѣ́, ёще́ не причáс- тенъ превывáетъ: ёгда́ же оубѡ оуподóбитсá добродѣ- телїю бгѹ́, íакоже мóжетъ челоуѣ́къ, глаголю́, оуподóби- тисá бгѹ́: тогда́ и вжѣ́ственнымъ любвѣ́ нóситъ подóбїе. Íакоже при подобопїшемыхъ, ѣже свѣ́тлѣ́йшее всѣ́хъ

восходит другое. Но одно подает оно тотчас; именно, — в самой воде обновляет, и все черты души, составляющие образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другое ожидает произвести в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. — Итак, когда ум начнет с великим чувством вкушать блага Всесвятого Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия черты богоподобия. Ибо как живописцы сначала одною какою краскою начертывают образ человека, а потом мало-помалу краску за краскою накладывая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до волос; так и святая благодать Божия сначала чрез крещение восстанавливает в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан; а когда увидит, что мы всем произволением вожделеваем красоты подобия Божия и стоим нагие и небоязненные в ее детелище (мастерской), тогда добродетель за добродетелию расцветивая в душе, и от славы в славу лик ее возводя, придает ей черты подобия Божия: причем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного. Ум, преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармонии, чувством восприимлет все добродетели; но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом во всей полноте ощутительно. Ибо если ум не примет от Божественного Света совершенного богоподобия, то хотя он все другие добродетели возыметь может, но совершенной любви остается еще непричастным; потому что только тогда, как человек совершенно уподобится Божией добродетели (говорю о востимом для человека подобии Богу), носит он и подобие Божественной любви. Как когда пишут с кого портрет, самая приятная из красок краска и самонужнейшая из

шарѡвъ, приложенное ѡбразѡ искусство худѡбества, да́же и возкля́битиса пости́жетъ подобопи́шемагѡ подобіе: си́це и при и́же во вѣ́стѡвенное подобіе ѡ вѣ́стѡвенныа благода́ти живопи́шемыхъ, просвѣ́щеніе любве́ приложиса, въ подобіе́ всесоверше́ннагѡ благолѣ́піа, іавла́етъ бы́ти ѣ́же по ѡбразѡ и по подобію. Ниже́ во безстра́стїе ина́а добродѣ́тель мо́жетъ притвори́ти дѡши, ра́звѣ́ любовь е́динаа, ісполне́ніе по зако́нѡ любви́ (Рим. 13, 10): тѣ́мже о́убѡ ѡбновла́етсѡ де́нь ѡ дне́ внѣ́тренній на́шъ челове́къ во вкѡше́ніи любве́, и восхо́дитъ ѣ́ю, и пости́заетъ ве́рхъ соверше́ніа.

Ч. Вкѡша́ти о́убѡ твори́тъ пресѣ́тый дѡхъ, въ нача́лѣ́ предѡспѣ́аніа, а́ще о́убѡ те́плѣ́ вожде́лѣ́емъ добродѣ́тели вѣ́жіа, дѡшѡ во вса́комъ ра́зумѣ́ и ізвѣ́щеніи сла́дѡсти вѣ́жіа, да іма́тъ вѣ́дѣ́ти о́умъ во ѡпа́снѣ́ ра́зумѣ́ніи соверше́нное натри́женіе́ боголюбивы́хъ трдѡ́въ: скрива́етъ же прѡ́чее на мно́зѣ́ животво́рнагѡ сегѡ́ дара́ бога́тство, да а́ще о́убѡ ины́а добродѣ́тели вса́ содѣ́лаемъ, ничесѡ́же ѡню́дъ себѣ́ ра́зумѣ́емъ бы́ти: за ѣ́же во не о́убѡ іако́же во ѡбы́чаи імѣ́ти стѣ́ю любовь, си́це тогдѡ́ влѡ́ще, іже́ не́нависти вѣ́сѡ стѡ́жаетъ подви́зѡи́щымсѡ́ дѡшамъ, іакѡ́ и са́мыа любѡ́щыа тѣ́хъ ко не́нависти ѡ́клеветѡ́вати: и прѡ́стѡ ре́ци, да́же и до це́лованіа́ носі́ти тлѣ́творное́ не́нависти дѣ́йствіе. Тѣ́мже влѡ́ще болѣ́знѣ́етъ дѡша́, носѡ́щи о́убѡ па́мать дѡхѡ́вныа любве́, не мо́гѡщи же тѣ́ю въ чѡ́вствѣ́ стѡ́жати соверше́нныхъ ра́ди трдѡ́въ ѡ́скѡ́дѣ́ніа: потре́ба о́убѡ по ну́ждѣ́ тѣ́ю іакѡ́ бы содѣ́ловати, да во вкѡше́ніе то́а во вса́комъ ра́зумѣ́ и ізвѣ́щеніи дости́гнемъ. Ё́же во соверше́нное то́а нікто́же во плѡ́ти сы́и: сіѣ́ мо́жетъ стѡ́жати, ра́звѣ́ е́диніи і́же да́же до мѡ́ченіа́ и соверше́ннагѡ іспѡвѣ́даніа́ пришѣ́дшіи свѡ́тїи: понѣ́же сіѣ́

черт черта, будучи приложены к нарисованному лику, делают его даже до улыбки совершенно похожим на того, кого живописуют: так и когда божественная благодать живописует в ком богоподобие, светлая черта любви будучи приложена, показывает, что черты образа Божия всецело возведены в благолепие богоподобия. И бесстрастия (очищения и свободы от страстей) никакая добродетель не может доставить душе, кроме единой любви: ибо *исполнение закона есть любовь* (Рим. 13, 10); так что хотя внутренний наш человек каждодневно обновляется вкушением любви, в полноту же возраста приходит только вместе с полным совершенством любви.

90. Дух Святой в самом начале преуспeyания, если горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеем добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав. Ибо в ту пору бывает, что беснелюбия иногда с такою силою налегает на души подвижающихся, что они неприязненно относятся даже к тем, кои любят их, и даже во время приветствия и целования держат это тлетворное действие неприязни. От сего душа сильно скорбит и болезнует, что тогда как в памяти носит любовь духовную (сознает обязательство любви), не может возыметь ее в чувстве по причине, как ей кажется, недостаточности совершеннейших трудов. Почему необходимо нам пока нуждением насильственным заставлять себя совершать дела любви, чтобы таким образом достигнуть вкушения ее и полным чувством с удостоверительным удовлетворением; в совершенстве же никто из сущих во плоти сей не может стяжать ее, кроме тех святых, кои дошли до мученичества и совершенного

получивый, изменяется ѿнюдь, и ниже пиши оудобенъ желаетъ: ѿ бжественнаго во любви питаемъ, кое есть похотеніе иже въ мирѣ добрыхъ; Сего ради премудрый Павелъ, великое пріятельще разума, вѣдущей пиши праведныхъ, насъ ѿ своего извѣстіа научити благовѣствѣла, сице глаголетъ: Нѣсть цѣтвїе нѣное брашно и питїе, но правда и миръ и радость въ дѣѣ стѣ, ꙗже сѣтъ плодъ совершеннаго любви (Рим. ді, 31). Темже оубо вкушати тоа ѿсодѣ частю, иже въ совершенїе предъспѣвающїи мѡгутъ: совершеннѣ же тѣю никтоже мѡжетъ стажати, ꙗже оубо не пожрѣтса совершеннѣ мѣртвенное ѿ живота.

Ча. Повѣда ми нѣкто ѿ иже несытымъ нѣкимъ нравомъ любящихъ бѣа, ꙗкв возжелѣвшъ ми, рече, иногда извѣстнѡ разумѣти любовь бжїю: и подаде ми сїе въ чѣствѣ мнозѣ и извѣщенїи благїи гдѣ. И толїкв, рече, таковагѡ дѣйствїа разумѣхъ ꙗкв тѣагиса оубо нѣкогда дѣши съ неизглаголанною нѣкоею радостїю и любовїю, изыти ѿ тѣла, и ѡити ко гдѣ, ꙗкоже не вѣдѣти ѡбраза временнаго сѣа жизни. ꙗ иже во сѣа любви во искѣсѣ бѣвъ, ꙗже и тьмами ѿ нѣкоегѡ досадїтса, илї ѡтцетїтса, даже ꙗже и приключїтса имѣти томъ ещѣ таковое нѣкоторое хотѣщее болѣзнь приносїти, не гнѣвается на тогѡ: но пребываетъ ꙗкоже прилѣплѣнъ досаждающему и ѡтцетївшемъ егѡ дѣши. На онѣхъ же едїныхъ возгараетса, иже илї на оубѡгїа нахѡдатъ, илї на бѣа, ꙗкоже глаголетъ стѡе писанїе, глаголютъ неправдѣ (Ѳал. Ѧд, 5), илї инакв какв живѣще лѣкавнѣ. Иже во паче себѣ любїи бѣа, паче же и не котомъ себѣ любїи, но бѣа едїнаго, таковыи не котомъ за свою чѣсть ѡмщаетъ, но токмѡ почѣтшагѡ тогѡ чѣстїю вѣчною, хѡщетъ почитати правдѣ: сїе же не котомъ ѿ мала нѣкоегѡ хотѣнїа имать, но ꙗкоже во ѡбычаи прочее имать таковыи залѡгъ, многагѡ ради

исповедания, — чего достигши совершенно изменяется и даже к пище неохотно приступает; ибо у питаемого божественною любовью какое еще может быть похотение благ мира сего? Сего ради премудрый Павел, сие великое вместилище ведения, благовествуя нам о будущих утешениях праведных, по собственному в том удостоверению, говорит: *Царствие Божие не есть пища и питие, но правда (δικαιοσύνη), мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17), кои суть плод совершенной любви. Таким образом часто здесь вкушать действие любви могут преуспевающие в духовной жизни, в полном же совершенстве стяжать ее никто не может, если у него наперед не будет совершенно *поглощено смертное жизнью* (2 Кор. 5, 4).

91. Поведал мне некто из ненасытимо любящих Бога: когда я возжелал ощутительно изведать любовь Божию, даровал мне это в полном чувстве и удовлетворительности благий Господь; и я в такой силе чувствовал действие сие, что душа моя тогда желала с неизреченною некою радостїю и стремительностию изыти из тела и отойти ко Господу и совсем забыть чин сей привременной жизни. И всякий, испытавший действие такой любви, хотя бы тысячи обид и лишений потерпел от кого, не гневается на него, но остается душевно прилепленным к оскорбляющему и обижающему его; возгорается же он ревностию только против тех, кои на бедных нападают или *на Бога глаголют неправду*, как говорит Писание (Пс. 74, 6), или иначе как живут недобре. Ибо любящий Бога много паче себя или совсем не любящий себя, а одного только Бога, уже не заступает за свою честь, а одного того хочет, чтоб почитаема была правда Почтившего его честию вечною. И этого желает он не легким каким и скоропреходящим желанием, но имеет такое расположение в качестве неизменного нрава по причине полного вкушения любви к Богу. К тому же ведать надлежит, что Богом возбуждае-

искѹса вѣѣмъ любвѣ. Къ сѣмъ же подобаетъ вѣдѣти, ѣкѡ ѣже въ толикѹ любовь дѣйствуемъ ѿ бѣга, вышше ѣ вѣры бываетъ во время таковаго дѣйствѣа, ѣкѡ въ чувствѣ прочее сердечнѣмъ держа многѣа ради любвѣ вѣрою почѣтшаго, ѣже намъ назнаменуетъ явлѣннѣ стѣй Павелъ глагола: нынѣ же, рече, пребываютъ три сѣа, вѣра, надежда, любви, больши же сихъ любовь (1 Кор. 13, 13). Иже бо въ богатствѣ любвѣ, ѣкоже рѣхъ, держай бѣга, болѣе естъ много тогда своеа вѣры, ѣкѡ весь сѣй въ любви.

Чв. Среда дѣйства стѣаго разѹма, не малѡ насъ скорбѣти оустраоаетъ, егда ѿ раздраженѣа нѣкоего досадивше нѣкоторомѹ, врага того оустраоимъ себѣ, тѣмже оубѡ никогда престаѣтъ подстрѣкаюци совѣсть нашѹ, донѣлиже многого ради извѣщенѣа во древнѣй возведемъ залогъ досадившаго: а ѣже конечнѣе сегѡ оумилѣнѣе приходитъ, егда ѣ неправеднѣ кто ѿ человекъ на насъ прогнѣвается, печалитиса намъ ѣ пециса ѡ немъ сѣлѡ творитъ: понѣже ѿнюдъ нещѣемъ преткновѣнѣе нѣкое ѡ нашего празднословѣа подати томѹ, тѣмже ѣ празденъ тогда ѡ видѣнѣи оумъ бываетъ. Любовь бо сѣци разумныа, слово все не ѡставляетъ мысль расширитиса къ зачатѣю видѣнѣй бжѣственныхъ, аще не прежде прѣимемъ въ любви, ѣже ѣ все гнѣваюцаса на ны: аще ли же онъ не хощетъ семѹ быти, илѣ ѿстѹпитъ нашихъ жилищъ, тогда прочее начертанѣемъ того лица прикладнѡ въ нелицемѣрнѣмъ дѹшѣ излитѣи, приложити того своемѹ залогѹ любвѣ: сѣце во глубинѣ сердца, любвѣ исполнити законъ. Подобаетъ бо, рече, ѣ гнѣвающихся безвременнѣ лица, не матѣжною мыслию во своемъ зрѣти помыслѣ, хотѣщимъ имѣти разѹмъ бжѣй: семѹ же бывшѹ, не токѡ ѡ бгословѣи оумъ нашъ не согрѣшнѣ подвигнетса, но ѣ въ любовь бжѣю со многимъ дерзновѣнѣемъ взыдетъ, ѣкѡ ѿ нижнаго

мый к такой любви бывает выше самой веры во время такого действия в нем любви, как уже в чувстве сердца полною любовью держащий Читимого верою. Это ясно указывает нам св. Павел, когда говорит: *теперь же пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13, 13). Ибо кто держит, как я сказал, Бога в богатстве любви, тот в то время бывает гораздо больше своей веры, как сущий весь в любви.

92. Действо святого ведения, по свойству своему, немало скорбеть заставляет нас, когда, по некоему раздражению досадив кому-либо, соделоваем его врагом себе. За это оно никогда не перестает уязвлять совесть нашу, пока посредством объяснений и извинений не успеем возвести оскорбленного в прежнее к нам благорасположение. С особенною же силою такое сокрушение проявляется, когда кто из людей мира сего прогневляется на нас, хотя бы то и несправедно. Это крайне тяготит нас и озабочивает, так как всяко мы послужили ему в соблазн и преткновение. От сего и ум наш тогда оказывается неспособным к богословствованию; потому что ведение, по существу своему будучи всецело любовью, не попускает мысли нашей расшириться в порождении божественных созерцаний, если прежде не примем в любви и несправедно гневающегося на нас. В случае, если тот не хочет этого, или удалился от наших мест, надлежит нам, прияв начертание лица его в свое благорасположение с несдерживаемым изливанием души, так во глубине сердца исполнить закон любви. Ибо тем, которые желают иметь ведение о Боге, должно и лица неправо гневающихся представлять в уме с безгневным помыслом. Когда же это будет, тогда ум не только в области богословия станет непогрешительно вращаться, но и в деле любви с полным дерзнове-

стѣпенѣ, на вышшій безъ препѣтствїа восходѣ.

Чг. Добродѣтели пѣть, начинающимъ оубо желати правды, жестоку и драхль мнитса, не за еже ономъ таковомъ быти, но за еже человеческомъ естествомъ аще ѿ чрева матерна, пространствомъ сластей жити свойственно: същымъ же средѣ тогѡ прешедшимъ, сладокъ весь и ѡраденъ показѣтса. Добрымъ обычаемъ слабе покорено дѣйствїемъ ради благамъ, безсловесное сластей заглаждѣетса въ памяти: тѣмъже прочее сладцѣ душа прохѡдитъ всѣмъ стези добродѣтелей. Сегѡ ради гдѣ вводѣ насъ въ пѣть спасенїа глаголетъ, что тѣснаа врата и прискѡрбный пѣть, вводѣи въ жизнь, и малы тѣмъ пойдѣтъ (Матф. 3, д1): къ хотѣщимъ же твердымъ предложенїемъ прохѡдити стѣхъ егѡ заповѣдей храненїе, рече: иго мое благо, и время мое легко есть (Матф. 11, л). Подовѣетъ оубо ѿ начала подвига, нѣжднымъ нѣкимъ хотѣнїемъ, стѣмъ бжїа содѣловати заповѣди: да видѣвъ благїи гдѣ мысль нашѣ и трѣдѣ и попеченїе ѡ томъ, сладцѣ сѣлѡ низпослетъ хотѣнїе прилѣжати тогѡ заповѣдемъ: ѿ гдѣ во тогдѣ оубо готовлѣетса хотѣнїе (Притч. 1, лѣ), ѡакъ во многѣи нѣкоей радости содѣловати намъ непрестаннѡ благое: тогдѣ во воистиннѣ разумѣемъ, ѡакъ вгѣ есть дѣйствѣи въ насъ, и еже хотѣти, и еже дѣлати ѡ благоволенїи бжїи (Фїліп. 2, г1).

Чд. Имъже ѡбразомъ не разгрѣанъ и неумягченъ воскъ, свѣтлѡ не можетъ налагаемѡ томъ печатѣ и зѡбразїти: сице и человекъ, аще не трѣды и немощи и искѣситса, не можетъ вмѣстити бжїа добродѣтели печатѣ: сегѡ ради оубо гдѣ глаголетъ бжественномъ павлѣ: довлѣетъ ти благодатъ моѣ: сила бо моѣ въ

ниемъ возвысится, какъ бы восходя со второй степени на первую.

93. Путь добродетели для начинающихъ любить благочестие кажется жестокимъ и пристрашнымъ, не потому что онъ былъ самъ по себѣ таковъ, но потому что человеческое естество съ самого исхода изъ чрева матерна привыкаетъ жить пространно въ удовольствїяхъ; а для техъ, которые успели пройти уже до середины его, онъ является весь благимъ и отраднымъ: ибо когда недобрые стремления наши бывають подавлены добрыми навыками, тогда вместе съ симъ исчезаетъ и самая память о бессловесныхъ удовольствїяхъ; вследствие чего душа уже со всемъ удовольствиемъ шествуетъ по всемъ стезямъ добродетелей. Посему Господь, выводя насъ на путь спасенїа, говоритъ, что тесенъ и прискѡрбенъ путь, вводѣи въ животъ, и мало техъ, кои идутъ имъ (см. Мф. 7, 14); къ темъ же, кои со всемъ рвенїемъ желаютъ приступить къ храненїю святыхъ Его заповѣдей, говоритъ Онъ: *иго Мое благо, и время Мое легко* (Мф. 11, 30). Предлежитъ убо намъ въ начале подвига нашего насилуемою некоею волею исполнять святые Заповѣди Божїи, чтобъ благїи Господь, увидевъ доброе намеренїе наше и трудъ, даровалъ намъ готовность и вольную волю съ удовольствиемъ прочее покорствовать преславнымъ Его воленїямъ: *ибо желанїе уготовляется отъ Господа* (Притч. 8, 35). После чего начнемъ уже мы съ великою радостїю совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуемъ, что *Богъ производитъ въ насъ и хотенїе, и действе по Своему благоволенїю* (Флп. 2, 13).

94. Какъ неразогретый и неумягченный воскъ не можетъ добре отпечатлѣть налагаемую на него печать, такъ и человекъ, если не будетъ искушенъ трудами и немощами, не можетъ вмѣстити печати добродетели Божїей. Посему Господь говоритъ божественному Павлу: *довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается въ немощи* (2

немоши совершается (в Кор. в1, ф). Самъ же аплъ хвалитса глагола: Гладцѣ оубо похвалюса паче въ немошехъ моихъ, да вселитса въ мѧ сила хртѡва. Но и во притчахъ писано естъ: егѡже любитъ гдѣ, наказуетъ: бѣетъ же всѧкаго сына, егѡже прѣмлетъ (Притч. г. в1). и аплъ оубо немощи, глаголетъ, востанѣа врагъ кртѧ ѡже часту томѣ, и всѣмъ тогда стѣимъ прилѣчахса, да не превозносатса, ѡкоже самъ глаголетъ, превосхожденѣемъ ѡкровенѣи (в Кор. в1, з): но паче да пребываютъ смиренѣа ради во ѡбразѣ совершенѣа частыхъ ради оуничженѣи, бжѣственный даръ преподѡбенѣ соблюдающе: мы же нынѣ немощи, лукавыя помыслы глаголемъ, и тѣлеснаѧ подстрекательства. Тогда во, понѣже ѡзвѣамъ смертоноснымъ, и различнымъ инымъ скорбемъ тѣлеса, иже на грѣхъ подвижающихся стѣихъ предавахса, вышше бѣхъ страстей, иже человеческомъ естествомъ ѡ грѣхѡ прившедшихъ: нынѣ же понѣже миръ церквамъ множитса ѡ гдѣ, тогѡ ради подобаетъ частыми подстрѣкательствы тѣлѣ, помыслы же лукавыми душамъ подвижниковъ благочестѣа искѣшатса: напаче же въ нихъже разумъ во всѧкомъ чувствѣ и извѣщенѣи дѣйствуетъ, да и всѧкагѡ тщеславіѧ и киченѣа кромѣ вѣдѣтъ: и возмѡгутъ вмѣстѣити въ сердца свои ѡкоже речеса, многимъ смиренѣемъ бжѣственнымъ доброты печатъ, по глаголющемъ прорѡкъ: Знаменаса на насъ свѣтъ лица твоегѡ гдѣ (Ѳал. д, з). Подобаетъ оубо со благодаренѣемъ терпѣти совѣтъ гдѣ: тогда во намъ вмѣстѡ вторѡгѡ мѣченѣа вмѣнитса, еже частыя недѣги, и ѡже къ бѣсовиднымъ помысламъ брань. Глаголай во тогда стѣимъ мѣченикомъ, беззаконными ѡными князи ѡрешиса хртѧ, возлюбѣти же житѣйскую славу, и нынѣ настоятъ собѡу рабѡмъ бжѣимъ, тажде непрестанно глагола. Иже тогда оумзвѣлай тѣлеса праведныхъ, и досаждѣай честнымъ оучителемъ, чрезъ

Кор. 12, 9). Сам же Апостол так хвалится, говоря: *я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова* (2 Кор. 12, 9). Так же и в Притчах написано: *кого любит Господь, того наказывает, бьет же всякого сына, которого принимает* (Притч. 3, 12). Апостол немощами называет восстания врагов Креста, которые часто тогда случались и с ним и со всеми святыми, чтоб не превозносились, как говорит он, *преизбытком откровений* (см. 2 Кор. 12, 7); но паче пребывали чрез смирение в образе совершенства, преподобно сохраняя божественный дар чрез частые унижения. Мы же немощами называем лукавые помыслы и телесные расстройства. Ибо тогда тела святых, подвизавшихся против греха, будучи предаваемы смертоносным уязвлениям и разным другим прискорбностям, были много выше страстей, чрез грех прившедших в естество человеческое; ныне, поелику мир церковей умножается ради Господа, должно, чтобы тело подвижников было испытываемо беспрестанными расстройствами, а души — лукавыми помыслами, особенно тех из них, у коих ведение сильно-действенно со всяким чувством и удостоверением, чтоб они и тщеславию с высокоумием не подпали, и могли, ради великого смирения, вместить, как я сказал, в сердца своих печать божественной красоты, по слову святого пророка: *отпечатлелся на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7). Подобае убо с благодарением претерпевать таковой о нас совет Господень; и тогда как болезни, так и борьба с демонскими помыслами вменится нам во второе мученичество. Ибо говоривший в те времена устами беззаконных начальников святым мученикам: *отрекитесь Христа и возлюбите славу века сего, то же и ныне сам говорит рабам Божиим; мучивший тогда тела праведных и крайне поносивший честных учителей чрез служивших дьявольским оным мудрованиям, он же и ныне наводит*

подвижникъ, на сѣ прїити: ѿце бо не ѡнагѡ nanoшєніемъ наказательныхъ страстей (мѡчєній скорбєй) искѡсительнѣ, а не нѡжданѣ, самовластное наше проумачитъ благодать: сегѡ оубѡ намъ не дарѡется богатство.

Ѹз. Иже настоѡцагѡ житїа сладострастнагѡ дрѡзи, ѡ пѡмыслѡ на согрѣшенїа прихѡдѡтъ: неразсѡднымъ бо нравомъ носїми, всѡ своѡ, сїрѣчь, страстныа мѡсли, во словеса беззакѡнныа и дѣла непреподѡбнаа любѡтъ преносїти: а иже пѡстническое начинающїи исправлѡти житїє, ѡ согрѣшенїи въ лѡкавыа пѡмыслы, илї въ лѡкавыа нѣкїа и пакѡстныа прихѡдѡтъ глаголы. Ице бо бѣсове таковыхъ вїдѡтъ ихъ, илї рѡгатїса дрѡгимъ имѡщихъ слѡдцѣ, илї праздна нѣкаа и безгѡднаа бесѣдѡющихъ, илї смѣющїхса, ѡкоже не подобѡетъ, илї гѡрацихса безмѣрнѡ, илї тѡїа и сѡетныа желѡющихъ славы, тогда на нїхъ єдинодѡшнѡ ѡполчѡются: славолюбїе бо напѡче ѡкѡ ѡбразѡ своеѡ ихъ слѡбы прїємлюще, тѡю ѡкѡ нѣкоєю скѡажїною темною вскочївшє, дѡшѡ расхищѡютъ. Потрѣба оубѡ хотѡщымъ сочетѡтїса множествѡ добродѣтелей, ниже славы желѡти, ниже многѡ глаголанїа, ниже иسخѡженїа частѡ имѣти, илї рѡгатїса нѣкїимъ, ице и достѡйни сѡтъ нарѡганїа рѡгаємїи, ниже многѡ бесѣдовати, ице и всѡ дѡбраа глаголати мѡгутъ: многослѡвїе бо безмѣрное расѣѡаетъ оумъ, не тѡчїю ко дѡхѡвному дѣланїю праздна тогѡ содѣлѡваетъ, но и оунїнїа бѣсѡ тогѡ предаѡтъ: иже єгѡ погрѡжѡа безмѣрнѣ, послѣдї же сѡщымъ печѡли и гнѣѡа прѡчее предаѡтъ бѣсовѡмъ. Подобѡетъ оубѡ прїснѡ въ храненїи заповѣдей стѡихъ оупражнѡти оумъ, и во глѡбѡцѣи пѡмѡти гѡа иїса славы: хранѡи бо, речє, заповѣди, не оувѣстѡ глаголѡ лѡкавѡ (Ѹккл. и, є), сїрѣчь во слѡїа пѡмыслы илї словеса

ходит однако ж до сего последнего подвижник не иначе, как прошедши чрез то первое всяким образом: ибо благодать не даст нам богатства второго, если наперед не умягчит произволения нашего испытаниями, чрез обучающее попущение приражения страстей, в период первого.

96. Любители удовольствий настоящего века от помыслов переходят к падениям. Носимы будучи безрассудным парением, они все почти свои страстные замыслы с вожделением выражают или в словах неподобных, или в делах незаконных. А решающиеся исправно вести подвижническую жизнь от падений переходят к злым помыслам, или к злым и вредоносным речам (от худых дел отстали, но еще остаются в области помыслов и речей недобрых). И бесы, если увидят таковых или вдающимися в пересуды и поношения, или ведущими пустые и неуместные беседы, или смеющимися, как не должно, или гневающимися безмерно, или вожделевающими тщетной и пустой славы, тотчас толпою нападают на них. Взяв в повод к своему злодейству тщеславие, и чрез него, как чрез дверь какую темную, вскочив, они расхищают души их. Подобает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого-либо, хотя бы кто и достоин был поношения, ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее; ибо многословие безмерно рассеивает ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и предает в руки беса уныния, который, мало-помалу расслабив его, передает потом его бесу безмерной печали, а наконец и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа. Ибо *хранящий заповеди*, говорит

НЕ ПРЕВРАТИТСА.

Чз. Егда съ теплою нѣкотою болѣзнію сѣрдца пріемлетъ стрѣлѣніа вѣсѡвскаа, ѿкъ мнѣти сѣа терпѣти стрѣлы рѣтѣмомѣ, ненавидитъ со трѣдѡмъ дѣша страсти: ѿкъ начинающаа ѡчищѣтиса: аще не поболитъ вельми ѡ безстѣдствѣ грѣхѡвнѣмъ, не возмѡжетъ возрадоватиса богѣтнѣ ѡ правдѣ благасти. Иже оубѡ хотѣи своѣ ѡчистити сѣрдце, пѣмѣтїю гдѣ іиса всегда раждизѣи тѡе, сѣе єдино побчєніе и дѣло непрестѣннѡ имѣи: не вѡ, когда оубѡ молитиса по добѣетъ, ѡвогда же ни, своѡ гнилость ѡвреци хотѣщымъ: но пріснѡ вѣ мѣтвѣ оупражнѣтиса во блудѣніи оума, аще и внѣ водворѣтсѣ нѣгдѣ молитвенныхъ храмѡвѣ. Иже ѡобразомъ иже хотѣи ѡчистити златѡ, аще и в малѣ ѡстѣвитъ ѡгнь оупразднитиса ѡ горнила, ѡжестѣнїе пѣки чистѣщєйсѣ вѣци творитъ: сїце и иже ѡвогда оубѡ воспоминѣи бѣа, ѡвогда же ни, и єже мнитсѣ стѣжѣти молитвою, сѣе побѣитъ праздностїю. Мужѡ во любодобродѣтельнѣ свойственно єсть, єже пріснѡ пѣмѣтїю вѣжїею земнѡе мѣдрѡванїе сѣрдца по треблѣти: да сїце поадѣемѣ слѡмѣ, ѡ ѡгна благагѡ пѣмѣти гдѣ іиса, дѣша совершєннѣ съ вѣщєшею слѣвою во своѡ естѣственнѡю възидетъ свѣтлостъ.

Чи. Безстрастїе єсть, не єже не боритсѣ ѡ вѣсѡвѣ, понѣже оубѡ дѡлжни єсмѣ изыти по апѡстолѣ ѡ мїра (ѣ Корін. Ѥ, і), но єже рѣтѣемымъ ѡ нїхъ, не преворїмымъ пребїти. Ибо желѣзноноснїи рѣтнїцы, стрѣлѣютсѣ оубѡ ѡ сопротивѡвѣрникѣ, и шѣмъ стрѣлѣніа слышатъ, но и сѣмыа на нїхъ посылаємыа стрѣлы всѣ іаснѡ вїдїтъ, не оуазвѣлѣютсѣ же рѣтнїческихъ рѣди ѡдѣждѣ тѣрдѡсти: но ѡнї оубѡ желѣзомъ храними

Писание, *не узнает лукавого слова* (лѡго) (Еккл. 8, 5) т. е. не уклонится к непотребным помыслам или словам.

97. Когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, — это знак, что душа стала рети-во ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не возмѡжет потом богато порадоваться и о благодѣтельности правды. После сего желающїи очистить сердце свое да разогревает его непрестѣнно пѣмѣтїю о Господѣ Иисусѣ, имѣя это одно предметом богомыслия и непрестѣннымъ духовнымъ деланїем. Ибо желающимъ сбросить с себя гнилость своѡ не такъ следуетъ вести себя, чтобъ иногда молиться, а иногда нетъ, но всегда должно упражняться в молитвѣ с блуденїемъ ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенныхъ домов. Ибо какъ взявшїися очистить золото, если хоть на короткое время оставитъ горнило безъ огня, делаетъ, что очищаємая руда опять ожестѣваетъ: такъ и тотъ, кто иногда пѣмѣтѣетъ о Богѣ, а иногда нетъ, что, кажется, прїобрѣтаетъ молитвою, тѡ терѣетъ прѣсеченїемъ ее. Но мужу, любителю добродѣтели, свойственно всегдашнѣю пѣмѣтїю о Богѣ по треблѣти земнѡсть сѣрдца, чтобъ такимъ образомъ при постепенномъ испаренїи худа подъ дѣйствиємъ огня благаго пѣмѣтованїя, душа с полною славою совершенно востекла к естѣственной своѣ светлѡзности.

98. Безстрастїе єсть не тѡ, чтобъ не бытѣ боримѡ от бесѡв, ибо в такомъ случѣе надлежѣло бы намъ, по Апостолу, *выйти из мїра* (1 Кор. 5, 10); но тѡ, чтобъ когда они борѣютъ насъ, пребывать не боримыми; подобно тому, какъ в латы облеченные воители и стрѣлѣнїю прѡтивниковъ подвергѣются, и слышатъ звукъ отъ летѣющихъ стрѣл, и вїдѣютъ даже самыя стрѣлы, на нїхъ испускаємыя, не уязвѣлемы однако жъ бывѣютъ ими по прїчїне тѣрдѡсти воинской одѣжды сво-

внѣгда брѣтисѧ, ѣже неповоримое имѣтъ, мы же стѣгнѣ свѣта оръжѣемъ, спасенїа шлемомъ, всѣхъ ради добрыхъ дѣлъ вооружшесѧ, темныя полки вѣсѣмъ разсѣемъ. Не бо, ѣже точїю не творити котомъ слаа, чистотѣ приноситъ: но прилѣжанїемъ добрыхъ, всею силою ѡринѣти слаа.

Чѣ. Ёгда оубо оустраитсѧ, сирѣчь, всѧ страсти побѣдитъ вѣжїи человекъ, два беса съ нимъ ѡстаютъ рѣтѣющесѧ, ѡ нїхъже оубо дѡшїи стѣжѣетъ, ѡ многогнѣ вѣлюбїа рвенїе безгѣдное приносѧ, ѣкѡ хотѣти емѣ всѣхъ превзыти оубожденїемъ вѣгови: оубо же тѣло въ похоть смѣшенїа тоа, оуогненнымъ нѣкоторымъ подвижетъ дѣйствомъ. Сїе же приключѣетсѧ тѣлѣ, первѣе оубо за ѣже естества быти сїа сласть свойственна, ѣкоже дѣторѣдїа ради, и сегѡ ради оубождѣемъ: прочее же и поощенїа ради вѣжїа, ёгда видитъ когѡ ѡ подвижныхъ гдѣ вельми гѡвзѣюща добродѣтелей множествомъ, поощѣетъ тогѡ нѣкогда ѡ таковѣгнѣ сквернїтисѧ беса, да всѣхъ живѣщихъ человекъ хѣдѣйша себѣ неощѣетъ: тѣмъже или послѣдетъ матѣжъ страстный исправленїемъ, или и предварѣетъ сїа когда, да приложенїемъ и наошенїемъ страсти, неключимѣю сотворитъ дѡшѣ мнѣтисѧ, ѣще и каковѣ велика вѣдѣтъ тоа исправленїа. Но оубо же, во смиренномъдрїи мнѡзѣ и любви, да рѣтѣемъ: оубо же, воздержанїемъ и безгнѣвїемъ, и глѣбѡкимъ помышленїемъ смѣрти: да непрестаннѡ ѡсѡдѣ, дѣйствїа разѡмѣвѣюще престѣгнѣ дѣа, вышше и сїхъ страстей вѣдемъ ѡ гдѣ.

ей. Но эти железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел — облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностью о добре вконец потребить в себе злое.

99. Когда человек Божий все почти победит в себе страсти, два беса остаются еще ратующими против него, из коих один душу томит, возбуждая его по великому боголюбию к непомерной ревности, так что он не хочет допустить, чтоб другой кто угодил Богу паче него, а другой — тело, возбуждая его огненным неким движением к похотению плотскому. Бывает же сие с телом во-первых потому, что такая сласть похотная свойственна естеству нашему, как вложенная в него чадородия ради, почему она и неудобь побеждаема; а потом и по попущению Божию. Ибо когда Господь увидит кого из подвижников слишком высоко восходящим в преумножении добродетелей; тогда попускает ему иной раз быть возмущаемым скверным бесом, чтоб он почитал себя худейшим всех живых людей. Такое нападение страсти сей иногда бывает после совершения добрых дел, а иногда прежде того, чтоб движение сей страсти, предшествует ли оно делам или последует, заставляло душу казаться пред собою непотребнейшею, как бы ни были велики совершенные его дела. — Но против первого [беса, чрезмерную ревность возбуждающего,] будем бороться усугублением смирения и любви, а против второго [беса похоти плотской] — воздержанием, безгневием и углубленною памятью о смерти, чтоб чрез это, чувствуя в себе непрестанно действо Святого Духа, соделаться нам в Господе высшими и этих страстей.

р̄. Ёлицы ст̄агѡ разѡма вывѡемъ причастницы, и ѡ невольныхъ пареніихъ ѡвѣтъ воздамы: рече бо ѡвѣ, назнаменовашъ бо, что и неволью престѣпихъ, и во правдѣ. Яще бо не бы престалъ кто еже приснѡ воспоминати бѣга, и стѣимъ егѡ не не прилѣжати заповѣдемъ: не бы оубо или вольномъ или невольномъ подпадалъ согрѣшенію. Подобаетъ оубо авѣ и ѡ невольныхъ прегрѣшеніихъ исповѣданіе съ крѣпостію приносити бѣгови, сирѣчь ѡ совершеніи ѡбычнагѡ правила. Не возможно бо есть человекъ същѣ, не согрѣшати человекѣскаа, дондеже извѣститъса совѣсть наша во слезахъ любви ѡ сихъ ѡставленіе: яще бо, рече, исповѣдемъ согрѣшеніа наша, вѣренъ есть и праведенъ, да ѡставитъ намъ ст̄а, и ѡчиститъ насъ ѡ всакиа неправды (а Іѡан. а, б). Внимати же подобаетъ неоскъднѣ разѡмъ исповѣданіа, да не какъ оубо совѣсть наша ѡ себѣ лжетъ, нещевавши довольно быти исповѣдатиса бѣгови: якъ многѡ больши есть вжій съдъ паче нашеа совѣсти, яще и ничесѡже себѣ кто во всемъ вѣсть извѣщеніи, якоже мудрый насъ павелъ оучитъ глагола: но ничесѡже себѣ съждѣ: ничтоже бо себѣ свѣмъ, но ни ѡ семъ ѡправдаюса: съдѡи ма, есть бѣ (а Кор. д, д). Яще бо несовершеннѣ и ѡ тѣхъ исповѣмыса, боазнь нѣкѡю невлѣннѣ во времяа исхода нашегѡ ѡ нихъ ѡбращемъ. Потрѣба же намъ молитиса любящимъ гда, кромѣ всакагѡ страха тогда ѡбратиса: яже бо во страстѣ ѡбратѡмиса тогда, свободнымъ ѡбразомъ тартарскіа князи не прѣдетъ, якъ бо споспѣшника имѣтъ своей злобѣ, ѡнѡю дѡшѣ яже боазнь имѣши. А яже въ любви вжїей радѡющиса дѡша, въ часъ разлченіа ѡ тѣлесѣ вышше всѣхъ темныхъ ѡполченій, со агглы міра носитса: воскрилетса бо якъ крилами дѡхѡвною любовію, якъ неоскъднѣ

100. Те из нас, которые соделались участниками святого ведения, всеконечно должны будут дать отчет и во всех невольных парениях ума, как говорит Иов: *Ты отметил то, что я невольно преступил* (Иов. 14, 17), и справедливо. Ибо если кто будет всегда занят памятованием о Боге и не будет небрежъ о святых Его заповедях, тот ни в невольный, ни в вольный грех не впадет. Надлежит убо нам тотчас и о невольных падениях сокрушенное исповедание приносить Владыке, прилагая его к совершению обычного нашего молитвенного правила. Так как человеку нельзя не падать в человеческие погрешения, (то и следует всегда исповедание о них приносить Владыке), пока совесть в слезах любви не удостоверится в прощении их: ибо, как говорит св. Иоанн: *если исповедую ем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды* (1 Ин. 1, 9). Почему надобно непрестанно внимать чувству сокрушенного исповедания (питать сие чувство), чтоб совесть наша как-нибудь не обманула себя, подумав, что уже довольно сокрушалась и исповедовалась Богу. Ибо Суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не знал за собою худого с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел, говоря: *но и сам не сужу о себе; ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь* (1 Кор. 4, 3–4). Если же мы не будем достолично и об этих [невольных и неведомых] грехах исповедоваться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху: ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть. Обрадованная же любовь Божию душа в час разрешения от тела с Ангелами

носѣщи исполненіе законное любовь: темже и во пришествіе гдѣне со всѣми стѣми, иже съ таковымъ дерзновеніемъ исходящии ѿ житіа сегѡ, восхитатса. И иже аще и малѡ боащеса во время смѣрти, во множествѣ всѣхъ иныхъ человекъ ѡставляются, іакоже подъ сѡдомъ сѡще: да на сѡдѣ искусившеса, по ихъ дѣланію, дѡлжный имъ пріймѡтъ жребій, ѿ благѡгѡ бга и црѣа нашегѡ іиса хрѣта іакѡ тѡй єсть бгѡ правды, и тогѡ єсть на насъ любящихъ єгѡ богатство благости царствіа єгѡ во вѣкѣ, и во вѣки вѣкѡвъ, аминь.

мира несется выше всехъ темныхъ полчищ, потому что такая душа некако окрылена бываетъ духовною любовью, имея в сей любви полное безъ всякаго недостатка исполнение закона. Почему исходящие из сей жизни с такимъ дерзновениемъ и во второе пришествие Господне восхитены будутъ со всеми святыми. Те же, которые во время смѣрти хотя мало поражаемы бываютъ страхомъ, будутъ оставлены тогда в толпе всехъ другихъ людей, какъ состоящие подъ судомъ, чтобъ, испытаны бывъ огнемъ суда, дѡлжный имъ по деламъ ихъ уделъ получили они отъ благого Бога нашего и Царя Иисуса Христа. Ибо Онъ єсть Богъ правды, и Его єсть на насъ любящихъ Его богатство благъ Царствія Его, в вѣкъ и во все вѣки вековъ. Аминь.

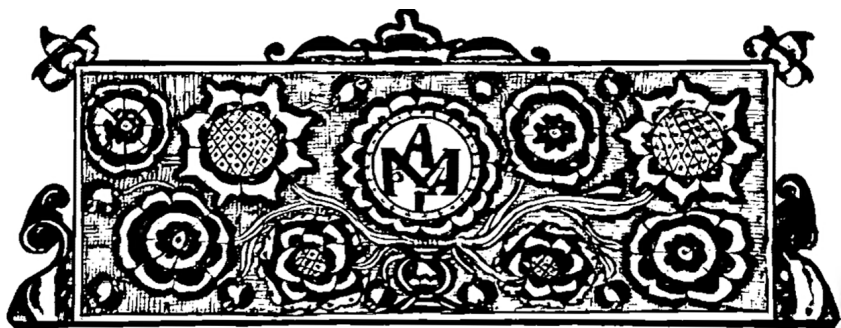
* * *

Св. Максима истолкование, по вопросу некихъ, слѣдующихъ словъ настоящей сотой главы: «чтобъ испытаны бывъ огнемъ суда...» и проч.: «Стяжавшіе совершенную любовь к Богу и крылья души чрезъ добродетели соделавшіе легко парительными, восхищаются, по Апостолу, на облакахъ, и на судъ не приходятъ; не достигшіе же такого совершенства, и при делахъ добрыхъ не чуждые и греховъ, эти приходятъ в судилище суда, и тамъ чрезъ исследование ихъ добрыхъ и худыхъ делъ, какъ бы огнемъ испытуются; если чаша добрыхъ делъ перетянетъ, они избавляются отъ наказания».

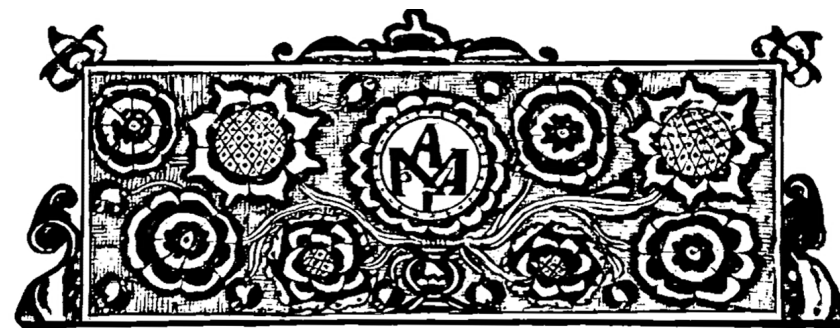
Никита Стифат

ПОВѢСТЬ ВКРАТЦѢ Ѡ ЖИТІИ ПРЕДОБНАГО
НИКИТЫ СТИФАТА

Никита, преподобнѣйшій пресвѣтеръ студійскіа обители, ѣже и стидатъ нарицаемый, бѣ въ лѣто ѡ ржтвѣ хртѡва тысаца трѣхъ сотое, оученикъ сый сѣмѡна новаго бгослова ближайшъ. ѡ негѡже многымъ наученъ бѣ дхѡвнаго любомѡдріа таинственнымъ оученіамъ, и толикѡ тогѡ подража добродѣтелямъ, ѣкѡ дрѡгомѡ воистиннѡ іавитиса оучителя солнца, всѣми, ѣкѡ да речѣмъ, лчезарными преломленіи тогѡ дарѡвъ и поченій въ дшѣ егѡ возсіавшъ. Оу негѡжде труды нештоимыми въ бжественныхъ любомѡдрствѣ писаніахъ, премнѡгамъ и изрѣднѣйшамъ мнѣніа собравъ, сѣтъ же ѣже и искѡсомъ и блаженнымъ ревнованіемъ не тѡчю изѡчивъ, но и ѡцѣтивъ тѡ, и ѣкѡ сѡщій бжественныхъ и преестественныхъ мыслей своіа рѡзумъ ѡ всѣхъ сіихъ содѣлавъ: высѡкамъ и премѡдрѣйшамъ твореніа іави, ѣкѡ мѡчно сѡдѣити хотѣшымъ изъ предлежащихъ трѣхъ сотницъ егѡ. Иже извѣстно правило дѣаніа и жизни бглюбѣзнѣйшіа совершеніе, и соборнѣ рещи, хранилище богатѣйшее нравѡченіа, и иносказателна ѡбразѡ нарекіи ктѡ, всю речѣтъ истинѡ. Такѡ бо сѣтъ высѡки мыслами: такоже великосказатѣ-

Преподобный Никита Стифат
Краткое сведение о нем

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, называемый Стифат, жил около 1030 года от Рождества Христова; он был истиннейший (γνήσιος) ученик св. Симеона Нового Богослова. От него же был научен многим таинственным учениям (μαθήματα) духовного любомудрия, и в такой мере подражал его добродетелям, что кажется, воистину, являлся еще одним солнцем рядом со своим учителем, отражающем в душе своей все лучезарные преломления благодатных даров его и учений. — Потом [и сам по себе,] с неусыпными трудами, углубляясь в Божественные Писания, собирал многочисленные и изысканные значения из них, иное же и делом испытал и пережив, собрал он премножество прекраснейших воззрений на порядки духовной жизни, и сделав чрез все сие ум свой как бы чреватым божественных и преестественных созерцаний, породил высокие и премудрые изречения, как желающим можно удостовериться из предлагаемых трех сотниц их; которые, если кто назовет точным правилом деятельной жизни, руководством к непогрешительному ведению, — зеркалом совершенства богоподобной жизни, одним словом, богатейшей сокровищницей нравственных уроков и умозрительных идей, тот скажет о них

льны благорѣчїемъ словесъ, ꙗкѡ сумнѣннѣ быти, ꙗ
сѣцагѡ ли въ нихъ смысла, или ꙗ лѣпоты реченїе то-
ликѣ веселїю раждатисѡ въ душѣ чтѣцагѡ.

настоящую истину. Они, как высоки по мыслям, так бла-
голепны и по красоте выражений, так что недоумеваешь,
мысль ли в них заключающаяся, или красота изложения
такое услаждение вливают в душу читающих.

Смнрѣннагѡ нѣкиты монаха и пресвѣтера
святѣйшаго обители студийскаго,
оученика сумѣна нѡбагѡ бгослова.

Перваа дѣятельныхъ главъ сотница.

Четыре нещю вины быти въ трѣхъ совершеннѣхъ добродѣтелей, подвижцаа ко еже писати полѣзнаа, нынѣ среднее начала превозникшагѡ, и къ трѣхъ таинственнагѡ достигшагѡ бгослова. И первую оубо быти свобода, само то глаголю безстрастїе души ѡ приболѣзненна дѣлїа на естественное предспѣвшее видѣнїе твари, и во мракъ бгослова вшедшее ѡнѡдѡ. Вторю же, ѡже ѡ слезъ и молитвы оума чистотѡ: ѡ негѡже слово раждаетса благодати, и струи истекаютъ разумѣнїи. Третю, еже въ насъ стѣа трѣцы вселенїе: ѡ негѡже свѣтолитїа дѡа на польза въ коемждо ѡчищаемыхъ бывающаа, ѡвленїе таинъ царствїа небснагѡ, и ѡкровенїе сокровенныхъ въ души сокровищъ вжїихъ. Четвертю, належашю нѡждѡ всакомѡ прѣемшемѡ талантъ слова разума, преценїа вжїа, лѡкавыи рабе, глаголющагѡ, и лѣнївыи, подобаше тебѣ вдати сребро мое торжникомъ: и азъ пришедъ, истязалъ быхъ свое съ лихвою (Матѡ. кѡ, кс. кз). егѡже ради оубо и давидъ паче боаса, глаголаше: Се оустнамъ моимъ не возбраню: гди, ты разумѣлъ еси. Правда твою не скрїхъ въ сердце моемъ, истинѡ твою и спасенїе твоѡ рѣхъ, не скрїхъ милость твою и истинѡ твою ѡ сонма многа (Псал. лѡ, і и вї).

Никиты преподобного монаха и пресвитера
святейшей обители Студийской, —

деятельных глав сотница первая

Четыре, полагаю, есть причины, побуждающие писать о душеспасительных вещах. Первая есть свобода, самое, разумею, бесстрастие души, через притрудное делание достигшее до естественного созерцания творения и оттоле вступившее в мрак богословия. Вторая, слезами и молитвою производимая, чистота ума, от коей рождается слово благодатное, и источаются струи спасительных разумений. Третья — вселение в нас Святой Троицы, от коей исходит светолитие Духа на пользу всякому из очищаемых, для проявления таин Царствия Небесного и откровения сокрытых в душе сокровищ Божиих. Четвертая — лежащий на каждом получившем талант *слово знания* (1 Кор. 12, 8) долг, по смыслу угрозы Божией, гласящей: *лукавый раб и ленивый... надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью* (Мф. 25, 26–27); по каковой причине, конечно, и Давид говорил: *вот, устам моим не возбраню. Ты, Господи, знаешь. Правды Твоей я не скрывал в сердце моем, истину Твою и спасение Твое я возвещал, не скрывал милости Твоей и истины Твоей от великого собрания* (Пс. 39, 10, 11).

В. Начáло ѣже по вѣѣ житїа, совершѣнно мїра вѣгст-
во: сѣ же ѣсть ѿверженїе волей дѹши, и перстнагѡ мѹд-
рованїа преложѣнїе. Имже на вѣжественное восходѹще
мѹдрованїе, дѹховни ѿ плотскїхъ бываемъ: оумерщвл-
аеми оубѡ плоти и мїрови, животворїми же дѹшею и
дѡмъ ѡ хрїтѣ.

Г. Вѣдѣнїе дѹши ѡ вѣѣ не лѡжно, и вѣра завѣща-
тельна, презрѣнїемъ вїдимыхъ, и дѣанїе добродѣте-
лей, самолюбїа всакагѡ ѿлѹченнѡ, треплетѣна, по соло-
монѹ, вервь (Екклес. 4, 12), їаже скорѡ не растѡргнетса
ѡ дѹхѡвъ лѹкавствїа.

Д. Вѣрою возмѣдїа трѹдѡвъ воспрїати оуповаемъ:
тѣмже и терпимъ трѹды оудѡбнѣ добродѣтелей, ѡ
вѣжественнагѡ їзвѣствѹеми дѡа любовїю воскрилаемса
къ вгѹ.

Е. Не ѣгда ѡ пѡмыслѣ стѹжаѣми ѣсмы нечїстыхъ,
оужѣ и дѣїствѹющихъ злаа, чїсти бываемъ. Но ѣгда ѡ
крѣпости своеа ѡслабѣвши дѹша, и оумъ ѡ вознера-
дѣнна и невоздѣрна пребыванїа, смѹщенна їмѣти бѹ-
детъ и сѣновна мечтанїа, и трѹды добродѣтели лѣнос-
тїю прилѣжанїа и молитвы прїѡскѹдѣютъ: тогда и не
дѣѹци злаа, въ странѣ въ сластѣхъ волею бладова-
лѹющихса вчинїмса.

Ж. Разрѣшеннымъ же бѡвшымъ вроздѡмъ влады-
чественнѣйшихъ чѹствѣ, ѡбїе и страстѣй востанїе бы-
ваѣтъ, и раболѣпнѣйшихъ чѹствѣ двїжетса дѣїство:
ѡвѣче бо нѣкакѡ сїхъ везсловѣсїе, воздержанїа разрѣ-
шївшоса оужѣ, къ винамъ прилагатиса страстѣй, и
їакоже въ смѣртныхъ въ тѣхъ пастїса пажитѣхъ, и то-
ликѡ паче, ѣлікѡ и ѡслабѣнїе коснїтельнѣе прѡмѡзѣт-
са: не вѡ терпїтъ, на нѡже ѣстѣственнѣ їмать похѡтѣ-
нїе, разрѣшївшоса вроздѣ, прїѡвщѣнїе ѡразїти.

2. Начало жизни по Богу — всецелое удаление от
мїра. Удаление же сие есть отвержение пожеланий души
и отменение земного мудрования: вследствие чего, восте-
кая к Божественному мудрованию, соделываемся мы из
плотскихъ духовными, умерщвляемы бывая плоти и мїру,
оживотворяемы же в душе, во Христе и Духе.

3. Ведение о Боге неложное, вера глубоко внедренная,
при презрении всего видимого, и добродетельное дейст-
вованіе, чуждое самолюбия — се треплетная *вервь*, кото-
рая, по Соломону, *не скоро порвется* (Еккл. 4, 12) от ду-
ховъ лукавствїа.

4. Верою чаем получить воздаянїа за труды; потому
легко переносим труды добродѣлїа. Духом же Святым
будучи в сем удостоверяемы, любовїю воспаряем к Богу.

5. Не тогда, как терпим прираженїа нечїстыхъ помы-
словъ, бываем мы уже принадлежащими и к части техъ, кои
делаютъ непотребное. Но тогда, по ослабленїи в душе
усилїй ревности о добромъ, и умъ, вследствие небрежного
и беспорядочного поведенїа, начнетъ вращаться в смути-
тельныхъ и омрачительныхъ воображенїахъ, и труды по
добродѣтели, при лености к богомыслию и молитве, пре-
станутъ. Тогда, и не дѣлая непотребного, числимся мы на
стороне произвольно валяющихся в блатѣ нечїстыхъ сла-
стей.

6. Когда ослабнутъ бразды владычественнѣйшихъ (выс-
шихъ) чѹствѣ, тогда тотчасъ поднимается восстанїе стра-
стей и приходитъ в двїженїе действо раболепнѣйшихъ
(низшихъ) чѹствѣ. Ибо обычно неразумнымъ симъ (чѹствѣ-
вамъ), разрешась отъ узъ воздержанїа (или удержанїа и
обузданїа), бросаться на предметы страстей и пастись на
нихъ, какъ на смертоносныхъ пажитяхъ, и это темъ ненасытнее,
чемъ долее продолжается услажденїе ими; потому что не
могутъ, когда свободны отъ узъ, удерживаться отъ вкушенїа
того, к чему естественное имеютъ стремленїе.

з. ѿ чѹствъ ѡва оубо ихъ словесна сѹть, зрѣнїе, слѹхъ, и инѹхъ любуудрѣйша же и владычественнѣйша: ѡва же безсловесна и скѹтна, вкусь, ѡбонанїе, ѡсзанїе, къ послѹженїю словесныхъ: зрїмъ бо перѣе и слышимъ, и такъ слѡвомъ движимса, прикасаемса же предлежащагъ: и ѡбонанюще вкушенїю даемъ. Тѣмже и двою скѹтнѣйша сѹть три, и явственнѣ раболѣпнѣйша. Ѿ нихъже ѿ паственныхъ и свѣрѣй чревонеистовнѣйшаа и сочетательнѣйшаа трѣдѣтса паче: чрезъ весь бо дѣнь и ноць, или пици несѣтнѣ насыщеваютса, или къ сочетанїемъ оустремляютса.

и. Иже дѣйствиа внѣшнихъ чѹствъ ко внутренимъ преложивымъ чѹствамъ, и зрѣнїе оубо, ко оумѹ зрацѣмъ свѣтъ животѹ прострый, слѹхъ же, къ разумѹ дѹши, вкусь же, къ разсѹжденїю словесѹ, ѡбонанїе же къ мысли оума, ѡсзанїе же, къ сердечной предвїгнѹвыи бѡдрости: аггльскѹ жизнь на землї совершаеть, человекъ оубо человекѹмъ и сый и видимъ: аггль же аггльмъ спрѣываа и разсмѣваемъ.

ѡ. Видящимъ оубо оумомъ свѣтъ бжественнаа жизни, сокровенныхъ таинъ бжїихъ разумъ прїемлемъ: разумомъ же дѹши, восхожденїа въ сердце помыслъ располагаемъ съ вѣдѣнїемъ, различающе ѿ лѹчшихъ горшым, разсѹжденїемъ же слѡва, виды разумѣнїи вкушаемъ. И таже оубо ѿ горькаа израстающаа корене, или претвораемъ на сладкое изваренїе дѹши, или всѹчески ѿмѣщаемъ, сѹщымъ же ѿ выліа прилична и слачна прїемлемъ: всѹко разумѣнїе плѣнающе въ послѹшанїе хрѣтово. Мыслїю же оума, мысленное мїрѹ дѹховнаа благодати ѡбонанемъ, веселїа и радѡванїа сердечнагѹ исполнающеся. Бѡдымъ же сердцемъ, ѡрошающагѹ свѣше дѹха пламень желанїа насъ добрыхъ, или согрѣвающагѹ

7. Из чувств одни, — именно зрение и слух, — словесны суть и паче других любомудреннейши и владычественнейши; а другие, — именно вкус, обоняние и осязание, — бессловесны и животны, назначенные служить словесным. Ибо сначала видим и слышим, а потом, движимые помышлением, осязаем предлежащий предмет и по обонянии предаем вкусу. Таким образом три последние чувства более скотны и беспрекословнее раболепны, чем два первые; и преимущественно над удовлетворением их трудятся те из скотов и зверей, которые более чревонеистовы и более похотливы, день и ночь или пищею ненасытно себя наполняли, или неудержимо ища соития.

8. Кто действия внешних чувств переменяет к чувствам внутренним: зрение — устремлением ума к зрению света животного (т. е. уму, видящему свет жизни), слух — вниманием душевным, вкус — разумным рассуждением, обоняние — умным постижением (ощущением, чувством), осязание — бодренным трезвением сердечным, тот ангельскую на земле проводит жизнь; для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом.

9. Умом, зрящим свет божественной жизни, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникновение) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых); разумным рассуждением, как вкусом, распознаем виды разумений, и те, которые произрастают из горького корня, или преобразуем в сладкую для души пищу, или совсем отбрасываем, а которые от былий добрых и злых оградяются, те приемлем, *беря в плен всякое помышление в послушание (для покорения) Христу* (2 Кор. 10, 5); умным постижением обоняем мысленное миро благодати Духа, исполняясь веселием и радованием сердечным; бодренным трезвением сердца благоумно ощу-

и́зстѣдѣвшыѣсѣ сѣлы нѣшѣ хлѣдомъ страстѣй, благо-
рѣзумнѣ ѡщѣщаѣмъ.

Г. И́коже тѣлесѣ нѣшемъ чѣства сѣтъ пѣтъ: зрѣнїе, слѣхъ, вкѣсъ, ѡбонѣнїе, ѡсмѣзнїе: тѣкъ и́ дѣшѣ по то-
мѣжде числѣ пѣтъ чѣствѣ сѣтъ: о́умъ, слѣво, чѣство
о́умно, рѣзумъ, и́ вѣжество: вѣ три же вѣ дѣшѣ дѣйст-
ва сѣѣ собираютсѣ: во о́умъ, вѣ слѣво, вѣ чѣство. И́
о́умомъ о́убѣ размыслѣнїѣ, слѣвомъ же сказѣнїѣ, чѣ-
ствомъ же мечтѣнїѣ бжѣственнагѣ вѣжества и́ рѣзума
прѣемлемъ.

дг. И́же о́умъ и́мѣй размыслѣнїѣ помыслѣвѣ благо-
разсѣждающѣ, и́ бжѣственнаѣ разумѣнїѣ чѣстѣ прѣем-
лющѣ, слѣво же и́столкѣющѣ е́стѣственнаѣ движѣнїѣ
вѣдимагѣ всегѣ создѣнїѣ, вѣнѣ сѣрѣчь сѣщицѣ о́умѣ-
нѣющѣ, о́умное же чѣство, по́дѣмлющее небѣснаѣ пре-
мѣдрости и́ рѣзума вѣжество, ѡсѣѣннѣи солнѣ правды,
всѣко прѣшѣдѣ чѣство, во ѣже пѣче чѣства достѣже, и́
невѣдимыцѣ наслаждаѣтсѣ слѣдѣсти.

вѣ. Начѣльнѣйшыѣ сѣлы о́ума сѣтъ четѣре: рѣзумъ,
ѡстроумїе, постѣзнѣнїе, и́ твердомыслїе. И́же во сѣмъ
присовокѣпѣнѣй пѣрвѣйшыѣ дѣши добродѣтели, и́ рѣ-
зумъ о́убѣ о́ума цѣломѣдрїе дѣши приложѣнѣй, ѡстро-
умїю же мѣдрѣсть, постѣзнѣнїю же правдѣ: твердо-
мыслїю же мѣжество соединѣнѣй, колѣсницѣ пламеннѣ и́
неботѣчнѣ сѣбѣ сѣгѣвѣ составѣ, на три пѣрвѣйшаѣ
начѣла и́ сѣлы ѡполчѣнїѣ страстѣй: сребролюбїѣ, сла-
столюбїѣ, и́ славолюбїѣ.

щаем, как свыше Дух орошает пламень наших добрых
вожделений или согревает наши душевные (ψυχικές) си-
лы, замороженные от холода страстей.

10. Так же, как у тела есть пять чувств – зрение, слух,
вкус, обоняние и осязание, соответственно так же и в ду-
ше пять чувств: ум (νοῦ), разум (λογικό), разумное чувст-
во, знание (γνώση) и наука (ἐπιστήμη). Пять чувств объе-
динены в три действия души: ум (νοῦ), разум (λογικό) и ра-
зумное чувство (νοερή αἴσθησις). С помощью ума мы раз-
мышляем (διανοήματα), с помощью разума истолковыва-
ем (ερμηνείες), а с помощью разумного чувства мы при-
нимаем фантазии (φαντασίες) божественной науки и зна-
ния (γνώσεως).

11. Имеющий ум может размышлять благоразумно, и
будучи чистым [умом] принимать божественные смыслы
(νοήματα); разум (λογικό) может истолковывать естест-
венные движения всего видимого творения, то есть может
ясно объяснить причины существования вещей; разумное
чувство может воспринимать науку (ἐπιστήμη) небесной
мудрости и знания (γνώσεως), осияваемое лучами Солнца
Правды. Всякий превосходящий [внешнее] чувство дос-
тигает того, что лежит за его пределами, наслаждаясь
сладостью невидимых вещей.

12. Главных (роднейших, основных) сил ума четыре:
понятливость (σύνεσις), пронизательность {зоркость ума}
(οξύνοια), восприимчивость (αντίληψις) и твердость ума
{мастерство, ловкость} (ἐπιδεξιότητα). Если к ним присо-
вокупить четыре главные добродетели души, связывая
целомудрие — с понятливостью ума, рассудительность
— с его пронизательностью, справедливость — с его
восприимчивостью и мужество — с его твердостью ума
{мастерством}; то можно построить пламенную и небес-
нотекущую (οὐρανοπόρο) двоякую колесницу, для борьбы
с тремя главными началами и силами (δυνάμεων) опол-

Гі. Иже сребролюбїе постиженїемъ законныа правды, ѿже єсть къ тождеродномъ милостивно состраданиѣ, побѣдївый, сластолюбїе же, благоразумнымъ цѣломудрїемъ, ѣже єсть ѡбдержительное воздержанїе, ѡдолбвыи, славолюбїе же ѡстроумїемъ и мудростїю, ѣже єсть благоразумное разсужденїе бжественныхъ и человекскихъ вещей, ѿкъ немоцнѣйшее потребївый, и красными ногами ѿкъ перстно сїе, и ничесомже достойно поправїый, перстное мудрованїе ѡдолб плоти, и толїкъ, ѿкъ законъ дѡха жїзни преложїти тѡ, и закона мѣчїтельствующїа плоти, свободнѡ содѣлати и рецїи: Благодарю бга, ѿкъ законъ дѡха жїзни свободїлъ мѣ єсть ѡ закона рабѡты смѣрти (Рїмл. 3, кѣ. Рїмл. и, в).

Ді. Иже слава человекскѡ ѿкъ сѡщѡ, никакоже сѡщѡ оусвоааи, и сластолюбїе несытства ради дѡши ѡбемлаи, и сребролюбїа лихонмства ради держайса, илї бѣсовственъ мнѣнїемъ и гордынею сотвораетса, илї скѡтенъ сластми чрева и подчревныхъ содѣловаетса, илї свѣрственъ бываєтъ ближнимъ, лихонмственнымъ и безчеловѣчнымъ сребролюбїемъ. ѡпадаа оубѡ ѡ ѿже къ бгѡ вѣры, за ѣже прїимати слава ѡ человекъ по словесї гдню, и оуклонѡса ѡ цѣломудрїа и чистоты, за ѣже возжигати несытствомъ подчревнаа, и безчїннымъ покарѡтїса стремленїемъ, и оуклонѡса ѡ любвѣ, за ѣже єдиноомъ себѣ хранїти и не даати пѣнази трѣбующымъ ближнимъ. И такъ многообразенъ нѣкїи свѣрь ѡ многихъ сложѣныхъ самѣмъ себѣ сопротивныхъ таковїи видїмъ єсть, бгѡ и человекымъ и скѡтѡмъ непримирїтеленъ.

чающихся страстей: сребролюбїем, сластолюбїем и славолюбїем.

13. Тот, кто победил сребролюбїе восприимчивостью закона правды (έννομη δικαιοσύνη), которая есть милостыня и сострадание к ближнему; победил сластолюбїе благоразумным целомудрием, которое есть тщательное воздержание; и одолел славолюбїе пронїцательностью (прозорливостью) и мудростью (φρόνηση), которая есть ни что иное, как различение вещей человеческих и Божественных,] попирая любовь к славе ногами, как ничего незначащую и бесполезную, одолевая перстное мудрование плоти. [Тот] после того, как закон Духа жизни возобладает над внешним законом плоти, сделавши [его] свободным, может сказать: Благодарю (Ευχαριστώ) Бога, что закон Духа жизни освободил меня от закона рабства (δουλεία) и смерти (ср. Рим. 8, 2. Рим. 7, 25).

14. Кто славы человеческой, которая ничтоже есть, ищет, как бы она чего-либо стоила, сластолюбїе лобызает с душевною ненасытїем и любоименно предается сребролюбїю; тот или в демона превращается чрез высокоумїе и гордыню, или скѡтам уподобляется чрез порабощение похотям чрева и подчревныхъ частей, или зверем для ближних делается чрез ненасытїем и бесчеловечное сребролюбїе. Ибо таковїи, по слову Господню, отпадает от веры в Бога, потому что славу от человекѡ приемлет (см. Ин. 5:44), — отвращается от целомудрїа и чистоты, потому что ненасытно услаждается жжением подчревныхъ частей и подчиняется срамным их влеченїам, — отторгается от любви, потому что об одном себе печется, ближним же нуждающимся ничего не уделяет из своих имений: чрез что все является чудовїщем неким, из многих противоположностей сложївшимся, и враждебным и Богу, и людем, и скѡтам.

Ѹі. И́рость и́ желáніе и́ словѣство о́ума, ꙗ́ще о́убо по е́стествѹ въ себѣ стоáтъ и́ двíжѹтса, всегѡ бж́ественна нѣкоего и́ бгѡвídна челоуѣка содѣловаю́тъ, здраву сирѣчь двíжима, и́ ника́колюбо ѿ е́стестве́ннагѡ стоáніа о́укло́наю́щася. ꙗ́ще ли же протíвъ е́стества ѿ подѡбнагѡ превратáтса, и́ ѿ своегѡ ѿдвíгнѹтса е́стества́ многообразна нѣкоегѡ сегѡ (челоуѣка), ꙗ́коже рече́са, и́ ѿ мно́гихъ самѣхъ себѣ сопроти́вляю́щихса сло́женна показꙋю́тъ.

Ѹі. И́рость, междопрѣдѣліе е́сть желáніа и́ словѣства дꙋши, ꙗ́коже о́рꙋжіе коу́ждо сꙋщи во ѣ́же протíвъ е́стества́ и́ли и́ по е́стествѹ двíженіи́ своѣмъ. Двíжимꙋ во желáнію и́ словѣствѹ по е́стествѹ на бж́ественнаа, о́рꙋжіе е́сть ꙗ́рость коу́ждо прáвды на е́дінаго свирѣпѣю́щаго и́ налогствѹю́щаго тѣмъ смíа прича́щеніе сластѣй плѡти, и́ славы челоуѣческіа насла́деніе: прѣвраща́ющимъ же ѿ ѣ́же по е́стествѹ двíженіа, и́ прѣлага́ющимъ во ѣ́же протíвъ е́стества́ силꙋ, и́ ѿ о́упра́дненіа ѡ́ бж́ественныхъ вещьхъ на челоуѣческаа преносíмымъ: о́рꙋжіе е́сть неправды въ грѣхъ, то́ю рáтꙋю́чимъ и́ напада́ющимъ на воспáціаю́щыа стремлѣніа и́ похотѣніа и́хъ. И́кѡ ѿсюдꙋ и́ли дѣлательнꙋ и́ зрительнꙋ и́ бгѡсловѣснѣйшꙋ показáтиса челоуѣкꙋ томꙋ, посре́дѣ цѣ́ркве вѣ́рныхъ, по е́стествѹ двíжимꙋ, и́ли скѡтнꙋ и́ свѣ́рственнꙋ и́ вѣ́совственнꙋ, во ѣ́же протíвъ е́стества́ прѣлага́ющꙋса.

Ѹі. ꙗ́ще ктѡ не пѣрвѣе сíлы дꙋши своеа́ приволѣ́зненнымъ пока́ніемъ и́ крѣ́пкимъ прилѣжа́ніемъ такоуы ѡ́братíвъ совершíтъ, ꙗ́ковы на́мъ ѿ нача́ла даде́ бгъ, а́дама созда́въ, и́ ды́ханіе жи́зни вдꙋ́нꙋвъ во́нь: ниже́ себѣ познáти возмѡжетъ когда́, ниже́ по́мысла самоде́ржца страстѣмъ, безъ кичѣніа, не любопы́тна, не

15. Гнев, вожделение и разумная сила ума, когда в естественном своем чине стоят и действуют; тогда соделывают человека всего божественным некако и боговидным, всегда здраво действующим и отнюдь не уклоняющимся от естественного ему ступания. Когда же они в противность естеству уклоняются от надлежащего образа действия и принимают движения (или направления), несвойственные их естеству, тогда являют его, как сказано, чудовищем неким, из многих противоположностей сложившимся.

16. Гнев стоит в междупределии вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли они действуют, или противоестественно. Когда вожделительная и разумная сила души действует по естеству, направляясь к вещам божественным, тогда гнев для каждой из них служит оружием правды против злобного змия, нашептывающего им и предлагающего вкусить от сластей плоти и утешиться славою человеческою. Когда же они уклоняются от естественного им движения и обращаются к противоестественному, и свой труд и занятия от божественных вещей переносят на человеческие, тогда он служит для них оружием неправды, которым они борются и воюют со всеми, кто полагает им преграду в их похотениях и стремлениях, так что человек в среде церкви верных, является или деятельным, созерцательным и богословствующим, когда действует по естеству, или скотным, зверонравным и демоноподобным, когда уклоняется к тому, что противоестественно.

17. Если кто прежде душевных своих сил болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит и не сделает такими, какими в начале дал их нам Бог, когда, создав Адама, вдунул в него дыхание жизни: то ни самого себя познать не может когда-либо, ни стяжать помысл владычественный над страстями, не кичливый, не пытли-

лѣкавна, прѣста, смиренномудра, зависти и клеветы чужда, стажати: всако разумѣнїе плѣняюща въ послушанїе хрѣтѣво. Но ниже дѣшѣ свою возжигаемѣ, и восплаемѣ ѡбращетъ въ любовь бжїю, ниже предѣлы воздержанїа превосходящѣ, и довольнѣ сщцѣ предлежащими, и стѣхъ желлющѣ оупокоенїа. И аще не сице стажетъ сїа: ни сердце свое кротко, мирно, безгнѣвно, благо, нератѣемо, исполнено милости и тиxости, стажати когда возможетъ. Такъ крамольствующей на себе дѣши, и смѣщенїа ради силъ, невмѣцательной пребывающей лѣчей дѣха.

иі. Иже не сице дрѣвнагѣ благорѣдїа воспрїемлай въ себѣ благолѣтїе, и начертанїа не възображамай приснѣ ѡбразѣ, иже ѡ начала тогѣ по подобно своемѣ создавагѣ, какъ мѣчно когда соединитисѣ съ тѣмѣ, егѣже разлѣчи себѣ, начертанїи неподѣтемъ: и емѣже свѣтъ воистиннѣ оугашенъ бысть, свѣтъ противное въ себѣ притѣрже. Не соединивсѣ же съ тѣмѣ, ѡ негѣже начало имать состава, и ѡ негѣже ѡ не сщцихъ воззвасѣ¹, и сщцими ѡбладаетъ, сѣи оубѣ посѣченъ бивъ, іакъ не подобенъ сотворшемѣ вверженъ бѣдетъ, вѣстнѣ естъ зрѣщимъ, аще и азъ оумолчѣ.

ѣі. Дѣндеже оубѣ вещества въ себѣ имамы страстѣй и вины сїхъ самохѣтнѣ хранимъ, ѡтрати сїхъ не произволяюще: возмогаетъ тѣхъ на ны и сила, крѣпость прїемлюще сїрѣчь ѡ насъ. Повнегда же сїа ѡ себѣ ѡвержемъ, и сердце слезами покаанїа ѡчїстимъ возненавидѣвшѣ и видимыхъ прелестѣ, тогда оутѣшителева пришествїа въ причащенїи бываемъ: вѣа зрѣце, въ свѣтѣ присносщцнѣ, и зрїми ѡ негѣ.

к. Иже всемирнагѣ чѣства разтѣргшии оубѣ, въ свободѣ всакїа рабѣты пребываютъ чѣствѣ, единомѣ

вый, не лукавый, простой, смиренномудрый, чуждый зависти и клеветы, — через пленение всякого помышления в послушание Христово. Но и души своей никогда не будет он иметь горящую и пламенеющею любовь к Богу, не престающею пределов воздержания, довольствующеюся предлагаемым и желающею упокоения святых. Если же она этого не стяжет, то и сердца своего никогда не сможет иметь кротким, смирным, безгневным, благим, не задорным, полным милости и радушия, потому что тогда она так наветует сама против себя и так расстраивает свои силы, что является неспособною вмещать в себе лучи благодати Святого Духа.

18. Кто таким образом не воспримет в себе снова первоначального благолепия и не вообразит отличительных черт образа Того, Кто в начале создал его по образу Своему, тому как возможно когда-либо соединиться с Тем, от Кого он отделился неподобием отличительных черт, и Коему, Свету сущему, погасив свой свет, привлек к себе противное (тьму)? Не соединившийся же с Тем, от Кого получил начало бытия, и из не сущего стал сущим¹, и над сущими получил власть, куда ввержен будет, как не подобный Создавшему его, по отсечении от Него? Сие явно видящим, хотя я промолчу.

19. Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их, доколе сила их превозмогает над нами, приемля власть на то от нас же самих. Когда же мы отвергнем их от себя и сердце свое очистим слезами покаяния, возненавидев и обольщение видимыми вещами, тогда соделываемся причастными присещения Духа Утешителя, Бога зря и зримы бывая от Него.

20. Отрешившиеся от уз пристрастия к міру пребывают в свободе от всякого порабощения чувствам, Единому

¹ въ естество произведенъ бысть.

¹ Был произведен в естество {был осуществлен}.

дѣхови живѣще, и томѣ собесѣдѣюще, ꙗкѡ ѿ онагѡ подвижими. Имже и съ соединосѣщныма оцѣмъ и словомъ соединѣтисѧ нѣкакѡ ѡбыкѡша, и единый дѣхъ, по павлу, совершатисѧ. Имже и не точію не ꙗти сѣть бѣсы, но и страшни, ꙗкѡ причастившесѧ бжественнагѡ огня, и огонь воистинный бывше.

ка. Ѡсазаніе, не ѿ части что ѣсть въ тѣлеси во единой части свое дѣйство ꙗкоже прѡчѧ ѿ чѣствъ имѣщо, но ѡбдержительно нѣкое, и по всемѣ тѣлеси. Егда оубѡ не по потребѣ прикоснетсѧ часогѡ, ещѣ страждѣщо къ гладкостемъ, колебатисѧ оумѣ ѿ пѡмыслъ встрастѣнныхъ, содѣловаетъ: егда же по потребѣ нуждѣи естество, нежности ѡречетсѧ, и чѣство превозникнетъ, не ѡвыче колебати дѣшевнѧ чѣства.

кв. Оумѣ во ꙗже паче естества пришѣдшѣ, чѣства по естество стоѧща, безстрастнѣ съ винами сообрацѧются: словеса токѡмъ и естества ихъ испытѣюща, и неложно разсѣждающа дѣйствіѧ сѣхъ вкѡпѣ и качества. Не пристрастѣюща, илѣи оусвоителнѣ противъ естества подвижима къ нимъ.

кг. Подвизи и тѣды дѣховни раждаютъ дѣшѣ веселіе, мирѣ сѣрѣчь предварившѣ страсти. Ежѣ оубѡ сѣщымъ подъ чѣствомъ недѣбно: сѣе дѣшѣ тѣждѣющейсѧ, и любовь ѿ свѣщенныхъ подвиговъ къ бгѣ стяжавшей, и оуазвленной бжественна разѣма раченіемъ, оудѣбное, и паче сладчѣйше. Онѣмъ бо оубѡ тѣды и подвизи добродѣтели, ꙗки покою тѣла и сластѣи наслажденію прилѣжащымъ недѣбни сѣть, и сѣлѡ мнѣтсѧ быти жестѡцы, не предпѣчившымсѧ слѧность сластѣи потопити стрѣлами слѣзъ. Сѣй же возгнѣшавшейсѧ сластѣи, виновныхъ болѣзней, и благострастїе ѡтрасшей, съ самолюбїемъ тѣлеснымъ, едино печально, ѡслаба тѣдѡвъ, и подвиговъ прѣздность. Ежѣ оубѡ ви-

Духу живя и с Ним беседуя, ꙗко подвижимые от Него, через Коего они обычно сочетаются и с Отцем и Словом, единосущными Ему — един дух, по святому Павлу, с Ними бывая. Таковые не только не уловимы бывают для демонов, но и страшны, как участники Божественного огня и сами огнем соделавшиеся.

21. Осязание есть не частное некое чувство, в одной какой части тела действие свое проявляющее, но чувство общее, по всему телу распространенное. Почему, когда оно осяжет без нужды что-либо, питая еще пристрастие к вещам нежащим, тогда колеблет ум страстными помыслами. Когда же коснется чего по необходимой естественной потребности, отрешившись уже от всяких нежностей и преодолев чувственность, тогда оно не смущает органы чувств души.

22. Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, бесстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, исследуя лишь причины их и природу и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним и без склонения к ним желанія против естества.

23. Подвиги и труды духовные рожают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности поработанных, тяжело и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей и святыми потоми любовь к Богу стяжавшей и вожделением Божественного ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокою тела и наслаждению чувственными удовольствіями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали сладость удовольствій сѣх отмывать потоками слез; а для этой (для души, работающей Богу) они вожделенны и сладостны. Так как она мерзит удовольствіями, причиняющими

нóвно ѿнѣмъ ѣсть въ веселіе тѣлесно, сїе дѣшѣ прело-
жившей желанїа на бжественнаа, печали виновно: и еже
сїе веселїа виновно дѣхóвна, ѿнѣмъ въздыханїи и бо-
лѣзни ѣсть виновно.

кд. Труды, мнѣтса оубо ѿ началъ, болѣзней быти
истóчники всѣмъ вводимымъ въ пóты и пóдвиги
дѣхóвны. тѣшымса же къ прїумноженїю добродѣтели
и къ средѣ простирающимса тоа сладости нѣкїа и
чѣдныа ѿрады. Внегда же мѣртвенное сїе пожрѣтса
мѣдрованїе плóти ѿ безсмѣртнаго живота прибываю-
щаго пришествїемъ дѣха въ простирающихса воистин-
нѣ къ концѣмъ добродѣтелей трудами, радости неизре-
ченныа и веселїа: разширившса тѣмъ сїрѣчь истóч-
никѣ чїстому слѣзъ, и сладкой струї свѣше на нѣ
ѿдождившейса оумиленїа.

ке. Яще хóщеши на предѣлы взыти добродѣтели, и
къ бгѣ ведѣщїи пѣть ѿверѣсти незаблданѣ, не даждь
сна ѿчїма твоїма, ни дреманїа вѣждама твоїма, илї
покоа скранїама твоїма, дондеже труды многими и сле-
зѣми мѣсто безстрастїа ѿверѣши оудрѣченнои дѣшї
твоѣи, и внїдешї во свѣтїлице рѣзѣма бжїа и ѿпостас-
ною премѣдростїю егѡ въ послѣднѣа кончїны человек-
скихѣхъ вещей съ рѣзѣмомъ позрїши, и дѡлнѣа пре-
зрѣвѣ, на высѡкїа горы видѣнїа, ꙗкоже еленѣ, и самъ
жажднѣйше востечѣши.

кз. Пѣть скóръ къ вознесенїю добродѣтели, молчанїе
ѣсть новоначѣльнымъ оустѣнѣ, и смѣженїе ѿчїю, и
оушїю глѣхотѣ: прїемъ бо ѿсюдѣ оумъ сїхъ прѣздность,
внѣшнїа въ себѣ затворївѣ входы, смотрѣти себѣ

ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие, и всякое са-
молюбивое угождение телу, то для нее прискорбно одно
— покой от трудов и пресечение подвигов. Таким обра-
зом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе,
всецело расположившейся к Божественному, причиняет
скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том
для тех причина въздыханий и мучений.

24. Труды мучительными кажутся в начале для всех,
вводимых в поты и подвиги духовные. Когда же они нач-
нут охотно упражняться в них для возвращения в себе до-
брых расположений, и достигнут до середины преуспѣяния
в том, тогда труды сии являются для них источником
дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец,
мѣртвенное сие мудрование плоти пожретса бессмертною
жизнїю, подаемою присещением Духа Святого, в тех,
кои, пребывая в неутомимых трудах, простираются к по-
следним пределам добродетели; тогда лица такие испол-
няются неизреченною радостїю и веселием, потому что
через это в них самих открываются чїстый источник слез
и сладкие струи свѣше дождем льющегося утешения.

25. Если желаешь достигнуть послѣдних пределов
добродетели и непогрешительно обрести путь, ведущий к
Богу, *не давай сна очам своим, и дреманїа векам своим,*
или *покоя вискам своим* (Пс. 131, 4), пока многими тру-
дами и слезами не обретешь места бесстрастїа для измо-
жденной души твоей и не внїдешь в свѣтїлице ведения
Божїа и через ипостасную Премудрость Его не прозрїшь
разумно в послѣднїе концы человеческихъ дел, и, презрев
дольнѣа, жаждательнейше подобно еленю не востечѣшь
на высїе горы созерцанїа.

26. Краткий путь к стяжанїю добродетели для начи-
нающихъ есть молчанїе уст, смеженїе очей и ушей до
глухоты заткнути. Ибо ум, вследствие сего пользуясь
бездействиемъ сїхъ чувствъ и заключивъ входы к себѣ совне,

начинаетъ, и своа движениа. И каа оубв суть авте испытуетъ иже въ мысленнѣмъ морн помыслувъ плавающаа помышленіа; Каа же иже въ горнило мысли егво влагаетаа разумѣніа; Чиста ли же и не примѣсна сѣмень горькихъ, и ѿ аггла свѣта, илн плевели примѣсни же и плѣвни и ѿ сопротивныхъ свѣтѣ. И сице иакоже нѣкїи владыка самодержецъ посредѣ столѣ, мыслемъ сѣдѣ, и раздѣлаа лѣшныа помыслы ѿ горшихъ. И ова оубв, ѿ влагаетыхъ прїемла еже ѿ негво ѿбѣченіемъ и движениемъ во оумныа влагаетъ житницы, огнемъ испекшася дѣха и воды вѣстивныа исполненна, ѿ нихже и питаемъ, возмогаетъ и исполняется свѣта: ова же ѿсылаетъ во глубинѣ забвеніа, горестъ сїхъ ѿтрасаа. Се же единагво дѣло есть онагво оумнѣ коснѣшагвса ведѣщагв къ невесемъ и вѣѣ заблуднѣ, и плачевныа рїзы темныхъ совлѣкшагвса страстѣй.

ѣз. Душа иже единою ѿвергшаа лѣкавство и любопытное мудрованіе сѣлѣшагв киченіа, простымъ же и незлобивымъ сердцемъ ѿпришествїа оутѣшителя ѿбогатѣвшаа, авте въ вѣѣ же и въ себѣ вывааетъ. И иже зрїтъ и слышнтъ, вѣрна и истинна нещѣетъ неслѣбннѣ, иакв превозшѣдшаа лѣтыа невѣрїа прѣпасати, и выше ада зависти носїмаа.

ѣи. Всѣ добродѣтели предварааетъ извѣщеннаа вѣра, егда неслѣбннѣнѣ совѣтѣ приноснтъ душа, и вслѣчески ѿмѣщетъ самолюбїе. Ничтоже во такв ино сїльно есть нынѣ къ подвїгвмъ совлѣкшагвса возбранати ѿ дѣланїа заповѣдей, иакоже вселобнѣйшее самолюбїе. Се же есть препатїе предспѣланїа тѣшалївыхъ. Се же недѣлї тѣмъ подмѣщетъ, и недобонсѣлїныа страсти тѣла, ииже теплотѣ души стѣденѣ содѣловааетъ, и еже сло-пострадати ѿ добродѣтели нѣднтъ ѿставлати иакв на-

начинает всматриваться в себя самого и в свои движения, и тотчас исследует, какие воспоминания плавают по мысленному морю помыслов, и какие помышления ввергаются в горнило рассуждения его, для дознания, чисты ли они и не смешаны с горькими семенами, яко от Ангела света подаемые или суть плевелы непотребные, всеваемые свету противными, темными силами. Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреди помышлений, обсуждает их и разделяет лучшие помыслы от худших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою, как хлебы некие, на воде Божественной замешанные и огнем Духа испеченные, коими питаюсь, возмогает и светом наполняется, а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их. Это, впрочем, бывает делом одного того, кто духовно вступил на путь, заблудно ведущий на небеса и к Богу, совлекшись плачевного рубища темных страстей.

27. Душа, решительно отвергшая лукавство и непотребное мудрование неразумнейшего кичения, вместо же того обогатевшая простым и незлобивым сердцем под действием присещения Утешителя, всегда бывает вся в себе и в Боге, и все, что видит и слышит [в области веры], почитает верным и истинным несомненно, как переступившая через пагубные пропасти неверия и носящаяся выше адской зависти.

28. Во главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющеюся водится мыслию, но всецело отметаает самолюбие. Ибо только что выступившему на подвїги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлобнейшее самолюбие (жаление плоти). Оно служит препоною к преуспеянию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить) и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее от-

вѣтъ благопокойныа жизни. Самолюбїе же єсть, без-
словесное любленїе тѣла: єже и самолюбїва сотворяюци
инока, сирѣчь, душелюбїва и тѣлолюбїва, оудалаетъ
єго ѿ бѣга и царствїа єгѡ, по преподобномѹ словесї: иже
любитъ душу свою, погубитъ ю (Іѡан. вї, кє).

ѿ. Иже болѣзненнѣ наченшїй дѣланїе заповѣдей
бжїихъ, и теплымъ раченїемъ легкїй іаремъ иночества
на выю вземшїй, не щадитъ здравїа тѣлесна, ни въ
жестокости дѣлъ добродѣтели изнемогаетъ, ни въ трд-
дѣхъ печалуетъ, не зрїтъ къ инѡмѹ комѹ оунылѡ ѡ
пѡдвїзѣхъ и нерадивѣ мыслѡщѹ: но горящею любовїю
браздѹ сѣчетъ добродѣтелей во всякомъ злостраданїи,
къ себѣ токѡмѹ зрѡ, и къ бжїимъ заповѣдемъ: и на
всякъ дѣнь со слезами сѣмена своѡ долѹ метаетъ во
странѣ живыхъ, дондеже прозѡбнетъ томѹ слѡкъ без-
страстїа, и въ стѣбель возрастѣтъ рѡзѡма бжѣственна,
и класъ принесѣтъ зерно слѡва приносѡщѹ, и прїидѣтъ
жїта правды єгѡ.

л. Ни ѡкѡдѹ же такѡ мнѡ предспѣланїю быти душї
скѡрѹ и сокращеннѹ, іакоже ѡ єдинымъ вѣры, вѣры же, ни
іаже въ бѣга токѡмѹ, и въ єдинороднаго єго сїа, но и
извѣщеннымъ: съ неюже вѣрѡемъ истинна быти ѡвѣто-
ванїа хртѡва, іаже ѡвѣща и оуготѡва любѡцымъ єго, и
преценїа и мѡки адѡвы оуготѡванныа діавѡлѹ и дѣла-
телемъ єгѡ. Сїа вѣра извѣстѡветъ душѹ оупѡвати въ
пѡдвїзѣ сѡщѹ полчїити оустроенїе стїихъ, блаженное
їхъ безстрастїе, и востецїи къ высотѣ свѡтыни їхъ, и
наслѣдницѣ їй съ нїми быти царствїа бжїа. Сїце же
извѣстѡвѣма, рачїтельнѣ къ дѣланїю заповѣдей оуст-
ремлѡетсѡ, не сомнѡчисѡ въ себѣ, но подражяюци
трдѡамъ онѣхъ, и подобными пѡдвїги гонѡци постїг-
нѹти совершенство їхъ.

казаться от злостраданий (произвольных лишений) ради
добродетели, как навета против самоугодливой жизни.
Есть же самолюбие неразумная любовь к телу, или само-
жаление, которое делает монаха самолюбивым, душлю-
бивым и телолубивым, и отдаляет его от Бога и Царствия
Его, по следующему преподобному слову: *любящий душу
свою погубит ее* (Ин. 12, 25).

29. Кто трудолюбно начал исполнять заповеди Божии
и с теплым рачением взял на рамена свои легкий ярем
подвижничества, тот не щадит здоровья тела, не ужасает-
ся тяжести дел добродетели, не отступает в болез-
ненном страхе пред трудами и не посматривает на друго-
го кого, нерадиво и беспечно относящегося к подвигам,
но с горячим желанием шествует стезею добродетелей, во
всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на
себя одного и на заповеди Божии, и каждодневно бросает
в слезах семена свои на поле живых, пока породится в
нем злак бесстрастия, возрастет в стебель ведения боже-
ственного и даст клас, приносящий зерно слова и порожд-
ения правды.

30. Ни от чего, думаю, преуспяние души не бывает
так скоро и поспешно, как от единой веры, но веры не той
только, коею веруют в единого Бога и Единородного Сы-
на Его, но особенно той внутреннейшей веры, коею веру-
ем, что как все обетования Христовы, какие обетовал и
уготовал Он любящим Его, так и угрозу и муки адские,
кои уготованы диаволу и рабам его, несомненно истинны.
Такая вера убеждает душу, в подвиге сущую, уповать, что
достигнет устройства святых и блаженного их бесстра-
стия, востечет на высоту святости их и соделается сона-
следницею с ними Царствия Божия. Будучи же так удо-
стоверяема, она ревностнее устремляется к деланию за-
поведей, и ни мало не колеблясь, старается подражать
трусам их, в чаянии подобными ихним подвигами дос-
тигнуть и совершенства их.

ла. Соизмѣнѣтисѧ обыче внѣшнее лица оустроеніе съ внѣтряннимъ дѣланіемъ, ꙗковѡ бо оумное движеніе еѧ дѣланіе ꙗмать, таково и зракъ лица зракъчимъ изъавлѣетъ свое расположеніе: съ дѣйствующими бо помыслы созавѣщаваясѧ и соизмѣнѣемъ, овогда оубо зрѣтсѧ свѣтелъ, сердце веселѣющесѧ, ѡ восхожденіи благихъ помышленій и размышленій ѡ вѣѣ: овогда же драхлъ и мраченъ, ѡ помыслѣхъ безмѣстїа ѡгорчаваемъ. Въ нѣхъже и оутѣнитсѧ нѣсть возможно дѣйствѣемомъ ѡ имѡщихъ чувства души ѡбѣченна: зане, или измѣна еѣсть десницы вышнѧгѡ: ꙗвна еѣсть тѣмъ, ꙗкѡ знаема и любезна, еѡже порождшесѧ ѡ дѡха свѣше, свѣтъ и соль выша ближнимъ. Или крамолы еѣсть силъ и смѡщенїа помысловъ: ꙗвственна нѣкое еѣсть сѣмъ, сирѣчь, ѡмѣщѡщимъ то, и начертаніе ѡбразѧ сѣа вѣїа на себѣ носѣщимъ свѣтлѣйшо вѣжественными дарованїи.

лв. Внѣтряннее дѣланіе, или вѣнцевъ винѡвно бывѣетъ души, или томленій и мѡкъ: зане ꙗще оубо ѡ вѣжественныхъ вѣщехъ оупражнѣетсѧ, и смиренномудрїа любовдоверѣетъ мѣста: ꙗмать напоеніе свѣше слезное, и воздѣловаетъ любовь ꙗже къ вѣгѡ, и вѣрѡ, и еѣже къ ближнемъ состраданіе. Имѣже душа возвѣражѡщисѧ въ добротѡ ѡбразѧ хрѣтѡва, свѣтъ бывѣетъ чловѣкѡмъ, и лѡчѧми добродѣтелей привлѣчитъ къ себѣ зрѣнїа нѣхъ, и подвижитъ всѣхъ къ славослѡвію вѣїю. ꙗще же ѡ дѡльныхъ и чловѣческихъ, и ровенныхъ мѣста возмѡщѣетъ и возжизѣетъ грѣхъ, снїзѡ имѡщи слосмрадїе и мракъ: воздѣловаетъ ненависть и ѡвращеніе благѡгѡ имѣже, перстнымъ вообразѡщисѧ и безъобразнымъ ѡбразомъ вѣтѡгѡ, тѣмѡ всѡчески приближѡщымсѧ бывѣетъ: и дѣланіемъ слыхъ, и бесѣдою рас-

31. Обычно (т. е. в порядке вещей) внешнему виду лица изменяться соответственно внутреннему настроению души. Ибо какое делание имеет мысленное ее движение, такое расположение являет в себе для стоящих и зрак (взгляд, вид) лица. Сорасполагаясь и соизменяясь соответственно с тем, что приводит в движение помысл, иногда видится он светлым, когда сердце веселится по причине восхождения благих помышлений и размышлений (τη μελέτη) о Боге; а иногда посупленеет и мрачнеет, когда огорчают неуместные помыслы. Почему невозможно утаить движений и чувств, происходящих внутри, от тех (людей), чьи чувства обучены. Обычно это происходит или от правой руки Всевышнего, вследствие чего они возрождаются в духе, становясь *солью земли и светом мира* (Мф. 5, 13–14); либо это происходит от восстания злых сил и смятения (смущения) помыслов, и это тоже очевидно для них, так как они отвергают то (сопротивляются этому), начертание (отпечаток) образа Сына Божия носящие светлостно в Божественных дарованиях.

32. Внутреннее делание или венцы заслуживает душе, или казни и муки. Ибо если оно Божественными занимается вещами и с любовью удобряет поле смиренномудрия, то, имея слезное свѣше орошение, воздѣлывает к Богу любовь и веру, а к ближнему сострадание, через кои душа, отображая в себе красоту образа Христова, бывает светом для людей, лучами добродетелей привлекая к себе взоры их и всех возбуждая к славословию Бога. Если же оно занимается вещами дѡльными и чловѣческими, и подземные прокапывает и взрывает мины грѣха, то, обладаемо будучи снизу смрадом и мраком, воздѣлывает ненависть и отвращение к добру, через кои душа, отображая в себе перстный и безобразный образ ветхого человека, мраком всецело бывает для приближающихся, непотребными делами и беседами развращая незлобивые и неут-

тлѣваѣтъ дѣшы нелѣстны и неѣтвержденны, и подвижетъ на бѣга хѣлѣ. И такъ въ нихже оубо смѣртїю постижена бѣдетъ дѣша, и воздаанїе по равенствѣ ѡбръѣтаетъ.

лг. Воздѣлователь слыхъ мыслей, мрачны своѣ творитъ и драхлы внѣшнїа зраки, и безгласенъ ѡзыкъ имать вѣжественныхъ пѣсней, и неѣдовосрѣтенъ ѣсть всѣмъ въ бесѣдѣ. Воздѣлатель же благихъ и безсмѣртныхъ садѡвъ сѣрдца, радостовзѡрно и возрадѡванно имать лице, сладкопѣснивъ же въ молѣнїа ѡзыкъ своѣ, и всегѡ себѣ въ бесѣдѣ сладчайша. Икѡ ѡвлѣннѣ быти и бывати зрацимъ ѡсюдѣ добрѣ и самомѣ томѣ подравѡтою ѣще нечїстыхъ сѣщемѣ страстѣй, и поднѣждою законѡ сѣщемѣ земнагѡ мудрованїа: и свободѣшемѣся таковыа рабѡты, законѡмъ дѣха, по премѣдрѡмѣ соломѡнѣ: сѣрдцѣ веселѣщѣся, цвѣтетъ лице: въ печалѣхъ же сѣщѣ, сѣтѣетъ (Притч. ѣі, гї).

лд. Дѣятельнѣ совершаемыа стрѡсти, дѣятельнѣ и исцѣлѣются. Икоже бо невоздержанїе сласть, и ѡбладѣнїе и житїе нерадивѡ и разлїанно, ѡстраственнѣйшее навикновѣнїе совершаютъ въ дѣши, и надѣанїа безмѣстна тѣ ведѣтъ: такъ оутѣсненїе и воздержанїе, трѡды и подвижи дѣховнїи, безстрастїе снабдѣвають ѣй, и ѡ прїстрастїа въ безстрастїе тѣ привѡдѣтъ.

лѣ. Егда, ѡ приволѣзненна ктѡ и крѣпка подвижничества, дарованїи великихъ ѡ бѣга смиренномѣдрїемъ спѡдѡбится, таже низвлечѣнъ бѣвъ ѡнѡдѣ, страстѣмъ прѣданъ бѣдетъ и бѣсѡмъ: наказателемъ да вѣсть себѣ возвысившася, и велика ѡ себѣ возмнѣвша, и на инѣхъ вознѣсшася. Ни ѡкѡдѣ же оубо ѡинѡдѣ таковыи ѡбръѣщѣтъ исцѣленїе и свободѣнїе ѡ содержащихъ живѡтъ ѣгѡ, развѣ точїю ѡ ѣже востѣци ѣмѣ покаанїемъ въ

вержденные души и возбуждая хулы на Бога. В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертию, сообразное с тем получит и воздаяние.

33. Воздѣлователь худыхъ помышлений мрачным и печальнымъ делаетъ внешний видъ лица своего, языкъ — неспособнымъ къ пѣнію божественныхъ пѣсней и себя — для всехъ неприятным и нежеланнымъ встречникомъ и собесѣдникомъ. Воздѣлователь же благихъ и бессмертныхъ произрастений в сѣрдце радующееся и улыбающееся имеетъ лицо, и сладкозвучный в молитвахъ языкъ, и для всехъ всегда бываетъ приятнымъ собесѣдникомъ. Такъ что отсюда для всехъ, видящихъ добре, явно есть и бываетъ, кто изъ таковыхъ находится еще в рабствѣ нечистыхъ страстей, и состоитъ под невольнымъ закономъ земнаго мудрованїа, и кто освобожденъ отъ такого рабства закономъ Духа, по премудрому Соломону: *при веселїи сѣрдца лице становится цвѣтущимъ, а въ печали оно дѣлается унылымъ* (Притч. 15, 13)

34. Дѣлами укореняющїеся, страсти дѣлами же противоположными имъ и врачуются. Ибо какъ невоздержание, сластолюбїе и объяденїе, жизнь изнеженная и рассеянная образуютъ в душе страстное настроенїе и ведутъ ее къ дѣламъ неуместнымъ; такъ утесненїе себя во всемъ и воздержанїе, труды и подвижи духовныя снабжаютъ ее бесстрастїемъ и изъ состоянїа страстнаго переводятъ ее в состоянїе бесстрастное.

35. Когда кто черезъ прїтрудное и усиленное подвижничество при смиренномудрїи спѡдобится отъ Бога великихъ дарѡв, а потомъ, поступившись оттуда, прѣданъ будетъ страстямъ и демѡнамъ наказателямъ, да ведаѣтъ таковой, что превознесся и великое нечто о себѣ возмечталъ, съ презрѣнїемъ смотря на другихъ. *Начало грѣха — гордыня* (Сир. 10, 15). И ему ни в чемъ другомъ не найти врачевства и избавленїа отъ овладевшихъ его жизнью страстей и демоновъ, какъ

пѣрвое оустроѣнїе, и оупотревити ходатаа дѣбрь, смиренїе и познанїе своихъ мѣрь: и мже всакъ стоай дѣбрь на ѡснованїи добродѣтелей, и мать себѣ подъ всею тварїю.

лѡ. Равно зло есть предъ бгомъ и человекѣ живущими по бзѣ, еже и встраственнѣ комѣ быти дѣланїи произволѣнїа недержанїемъ, и возгордѣвшася въ добродѣтелехъ дѣхомъ мнѣнїа. И мже во ѡбразомъ пѣрваго дѣательнѣ и ѡтай бывающаа срамно есть и глаголати: такъ и втораго возвышенїа сѣрдца, мерзости сѣть предъ бгомъ. И ѡкоже ѡнъ ненавидимъ есть бгъ въ покой, за еже быти емѣ плоть по бжественномѣ словесї: такъ и сѣй предъ гдемъ нечїсть, за еже быти емѣ гордѣ.

лѡ. Не вѣ еже есть страсть, сїе и дѣтеленъ грѣхъ, но ино сїе, и дрѣгое ѡно. Прѣчее страсть оубвѣ есть, въ дѣши движимаа: дѣланїе же грѣха въ тѣлесї зрїмое. Сїрѣчь, сластолюбїе, сребролюбїе и славолюбїе, страсти люты сѣть дѣши: блѣдъ же и лихоимство и ѡбїда, дѣланїа грѣшна плѣти. Вожделѣнїе, ѡрость, и гордына страсти сѣть дѣши, внѣ естества силамъ еа движущымса: прелюбодѣанїе же, и оубїйство, и татѣва, и пїанство, и аще что ино тѣломъ содѣваемо, дѣланїа грѣшна, и люта сѣть плѣти.

лн. Три сѣть пѣрвѣйшии всѣхъ страстей начальницы, и три ѡже на нихъ ѡполченїа, и три побѣждающїи же сїхъ и низлагающїи, новоначальный, сѣднїй, совершенный, сластолюбїа, сребролюбїа и славолюбїа, треглаваа смїа.

лѡ. Не єдинъ и тойже подвигъ трїемъ надъ тремаа началами и силами ѡбладающаа дѣха, но инъ, и инъ. Инакъ воємѣ єдиноомѣ и єдиноомѣ сїхъ началѣ, кїимждо прѣтивнѣ брани тогѣ стоащымъ и воорѣжающымса естествонѣ праведною ѡростїю.

в возведении себя в прежнее благонастроение через покаяние, избрав себе в посредники при сем добрые — смирение и сознание своих мер, под действием коих всякий, добре стоящий на основании добродетелей, почитает себя низшим всякой твари.

36. Равное зло есть и пред Богом и пред людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надмен в добродетелях духом самомнения. Ибо как о делах первого и о том, что у него бывает *тайно, стыдно и говорить* (Еф. 5, 12): так и высокосердие второго мерзость есть пред Богом (см. Притч. 16, 5); и как тот отвратителен Богу, так что Он не может иметь в нем покоя, потому что он плоть, по слову Божию (см. Быт. 6, 3), так и этот нечист пред Господом, потому что горд.

37. Не так, что если страсть, то уж и грешное дело; но ино это, и ино то: страсть в душе движется, а деяние греховное телом видимо совершается. Так — сластолюбие, сребролюбие и славолюбие суть пагубные страсти душевные, а блуд, лихоимание и неправда суть греховные деяния; похоть, гнев и гордость суть страсти душевные, — следствия противоестественного движения сил ее, а блуд, убийство, кража, пьянство и другое что, противозаконно телом совершаемое, суть плотские деяния грешные и пагубные.

38. Есть три главнейших начальника всех страстей и три против них ополчения, и три чина лиц, кои борются с ними и низлагают трехглавого дракона сластолюбия, сребролюбия и славолюбия: новоначальный, сѣднїй и совершенный.

39. На разных этапах [духовного пути] не один и тот же подвиг необходим против трех сил и начал лукавого (πονηροῦ) духа, есть отличие в борьбе против одного и другого. В брани против каждого из трех начал естественным (φυσικό) оружием выступает праведный гнев.

м̃. Иже пѣрвѣ къ подвигомъ благочестїа совлекїйсѧ и вводїмъ сый ко ѡполченїю на страсти, на дѡха сластолюбїа всю вземлетъ брань свою, и сильнѣ всѧкимъ злостраданїемъ нань воуетъ. Плѡть оубо неаденїемъ ис-таевѧа, долѡ леганїемъ, бдѣнїемъ, и всенѡщными молѣнми: дѡшѡ же сокрѡшѧа пѧмѧтїю ѧдовыѡхъ томленїй, и размышленїемъ смѣрти, и сѣрдце ѡчищѧа ѡ скверны и сочетанїй и сосложенїй слезѧми покаанїа.

ма. Иже къ средѣ, начѧла преложївый восхоженїе, и пѡдвиги, иже на сластолюбїваго дѡха гѡвою пѣрвагѡ безстрастїа ѡтѣрый, нынѣ же ѡчїма егѡ ѡкровѣно бысть, и естества зрѣти сѡщиѡхъ начавый: на дѡха не-вѣрнаго сребролюбїа вземлетъ ѡрѡжїа вѣры. Оумъ бо возвышѧа свѡй полѡченїемъ бжѣственныхыѡхъ вещей, слѡвомъ же прикасѧасѧ словесѣмъ тѡари, и во еже есте-ства ихъ скѧзовати оумснѧа: дѡшѡ же возводѧ вѣрою ѡ видимыѡхъ, на высѡты невидимыѡхъ, и вѣрѡа, самагѡ быти промышлѧюща ѡ дѣлѣѡхъ своихъ, иже ѡ небытїа въ бытїе всѧ привѣдшаго бѣа, и всю надеждѡ творѧ бжѣственнаѡ жизни.

мв. Иже средѡ видѣнїемъ и безстрастїемъ прешѣ-дый, и прелестное возникїй всемирнагѡ чѡвства, нынѣ же слѡвомъ рѧзѡма и ѡпостѧсныѡ бжїа премѡдрости, во мрѧкъ вѣгослѡвїа вшѣдый, на дѡха славолюбїа вземлетъ сїлою смиренномѡдрїа ѡрѡжїа. Дѡшѡ свѧщенными ѡ-кровѣнми оумилѧа, и слѣзы проливѧти неболѣзненни творѧ: мѡдрѡванїе же еѧ пѧмѧтїю низдагѧа чело-вѣчскїа немоци, и возвышѧа тѡ бжѣственнагѡ рѧзѡма разѡмѣнїй.

мг. Пощенми оубо и бдѣнми и молитвами, долѡ-леганми же и трѡды тѣлесными, и ѡсѣченїемъ вѡлей во смиренїи дѡшї, неадѣйственна содѣвѧемъ дѡха сластолюбїа. Емлемъ же егѡ слезѧми покаанїа, и ко оумїалици

40. Кто теперь только обнажился для подвигов благо-честия и вводится в ополчение против страстей, тот всю брань свою устремляет против духа сластолюбия, и сильно поражает его посредством всякого злострадания, — плоть измождая неядением, спанием на голой земле, бде-ниями и всенощными молитвами, а душу сокрушая по-мышлением об адских муках и памятью смертною, и сердце от осквернения сочетанием и сосложением омывая слезами покаяния.

41. Кто ступание свое от начала простер до среды, и поты от борения с духом сластолюбия отер губкою бес-страстия (прогнал сего духа), и открытыми очами начал смотреть на естественные вещи, тот теперь поднимает оружие веры против духа сребролюбия, веры не имеюще-го, ум возвышая к помышлению о Божественных вещах, разум устремляя к уразумению значения тварей и к изъ-яснению свойств их, а душу возводя верою от видимого на высоту невидимого, питая убеждение, что Бог, при-ведший все из небытия в бытие, Он же есть и Промысли-тель о своих произведениях, и надеждою окрыляясь к достижению Божественной жизни.

42. Кто с помощью созерцания и бесстрастия прошел средину и, миновав прелести мирского чувства, вступил с помощью слова разума и ипостасной Премудрости Божи-ей во мрак богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолюбия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее неболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятова-нием о человеческой немощи и возвышая его разумения-ми Божественного разума.

43. Постами, бдениями и молитвами, спанием на го-лой земле, трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безу-спешным; порабощаем его себе слезами покаяния, и вводя

ВЕДЪЩЕ ВОЗДЕРЖАНИА, НЕДВИЖНА СЕГО И НЕДЪЙСТВЕННА СОВЕРШАЕМЪ, ВО ТЦАЛІВЫХЪ, СІРЪЧЬ, ДВИЗАЮЩИХСА СТОАЩЕ УПОЛЧЕНИИ.

МД. ВЪРЫ ОРУЖІЕМЪ И МЕЧЕМЪ ДЪХОВНЫМЪ, ИЖЕ ЁСТЬ ГЛАГОЛЪ БЖІИ, ДЪХА СРЕРОЛЮБИА ПОВЪДИВШЕ, ЗАКАЛАЕМЪ: НЫНѢ КЪ ВИДѢНІЮ СВЩИХЪ СЛОВОМЪ ПРЕМЪДРОСТИ ВОСТЕКШЕ, И ПРЕВЫШШЕ СМІРЕНІА БЫВШЕ ВИДИМЫХЪ СЛОВОМЪ РАЗУМА, И ВЪ ЦАРСКИХЪ ДОМѢХЪ ЛЮБВЕ СЪ МНОГОВОГАТНЫМИ СОКРОВИЩИ НАДЕЖДЫ ІАЖЕ НА БГА ВНЪТРЬ ПОЧИВШЕ.

МЕ. КРИЛЫ БЕЗСТРАСТІА И СМІРЕННОМЪДРІА НА ВОЗДЪСЪ ТАИНТВЕННАГВ БГОСЛОВІА ПЛАВАЮЩЕ, И ВЪ ГОРНЮЮ ГЛБИНЪ РАЗУМА ТАИНЪ БЖІИХЪ СЪ БЖЕСТВЕННЫМЪ ДЪХОМЪ ВХОДАЩЕ, МОЛНІАМИ БЖЕСТВЕННЫХЪ ДОГАТЪ И РАЗУМѢНІИ, СЛАВОЛЮБИА ПОПАЛАЕМЪ ДЪХА. ТЪЧАМИ ЖЕ СЛѢЗЪ И РѢКАМИ ОУМИЛЕНІА НА КОНЧИНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ВЕЩЕЙ ЗРАЩЕ, ТРІСТАТЫ ЕГВ ПОТОПЛАЕМЪ БЪСЫ, МНѢНІЕМЪ И ТЩЕСЛАВІЕМЪ И ГОРДЫНЕЮ НА НЫ ВОЮЮЩИА.

МС. ИЖЕ ПОХОТЬ ПЛОТСКЪЮ, И ПОХОТЬ ОЧЕСЪ, И ГОРДОСТЬ ЖИТЕЙСКЪЮ, МІРСКИА СІА НЕПРАВДЫ, ИЖЕ ЛЮБЛЕНІЕМЪ ВРАЗІ БЫВАЕМЪ БГЪ, У ДЪШИ ВОЗНЕНАВИДѢВЫИ, И СІХЪ УРЕКІИСА: МІРЪ СЕБѢ РАСПА, И ТОИ РАСПАСА ЕМЪ, РАЗОРИВЪ БЫВШЮ МЕЖДЪ БГОМЪ И ДЪШЕЮ ВРАЖДЪ ВО ПЛОТИ СВОЕЙ, И СОТВОРИВЪ ВО ОБОИХЪ МІРЪ: ИЖЕ ВО СІМЪ ВЪ СОВЛЕЧЕНІИ ПЛОТСКАГВ МЪДРОВАНІА ОУМЕРТВІВЫИСА, ПРИМИРИСА СЪ БГОМЪ, ОУБИВЪ ВРАЖДЪ МІРА ОУМЕРЩВЛЕНІЕМЪ СЛАСТЕЙ, РАСПАТОЮ МІРОВИ ЖІЗНІЮ, И ЛЮБОВЬ СО ІИСОМЪ ЛОБЫЗА. НЕ КТОМЪ ОУБО ТАКОВЫИ ВРАГЪ, ІАКВ ДРУГЪ МІРОВИ, НО ДРУГЪ БЖІИ БЫВАЕТЪ, ІАКВ РАСПАСА МІРОВИ, И МОГИИ ГЛАГОЛАТИ: МНѢ МІРЪ РАСПАСА, А АЗЪ МІРЪ (Галат. 5, 11).

МЗ. ВСАКВ ПОДВИЗАЮЩИМСА ПОПЪЩЕНІЕ СІХЪ РАДИ БЫВАТИ УБЫЧЕ: ТЩЕСЛАВІА РАДИ, УСЪЖДЕНІА РАДИ КО БЛИЖНЕМЪ, И ВОЗНОШЕНІА РАДИ ЕЖЕ У ДОБРОДѢТЕЛЕХЪ.

в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным, — разумеется тогда, как сами состоим в ополчении ревностных подвижников.

44. Оружиями веры и мечом духовным, который есть слово Божие (Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощью слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоеваемся под действием многобогатых сокровищ упования.

45. На крыльях бесстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственного богословия и входя в горнюю глубину ведения таин Божиих действием Божественного Духа, молниями Божественных догматов и разумений попадаем духа славолубия; взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею.

46. Кто похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую — мирские сии неправды, по причине любления коих бываем мы врагами Богу, — душевно возненавидел и отрекся от них, тот распял себе мир и сам распялся миру, разрушив во плоти своей вражду между Богом и душою, и сотворив в обоих мир. Ибо умерший сим в совлечении плотского мудрования примирил себя с Богом, убив вражду мира в умерщвлении сластей через распятую миру жизнь, и облобызал возлюбление Иисуса. Почему таковою бывает уже не враг Божий, как друг мира, но друг Божий, как распявшийся миру и могущий говорить: *для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6, 14).

47. Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями. По-

ѿще оубо что ѿ сихъ въ душахъ подвижающихся приближившися предваритъ, ѿ бѣга симъ оставленіа виною бываеъ. И сего оубо праведнаго ѿ паденіихъ не избежатъ сѣда, дондеже предварившю винѣ оставленіа ѿвергше, къ храмѣ смиренномудрїа прибѣгнутъ.

мѣ. Не бо еже не быти чистѣ ѿ встрастныхъ помышленій, сїе есть точию сердца нечистота, и скверна души: но и еже ѿ множествѣ исправленій возноситиса, и еже ѿ добродѣтелехъ кичитиса, и еже велїа мнѣти себѣ ѿ премудрости и разумѣ бжїи, и еже оукорати ѿ братїи лѣннвыа и нерадивыа: и онѣ оубо явственнѣесть ѿ фарїсеевы и мытаревы прїтчи.

мѣ. Не мнѣ ѿ страстей ѿслабѣ прїати, и бывшихъ ѿнѣдѣ страстныхъ помышленій скверны избежати, гордо еще имый мудрованїе и надмѣвающееса ѿ добродѣтелехъ. Не бо оузриши мира домъ, во благостїи помысловъ, ниже во храмѣ любве внїдеши съ радостїю во всакой бл҃гости и тишинѣ сердца, дондеже на себѣ надѣшиса и на дѣла твоа.

нѣ. ѿще къ благошарїемъ тѣлесъ привлекаетса душа твоа страстнѣ, и акивы ѿ раждающихся ѿнѣдѣ къ тебѣ страстныхъ помысловъ мучительствуема есть, не мнѣ сїа быти вины сѣцагѣ въ тебѣ смѣщенїа и прїстрастнагѣ сїа быти движенїа: но сокровеннѣ вѣждѣ быти винѣ внѣтрѣ души твоєа, ѿкоже нѣкїи камень магнитъ, влекѣщѣ къ себѣ силою навикновенїа страстнагѣ и лѣкава ѿбычаа вредъ ѿ лицъ, ѿкоже желѣзо. занѣ и созданїа бжїа сѣтъ вса, и сѣлѣво своимъ словомъ двѣра, ни единое же слово порицательное имѣща на творенїе бжїе.

нѣа. ѿкоже переходящїи море и блюющїи, не ѿ естества моря страждутъ сїе, но ѿ естества внѣтрѣдѣ предохранїмыа вины согнївшихъ мокротъ: такѣ и душа

чему коль скоро что-либо из сего окажется вошедшим в души подвижающихся, то это причиняет им оставление от Бога; и не избежать им праведного осуждения за это при падениях, пока отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убежат на высоту смиренномудрїа.

48. Не то только есть нечистота и осквернение души, когда кто нечист бывает от скверныхъ страстныхъ помышлений, но и то, если кто превозносится всегдашней исправностию поведения и *надымается* добродетелями; также, когда много думает о своей премудрости и своем познании Бога и осуждает кажущихся беспечными и нерадивыми братїи. Это видно из прїтчи о мытаре и фарисее.

49. Не думай получить ослабу от страстей и избежать осквернения происходящими от нихъ страстными помышлениями, нося еще в себе гордое и дмящееся о добродетеляхъ мудрование. Не увидеть тебе двора мира в благостїи помысловъ и не войти в храмъ любви с радостїю во всякой милостивости и тихости сердца, пока надеешся на себя и на дела свои.

50. Если душа твоя страстно прилепляется к красивымъ теламъ и подвергается потомъ тиранству страстныхъ помысловъ, рождающихся от сего, не предполагай, что они-то и суть причина происходящей в тебе бури помысловъ и страстного движения, но знай, что причина сего сокрыта внѣтрѣ души твоей, которая, какъ камень некий магнитъ железо, привлекаетъ к себѣ вредъ от лицъ в силу предрасположения к тому и злой страстной привычки. Творения же Божїи все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеютъ такого, что давало бы основание к похуленїю создания Божїа.

51. Какъ плывущїе по морю и страждущїе морскою болѣзнью, не по естественному свойству моря страждутъ сїе, но по причине внутреннегѣо некоегѣо к тому предрас-

не ѿ вины лицъ, но ѿ вины внѣтръ сокровѣннаго еще навикновѣнїа слогъ, въ себѣ пристрастнѣйшее терпитъ колебанїе и смѣщенїе.

нв. Согласно внутреннему настроенїю души, изменяется обычае и самое естество вещей. Когда оубо по естеству стоятъ въ ней оумнаа чувства, и оумъ ѿ словесѣхъ бывшихъ тварей забывденъ шествуетъ, слово имѣетъ изясняющее естества и движенїа сихъ, по естеству зрѣтся ей и вещи и лица, и всякое естество вещей естественныхъ телесъ, и немоща нѣкъю тли или вреда внѣтръ сокровѣнную винѣ. Когда же противъ естества тоа силы движѣтся сами на себѣ крѣпѣюще, противъ естества той и сїа зрѣтся: не естественною своею добротою къ оуразумѣнїю родосодѣтеля сїю возводяща, но страстнѣйшимъ навикновѣнїемъ еа во глубинѣ погибели низводяща.

нг. Яще палъ еси ѿставленъ бывъ паденїемъ плоти, или языка, или помысла, приволазненъ влекїи и жесточайше житїе, да не странно и оудивительно тебѣ гавѣтся: твое бо есть паденїе и ѿ твоеа вины. Яще бо не бы самъ или ново что первѣе и надменїа исполнено, якоже не должно баше, возмѣлъ еси ѿ себѣ, или вознесла еси на иного кичительнымъ мудрованїемъ, или ѿсудилъ еси въ немощи естества человеческа когдѣ, не бы ѿставленъ бывъ сѣдомъ праведнымъ бжїимъ, свою позналъ еси немощь. Позналъ же еси, да ѿсюдъ научиши не ѿсудѣати и не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать, ниже надъ кѣмъ возносїтиса.

нд. Падъ во глубины словъ, никакоже воззванїа да ѿчаеши, яще и во глубинѣ низведенъ былъ еси послѣднюю ада слобы. Яще бо дѣятельными добродѣтельными предхранїмо теплѣ ѿснованїе ймаши оу тебѣ благочестїа, яще и паденїе пострадѣ поколебавшееся

положения в них самих, так и душа не по причине красивыхъ лицъ, но по причине в ней самой залегающаго расположения к сему злу подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти.

52. Соответственно внутреннему настроению души, инаковым и инаковым представляется ей и естество вещей. Когда умные чувства стоятъ в ней в своем естественномъ чинѣ, и ум забывденъ шествуетъ в пониманїи тварей, разумно объясняя существо и движения ихъ, тогда в естественномъ чинѣ видятся ей и вещи и лица, и всякое естество вещественныхъ тел не имеющими сокрытой какой-либо причины заразы или вреда. Когда же силы ее действуют не по естеству своему, восставая одна противъ другой, тогда и это все видится ей, не какъ оно есть по естеству своему: оно естественною своею красотой не возводитъ уже ее к познанию Творца, но, по причине страстнаго ее состоянїа, низводитъ в глубину погибели.

53. Если, оставленъ бывъ благодатию, палъ ты паденїемъ плоти или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительнымъ или страннымъ: твое это паденїе и по твоей вине. Ибо если б ты прежде не подумалъ о себѣ что-либо особенное и важное, какъ не следовало, или не вознесся надъ кем-либо в горделивомъ о себѣ мудрованїи, или не осудилъ другого кого в естественной какой немощи человеческой, то не былъ бы, по праведному суду Божию, оставленъ благодатию, и не испыталъ бы самъ своей немощи. Испыталъ же ее ты теперь, да научишься из сего не осуждать, *не думать о себѣ более, нежели должно думать* (Рим. 12, 3), и ни надъ кемъ не возноситься.

54. Падши во глубину золъ, отнюдь не отчаивайся в возможности воззванїа оттуда, хотя бы ты низвергся на послѣднюю ступень адской злобы. Ибо если ты имеешь у себя основание благочестїа, усердно заложенное прежде деятельными добродѣтелями, то, хотя бы построенная то-

созданное сего жилище твоею и различных камней добродетели, даже до помоста страстнейшей земли соль, но не забудет древних твоих трудов и подвигов вт, аще сокрушено в падениях твоих сердце ймаши, поминающе дни древних и свое возывающе падение сь воздыханьи пред нимъ. Призираа бо призритъ скорбе на та трепещуща словесъ егв, и прикоснется очию твоею невидимъ печальнагв сердца, и на предположенномъ твоею основаньи добродетели сь трудами поставитъ, и дастъ ти паче прежних крепости, лучш же и совершеннейшъ крепость, сь теплотою горящагв дха, во еже паки возстажати низложенна завистию лкавагв, сь терпениемъ дбл добродетели, и воздвигнуги вь дств смирения домъ еа прежнагв свѣтлѣйшій, вь покой, по писанномъ, вѣченъ егв (Псал. рла, ді).

Ис. вса къ безчестию намъ приключаящаася, или вь человекъ или вь бѣсѡвъ, сѡдомъ праведнымъ бжнимъ по смотрению приключаются къ смирению суетнагв дмения дшъ нашихъ. Намѣреніе бо есть вгови ѡкормителю жизни нашеа, еже приснв смиренымъ намъ быти, и не мдрствовать паче еже подобаетъ мдрствовать (Рим. бі, г), но мдрствовать вь цѣломъдріи. Ниже мнѣти велика ѡ себѣ, но къ немъ взирати, и подражати тогв по возможности блаженномъ смирению. Понѣже кротокъ вѣ и смирень сердцемъ, таковыхъ и насъ быти желаетъ претерпѣвый за ны смѣрть неправеднъ же и безчестнъ. Ничтоже бо йно такъ любезно томъ и оусвоаемо во всацѣй воистиннъ добродетели, и могущее вь гноища страстей возвышати, йакоже кротость и смирение и любовь ко ближнемъ. Гимъ же не сщымъ сь нами дбляющими добродетели, все дбланіе наше суетно, и весь трудъ подвижничества бесполезенъ и неприатенъ.

бою на нем из разных камней добродетели храмина его, поколеблена быв, подверглась падению и разорению с верха до низу, до самого лица страстнейшей земли зол, и тогда Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное о падениях своих носишь сердце, которое, помня прежние дни, с воздыханием зывает к Нему о своих падениях. Призирая (смотря), вскоре воззрит Он на тебя, *трепещущего перед словами Его* (Ис. 66, 2), невидимо коснется очес болезнующего сердца твоего, и прежде трудами заложенное тобою основание добродетели взяв под свой покров, даст тебе силу, большую и совершеннейшую прежней силы в пламенной ревности горящего духа, на то, чтоб ты снова трудолюбно стяжал дела добродетели, сгубленные по зависти лукавого, и в духе смирения воздвигнул дом ее, светлейший прежнего, для вечного ее упокоения, как написано (см. Пс. 131, 14).

55. Все, к бесчестию нашему с нами случающееся от людей или от демонов, праведным судом Божиим по Его домостроительству случается к смирению суетного надмения наших душ. Цель у Бога, правителя жизни нашей та, чтобы мы были всегда смиренны, *не думали о себе более, нежели должно думать; но думали скромно* (Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и Его блаженному смирению по возможности подражали, ибо Он *кроток был и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), каковыми Он и нам желает быть, претерпевший за нас смерть неправедную и бесчестную. Почему ничто другое так Ему не любезно и не привлекательно во всякой воистину добродетели, и ничто так сильно не возвысит нас от гноища страстей, как кротость, смирение и любовь к ближнему; так что, когда мы творим добродетели без соприсутствия их, тогда всякое наше делание суетно, и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен.

н҃с. Вводимымъ оубо въ добродѣтельное житіе, страхъ мученій содѣйствуетъ къ дѣланію заповѣдей, и оуклоненію ѿ злѣ. Предъспѣвнымъ же добродѣтелію къ видѣнію славы вѣіа, и нѣ подобнѣ припослѣдствуетъ страхъ, зѣла сый тѣмъ страшенъ ѿ любви чистый, иже и содѣйствуетъ симъ въ пребываніи непоколебимъ стоати любви вѣіа, боащымся ѿ сѣа страшнѣйшаго поползновенія: онѣмъ оубо падшимъ ѿ сѣага въ рѣцѣ намѣреніа, раскаивающимся и пакн востающимъ, первый страхъ припослѣдствуетъ со оупованіи благими. Симъ же завистію спостага погрѣшившимъ паденіемъ, ѿ высоты видѣніа вѣіа, не авте второй послѣдуетъ: но мгла нѣкаа и тма ѿсазаема тѣхъ преѣмлетъ, исполнь сѣци печали и болѣзней и горести съ первымъ мученіи страхомъ. И аще не бы гдѣ саваофъ дни оны пресѣкль неснѣсныа сѣа болѣзни, не бы спасся всакъ испадая ѿтѣдѣ.

н҃з. Внегда пребывательнаго страственнаго помысла стѣженіа душа ѿслабѣ пріиметъ, и пламень мучитель плоти оуванетъ, вѣди тогда вѣдый наитію быти стѣаго дѣа въ ны, возвѣщающа ѿставленіе прѣжде согрѣшеннаго, и дарюща намъ безстрастіе. И донѣлѣ же воню и хъ частымъ стѣженіемъ ѿщѣщаетъ, и подчрѣвнаа распалаются плоти, далече вѣждь, ѿ сѣа быти благовонію стѣаго дѣа, и всю под оузами держимъ быти нерѣшимыми страстей же и чвствъ.

н҃и. Видѣхъ под солнцемъ, глаголетъ премудрый, мужа нещевавша себѣ мудра быти (Притч. 13, 11), егѣже видѣхъ и азъ въ жизни человѣчестѣи оуповающа на дѣла своа, и веліа мудрствующа ѿ человѣчестѣи премудрости и земной и душевной. И не точію сѣа ради надъ нелѣстными вземлющася: но и сѣцимъ въ вѣественномъ покѣи оучителемъ хрѣтѣвымъ подсмѣвающася же вкѣпѣ и рѣгающася за реченіа и хъ грѣшовѣрадность,

56. Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые через добродетель достигли до созерцания славы Божией, иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения. Первым, когда они падают, уклоняясь от своей цели, и потом, раскаиваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимого скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом.

57. Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутри совершилось наитие Святого Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам бесстрастия. Пока же она воню сих помыслов через частое их докучание ощущает, и пока подчребие плоти ее возжигается, дотолѣ ведай, что далеко от ней благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувствъ.

58. Я видел под солнцем (σῆ ἡ — на земле), говорит премудрый, человека мудрого в своих глазах (Притч. 26, 12), такого и я видел среди людей, уповающего лишь на свои дела, высокоумдрствующего (μεγάλῃ ιδέα) в человеческой мудрости (σοφία), земной и душевной. Из-за этого он не только смотрел свысока на простых людей, но и даже на учителей христианской веры, которые достигли божественного покоя >их жизни (ζωή)<; вместе с тем, он

и занè не восхотѣша послѣдовати избрånиємъ оукрашенныхъ реченій внѣшнаго разума, ниже ѿ благовчиненіи положеніа ихъ потщашася въ написанныхъ оученіихъ своихъ. Емуже ѿкъ не оувѣдѣвшѹ ѿкъ оубога, ни избвртатели реченій, ни благогласность гласовъ, но благознаменительность предпочитательнѣйша есть и любезнѣйша разумнѣй. Сію прирекѹ притчѹ: песь живый, той блáгъ пáче лва мѣртваго (Екклес. ̑, ̑): и, блáгъ ѡтрокъ нищъ и мѣдръ, пáче царя старá и безумна, иже не разумѣ внимáти ещѣ (Екклес. ̑, ̑).

Иѡ. Люта и неудобоповѣждаема есть страсть хулы, имать же вины ѿ гордыа мысли сатанины, ѿже и всѣмъ оубо по вѣѣ живущимъ въ добродѣтели стѣжáетъ, многа же предъспѣвающимъ въ молитвѹ и въ видѣнїе бжественныхъ вещей, егѹже ради подобáетъ всáцѣмъ храненіемъ чувства блюсти, и благоговѣати ѿ всѣхъ страшныхъ тáинъ бжїихъ, и сщїенныхъ избвращеній и словесъ, и внимáти ѿ нашествіи дѹха сего: присѣдитъ бо молáщимся и поющимъ намъ, и ѿрыгáетъ ѡвогда оустнáми нашими не внимáющимъ, клáтвы на ны и хулы неподѡвны на вѣа вышнаго, стїхóмъ псалмóвъ и глагóломъ млтвы привода тѣа, но ѡбращáти подобáетъ нань слóво хртóво, ввгдà таково что принóситъ во оустнѣ, или подстѣвáетъ въ мысли наша. И, иди за мною сатанò, рцѣмъ къ немѹ, всáкаго сло-смрадїа исполненне и повинне огнѹ вѣчномѹ: на главѹ твою хула твоа да вѣдетъ: и авїе оумъ ѿ иной коей вещи бжественной или члвчческой нынѣ плѣненіемъ оупразднїмъ, или и со слезáми къ небесѣмъ тогѹ, и къ вгѹ возвысимъ: и тáкъ, вгѹ помогающѹ намъ, избáвимся ѿ тяготы хульных.

ругал и посмеивался над ними за необычную (ασυνήθιστο) их форму речи и за то, что не хотели [они] подражать селективной (εκλεκτικó) и отточенной (τορνευτό) лексике (λεξιλόγιó) внешнего разума, и не пытались следить за правильным написанием [своих] письменных учений. Для него, не знающего, что Бог не предпочитает и не любит (αγαλά) отточенные (τορνευτές) слова и красивые фразы, но добротное значение (σημασία) смысла (νοημάτων) я произнесу следующую поговорку (παροιμία): *пес живой лучше, чем лев мертвый* (Еккл. 9, 4), и: *лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не научился принимать советы* (Еккл. 4, 13).

59. Люта и неудобопобедима страсть хуления, которая источником своим имеет гордое мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании Божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговействовать пред всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога вышнего, приводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими, или всевает в мысли наши, надо обращать слово Христово, говоря к нему: *иди за мною сатана* (Мф. 16, 23), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огонь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой предмет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления.

ѿ. Тлѣтворна ѣсть страсть печаль въ дѹшѣ и тѣлѣ, и самѣхъ касающася мозгѡвъ. Но ѿже ѣсть міра сегѡ привременныхъ ради человекѡмъ прикасающася, ѿже мнѡжицею тѣмъ и смѣрти винѡвна бываѣтъ. Печаль же по бѣѣ, спасительна же въспѣ, и сѣлѡ полезна сѣци, терпѣніе въ болѣзняхъ и искѡшеніяхъ содѣловаѣтъ, истѡчникъ оумилѣніа расширяючи подвижающемѣса, и жаждѡщемѣ правды бжїа, и питаючи слезами сердце ѣгѡ, ѿкоже исполнитиса дѣдовѣ на ѡнѣхъ словесї: Напитаѣши насъ, глаголетъ, хлѣбомъ слезнымъ, и напоиши насъ слезами въ мѣрѣ, виномъ оумилѣніа (Псал. Ѡѡ, 5).

ѿа. Снизпáдшіа части дѹши ѡ слыхъ дѣланїа, сѣлѡ ѿже по бѣѣ печаль востажаваѣтъ, и во ѣже по естествѣ воззываетъ. Толикѡ во зимѣ страстей, и ѡблаки грѣхà истончаваѣтъ слезами, и ѡ мысленнагѡ дѹши ѡгоняѣтъ воздуха, ѿкѡ ведрѣ въ помыслѣхъ абїе оума нашего бывати, и тишинѣ въ морї мысли, и веселїю въ сердцахъ нашихъ, и измѣненїю на явлѣніи лица нашего: на неже добрѣ зраціи, ѿкоже зраки и завѣщанїа своа прїѣпокоюще такѡ по дѣдѣ зываютъ: сїа измѣна десницы вышнагѡ (Псал. Ѡ5, аї).

ѿв. Не прїемли ѡ мнѣній подвсѣваемыа ти помыслы на ближнаго: сѣтъ бо лѡжни и гвѣительни, и всачески прельстительни. Вѣждь оубо, ѿкѡ сїмъ намѣренїемъ покѡшаютсѣ бѣсове въ ровъ погїбели врїнѣти дѹшы творáцихъ оужѣ предспѣанїа въ добродѣтелехъ: инагѡ бо во глубинѣ ѡсѣжденїа и грѣхà дѣлательна ѡ подвижающихсяа когѡ во вреци не мѡгутъ, аще не повинѣтъ того прїати подзрѣванїа лѡкавыа ѡ внѣшнихъ нравѡвъ же и оустроенїи ближнагѡ. Такѡ бо подъ сѣдѡмъ и падѣнїемъ грѣхà сегѡ сотворше, совсѣдитиса съ міромъ дѣлаютъ, по преподѡбномѣ словесї: аще бо выхомъ

60. Печаль есть страсть тлетворная для души и тела, и самых мозгов касающаяся. Но такова печаль міра сего, нападающая на людей, по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиною даже смерти. Печаль же по Богу весьма полезна и душеспасительна: она подает терпение в трудах и искушениях, открывает источник умиления для подвижающегося и жаждущего правды Божией, и слезами, как хлебом, насыщает сердце его, так что на нем исполняется Давидское слово: *будешь питать нас хлебом слезным и поить нас слезами в меру* (Пс. 79, 6) — вином умиления.

61. Части души, расстроенные деланием худых дел, успешно воссозидает печаль по Богу и снова поставляет их в естественное им состояние: она (печаль по Богу) слезами так истончает зиму страстей и облак греха, и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделывается ведро (безоблачность, ясность), в море мыслей тишина, в сердцах наших веселие, а во внешнем виде лица нашего изменение, на которое взирая, имеющие очи видеть могут с Давидом зывать: *это — изменение правой руки Всевышнего* (Пс. 76, 11).

62. Не принимай всеваемых в тебя помыслов на ближнего по подозрениям, потому что они лживы, губительны и всегда прельстительны. Знай, что через это демоны покушаются ввергать в ров пагубы тех, кои делают уже успехи в добродетелях: ибо иначе не могут они кого-либо из подвижающихся направить в ров осуждения и деятельного греха, как внушив ему наперед принять лукавые подозрения на ближнего, по его внешнему поведению и обычаю, потому что, подводя его таким образом самого под суд (за осуждение) и доводя до падения в грех, они вплетают его в осуждение вместе с міром, по следующе-

себѣ, глаголетъ писаніе, разсѣждали, не выхомъ ѡсѣж-
деніи были: сѣдими же ѡгда наказѣмса, да не съ-
міромъ ѡсѣдимса (а Кор. аї, ла).

Ѣг. Егда ѡ оуныніа мѣсто дадимъ бѣсовѡмъ глаго-
лати во оухо наше, іаже на братію нашѣ подозрѣніа, не
хранящеся сирѣчь ѡ движеніихъ очію, тогда и во еже
ѡсѣждати пощраемѣ есмь ѡ нихъ, овогда и совер-
шенныхъ добродѣтелию. Яце во радостовзѡрнѣ зрѣи
ѡсклабляющимса лицемъ, и оудовопрістѣпный всѣмъ
въ вѣсѣдѣ сосложителенъ къ сластемъ и страстемъ те-
бѣ мнитса, да бѣдетъ ти всѣкъ и сѣтованнъ зрѣи и
дрѣхлѡ, іаростію дыхѡм и гордыни исполненъ. Но не
подобаетъ человѣческимъ внимати своіствамъ, по-
грѣшенъ во естѣ всѣми, иже ѡ таковыхъ сѣдѣ. Сѣтъ бо
человѣкомъ многѡ воистиннѣ различіа естѣствъ и на-
выкновеній и тѣлесныхъ положеній, іаже едінѣмъ
онѣмъ въ лѣпотѣ сѣтъ подъ видѣніемъ и сѣдомъ истин-
нымъ чістѡ стажавшимъ оумное око дѡши многимъ
оумиленіемъ, и всельника имѡщымъ безконечный свѣтъ
вѣжественнаѣ жизни: иже и вѣдѣти данѡ естѣ тайны
цѡтвіа вѣїа.

Ѣд. Самоделателіе слыхъ дѣлъ вывающе плѡти,
сѣщемъ противѣ естѣствѡ желанію и іарости дѡшевной
слѣжимъ: плѡть оубѡ сквернаѣ слыми теченіи грѣхѡ,
дѡшѣ же горестію іарости помрачающе, и ѡчѣждающеся
сѣа вѣїа. Подобаетъ прѡчее сквернѣ оубѡ сѣществен-
нагѡ ѡ тѣлесѣ теченіа, потѡки сѣщественныхъ слѣзъ
ѡчищати. Да еже сласть теченіемъ естѣственнымъ
ѡсквернѣ тѣло, сѣе волѣзнь печали теченіемъ паки слѣзъ
естѣственнымъ ѡчищатѣтъ. Мракъ же дѡши, иже ѡ го-
рести іаростнаѣ свѣтомъ оумиленіа и сладостію любвѣ,
іаже по вѣѣ, ѡгонати и соединатиса паки съ тѣмъ, ѡ
негѡже перѡвѣ онѣми ѡчѣждіхомса.

му святому изречению: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы; судя же других, от Господа наказываемся, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 31–32).

63. Когда по небрежности дадим демонам место вла-
гать в уши наши подозрения на братьев, потому что не
следим за движениями очей, тогда доводимы бываем ими
до осуждения иной раз даже и совершенных в добродете-
ли. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный
для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и
страстным, а другой, строго и мрачно смотрящий —
гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не сле-
дует составлять суждения о людях, потому что они почти
всегда бывают в таком случае погрешительны. Ибо в лю-
дях замечаются большие различия в естественных свой-
ствах, навыках и телосложениях, на которые верно смот-
реть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое
око душевное очистили многим сокрушением и имеют
пребывающим в себе безмерный свет Божественной жиз-
ни, — коим дано видеть и тайны Царствия Божия.

64. Сделавшись самоделателями срамных дел плот-
ских, в противность естеству служим похоти и гневу,
плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горе-
чью гнева, и за то отчуждаемы бываем от Сына Божия.
Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из
тела очищать потоками слез. Так если удовольствие оск-
вернит тело (σώμα) естественным истечением (ρεύση,
поллюцией), то страданиями печали оно снова очищается
через естественный поток слез. А омрачение души горе-
чью гневною [необходимо] прогонять светом сокрушения
и сладостной любовью по Богу, и таким образом опять
соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены.

Ѣе. Икоже скверна, ꙗже ѿ сласти сатанинское раченіе предварившее имать во исполненіе злобы: такъ и ѿчищеніе, еже ѿ болѣзненнымъ печали, теплотѣ имать покаеніа предваряющюю во исполненіе плача и слезъ. И сѣе смотреніе есть, ꙗже къ намъ вѣѣмъ благодати, да трѣды болѣзненными трѣдъ сласти, и теченіи слезъ теченіе стѣднѣйшее плоти ѿражающе же и ѿчищающе, и зѣбраженіа слыхъ ѿ оумъ, и безобразныхъ ѿбразы ѿ души безвѣстны сотворимъ, и свѣтлѣйшѣ сѣю добротю естественною покажемъ.

Ѣс. Имже ѿбразомъ лѣкавымъ дѣхомъ дѣйствуемъ блѣдѣи, мздѣ ѿбемлетъ сласть плотскѣю, и конецъ тоа слыхъ, скверна. Такъ, иже дѣхомъ свѣше дѣйствуемый стѣимъ, мздѣ ѿбемлетъ радость душевнѣю: и конецъ тогѣ добрыхъ, еже ѿ слезъ ѿчищеніе и порожденіе, и еже къ бгѣ соединеніе и сопраженіе.

Ѣз. Двѣмъ сѣщымъ въ насъ, ѿ тогѣжде сѣществѣ, естественнымъ теченіемъ сѣмене и слезъ, имже на ризѣ душевнѣѣ ѿсквернаемса, и имже паки на тоѣ ѿчищаемса: нѣжда есть сѣщю ѿ сѣществѣ нашего сквернѣ ѿмыти движимыми ѿ тогѣжде сѣществѣ слезами: инакъ во сѣщю ѿ естества сквернѣ ѿчистити не возможно.

Ѣи. Всяко души согрѣшающіа оустроеніе, злобою движимо нравомъ, въ сласти кратцѣѣ разорѣетъ трѣдѣ: всяка же ѿчищаема душа злѣгѣ ѿбычаѣи и оустроеніа, въ долгѣ сласть веселіа простираетъ трѣды. И чѣдо, какъ сласть, сласть оуक्रоцаючи, раждаемю ѿ

65. Подобно тому, как осквернение плоти наслаждением (ηδονή) имеет предшествующей причиной злое желание (έρωτα), чтобы исполнить (ολοκληρώσει) злобу (κακία); так и болезненная печаль имеет предшествующей причиной теплоту сердца (καρδιάς), чтобы исполнить печаль и слезы. И это есть смотрение (οικονομία) Божией благодати по отношению к нам, чтобы устранять и очищать труд (κόλο) наслаждения (ηδονής) — болезненным трудом (κόπους), и постыдный поток плоти — потоком слез. И исключить из нашего ума виды (τύπους — типы) злодейства (αχρειότητων) и безобразные (τιςάσχημες) образы (εικόνες) из нашей души, чтобы явить (αναδείξομε) блеск (λαμπρότερη) [нашей] природной (φυσικό) красоты (κάλλος).

66. Как тот, кто от действий лукавого духа блудит, получая в качестве награды удовольствие плоти, а в конце концов от злых действий — скверну. Так и тот, кто от действий Святого Духа свѣше, приобретая в качестве награды радость души, в конечном итоге от добрых дел [получает] — очищение слезами, возрождение, соединение и единение с Богом.

67. Есть в нас два естественных (φυσικός) потока от нашего существа (ουσία): семя (γονής) и слезы. Посредством первого мы оскверняем хитон (χιτώνας) нашей души, а вторым очищаем. Так что осквернение, происходящее от нашего существа (ουσία), необходимо очистить слезами, происходящими также от него. Потому что нет другого способа, чтобы очистить осквернение нашей природы (φύσεως — естества).

68. Всякое устройство (διάθεση) согрешающей души, движимой порочным (φάυλη) образом (φάυλο трѣло), мимолетным наслаждением разоряет весь труд (προσπάθειά — старание); но всякая душа, очищаемая от порочной (φάυλη) привычки (συνήθεια) и устройства, своим длин-

сла́сти о́услажда́етъ болѣзнь.

ѢѢ. Овогда оубо горестъ и болѣзнь прибываетъ оумномъ сердца чвствъ ѿ теченіа слезъ, овогда же веселіе и радованіе. Бгда оубо ѡчищаемса поканіемъ ржи, и скверны грѣхъ теплою огнѣ, подѡбны имъще ѿ сегѡ слезы ѿ бжественнаго огнѣ разжигаемы, и акыбы млаты тѣжкими на помыслѣ оумзвляемы, возсылаемы и зъ глубины въздыханіи сердечными, горести и болѣзни оумнѣ же и чвственнѣ ѡчищаемъ. Внегда же сице-выми довольнѣ ѡчищеся слезами, въ свободѣ достигнемъ страстей, тогда ѿ бжественнаго оутѣшамы дѣа, ѡакъ тихо и чисто сердце стажавши, сласти и радости неизреченнымъ исполняемса ѿ радостотворныхъ слезъ оумиленіа.

Ѧ. Ины слезы сѣть, ѡже ѿ поканіа, и ины ѡже ѿ бжественна проливаемыа оумиленіа. Зане ово оубо ѡакъ рѣка потопляющи и низвлачащи всѣ грѣхъ твердыни: ѡвы же, ѡакъ тѣча на трѡстїа приходатъ въ дѣшѣ, и ѡакъ иней на сѣно: класъ разума воспитовающе, и плодѡвїта сегѡ, и плодѡносна совершающе.

Ѧа. Не бѡ еже есть слеза, сїе и оумиленіе, но много посредство слезъ и оумиленіа. Зане ова оубо ѿ расканиа нравствъ, и пѡмѡти дрѣвнихъ дѣшїи паденїи приходитъ, ѡакъ ѿ огнѣ и горящїа воды ѡчищенїе сердца. Ово же, свѣше ѿ бжественныхъ росы дѣха, во оутѣшенїе и прохладенїе сѡдитъ дѣшїи, но во глубинѣ смиренномъдрїа теплѣ вшѣдшїа, и наслаждающїася видѣнїи непристѣпаго свѣта, и къ бгѣ сице вопїющїа дѣдски съ радостїю: проидѡхомъ сквозѣ огнь и водѣ, и и звѣль ны еси въ покої (Псал. ѡе, ѡі).

ным (απλώνει) трудом достигает продолжительного удовольствия, непрерывно (όλο) веселясь (ευφροσύνη). И это чудо, как [второе] удовольствие, сдерживая [первое] наслаждение, совершенно (τελείως) улащивает (γλυκαίνει) боль, порожденную удовольствием.

69. Иногда горестъ и болезнование причиняются сердечному чувству изливанием слез, а иногда — радость и веселие [изливают слезы]. Когда очищаемся мы покаянием от яда и скверны греха [теплотою огня], довольные к тому имея слезы, [разжигаемые от Божественного огня,] тогда, как молотами тяжелыми, бывая поражаемы воспоминаниями о содеянном, глубокие из сердца испускаем стенания, от полноты чувства горести и болезнования о том. Когда же, довольно быв очищены слезами, почувствуем свободу от страстей, тогда, обвеселяемы бывая Божественным духом, как тихое и чистое стяжавшие сердце, неизреченно сладостного преисполняемся утешения от радостотворных слез умиления.

70. Иные слезы, проливаемые от покаянного сокрушения и ины, проливаемые от Божественного умиления. Те, как река, потопляют и разрушают все твердыни греха, а эти бывают то же для души, что дождь для нив и роса для злаков, питая клас ведения и делая его многосердным и многоприплодным.

71. Не то же слезы, что и умиление, но между слезами и умилением большое расстояние, те приходят от раскаяния в прежнем образе жизни и прежних падениях души для очищения сердца, как бы огнем и кипящею водою; а это свѣше находит от Божественной росы Духа в утешение и прохладение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания, и так к Богу Давидски в радости вопиющей: *прошли мы через огонь и воду, и вывел Ты нас в покой* (Пс. 65, 12).

Ѡв. Слышахъ глаголющихъ: не мѡцно комѸ въ на-
выкновѣнїе прїитї добродѣтели безъ Ѡшѣльствїа далѣка,
и бѣгства въ пѸстыню, и оудивїхса, какъ неопредѣ-
лѣнное избѡлиса тѣмъ въ мѣстѣ ѡпредѣлѡти. Ище бо
навыкновѣнїе добродѣтели, воспоставлѣнїе ѣсть силъ
дѸшѣвнѣхъ въ дрѣвнее благородство, и вкѸпѣ собранїе
пѣрвѣйшихъ добродѣтелей въ дѣйство ѣже по естествѸ.
Сїа же Ѡ внѣшдѸ аки привождима, къ намъ прибы-
ваютьъ, но сѸтъ съ нами Ѡ іодѣтельства бжѣственнѣмъ и
оумнѣмъ чѸвствомъ: ииже и съ ними же по естествѸ
движимн, входимъ въ царствїе небѣсное. Ище же внѸтръ
насъ ѣсть по гласѸ гдню: оубо излишнаа вещь ѣсть
пѸстыня, входѡщимъ намъ въ не и безъ тоа поканїемъ
и всѡцѣмъ хранѣнемъ заповѣдей бжїихъ. Ѣже и на
всѡкомъ мѣстѣ владычества егѡ по бжѣственномъ
дѣдѸ мѡжетъ быти: блгослові бо, глаголетъ, дѸше моа,
гда на всѡкомъ мѣстѣ владычества егѡ (Псал. рѣ, кѣ).

Ѡг. Иже посредѣ царскагѡ ѡполчѣнїа подъ воеводами
и чиновачальники защищѡемыи же и вчинѡемыи, не
возмогїи во брани сѸпостѡтвѣ дерзновѣннѡ что, и
храбрѡ на сѸпостѡты показѡти, или понѣ единагѡ Ѡ
сїхъ повѣдїти, какъ единарѡтовати имать, и посредѣ
многїхъ тѣмъ врагѡвъ воеводствѣннѡ нѣкое дѣло по-
кажетъ неискѸсенъ сїи во брани; ище же сїе въ человѣ-
ческихъ не възможно ѣсть: многѡ паче въ бжѣствен-
ныхъ. Кто во въ пѸстыню бѣжавъ натечѣнїа бѣсѡвъ, и
страстѣи нашѣствїа, безвѣстнаа и проавлѣннаа поз-
наетъ: или нападѣнїе сотворїтъ на тѣхъ, не пѣрвѣе
добрѣ ѡвѣчївса ѡсѣчѣнїа воли посредѣ собѡра братїи,
подъ искѸснѣмъ началовождѣмъ таковыа брани, невиди-
мыа воїстиннѸ и мысленнѣмъ; ище же сїе не воз-
мѡжно ѣсть, оубо ѡнюдъ не възможно ѣсть, іакъ да
инѣхъ таковыи повѣдїтъ, и инѣхъ наѸчитъ на невиди-
мыа врагї повѣдамъ.

72. Говорят, слышал я, будто невозможно навикнуть
добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, и
удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять
местом. Ибо, если навык в добродетели есть восстановление
сил души в первобытное благородство и сочетание
воедино главнейших добродетелей для свойственного ей
по естеству действия; а это не совне привходит в нас,
как нечто привнесенное (елеїбакта, постороннее), но пре-
доставлено (прирождено) нам от создания (сотворения)
божественным и умным чувством; от них и вместе с ними
мы движемся по естеству, и через это входим в Царствие
Небесное, которое внутри нас есть, по слову Господа: то
пустынь излишня, когда мы и без нее входим в Царствие
через покаяние и всякое хранение заповедей, что возмож-
но на всяком месте владычества Божия, как поет Божест-
венный Давид: *благослови, душа моя, Господа, на всяком
месте владычества Его* (Пс. 102, 22).

73. Кто в массе царского ополчения под воеводами и
командирами в ряду с другими воинами, готовыми по-
мочь ему и защитить его, выступив на брань, не мог пока-
зать воинской доблести и храбрости против супостатов и
хоть одного из них поразить, тот как один станет воинст-
вовать и бороться с толпою многих тем вражеских, или
как может показать при этом воеводское какое дело, не-
искусен будучи в воевании? Если же в человеческих де-
лах это невозможно, не тем ли более в божеских? Кто,
убежав в пустыню, может узнавать набегι бесов и под-
ступы страстей, явные и неявные, или на них делать на-
падение, наперед добре не обучившись отсечению своей
воли среди общества братии под руководством опытного
вождя в деле такой брани невидимой и мысленной? Если
же это невозможно, то тем паче невозможно, чтоб такой
за других успешно воевал и других научал одерживать
победы над врагами.

Од. ѿими ѿ себѣ понось нерадѣніа, и оуничиженіе презрѣніа заповѣдей вѣжихъ: ѿвержи самолюбіе, и на плоть нещадно оустремиса: взыщи ѿправданій гднихъ и свидѣній егѡ: пренебрези славу и безчестіе: возненавидь сластнаа похотѣніа тѣлесѣ: вѣжи сытости, еюже подчрѣвнаа распалаютса: лобжи оубожество, сло-страданіе: стани противъ страстей: ѡбрати чувства твоа ко внѣтреннымъ души: воззри внѣтърь къ дѣланію лчшагѡ: ѡглохни ѡ человѣческихъ вещей: истоци всю твою крѣпость на дѣланіе заповѣдей: плачи, долблегаи, постиса, слопостражди, безмолвствуй, оувѣждь конечное, не іаже ѡ тебѣ, но самаго себѣ: превышше смиреніа видимыхъ вѣди: простри оумное твоѣ око къ видѣнію вѣию, и виждь сладость гдню ѡ доброты созданій. И ѡтѣдѣ сшѣдъ повѣждь братіи твоей, іаже вѣчныа жизни, и тайны црѣтвіа вѣіа. И се естъ дѣло вѣгства ѡ человекѣхъ совершеннымъ прилѣжаніемъ, и конецъ еже въ пѣстыни пребываніа.

Ое. Аще хощеши оувидѣти блага, іаже оуготова вѣтъ любящимъ егѡ, въ пѣстыни вѣди ѡверженіа своеа воли и вѣжи міра. Котѡрагѡ же сегѡ; Похоти очесъ, плоти, гордости помысловъ, и прелести видимыхъ. Сегѡ бо аще вѣжиши міра, ранѡ возсіаетъ на тѣ свѣтъ (Исаіи ѿи, ѿ), оузрѣнемъ вѣжественнаа жизни, и исцѣленіа души твоеа, глаголю же, слезы скорѡв возсіаютъ, и измѣненіемъ измѣнишиса десницы вышнагѡ, и рана ѡтолѣ страстей не приблизитса тѣлесі твоемѣ (Ѳал. ѳ, ѿ). И такѡ посредѣ міра и людей пребываа, вѣдеши іакѡ въ пѣстыни живущъ, и человекѣ не видѣа. Аще ли же сегѡ не такѡ вѣжиши міра, ничтѡже тебѣ ѡ вѣгства единагѡ видимагѡ міра къ совершенствѣ добродѣтелей и соединенію вѣію привѣдетъ.

74. Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о заповедях Божиих; отбрось самоудогие и вооружись нещадно против плоти; презри славу и честь; возненавидь сластные похотения тела; бегай сытости, от коей возгорается огонь в подчревию; облобызай скудость и всякие лишения; противостой страстям; обрати чувства свои во внутрь души; направь внутреннее твое к деланию лучшего; не осучайся человеческими делами; всю силу твою иждивай на делание заповедей; плачь, спи на земле, люби лишение и уединение; познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам; будь выше ничтожности видимых вещей; устремляй мысленное око свое к созерцанию Бога; узревай красоты небесные, и сошед оттуда, возвещай братьям о благах вечной жизни и о таинствах Царства Небесного. Вот это и есть делом убежание от людей через крайнее подвижничество и цель пребывания в пустыни.

75. Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли и бегай міра. Какого же это міра? Похоти очес и плоти, гордости помыслов и прелести видимых вещей. Если убежишь от такого міра, то *рано воссияет тебе свет* через узрение Божественной жизни и *исцеление души твоей*, то есть слезы *скоро воссияют* (Ис. 58, 8), и ты изменишься изменением *правой руки Всевышнего* (Пс. 76, 11), и *рана {язва} страстей* после сего *не приблизится к телу твоему* (Пс. 90, 10). Таким образом ты, среди міра и людей пребывая, будешь как живущий в пустыне и людей не видящий. Если же таким образом не убежишь ты от сего міра, то убежание из міра видимого нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом.

Оз. Ёже быти иноку, не ёже внѣ челоуѣкъ и міра быти ёсть: но ёже ѡставити себѣ, внѣ похотей плоти быти, и пойти въ пустыню страстей. Аще бо и къ великому оному речеса: бѣгай челоуѣкъ, и спасёшиса, но симъ ѡбразомъ речеса: зане и по ёже бѣжати оному, посредѣ челоуѣкъ водворашеса, и въ населённомъ приходѣ бѣ, и со оученики живаше: но мысленнымъ бѣгствомъ въ чувственномъ спѣшнѣ бѣжавъ, ничтоже ѡ челоуѣческаго сочетаніа повреждашеса: сїе же и инъ некто ѡ великихъ вопіаше ѡ собраніа исхода: бѣгайте братіе, на оуста показаше, вопрошаемъ вини.

Оз. Ёже вкѡпѣ во ѡбщежитіи житіе, оудиненіа ёсть оутвержденнѣйше: зане ѡ нѣжднѣмъ оубѣ ёже вкѡпѣ житіа, свидѣтель ёсть священное слово іиса и бга: идѣже бо еста два или тріе собрани, глаголетъ, во имя моё, тѣ ёсмь посредѣ ихъ (Матѣ. ѳи, к). ѡ прибѣдственности же оудиненіа соломѡнъ, горе единому, глаголетъ, іакѡ, егда падетъ, несть воздвѣжай его (Екклес. д, і). Ибо въ любви и единомыслии бга поущихъ, и давидъ оублажаетъ: блаженіи, вопіа, людїе вѣдущїи воскликновеніе (Псал. пн, 51). И ёже вкѡпѣ житіе похваллетъ, глагола: се что добро, или что красно, но ёже жити братіи вкѡпѣ; (Псал. рѣв, а.) И во оученицѣхъ гднихъ, едина бѣ въ нихъ душа и сердце (Дѣян. д, лѣ). Но и ёже къ намъ вѣе сошествіе, не въ пустыни бысть, но въ населённыхъ и посредѣ челоуѣкъ грѣшныхъ. Нѣжно оубо ёсть единомысліе, ёже вкѡпѣ жизни: погрѣшно же оудиненіе и прибѣдственно.

Ои. Нѣжда (ёсть) прїити соблазномъ, глаголетъ гдъ, но горе томъ, имяже соблазнъ приходитъ (Матѣ. ѳи, з). Иже оубѣ благоговѣніе погубивый, и съ пренебре-

76. Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и міра, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (в бесстрастие). Если великому оному (авве Арсению) и сказано: бегай людей и спасёшься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из міра, водворялся среди людей, проходил по населённым местам и жилал с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. Это же и другой некто из великих возвал, выходя из собрания: бегайте, братия, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать.

77. Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, который говорит: *ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: *горе тому одному, потому что когда он упадет — и не будет другого, чтобы поднять его* (Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: *блажен народ, знающий восклицание* (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожительство, когда говорит: *вот, что хорошо и что приятно, — это жить братьям вместе!* (Пс. 132, 1). И об учениках Господа говорится в Деяниях, что *у них была одна душа и одно сердце* (Деян. 4, 32). Наконец, и сошествие к нам Бога было не в пустыне, а в населённых местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно.

78. *Надобно прийти соблазнам, говорит Господь, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Сие горе навлекает на себя тот, кто, потеряв

жёнїемъ ѿ безстрашіемъ вѣимъ посредѣ собора братїи пребывааи, многимъ ѿ простѣйшихъ даѣтъ соблазны. Ово оубо дѣлы, ѿ образы, ѿ слѣйшими нравы: ово же словесы ѿ бесѣдою растлѣнною, ѿ растлѣваѣтъ дѣшы ѿ нравы благи ѿ добры.

Ѡд. Блюдыи заповѣди вѣимъ, не камень соблазна бываѣтъ человекѣмъ, зане ниже соблазнъ ѣсть въ немъ: миръ во многъ любящимъ законъ твой, ѿ несть имъ соблазна (Псал. рїї, рѣе): но свѣтъ, ѿ соль ѿ жизнь, по гдню гласъ: вы есте свѣтъ міра, ѿ соль жизни (Матф. ѣ, ді). Свѣтъ оубо, ѿкѣ житїемъ добродѣтеленъ, ѿ свѣтелъ словомъ, ѿ премудръ оумомъ: соль же, ѿкѣ въ разумѣ вѣественномъ многъ, ѿ силенъ въ премудрости вѣїей. Жизнь же, ѿкѣ глаголы бесѣды своей животвориаи оумерщвлѣнныхъ страстьми, ѿ сиухъ ѿ ада возставааи ѿчанаїа, ѿ свѣтомъ оубо дѣлъ своихъ правды сїаїи предъ человекѣи, ѿ просвѣщааи ихъ. Гладостїю же ѿ терпкостїю словесъ, востагааи тѣхъ ѿ разславленїа, ѿ избавлааи ѿ согнїтїа страстей: жїзнію же глаголь своихъ животъ дааи оумерщвлѣннымъ ѿ грѣхѣ дѣшамъ.

пї. Страсть тщеславіа трестенъ волчѣць ѣсть, тщеславіемъ ѿ мнѣнїемъ ѿ гордынею ѿ вѣсѣвъ разжїгаемъ же ѿ исковываемъ: но водворяющимисѣ въ кровѣ вѣга небеснагѣ, видимъ бываѣтъ, ѿ остны сегѣ сокращаютьсѣ, превозлетающими сїрѣчь сїа смиренїемъ, ѿ въ садѣ жїзни внѣтръ почивающими.

пѣ. Внегда нечїстый сей ѿ многокозненный вѣсѣ прилогствѣтъ ти предспѣнїа творящѣ въ добродѣтели, ѿ предгадаѣтъ ти престѣлѣвъ высотѣ, оумышленїи, въ паматствованїе возводѣ ѿ возносѣ дѣланїе твоѣ, ѿкѣ превышше лежащее пробчихъ, но ѿ дѣшы водїти довольна тѣ совѣтѣтъ быти: оудержавъ егѣ

благоговейство и небрежно, без страха Божия ведя себя среди собора братий, многим из простейших подает соблазны. Он то действиями своими, образом держания тела и нехорошими привычками, то словами и беседою растленною растлевает души и нравы добрые и благие.

79. Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей, потому что *в нем нет соблазна* (1 Ин. 2, 10). *Мир велик у любящих закон Твой, и нет им соблазна* (Пс. 118, 165), но свет, и соль, и жизнь по слову Господа: *вы – свет міра; вы — соль земли* (Мф. 5, 14. 13). Свет есть таковой, как добродетельный по жизни, просветительный в слове, мудрый в совете; соль, как богатый Божественным ведением и сильный в премудрости Божией; жизнь, как словесами беседы своей оживляющий умерщвлѣнных страстями и выводящий их из ада отчаяния: и при сем светом дел своих праведных сияя пред лицом людей и освещаая их; приятностью и горькостью словес своих восстягивая их от разленения и избавляя от растления страстей; а жизненностью речей своих подавая оживление душам, умерщвлѣнным грехом.

80. Страсть тщеславия есть трехостный волчец, тщеславием, самомнением и гордостью от бесов разжїгаемый и выковыываемый; но теми, кои водворяются в крове Бога Небесного, он легко схватываем бывает на месте преступления (в самом начале зарождения); и остны его сокрушаются, а они на крыльях смирения воспаряют горе, и упокоеваются под сению древа жизни.

81. Когда нечїстый сей и многокозненный бес приступит к тебе, и, если ты делаешь успехи в добродетели, начнет пророчить тебе высоту престѣлов, приводя на память в помыслах деятельность твою и превознося ее, как превышающую других, и представляя тебе, что ты довольно силен даже и для того, чтоб руководить других;

мысленно, не остави оубьгнѣти, аще оубв силѣ прїалѣ
 єси съ высоты такъ творити. И поемь, поиди мыслию, и
 мнѣнїемъ къ нѣчесомѣ нѣкогда содѣланномѣ тобою слѣ,
 и сїе предъ нимъ ѡбнаживъ, рци къ немѣ: дѣющїи
 такъваа достойни ли сѣть на таковѣ взыти предсѣ-
 данїа высотѣ; и довольны ли тїи мнѣтса быти водити
 дѣшы, и приводити спасены ко хрѣтѣ; ты да речеши, азъ
 во молчѣ. Не имѣа оубв онъ что ѡвѣщати тебѣ, ѣкв
 дымъ ѡ стѣдѣ ѡидетъ, и не котомѣ съ силою стѣжитъ
 тїи. Аще ли же что содѣанно, или глаголанно ѡ слыхѣ
 нѣсть въ тебѣ, премїрною жїзнію твоєю, то понѣ
 заповѣдми себѣ и страстїми восприложї гдѣ: и толикв
 себѣ ѡбращеши совершенства недостаточна сѣща, єли-
 кв кѣпѣль воднѣю недостаточнѣ сѣщѣ морѣ. Правда во
 человѣческаа толикв правды ѡскѣдѣваетъ вжїа, єлиkv
 къ величествѣ землѣ небесѣ, и комарѣ льва.

пв. Иже во глубинѣ оумзвивыйса ѡ любви вжїа,
 ѡскѣдѣвающѣ имать предложенїа тѣлеснѣю силѣ: не во
 єсть сытость сегѡ предложенїю въ трѣдѣхъ и потѣхъ
 йночества. Подобно во томимымъ жаждою сѣщѣ, раз-
 паленїе къ подвижничествѣ нѣсть врачество въ сы-
 тость, но чрезъ весь день же и нощь жаждетъ, єже трѣ-
 дитиса, и силою тѣлесѣ побѣждаетса. Мнїю же, ѣкв
 паче естѣственною сєю страстїю и мѣченицы хрѣтѣвы
 ѡбѣати бывше, мѣкъ не ѡщѣщѣхѣ, и сытости не имѣахѣ
 сїмъ прїѡбщѣающеса: но побѣждахѣ сами себѣ распа-
 леннымъ къ вгѣ раченїемъ, и прїснѣ ѡстающиса зрѣ-
 хѣ ѡ разжженнагѣ по єже пострадати предложенїа.

пг. Иже себѣ по каковѣмблибо ѡбразѣ примѣрѣаи ѡ
 подвижничествѣющїхъ, или пребывающїхъ съ нимъ

тогда, схватив его мысленно, не пускай убежать от тебя,
 если свыше получил ты силу поступать так, и, взяв его,
 поиди с ним мыслию в воображении к какому-нибудь,
 прежде сделанному тобою, худому делу, и, обнажив его
 пред ним, скажи ему: делающие такие дела достойны ли
 взойти на сию высоту предстоятельства, и кажутся ли они
 тебе довольно гожими к тому, чтоб руководить души и
 приводить их спасенными ко Христу? Ты, может быть,
 скажешь это, а я молчу. И он, не имея, что ответить тебе,
 исчезнет как дым от стыда и не станет уже более сильно
 докучать тебе. Если же у тебя нет ничего худого, сделан-
 ного или сказанного тобою, потому что жизнь твоя пре-
 мирна, то поставь себя пред заповедями и страданиями
 Господа, и тотчас увидишь, что ты настолько мал пред
 полною мерою совершенства, насколько купель воды
 меньше моря. Ибо правда человеческая столько отстоит
 от правды Божией, сколько величина земли от неба, и ко-
 мар от льва.

82. Глубоко уязвившийся любовью к Богу не имеет
 достаточных к удовлетворению сего расположения сил
 тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыще-
 ния сему его расположению. Находясь в состоянии, по-
 добном тому, в каком находится томимый крайнею жаж-
 дою, ничем не может он до насыщения удовлетворить
 внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он
 быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что,
 таким же сверхъестественным жаром любви пленены
 быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насы-
 щения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали
 распаленным к Богу рвением и всегда находили, что стра-
 дания их далеко отстают от меры их пламенного желания
 страдать за Господа.

83. Мерящий себя в каком-либо отношении с кем-
 либо из сподвижников или живущих с ним братьев сам

братіи, оутайса оумопрельщала себе и страннымъ ѿ бга ходла пртемъ: зане или себе таковыи не позна, или оуклониса ѿ ведшагв къ небесемъ. Имже тцаливи долговерженнымъ мудрованіемъ текуть, имже и сѣти превозлетающе врага, въ мысленъ воздухъ крылы безстрастіа входатъ, и въ свѣтлыхъ вѣснютъ мѣстехъ мѣрномъдріемъ оукрашени.

пд. Напыщенный и чрезъ возношеніе оумомъ прельщайса, никогда же смиреніа во свѣтѣ оумиленіа полчитъ благодать, еуже любодарствуетса свѣтъ премудрости бжїа сокращеннымъ сердцемъ, по писанномъ: Во свѣтѣ твоёмъ оузримъ свѣтъ: но нощь того покрываетъ страстей, въ нейже вси свѣрїе дбравнии чело-вѣческагв естества прохоятъ, и скимни мнѣніа, тцеславіа, глаголю, и блда вѣсъ, рыкающе ищутъ когò поглотити, и во чрево ѿчанїа вовреци.

пє. Живущемъ по челоуѣквмъ и движимомъ дхомъ мнѣніа, море золь житїе сїе и настоящаа жизнь бываетъ, поливающее оумнью часть дши егв славностїю сластей, и свирѣпыми волнами страстей тричастїе егв вїющее, ѿ дхввъ сирѣчь лкавствїа неистовствующееса, нань же лютое недоумѣніе величайшіа печали воспростираетса, внегда ладїа егв и кормило дшевное ѿ сластей сокращаютса плоти, и кормчїи оумъ подъ глвинюю грѣхà, и мысленною смертїю выветъ. Дндеже море оубв золь, въ безднѣ смиренїа и тишинѣ емъ оукротитъ волны: славность же сластей въ тдчи слезъ теченїа ѿвертитъ, и въ сладость преложитъ свѣто-виднв оумиленїа.

пз. Въ сытость сластемъ тѣла и дѣанїемъ того поравотавъ, въ сытость оупотребїи и трдввъ побтничества въ потѣхъ злостраданїа: да сытость сытостїю, и сласть болѣзнїю, и ѿслаба трдбы тѣлесными ѿра-зїттиса, и сытость веселїа и радованїа во оупокоенїе

себя прельщает в неведении и не Божиим идет путем. Таковой или сам себя не знает, или уклонился от пути, ведущего на небо, по которому ревнители текут в самоуничиженном мудровании, коим, перелетев через сети врага, воспаряют в мысленный воздух на крыльях бесстрастия и в светлых веснуют местах, украшены будучи смиренно-мудрием.

84. Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества и скимны (львы) самомнения, — бесы, говорю, тщеславия и блуда, рыкая, ищут, кого поглотить и вовреци в чрево отчаяния.

85. Для живущего по-человечески и увлекаемого духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сладных утех и удовольствий, и трочастность его неистово поражая свирепыми волнами страстей под действием духов злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сластями плотскими и кормчий — ум — остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет конец волны свои в глубине смирения, море сластей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не преложится в сладость светоносного умиления.

86. Кто сластям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть попользуется и трудами подвижническими, в потах злострадания; чтобы сытость отбить сытостїю, сласть горечью, покой трудами телесными, и обрести сытость веселия и радования в упокоение. Сим об-

ѡвръщѣши: такъ бо и чистоты насладишисѧ благоуханїа, и цѣломудрїа, и сласти насладишисѧ неизреченныа безсмѣртныхъ плодѡвъ дѡхѡвныхъ. Понѣже и ѡчищающаа бѣлїа по подобїю ѡбыкѡхомъ, на скверны рїзъ, во ѡчищенїе ихъ налагати, внегда скверною во глубинѣ ѡнепотрѣбствуютсѧ.

пз. Полѣзни сѣть недѣзи вводимымъ ещѣ къ добродѣтельному житїю, содѣйствующе сїмъ ко истѣанїю и смиренїю разжизаемыа плѡти: сїи бо сїлѣ оубо плѡти немоцнѣйшѣ дѣлаютъ, перстное же мудрованїе дѡши ѡтончаваютъ, самъ же тѣло крѣпость еѧ, крѣпльшѣ же и сїльнѣйшѣ по бжественномъ совершаютъ аплѣ: егда бо, глаголетъ немоцествѣю, тогда сїленъ есмь (в Кор. вї, і). Но елику сїи сїмъ сѣть полѣзни, толику приврѣдни предѣспѣвшымъ въ трѣдѣхъ добродѣтелей, и нынѣ чѣство превознїкшымъ, и въ небеснаа видѣнїа вшедшымъ: возбраняютъ бо тѣмъ ѡ оупражненїа ѡ бжественныхъ, и ѡдебелаютъ болѣзнями и ѡвстоанїи помысленное дѡши ихъ: и ѡблакомъ печали возмущаютъ тѡ, и оумиленїе сѣшею болѣзней изсѣшаютъ. Еже павелъ вѣдый прилѣжѧ дѡбрѣ ѡ севѣ, закономъ разсѣжденїа глаголаше: оумерщвлѧю тѣло моѣ подвигами трѣдѡвъ, порабоцѧю еѣ послѣшанїамъ, да не какъ инымъ проповѣдѡа, самъ неключимъ бѣдѣ (а Кор. ѡ, кз).

пн. Ѡ нестройнагѡ и равности неимѣцагѡ оустѡва пици, множицею раждѧютсѧ многимъ недѣзи: или къ крайнемѣ неаденїю тцаливомѣ, или къ трѣдѡмъ добродѣтелей безмѣрнѡ и неразсѣднѡ простѣршѣсѧ, или къ ѡбладенїю и сытости оуклѡншѣсѧ ествѣсѣ сѣпостатѣ. Нѣжно оубо и вводимымъ къ добродѣтели еѣсть воздержанїе, и вышше среды прелѡжшымъ подвиги къ совершеннѣйшемѣ видѣнїа восхожденїю: мати бо здравїа еѣсть сїе, дрѣгъ чистоты, и смиренномудрїа благъ

разом ты и насладишѣся благоуханиемъ целомудрїа и чистоты, и вкусишѣ неизреченной сладости бессмѣртныхъ плодовъ духовныхъ. Подобно сему обыкновенно кладемъ мы в одеждѣ очистительныя зелья, для очищенїа ихъ от смрада, когда они пропитаны имъ до невозможности употреблять ихъ.

87. Болѣзни полезны для техъ, кои только вводятся в добродѣтельную жизнь, темъ, что содействуютъ имъ к истощанїю и усмирению горячей плѡти. Они силу плѡти дѣлаютъ слабейшею, грубое перстное мудрованїе души истончаютъ, еѣ же собственную силу соделываютъ сильнейшею и мощнейшею, по божественному Павлу, который говоритъ: *когда я немоцнъ, тогда сїленъ* (2 Кор. 12, 10). Но насколько эти болѣзни полезны для новоначальныхъ, настолько вредны для продвинувшихся в трудахъ добродѣтелей и только что превзошедшихъ чѣство и достигшихъ небесныхъ созерцанїй. Ибо препятствуютъ имъ заниматься божественными вещами и притупляютъ болями и тяжелыми обстоятельствомъ разумную часть ихъ души, и замутняютъ еѣ тучей малодушїа, и иссушаютъ умиленїе сухостью трудовъ. Тоже [и апостолъ] Павелъ, хорошо знающий о себѣ, рассуждая говоритъ: *усмиряю тело мое подвигами трудовъ, порабоцѧю его послушанїямъ, дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ* (1 Кор. 9, 27).

88. От беспорядочной и неровной диеты у многихъ часто рождаются болѣзни, когда кто-то при усилении ревнованїа о трудахъ добродѣтельныхъ безмерно и безъ рассужденїа налегаетъ на крайнее неяденїе, то при ослабленїи его поблажаетъ телу, ествѣсѣсѣ врагу нашему, многояденїемъ и пресыщенїемъ. Необходимо мерное воздержанїе и для техъ, кои вступаютъ на путь добродѣтели, и для техъ, кои прошли за средину подвиговъ и простираются къ области

сожителъ.

пѡ. СѸГѸБО ВѸТИ БЕЗСТРАСТІЕ ВѸЖДЪ, ꙗ СѸГѸБО ВО ТЩАЛІВЫХЪ ПАЧЕ БЫВАТИ: ꙗ ПЕРВѸЕ ОУБѸ, ꙗ КОНЦА ДѸЛАТЕЛНАГѸ ЛЮБОМѸДРІА ПЕРВОЕ БЫВАЕТЪ ТЩАЛІВЫМЪ БЕЗСТРАСТІЕ, ѸЖЕ ꙗ ЗАКОННАГѸ ПОДВИГА ТРѸДЫ МНОГОВРАЗНѸ ПРЕДѸСПѸВШЫМЪ, ОУМЕРЦВЛАТИ ОУБѸ ВѸСТЬ АБѸЕ СТРАСТИ, ꙗ СТРЕМЛЕНІА ПЛОТИ НЕДѸЙСТВЕННА ПОСТАВЛАТИ, ꙗ ДВИЗАТИСЯ КО ѸЖЕ ПО ЕСТЕСТВѸ ДѸШЕВНЫМЪ СИЛАМЪ ТВОРИТЪ, ꙗ ОУМЪ ВЪ ПОУЧЕНІИ БЖЕСТВЕННЫХЪ СЪ РАЗЪЛОМЪ ВОСПОСТАВЛАЕТЪ. ТАЖЕ ꙗ НАЧАЛА ЕСТЕСТВЕННАГѸ ВИДѸНІА, ВТОРОЕ ꙗ СОВЕРШЕННѸЙШЕЕ ПРЕМѸДРѸ ТѸМЪ ПРИБЫВАЕТЪ. ѸЖЕ ꙗ ОУМНАГѸ БЕЗМОЛВІА ПОМЫСЛОВЪ, ВЪ МИРНОЕ ОУМА ВОЗВЫСИВШОСЯ ОУСТРОЕНІЕ, ПРОЗРИТЕЛЬНѸЙШЪ ЖЕ ꙗ ПРЕДЗРИТЕЛЬНѸЙШЪ ВѸСТЬ ОУМЪ СОДѸЛОВАТИ. ПРОЗРИТЕЛЬНѸЙШЪ ОУБѸ, ВЪ ВѸЩЕХЪ БЖЕСТВЕННЫХЪ, ꙗ ВО ВИДѸНІИХЪ ЛѸЧШАГѸ, ꙗ ВЪ ѸКРОВЕНІИХЪ ТАИНЪ БЖІИХЪ: ПРЕЗРИТЕЛЬНѸЙШЪ ЖЕ, ВЪ ВѸЩЕХЪ ЧЕЛОВѸЧЕСКИХЪ, ѸДАЛЕЧЕ ГРАДѸЩИХЪ, ꙗ ИМѸЩИХЪ БЫВАТИ, ВЪ НИХЪ ЖЕ ЕДИНЪ ꙗ ТОЙЖДЕ ДѸХЪ ДѸЙСТВУАИ ЕСТЬ, ДЕРЖАИ ОУБѸ ꙗ СОДЕРЖАИ ПО ПЕРВОМѸ БЕЗСТРАСТІЮ, ѸПЩААИ ЖЕ ПО ВТОРОМѸ ВЪ СВОБОДѸ ВѸЧНЫА ЖІЗНИ, ІАКОЖЕ ПАВЕЛЪ ГЛАГОЛЕТЪ (Рим. 5, 6в).

Ѹ. ИЖЕ БЕЗСТРАСТІА ПРИБЛИЖИВЫСЯ ПРЕДѸЛѸМЪ, ИСТИННА ОУБѸ Ѹ ВѸѸ, ꙗ Ѹ ЕСТЕСТВАХЪ СЩИХЪ, ТВОРА ЗРѸНІА, ꙗ ДОБРОТЫ СОЗДАНИИ ПО МѸРѸ СВОЕА ЧИСТОТЫ КО ТВОРЦѸ ВОСТЕКАА, ПРИЕМЛЕТЪ СВѸТОЛИТІА ДХА: БЛАГА ЖЕ МНѸНІА ИМѸА Ѹ ВСѸХЪ, ПРИСНОПОМЫШЛАЕТЪ Ѹ ВСѸХЪ ДѸБРАА: СТѸМИ ЖЕ ВСѸХЪ ЗРИТЪ ꙗ ЧИСТЫМИ, ꙗ Ѹ БЖЕСТВЕННЫХЪ ꙗ ЧЕЛОВѸЧЕСКИХЪ ВѸЩЕХЪ СДЪ ПРАВЪ ИЗНОСИТЪ: ꙗ РАЧИТЕЛЬСТВУЕТЪ ОУБѸ НИЧЕСОГѸЖЕ ꙗ ІАЖЕ Ѹ ВЕЩЕСТВѸ МІРА ꙗ ЧЕЛОВѸКѸМЪ ТЩІИМЪ. ИЗШЕДЪ ЖЕ ОУМОМЪ ВСЕМИРНАГѸ ЧѸВСТВА, КЪ НЕБЕСЕМЪ ꙗ БГѸ ВОСТЕЧЕТЪ ЧИСТЪ ВСАКІА ТИНЫ, ꙗ ВСАКІА РАБОТЫ СВОБОДЪ, ꙗ ВЕСЬ БЫВАЕТЪ

высшего созерцания. Оно — мать здравия, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия.

89. Знай, что бесстрастие двояко и двояким образом бывает в ревностных особенно. И, во-первых, по достижении конца деятельной философии (жизни) первое бывает у ревностных бесстрастие, когда, по преуспянии в многообразных трудах подвижничества, умирают в них страсти, стремления плоти останавливаются в бездействии, и силы души начинают действовать по естеству своему, а ум возводится в первое состояние — поучаться в Божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания, второе, совершеннейшее, явно прибывает к ним бесстрастие, в котором ум их, по убедительности помыслов, возводится в мирное устройство и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах Божественных — в узрениях лучшего, и в раскрытиях таин Божиих; прозрительнейшим в вещах человеческих — кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах бесстрастия действует один и тот же дух, который в первом властно держит и вяжет, а во втором разрешает (т. е. освобождает) в свободу *вечной жизни*, как говорит святой Павел (см. Рим. 6, 22).

90. Приблизившийся к пределам бесстрастия правые о Боге и естествах вещей творит умозрения, и от красоты тварей, соразмерно с своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благие о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах Божеских и человеческих произносит суждение. Ничего не любит он из вещей міра сего, о коих так рачительны люди, но совлекшись умом от всякого мірскаго чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякаго рабства; весь предается мысленным благам Божиим в

мысленныхъ вѣиныхъ блажихъ во единомъ дѣѣ, и вѣест-
веннѣю добротѣ зрѣтъ и вѣолѣпнѣ пребываетъ въ
вѣественныхъ мѣстѣхъ блаженна вѣиѣ славы въ
неизреченнѣмъ молчаніи и радости: и чѣствами всѣми
измѣненъ бывъ, ѣкѣ аггѣлъ въ вѣещественнѣмъ тѣлѣ
невещественъ съ человекѣи совбращаетса.

Ѣа. Чѣства вѣсть слово пѣтъ и ѣвѣченіѣ: вѣдѣніѣ,
пѣченіѣ, молитвѣ, воздержаніѣ, и безмѣлвѣ. Сѣмъ чѣв-
ства своѣ присовокѣпѣиый: зрѣніѣ оѣвѣ, вѣдѣнію: слѣхъ
же пѣченію: ѣвѣнѣніѣ мѣтвѣ: вкѣсъ, воздержанію: и
ѣсказаніѣ спѣгѣи безмѣлвѣю, скѣрѣ ѣчищѣетъ оѣмъ
своѣ дѣши, и ѣтончѣвъ сѣми ѣгѣ, безстрастна и про-
зрѣтельна ѣгѣ содѣловаетъ.

Ѣв. Оѣмъ безстрастенъ ѣсть, своѣ повѣдѣиый стра-
сти, и превѣше печѣли и радости бѣиый, ѣже ни ѣ пе-
чѣлехъ, ѣже ѣ нанесѣнѣи, оѣнѣваетъ, ни радѣстѣю ѣже ѣ
благѣдѣшѣмъ, разливѣетса: но во скѣрѣвѣхъ оѣвѣ радѣю-
щѣюса ѣмѣѣ дѣшѣ, во благѣдѣшѣиныхъ же воздержѣю-
щѣюса, и не вѣнѣ мѣры дѣйствѣющѣю.

Ѣг. Многѣ на творѣщиныхъ въ вѣдѣніѣ предспѣлнѣ
неистовство вѣсѣвъ: подспѣдѣютъ во на тѣхъ нѣщѣ и
дѣнѣ. И пребѣвающимѣи оѣвѣ съ нѣми, ѣскѣшенѣмъ лѣта
на нѣ воздѣвѣютъ: собою же тѣпоты творѣтъ въ
страхованіѣ, и на спѣщиныхъ сѣхъ навѣтѣютъ, ѣтрадѣ
ѣхъ завѣдѣще, и различнѣ ѣпечѣлѣютъ ѣхъ, ѣще и не
мѣгѣтъ ѣвѣдѣти прилѣплѣнныхъ сѣщиныхъ гѣѣ. И ѣще не
бѣ аггѣлъ гѣдѣ всѣдерѣжѣтѣлѣ хрѣнѣи ѣхъ вѣлѣ, не вѣша
навѣта ѣхъ и смѣртныхъ сѣтѣи оѣгонзнѣли.

Ѣд. Подѣвѣлѣетса въ дѣлѣтѣльнѣмъ лѣбомѣдрѣи доб-
родѣтели, вѣмѣлѣи ѣзвѣстнѣ ѣ навѣтѣхъ гѣвѣнѣтель-
ныхъ вѣсѣвъ: ѣлѣкѣ во восхожденѣмъ предспѣлнѣи въ
высѣкѣмъ добродѣтели полагѣеши, и свѣтъ оѣмножѣет-
тѣса вѣественнѣмъ въ молитвѣхъ, и ко ѣкровѣнѣмъ

единомъ духѣ, и зря Божескую красоту, любит боголепно
пребывать мысленно в Божественныхъ мѣстахъ блаженной
славы Божией, в неизреченномъ молчании и радовании, и
изменившись всеми чувствами, какъ Ангелъ в веществен-
номъ телѣ невещественно сообращается с людьми.

91. Разумъ находит и аскетическихъ пять чувствъ: бденіе,
богомыслие, молитву, воздержаніе и уединеніе. Кто со-
четаетъ сими чувствами свои чувства, именно — зрѣніе с
бденіемъ, слухъ с богомыслиемъ, обоняніе с молитвою, вкусъ
с воздержаніемъ, осязаніе с уединеніемъ, тотъ скорее очи-
ститъ умъ свой и, утончивъ его ими, соделаетъ его бесстраст-
нымъ и зрѣтельнымъ.

92. Умъ, обуздавший свои страсти и ставшій выше пе-
чали и радости, бесстрастенъ. Онъ ни въ печальныхъ случай-
ностяхъ не подавляется скорбію, ни въ благопріятныхъ не
разливается въ радостяхъ, но въ прискорбностяхъ радующею-
ся держитъ душу, а въ благопріятностяхъ воздержною въ ра-
дости и не выходящею изъ меры въ ней.

93. Велика ярость бесѣвъ на техъ, кои пребываютъ въ со-
зерцаніи. Они день и ночь присѣдѣютъ имъ с наветами, и то
черезъ техъ, кои живутъ вместе с ними, возбуждаютъ на нихъ
лютые искушенія, то сами поднимаютъ шумъ и топотъ для
устрашенія ихъ, — иногда нападаютъ на нихъ спѣщихъ, зави-
дуя ихъ покойному отдыху, и всячески беспокоятъ ихъ, хотя
не могутъ причинить вреда темъ, кои Богу себя посвятили.
И если б не было при нихъ Ангѣла Господа Всѣдерѣжѣтѣлѣ,
охраняющѣго ихъ, не избежать бы имъ ихъ наветѣвъ и сѣтѣи
смѣртныхъ.

94. Состоя въ подвигѣ по дѣятельному лѣбомѣдрію
добродѣтели, внимательнее наблюдай за наветами губѣ-
тельныхъ бесѣвъ. Ибо сколько положишь ты восхожденийъ
преуспѣянія въ высшихъ добродѣтеляхъ, сколько увеличится
Божественнѣмъ свѣтъ въ молитвѣхъ твоихъ, и ты благодатно

градѣши и видѣніамъ неизреченнымъ, дхѡмъ: толїкѡ о́ни, восходѣща тѣ зрѣще на нѣбо, скрежещѣтъ зѡбы, и слѡбы своеѡ многоплетенныѡ мрѣжи по мысленномѡ въздухѡ тщѣтельно простираютъ. Не то́чїю во по́хотнїи и ѡростнїи и плотолюбївїи же и свѣрстїи на тѣ дхнѣтъ бѣси, но и хѡленїѡ завистїю горькою на тѣ востанѣтъ. И къ сїмъ ѡвлѣннѡ же и неавлѣннѡ въздушнїи и начѡла и власти летѣщїи, по мечтѣнїю є́диномѡ въ вїдахѡ страннѡхъ и страшнѡхъ представлѣющїисѡ, во ѡслобленїе твоє, є́лїкѡ мѡчно є́сть тѣмъ, въздвїгнѣтсѡ. Но во о́умномѡ дѣланїи молїтвы бѡдрымъ ѡкомъ о́ума о́упражнѣсѡ, и мыслѡми є́стєственнѡгѡ о́умозрѣнїѡ въ творенїихъ бжїихъ побчѣсѡ, не о́убоїшисѡ ѡ стрѣлы и хъ летѣщїѡ во дни: нїже во тѣлесї твоємѡ приближѣтисѡ възмогѣтъ, ѡ сщ҃агѡ въ тебѣ свѣта ѡкѡ тѣмѡ прогонѣеми, и ѡ бж҃ественнѡгѡ о́гна пожїгѣеми.

Ѣ. Благодѣти бж҃ественнѡгѡ дхѡ боѡтсѡ сѣлѡ лѡкѡвїи дхси, и наипѣче є́гда богѣтнѣ найдетъ на ны ѡчищѣющїихсѡ побчѣнїемъ и чїстою молїтвою: не дерзѡюще во приближитисѡ тѣлесї ѡсѡбѡемѡхъ ѡнѡдѡ, є́дїнѣми мечтѣнїи и страшнѡми то́поты, и безвѣстнѡми глѡсы о́устрашѣти и смѡщѣти покѡшаютсѡ, и ѡ дѣлѡ ѡводїти бдѣнїѡ и молїтвы. Но и спѡцымъ тѣмъ на землї не щѡдѣтъ, и завїдѡще кратчѣйшемѡ трѡдѡвъ и хъ покѡю навѣтѣютъ, и торгѣнїи нѣкїими взѣмлютъ сонъ ѡ вѣждей и хъ, прїтрѡднѣйшїи сїхъ живѡтъ и болѣзни испѡлненъ творїти таковѡми о́мышлѣюще.

Ѣ. ѡтѣлесѣватисѡ мнѣтсѡ то́нцѣ нѣкакѡ дхси тѣмы, ѡкоже слѡво ѡ искѡсѡ мнѣти дѣетъ. Илї сїє мечтѡющи чѡствѡ подѡкрдѡемѡ, илї въ сїє и ѡсѡждѣннїи бѡвше, ѡ дрѣвнѡгѡ ѡпадѣнїѡ. Но ѡвѣче сосражѣтисѡ съ подвижною о́устремлѣютсѡ дхшїю, клѡнѣщѣсѡ тоѡ ко

Духа Святого внїдешъ в откровенїя и виденїя неизреченные; столько они, видѣ тебѡ восходящимъ к небесам, скрежещутъ зубами и старательно простираютъ многоплетенные сети свои по мысленному въздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дхнут (дышут) на тебѡ, но и духи богохульные в горькой зависти восстанутъ на тебѡ. Сверхъ того эти въздушные начала и власти, явленно (наружно) и неявленно в одномъ воображенїи начнутъ приниматьъ разные странные и страшные образы, чтобъ смутить тебѡ или вредъ какой причинить тебѡ. Но, упражняясь с бодреннымъ окомъ ума в деланїи умной молїтвы, тебѡ нечего бояться такой *стрелы, летящей днем*, потому что они даже к обиталищу твоєму не смогутъ *приблизиться* (Пс. 90, 5, 10), будучи, какъ тѣма, гонимы сушимъ в тебѡ светомъ и Божественнымъ огнемъ опаляемы.

95. Духи злобы крайне боятся благодѣти Божественного Духа, особенно когда она присетитъ богѣтно, или когда мы сияемъ чїстотою под дѣйствиємъ Божественного поученїя и чїстой молїтвы. Не смеѣ по сей причине приблизиться к обиталищу осѣиваемѡхъ такимъ образомъ, они одними мечтѣнїями и призраками, страшными топотами и безобразнѡми криками, покушаются устрашить и смутить ихъ, чтобъ отвлечь от бденїя и молїтвы. Даже и когда они лягутъ немного поспѣть на землї, не щѡдятъ ихъ; но, завїдуѣ этому ихъ коротенькому отдыху от трудовъ, нападаютъ на нихъ, и некїими сотрясенїями взѣмлютъ сонъ от веждей ихъ, замышляѣ симъ образомъ сделать жизнь ихъ болѣе тяжкою и исполненною прїскорбностей.

96. Духи тѣмы кажутся облеченными в тонкіе тела, какъ подѣетъ поводъ думать о́пытъ, призрѣчно ли они это представляютъ, обманывая чувства, или осуждены на это за дрѣвнее паденїе. Какъ бы то ни было, но они устремлѣются схватиться с подвижнїческой душою, когда рабъ еѣ,

снѹ лѣстномѹ тѣлѹ, ѣже и искѹшеніе нѣкое мнѣтмиса быти дѹши, нынѣ бывающіа превыше смиреніа тѣлесѣ, ꙗкѡ да ꙗровидное толѹ и мужественное, какѡ ѣсть, на таковыхъ покажетса, претѣщымъ той страшными съ ꙗростію и неистовствомъ многимъ. Имиже въ раченіе оуазвлена бж҃іе, и ѡбдержительными добродѣтелями ѡбѣта дѹша, не точїю праведною ꙗростію сопротивлѣетса, но и бїетъ сїхъ, ꙗще кое тѣмъ ѣсть чѹство, ꙗкоже мнѣтса, нецѣднѡ ѡземленнѡшымса ѡпадѣніемъ первагѡ и бж҃ественнагѡ свѣта.

Ѣз. Прѣжде сраженіа и побѣды множицею бѣсове чѹство дѹши смѣщаютъ, и сонъ ѡ вѣждей восхищаютъ. Но дерзости и мужества ѡ дѹха стѣгѡ исполненнаа дѹша неврежетъ оубѡ сїхъ нахожденіа и горькагѡ неистовства: животворящимъ же точїю воображеніемъ, и призываніемъ іиса и б҃га, и мечтаніа ихъ разрѹшатъ, и сїхъ кр҃пнѡ вѣглецы совершатъ.

Ѣи. ꙗще корысти плѣнити супостатныхъ дѹхѡвъ ѡ дѣятельнагѡ изшелъ еси любомѹдрїа, зри и внимай, орджи себе ѡвсюдѹ дѹховными воорѹживъ. Вѣси бо, кїихъ сосѹды расхитити возсѣрдствовалъ еси. Супостатъ оубѡ, но мысленныхъ и безплѡтныхъ, съ тѣломъ ещѣ царєви дѹхѡвъ и б҃гѹ воинствѹай. Вѣждь бо, ꙗкѡ горчае, нежели первѣе воюютъ на тѣа, и мнози на тѣа прїидѹтъ козньми: дондеже или оутайвшеса, внегда корысти припогублѣти, съ сїми тѣа плѣнника восхитатъ и многїа горести дѹшѹ твою исполнатъ, или слѣмъ тѣа и волѣзненнымъ подвѣргнѹтъ искѹшенїамъ, во ѡскорбленіе плѡти твоєа и ѡсловленіе.

Ѣѡ. Не можетъ источникъ блѣгъ, воды мѹтны и смрадны источати, веществѡмъ мїрскимъ смердѣща: ниже сѣрдце, внѣ царствїа сѹще небеснагѡ, стрѣи жїзни когда бж҃ественнаа источати, благоуханіе мїра мыс-

тело, склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиренного тела, — каковы ее энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем-либо с яростию и неистовством великим. Душа, уязвленная любовью к Богу и главнейшими (γενικῆς — роднейшими, первейшими, соборными) добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гнѣве, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземлившихся вследствие отпадения от первого божественного Света.

97. Прежде схватки и победы бесы часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон от веждей (век) ее. Но душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, ни во что ставя такой их обход и горькое неистовство, одним животворящим изображением [креста] и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их обращает в бегство.

98. Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отовсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? — супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие против тебя начнут строить козни; пока или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многой горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения через уязвление и озлобление плоти твоей.

99. Не может добрый источник испускать ручьи нечистые и вонючие, отдающиеся запахом мїрским, — ни сѣрдце, вне Царствїа Небеснаго сущее, когда-либо источать струи Божественной жїзни, издающие благоухание

ленна возсылаюцымъ. Еда ли бо, глаголетъ, источникъ ѿ единаго оустѣа источаетъ сладкое и горькое; (Іакв. ̄, ̄аі.) Еда можетъ кипина маслины сотворити, или желуди маслина; Такъ ниже источникъ единъ сердца, лѣкѣвъ и блага въспѣ родити разумъ. Но благій оубо человекъ ѿ благаго сокровища сердца своего износитъ благо: лѣкѣвый же ѿ лѣкаваго сокровища сердца своего износитъ лѣкава, по гдню гласъ (Матф. ̄і, ̄лє).

̄. Икоже невозможно есть безъ елея и огня свѣтильникъ горѣти, и свѣтити сщымъ въ храминѣ: такъ и души не возможно есть безъ бжественна дха и огня, бжественнаго гвлѣннѣе вѣщати, и просвѣщати человекѣки: всѣкъ бо даръ совершенъ свыше есть ѿ оца свѣтѣвъ, раздѣлаемъ всѣкой бголюбивой души: въ немже нѣсть, по словеси, измѣненїа или преложенїа сѣнь.

мысленного мира. *Течет ли, говорит святой Иаков, из одного отверстия источника и сладкая и горькая вода?* (Иак. 3, 11). Может ли терновник производить маслины, и маслина желуди? Так ни единый источник сердца не может в одно и то же время порождать злое и благое помышление. Но, по слову Господа, *добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое* (Лк. 6, 45).

100. Как невозможно без еля и огня гореть светильнику и светить сущим в храмине, так и душе без Божественного Духа и огня явственно возвещать о Божественных вещах и просвещать тем людей: ибо *всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов* подаваемый любящей душе, *у Которого нет изменения, или тени перемены* (Иак. 1, 17).

Тогѡжде вторѡа ѡ естѣственныхъ главнѣишѣхъ сотница, ѡ ѡчищеніи оумѡ.

Начало оубо любви бжїа, видимыхъ и человеческихъ вещей презрѣніе, средѡ же, сердца и оумѡ ѡчищеніе, ѡ негѡже оумное мысленною очїю ѡкровеніе и познѡніе сокровеннагѡ въ насъ небнагѡ црѣтвїа: конѣцъ же, не-удержимо раченіе свщїихъ пѡче естества бжїихъ дарѡвъ, и естѣственно желаніе, еже съ бгомъ соединенїа еѡ, (и) еже въ немъ оупокоенїа.

в. Идѣже раченіе бжїе, и мысленныхъ вещей дѣланїе, и причѡстїе непристѣпнагѡ свѣта: тамъ силѡ дшшевныхъ мїръ, и оумѡ ѡчищеніе, и вселеніе стѣа трїцы. Любѡи бо мѡ, глаголетъ, слово мое соблюдетъ: и оцъ мой возлюбитъ его, и къ нему прїидемъ, и обитель оу негѡ сотворимъ (їѡан. дї, кг).

г. Три вѣсть слово оустроенїа житїа: плѡтско, дшшевно, и дхѡвно. Ѣ сїхъ кожде свое имѡтъ завѣщанїе житїи, раздѣченно къ себѣ, и инѣмъ неподѡбно.

д. Плѡтское житїа оустроенїе, все всѡчески ѡ сластѣхъ и наслаженїихъ настоѡщїа житїи оупражнѡетсѡ: ничтѡже илї ѡ дшшевнагѡ оустроенїа, илї ѡ дхѡвнагѡ въ себѣ имѡщо, илї понѣ ѡнюдъ хотѡщо прїтѡжѡти. Дшшевно же междопрѣдѣльно нѣкое свщїо злѡбы и добродѣтели, къ прилѣжанїю тѣла и здравїю зрїтъ, и къ похвалѣ человеческѣй, равнѣ и трѡды ѡмѣщѡщо доб-

Вторая сотница естественныхъ психологическихъ главъ — об очищении ума

Начало любви к Богу — презрение вещей видимых и человеческих; средина — очищение сердца и ума, от коего мысленное умных очей открытие и познание сокровенного в нас Небесного Царствия, а конец — не-удержимое вожделение преестественных даров Божиих и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем.

2. Где любовь Божия, делание мысленных дел и причастие неприступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святой Троицы. Так говорит Господь: *кто любит Меня, тот слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и Мы приидем к нему, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

3. Три состояния жизни признал разум: плѡтское, душевное и духовное. Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподѡбный.

4. Плѡтское устроение жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устроения, и даже не желая стяжать то. Душевное стоит в середине между грехом и добродетелью, когда пекутся о довольстве и здоровье тела и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отмечают, и избегают дел плѡт-

родѣтели, и дѣланій вѣгающе плоти, не прилежаще словѣ или добродѣтели за ѣже въ нихъ сопротивныя вины: добродѣтели оубо за жестокость сеа вкѣпѣ и притрудность: словѣ же, за ѣже не припогѣбити чело- вѣческихъ похвалъ. Духовное же житіа оустроеніе, ѿ сѣхъ оубо ниже единого имѣти изволаетъ, ниже въ сѣце слыхъ оупражнѣтиса овоихъ, но все по всемъ свободно ѣсть сегѡ и онагѡ, крилома посребренѣма любвѣ и без- страстіа, прелетѣвши овоа: ни дѣюще что ѿ возвра- ненныхъ, и праздности ѿвѣгающе слыхъ.

Ѹ. Иже плотски живущіи, и многѡ мудрованіе плоти належащее въ себѣ имущіи, плоти сѣце ѿнюдъ не мѡгутъ оугодити вѣхъ: темни бо сѣть мудрованіи, и лучей бжественнагѡ свѣта ѿнюдъ всаку непричастни. Належащыа бо облаки страстей, ѣкоже высѡки стѣны ѡстѣнающа имѣще лучи духовныа, непросвѣщенни превываютъ. Глапы же чѣствы сѣце своихъ дѣшъ, не мѡгутъ къ мысленнымъ добротамъ бжѣимъ возник- нѣти, и свѣтъ оувидѣти истинныа воистиннѡ жизни, и превыше быти видимыхъ смиреніа. Но ѣкоже скѡтни сотворшеса, и чѣство бывше міра, къ чѣственнымъ и чело- вѣческимъ вещемъ словесѣ прилагаютъ достѡин- ство, и подвигъ весь къ видимымъ и тлѣемымъ имѣтъ, дрѡгъ со дрѡгомъ за сѣа сварѣшеса. И ѿ таковыхъ овогда и дѣшы своа полагающе, держащеса имѣній, славы и сластей плоти, и тцетѣ великѡ лишеніе тако- выхъ вмѣнающе. Къ нимже праведнѡ ѣку ѿ лица вжѣа прорѡческое оно глаголетса слово: Не имать дѣхъ мой превывати въ чело- вѣцѣхъ сѣхъ, занѣ сѣть плоть (Быт. 5, 7).

ѹ. Дѣшевно живущіи, и сегѡ ради нарицаеми дѣше- вни полчастни нѣцыи, и ѣкоже разслаблени оудесы сѣть: ни потрѣдитиса когда ѿ добродѣтели, и заповѣди вжѣей оусѣрдствѡюще, и оукоризненныхъ дѣланій славы

ских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добро- детели по причине несладости ее для них и притрудности, а греху из-за страха лишиться человеческих похвал. Ду- ховное же устроение — то, когда не изволяют иметь ни- чего из первых двух и не допускают худа, отличающего каждое из них, но, будучи свободны от того и другого, на посребренных крылах любви и бесстрастия перелетают через обеи их, не позволяя себе делать ничего из запре- щенного.

5. Живущие плотски и плотское мудрование всегда в себе пребывающим имеющие, будучи совершенно плотя- ны, Богу угодить не могут, как омраненные смыслом и никаких лучей Божественного света к себе не пропускающие. Ибо приналегшие на них облака страстей напо- добие высоких стен отгораживают их от духовных свето- чей, и они остаются без света. Будучи расстроены и по- вреждены во внутренних чувствах душевных, не могут они воззреть на мысленные красоты Бога, видеть свет во- истину истинной жизни и стать выше ничтожных види- мых вещей. Но как бы оскотинившись и мірским пере- полнившись чувством, привязывают ум к видимому, и все попечение и труд обращают на преходящие блага, друг с другом из-за них воюют, а бывает, что и души свои за них полагают, прилепившись к богатству, славе и плотским удовольствиям, и великим лишением почитая неимение их. К ним праведно как от лица Божия изречено прорѡческое оное слово: *не будет пребывать Дух Мой в людях сих, ибо они суть плоть* (Быт. 6, 3).

6. Душевно живущие и потому называемые душевны- ми суть какие-то полу-умные и как бы параличом разби- тые. Никакого никогда не имеют они усердия потрудить- ся в делах добродетели и исполнения заповедей Божиих,

человѣческіа ради ѿбѣгающе. Самолюбіемъ же, питателемъ пагубныхъ страстей ѿдержіими, всако врачеваніе здравіа ради и наслажденіа плоти оусвоаютъ, и всакъ скорбь и всакъ болѣзнь и всако злостраданіе ѿ добродѣтели ѿтрасаютъ съпостатное выше подобающаго грѣюще тѣло. Снце же житіе и пребываніе имъще, ѿземленаютъ оумъ страстми ѿдевелѣвшъ, и не пріемлютъ мысленныхъ и бжественныхъ вещей, имже дѣша ѿ вещества восхищаетса, и вса въ мысленныхъ внѣтръ пребываетъ небесѣхъ. Се же страждутъ ѿ вещественнаго еще содержіми дѣха, ѿакъ своа любаше дѣшы, и творити воли своа произволающе: тщи бо сще дѣха сѣа, непричастни сѣтъ и дарованій егѡ. Тѣмже ни плода бжественна мочно естъ оувидѣти въ нихъ, ни любве ко ближнемъ, илѣ радости въ нищетѣ и скорбѣхъ, илѣ міра дѣши, илѣ извѣщеніа вѣры, илѣ ѿдержительна воздержаніа: но ниже оумиленіа, илѣ слезы, илѣ смиреніа и милосердіа, вса же напыщеніа гордости пълна. Тѣмже и погрѣзѣтиса во глубины дѣха ѿ себѣ силы скѣдни сѣтъ: ниже бо естъ въ нихъ наставлѣай свѣтъ, и ѿверзѣай оумъ, во еже разѡмѣти писаніа. Но оубо ниже инѣмъ повѣдающимъ оуслышати сѣа терпѣтъ: воистиннѡ оубо и ѡ сицевыхъ аплѣзъ изрече: дѣшевенъ же человекъ не пріемлетъ ѿже дѣха, юродство бо емъ естъ. И не вѣстъ, ѿакъ законъ дѣхѡвенъ естъ, и дѣхѡвенъ востазѣетса (а Кор. вѣ, ді).

3. Дѣхомъ ходѣщїи, и дѣхѡвнѡю воспріемшїи всегда жизнь, бѡгѡгѡдни сѣтъ бѡгови, томъ ѿакъ назѡренъ привозложени сще: прїснѡ бо трѣдами своа ѡчищаютъ дѣшы, и запѡвѣди гѣни соблюдаютъ, истоцавающе крѡви своа за любовь егѡ: ѡчищаютъ плѡть пощеньми и бдѣньми: слезами дебелость ѡтончаваютъ сѣрдца,

и только славы ради человеческой избегаютъ явныхъ укоризненныхъ дел. Одержимы будучи самолюбиемъ, сею питательницею пагубныхъ страстей, все попечение обращаютъ они на сохранение здоровья и услаждение плоти, от всякой же скорби, от всякого труда и всякого злострадания из-за добродетели отказываются, паче надлежащего питая и грея враждебное намъ тело. Держась такого образа жизни и поведения, оземляютъ они умъ, отучневший отъ страстей, и делаются неспособными къ прїятию мысленныхъ и Божественныхъ вещей, коими душа отторгается отъ земли и вся устремляется къ мысленнымъ небесамъ. Это страждутъ они, потому что обладаемы еще суть вещественнымъ духомъ, по коему любятъ свои души и исполнение своихъ желанийъ всему предпочитаютъ. Будучи чужды Духа Святого, они непричастны и даровъ его; почему и плодовъ Божественныхъ не увидишь въ нихъ, не только любви къ Богу и ближнему, радости въ нищете и скорбяхъ, міра душевно-го, искренней веры и всестороннего воздержанія, но и сокрушенія, слез, смиренія и состраданія: все въ нихъ полно надменія и гордости. Въ глубины Духа входить не имеютъ они силъ: ибо нетъ въ нихъ света, который руководилъ бы ихъ къ тому и отверзалъ ихъ умъ къ уразуменію писаній, а другихъ, когда они вещаютъ о томъ, слушать неохочи они. Праведно потому и о нихъ изрекъ святой апостолъ: *душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что оно для него кажется безуміемъ; и не можетъ разуметь, потому что о семъ надобно судить духовно* (1 Кор. 2, 14).

7. Духомъ ходящїе и духовную всецело воспрїявшїе жизнь благоугѡдны Богу, какъ Ему, яко Назореи, себя посвятившїе и всегда об одномъ заботящїеся, чтобъ очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповѣди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь къ Господу, они плѡть свою истоцаютъ постами и бденіями

злостраданными оумерщвляют оуды, молитвою и побужением оумъ исполняютъ свѣта, и свѣтла того соделываютъ, ѿвержениемъ волей, ѿлучаютъ своѡ души ѿ пристрастїа тѣлесѣ, и вси единачу духа бывають: Темже и духовни не точїю познаваются, но и нарицаются ѿ всѣхъ праведнѣ. Сїи къ безстрастїю, и любви градше, къ видѣнїю воскриляются твари, и разумъ ѿнѣдъ сщци премудростїю прїемлютъ сокровенную въ вѣѣ, единѣмъ даемю превыше бывшымъ смиренїа тѣлесѣ. Темже и всако чвство мїра прешедше, и мыслию просвѣщенною во еже паче чвства пришедше, изаснають слово. И посредѣ церкви бжїа и собора многа верныхъ, словеса блага ѿ чїста сердца ѿрыгають, и бывають человекымъ соль и свѣтъ, ꙗкоже и гдѣ къ нимъ провѣщаваетъ: *вы есте свѣтъ мїра, и соль земли* (Матф. 5. 13 и 14).

й. Оупразднитесь и разумѣйте, ꙗкѡ азъ есмь бгъ (Псал. мѣ, 11): бжественнаго слова сїе есть гласъ, и дѣятельнѣ хотѣщими познавается. Полѣзно оубо есть единою ѿрекшемса многосмщеннымъ житїа (сегѡ) и лютыа счеты, вниманїемъ многимъ себѣ и безмолвїемъ внѣшнихъ вещей прилѣжнѡ посѣщати, и бга въ себѣ искати, и познати внѣтръ насъ сщцѣ цртьїю егѡ. Едва бо такѡ творѡ ктѡ, многими прохожденїи времени, ѿбразы злѡбы изгладити ѿ души возмѡглъ бы и древнюю добротѣ давшемъ чїстѣ сохранити.

ѡ. Предсохранѣнъ бывъ ꙗдѣ въ насъ злѡбы, многъ сщцѣ, многа и огнѡ воистиннѣ чїстїтельнаго слезами трѣбуетъ поканїа, и вольныхъ подвижничества трудѡвъ: понеже или вольными трудѡ ѡчищаемса ѿ сквернъ грѣхѡ, или невольными поношенїи (лютыхъ). Вольнымъ бо предваряющимъ, не оусрѣтають неволь-

ми, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злостраданими (произвольными лишениями), молитвою и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделывают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастїа к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуется от всех праведно. Они, идя к бесстрастїю и любви, окрыляются к созерцанию творения и оттуда приемлют ведение сущего через сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженного. Прешедши таким образом всякое чувство мїрское и мыслию просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом, и среди церкви и многочисленного собрания верных отыгают благие словеса из чистого сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: *вы есть свет мїра; вы есть соль земли* (Мф. 5, 13–14).

8. Упразднитесь {успокойтесь} и разумеите, что Я есть Бог (Пс. 45, 11). Это глас Божественного Слова и хотящими деятельно познается. Почему отказавшемуся однажды от многмятежїа жизни и пагубной суетности ее полезно, со многим вниманїем и безмолвїем, тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как Царствїе Божїе внутри насъ есть. Ибо и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжение многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне восстановить красоту для Того, Кто даровал ее.

9. Поелику прежде заложенный в насъ ядъ зла многообилен, то многого и огня требует дая очищения своего, то есть слезъ покаянїа и произвольныхъ подвижническихъ трудов, ибо мы очищаемса от сквернъ грѣха или произвольными трудами, или невольными скорбїями. Когда то, что от воли, предупредитъ сделать требуемое, тогда не

нам: ѿнѣмъ же не дѣйствующимъ ѿчищеніа внутреннѣа сткланицы и блюда, сѣа сѣльнѣе дѣйствуютъ наше къ древнемѣ возстроеніе. Такъ хитрецѣ оучинившѣ.

Г. Играютъ благочестіемъ, и играемы сѣтъ ѿ вещей, иже не по словѣ свое сотворшии ѿреченіе, ниже оучителя имѣти и наставника восхотѣвшии ѿ начатковъ, но своемѣ разумѣ послѣдовавшии, и явлѣшииса предъ собою разумни (Исаиѣ 5, 21).

А. Ниже телесныхъ недуговъ недуготворѣщѣа вины можетъ кто извѣстнѣ вѣдѣти и цѣленіа ихъ безъ искѣса многоврачебнаго хѣдожества, ниже дѣшевныхъ безъ многаго ѿ силъ ѿвѣченіа. Понѣже якоже погрѣшно мнитсѣ имъ и малѣми сѣлѣмъ оудоворазумѣваемо телесныхъ недуговъ разпознаніе, въ немже врачѣи оупражнѣетсѣ хѣдожество, такъ погрѣшительнѣе, и много паче нежели оно, еже есть дѣшевныхъ. Елико бо дѣша ѿ тела есть лучша, толѣко больши ѿныа и недобовѣждаемы страсти, нежели видимаго всѣми чувственнѣ сего тела.

Б. Естествомъ съ человекѣи первѣйшыа и начальствующѣаи прочѣими добродѣтели создашасѣ, ѿ нихже яко ѿ четырехъ началъ рѣки иныхъ всѣхъ добродѣтелей наполнѣются водою, и напѣютъ градъ бжій, иже есть ѿчищаемое сердце и оутѣшѣемое слезами. Сѣа соблюдшии незыблемы ѿ дѣховъ лѣкавствіа, или вкѣпѣ падшыа трѣды многими поканіа воздвигнѣвыи, домъ себе царскѣ и палатѣ воздвиге, въ нейже обитель творитъ црѣ всегѣ, и высѣкѣа дары свои сѣце себѣ оуготовавшымъ изобильнѣо раздѣлѣетъ и даѣтъ.

встречается нужды в том, что не от воли. Когда же первое не производит должного очищения *внутренности чаши* или *блюда* (Мф. 23, 26), тогда второе посылается в сильнейшей степени к восстановлению в нас древнего устройства. Так бывает по домостроительству Творца (Τεχνίτης) нашего и Бога.

10. Посмеваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение не как следует, и с самого начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем, своему последовав разуму и *пред собою показавшись себе разумными* (Ис. 5, 21).

11. Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них, без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных — без долгого подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает телесных болезней распознание, в коем упражняется искусство врачей, так тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнаваться болезни, чем тела сего, всеми чувственно видимого.

12. Главные (γενικῆς – роднейшие, первейшие, соборные) и начальственные над другими добродетели вместе с сотворением вселены в естество человеческое, из которых, как из четырех источников, реки всех других добродетелей наполняются водою и напѣют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Соблюдшии их нерушимыми, или, по падении, многими трудами покаяния восставившии, устроил в себе царский дом и палату, в коей обитель себе творит Царь всяческих, и тем, кои себя так благоустроили, богатые дары свои распределяет и дает.

Гі. Крѣтко ѣсть сѣ житіє, долгъ вѣдѣщій вѣкъ, и мало разстоаніе настоащїа жїзни. Человѣкъ же веліе и малое сѣ животно, емѣже тѣсно настоащее дадеса время, немоцень ѣсть. И оно оубо ѣсть тѣсно: сѣи же немоцень, предлежащїи же подвигъ въ возмѣдїе трудѣвъ великъ ѣсть, безчисленны имѣа остны, и въ кротчайшѣ вѣдствѣа жїзнь.

Ді. Не хощетъ тцаливыхъ дѣланїе бгѣ не искѣшенно быти, но и сѣлѣно искѣшено. Сегѣ ради оубо огнь на тѣхъ напѣщаетъ искѣшенїи, и благодать сокрываетъ в малѣ даемѣю тѣмъ свѣше, и помыслѣвъ тишинѣ ѿ дѣхѣвъ лѣкавствїа возволноватиса на время попѣщаетъ, да видитъ оубо склоненїе дѣши, комѣ множайшее дарѣетъ. Самомѣ ли творцѣ и благодѣтелю своемѣ, или чѣствѣ мїра и глѣдности сласти; И такъ, или благодать оубо глѣблетъ тѣмъ, предспѣющѣ въ любовь егѣ: или оубо звллетъ сїхъ искѣшенїи и скорбми прилѣжацихъ вещьмъ, дондеже ненависть прїимѣтъ видимыхъ нестоательнагѣ ѡбношенїа, и горестъ сѣцихъ ѿонѣдѣа сластѣи слезами потѣпатъ.

Еі. Мїрѣ помыслѣвъ ѿ дѣхѣвъ лѣкавствїа смѣтившѣса ѡвїе и разжѣнныа стрѣлы похоти на быстру текѣщаго къ высотамъ оумѣ, ѿ ловїтелей и плотлюбныхъ вѣсѣвъ испѣщѣютсѣ частѣ. Оумъ же ѿ ѣже къ гѣрнимъ движенїа ѿсѣксѣ, въ нелѣпотна движенїа и смѣшена впадѣетъ: и такъ безчиннѣ плѣтъ востанїе творїти на дѣхъ начинѣетъ, скоктаньми оумъ и разжѣньми низвлѣкѣщи, и въ рѣвѣ сласти погребсти егѣ желѣющи. И ѡще не бы саваѣфъ прекратїлѣ днї ѡны, и сїлѣ терпѣнїа своимъ даровалѣ рабѣмъ, не бы спаслѣса всѣа плѣтъ, ѿ горшагѣ оубо дѣржана бѣвши.

13. Коротка [эта] жизнь (βίος), долог (αλέραντοι — необъятен) будущий век, и мал промежуток настоящей жизни (ζωής). Человек — это великое и малое животное, которому отпущено недолгое время [настоящей жизни], является слабым (αδύνατος). Время очень коротко, человек слаб, но предстоящий подвиг в награду за труды, — велик, [хотя] имеет множество искушений (πειρασμούς) и опасностей в [нашей] недолгой жизни.

14. Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огонь искушений и на время скрывает даваемую им свѣше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, — Творцу ли и благодетелю своему, или мїрскому чувству и сласти удовольствия чувственного. — И потом, или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам, пока воспримут ненависть к видимым благам, по причине изменчивого их непостоянства, и горестъ удовольствия от них потопят в слезах.

15. Как только мир помыслов бывает возмущен духами злобы, тотчас и разжженные стрелы похоти начинают быть часто пускаемы другими ловцами, бесами плотлюбивыми, на быстро востекающий на высоту ум. Когда же движение ума горѣ пресечено, тогда впадает он в движения нелепые и смешанные; и таким образом плѣтъ начинает бесчинно восставать на дух, щекотаниями и разжжениями совлекая ум долу и желая погребсти его в рове сласти. И если бы *Господь Саваоф не сокращал дней таковых*, и рабам Своим не подавал силы терпения, то *не спаслась бы никакая плѣтъ* (Мф. 24, 22).

Ѹ. Бѣсъ блѣдѣ многоискѹсенъ и многокѣзненъ сый, Ѹвѣмъ оѹвѣ падѣнїе и рѣвъ тимѣнїа бываѣтъ: Ѹвѣмъ же рана и жезлъ праведенъ: Ѹвѣмъ же искѹшенїе и дѹши томленїе. Ѹ сїхъ Ѹво оѹвѣ, ѡ вводїмыхъ, ещѣ гаремъ влекѹщихъ подвижничества слабѣ и лѣнївѣ, зрїтсѣ: Ѹво же, ѡ имѹщихъ средѹ предспѣанїа въ добродѣтель, и коснѣе къ ней простїраѹщихсѣ. Ѹво же, ѡ иже къ видѣнїю оѹже крило протѣгшихъ оѹма, и нынѣ добрѣ достигшихъ къ совершеннѣйшемѹ безстрастїю. Комѹждо къ полѣзнымъ гавѣ гакѹ стрѣимѹ свѣше.

Ѹ. Падѣнїе и рѣвъ тимѣнїа во всѣцѣмъ небреженїи иноческое совершаѹщимъ житїе, блѣдный бываѣтъ бѣсъ: оѹды сїхъ блѣдѣ пламенемъ и похотїю распалѣа, и разлїчны кѹзни подаѣ имъ, во еже творїти похоть плѣти и безъ сочетанїа инїа плѣти, ѡ нїхже срамно естѣ и глаголати. Сїи и плѣть, по рѣкшемѹ, сквернатъ, и плоды снѣдаютъ сланыа сласти, и мрака на зрацѣхъ исполнѣютсѣ, и лѹчихъ праведнѹ лишѣютсѣ. Имже цѣльба хотѣщимъ бѹдетъ, покаанїа теплотѣ, и оѹмиленїе ѡ сегѡ слезное, еже и оѹклоненїе ѡ сла творїтъ, и дѹшѹ ѡчищѣетъ ѡ сквернѣ, и наследницѹ тѣ милости бжїа содѣловаетъ. Еже праведнѣ и премѹдрый гадательствѹа соломѣнъ, цѣленїе речѣ, оѹтолѣетъ грѣхї велики (Екклес. і, д).

и. Бичъ и жезлъ бываѣтъ праведнѹ сѣи дѹхъ въ первомъ безстрастїи совершаемѹмъ чрезъ дѣятельное любовѹдрїе, и творѣщимъ нынѣ предспѣанїа въ преднаа и совершеннаа: внегда бо крѣпости держїмагѹ подвижничества оѹнынїемъ послабѣтъ, и къ неухранимѹ видѣнїа мїрскагѹ чѹства малѹ оѹклонѣтсѣ, и челоѹческихъ вещей въ желанїи бѹдѣтъ: тогда и оѹраниаа сѣи на тѣ напѣщѣетсѣ ѡ крайнїа бжїа къ нїмъ

16. Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает причиною падения в ров тинный, для других служит бичем и жезлом праведным, для третьих — испытанием и камнем Лидийским. Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвижания; второе — достигших середины преуспeyания в добродетели, когда они коснее простїраются к ней; третье — в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему бесстрастию. Каждому домостроителю обращается сие свѣше на пользу.

17. Причиною падения в ров тинный бывает бес блуда для тех, кои в совершенном нераденїи проводят монашескую жизнь. Он разжигает члены их огнем блуда и похотию и способы им доставляет творить волю плоти и без общения с другою плотїю: о чем срамно и говорить и помышлять. Таковыя плоть сквернят, как сказано (см. Иуд. 1, 8), и плоды сланой сласти снѣдают, — в зраках мраком исполняются и праведно лишаются лучшего (настроения душевного). Врачевство для тех из них, кои пожелают, теплое раскаянїе и раждающеся от сего слезное сокрушенїе, которое и бегать зла сего располагает, и дѹшу очищает от скверн его, и наследницею ее делает милости Божїей. О нем-то гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: *исцеление утолит грехи великие* (Еккл. 10, 4).

18. Бичем и жезлом праведно бывает сей бес для тех, кои в первом бесстрастїи совершенствуются чрез деятельное любомудрїе и делают успехи в простїрании в предняа к большему совершенству. Ибо когда они, по разлененїю, ослабят силу держимого ими подвижничества, и немного уклонятся к неохраняемому смотренїю мїрскаго чѹства и войдут в вожделенїе челоѹческих вещей; тогда по великой к ним благодати Божїей, попуща-

благости, и бити словесно сїе начинаетъ, помыслы похоти плотскїа, ꙗкѡ да не терпѡце, въ свое стрѡжвице пѡки востекѡтъ тщѡтельны крѣпкаго дѣланїа и вниманїа, и оусерднѣе спасающихъ ихъ дѣлъ приволѣзнейшимъ пребыванїемъ имѡтсѡ. Не хѡщетъ во вѣтъ благолюбець сый въ сїе достигшей души всѡчески къ чѡвствѡ міра возвращѡтисѡ, но ити въ преднѡа приснѡ, и совершеннейшихъ дѣлъ рачительнѣ касѡтисѡ, да не рѡна слѡбы приблизитсѡ сѡ тѣлесїи.

ѡ1. Искѡшенїе и ѡстенъ и томленїе по смотрѣнїю ѡнѣмъ сѣй дѡхъ бывѡетъ, имже первое ко вторѡму безстрастїю достиже: да сїмъ стѡжаема естѣственнѡ поминѡютъ немѡць, и не премножествомъ бывѡющихъ ѡ видѣнїа ѡкровенїи, по словесїи, превозносѡтсѡ. Но противовоѡущїй законъ законѡ видѡце оумѡ своегѡ, и тѡнкѡ ѡтрасѡютъ пѡмѡть грѣхѡ: стрѡхомъ ѣже не прїѡти чѡвства внѡтрѡ раждаѡцагѡсѡ врѣда ѡ пѡмѡти ѣгѡ и ѡ высоты видѣнїа не ѡслабѡтъ зрительное оумѡ своегѡ.

к. Едини тѡнкїа пѡмѡти грѣхѡ оумъ своѡ безъ стѡженїа соблюсти возмогѡша, елицы животворѡщїю гдню мѣртвость во оудесѣхъ своихъ и разѡмѣнїихъ свѣше прїѡти дѡхомъ спѡдѡбїшасѡ. И плѡть оубѡ мѣртвѡ грѣхѡ ѡбносѡтъ, дѡхъ же жизнїю правды рѡди ꙗже ѡ хрїтѣ иисѣ ѡбогатїша. И елицѣмъ оумъ дадѣсѡ хрїтѡвѡ слѡвомъ премѡдрости, сїмъ и нестѡжаема животворѡща мѣртвость въ разѡмѣ ѡберѣтсѡ вѣїи.

ка. На ѡчищѡемыа нынѣ души ѡбѡче нѣкакѡ дѡхъ похоти и ꙗрости находїти. Кїимъ ѡбразѡмъ; да плоды истрѡсетъ дѡхѡ стѡгѡ тѡготѣѡща въ нихъ. ꙗ занѣ и рѡдость свобѡды, разлїанїе нѣкое дѣлаетъ въ таковыхъ

етсѡ на них сей бес, ꙗко бич, и начинаетъ бить их, когда они помышляютъ таковое, помыслами похоти плотской, чтобъ, не терпя сего, они поспешили востещи в свою башню усиленного делания и тщательного внимания, и еще усерднее взялись за спасительные дела свои, восприяв более трудный образъ жизни. Ибо Богъ, благолюбивъ сущи, не хочетъ, чтобъ душа, до сего достигшая, совсемъ возвратилась къ мірскому чувству, но все простиралась в преднѡа и усердно бралась за совершеннейшие дела, чтобъ бичъ злобы и не приближался къ ее обиталищу.

19. Испытаниемъ и камнемъ Лидскимъ, по домостроительству, бываетъ духъ сей для техъ, коихъ первое бесстрастїе довело до второго; чтобъ, будучи имъ докучаемы, помнили о своей естественной немѡщи, и при умножении откровений, бывающихъ отъ созерцанїа, не превозносились, по слову Апостола (см. 2 Кор. 12, 7), но видѡ, кто этотъ противовоѡущїй закону ума ихъ, отрясали и самое тонкое воспоминанїе греховное, боясь, какъ бы не прїѡти сочувствїа къ этой, пораждаемой такими воспоминанїями, срамной нечистоте, и с высоты созерцанїа не низвестъ долѡ ока ума своего.

20. Одни те возмогли сохранить умъ свой не стужаемымъ даже тонкими воспоминанїями греховными, которые спѡдѡбїлись свѣше чрезъ Духа получить животворную мѣртвость Господа и в членахъ и в помышленияхъ своихъ; и плѡть мертвую греху носятъ они, духъ же жизнїю обогатили чрезъ правду, которая о Христѣ Иисусѣ (ср. Рим. 8, 10). Которымъ данъ умъ Христовъ в словѣ премудрости, — в техъ оказалась и нестужаемая животворная мѣртвость в веденїи Божиѣмъ.

21. В очищѡемыа еще души обычно некакѡ привѡдитъ духу похоти и гнева. Чего ради? Для того, чтобъ стрѡсти плоды Духа Святого, висѡщие на нихъ. Поелику же и рѡдость свобѡды в некоей мерѣ разливается в душахъ сихъ,

дѹшѹхъ, всѧ на пользѹ оустроѹющаѧ премѹдрость, къ себѣ приснѹ хотѹщи своими дарованіи влещи ихъ мысль, и пребывати тѣмъ въ смиренномѹдріи непоколебимымъ, да не мно́гою свободою и богатствомъ дарованій на инѣхъ вознесѹтсѧ, или и возмнѣтсѧ своею силою и разѹмомъ, великѹю стѹжати сѣю палату міра, даѣтъ сѣмъ мѣсто дѹховѹмъ нападати на нѧ въ сопра́таніи еѧ: да стра́хомъ оѹмзвлѣми паденіѧ, въ своемъ стоѧтъ храненіи блаженнагѹ смиренномѹдріѧ, и да оѹразѹмѣвшѹ, ѡ́кѹ плѹти и кро́ви привѹзани сѹтъ, възыщѹтъ е́стѣственнѣ своегѹ стра́жница, въ нѣмже безвредны мо́гутъ сохрани́тисѧ силою дѹха.

кв. Ко ѡбладаѹщемѹ страстѣй недѹгѹ, и внѹтрѹ лежѹщемѹ въ насъ согнѣтїю грѣхѹ, (и) искѹшеніи нанесеніе бываѣтъ, и чаша пельна сѹдѣвъ вѣжѣихъ, или лютеѣ растворяѣтсѧ намъ, или милосѣрднѣе. Занѣ ѡ́це оѹбѹ искѣбно нѣкое вѹдетъ, и оѹдѹвоврачѹемо внѹтрѹ лежѹщее въ насъ вещество грѣхѹ, ѡ́ пѹмыслѹ сѣрѣчь сластолюбивыхъ, или жизнѹлюбивыхъ, растворѣнна милосѣрдїемъ чаша искѹшеніи ѡ́ врача дѹшъ нашихъ даѣтсѧ, ѡ́кѹ въ человѣческихъ истѹзѹемыхъ недѹзѣхъ, и е́ще человѣческаѧ стра́ждѹщимъ. ѡ́ще ли же недѹбоисцѣбно нѣкое вѹдетъ и лежѹщее во глѹбинѣ, и е́же къ смѣрти содѣловаѣтъ согнѣтїе ѡ́ пѹмыслѹ киченіѧ и гѹрдѹсти послѣднѣѧ, нерастворѣна въ лю́тости ѡ́рѹсти даѣтсѧ: да ѡ́гнемъ частыхъ вкѹпѣ искѹшеніе истѹавъ и истончѣвсѧ недѹгѹ, смиреніемъ ѡ́идетъ ѡ́ дѹшъ нашихъ, и слѧныѧ пѹмыслы слезѧми потѹпимъ, и чѣсти ѡ́вѣмсѧ во свѣтѣ смиреніѧ врачѹ дѹшъ нашихъ

кг. Нѣсть мо́чно ина́кѹ подвижаѹщимсѧ и звѣгнѣти частѹсти искѹшеніи, ѡ́ще нѣмоци своеѧ не познаѹтъ, и

то все на пользу домостроительствующая премудрость, — желая всегда своими дарами к себе привлекать их мысль и их держать в непоколебимом смиренномудрии, чтоб они не превознеслись над другими многой свободой и богатством даров, и не возомнили, что своею силою и своим разумом стѹжали великую сѣю палату мира, — попускает сим духам нападать на них, между тем, как сама скрывает свое действие, дабы, поражаемые страхом падения, твердо стояли они в хранении блаженного смиренномудрия, и убедившись, что все еще связаны плотию и кровию, взыскали безопасной для себя крепости, в которой могли бы сохранены быть силою Духа.

22. Наслание искушений бывает соответственно обдержавшей нас болести страстей, и залегшей внутри нас прели греховной, и судя по ним горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее или милосерднее. Когда залегшая внутри нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолюбивых произшедши, удобоизлечима и легко поддается врачевствам, тогда Врачем душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческие немощи, как страждующие нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное расстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в люто́сти гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем, непрерывно одних за другими следующих, искушений, отошла наконец от душ наших, под действием порожденного ими смирения, после того, как мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах, и Врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения.

23. Невозможно подвижающимся избегнуть следующих одних за другими искушений, если они не сознают

странныхъ всакиа правды себѣ не вмѣнѣтъ, и всакагѡ оутѣшенїа достойныхъ, всакиа чести, всакагѡ покая: намѣренїе бо естъ бгѡ врачѡ душѡ нашихъ, приснѡ смиреннымъ намъ быти и сокрушеннымъ, страннымъ ѿ всакагѡ человека, и подражателемъ тогѡ страданїи: кротокъ бо бгѡ и смиренъ сердцемъ, и кротостїю и смиренїемъ сердца хощетъ насъ теци теченїемъ заповѣдей.

ѿд. Смиренїе не сотрѣнїемъ выи, илї брѣдными власы, илї рїзою пренебреженною и жесточайшею и худѡю исправлѣетсѧ, иже мнѡзїи ѡбдержительность добродѣтели приписѡютъ: но сокрушеннымъ сердцемъ и духомъ смиренїа, по давидѡ рекшемъ: Духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно бгѡ не оуничижитъ (Псал. ѿ, ѿ1).

ѿе. Ино смиренословїе, и ино смиренїе, ино смиренномудрїе: занѣ смиренословїе оубѡ и смиренїе, всацѣмъ злостраданїемъ и внѣшними труды добродѣтели исправлѣютсѧ подвижающимися, ѡ единомъ телесномъ дѣланїи и ѡбученїи собираемо имѡще. Темже не сщцей душї мнѡгажды во оустроенїи, искушенїю оусрѣтшѡ, смѡщѣетсѧ. Смирennomудрїе же, бжественна нѣкаа вещь сщци и высока, ѡ единаягѡ привывѣетъ средѡ прешедшымъ. Оутѣшителева пришествїа: и предшествовавшимъ, сирѣчь, всацѣмъ смиренїемъ, пѣтъ жесточайшїи добродѣтели.

ѿз. Смиреномудрїе во глубинѣ душї вшедшо, и ѿкв камень тѣжекъ нападшо на ню, толикѡ сїю изгнѣтѣетъ и истиснѣетъ силою, ѿкоже истоцигѡ всѣй толѡ крѣпости, недержимымъ стремленїемъ слѣзъ, и скверны всакиа помысловъ ѡчїстїтсѧ оумѡ, и во видѣнїи быти, по исаїи прорѡцѣ бжїи. И такъ рецїи дѣйствѡемъ и томъ: ѿ ѡкаанный азъ, ѿкв оумилѡхѡ ѿкв человекъ

немощи своей и не почтут себя чуждыми всякой правды и недостойными никакого утешения, никакой чести, никакого упокоения. У Бога, врача душ наших, цель та, чтоб мы всегда были смиренны, сокрушенны, устранялись от всякого человека и подражали Его страданиям. Будучи Сам кроток и смирен сердцем, хочет Он, чтоб и мы в кротости и смирении сердца текли путем заповедей Его.

24. Смирение состоит не в наклонении выи, или в распущении волос, или в одеянии неопрятном, грубом и бедном, в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа, как сказал Давид: *дух сокрушенный, сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19).

25. Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвижающимися во всяком злострадании (в произвольных лишениях) и во внешних трудах добродетели, — так как они все обрацаемы бывают на делания и занятия телесные, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при встрече искушения, смущается. А смиренномудрие, дело некое сущи божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, т. е. далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели, посредством всякого смирения.

26. Смиреномудрие, проникши во глубину души и тяжелым камнем налегши на нее, так сильно гнетет ее и стискивает, что вся крепость ее истощается в неудержимом излиянии слез, от коих ум очищается от всякой скверны помыслов, бывает в видении Божиим и под действием его понуждается воззвать, подобно Исаии: *о, я окаанный, я огорчен, потому что я человек с нечистыми*

сый, и нечисты оустнѣ имый, посредѣ людѣй нечистыа оустнѣ имѹщихъ азъ живѹ, и црѣа гда саваофа видѣхъ очима моима (Исаїи 5, 6).

кз. Егда во глубинѹ смиренословїе тебѣ привнїдетъ, тогда высокорѣчїе ѡидетъ ѡ тебѣ. Егда же во глубинѹ смиренїе вкоренїтса сердца твоегѡ, тогда и повѣрхнее илїи (и) во глубинѹ смиренословїе ѡразїттиса. Внегда же свѣше смиrenomѹдрїемъ ѡбогатѣши, тогда и само тѡ внѣшнее смиренїе, и азыка смиренословїе совершеннѣ тебѣ оупразднїтса, по глаголющемѹ такъ павлѹ: Егда же прїидетъ совершенное, еже ѡ части оупразднїтса (1 Кор. 13, 10).

кн. Елїкѡ ѡстоитъ востѡцы ѡ западъ, толїкѡ ѡстоитъ истинное смиренословїе ѡ истиннагѡ смиренїа. Елїкѡ же больше земли небо, и дѹша тѣла, толїкѡ дѹхомъ стѣимъ даемое совершеннымъ смиrenomѹдрїе, и совершеннѣйше и больше есть истиннагѡ смиренїа.

кѡ. Нижѣ смиреннаа вѣщающаго ѡбразомъ и ѡдѣанїемъ смиренїа, смирена быти сердцемъ оудѡбъ да вознепцѣши. Нижѣ того, иже высѡкаа и возвышеннаа, киченїа и гордости полна, кромѣ еже ѡ сїхъ истазанїа: ѡ плѡдъ же ихъ познаеши ихъ.

л. Плѡдъ дѣа стѣагѡ есть любви, радость, мїръ, милосердїе, долготерпѣнїе, благость, вѣра, крѡтость, воздержанїе. Сопротивнагѡ же дѣха плѡдъ есть ненависть, печаль мїрскаа, нестроенїе дѣшевно, смѹценїе сердца, лѣкавство, любопытнѡ мѹдрованїе, пренемоганїе, гнѣвъ, невѣрїе, зависть, ѡбладенїе, пїанство, досажденїе, ѡсѹжденїе, похоть очесъ, киченїе и гордына дѣши. ѡ таковыхъ оубо плодѡвъ древо да бѹдетъ тї познаваемо, и сїце всѣкѡ вѣдый бѹдеши, коегѡ дѣха есть бесѣдѹай съ тобою. Имаши бо знаменїа сїхъ и ѡ гдѣна гласа ѡвственнѣе: благїи, глаголетъ, человекъ, ѡ благѡгѡ сокровица сердца своегѡ изнѡситъ благѡа: лѣкавыи же

устами и живу среди народа также с нечистыми устами, и глазами моими видел Царя, Господа Саваофа (Ис. 6, 5).

27. Когда придет к тебе глубокое смиреннословие, тогда высокоречие отойдет от тебя. Когда смирение вкоренится в глубине сердца твоего, тогда и смиреннословие всякое отпадет от тебя. Когда же свѣше обогатишься смиренномудрием, тогда и внешнее смирение и смиреннословие языка упразднятся в тебе, по слову Апостола Павла: *а когда настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (ср. 1 Кор. 13, 10).

28. На сколько отстоит восток от запада, на столько отстоит истинное смиреннословие от истинного смирения. На сколько же небо больше земли и душа тела, на столько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрие и совершеннее и больше истинного смирения.

29. Ни того, кто, при смиренном виде и одеянии, говорит смиренно, ни тотчас предполагай смиренным в сердце, ни того, кто говорит высоко и высокопарно, не вдруг почитай исполненным надмения и гордости, не испытавши их наперед; но от дел их познай их.

30. Плод Духа Святого есть *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мїрское, нестроение душевное, тревожность сердечная, лукавство, любопытное мудрование, беспечность, гнев, неверие, зависть, многоядение, пьянство, бранчивость, осуждение, похоть очес, надмение и гордость. От таких плодов познавай древо, и сим способом верно будешь ты узнавать, какого духа тот, кто говорит с тобою. Имеешь признаки их и словом Господа еще яснее указанными. *Добрый человек*, говорит Он, *из доброго сокровища сердца своего выносит доброе;*

Ѡ лѡкѡвагѡ сокровища сердца своего износитъ лѡкѡваа (Матф. Ѡ, ѡ): понѣже по дрѣвѸ и плодъ егѡ.

ѡа. Въ нихже оубѡ сѹтъ и оуматриваютсѡ, ѡже стѡгѡ дѡа, въ тѣхъ ѣсть и вселѣнїе вѣїе. Ѡ сїхъ и немѹтнїи истѡчникъ слѡва съ премѹдростїю и разѹмомъ: ѡце смиренослѡваце слышїи сѹтъ, ѡце высѡка глагѡлюще. ѡ въ нихже не оуматриваютсѡ плоды и дарованїа сегѡ, но ѡже сѹтъ сопротивнагѡ дѡа, въ тѣхъ тѡма ѣсть невѣдѣнїа вѡа, и собранїе страстѣй, и вселѣнїе сѡпостѡтнїхъ дѡхѡвѸ. Или смиренна вѣщающе и носѡще зрѡтсѡ, или высѡка со оукрашенїемъ разлїчнымъ и вїдїмою чѣстнѡстїю.

ѡв. Не лицы или ѡбразы или словесы начертаваетсѡ истина, ниже въ сїхъ вѣтъ почиваетъ, но въ сердцахъ сокровенныхъ и дѡсѣхъ смиренїа, и дѡшахъ просвѣщенныхъ разѹмомъ вѣїимъ. Овогда бо повинѹющасѡ когѡ словесы вїдимъ внѣ, и смиренный по всемѸ оупотребляюща глагѡль, похвалѸ оуплѡвающа человекѣскую: внѣтръ же мнѣнїа полна сѹща лѣсти и зависти, и къ ближнемѸ злопомнѣнїа. И овогда правды ради рѡтѹющасѡ прѡтивѸ когѡ словесы высѡкими премѹдрости вїдимъ внѣ, и прѡтивѸ лжи, или прѣстѹплѣнїю вѣїественныхъ законѡвѸ стоѡща, и къ едїной зрѡща сїрѣчь истинѣ, и внѣтръ всѡкагѡ (исполнь) сѹща мѣрномѹдрїа, смиренїа и любвѣ къ ближнемѸ, овогда и хвалѡщасѡ ѡ гдѣ, по тѡкѡ глагѡлющемѸ пѡвлѸ. и хвалѡщемсѡ ѡ гдѣ: Похвалюсѡ въ немощехъ моїхъ (Ѡ Кор. Ѡ, ѡ).

ѡг. Не повѣрхнѡсть Ѡ насъ глагѡлемыхъ или содѣваемыхъ зрїтъ вѣтъ: но хотѣнїе дѡшъ и намѣренїе, егѡже ради или содѣваемъ чтѡ Ѡ вїдимыхъ, или глагѡлемъ чтѡ Ѡ разѹмѣваемыхъ. Икоже и сїлы словесъ и концы дѣлъ, разѹмомъ прѡчїихъ превосходѡщїи зрѡтъ пѡче, и сѡды сїхъ творѡтъ непогрѣшны. Икоже и человекѣкъ

а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое (Мф. 12, 35). Ибо по древу и плод его.

31. В ком есть и усматриваются плоды Духа Святого; в тех и Бог обитает. От них и немутный источник слова с мудростию и разумом, смиреннословащими ли слышишь ты их, или высокая вещающими. В ком же не усматриваются плоды и дары Святого Духа, а видятся плоды противного духа, в тех — мрак неведения Бога, толпа страстей и жилище вражеских духов; смиренноглаголивыми ли и смиренномудрствующими видятся они тебе, или говорящими о высоких вещах, в одежде заморской и с представительною наружностью.

32. Не лицами, не внешним видом и не словами характеризуется истина, и не в них почивает Бог, но в сердцах сокрушенных, в духах смиренных и в душах просвещенных Боговедением. Бывает, что иной, как видим, наружно, на словах ставит себя ниже других, и пред всяким смиренные о себе употребляет речения, для уловления похвалы человеческой, внутри будучи полон самомнения, лукавства, зависти и злопамятства против ближнего. Бывает напротив, что иной, как видим, наружно высокоудрыми словами ратует за правду, и восстает против лжи, или преступления божественных законов, на одну только при сем взирая истину, и внутри полон будучи скромности, смирения и любви к ближнему, хотя иногда хвалится о Господе, подражая Павлу, который, хваляся о Господе, говорил: *буду хвалиться своими немощами* (2 Кор. 12, 9).

33. Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чем из вещей мысленных: как и из людей превосходящие других разумением смотрят паче на силу слов и цель дел, и по ним составляют суждения о лицах непогрешимые.

оубѡ на лицѣ, вгѣ же на сѣрдце зрѣтъ (а Цар. 51, 3).

лѡ. Еда ли не подобаше, дабы суждено было вѡмъ въ рѡдѣхъ и рѡдѣхъ. Прорѡкъмъ егѡ и дрѡгѡмъ оустро-еваемымъ быти дѡмъ, въ совершенїе цѣркве егѡ. Аще во дрѣвнїи смїи не ѡстаѡи влагати ѡдъ грѣха въ слѡхи чѡловѣкъвѣ, ѡмже паки дѡшѣвнаѡ прихѡдитъ погїбель: какъ создáвый на єдинѣ сѣрдца нáша, оубѡга ѡ землїи смїренїѡ не возстáвитъ, и ѡ гнѡища страстей не воздвїгнетъ нища, дѡхѡвнѡю приносáща силѡ, ѡже єсть глагѡлъ вѣжїи, въ пѡмощь достѡнїѡ своегѡ; Воїстиннѡ оубѡ ѡ смїренїѡ начинающе; на высотѣ востекаютъ рáзѡма, и даѣтсѡ тѣмъ свѣше глагѡлъ премѡдрости силѡю вѣжїею, ѡкв благовѣствѡющимъ спасенїе цѣркве егѡ.

лѡ. Познáи самагѡ себѣ: и сѣ єсть ѡстинное воїстиннѡ смїренїе, смїренномѡдрствѡвати научáющее, сокрѡшающее сѣрдце, и сáмо сїе єсть (ѣже) дѣлати и хранити. Аще же не оубѡ познáлъ єси себѣ: ниже чтѡ єсть смїренїе, вѣси, ниже коснѡлсѡ єси ѡстиннагѡ дѣланїѡ и храненїѡ: єже во себѣ познáти, конѣць єсть дѣланїѡ добродѣтелей.

лѡ. ѡже ѡ чистоты въ рáзѡмъ сѡцихъ достїгнѡвый, познá себѣ, по речѣнномѡ: познáи себѣ. А ѡже не оубѡ въ рáзѡмъ достїгнѡвый, самѣхъ же (тѣхъ) словѣсѡ тѡари, и вѣжественныхъ и чѡловѣческихъ вѣцей: познá оубѡ ѡже ѡ себѣ, и ѡже внѣ себѣ, себѣ же никакѡже.

лѡ. Не єже єсть áзъ, сїе всáко и ѡже на мнѣ: ни єже ѡже на мнѣ, сїе и ѡже ѡ мнѣ. Ни єже ѡже ѡ мнѣ, сїе и ѡже внѣ менѣ: но ѡно сїѡ, и ѡно и ѡно. Занѣ áзъ оубѡ ѡбразъ єсмь вѣжїи, въ дѡши оубѡмнѣи же и безсмѣртнѣи и словѣснѣи зрїмь, ѡкв оубѡмъ ѡмый слѡво оца, и дѡши не-раздѣленъ же и єдиносѡценъ. А ѡже на мнѣ, цáрское

Обыкновеннее же бывает, что человек *смотрит на лицо, а Бог смотрит на сердце* (1 Цар. 16, 7).

34. Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ; то *создавший особо сердца наши* (Пс. 32, 15) *не поднимет ли с земли смирения нищего, и от гноища страстей не возвысит ли убогого* (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему *меч духовный, которое есть слово Божие* (Еф. 6, 17)? Преподобно убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением, востекают на высоту ведения, и дается им свѣше силою Божией *слово премудрости, яко благовѣствующим спасение Церкви Его* (Пс. 67, 12).

35. Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце, и сие самое делати и хранити понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей.

36. Тот, кто по степени чистоты достиг познания сущих (όντων), тот познал себя, в соответствии со сказанным: «познай самого себя». Кто же еще не познал логосы (λόγος – слов) творенья (κτίσεως), и божественных и чѡловеческих вещей, тот, может быть, знает то, что вокруг него и вне его, но совсем не знает (γνώρισε) самого себя.

37. Не то есть я, что есть на мне (связано со мной). И не то есть я, что обо мне (вокруг меня). Также не то есть я, что вне меня. Потому что я есть образ Божий, видимый в душе умной (νοερή), бессмертной и разумной (λογική), как неотделимый и единосущный ей ум, который есть отец разума (λόγου). То, что на мне — это природные

ѣсть, начальное, словесное же и самовластное. И также во мнѣ, елика во произволѣнїа изволительна: еже земле-дѣльцѣ быти, или кѣпцѣ, или оучительнѣ, или любомѣдрцѣ. И также внѣ мене, елика же во любочестїи житїа и дѡльнѣмъ благородствѣ: богатство, слава, честь, благодѣнство и высотѣ сановъ, или сопротивное, оубожество, безславїе, безчестїе и злополучїе.

лн. Всякъ себѣ познавый, почїи во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ, также по бзѣ, и вниде во святилице бжїе, оумножю дѣла службѣ, и въ пристанище бжественно безстрастїа и смиренїа. И иже не оу себѣ смиренномѣдрїемъ и разумомъ познавый, въ трудѣ еще и потѣ въ житїи семъ шествуетъ. Сїе бо и дѣдъ гадательствѣ глаголаше: Сїе трудъ есть предо мною, дондеже внидѣ во святило бжїе (Псал. Ѡв, 51).

лѡ. Внегда познаетъ кто себѣ, сїе же многоаго требуетъ внѣшнаго храненїа, и во мїрскихъ вещь оупраздненїа, и самаго (тогѡ) совѣсти испытанїа: аще и бжественно некое внезапѣ дѣшгѣ смиренїе паче слова приходитъ, сокращенїе приносящее сердце, и слезы теплы оумиленїа, также тогда вмѣнати во тогѡ дѣйствѣемомъ землю себѣ, и пепелъ и червь, а не человека: и къ томѣ ниже скотскаго сего животѣ достойна, за превосходность дара сего бжїа. Въ немже оукоснѣти сподобивыйса, пїанства инаго неизреченна исполняетса оумиленїа, и въ глубинѣ смиренномѣдрїа вхѡдитъ: и изстѣпивъ себѣ, всѣ презираетъ внѣшна брѣшна, питїе и ѡдѣанїа, тѣлесѣ не превосходѣ потребности такъ измѣнився добрымъ измѣненїемъ десницы вышнаго.

лѣ. Вещь величайша есть въ добродѣтеляхъ, смиренїе. Сїе бо, въ нихже аще внидетъ покаанїемъ чїс-

(ἐμφυτεῖς – врожденные) свойства (ιδιότητες) человека, чтобы царствовать (βασιλεύει) и господствовать (ἀρχεῖ) над твореньем (κτίση), разумно (λογικός) и самовластно (αυτεξούσιος). А то что обо мне — это свобода воли (προαίρεση) выбирать кем быть: земледельцем, купцом, учителем или философом. То, что вне меня, относится к общественным (κοινωνικές) ценностям (τιμές) и мїрскому благу (ευγένεια), как то: богатство, слава, честь, процветание (ευημερία) и высота рангов, или наоборот: бедность, бесславие (αδοξία), бесчестие и несчастье (δυστυχία).

38. Всякий, познавший себя, почил от всех дел, кои по Богу, и вошел в святилище Божие, в мысленное богослужение Духа, и в божественное пристанище бесстрастия и смирения. Не познавший же себя чрез смиренномудрие еще в труде и поте шествует путем жизни сей. О сем и Давид гадательствуя сказал: *это было трудно мне, пока я не вошел во святилище Божие* (Пс. 72, 16. 17).

39. Когда кто познает себя; а это требует многого со вне охранения, упразднения от дел мїрских и строгого испытания совести, — тогда тотчас внезапно приходит в душу и божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокращение и слезы теплого умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным неким опьянением умиления, входит в глубину смирения, и, из себя изшедши, ни во что вменяет все внешнее — яства, пития, одеяния тела, — как изменившийся добрым *изменением правой руки Всевышнего* (Пс. 76, 11).

40. Смирение есть нечто величайшее в добродетелях: ибо в ком оно вкоренится чрез искреннее покаяние и в

тымъ, и молитвъ спътницѹ съ воздержаніемъ пріиметъ, страстей оубо авіе работы свободны тѣхъ содѣловаетъ: миръ же силамъ дѹши ихъ подаётъ, и сердце ѡчищаётъ слезами, и исполняетъ є тишины пришествіемъ дѹха. И такъ сѣмъ завѣщаніе возимѣвнымъ, оубо снѣтса слово ѡсюдѹ тѣмъ рѣзѹма бжїа, и во видѣніе приходѹтъ тѣмъ царствїа небесагѹ, и самыхъ тѣхъ словесъ тѣри. Поеликѹ же во глубины дѹха воглублѹтса, потолікѹ и въ смиренномѹдрїа глубинѹ погрѹжаютса: ѡ сего же возрастаетъ тѣмъ познаніе своихъ мѣрѹ, познаветса немощь человекѣскагѹ естества и любви бжїа и ближнихъ множитса. Іакъ ѡсвѣщеніе вмѣнѹти тѣмъ почерпати ѡ єдиного цѣлованїа (поздравленїа), и совбращающисѹ приближенїа.

ма. Ничтоже сїце ино къ раченїю бжїю и любви человекѣстѣй воскрилѣетъ дѹшѹ, іакоже смиренномѹдрїе, оумиленїе, и молитва чїста. Зане оубо оубо сокрѹшаетъ дѹхѹ, и слезѹ источаетъ капли, и человекѣской назрѣнїемъ краткости ведѹщей своихъ мѣрѹ оубѣдѣти немощь научаетъ: оубо же, ѡчищаётъ ѡ вещества оумъ, и просвѣщаетъ сердечное око, и всеіательнѹ дѹшѹ содѣловаетъ: оубо же, совокрѹплетъ всегѹ человекѣка бгѹови, и сего аггѹлѹмъ творитъ вкѹпѣ пребывательна, и сладости вѣчныхъ бжїихъ благъ вкѹшати творитъ, и сокровища томѹ даётъ тѣмъ великихъ, и распалѹющи любовїю, дерзати положити тогѹ повинѣтъ дѹшѹ свою за дрѹги своѹ, іакъ превыше бѣвша предѣлѹ смиренїа тѣлесѣ.

мв. Храни ми добрый залогъ бгѹтворнагѹ смиренїа, въ немже любви сокровеннаѹ сокровища внѹтрѹ хранїма сѣтъ, въ немже оумиленїа бїсерїе сокровенни сѣтъ, и црѣ хрѣтѹосъ бгѣ іакъ на прѣтолѣ почиваетъ позлащеннѣ, дары раздаѹ стѹагѹ своегѹ дѹха питѹмцемъ єгѹ,

спутницы к себе примет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроятся, тогда для них уясняется чрез то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поколику они углубляются в глубины Духа, потолику погружаются и в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества, и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними.

41. Ничто так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его, как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки слез и представляя пред очи сознания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность; умиление очищает ум от всего вещественного, просвещает око сердечное и делает душу всю светлостящую; чистая молитва всего человека сочетает с Богом, делает его сотрапезником Ангелов, дает ему вкусить сладости вечных Божиих благ, сокровищами великих таин снабжает его, и, воспламенив любовию, располагает его дерзнуть на положение души своей за друзей своих, как ставшего уже выше пределов человеческого ничтожества.

42. Сохрани ты мне добрый залог обогатительного смирения, в которое складываются на сохранение сокровенные сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, — и Царь, Христос Бог покоится как на престоле, окованном золотом, разделяя дары Духа Святого

и великаа своа сѣмъ дарѣа достѣинства: слово разума своегѡ, премудрость своа неизреченнѡю, бжественныхъ вещей прозрѣнїе, человѣческихъ вещей предзрѣнїе, животворящю безстрастїемъ мѣртвость, и еже съ нимъ соединенїе, во еже царствовать съ нимъ въ црствїи бга и оца, ѿкоже самъ къ немѹ моленїе творитъ, глагола ѡ насъ: Оче! иже далъ еси мнѣ, хочу, да идыже есмь азъ, и тїи вѣдутъ (Іѡан. 31, 34).

мг. Егда дѣятельнѣ трудася кто въ дѣланїи заповѣдей, внезапно въ неизглаголаннѣй и неизреченнѣй радости вѣдетъ, ѿкоже измѣнитиса емѹ страннымъ и паче слова измѣненїемъ, и тѣжестъ оубѡ ѡложити телеснѡю, забыти же пици, сна, и иныхъ естества нѣждъ: да вѣсть сїю быти бжїе пришествїе къ немѹ, творящее въ подвижающихся животворящю мѣртвость, и дарящее тѣмъ ѡсѡбѹ оуже безплѣтныхъ оустроенїе. Ся блаженнаа жїзни виновно есть смиренїе: питательница же и мати стѡе оумленїе: другїна же и сестра, бжественнаа свѣта видѣнїе: престѡлъ, безстрастїе: и конецъ, стѡа трѡца бгѡ.

мд. Иже сїе постигїи краеградїе, не можетъ подѹзами держатиса чувства всѣхъ. Не зрїтъ что ѡ красныхъ житїа сегѡ, не раздѣляетъ ѡ непреподобнагѡ преподобнагѡ: но ѿкоже бгѡ равнѡ дождитъ и воссїаваетъ солнце на праведныхъ и на неправедныхъ, на злыхъ и на благихъ: такѡ равнѡ и той любви воссїаваетъ и простираетъ ко всѣмъ лчїи: и не оутѣснѣетсѹ оутрѡбою, всѣхъ внѣтър чревоносѹ любовїю, и оутѣснѣетсѹ и насїлетсѹ не елїкѡ мѡчно благодѣтельствѣа. Ѣ сегѡ источникъ нѣкїи ѿкоже изъ едема другїи исхѡдитъ оумленїа, въ четыре раздѣлѣася начѡла: въ смиренномудрїе, въ чистотѹ, въ безстрастїе, и въ высотѹ безмѡвныа мѣтвы, и наплетъ лицѣ всеа мысленнаа тварїи бжїа.

питомцамъ его и великихъ сподобля ихъ удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения божественныхъ вещей, предузрение вещей человеческихъ, животворного умертвїа в безстрастїи и соединения с Нимъ теснейшего, для соцарствования с Нимъ в царствїи Отца и Бога, какъ Самъ Онъ Ему молится, говоря о насъ: *Отче! которыхъ Ты Мне далъ, хочу, чтобы тамъ, где Я, и они были со Мною* (Ин. 17, 24).

43. Когда кто, деятельно трудясь в исполненїи заповѣдей, внезапно исполнится радостїю неизглаголанною и неизреченною, такъ что и самъ изменится дивнымъ некимъ и невыразимымъ измененїемъ, и, какъ бы совлекшись бремени телесного, забудетъ о пицѣ, снѣ и другихъ потребахъ естества: тогда да ведаетъ, что это есть Божїе ему посещение, производящее в подвижающихся животворное умертвїе и вводящее чрезъ то в состоянїе бесплѣтныхъ. Такой блаженной жїзни виновница есть смиренїе; питательница и матерь — святое умиленїе; другїна и сестра — созерцанїе божественнаго свѣта; престѡлъ — безстрастїе; конецъ — Пресвятая Трѡица-Богъ.

44. Достигшїи до сего акрополя (кремля), не можетъ быть держимъ узами чувства ни къ чему изъ всего тварнаго, не обращаетъ взора ни на какїе утехи житейскїе, не различаетъ неподобнаго отъ преподобнаго, но какъ Богъ равнѡ дождитъ и солнце воссїаваетъ на праведныхъ и неправедныхъ, на злыхъ и на благихъ (см. Мф. 5, 45), такъ и онъ воссїаваетъ и простираетъ лучи любви своея на всехъ, *не помещаясь тесно в сердцахъ своихъ* (2 Кор. 6, 12), но чреватимъ пребывая любовїю ко всемъ, и если чувствуетъ тесноту и тяготу, то только тогда, какъ не можетъ благодѣлать, сколько хочетъ. Отсюда, какъ некогда *изъ Эдема*, другой некий *выходитъ* источникъ, *разделяющїйся на четыре реки* (Быт. 2, 10), — смиренномудрїе, чистоту, безстрастїе и нераз-

мѣ. Не вкусившии сладости слезъ оумилѣнїа, ниже вѣдущїи, какъ есть благодать тогѡ, и кое есть дѣйство: ничїиже ѿ проливаемыхъ надъ оумершими слезъ сїа разнствовати мнѣтъ, приназидѡюще себѣ, но нѣкаа оужѣ ѿ сѣтнѡхъ извѣтѡвѣ мнѡга, и недоумѣнїи заключѣнїа. Сїа же естественнѣ въ насъ сѣтъ. И внигда гордость нынѣ оума къ смиренїю преклонѣетса, смѣжитъ же душа и зрѣнїа своѡ ѿ прелести видимѡхъ, и сїа къ единомѡ видѣнїю невестественнагѡ и первагѡ свѣта прострѣтъ, все ѡрасши мїра сегѡ чѡство, и полѣчитъ оно свѣше дѡха оутѣшенїе: ѡбїе слезы ѡакъ воды источника истекѡютъ изъ неа, и чѡства сеа оуслаждаютъ, всѡкагѡ веселїа исполнѡюще томъ мыслѣ и бжественнагѡ свѣта. Не точїю (же) но оубѡ сокращаютъ и сердце, и оумъ смиренномѡдрѣ во видѣнїи лѣчшагѡ содѣловаютъ. Имже быти не возможно есть, во инѡкѡ плачущихъ и рыдѡющихъ.

мѣ. Не возможно есть инѡкѡ источникъ слезъ разверсти комѡ, кромѣ глубочайша смиренномѡдрїа: ниже напротивъ, смиренномѡдрѣ быти, безъ внѣтрѣ бывающагѡ ѿ пришествїа дѡха оумилѣнїа: оумилѣнїе бо, смиренномѡдрїе: и смиренномѡдрїе оумилѣнїе стѣимъ порождаетъ дѡмѡ. Икоже во нѣкаа вервь дрѡгъ дрѡга сїа держѡцася, и единою благодатїю сосвѡзѡема, не рѡстерзѡемъ союзъ дѡха имѡтъ.

мѣ. Иже ѿ бжественнагѡ дѡа внѣтрѣ бывающїи свѣтъ въ души, тихѡ ѡходїти ѡбыче ѿ оунынїа и нерадѣнїа и ѿ неразнства еже ѿ словесъ и брашенъ. И брашенъ бо неразнство, и мѡкрость пици, и самѡ тѡ недѣржность ѡзыка, и очїю нехранїтельность прогонѡти тогѡ ѿ неа ѡбыкоша и темнѡхъ насъ содѣловати. Тьмы же исполнившимса намъ, вси свѣрїе селнїи

влекѡмую ничемъ (безмолвную) молитву, и напоетъ лице всего мысленного творения Божїа.

45. Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых, и недоуменных умозаключений. — Но они естественно нам прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невестественного света, отрясет всякое к мїру чувство, и свѣше утешения Духа сподобится: тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, утверждают чувства ее, и исполняют мысли ее всякого радования и света божественного; и не это только, но и сокрушают сердце, и ум в видении лучшего соделывают смиренномудрым. Всему сему невозможно быть в тех, кои плачут и рыдают по иным причинам.

46. Невозможно разверзть источник слез без глубочайшего смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимого наитием Духа: ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом. Они, как звенья цепи, держась друг за друга и единой благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный.

47. Свет, от Духа Святого нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия относительно слов и яств: ибо как безразличие в яствах и вообще сытая трапеза, так равно и не удерживание языка и нехранение очес изгоняют его из ней и делают нас омраченными. Когда же мы наполнимся тьмою; тогда *все звери* полевые сердца нашего и *львы* — страст-

сѣрдца нашегѡ, и скѹмни помыслы страстѣй ѡбѣ прохѡ-
дѣтъ рыкающе въ ней, взыскѹюще пищи встраствованїа, и восхитити хранимое въ насъ ѿ дѣха сокровище, но любезное воистиннѹ воздержанїе, и агглотворная молитва, не точїю ничесомѹже ѿ таковыхъ попщїаетъ въ дѣшы протїи, но и сїанїе неугасимо дѣха во оумѣ со-
блюдетъ, и сѣрдце тихо совершаетъ и чисто, источаетъ бжественное оумиленїе, и дѣшѹ въ любовь расширяетъ бжїю, и всю тѣ всемѹ веселїемъ и дѣвствомъ сопрягаетъ хртѹ.

мн. Ничтоже такъ ино свойственно есть словѹ, ѡкоже чистота и целомѹдрїе дѣши. Сїхъ же мати есть ѡбдержительное и любезное воздержанїе: сегѡ же отецъ есть страхъ. Сїе же въ любовь преложьса, и желанїю бжественныхъ совокѹпльса вещей, невозмненнѹ содѣловаетъ дѣшѹ, и исполненнѹ любвѣ бжїа, и бжественнагѡ слова родительницѹ.

мѡ. Страхъ оубѡ первѣе совокѹпльса дѣши, непрѡзднѹ словомъ сдѣа тѣ покаанїемъ творитъ: юже бвлѣзни ѡдввы мѡкъ ѡбхѡдатъ ѡбѣ, воздыханїа же и бвлѣзни съ сѣтованїемъ сѣрдца и знѣраютъ, помышлѡющѹ бѣдѹщее ѡ злыхъ возданїе. Таже многими слезами и болѣзными сїа во чревѣ оумѡ зачѣншиса совершивши дѣхъ спасенїа на земли, раждаетъ сѣрдца своегѡ, и болѣзней свобѡждшѣса ѡдовыхъ, и воздыханїй избѡавльшѣса сдѣа, желанїе и радость бѣдѣщихъ благъ тѣ прїѣмлетъ и прїѣсрѣтаетъ тѣ любїмаа съ целомѹдрїемъ чистота, и раченїемъ тѣ присовокѹплѣетъ бгѹ. Семѹ же дѣша совокѹпльшиса, неизреченнѹ сладость ѡщїщїаетъ: ѡкѡ ѡсѡдѹ изливати со сластїю и сладостїю слезы оумиленїа, и внѣ бывати тѡй всемирнагѡ чѣства, и ѡкѡ изстѹпившей въ слѣдъ женихѡ тещи, и такъ звѣати гласы неглагѡльными: въ слѣдъ тебѣ текѹ, въ воню мїра твоегѡ. Возвѣсти мнѣ, егѡже возлюбїи извѣствованїе

ные помыслы с рыканием расходятся по душе, *пища* себе *пищи* в страстях, и покушаясь похитить положенное в нас Духом сокровище (Пс. 103, 21). Но истинная другиня наша — воздержание, и Ангело-творная молитва не только не попускают ничему такому произойти в душе, но и сохраняют в уме неугасимым светение Духа, сердце делают тихим и чистым, источают божественное умиление, душу расширяют любовью к Богу, и всю ее, в веселии и девственности, всецело сочетавают со Христом.

48. Ничто так не свойственно разумности, как чистота и целомудрие души, коих мать и другиня есть воздержание всестороннее, а отец — страх Божий. Страх же Божий, преложившись в вожделение Бога и сочетавшись с сердечным расположением к божественным вещам, соделовает душу свободною от страха, полною любви и божественного разума родительницею.

49. Страх, наперед сочетавшись с душею, чрез покаяние делает ее чреватю помышлением о суде, Тогда окружают ее болезни адских мучений (см. Пс. 114, 3); воздыхания и скорбные томления с сжатием сердца терзают ее, при помышлении о будущем воздаянии за дела злые. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышления зачатое (намерение содевать спасение) возрастивши, раждает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и освободившись от мучений при мысли об аде, и избавившись от стенаний под действием представления суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ, и сретається другиню — чистотою с целомудрием, кои искреннею любовью сочетавают ее с Богом. — С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мїре, и как бы в испуствии сущи, течет в

моє, гдѣ пасеши; гдѣ почи́аеши въ полѣднѣ чистагѡ видѣнїа; да не когда бѣдѣ ѿкѡ ѡблагꙋющааа на дѣстады праведникѡ (Пѣснь пѣсн. а, г и ѡ). Ѡсїанїа сѣтъ оꙋ тебе таинствѡ великихѡ, юже введѣ женихѡ въ чертогѡ сокровенныхѡ своихѡ таинѡ, зрительнѡ тѣ словесѡ твѡари сѡ премѣдростїю соверша́етѡ.

ї. Да не речеши въ сѣрдцѣ твоѣмѡ, чистотѣ дѣвства не возможно ми ѣсть прочее пристѣжати, тѣлнїю и неистовствѡ тѣлѣсномѡ различнѡ подпадшѡ: и дѣже во вѡлѣзни пока́нїа со злостраданїемѡ, и теплотою дѡши положены бѣдѣтъ, и слѣзѡ рѣки ѡ оꙋмиленїа потекѡтъ: тамѡ всѣ грѣха твердыни низвраща́ютсѡ и всѡкъ пожарѡ страстѣи оꙋгаса́етѡ, и соверша́етсѡ ѣже свѣше порождѣнїе пришѣствїемѡ оꙋтѣшителѡ, и паки чистоты и дѣвства палата дѡша быва́етѡ. Въ нюже пачеестественный вѣтъ соше́дѡ свѣтомѡ и радостїю неизреченною, и ѿкѡ на престолѣ славы, на высотѣ сѣдѡ оꙋма ѣа, да́етѡ мирѡ ѿже въ ней силамѡ, та́кѡ глагола: мирѡ вамѡ ѡ сѡпостатныхѡ страстѣи. Мирѡ мой даю вамѡ, во ѣже по естествоѡ движатисѡ, мирѡ мой ѡставляю вамѡ, во ѣже паче естества совершитисѡ. Тройственнымѡ оꙋбо мирнагѡ дарованїа, тричастїе ищѣливѡ толѡ и въ трѡичное совершенїе возведѡ, и соединивѡ ю себѣ, всю дѣвѡ оꙋже и добрѡ и краснѡ во благоуханїи мїра чистоты паки разгрѣваа соверша́етѡ, и глаголетѡ къ ней: *Востани, прїиди ближняя моя, добра моя, голубице моя, дѣятельнымѡ любоводрѣемѡ. ѿкѡ сѣ зима страстѣи прѣйде, дождѡ сластолюбивыхѡ пѡмыслѡ ѡиде, ѡиде себѣ. Цвети добродѣтелей ѿвишасѡ со благоуханїемѡ разѡмѣнїи на землѣ сѣрдца твоегѡ. Востани, прїиди ближняя моя, въ разѡмѡ естествонна ви-*

след Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: *«за Тобою, в благовоние мира Твоего теку. Возвести мне, ты, которого любит душа моя, где посеешь? где отдыхаешь в полдень чистого созерцания? чтоб не быть мне вынужденной блуждать по стадам друзей Твоих — праведников (Песн. 1, 3. 6): ибо светлосияние великих таинств у Тебя».* — Жених же, введши ее в сокровище-хранительницу сокровенных своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростию.

50. Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того, как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною, и источатся реки слез умиления: там все твердыни [греха] разрушаются, всякий огонь страстей угасает, и совершается новое свѣше рождение наитием Духа Утешителя; и душа опять соделывается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, нисшедши во свете и радовании неизреченном, и как на престоле славы восседши на высоте ума ее, дает мир сущим в ней силам, так говоря: *«Мир вам от борющихся вас страстей, мир мой даю вам для естественного вам действия, мир мой оставляю вам для достижения преестественного совершенства».* Исцелив таким образом тройственностью дарования мира троечастность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Бог девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: *«Встань, прїиди ближняя моя, добрая моя, голубица моя, в деятельном любоводрїи. Ибо, вот зима страстей прошла, дождѡ сластолюбивых помыслов миновал, пронесся, цветы добродетелей с благоуханием помышлений явились на земле сердца твоего. Встань, прїиди ко Мне в разумном ведении естества,*

дѣнїа. И прїиди ты голубице моа (Пѣснь пѣсн. ѿ, і, аї, и ї) тѣмъ въ покрѡвъ и мракъ тайнагѡ бгословїа и вѣры твѣрдагѡ во мнѣ бзѣ камене.

ѿа. Блаженъ мнѣ есть добрагѡ ради измѣненїа же и восхожденїа, ѿже дѣятельнымъ любоводрїемъ стѣнѡвстрѣстнѣйшагѡ навикновенїа превозшѣдый, и ѡнѡдѡ крїлома безстрастїа посревереныма рѡзѡмомъ, въ мысленный воздѡхъ видѣнїа сѡщиухъ превознесѣйсѡ, и ѡсѡдѡ во мракъ бгословїа вшѣдый, и починый ѡ всѣхъ сїихъ дѣлъ своихъ въ бзѣ блаженною жїзнію: ѿкѡ аггѡлъ зѣменъ и небесенъ человекъ совершївсѡ, прослави бга въ себѣ, и бгѡ прославитъ ѿгѡ.

ѿв. Миръ многъ любящимъ законъ бжїй, и нѣсть ѿмъ соблазна (Псал. рїї, рѣѣ). Понѣже не ѣлика оубѡ оугѡдна сѡтъ человекѡмъ, сїа и бгѡ: но ѣлика мнѡтсѡ оубѡ не быти двѣра, сѡтъ же и сѣлѡ естествомъ двѣра вѣдѡщемъ словеса сѡщиухъ и бѡвшїихъ.

ѿг. Добро естѡ оумрѣти мїрови, живѡ же быти хрїтѡви: ѿнакѡ во не мѡжетъ ктѡ свѣше родитсѡ по гдню гласѡ: ѿще же не свѣше родитсѡ, ниже въ царствїе мѡжетъ небесное внїти. Сїе же рожденїе, ѡ повиновенїа ѡтѣцъ дѡхѡвныхъ бѡвати ѡбѡче. ѿще во не пѣрвѣе сѣмѡ слѡва оученїемъ ѡтѣцъ во чрѣвѣ прїїнемъ, и сїнове сотворїмсѡ бгѡви тѣми, не мѡжемъ свѣше родитсѡ. Такѡ во дванадесѡть оубѡ, ѡ ѣдинагѡ хрїтѡ: сѣдмьдесѡть же, ѡ двоюнадесѡте родїшасѡ, и оусыновїшасѡ бгѡ и ѡцѡ по речѣнномъ ѡ гдѡ: вы естѣ сїнове ѡцѡ моегѡ ѿже на небесѣхъ. Тѣмже и къ намъ павелъ глагѡлетъ: ѿще во и мнѡги пѣстѡны ѿмѡте, но не мнѡги ѡтцы: ѡзъ вы родїхъ, подѡбни мнѣ бѡвѡйте (ѡ Кор. гл. д, ст. ѣї и ѣї).

прийди ты, голубица моя сама о себе, в покров и мрак таинственного богословия и веры, сего твердого во Мне Боге камня» (Песн. 2, 10–14).

51. Блажен мне из сподобившихся доброго изменения и восхода горе тот, кто, — деятельным любомудрием превзошедши стену страстных привычек, и оттуда на посеребренных крыльях бесстрастия в ведении поднявшись в мысленный воздух созерцания всего сущего, а отсюда вошедши в мрак Богословия, — почил наконец от всех дел своих в Боге блаженною жизнью: ибо он, соделавшись в совершенстве земным Ангелом и небесным человеком, прославил Бога в себе, чего ради и Бог прославил его.

52. *Мир велик у любящих закон Твой, и нет им преткновения (Пс. 118, 165).* Потому что Богу нравится не то, что нравится людям, — всем может показаться что то не хорошо, но по своей природе [то] очень хорошо (πολύ καλά) для тех, кто знает логосы (λόγους) сущих (όντων) и творенья (δημιουργημάτων).

53. Добро (ἀριστο) есть умереть для мїра и жить во Христе, иначе никто не способен родиться свѣше, по слову Господню: *если кто не родится свѣше, не может увидеть Царствїя Божїя (Ин. 3, 3).* Такое рождение [обычно] бывает от повинования духовным отцам. Потому что, если мы сперва (πρωτύτερα) не забеременеем семенем слова (λόγου) через обучение (διδασκαλία) отцов, и посредством их не станем сынами Божьими, то не можем родиться свѣше. Ибо таким образом и двенадцать апостолов родились от одного Христа, и семьдесят апостолов от двенадцати, став сынами Бога и Отца (Πατέρα), как сказал Господь: *вы сыны Отца Моего Небесного (ср. Мф. 5, 45).* Потому и говорит апостол Павел нам: и что, *если у вас множество наставников во Христе, но не много от-*

ИД. Ёже не повинѣтиса Ѡтцѣ дѣховнѣ по подражанно, даже до смѣрти и крѣта повинѣвагвса сына Ѡтцѣ, ёже не родитиса свѣше ёсть. Не бывый же сынѣ возлюбленѣ Ѡтца блага, какѣ Ѡтецѣ оубѣ не словомѣ и дѣхомѣ родивса свѣше, сынѣвъ благихѣ и той вѣдетѣ благѣ Ѡтецѣ, и блага родитѣ чада благасти Ѡтца ихѣ совѣразна. Ице же не такѣ, по дрѣвѣ ёсть и плодѣ егѣ.

ИЕ. Зло ёсть невѣрїе, лѣкавагѣ сребролюбїа и зависти лѣкавнѣйшее чревоношенїе. Ице же сїе ёсть зло, кольми паче раждающее. Зане любовь злата, любвѣ хрѣтовы предпочтѣннѣйшѣ въ сынѣхѣ человѣческихѣ дѣлаетѣ, и содѣтела мѣнша вещества своего вмѣняетѣ, томѣ слѣжити паче, неже бгѣ покарѣетѣ, тѣари паче творца слѣженїе ѡдающихѣ, и вѣию истинѣ премѣняющихѣ во лжѣ. Ице же толїкѣ недѣгѣ сїе ёсть зло, їакѣ и вторагѣ томѣ идѣлослѣженїа жрѣвїемѣ прїати їма, коѣа не превосхѣдитѣ злѣбы превосхѣженїе недѣгѣющаа сїмѣ волею дѣша.

ИЗ. Ице оубѣ хрѣтѣ дрѣгѣ быти любїши, возненавидїши оубѣ злато, и сегѣ несѣтѣю дрѣжвѣ, їакѣ мыслѣ ѡбращающѣю кѣ себѣ любѣцагѣ, и ѡтерзающѣю тѣ ѡ сладчайшїа любвѣ їсовы: їаже не въ видѣ слова видїтсѣ мнїтмисѣ, но въ видѣ дѣанїа заповѣдей егѣ. Ице ли же злата желѣеши, оубѣ! прїѡвѣрѣеши оубѣ погребѣа тѣ нынѣ, ице прїѡвѣрѣтенїе, а не тѣетѣ послѣднюю їмаши тогѣ любленїе, предпочтїаа тѣ паче хрѣта. Онагѣ же, вѣждѣ, ѡтцѣтїшисѣ, и припогѣбїши кѣ тѣетѣ:

цов; я родил вас [во Христе], подражайте мне[, как я Христу] (1 Кор. 4, 15. 16).

54. Если не повиноваться духовному отцу в подражание Христу (Χριστού), который был послушен [Небесному] Отцу даже до крестной смерти (ср. Фил. 2, 8), то невозможно родиться свыше. Таким образом, не ставший любимым сыном благого отца (πατέρα), как сам, не родившись от Слова (Λόγος) и Духа (Πνεύμα), станет благим отцом своих [духовных] детей, которые сообразуются с благостью отца своего? В противном случае (Διαφορετικά), по дереву обязательно (οπωσδήποτε) будет и плод его (ср. Мф. 12, 33).

55. Худо неверие, лукавого сребролюбия и зависти лукавейшее порождение. Если же оно худо, не паче ли худо то, что порождает его? ибо сие последнее (сребролюбие) любовь ко злату делает в сынах человеческих предпочтительнейшею любви ко Христу, Содетеля вещества почитает меньшим сего вещества, и ему служить паче нежели Богу научает тех, кои охотнее соглашаются *служить твари в большей степени, чем Творцу* (Κτίστη) *и на место истины* (αλήθειας) *Божией ставят ложь* (ср. Рим. 1, 25). Если же недуг сребролюбия (φιλαργυρίας) так худ, который можно назвать вторым идолопоклонством, то какой степени худости не превосходит душа, произвольно им недугующая?

56. Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато, и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действия по заповедям Его. Если вожделеваешь злата, то, увы! Конечно приобретешь его, если приобретением считаешь, а не крайнею потерей его, если любовью к нему, предпочтительно пред любовью ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а

и егѡже ѡмаши главѹ, бѣа, безъ негѡже нѣсть челоуѣ-
кѡмъ животѡ спасенїа.

нз. Аще любиши злато, хрѣта не любиши. Аще же
хрѣта не любиши, любиши же злато, зри, кому тѡ мѣ-
читель сѣи оуподоблѣтисѡ сотворѣетъ: ономѹ оучени-
кови оубѡ, но невѣрнѹ: и другѹ, но навѣтникѹ ѡавль-
шѹсѡ, и слѣбѣ противѹ ѡбщемѹ влѣцѣ досадившѹ, и
окааннѣ испадшѹ вѣры крѣпнѹ и любвѣ, ѡже ко ономѹ, и
во глубинѹ погрѣзшѹ ѡчѡнїа. Егѡже ты оубоавсѡ
примѣра вѣгаи златѡ, мнѣ повинѹсѡ, и сегѡ любвѣ, да
возможеши прѣвѣрѣсти хрѣта, во еже любити тѡ томѹ.
Аще ли оубѡ ни, но вѣси мѣсто испадшагѡ свѡйст-
венное.

ни. Да не златомъ илїи помоцию челоуѣкѹ и оумолѣ-
нїемъ полѹчитѣи предсѣдательство потѣпнїшисѡ когдѡ,
аще и разсмотрѣши себѣ могѹща оупользовати дѹшы
безъ свѣшнѡгѡ звѡнїа. Занѣ три сїѡ прѣсрѡщѣтѹ тѡ, и
ѡ сїхѹ едино сбѹдетсѡ: илїи во негодовѡнїе ѡ бѣа на тѡ
найдѣтѹ, и гнѣвѹ различными нанесѣнми и ѡвстоѡ-
нми: возвратѹютѹ во на тѡ не челоуѣцы тѡчїю, но и
тварѹ безъ мѡла всѡ, и бѹдетѹ тѣи многовоздѹханѣнѹ сѣи
живѡтѹ: илїи съ многимъ безчѣстїемъ ѡнѹдѹ извѣр-
женѹ бѹдѣши превозмѡгшими на тѡ: илїи оумрѣши не во
врѣма твоѣ, ѡсѣченѹ бѣвѹ настоѡщїа жизни.

нѡ. Нѣсть мѡчно презрѣти слѡвѹ и безчѣстїе, и
превѣшше бѣти болѣзни и слѡсти, аще ктѡ не на кон-
чїны вещь зрѣти сподѡбитсѡ, внегдѡ во всѡкїа слѡвы,
и слѡсти, наслажденїа, и богѡтства, и благодѣнства
концы нивѡчтоже оувидитѹ прихѡдѡща, смѣрти сїѡ прѣ-
ѣмлющей и растлѣвѡющей: тогдѡ всѣхѹ зазрѣвѹ чело-
уѣческїхѹ вещь ѡвнѹ сѣетѹ, прѣлагѣетѹ чѹства своѡ
къ концѣмъ бжѣственнѹхѹ вещь. И сѹщнѹхѹ оубѡ и
никакоже растлїтисѡ могѹщнѹхѹ, дѣржитсѡ: и сїѡ оус-

вместе с Ним потеряешь и Бога, без Коего нет спасения
человекам.

57. Если любишь золото, то не любишь Христа. Если
же Христа не любишь, а любишь золото; то смотри, кому
тиран сей уподобить тебя старается? Оному, хотя учени-
ку, но не верному, хотя другу, но оказавшемуся наветни-
ком, зле восставшим на общего Владыку, бедственно от-
падшим от веры и любви к Нему и бросившимся в глубь
отчаяния. — Убойся же этого примера и ты, и бегай злата
и любви к нему, да Христа приобрящешь, оказывая вме-
сте с тем и к себе самому истинную любовь: ибо видишь,
какова участь павшего в этот грех?

58. Без призвания свыше, никогда не ищи получить
председательство, при помощи золота, или при содейст-
вии и ходатайстве людей, хотя бы ты видел, что имеешь
силу пользоваться души; ибо три следующие беды могут
сретить тебя, и одна из них сбудется: или негодование
Божие и гнев найдут на тебя в различных напастях и
скорбных обстоятельствах, когда восстанут на тебя не
только люди, но и вся почти тварь, — и жизнь твоя будет
много воздыхательна; или с великим бесчестием будешь
свергнут оттуда, когда преодолѣют тебя другие; или ум-
решь не в свое время, будучи отсечен от настоящей жи-
зни.

59. Нельзя ни во что вменять славу и бесчестие и быть
выше неприятностей и приятностей, если не сподобится
кто право смотреть на то, чем кончается все такое. Когда
же увидит, как всякая слава, всякое удовольствие и утѣха,
всякое богатство и благоденствие кончается ничем, пото-
му что смерть все это отнимает и растлеивает; тогда, по-
знав явную суетность человеческих вещей, обращает он
чувства свои к вещам божественным, и к этим, пребы-
вающим и растлиться никогда не могущим, прилепляется,

во́ла, волѣзни ѿ сла́сти превѣшше быва́етъ: волѣзни оубо, ѿкъ сластолюбиво́е ѿ славолюбиво́е ѿ сребролюбиво́е побѣдивъ дѣши: сла́сти же, ѿкъ міра сегѡ ѡтра́съ чѣство, тѣмже ѿ почита́емъ ѿ безчѣстимъ то́йже е́сть. Болѣзньми же ѿ ѡра́дами низлага́емъ тѣла, во всѣхъ благода́ритъ вѣа ѿ не низвлекомъ е́сть помы́сломъ.

ѿ. Мо́чно е́сть ѿ ѡ со́нїи движе́нїа дѣши ѿ расположе́нїа разсмотрѣ́ати тцали́вомъ, ѿ ѡ состо́анїи прилѣжа́ти сво́емъ: по расположе́нїю бо внѣтряннаго чело́вѣка ѿ попечѣ́нїи е́го, сѣтъ ѿ движе́нїа тѣла ѿ оума́ мечтáнїа. ѿще оубо ктѡ вещьствоволюбивъ ѿ сластолюбивъ дѣшъ ѿмать, стажа́нїе вещей ѿ пѣназей ѿзобилїе мечтáетъ, ѿ зра́ки же́нскїа ѿ сплетѣ́нїа встра́ственна, ѡ нїхже ѡскверне́ннаа томъ рїза ѿ ѡскверне́нїе плѡти прибыва́етъ. ѿще же лихо́имственнъ ѿ сребролюбивъ: зláто вїдїтъ по всемъ, ѿ сегѡ ѿстазѣ́етъ, ѿ оумножа́етъ лихвaми, ѿ въ сокровища ѡлага́етъ, ѿ ѿкъ немилосердъ ѡсѣжда́етсa. ѿще же ѿростнъ ѿ завїстнъ: свѣрмї ѿ ѿдовїтymi гонїма е́сть пресмыка́ющимисa, ѿ страхова́нїемъ ѿ бо́зни подверга́етсa. ѿще же напыщеннъ сѣтною сла́вою: благорѣчїа, ѿ прїсрѣ́тенїа люде́й, престѡлы, нача́льства ѿ властїтельства мечтáетъ: ѿ ѡ не оубо сѣщїхъ емъ ѿкъ ѡ сѣщїхъ, ѿлїи вса́къ бѣдѣщїхъ, ѿ бѣа хотѣ́нїе ѿмать. ѿще же гордостнъ ѿ кичѣ́нїа полнъ: на колеснїцахъ носїма свѣтлѣ́йшїхъ зрїтъ себѣ, ѿ кри́лѡма ѡвогда́ на воздѣсѣ́ лета́юща, ѿ всѣхъ превосхожде́нїа трепещѣщїхъ вла́сти е́го. Та́къ же ѿ бѡлюбивъ чело́вѣкъ тцали́въ сїи ѡ дѣланїи добродѣ́тели, ѿ прáведенъ во благочѣстїа по́двїзѣхъ, ѿ чїстѣ́ вещьствá носá дѣшъ: бѣдѣщїхъ вещей свѣ́тїа во снѣхъ зрїтъ, ѿ стра́шныхъ вїдѣ́нїи ѡкрове́нїа: ѿ прїснѡ мола́щасa себѣ со оумиле́нїемъ ѿ мїрнымъ оустро́е-

а от тех отвращается, — вследствие чего становится выше скорбей и утешений земных: скорбей, как победивший в душе сластолюбие, славолюбие и любоимание, — утешений, как отторгший от души мїрское чувство (всякое сочувствие к мїрскому). От того, почитают ли его, или бесчестят, скорби ли или утешения облежат его, он всегда одинаков, и за все благодарит Бога, не ниспадая помы́сломъ долу.

60. Тщательный может и по сновидениям угадывать движения и расположения души, и соответственно тому направлять попечение об устройении своего духовного состояния. Ибо по настроению внутреннего человека и его забот бывают и телесные движения и душевные мечтания. Кто имеет душу вещьствоволюбивую и сластолюбивую, тому мечтаются стяжания вещей и денежные прибытки, также женские лица и страстные объятия, от коих случается с ним осквернение плоти и одежды. У кого душа любостыжательна и сребролюбива, тот и во сне видит всегда золото: то взыскивает уплаты, то умножает проценты, то прячет добытое в кладовую, то будто осуждается как немилосердый. Кто гневлив и завистлив, тому представляется, будто за ним гонятся звери или ядовитые пресмыкающиеся, — и он испытывает великие ужасы и страхи. У кого тщеславием напыщена душа; тому мечтаются добрая о нем молва, шумные ему встречи народные, предложение ему или получение им какого-либо чина или начальства. У кого душа горда и самомнением наполнена; тот видит себя разъезжающим на блестящих колесницах или летающих на крыльях по воздуху, а других всех трепещущими пред великостїю власти его. Равным образом и Боголюбивый человек, как ревностный о делах добродетели и неутомимый в подвигах благочестия, имея душу чистую от пристрастия к вещьственному, видит во сне или сбытие будущих вещей, или откровение страш-

нїемъ дѣши же и тѣла ѿ сна возбѣждаѣмъ разѣмѣ-
вѣетъ, ꙗкоже быти оубо на ланитѣхъ егѡ слезамъ, во
оустнѣхъ же, еже съ бгомъ бесѣдѣ.

ѿа. ѿ ꙗже во снѣхъ мечтаемыхъ, ѡва оубо ѿ нихъ
сѣтъ, сѡнїа: ѡва же, зрѣнїа: ѡва же, ѡкровенїа. И сѡ-
нїа оубо сѣтъ, елика не пребывають въ мечтаель-
ности оумѡ неизмѣнна: но смѣщенно и частѡ измѣ-
наемо ѿ иныхъ вещи во инѣ не сѣтъ мечтанїе, ѿ нихъ же
ни едина мечтаемыхъ прибываетъ польза. И само то
мечтанїе по возбѣженїи ѿ сна погиваетъ, еже и прези-
рати тцаливїи должи сѣтъ. Зрѣнїа же сѣтъ, елика
неизмѣнна сѣтъ, и не ѿ сего во ино превращются, но
пребывають воображенни во оумѣ на многѡ ѡбхожде-
нїа лѣтъ и незабытна. И елика бѣдѣщихъ вещейъ сѣ-
тїа показѣють, и дѣшевныа пользы ѿ оумленїа ви-
новна бывають, и страшныхъ видѣнїй: посѣплена же и
трѣпетна зрацаго ѿ зримыхъ неизмѣннагѡ страшнагѡ
видѣнїа сотворають, ихъ же и за великѡ вещь вмѣнати
подобаетъ тцаливымъ видѣнїа. ѡкровенїа же сѣтъ,
ꙗже паче всѡкагѡ чѣства бывающаа видѣнїа чистѣ-
йшїа и просвѣщенныа дѣши, ꙗже страннхъ нѣкихъ
бжественныхъ вещейъ и разѣмѣнїй носѣтъ силѡ, и со-
кровенныхъ тайнѡ бжѣтнхъ тайнѡ оученїе и свѣтїа вели-
чайшихъ ѿ насъ дѣлѡ, и ѡбще премѣненїе въ мїрскихъ
и чловѣческихъ вещьехъ.

ѿв. ѿ реченныхъ, ѡва (сѡнїа) оубо сѣтъ дебелыхъ и
плотолюбивыхъ мѡжѣй, ихъ же бгѡ чрево, и досѡда сытос-
ти: ихъ же мрачность оумѡ естѡ, ѿ житїа нерадива и
сотрѣнна страстїи, ихъ же и мечтають же и наигры-
вають бѣси. ѡва же (зрѣнїа) тцаливыхъ и ѡчищаю-
щихъ дѣшевныа чѣства, и зримыми благодѣемыхъ въ
бжественныхъ вещейъ постизанїе, и въ прїумноженїи
восхожденїа. ѡва же (ѡкровенїа) совершенныхъ, бжѣ-
ственнымъ дѣйствѣемыхъ дѣомъ, и соединенныхъ съ

ныхъ видений, и просыпаясь, всегда находит себя моля-
щимся в умилении и мирном устроении души и тела, со
слезами на ланитах и с беседою с Богом в устах.

61. Из того, что представляется во время сна, иное
есть мечтание, иное видение, иное откровение. — Мечта-
ния суть такие сновидения, которые не стоят неизменны-
ми в воображении ума, но которых предметы перемещи-
ваются, одни вытесняют другие, или изменяются в дру-
гие; от них никакой не бывает пользы, и самое мечтание
их исчезает вместе с пробуждением; их тщаливейшие
ревнителю презирать должны. — Видения суть такие сно-
видения, которые во все время стоят неизменными, не
преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются
в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они
показывают событие будущих вещей, доставляют душе
пользу, приводя ее в умиление представлением страшных
видов, и видящего их делают самоуглубленным, и при-
трепетным от неизменного созерцания представляющих-
ся страшных вещей; тщаливейшие ревнителю должны
считать такие видения драгоценными. — Откровения
суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей
и просвещенной души, представляющие дивные некие
божественные дела и разумения, тайноводство сокровен-
ных Божиих тайн, событие наиважнейших для нас вещей,
и общее пременение мїрских и чловеческих дел.

62. Из сказанных видов сновидений первые свойст-
венны людям чувственным и плотолюбивым, для коих
Бог чрево и укоризненное насыщение, коих ум объят
тьмою, по причине нерадивой и страстями истертой жиз-
ни, и над коими издеваются бесы посредством мечтаний;
вторые — тщаливым ревнителям, очищающим душевные
чувства, и чрез видимое благодетельно возводимым к по-
стижению божественных вещей и приумножению преус-
пеяния; третьи — совершенным, действительно наитствуете-

вѣомъ вѣослѣвною дѣшею.

ѿг. Не всѣхъ ꙗже во снѣхъ зрѣнїа сѣть истинна, ниже во всѣхъ владычественнѣмъ оумѣ вообразѣются, но единыхъ ѡныхъ ѡчищенныхъ оумомъ, и оумасненныхъ чѣствы дѣшевными, и къ естественнѣмъ востѣкшихъ видѣнїю: ѿмже ни едино есть попеченїе вещей житейскихъ, ниже кое попеченїе настоꙗщїа жизни: ѿже двѣгдѣмъ безснѣдїа во ѡбдержительнѣмъ воздержанїи стѣша, и ѿже по вѣѣмъ подвижи и трудѣ, во свѣтїлицѣ бжїи разѣмъ сѣцихъ ѡвїтѣлицѣ ѡвѣрѣтѣша съ премѣдростїю лѣчшею, ѿже житїе ѿггльско и живѣтъ нынѣ въ вѣѣмъ сокровенъ есть, и предсѣанїе ѡ свѣщеннагѣмъ безмѣлїа на престѣлѣ прорѣкъ цѣркѣ бжїи взыде. ѡ нихъ же и въ мѣлїсїи глагола вѣѣ: ꙗже вѣдетъ прорѣкъ въ васъ, во снѣ ꙗвлѣса емѣ, и во видѣнїи возглаголю къ немѣ (дѣ мѣлїс. вї, 5). И во іѣвилїи: и вѣдетъ по сїхъ, и злїи ѡ дѣа моего на всѣмъ плѣтъ, и прорекѣтъ сынове ваши, и дѣери ваши и старцы ваши сїѣнїа оузратъ, и юнѣты ваши видѣнїа оувїдатъ (іѣвила в, кн).

ѿд. Безмѣлїе есть оумѣ оустроенїе нестѣжаемо, тишина свобѣдна и радѣющїа дѣши, сѣрдца въ вѣѣмъ стоꙗнїе несмѣтно и невѣлаемо, видѣнїе свѣта, разѣмъ бжїихъ таинствѣ. слово премѣдрости ѡ чїстѣмъ мѣсли, вѣздна разѣмѣнїи бжїихъ, восхїщенїе оумѣ, бесѣда бжїа, несѣпно ѡко, молїтва оумна, безтѣденъ въ трудѣхъ великихъ покой, и конѣць, соединенїе съ вѣомъ и совокупленїе.

ѿе. Дѣндеже дѣша крамѣльствѣтъ въ себѣ, безчїннѣмъ двїжѣщымся еѣмъ сїламъ, и не оу вѣмѣстїтельна вѣсть бжѣственнѣхъ лѣчѣй, ниже свобѣды спѣдѣбїса ѡ работѣ мѣдрѣванїа плѣти, ниже мїра насладїса нынѣ, престѣвшеї тѣи брѣни несѣдержїмыхъ страстѣй: мнѣга трѣбѣтъ молчѣнїа оустѣнѣ, ꙗкоже глаголати и тѣи со

мымъ Божественнымъ духомъ и съ Богомъ соединеннымъ богоглаголивою душой.

63. Не у всехъ людей сновїденїа бывають истинны, и не у всехъ печатлѣются во владычественнѣмъ части ума, но у однихъ техъ, коихъ умъ очищенъ и чувства дѣшевные просвѣтлены, кои востекли къ естественнѣмъ созерцанїю, у коихъ нетъ попеченїа о житейскихъ вещахъ, ни заботы о настоꙗщей жизни, коихъ долгїе пощенїа установїлись въ общѣе воздержанїе, а поты и труды по Богу обрѣли покой во свѣтїлицѣ Божиѣмъ въ веденїи сущего и въ высшей премѣдрости, коихъ жизнь Ангельская сокровенна нынѣ въ Боге, и коихъ преуспѣянїе въ священнѣмъ безмѣлїи возвелѣ на стѣпень прорѣковъ Цѣркѣ Божиѣй, о которыхъ и въ книгѣ Моїсея сказалъ Богъ: *если булетъ у васъ прорѣкъ, то Я явлюсь къ нему во снѣ, и въ виденїи возглаголю къ нему* (Чїсл. 12, 6), и въ книгѣ Іѣоїля: *и булетъ послѣ сего: и изолью отъ Духа Моего на всякую плѣтъ, и будутъ прорѣчествѣвать сынове ваши и дѣчери ваши, и старцы ваши увидѣтъ сны, и юнѣши ваши увидѣтъ виденїа* (Іѣоїл. 2, 28).

64. Безмѣлїе есть состоянїе ума нестѣжаемого [помыслами], тишина свобѣды [отъ страстей] и отрады дѣшевной, стоꙗнїе сѣрдца въ Боге, нетѣревожимѣе и невѣлаемое (невлекѣмое), свѣтлѣе созерцанїе, веденїе Божиихъ таинъ, слово премѣдрости изъ чїстого ума, бездѣна разумнїи Божиихъ, востѣрженїе ума, бесѣда Божїа, несѣспнѣе око, молїтва умна, бѣстѣруднїи въ великихъ трудахъ покой, и наконецъ едїнїе и совокупленїе съ Богомъ.

65. Пока дѣша расстроена въ себѣ, по причинѣ беспѣрѣдочного дѣствѣванїа еѣ силъ и потому неспособна вмѣстїть въ себѣ божественныя лучи, пока не спѣдѣбїлася она свобѣды отъ рабства мѣдрѣванїю плѣти и не вкусила ещѣ мїра, по причинѣ недавности прекращенїа въ ней брѣни неустѣержимыхъ страстей; дѣтоле потѣбно еѣ мнѣго молѣ

дѣдомъ: азъ же ѿкъ глухъ не слышахъ, и ѿкъ немъ не ѿверзѣи оустъ своихъ (Псал. ѿз, дї). Присно же съ-тѣющей быти подобаетъ, и сокрушеннѣи ходити пѣ-тѣмъ заповѣдей хрѣтовыхъ, внигда ѿскорблѣтиса ѿ врага, и чѣсти пришествїа оутѣшителя, имже сей оумилѣемѣи и ѿмывѣемѣи слезами истиннаа свобода даруется.

ѿз. Внигда въ безмолвіи медъ добродѣтелей дѣлаи, превѣше смиренїа вѣдетъ плоти ѿ подвигъ любо-мѣдрїа, и во еже по естествоу прїидутъ ѿже силъ души егѡ ѿ долъ поверженна мѣдрованїа, и вмѣститъ лучи дѣха, слезами ѡчистивса сердцемъ, и животворѣнїа мѣртвости хрѣтовы въ нетлѣнїе ѡблечѣтса, и оутѣши-теля на горницѣ безмолвіа сѣда, съ ѡгненнымъ ѡзы-комъ, тѡи прїиметъ: тогда глаголати съ дерзновѣнїемъ величїа бжїа долженъ естъ, и въ цѣркви величїи прав-ды егѡ благовѣстити, ѿкъ посредѣ чрева прїемъ законъ дѣха, да не ѿкъ лукавый рабъ ѡнъ, талантъ своегоу сокрывѣи влѣки, во ѡгнь ввержетса вѣчный. Такъ во и дѣдъ грѣхъ ѿмывъ покаанїемъ, и прорѡческое паки воспрїемъ дарованїе, ѿкъ не могїи благодѣанїа сокры-вати, глаголаше къ бгѡ: Се оустнѣамъ моимъ не возвра-ню, гдїи, ты разумѣлъ еси. Правдѣ твоеу не скрїхъ въ сердцѣ моѣмъ, истинѣ твоеу и спасѣнїе твое рѣхъ, не скрїхъ милость твою и истинѣ твою ѿ сонма многа (Псал. ѿѡ, і и аї).

ѿз. Оумъ тимѣнїа всѣкагѡ ѡчищенъ бѣвъ, небо свѣздно со свѣтлымъ и свѣтлѣйшими разумѣнїи бы-ваетъ души, солнца правды имѣа сїѡюща въ себѣ, и свѣтлы лучи бгѡсловїа въ мирѣ испуцающа: слово же семѣ чисто бѣвшее ѿ бѣздно премѣдрости, прѡсты и не-смѣсны ѡнѣдѣ возводитъ къ себѣ виды вещей и ѡкро-

чание уст, до того, чтоб и она могла говорить с Давидом: я же, как глухой, не слышал, и, как немой, не открывал уст своих (Пс. 37, 14). Всегда должно ей быть печальной и в сокрушении ходить путем заповедей Христовых, пока еще оскорбляет ее враг, и она ждет пришествия Утешителя, Коим, когда она пребывает в сокрушении и омывает себя слезами, даруется ей свобода.

66. Когда в безмолвии уготовляющий мед добродетелей станет выше смиренной плоти, вследствие подвигов любомудрия (подвижнических) и его душевные силы придут в естественное состояние, по причине низвержения долу мудрования (самоуверенности, гордости), когда, очистив сердце слезами, сделается он способным вмещать лучи Духа, облечется в нетленную животворную мертвость Христову и, сидя в горнице безмолвия, примет Утешителя с огненным языком; тогда долженствует он с дерзновением говорить величия Божия, и в собрании великом благовестить правду Его (см. Пс. 144, 5. 11. 12. 21; Пс. 39, 10), яко приявший внутрь чрева закон Духа, да не подобно оному рабу лукавому, скрывшему талант своего господина, ввержен будет в огонь вечный. Так и Давид, после того, как омыл грех свой покаянием, и опять восприял пророческое дарование, не могши скрывать Божия благодеяния, такое обращал к Богу слово: вот, устам моим не возбраню. Ты, Господи, знаешь. Правды Твоей я не скрывал в сердце моем, истину Твою и спасение Твое я возвещал, не скрывал милости Твоей и истины Твоей от великого собрания (Пс. 39, 10. 11).

67. Ум, очищенный от всякой нечистоты, по блестящим и светлым разумениям бывает для души звездным небом, имея в себе Солнце правды сияющим, и светлые лучи богословия в мире испускающим; а слово сего ума, после того как очистилось бездною премудрости, приносит к себе оттуда простые и чистые (αμιγείς) виды

вѣнїа сокровѣнныхъ ѡзаснѣнна: во ѣже вѣдѣти, кѣмъ ѣсть глубина и высота и широта разума бжїа. Сїа же естѣственнѣ оны вѣдривъ, ѡзаснѣетъ глубины дѣха словомъ всемъ имѣющимъ дѣха бжѣственна во оутрѣбѣ, и ѡбѣвлетъ бѣсѡвъ лѣсти, и тайны повѣдаетъ царствїа небеснаго.

Ѣи. Тѣлеснаа оубо похотѣнїа и взыгранїа плѣти, оутолѣетъ воздержанїе и пощенїе и подвижи дѣхѡвнїи: разжженїа же дѣши, и надмѣнїа сердца, оустѣждаетъ бжѣственныхъ писанїи чтенїе, и смиряетъ непрестаннаа молитва, и аки елей оумашаетъ ѿ оумиленїе.

Ѣф. Ничтоже такъ ино, ꙗкоже молитва чиста же и невеличественна, собесѣдника бгѡви человекѣа содѣловаетъ, и соединѣти вѣсть того слова, безмѡлвна съ дѣхомъ молѣшася. Внегда и слезами ѡчищаема имать свою дѣшу, и сладостїю же оуслаждаема оумиленїа, и свѣтомъ просвѣщаема дѣха.

О. И количество въ молитвенныхъ пѣнїихъ ѡзачїнѣйше есть, внегда сїе пожданїе предварѣетъ, и вниманїе. Но качество есть ѡживляющее дѣшу, ѣже и винѡвно есть плода: качество же пѣнїа и молитвы есть, ѣже съ дѣхомъ молїтися и оумѡмъ. Молїтся же кто оумѡмъ, егда молѣся и поа, разсмотрѣетъ разумъ сѣщїи въ бжѣственнѣмъ писанїи, и прїемлетъ восхожденїа ѡнѡдѣ разумѣнїи въ сердце своемъ ѡ бгѡлѣпныхъ мыслей, имже восхищаема оумнѡ дѣша въ воздухъ свѣта ѡсѣвлется ѡснѣ, и ѡчищаеця множае, и къ небесѣмъ всѡ возвышена бывѣетъ, и ѡложенныхъ стѣмъ благу созерцаетъ доброты: ихже желанїемъ возгарѣема плодъ абїе молитвы испѣщѣетъ ѡ очїю, и стрѡю слезъ источаетъ ѡ свѣтотворѣагѡ дѣйства стѣагѡ дѣха, ихже вкѡсъ толїкѡ есть сладокъ, ꙗкѡ и тѣлеснаа пища ѡвогда, въ причастїи сїхъ бывшемъ, забываети. И сїе есть плодъ молитвы, ѡ качества пѣнїа

(ὀψεις) вещей и ясные откровения сокровенных, чтобы постигнуть какая есть глубина, высота и ширина познания Божьего (Еф. 3, 18). Прияв в недра свои сии лучи, Он изъясняет потом словом глубины Духа всем, имеющим Духа Божественного в себе, обнаруживает лукавство духов, и поведает о тайнах Царствия Небесного.

68. Телесные похотения и взыгания плоти останавливают воздержание, пост и борение духовное; ражжения же душевные и волнения сердечные чтение Божественных Писаний охлаждает, непрестанная молитва смиряет, а умиление, как елей, утишает.

69. Ничто другое так, как чистая и чуждая всего вещественного молитва, не делает человека достойным собеседником Бога и не соединяет с Ним того, кто словом молится Ему нерассеянно, в духе, когда при том душа его омывается слезами, услаждается сладостию умиления и светом Духа просвещается.

70. Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание; но собственно качество оживляет душу и бывает причиной плода [от молитвы]. Качество же псалмопения и молитвы [доброе] состоит в том, чтобы молится в духе умом; а умом молится кто когда, поя и молясь, он умом обозревает то, что содержится в божественном Писании и приемлет восхождения разумений в сердце своем из боголепных мыслей, коими мысленно в воздух света восхищаемая душа, светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, вожделением коих возгораясь, тотчас являет плод молитвы источением из очес источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы,

бывающей въ душахъ молящихся.

Ѧа. Идѣже плодъ сей оуспматривается дѣха, тамъ и качество есть молитвы: а идѣже есть качество, тамъ и законѣишее есть и количество пѣнїа: плодъ же не видается, не влажно есть и качество. Яще же сїе есть сѣхо, изліишно есть количество: еже яще и тѣлесно ѡбвѣченїе приноситъ, но оубо всачески многимъ безъ прїверѣтенїа есть.

Ѧв. Зрї лестъ молася и поа псалмы гдѣви. Или бо ина вмѣстѣ иныхъ бѣсове, чувство души подѣкрадающе, глаголати насъ прельцеваютъ, стїхї въ хлѣ прелагающе псалмѡвъ, ѡкв рецїи намъ оусты иже не одобаетъ: или начало псалмѡвъ наченшимъ, на концѣ творатъ слово наше, иже посредѣ расточающе ѡ оумѣ. Или на тожде мѣсто едїнъ стїхъ прїснѡ привозвращаютъ, не ѡставляюще забвенїемъ прїближность ѡверѣстї псалма: внезапъ вземлютъ оумѣ памать всю ѡ совокупленныхъ стїхѡвъ, ѡкв ниже паматовати намъ, кѣа во оустѣхъ имамы ѡ псалмопѣнїа, ниже могущимъ ѡверѣстї сїа и повторїти ѡзыкомъ. Сїе же творатъ, ѡкоже ввергнѣти насъ въ малодушїе и оунынїе, и да оупразднатъ нашеа молитвы плоды, коснѣнїе време не подмѣщще. Но сопротивъ стани ты сильнѣ, и псалмѡвъ коснѣе имїса, да пользѣ молитвы ѡ стїхѡвъ видѣнїемъ прїимешї, и просвѣщенїемъ стѣгѡ дѣа ѡбогатѣешї, бывающимъ въ душахъ молящихся.

Ѧг. Егда что сицевѡ приключїтсѣ тебѣ поющѣ разумнѡ, да не малодушествовавъ оуныиешї, ниже покой тѣла паче душевныа пользы твоєа предпочтѣши, коснѣнїе времени смотриа: но идѣже тѣа плѣненїе оумѣ по-

от качества псалмопения порождающийся в душах, добре молящихся.

71. Где видится плод Духа, там присуще качество молитвы; а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения. Где же плод не проявляется, там сухо и качество; если же оно сухо, тем паче количество, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает.

72. Наблюдай за обольщением (δολιότητα) демонов, когда молишься или поешь псалмы Господу. Демоны нас обманывают, украдывая чувства души и поставляют (βάζουσι) нас говорить одно вместо другого, изменяя стихи псалмов в богохульство (βλασφημίες), как сказанное нами, которое не допустимо. Они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется и все то изглаживать из памяти. Или возвращают нас на одно и тоже место стиха, забвением, которое вызывают, не позволяя вспомнить продолжение (συνέχεια). Или пока мы находимся в середине псалма внезапно исчезает (σβήνουν) из ума вся память от предыдущих (προηγουμένων) стихов, так что даже не вспоминаем о чем пели, не могущие это найти и повторить. Делают же сие для того, чтобы ввергнуть нас в малодушие и уныние, и лишить нас плодов молитвы, вкладывая в наш ум (νοῦ), что время прошло (πέρασε). Но ты стой мужественно и еще прилежнее внимай псалмам, неспешно читая их; да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатишься просвещением Святого Духа, воссиявающим в душах молящихся.

73. Когда что-либо такое случится с тобою, когда стараешься петь разумно, смотри не разленись возмалодушествовав, и покой тела не предпочти пользе душевной, подумав, что уже поздн час. Но как только заметишь

стигнетъ, стани. Аще и на концѣ вѣдетъ псалма, ты къ началу оусердно востецы, и прѣемъ то, паки и мисл псалма по пѣтти, аще и многажды во единъ часъ плѣненіе прѣсрѣщеть: сїе во творѣщѣ тебѣ, не терпѣще терпѣніа, твоего пожданіа бѣсове, и крѣпости оусердіа твоего, стѣда исполнишеса, и исчезнутъ ѿ тебѣ.

Од. Непрестаннѣ молиत्वѣ онѣ быти вѣждь оутвержденнѣ, непрестающю ѿ души чрезъ весь день же и ноць. Иже не въ протажѣніи рѣкъ, и ли предстоаніи тѣла, и азыка гласѣ зращымъ видитса: но въ оумнѣмъ почченіи дѣланіа оума и вѣжїа пѣматти пребывательнымъ оумилѣніемъ разумѣвати вѣдущымъ разумѣетса.

Ое. Мѣжетъ прїснѣ внимати молиत्वѣ, внегда ктѣ своа помыслы свѣраны имать во владычествѣ оума съ миромъ и благоговѣніемъ многимъ глубины вѣжїа копѣюща, и ищуща ѿ онѣдѣ вкѣсити сладчайшю водѣ видѣніа. Мирѣ же таковѣ ѿсѣтствѣющѣ, не мѣжетъ: емѣже во душевныа силы разумомъ примирішаса, семѣ и всегдашнаа молитва исправиса.

Оз. Аще поѣши пѣснь молиТВы бѣгови, и братѣ предстанетъ толкїи во двѣри келлїи твоеа, да не предпочтѣши дѣла молиТВы паче дѣла любвѣ, и прѣзриши толкѣща брата твоего: сѣ во нѣсть любѣзно бѣѣ. Милости во любвѣ хощетъ, а не жѣртвы молиТВы: но дарѣ ѿставль молиТВы, даждь бесѣдѣ любвѣ братѣ, оупокѣивъ его. И тогда возвративса, принеси дарѣ твої оцѣ дѣховѣмъ со слезами, и сокрушеннымъ сердцемъ, и дѣхъ правъ ѿновитса во оутробѣ твоѣй.

Оз. Не во оуставленнѣ времени и мѣстѣ таинство мѣтвы совершаѣетса. Аще во оуставлѣши иже молиТВы въ часѣхъ и временехъ и мѣстѣхъ: оубо времѣ, еже внѣ сїхъ, оупражнѣетса во иныхъ вѣщехъ сѣетства. Пре-

пленение ума, остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай порядку тот же псалом, и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать, то демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвенія, убегут от тебя, стыдом покрытые.

74. Твердо ведай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении, и уразумевается только умеющими уразумевать сие.

75. Можно пребывать всегда в молитве, если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговеинстве полном, в глубины Божии проникая и ища вкусить оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания: что при отсутствии мира [помыслов] невозможно. Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва.

76. Если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь келье твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, призрев стучащегося к тебе брата: ибо это не любезно Богу. Он желает от тебя в сие время еля любви, а не жертвы молитвы. Почему оставив дар молитвы, дай брату беседу любви, и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей.

77. Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы. Ибо если определишь дело молитвы часами, временами и местами; то кроме сего, пожалуй, как бы по праву, станешь проводить

дѣлъ во молитвы сїе ѣсть, ѣже ѡ вѣѣ приснодвижное оумѡ. Дѣло же, ѣже въ бжественныхъ вещьхъ ѡбращатисѡ душїи. Конецъ же, ѣже прилѣпїтисѡ бгѡ оумомъ, и єдинъ дхъ съ нїмъ быти (а Кор. 5, 31), по ѡпредѣленїю и словѡ апловѡ.

Ои. Яще и оудеси плотскими оумертвилсѡ єси, и душєю ѡживотворилсѡ єси дхомъ, и преестественныхъ дарованїи сподобилсѡ єси ѡ бгѡ, но ты оубѡ да не ѡслабнѡ ѡставиши помысленное душїи твоєѡ: ѡбращатисѡ же прїснѡ сїе ѡбвчѡй въ пѡмѡти нѣкогда тобою согрѣшенныхъ, и яже во адѣ томленїи, якѡ ѡсужденника оумнѡ себе смотрѡй. Сїце же ѡбращѡа въ сїхъ оумъ, и сїце смотрѡа себе, сокрѡшенъ сохраниши дхъ, и источникъ источающъ имѣти будешї оумиленїѡ стрѡї бжественнымъ благодѡти, и бгѡ зрѡща на тѡ, и дающѡ тѡ дхѡ во оутвержденїе сѡрдца твоєгѡ.

Оѡ. Пощенїе съ разсмотренїемъ, бдѣнїе съ почченїемъ и молитвою прїемшо спѡтника, скорѡ на предѣлы безстрастїѡ взыти творїтъ дѣлателя своегѡ, внегда сегѡ и душѡ за превосхожденїе смиренїѡ ѡмочаеми имѡща слезѡми имѣти будеть, и ѡ любвѣ бжїѡ восплаеми. Въ сїе же прїшедша, къ мїрѡ того дхѡвнѡ прївѡдитъ, всѡкъ оумъ свободенъ прїемѡщемъ, и любѡвїю хвѡлитъ бгѡ.

П. Не тѡкѡ царь ѡ слѡвѣ и царствѣ велемѡдрствѡетъ, и ѡ держѡвѣ похвалѡсѡ радѡетсѡ, якоже инокъ ѡ душєвнѣмъ безстрастїи и слезѡхъ оумиленїѡ. Тѡй оубѡ совѡдаемо имѡть съ царствомъ мѡдрованїе: сѡй же соѡходѡщо тѡмѡ и пребывѡюще съ веселїемъ блаженное безстрастїе въ безконечны вѣки. Якоже бо кѡло посредѣ чѡловѣкѡ ѡбращѡетсѡ въ настоѡщей таковѡй жїзни, мѡлѡ оубѡ къ землїи и сѡщымъ на нѡй прїближѡсѡ за нѡждѡ естества: весь же крѡгловиднѡ на

время в занятиях суетных. Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело — вращание души в вещах божественных; конец — прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову Апостола (см. 1 Кор. 6, 17).

78. Хотя ты умертвился уже в членах плоти, и душевно оживотворился Духом и преестественных дарований сподобился от Бога: но ты все же не оставляй блуждать туда и сюда мысленную силу души своей, а приучай ее всегда вращаться в памятовании о прежних твоих прегрешениях и о сущих в аде муках, и смотри на себя как на осужденника. Вращая ум свой в таких помышлениях и так смотря на себя, ты сохранишь сокрушенный дух, и будешь иметь в себе живой источник умиления, источающий струи божественной благодати, и Бога будешь зреть смотрящим на тебя и дающим тебе Духа во утверждение сердца твоего.

79. Благоразумное пощение, приившее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспаменяема любовию к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовию соединяет с Богом.

80. Не так царь о славе и царстве высокоумдрствует и, восхищаясь державной властью, радуется, как монах о бесстрастии и слезах умиления. Но у того высокоумдрствование увядает вместе с царством; а этого блаженное бесстрастие с ним переходит туда и там пребывает в радостии в бесконечные веки. Как колесо, вращается таковой в настоящей жизни между людьми, мало касаясь земли и того, что на земле по необходимым потребам естества; весь же он шаровидно несется в мысленный воздух, в

воздѣхъ носимъ мысленно, возъкрѣжаемо въ себѣ носить начало къ концу, и виды дарованій изъвольны въ вѣнцѣ смиренія. Емѣже исполнь есть трапѣза видѣніе сѣщихъ, питіе же, чаша премудрости, и покой есть бгѣ

пѣ. Иже трудомъ добродѣтелей себѣ волю предавый и подвига иноческаго теченіе теплѣ совершалъ, великихъ сподоблетса ѿ бга даровъ. ѿсюдъ же и къ средѣ предъспѣвалъ, въ бжественна ѿкровенія и видѣнія приходитъ. И толікв весь свѣтовидѣнь и премудръ бываеъ, еликов и подвиговъ темъ трудъ простираетса. Еликов же къ высотѣ восходитъ видѣнія, толікв и зависть многъ губительныхъ демонныхъ воздвигетъ на сѣ: ниже во терпѣти зрѣти человека во агггловое естество прелагаема, егѣже ради и отай острою возношенія стрѣлъ прѣстремляють нань. И аще оубо лѣсть разумѣвъ, въ твердыню прибѣгнетъ смиренія зазрѣвъ себѣ: извѣгаетъ погибели гордости, и въ пристанище вводитса спасенія. Ище ли же нѣ, то ѿставленъ бивъ свѣше, дѣхѣмъ испрошающимъ (егѣ) предаетса въ невольню наказаніе, занѣ вольнымъ себѣ не искѣси. Гнѣ же сѣтъ сластолюбиви и плотолубиви, лѣкави и ѣростни, иже и смиряють егѣ нанесеными лютьѣ, дондеже познаетъ свою немоць, и плакавъ, ѿложитъ томленіе, и речетъ со давидомъ и той: благо мнѣ, ѣкв смирилъ мѣ еси, ѣкв да научѣса ѿправданіемъ твоимъ (Псал. рпѣ, ѣа).

пѣ. Бгѣ не хощетъ намъ быти страстьми присно смиреннымъ, и ѿ нихъ гонимымъ, ѣкв залцемъ положити точю камень прибѣжище себѣ, занѣ не бы рѣкль: азъ рѣхъ: бози естѣ, и сынове вышняго вси (Псал. пѣ, 5): но и ѣкв еленемъ на горы высѣкѣа заповѣдей егѣ

себе самом сочетая начало с концом, и неся виды даров благодатныхъ вделанными в венец смиренія. Для него обильною трапезою бывает созерцание Сущего, питием — чаша премудрости, упокоением — Бог.

81. Волю предавший себя трудамъ добродетельнымъ и с теплымъ усердіемъ совершающий подвижнический путь, великихъ от Бога сподобляется даровъ. Подвигаясь в преуспеянии к срединѣ, доходит он до божественныхъ откровений и видений, — и темъ более делается световиднымъ и мудрымъ, чемъ более напрягается его подвижнический трудъ. Но чемъ выше восходит он на высоту созерцанія, темъ большую против себя возбуждаетъ зависть губительныхъ бесовъ: ибо они не могутъ равнодушно видеть, какъ человекъ прелагается в Ангельское естество; почему не лѣнятся тайно пускать на него стрелу самомнѣнія. Если онъ, уразумевъ кознь вражью, укроется в крепость смиренія, зазревъ себя (или в чувствѣ презренія к себѣ), то избегаетъ бедственности гордыни и вводится в пристань спасенія. Если же нетъ; то оставленъ будучи помощію свѣше, предается в руки духовъ злобы, требующихъ его, какъ своего по духу, на невольное обученіе наказательное, за то, что произвольно не явилъ себя обученнымъ и искуснымъ. Эти обучительно наказательные духи суть духи сластолюбія и плотолубія, злобы и гнева, кои и смиряютъ его лютыми нападеніями, пока познаетъ свою немоць, и оплакавъ свое паденіе, побудитъ отменить обучительное наказаніе. Тогда и онъ можетъ с Давидомъ воззвать: *благо мнѣ, что Ты смирилъ меня, чтобы я научился уставамъ Твоимъ* (Пс. 118, 71).

82. Богъ не хочетъ, чтобъ мы всегда были смиряемы страстями (немоцными являлись предъ ними) и, когда бываемъ гонимы ими, уподоблялись зайцамъ, полагая камнемъ прибежища одного Его: ибо иначе Онъ не сказалъ бы: *Азъ рехъ: бози есте, и сынове Вышняго* (Пс. 81, 6). Но желаетъ, чтобъ

востекáти, и́ жа́жднѣйшимъ бывáти животворáщихъ вóдъ дѹха. Да ꙗ́коже о́ни е́стествомъ смѣи́ ꙗ́дѹще, горáчестію, ꙗ́же ѿ мно́гагѡ теченіа, ꙗ́довитое е́стество смѣевъ во вкѹсъ преслáвнѡ, ꙗ́коже глаго́лютъ, претворáютъ, ничтóже ѿно́удѹ вредáщеся: тáкѡ и́ мы всáкѡ по́мыслъ востра́стїа во чрѣвѣ мýсли прѣемлюще, разжѣ́ннымъ теченіемъ за́повѣдей вѣ́иныхъ и́ сі́люю дѹха претворáемъ плѣ́неніемъ въ благово́нно и́ спасительнó дѣ́анїе добродѣтели: да всáкѡ рáзѹмъ плѣ́нати ꙗ́вїмса дѣ́аніемъ въ послушаніе хрѣ́тovo (в Кор. 1, 6). Горнїи во мїръ не перстными и́ несовершенными мѹжи, но дѹхóвыми и́ совершенными, и́ въ мѹжа совершенна востекшими исполненіа хрѣ́тoва (Ефес. 4, 13), испóлнитса трѣ́буетъ.

пг. И́же прїснѡ въ тóмжде ѡбращáлся, а́ не далечáе двїгнѹтися хотѣ́ мскѹ ѡ́крестъ маши́ны въ тóмжде мѣ́стѣ двїжимѹ о́подобися. И́же во прїснѡ рáтѹаїсся съ плóтїю, и́ во е́диномъ ѡбѹченїи тѣ́лесномъ о́упражнáлїсся всáцѣмъ злострадánіемъ: не о́уразмѣ́ себѣ въ величáйшихъ ѡ́тцетѣ́ва́лся, ꙗ́кѡ не пости́гъ рáзѹма вѣ́ественнагѡ хотѣ́нїа: тѣ́лесное во ѡбѹченїе, по пáвлѹ, вма́лѣ́ е́сть полéзно (а́ Тїм. 4, 8): дóндеже перстное мѹдрованіе пожérто бѹдетъ плóти, стрѹ́лами слéзъ пока́нїа, и́ животворное дѹхóвное о́умерцвлénїе тѣ́леси прїбѹдетъ, и́ закóнъ дѹха воцарїтса въ мёртвеннѣй плóти на́шей: благочестїе же дѹши, рáзѹмомъ сѹщи́хъ, и́ безсмёртными сады́ вѣ́ественными помышлénьми, глаго́лю, зрїмóе ꙗ́коже дрéво жїзні во о́умнѣ́мъ о́умá дѣ́ланїи, вездѣ́ и́ во всѣ́хъ полéзно е́сть: ꙗ́кѡ чистотѹ́ сёрдца дѣ́лающее, ꙗ́кѡ мїръ творáщее въ сі́лахъ е́а: о́умá просвѣ́щенїе, чистотѹ́ тѣ́ла, цѣ́ломѹдрїе, ѡ́вдержїтельно воздержánїе, смиренномѹдрїе, о́умилénїе, лóбoвь, ѡ́свáщенїе, рáзѹмъ небесенъ, премѹдрость слóва, и́ видѣ́нїе вѣ́їе. И́же о́бѡ ѿ мно́га ѡбѹченїа востече́ въ

мы, и как олени, востекали на высокие горы заповедей Его, и были жадательнейшими животворных вод Духа; чтоб, как они, по естеству, пожирая змей, в разгорячении от долгого бега, дивно превращают, как говорят, ядовитое естество змей в тельца (εις μόσχον) {безвредную пищу}; так и мы всякий помысл страстный, приемлемый во чрево мысленное, действием огневого бега путем заповедей Божиих и силы Духа, претворяли в благое и спасительное деяние добродетели, да явимся *всякое разумение* через деяние *пленяющими в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5). Ибо горнему міру надлежит быть наполненному не перстными и не совершенными мужами, но духовными и совершенными, востекшими в *мужа совершенна в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

83. Вращающийся всегда в одном и том же, и в предняя простретися не желающий, подобен мулу, который ворочает мельничное колесо, сам ни мало не подвигаясь вперед. Ибо всегда борющийся с плотью и в одних телесных деланиях упражняющийся, при всем злострадании причиняет сам себе великий ущерб в вещах высших, не замечая того, как не постигший цели божественной воли. Ибо, по св. Павлу, *телесное обучение {упражнение} мало полезно* (1 Тим. 4, 8), пока перстное мудрование плоти не будет поглощено потоками [слез] покаяния (покаянных слез), и в тело не войдет животворная мертвость духовная, и закон духа не воцарится в мертвенной плоти нашей. Благочестие же душевное, которое под действием божественных помышлений созерцается, как древо жизни, в мысленном делании ума, везде и во всем полезно, как чистоту сердца созидающее, как мир между силами души водворяющее, как всякую доброту духовную с собою вводящее: ума просвещение, чистоту тела, целомудрие, всестороннее воздержание, смиренномудрие, умиление, любовь, освящение, небесное ведение, мудрость сло-

таковѣ совершѣнство благочестїа: чермное страстѣй прешедъ море, въ зѣмлю ѡбѣтованїа вниде, изъ неаже течѣтъ млеко и медъ разума бжїа, неизживаемое ст҃ыхъ наслажденїе.

пд. Иже оубо не произволаи ѡ частныхъ и малѣ полезныхъ, взыти къ совершѣннѣ полезнымъ, ещѣ ѡт-рѣбанный хлѣбъ ѣсть въ потѣ лица своего, по сщцемъ ѡ начала изреченїю бжїю: темже и непожелательнѣ имать дшш мысленна манны, и самаг тогѡ меда, истѣкшаг ѡ разсѣдшагса камене їлю (ε Μωϋς. λβ, γι). Слышавый же, востаните, идемъ ѡсюдъ, и ѡ оучителева гласа востаъ ѡ приболѣзненнаг дѣланїа, и ѣсти хлѣбъ болѣзни ѡстаъ, чство ѡтрасѣ, и ѡ чаши премудрости бжїа вкшн: сей позна, ѣкв блгъ гдѣ, ѣкв исполнимый оубо законъ заповѣдей служенїемъ слѡва, возшедъ же на горницѣ пришествїа ѡжидаа оутѣшителя.

пс. Чины и степенми влюбомудренна жизни, подобаетъ всакв намъ шествовати въ преднаа, и къ вышележащемъ рачительнѣ востекати: ѣкв приснодвижимымъ сщцымъ ѡ бзѣ, и стоанїа невѣдацымъ когда добраг. ѡсюдъ, и ѡ дѣтельнаг оубо ѡбчченїа, на естественное видѣнїе твари: ѡ сегѡ же, на тинственное слѡво бгослѡвїе восходити подобаетъ, и оупокоатиса въ томъ ѡ всѣхъ дѣлѣ тѣлеснаг ѡбчченїа, ѣкв превыше бывшимъ смиренїа тѣлесѣ, и истиннаг разсѣжденїа разумъ прїемшымъ благоразсѣднѣ. Ище ли же не оу сегѡ разсѣденїа прїахомъ разумъ, ниже сице шествовати въ преднаа, и къ

ва, и зрение Бога. Кто по многих подвигах востек к такому совершенству благочестия, тот, чермное море страстей прешедши, вошел в землю обетования, из коей течет млеко и мед Боговедения — сие неистощимое услаждение святых.

84. Тот, кто не желает (προαίρεση) подняться от индивидуально (επιμέρους) и мало полезного и взойти к абсолютно (καθολικά) полезному, *тот еще ест хлеб с отрубями в поте лица своего*, согласно с изначальным (παλαιά) решением (απόφαση) Бога (см. Быт. 3, 19). Потому и имеет нежелательную (ανόρεχτη) душу в отношении духовной (νοητό) манны и самого того меда, который потек ради Израильского народа из расступившейся скалы (см. Втор. 32, 13. Пс. 80, 17). Но тот, кто услышал призыв (προτροπή): *встаньте, пойдём отсюда* (Ин. 14, 31), и на сей глас Учителя восстал от приболезненного труда, и перестал есть этот хлеб скорби (οδύνης), сбросив груз (ζυγό) чувств и испив из чаши премудрости (σοφίας) Божией, тот познал (γνώρισε), *яко благ Господь* (Пс. 33, 9), как исполнивший таким образом закон заповедей служением слова, поднявшись на горницу (υπερώο) и ожидая пришествия Утешителя (Святого Духа).

85. В соответствии с чином и степенью духовной (πνευματικής) жизни, надлежит нам всяко простираться в предняя и восходить к высшему, как если бы пребывали приснодвижными в тех, яже к Богу, и никогда усталости не зная в делании добра. От этого деятельного подвижничества надлежит восходить к естественному созерцанию творения; а от сего — к таинственному Богословию и упоковаться в нем от всех трудов телесного делания, — став уже выше всего телесного и дольного и получив благогорассудное ведение истинного различения вещей. Если же мы еще не получили ведения такого различения, не научились так двигаться в предняя и не знаем как стре-

совершённѣйшемъ вѣмы простиратиса: гóрши ещѣ ѿ сщцихъ въ мѣрѣ есмь, иже предѣла не вѣдаютъ предспѣаніа сщцагѡ достóинства, ниже стоаніа возхожденіа, дóндеже къ превышележащемъ иныхъ достóинствъ взыдѡтъ, и еже ѡ сѣмъ желаніе въ томъ оупокóатъ.

пс. Крѣпцѣ теплотою ѡчищаемаа дѡша трѡдами ѡбвѣченіа, ѡзараетса ѿ бжественнагѡ свѣта, и зрѣти помалѣ начинатъ естественнѣ даннѡ себѣ добротѣ съ начала ѿ бга, и пространатиса въ любовь сотворшагѡ ю. Поеликѣ же оумснѡютса ей ѿ ѡчищеніа лчыи солнца правды, и естественнаа тѡ добротѣ явственна бываѣтъ ей и познаваѣтса, потолікѣ и трѡды ѡбвѣченіа и тѡ оумножаѣтъ во множайшее ѡчищеніе свое: да чистѣ, егѡже сподобиса дара, оуразумѣтъ слѡвѣ, и древнее благородіе воспріиметъ, и ѡбразъ чистъ и непримѣсенъ веществѡ принесѣтъ сотворшемъ, и никакоже ѿ прилога трѡдѡвъ послаблѣетъ, дóндеже нечистоты всѡкїа и скверны себѣ ѡчиститъ, и достóинъ въ видѣніе и бесѣдѣ бжїю содѣлаетъ.

пз. Ѽкрый Ѧчи мой, и оуразумѣю чудеса ѿ закона твоегѡ (Псал. рїи, иї), ѿ мглы ещѣ земленѡгѡ мудрованіа покрываемый, вопіетъ къ бгѣ. Невѣдѣніе во перстнагѡ оума, мгла сщци и мракъ глѡбокъ, видѣніа дѡши покрываюци, тѣмнѣ тѣ и мрачнѣ во еже разумѣти бжественнаа же и человѣческаа содѣловаетъ, не могѡщѣ къ лчѡамъ бжественнагѡ свѣта взирати, или въ наслажденіи бывати блѡгъ Ѧныхъ, иже Ѧко не видѣ, и оухѡ не слыша, и на сѣрдце человѣкѣ не взыдѡша (ѡ Кор. в, ѡ): сїа же, ѿкрываема сщци покааніемъ, Ѧчїма зрїтъ чистѣ, слышитъ въ разумѣ, и разумѣетъ разумнѡ. Не тóчїю же, но и восхожденіа ѡ сїхъ полагаѣтъ разумѣнїи въ сѣрдцѣ своемъ. Ѽсюдѣ же и вкѡсивши

миться к совершенному (τελειότερο), то мы оказываемся еще хуже мѣрских [людей], которые не знают предела преуспеяния (βελτιώσεως) их социального (κοινωνικής) положения (θέσεως) и стояния (στάση) восхождения, до тех пор, пока не поднимутся к вершине должностей (αξιώματα) и не успокоят желания о том.

86. Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, божественным светом озаряется и мало-по-малу начинает узреть естественно данную ей вначале Богом красоту, и расширяется в возлюблении Создавшего ее. Поскольку же уясняются ей, по мере очищения ее, лучи Солнца правды, и естественная красота ее обнажается пред нею и ею познается; постольку и она умножает труды подвижнические для большего себя очищения, чтоб чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась и древнее воспрять благородство, и сохранить для Создателя своего образ Его чистым и несмешанным ни с чем вещественным. И никогда не пособляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой нечистоты и скверны и не соделает достойною зреть Бога и беседовать с Ним.

87. *Открой очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18), вопиет к Богу покрываемый еще мглою земного мудрования. Ибо неведение перстного ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевные, отемненной и омраченной ее соделывает к уразумению божественных и человеческих вещей, не могущей устремлять взора своего к озарениям божественного света, или вкушать благ оных, которых око не видало, о которых ухо не слышало, которые и на сердце человеку не входили (см. 1 Кор. 2, 9). Но открывая очи свои покаянїем, она все сие видит чисто, слышит внятно и разумеет разумно. И не только это, но и восхождения разумений о сем полагает в сердце своем. Вкусивши же потом и сла-

сла́дости тѣхъ, оумна́етъ ра́зумомъ, и́ словомъ пре́мудрости вѣ́иа повѣ́даетъ всѣ́мъ чюдеса́ вѣ́иа: блага́а, ꙗ́же оу́гото́ва вѣ́иа любя́щимъ е́го, и́ всѣ́хъ въ прича́стїе таковы́хъ подви́заетъ мно́гими по́двиги и́ слеза́ми прїи́ти.

пн. Се́дми дарова́нїемъ свѣ́тымъ дѣ́а, свѣ́ше сло́во начина́юще ѿ пре́мудрости счита́етъ та́, и́ низво́дитъ коне́ць на вѣ́ственный стра́хъ дѣ́а: дѣ́хъ, глаго́ла, пре́мудрости и́ ра́зума, дѣ́хъ совѣ́та и́ крѣ́пости, дѣ́хъ вѣ́дѣ́нїа и́ благоче́стїа, дѣ́хъ стра́ха вѣ́иа (Иса́иа а́и, в̄ и́ г̄). На́мъ же подо́баетъ ѿ стра́ха ѡчища́ющаго начина́ти, ꙗ́же е́сть мѣ́кь: да си́мъ до́брѣ́ пер́вѣ́е оу́дале́нїе ѿ сла́го сотво́рше, и́ пока́нїемъ пре́дѡчи́стившеса ѿ скве́рнъ грѣ́хѡ, ко стра́ху дѣ́а чїсто́му дости́гнемъ семѣ́, по пѣ́тїи грядѣ́ще къ немѣ́, и́ оупоко́яюще въ немѣ́ вса́ко дѣ́ланїе до́бродѣ́тели.

пѡ. ꙗ́же ѿ стра́ха сѣ́да нача́вый, и́ въ чїсто́ту сѣ́рдца слеза́ми пре́дѡспѣ́вааи́ пока́нїа, испо́лняется, пер́вѣ́е пре́мудрости, поне́же и́ нача́ло се́а стра́хъ по рече́нному е́сть. Та́же ра́зума, кѡ́пнѡ и́ съ совѣ́томъ, ꙗ́же себѣ́ по́лезнаа́ совѣ́товати́ любїтъ, и́ и́скати́ ца́рствїа вѣ́иа и́ пра́вды е́го. Въ сї́е же пре́дѡспѣ́въ дѣ́ланїемъ за́повѣ́дей, въ ра́зумъ свѣ́тихъ восхо́дитъ, и́ прїе́млетъ вѣ́ственныхъ и́ челове́ческихъ вѣ́щей и́звѣ́стнѣ́йшее вѣ́дѣ́нїе. ѿсю́ду же ве́сь благоче́стїа вѣ́въ жили́ще, на лю́бве верхо́градїе возше́дъ соверше́нъ быва́етъ, и́ ꙗ́бїе чїсты́й дѣ́а стра́хъ прїе́млетъ е́го, во е́же храни́ти внѣ́трѣ ѡ́ложено́е въ немѣ́ сокрови́ще ца́рствїа небес́наго. Се́й стра́хъ свѣ́лѡ спасї́теленъ, на ве́рхъ лю́бве возвы́шеннаго тре́петна́ творїтъ и́ прїстра́шна, стра́хомъ е́же не ѡ́пасти́ таковы́а высоты́ лю́бве вѣ́иа, и́ па́ки во стра́хъ ѡ́верженѣ́ быти́ стра́шныа́ мѣ́ки.

ч. И́накѡ вводи́мымъ въ житї́е благоче́стїа писа́нїи чте́нїе быва́етъ, и́ и́накѡ къ сре́дѣ́ пре́дѡспѣ́вающимъ, и́

дости́ сего, просвещается она в разуме и словом премудрости поведает всем о дивных благах оных, которые уготовал Бог любящим Его и всех убеждает взыскать причастия их многими подвигами и слезами.

88. Семь есть даров Духа. Слово Божие, перечисляя их, начинает сверху — от премудрости, и нисходит до конца — до духа страха Божия, — говоря: дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, *дух страха Божия* (Ис. 11, 2. 3). Нам же надлежит начинать с очистительного страха, т. е. со страха мук, чтоб, прежде посредством его отторгнув себя от худа и покаянием очистившись от скверн греха, достигнуть и сего чистого страха, дара Духа путем настоящим грядущи к нему, и в нем упокоиваясь во всяком делании добродетели.

89. Начавший страхом суда и преуспевающий в очищении сердца слезами покаяния, исполняется, во-первых, премудростию, так как страх начало ее есть, по реченному (Прит. 1, 7); потом разумом вместе и с советом, помощью которого избирает себе душеспасительные преднамерения. Сего же достигший чрез исполнение заповедей, восходит он к ведению сущего и получает точнейшее ведение божеских и человеческих вещей, а от сего сделавшись весь жилищем благочестия восходит в вышний град любви, и является совершенным; и тотчас чистый страх — дар Духа приемлет его, чтоб хранить положенное внутри его сокровище Царствия Небесного. Сей страх, будучи крайне спасителен, того, кто достиг высоты любви, делает трепещущим и на всякий подвиг готовым из боязни, как бы не ниспасть с такой высоты любви, и не быть опять ввержену в ужас мук.

90. Чтение Писаний инаково бывает для тех, кои только вводятся в жизнь благочестия, инаково для тех, кои

и́накѡ къ совершѣнствѸ востекáющимъ. Занè ѡвѣмъ о́убѡ, хлѣбъ вывѣетъ трапéзы вѣ́їа о́укрѣплáющъ се-рдцá и́хъ во свáщенныхъ пѡдвизѣхъ добродѣтели, и́же и́ силѸ крѣпости подаётъ тѣмъ къ сражѣнiю съ дѣйствóющими стра́сти, дѸхи, и́ ратобѡрцы мѸжественны на вѣсы тѣхъ совершáетъ, íакоже глагѡлати тѣмъ: О́уготѡвалъ еси́ предо мною трапéзѸ сопротивъ стѸжа́ющимъ мнѣ (Ψал. кѡ, е). Ѳвѣмъ же, вíно чáши вѣ́їа веселáщее сердца́ и́хъ, и́ о́ужасáющее тѣхъ силою разѸмѣнiй, и́ о́умъ взѣмлющее и́хъ ѡ́ писмене о́убивáющагѡ, и́ во глубины дѸха и́спытáтельнѣ вводáщее, и́ всего раждáтельна же и́ и́звѡрѣтáтельна разѸмѣнiй содѣловал, íакоже и́ тѣмъ свѡйственно глагѡлати: И́ чáша твоá о́уполавáющи мá íакѡ держáвна (Ψал. кѡ, е). Ѳвѣмъ же, е́лей вѣ́жественнагѡ дѸха о́умацáющъ и́хъ дѸшѸ, и́ о́укроцáющъ и́ смирáющъ ю́ превосхождѣнiемъ вѣ́жественныхъ ѡ́сíанiй, и́ всю превы́ше творáщъ смирѣнiа тѣла, íакоже и́ тѡй хвáлащейсá воспѣти: О́умáстилъ еси́ е́леомъ главѸ мою, и́ мíлость твоá поженѣтъ мá всá дни животá моего (Ψал. кѡ, е и́ 5).

Ча. Дѡндеже притрѸднѡ дѣятельнымъ любѡмѸдрiемъ въ пѡтѣ лица́ и́справлáемсá ко вѣ́, стра́сти плѡтскiа о́умалáюще, насѸцинымъ хлѣбомъ воздѣловаемымъ воздѣланiемъ добродѣтелей, и́ сердца́ человѣкѸ о́укрѣплáющимъ, питáетсá гдѣ съ нáми на трапéзѣ даровáнiй своихъ. Егда́ же безстра́стiемъ ѡ́стíтсá въ насъ и́ма е́гѡ, и́ сáмъ воцрíтсá во всѣхъ нáшихъ силахъ дѸше́вныхъ, покорiвъ и́ о́умирiвъ разстоáцáа, глагѡлю же, гѡршее лѸчимѸ пѡмыслѸ, и́ вѡла е́гѡ вѸдетъ íакѡ на небесí и́ въ насъ: тогда́ пíво нѡво пáче слѡва премѸдрости словесѣ, чѣрпаемо во о́умилѣнiи и́ разѸмѣ́ тáинъ вели́кихъ, пíетъ съ нáми въ цáрствiи своѣмъ въ насъ сѸщемъ. Въ причáстiи же дѸха вывáющимъ нáмъ стáгѡ, и́ добрымъ и́змѣнáемымъ нáмъ

прошли до середины преуспѣяния, инаково для тех, кои востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели, который и силу крепкую подает им на борение с духами в страстях действующими, и делает их мужественными борцами против демонов, так что они говорят: *Ты приготовил для меня трапезу против притеснителей моих* (Пс. 22, 5). Для других оно — вино чаши Божественной, веселящее сердца их, в исступление их приводящее силою помышлений, ум их вземлющее от писмени убивающего и в глубины Духа испытательно вводящее, и всего его соделывающее породителем и находителем уразумений, так что и им свойственно говорить: *и чаша Твоя, напоевающая меня, как [она] сильна!* (Пс. 22, 5). А для третьих — елеем Божественного Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим ее преизбытком Божественных озарений и всю ее восторгающим превыше тела, так что и она, хвалясь, вопиет: *умастил елеем голову мою... и милость Твоя последует за мною во все дни жизни моей* (Пс. 22, 5. 6).

91. Доколе мы притрудно деятельным любомудрием в поте лица направляемся к Богу, умаляя страсти плотские, дотолѣ хлебом насущным, который воздѣлыванием добродетелей уготавливается и сердца человеческие укрепляет, питается с нами Господь на трапезе дарований Своих. Когда же бесстрастием освятится у нас имя Его, и Он воцарится над всеми нашими душевными силами, покорив и умирив расходящее, — худшее, говорю, лучшему, — и воля Его будет и в нас, как на небе; тогда новое и неизреченное пиво премудрости Слова, растворяемое умилением и познанием тайн великих, пьет Он с нами в Царствии своем, в нас пришедшим. Когда же сделаемся мы причастниками Духа Святого, и добрым изменимся изменени-

и́змѣненіемъ во ѡбновленіи оум̃а нашегѡ: тогда бг̃ъ сый, съ боги бѣдетъ съ нами, ѡкѡ безсмѣртно творѧ пріѡтїе.

Ѣв. Ѣгда недержимаа вода страстныхъ оум̃а помыслъ пришествіемъ оудержана бѣдетъ стѡгѡ дѣа, и сланаа неподобныхъ мыслей же и помышленій бездна воздержаніемъ и размышленіемъ смѣрти ѡбвѣдѣетсѡ: тогда вѣетъ бжѣственный дѣхъ покаанїа, исхѡдатъ оумиленїа воды, ѡже бг̃ъ и вѡка во оумывальницѣ влѡвъ покаанїа, мысленныа наши ѡчищаѣтъ ноги, и ходити достѡйны ѧ творитъ во дворѣ царствїа своегѡ.

Ѣг. Слово бжѣе бѣвши плѡтъ, и наше естество въ себѣ составльши, и человекъ совершенъ бѣвше кромѣ грѣха ѡкѡ бг̃ъ совершенъ, сїе возсоздавши, ѡбожи. Слово же сѣщи первагѡ оум̃а и бг̃а, словѣствѣ сегѡ соединисѡ, и сїе бжѣственнаа мѣдрствовати и помышлѣти на высотѣ воскрилї. Но и ѡгнь сѣщи, ѡгнемъ сѣщественнымъ и бжѣственнымъ, ѡростное сегѡ на сопротивовѡрныа страсти и бѣсы вѣстрѣ настрї. Желанїе же сѣщи всѡкагѡ словѣсна естества, и покой желанїа, желательное сегѡ, въ причастїе благъ ѡныхъ вѣчныа жизни съ завѣщательною любовїю разширї. И таѡкѡ всегѡ человека въ себѣ возвѣновльши, нова ѡ ветха содѣла, ниедино ѡглаголанїа слово на содѣтелеа слѡва ѡ возсозданїи наносѡца.

Ѣд. Священнодѣйствовавши слово въ себѣ наше возсозданїе, само за ны себѣ крестѡмъ и смѣртїю жѣртвѣ сотворї, и жрѣтисѡ приснѡ даѣтъ пречїстѡе своѣ тѣло, и въ дѣшепитѣтельно все пїршество предлагаѣтъ тѡ на всѡкъ дѣнь намъ: ѡкѡ да сїе ѡдѣще, и пїюще честнѡю егѡ кровъ, въ чувствѣ дѣши бѣдемъ причащенїемъ лѣчши, нежели ѣже есмы, растворѣми сїми и прѣтворѣми на большее ѡ меньшегѡ, и едино творїми съ

ем, в обновлении ума нашего, тогда Бог сый, яко с богами, будет с нами, обожив воспринятое [человечество].

92. Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святого, и славная неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет божественный Дух покаяния, и нисходят волны умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает мысленные ноги наши и делает их достойными ступать по двору Царствия Его.

93. Бог — Слово, быв плотью и совершенным став человеком кроме греха, естество наше в свою приял ипостась, и, яко Бог совершенный, воссоздал его и обожил. Слово же суще первого ума и Бога, с словесной его соединился частью и ее горе воскрылил — мудрствовать и помышлять о божественном. — Но и огонь суще, существенным и божественным огнем сим раздражительную силу его сделал способною живо противостоять пагубным страстям и враждебным нам бесам. А суще желанием (предметом желанным) всякого словесного естества и упокоением (полным удовлетворением вожделения, желательную его часть разжег внутреннейшей любовию к причастию оных благ вечной жизни). Таким образом всего обновив в себе человека, из ветхого Он сделал его новым.

94. Бог Слово, священно совершив в Себе Самом наше восстановление, Сам Себя потом принес за нас в жертву через крест и смерть, и всегда дает жриму быти пречистому Телу Своему, и каждодневно предлагает его нам в душепитательную обильную трапезу, чтоб, вкушая его и пия пречистую кровь Его, в чувстве души соделовались мы через сие причащение лучшими, нежели каковы есмы, срастворяясь с ними, претворяясь из худшего в лучшее, и

сѣгѣваемъ слѣвомъ сѣгѣвѣ, тѣломъ и дѣшею словесною, ѿкъ съ воплощеннымъ бѣгомъ, и намъ по плоти единосущнымъ. Икоже не своимъ быти, но едино сотворшаго на ны съ собою безсмертною трапезою, и сѣе сотворшаго быти положеніемъ, еже то по естествоу есть.

Ѹе. Аще оубо искѣшенни трудѣми добродѣтелей, и предѣчищенни слезѣми, приступѣюще ѿмы ѿ хлѣба сегѣ и ѿ сѣа чаши пѣемъ, двѣма естественными силами, сѣгѣво слово кротостію съ нами растворяется, всѣкъ претворяющи насъ самѣхъ съ собою, ѿкъ воплощеніемъ, и намъ по человечеству единасущное, и всѣхъ бѣотворящее слѣвомъ разума, и сѣе ны ѿки сообразны и братію оусвоѣющее ѿкъ бѣгъ, и оцѣ единасущное. Аще же смѣшени съ веществомъ страстей, и ѿскверненни скверною грѣхѣ приступѣемъ: естественнымъ огнемъ потребительнымъ слѣбы, приближающимъ къ намъ пожигаютъ и поалаютъ всѣхъ насъ, и ѿже жизни подсѣцѣютъ нашею, не своею благодати волею, но пренебреженіемъ нечувствіемъ нашею понуждаемо сѣци.

Ѹз. Ко всѣмъ по дѣлательному любомудрію пѣть наченнымъ ходити заповѣдей хрѣтовыхъ, гдѣ невидимъ приближаема, несовершеннѣ имѣющимъ еще мудрованіе, и смнѣющимся дѣшѣ ѿ словеснѣ добродѣтели, идетъ съ ними. Ихъже оубо праведнѣ и ѿчи дѣшевніи держатся нынѣ, еже не познати свое предспѣаніе, внигда ити съ ними гдѣ, и содѣйствовати оубо во избавленіе ѿ страстей, подавати же рѣкъ помощи во исправленіе всѣкѣмъ добродѣтели. Творѣщимъ же предспѣаніе въ подвиги благочестіемъ, и къ безстрастію смиреніемъ градѣющимъ тѣмъ, не хощетъ слово, даже до сегѣ стати тѣмъ оутрѣжденнымъ трудѣми добродѣтелей: но далечѣе ити, и къ видѣнію возводитисѣ, ѿонѣдѣ же и напитавъ ихъ въ мѣрѣ хлѣба довольна слезѣ, свѣтомъ оумиленіемъ

едино соделываясь с сугубымъ Словомъ сугубо — и теломъ и душою разумною, яко с воплощеннымъ Богомъ, и намъ по плоти единасущнымъ: такъ что мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворилъ насъ съ Собою черезъ бессмертную трапезу, и темъ насъ соделалъ по положенію (θεσει), что есть Самъ Онъ по естеству.

95. Если, испытаны бывъ въ трудахъ добродѣтелей и предчищены слезами, приступая вкушаемъ отъ хлѣба сего и отъ чаши сей пьемъ, то сугубое Слово, съ двумя естествами нашими въ кротости нашей срастворяясь, всецѣло претворяетъ насъ въ себя — самого, яко воплощенное и намъ, по человечеству, единасущное, и всехъ боготворитъ и Себе, яко сообразныхъ съ Нимъ и братій, усвоѣетъ, яко Богъ и Отцу единасущный. Если же приступаемъ, будучи срастворены съ веществомъ страстей и осквернены скверною греховною, то Оно, приближаясь къ намъ, естественнымъ ему грехоистребительнымъ огнемъ пожигаетъ и поалаетъ насъ всехъ, и жизнь нашу подсекаетъ, не благоволеніемъ благодати своею, а отвращеніемъ къ нечувствію нашему будучи къ тому понуждаемо.

96. Ко всемъ, по деятельному любомудрію, начавшимъ шествовать путемъ заповѣдей, Господь, невидимо приближаясь, шествуетъ имъ; такъ какъ они не совершенное еще имеютъ мудрование, душа ихъ еще много недоумеѣетъ въ деле добродѣтели и душевные очи ихъ праведно удерживаемы бывають въ сие время, чтобъ не познали своего преуспеянія, когда шествуетъ имъ Господь, содействуетъ имъ избавляться отъ страстей и простираетъ руку помощи къ содеванію всякой добродѣтели. Когда же они продолжаютъ дѣлать успѣхи въ подвигахъ благочестія и идти къ бесстрастію черезъ смиреніе, тогда Господь не хочетъ, чтобъ они все еще оставались утомленными трудами добродѣтелей, но чтобъ простирались далѣе и восходили къ созерцанію. Почему, напитавъ ихъ вдоволь хлѣбомъ слезъ, свѣтомъ умиле-

благословляетъ, и оумъ ихъ ѿверзаетъ во еже разумѣти глубинѣ бжественныхъ писаній, и ѿонѣдъ естества и словеса оумрѣти сущихъ: и сопрѣтаетъ авіе ѿ нихъ себѣ во еже востати тѣмъ, и рачительнѣе взыскати нащитиса, кій есть разумъ сущихъ, и кое есть еже ѿ сегѡ возвышеніе. Иже и тцѣательнѡ взыскавшѣ, на вышшее восхѡдѣтъ слова слѡженіе, и проповѣдаютъ всѣмъ еже ѡ дѣланіа и видѣніа слова воскресеніе.

Ѣз. Праведнѣ слово косность поношаетъ коснѣющимъ въ трудѣхъ дѣлательнагѡ ѡбѣченіа, и не хотѣющимъ преложитиса ѿонѣдъ, и къ вышшему взыти видѣніа восхѡженію, глагола имъ: ѿ несмысленнѣи и коснѣи сердцемъ, еже не вѣровати на могущее ѡкрыти слово, естественнагѡ видѣніа ходѣющимъ по дѡхѣ глубиннѣ дѡха. Еже бо не хотѣти ѡ вводительнѣйшихъ пѡдвигъ на совершеннѣйшымъ преходити, и ѡ глагола тѣлесѣ бжественнагѡ писаніа, на оумъ и разумъ слова приходити: знаменіе есть дѡши оумнылымъ и не ѡцѣцѣяющіа дѡхѡвнымъ пользы, и завѣдаціа лютѣ своемъ предспѣланію. Ейже не точію речѣтсѡ, ѡкѡ оумгашенъ носѣщей свѣтѣльничкѡ: иди, купи елей ѡ продающихъ, но къ семъ еже затворитиса ей чертогѡ, и ѡиди, не вѣмъ тѡ, ѡкѡдѣ еси.

Ѣи. Егда слово бжѣе въ падшю дѡшѡ, ѡкоже во градѣ прїидетъ виѡанію, оумершій ѡ грѣхѡ оумъ еѡ и погребенный тлею страстѣи воскрешѡмъ: тогда мудрость и правда печалію погрѣженнѣ ѡ оумерцвлѣніи оума, ѡкоже плачѡще оумрѣтѡютъ егѡ, и глаголютъ: аще бы еси здѣ былъ въ насъ, блюдомъ же и хранимъ, не бы братъ нашъ оумъ оумерлъ ѡ грѣхѡ. Ѣсюдѣ правда оумѡвѡ напитати слово многимъ попеченіемъ и дѣланіемъ тцѣитсѡ добродѣтелей, и трапѣзѡ томъ различнѣ и многовиднѣ злостраданіа предложити любочѣствѣтсѡ.

ния благословляет, и ум их отверзает в познании глубины Божественных Писаний, и от этого они видят естества и логосы (λόγους) сущих; и [Он] тотчас скрывается от них, чтобы [побудить] их встать и искать с большим усердием какое (ποιά) есть познание сущих, и какое есть от того возвышение (ἀνύψωση). И те, которые усердно нашли, поднимаются на самую высокое служение слова (λόγου) и проповедуют всем воскресение Слова (Λόγου), как знающие практику (πράξη) и теорию.

97. Праведно Господь укоряет в косности тех, кои долго медлят в трудах деятельной жизни и не хотят расстаться с ними и на высшую востекши степень созерцания, говоря им: *о несмысленная и медлительная сердцем в веровании* (Лк. 24, 25) Тому, Кто ходящим по духу может открыть глубины Духа! Ибо нехотение от новоначальных подвигов переходить к совершеннейшим, и от буквы Божественного Писания проходить к высшему его разумению и смыслу есть признак души ленивой, не ищущей вкусить сладости духовных благ и на зло себе отвращающейся от своего преспеяния. За это ей, как несущей светильник свой погасшим, не только сказано будет: *пойди, купи у продающих*, но, по затворении предо нею чертога брачного, приложится: *отойди; не знаю тебя откуда ты есть* (см. Мф. 25, 9. 12).

98. Когда Господь Иисус Христос, как некогда к граду Вифанеи, приблизится к падшей душе с целью воскресить ум ее, умерший от греха и погребенный под тлением страстей, тогда мудрость и правда, погруженные в печаль об умертвии ума, в слезах сретают Его, и говорят: если бы Ты здесь у нас был, блюдомый и хранимый, то брат наш — ум — не умер бы от греха (см. Ин. 11, 21). После сего правда спешит напитать Господа Иисуса попечением о многом и деланием добродетелей и почитать Его предложением трапезы злострадания (произвольных лише-

мудрость же иныхъ всѣхъ небрегши попеченій, и притруднаго злостраданиа, при оумномъ дѣланіи, и оумныхъ движеніахъ слова, и разумѣній видѣніа егѡ слышаніи присѣдѣти избрѧ. Тѣмже и тѣ оубѡ пріемлетъ добръе подвижающесѧ слово, напитати тѡ трапезою любочестнѣ многовиднаго и дѣятельнаго любомудрїа: но ѡ многѣхъ пекущесѧ видѣвъ злостраданиа, и ѡ малѣ полезномъ оупражняющесѧ приснѡ порицаетъ, единѣ сѣщѣ искомомѣ на потребѣ и послуженїе слова: еже лучшемѣ помыслѣ покорити горшее, и перстное мудрованїе души преложити въ дѣхѡвны пѡдвиги добродѣтели. Сїю же и припохваляетъ, и естественнѡ оусволяетъ, ѡакѡ избравшѣ благю часть дѣхѡвнаго разума, ѡмже человѣческіа превозлетающе вѣщи, въ вѣжественныа глубины вхѡдитъ вѣжѣ, и вїсерѣ ѡонѣдѣ слова добръе прѡвѣртаетъ: и на сокровеннаа сокровища взираетъ дѣха, и несказаннаа ей радость прибываетъ, ѡже не ѡиметсѧ ѡ неа.

Ѣ. Оумъ оумертвѣвыйсѧ страстьми, и пришествїемъ ѡживотворивыйсѧ слова вѣжѣ, камень нечувствїа ѡложивъ, разрѣшаетсѧ пленицѣ грѣхѡ и тлетворныхъ помыслѣ ѡ слѣгѣ слова: страха, глаголю, мѣки, и трудѡвъ добродѣтели, и свѣта вѣдѡщїа насладивсѧ жизни, ѡпѣщаетсѧ въ безстрастіе. И ѡонѣдѣ на престолѣ сѣдѣ чѣствѣ, и священнодѣйствовавъ чїстѣ видѣніа таинство, соснѣдникъ бываеетъ словѣ, и соѡшѣдѣ съ нимъ ѡ земли на небеса, царствѣетъ со хрїтомъ въ царствїи вѣа и оца, оупокѡивъ желанїа своа вса.

Ѥ. По разрѣшенїи тѣлесѣ тамошнее возустроенїе комѣждо ѡ тцаливыхъ законнѡ подвижающесѧ и къ средѣ предспѣющѣ, и совершаемѣ въ мѣрѣ возраста исполненїа хрїтова, ѡсно и ѡвственнѡ бываеетъ извѣствованїемъ и дѣйствованїемъ дѣа. Радость же вѣчна

ний) полной и многовидной; а мудрость, оставя всякое другое попечение и притрудное злострадание, предпочитает присесть умному деланию, мысленным движениям Господа и слушанию созерцательных Его разумений. Господь же первую милостиво приемлет за то, что она добре подвигается и усердствует напитать Его трапезою многообразного деятельного любомудрия, а за то, что она печется о многом и много занимается тем, что не много полезно, укоряет: ибо едино есть на потребу и на угождение Господу — лучшему помыслу подчинить худший, перстное мудрование души преложить в духовное в потовых трудах добродетельных; а вторую похваляет и к Себе привлекает, как избравшую благую часть ведения духовного, в коем воспарив выше человеческих вещей, входит она в дивные глубины Божии, бисер многоценный оттуда себе добре покупает и узревает сокровенные сокровища Духа, и бывает ей радость неизреченная, которая не отычется от нее.

99. Ум, умерщвленный страстьми и оживотворенный присещением Господа Иисуса, отбросив камень нечувствия, разрешается от пленниц греха и тлетворных помыслов духовными слугами Господа, то есть страхом мук и трудами доброделания; вкусив же потом света будущей жизни, отпускается идти к бесстрастию, достигнув коего, восседает на престоле чувств, и чисто священнодействовав таинство видения, бывает сотрапезником Господа Иисуса, и вместе с Ним восшедши от земли на небо, соцарствует Ему в Царствии Бога и Отца, почив от всех своих исканий.

100. Тамошнее имеющее быть по разрешению от тела возустроение для каждого ревнителя законно подвижающегося, прошедшего до середины и усовершенствовавшегося в меру возраста исполнения Христова, явственнѡ видно бывает через действительное удостоверение Духа. Там веч-

ѣсть во свѣтѣ присносущнѣмъ, блаженство онаго по-
 коа. Радость же непрестанна объемлетъ сердца подви-
 жающихся законно здѣ, и лобзаетъ тѣхъ веселіе стѣго
 дѣа, ѣже, по словеси гдню, не ѡиметса ѡ нихъ. Спо-
 добивыйса оубо пришествіа оутѣшителя ѡсюдѣ, и
 плодовъ насладивыйса егѡ воздѣланіемъ добродѣте-
 лей, и ѡбогатѣвый бжественными егѡ дарованіи, ра-
 дости исполнь сый и всакиа любвѣ, страхъ всакомѣ
 сирѣчь бѣжавшѣ, съ радостію оузъ тѣлесныхъ разрѣ-
 шаетса, и съ радостію ѡходитъ ѡ видимыхъ, иже и
 живъ сый чвства прѣжде забы, и въ радостіи неиз-
 глаболаннѣй почиваетъ свѣта, идѣже всѣхъ веселѣ-
 щихса жилище, аще тѣло множицею и болѣзнь въ раз-
 рѣшеніи и сѣченіи соединеніа въ нѣкихъ страждетъ,
 ꙗкоже недобораждѡщиа жены.

ная радость во свете присносущем составляет блаженство
 того наследія; радость непрестанная объемлет сердца
 законно здѣс подвижающихся и веселие Духа Святого
 лобызает их, которое, по слову Господа, не отыметса от
 них. Сподобившийся пришествия Утешителя здѣс и
 плодами Его насладившийся в воздѣлываніи добродете-
 лей, и обогатившийся дарами Его, радости исполнен су-
 щи и всякой любви, — так как всякій страх отбегает от
 него, — в радости разрешается от уз тела, и с радостію
 вземлетса от всего видимого, к коему еще живущи напе-
 ред забыл всякое чувство, и упокоивается в неизреченной
 радости света там, где есть всех веселящихся жилище;
 хотя тело некоторых во время разрешения и пресечения
 союза с душой и страждет, подобно женам при трудных
 родах.

Трѣтїа сотница главнїи
ѡ любви и совершенствѣ житїа, тогдаже.

Оумъ безстрастенъ есть бгъ, паче всякаго оума и всякаго безстрастїа свѣтъ, и источникъ свѣта блага: премудрость, слово и разумъ, и премудрости слова и разума податель. Иже оубо дашася сїа чистоты ради, и въ нихже оумотрѣваются богатнѣ, сими воспасошася, и еже по образѣ соблюдеса, ꙗкоже быти тѣмъ всюдѣ сынѡмъ вѣимъ водимымъ, по реченномъ, ѡ дхѣ: Елицы дхомъ вѣимъ водатса, сїи сѣтъ сынове вѣи (Рим. 8, 14).

в. Елицы труды вбчєнїа чистыхъ себѣ содѣлаша ѡ всякїа скверны плоти и дхѣ, прїателица безсмертнаго быша естества дарованїи дхѣ. Доспѣвши же въ сїе, свѣта сѣтъ блага исполненни, ѡ негѡже тишины въ мирѣ сердцемъ исполнаеми, ѡрыгаютъ словеса блага, и премудрость вѣи истекаетъ ѡ оустенъ ихъ съ разумомъ вѣественныхъ и человѣческихъ вещей, и слово ихъ не мѣтно глубины дхѣ сказѹющо: На такихъхъ нѣсть закона (Галат. 5, 18) единою соединившихся бгови, и добрымъ измѣнившихся измѣненїемъ.

г. Иже оусерднымъ тцанїемъ къ бгѣ исправляйсѣ притруднѣ, извращенїе образа онаго добродѣтели души и тѣла бываєтъ: той оубо въ вѣѣ, и бгъ въ немъ почиваа по растворенїю. ꙗкоже быти и видѣтисѣ томъ оубо всюдѣ, образѣ вѣественнаго блаженства въ бо-

Третья умозрительных глав сотница —
о любви и совершенстве жизни

Бог есть ум бесстрастный паче всякого ума и всякого бесстрастия, — свет и источник света благого, — премудрость, слово и ведение, и податель премудрости, слова и ведения. Кому даны сии дары чистоты ради, и в ком они усматриваются, в тех сохранным пребывает и еже по образу; так что они являются чрез то сынами Божиими, водимыми Духом, как написано: *все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии* (Рим. 8, 14).

2. Которые трудами подвижническими сделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятельцами бессмертного естества чрез дарования Духа. До сего же достигшие полны суть света благого, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отрыгают благие словеса и премудрость Божия течет из уст их в ведении божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа. *На такихъ нет закона* (Гал. 5, 23), так как они однажды навсегда соединились с Богом и благим изменились изменением.

3. С усердным тцанием притрудно простирающийся к Божественному бывает отображением образа Божия добродетелями душевными и телесными; поскольку тогда он в Боге и Бог в нем упокоевается по срастворенїю, так что он от сего есть и видится образом Божественного бла-

гѣтствѣ дарованій дѣа, и положеніемъ бгѣ: бгѣ же тайноначальникъ совершенства егѣ.

Д. Не ѿ членовнагѣ тѣлесѣ положеніа невѣжествомъ водимъ да речѣтъ кто, по ѡбразѣ бжїю быти чловѣкѣ, но ѿ оумнагѣ естества оума, не ѡписѣмагѣ ѿ таготѣющагѣ долѣ тѣла. Икоже во бжественное естество внѣ всѣакиа твари и девельства сѣще не ѡписѣетсѣ, безпредѣльно и безтѣлесно сѣще, и паче сѣществѣ и слѣва всѣакагѣ некачественно, неприкосновенно, неколичественно, невидимо, безсмертно, непостижимо, неразѣмѣваемо ѡнюдѣ ѿ насѣ: такѣ и данное ѿ негѣ намѣ оумное естество неѡписанно сѣще и кромѣ девельства сегѣ безтѣлесно естѣ, невидимо, неприкосновенно, непостижимо, и ѡбразѣ безсмертнаѣ и присносѣщнаѣ славы егѣ.

Е. Оумъ первый сый бгѣ, ѡакѣ царь сегѣ, единосѣщное въ себѣ имѣть слѣво и со дѣомъ соприсносѣщное. Нижѣ безъ слѣва и дѣа сый когда за естества неразѣбльное, нижѣ сливаемъ сѣ ними, за неслѣанное рѣзнства сѣщнихъ въ немѣ ипостасей. Тѣмже и слѣво ѿ сѣществѣ своегѣ естѣственнѣ раждаѣ, самѣ себѣ разѣблѣетсѣ, неразѣбленѣ сый себѣ. Имѣть же соестѣственнаго, собезначальнаго своегѣ дѣа ѿ оца исходащаго предвѣчнѣ соприсносѣщное слѣво, и рѣждашаго не ѿсѣцѣетсѣ: едино во естѣ ѡбоймѣ естество и неразѣблѣно, аще и рѣзнствомъ ипостасей, разѣблѣетсѣ на лица, и трѣичнѣ воспѣваѣетсѣ оцѣ, снѣ и стѣий дѣхѣ. И никогдаже сѣ ѡакѣ едино естество, и бгѣ единѣ соприсносѣщнагѣ разѣблѣютсѣ сѣществѣ и естества. Сегѣ оубѣ трѣипостаснагѣ и единственнагѣ естества ѡбразѣ ми виждѣ, по разѣмѣваемомѣ создѣннаго ѿ негѣ чловѣка, а не по видимомѣ по безсмертномѣ и присно такожде сѣщемѣ, а не по мертвенномѣ и разрѣшѣемомѣ.

женства по богатству даров Духа, и по положению (θεσει) богом, Бог же — совершителем его совершенства.

4. Человек создан по образу Божию, а не по органическому устройению тела, как сказал бы кто-нибудь от невежества, но по умному (νοερί) естеству ума, не описуемого телом, долу тяготеющим. Ибо как Божеское естество, вне всякой твари и грубости (παχύτητα) суще, не описуется, не ограничивается [ничем], но есть неопределимое (ἀόριστον) и бестелесное, выше всякого существа и слова (αἰτία), некачественное (не имеющее свойства), неосязаемое, неколичественное, невидимое, бессмертное, необъемлемое и отнюдь нами не разумеемое: так и данное от Него нам мысленное естество, как неопикуемое, не телесно естѣ, невидимо, неосязуемо, необъемлемо, и естѣ образ бессмертной и присносущной Его славы.

5. Первый Ум сый, Бог единосущное в Себе имеет Слово с Духом соприсносущным, ни без Слова и Духа никогда не бывая, по причине нераздельности естества, не сливаясь с ними, по причине неслиянности сущих в Нем ипостасей. Почему и естествоно рѣждая из сѣществѣ своего Слово, Сам не отдѣляется от Него, несекѣм будучи в Себе. Имѣет же соприсносущное Слово соестѣственным Себе собезначальнаго Духа, предвѣчно от Отца исходящаго, — и от родителя своего не отсекается. Ибо у них едино естѣ и нераздельное естество, хотя по рѣзличью ипостасей разделяется на лица, и трѣично воспѣваѣетсѣ — Отец, Сын и Дух святой. Лица сии, как единое естество и Бог един, никогда не отдѣляются от соприсносущнаго сѣществѣ и естества. Сего-то триипостаснаго и единнаго естества образ виждѣ в создѣнном Им чловекѣ, но по части его мысленной, а не по видимой, по бессмертной, а не по смертной и разлагающейся.

5. И́коже о́умъ сый и превы́шше премѣдростію тѣмъ содѣтельствованныхъ созданийъ бгѣ раждаа нетѣчно слово, къ сѣхъ пребыванію, и къ силѣ ихъ испущаа, ꙗкоже писано єсть, пресѣаго дха, внѣ єсть и внѣтръ всегѡ: та́къ и бжѣственнагѡ єгѡ естества причастникъ человекъ, ѡбразъ сый єгѡ по разѡмѣваемомѡ о́умныа и безтѣлесныа и безсмѣртныа дѡши, и о́умъ имѣа естѣственнѣ слово раждающъ ѡ сѡщества своегѡ, ꙗмниже вса сила соблюдаетса тѣлесѣ, внѣ єсть и внѣтръ вещества и видимыхъ сѣхъ. И ꙗкоже создáвий єгѡ нераздѣленъ єсть своѣхъ ѡпостáсей, слова глаголю и дха: та́къ и той по дѡши нераздѣленъ єсть о́ума и слова єдинагѡ естества и сѡщества, неписаннагѡ тѣломъ.

3. Трѣѡпостáсно єсть бжѣствѡ во о́цѣ и снѣ и стѣмъ дѣѣ поклонáемое. Во трѣехъ зрѣтса раздѣленіихъ и созданный ѡ негѡ ѡбразъ, человекъ въ дѡши, о́умѣ и словѣ, поклонáаиса самомѡ ѡ не сѡцихъ вса сотворше-мѡ бгѣ: ꙗже о́убѡ бгѣ по естествѡ соприсносѡчна же сѡтъ и єдиносѡчна, сѣа и ѡбразѡ єгѡ по естествѡ соестѣственна же сѡтъ и єдиносѡчна, ѡ нѣхъ же єже по ѡбразѡ въ насъ зрѣтса, и ꙗмниже ѡбразъ єсмь бжѣй, ꙗце и вренію и прáхѡ смѣшаюса.

и. Ино єсть ѡбразъ бжѣй, а ино видимаа на ѡбразѣ. ѡбразъ во бжѣй єсть, дѡша о́умна, о́умъ и слово, єдиноє и нераздѣльное естѣствѡ: видимаа же на ѡбразѣ, начальственное єсть и царское и самовлáстное. Сице и слава, ино єсть о́ума, ино же достѡнство: и ино же по ѡбразѡ бжѣю, и ино єже по подобію. И слава о́убѡ о́ума єсть: горѣносное, приснодвижное къ гѡрнимъ, ѡстрое, чѣстое, разѡмноє, премѣдрое, безсмѣртное. Достѡнство же словѣсное: царское, начальственное же и самовлáстное. А єже по ѡбразѡ бжѣю єсть, єже ѡ дѡши и о́умѣ и словѣ тождеѡпостáсное же и єдиносѡчное, нераздѣльное же и неразлѡчное: дѡши бо єсть о́умъ и слово безплѡт-

6. Бог, несравненно выше сущи всех созданных Им тварей, рождая Слово без разделения с Ним, и Духа Святого испущая, в сохранение бытия и силы тварей, есть вне всего и внутри всего. Таким же образом и причастный Божеского Его естества человек, будучи образом Его, по мысленной, не телесной и не смертной душе, и ум имея естественно рождающий слово из существа своего, вне и внутри есть вещества и видимых сих членов тела. И как создавший его не разделен от своих ипостасей, Слова и Духа, так и он, по душе, не секом есть и не разделен от ума и слова, единого естества и существа, неопикуемого телом.

7. Трипостасно Божество, в Отце, Сыне и Духе Святом поклоняемое. Тречастным зрится и созданный Им образ — человек, душой, умом и словом поклоняющийся самому, создавшему все из не сущих, Богу. Что Богу по естеству совечно и єдиносушно, сие и образу Его по естеству соестественно и єдиносушно. По сим чертам усматривается, что есть в нас по образу, и по ним я єсмь образ Божий, хотя срастворен с брением и прахом.

8. Ино — образ Божий, и ино то, что усматривается в образе. Образ Божий — душа мысленная, ум и слово, — єдиноє и нераздельное естѣствѡ; а усматриваемое в сем образе єсть начальственность (самостоятельность), владычественность (независимость) и самовлáстность (свобода). Также — ино слава ума, ино достѡнство его, — ино то, что по образу, и ино то, что по подобію. Слава ума єсть возношение горе, приснодвижность к высшему, острозоркость, чѣстота, разумность, мудрость, бессмертіе. Достѡнство ума єсть словесность, самостоятельность, владычественность, самовлáстие. То, что по образу, єсть — иметь душу с умом и словом, личную, єдино-

ныя и безсмертныя, и бжественныя, и оумныя, гаже и единосущна сьтъ и соприносущна, несѣкѡма никогдаже ѿ себѣ, или различитиса могуща. А еже по подобію есть: праведное, истинное, благоутробное, милосердное и чело-вѣколюбивое. Въ нихже оубо сѣ дѣйствуются и хра-натся, въ тѣхъ зрится яснѡ и еже по ѡбразѣ и по подобію. По естествоу оубо яственнѡ подвижимыхъ: по достѡнствѣ же, паче иныхъ вышше лежащихъ.

Ѳ. Словеснѣи души въ три раздѣляемѣи, и во двою зримѣи: ѡво оубо еѣ словесно есть, ѡво же страда-тельно. И словесное оубо еѣ по ѡбразѣ создавагѡ ю сщце, недержимо есть и невидимо, и неопредѣленно чьствами, ѡкѡ внѣ и внѣтрѣ сщце ихъ. Симъ спрѣвѣ-щающиса оумнымъ и бжественнымъ силамъ по естест-вѣ, къ бгѣ ѡкѡ къ первообразію священнымъ разумомъ сщцихъ востекаетъ, и бжественнагѡ егѡ въ наслаж-деніи бываеѣ естества: страдательное же еѣ раздѣ-ляеѣтся чьствами, страстемъ и ѡрадамъ подлежаще. Симъ чьствительномъ питательномъ же и раститель-номъ спрѣвѣщающиса естествоу, воздухъ прѣмлетъ, хладъ же и теплотѣ, и пици въ пребываніе, въ живѡтѣ, раценіе и здравіе. Тѣмже и симъ соизмѣнаемо, ѡвогда оубо желаетъ безсловеснѡ похоти, ѡ еже по естествоу движеніа предвигшесѡ, ѡвогда же раздражаеѣтся, и безсловесною ѡростію носитсѡ: алкати же творитъ и жаждати, ѡпечалатисѡ, болѣзновати, и напротивъ оус-лаждаѣтисѡ. Икѡ ѡрадами оубо оуслаждаемо, скорбми же мѣчимо: еже и страдательна часть еѣ праведнѣ нарицаеѣтся, ѡкѡ истязаетсѡ страстемнѣ. Егда оубо мѣртвенное сѣе пожертѡ вѣдетъ слѡва животѡмъ, лѣшше-мъ повѣдившѣ: тогда и живѡтѣ иисовѣ ѡвнѣтсѡ въ мѣртвеннѣи плѡти нашей (в Кор. д, а1), животѡрнѡю мѣртвѡсть въ насъ творѡ безстрастіа и негнѣнїе без-смертіа подаѡ, пришествемъ дха.

сущную и нераздельную. Ум и слово принадлежат душе, нетелесной, бессмертной, божественной, мысленной, — и все они единосущны, совечны, нераздельны между собою и раздельны быть не могут. То, что по подобию, есть пра-ведность, истинность, благоутробие, сострадание и чело-векѡлюбие. В ком сии качества в действии суть и посто-янно пребывают, в тех ясно зрится и что по образу и по подобию.

9. Трѡечастная разумная душа видится опять в двух видах действия, из коих одно разумное, а другое — страстное. Разумное, по образу Создавшего ее сущи, не-удержимо и неопределимо чувствами, яко вне и внутри их бывающее. Сим действием она, спрѣобщаясь к умным божественным силам, по естеству востекает к Бо-гу, яко к первообразу своему, и божественным Его усла-ждаема бывает естеством. Страстное же ее действие чувствами раздробляется на многие части, подлежа стра-даниям и отрадам. Сим действием она, спрѣобщаясь к естеству чувствительному, питательному и раститель-ному, подлежит влияниям воздуха, холода и теплоты, и в пице имеет нужду для поддержания жизни, для возраста-ния и здоровья. Изменяясь под действием всего сего, она иногда похотствует, и бессловесные воспрѣмлет похоте-ния, уклоняясь от движения по естеству, иногда преогор-чается и неразумным гневом волнуется, а иногда испыты-вает алчбу, жажду, печали, болезни, и опять успокаива-ется: так что здесь она то отрадами услаждается, то скорби терпит; почему эта сторона ее и называется спра-ведливо страдательной или страстной, как в страстях и страданиях проявляющаяся. Когда же *это мертвенное поглощено бывает* умной жизнью (2 Кор. 5, 4), в силу по-беды лучшего над худшим; тогда *и живот Иисусов от-крывается в смертной плоти нашей* (2 Кор. 4, 11), живо-

ї. И҃коже содѣтель всегѡ и прѣжде неже всѧ ѿ не сѣцихъ сотвори҃ти, рѣзумъ, естество, и словеса всѣхъ сѣцихъ имѣаше іакѡ црѣ вѣкѡвъ и провидѣцъ въ себѣ: таѡкѡ и по ѡбразѣ своему созданнаго въ царѧ тѣари челоуѣка, всѣхъ имѣти сотвори сѣцихъ словеса, естество, и рѣзумъ въ себѣ. Тѣмже и сухое оубѡ и хладное влаги ѿ земли имать по созданію своему: теплое же крове и влажное ѿ воздуха и ѿ огня: влажное же флегмы и хладное ѿ воды, и ѿ садовъ оубѡ растительное: ѿ животносадобныхъ же, питательное: ѿ безсловесныхъ же животныхъ, страдательное: ѿ аггловъ, оумное же и словесное: ѿ вѣа же дыханіе: самѡ тѣ невестественнѡ, безтѣлеснѡ и безмертнѡ дѡшѡ во оумѣ и словѣ зримѡ, и силою дѡха стѡ въ сѣществѣ и жизни.

їа. По подобію есмь вѣа, создавашагѡ ны по ѡбразѣ своему и по подобію, добродѣтели и рѣзюмомъ: покры бо небеса добродѣтель егѡ, и хваленіа егѡ исполнь земля (Іѡвѡк. г, г). Добродѣтель же вѣіа естѣ, правда, и преподобіе, и истина, іакже глаголетъ давидъ: силенъ еси гди, и истина твоа окрестъ тебѣ (Псал. пн, ф). И паки: Праведенъ и преподобенъ гдѣ. Правостію и благостію: благъ бо и правъ гдѣ, словомъ премѡдрости и словомъ вѣдѣніа: въ томъ бо сѣтъ сѡ, и премѡдрость и слово нарицаетсѡ. Свѡтынею и совершенствомъ, іакже самѡ глаголетъ: Бѡдите совершенни, іакже оцѣ вашѡ небесный совершенъ естѣ (Матѡ. е, ми). Бѡдите свѡти, іакже азъ стѣ есмь. Смиреніемъ и кротостію: Научитесѡ ѿ мене, глаголетъ, іакѡ кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и ѡбращаете покой дѡшамъ вашимъ (Матѡ. аї, кф).

їб. ѡбразъ вѣіи оумъ нашѡ свойственно въ себѣ имать, егда во своихъ пребываетъ и не далече достѡин-

творную производя в нас мертвость бесстрастия и нетленное бессмертие подавая наитием Духа Святого.

10. Как Творец всего, прежде создания всех вещей из ничего имел в Себе ведение о природе и сущности их, как Царь веков и предведатель всего; так и созданному им по образу Своему человеку в царя творения, дал иметь в себе не силу только все познавать, но и то, из чего все созданное составлено. Так сухое и холодное имеет он в персти, из коей сотворен, теплоту крови от воздуха и огня, влажные мокроты от воды, от растений растимость, от животно-растений питаемость, от неразумных животных страстность, от Ангелов мысленность и разумность, от Бога вдохнутое оное невещественное, нетелесную и бессмертную душу, видимую в уме и слове, и в силе Духа Святого, — чтоб быть и жить.

11. Богу, создавшему нас по образу и подобию Своему, бываем мы подобны добродетелью и разумением. Добродетель же Божия есть правда, преподобие и истина, как говорит Давид: *праведен Ты, Господи, и истина Твоя окружает Тебя* (Пс. 118, 137; Пс. 88, 9), и еще: *праведен и преподобен Господь* (Пс. 144, 17). Бываем мы ему подобны также правотою и благостию, ибо *благ и прав Господь* (Пс. 24, 8); словом премудрости и словом разума, ибо сии в Нем суть, и Он именуется премудростию и разумом (см. Кол. 2, 3); святостию и совершенством, как Сам говорит: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* (Мф. 5, 48), и: *будьте святы, потому что Я свят* (1 Пет. 1, 16); смирением и кротостию, ибо говорит: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

12. Ум наш, будучи образом Божиим, имеет свойственное ему в себе, когда пребывает в сродной ему дея-

ства своего движется, въ вѣѣ пребываетъ и томъ соединатися ищетъ, ѿ негѡже начало имать, имже и движется, къ немѡже и востекаетъ естественными свойствами, и того подражати желаетъ человеколюбіемъ, кротостію и простотою. Тѣмже и самъ слово раждаѣ, ѣкѡ ина небеса души паки создаетъ единоплеменныхъ человекѣкъ, и крѣпки тѣмъ терпѣніемъ дѣятельныхъ совершаетъ добродѣтелей, и животворитъ сѣмъ дѡхомъ оустъ своихъ, силѣ на гвѣительныхъ страсти подаѣ въ нѣ. И такъ видимъ есть создатель и той мысленной твари, и великаго міра, своего подражаѣ влѣпотѣ бѣа, и слышитъ ѣснѣ свѣше: изводѣи достѡйна ѿ недостѡйныхъ, ѣкѡ оустѣ моѣ бѣдетъ.

Гі. Иже въ тѣхъ ѣже по естествѣ движениихъ оумѣ и достѡнствѣ пребываетъ слова, чистъ ѿ вещества соблюдается, и оукрашается кротостію. Смиреномудрѣемъ, любовію и милосердіемъ, и ѡсѣаніи стѣгѡ просвѣщается дѣа. На высѡка же видѣніѣмъ взираѣмъ, въ разѡмѣ вывѣетъ сокровенныхъ вѣіихъ таинствѣ. И словомъ премудрости, могѣщимъ слышати сѣмъ, благолюбивѡмъ слѣжитъ: не себѣ точію многоуможѣмъ талантъ, но и ближнимъ сегѡ преподаѣ наслажденіе.

Ді. Иже единого паке двоицы превозвысивый, и ѿ селѣ свободно создѣлавый сегѡмъ благородіе, невещественно ѡверѣте междѣ невещественными дѣхи житѣльство, дѣхъ и самъ мысленъ бѣвъ, ѣще и посредѣ видимъ есть инѣхъ человекѣкъ соображаѣмъ тѣломъ.

Еі. Иже единого достѡнствѣ и естествѣ двоицы покоривый работѣ, всю тварь бѣови покорѣ, во единое разстоѣцаѣмъ совокупивъ, и оумиротворивъ всѣческаѣ.

тельности и не допускает в себе движений, далеких от его достоинства и природы. Почему охотно любит вращаться в том, что к Богу относится и с тем ищет соединиться, от Коего получил начало, Коим движется и к Коему устремляется по естественным своим свойствам, и Ему подражать желает человеколюбием и простотою. Чего ради рождая слово, ум, как другие небеса, возустраивает души единоплеменных людей, и твердыми их терпением деятельных добродетелей соделоваѣ, и животворит их духом уст своих, подавая им силу против пагубных страстей. Таким образом и он является устройтеlem мысленной твари, подражая Создателю великого міра, Богу, и ясно слышит такое к себе свѣше слово: *если изведешь драгоценное {честное} из ничтожного, то как уста Мои будешь* (Иерем. 15, 19).

13. Кто пребывает в естественной уму деятельности и в достойном употреблении слова, тот чистым соблюдается от вещества и украшается кротостію, смирением, любовію и милосердіем, и осияніями Святого Духа просвещается. К высшим созерцаніям устремляя очи ума, он достигает познания сокровенных тайн Божиих, и благолюбиво сообщает их словом премудрости тем, кои могут слушать сие, не только для себя размножая талант свой, но и ближним своим давая насладиться плодами его.

14. Кто лучшее из наших двух естеств превозвысил над худшим и сделал его свободным от влияния сего последнего, тот обрел невещественное между невещественными духами житѣльство, став и сам мысленным духом, хотя телесно видится вращающимся среди других людей.

15. Тот, кто преодолел разделение союза (ένωση) плоти и духа естеством и достоинством [духа], тот все творение подчинил Богу, во единое соединив расстоящееся (χωρισμένα) и помирил (ειρηνολοιόντας) всяческое.

51. Дѡндеже протѣвъ себѣ естество сщцихъ въ насъ силъ безчїнствуетъ, и во многѡ иначества расточаетсѡ: непричастни есмь и преестественныхъ дарѡвъ бжїихъ. Сїхъ же сщце непричастни, далече нѣгдѣ, и таинственнагѡ сщценодѣйства нѣнагѡ жертвенника въ мысленномъ оумѡ дѣланїи совершаемагѡ, стоимъ. Повнегда же многимъ тщанїемъ сщценныхъ пѡдвигъ ѡ привещественныхъ слѡбы ѡчїстимсѡ, и во единое иначества наша силою дѡха присоверемъ: тогда и неизреченныхъ благъ бжїихъ въ причастїи бываемъ, и бжественнагѡ таинства, таинственнагѡ сщценодѣйства оума на пренебесный и мысленный бжїй жертвенникъ достѡйно слѡвѡ и бгѡ возносимъ: ѡкѡ зрители и священницы безсмертныхъ таинъ егѡ.

51. Плоть похотствуетъ на дѡха, и дѡхъ на плоть (Галат. 5, 17). Рать некая есть во обоихъ непримирительна: какѡ единое на другѡе побѣдительно имѣти вѡдетъ, и подъ свою державѡ приведетъ. Сїе иначество въ насъ глаголетсѡ и крамола, и преклоненїе, и мѣрило, и обоюдна брань, ѡмже дѡша раздѣлаетсѡ, гдѣлибѡ преклоненїе оумъ дастъ въ вещь и страсть человекѡ.

51. Дѡндеже нестоательными пѡмысли раздѣлаемсѡ, и законъ плоти въ насъ держитсѡ и блюдетсѡ: во многѡ же части расточаемсѡ, и ѡ бжественныхъ единицы измѣщемь есмь, ѡкѡ не ѡбогатѣвшѡ сѡ единствомъ. Внегда же мертвенное сїе пожертѡ вѡдетъ единотворною силою и преестественнымъ безпопеченїемъ, и оумъ самагѡ себѣ вѡдетъ, премѡдротворными ѡсїанїи и разсмѣнїи ѡзаренъ бивъ: сплетѡема въ единицу бгѡвиднѣ дѡша, единое вмѣстѡ многихъ иначествовъ биваетъ, и бжественнѣй совокупшисѡ единицѣ, простотою бгѡподражательнѣ соединѡетсѡ. И сѡ есть еже во дрѣвнее дѡшї паки оустроенїе, и еже на лѡхшее наше ѡбновленїе.

16. Пока естественные наши силы бесчинно держат себя между собою и распадаются на многие скопы, до тех пор мы не можем быть причастными и сверхъестественных даров Божиих. Оставаясь же непричастными их, мы далеко негде стоим и от таинственного священнодействия, совершаемого мысленным деланием ума на небесном жертвеннике. Когда же мы, ревностно проходя священные подвиги, очистимся от чувственных влечений и силою Духа соберем в едино образовавшиеся в нас скопы, тогда и неизреченных Божиих благ бываем причастны, и божественные таинства таинственного священнодействия ума достойно возносим Богу — Слову на пренебесный мысленный жертвенник Божий, как зрители и священнослужители бессмертных тайн Его.

17. *Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти* (Гал. 5, 17), и брань некая стоит между обоими ими скрытная, чтоб одному из врагов сих одержать победу над другим и перетянуть властительство на свою сторону. Это и есть то, что называется в нас крамолою, скопом, бунтом, восстанием, междоусобной бранью, коей раздирается душа.

18. До тех пор, пока нестойательные (ἀστατοι, неустойчивые, изменчивые) помысли (λογισμοί) разделяют нас и закон плоти имеет силу (ισχύει) и соблюдается (τηρείται) в нас, мы на многие части рассеиваемся (διασκορπισόμεσθε) и от Божественной Единицы отпадаем, как не обогатевшие этим единством. Когда же эта мертвенность будет принесена в жертву объединяющей (ενολοίῳ) силе Единицы и обретет сверхъестественную (υπερφυσική) беззаботность (ἀμεριμνία), и ум будет сам себе хозяин (κύριος — господин), озаренный мудростью творящими (σοφολοιές) смыслами (νοήματα) и осияниями; тогда душа, в священном соединении с Единым, освободившись от разлада, в подражании (μίμησί) Ему, простотой (απλότητα) соеди-

ѿ. Люто ёсть невѣжество, и паче лютыхъ, самоу вѣщю тма сѣщи ѡсзаема, и дѣшы, въ нѣхъже ни вѣдетъ, мрачны сотворяюще, и на мнѡга помысленное раздѣляюще, и ѡ еже съ вѣгомъ соединѣнѣм дѣшѣ ѡсѣцающе. Сегѡ все собираемое, безсловесѣе ёсть: безсловесна бо и нечувственна всегѡ содѣловаетъ человекъ. И ѿмже ѡбразомъ невѣжество въ девелость возлѣавшиа мнѡгѣ, глубина адова бываетъ сѣмъ покрываемой дѣши, въ нѣхъже всако томленѣе и болѣзнь, печаль и въздыханѣе ёсть: такъ и бжественный разѣмъ свѣтель нѣкакъ и безмѣренъ въ свѣтоліанѣе сѣи, свѣтовидны дѣшы, въ нѣхъже чрезъ чистотѣ ни вѣдетъ, вѣолѣпнѡ содѣловаетъ, и исполняетъ сѣмъ міра, тишины, радости, премѣдрости неизреченныа, и совершенныа любвѣ.

к. Пришествіе бжественнагѡ свѣта прѣсто и единственно сѣщи, къ себѣ собираетъ причастницы своа дѣшы, и къ себѣ ѡбращаетъ, и соединяетъ ѿ своемѣ единствѣ, и совершаетъ своимъ совершенствомъ, и къ глубинамъ бжѣимъ возводитъ зрительное оѣмъ ѿхъ, и таинъ великихъ зрительницы и тайницы и тайноводительницы тѣмъ содѣловаетъ. ѡчиститиса оѣбо восхоци трѣды вконѣцъ, и оѣзриши глаголемыхъ въ тебѣ ѡвственнѡ любезное вѣхъ дѣйство.

ка. Приходящаа разѣмомъ ко ѡчищеннымъ дѣшамъ ѡсѣнѣа первагѡ свѣта, не точию тѣмъ благи сотворяютъ и свѣтовидны содѣловаютъ: но и возводятъ ёстѣственнымъ видѣнѣемъ на мысленнаа небеса. И ни сице сѣмъ ѡже бжественнагѡ стѡатъ дѣйства: но даже дѡтѡлѣ тамъ совершаются, дѡндеже съ единѣмъ премѣдростію и разѣмомъ неизреченныхъ соединѣтсѣ,

нятся (ενώνεται). Таково восстановление (αποκατάσταση) души в свое изначальное (архική) состояние и таково наше обновление (ανακαίνισή) в лучшую сторону.

19. Невежество – ужасное (φοβερό) зло (κακό), более ужасное, чем осязаемая (ψηλαφητό) тма (σκοτάδι). Души, покрытые (ρίχνει) темнотой (ζόφο), разделяются помыслами на много частей и разъединяются от союза с Богом. Итогом этого становится неразумие (αλογία), приводящее человека к безумию (άλογο) и нечувствию ко всему. И так невежество, когда становится огромным, в адскую пропасть низвергает душу, в которой [она находит] наказание, страдание, печаль и въздыхание. И наоборот, Божественное ведение (γνώση), будучи блестящим и полным бесконечного света, делает души, в которых оно появилось по причине их чистоты, световидными (φωτοειδείς) и боголепными (достойными Бога). Исполняя их миром, тишиной, радостью, несказанной премудростью и совершенной любовью.

20. Пришествие божественного света, поскольку просто и одиночно (ενιαία), к себе собирает причастившиеся души и обращает к себе, и объединяет их со своим единством, и своим совершенством совершенствует, в глубины Божии вводит умное око их, и делает их зрителями, таинниками (μύστιδες) и тайноводителями (μυσταγωγούς) великих тайн. Восхоти только крайнюю стяжать чистоту трудами духовными, и самым делом узришь в себе Богу любезное действие сказанного.

21. Озарения (ελλάμψεις) Первого Света, приходящие со знанием (γνώση) к очищенным душам, не только сотворяют их благими и световидными, но и, посредством естественного (φυσική) созерцания (θεωρία), возводят на мысленные (νοητούς) небеса. И [там], как и здесь, не прекращается [влияние] Божественное действия (ενέργεια) на них, они совершаются там до той поры, пока души пре-

ѐди́но вмѣ́стѣ мно́гихъ въ нѣмъ вѣдѣтъ.

кв. Пѣрвѣ оубо непримѣснымъ и немѣтнымъ намъ подобаетъ быти ѡчисти́тельнымъ чи́номъ ѿ привещественна злобы мысленныхъ. Таже просвѣщеннымъ и присносѣательнымъ, инымъ чи́номъ просвѣтителнымъ оумными очесы, иже таинственно совершается и въ вѣѣ сокровенною премѣдростію. И такъ востещи во свѣщенныхъ разумовъ вѣдѣніе нѣваа и вѣтхаа слѣвомъ и мѣщымъ оуши слѣжащее, и преподавательнымъ быти сокровенныхъ тогѡ таинственныхъ разумѣній, въ нескверныхъ та ѡвѣ ѡакъ превѡдѣщимъ слѣхи, и ѿ несовершеннѣйшихъ сокрывающимъ, да не стѣаа даѡтса псѡмъ, ниже бисеръ слѡва помѣщется во свѣинственныхъ дѣшы непотребенъ творѣщима егѡ.

кг. Егда ктѡ горѣчестъ дѣши своеѡ въ залѡгственной вѣрѣ зрѣтъ разширѣемѣ, и вѣію любѡвь: тогда хрѣта носѣти да вѣстѣ въ себѣ, еже ѿ земли и видимыхъ дѣйствѡюща возвышеніе дѣши егѡ, и на небесѣхъ жилище оуготовлѣюща ей. Егда же радѡсти исполнѣтса сѣрдце своѡ оусмотрѣваетъ, и въ желаніи быти неизреченныхъ вѣіихъ блѡгъ со оумилѣніемъ: тогда вѣдый да вѣдетъ ѿ вѣжественна дѣйствѡема себѣ дѣха. Егда же свѣта неизреченна исполнѣемъ ѡщѣтитъ своѡ оумъ, и разумѣній премѣдрости лѣчшѣа: тогда да вѣстѣ пришествію быти и бывати оутѣшителя въ дѣши своѣи, въ ѡвлѣніе сокровенныхъ въ нѣмъ сокровищъ царствѡа небеснагѡ. И ѡакоже палѡтѣ вѣію и жилище дѣха, извѣстнѡ себѣ да хранѣтъ.

мудростью и познанием неописуемых таин не соединятся с Единым, и из состояния множественности не придут в состояние единства в Нем.

22. Первым делом, необходимо нам стать чистыми (καθαροί) и незамутненными (αθόλωτοι) от привещественной злобы (κακία) мысленных [духов] — это этап (τάξη) очищения. Затем, необходимо сделать наши умные очи просвещенными (φωτισμένα) и всегда сияющими — это этап [пр]освещения (φωτιστική), который совершается таинственно (μυστική) в сокровенной (κρυμμένη) премудрости (σοφία) Божией. И так, после того как поднимаемся к науке (ἐπιστήμη) священного ведения, в качестве (οποία) служения (διακονεί) новым и ветхим словом тем, кто имеет уши, станем преподавать сокровенные (ἀπόκρυφα) и таинственные (μυστικά) смыслы (νοήματα), являя то нескверным, как обращающим слухи (ακοές), а от несовершенных скрывая, чтобы не давать святыни псам и не бросать жемчуг слова перед свинскими душами, делая его непригодным (непотребным) (ср. Мф. 7, 6).

23. Когда человек от веры, имеющей залог, и любви Божией, видит горение (φλόγα) своей души вокруг расширяемым (πλατύνεται), — тогда пусть знает, что он носит в себе Христа, который действием (ενεργεί) возвышает души от земли и видимых (ορατά) [вещей] и готовит обитель им на небесах. Когда же видит, что сердце его исполняется радостью и желанием невыразимых божественных благ (αγαθά) со умилением (κατάνοξη), — тогда пусть знает, что внутри (μέσα) него действует (ενεργεί) божественный Дух (Πνεύμα). Когда же чувствует, что его разум наполняет невыразимый свет и смысл (νοήματα) небесной (ουράνιας) премудрости, — тогда пусть знает, что это происходит (ενεργείται) сошествие (επιφοίτηση) Утешителя к его душе, чтобы проявить сокровища Царствия Небесного, что спрятаны внутри Него. И потом

кд. Хранѣніе сокровѣнныхъ дѣха сокровищъ, оупразднѣніе ѿ человѣческихъ вещей ѣсть: ѣже воистиннѣ и безмолвіе слово нарицаетъ. Сіе же раченіе любви бжїа ѿ чистоты сердца и сладости оумилѣнїа сѣльнѣе возжїающн, разрешаетъ дѣшѣ ѿ оузъ чѣствъ, и свободѣ нравствъ покарѣетъ лобызати. Сїлы же тоа преложнн, ко ѣже по естествоу воззываетъ, и дрѣвнее тѣмъ паки оустроенїе даетъ, во ѣже не быти слобы коемѣ пореченїю на содѣтелѣ добрыхъ ѿ ѣже на горшее ѡбразѣ превращенїа и движенїа.

ке. Во свѣщенное сіе и бжественное совершенство, благословное возводитъ и хрѣдѣжное свѣтлѣ безмолвіе, ѡбвѣчаемо сїрѣчь и проходимо законнѣ. Яще же не въ толнцѣ возвышенїе имать и совершенство мнѣйса безмолвствовати: оубо мысленнымъ ещѣ и совершеннымъ не безмолвствова безмолвіемъ, но ниже безмолвствуетъ ѿ внѣтряннїа бжри недержимыхъ страстѣй, дондеже на сію востечетъ высотѣ, но точїю тѣло стѣнѣми ѡпредѣлѣемо илї пропастми и вертѣпы имѣти вѣдетъ, оумомъ безчїннымъ и скитающимса изнѣрѣемо.

кз. Дѣшы на верхѣ чистоты достїгшыа, и на высотѣ востекшыа велїю премѣдрости и разѣма хрѣвїмѣмъ подобны сѣть, несредственнѣ нѣкакѣ вѣдѣнїемъ своимъ ко источникѣ приближающеса добрыхъ. И ѿонѣдѣ прѣвагѣ видѣнїа извлѣченїе чїстѣ внѣтрь прїемлюще, яще и едїны хрѣвїмѣмъ сїлы несредственнѣ ѿ бгѣоначѣлїа самагѣ ѡсѣмѣвѣютса многѣ, ꙗкоже речѣ нѣкто ѿ бжественныхъ зрїтель, по превисочайшѣ возпростѣр-

[человек], как дворец (παλάτι) Бога и обитель Духа, да хранит (φυλάει) себя с усердием.

24. Хранение сокровенных сокровищ Духа есть воздержание от человеческих вещей, которое справедливо (κυρίως) называется безмолвием (ησυχία). От этой чистоты сердца и сладости умиления горит (ανάβει) сильнее желание (πόθο) любви (αγάλης) к Богу, и разрешает (освобождает) душу от уз чувств, и убеждает (πειθεί) следовать свободному образу жизни (ζωής). И когда переключает (μεταστρέψει) ее силы, возводит их в естественное состояние и возвращает им первобытное устройство, чтобы не было какого-либо порицания на Творца (Δημιουργού) добрых (καλών), что изменяет образ (εικόνας) Свой и двигает (κίνησή) к худшему.

25. В это священное и божественное совершенство возводит великолепие (λαμπρότητα) разума (λογική) и искусное (επιστημονική – научное) безмолвие, когда, конечно, практикуется и осуществляется в соответствии с правилами. Если кто-то, не достигнув такой высоты и совершенства, думает что безмолвствует, в то время как еще не достиг такого умного и совершенного безмолвия, [тот даже] не успокоится (ησυχάσει) от внутренней бури страстей, до тех пор, пока не поднимется на эту высоту. Но только тело пусть имеет закрытым (κλεισμένο) в стенах или пропастях и пещерах, изнуряемое непослушным (άτακτο) и скитающимся умом.

26. Души, достигшие крайней чистоты и востекшие [на] великую высоту премудрости и ведения (γνώσεως), подобны Херувимам, после того, как они приближаются своей наукой (επιστήμη) к Источнику добра (καλών). И оттуда откровения (αποκάλυψη) истинного видения чисто внутрь принимают, которыми только силы Херувимские, как сказал некто, непосредственно осияваются от самого

тїю.

ѣз. Икоже первыа гўрнїа сїлы, ѡвы оўбѡ ѿ нїхъ теплѣйши сѣть и выстрѣйши ѡ бжественныхъ, и непрестаннѡ ѡ сїхъ приснодвижность имѡще: ѡвы же бгѡвиднѣйши, разѡмны и премѡдрѣйши. И сїа вещь бжественное навикновѣнїе єсть, єже тѣмъ ѡ сїхъ движатиса прїснѡ. Такѡ и сицевїа дѡшы теплѣйши сѣть ѡ бжественныхъ, и сѣлѡ выстрѣйши, премѡдры же и разѡмны, таинственными видѣнїи воспостѣртѣйши. Имже свойственно єсть по силѣ и бжественнѡ навикновѣнїю, їаже къ бгѡ приснодвижность и неклѡнно водрѡженїе и пребыванїе. И къ сїмъ, преимательное ѡсїанїи навикновѣнїе, съ нїмже сѡцагѡ причастицы бывають, и препосылають ко инѣмъ изобильнѡ слѡвомъ свѣтолїанїа сегѡ и благодати.

ѣи. Оумъ єсть бгѡ, и вина приснодвижности всегѡ. И вси оумове въ самомъ томъ первомъ оумѣ и стоанїе имѡтъ пребывательное, и движѣнїе непрестанно. Сїе же страждѡтъ, єлицы не привещественно нѣкое движѣнїе и примѣсно, но немѡтно свациенными имѡтъ пѡдвиги, страждѡтъ же сїе по рачѣнїю бжественнѡ прїовщяюще дрѡгъ дрѡгѡ и сами себѣ ѿ бгѡначалїа испѡцаемаа благодательнѣ ѡсїанїа, и сокровѣннѡю въ сїхъ премѡдрость таиннѡ бжїихъ, и инѣмъ благолюбївѡ преподающе во хвалѣнїе непрестанно любвѣ бжїа.

ѣѡ. Стоатъ и движѡтсѡ ѡкрестъ въ бѣѣ дѡшы, єлїки помысленное легкѡ ѿ веществѡ содѣлаша, и ра-

Божественного Начала (Θεαρχία) божественных созерцаний, по высочашему их воспостертию (ανάταση).

27. Как первые ангельские силы, одни пламенейшие (θερμότετες) и быстрее (ταχύτετες) вокруг божественных (θεία), имеющие способность вечно двигаться вокруг них, а другие обладают способностью к боговидению (θεοπτικότετες), [обилию] ведения (γνωστικές) и [излиянию] премудрости (σοφότετες), и это есть их божественное навикновение (έξη), чтобы им вечно двигаться вокруг них (божественных). Так и эти души пламенейшие вокруг божественных (θεία) и быстрее, премудрые, ведающие и воспостертые (ανυψώνονται — поднятые) таинственными созерцаниями. Им свойственно, по силе и божественному навикновению, вечно двигаться вокруг Бога, неуклонно подниматься и пребывать в Нем. А вместе с этим, существует навикновение в восприимчивости освещения (ελλάμψεων), с которым [они] становятся причастниками Бога и передают на других изобильно словом освещения Его и благодати (χάριτες).

28. Бог есть Ум и причина вечного движения всего. И все умы, в самом том Первом Уме, имеют и постоянное (μόνιμη) стояние (στάση) и непрестанное движение. Это происходит с теми, которые не имеют (έχουν) веществолюбивого (φιλόυλη) и страстного (εμπαθή) движения, но священными подвигами приобрели движение чистое и незагрязненное (αθόλωτη). И происходит это потому, что, имея божественную любовь (έρωτα), передают друг другу, и самим себе, благодетельные освещения (ελλάμψεις), выпускаемые от Богоначалия (Θεαρχία); и сокровенную в них премудрость таин Божиих с любовью передают другим, чтобы [они] непрестанно прославляли любовь Божию.

29. Стоят и движутся вокруг Бога души тех, кто легко отринул помышления от вещества и двойкой (δυάδα) бра-

тѣлююща съ тобою по всемъ двоицѣ, колесницѣ сѣмъ благоуправляемъ текущѣ на небеса составиша. И окрестъ оубо непрестанно движѣтсѣ въ вѣѣ ѿкоже при остиѣ, и движеніа круга виновнѣмъ: стоатъ же пребывательнѣ и неклоннѣ ѿкв въ крѣзѣ, расточитисѣ не могуще ѿ своего въ томъже мѣстѣ содержаніа къ чувствѣ и долнѣй прелести человеческихъ вещей. Сѣи оубо есть совершенный конецъ безмолвіа, въ сѣе ведущѣ безмолвствующихъ воистиннѣ: ѿкоже движимымъ стоати, и пребывательнѣ стоающимъ движатисѣ ѿ бжественныхъ. И дондеже оубо сѣе не бѣдетъ, мнимымъ нашимъ безмолвіемъ, не возможно есть внѣ вещества и прелести быти нашемъ оумѣ.

л. Внегда ко древнѣй добрѣтѣ слова всѣкимъ прилѣжаніемъ же и тцаніемъ прїидемъ, и свѣше даемыа намъ премудрости и разума пришествіемъ дѣха благѣю часть получимъ: тогда первый источникъ и вина всѣхъ произведеніа премудра и добра нами могущимъ зрѣти естественнѣ познаваѣтсѣ: ничтоже порицательнѣ на себѣ въ насъ носѣщи ѿ пришедшїа слѣбы созданію, превращеніемъ на гуршаа. Внегда ово оубо и ѿторгшисѣ превознесѣсѣ, и ѿ древнїа доброты истѣкши, ѿпадѣ ѿбоженїа: ово же на сѣе нашѣдши, безсловесный тогѣ зракъ внѣтръ сотвори.

ла. Единъ и первый стѣпень простирающихся въ предспѣванїа есть разумъ сущихъ ѿ дѣятельнагѣ прибывааи тѣмъ любовдѣрїа. Второй сокровенныхъ та-

нью с самим собой (плоть–дух, сάρκα–πνεύμα) соделали благоуправляемую (πειθήνιο – послушную) колесницу, текущую на небеса. И [они] непрестанно двигаются вокруг Бога, как некоего центра, являющегося причиной движения всего цикла (κύκλου). Стоят постоянно и непоколебимо как в круге, не способные рассеять свое единство (συνοχή) {в своем месте пребывания} и обратиться к чувству и земной прелести человеческих вещей. И это есть совершенный (ολοκληρωμένο) конец безмолвия, ведущий истинно безмолвствующих к тому, чтобы в то время как двигаться — стоять, и пока они стоят твердо — двигаться вокруг божественных (περί τα θεία). И пока это не будет совершено, мнимым безмолвием, как мы думаем, невозможно обрести наш ум свободным от вещества и прелести (περιλάνηση – скитаний).

30. Когда всяким усердием и старанием (σπουδή) придем к древней (αρχαίο) добрѣтѣ (красоте) слова и получим благую часть от излиятий (επιφοίτηση, озарений) Духа премудрости и познания, свѣше нам подаваемых; тогда удостоверяемся (διαπιστώνομε), что первый Источник и Причина произведения (παραγωγή) всего (πάντων) премудрого и доброго [находится] в нас, что мы более (μπορούμε) можем зрѣть (βλέπομε) по [своему] естеству (κατά φύση). И больше нет в нас ничего осудительного, чтобы быть обвиняемыми в той злобе (κακία), застрявшей (κόλλησε) в нашем создании (κόλλησε) при отклонении к худшему. Когда от одного оторвались и пали, и от первоначальной доброты отторглись, то потеряли образ обожения, а другой, вместо этого, нашли, и, таким образом, злоба ворвалась (εφόρμησε) внутрь [нас] и придала ему (образу) неразумный (άλογη) вид (μορφή).

31. Первым этапом (βάση – основанием) у стремящихся преуспеть [в обожении] является познание сущих, которое осуществляется пребыванием в деятельном любо-

инъ вѣиухъ познание ѿ естественнаго видѣнїа тайноу-
чїимо имъ. И третїи съ первымъ свѣтомъ совокупленїе
и растворенїе, въ немже всакаго предспѣанїа любо-
мудрена и видѣнїа покой.

лв. Всї оумове сами же въ себѣ и къ себѣ и къ воис-
тиннѣ сщцемъ трѣми единовиднѣ носими собираются, и
ближнихъ просвѣщающе тайноначаютъ вѣествен-
нымъ, и совершаютъ ѿкъ ѿчищенни дѣси небесною пре-
мудростїю, тѣхъ съ собою и съ единицею единотво-
рѣще.

лг. Убоженїе есть въ житїи, оумное и вѣественное
воистиннѣ священнодѣйство, въ немже священно-
дѣйствуется слово неизреченнаго премудрости, и оуго-
товльшимъ себѣ, елико мочно, преподается. Сїе благо-
лѣпнѣ въ словесномъ естествѣ свѣше дарова во
единство вѣры. Да ѿви оубо, елицы за чистотѣ досто-
инства тогѣ разумомъ вѣественныхъ въ причастїи
быша, оуподобляются вѣхъ, сообразни ѿобразѣ сїа егѣ
бывше, высокими и оумными своими ѿ вѣественныхъ
движенни. И такъ положенїемъ бѣзи вѣдѣтъ инѣмъ
человѣкомъ на землї: ѿви же ѿчищенїемъ чрезъ вѣест-
венное ихъ слово и священное сочетанїе совершаются къ
добродѣтели, и по мѣрѣ своегѣ предспѣанїа и ѿчи-
щенїа въ причастїи убоженїа сїхъ бывають, и прї-
общаются съ ними въ вѣѣ соединенїа: ѿкъ да всї во
едино соединяеми же и соубемлеми единствомъ любви
съ единѣмъ вѣгомъ соединяются непрестаннѣ: и вѣдетъ
вѣхъ посредѣ богѣвъ благихъ дѣлъ винѣнѣ, иже ес-
тествѣмъ, сщцнхъ положенїемъ, ничтѣже порицательно
на себѣ носѣ ѿ созданїа.

мудрии. Вторым — осознание (επίγνωση) сокровенных
тайн Бога, которым тайнонаучаются (μυσταγωγοῦνται) по-
средством естественного созерцания. И третий — соеди-
нение и срастворение (ανάκραση) с Первым Светом, в ко-
тором заканчивается и упокоивается (αναπαύεται) всякая
деятельность (πρακτική) преуспяния и всякое созерца-
ние.

32. Все умы, сами в себе, тремя этапами единовидно
вращаются, собираются, и направляются к себе и к поис-
тине Сущему. И просвещая ближних, как очищенные ду-
хи (πνεύματα), тайнонаучают (μυσταγωγοῦν) их божест-
венным (θεία) и совершенствуют (τοὺς τελειοποιοῦν) не-
бесной премудростью, объединяя тех с собою и с Едини-
цею.

33. Обожение в [настоящей] жизни, есть воистину ду-
ховное и божественное священнодействие (ιερουργία), в
котором слово священнодействуется (ιερουργεῖται) невы-
разимой премудростью и подается, насколько это воз-
можно, тем, кто приуготовил себя. Это Бог благолепно
даровал нашему разумному естеству ради единства веры.
Те, именно, кто чист, приобщаются этого высокого поло-
жения через познание божественных (θείων), и уподоб-
ляются Богу *сообразно образу Сына Его* (Рим. 8, 29) вме-
сте с высокими и духовными движениями (κινήσεις) во-
круг божественного (θεία). И так положением (θέσει) бо-
гами станут среди других людей на земле. А другие, че-
рез очищение их [божественным] словом (λόγου) и через
священное (ιερός) взаимодействие с первыми, будут со-
вершенствоваться (τελειοποιοῦνται) в добродетели; и, по
мере их преуспяния [в том] и очищении, приобщаться к
обожению (θέωση) первых, становясь участниками их
соединения (ενώσεως) в Боге. И все они, таким образом,
вместе объединенные и охваченные союзом любви, не-
престанно соединятся с Богом; и будет Бог, источник

лѡ. Ёже къ бг҃у оуподобленіе, елика намъ мѡцно достигнѹти, не возможно естъ полѹчити тѣлѡмъ, аще не перѡвѣе надлежащаго слыхъ тимѣнїа слезами теплыми безъобразіе ѡложитъ, и священнодѣйствиа коснетса священныхъ хр҃тѡвыхъ заповѣдей: инакъ бо въ причащенїи неизреченныхъ бж҃іихъ благъ быти семѹ не возможно. Желай бо вкусити бж҃ественна оумнѣ оумныхъ сладости же и сласти, всакаго ѡходитъ мїрскаго по всемѹ чѹства, и желанїемъ ѡложенныхъ стѣмъ благъ въ видѣнїи сѹщихъ присно побѹщающа имать свою дѹшу.

лѢ. Ёже бг҃овидное оуподобленіе неизмѣнное самѣмъ себѣ соблюсти, ѡ крайнѣйшаго привывающее ѡчищенїа многїа любвѣ бж҃їа, единаго естъ къ бг҃у приснаго горѣ зрѣнїа, и воспротаженїа зрительнѣйшаго оума. Ёже привывати ѡбыче дѹши ѡ пребывательнаго добродѣтелей безмѡлвіа, ѡ невеличественна и непарительна и всегдашнїа молитвы, ѡ ѡдержительнаго воздержанїа и частаго писанїи чтенїа.

лѤ. Не ёже въ мїръ тѡчїю принти сѹщихъ въ насъ силъ тѣлѡмъ подобаетъ: но ёже и въ желанїе достигнѹти оумнаго покоа, иже всакъ вѣсть ѡ благихъ желанїе тишиною оупокоевати помысловъ, и съ небесѣ сходящею бж҃ественною росю оумзвленное ищѣлѡти и прохлаждати сердце, ѡ огнѡ свѣше ввергаемаго и возгарѡщаго ѡ дѹха.

лѦ. Не мѡжетъ во глубинѹ оумзвлена бывши дѹшѡ раченїемъ бж҃їимъ, по вкуствѣ мысленныхъ сладости егѡ дарѡвъ, ѡнюдѣ въ себѣ столѡти, или пребывати въ тѡмже, а не въ преднаа тѣхъ іаже на небеса восхожденїи

всех благих дел, пребывать среди богов (ср. Пс. 81, 1). Бог по естеству (φύσει) среди богов по положению, свободный от всякого порицания, как все создавший.

34. Богоподобия, сколько оно для нас доступно, невозможно улучшить ревнителю, если он наперед теплыми слезами не смоет приразившейся к нему тины греховной и не прилепится к исполнению святых заповедей Христовых. Иначе невозможно ему сделаться причастником неизреченных Божиих благ. Ибо желающий умно вкусить божественной сладости, всецело отстает от всякого мїрскаго чувства, и душу свою всю занимает созерцанием отложенных Святым благ.

35. Сохранить неизменным Богоподобие, стяжаемое крайнею чистотою и полной любовью к Богу, возможно только при непрестанном простиранїи ока ума к Богу, в котором душа обыкновенно устанавливается чрез постоянное пребывание в доброделании, чрез непрестанную, чистую и непарительную молитву, чрез всестороннее воздержание и усердное чтение Писаний.

36. Мы должны не только стремиться прийти к миру находящихся (сущих) в нас сил, но и стремиться достичь умного покоя (αναπαύσεως) помыслов (λογισμῶν), который, как известно (ξέρει), всякое желание (ἐφεση, обращение) о благом (αγαθῷ) упокоевает тишиною (γαλήνη) помыслов, и божественной росой, сходящей с небес, освежает раненое сердце и врачует его огнем, ниспосылаемым свѣше и возжигаемым Духом.

37. Душа, глубоко уязвленная любовью к Богу, по вкушении сладости мысленных Его даров, совсем не может оставаться в себе или пребывать в томже состоянии (κατάστασι), но стремится простираться в бѡльшие вос-

возпростира́тиса. Ели́кѡ во восхожде́нїа своѡ прохó-
дитъ дѡхомъ, и во глубинѣ прихóдитъ вѣ́жїа: толїкѡ
воспаллѣтсѡ о́гнемъ желанїа, и е́ще глубочайшихъ е́гѡ
та́инъ величїе испытѡетъ, и привлїжитисѡ блаженномѡ
свѣ́тѡ поспѣша́етъ, и дѣ́же всѡкѡ о́умѡ изстѡплѣнїе
стоитъ, да своѣхъ теченїи преста́тїе въ веселїи о́упо-
ко́битъ сѣрдца.

лн. Внегда́ бѡдетъ ктò въ причащенїи сѣ́агѡ дѡа, и
наитїе сегѡ нѣкимъ неизреченнымъ въ себѣ позна́етъ
дѣ́йствомъ и благоуханїемъ, ѡ́акоже протечи́и благоуха-
нїю е́гѡ и на повѣрхность тѣ́ла: тогда́ пребыва́ти
таковѣй въ предѣлѣхъ е́стества́ прòчее не тѣрпитъ, но
дòбрымъ измѣненїемъ десни́цы вы́шнагѡ измѣни́всѡ,
забыва́етъ пи́щѡ, сонъ, презира́етъ тѣ́леснаѡ, небре-
жѣтъ ѡ́ покòн, и весь дѣнь въ трѡдѣхъ сѣ́й и по́тѣхъ
и́ноческихъ, трѡда́ ко́егѡ, илї е́стѣственнаѡ нѡ́жды не
ѡ́щїща́етъ, ѡ́лчвы, илї жа́жды, илї сна, илї и́ныхъ
е́стества́ нѡ́ждь: излї́асѡ во невидимѡ любви вѣ́жїа сѡ
радостїю неизреченною въ сѣрдце е́гѡ, и всю но́чь въ
просвѣщенїи о́гна́ претерпѣва́ѡ, о́умное въ тѣ́леснѣмъ
ѡ́бвченїи дѣ́ланїе дѣ́лаетъ, и безсмѣртнагѡ наслаж-
да́етсѡ всепїршества, безсмѣртныхъ мысленнагѡ раѡ
садо́вѡ, вòнже и павелъ восхищенъ бѣ́вѡ, слы́ша неиз-
реченнаѡ глаго́лы, и́хже не лѣ́тъ е́сть чело́вѣкѡ о́услы-
шати, кѡ́ чѡвствѡ видимыхъ пристра́стїе имѡщѡ.

лф. Е́диною тѣ́ло разже́но о́гнемъ подвижничества, и
водо́ю ѡ́рошено́ слѣзъ, не ктòмѡ трѡда́ми немо́щнѣйше
быва́етъ ѡ́ мно́гихъ преста́вши по́тѡвѡ, ѡ́кѡ вы́шше
дѣ́лательнагѡ бѣ́вши сїрѣчь тѡ́анїа: но тишинѡ и
молчанїе мїра прїемши внѡ́трѡ о́удѡ, испо́ль напѡ́че
и́наѡ сїлы бѣ́ва́етъ, ина́гѡ благомо́щїа, ина́ѡ крѣ́пости
дѡ́ха. Такѡвѣмъ же содѣ́йствѡющимъ дѡ́ша ѡ́бога-
тѣ́вши тѣ́ломъ, и вы́шше тѣ́леснагѡ ѡ́бвченїа ѡ́брѣ́т-
ши сегѡ о́устроенїе, въ мысленнаѡ по́двиги е́стѣствен-

хождения на небеса. Ибо насколько она свои восхожде-
ния проходит Духом и проникает в глубины Божии, на-
столько еще бóльшим воспаляется огнем желания и ис-
пытывает величие глубочайших Его тайн, и спешит при-
близиться к блаженному свету, в котором останавливает-
ся всякий исступленный (ἀπλωμα) ум, чтобы завершить в
там свой путь (πορεία) и упокоится в веселии сердца.

38. Когда кто делается причастником Духа Святого и
наитие Его познает из неизреченного некоего Его в себе
действия и благоухания, которое ощутимо обнаружится
даже и в теле: тогда в пределах естества пребывать тако-
вой уже не может, но, добрым изменением правой руки
Всевышнего изменившись, забывает о пище и сне, прези-
рает все телесное, небрежет о покое плоти, и весь день
пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления
какого-либо, или какой-либо потребности естественной не
чувствует, ни голода или жажды, ни сна, или других нужд
естества. Ибо *любовь Божия* с радостью неизреченной
излилась в сердце его (Рим. 5, 5), и он, всю ночь в бодрен-
ном бдении проводя, в телесном упражнении умное со-
вершает делание, бессмертной услаждается трапезою из
бессмертных произрастений мысленного рая, в который
будучи восхищен Павел, слышал неизреченные глаголы,
которые нельзя слышать человеку, имеющему пристра-
стие к чувственному.

39. Тело, однажды распаленное огнем подвижничест-
ва и орошенное водою слез, уже не бывает угнетенным от
своих трудов, оставив многие поты (αῦρώνες), поскольку
стало превыше деятельного упражнения (ἀσκησι), но
приняв внутрь тишину и молчание мира, бывает испол-
ненным иной силой, иным благомо́щием (ευτομία), иной
крепостью Духа (Πνεύματος). Душа, обогатевшая таким
содействующим [ей] телом и получившая устройство, пре-
вышающее телесное обучение, изменяет естественные

нам премѣняетъ движеніа, и оумное дѣланіе выстрѣ дѣлаючи, хранитъ безсмертныхъ садовъ себѣ плоды въ мысленномъ рай: ѿнѣдѣже источникъ бѣглыхъ разумѣній, ꙗкоже рѣка истекаетъ: въ немже и садъ разума бжїа стоитъ, приносѣа премудрости плоды, радости, міра, благодсти, милосердіа, долготерпѣнія и любвѣ неизреченныа. Таковъ же тцаливѣ дѣлаючи, и таковъ хранѣщи, исходитъ ѿ тѣлесѣ, и въ мракъ вхѣдитъ бѣгословїа, истѣпаетъ всегѡ ꙗкѡ ничимже держима видимыхъ, и бѣгъ соединившиса, трѣдѡвъ престаѣтъ и желанїа.

м̄. Чтѡ ѿ сщцихъ въ насъ ѣсть вышше, слово глаголетъ намъ тцаливымъ, видимое ли, илїи мысленное. ꙗще оубѡ видимое: тѡ ничтѡже оубѡ паче тліимыхъ бѣдетъ намъ предпочитѣтельно илїи и любимо, ниже лѣшша паче тѣла дѣша. ꙗще же мысленное: тѡ дѣхъ ѣсть бѣгъ, и ꙗже кланяетсѣ емѣ, дѣхомъ и истиною достѡитъ кланятисѣ (їѡан. д, ѣд). И таковъ, излишне ѣсть тѣлесное ѡбѣченїе, внигда здравствѣетъ оумное дѣши дѣланїе, тѣготѣюще долѣ ѡблегчавающо, и все егѡ содѣловающо дѣховно соединенїемъ лѣшшагѡ.

м̄а. Три сѣтъ чїни междѣ творѣщими предспѣанїа совершенотвѡрныхъ восхожденїй: чистителенъ, просвѣтителенъ, тѣинственъ, ꙗже ѣсть и совершенотвѡренъ. И ѡвѣ оубѡ ѣсть вводимыхъ, ѡвѣ же среднихъ, ѡвѣ же совершенныхъ. Трѣми бо сїми по чїнѣ восходѣ тцаливѣый, растѣтъ ꙗже ко хрѣтѣ вѡзрастомъ, и приходитъ въ мѣжа совершенна, въ мѣрѣ вѡзраста исполненїа хрѣтѡва.

м̄в. Чистителеный, къ подвигомъ оубѡ свѣщеннымъ вводимыхъ ѣсть. И свѡйственно оубѡ ѣсть тѣмъ,

(φυσικῆς) движения [и поворачивается] в мысленные подвиги (αγώνες), и трудясь с усилием (δύναμη) в умном делании, сохраняет для себя плоды бессмертных садов в мысленном (νοητό) рае (Παράδεισο). Где, как река истекает источник боголепных (θεοπρεπών) смыслов (νοημάτων), и в котором стоит древо (δένδρο) познания Божия (Θεοῦ), приносящее плоды премудрости, радости, мира, благодсти, милосердия, долготерпения и неизреченной любви (Гал. 5, 22). Так тщательно делающий, и так охраняющий (φυλάει), отдалается (απομακρύνεται) от тела и проникает (εισδύει) в мрак богословия. В исступлении (έκσταση) уходит от всего, как ничем из видимого не держимый, и соединившись с Богом прекращает (σταματά) труды (αγωνίζεται – борьбу) и желанїя (ποθει).

40. Что из сущего в нас выше — для нас рачителей, видимое или мысленное? Если видимое, то ничего уже не будет для нас предпочтительнее и желательнее вещей тленных. А если мысленное: то *Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин. 4, 24). Таким образом телесное упражнение излишне бывает, когда в силе умное делание, от которого тяготеющее долу легким делается и все превращается в духовное, в единении его с лучшим.

41. Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная и таинственная или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая — средним и третья — совершенным. По трем сим степеням восходя по порядку, рачительный подвижник возрастает до возраста Христова, и приходит *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13).

42. На очистительной степени стоят вводимые в священные подвиги. Свойственны ей — отложение образа

Ѡложеніе зрака перстнаго человека, избавленіе всакиа привещественнаго слова, и Ѡдѣаніе новаго человека духомъ Ѡбновляемаго стѣмъ. Дѣло же, ненависть вещества, истаніе плоти, и оуклоненіе Ѡ всакиа вины пощрающіа къ страсти, помысленное раскаяніа Ѡ содѣанныхъ: къ семъ же, еже слезами потопити сладость грѣха, еже нравы благостію оустрѣити дѣха, и внутреннее сткляницы, сирѣчь оумъ, оумиленіемъ Ѡчистити Ѡ всакиа скверны, плоти же и дѣха: и такъ вѣно слова влѣати вонъ веселѣаго сердца человека Ѡчищаема, и принести црѣви дѣвѣ на вѣщеніе. Конѣцъ же, еже разжеица дѣятельнѣ огнемъ постничества, и трудами подвиговъ всакии їадъ Ѡринѣти грѣха: и оукрѣпитица добрѣ, и напоитица водою оумиленіа, и мечъ совершитица пощрающъ страсти и бѣсы, елику по силѣ. Иже въ сѣе достигйи многими подвиги постничества, оугаси силъ естественнаго огня: заградѣ оустѣ лвовъ, свирѣпыхъ страстей: возмѣже духомъ Ѡ немоци, бысть крѣпокъ, и їакоже їнъ нескіи авсѣтїдїтанинъ Ѡдолѣнїа терпѣнїе постаѣи, повѣдивъ искѣшающаго.

мг. Просвѣтительный, священными подвиги предѣспѣвшихъ есть въ первое безстрастїе. И свойственно оубѣ есть тѣмъ разумъ сѣщихъ, видѣнїе словесъ твари, и причастїе стѣаго дѣха: дѣло же, Ѡчищенїе оума огнемъ вывающее вѣественнымъ, оумное Ѡчїю сердца Ѡкровенїе, и слова рожденїе съ высокими помышленїи разума. Конѣцъ же, оумнающее слово премудрости естества сѣщихъ: познанїе вѣественныхъ и человекескихъ вещей, и Ѡкровенїе тайнъ царствїа небеснаго. Иже въ сѣе достигйи оумнымъ оума дѣланїемъ, на колесницѣ огненнѣи носимъ есть четверицею добродѣтелей, їакоже аще кто їнъ фесвїтанинъ. И ещѣ живъ сїи, на воздѣхъ мысленный взѣмлетса, и Ѡвхѣдитъ небеснаа, превыше смиренїа тѣлесѣ бивъ.

перстного человека, освобождение от всякой чувственной страсти, облечение в нового человека, обновляемого Духом Святым. Дела ее — ненависть к чувственному, измождение плоти, удаление от всего, что может возбуждать страстные помыслы, раскаяние в содеянном; при сем — омытие слезами сланости греха, благоустроение нрава благодатию Духа, умиленным сокрушением очищение внутреннего чаши, т. е. ума, от всякой скверны плоти и духа, и влияние в него вина слова, веселящего сердце человека очищаемого и принесение его царю духов для вкушения. Конѣцъ же — действительное разжжение себя огнем подвижничества, трудами подвижническими извержение из себя всякого яда греховного, закаление себя чрез погружение в воду сокрушения и сделание себя мечом сильно посекающим страсти и бесов. Достигшии сего угасил силу естественного огня, заградил уста львов, — свирѣпыхъ страстей, стал силен духом, из немощного сделался крепким и, как другой Авсѣтїдїанин (Иов), воздвиг себе трофей терпѣния, победив искушителя.

43. На просветительной степени стоят действием священных подвигов преуспѣвшие в первом бесстрастїи. Свойственны ей — водворение в уме образа здравых словес, или здравых на все воззрений и причастие Духа Святого. Дело ее — очищение ума действием божественного огня, мысленное сердечных очей отверстие, и рождение слова с высокими помышлениями разума. А конѣцъ — Слово премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ведение божеских и человеческих вещей, и откровение тайн Царствїа Небесного. Достигшии сего мысленным деланїем ума на колеснице огненной носим бывает четверицей добродѣтелей, и, как другой Фесвїтянин (Илия), ещѣ живой взѣмлетса в мысленный воздух и обходит небесныя области, став выше всего земного.

мд. Таинственный и совершенотворный чинъ, вса оуже претекшихъ есть, и въ мѣрѣ возраста пришедшихъ хртѣва. И свойственно оубвъ есть тѣмъ, еже пресѣци въздухъ, и всегѡ превозникнѣти, еже въ горнихъ чинѣхъ быти небесныхъ, и первомъ свѣтѣ приближитиса, и глубины вѣта испытати дхѡмъ. Дѣло же, еже исполнити зрителя таковыхъ оумъ словеса, ѡже ѡ промыслѣ, ѡ правдѣ и истинѣ, ѡже ѡ разрѣшеніи гаданій и притчъ и темныхъ словесъ вѣжественнаго писаніа. Конѣцъ же, еже тайноначити такъ совершеннаго сокровеннымъ тайнамъ вѣжимъ: еже премудрости того неизреченнаго исполнити сочетаніемъ стѣгѡ дха, и премудра бгѡслова посредѣ цѣркве велика вѣта показати, словомъ бгѡслова челоуки просвѣщающа. Иже въ сѣе достигій глубочайшимъ смиренномудрїемъ и оумиленїемъ, на третїе небо взѣтъ бысть бгѡслова, ѡкоже аще кто инъ павелъ, и глаголы оуслыша неизреченнаго, иже не лѣтъ есть челоуку подъ чувствомъ свѣта оуслышати, и неизреченныхъ благъ, иже око не видѣтъ, и оухѡ не слыша, вкѡси, и служитель бысть таинъ вѣжихъ, оустѣа бывъ тогѡ, служа сѣа челоукомъ словомъ, и почиваа въ сѣмъ блаженнымъ покоемъ, совершенъ въ совершенномъ вѣѣ: совокупльса съ бгѡслова превысочайшимъ силамъ херувимѡвъ же и серафимѡвъ, иже и слово премудрости есть вкѡпѣ и разума.

ме. На два раздѣлаемо челоуческое житїе, въ три чины имать концы собираемы сегѡ, и ѡво оубвѣ егѡ ѡбщїтельно есть и мїрско: ѡво же неѡбщїтельно и премїрно. И ѡбщїтельное оубвѣ, въ цѣломудрїе раздѣлаетса, и несѣтство: неѡбщїтельное же, въ любомудрїе, въ естественнѡ вѣжество, и въ паче естества дѣйство. Ѥ сїхъ ѡво оубвѣ, или правдѣ совокупльетса по естествѣ градѣщо: или неправдѣ, и въ неправдѣ ѡходитъ, заблѣждшо ѡ еже по естествѣ движенїа: ѡво

44. На таинственной или совершительной степени стоят пришедшие уже в меру возраста Христова. Свойственно им — пресекать воздух, возноситься выше всего, вращаться в кругу горних чинов небесных, приближаться к первому Свету, и глубины Божии исследовать духом. Дело сей степени — исполнять зрителя таких предметов — ум ведением путей Промысла, законов правды и истины, и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же — тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным тайнам Божиим, исполнять его неизреченной премудростию чрез сочетание с ним Духа и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, просвещающим людей богословскими поучениями. Достигший сей меры действием глубочайшего смиренномудрия и сокрушения восхищаем бывает до третьего неба богословия, как другой некий Павел, и слышит неизреченные глаголы, которые нельзя слышать и челоуку, под влиянием чувств состоящему, вкушает неизреченные блага, коих око не видало, и о коих ухо не слышало, и делается служителем тайн Божиих, став устами Его, и совершает их для людей Словом, почивая при сем блаженным покоем в Боге, совершенный в совершенном, и с богословами в общении пребывая с высочайшими силами Херувимов и Серафимов, коим принадлежит слово премудрости и вместе слово разума.

45. Жизнь (βίος) челоука разделяется на два пути (τρόποις), а его цели (στόχοι) имеют три класса (τάξεις). Один из путей является мїрским и общественным, а другой уединенным и премїрным. Общественная жизнь, таким образом, разделяется на целомудрие и жадность (αλληστία). Уединенная жизнь разделяется на любомудрие в естественном познании (γνώση) и сверхъестественном действии (ενέργεια). Первый из них, или заключается в правде, приходя в свое природное состояние, или в не-

же, аще оубо къ намѣренію тещи вѣдетъ правиломъ исправляемо, въ безконечно скончавающося естество, паче естества совершившомъ вѣдетъ. Аще же по любочестію ѡбвѣщающося намѣреніа погрѣшитъ, въ неискѣсенъ скончавается оумъ, и ѣкѡ не совершенно, въ лѣпотѣ измѣняется совершенногѡ.

мѡ. Свѣтъ и животъ и миръ есть дѣхъ. Ѣ бжественнагѡ оубо просвѣщаемый дѣхъ, тихѡ мирствѡа совершаетъ жизнь. Ѣсюдѡ же разумъ томѡ сѡщихъ, и премѣдрость слова истекаетъ. Сѣй вѣсть тайны царствіа, во глубины вхѡдитъ бжѣа, и день дни ѡрыгаетъ слова жизни Ѣ невлаема и просвѣщенна сѣрдца блага чловѣкомъ: понѣже блага есть блгаго имѣа, глаголюца въ себѣ нѡваа же и вѣтхаа.

мѡ. Премѣдрость есть бгъ, и словомъ и премѣдростію ходящихъ, разумомъ невѣсныхъ бгѡтворѡа, соединаетъ тѣхъ себѣ свѣтомъ, и положеніемъ бѡги содѣловаетъ. И ѣакоже самъ Ѣ не сѡщагѡ премѣдростію всѡ сотворивъ, премѣдростію сѡщаа въ мирѣ наставляетъ, и оуправляетъ и спасеніе всѣхъ приближающихся емѡ ѡбращеніемъ, такожде приснѡ премѣдростію дѣлаетъ: такѡ и сподобивыйсѡ горнѣйшѡа быти премѣдрости чистотію причастникъ, приснѡ ѣкѡ ѡбразъ бжѣи, и той премѣдростію творитъ и дѣлаетъ, ѣаже сѡтъ бжественныа бѡли. Сѡбираа же всегда и воспостираа помысленное своѣ разумомъ неизреченныхъ ко аггльскомѡ воистиннѡ животѡ, и единовиднѡ, еликѡ достигнѡти мѡчно, жизнь своіу дѣлаа, соединяетъ гѡрнимъ силамъ себѣ, единственнѣ ѡ вѣѣ двѣжимымъ, и тѣми къ пер-

правде, потому приходит к неправде, потеряв (χάνοντας) свойственное естеству движение. Другой, если идет к намеченной цели, следуя правилу, приходит к бесконечному (ἀπειρη) Естеству (Φύση), к сверхъестественному совершенству. Но если по честолюбивому (φιλοδοξία) намерению станет упражняться (ἀσκησῆ) —погрешит (потерпит неудачу), в неприемлемый (ἀδόκιμο) приходя ум (ср. Рим 1, 28), и как несовершенный, обоснованно отвергнется из чина (τάξη) совершенства.

46. Дух Святой (Ἁγίῳ Πνεύμα) — это свет, жизнь и мир. Тот, кто просвещается божественным Духом, умиротворенно и тихо проводит свою жизнь. От того происходит у него познание сущих и премудрость слова, и он приобретает ум Христов (νοῦ τοῦ Χριστοῦ) (ср. 1 Кор. 2:16). Он ведает тайны Царствия и проникает (εἰσχωρεῖ) во глубины Божии; и изо дня в день, из безмятежного (ἀκύμαντη) и просвещенного сердца, изрекает слова жизни [на благо] людям, потому что благ тот, кто имеет в себе Благого (Ἀγαθό), говорящего *новое и старое* (Мф. 13, 52).

47. Бог есть премудрость, и ходящих в слове и премудрости, боготворит познанием небесных (όντων), светом соединяет их с Собою, и соделывает их богами по положению (по благодати). И как Бог, после того, как он премудростью сотворил все из ничего (μηδέν), премудростью все сущее в мире направляет, управляет; и также всегда совершает спасение всех, обращающихся к Нему с покаянием (μετάνοια). А также тех, кто сподобился, по причине чистоты, стать причастником высшей премудрости, и он всегда, как образ Божий, той же премудростью творит и делает, что по воле Божьей. Собирает же себя от внешнего (ἐξωτερικά) и разнообразного (πολυσχιδή), и каждый день простирает словесное (λογιστικό, помысленное) свое со знанием (γνώση) неизреченных (αλόρητων) к ангельскому, воистину, образу (τρόπος) жизни. И совер-

вомъ началъ и винѣ ѿкъ благими вождми возводитса.

ми. Иже премудростію лѣшшею себѣ соединивый гвр-
нимъ силамъ, и сегѡ ради бгови соединивыйсѧ, по по-
добію сый бжїю, со всѣми словомъ и сочетаніемъ любо-
премудростнѣ бесѣдаѧ, ѡсѣщаѣтъ хотѣщихъ бжест-
венною силою навикновенїа, ѡ внѣшнихъ и раздѣ-
ленныхъ, и къ единовидной жизни, ѿкоже себѣ, ѿкъ бжїи
подражатель и тѣхъ собираѧ дѡхомъ, возводитъ пре-
мудростію и разумомъ, и сокровенныхъ ѡсїанїемъ къ
видѣнію славы единачу и первачу свѣта: и соединивъ
тѣхъ, ѿже ѡ вѣѣ сщществѡмъ и чинѡмъ, въ единство
приводитъ бжїе всесїательны бывша ѡсїанїемъ дѡа.

ма. Четверницѣ добродѣтелей ѡсмерїца спослѣдст-
вуетъ естественныхъ же и первѣйшихъ добродѣтелей,
къ единой ѡ сихъ коеждо ѡ единыа и другїа страны
двѣма привозсїавяющема: ѿкоже и той коеждо бы-
вати въ трїцѣ. Мудрости оубо, разумъ привозсїавяетъ
и премудрости видѣніе, правдѣ разсѣжденїе и благо-
сострадѣтеленъ совѣтъ: мужество, терпѣніе и сопро-
тивленїе крѣпко: цѣломудрію, чистотѣ и дѣвство. Селѣ
трїичныа дванадесѣтницы, ѿкоже нѣкій зиждитель и
тайноводитель бгѣ, премудростію превышше сѣдитъ
на прѣтолѣ оума, слово посылаѧ, въ содѣтельство міра
добродѣтелей, еже и прїемлющю ѡ подлежащихъ началъ,
вещствѡ ѡ единыа и другїа реченныхъ, мысленный
благочестїа міръ содѣтельствуетъ въ дѡшї. И ѿкоже
оубо небо простираетъ въ ней мудрость, всю звѣзднѣ

шая, насколько это возможно, единовидную (ενοειδή)
свою жизнь, соединяется с вышними силами, которые
вращаются вокруг единого Бога; и теми, как добрыми
вождями, поднимается к первому Началу (Αρχή) и При-
чине (Αιτία).

48. Соединившийся премудростью с вышними сила-
ми, и по той причине соединившийся с Богом, ибо это по
подобию Божию, любомудро (εμφιλόσοφο) со всеми бесе-
дуя, словом и сочетанием (συναναστροφή), и божествен-
ной силою отвязывает (αποδεσμεύει) тех, кто хочет, от
внешних и разнообразных, выводя их, как себя, к духов-
ной (πνευματικά) и единовидной (ενοειδή) жизни, как под-
ражатель Бога. И, [собирая духом,] поднимает их разу-
мом, премудростью и сокровенным озарением (έλλαμψη)
к созерцанию славы единого и первого Света; и так со-
единенных с пребывающими вокруг Бога ангельскими
(αγγελικές) существами и чинами, приводит к единству с
Богом, после того, как сделались всесияющими освеще-
нием (φωτισμό) Духа.

49. Четырем общим (γενικών) добродетелям следуют
восемь естественных [и важнейших] добродетелей, к ка-
ждой из которых с одной и с другой стороны по две доб-
родетели присоединяются, образуя таким образом каждая
троицу. Ведь мудрость сопровождают познание (γνώση) и
созерцание (θεωρία) премудрости. Справедливость — рас-
суждение и сострадательный совет (σπλαχνική διάθεση).
Мужество — терпение и твердость (σταθερότητα). Цело-
мудрие — чистота и девство. Бог, как некий Строитель и
Тайноводитель (Μυσταγωγός), этой троичной дюжины
(δωδεκάδα) добродетелей, высшей (т. е. Бога) премудо-
ростью восседает на престоле ума, посылая Слово (Λόγο),
чтобы создать сей мир добродетелей. Слово, принимая от
каждой из первоначальных (αρχικές) добродетелей, созда-
ет в душе умопостигаемый мир благочестия. И, как небо,

во всесїательнѣ жизнь: въ нейже ꙗкоже два свѣтила велика, бжественный разумъ и естественное видѣніе сїати и просвѣщати сїю творитъ, и ꙗкоже землю ѿснѣваетъ правдѣ въ ней, во всепїршество неиздѣваемо: и ꙗкоже воздѣхъ простираетъ цѣломѣдріе, въ прохладѣніе и рѣсѣ чистѣйшїа жизни: и ꙗкоже море мѣжество ѿпредѣляетъ въ немоци естества, на разорѣніе твердемъ и возношенїемъ сопротивнагѣ. Сѣй оубѣ такѣ миръ слово создана, силѣ влагаетъ въ ню дѣхъ, въ движѣніе оубѣ мысленно и приснодвижно, и въ содержанїе нерасточаемо же и пребываательно, по реченномѣ бжественнымъ давидомъ словомъ гднимъ небеса оутвердишася, и дѣхомъ оустъ егѣ вса сила ихъ (Псал. лѣ, 5).

н. Съ дѣховными превозрастїи тцаливыхъ совозрастаѣти ѿбыче и гдѣ нашъ иисѣ хртѣсѣ. И егда оубѣ младенцы сѣтъ трѣбѣюще млека, ссати глаголется млеко вводительныхъ добродѣтелей ѿбѣченїа тѣлеснагѣ: егѣже полѣзное, вмалѣ естѣ возрастающимъ добродѣтелию, и помалѣ ѿлагающимъ младенчество. Егда же въ юношы възидѣтъ, и твердою пищею питаются видѣнїа сѣщихъ, ꙗкѣ ѿбѣченни дѣшевными чѣвствы: преспѣвати, глаголется, възрастомъ и благодатїю, и посредѣ старецъ сѣдѣти, и ѿкрывати тѣмъ глѣбѣкамъ ѿ тмы. Егда же въ мѣжа совершена въ мѣрѣ възроста совершатся исполненїа хртѣва: проповѣдати, глаголется, слово всѣмъ покаанїа, и оучити людѣй, ꙗже ѿ црѣтвїи нѣнѣмъ, и ко еже пострадати спѣшитися: сѣй бо естѣ конецъ всакагѣ совершившагѣ въ добродѣтелехъ, да вса прошѣдъ възрасты хртѣвы, ко страсти достигнетъ искѣшенїи по крѣтѣ ѿнагѣ.

Он простирает в нем рассудительность (φρόνηση), полное звезд, для всеосвещающей (καταλάμπει) жизни, в которой, как два великие светила устанавливает божественное познание и естественное созерцание (φυσική), сияющие и просвещающие; как землю, Он утверждает в нем справедливость для нескончаемого (αδάλανη) праздника; и как воздух устанавливает целомудрие, для прохладения и освежения (εκούρασμα) чистой жизни; как море определяет мужество против (γύρω) болезней (ασθένεια) естества, для разрушения твердынь и превозношений сатаны (σατανά) (2 Кор. 10, 4). Вот именно так [Божественным] Словом создав сей мир, Бог влагает внутрь него (βάζει μέσα) силу Духа, для мысленного и непрерывного движения и, в то же время, непрерывного единства, неотделимого (αδιάσπαστη) и постоянного, по сказанному Давидом: *Словом Господним небеса утверждены и Духом уст Его вся сила их* (Пс. 32, 6).

50. Духовное возрастание ревнителей о спасении соответствует возрастанию Господа нашего Иисуса Христа человечеством. Когда они младенчают в новоначалии, тогда, подобно Господу Иисусу, млеко питавшемуся, питаются млеко телесных добродетелей, или *телесного обучения*, которое *мало* (ненадолго) *полезно* возрастающим в добродетели и мало-по-малу отлагающим младенчество (1 Тим. 4, 8). Когда возрастут они до возраста юношей и твердою начнут питаться пищей видения истины Божией, как имеющие чувства душевные уже обученными (см. Евр. 5, 14), тогда уподобляются Господу, преуспевшему возрастом и благодатию, среди старцев сидящему и открывающему им глубокие тайны (см. Лк. 2, 46). Когда же *придут в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13), тогда бывают подобны Господу, возвещавшему всем слово покаяния, научавшему народ тайнам Царствия Небесного, и между тем к страданию своему спеш-

ѿна. Дѡндеже подъ стѣхїами ѡбѣченїа есмь, ѡхранѣми касѣтисѧ брашенъ, ѿли приближѣтисѧ ѡсѣзанїю, ѿли взирѣти на красѡты, ѿли пѣсни слышати, ѿли мѣры ѡбонѣти, подъ повелїтели есмь и пристѣвники ѿкѡ ещѣ младенцы, ѿще и наследницы есмь, и господїе всѣхъ ѡтчихъ. Егда же прїидетъ кончина вѣремене тогѡ (ѡбѣченїа), и безстрастїемъ исполнитсѧ: тогда раждѣетсѧ слѡво въ насъ ѡ чїстѡмъ мьсли, и бывѣетъ подъ законѡмъ дѣха, да подъ законѡмъ ны плотскагѡ мѣдрѡванїа сѣщыа испѣпитъ, и сыноположенїе намъ дарѣетъ. Семъ же бывшъ, тогда вопїетъ дѣхъ въ сердцахъ нашихъ: ѿвѡа ѡче! показѡ, и ѿвлѣно творѣ намъ сыновствѡ, и еже ко ѡцѣ и бѣ дерзновенїе, и ѿкоже съ сыны и наследники вѣимнїи хѡтомъ, съ нами пребывѣетъ и бесѣдѣетъ, недержимыми рабѡтою чѣствъ.

ѿв. Предъспѣвшымъ въ вѣрѣ ѿкоже пѣтръ, и ѿкоже ѿкѡвъ въ надеждѣ возшѣдшымъ, и ѿкоже ѿваннъ въ любви совершеннымъ бывшымъ, превѣрѣетсѧ, на горѣ высокѣ возшѣдъ бѣгослѡвїа гдѣ. И просвѣщѣетсѧ ѡубѡ тѣмъ, ѿвлѣнїемъ и начертанїемъ чїстагѡ слѡва ѿкѡ солнце: разѡмѣнїи же неизреченнѡ премѣдрости бывѣетъ свѣтелъ свѣтелъ ѿкѡ свѣтъ: и зрїтсѧ слѡво междѣ сїми, посредѣ столѣ законѡ и прорѡчѣства: ѡва ѡубѡ законополагѣа и ѡчѣа, ѡва же и ѡкрывѣа ѡ глѣбѡкихъ и сокровенныхъ сокровищъ премѣдрости. Ѳвогда же и предвїда и предглабѡла, ѿхже и ѿкѡ ѡблакъ свѣтелъ ѡсѣнїи дѣхъ, и гласъ таинственнагѡ бѣгослѡвїа ѡонѣдѣ къ нимъ прїхѡдитъ, ѡчѣащъ ѿхъ таинствѡ трїѡпѡстаснагѡ бѣжѣства и такѡ глабѡлющъ: сѣи естѣ возлюбленный мой предѣлъ слѡва совершенства, ѡ

но приближавшемуся. Таков конец и всякого, совершившегося в добродетелях, чтоб, прошедши все возрасты Христовы, вступить в прискорбные искушения в соответствии кресту Его.

51. Пока мы состоим под стихиями телесного обучения, дотолѣ под *приставниками* и *повелителями* бываем, как младенцы, стрегомы, чтоб не касались брашен не должных, не давали воли осязанию, не засматривались на красоту, не слушали песней сладких, не услаждали обоняния ароматами, хотя мы наследники и господа всего отцовского достояния. Когда же кончится это время обучения и завершится бесстрашием, тогда, освобождаясь от закона мудрования плотского, пребываем мы под законом Духа и всыновление восприемлем. Когда же и сие совершится, тогда *Дух вопиет в сердцах наших: Авва Отче!* (Гал. 4, 6) показуя и давая уразуметь нам сыновство наше и наше к Отцу и Богу дерзновение, — и сопребывает и беседует с нами, как с сынами и наследниками, не держимыми уже под игом рабства чувствам (см. Гал. 4, 3. 7).

52. Пред теми, кои, подобно Петру, преуспели в вере, подобно Иакову, востекли к надежде и, подобно Иоанну, совершились в любви, Господь, возведши их на высокую гору Богословия, преобразуется: зрак лица Его в чистом слове просвещается, как солнце; одежды Его в уразумениях неизреченной премудрости бывают светлы, как свет, и Он — Бог Слово — узревается ими стоящими посреди закона и пророков, то как законоположитель и учитель, то как открыватель глубоких и сокровенных сокровищ премудрости, то как предзритель и предсказатель грядущего. Тогда, как облак светлый, осеняет их Дух, и глас таинственного Богословия приходит к ним оттуда, учащий их таинству трипостасного Божества, и так вещающий им: се возлюбленный мой предел совершенства,

нѣмже благоволихъ: вѣдите мнѣ въ совершенны сыны
въ совершеннѣ дѣѣ.

пг. Душа долъ ревнѣемаа всѣ пренебрѣгши, и всѣмъ
раченіемъ оуазвившиса вѣжимъ, изстѣплѣніе нѣкое
странно и бжественно подѣмлетъ. По ѣже во оувидѣти
іаснѣ естества сущихъ, и словеса ихъ, и концы челоуѣ-
ческихъ постигнѣти вещей, внѣтръ не терпитъ всегѣ
ѡтолѣ быти, и ѡбдержѣющимъ ѡписоватиса: но своихъ
предѣлъ изстѣплши, и оузы оумзчительствовавши
чѣства, естества всѣхъ прешѣдши, во мракъ бгословіа
съ неизреченнымъ молчаніемъ вхѣдитъ, и добротѣ
смотрѣетъ сущагѣ во свѣтѣ разумѣній несказанныа
премудрости, елику той по благодати ѡнѣдѣ дастса.
Бголѣпнѣ же разумѣній во видѣніе егѣво воглѣблю-
щиса, наслаждѣетса безсмѣртныхъ садѣвъ плодами,
любвѣ страхомъ бжественныхъ мыслей, глаголю, раз-
мѣній, ихъже никогдаже сопрѣтѣющиса къ себѣ можетъ
совершеннѣ сказати великолѣпное же и славное. Но
іакоже дѣйствуема страннѣ ѡ дѣа, похвѣльнѣю оубѣ
страсть въ неизреченнѣй вѣсть радости и молчаніи: а
ѣже какъ дѣйствуѣетса, или что ѣсть движѣщее и
зримое, и глаголющее той тѣинственнѣ неизреченнаа,
не возмогѣетъ исповѣдати.

пд. Сѣмъ себѣ во правдѣ слѣзы оумилѣнїа, ѡвирѣетъ
въ плодъ жизни радость неизглаголаннѣю: взыскѣай же
и терпѣай гѣа, дѣндеже прїидѣтъ жїта правды егѣво, сѣй
пожнѣтъ многоплоденъ клѣсъ разума вѣимъ, и свѣтѣ
премудрости тогѣ просвѣтитъ, и свѣтильникъ свѣта
присносѣчна вѣдетъ, во ѣже просвѣщати всѣ челоуѣки.
И не вѣдетъ завидѣти себѣ и ближнимъ, подъ спѣдомъ
зѣвности покрывѣа дѣанный себѣ свѣтѣ премудрости: но

о нем же благоволил, — чтоб вы были мне сынами со-
вершенными в совершенном Духе.

53. Душа, все долнее презрев, и всецело любовию к
Богу уязвившаяся, странное некое и божественное иссту-
пление испытывает. После того, как ясно увидит естества
и логосы сущих, и постигнет концы (результаты) челоу-
ческих вещей (πραγμάτων) — не терпит, чтобы находится
внутри міра (σύμπαν) и ограничиваться телом (σώμα), ко-
торое ее содержит. Но выйдя за его пределы и расторгнув
мучительные узы чувств, преодолев природу всех сущих
(όντων), с неизреченным (ἀνεκφραστη) молчанием вступа-
ет в мрак богословия и лицезреет красоту Сущего (Ὀντος)
во свете смыслов (νοημάτων) несказанной (ἀνείπωτης)
премудрости, насколько дается ей (душе) по благодати.
Так душа боголепно углубляется (εμβαθύνει) смыслами в
Его созерцание и блаженствует (εὐτροφά) со страхом
(φόβο) любви (ἀγάλης) плодами бессмертных растений
(φυτών), имею ввиду, смыслы (νοήματα) божественных
понятий (εννοιών), чье великолепие (εννοιών) и славу не-
возможно выразить полностью, когда она возвратится из
исступления (έκσταση) в себя]. Но как это не странно,
действуемая (ενέργεια) Духом, переживает похвальную
(ελαϊνετό) страсть в невыразимой радости и тишине, но
образ этого божественного (θείας) действия, или кто тот,
что управляет, смотрит и говорит сокровенно (μυστικώς)
невыразимое, не может объяснить.

54. Тот, кто сеет слезы умиления во [имя] добродетели
(αρετή), — будет собирать плод жизни, как радость невы-
разимую. Кто усердно (ζήλο) и терпеливо ожидает Госпо-
да до тех пор, пока не взойдут плоды его добродетели
(αρετής), тот пожнет сочные (μεστωμένα) колосья Божьего
познания; и просветится светом Его премудрости, и будет
вечно сущим светильником света, чтобы освещать (φωτί-
ζει) всех людей (ανθρώπους). И не будет завидовать себе и

въ цѣркви вѣрныхъ ѿрыгнетъ словеса блага на пользу многыхъ, и провѣщаетъ ганаѳа исперва: елика же слыша свѣше бжественнымъ ѡглашаемъ дхомъ, и елика познѧ во видѣнїи сщнихъ оупражняася, и отцы егѡ повѣдаша емѸ.

нѢ. Будетъ всѧкомѸ тцаливѸ въ день совершенства егѡ въ добродѣтели, и скаплютъ емѸ горы дѣланїа заповѣдей бжѳныхъ сладость веселїа, царствующѸ въ сїѡнѣ въ чистомъ оумѣ, и холми словеса добродѣтелей источатъ млеко, пища томѸ, почивающѸ на лѡжи безстрастїа, приносяще, и вси источницы їудины, вѣры же егѡ глаголю, и разума источатъ воды, велѣнїа сирѣчь и притчи и гаданїа бжественныхъ вещей: и источникъ премудрости неизреченнаго ѡ сердца егѡ, ѧкѡ ѡ домѸ гдѧ изыдетъ, и напоитъ потокъ зимнїи (їѡил, г, ѳ), самыа тыа сирѣчь сшею и зноемъ страстей изсохшыа человекѧ. И тогда оуразумѣетъ истинное свѣтѣ въ себѣ словесъ гдѧнихъ, глаголетъ бо: вѣрѡмъ въ ма, рѣки ѡ чрева егѡ истекѸтъ воды живы (їѡан. 3, ѧн).

нѢ. Возсїаетъ въ болицхса менѣ, глаголетъ вѣтъ, солнце правды, и исцѣленїе въ дѣанїихъ ихъ: и изъ темницы страстей изыдѸтъ, и възиграютсѧ ѧкоже тельцы ѡ оузѣ грѣха разрешени: и поперѸтъ беззаконныхъ мѡжей и вѣсѡвъ подъ ногами своїми ѧки пѣпелъ въ день паки оустроенїа своегѡ, воньже азъ сотворю, глаголетъ гдѸ вседержитель (Малах. 4, в и г). Внегда всѣми вознесѸтсѧ добродѣтельми ѧвѣ, ѧкѡ и совершени вѣдѸтъ премудростїю и разумомъ въ причастїи дѸха.

ближним, не скрывая *под сосудом* зависти данный ему свет премудрости (Мф. 5, 15), но в Церкви верующих будет говорить благие слова на пользу многих, и раскрывать *изначальные гадания* (Пс. 77, 2), согласно с тем, что (ѡса) он услышал с неба от оглашения (ѡλαγορευει) божественного Духа, и то, что он узнал в обучении созерцания сущих (ѡντων), и то, что ему *поведали отцы* (Пс. 77, 3).

55. Это будет происходить с каждым [усердным] подвижником (αγωνιστή) в день совершенства его в добродетели, *горы* совершения божественных заповедей *будут изливаться* (σταλάζουσι) ему *сладостью веселия*, и будет царствовать в Сионе в чистом уме, *и холмы* слов, то есть (δηλαδή) добродетели, *источат молоко*, предлагая ему пищу, в то время как он будет отдыхать на ложе бесстрастия; *и все источники Иудины*, говорю, веры и познания, *источат воду*, то есть доктрины (δόγματα), притчи и загадки божественных вещей; и из сердца, как *из дома Господня*, *выйдет* невыразимый источник премудрости *и напоит долину* (χεϊμαρρο) *тростников* (σχοίνων) {поток зимний} (Иоил. 3, 18), то есть людей, иссушенных засухой и зноем страстей. И тогда он поймет (διαπιστώσει, обнаружит) в себе исполнение слов Господних: *кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой* (Ин. 7, 38).

56. *Взойдет*, говорит Бог, *для вас, боящихся Меня*, Солнце правды, и их действия (πράξεις) приведут к исцелению. Они *выйдут* из темницы страстей, *и възиграют*, как тельцы, *освободившиеся от* [рабства] греха. *И будут попирать беззаконников* (ἀνομοῦς) и демонов, *ибо они будут прахом под ногами вашими в тот день* устройства (αλοκαταστάσεως) их, в который Я соделаю, говорит Господь Вседержитель (Малах. 4, 2–3). Это, конечно, будет, когда явно вознесутся (ανυψωθούσι) всеми добродетелями и так, что будут совершенны премудростью (σοφία) и по-

Ѣз. Ѣгда на горѣ равнѣ міра сегѡ цѣркви хрѣтѡвой рѡзѡма нѡвагѡ свѣше вѡзмети знаменіе, и възвысиши гласъ свѡй, по рѣкшемѡ, даннымъ тебѣ премѡдрости ѡ вѣа: повѡждаѡ словомъ, и оучѡ братію твою ѡверзѡл тѣмъ рѡзѡмъ вѣжественнагѡ писаніѡ во оуразѡмѣніе дивныхъ дарѡвъ вѣжїихъ, и оувѣщевѡл тѣхъ на дѣланіе заповѣдей ѣгѡ (Исаїи Ѣи, ѡ): да не оубоїшисѡ ѡ завидѡщихъ силѣ словесъ твоихъ, и развращѡющихъ все вѣжественно писаніе, тцихъ сѡщїихъ и неключимыхъ и готѡвыхъ въ жилище дїаволѡ. Вчинитъ бо ѡже оустѣнъ твоихъ вѣтъ въ книзѣ живыхъ, и не вѡдетъ ти вреда, ѡ таковыхъ, ѡкоже ни петрѡ ѡ сїмѡна. Речѣши же пѡче и самъ со прорѡкомъ въ дѣнь ѡнъ, вѡнъже сотворѡющихъ видиши таковыхъ на тѡ соблѡзны стезїи: сѣ вѣтъ мѡй, сїпъ мѡй гдѣ, и оуповѡл вѡдѡ на негѡ, и спасѡсѡ ѡмъ и не оубоюсѡ: занѣ слава моѡ, и хвалѣніе моѡ гдѣ, и вѣсть мнѣ сїсїтель, и не престѡнѡ възвѣщѡти славноѡ ѣгѡ по всѣй землїи.

Ѣи. Ѣще познѡлъ ѣси, ѡкѡ стремлѣніе дѣйствїѡ страстѣй ѣсть въ тебѣ недеѡтельно, и оумилѣніе ѡ смиренномѡдрїѡ истекѡетъ ѡ ѡчию твоѣю, разѡмѣй, ѡкѡ прїидѣ царствїе вѣжїе въ тебѣ, и испѡлненъ былъ ѣси стѡгѡ дѡхѡ. Ѣще же и дѣйствѡющѡ двїжима же и глаголющѡ дѡхѡ разѡмѣши во оутрѡбѣ твоѣй, и възвѡждающѡ тѡ глаголати въ цѣркви величїѣй спасѣніе и ѡстинѡ вѣжїю, да не възбраниши оустѡнамъ твоимъ зависти рѡди ѡдѣемѡдренныхъ мѡжѣй: но сѣдѡ, напиши на дцицѣ (Исаїи ѡ, Ѣ), ѡкоже глаголетъ ѡсаїѡ, ѡже дѡхъ тебѣ глаголетъ: ѡкѡ вѡдѡтъ сїѡ во днї времѣнъ, и дѡже до вѣка, по тѡкѡ рѣкшемѡ: завистїю бо чрево-

знаниемъ (γνώση) черезъ причастіе (μέθεξη, приобщеніе) Духу.

57. Когда на горе равнинной (πεδινό) этого міра и (κα) Церкви Христовой, *поднимешь* флагъ новаго знания и возвысишь (υψώσεις, задрать), согласно Пророку, *голос* премудрости (Ис. 13, 2), данный тебе Богомъ, поддерживая (στηρίζοντας) словомъ и уча братію твою, раскрывая имъ смыслъ (νόημα) божественнаго Писанія для познания дивныхъ дарѡвъ Божиихъ, и для того, чтобы привести ихъ къ исполненію заповѣдей; то не бойся техъ, кто завидуетъ силѣ твоихъ словъ и искажаетъ всякое {все} (κάθε) божественное Писаніе, потому что они пустыя, негодныя и готовы быть жилищемъ дѡвола (ср. Мф. 12, 44). Ибо Богъ записываетъ твои слова въ книгу живыхъ и не будетъ тебе вреда отъ нихъ, какъ не было Петру отъ Симона мага (μάγο). Скажешь, *наверное* (μάλλον), и ты въ тотъ дѣнь съ Пророкомъ, въ который увидишь этихъ людей, строящихъ противъ тебя ловушки (παγίδες) на пути: *«Вотъ Богъ мой и Господь — Спаситель мой; буду упѡвать на Него и спасусь Имъ, и не убоюсь, ибо слава моя и похвала моя — Господь; и Онъ былъ мнѣ во спасеніе, и не перестану възвѣщать славныя (ένδοξα) дела (έργα) Его по всей землѣ»* (Ис. 12, 2. 4).

58. Если ты понялъ, что влеченіе (ορμή, импульс) страстей въ тебѣ недеѡтельно (ἀπρακτη) и, что умиленіе и смиренномудріе (καи η ταπεινοφροσύνη) {отъ смиренномудрїи} истекаетъ изъ твоихъ глазъ, то ведай, что пришло къ тебѣ Царствіе Божїе и ты сталъ преисполненъ (εγκυμονείς, забеременелъ) Святаго Духа. Кроме того, если ты чувствуешь, что Духъ дѡствуетъ, двїжется и говоритъ во утробѣ твоѣй, и побуждаетъ тебя сказать [на большѡмъ (μεγάλη) собрании (συνάθροιση)] въ Церкви спасительныя Божїи истїны, — не възбраняй своимъ устамъ, опасаясь зависти иудейски мудрствующихъ (ιουδαϊοφρόνων), *но сѡдь и напиши на доскѣ, какъ говоритъ Исаїя* (Ис. 30, 8), то, что тебѣ гово-

волащїи людїе непокорїви сѣть, сынове лживїи, ѿмже нѣсть вѣры: ѿже не хотѣтъ слышати, ѿкъ ещѣ евлїе дѣйствуетъ, и други вѣжїа и пророки сотворѣетъ: но глаголютъ пророкомъ и оучителемъ цѣркве, не повѣдайте намъ премѣдрости вѣжїа, и видѣнїа естественнаго видѣнїа видѣщимъ, не глаголите намъ: но глаголите и возвѣщайте намъ иное прельщенїе, еже мїръ любитъ, и ѿнимите ѿ насъ сѣдъ израилевъ. Да не оубо вѣнмеша зависти и словесемъ ихъ: оуслышатъ бо ѿглашаемаа тебѣ къ пользѣ многихъ свѣше, глѣси въ концѣ, и ѿже во тьмѣ житїа сегѡ, и ѿже во мглѣ грѣха ѡчи слѣпыхъ, оузратъ словесъ твоихъ свѣтъ (Исаїи лѣ, е): и возрадуются ѡ нихъ нищїи дѣхомъ, и ѿчѣлнїи человекы исполнатся веселїа, и оуразумѣютъ прельщѣемїи дѣхомъ разумъ во словесѣхъ твоихъ, и рѡпщѣщїи на теѣ начѣтса послѣшати словесъ дѣха, и ѡзыки коснѣщїи, глаголати мїръ, начѣтса.

ѿф. Блаженъ, ѿже ѿмать въ сїѡнѣ въ цѣркви вѣжїей сѣма оучительства словесъ твоихъ (Исаїи лѣ, ж), глаголетъ исаїа, и сыны своѣ съ собѡю и дѣхомъ въ вышнемъ первородныхъ іерусалимѣ. Будетъ бо человекъ ѡнъ сокрывѣа во времѣа (Исаїи лѣ, в), глаголетъ, словеса своѣ, и скрѣетса, ѡки ѿ воды носимыа: и на послѣдокъ ѡвѣтса въ сїѡнѣ, въ цѣркви вѣрныхъ, ѿкъ рѣка текѣщаа славна въ землї жаждѣщей струями премѣдрости своеѣ. И къ семѣ не будѣтъ ѿ завѣдѣщихъ, низлагѣемїи оуповающе на нѣ, но оуши своѣ вѣдадѣтъ на слышанїе словесъ человека ѡнаго, и сѣрдце дѣшею ѿнемѡгшихъ вѣнметъ послѣшати. И къ семѣ не рекѣтъ слѣгїи завѣс-

рит (υλαγορεύει, диктует) Дух, потомучто они останутся на долгое время, и даже навечно. По сказавшему так: Те, что мучительно завидуют, — *народ непокорный* (απειθής), внебрачные (νόθα) *дети лжи*, которые не имеют веры и не хотят слышать, что Евангелие действует и сегодня (σήμερα), создавая друзей Божиих и Пророков (Ис. 30, 9). Но они *говорят пророкам* и учителям Церкви: *«не возвещайте (αναγγέλλετε) нам премудрость Божию и тех, кто видит видения естественного (φυσικής) созерцания, говоря: не говорите того, что вы говорите нам и возвещаете другим, но говорите и возвещайте нам иное обольщение, которое мїр любит, и отнимите от нас суд Израилев (Ис. 30, 10. 11).* Так что не внимай их зависти и словам, потому что оглашаемое тебе свѣше сказано на благо многих: совсем глухие, и те, кто находится во тьме этой жизни, и те, чьи очи ослепли во мгле грѣха — узрят свет твоих слов (ср. Ис. 35, 5), и *возрадуются о них нищїи духом, и отчаявшїеся люди исполнятся веселїа (Ис. 29, 18. 19), и блуждающе духом познают премудрость в словах твоих, и ропщѣщїи на тебя научатся повиноваться словам Духа, и языки заикающїеся (τραυλίζουσι) научатся говорить „мир” (Ис. 29, 24).*

59. *Блажен тот, кто имеет в Сионе, то есть в Церкви Божией, семя (τέκνα) обучения слов своих, говорит Исая, и собственных (δικούς) духовных (πνευματικούς) сыновей (υιούς) в вышнем (άνω) Иерусалиме из первородных (Ис. 31, 9). Ибо человек, говорит он, скрывающий до времени слова свои, скроется, как от несущейся воды; и, наконец, явится в Сионе, в Церкви верующих, как река текущая, славная в земле жаждѣщей (Ис. 32, 2) струями премудрости своей. А те, привлекаемые (παρασύρονται) завистниками, перестают быть убежденными в них, но будут внимательно слушать слова того человека (Ис. 32, 3), и сѣрдце ослабевших (ασθενούσι) душою со вниманием*

ти, молчи, понѣже благочестивъ сый, смысленнѣ совѣща, а не ѿкоже юродивїи міра мудрецы, юродиваа глагола, ниже сердце егѡ оуразумѣ сѣетнаа, еже совершати беззаконнаа, и глаголати на бѣа прелесть, ѿкѡ да расточитъ дѡшы алчныа, и дѡшы жаждѡщыа тщи сотворитъ. Сегѡ ради словеса егѡ превѡдѡтъ на пользу многихъ, аще и неѡбѡдно естъ завидѡщымъ.

ѿ. Въ высѡцѣ пещерѣ камене крѣпкагѡ (Исаїи лг, ѿ и далѣе) вселѡющемѡса хлѣбъ въ насыщенїе дастса разѡма, и чаша премѡдрости въ пїанство, и такѡ бѡдетъ вѣрна вода егѡ. Црѡ со славою оузритъ, и очи егѡ зѣмлю издалѣча оузратъ, дѡша егѡ почитса премѡдрости, и возвѣститъ всѣмъ мѣсто вѣчное, егѡже предѣлѡвъ внѣ ничтѡже естъ.

ѿа. Аще оубѡ наказанїе гдѣне ѡверзаетъ оуши (Исаїи ѱ, ѿ) всѡкагѡ боѡцагѡса егѡ, и прилагаетъ оухо емѡ, еже слышати, и ѡзыкъ даѣтъ наученїа, еже разѡмѣти, егда подѡваетъ рещи слово: ктѡ естъ инъ ѡвращаѡй разѡмныхъ и мудрыхъ міра сегѡ вспѡтъ, и премѡдрость ихъ ѡбѡвѡаѡй, поставлѡаѡй же тѡчїю глаголы рабѡвъ своихъ, развѣ тѡчїю самъ творѡй нѡваа и преслѡвнаа во слѡвѡ свою; творѡй въ пѡстѡмъ и сѡхѡмъ сердце пѡтъ смиренїа и крѡтости, и въ невлѡжномъ и безвѡдномъ оумѣ рѣки премѡдрости неизреченнымъ: во еже напоити рѡдъ егѡ избранный, люди ѡже снабдѣ, добродѣтели егѡ повѣдати (Исаїи мг, ѿ и слѣд.). Предѡлюбѡцими бо и боѡцимиса егѡ хѡдитъ, и гѡры страстѣй оуравнѡетъ, и врата мѣдѡнаа невѣдѣнїа сокрѡшаетъ, и ѡверзаетъ разѡма своегѡ двѣри, и ѡкрывѡетъ тѣмъ сокрѡвища егѡ тѣмна, сокровѣнна же и невидима: да оубѡдаѣтъ, ѿкѡ тѡй естъ гдѣ бѣъ прозѡваѡй ѿма

послушает (Ис. 32, 4). И теперь слуги зависти не скажут «молчи», ибо, будучи благочестивым (εὐσεβής), он благо-разумно (συνετᾶ) мыслит (σκέφθηκε), а не как безумные (μωροί) мудрецы міра сего, говоря безумное (Ис. 32, 8. 6). Ни сердце его помышляет о пустом, чтобы совершить беззаконное (ἀνομιᾶ), и говорить о Боге словами заблуждения, дабы рассеять голодные (πεινῶν) души и души жаждущие (διψῶν) оставить неудовлетворенными (Ис. 32, 6). Поэтому слова его останутся (παρμείνου) на пользу многим, и пусть это не нравится завистникам.

60. Тому, кто поселится в высокой пещере, в твердой скале, в насыщение будет дан хлеб разума, и чаша премудрости для питья, и так вода у него не иссякнет (Ис. 33, 16). И увидит Царя (Βασιλιά) во славе, и глаза его увидят землю издалека (Ис. 33, 17). Душа его будет научаться премудрости и возвестит всем место вечное (Ис. 33, 18. 14), вне пределов которого нет ничего.

61. Если же научение Господне открывает уши каждого боящегося Его (Ис. 50, 5), и направляет ухо, чтобы слышать, и дает язык научения (παιδαγωγῆμενη), чтобы знать, когда надобно говорить (Ис. 50, 4); Кто есть другой, возвращающий разумных (φρόνιμους) и мудрых міра сего назад, и советы их делающий глупыми, и утверждает (βεβαιώνει) только слова рабов Своих (Ис. 44, 25–26), разве только Сам делает новое и преславное к славе Его (Θου)? творя в пустынном (ἐρημῶ) и пересохшем сердце путь смирения и кротости, и в сухом и безводном уме — неописуемые реки премудрости, чтобы напоить народ Его избранный, народ, который Он сохранил, чтобы возвестить о Его добродетелях (Ис. 43, 19–21). Он идет впереди любящих и боящихся Его, и горы страстей уравнивает, и сокрушает медные врата неведения, и открывает двери Своего познания, и открывает им сокровища [разума], сокрытые во тьме, тайные и невидимые. Для

йхъ израиль (Йсаїи мѣ, в̄ и ҃).

ѿв. Кто́ есть смѣщала́й море́ страстѣй, и оу́толала́й во́лны егѡ́, избавля́лай любящыа егѡ́ ѿ бѣды грѣха́, и бурю́ помыслѡвъ въ тишинѣ́ творя́й; Гдѣ́ саваѡфъ, словеса́ своа́ положи́вый во оуста́ йхъ, и покрыва́лай тѣхъ подѣ́ стѣнїю́ рѣкѣ́ своею́, е́юже состави́ небо, и зѣмлю́ ѡснова́. Той́ боа́щымса́ егѡ́ дае́тъ а́зыкѣ́ на́чѣнїа́, и оу́хо́ разѡма́, во е́же слы́шати свѣше́ гла́съ егѡ́, и возвѣ́щати въ домѣ́ іа́кѡвли въ це́ркви вѣрныхъ́ повелѣ́нїа́ егѡ́. А́ и́мже нѣ́сть о́чесѣ́, во е́же видѣ́ти лѣчи́ со́лнца пра́вды, и оу́ха, во е́же слы́шати сла́внаа́ бжїа́: тьма́ е́сть оуча́стїе невѣ́дѣнїа́, и наде́жда со словеса́ сче́тна. Ѿ́ си́хъ никто́же глаго́летъ пра́веднаа́, ниже́ е́сть сѣдѣ́ въ ни́хъ йстины́: оупова́ютъ бо на́ сче́тнаа́, и глаго́лютъ тще́тнаа́: чревонѡ́сатъ за́висть, и ражда́ютъ клеветѣ́. Зане́ не ѡвѣ́зана́ сѣть оу́шеса́ йхъ, и не мо́гутъ слы́шати: и сегѡ́ ра́ди бы́сть и́мъ сло́во разѡма́ бжїа́ въ поно́шенїе́, и не восхотѣ́тъ егѡ́ оу́слы́шати (Іерем. 5, 1).

ѿг. Премѡдрость́ ка́а е́сть во чревобла́щихъ за́вистїю́ на бли́жняго; ка́кѡ во рекѣ́тъ завистни́цы, глаго́летъ іеремїа́, іа́кѡ премѡдри́ есмы́ мы, и зако́нъ гдѣ́нь съ на́ми е́сть, егдѡ́ иста́лва́ютъ рвенїемъ́ на прїемшыа́ благода́ть дѣа́ премѡдростїю́ и разѡмомъ́ бжїимъ́, но все́ бы́сть разѡмъ́ ло́женъ книго́чїамъ́ и премѡдрымъ́ міра́, йстиннагѡ́ погрѣ́шившымъ́ разѡма́. Сегѡ́ ра́ди постыдѣ́шася́ мѡдрѣ́цы, испа́дше ѿ́ премѡдростї́ оутѣ́шителевы́, сїю́ въ сынѣ́хъ ловѣ́ць оумно́жаемѣ́ видѡ́ще, и оубоа́шася́ сїлы́ словеса́ йхъ, и іа́ти бы́ша мре́жами разѡмѣ́нїй свои́хъ. Поне́же йстинно́ю премѡдрость́ и разѡмъ́ гдѣ́нь ѡвѣ́рѡша́.

того, чтобы узнали, что Он есть Господь Бог, называющий их (τους) по имени Израиль (Ис. 45, 2–3).

62. Кто есть возмущающий море страстей и прекращающий волны его, и избавляющий любящих Его от опасности (κίνδυνο) греха, и успокаивающий бурю помыслов (λογισμών)? Это Господь Саваоф, влагающий Свои слова в уста их и покрывает их под тенью Своей руки, которую поставил небо и основал землю (Ис. 51, 15–16). Он дает боящимся Его язык научения и слух благоразумия (συνετή), чтобы слышать свыше Его голос и возвещать (απαγγέλλου) заповеди (προστάγματα) в доме Иакова, т. е. в Церкви верующих. А те, которые не имеют [внутренних] глаз, чтобы видеть лучи Солнца правды, и ушей (слуха), чтобы слышать славная (ένδοξα) Божия, их удел – тьма невежества, и надежда их суетна, как и их слова. Никто из них не говорит правды, никто не может судить по истине, надеются на тщетное, говорят пустое, ибо зачинают зависть и рождают клевету (Ис. 59, 4). Потому что необрезаны их уши и не могут они слушать; и потому слово познания (γνώσεως) Бога у них в посмеянии, и не будут хотеть слышать его (Иерем. 6, 10).

63. Какая у них, чревоболющих завистью на ближнего, есть премудрость? (Иер. 8, 9) Как скажут завистники, говорит Иеремия, что «мы мудры, и закон Господень у нас?» (Иер. 8, 9), когда тают (λόνου) от ревности (ζήλεια) к тем, кто принял благодать Духа через познание и премудрость Божию. Но бывает напрасно это ложное знание для ученых (γραμματεΐς) и мудрецов мира [сего], как пропустившим (αστόχησαν) истинное познание. После этого, посрамленные мудрецы, став недостойными премудрости Утешителя, видя ее умножаемую в сынах рыбаков (ψαράδες), и убоявшись силы (δύναμη) их слов, были пойманы в сети своих смыслов (νοημάτων), потому что отвергли истинную премудрость и познание Господа.

Ѣд. Почтò рвеніемъ истаааша завистницы на ѡбогатѣвшихъ благодатію дѣа, на пріемшихъ ѡзыкъ ѡгненъ ѡакъ трость книжника скорописца, источникъ ѡставляше премѣдрости бжїа; аще бо быша пѣтемъ бжїимъ ходили, пожили оубо быша въ мирѣ безстрастіа во вѣчное время: оуразумѣли быша, гдѣ есть мудрость, гдѣ есть крѣпость, гдѣ есть разумъ и познание сщцихъ, гдѣ есть долгожитіе и живѡтъ, гдѣ есть свѣтъ ѡчию, и премѣдрость съ миромъ. Оуразумѣли быша, ктò ѡверѣтаетъ мѣсто еа, и ктò въ сокровища еа вхòдитъ. И какъ заповѣдаетъ бгъ чрезъ пророка тайникамъ слова, глагола: пророкъ, иже имать сновидѣніе ѡкровеніа, да вѣщаетъ сновидѣніа видѣніа своего. И иже имать слово мое къ немѹ, да глаголетъ слово мое во истинѣ. И паки: напиши себѣ вса словеса, иже со глаголахъ къ тебѣ въ книгѹ: и никогдаже завистію на таковыхъ истаавали быша.

Ѣе. Аще премѣнитъ егїоплянинъ кожу свою, и рысь пестроты своа (Іерем. гї, кг), и завистницы возмòгутъ благо рещи, и совѣтовати побѣдившеса слымъ: запинаніемъ бо запинаютъ ближнихъ своихъ, понѣже льстивнѡ хòдятъ, и рѣгаютса дрѣгымъ своимъ, истины не глаголюще: занѣже научиса ѡзыкъ ихъ глаголати сщетна и лѡжна. Разумѣи оубо иже разумъ ради бжїа и слова ѡ нихъ завидимый же и рѣгаемый, и прилѣжнѡ помолиса, ѡкоже іереміа, и рцы: Гдѣи вспомани ма, и посѣти ма, и защити ма ѡ гонящихъ ма завистныхъ мужей, не въ долготерпѣніе твоє положи ма, искѣсннати ма хотѣа на мнозѣ: вѣждь, ѡакъ пріахъ нарѣганіе ѡ ѡвергающихъ разумъ твои: Скончай ихъ во рвеніи ихъ, и будетъ слово мнѣ разумъ твоегò въ радость и въ веселіе сѣрдца моего (Іерем. е, еї и ѕї): ниже бо сѣдохъ въ сонмѣ съ рѣгающимиса разумъ твоемѹ, но боахса ѡ лица рѣки твоеа: и сѣдаа наединѣ, ѡакъ горести ѡ зависти ихъ исполнихса. И оуслышиши, добрѣ вѣмъ:

64. Для чего завистники оставили источник Божией премудрости, от ревности истаяв к тем, кто обогател благодатию Духа и принял язык пламени, как трость книжника скорописца? (Пс. 44, 2). Если бы они ходили путем Божиим, то жили бы в мире бесстрастия вовеки (Вар. 3, 12–13), познали бы, где находится мудрость, где сила, где разум и познание (γνώση) сущих, где находится долгоденствие и жизнь, где находится свет очей и премудрость с миром (Вар. 3, 14). И увидели бы, что заповедует Бог через Пророка своим тайникам (μύστες) слова, говоря: Пророк, видевший сон откровения, пусть и рассказывает видение сна своего; а получивший слово Мое себе, пусть возвещает слово Мое верно (Иер. 23, 28). И еще: напиши себе все слова, которые Я говорил тебе, в книгу (Иер. 36, 2); и потому [если они пойдут путем Божиим, то] никогда не будут таять от зависти к этим людям.

65. Если переменит Эфиоплянин кожу свою и рысь пятна свои, то завистники смогут ли думать (σκεφτοῦν) и говорить доброе, научившись злу? (Иерем. 13, 23). Ибо преткновеніе ставят ближним своим {украдкой ударяют ближних}, будучи лицемерны (υποκριτικοί) и вероломны (δόλοιοι), и ругаются с друзьями своими, и истины не говорят, потому что приучили язык свой говорить суетное и ложное (Иер. 9, 4–5). Потому пойми тех, которые по причине [твоего] и познания Божиего и слова, смеются и завидуют тебе, и помолись как следует, подобно Иеремии говоря: Господи, вспомни меня, и посети меня, и защити меня от гонящих меня завистливых мужей, по долготерпению Твоему не губи меня, желая искусить меня во многом; знай, что за Тебя я потерпел поругание от отвергающих познание (γνώση) Твое (Иер. 15, 5). Положи конец рвенію их, и будет слово познания Твоего мне в радость и в веселие сѣрдца моего (Иер. 15, 16); не сидел я в веселом собрании тех, кто высмеивает (χλευάζουν) позна-

ѡще ѡбратиши заблѹждаша ѡ пѹти ѿгѡ, возставаю тѣ
междѹ друзи моими, предъ лицемъ моимъ стѣнеша: и
ѡще иже изведѣши честное ѡ недостойнаго, ꙗкѡ оуста моѣ
будеши: и избавлю тѣ ѡ руки завистливыхъ губителей,
глаголетъ гдѣ бгѣ иллевъ (Іерем. ѿ, ѿ).

ѿс. Конѣцъ слова, всѣ завистнии мудрецы да слышатъ:
ѡчистишася назвренъ бжѣи трудѣми паче снѣга,
просвѣтишася житіемъ паче млека, паче камене сапфира
видъ премудрости ихъ (Плачь іерем. д, з), и паче
бісера чиста начертаніе словесъ ихъ. Идѹщи же сладостное
мірскаго разума, погибѡша во исхѡдѣхъ дѹха.
Питаемѣи на багрянциѣ премудростію ѿллинскою, въ
гнои неразумѣа ѡдѣшася. И даны быша на мѡ оҹзы, и
связашася ими: связася бо ѡзыкъ ихъ въ гортани ихъ,
и ѡглохнѹша: понеже истиннѹю премудрость и разумъ
бжѣственнаго ѡвергѡша дѹха, трудѣми сѣи прѣати не
восхотѣвшѣ.

ѿз. Бгѣ смиренѡе дрѣво высокое, и возносѡе дрѣво
смирѣнное, и иссушенѡе дрѣво зеленѡе, и прорастѡе дрѣво
сухѡе (Іезек. з, кд): той ѣсть даѡи оуста ѡверста
посредѣ сонма многа рабѡмъ своимъ, и глаголѣ благо-
вѣствѹющимъ силою многою. ꙗкѡ премудрость разумъ
и крѣпость тогѡ ѣсть, и той иже иже иже иже иже иже иже иже
и лѣта, такѡ и дѹшы ищѹщѣи и желѡющѣи ѿгѡ. По-
ставлѣетъ надъ страстѣми царѣи, и преставлѣетъ ѡ жи-
вотѣ въ живѡтѣ, даѡ премудрость премудрымъ дѹхомъ,
и мудрость вѣдѹщимъ разумъ. Той ѡкрывѣетъ глѣ-
боки и сокровѣнны испытѹющимъ глѣбины бжѣи, и вѣ-

ние Твое, но боялся руки Твоей, и когда в уединении сидел,
исполнялся скорби от зависти их (Іер. 15, 17). И услы-
шишь: хорошо знаю их; но если возвратишь заблудивше-
гося с пути его [на путь истинный], — поставлю тебя ме-
жду друзьями Моими, и предъ лицом Моим будешь пред-
стоять; и если изведешь драгоценное из ничтожного, то
как уста Мои будешь, и избавлю тебя от рук завистли-
выхъ губителей, говорит Господь, Бог Израилев (Іер. 15,
19. 21).

66. К концу слова пусть завистливые мудрецы слышат:
Назореи, очистившись Божиими трудами, были чище
снега, и просветились своей жизнью белее молока, вид их
премудрости превосходил сапфир (Плч. Іер. 4, 7), и на-
чертание их слов превосходило чистый жемчуг. И наобо-
рот (Αντίθετα), евшие сладкое мірское знание, — погиба-
ют от голода перед источниками Духа (Πνεύματος), а
воспитанные (ανατρέφονταν) на багряннице (πορφύρα)
мудрости греков, — покрываются навозом (κόπρο) неве-
жества (ἀγνοίας) (Плч. Іер. 4, 5), и они возложили на ме-
ня оковы и связались ими. Потому что их язык застрял в
гортани их, и они потеряли слух после того, как порицали
истинную премудрость, и отвергли познание божествен-
ного Духа, и не захотели принять Его от трудов.

67. Бог, унижающий (ταπεινώνει) высокое дерево, и
возвышающий древо смиренное (ταπεινό), и иссушающий
зеленое дерево, и произрастающий сухое дерево (Іез. 17,
24), Он есть Тот, кто Своим рабам открывает уста среди
собрания многих рабов (Іез. 29, 21), и дает слово благо-
вествующим Его (Του) истину (ἀλήθεια) с великою силою
(Іс. 67, 12), ибо у Него премудрость, ведение и сила (Дан.
2, 20). Он изменяет как времена (χρόνους) и лета
(καιρούς), так и души ищущие и желѡющие его; и постав-
ляет их царствовать над страстѣми, и поднимает от
жизни в жизнь. Он дает премудрость духовно (πνευμα-

дѣти даѣтъ тѣмъ, ꙗже во тьмѣ гаданій: ꙗкѡ свѣтъ премудрости и разума съ нимъ есть, и емуже хощетъ, даѣтъ егò.

ѿн. Всѣкомъ по терпѣнiю дѣлающемъ заповѣди (Рим. 5, 3) по внешнемъ и внутреннемъ человекѣ, и къ единой взирающемъ славу бжiей, честь даѣтся разуму небеснаго, миръ души и нетлѣнiе, ꙗкѡ не слышателю, но творцѣ закона благодати. Егѡже и разумъ свидѣтельствованъ същiю ѿ дѣла не безчестуетъ бгѣ: но прославляетъ со словесы разума, премудростию егѡ прослѣвшихъ въ цѣркви вѣрныхъ: понеже на лица зрѣнiа нѣсть оу негѡ: а иже по рвенiю подвижающемъса, и противляющемъса оубѡ словесемъ водимымъ дхѡмъ, повинующемъса же своемъ разумъ, и прельстительнымъ словесемъ ѡблагаемыхъ ѡбразомъ единѣмъ благочестiа, и водимыхъ славолюбивымъ и сластолюбивымъ дхѡмъ: скорбь и тѣснота даѣтся, зависть и ярость и гнѣвъ. Нынѣ оубѡ въ возмездiе прелести егѡ, наконецъ же въ порицанiе, междѣ собѡю ѡсуждающимъ или ѡвѣщающимъ егѡ помыслѡмъ, въ день, вонъже сдѣлати иматъ бгѣ тайнаа человекѡмъ, и воздастъ комѣждо по дѣлѡмъ егѡ (Рим. 5, 5).

ѿф. Икоже нѣсть iудей иже ꙗвѣ, по рѣкшемъ, ни еже ꙗвѣ во плоти ѡбрѣзанiе: но еже въ тайнѣ iудей, и ѡбрѣзанiе сердца дхѡмъ, а не писменемъ: такѡ ниже совершенъ есть мѣжъ разумомъ и премудростию, иже ꙗвлѣннымъ тѡчiю и глаголемымъ словомъ есть силенъ

тикѡ) премудрым, и понимание имеющим разум (Дан. 2, 21). Он открывает глубокое и сокровенное ищущим глубины Божии, и дает познание (γνώση) гадающим во тьме; потому что с Ним пребывает свет премудрости и познания, и [он] дает его (свет) там, где хочет (Дан. 2, 22).

68. Всякому с терпением делающему заповеди (ср. Рим. 2, 7) по внешнему и внутреннему человеку, стремящемуся только к славе Божией, даѣтся честь (τιμή) небесного познания, мир души и нетление, как не просто слушателю, но исполнителю закона благодати (Рим. 2, 13). Это знание подтверждается трудом и познанием, чтобы не презирать Бога, но прославлять вместе со словами познания от просиявших божественной премудростью в Церкви верующих, *ибо нет лицепрятия у Бога* (Рим. 2, 11). А тот, который от эгоизма (εγωισμός) изо все сил борится и противится словам тех, кто руководствуется Духом (Πνεύμα), — убеждается (πειθεται) собственным разумом и лживыми словами тех, кто имеет только внешнюю форму (σχήμα) благочестия (ευσέβειας, набожности) и действуют от честолюбия (φιλοδοξία) и сластолюбия (φιληδονία), тому даѣтся скорбь (θλίψη) и утеснение (στενοχώρια, беда), зависть, ярость и гнев (см. Рим. 2, 8. 9). Теперь же они (зависть, ярость и гнев) становятся платой за его заблуждения (πλάνης), в то время как в будущем (μέλλον) он будет обвиняем мыслями осуждающими или оправдывающими одна другую (Рим. 2, 15), в день, в который Бог [через Иисуса Христа] будет судить тайные дела человеческие (Рим. 2, 16), и воздаст каждому по делам его (Рим. 2, 6).

69. Как не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно на плоти; но тот Иудей, кто внутренно таков, и то обрезание, которое в сердце по духу, а не по букве (Рим. 2, 28. 29): так и муж совершен в ведении и премудрости не тот, кто мног толь-

(Рим. 6, 11 и 12). Ниже тцаливъ совершённѣ, ѿже въ тѣлеснѣмъ и гвлённѣмъ ёсть ѡбвчёнїи трѣдѡвъ: но ѿже въ тайнѣмъ и оумнѣмъ дѣланїи ёсть тцаливъ, и ѿже ѡ чїста и блага сѣрдца дхѡмъ бгѣ глаголаи, а не писмены ёсть премѣдрѣ въ разумѣ и совершённѣ: ёмѣже и похвала не ѡ человекѣ, но ѡ бгѣ. Икѡ не вѣдомѣ оубѡ, илїи и завїдїмѣ человекѣ, едїномѣ же бгѣ, и двїжимымъ тѣмже дхѡмъ, любїмѣ же и знѣемѣ.

О. Аще ѡ дѣлѣ закона не ѡправдїтсѡ всѡка плѡть предъ бгѡмъ (Рим. 3, 20), по рѣкшемѣ: ктѡ ѡ пѡдвїгѣ и трѣдѡвъ ѡбвчёнїѡ тѡчїю совершённѣ бѣдетъ предъ бгѡмъ; дѣланїемъ во въ навькнѡвѣнїе добродѣтели прїхѡдимъ, и престѡтїи творїмъ дѣйствѣ страстїей: а не оубѡ и совершѣнїи бывѡемъ едїнѣмъ тѣмъ во исполнѣнїи хрѣтѡвѣ. Чтѡ оубѡ ёсть возводѡщее ны въ совершѣнство; Взалѡгственнаѡ кѣ бгѣ вѣра, ѿже ёсть оупѡвѡемыхъ и звѣщѣнїе (Евр. 11, 1), ёюже авель мнѡжайшю жѣртѡвѣ пѡче кѡна прїнесѣ бгѣ, и свїдѣтельствѡваннѣ бытїи прѡведнїкѣ. И авраѡмъ зѡвѡмъ послѡша и зытїи, и прїитїи на зѣмлю ѡбѣтовѡнїѡ. Сїѡ возводїтъ воїстиннѣ тцѡщїхсѡ во оупѡвѡнїѡ велїка высѡкїхъ вжїихъ дарѡвъ, и ѡнѡдѣ въ разумѣ сѡщїихъ, и даѣтъ имъ сокровнїца неїстоцїїма въ сѣрдце дхѡвнѡмъ во ёже и зносїтїи ѡнѡдѣ нѡваѡ и вѣтхѡмъ тайнства вжїѡ и даѣтїи трѣбѡущымъ. Сїѡ оубѡ благополчїивыи възыде и совершїсѡ любѡвїю въ разумѣ вжїїи, и внїде въ покой егѡ почївѣ и самъ ѡ всѣхъ дѣлѣ своїхъ, ѿкоже и ѡ своїхъ бгѣ (Евр. 4, 1).

Оа. Аще прѡтївльшымсѡ клѡлсѡ бгѣ дрѣвле не внїтїи въ покой егѡ, тѣмже ниже возмѡгѡша за невѣрствїе внїтїи: кѡкѡ оубѡ нѣщїи едїнѣмъ ѡбвчѣнїемъ тѣлеснымъ безъ вѣры возмѡгѡтѣ внїтїи въ безстрастїѡ покой,

ко в явномъ краснословїи. И истиннѣ ревнїтель благѡчестїѡ не тотъ, кто старѡтеленъ о явнѣхъ телеснѣхъ подвижнїческихъ трудахъ, но кто тцѡтеленъ в сокровенномъ умномъ деланїи. И совершѣнъ в познѡнїи и премудрѡсти тотъ, чїи слова идутъ не отъ кнїги, [но] отъ чїстого, благогѡ (αγαθή) сѣрдца, с освещѣнїемъ (φωτισμό) Духомъ (Πνεύματος) Божїимъ. Онъ имѣетъ похвалѡ не отъ людѣи, но отъ Бога (Рим. 2, 29), какъ незнаемѣ (αγνοοῦν, отвергнутѣи) или завїдуемѣ людѣи, и только Богъ и те, которѣе двїжутся в томъ же Духѣ, его любѡятъ и знѡютъ.

70. Если делѡми закона не оправдѡется никакая плѡть предъ Богомъ (Рим. 3, 20), то кто однїи подвижнїческими трудами и потѡми совершѣннѣмъ явїтсѡ предъ Богомъ? Ибо деянїемъ (деятельной жїзнью) мы прїхѡдїмъ только в навькнѡвѣнїе добродетели и прѣсекаемъ действо страстей, но этїи однїи не делаемся совершѣннѣми в мерѡ исполнѣнїѡ Христова. Чтѡ же возводїтъ насъ в полное совершѣнство? Искреннѡя вѣра, которѡя естѣ (Евр. 11, 1), которѡю Авель прїнесъ Богу жѣртѡвѣ лучшю, нежели Каїнъ и получилъ свїдѣтельствѡ, чтѡ онъ прѡведенъ (Евр. 11, 4), и Авраѡмъ прїзвѡнїемъ повїновѡлся выйтїи и прѣселїтсѡ в зѣмлю обѡтовѡнїѡ (Евр. 11, 8. 9). Она возводїтъ истиннѣхъ ревнїтелей къ крепкомѡ упѡванїю прїятїѡ велїкїхъ дарѡвъ Божїихъ, и даѣтъ имъ в сѣрдце неїстоцїимѣ сокровнїца духовнѣе, чтѡбъ и зносїтїи оттоле ветхїе и новѣе тайнѣ Божїи и даѣтѣи требѡущїи. Сподѡбївшїйсѡ бытїи причѡстнїкомъ еѣ възхѡдїтъ в любѡвь къ Богу и еѡ делѡется совершѣннѣмъ в ведѣнїи Бога, и вхѡдїтъ в покой Егѡ, почївѣ и самъ отъ всѣхъ делъ своїхъ, какъ и Богъ отъ Своїхъ (Евр. 4, 10).

71. Древле Богъ прѡтївївшїмсѡ в неверїи клѡлсѡ, чтѡ не внїдутъ в покой Егѡ; почѡму онїи и не мѡгли внїтїи за неверствїе (см. 1 Петр. 3, 20; Евр. 3, 11; Евр. 4, 6). Какъ же нынѣ некѡторѣе безъ верѣи однїи телеснѣмъ деланїемъ чаѡт

и разумъ совершенство, внегда многихъ видимъ не возмóгшихъ такъ внити, и внѣтръ почти ѿ всѣхъ трудѡвъ своихъ; Смотри́ти оубо кому́ждо подобаетъ, да не когда́ есть въ немъ сердце лукаво исполнено невѣрїа, и сегѡ ради лишáется, во мно́зѣхъ трудѣхъ сый, покомъ и совершенства егѡ: егѡже ради и приснѡ дѣлы трудя́дётся дѣлательнымъ [добродѣтели] и хлѣбъ болѣзни ѣсть, аще и ѡставлено́ есть и еще́ събвѡтство емѹ, потщáтиса внити върою въ безстрастіа покой, и въ совершенство разума: да не въ ветхѡю притчѹ противленїа впадѣтъ, и тамъже со дрѣвле противльшимиса постра́ждетъ.

Ѡв. Чувственнѣ сщце, словесни же и мыслени, десяти́нѣ нѣкъю и мы ѿ себѣ должи́и есмы приносїти бгѹ. И ѡкоже оубо чувственнѣ, добръ чѹствовать чувственныа вѣщи, и добрѡтою таковы́хъ востекáти, и возводити сїхъ непогрѣшный разумъ къ содѣтелю. И ѡкоже словесни, благо глаголати ѡ бжѣственныхыхъ и челове́чскихыхъ вѣщехъ. И ѡкоже мыслени: непогрѣшнѡ разумѣти ѡ бжѣ, ѡ жизни вѣчнѣй, ѡ небеснѣмъ царствѣ, и ѡ сокровенныхъ въ немъ таинствахъ дха. Да и еже чѹствовать, и еже глаголати, и еже разумѣти здравѡ и непорочнѡ, по бжѣ истáжетсá, ѡже есть истинна воистиннѣ и бжѣственна мѣра, и священно бгѡви приношенїе.

Ѡг. Десятїна воистиннѣ есть къ бгѹ, душевнаа пасха: сїрѣчь пришествіе всáкагѡ встра́ственна навикновенїа, и всáкагѡ безсловеснагѡ чѹства. Въ нейже жрѣтсá оубо слово, видѣнїемъ сщцихъ: ѣстсá же тѡжде въ хлѣбѣ разума, и пїетсá честнаа егѡ кровь въ чаши неизреченныа премудрости. Сїю оубо ѣдшии и пасховствовавый пасхѹ, пожрѣ себѣ агнца, вземлющаго грѣхъ мїра. И кто́мѣ не оумретъ, но, по гласѹ гдню, живѣ

внити в покой бесстрастїа, когда видим, что многие не возмóгли внити сим образом и почитать от всехъ трудовъ своихъ? Всякому потому смотреть надлежит, не лукаво ли сердце его, исполнено быв неверїем, чтоб не лишиться за то, не смотря на пребывание во многихъ трудахъ, упокоения и совершенства своего, ибо ради того и подьмелются труды деательной жизни, чтоб, так как ему оставлено еще субботство, внити в покой бесстрастїа, а не впасть в древнюю притчу (παράδειγμα) неповиновения (Евр. 4, 11) и не пострадать того, что пострадали противившіеся тогда по неверїю.

72. Будучи чувственны, разумны (словесны) и мысленны (νόησι), десятину некую должны приносить Богу и мы от себя: как чувственные, должны мы добре воспринимать чувствами впечатления от чувственныхъ вещей, и чрезъ красоту ихъ востекать къ созерцанию Создателя ихъ; как словесные, добре говорить должны о божескихъ и человеческихъ вещахъ; как мысленные, непогрешительные разума должны иметь о Боге, о вечной жизни, о Царствии Небесномъ и сокрытыхъ в немъ таинствахъ Духа (Πνεύματος), чтоб, и по строгомъ исследовании, оказаться нам и чувствующими, и говорящими, и мудрствующими здраво и безукоризненно, по Богу: в чемъ и состоит истинная мера совершенства нашего и Священное Богу приношение (т. е. десятина).

73. Истинная десятина наша Богу есть душевная пасха, т. е. преодоление всякаго страстнаго навыка (нрава) и всякаго неразумнаго чувства, на которой Слово приносится в жертву созерцаниемъ сущихъ, а пожирается Оно в хлебе ведения, и пїется честная Его кровь в чаше несказанной мудрости. Сей, вкусившїй пасхи, причащается Агнца непорочна, взявшаго (вземшаго) грехъ мїра, и не

вѣдетъ во вѣкъ.

Ѡд. Воста́вый Ѡ ме́ртвыхъ дѣлъ, со хрѣ́томъ воскресе. ꙗ́ще же со хрѣ́томъ воскресе́ разумомъ, хрѣ́тосъ же ктому́ не оумира́етъ, ниже́ тѣ́мъ сме́рть неразумѣ́нъ ѡвладѣ́ти ꙗ́мать (Рим. 5, ѡ). Е́же во о́умре дре́вле грѣ́хомъ, предви́гнвса Ѡ е́же по е́стество́ движе́нїа, о́умре е́диною: а́ еже ны́нѣ живѣ́тъ, живѣ́тъ бѣ́гови свободо́ю сѣ́агв дѣ́а, воздви́гшагв е́го Ѡ ме́ртвыхъ дѣ́лъ грѣ́ха, ꙗ́коже не ктому́ живѣ́тъ то́й плоти́ и мі́рови, о́умертвѣ́вса о́уде́семъ тѣ́ла своегѡ́, и веще́мъ житї́а сегѡ́: но живѣ́тъ въ не́мъ хрѣ́тосъ, ꙗ́кв подъ́ благода́тїю бѣ́вшемъ дѣ́а сѣ́а, и не сѣ́щемъ подъ́ зако́номъ плоти́: о́рѣ́жїа пра́вды о́уды своѣ́ ꙗ́вѣ ꙗ́кв приносѣ́щемъ бѣ́г и о́цѣ́.

Ѡе. ꙗ́же Ѡ рабо́ты страсте́й свободи́вый о́уды своѣ́, и рабо́тѣ пра́вды предста́вивый ѧ́, ко ѡсваще́нїю дѣ́а сѣ́а прибли́жиса, вы́шше зако́на плоти́ бѣ́вѣ: и ктому́ грѣ́хъ не ꙗ́мать ѡвладѣ́ти ꙗ́мъ, въ свобо́дѣ́ и зако́нѣ́ пребы́вающимъ дѣ́а. Не вѡ́ ꙗ́коже кончи́ны рабо́ты страсте́й, та́кв и кончи́ны рабо́ты пра́вды: зане́ о́ны о́убв въ мы́сленнѣ́ погї́бель ѡбыко́ша ѡкончава́тиса дѣ́ши: сѣ́а же въ жи́знь вѣ́чнѣ́ скончава́ютсѧ сокровѣ́ннѣ́ю во хрѣ́тѣ́ ꙗ́исѣ́ гдѣ́ на́шемъ (Рим. 5, кг).

Ѡз. Зако́нъ плоти́, во е́ако вре́ма живѣ́тъ челове́къ плѡ́тски, ѡвладѣ́етъ на́д нимъ: ꙗ́ще же о́умретъ́ и о́умертвѣ́тсѧ мі́рови, разрѣ́ша́етсѧ Ѡ зако́на е́а. ꙗ́накв же о́умертвѣ́тисѧ мі́рови, нѣ́сть возмо́жно, ꙗ́ще не о́уде́семъ о́умертвѣ́мсѧ тѣ́ла. О́умертвѣ́емсѧ же сѣ́мъ, е́гда прича́стницы сѣ́агв дѣ́а вѣ́демъ. Дѣ́а же сѣ́агв тогда́ бы́ти позна́емсѧ прича́стницы, е́гда плоды́ достѣ́йны дѣ́а прино́симъ бѣ́гови: любовь́ къ бѣ́г Ѡ все́а дѣ́ши, и къ бли́жнему Ѡ завѣ́щанїа, ра́дость се́рдца Ѡ чї́стыа со́вѣсти, ми́ръ дѣ́ши Ѡ безстра́стїа и смире́нїа. Мило́се́рдїе помы́слвѣ́ о́ума, долготерпѣ́нїе въ ско́рбехъ и

умрет ктому, но, по слову Господа, *будет жить вовек* (Ин. 6, 50. 51).

74. Возбудившийся от мертвых дел со Христом воскрес. Если он воскрес со Христом в ведении, *Христос больше уже не умирает* (Рим. 6, 9), то им не будет более обладать смерть неведения. Ибо кто древле умер грехом, сдвинувшись с естественного движения, умер единожды; а кто ныне живет, живет Богу свободою Духа Святого, возбудившего его от мертвых дел греха: так что он не живет уже плоти и міру, умерши для членов тела и для дел житейских, но живет в нем Христос, как сущем под благодатию Духа Святого, и не состоящем под законом греха, поскольку члены свои представляет в орудие правды Богу и Отцу.

75. Освободивший члены свои от рабства страстям и предавший их в рабство правде, приблизился к освящению Духа Святого, став выше закона плоти; и грех не будет уже обладать им, пребывающим в свободе и под законом Духа. Ибо не таков конец рабства страстям, каков конец работы правде: тот обыкновенно кончается мысленной пагубою души, а этот вводит в жизнь вечную во *Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 12–23).

76. Закон плоти обладает человеком, пока он живет плотски; когда же он умрет и умертвится міру, тогда разрешается от закона ее. Иначе же умертвиться міру нельзя, как умертвившись для членов плоти; а для них умерщвляемся, когда делаемся участниками Духа Святого. Духа же Святого участниками признаемся мы, когда приносим Богу достойные плоды Духа: любовь к Богу от всей души, и к ближнему от сердца, сердечную радость от чистой совести, мир душевный от бесстрастия и смирения, благостыню помыслов ума, долготерпение в скорбях и искушениях, благость в благоустроении нрава,

искѹшенїихъ, благасть во оукрашенїи нравствъ, вѣрѹ
 ѳзвѣщенїѹ къ бгѹ, ѳ несѹмнѣнїѹ ѿ чесѹмъ, крѹтость
 ѿ смиренномѹдрїѹ ѳ оумиленїѹ, ѳ ѿбдержително воз-
 держанїе чѹвствъ. Егда такъ плодопринесемъ бгѹви,
 внѣ закона есмь плѹти. И не ктомѹ на ны бѹдетъ за-
 конъ мѹчащъ ны за плоды, ѳхже ещѣ живѹще плѹти,
 принесѹхомъ смѣрти: оупразднїхомъ ѿ закона еѹ,
 ѳакъ ѿ мѣртвѹхъ дѣлъ воскреснѹше со хрѣтомъ свобѹ-
 дою дѹха.

Ѹз. Начатокъ дѹха паки бытїемъ бани ѳмѹщїи ѳ со-
 блюдшїи той неѹгасимъ, тїи тяготѹю плѹти ѿтягчае-
 ми, сами въ себѣ въздыхають, всыновленїѹ ѳсполненїѹ
 оутѣшителева чающе, да ѳзбавленїе своемѹ ѳхъ тѣлѹ ѿ
 рабѹты ѳстабнїѹ оувїдатъ (Рим. ѳ, кг). Спосѹбствѹ-
 етъ во тѣмъ въ естѣственныхъ ѳхъ немощеѹхъ дѹхъ, ѳ
 ходатайствѹетъ ѿ нихъ въздыханїи неизглабланными:
 занѣ по вѣѣ естъ мѹдрованїе ѳхъ, ѳ оупованїе ѳхъ ѿкро-
 венїе чаетъ оувїдѣти въ мѣртвеннѣи своѣи ѳхъ плѹти
 сынѹвъ бжїихъ: еже естъ животворнаѹ ѳисова мѣрт-
 вость. Да сынове бжїи ѳакъ дѹхомъ стѣимъ водими бѹ-
 дѹтъ ѳ тїи, ѳ свободѹтсѹ ѿ рабѹты плѹти, ѳ дос-
 тїгнѹтъ въ свободѹ славы чадъ бжїихъ: ѳмже ѳакъ
 любѹщимъ бгѹ, всѹ спспѣшествѹютъ во благоѣ.

Ѹи. Дѹхѹвнѣ постизаемѹмѹ бжѣственномѹ писанїю, ѳ
 дѹхѹвнымъ ѿкрываемымъ ѳже въ немъ сокровищамъ
 дѹхомъ стѣимъ: не мѹжетъ дѹшевенъ человекъ ѿкровенїе
 сїхъ прїѹти мнѹжаѣ послѣдованїѹ своїхъ пѹмыслъ (ѹ
 Кор. в, гї ѳ дї), не прїемла ѳно что разѹмѣти, ѳли
 оуслышати ѿ ѳногѹ глаголемо. Нижѣ во ѳмать дѹха вжїѹ
 въ себѣ ѳспытѹющагѹ глѹбины вжїѹ, ѳ вѣдѹщагѹ
 вжїѹ: но дѹха мїра, (сегѹ) вещьественнагѹ рвенїѹ ѳ
 зависти полнагѹ, прї же ѳ распри ѳсполненнагѹ: егѹже
 радї ѳ юрѹдство емѹ естъ, еже разѹмъ ѳспытовати, ѳ
 оумъ ѳзслѣдовати писмене. Разѹмѣти же не могїи,

внутреннейшую веру в Бога, ни в чем не колеблющуюся,
 кротость от смиренномудрия и умиления и всяческое
 воздержание чувств. Когда станем мы приносить такие
 плоды Богу, тогда будем вне закона плоти. И закон не бу-
 дет уже для нас наказателем за плоды, какие, живя для
 плоти, принесли мы смерти. Ибо мы свободны стали от
 закона ее, как воскресшие со Христом от мертвых дел
 свободою Духа.

77. Начаток Духа в бане пакибытия приявшие и со-
 хранившие его неугасимым, будучи тяготою плоти бре-
 менимы, въздыхают сами в себе, всыновления чающе от
 исполнения Утешителя, чтоб увидеть избавление сво-
 его тела от работы тлению (см. Рим. 8, 23). Ибо Дух
 вспомоществует им в естественных их немощах и хода-
 тайствует о них *воздыханиями неизреченными* (Рим. 8,
 26); так как по Богу есть мудрование их и упование их ча-
 ет увидеть откровение сынов Божиих в мертвенной плоти
 их, что есть животворная мертвость Иисусова, чтоб и им
 пребыть сынами Божиими, от Духа Святого водимыми, и,
 освободясь от рабства плоти, внити в свободу славы чад
 Божиих, коим, яко *любящим Бога, все содействует ко
 благу* (Рим. 8, 28).

78. Божественное Писание постигается духовно, и со-
 крытые в нем сокровища только духовным открываются
 Духом Святым. Душевный же человек откровения их
 прїять не может (см. 1 Кор. 2, 13. 14), — так как он, кро-
 ме чередования помыслов своих, о другом чем думать,
 или внимать тому, что говорит другой, неспособен. К то-
 му же он не имеет в себе и Духа Божия, *постигающего
 глубины Божии и единого ведающего Божие* (1 Кор. 2, 10.
 11), но имеет дух мїра чувственный, ревности и зависти
 полным, спорливостию и раздором переполненный, по
 причине коего ему юрѹдство есть углубляться в смысл

ѣакѡ дѡхѡвнѣ востазѡются всѧ ѣже вѣественнагѡ писанїа: противѡ вѣественнымъ и челоѡвѣческимъ вешемъ, рѡгаются сразуждающимъ сїѧ дѡхѡвнѣ, и не дѡхѡвны, ниже вѣественнымъ дѡхомъ водимы, но возводителъны таковыхъ нарицаѡм. Елико емѡ мѡчно развращаѡ и низвращаѡ, ѣакоже димасъ онъ словеса ѣхъ и вѣественнаѡ разумѣнїѡ. Дѡхѡвный же не такъ: но востазѡетъ оубѡ всѧ, вѣественнымъ дѣйствуемъ дѡхомъ, а самъ той ни ѡ единагѡ востазѡтисѡ мѡжетъ: понеже оумъ естъ въ немъ хрѡтовъ, егѡже никтоже изъяснити возмѡжетъ.

Ѡд. Огнемъ ѡкрывающесѡ послѣднемѡ дню, и огнемъ тогда искѡшаемѡ когѡждо дѣланїю (ѡ Кор. 7, 7), глаголетъ павелъ ѣвѣ, ѣакѡ егѡже дѣло нетлѣннагѡ сѡщества естъ, еже себѣ ко зданїю внѣтръ ѡложи: превѡдетъ посредѣ огня нетлѣнно, и не точию не сгоритъ, но и просѡѡтитсѡ, и малагѡ негли ѡчищаемо всеконечнѣ тимѣнїѡ. А егѡже дѣло тлѣмагѡ вещества естъ, еже себѣ во время сваза: возжѣгшосѡ сгоритъ, и тца тогѡ посредѣ огня ѡставитъ. Дѣло же нетлѣнно и пребывающо естъ: слѣзы покаанїѡ, милостыня, милосѣрдїе, молитва, смиренїе, вѣра, надежда, любви, и чтолибо ѣно разумомъ благочестїѡ содѣваецсѡ: ѣже и живѡщѡ челоѡвѣкѡ вкѡпѣ зиждѡтсѡ во храмъ вѣїи, и оумирающѡ соѡхѡдатъ, и спребываѡтъ нетлѣнна во вѣки. Огнемъ же онѣмъ истлѣваемое дѣло, ѣвственнѡ всѣмъ естъ: сластолюбїе, славолюбїе, сребролюбїе, ненависть, зависть, татвѡ, пїанство, досажденїе, ѡсѡжденїе, и коелибо слѡ тѣломъ по похоти илї ѣрости дѣйствуецсѡ. Сїѧ и живѡщѡ челоѡвѣкѡ срастлѣваѡтсѡ, возжизающесѡ огнемъ похоти, и ѡторгающесѡ тѣла

Писания и мысли его исследовать. Не имея силы разуметь его, — так как все, содержащееся в Божественном Писании, *надобно судить духовно* (1 Кор. 2, 14), — божеских ли или человеческих дел то касается, — он насмехается над теми, кои *духовно то воображают* (1 Кор. 2, 13), и таковых не духовными и не Духом Божиим водимыми именует, а возводителъными (анагогиками, по произвольному наведению открывающими духовный смысл в Писании), и их слова и духовные разумения извращает и перетолковывает по своему смышлению. *Но духовный* не таков, но *судит о всем* под воздействием Божественного Духа, *а о нем судить никто не может*, так как у него *ум Христов, которого никто изъяснить не может* (1 Кор. 2, 15. 16).

79. Огнем откроется последний день, и огнем будут испытываемы дела каждого (см. 1 Кор. 3, 13), говорит св. Павел, прилагая при сем, что, чьи дела по существу нетленны, каковыя он внутри себя отложил в созидание свое, те пребудут посреди огня нетленными, и не только не сгорят, но еще сделаются блестящими, очистившись совершенно от малых каких-либо пятен. А чьи дела тленны по веществу, каковыя он, как бремя, на себя возложил, те возгоревшись сгорят и оставят его в огне ни с чем. Дела нетленные и пребывающия суть — слезы покаяния, милостыня, сострадание, молитва, смирение, вера, надежда и всякое дело, в видах истинного благочестия содеваемое, — кои, и когда живет человек, созидаются в нем во святой храм Богу, и когда умирает, отходят с ним и сопребывают с ним нетленными вовеки. А дела, в огне истлевающие, как для всех явно, суть — сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, ненависть, зависть, воровство, пьянство, досаждение, осуждение и всякое дело, телом совершаемое, по похоти или гневу. Все такие дела, и когда живет человек, разжигаясь похотью, тлеют вместе с

сouxодатъ, не спрѣываютьъ же: но погубльши дѣлателя своего, посредѣ огня ѡставляютьъ во вѣки вѣковъ безсмѣртнѡ мѹчима.

п̄. Познаніе б̄га, еже познанѹ быти ѡ б̄га, знаменаетъ создавшемся на семъ (познаніи) смиренномудріемъ и молитвою, и разумомъ неложнымъ ѡбогатѣти ѡ б̄га вышеестественныхъ егѡ тайнъ (а Кор. г̄і, в̄і). Яце же напыщеніе видится въ немъ, не создася сими на томъ, но дѹхомъ міра сегѡ вещественнымъ водится: сегѡ ради и вѣдѣти что мнитсѧ таковой, ничтоже вѣдый ѡ бжественныхъ вещей, якоже вѣдѣти подобаетъ. Б̄га же любай, и ничтоже вмѣнѧй предпочитательнѣйше паче любве егѡ, и ближнагѡ онъ оувѣдѣ и глубины бжѣа, и тайны царствіа егѡ, якоже подобаетъ вѣдѣти бжественнымъ движимомъ дѹхомъ, и познанъ бысть ѡ б̄га дѣлатель истиненъ раа церкви егѡ, иже дѣлаетъ любовію волю бжѣію: ѡбращаа сирѣчь дѹшы, и достойныхъ извода ѡ недостойныхъ словомъ даннымъ емѹ дѹхомъ стымъ, и хранитъ дѣло егѡ смиренномудрїемъ и оумиленїемъ некрадомо.

па. Все во хртѣ крестїхомся водою и дѹхомъ стымъ, и все тожде брашно дѹховное їамы, и все тожде пиво дѹховное пїемъ, сїа же сѣть хртѡсъ (а Кор. і, д̄). Но не во мнѡжайшихъ насъ благоволитъ б̄гъ. Мнѡзи во ѡ верныхъ и тцаливыхъ многими труды иночества и ѡвѣченїа тѣлеснагѡ своа оудрѣчиша и оутончиша тѣлеса, но за еже не имѣти тѣмъ оумиленїа ѡ сокрѣшенны и благолюбивы мысли, и милосѣрдїа ѡ любве ко ближнимъ и къ себѣ: тцы исполненїа стѣгѡ дѹха ѡставлени быша, и далече ѡ разума бжѣа быша, ложесна мысли неплѡдна имѹще, и слово безсольно и непросвѣщенно.

ним, и когда отторгается он от тела, отходят вместе с ним, но не сопребывают с ним, а быв истреблены огнем, делателя своего оставляют в огне на нескончаемую веки веков муку.

80. Познание Бога означает, что, наздавшийся в нем чрез смиренномудрие и молитву, познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхъестественных тайн Его. А в ком видится надмение, тот не чрез них (не чрез смирение и молитву) наздался в нем (в познании Бога), но водится духом міра сего чувственного. Почему таковой, хотя и кажется знающим нечто, ничего из божественных вещей не знает, как должно. Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему познал и глубины Божии и тайны Царствия Его, как знать надлежит тому, кто Духом Божиим движется, и познан от Бога истинным делателем рая церкви Его, который любовию и совершит волю Божию, обращая души и достойными делая недостойных словом, данным ему от Духа Святого, и дело свое чрез смиренномудрие и сокрушение соблюдет некрадомым.

81. Все мы крещены водою и Духом Святым, и все то же брашно духовное вкушаем, и все то же питье духовное пьем: каковое брашно и питье Христос есть. *Но не о многих* из нас *благоволит Бог* (1 Кор. 10, 2–5). Ибо многие из верных и ревностных Христиан тела свои многими подвижническими трудами и телесными деланиями измождали и утончили; но, как они при сем не имеют умиления от сокрушенного и благолюбивого сердца, и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святого и удаленными от истинного познания Бога, имея мысленные ложесна свои неплодными и слово бессольное и бессветное.

пв. Не ѣже взыти на синайскѣ дѣланіемъ горѣ, ѣсть искомое назврѣемъ ѿ слова (ѿ Мωυς. 31). Ни ѣже ѡчиститисѧ прѣжде возшествіѧ, и ризы испрати, и не снѣтисѧ съ женою: но и ѣже оузрѣти, не заднаѧ бжїѧ (ѿ Мωυς. 1г, кг), но самаго б҃га во славѣ егѡ, благоволаца ѡ нихъ, и скрижали сѣмъ даюца разума, и посылаюца ихъ на созиданіе людей своихъ.

пг. Не всѧ слуги свои и оученики слово въ сокровенныхъ и большихъ таинъ своихъ ѡкровенію съ собою приводитъ: но нѣкиѧ, и еликимъ приложисѧ оухо, и ѡверзесѧ око видѣніѧ, и азъкъ тѡцъ оумнисѧ. При сихъ ещѣ прѣемъ и ѡлчивъ ѡ прочїихъ. И тѣмъ такожде оученикомъ сщымъ, на фаворскѣю видѣніѧ восхѡдитъ горѣ, и преврѡзѡетсѧ предъ ними. Не ктомѣ тайночѣ ихъ тѣмъ ѡже царствіѧ нѣнагв: но показѡ тѣмъ бжества слава же и свѣтлость. И ѡбразѣ оубв житіѧ и слова ихъ сѣати ѡ себѣ даѣтъ, ѡкоже солнцѣ посредѣ цѣркве вѣрныхъ: разумѣніѧ же ихъ претворѣетъ въ бѣлость и чистотѣ свѣта пресвѣтла. И оумъ свой въ нихъ влагаетъ, и вносити ѡставляѣтъ оусты нѡваѧ же и вѣтхаѧ въ созиданіе цѣркве егѡ.

пд. Мнози нивы свои съ прилѣжаніемъ многимъ воздѣлаша, и сѣмѧ чисто въ нѧ повергѡша, терніѧ предпосѣкше, и волцы огнемъ покааніѧ пожѣгше: но за ѣже не ѡдождити на нѧ бжественномѣ дождю дхѧ стѧ ѡ оумиленіѧ, ничтѡже ѡнѡдѣ пожаша, сщєю во изсѡша, и класъ многоплодный не принесѡша себѣ разума бжїѧ. Тѣмже ѡце и не гладомъ слова бжїѧ, но оубѡзи сщѣ разума бжїѧ, и тцїи рѣками издѡша: малѣми нѣкими въ пропитаніе ѡ пѣра напѣтствовавшѣ себѣ.

пе. Всѧкъ износаѣ словеса пользы оусты къ созиданію ближнагв, ѡ сокровищѣ сердца благихъ ивноситъ ѧ, блѡгъ сѣй по гласѣ гдню. Но никтѡже мѡжетъ въ

82. Чего ищут Назореи от Господа, не есть только взойти на гору Синай деянием, или только пред взятием туда очиститься, убелить ризы свои и не иметь соития с женой, но и то, чтоб узреть не задняя Божия (Исх. 33, 23), а самого Бога, изъявляющего им Свое благоволение, дающего им скрижали ведения, и посылающего их на созидание людей своих.

83. Не всех слуг своих и учеников Господь вводит с Собою в откровение сокровенных и высших тайн своих, но только таких неких, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними; не тайно открывая им потребное о Царствии Небесном, но явно показуя славу и светлость Божества. И от Себя дает сияние (λάμπουν) их образу жизни и слову, как солнцу посреди Церкви верующих; а их смыслы (νοήματα, разумения) превращает в белизну (λευκότητα) и чистоту пресветлого (υπερλαμπρου) света. И ум Свой в них влагает, и вносит их устами *новое и старое* (Мф. 13, 52) к созиданию (οικοδομή) Его Церкви.

84. Многие с полным усердием возделали нивы свои и семя чистое посеяли на них, посекиши наперед терния и волцы сожегши огнем покаяния. Но, как Бог не одождил на них дождя Духа Святого от сокрушения, то они ничего с них не пожали; ибо они высохли от бездождия и не принесли в себе многоплодного колоса Боговедения. Почему такие, если не с гладом слова Божия, но со скудости Боговедения и с пустыми руками вышли из тела, малым нечим от воздаяния запасишь на путевое содержание.

85. Всякий, износящий из уст своих полезные к созиданию ближнего слова, из доброго сокровища сердца своего износит их, по слову Господа (см. Мф. 12, 35). Но

бгословїе двїгнѣтисѧ, и рещи ѡже ѡ вѣѣ, тѣчїю дхѡмъ стѣимъ. И никтоже дхѡмъ вѣимъ глагола, глаголетъ противна вѣрѣ ѡже во хртѣ: но елика созидаютъ, елика къ бгѣ возводатъ и цртвїю егѡ, и во дрѣвнее благородство паки оустраютъ, и совокупаютъ съ бгомъ ѡ спасающихсѧ нѣкїа. Яще же и явлѣнїе дха комѣждо даѣтсѧ на пользѣ: оубо словомъ ѡбогатѣвый премѣдрости вѣимъ, и слово разума благополчїивый, вѣественнымъ дхѡмъ дѣйствуемъ естъ, и домъ естъ нестоцѧваемыхъ сокровищъ вѣимъ.

пс. Непричастенъ быти не ѡставляетсѧ благодати всѧкъ во хртѣ крестивыйсѧ, и вѣровавый: яще нѣгдѣ издѧнна себѣ во всѧко дѣйство сопротивнаго предаде дха, и вѣрѣ дѣлы ѡскверни, или со оунїемъ и нерадѣнїемъ живѣтъ. Занѣ соблюдемъ начатокъ стѧгѡ дха неугасимъ егѡже крещенїа прїятъ, или оугашенъ возжѣшемъ дѣлы правды: не котѡ мѡцно естъ и исполненїа тогѡ свѣше не прїати. Или во добрѣ подвижалсѧ, слова премѣдрости вѣимъ исполненїемъ сподоблетсѧ дха во оучительство цѣркве: или слова разума таннъ вѣимъ, ѡ томъже дсѣ (а Кор. вї, и), во еже вѣдѣти тайны цртвїа нѣнаго: или завѣщательнымъ вѣры тѣмъ же дхѡмъ, во еже вѣровати ѡвѣтованїамъ вѣимъ, по авраамѣ: или дарованїа исцѣленїи, ѡ томъже дсѣ, во еже исцѣлѣти недѣги: или дѣйствїа силъ, во еже вѣсы изгонѧти, и знаменїа творїти: или прорѡчества, во еже прозирѧти и предглаголати вѣдѣщамъ: или разсѣжденїа дхѡвѡмъ, во еже разсѣждѧти, ктѡ дхѡмъ вѣимъ глаголетъ, и ктѡ ни: или сказанїа различныхъ ѡзыковъ, или застѣплѣнїе насїлуемыхъ, или правленїа стадъ вѣимъ и людѣй: или любвѣ ѡже ко всѣмъ, и дарованїи еѧ, долготерпѣнїа, блѧгости, и прочїихъ вкѣпѣ. Яще же ѡ всѣхъ сїхъ нечастенъ ѡвращетсѧ ктѡ, не имамъ какѡ рекѣ такоѡго вѣрна, или ѡ числа

никто не может войти в Богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым; и никто, Духом Божиим говорящий, не говорит того, что противно вере во Христа, но одно то, что назидает, что к Богу возводит и в Царствие Его вводит, древнее благородство восстанавливает и с Богом соединяет. Если теперь явление Духа каждому дается на пользу (см. 1 Кор. 12, 7), то обогатившийся словом премудрости Божией и благую часть слова разума приявший, состоит под действием Божественного Духа и храм есть неистощимых сокровищ Божиих.

86. Не оставляется нечастным благодати Духа никто из уверовавших во Христа и крестившихся, если только он не предал себя совсем в плен всякому действию противного духа и не осквернил веры делами, или с нерадением и унынием живет. Почему тому, кто сохранил неугасимым начаток Духа, приятый им в крещении, или угашенный опять возжег делами правды, тому невозможно не приять и исполнения Его. После того, как добро подвизался, утвердится полнотою Духа, чтобы: или приять *слово премудрости* Божией и учить в Церкви; или *слово познания* таин Божиих *тем же Духом* (1 Кор. 12, 8), чтобы ведать тайны Царства Небесного; или [дар] веры завещательный, чтобы верить всем обещаниям (επαγγελίης) Божиим, по Аврааму; или *дар исцелений* в том же Духе, чтобы исцелять болезни; или дар действия (ενεργείας) сил (δυνάμεων), чтобы изгонять бесов и совершать чудеса; или дар *пророчества*, чтобы предвидеть и предсказывать будущее; или дар *различения духов*, чтобы различать кто говорит Духом Божиим, а кто нет; или дар *истолкования различных языков* (1 Кор. 12, 9–10); или дар заступления за насилуемых (καταποούνται); или дар *управления* стадами [овец] Божиих и народом (см. 1 Кор. 12, 28); или любовь ко всем и дарования ее: *долготерпение, благодать* и все прочие (1 Кор. 13, 4). Но если кто-то

Ѡвлечѣнныхъ во хрѣта бжѣственнымъ крещеніемъ.

пз. Имѣай любовь, не вѣсть рвеніа ради зависти, не превозносѣса ꙗкѡ превознесенъ и продѣрзокъ, не гордѣса на когò, не безчинствуетъ, неподобнаа протѣвѣ ближнемѣ творѣ, не ищетъ своихъ сѣ полѣзныхъ тòчїю (ѧ Кор. Гї, д̄ и е̄), но и ꙗже ближнагѡ, не раздражѣетса скòрѡ на ѡпечалѣющаа, не мыслитъ сла, ꙗще постраждетъ когдà чтò слò, не радѣетса ѡ неправдѣ дрѡгѡвъ, радѣетса же ѡ истинѣ правды ихъ, всѣ любитъ нахòдѣщаа нàнь печѣльнаа, всемѣ ѡ простоты, и незлòбїа вѣрѣ ѣмлетъ, всѣ ѡбѣтованнаа намъ ѡ вѣа оуповѣетъ воспрїѣти, всѣ терпѣтъ ꙗже искушенїи, не воздаѣ сла за слò. И николїже ѡ любвѣ ближнагѡ ѡпадаѣтъ дѣлатель любвѣ.

пн. Ѡ сподòбльшихса ꙗже свѣше благодѣти сѣагѡ дхѣ различными дарованїи, ѡви оубѡ сѣтъ ещѣ младенцы и несовершенни въ бжѣственныхъ дарованїихъ: ѡви же, мѣжи и совершенни во исполненїи сїхъ (ѧ Кор. бї, аї). И ѡви оубѡ къ дѣланїю бжѣственныхъ простирающеса заповѣдей, и возрастѣютъ въ сїхъ, и исполнающеса большихъ дарѡвъ дхѣ, оупразднѣютъ зѣднѣа младенчества дарованїа: ѡви же, вконѣцъ достигше любвѣ бжїа и разума, престаѣютъ ѡ прòчїихъ ꙗже ѡ части дарованїи: ꙗще прорòчествїа сѣтъ, ꙗкоже слово глагòлетъ: ꙗще разсѣжденїа дхòвѡмъ, ꙗще застѣпленїа, ꙗще правленїа, и прѡчѣа. Вшѣдый во въ чертòгъ любвѣ, не ктомѣ ѡ части разумѣетъ вѣа любòвь, но лицѣмъ къ лицѣ бесѣдѣа съ нимъ, познавѣетъ егò, ꙗкоже и тòй ѡ негѡ познанъ бысть.

пф. Иже ѡ ревности дхòвныхъ дарованїи любòвь погнавыи и постигїи, не терпѣтъ единомѣ себѣ глагòла-

найдется всего этого непричастный, то я и не знаю как назвать такового верного, или из числа *облеченных* божественным Крещением *во Христа* (Гал. 3, 27).

87. Имеющий любовь *не* умеет по рвенію *завидовать*, *не превозносится*, как высокоумный и дерзкий, не надмевается ни пред кем, *не бесчинствует*, творя неподобное в отношении к ближнему, *не* для себя только полезное *ищет*, но и чтò полезно ближнему, *не раздражается* на того, кто печаливает его, не вменяет во что-либо, если иногда придется пострадать чтò злое, *не радуется* о *неправде* друзей, *но сорадуется* об истинной правде их, *все* находящее на него печальное *покрывает*, *всему* в простоте и незлобии *верует*, *все* обетованное нам Богом получить *надеется*, всякие искушения претерпевает, не воздавая злом за зло; и никогда от любви к ближнему не отпадает делатель любви (см. 1 Кор. 13, 4–8).

88. Из тех, кто получил божественную благодать Святого Духа через различные дарования, одни еще *младенцы* и несовершенные в божественных дарованиях, а другие *мужи* и исполненные в дарованиях (см. 1 Кор. 13, 11). И первые из них распространяются (ελεκτηίνονται) к деланию божественных заповедей и возрастают в них, и исполняются бòльших дарований Духа, отменяя прежние дарования младенства; вторые же, достигнув вершины (коруфї) любви и познания Бога, теперь оставляют частные (επιτερούς) дарования: *или прорòчества*, как говорит слово, *или различение духов*, *или вспоможения*, *или управления* и прочее (1 Кор. 12, 28). Потому вошедший во дворец (ανάκτορα) любви не *отчасти* ведает Бога, Который есть любовь, *но* говорит с Ним *лицом к лицу*, *познает Его* с полнотою (πληρότητα), как и Тот *познал* его (1 Кор. 13, 12).

89. Кто от ревности духовных дарований искал свою любовь и приобрел, тот не терпит говорить в молитве и

ти моли́твою и́ чтéниемъ къ созидáнiю (а́ Кор. дї, д̄). Глаго́лай бо ѿзы́комъ то́чию вѣѣ мѣтвѣю и́ пѣнiемъ, себѣ зи́ждетъ, ѿкоже глаго́летъ павелъ. Но и́ пророчествовати́ потомѣ тщи́тса къ созидáнiю цѣркве вѣїа: сирѣчь оу́чити б́лижнихъ дѣланiю заповѣдей вѣїихъ, и́ какъ подобáетъ тщи́тса, во ѣже благоугодити вѣѣ. Чимъ бо использовати нѣкiа возмѣглъ предсто́итель, себѣ и́ вѣѣ еди́номѣ глаго́лай моли́твою и́ пѣнiемъ приснѣ а́ще не вѣдетъ глаго́лати и́ сщцымъ подѣ собѣю, и́ли во ѿкро́венiи дѣа сѣа, и́ли въ разумѣ таинъ вѣїихъ, и́ли въ прозрiтельномъ даровáнiи пророчествiа, и́ли въ наученiи слѣва премудрости вѣїа: кто́ во ѿ послѣшниквѣ оу́го́товитса на бра́нь протiвѣ страстѣй и́ вѣсѣвъ, а́ще не благознаменáтельно оу́чительства слѣво дáстъ написаннѣ, и́ли и́ живымъ гла́сомъ. Вои́стиннѣ а́ще не къ созидáнiю ста́да своегѣ и́щетъ пáстырь, да и́збѣтѣчествѣетъ слѣвомъ оу́чительства и́ разумомъ дѣха: не котѣ ревнiтель ѣсть вѣїихъ даровáнiй. ѿ ѣже бо то́чию моли́тса и́ пѣти ѿзы́комъ многѣ: дѣомъ, сирѣчь дѣшею мола́са себѣ созидáетъ, а́ оумъ егѣ безъ плодá ѣсть: не пророчествѣа оу́чительства слѣвомъ, и́ не созидáа цѣрковь вѣїю. а́ще же павелъ и́же пáче всѣхъ чело́вѣкъ наипáче моли́твою совоку́плáса вѣ бѣгови, пáть слѣвѣсъ плодови́тымъ оумомъ своимъ пáче восхотѣ́ реци въ цѣркви, да и́ и́ны пользуетъ, нежели тьмѣ слѣвѣсъ пѣнiа ѿзы́комъ: оубѣ заблѣдiша ѿ любвѣ над iнѣми начáльствѣющiи, и́ пѣнiемъ еди́нѣмъ со чтéнiемъ преда́шiи пáстырское достѣнство.

чтении для духовного (πνευματικῶ) назидания одного себя. Ибо *говорящий* только Богу, с языка во время молитвы и пения, *назидает* только себя (1 Кор. 14, 4), как говорит Павел. Но и пророчествовать старается к назиданию Церкви Божией (1 Кор. 14, 12), то есть учит ближнего своего деланию божественных заповедей, и как должно (πρέπει) спешит (σπεύδου) к благоугождению (чтобы угодить) Богу. Ибо какую пользу могут принести некоторые настоятели (ἡγούμενος), говорящие всегда в молитве и пении только себе и Богу, если не будут говорить вверенной им братии (υποτακτικούς) или откровением Святого Духа, или познанием таин Божиих, или предвидетельным (προορατικῶ) дарованием пророчества, или учением (1 Кор. 14, 6) слова премудрости Божией? Ибо если не дать им легко понять (ευκολονόητο) слова учения в письменной или устной форме, то кто из послушников (υποτακτικούς) будет *подготовлен к брани* (1 Кор. 14, 8) против страстей и бесов? На самом деле, если пастырь, к назиданию своей паствы, не ищет, чтобы иметь обильное (πλούσια) слово учения и познание (γνώση) Духа, то он не *ревнитель* Божиих дарований (1 Кор. 14, 12). Потому что *молиться* только и много *петь языком*, *молиться* своим духом (πνεύμα του), то есть своей душой, [значит] *созидать* (οικοδομεῖ) себя самого; *ум* же его *остаётся без плода* (1 Кор. 14, 13–14), поскольку (αφοῦ) не пророчествует словом обучения и не созидает Церковь Божию. Если Павел, который более всех людей через молитву объединялся с Богом, *хотел лучше пять слов сказать в Церкви плодови́тым* (ἐυκαρπου) *умом* своим, *чтобы и других наста́вить, нежели тьму слов* пения *языком* (1 Кор. 14, 19); так отпали от пути (δρόμο) любви духовно (πνευματικῶ) начальствующии над другими, и одним пением со чтением преда́шii пастырское достоинство.

Ч. Иже еже быти давыи намъ ѿ подлежаща вещества и оумна существа, и во единомъ противная естествомъ сама съ собою преславныи сочетавый и составивый: и благо быти даде словомъ премудрости своеа, и словомъ разума. Да ово оубо, оубеимъ разумомъ дѹха, дарованная намъ сокровенная оу негѡ сокровища црѣтвіа небѡгѡ: ово же и скажемъ ближнимъ премудростію слова, благодати егѡ богатство, и благоа вѣчныа жизни, іаже оуготова въ наслажденіе любящимъ егѡ.

Ча. Иже вышше преценій и ѡбѣтованій тріехъ бывый законѡвъ, въ подлежащюю законѹ жизнь видѣ: законъ бывъ цркви, а не начальствемъ ѿ закона. Иже же свободна естъ подлежащаа законѹ жизнь, оубо всакіа естественныа нѹжды и превращеніа превышше естъ, и вшедый въ ню свободенъ бытъ: іакѡ внѣ плѡти и огнь бывъ причастіемъ дѹха, по всемѹ и самъ съ превышшимъ всакагѡ естества соединиса хрѣтомъ, оупразднѡвшася въ немъ томѹ еже ѿ части.

Чв. Иже первагѡ оума разумъ пріемый, иже естъ всѣхъ начало и конецъ, и безпредѣленъ по себѣ, и иныхъ всѣхъ естъ внѣтръ и внѣ: вѣсть и единый оудинѡтиса, и посредѣ единыхъ оудинѡтиса. Икѡ ни еже единый быти совершенства тцетѹ терпѣти: ни еже со мнозѣми оудиненіа. Но быти томѹже вездѣ и во всѣхъ единый: іакѡ началѹ оубо ко еже оудинѡтиса и нѣмъ сщцѹ движеніа: концѹ же подлежащѹ добродѣтели совершеннѣйшѹ.

Чг. Неслитное соединеніе и совокупленіе дѹши и тѣла согласющее въ себѣ, единомъ дѣломъ совершаецѹ, или вещества или естества. Несогласющо же, желаніе по-

90. Тот, кто дал нам существование от вещества и умной сущности (ουσία), и противоположное по природе (φύση) непостижимо (παράδοξο) соединил в одну ипостась (υπόσταση) и, таким образом, дал [возможность] быть благими словом Своей премудрости и словом познания. И Он сделал это, чтобы, с одной [стороны], духовным (πνευματική) познанием (γνώση) узрели (δοῦμε) скрытые сокровища Царствия Небесного; а с другой, — извещали (γνωστοποιήσομε) ближних словом премудрости и богатством Его благодати (Рим. 2, 4) и блага вечной жизни, которые для наслаждения Бог приготовил любящим Его (1 Кор. 2, 9).

91. Тот, кто поднялся над угрозами и обетованиями трех законов, вошел в жизнь не подлежащую закону; будучи законом Церкви, но не подвластным закону. А если свободная жизнь есть неподзаконная, таким образом, [она] выше любой естественной (φυσική) потребности (ανάγκη) и изменения (παραστράτισμα), и кто достиг этой жизни — свободен, как преодолевший плоть и ставший огнем через приобщение Духу (Πνεύματος), и соединился полностью со Христом, превышающим всякое естество, и прекращающим в нем то, что отчасти (1 Кор. 13, 10).

92. Принявший познание первого Ума, который есть начало и конец всего, и беспредельный сам по себе, и есть внутри всего и вне, — знает и может, как один уединяться, так и среди одиноких (отшельников) хранить уединение. И как в одиноком уединении не терпит вреда совершенству, так и в уединении среди многих. Но бывает тот среди всех и везде одинаков, потому что это для других начало и движение к уединенной жизни, а конец — совершенство добродетели перед ними.

93. Неслитное соединение и объединение души и тела, согласное само с собой, совершает одно дело: или вещества (материи), или естества (природы). Но когда оно не

вѣды воздвижетъ междоусобно, но слово пришедшо и область пріемшо, рѣшитъ оубо дѣте рвеніе: исходатайствовавшо же согласіе, всѣ дѣла естество и дѣхови раздаётъ.

Ѣд. Трѣмъ сщымъ въ насъ господственнѣйшимъ, ово оубо ѿ нихъ начальствуетъ, не начальствуемо же есть, ово же начальствуетъ, и начальствуемо же есть: ово же не начальствуетъ, начальствуемо же есть. Егда оубо начальствующее подъ инымъ бѣдетъ ѿ начальствуемыхъ начальствомъ: работно еже естествомъ свободное сщымъ естествомъ рабомъ зрится, и своегѣ изстѣпаетъ начальства же и естества, и крамолѣ въ снхъ велика есть. Крамолѣ же таковой въ снхъ сщей, не оу всѣмъ покорѣна видимъ словѣ. Внегда же начальствующее надъ иными ѿбладати бѣдетъ, и подъ своимъ начальствомъ и владычествомъ водити бѣдетъ сѣмъ: тогда во едино стѣкшася разстоѣшася и единогласна бѣвшя, миръ имѣтъ въ тѣхъ, ꙗже ко вѣсѣ, и всѣмъ покорившимся словѣ, предаётся царство ѿ негѣ вѣсѣ и оцѣ.

Ѣе. Четыремъ началомъ первѣйшихъ добродѣтелей пѣтеріца чѣвствъ повинѣвшися, и сохраниши тѣ благопокореніе ѿ четырёхъ стѣхъ созданное естество тѣла, несмѣщеннѣ двизатися ѡкрестъ кола житіѣ сотворѣтъ. Такъ же движимъ томъ, силы къ себѣ не рабѣствуютъ: но страдательной части желаніѣ и ꙗрости со словесною совокупшеися, воспріемъ естественнѣю державѣ оумъ, колесницѣ оубо себѣ добродѣтели творитъ, сирѣчь начала, престолъ же работнѣю пѣтеріцѣ. И мѣчительнѣ ѿбладѣющѣю покоривъ плоть, четвероконенъ на небеса восхищаемъ вземлется. И црѣю предстѣвъ вѣкѣвъ, вѣнчается побѣды вѣнцемъ, и въ

согласуется, то желание каждого победить приводит к междоусобице. Однако, пришедшее и принявшее власть слово, сразу же решает их вражду (φίλονεικία), приводя к согласию (ομόνοια), и вверяет все дела естеству (φύση) и духу (πνεῦμα).

94. Из трех основных (βασικά) частей нашей души: одна (разумная) управляет, не будучи управляемой; другая (желательная) управляет, будучи управляема, а третья (яростная) управляется и не управляет. Когда управляющее начало попадет под господство [ранее] управляемого и начинает управляться [им], то свободное по естеству [начало] становится рабом того, которое по естеству раб, и отступает от своего начальства (т. е. теряет свое превосходство) и естества; и великий разлад происходит между ними (силами души). И пока существует такой разлад между ними, — еще не увидим, *чтобы все было покорено* Слову (Евр. 2, 8). Но когда начальствующий будет управлять остальными, и под своим начальством и властью водить будет, тогда их разделенных объединит и приведет к согласию, мир имеют те, которые [идут] к Богу. И всем подчинившимся Слову (Λόγο) *передаст Царство Бога и Отца* (1 Кор. 15, 24).

95. Когда пятерица чувств подчинена четверем главнейшим добродетелям и хранит всегдашнюю им благопокорность, тогда естество тела, из четырех стихий составленное, не мешает колесу жизни двигаться безмятежно. Когда же оно так движется, тогда силы наши не восстают одна против другой, но страстная часть похотения и гнева согласуется с мысленной, и ум, восприяв естественную свою державную власть, из четырех главных добродетелей устраивает себе колесницу, а трон из служебной пятерицы, и, победив тиранствующую плоть, устремляется четвероконно на небеса и, представ Царю веков, венчает

нѣмъ оупокоѣтъ все течѣніе свое.

Ѹз. Совершеннымъ бывающимъ во время видѣніа, и на столпѣхъ оутверждающимся дѣа, чаша растворяется, и хлѣбъ ѿ царскаго предлагается всепиршества: престолъ во упокоеніе, и въ богатство серебрѣ: и сокровище висерей и каменей драгихъ при двѣрехъ ѡверѣтается, и богатство тѣмъ неисчетно въ рѣки даётся. Сѣа прозрительны мѣжи дѣланіе совершивше, скорѣйшимъ сѣщымъ на дѣла предъ царемъ, а не предъ мѣжи лѣнностями предстати сотвораетъ.

Ѹз. Царствіе небесное здѣ ли оужѣ всемъ даётся тцаливымъ, или по разрѣшеніи ѿ тѣла; аще оубо здѣ, то побѣда есть непоборима, радость неизглаголанна, и восходъ нашъ къ раю свободенъ: стоитъ бо сый на вѣжественныхъ несредственнѣ востѡцѣхъ. Аще ли же по смѣрти и разрѣшеніи: взыскати подобаетъ, безъ страха ли исходъ онъ вывѣтъ, и что есть царство нѣное и царство вѣіе, и рай, научимса. И чимъ ѿ единаго различуетъ другѡе, и кое время сіхъ коегѡждо, и во обою ли бываемъ, и какъ, и когда, и по колицѣ времени. Иже во внѣтръ перваго достигй, ещѣ живъ сый и плоть носѣ, другимъ нѣсть погрѣшилъ.

Ѹи. Вышній міръ несовершенъ ещѣ сый, ждѣтъ исполненіа, во еже пріати свое оустроеніе первородными ийлевыми зрѣцими бѣа: ѿ востекающихъ бо въ разумъ вѣій исполняемъ совершается, и совершенъ бывъ, доблный міръ вѣрныхъ и невѣрныхъ, ѡпредѣлаа кончины, единъ въ себѣ творитъ соборъ, ѡпредѣлаа комѡждо свой степенъ, и раздѣлаа едино ѿ другихъ несобираемаа съ собѡю. И іаже оубо ѿ негѡ инѣхъ начала и концы, ведѣтъ къ себѣ, и іакъ предѣлъ сый безпредѣ-

ся венцомъ победы, и в Нем упокоевается от течения своего.

96. Тем, которые сделались совершенными во время созерцания и утвердились на столбахъ Духа, готовится (ετοιμάζεται) чаша и предлагается хлебъ от царскаго пиршества (πανδοσία), дается тронъ для отдыха, и деньги для обогащения, и сокровища из жемчуга и драгоценныхъ камней, приготовленныхъ для нихъ при входе, и это несчетное богатство передается имъ в руки. Этихъ пронциательныхъ (διоратикуός) мужей дело (εργα), своей работой (πράξη), скоро делаетъ готовыми предстать передъ Царемъ, а не передъ ленивыми людьми (ανθρώπους).

97. Здесь ли дается Царство Небесное всемъ подвижающимся или после смерти? Если дается здѣ, то побѣда наша неотразима (ακαταμάχητη), радость невыразима, и наше восхождение в рай свободно. Ибо находится *рай* прямо на божественномъ востоке (Быт. 2, 8). А если дается после смерти [и разрешении отъ тела], то необходимо проверить является ли выходъ изъ жизни безъ страха, и что есть Царство Небесное и Царство Божіе, и Рай (Παράδεισος). И чемъ они отличаются другъ отъ друга, и какое время (καιρός) каждого изъ нихъ, и если мы получаемъ все три, то какъ, когда и черезъ сколько времени. Потому что тотъ, кто достигъ первого, еще живя во плоти, не теряетъ и другіе.

98. Вышній (άνω) міръ еще не исполненъ (ελλιπής) и ждетъ своего завершения (ολοκλήρωσή), чтобы восстановить полноту (πληρότητα) устройства отъ первенцевъ новаго (νέου) Израіля, видящихъ (βλέπου) Бога. Потому что высшій міръ завершается, когда исполняется теми, кто восходитъ (ανατρέχου) въ познание (γνώση) Божіе. И после его завершения, нижній міръ, определяя кончину (τέλη) верующихъ и неверующихъ, образуетъ в себѣ единое собрание, определяетъ каждому свою степень, и разделяя однихъ отъ

ленъ ѡпредѣлаетъ сїа: самъ же ѡ инѡгѡ начала ниже водитса, но ниже ѡпредѣлаетса ѡкѡ носимъ: свойственнѡ бо приснодвижное имать. Ѣкѡ ниже сопрѣтатиса семѸ въ себѣ, ниже паче своихъ предѣлъ простирѣтиса: но быти прѡчиихъ събвѣтствѸ и покою всѣкагѡ начала и движенїа.

Чѡ. Девятица вышнихъ силъ, ѡкѡ пѣснопѣвица и пѣсней начальница сѣци, трѡйчески творитъ ликостѡцїи чїны, и трѡйчески трѡцѣ предстоѣци, со страхомъ слѣжащи привозноситъ пѣснь. Ѣ сїхъ, ѡвы оубо подъ началомъ и всѣхъ виною простирѣютса, ѡ негѡже начальствѣемы сѣть, елицы ближни сѣть и надъ пѣснми начальствѣюще: Престоли, херѸвими, серафими, сїа именемъ, имже свойственно есть, ѡгньственнаа премѣдрость, и разумъ небесныхъ, и конецъ, вѣолѣпнаа пѣснь: гелъ, по еврейскомѸ гласѸ. ѡвы же посреде сїхъ и при послѣдствѣющихъ чїна ѡкрестъ вѣа стоѣтъ: власти, гдѣства и силы, имже свойственно есть великихъ вещей оуправленїа, чдесъ дѣйства, и знаменїи чдодѣйствїа, и конецъ, трисѣаа пѣснь: сѣтъ, сѣтъ, сѣтъ! ѡвы же къ намъ достигающе, превыше оубѡ ѡ насъ, низши же сѣще горнихъ, ѡкрестъ вѣа стоѣтъ: начала, архѣгли, ѡггли, имже свойственно есть слѣжительное въ слѣжбахъ, и конецъ, сѣеннаа пѣснь: аллилѸїа! Сїмъ словесное челѡвѣкѡвъ естество всѣкою добродѣтелїю совершаемо, и всѣкимъ разумомъ и премѣдростїю возвышаемо дѡа и вѣественнагѡ ѡгнѣа, оисволетса вѣественными дарованїи, ѡкѡ свойственное чистотѡю прїемлюцо всѣхъ. Зане ѡвымъ оубо, слѣжбою и слѣженїемъ

других, делает их несближающимися между собою. Высший мїр ведет к себе начало и конец нижнего, и определяет его как неограниченный предел, а сам не управляется (οδηγείται) из другого (ἀλλῆ) начала (αρχή) и не определяется как ограниченный (περιορίζεται); потому что свойственно ему вечно {постоянное} движение, так что он не скрывается в себе, не распространяется далее своих пределов, но является для тех (τους) других (ἀλλους) субботаством (σαββατισμός, отдыхом) и покоем (κατάλαυση, прекращением) всякого начала (αρχής) и движения.

99. Девять высших сил, как песнопевец и начальник песней (гимнов), составленных в собрании триединым образом (трѡло) и троим предстоящих Святой (Αγία) Троице, служа со страхом, приносят (προσφέρουν) песнь. Из них, первые простираются вниз от начала (αρχή) и Причины (Αιτία) всего сущего, от Которого и начальствуются, поскольку ближе к Нему и начальствующему над песнями (гимнами). Их имена: Престолы, Херувимы и Серафимы, которым свойственна огненная премудрость и познание небесных, и, наконец, их главное (κύριο) дело (ἐργο) — боголепная (θεολρητής) песнь «Гел», на еврейском языке. Другие из них, промежуточные между первыми и последними чинами, стоящими вокруг Бога: Власти, Господства и Силы. Им свойственно управление великими вещами (πραγμάτων), действие (διενέργειες, проведение) чудес и явление (επιτελέσεις) чудодѣйствий, а их главным делом является Трисвятая песнь: «Свят, Свят, Свят» (Ис. 6, 3). Последние достигают людей, будучи выше нас, [но] находятся ниже всех высших [сил], стоят вокруг Бога [и называются]: Начала, Архангелы и Ангелы. Им свойственно исполнение богослужения (θειές υπηρεσίες), а их главным делом является священная песнь: «Аллилуйя». Потому, когда разумное естество людей совершенствуется во всякой добродетели и поднимается всяким познанием (γνώση) и премудростью Духа

заповѣдей вѣиухъ: ѿвымъ же милосѣрдїемъ и предстательствомъ единоплеменныхъ, еще же великихъ и бжественныхъ вещей строенїемъ и дѣйстви дха: ѿвымъ же огньственною премудростїю слова и разумомъ бжественныхъ и человеческихъ вещей спрѣбцается: такъ совершаемо и дары воздающе естествомъ десятице вѣи сими совокплается, ѿкъ начатокъ десятины той принѣши ѿ себя.

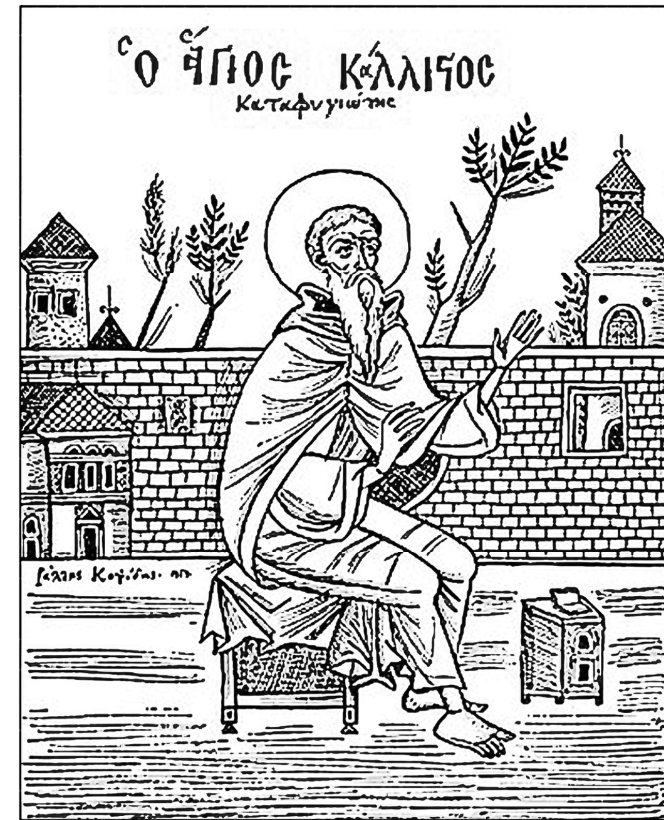
р. Бгъ единица и трѣца ѿ единицы начинаемъ въ себѣ ѿки десятица окрѣжнѣ ѿканчивается. Гей всѣхъ начала и концы внѣтъ имать: есть же всѣхъ внѣ, ѿкъ превыше сый всѣхъ. Гегѡ внѣтъ бѣвый, внѣтъ слова и разумъ сщнихъ прѣтъ: и внѣ всѣхъ стоа, внѣтъ всѣхъ водворается, начала вѣдый и концы снхъ, ѿкъ со ѡцѣмъ, словомъ совокплѣнїе оумнѡ прѣемый, и совершенъ бѣвъ дхомъ, самѣи всесовершенѣи и нераздѣльнѣи трѣце и единосщнѣи, во ѡцѣ и снѣ и стѣмъ дѣѣ поклоняемѣи, и во единомъ славимѣи естествомъ и царствѣмъ и силѣ бжества да бѣдетъ держава во вѣки, аминь.

(Πνεύματος) и божественного огня, то через приобщение божественных дарований становится знакомым с этими Силами (Δυνάμεις), и привлекает к себе свойства (ιδίωμα) каждой по причине чистоты. Потому, таким образом, [приобщаются] последним служением (διακονία) и исполнением (εργασία) заповедей Божиих; вторым [приобщаются] состраданием и защитой ближних (συνανθρώπων), а также устройением (οικονομία) великих и божественных вещей и действиями (ενέργειες) Духа; приобщение к первым [Силам] через огненную премудрость слова (λόγου) и познание божественных и человеческих вещей. Так совершается человеческое (ανθρώπινη) естество (φύση) и последовательно (διαδοχικά) принимает (δέχεται) дары (δωρεές), [и] ими приобщается десятине-Богу*, как принесшее начало десятины от себя.

100. Бог есть Единица и Троица, [Он] начинается от единицы, как десять кругом заканчиваясь в Себе. Бог внутри себя имеет начала и концы всего сущего (πάντων). Но [при этом] вне всего, как превышающий все (вершина всего). Тот, кто оказался в Нем, вместил (χώρησε) внутри [себя] логосы и ведение (познание) сущих (όντων); и стоя [при этом] вне всего, остается внутри всего, ведая их начала и концы, потому что через Слово (Λόγου) духовно соединился с Отцом, став совершенным духом (πνεύμα), в самой всесовершенной, нераздельной и единосущной Троице, поклоняемой во Отце и Сыне и Святом Духе, и прославляемой в едином естестве (φύση) и Царстве, и Силе Божества, которой принадлежит власть во веки. Аминь.

* Число десять считалось символом Бога с древних времен. У пифагорейцев его называли «Тетрактисом» (Четверицей), потому что он равен сумме первых четырех чисел, и Его считали пределом (μέγιστο) и совершенством (τέλειο), корнем и источником всего творения. Этот символизм используют и христианские писатели (Климент Александрийский, Ориген и др.).

Καλλιστ Καταφιγιот

Ω ἴαже сѣтъ кáллїста катафύγγїѡта.

(Περὶ τῆς ἐνώσεως μετὰ Θεοῦ καὶ τοῦ θεωρητικοῦ βίου)

Всáко живóтно, Ω рождѣннагѡ, лѣчшимъ ѣстѣствен-
нымъ своімъ дѣйствомъ, и покомъ причащáется, и
слáдости равнымъ, и Ω сѣмъ рáдѣется, и пристрáст-
вѣтъ сїхъ рáди. Тѣмже и челоѡѣкъ, áки оумъ имѣи, и
то ѣже помышлáти, ѣстѣственнѣ живóтъ: пáче оуслáж-
дáется, и покомъ въ причáстїи вывáетъ и́стиннѣмъ,
внегдá лѣчшáа помышлáетъ, и ἴаже илї блáгáа хóщетъ
ктò глаголати, илї дѡбрая Ω сѣбѣ. Ёже вывáетъ вои́с-
тиннѣ, бѣа имѣа во оумѣ, и добродѣтели ёгѡ помыш-
лáа крáю сѣщѣ и пáче оумá мысленномъ, и крáйнѣ
любáщю и пáче оумá челоѡѣка: крáйнїа и пóчести и
пáче оумá блáгáа и дѡбрая своімъ сї оуготовлáетъ, и
сїа вѣчнѣ наипáче.

Ѣ. ἴще всáко рождѣнїе прїѡподоблáтиса творїтъ
раждáющемъ рождѣнное, ἴакоже речѣ гдѣ: ἴакѡ рождѣнное
Ω плóти плóтъ ѣсть: и рождѣнное Ω дѣа, дѣхъ ѣсть (Ἰωάν.
ῑ, 5). ἴще оубѡ дѣхъ ѣсть рождѣнный Ω дѣа: ἴавѣ, ἴакѡ и
бѣтъ бѣдетъ по рóждшемъ дѣхѣ. Понѣже и бѣтъ и́стиненъ
ѣсть дѣхъ, Ω негѡже по блáгодáти родїса причáстникъ
дѣа. ἴще таковїи бѣтъ ѣсть и зрїтеленъ превлѣннѡ

Главы Каллиста Катафигиота, о божественном единении и созерцательной жизни

1. Всякое живое существо из всего того, что рождает-
ся, в силу лучшей своей прирожденной деятельности
(ἐνέργειá) в одинаковой степени пользуется и покоем, и
удовольствием, в этом находит наслаждение и потому
стремится к нему. Таким образом и человек, имея ум и,
естественно, размышление о жизни, ощущает наибольшее
наслаждение и действительный покой тогда, когда он по-
мышляет относительно себя о лучшем [состоянии], хочет
ли кто-нибудь назвать его благом, или добротою (καλόν).
Это состояние бывает действительно у того, кто, имея Бо-
га в уме, помышляет о свойствах Его как Существа дей-
ствительно Верховного, мыслимого превыше ума, любя-
щего человека бесконечно и свыше разума и уготовляю-
щего высокие дары и непостижимые блага и красоты
своим созданиям, и притом, главным образом, в вечности.

2. Если всякое рождение уподобляет рожденное ро-
дящему, как сказал Господь, что «рожденное от плоти
плоть есть; и рожденное от Духа дух есть» (Ин. 3, 6); и
если родившийся от Духа есть дух, то очевидно, что та-
ковой будет и бог по родившему Духу, так как Дух и есть
истинный Бог, от Которого по благодати родился прича-
стник Духа. Если же таковой [будет] бог[ом], то явно он

мо́глъ бы бы́ти, влѣпотѣ. Ибо ѿ еже зрѣти вѣтъ рече́са вѣтъ. Тѣмже оубо не зра́й, и́ли дѣхóвнагѣ рожде́нїа и́ прича́стїа не оу́ получи: и́ли получи́въ ѣ, смѣжаваетъ ѿ невѣжества зрительнѣю свою́ силѣ, и́ мысленныхъ о́крестъ мысленнагѣ правды со́лнца вѣ́ственныхъ лучей ѿвращаетса ненака́заннѣ, и́ зрительныхъ силы прича́стникъ бѣвъ, дѣ́йствїа се́а лиша́етса о́ка́ннѣ, а́ще и́ къ стѣ́ни горѣ простира́етса.

Г. Всѣ́ сѣща́а ѿ сотворшагѣ а́ по сло́вѣ свое́ си прїа́ша движе́нїе, и́ е́стественное. сво́йство: тѣмже послѣ́дованнѣ и́ оу́мѣ. Но движе́нїе оу́ма и́мать прїсно́е. Прїсно́е же, безконечно́ е́сть и́ безпредѣ́льно. Протї́вѣ своемѣ оубо досто́нствѣ и́ е́ствѣ́ воистиннѣ́ емѣ вѣдетъ, дви́жимѣ конечнѣ и́ли предѣ́льнѣ. Сїе́ же постра́ждетъ, а́ще въ конечныхъ дви́зѣлса бы́ и́ предѣ́льныхъ. Не вò возможно́ е́сть бы́ти оубо́ вѣщи се́й конечнѣ́ и́ли предѣ́льнѣ́, движе́нїю же оу́ма́ еже́ къ не́й, и́ли о́крестъ е́а происходи́ти въ безконечно́е. Тре́буетъ же оубо́ прїсно́дви́жное оу́ма́ воистиннѣ́ безконечно́а и́ безпредѣ́льна чесогò, къ немѣ́же по сло́вѣ и́ свое́ е́гò е́ствѣ́ вѣло бы́ дви́зѣющоса. Но оубо́ безконечно́ и́ воистиннѣ́ безпредѣ́льно ничто́же е́сть кро́мѣ вѣ́а, е́ствѣ́омѣ́ и́ воистиннѣ́ сѣща́гѣ е́ди́на. Къ воистиннѣ́ оубо́ безконечнѣ́ е́ди́номѣ́, сїрѣ́чь къ вѣ́ горѣ́ прости́рѣтса, и́ взира́ти и́ дви́зѣтиса оу́мѣ́ подова́етъ: сїе́ во воистиннѣ́ е́сть емѣ́ е́ствѣ́.

Д. Безконечно́а сѣ́тъ и́ безпредѣ́льна и́ іа́же ѿ вѣ́ зрїма́а, но о́баче́ ниже́ въ сїхъ́ соверше́ннѣ́ ра́доватиса мо́жетъ оу́мѣ́, и́ща́ тогò, ѿ негò́же бы́сть. Ибо́, поне́же ѿ подòбнѣ́мъ себѣ́ ко́еждо́ е́ствѣ́ннѣ́ ра́дѣ́тса, е́динъ́ сї́й оу́мѣ́ е́ствѣ́омѣ́, а́ще и́ мнòга сѣ́тъ помыш-

стал бы по справедливости и созерцателем (θεωρητικός), ибо от созерцания (θεωρεί) Бог и наименован Богом (Θεός). Так что не созерцающий, следовательно, или еще не достиг духовного рождения и причастия, или же, достигнув его, смежает, по неведению, зрительную силу свою, невежественным образом отвращается от божественных мысленных лучей, сияющих вокруг умного *Солнца правды* и, ставши участником божественной силы (θεωτικῆς), к несчастю, лишается ее действия, хотя бы и устремлялся горé к святости.

3. Все существующее получило от Создателя своего по слову [Его] свое собственное движение и естественное свойство, откуда последовательным образом произошел и ум. Но движение ума включает в себе [нечто] постоянное. Постоянное же бесконечно и беспредельно. Следовательно, движение конечное или ограниченное противно будет собственному назначению ума и сущности его природы, а это будет с ним в том случае, если движение свое он направит на [предметы] конечные и ограниченные. Ибо невозможно, чтобы предмет был конечен и ограничен, а движение ума к нему, или вокруг него, простиралось в бесконечное. Следовательно, прїсно́дви́жность ума требует действительно чего-то бесконечного и неограниченного, к чему бы она направлялась разумно и подобно своей природе. Но, действительно, нет ничего бесконечного и истинно-беспредельного, кроме Бога, по природе и сущности единого. Следовательно, к единому истинно-бесконечному, то есть к Богу, и должен ум устремляться, взирать и двигаться: ибо это действительно прирождено ему.

4. Бесконечно и безгранично созерцаемое о (περί) Боге, но и этим, однако, не может вполне наслаждаться ум, ища Виновника своего бытия. Ибо так как каждое [существо] естественно находит удовлетворение в подобном себе, то ум, будучи един по природе, хотя и представляет

лѣнїа, горѣ простира́лса, и́ аки дви́зала́ къ бг҃у, е́ди-
ному́ е́стество́мъ, и́ мно́га дѣ́йствїемъ, невозмо́жно
е́сть ра́доватиса́ всесоверше́ннѣ, прѣ́жде да́же въ е́с-
тѣ́ственнѣ́ безпредѣ́льномъ е́динымъ дх҃омъ не бѣ́детъ,
ѡ́ мно́гихъ а́ки прешѣ́дъ, въ е́динѣ́мъ оубо́ оумъ дви-
за́лса́ вѣ́ѣ, е́стѣ́ственнѣ́ ра́доватиса́ мо́жетъ всесовер-
ше́ннѣ, но о́баче ѡ́ сщ҃цихъ ко́еждо, наипа́че ѡ́ сво́йствѣ́
ра́дуетса́ е́стѣ́ственнѣ́мъ. Е́стѣ́ственно оубо́ сво́йство
е́сть оумъ, и́ наипа́че, е́же въ само́мъ вѣ́ѣ, прѡ́стѣ́ и без-
предѣ́льнѣ́ е́динѣ́мъ, и́ дви́затиса́ и́ горѣ́ простира́тиса́
и́ быва́ти и́ ра́доватиса́ всесоверше́ннѣ.

Ѹ. Вса́ко какова́либо́ зда́нна дви́женїе, е́ще́ же и́
са́маго́ оума́ къ ста́тїю́ и́ почи́тю́ вои́стиннѣ́ тщи́тса́ и́
взира́етъ, и́ е́же ста́ти и́ почи́ти ѡ́ негѡ́, и́ конѣ́ць е́сть,
и́ по ра́вности поко́й зда́нномъ. Но о́баче оумъ́ е́динъ сый́
ѡ́ зда́нныхъ, въ зда́нныхъ дви́зала́, стоа́нїа́ и́ по-
чи́тїа́ причастї́тиса́ не мо́жетъ. (Зда́ннѣ́й бо ве́щи
прили́чнѣ́ прїе́мшей конѣ́ць имѣ́ти, а́ки начѣ́ншейса́,
приснодви́жное оума́ пра́веднѣ́ ѡ́ста́лоса́ бы, и́ послѣ́до-
ваннѣ́ взыска́ло бы, гдѣ́ дви́затиса́ имать: и́ ника́коже
ѡ́нїодъ́ имѣ́ти бѣ́детъ, е́же преста́вати, и́ли сво́й конѣ́ць
полчи́ти, и́ли приснодви́жное не бѣ́детъ имѣ́ти съ
собо́ю по подлежа́щимъ, а́ще сошѣ́атъ бѣ́детъ ѡ́предѣ́-
лѣ́нными и́ конѣ́ць имѣ́щими, е́же далѣ́че е́сть е́стѣ́ст-
веннаго́ сво́йства оума́, прѣ́влѣ́ннѣ́ приснодви́жна сщ҃-
ца.) Нѣ́сть оубо́ вла́потѣ́ ѡ́врѣ́стїи́ е́же преста́вати, и́ли
ста́ти оумъ́, въ зда́нныхъ сїрѣ́чь ѡ́врѣ́тающѣ́са. Гдѣ́
оубо́ возмо́глъ бы оумъ́ оупотребї́ти своѣ́ си сво́йство,
е́же дви́женїемъ́ стоа́ти, сїрѣ́чь и́ та́кв безмо́лвство-
вати, и́ миръ́ имѣ́ти, и́ поко́а прїа́ти чѣ́ство оутвер-
дѣ́ннѣ́, а́ще бы въ незда́нное и́ нешпи́санное не дости́глъ:
сїе́ же е́сть бг҃ъ, вои́стиннѣ́ и́ премї́рнѣ́ е́дино сый́. Въ сїе́
оубо́ е́дино́е и́ нешпи́санное дости́гнѣ́ти дви́женїемъ́ оумъ́

из себя многое по мыслям, устремляясь и как бы двигаясь
к Богу, единому по существу, но многому по деятельно-
сти, не может найти полное удовлетворение прежде, не-
жели он станет пребывать духом в одном естественно-
беспредельном, как бы перешедши от многого. Следова-
тельно, ум может находить полное удовлетворение есте-
ственно в одном только Боге. Но, конечно, из существ
каждое наиболее удовлетворяется прирожденным свойст-
вом. Следовательно, для ума является даже наиболее есте-
ственным свойством двигаться, простираться, пребы-
вать и всецело находить радость в одном только Боге,
просто и беспредельно едином.

5. Всякое движение какой бы то ни было твари и, ко-
нечно, и самого ума имеет в виду и действительно уси-
ленно стремится к неподвижному и спокойному состоя-
нию; переход в стояние (σταθεῖ) и покой (ἡρεμία) в себе
есть конечная цель и равным образом успокоение для
твари. Но, конечно, ум, как одно из созданий, будучи в
движении, не может достигнуть неподвижного и спокой-
ного стояния среди тварей. Ибо так как все созданное, как
начавшееся, получает соответственным образом конец, то
приснодвижность, присущая уму, должна была бы пре-
кратиться, и, следовательно, ум [в таком случае] должен
был бы искать, где {от чего} ему прийти в движение, и
вовсе не был бы в состоянии спокойствия или возможно-
сти достигнуть свойственной ему конечной цели; или же
ум не будет обладать приснодвижностью сообразно со
своим назначением, если будет объят [вещами] ограни-
ченными и конечными. А это далеко от природы ума,
очевидно всегда подвижной. Итак, невероятно, чтобы ум
обрел спокойствие или остановился тогда именно, когда
он бывает среди тварей. Так где же ум может воспользо-
ваться своим собственным свойством, именно: останавли-
ваться среди движения и таким образом пребывать в
спокойствии и мире и непоколебимо воспринять чувство

подобаетъ, да естественнѹ свою тишинѹ ѡбрътѣтъ, въ покой станетъ оумнѣ влѣпотѣ. Тамъ бо есть стоаніе дхѡмъ и страннобразенъ покой, и всѣхъ конецъ безконечный, и движеніе во еди́но достигшѹ оно не ѡскѣдѣваетъ никакоже, всакомѹ оумѹ безпредѣльное и безконечное достигшѹ, и неписанное, безвидное, и неовображенное, и совершеннѣ простое: таково бо есть реченное еди́но, сирѣчь бгѣ.

5. Я́ще творитѣ бгѣ, по давидѹ, а́гглы своа́ дхѣ, но и ѿже ѡ человекѣкъ раждаетъ дхѣ, дхѣ творитѣ ѿхѣ (Іѡан. 7, 5). Я́коже рече гдѣ: Я́ггль оубо ѿнѣ есть человекѣкъ рожденный ѡ дхѣ я́вственнымъ прича́стїемъ егѡ. Но оубѡ а́ггль дѣло есть, еже вынѣ зрѣти лице оца́ нашегѡ, ѿже на небесѣхъ (Матѡ. 11, 1), я́коже и сѣ рече гдѣ. Тѣмже и свѣтломѹ дхѣ стѣ прича́стникѹ подобаетъ зрѣти, горѣ простирающѣса, я́коже лѣпотствуетъ, лице вжїе. Тѣмже оучитѣ я́вѣ и давидъ: взыщїте, глагола, гдѣ, и оутвердїтесѣ: взыщїте лица егѡ вынѣ (Псал. 138, 2). Не блюдетъ оубо лѣпотное и подобающее бы́вый прича́стникѹ стѣгѡ и животвора́щагѡ и просвѣтительнагѡ и рачїтеле дхѣ, и во ѿскѣсѣ неизреченнагѡ рожденїа прише́дый сѣщагѡ ѡ дхѣ, и къ досто́нствѹ а́ггль востекїи: та́же я́коже прилѣчїса за ѿлишнее говѣнство смѣжавати твора́и къ бгѣ оумное чѣство свое, и не хотѣти къ бгѣ горѣ простира́тисѣ и къ вжѣственнымъ: па́че же спсїтелю повелѣва́ющѣ прева́ти въ немъ, зане́ и то́и пребываетъ въ насѣ. И давидѹ глаголющѣ: пристѣпїте къ немѹ, и просвѣтїтесѣ. И воистиннѹ я́ще хѡщемъ творити подоба́ющаѣ и слѣдѹющаѣ, во свѣтѣ бгѣ оца́, глаголю же дхѣ стѣгѡ: оубо

отдохновения, если он не достигнет несозданного и неограниченного? Это же — есть Бог, истинно и премїрно единый. Итак, Его, единого и неограниченного, должен посредством движения достигать ум, как бы нашедший свое естественное спокойствие, разумеется, в мысленном покое. Ибо там стояние духом и гостеприимное отдохновение, бесконечный предел всего, и движение, сосредоточиваясь на Том едином, не прекращается никаким образом ни для какого ума, достигшего беспредельного, бесконечного, неограниченного, безвидного, безобразного, совершенно простого: ибо таков названный единым, то есть Бог.

6. Если Бог, по Давиду, творит ангелами Своими духов (см. Пс. 103, 4) и тех из людей, кого рождает Дух, делает духом (см. Ин. 3, 6), как сказал Господь, то тем же ангелом бывает, следовательно, человек, родившийся от Духа явным прича́стием Его. Но свойство ангелов непрестанно видеть лице Отца нашего небесного (см. Мф. 18, 10), как и это сказал Господь; следовательно, и явный прича́стник Святого Духа должен, как [и] приличествует, устремляясь горѣ, созерцать лице Божие. Поэтому, конечно, и Давид учит, говоря: *«Взыщїте Господа и утвердитесь; взыщїте лица Его всегда»* (Пс. 104, 4). Следовательно, не соблюдает приличествующего и подобающего тот, кто, ставши прича́стником Святого животворящего, просветительного и любветворного Духа и испытав неслезанное рождение от Духа, возвысившись до достоинства ангела, затем без достаточной причины из-за излишней опасливости ограничивает свое умное чувство к Богу и внушает ему нежелание простираться к Богу и божественному, хотя и Спаситель повелевает пребывать в Нем, так как и Он Сам пребывает в нас (см. Ин. 15, 4), и Давид говорит: *«Приступите к Нему и просветитесь»* (Пс. 33, 6). И действительно, если бы мы намеревались делать должное и подобающее, то во Свете Бога Отца — я гово-

римъ свѣтъ ѿже ѡ вѣѣ, сирѣчь вѣѣственнѡю истинѣ, ѡще не нѣкакѡ невѣѣственнѣ прїимемъ къ вѣѣственнымъ лучамъ не ѡбращатисѧ.

З. Трѣмѣ ѡбразы восхѡдитъ оумъ къ видѣнію вѣѣію: самодвижнѣ, инодвижнѣ, и междѡ сими. И самодвижный оубѡ ѡбразъ, ѡ естества оума точію совершаѣтсѧ хотѣніе свое мечтаніемъ оупотребляющъ, егѡже конецъ єсть видѣніе сщихъ ѡ вѣѣ: ѡже и єллини нѣкакѡ мечтѡша. Второй єсть преестественъ, хотѣніемъ, и просвѣщеніемъ точію вѣѣимъ бывающъ: темже и подъ вѣѣственнымъ содержаніемъ тогда оумъ вѣсь ѡбращѣтсѧ, и въ вѣѣственна ѡкровенїѧ восхищѣтсѧ, и неизреченныхъ вкушаѣтъ вѣѣихъ тѡинъ, и вѣѣщихъ сбытїѧ зрїтъ. ѡбразъ же, ѿже междѡ сими, двѣмѡ по части совокуплетсѧ. Занѣ елику оубѡ хотѣніемъ и мечтаніемъ своимъ дѣлаѣтъ, самодвижномѡ согласенъ показѣтсѧ: инодвижномѡ же прїовѣщѣтсѧ, понѣже ѡ вѣѣственнагѡ соединѣтсѧ къ себѣ самомѡ просвѣщенїѧ, неизреченнѡ видитъ вѣѡ вышше своего оумнагѡ соединенїѧ. Вѣѣхъ бо ѡ вѣѣ видимыхъ и глаголемыхъ вѣѣ бывѣтъ тогда, ниже благоначалїе илї ѡбоженїе, ниже премѡдрость илї силотворнѣ державѣ, илї промыслъ, илї ино что ѡ вѣѣственныхъ зрѡ, испѡленъ бывѡм наипѣче оумна свѣѣта, єще же и радости дѣйствѣемыѧ ѡ вѣѣственна огна любовїю срастворенна.

И. Оумъ, свое мечтанїе ко єже зрѣти невидимѡ оупотреблѡм, вѣѣрою наставляѣтсѧ, ѡсіѡвѣемъ же ѡ блѡгодѡти, надеждею оутверждѣтсѧ. ѡ вѣѣственнагѡ же свѣѣта восхищѣемъ, сокровище любвѣ бывѣтъ челоѣѣческїѧ, и многѡ же пѣче вѣѣїѧ. Такѡ трѡйственный

рю о Святом Духе — мы увидим свет (ср. Пс. 35, 10) Божий, то есть божественную истину, если мы как-нибудь по неведению не откажемся от обращения к божественным лучам.

7. Тремя способами восходит ум к созерцанию Бога: самодвижно, инодвижно и средним между этими [способами]. Самодвижный способ совершается только природою ума по собственному желанию при помощи воображения; пределом его бывает созерцание вещей божественных. Об этом некоторым образом мечтали и сыны эллинов. Второй способ — сверхъестественный, происходящий от хотения и просвещения только одного Бога; поэтому [ум] в таком случае находится всецело под божественным влиянием, и восхищается до божественных откровений, и вкушает неизреченные тайны Божии, и видит исходы будущего. Средний же — между этими — способ отчасти соприкасается с обоими. Именно там, где действие совершается по собственному желанию и воображению, он является согласным с самодвижным; с инодвижным же он имеет общее постольку, поскольку [ум] соединяется с самим собою при божественном освещении и неизреченно видит Бога за пределами своего собственного духовного единения. Ибо тогда ум становится вне всех этих божественных вещей, видимых и сказываемых, не видя ни благоначалия или обожения, ни мудрости или силотворной державы, или промысла, или чего бы то ни было из божественных [явлений], всего более наполняясь духовным светом, а также и радостью, производимую божественным огнем, растворяемым любовью {смягченной любовью}.

8. Ум, пользуясь собственным воображением для созерцания невидимого, руководится верою; осияваемый же благодатию, он утверждается надеждою; восхищаемый же божественным светом, он становится сокровищницей любви человеческой, а гораздо более — Божией. Таким

оум̄а чинъ, и движеніе въ вѣрѣ и надеждѣ и любви совершеннѣй, и бг̄отворенъ, и твердъ же и непреклоненъ бываеѣтъ: и сегѡ достигши пространства верхоградѣа, ѿкоже бы кто рѣклъ, въ стражбици любви себѣ оутверди. Ѿ ѡже вины єсть, еже глаголетсѧ ѿ Павла: любви всѧ терпитъ, всѧ претерпѣваеѣтъ за благасть вѣры и надежды. Любы, глаголетъ, николиже ѿпадаеѣтъ, за разжженное свое съ бгомъ соединеніе и совокупленіе неизреченное.

Ѣ. Ни въ чемъ зданномъ и зранѣ єсть единое: ѿкъ во разнствѣетъ кождо когѡждо, по нѣкоемъ ѡбразѣ свойствѣ не возможно не вѣдѣти. А ѿкъ сѣтъ зданна кождо когѡждо не разнствѣетъ, наченшосѧ же сѣщо, и конецъ имѣщо, и подъ естествомъ сѣщо, и не сѣщо воистиннѣ прѣсто єдино. Тѣю во єдино воистиннѣ єсть несозданное, ѿкъ прѣсто, ѿкъ безначально, ѿкъ конца не имѣщо и безпредѣльно, и сегѡ ради безконечно, еже єсть бг̄ъ. Къ немѣже аще бы оумъ зрѣлъ съ причастіемъ и посѣтемъ дха животворѣагѡ, вынѣ приличествующее свое раценіе пріемлетъ, соединенъ сый и простертъ, и бг̄отворна держасѧ оустроеніа. Єще же и сѣлѡ разумѣ іаснѣ, ѿкъ кромѣ единачѡ, и еже къ немѣ дхѡмъ взираніа, оумъ лѣшѣ быти невозможно єсть. Ѿво оубѡ ѿкъ оумъ расточисѧ, многочастномъ мѣрѣ и страстемъ повинѣвсѧ, и трѣбѣетъ приличнѣ премѣрны силы, и послѣдованнѡ преестѣственна единачѡ ко взиранію: да тѣкъ ѿ раздѣльныхъ восхищенъ бѣвъ, внѣ бѣдетъ страстей и раздѣленіа, и тѣкъ полѣчилъ бы бг̄овидное. Сегѡ ради и гдѣ моленіе творитъ ко оцѣ, да бѣдемъ єдино вѣрнѣи во оцѣ, и въ немъ снѣ дхѡмъ, и тѣкъ єдино, ѿкоже и тѣи сѣтъ єдино (не слословнѣ сѣрѣчѣ, ѿкоже савеллѣй речѣ єдиноє) ѿкъ да бѣдемъ, ѿкоже подобаеѣтъ, совершени сѣще и благодѣтѣю

образом тройной строй ума и движение в вере, надежде и любви становится совершенным и боготворным, твердым и непреклонным. И, достигая этой широты вышнеградия, как можно выразиться, он утверждается в крепости любви. Отсюда вытекает то, что говорится у Павла: «*Любовь все любит, все терпит*» за благо веры и надежды; «*любовь*», говорит он, «*никогда не перестает*» (1 Кор. 13, 7–8) вследствие пламенного единения и неизреченного соприкосновения ее с Богом.

9. Ни в чем созданном не выделено Единое. То, что одно от другого различается некоторым образом своего природного свойства, — этого нельзя не знать; а как они созданы, в этом одно от другого не отличается ни в начале, ни в конце своего бытия, как потому, что оно ограничено естеством, так и потому, что не есть истинно простое Единое. Ибо только одно есть в действительности несозданное как простое, как не имеющее ни начала, ни конца и безграничное, и потому бесконечное, а это именно есть Бог. Взирая на Него при участии и содействии животворящего Духа, ум, объединенный и упрощенный, будучи в боготворном устройении, все время получает приличествующее ему возрастание; и при этом он очень ясно понимает, что помимо Единого и без взирания к Нему в духе невозможно уму быть лучше. Это потому, что ум рассеялся, уступив многочастному миру и страстям, и, сообразно с этим, нуждается в премѣрной силе и, следовательно, в сверхъестественном Едином для взирания, чтобы, таким образом отвлеченный от частных, он стал вне страстей и разделения и чтобы так он мог достигнуть бг̄овидного. Поэтому-то и Господь творит моление к Отцу, чтобы мы, верные, были едино (см. Ин. 17, 22) во Отце и в Самом Сыне Духом и таким образом единое, как они сами суть Единое (не в плохопонятом смысле, конечно, как назвал Единое Савеллий), чтобы мы были, как и

соединяюцагѡ дѡа, и видѣнїемъ единовиднымъ во единомъ вѣѣ. Сїе намъ ѡавѣ єсть истинное предспѣанїе на лучшее: и сїи конецъ, и истиненъ и единъ покой. Сегѡ ради и завистнаа и человеконенавистнаа вѣсовскаа дружина, на многихъ богѡвъ, еже сѡ давы не было! чествованїе расточивши, въ прелестъ постѣа единственное оумѡ, и не ѡстави сїе имѣти, мечтанїе одинагѡ премїрнагѡ. Иакѡ да на многїи боги слѡженїемъ, взиранїемъ же и раздѣленїемъ противъ своемѡ си естествоѡ повинѡвъ двизатисѡ оумѡ, всѡческихъ страстей желателя покажетъ и лжи, вмѣстѡ истины и добродѣтели. Темъ же дѡхъ стѣий завѣщаваѣтъ пророкомъ: Приступїте глагола, къ немѡ, къ единомѡ сїрѣчь, и просвѣтитесѡ. И еще индѣ: азъ бѣ первый, и азъ по сихъ, и кромѣ мене нѣсть инѡгѡ бѣа (Исѡїи мѡ, 5). И паки: слыши исраїлю, гдѣ бѣ твои, гдѣ единъ єсть (Второз. 5, д). Не бо трїипостасное одинагѡ вѣества единое раздѣлѣетсѡ гдѣство, но и трїи сѡтъ ѡпаснѣ лица и ничїмъже мнѣе единое сѡществомъ же и силою, хотѣнїемъ же и дѣйствомъ, и инѣми сѡщественными благами. Оубо еже слѡжити единствѡ вѣїю, и взирати, и собиратисѡ елика сила къ немѡ ѡ многихъ, вола вѣїа єсть, и оумѡ предспѣанїе на лучшее, ѡакѡ истины ѡбрѣтенїе, и вѣественна раченїа, и послѣдованнѡ ѡбоженїа плодѡ.

ї. Аще лжа оубѡ єсть многочастна, единое же истина: оубо оумѡ дѡхомъ къ единомѡ горѣ простирающїйсѡ, къ превосходящемѡ, премїрномѡ паче всѣхъ, къ томѡ, ѡ негѡже многѡа, къ самой той воистиннѡ истинѣ горѣ простираѣтсѡ. Но оубо не можетъ быти оумѡ свободенъ ѡ страстей, аще не истина свободитъ егѡ (Іѡан. и, лѡ): оумѡ оубо страстей свободенъ бывѣетъ зрѡ и горѣ простираѡсѡ единственнымъ ѡбразомъ къ единомѡ премїрномѡ. Приличествуетъ же истина оумѡ къ без-

следует, усовершены и благодатию объединяющего Духа, и единовидным созерцанием в едином Боге. Вот в этом для нас, очевидно, действительно преуспейние на лучшее, и это — конец и истинный и единственный покой. Поэтому завистливая и человеконенавистная демонская дружина, расточившая ум на почитание многих богов, к сожалению, рассеяла единство ума на заблуждение и не допустила его иметь представление о Едином премїрном, для того чтобы, заставив ум, вопреки его природе, сосредоточиваться на служении, воззрении и разделении на многие [предметы поклонения], выставить его склонным ко всевозможным страстям и лжи вместо истины и добродетели. Поэтому-то Дух Святой завещает через пророка, говоря: «Приступите к Нему», то есть Единому, «и просветитесь» (Пс. 33, 6), и еще в другом месте: «Я Бог первый и Я по сих, и кроме Меня нет иного Бога» (Ис. 41, 4; Ис. 44, 6), и опять: «Слыши, Израиль, Господь Бог твой — Господь един есть» (Втор. 6, 4). Ибо триипостасность Единого божества не разделяет единого господства, но и Три суть действительно точно Лица, и, с другой стороны, несколько не менее Они Едино существом и силою, хотением и действием и прочими существенными благами. Итак, служить единству Божию, и взирать, и, по силе, собираться к нему от многого — есть воля Божия, и преуспейние ума, как открытие истины и божественной любви, и, следовательно, плод обожения.

10. Если ложь многочастна, а истина есть единое, то, следовательно, ум, простирающийся в Духе к Единому премїрному, превосходящему все, к источнику [этого] многого, простирается к самой истине. Однако же ум не может стать свободным от страстей, если истина не освобождает его (см. Ин. 8, 32). Следовательно, ум становится свободным от страстей, склоняясь и простираясь единственным образом к Единому премїрному. Уму для бесстрастия, боговидного устройства и духовного сынополо-

стра́стию, и вѣовиднѣ оустроенію и синоположенію дѣхѣвнѣ наипаче, никакоже ра́вство: зане́же ра́вѣ, глаго́летъ, не вѣ́сть что творитъ гдѣ егѡ (Іѡан. ѿ, ѿ). А́ще же невѣ́жество ра́вѣе е́сть, іавѣ іакѡ прича́стникъ сый свѡбѡды, вѣ́сть та́йны о́ца, и взы́ти подѡбнѣ бы́сть е́мѣ благо и до́брѣ на досто́инство синоположеніа. И́ко же бо е́же не вѣ́дѣти семѣ е́же вѣ́дѣти противно е́сть прева́лѣннѣ, та́кѡ вои́стиннѣ и ра́вѣи чинѣ, сопроти́внѣ е́сть къ сыно́внѣ іавѣ. И а́ще не вѣ́дый, ра́вѣ е́сть: вѣ́дый же вои́стиннѣ нѣ́сть ра́вѣ, но свѡбо́денѣ, и́ли да рекѣ сынѣ. И́бо дѣхѣ истины свѡбожда́а вои́стиннѣ, са́мѣ се́и синополога́етъ вѣ́ови тѣхѣ, въ ни́хже бы прише́лъ: е́лици бо, глаго́летъ, дѣхѡмѣ вѣ́имѣ вода́тса, си́и сѣ́ть сынове вѣ́и (Рим. и, дѣ). А́ще бо къ пресѣ́щеннѣ е́диномѣ взира́ти, истины бы́ти е́сть: истина же свѡбо́дѣ о́умѣ пода́етъ: свѡбо́да же, синоположеніа вѣ́е́ственна зна́меніе е́сть іавно: сегѡ́ же да́ра синоположеніа, ничто́же ни́же бо́льше е́сть, ни́же о́убѡ е́стество́ словеснѣ па́че прилі́чествѡю́що іно: сѣ́лѡ смѣ́сленно и сѣ́лѡ ѡ́ нѣ́ждныхъ бы́ло бы вои́стиннѣ, е́же горѣ́ простре́тиса и взира́ти и собира́тиса дѣхѡно́снѣ о́умѣ, е́лика си́ла къ е́диномѣ према́рнѣ, си́рѣчь къ вѣ́.

аі. Гдѣ́ вѣ́ тво́й, глаго́летъ дѣ́а стѣ́й, гдѣ́ е́динѣ е́сть. То́лико попече́ніе е́сть вѣ́е́ствѣ́ дѣ́а возводи́ти о́умѣ къ е́диномѣ према́рнѣ. И не о́убѡ іакѡ е́диное проповѣ́даетъ, о́ума́ же къ немѣ́ ѡ́браце́ніе и взира́ніе не лю́битъ, лѣ́тъ е́сть глаго́лати. Е́же бо стѣ́й глаго́летъ дѣ́тъ, семѣ́ и помышла́тиса хо́щетъ: и е́же помышла́етса, къ семѣ́ и о́умѣ ѡ́браца́тиса. ѡ́сѣ́тствѡю́щѣ бо о́ума ѡ́браце́нію къ помы́сленномѣ, и е́же мо́глъ бы помы́слити о́умѣ, ѡ́сѣ́тствѡетъ. И е́сть по нѣ́ждѣ́ всѣ́ рече́но проповѣ́даніе е́динственнагѡ: и сегѡ́ ра́ди и вѣ́ра. А́ще же се́е́ безме́стно: о́убѡ и е́же не размышла́ти

жения более всего приличествует свобода, а никак не рабство, потому что «раб», как говорит [слово Божие], «не ведает, что творит господин его» (Ин. 15, 15). Если же неведение свойственно рабу, то очевидно, что получивший в удел свободу знает тайны Отца и ему таким образом удалось взойти в благое и прекрасное достоинство синоположения, ибо как незнание явно противоположно знанию, так, конечно, и положение раба явно противоположно сыновнему. И если незнающий есть раб, то знающий вовсе не раб, но свободный, или, так сказать, сын. Ибо и Дух истины, действительно освобождающий, Сам синопологает Богу тех, в кого Он вселится. «Ибо, — говорит Он, — те, которые водятся Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8, 14). Если же взирание на сверхсущественное Единое может быть свойством истины, истина же доставляет свободу уму, а свобода есть ясный признак божественного синоположения, то нет никакого другого дара ни большего, ни приличествующего разумной природе более, чем этот дар синоположения. Следовательно, было бы очень разумно и необходимо, чтобы, по мере сил, ум духоносно простирался, взирал и собирался к Единому према́рному, то есть к Богу.

11. «Господь Бог твой, — говорит Дух Святой, — Господь един» (Втор. 6, 4). Такова именно забота у божества Духа — возводить ум к Единому према́рному. И уж конечно, нельзя говорить, что [Дух] единое проповедует, а обращение и воззрение ума [к Нему] — отвергает. Ибо что Святой Дух говорит, то хочет, что было бы и предметом мысли, а к тому, что составляет содержание мышления, — обращался бы и ум. Ибо при отсутствии обращения ума к предмету мысли и самое то, что он мог бы помыслить, отсутствует; и окажется по необходимости все произнесенной проповедь о Едином, и через то и вера. Если же это несообразно, то, следовательно, несообразно

единое ѡбращающася оумѣ къ немѣ и горѣ простирающася, безмѣстно ѣсть.

Ѣ. Аще естество ѣсть къ винимымъ и паче же словеснымъ къ виновномъ горѣ прострѣтиса и взирати ѡбращательнѣ. Ѡ вины же вса произведошася бѣа, и ѡ негѡже и оумѣ: Бѣ же ѣсть верховное и прѡстѣ единое: оубо естество ѣсть оумѣ, къ верховномъ и прѡстѣ единомъ ѣакъ къ виновномъ ѡбращающася, горѣ прострѣтиса и взирати.

Г. Аще изъ тогѡ и тѣмъ и въ немъ всаческаа (Рим. 11, 15): ѣсть же и оумѣ ѡ всѣхъ единое, оубо изъ тогѡ и тѣмъ и сѣи ѣсть, паче же ближае изъ тогѡ и тѣмъ той, за бѣподобное. Тѣмже и паче сѣи взирати долженъ ѣсть къ немѣ. Главѡемое же къ немѣ, гавлетъ, ѣакъ на премірное единагѡ подобаетъ гавленіе ѡбращательнѣ взирати. На единое оубо оумѣ долженъ ѣсть взирати.

Д. Ѡ единагѡ происхѡдятъ мнѡгаа, не котомъ же ѡ мнѡгихъ единое. Но оубо тварь ѣсть мнѡгаа, тѣмже ѡ единагѡ ѣсть тварь гавѣ. Бѣдетъ же паче твари ѣакъ творецъ и содѣтель оно единое. Зрѣи оубо тварь ѣакоже подобаетъ, по нѣждѣ къ премірномъ единомъ имѣти бѣдетъ видѣніа своегѡ заключеніе: понѣже и сѣтъ въ виновныхъ премнѡга виновнагѡ аки изглашеніа, и мнже познаваѣтсѣ иже хѣдѡжествомъ и премѣдростію, и сілюю, и благостію промыслительнѣ вса произведый, ѣакоже восхотѣ. Сегѡ ради и исаіа дѣомъ, возведіте, глаголетъ, ѡчи ваши, и видіте, ктѡ сотвори сіа вса; (Исаіа 1, 15.) Сіа оубѡ вса мнѡгихъ ради, рекъ, винимыхъ: сіе же, ктѡ; къ томъ ѡ негѡже сіа сѣтъ, ѣже ѣсть прѡстѣ по естествѣ единое, возводѣ оумѣ.

не размышлять о Едином уму, обращающемся и простирающемся к Нему.

12. Если прирождено причинным созданиям (τὰ αἰτιατά, букв. «имеющие причину»), в особенности разумным, простираться и обращать свой взор к причине [своего бытия], все же произошло от Бога как своей причины, от Которого и ум, а Бог есть верховное и простое Единое, то, следовательно, естественно уму, обращаясь к верховному и простому Единому как к своей причине, простираться и взирать на Него.

13. Если «все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11, 36), а ум есть также одно из всего, то, следовательно, из Него, и Им, даже ближе всего из Него, и именно Им существует самый ум вследствие богоподобия. Поэтому тем более должен ум взирать к Нему. Выражение же «к Нему» значит, что должно взирать, обращаясь к явлению Единого премірного. Следовательно, ум должен взирать на Единое.

14. Из Единого происходит многое, и не из многого — Единое. Но, конечно, тварь есть многое; следовательно, тварь происходит, очевидно, из Единого. Но то Единое является, без сомнения, превыше твари, как Творец и Создатель; следовательно, тот, кто созерцает тварь как должно, по необходимости будет иметь завершение своего созерцания в Едином премірном именно потому, что в созданиях действительно есть очень много как бы отголосков причины, при помощи которых познается Тот, Кто промыслительно все произвел, как восхотел, художеством, мудростью, силою и благостию. Поэтому и Исаия говорит в Духе: «Возрите на высоту очами вашими и видите, кто сотворил все сие» (Ис. 40, 26). «Все сие» сказал он по множеству причинных созданий, а «кто» — возводя ум к Виновнику их, Который просто, по природе, есть Единое.

Ѹ. Собирается и тварь во единое, но сложное и много-
 частно, и не безначально, аки зданно. Зиждущее же
 есть едино: не токмо едино как многих и различных
 согласна во едино содохновение всегò и намбрение тво-
 рительно, но еще прочее и несозданно, как предначально
 виновно. Восходá во на послѣдствующее оумъ нжда
 есть достигнѣти къ нѣчесомъ единъ, начальнъ же и
 оустраоющъ сегò видимагò сщцихъ чина и бытїа,
 составленїа же и содоховенїа еже во едино: или аще не
 сїе, въ безконечность произшелъ бы, еже есть безвѣст-
 но. Все бо движимое и бывающее есть, егда не бѣ, и не
 сщцо начатса. Аще же начаса, то и подвигнѣса: подо-
 баеть оубо искати, что есть подвигнѣвшее и въ бытїе
 приведшее: еже бдетъ оубо и недвижно, поелїкъ есть
 движѣщо. Аще бо ни, то что есть движѣщее, еже не под
 инѣмъ началомъ сщце, понѣже есть безначально; аще
 же недвижно есть, то и непреложно. Аще ли же оубо сїе,
 то ѿнюдъ и просто, да несложно сщце преложїтса, еще
 непреложно намъ гавїса. Сложенїе бо начало есть крамо-
 лы: сїа же, рѣшенїа, еже движенїа есть послѣднее.
 Никакоже оубо тамъ есть сложенїе, да не и крамолá:
 ниже крамолá, да не и рѣшенїе: ниже рѣшенїе, да не и
 прелогъ, и движенїе ѿ непреложнѣмъ гавїтса и не-
 движнѣмъ, какъ движѣщемъ, а не движимѣмъ, и въ
 бытїе ведѣщемъ, не бывшемъ, или бывающемъ. Аще
 оубо есть непреложно и недвижно, по нждѣ есть (и)
 несложно, и сегò ради простѣйшо и совершеннѣ едино
 премїрно. Къ немъже горѣ простирающїйсá оумъ, всѣхъ
 всáцѣмъ ѿобразомъ внѣ биваетъ, взиранїа ради еже
 имать къ предобротномъ, и желанїа ради ѿ сщцемъ
 паче всегò, паче же ѿ томъ, ѿ негòже все, и къ немъже
 всá естѣственнѣ горѣ простираютса. Семъ же бываю-
 щъ, по словъ прилїчествующъ, и страстѣй внѣ биваетъ.

15. Собирается и тварь в единое, но сложное, много-
 частное и не безначальное, как сотворенное. Творящее же
 есть Едино, не только единое как создающее стройные
 соединения многого и различного в единое согласие и
 цель всего, но уже и несозданное как первоначальная
 причина. Ум, восходя последовательно, по необходимо-
 сти придет к чему-то Единому, начальному, устрояюще-
 му видимый порядок и рождение существ, гармонию и
 согласие в едином, или если не к этому, то дойдет до бес-
 конечного, что несообразно. Ибо все движимое и проис-
 ходящее некогда не существовало, и не сущее получило
 начало, если же получило начало, то и движимо. Что сле-
 дует рассматривать за двинувшее и приведшее в бытие?
 Этим и будет недвижимое, поскольку оно есть движущее.
 Иначе что же такое движущее — неподвластное другому
 началу, раз оно безначально? Если же оно неподвижно, то
 и непременяемо; если же оно таково, то оно также совер-
 шенно просто; а чтобы, будучи сложным, оно не измени-
 лось, то оно является нам непреложным. Ибо сложение
 есть начало несогласия, несогласие же есть начало рас-
 торжения, конец движения. Итак, именно там нет сложе-
 ния, чтобы не было и несогласия, и нет несогласия, чтобы
 не было и расторжения, и нет расторжения, чтобы изме-
 нение и движение не появилось в непреложном и непод-
 движном — в движущем, [а] не в движимом, в ведущем к
 бытию, [а] не ставшем или становящемся. Итак, если оно
 непреложно и неподвижно, то по необходимости неслож-
 но и потому совершенно простое и нерасторжимо Едино
 премїрное. Ум, простираясь к нему, становится реши-
 тельно вне всего вследствие присущего ему взирания к
 прекрасному и стремления к сущему превыше всего, а
 еще более к тому, от кого все и к чему естественно про-
 стирается все. Когда это происходит соответственно, ра-
 зумным образом, то ум бывает и вне страстей. Ибо, про-
 стираясь и бывая превыше даже прекрасного, ум никаким

Превыше во и предобротныхъ препростирайся и бы-
вающей, никакоже бы сотворился превыти въ стѣдѣ
страстей. Сегѡ ради томѹ единомѹ послѣжиши (Второз.
5, 7), единомѹ сирѣчь, свѣщеннѹ глаголетъ законъ.
Къ единомѹ оубо верховномѹ горѣ прострѣтисѧ подо-
баетъ, аще хощемъ и законъ бжій исполнѣти, и пре-
выше страстей ѡверѣтисѧ.

51. Гдѣ, глаголетъ, единъ вождѣше ихъ, и не бѣ съ
ними бгѣ чжждь (Второз. 16, 7). Зриши ли единст-
веннаго и одинаго силѹ, какъ не бѣ съ ними бгѣ чжждь:
понѣже единъ вождѣше ихъ гдѣ. Но оубо гдѣ послѣ-
дьющымъ, а не ѡвращающымъ водитъ. И емѹже кто
послѣдуетъ, къ томѹ и ѡверѣтисѧ. Тѣмже аще не хо-
щемъ бога инаго, бѣса или страсть съ нами имѣти,
возпослѣдимъ самомѹ и единомѹ ѡвращеніемъ оум-
нымъ: ѣкѡ да и ѡ насъ не неподобнѣ глаголаю быти
возмнѣтсѧ, ѣкѡ гдѣ единъ водитъ ихъ. Тѣмже и бгѣ
чжждь нѣсть съ ними.

52. Аще и ѡ одинаго, но различнѣ сѣтъ мнѡга: занѣ
воистиннѹ и сщцнхъ ѡбразъ, по немѹ же сѣа ѡ первыѧ
единицы происходѣтъ, естъ различенъ. Занѣ ѡва оубо ѡ
снхъ наченшасѧ сѣтъ издѣнна, ѡва же нездѣнна, и сло-
весѣ временнаго начала и збѣгша, и всѣмъ оубо всѣ-
цѣмъ ѡбразомъ, винѡвно пресщественное едино, но
ѡвѣмъ оубо создѣтельнѣ, ѡвѣмъ же естѣственнѣ. И
сегѡ ради не ко всѣмъ сѣмъ единою равнѣ пристѣпати,
и снхъ держатисѧ подобаетъ. Но къ подѣ началомъ оубо
и создѣніемъ сщцымъ пристѣпати подобаетъ за ино
(нѣчто) а не нарѡчнѡ, ѣкоже къ зерцѣлу за вообра-
жаемое въ немъ или показѣемое. Инакѡ во твѣрь къ
преспѣанію на лучшее непристѣпательна естъ, тѡчїю за
предѣлающеесѧ въ ней крайнаго одинаго: къ без-
начальнымъ же пристѣпаемъ и естѣственнымъ, не за

образом не стал бы останавливаться на срамоте страстей.
Посему «Тому одному послужишь» (Втор. 6, 13) — оче-
видно, Единому (т. е. премірному), — говорит священный
Закон. Следовательно, должно простираться к Единому
верховному, если мы хотим и исполнять Закон Божий, и
оказаться превыше страстей.

16. «Господь, — говорит [слово Божие], — *един вел их, и не было с ними бога чужого*» (Втор. 32, 12). Видишь ли ты силу единственного и Единого, как не было с ними бога чужого, потому что вел их один Господь? Но ведь Господь водит последующих Ему, а не тех, которые от-
вращаются [от Него]. Чему кто следует, к тому и обраща-
ется. Итак, если мы хотим не иметь другого бога при се-
бе, демона или страсти, то последуем одному и Единому
духовным обращением [к Нему], чтобы и о нас могло
считаться сказанным не без основания: «Господь один
водит их», поэтому «и бога чужого нет с ними».

17. Хотя многое происходит из единого, но различным
образом, потому что, конечно, и способ образования су-
ществ, по которому они происходят от первой единицы,
— различен. Ибо одни из них получили начало и сотво-
рены, другие же — несозданы и избежали условия вре-
менного начала, но для всех во всех отношениях служит
причиною сверхсущественное Единое, одним — творче-
ски, другим же — естественно. И потому не ко всем им
следует тотчас одинаковым образом привязываться и
держаться их, но к тому, что подлежит началу и созда-
нию, должно приступать не из-за него [самого], а по дру-
гой причине, как [подходят] к зеркалу из-за отражаемого
в нем, или показуемого им. Ибо в целях преуспѣяния на
лучшее не следует и подходить к твари по иным побуж-
дениям, кроме того что в ней проявляется вышнее Еди-
ное. К безначальным же и естественным созданиям мы

ино (нѣчто), но за та и за то ѿ негѡже сѣть. Она бо сѣть воистиннѣ пристѣпательна нарѡчнѡ, и онѣхъ естъ близъ же и естественнѣ верховное единое, паче же оубо крайнагѡ и верховнагѡ сѣ сѣть единагѡ близъ и ꙗкоже глаголаша естественнѣ. Подобаетъ оубо не токму къ сѣмъ пристѣпати, но и прилѣплѣтиса, и ко оуподобленію первагѡ и единагѡ добра сѣми тцѣатиса изъображѣтиса: да содѣйствіемъ и помѡщію благодѣти, сѣщѣа по ѡбразѣ и по подобію славы вѣѣа имѣти будемъ достѡинство. Ѿ сѣа вины разсмотрѣющимъ право, содѣ- тельнѣ оубо винимыми, случаетсѣ: зрительнѣ возво- дити оумъ къ созерцанію единагѡ, и соединѣти егѡ въ единственнѡю мѣсль, ꙗже паче оумѣ единагѡ совершен- нѣ же и прѡстѣ, ꙗже оубо въ сѣа оумъ взирѣетъ, ꙗкоже подобаетъ. ꙗ имже естествомъ естъ винѡвное дѣйст- вительствѡющѣса оумѣ сѣми, ꙗли по нѣмъ вообра- жѣющѣса, сѣми мѡчно естъ соединѣти къ воистиннѣ единомѣ онѡмѣ себѣ. Тѣмже ѿ каковыхълибо всѣхъ ꙗли естественныхъ, ꙗли содѣтельныхъ сѣщѣхъ винимыхъ, къ различнѣ единомѣ винѡвномѣ, оумъ собираетсѣ ѡвѣче естественнѣ, ꙗли дѣйствительнѣ, ꙗли зрите- льнѣ. И еже оумъ ꙗли единое, ꙗли мнѡжайша содѣ- тельна, ꙗли естествона оупотреблѣа, не единагѡ ради оупотреблѣетъ, ниже да къ первомѣ единомѣ собравъ себѣ привѡдитъ, и ѡнѡдъ ко онѡмѣ взирѣетъ стѣимъ причѣстїемъ и посѡбїемъ просвѣщающаго дѣа, прѡстѣ единовѣднѣ же и единственновѣднѣ, въ грѣхъ емѣ сѣе вмѣнѣетсѣ: ꙗже и мечтанїе ꙗматъ добра сѣе оупотреб- ленїе егѡ. Сѣщѣа бо ѿ единагѡ на единое водити есте- ствѡ имѣтъ оупотреблѣющихъ сѣа, ꙗкоже подобаетъ. Всѣако бо, ꙗкоже глаголетъ великїй дїонїсїй, ѿ оцѣ двѣ- жима свѣтѡвленїа происхожденїе въ насъ благодѣ- тельнѣ приходѣще, пѣки ꙗкѡ единотвѡрна сѣла воспро-

приступаем не из-за чего-нибудь иного, кроме их [самих] и того, откуда они происходят, или их Виновника. Ибо они и суть те [создания], к которым следует приступить из-за них самих, и им ближайшим и естественным обра- зом принадлежит Единое: скорее же, конечно, они сами принадлежат ближайшим образом и, как сказано, естест- венно Единому высокому и верховному. Итак, следует не только приступать, но и прилепляться к ним и при помо- щи их стараться отпечатлеть на себе подобие первого и единого прекрасного, для того чтобы содействием и по- мощью благодати нам стяжать достоинство славы Божи- ей по образу и подобию [Божию]. Вследствие этого быва- ет то, что рассуждающие правильно, на основании при- чиненного творчески возводят ум созерцательно к образу Единого, как бы отраженному, и объединяют его реши- тельно и просто в единственную мысль об Едином пре- мїрном, если только ум как следует смотрит на эти [тво- рения]. В созданиях же, имеющих причину свою от при- роды, заключена сила соединять ум, занятый ими и обра- зованный по ним, с тем действительно Единым. Поэтому, конечно, от всех каких угодно созданий, будут ли они е- стественные или творческие, ум привык естественным об- разом собираться к различно единой причине или дея- тельно, или уже созерцательно. И чем бы ум ни пользо- вался — одним ли или бѡльшим числом творческих или естественных созданий, — [если] не из-за Единого и не для того, чтобы, собравши себя, возноситься к первому Единому и вообще воззреть на Него при святом участии и наитии просвещающего Духа, просто, однообразно и единообразно, [то] все это ему вменяется в грех, хотя это употребление {такое отношение к твари} будет у него иметь вид добра. Ибо происходящее от Единого ведет е- стественно к Единому тех, кто пользуется им как должно. Ибо «всякое обнаружение светоявления, происходящего от Отца, — говорит великий Дионисий, — благодетель-

стирательнѣ насъ исполняетъ, и ѡбращаетъ къ соби-
рателя оца единствѣ, и бготворной простотѣ: изъ тогѡ
бо и въ немъ всаческаа (Рим. 11, 15). Аще же не
возводитъ къ семѹ, внѣ естества есть и подобающаго
оупотребленіе сїе внѣ бываетъ не такъ бывающе.

И. Есть дѣланіе, предваряюще видѣніа, и есть дѣ-
ланіе, послѣдующе зрительномѹ. Первое оубо совершает-
ся тѣлеснѣ, ѡакъ да стремленіа тѣлесѣ ѡбздѣавшемѹ, и
благочиннѣ водитиса оустрѡившемѹ съ разсмотрѣні-
емъ, возмогло бы сїце дати оумѹ свободною ногою преи-
ти во своа, ѡже сѹтъ мысленнаа, и тамъ бы свою
пользу добрѣ дѣлалъ: второе же ѡ оума начинающеса, и
ѡ еже помышлати въ дѣѣ, собираетса къ сѹщемѹ паче
оума, еже есть бгѹ. Къ немѹже приближивса оумъ во
едино достизаетъ: едино бо, бгѹ есть. Прочее оужѣ и
оумъ соединяетса въ себѣ во едино, и нераздѣленъ паки
бываетъ. Единицы бо винѡвно есть единое и простоты
бгѡвидны зримо. Не составно бо есть единое зрациѹ
оумѹ, не быти и томѹ едино и просто. Раздѣленна же
зрациѹ и слѡжна, нѹжда есть раздѣлѣтиса же и раз-
личнѣ бывати. Речеса же мною едино прѡстѣ, еже само
ѡ себѣ ѡсѹществованное прѡстое. Понѣже бо что бы ни
былъ оумъ, измѣненіа страждетъ по дѣйствѹ, тоѹже
есть прѡстѣ, нѹжда (оубо) есть едино быти и по дѣй-
ствѹ единое зрѣ. Аще же бы единое оубо зрѣлъ, тоѹ же
бы раздѣлилса на двоициѹ, еже есть малѣйшее, что бы
была дѣлаючи голень егѡ раздѣлена сѹщи ѡ зрацаго
единое: или бо зрѣтъ ино что, или не зрѣтъ. И сїѣ
двоѣственнѣ: или не хотѣщи, или притѹплѣющиса, или
негли ко иномѹ нѣкоемѹ дѣланію имѹщи естество, а не
ко еже зрѣти. Но аще оубо ино что подложилъ бы кто

но приходящее к нам, снова как единотворная сила стре-
мительно наполняет нас и обращает к единству соби-
рателя Отца и к боготворной простоте, ибо из Него и к
Нему все”» (Рим. 11, 36). Если же не возводит к этому,
то оно бывает несогласно с природой, и употребление
[даров светоявления] становится вне границ должного,
если оно совершается не таким именно образом.

18. Есть действие, предшествующее созерцанию, и
есть действие, следующее за созерцательным. Первое со-
вершается телесно, чтобы, обуздавши порывы тела и соз-
дав мало-помалу стройное движение [его], можно было
таким образом дать возможность уму свободною ногою
перейти в свою область, которая есть умственное, и там
хорошо поработать в свою пользу. Другое действие, на-
чиная от ума и мысли в духе, сводится к тому, что выше
ума, то есть к Богу. Приблизившись к нему, ум достигает
Единого, ибо Единое есть Бог, да уже и сам ум соединя-
ется в себе во единое и становится нераздельным. Ибо
Единое приобщает к единице и, при созерцании, к бого-
видной простоте. Ибо не бывает так {не вяжется}, чтобы
ум, созерцая Единое, не был и сам простым единым; если
же он созерцает разделенное и сложное, то необходимо [и
ему] разделяться и бывать различным. Названо же мною
просто Единым простое, существующее само собою.
Именно, так как ум, чем бы он ни был, допускает измене-
ния в своей деятельности, а сам он прост, то необходимо,
чтобы, видя Единое, он был единым и по деятельности.
Если же, положим, он видит Единое, а сам разделен по
крайней мере на две части, то что именно делала бы часть
(букв. «нога от лядвеи до ступни») его, отделенная от ви-
дящей Единое? Ведь она или видит чтонибудь другое,
или не видит, и притом двояким образом — или не желая,
или по слабости ощущения, или же, быть может, будучи
предназначена самою природою к иной деятельности, а
не к созерцанию. Но если кто-нибудь предположит, что

зрѣти, виждь, ꙗкѡ оумъ не зрѣтъ единое прѣстѣ, но два внѣ слѡва, и два зрѣ, единое быти не мѡжетъ. Сѣчетса бо, ꙗкоже показася, на тѣ, ꙗже видѣтъ. ꙗще же не видѣтъ, ꙗще оубѡ не хотѣлъ бы сѣ, не возмѡжно ѣсть. Не мѡчно бо ѣсть недѣйствио и въ самомъ томъ кратчайшемъ мгновѣнїи (врѣмене) оумѡ словесномѡ пострадаѣти. Но ниже притѡплѣетса гѡлень сѣа оума, но быстрѡ сѣю имать. Или сѣце слѡженъ бы былъ, или не прѣстѣ, ѡ неподобночѣстїи нѣкихъ составлѣемъ, ꙗкоже слѡчитса. И ꙗще оубѡ единая часть гѡлени зрѣтъ, другѡа же ко иномѡ нѣкоемѡ видѡ дѣйствиа оучинїса, сложенїа (же) и сѣ, ѣсть поречѣнїе: ѣже ѡ простѡтѣ оума рецїи, сѣлѡ ѣсть непрїятно. За сѣа оубѡ единственное и прѣстѡе оума, ꙗще бы прѣстѣ единое смотрѣло, единое и тѡ дѣйствиомъ бывѣетъ. И ꙗще бы единое было прѣстѣ, прѣстѡе единое зрѣтъ. Тѣмже оубѡ каковѡлибо дѣланїе или видѣнїе, по нѣждѣ видимо быти дѡлжно ѣсть къ пѣче оума единомѡ: ꙗще ли же ни, не совершитъ ничтѡже, но все ꙗвитса дѣла или зрѣ оумъ. Бѡдетъ бо дѣйстви- тельнѣ подъ раздѣленїемъ страстѣй лежѣщѣ. Не пригвождѣетса чѡвствомъ дѡши къ пѣче оума единого единовиднѣ соединѣнїю. Ёже оубѡ соединѣнїе процѣждѣти вѣсть и ѡчищѣти зрѣтельное оума, ко ѡномѡ единомѡ возвышѣемо и взирающо, и ко ѡномѡ пристраждѣщо, ѡ негѡже всѣ, имже и въ немже всѣ и на неже и бывѣютъ, и сѣтъ и въ сѣществѡ произведѣна сѣтъ.

ѡ1. Всѣхъ желанїи край ѣсть бжѣственное съ дѡшею и пѣче оума соединѣнїе: (и) бжѣственнаго ради соединѣнїа, нѣждно ѣсть бжѣственное подобїе: бжѣственнаго (же) ради подобїа, нѣждно ѣсть ѣже оумомъ дѣйстви- вати, сѣрѣчь зрѣти. Таковѡ бо и бжѣственное ѣсть, ѡ чегѡ и има, бгѣ, къ семѡ ѡпредѣлїса. Но оубѡ ѣже зрѣ-

[ум] смотрит еще на что-либо другое, то заметь, что ум не видит единое просто, но, вопреки расчету, два; а видя два, он не может быть единым. Ибо, как доказано, он раздробляется на то, что он созерцает. Предположить же, что он не видит, если не хочет, невозможно, ибо не может мыслящий ум допустить бездействия даже на самое кратчайшее мгновение. Но и нельзя думать так, что у ума одна часть притупляется, а другая изощряется; или так, что он может быть не простой, а сложный, состоящий из каких случится частей, [а также] что одна часть его видит, а другая назначена для другого какого-нибудь вида деятельности: ведь и это служит выражением сложения, чего сказать о простоте ума совершенно невозможно. Вследствие этого если единственное и простое естество ума будет, положим, смотреть на простое Единое, то и оно само будет единым по деятельности. И если оно будет простое единое, то оно видит Единое простое. Поэтому всякое действие или созерцание по необходимости должно устремляться к Единому, превосходящему ум. Иначе ум ничего не совершит, но окажется напрасно действующим или созерцающим, ибо он будет действовать, подвергшись разделению от страстей, не увлекаемый чувством души к единовидному соединению с Единым, превосходящим ум, каковое именно соединение способно процеживать и очищать зрѣтельное начало ума, возвышаемое к Тому Единому, взирающее и притом ошущающее его в Том, от Которого все, и Которым и в Котором все, для Которого [все] бывает (см. 1 Кор. 8, 6; Рим. 11, 36; Кол. 1, 16; Евр. 2, 10), есть и существует.

19. Венец всех желаний есть единение Бога с душою, превосходящее ум. Для божественного единения необходимо божественное подобие; для божественного подобия необходима деятельность ума, то есть созерцание. Ибо таково именно божество, отчего Ему и присвоено имя Бог. Но созерцание тотчас восходит к мысли о Боге. Ибо

ти ѡвѣе на мысль вѣа восхѡдитъ. Вездѣ бо, и во всѣхъ, ѡки нѣкѣа лучи влагаетъ вѣъ во зрительный оумъ, и оумъ зрительенъ прамположна имать вѣа, вѣъ же есть едино премѣрно. Есть же и естество оума бывать таково дѣйствомъ, ѡкова зрѣтъ, ѡкоже вѣословный ѡзыкъ вѣественнѣйшаго григорѣа ѡвлаетъ: свѣтлостъ вѣжю, глаголющъ, и видѣти и пострадаѣти. Еже бо оумъ видѣ, сѣе и пострада, оужѣ таково и бысть: ѡшарѣетса во оумъ, глаголетъ петръ иже ѡ дамаска, по видимымъ имъ. И ѡкоже въ раздѣленныхъ зрѣ и различныхъ, различенъ бываетъ и раздѣлѣетса: такъ и къ взиранию премѣрнаго и прѡстѣ единаго возшедъ, послѣдованнѣ едино бываетъ, ѡкоже мною глаголаса напредъ. Повнегда же бы во единомъ былъ, безначальное и безконечное зрѣтъ и неовображенное и прѡстое, таково бо есть едино. [зрѣ] Тѣмже прѡчее и той безначаленъ, безконеченъ и неовображенъ, и прѡстѣ по дѣйствѣ бываетъ. Сѣе же пострадавъ, и сѣе измененъ бывъ, во оуподобленѣи по части вѣжѣи, поеликъ мѡцно есть, ѡвертѣетса. И ѡсѡдѣ востекаетъ ко всѣхъ желанѣи краю, къ вѣественномѣ (сѣрѣчь) и паче оума и неизреченномѣ соединенѣю, еже есть, крайнее по вѣу намѣренѣе. Подѡбаетъ же оубв сѣхъ ради оумѣ тѣатиса всѣцѣмъ оухищренѣемъ горѣ прѡстрѣтиса и взирѣти дѣхомъ къ премѣрнаго и единаго видѣнѣю и взиранию.

к. Егда оумъ во многихъ, или еже малѣйшее вѣдетъ понѣ во двою, ѡвѣ ѡкв не прѡстѣ едино зрѣтъ, сегѡ ради ѡпредѣленъ же есть и конеченъ. Иже бо несовершеннѡ прѡста, такова сѣтъ. [зрѣ] Внегда же воистиннѣ единаго во ѡсѡзанѣи вѣдетъ неосѡжнѣмъ по оумномѣ на сѣе дѣхомъ взиранию безѡчѣснѣ возрѣвъ, безначаленъ, безконеченъ, безпридѣленъ, неовображенъ же и безвидѣнъ бываетъ, и въ неглаголанѣе ѡблекѣетса, и

отовсюду и во всем созерцательному уму Бог влагает как бы некоторые лучи, и созерцательный ум имеет Бога прямо перед собою, Бог же есть премѣрное Единое. А уму естественно становиться по деятельности таковым, какое он видит, как и богословный язык божественного Григория доказывает, говоря, что [ум] «увидел и ощутил светлостъ Божию» (Слово 38, на Богоявление). Ибо что ум увидел, то он и ощутил или даже стал таковым. Ибо ум, говорит Петр Дамаскин, *принимает окраску соответственно тому, что он созерцает*: и как, смотря на разделенное и различное, он бывает различен и разделяется, так, взойдя к созерцанию премѣрного и просто Единого, он последовательно становится единым, как мною сказано прежде. Когда же он достигает Единого, то он видит безначальное, бесконечное, безобразное и простое, ибо таково Единое. Вследствие этого, конечно, и сам он становится безначальным, бесконечным, безобразным и простым по деятельности. В таком положении, при такой перемене он восходит, насколько это возможно, к уподоблению чему-то божественному. И отсюда он поднимается к концу всех желаний, к божественному, превосходящему ум и неизреченному единению, которое именно и является крайнею целью по Бозе. Потому-то уму и следует направлять все свои усилия, чтобы быть простерту горѣ и возноситься духом к созерцанию и взиранию на Единое премѣрное.

20. Когда ум пребывает во многом или хотя бы по меньшей мере на двух предметах, тогда, очевидно, он не видит просто Единого. Поэтому он бывает ограничен, конечен и неясен, ибо таково не совершенно простое. Когда же ум станет в неосязательное соприкосновение с истинно-Единым, незримо устремившись к Нему в духе мысленным взглядом, то он бывает безначальным, бесконечным, неограниченным, безобразным и безвидным, обле-

ѣже молчати ѡбучаетса со оужасомъ, и исполняется веселіа, и страждетъ неизглаголаннаа. [зри] Безначальна же и безконечна и непредѣльна да не по сществу ма возмниши глаголюща бывати, но по дѣйствѹ. Зане и въ неже прелагается оумъ, не сществу егѡ есть, но дѣйство. Яще бо вы по сществу измѣнилася видѣвъ и пострадавъ ѡбоженіе, сирѣчь, ѡбоженъ бывъ ѡ ѣже бѣа видѣти, былъ вы по сществу бѣтъ. Но оубв нѣсть сїе, ни ѡ аггль никтоже, развѣ самагѡ и крайнагѡ и единагѡ бѣа, ѣже по сществу быти бѣтъ. Яще оубв по сществу ѡбожатиса оумѹ речи єсть безмѣстно, ѡстаѣтса глаголати сїе страдати емѹ самѣмъ тѣмъ ѣже зрѣти. Не оубв естество иматъ измѣнитиса на сществуѣ томѹ, но на дѣйствѣ. Паче же яще и измѣняется естественнѣ оумъ, ѣакоже речеса, по видимымъ имъ, но ѡнюдъ никакоже зрѣтъ вѣественное сществуѡ, но дѣйствіе, оубв ни той по сществу измѣнитса, но по дѣйствѹ.

ка. вса ѡ премірнагѡ единагѡ ѣакѡ возсіавша не ѡстѹпиша, ѡнѹдѹже прїаша бытїе всацѣмъ ѡбразомъ. Но въ немъ ѣакоже быша, такѡ и содержатса и совершаются: и ничтоже єсть ни въ часомъ ѡ всѣхъ, въ немъже нѣсть изліанїа, и яки нѣкаа вонѹ ѡнагѡ творительнагѡ и сщцагѡ единагѡ, и вса сщцагѡ причащающаа тѡкмѡ не гласъ испщцаютъ въ себѣ показюща, не премірное едино: сїе бо превыше сѣдитъ всакагѡ каковагѡлибо яще видѣнїа, яще помышленїа: но нѣкъю лѹчѹ единагѡ премірнагѡ. Тѣмъже, понѣже всѣми призываѣтса единоє, и вса зрѣтъ къ единомѹ, и само тѡ единоє премірное всѣми сщцими проавлѣетъ себѣ оумѹ: нѹжда єсть рѹководитиса и наставлѣтиса и водитиса оумѹ къ единомѹ премірномѹ. Ово оубв многихъ сщцихъ оувѣтомъ понѹждаемѹ: Ово же и ѣакѡ зиждѹщее

кается в безмолвие и в изумлении хранит молчание, исполняется радости и испытывает невыразимое. Но не скажи, будто я утверждаю, что ум становится безначальным, бесконечным и неограниченным по сущности, а не по деятельности, так как то именно, чем ум изменяется, есть не сущность его, но деятельность. Ведь если бы он изменялся по сущности, увидев и восприяв обожение, будучи обожен тем, что видит Бога, то он стал бы по сущности Богом. Но [ни для кого] невозможно быть по сущности Богом, даже и ни для одного из ангелов, кроме единого только и высшего Бога. Итак, если неуместно сказать, что ум обоживается по сущности, то остается говорить, что ум испытывает это самим созерцанием. Следовательно, естественно, что он изменяется не в существе своем, но в деятельности. Иначе говоря, если уму свойственно изменяться, как сказано, соответственно созерцаемому им, то он видит вовсе не божественную сущность, а только деятельность; да и сам он изменится, следовательно, не по сущности, но по деятельности.

21. Все как бы воссиявшее из Единого премірного не отложилось от того, от чего получило всячески свое происхождение, но как произошло, так и содержится и совершается в нем. И нет ничего такого во всем [что создано], в чем бы не было излияния и как бы некоторого благоухания того творческого и действительного Единого. И все причастное сущему не издает разве что гóлоса, указывая не на премірное Единое (ибо Оно находится превыше всякого какого бы то ни было созерцания или помышления), но на некоторый луч премірного Единого. Поэтому так как всеми [существами] призывается Единое, все склоняется к Единому и само премірное Единое проявляет Себя уму во всех существах, то уму необходимо быть руководимым, наставляемым и водимым к премірному Единому как под влиянием убеждения со стороны множества существ, так и потому, что творящее Единое, о

ѐдино: (Ѡ нѣмже нѣмъ нынѣ слово ѣсть) хѡщетъ зрѣтисѧ Ѡ оумѧ избыточествомъ блѣгости, да въ сѣмъ оумѣ страждетъ ѣже жити, ѣкоже сѧмо тѡ глаголетъ неизречѣнное ѐдино: азъ ѣсмь живѡтъ (Іѡѧн. ѧі, кѣ). И, сѣ ѣсть живѡтъ вѣчный, да знаютъ тебѣ ѐдинаго истиннаго бѣга (Іѡѧн. зѣ, г). И индѣ: взыщитѣ гдѧ, и живѧ вѣдетъ дѡша вѧша (Ѳал. зѣи, лг): Ѡ взыскѧніѧ во ѣсть видѣніѣ, Ѡ сегѡже живѡтъ. И ѣкѡ да радѡетсѧ и просвѣщѧетсѧ и веселитсѧ, ѣкоже давидъ глаголетъ: ѣкѡ веселѧщихсѧ всѣхъ жилище въ тебѣ (Ѳал. пѣс, з). И, во свѣтѣ твоѣмъ оумримъ свѣтъ (Ѳал. лѣ, г). Или кѧкѡ оумъ оубѡ создѧ зрительнѣ, своѧ же во всѣхъ сѡщиѡхъ разсѣѧ: ииже ѧки нѣкѣими ѡкнами ѡзарѣніѣмъ оумнымъ оумѡ показѡсѧ, привлѧчитъ двѣжима сегѡ къ себѣ просвѣщѧема.

кв. Бгъ, (ѣже ѣсть трѡическое блѣгѡе ѐдино) ѣже сотвори, хотѧи сотвори. Но оубѡ ѣже бгъ хѡщетъ, крѧйнее ѣсть блѣго. Ѣстество во ѣсть оумѡ блѣгость: сотвори оубѡ оумѧ самагѡ себѣ, или своиѡхъ сѧ зрительна, ѣже собирѧти вѣсть зрѧщаго къ ѐдиномѡ: оугѡдно оубѡ ѣсть бгѡви зрительнѡ быти оумѡ самагѡ егѡ: и сѣ емѡ ѣсть крѧйнѣ блѣгѡе. Бгъ же ѣсть воистиннѡ и прѡстѣ ѐдиное, къ немѡже взиѧти и собирѧтисѧ ѐдиновиднѣ, крѧйнѣ ѣсть блѣго, ѣкоже показѧсѧ.

кг. Ѣще ѐдино ѣсть, и соединѣнно рѧчѣніѣ, собѡрное по бгѡмѡдрыхъ сказѧнію, ѐдино ѣсть ѣвѣ ѣкѡ и рѧчительствѡемое. Ѣще во были быста двѧ ѣже малѣйшее, рѧчительствѡемаѧ: или двѧ были быста рѧчѣніѧ, или на двѧ раздѣлилосѧ бы ѐдиное рѧчѣніѣ, и никѧкоже бы именовѧлосѧ ѐдино и собрано: нынѣ же ѐдино быти глаголемо и собрано собѡрное рѧчѣніѣ, ѣснѣ разѡмѣти подѡбѧетъ ѐдино быти и рѧчительствѡемое. Но оубѡ преимѡществѡетъ рѧчительствѡемое ѣже ѡкрестъ себѣ ра-

Котором у нас теперь идет речь, хочет быть видимым для ума благодаря избытку благодати, чтобы ум в Нем ощущал жизнь, как говорит Само неизреченное Единое: «Я есмь жизнь» (Ин. 11, 25), и: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога» (Ин. 17, 3), и в другом месте: «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша» (Пс. 68, 33), — ибо вследствие искания бывает видение, а из него — жизнь, чтобы [ум] радовался, просвещался и веселился, как говорит Давид, «ибо в Тебе жилище всех веселящихся» (Пс. 86, 7), и: «Во свете Твоем узрим свет» (Пс. 35, 10). Или почему Он создал ум созерцательным, а Свои свойства рассеял во всех существах, показываясь в которых, как бы в некоторых окнах, уму при духовном озарении, Он восхищает его, привлекая к Себе во время осияния?

22. Бог, Который есть Троичное благое Единое, все, что сотворил, то сотворил хотением. Но, конечно, то, чего хочет Бог, есть наивысшее благо, — ибо благодать есть естество Его; а ум Он создал созерцателем Себя или Своих свойств, что дает способность соединять созерцающего с Единым. Следовательно, Богу желательно, чтобы ум был созерцателем Его Самого, и это — высокое благо само по себе. Бог же есть истинно и просто Единое, взирать на Которое и соединяться с Которым единовидно есть, как доказано, высокое благо.

23. Если *едина и собрана в себе всеобщая любовь*, по объяснению богословов (θεοσόφων), то, очевидно, есть и одно любимое. Ибо если бы было по крайней мере два любимых [предмета], то или существовали бы две любви, или одна любовь была бы разделена пополам и не называлась бы одною и заключенною в себе. Теперь же, когда говорят, что всеобщая любовь есть едина и заключена в себе, то, очевидно, должно думать, что едино и любимое. Но, конечно, любимое предшествует любви к нему, и не-

чѣнїа. И не возмѣжно ѣсть ѿнїодъ, прѣжде дѣже ктѣ не ѣааа бы за рачїтельствомаго, кѣквибо дабы възмѣгла ѣмѣти раченїе егѣ. Ёсть же раченїе сїе, прѣтажѣна любви, юже къ вѣс ѣмѣти, естѣственный же ѣ писанный законъ бжїй истазжетъ ѿ насъ. Овъ оубв, крайнѣ оумъ добрѣлюбвенъ свщс оувѣщавѣаа ѣтиса за лѣчшее, еже ѣсть вѣс: сѣй же, возлюбїши, глаболл, гдѣа вѣа твоегѣ ѿ всеа дшїи твоеа, ѣ ѿ всегѣ сѣрдца твоегѣ, ѣ всѣмъ помышленїемъ твоимъ (Втор. 5, 6). И гдѣ же вѣс твої, гдѣ едїнъ ѣсть. Едїно оубв ѣсть рачительствомае: еже ѣсть трѣицескаа едїница, еяже воїстиннѣ ѣ прѣжде бытї подобѣетъ во оумѣ еже ѣкрестъ еа раченїа. Къ премїрномѣ оубв едїномѣ горѣ прострѣтиса оумѣ желѣти подобѣетъ. Икв да ѣверѣтенїемъ ѣ видѣнїемъ сегѣ, возсїѣетъ ѣ еже ѣкрестъ егѣ раченїе, ѣ ѣсполнїтель челоѣккъ бытї възмѣгл бы ѣ закона ѣ заповѣди, возлюбївъ, по раченнымъ, гдѣ вѣа своего.

ѣд. Не возмѣжно ѣсть возшѣдш оумѣ къ паचे оумѣ едїномѣ нерачїтельнѣ нѣкакв бытї егѣ: добрѣтѣ во неизреченнѣ ѣ недомысленнѣ произнїцѣющѣ изъ негѣ, ѣакв ѿ вседержїтельна корене оусрѣтаѣетъ: егда ѣ акї мрѣжа раздрѣтиса бѣдствѣющїи ѣверѣтенїемъ многїхъ рыбѣ ѣ влеченїемъ, ѿ вжѣстѣвеннѣхъ просѣѣщенїї оумѣ ѣверѣтаѣетса: ѣ юже паче оумѣ добрѣтѣ зрѣ оужасѣетса, ѣ акї ѿ вїна оупивѣетса, ѣ ѣакв безѣмнїй ѣзстѣпѣетъ, ѣ еже паче мысли стрѣждетъ оудивленїе, оужаснѣмъ добрѣты паче добрѣтное видѣнїе не вмѣщааа взираѣти. Темже воїстиннѣ ѣ оумѣми любвѣ содержїмъ ѣсть, ѣ акї ѿ жѣжды ѣверѣтаѣетса ѣпалѣемъ. Едїно во ѣсть еже паче оумѣ едїное. Но ѿ всѣхъ проповѣдѣетса ѣакв всѣхъ предначѣло винѣвно, ѣакв начѣло ѣ ѣакв конѣць, ѣакв содержанїе сегѣ. Но добрыхъ ѣ благїхъ всѣхъ

возможно, чтобы кто-нибудь, прежде чем ощутить каким бы то ни было образом любимое, почувствовал любовь к нему. Есть же эта любовь та напряженная любовь, иметь которую к Богу требует от нас и естественный, и писанный Закон Божий. Первый [требует любви к Богу], убеждая ум, в высокой степени любящий прекрасное, стремиться еще к лучшему, которое есть Бог; последний — говоря: «*Возлюби Господа Бога твоего от всей души твоей, и от всего сердца твоего, и всем помышлением твоим*» (Втор. 6, 5); а «*Господь Бог твой Господь един есть*» (Втор. 6, 4). Значит, одно любимое, именно Троицеская Единица, Которая и должна существовать для ума прежде любви к Ней. Итак, уму должно стремиться быть простертым к премїрному Единому, чтобы вследствие нахождения и созерцания Его воссияла и любовь к Нему и чтобы человек возмог стать исполнителем закона и заповеди, возлюбивши, по сказанному, Господа Бога своего.

24. Невозможно, чтобы ум, взошедший к Единому, превосходящему мыслительную способность, был почему-нибудь не любящим Его. Ибо он встречает несказанную и недомыслимую красоту, произникающую из Него (т. е. премїрного Единого), как из вседержительного корня, когда под божественными озарениями ум является как бы сетью, готовою прорваться от улова и влечения множества рыбы (ср. Лк. 5, 7); приходит в изумление, созерцая красоту, превосходящую разум; опьяняется как бы от вина и бывает вне себя, как исступленный, и испытывает удивление, превышающее мысль, не будучи в состоянии вместить прекрасное зрелище необычайной красоты. Вследствие этого, конечно, ум бывает содержим и узамї любви и является как бы томим жаждой. Единое, превосходящее мыслительную способность, есть Одно. Но всеми провозглашается Оно предначѣльною причиною все-

доброты и благодати преисточениемъ добрототворныхъ силы само произведет, превыше всякѣмъ доброты, и всякѣмъ благодати безконечнократнѣ безконечнѣмъ внѣтърь сѣдѣнцѣ, и безъ сравненія едино сущо премірно: едино естествомъ рачительствѣемо паче всякаго рачительствѣема, ѿкъ едино воистиннѣ добро и благо, превышше сущо всякаго добра и блага, и едино закономъ естества же и чина воистиннѣ возлюблено, ѿкъ всѣхъ винѣвно, и ѿкъ толѣкѣ, елики возлюбленнаа всѣ и рачительствѣема превосхожденіемъ доброты и благодати превозшедшо: и едино премірно воистиннѣ, ѿкъ едино воистиннѣ сущо, и всѣхъ сущихъ производительно. Ѡбращатиса оубо подобаетъ съ благимъ полчѣніемъ, еже глаголетсѣ, дѣхомъ къ самаго единаго ѡбрѣтенію и разумѣ: ѡнѣдѣ же всѣхъ началъ, и идѣже всѣхъ концы, и всякъ сама ѡ себѣ вѣжественнаа любвѣ двѣрь намъ благодѣтїю хрѣтѣвою ѡверзаетсѣ, и внидемъ въ покой гдѣ нашего въ веселїи и радѣванїи мнозѣ, и сладѣсть тогѣ единаго познаемъ, и вѣжественна наслажденїа во искѣстѣ вѣдемъ, едино и сами бывше, а не на многа раздѣрающеся, или раздѣлающеся, по спїсїтелю ко оцѣ моленїю, да вѣдѣтъ, глаголющаго, едино, ѿкоже и мы едино есмы (Іѡан. 31, кѣ). Тогда оубо и заповѣди ѡпасни вѣдемъ хранители: возлюбїши, глаголющїа, гдѣ бгѣ твоегѣ ѡ всѣмъ дѣшїи твоемъ, и ближнаго своегѣ ѿкъ самъ себѣ (Лѣкїи 1, кѣ3), и еже по человекѣ совершенства имемсѣ, елики достигнѣти мѣцно. Конѣць во закона любвѣ есть, въ нейже не токму весь законъ и пророцы, но и всї висѣтъ совершѣни бывшїи по бгѣ во хрѣтѣ.

кѣ. Всякаго естества имѣщаго соединѣтисѣ съ дѣхомъ, оумаленїе есть раздѣленїе. Тѣмже оубо и оумъ, дѣйствомъ аще бы нѣчто и раздѣлаѣсѣ, внѣ есть послѣдствѣющаго емѣ по благодѣти. Сїе же страждетъ

го, началом, концом и стройным соединениемъ всего. Но, источая силу, творящую прекрасное и доброе, Оно Само произвело красѣты и доброты всего прекраснаго и добраго, бесконечно превыше всякой красѣты и всякой благодати, беспредельно обїтая [в творенїях] и будучи несравненно Единым премірным, Одним по природѣ вожденнымъ свѣше всего любимаго, как Одно только истинно прекрасное и доброе, превосходящее все прекрасное и доброе, Одно по закону природѣ и порядка действительно любимое, как причина всего, постольку, поскольку Оно превзошло все возлюбленное и вожденное превосходствомъ красѣты и благодати, и Единое истинно премірное, как Одно только действительно сущее и производящее все существа. Итак, с Божїею помощїю, как говорится, должно обращаться в духѣ к исканїю и познанию только Единого, откуда начала всего и гдѣ концы всего, — и, конечно, дверь божественной любви сама собой открывается (ср. Деян. 12, 10) нам благодѣтїю Хрїстѣвою, и мы войдем в покой (ср. Евр. 4, 3) Господа нашего в великомъ веселїи и радѣсти, познаемъ сладѣсть Единого и будемъ вкушать божественное наслажденїе, не разбрасываѣсь и разделяѣсь на многое, но ставшїи и сами единымъ, согласно со взыванїемъ Спасителя к Отцу, говорившего: «*Да будутъ едино, какъ Мы едино*» (Ин. 17, 22). Тогда, конечно, мы будемъ и точными хранителями заповѣди, говорящей: «*Возлюби Господа Бога твоего всею душею твоею, и ближнего твоего, какъ самого себя*» (Лк. 10, 27), и достигнемъ совершенства по человеку, насколько это возможно. Ибо любовь есть конецъ закона (ср. Рим. 13, 10). На ней «*основываѣются*» не только «*весь законъ и пророки*» (Мф. 22, 40), но и все усовершївшїеся по Богу во Хрїстѣ.

25. Для всего, склоннаго от природѣ соединѣтисѣ с Духомъ, раздѣленїе есть ослабленїе. Вследствїе этого именно если бы и умъ сталъ сколько-нибудь раздѣляѣсь в своей деѣтельности, то онъ оказалъ бы вне подобающаго

различна нѣкаа зрѣ: нѣсть бо мѡчно въ различныхъ
взиранихъ имѣти нераздѣльность. Яще бо бы кто (се-
мѣ) оучилъ не ѡбращетъ со оудѡбствомъ воздѣть слѡво.
Чесогѡ ради оумъ безмѡлвїа, инъ ѣсть паче (оумѡ)
слїанїа, и оумъ ли бѣгобѡцихса стѣжаемомѣ ѡ (непо-
стоанства) страстѣй подобенъ быти докажетъ, ѣже
ѣсть безмѣстно. Такѡвъ бываа всѡкъ оумъ дѣйствомъ
їаквѡ зрїтъ, по нѣждѣ зрѣ слѡжна, и тѡй различенъ
бываетъ: и простоты испадаа, нѣсть возможно, дабы
возмѡглъ имѣти въ семъ нераздѣльное. Подъ раздѣ-
ленїемъ же лежащїй, ѡнїодъ никакоже ѣсть ѡ грѣха
чїстъ, внегда и сѡмо тѡ ѣже раздѣлѡтиса ѡ себѣ, воз-
мѡгшими созирати ѡ таковыхъ, грѣхъ сѣдїса. Понѣже
оумнаа оумѡ вещь къ высочайшемѣ и премїрномѣ едї-
номѣ горѣ взираниемъ, пачеестественнагѡ вкѣсїти оум-
нымъ чѣвствомъ добра должна сѣщи, въ раздѣленїе ѣже
внѣ благодѡти нѣстѣпльши ѣсть оужѣ. Подѡбаетъ же
оубѡ премїрнагѡ едїнагѡ держатиса, и горѣ прост-
рѣтиса, и взирати къ немѣ, и тѡчїю и едїнственнѣ всею
дѣшею, яще нѣвѣгнѣти хѡщемъ раздѣленїа и инства.
Не тѡкмѡ же, но ниже яще бы къ едїномѣ оубѡ взиралъ,
зданнѣ же, нераздѣленъ мѡжетъ быти оумъ. Едїно бо
зданно, не мѡжетъ глаголатиса воїстиннѣ прѡсто: пре-
дѣльно бо ѣсть и слѡжно, и ѡписано: и сегѡ ради ниже
прѡстѣ едїное имѣти прѡведнѣ ѣсть именовѡтиса,
ниже прѡстѡ имѣти вѣдетъ и едїновїдно оумъ свое
дѣйство къ семѣ нѣклоннѣ взираа: вѣдетъ бо пре-
дѣльно и ѡписано взираниѣ сегѡ со сложенїемъ, їакѡвѡ
ѣсть и зрїмое ѡ негѡ, и бѣговїднѡмъ благодѡти прѡста, и
безначальна, безпредѣльна же и неѡписана оустроаю-
щїа егѡ ѡпадѣтъ, и тѡйнагѡ, и паче оумѡ едїнагѡ внѣ
вѣдетъ. И своеѡ славы, їаже ѣсть наслажденїе едїнона-
чальна свѡйства, и безначальїа безпредѣлїе и простѡта,

ему по благодати. Это бывает с ним тогда, когда он смот-
рит на какие-нибудь разные предметы, ибо невозможно
[ему] при различных взираниях иметь нераздельность.
Ведь если бы кто-нибудь предположил ее, то он не легко
сумеет дать отчет, почему ум в состоянии безмолвия бы-
вает иным сравнительно с умом смущенным, и он утвер-
ждал бы тем самым, будто ум людей богоносных похож
на ум, обуреваемый порывами страстей, что немислимо.
Ведь ум, становясь по своей деятельности таковым, како-
вое видит, видя по необходимости сложное, и сам бывает
различен, а лишаясь простоты, он никаким образом не
может сохранить при этом нераздельности. Подвергаясь
же разделению, он вовсе не бывает чистым от греха, так
как разделение и само по себе признано грехом теми, ко-
торые сами получили возможность замечать подобное.
Но если духовный образ ума, который должен, посредст-
вом воззрения на высочайшее и премїрное Единое, вку-
сить сверхъестественного прекрасного едїновїдно {еди-
ного} духовным чувством, выступил, положим, во вне-
благодатное разделение, то, конечно, следует уже дер-
жаться премїрного Едїного и взирать на Него, и прїтом
исключительно и едїнственно всей душой, если мы захо-
тим избежать разделения и разногласїа. Даже если и на
едїное, положим, посмотрит ум, но на сотворенное, то
все-таки он не может стать неразделенным. Ибо едїное
созданное нельзя назвать истинно простым: оно ограни-
чено, сложно и определено и поэтому не имеет основания
называться даже просто едїным, а, с другой стороны, ум
не будет иметь своей простой и едїновїдной деятельно-
сти, обратив пристальный взгляд на него. Ибо воззрение
на него будет определенное и ограниченное со сложени-
ем, каково есть и созерцаемое им, и ум уклонится от бо-
жественной благодати, устрѡяющей его простым, безна-
чальным, безграничным и неопределенным, и он будет
вне тайного Едїного, превосходящего мышление, и ли-

въ безвидномъ единовиднѣ бываючи, лишилса ѣсть. И преестѣственнымъ и неизреченнѣйшїа доброты не достизаетъ мечтаніе пострадати. Подобаетъ же оубо оумъ къ безначальному простому и безпредѣльному и воистиннѣ единому взирати, и горѣ простирайтиса: и тамъ тцятиса ѡсїаватиса, (и) съ началосовирательною единицею соединатиса, и сегѡ ради съ собою, да не токму возлюбленъ бѣдетъ ѡ лучшагѡ, ѡкѡ оуподобилса емъ, елико ѣсть возможно, безпредѣлемъ же и простотою, безвидїемъ и невоображенїемъ: но да и самъ бжественнѡ и предобротнѡ добротѣ и преестѣственнымѡ возлюбити возможетъ, ѡкѡ востѣкъ, по реченымъ, ко оуподобленїю. Понѣже бо подобнымъ бывати естѣственнѣ ѡбыче любително завѣщанїе къ подѡбнымъ, ѡвѣ ѣсть воистиннѣ, ѡкѡ возлюбленъ бѣдетъ, и взаимъ возлюбитъ оумъ бга: подобное бо подобномъ ѣсть подобно. И ѡкоже подобїе имать ѣже возвращатиса, ѡнюдъ имѣти бѣдетъ сице, и ко ѣже любити, ѣже взаимъ любимъ быти. Паче часогѡ больша страданїа междѡ бгомъ и душю ничтѡже ѣсть.

кз. Паче своегѡ сї естества тогда оумъ вываетъ, егда въ сщемъ паче оума ѡнюдъ бѣдетъ, безвиденъ же и безвобразенъ, и ѡнюдъ ѡбоженнѣ невоображенъ бивъ, безначаленъ же и безконеченъ, и ѡкоже слѡвомъ рещи, паче своегѡ соединенїа. Егда же помысленное свое имать съ собою, и въ бжественныхъ былъ бы и мысленныхъ оупраждналаса, тогда естѣственнѣ глаголетса, и движатиса и дѣйствовати, и во своемъ сї естествѣ стоати. Помногѡ же превыше ѣсть ѣже паче естества тогѡ, ѣже по естествѣ, и ѣсть сѣлѡ вышше. Подобаетъ оубо любити тцятиса быти тогѡ, ѣже паче естества, ѡкѡ наипаче лучшагѡ, по глаголющей заповѣди, ревновати большихъ дарованїй. Но оубо ѡвѣ ѡкѡ оумъ въ

шается своей славой, которая есть вкушение единоначального свойства и беспредельность безначалия, простота, становящаяся безвидным единовидно, и он не достигает до восприятия впечатления от сверхъестественной и неизреченной красоты. Итак, ум должен взирать и простирается к безначальному, простому и неограниченному и действительно Единому, стараться получать оттуда свое осияние и соединяться с началосовирательною Единицею и через нее с собою для того, чтобы не только быть возлюблену лучшим, уподобившись ему, насколько возможно для него, неограниченностию и простотою, опущением вида и образа, но чтобы и сам он мог возлюбить божественную и превосходную сверхъестественную красоту, возвысившись, как сказано, до уподобления. Ибо как естественно у подобного бывает любезное расположение к подобному, то очевидно, разумеется, что ум будет любим и в свою очередь полюбит Бога. Ибо подобное подобно подобному. И как сходство имеет соответствие, так, конечно, будет относиться к любви [одного] взаимная любовь [со стороны другого]. Между Богом и душою нет ни одного чувства сильнее этого.

26. Свыше своей собственной природы ум становится тогда, когда он вполне достигнет сущего превыше ума, ставши безвидным, безобразным и вообще боговдохновенно невоображаемым, безначальным, бесконечным и, так сказать, превыше своего собственного единства. Когда же предмет собственного размышления он имеет при себе, хотя бы он был занят божественным и духовным, тогда, как говорят, он естественно движется и действует и становится в пределы своей собственной природы. Сверхъестественное же значительно превосходит согласное с природой и гораздо выше [его]. Поэтому следует питать стремление стать причастным сверхъестественному как гораздо лучшему, по заповеди, гласящей о том, чтобы ревновать о лучших из дарований. Но, разумеется,

пачеестественнѣмъ сый въ вѣѣ ѣсть, (кромѣшній бо ѣсть всакагѡ естества вѣѣ, иже воистиннѣ ѣсть дрѣвнѣйшее и прѣстѣ единое) подобаетъ оубо къ дрѣвнѣйшему и прѣстѣ единому оумѣ горѣ простиратиса, и тцѣатиса взирати и возводитиса аки въ преестественное единое, да паче своегѡ естествонагѡ дѣйства возшедшѣ, лѣчше бѣдетъ емѣ, нежели во своемъ сѣ по естествоу стоащѣ.

Кз. Коеждо ѿ сщцѣхъ во своихъ сѣ свойственныхъ радѣетса же и почиваетъ естествоннѣ: ꙗже вса во дрѣвнѣйшемъ винѣнѣмъ предсоставишаса по винѣ единовиднѣй. Тогда оубо во истинна веселѣа оумѣ прѣидетъ естествоннѣ, и радость имѣти бѣдетъ не малѣ, и почиетъ ѿнѣодѣ, егда вса пришедъ и ѡставаъ, къ единачалнѣй ѡнѣй и первѣйшей винѣ горѣ простѣрласа бы, и тамѡ бы достигъ ѡбращенѣемъ оумнымъ, ѿ неаже вса же сѣтъ, и ꙗже всѣхъ, сѣрѣчѣ начаъ же и среды и концы, и въ нейже вса составишаса и содержатса, и ѣюже къ концѣ своемѣ водагѣса совершаемаа: и еаже ради благостраждѣтъ благостраждѣщаа: ѿ неаже и самъ той оубо оумѣ, и какѡвъ ѣсть, создаса: ѡбразомъ нѣкимъ самомѣ къ себѣ мѡцно ѣсть оумѣ ѡбращатиса, ко ѡнѣй истиннѣй и всѣхъ винѣ ѡбращаемѣ, сщцѣей егѡ ѡнѣй истинномѣ первообразѣю. ꙗ понѣже коеждо само себѣ любитъ естествоннѣ, и нанначе же оумѣ сѣ страждетъ, ꙗкѡ недостижныа доброты паче оума единого ѡбразъ сый предобрѣтенъ: сѣлаѡ любитъ ѡбращенѣемъ взираа къ своемѣ сѣ винѣнѣмъ, занѣ, ꙗкоже речеса, самагѡ себѣ зрѣтъ тамѡ зра, и превозлюбляетъ. И ѡнакѡ же, ꙗкѡ и сѣ любви нѣкаа ѣсть тѣмъ, и зъ негѡ же къ томѣ ѿ негѡже естествоннѣ любительна, ꙗкоже и напротивъ, раченѣе ѡбдержитса въ родителехъ къ рожденнымъ. Сегѡ ради многа нѣкаа возниааетъ и неизреченна сла-

очевидно, что ум, находясь в сверхъестественном, бывает в Боге. Ибо Бог действительно превышает всей природы, так как Он, конечно, самое начальное и просто Единое. Итак, следует уму простираться, стараться взирать и возводить себя к самому начальному и просто Единому, чтобы, взошедши к сверхъестественному Единому, превышает своей естественной деятельности, стать в лучшее положение сравнительно со своим естественным.

27. Каждое из существ находит естественное удовлетворение и покой в своих собственных [частных] свойствах, которые все в предначальной причине раньше имели свое бытие по единовидному основанию. Именно тогда ум естественным образом придет в истинное веселие, будет иметь не краткую радость и вполне успокоится; перешедши и оставивши все, он будет простираться к той единачальной и первой причине и там духовным обращением достигнет [той], из которой произошло все и свойства всего, начала, середины и концы; и в ней все состоит и содержится, ею все совершающееся приводится к свойственному концу, через нее наслаждается все, что испытывает доброе, ею и самый ум создан уже таким, каков он есть, ибо некоторым образом ум может обращаться к самому себе при обращении к той главной причине всего, которая есть истинный первообраз. А так как каждое [существо] естественно любит себя, а в особенности это ощущает ум, будучи прекрасным образом непостижимой красоты Единого, превосходящего разум, — то он очень любит взирать на свою собственную причину, обращаясь к ней, именно потому, что, как сказано, взирая туда, он видит себя самого и начинает любить еще более. С другой стороны, и это есть некоторая любовь, естественным образом проявляющаяся у сотворенного к Творцу, как и, в свою очередь, любовь к детям объемлет родителей. Поэтому для того, кто обращается к Единой при-

достъ къ всѣхъ винѣномъ возвращающихся единомъ. Къ томъ бо изъ негѣже есть, ѡбращается, и къ самому себѣ, якоже речеся. Тамъ бо предсоставишася словомъ вины всѣ, тѣмже и оумъ яко ѡ всѣхъ сый единомъ, во еже быти есть въ паче оумъ единомъ, яко винѣномъ первообразномъ.

Ки. Якоже ѡ паче существа сущаго всако существо, и естество всако ѡ иже паче естества, и ѡ безлѣтнаго и несложнаго, яже во времени же и словнаго, ещѣ же оубо ѡ незданнаго, зданнаго быти естество имѣтъ: такъ и всакъ видъ ѡ безвиднаго бысть и ѡ премірнаго единаго, многаго и видимаго. Оубо къ единомъ безвидномъ не оупражняйся, и зриай, и аки ѡ онаго зависай, но ко иномъ чесомъ въ видѣ и твари зримыхъ: сей несравненно мѣрою оумаленное превышесущаго первѣйшее положи, и идолослужителей негли близъ стоитъ: въ немже бо оупражняется кто, и къ немже зриаетъ, сегѡ и желаетъ, и егѡже желаетъ, симъ и побѣждается, и иже побѣжденъ вывадетъ, симъ и поравотися. Сице служитъ сей твари паче творца. Симъ во оумъ коегѡждо и поравотися и служитъ емъ, и любитъ (ѐ) еже зриаетъ, и въ немже оупражняется. Яце же кромѣ единаго простаго и безвиднаго оупражненіе и зираніе толікѡ поползатися творитъ: къ единомъ безвидномъ простомъ (да вѣдетъ) намъ тцаніе, и познаніе ѡбращеніемъ: и горѣ простѣртіемъ оумнымъ, и дѣже сокровища всакаго сѣть разума, и и дѣже достигшимъ, всакаго видѣніа покой или почитіе, и ѡ еже помышлати престатіе, и паче оумъ молчаніе, и не исповѣдімо радованіе во мнозѣ оудивленіи.

Кѡ. Яце всѣ сущаго еже быти желаютъ: есть же всѣхъ еже быти, по винѣ, въ паче еже быти единомъ,

чине всего, возникает великое некое несказанное удовольствие, ибо он обращается к причине [своего бытия] и к самому себе, как сказано. Ибо в ней как в причине всего имеет свое первоначальное бытие все; и конечно, и ум, как единое из всего, заключается в Едином, превосходящем разум, как в причинном первообразе.

28. Подобно тому как получили свое бытие из пресущественного всякое существо, из сверхъестественного всякое естество, из безвременного и несложного временное и сложное, а также из несозданного созданное, так и всякий вид произошел из безвидного, и из Единого премірного многого являемое. Поэтому тот, кто не входит в общение с безвидным Единым и устремляется не (μη... ἄσχρολύμενος) к Нему, имея Его как бы своим основанием, но к чему-нибудь другому из созерцаемого в образе и твари, тот предпочитает несравненно умаленное превыше сущему и, пожалуй, стоит близко к идолослужителям. Ибо чем кто занят и на что обращает взор, к тому и стремится, а к чему стремится, тем и побеждается; чем побеждается, тем бывает и поработен (ср. 2 Пет. 2, 19), и действительно таковой служит твари более Творца (Рим. 1, 25). Ибо ум каждого тем бывает поработен, тому служит и то любит, на что он зриает и чем бывает занят. Если же занятие чем-либо иным, кроме простого Единого и безвидного и помимо зирания [на Него], производит столько уклонений [в сторону зла], то к безвидному Единому простому должно быть направляемо наше старание и познание посредством обращения [к Нему] и умственного устремления туда, где именно находятся сокровища всякого знания (Кол. 2, 3) и где, у достигших туда, бывает покой или прекращение всякого созерцания, приостановка мышления, молчание, превосходящее ум, неизъяснимое веселие среди великого удивления.

29. Если все существа стремятся к бытию, бытие же всего по причине [своей] заключается в Едином, превос-

всѧ оубв ѡ паче же словеснаѧ, ѡ сщцихъ, правв ѡ ꙗкоже подобаетъ движущасѧ, паче еже быти ѡ единачу желаютъ, еже быти желаютъ, оубо не къ паче еже быти единому горѣ простирайтсѧ оумъ, ниже сегѡ желаетъ, развращенна ѡ погрѣшна оупотребляетъ движениѧ, ѡ своегѡ испадаетъ достоинства, еже есть паче еже быти единачу познаниѧ, ѡ вжественнѣйшее къ немѡ паче оума единовидное соединениѧ ѡ возлюбленнѧ.

л. Винѡвнаѧ излишиѧ имѡтъ доброты винимыхъ: винѡвное же всѣхъ ѡбще, единое пресущественное. ꙗще оубв оумъ прилепитсѧ бы къ нѣчесомѡ ѡ ꙗже по единѣмъ пресущественнѣмъ, ꙗкв къ добру, или ꙗкв какъ либо оумна достѡинъ привлечениѧ, ꙗвѣ погрѣши намѣреннѧ сегѡ. Добротолѡбенъ оубо сый, но не къ первомѡ ѡ истинномѡ (ѡ негѡже всѧ двѡраѧ причастнѣмъ сѡтъ двѡра) пресущественномѡ единомѡ: но къ частнымъ сщцимъ ѡ ѡначу доброты оумниемъ или невѣжествомъ движимъ. Оумленнѣ же разсмотрѣвающнѧ оумъ, къ единомѡ пресущественномѡ свое простираетъ мысли взираниѧ: разсуждаетъ ꙗснѣ, ꙗкв лишше полъчитъ тѡ, сегѡже желаетъ, ꙗкв въ винѡвно во ѡно оумно взираниѧ достигъ: ѡ ꙗкв ничтѡже есть своихъ, или каковѧ либо добра преподательно, точнѡ пресущественное едино. ꙗще во нѣкаѧ ѡ мнѣласѧ быша силы сщциѧ преподательныѧ своихъ, но не винѡ пребывати имѡтъ естество сѧ въ рачительнѣмъ оумѣ: единомѡ во сѧ стѡмъ дхѡ творити вѣрветсѧ, ѡ ꙗкоже бы хотѣлъ дѣйствовать, ѡ гдѣ либо, ꙗкв гдѣ сый, ѡ естество сый влчнѧ, ѡ лице трнѡпостасныѧ единицы. Къ пресущественномѡ оубо единомѡ ѡбращатсѧ подобаетъ оумѡ, идѣже не токму источникъ каковыхъ либо благъ, но ѡ

ходящем бытие, то, следовательно, все [существа] и в особенности разумные из существ, правильно и как должно движущиеся к бытию, стремятся к Единому, сущему превыше бытия. Следовательно, ум, не простирающийся к Единому, сущему превыше бытия, и не стремящийся к Нему, имеет извращенное и греховное движение и утрачивает свое достоинство, которое состоит в познании Единого, сущего превыше бытия, в божественнейшем, превосходящем разум, единовидном соединении с ним и в любви [к Нему].

30. Причины в избытке заключают в себе красоты происходящего от них. Причина же всего вообще есть пресущественное Единое. Если же ум прилепится к чему-нибудь из того, что вытекает из пресущественного Единого, например к красоте или к тому, что достойно, пожалуй, умственного влечения, то цель его очевидно не достигнута, так как, даже имея любовь к прекрасному, он по легкомыслию или неведению направляется не к первому и главному, от которого все прекрасное бывает прекрасным, благодаря причастию его, не к пресущественному Единому, но к тому, что из Него заимствует свою красоту. Но ум, рассуждающий целесообразно, простирает свое мысленное взирание к пресущественному Единому, распознавая ясно, что он с избытком достигнет того, чего желает, ставши в этом мысленном взирании как в причине, и что ничто, кроме пресущественного Единого, не сообщает [уму] своих [свойств] или чего бы то ни было из прекрасного. Ведь если бы и казалось, что есть силы, могущие сообщать свойственные дарования, то все-таки им не свойственно навсегда оставаться у любящего ума, ибо, как веруем, только одному Духу Святому присуще делать это и действовать как хочет и где бы то ни было как Господу и существу владычней природы, Лицу трипостасной Единицы. Итак, ум следует направлять к сверхъестественному Единому, где не только источник

дарованій неѡемлемое ѣсть раздааніе.

ла. всѧ сѣщаа желаютъ естѣственнѣ благѧгѡ: єдино же ѣсть воистиннѣ благо, аще и многимъ глаголемымъ благимъ. Простѣ во благо, и аки всесовершенно во многихъ не ѡбращеши ничесѡже. Но по нѣкоемѣ блѧга причастію глаголемо благо нѣкакѡ, ѡ єдина пресѣщественнагѡ причащающесѧ блѧгѧгѡ, никакоже сѣе имѣщо ѡ себѣ. Оно во токѡмѣ єдино пресѣщественное, благо ѣсть простѣ и преблаго, и источникъ всѧкїѧ блѧгости, и своїхъ сї преподательно, и къ самомѣ себѣ естѣственнѣ ѡбратительно, всѧкагѡ сѣществѧ, бытіѧ, навикновенїѧ, сілы, движенїѧ, дѣйства, своїства, и каковыѧ либо доброты и блѧгости: и простѣ сѣщаа всѧ, и всѧ ѡкрестъ сѣщихъ видимаа, ѡнѣдѣ ѡ єдинагѡ пресѣщественнагѡ прїѧша іавленїе творительнѣ. Сегѡ ради оумъ къ инѡмѣ чесомѣ, а не къ пресѣщественномѣ простѣ єдинѣ носимъ, погрѣшно имать движенїе, движѧсѧ оубѡ негли ко блѧгѣ, не къ воистиннѣ же и простѣ блѧгѣ. Нижѣ ко оублагодѣтствѡющемѣ и лѣчша сотворѧющемѣ, и инѧм превосхожденїемъ благодѣворна преизліѧнїѧ оублагодѣтствованїѧ и лѣчшинства трѣбѡщаа.

лв. Оумъ оубѡ многихъ подъ раздѣленїемъ ѡ безѣмїѧ лежѧщѣ и аки растерзавѧемъ ѡ многихъ, не вѣсть блѧгоє простѣ єдиноє: нижѣ оубѡ ищетъ, нижѣ оупражнѧетсѧ къ немѣ. ѡ нихже глаголетъ иже въ дѣдѣ дхѣ: Мнози глаголютъ: кто іавитъ намъ блѧгѧ; (Ѳал. д, з) а не блѧгоє, и влѣпотѣ: ѡ многихъ пекѣщесѧ и мѡлѡвѧще, невѣдѡще іакѡ єдинагѡ ѣсть искѧти потреба. Егѡже часть, іаже стѣимъ вжїимъ слѡвомъ блѧга изречесѧ, илї не разѣмѣвше претекѡша, илї вознерадївше ѡтщетишасѧ (єл) ни понѣ во оумъ полагающе взыскѧти пѧче всѣхъ взыскѧтисѧ достѡйнѣйшагѡ: водїми же бѣвшїи

каких бы то ни было благ, но и неотъемлемое раздавание дарований.

31. Все существа естественно стремятся к благу; в действительности же одно есть благо, хотя и многие [вещи] называются благами. Ибо среди большей части [вещей] ты не найдешь ничего просто благого и как бы всесовершенного, но только называемое некоторым образом благом по некоторому причастию блага как причастное благу от пресущественного Единого, а вовсе не имеющее его из самого себя. Ибо только это Единое пресущественное есть просто благо, и вышнее благо, и источник всякой блѧгости, и способно сообщать свои свойства и обращать естественно к себе всякое существо, бытие, положение, силу, движение, деятельность, свойство и какую угодно красоту и благодѣтельность. И просто все существа и все созерцаемое вокруг существ оттуда, из пресущественного Единого, восприяли творчески свое явление. Поэтому-то ум, стремясь к чему-нибудь другому, а не к пресущественному простому Единому, имеет движение нецелесообразное, так как хотя стремится, пожалуй, и к благу, но не к истинно и просто благу и не к тому, которое избытком благодѣворного преизлияния делает добрым и лучшим и прочее, нуждающееся в приобретении добра или преиспешении на лучшее.

32. Ум большинства людей, подвергшись, по невеждению, разделению и будучи как бы развлекаем многим, не знает блага просто Единого: именно, отчасти не ищет [его], отчасти не занят им. Об этом говорит Дух в Давиде: «Многие говорят: кто явит нам благая?» (Пс. 4, 7), а не «благое», — и естественно: заботясь и суется о многом, они или, не познавши, что «потребно единое», прошли мимо «части» его, которая названа «благою» святым Божиим словом (Лк. 10, 42), или утратили ее по своему нерадению, даже и вовсе не думая искать того, что более всего заслуживает быть искомым. Предавшиеся же руко-

дѣдомъ наказателемъ, и ѿкъ стопамъ ѿнагъ послѣдовать подобаетъ сдѣвшій: знаменася на насъ, глаголютъ, свѣтъ лица твоего гди: сирѣчь разумъ единственной славы твоея знаменася ѿкъ въ зеркалѣ въ насъ. Такъ во многихъ радуются избѣльнїи и мнози людїе благихъ. Снѣце внѣтръ ѡзаряются живущїи дѣховнѣ единственнагъ и прѡстѣ благагъ вѣдѣнїемъ ѡ дѣа премїрнѣ просвѣщаеми.

лг. Икоже влеченїе воднагъ теченїа больше бы было единовиднѣ пролїваемъ, нежели раздѣлаемо и раскае-мо на многа. Такъ и взиранїе оумѣ, и движенїе же егѡ и желанїе сѣльнѣйше бѣдетъ оубѡ, взирающе не много-частнѣ, ни многообразнѣ, но единовиднѣ и безъ раздѣленїа, еже бывати естество имать къ премїрномъ и прѡстѣ единомъ горѣ протяженїемъ и взиранїемъ и видѣнїемъ. Собираетельно бо естъ воистиннѣ премїрное и прѡстѣйшее едино. И сїе зрѣти оумъ сподобиса, не мѡчно естъ не вообразитиса ѿкоже подобаетъ подобнѣ томъ ѿки ѡбразъ, и не быти безвиденъ, въ чинѣ единовиднѣмъ, прѡстѣ, безшаренъ, безвиденъ, безкачественъ, неусажженъ, безпредѣленъ, безконеченъ, безобразенъ: и ещѣ прѡстѣ едино премїрно, лучами бжественна и премїрна раченїа просвѣщенъ во ѡкровенїи разума таинственна, безгласїемъ и неразумїемъ, паче слова и помышленїа оубѣнчанъ бивъ, наслаждаася дѣховна радванїа, и веселїа небесна. И ещѣ измѣнѣетсѣ на бжественнѣйшее и въ бжественный ѡбразъ ѡвлекаетсѣ, въ прѡстое и безконечное, и безобразное, и безвидное, и едино, и въ предреченнаа инѣа дѣховнѣ вообразѣемъ. И аще вы оубѡ не сїе томъ было и не пострадаалъ бы таковое бжественно измѣненїе во ѡсзнанїе и мечтанїе единагъ премїрнагъ, никакоже достїже. Единица бо единотворна естъ бгѣ, и оумъ паче помыш-

водству Давида как наставника и признавшие нужным последовать его стопам говорят: «Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи» (Пс. 4, 7), то есть знание единственной славы Твоей отпечатлелось в нас, как в зеркале. Таким образом, во многих благах находят удовольствие многие заурядные люди, а так озаряются живущие духовно, будучи просвещаемы премїрно ведением единственного и простого блага.

33. Подобно тому как стремительность водного течения может быть больше, если оно устремляется вперед единовидно, нежели будучи разделено и разбиваемо на многие рукава, так и взирание ума, движение в нем и стремление будет сильнее, если он будет направляться не многократно и многообразно, но единовидно и без разделения. А это естественно бывает при стремлении к премїрному и просто Единому, при взирании и созерцании. Ибо поистине премїрное и простейшее Единое — собираетельно, и ум, удостоенный видеть Его, не может, конечно, не принять Его образ соответственно его виду, наподобие изображения, и не стать единственновидным в единовидном положении, простым, бесцветным, безвидным, бескачественным, неосязаемым, беспредельным, бесконечным, безобразным и просто Единым премїрным, так как он бывает просвещен лучами божественной и премїрной любви, при откровении таинственного познания, увенчан безмолвием и покоем мышления свыше слова и мысли, и наслаждается духовною радостію и небесным веселием, и притом изменяется в нечто более божественное, и облекается в божественный образ, в духовном соответствии с простым, безобразным, безвидным, единым и другим вышеназванным. И если бы этого не случилось с ним и он не испытывал бы такого божественного изменения, то он вовсе не достигал бы ощущения и представления о премїрном Едином. Ибо Бог есть единотворная Единица и

лѣнїа, и тогда ѣлику мѣчно ѣсть оумъ премїрнѣ сего мечтаетъ: егда съ глаголаннїи и единою паче помыслѣнїа вѣдетъ, вѣественнымъ мечтанїемъ сїе пострадавъ.

ѿд. Трѣическое пресѣщеннаго вѣества въ единственное совраса преестественнѣ. Единїца во трїипостаснаа ѣсть бгъ. Нѣсть оубо мѣчно въ подобїи прїискреннѣмъ вѣїи быти дшїи ѡбразнѣ, не и той сѣщей трїчастнѣй, къ себѣ бывшей преестественнѣ единою: глаголю же трїчастнѣю дшш: не по словественнѣй и похотѣтельнѣй и ѣростнѣй части: истинно во не въ сѣмъ ѣсть трїчастна дшш: не во оусвоеннѣ ѡбрѣтаетса словесна дшш къ похоти и ѣрости: сѣтъ во сїа ѡ безсловеснаа части привзѣта настоѣщаго ради скѣтнаго житїа приподстоѣща, безсловесна и темна ѡ себѣ. Дшш же и словесна ѣсть, и естество еа исполнѣ ѣсть свѣта оумна. И подобаетъ воистиннѣ она глаголати быти еа, иже кромѣ дѣйствовати свое си не можетъ дѣйство. Но оубо без ѣрости и похоти дѣйствуетъ, и наипаче тогда воистиннѣ дѣйствуетъ, егда без сїхъ дѣйствуетъ. Не воистиннѣ оубо части сїа еа сѣтъ, но ѣкоже рѣхъ, скѣтнаго и дѣльнаго случая сїлы сѣтъ, той приподставше. Дшш во словесна, оумнѣ вышнаа разсмотрѣюци, и мечтаюци мысленнаа, и паче себе горѣ простирѣючиса: и, ѣкоже реци, возскачѣци, далече нѣгдѣ повергаетъ ѣкво вѣсловоїе сѣтно похоть и ѣрость, не имѣци въ нѣже сїа да оупотребитъ, (тамъ) и дѣже простота и безвїдное, и безобразное, безшарное же и невоображенное, и инѣа елика оумъ свободенъ и единовїденъ и соединенъ къ себѣ, и ѡнїодъ прѣстъ истазѣютъ. Но ѣсть трїчастна свѣйственнѣ своєю простотою дшш оумъ сѣци, оупотребляюци слово и дшхъ своа си свѣйственнѣйшаа, и простотѣ еа ѡнїодъ никакоже повреждаюцаа. Зане ниже трїйственное еди-

Ум свѣше мышления, и ум тогда по возможности представляет Его премїрно, когда вместе со сказанным он станет и единое свѣше мышления, восприяв это [изменение] божественным представлением.

34. Троичность пресущественного Божества сводится преестественно в единичное, ибо Бог есть Триипостасная Единїца. Поэтому невозможно душе быть сходственным образом подобием Божиим, если и сама, будучи трехчастною, сверхъестественно не станет единою в себе. Называю же я душу трехчастною не по началам: разумному, страстному и пожелательному, — ибо душа тройственна существенно не в этом. Ведь не особенно склонна разумная душа к пожеланию и раздражительности, ибо эти начала заимствованы из неразумной части тварей, привходя [в душу] вследствие настоящей живоотнообразной жизни как неразумные и темные по себе. Но душа разумна, и природа ее полна мысленного света. И принадлежностью ее главным образом следует считать те начала, без которых она не может проявлять свою собственную деятельность. Но она действует и без раздражительного начала и без пожелания, и в особенности тогда она истинно и действует, когда действует без них. Следовательно, в действительности это не ее части, но, как я сказал, это — привходящие в нее силы живоотнообразного и низменного случая. Ведь разумная душа, мысленно созерцающая горнее, представляющая себе умозрительное, простираясь превыше себя и, так сказать, делая прыжок вверх, отбрасывает куда-то далеко пожелание и раздражительность как пустой вздор, не имея предмета, к которому бы их применить там, где простота, безвїдное, безобразное, не имеющее цвета и очертания, и все прочее такое, что требует ума свободного [от страстей] и совершенно просто. Но сообразно со своєю простотою, душа — трехчастна, будучи умом, пользуясь словом и духом, что наиболее свойственно ей и вовсе не нарушает ее простоты, потому

ноначальнаго бжества, егѡже ѡбразъ подобенъ есть дшѡ, своемѹ единственномѹ и прѡстомѹ препѡтственнѹ стоитѹ, но есть и прѡсто единоизвѣстнѹ бжествѡ пресѡщественно, и пакѡ ничтѡже мнѣе, и такѡ оутвержденнѹ трѡца. Сѡ ѡѡбѡ, дшѡ, (сѡрѣчь оѡмѡ, оѡмѡ бо есть, и все оѡмѡ, дшѡ,) слово, и дѡхъ, преестѣственнѹ быша едино, истинное подобѡе подаюти намѹ трѡипостѡснаго единаго бжества. Сѡе же не ѡнѡдѡ мѡчно есть быти, тѡчѡю ѡ горѣ зрѣнѡа и видѣнѡа преестѣственна трѡическѡа единицы. сѡа бо есть дшѡ таковѹ сотворшаа, и ѡбращающаа сѡѡ на сѡе, ѡпадшѡ: и кромѣ еже къ ней зрѣнѡа и видѣнѡа семѹ быти дшѡи не возможно есть. емѡже не бывшѹ, ниже возвращшѹса подобѡю, и сѡмѹ ѡбразомѹ скѡдни ѡвѡимса, и пакѣ же на зрѡительнѣй чѡсти, и на истинѣ, ѡже наипѡче тѡцѡнѡю достѡинѣйша. И безѹ нѡхже, въ безстрастнѡ оутроенѡе достигнѡти намѹ нѣсть возможно. ѡкоже бо во благомѹ дѣйственнѹ намѹ быти подобаетѹ, да бѡдемѹ ѡ безстрастныхѹ. Такѡ и ко истинѣ зрѡительнѣ, да бѡдемѹ бѡвидни, бѡѹ ѡже на дѡ всѣми сѡбжѡще и бѡзи положенѡемѹ и сотворѡтѡса, и быти по возможномѹ подобѡю началоѡбразѡа желѡюще. ѡце же едино быти нѡжно есть намѹ за первоѡбразнаго премѡрнаго единаго подобѡе, сѡе же еже къ сѡмомѹ томѹ премѡрномѹ едномѹ горѣ зрѣнѡе и видѣнѡе и горѣ простѣртѡе и оѡмнѡ ѡбращенѡе естѣствѡ ѡмѡтѹ творѡити намѹ, и еже къ сѡмомѹ томѹ едномѹ неѡклоннѣ смотрѣти. всѡцѣмѹ оѡбѡ ѡбразомѹ подобаетѹ покѡшатѡса зрѡрати къ пакѣ оѡмѡ едномѹ премѡрномѹ, и тамѹ завѣщѡти всѣхѹ себѣ всѡцѣмѹ тѡцѡнѡемѹ, и всѣмѹ сѣрдцемѹ и дшѡею, и питѡти въ себѣ прѡпростѣртѡе единаго и сѡмаго премѡрнаго раченѡе, ѡкѡ да сѡмо раченѡе егѡ вмѣстѡ криль стѡихѹ бѡдетѹ еже къ немѹ оѡмноѹ горѣношенѡю нашѡмѹ. И такѡ всегдѡ ѡкѡ на

что и троичность единоначального Божества, подобный образ Которого есть душа, не мешает своему единству и простоте, но Божество есть и вполне простое Единое пресущественное, и в то же время, тем не менее, столь же неизблемо — Троица. Итак, душа, или ум (ибо она есть ум, и вообще ум есть душа), слово и дух, преестественно составляющие единое, представляют нам истинное подобие триипостасного Единого Божества. Это может быть не иначе, как только через взирание и созерцание преестествованной Троичной Единицы. Она создала душу таковою. [Она же] и возводит ее к этому [подобию] по отпадении, и без взирания к Ней и созерцания душе невозможно достигнуть этого. Если же этого не произошло, если подобие не восстановлено, то мы окажемся недостаточными в этом отношении, и притом в созерцательной части и в истине, которые заслуживают наибольшего усердия и без которых нам невозможно достигнуть бесстрастного устроения. Ибо нам как подобает быть деятельными во благом, чтобы быть бесстрастными, так и созерцательными по отношению к истине, чтобы быть боговидными, служа Богу, превосходящему все, и стремясь стать богами по положению и быть ими по законному подобию первообразу. Если же нам необходимо стать единым по подобию первообразного премѣрного Единого, — а это естественно происходит с нами при воззрении к самому премѣрному Единому, созерцании, простирании горѣ, мысленном обращении и неуклонном взирании к самому Единому, — то, следовательно, всячески следует стараться взирать на премѣрное Единое, превышающее разум, и к Нему всецело следует расположить самих себя со всяким тщанием, всем сердцем и душой, и лелеять в себе любовь к премѣрному Простейшему, единому и единственному, чтобы сама любовь к Нему могла быть вместо святых крыльев для мысленного возношения нашего к Нему горѣ. И таким образом мы всегда как бы «на воздухе», в безвидном

воздѣсь въ безвѣднѣмъ оустроеніи единовѣднѣмъ съ гдѣмъ бѣдемъ воистиннѣ единѣмъ, трѣичнѣ трѣицѣ оумнѣ, словеснѣ же и дѣховнѣ воспѣвающе, и къ ней ѡакъ воистиннѣ возсіающе и оужасающеса, и еже по силѣ нашей соединеніемъ съ единѣмъ соединѣми единовѣднѣ паче соединеніа.

лѣ. Единица чѣствена, всакагѡ числимагѡ множества ѣсть начало. И единица премірна всегѡ вѣдимагѡ же и помышлѣмагѡ множества, и всегѡ сѣцагѡ, начало ѣсть. Икоже оубо всако число ѡ единицы имать начало, такъ все сѣщеє каколибо, ѡ премірнагѡ проливаѣтса единагѡ, по винѣ илѣ естѣственнѣй илѣ творительнѣй. Обаче числимыа оубѡ единицы положеніе, елики чѣствена ѣсть, естѣствѣ своемѣ послѣдованнѣ послѣдствѣетъ. Начало бо сѣцихъ всѣхъ ѡже подъ числомъ, и чѣство (сїе) пѣрво полагаѣтъ ю числаци. На премірномъ же единомъ, занѣ ѣсть паче оума, сопротивное зрѣтса. Естѣственнѣ бо сѣци единица, пѣрвѣйшаа всѣхъ, оумъ сїю по всѣхъ полагаѣтъ. Ни единъ бо возможе оумъ, премірное едино сотворити начало, ѡ сегѡ происхѡдити на мнѡгаа, но прѡтѣвное, ѡ мнѡгихъ, ко ѡномѣ восхѡдитъ и собираѣтса. И такъ оубѡ нѣжно ѣсть чѣствѣ числимое едино, за прѡисхѡдна мнѡгаа, инакѡ не сѣще мѡчно числити, илѣ прѣдити ѡкоже хѡцѣетъ. Здѣ же нѣждна сѣтъ оумѣ мнѡгаа, рѡди ко премірномѣ единомѣ сїми возвожденіа, и аки самагѡ себѣ собраніе, ѡинѣдѣ възѣти ѡкоже хѡцѣетъ на мечтаніе единагѡ премірнагѡ ни ѡкѣдѣ могій. Такъ оубѡ оумъ чинъ и пѣтъ себѣ свѡйственъ оупотреблѣа, начинаѣтъ оубѡ ѡ мнѡгихъ, конѣць же творитъ премірное и верховнѣйшее едино. Понѣже бо оудовѡпѡстїжно ѣсть и оудовѡпредѣльно числимое по чѣствѣ единое, естѣственнѣ чѣство, сїе полагаѣтъ, ѡкоже естѣствѡ егѡ

единовидном устроении, «будем с Господом» (1 Фес. 4, 17), истинно Единым, воспевая Троицу тройчески: мысленно, словесно и духовно, и к Ней, как подобает, устремляясь, и восторгаясь, и единовидно соединяясь собственным единением в себе с Единым превыше всякого единения.

35. Единица есть осязательное начало всякого численного множества, и премірная Единица есть начало всякого являемого и умосозерцаемого множества и всего сущего. Поэтому как всякое число имеет начало от единицы, так всякое существо каким бы то ни было образом протекает из премірного Единого по причине или естественной, или творческой. Но положение численной единицы, поскольку оно подлежит наблюдению, последовательно определяется своей природой, ибо так как единица есть начало всего числимого, то и чувство, при счислении, ставит ее прежде всего. В премірном же Едином, так как Оно выше ума, усматривается нечто противоположное. Именно, единицу как первичную по природе из всего ум ставит после всего; ибо никакой ум не в состоянии сделать началом премірное Единое и от него переходить на многое, но, напротив, из многого он восходит к Нему и собирается. И как там чувству необходимо численное единое вследствие перехода его во многое, так как иначе невозможно считать или идти вперед [уму], куда он хочет, так здесь необходимо уму многое вследствие восхождения через него к премірному Единому и как бы собираніе себя, так как ни с какой другой стороны он не может взойти, как хочет, к представлению о премірном Едином. Таким именно образом ум, при помощи порядка и пути, ему свойственного, начинает от многого, конечною же целию своею делает премірное и высшее Единое. Ибо так как по чувству численное единое вполне понятно и определено, то, естественно, чувство и ставит его первым по положению, как требует его природа. Еди-

истазываетъ, и положеніемъ первѣйше. Искомаа же оумомъ единица премірна и преестественна же сущи, и еже помышляема быти избѣгаючи, далече нѣгдаѣ есть, и своегѡ еже по естествѣ положеніа, ꙗкоже ѿ оныхъ оумѣ начинати, но паче ꙗкѡ преестественнѣ преестественнѣ не начало, но конецъ тѣ ѡвертаетъ оумъ, по прешествіи, и да сице рекѣ исчисленіи многихъ. Понѣже бо оумъ естество имать еже помышляти, премірное же едино есть ѡ себѣ непостижно и неприступно, ко многимъ и не хотѣщо оупотребленіе прекланяетсѧ оума, ниже празденъ быти ѿ еже помышляти могій оумъ, ниже верховное и премірное едино имѣа крѣпость ѡбѣати. Взирѧа оубо на многѧа, въ коемждо ѿ всѣхъ взираетъ мысленно (нѣчто), не еже что есть быти, но еже есть нѣкоегѡ единагѡ. Таже собираа ѿ коегѡждо видима коемждо мысленно предавлѧемо, и междѣ собѡю сѧа соглѧсна суща, а не противна зрѧ, и всѧ ꙗки единагѡ корене и израценіа цвѣты, послѣдованнѡ происходитъ ѿ многихъ на едино верховнѣйшее, изъ негѡже сѣтъ многѧа и всѧ естественнѣ собираетсѧ ѿ естественныхъ сущихъ въ чинъ преестественъ, преестественное и пресущественное ꙗки въ зерцалѣ зрѧ едино, ꙗкоже имать естество еже паче естества ѿ сущихъ по естествѣ зрѣтисѧ единовиднѣ. Тогда оубо оумъ источникъное благостей и всѣхъ добротъ происхождение, и творително неизреченнѣ взирѧа, и наслаждсѧ пресущественнагѡ едина, не самоволенъ ѡбращаетсѧ на многѧа, ꙗще суща и двѣра и части благѧа причѧстна. Добротолубивъ бо сѧи наипаче, естественнѣ неволею ѡстойтъ ѿ еже паче всѣхъ, ꙗще не какѡ по ѡвстоанію нѣкоемѣ случилосѧ бы емѣ сѣ. Но понѣже ѡбразъ сущихъ есть различенъ, и различно имать оумное взираніе, и различнѣ оумъ сѧми на премірное едино, и

ница же, искомая умом, будучи премірной и сверхъестественной, не поддающаяся умосозерцанию, пожалуй, слишком далеко находится от свойственного ее природе положения, чтоб с нее начинал ум, но так как она преестественна, то ум преестественно скорее находит в ней не начало, но конец после перехода и, так сказать, перечисления многого. Ибо так как ум от природы обладает мышлением, а премірное Единое само по себе непостижимо и недоступно, то склонность ума направляется даже невольно ко многому. Не будучи в состоянии бездействовать от мышления и не имея силы обнять верховное и премірное Единое, ум все-таки, взирая на многое, в каждой вещи из всего многого усматривает, что есть нечто умозрительное, не то, что существует, но что принадлежит чему-то единому. И затем, собирая из каждого являемого каждое умозрительное проявление и видя, что они согласны одно с другим, а не противны и что все как бы цветы одного корня и роста, ум последовательно доходит от многого к верховнейшему Единому, из Которого [произошло] многое и все, и естественно собирается от естественных существ в чин сверхъестественный, видя преестественное и пресущественное Единое как бы в зеркале, как свойственно сверхъестественному быть видиму естественным единовидно. Тогда именно ум, неизреченно узревши источникное и творческое происхождение благ и красот всего и насладившись пресущественным Единым, неохотно обращается ко многому, хотя оно и прекрасно и причастно «благой доле» (см. Лк. 10, 42). Ибо, будучи наибольшим любителем прекрасного, он, естественно, не по своей воле уклоняется от Того, Кто превыше всего, если только как-нибудь не случилось этого с ним по какому-либо обстоянию. Но так как образ существ различен и имеет различное умственное воззрение и ум при помощи их востекает к премірному Единому и преестественному различно, то, по моему мнению, должно в известной по-

преестественное востекаетъ: подобаетъ ꙗкоже азъ мноу, малу нѣкое оухитрити многими къ пресущественному премірному единому пѣти прѣвербѣтене: ꙗкѡ да ꙗки по лѣствицѣ оумъ восходѣ оутвержденнѣйше свое творитъ движеніе, и познаваетъ, ꙗще бы что когда въ немъ ѡскѡдѣвало: ꙗли ѣстли когда въ немже подобаетъ быти, и вѣмъ нѣколикѡ наслаждается ли, и что ѣсть низмѣщѣющее и ѡставлѣющее егѡ доброты ѡныя и восходеніа ꙗли вжественнагѡ пированіа: и какѡ паки мѡчно бы было емѡ возвратитисѡ, ѡнѡдѡже поплзѣса. ѡсюдѡ познаетъ и мглѡ страстей: и чистагѡ сѣрдца ѡзареніе и познаніе ꙗстины каковѡ нѣкое ѣсть возмѡглъ бы зрѣти ꙗкѡ въ зерцалѣ, и небесныхъ зрительствѣ причастникѣ бѡдетъ, и вжественное чѡство оувѣсть, и не тайно бѡдетъ емѡ, растѣтъ ли, ꙗли ко оумаленію ꙗдетъ. И многихъ досточудныхъ въ размѣнѣнѣи возмѡглъ бы быти, и намѣреніе безмѡлвіа, кое ѣсть, оуразмѣетъ, и затвѡра. Глаголемъ оубѡ такѡ: всѡ сѡщаа, раздѣлишасѡ на чѡственна зданна, и на зданна мысленна, на мысленна не зданна, и на незданно паче оума единое пресущественно. Въ сѡхъ ѡко дѡшевное ѡбрацаасѡ, сѡрѣчь оумъ, и частѣ взираа, и въ постничествѣ ѣже безмѡлвствовати ѡзволѡа, воздвѣжетсѡ ѡ ѣже подобѡщаа на единѣ дѣати, ꙗкѡ ѡ стѣпене нѣкоегѡ во ѣже зрѣти, и въ воистиннѡ сѡщемъ оупражнѡтисѡ небесныхъ, и лѡчѡми ꙗстины оувѣнчавѡтисѡ, и радѡватисѡ, и богатѣти безконѣнѣ присносѡщными, и чѡднѣ веселѡтисѡ и оуслаждѡтисѡ, негли же содѣйствѡмъ благодѡти, и ѡ землѣи восхицѡтисѡ предѡдѡщѡ времени, и оутвердѡвшѡсѡ оумномъ свѣтѡ по навѡковенію, и не чѡствовати сѡщныхъ здѣ содержаніемъ сѡщагѡ паче оума, и мечтаніемъ сѡщагѡ паче всѡкагѡ добрѡ несравненнѡ. Патчѡстнѣ же сѡценнѣй сѣи лѣст-

следовательности определить [хоть] небольшое какое-нибудь направление пути через многое к пресущественно премірному Единому для того, чтобы ум, восходя как бы по лестнице, совершал свое движение наиболее устойчиво и узнавал, чего именно не достает в этом [движении], находится ли он в том положении, в каком следует, и насколько он им удовлетворяется, и что такое сталкивает и отклоняет его от этой красоты и восхождения или божественного пира, и каким образом ему опять было бы возможно возвратиться туда, откуда он ниспал. Отсюда именно он познает и мрак страстей, и озарение чистого сердца, может увидеть, как в зеркале, познание истины, какова она есть, будет причастником небесных видений, узнает божественное чувство, и для него не будет тайною то, растет ли он или идет к умалению: он может достигнуть многих досточудных знаний и уразумевает, какова цель безмолвия и затвора. Поэтому скажем так: все существа разделены на создания, постижимые чувствами, создания умопостигаемые, несозданные умопостигаемые существа и несозданное Единое пресущественное, превосходящее ум. Вращаясь среди них, часто взирая [на них] и избирая в своем подвижничестве безмолвие, око души, то есть ум, восходит от делания наедине того, что подобает, как бы по некоторой ступени, к созерцанию и к достижению истинно сущего, ко вкушению небесного и, при помощи лучей истины, к обращению, восхищению и обогащению до бесконечности присносущим, к чудесному радованию и наслаждению, при содействии же благодати, может быть, к восхищению от земли с течением времени, когда прочно утвердился мысленный свет, — к безразличному отношению к здешнему вследствие обладания сущим превыше ума и представлением себе того, что несравненно превосходит все прекрасное. Хотя же эта священная лестница разделена на пять частей и как бы ступенями восходит к высшей цели, однако ступень от

вицѣ раздѣленнѣ сщцей, и ѿкъ степенми восходѣщей на крайнее намѣреніе, не мѣстно имать разстоѣніе степенъ ѿ степене: но разнство, и еже разстоитъ ѿ другѣгѣ, и инъ чинъ есть, аки качества, или свойствѣ нѣкоегѣ. Икоже, сщца оубо, сщть равнѣ: чвственнаа зданна, и зданнаа мысленна, но вторѣа, мно́гою мѣрою первѣйшихъ превышають, елику чвство оумъ, свойственнымъ добромъ: паки же превосходятъ по мно́гу незданна мысленна, мысленныхъ зданныхъ, о́бомъ снхъ чинъ въ сщцихъ явленъ сщцѣ: о́баче ннша сщть сщцаа незданна мысленна предъ па́че оума незданнымъ единымъ. И есть всюду явѣ, ѿкъ еже въ превосходѣщемъ всѣхъ сщцихъ стоѣти пришедшъ оумъ ѿ дѣлнѣа, и во онѣмъ верховнѣйшемъ сокровенствѣ превыше лежащемъ всѣхъ чвственныхъ же и мысленныхъ быти лчшее есть взирѣніе егѣ и видѣніе, икоже смиреннѣйшее въ чвственныхъ зданныхъ или и па́че въ дѣлательствѣ. Подобаеть оубо добротолубнѣ сщцѣ емъ естествомъ, всѣцѣмъ ѿобразомъ лчшагѣ желати, не то́чию да насладитса, но да и постраждеть лчшее и па́че оума, икоже подобаеть, измѣненіе. Понѣже икоже глаголаса, ѿкъва оумъ зрѣтъ, и въ ѿковыхъ наслаждаетса: таково прѣемлетъ и измѣненіе. О́баче понѣже сплетенный съ естествомъ оума прелогъ, никогдаже престанетъ ѿ негѣ, дондеже днѣшнее вѣдетъ, и по глаголющемъ, дондеже двнгутса сѣни, то́ есть, дондеже прѣйдемъ ѿ настоѣщнѣа жнзни, показющнѣа аки въ зеркалѣ и гаданнн ѿсѣненнѣ истинѣ: подобаеть препѣдающимъ ѿ видѣннѣа и взирѣннѣа, единагѣ па́че оума незданнагѣ, оухищрайтса стоѣти, ѿкъ въ ближнемъ въ мысленныхъ незданныхъ, ѿкъ да паки скорѣе къ единомъ па́че оума незданномъ вѣдетъ намъ возвращеніе. Дебѣльшей же нападшей мглѣ, и еже помышлати

ступени имеет не местное расстояние; но разница и расстояние, отделяющее одну от другой, есть разряд как бы качества или какого-нибудь свойства, как, например, одинаково суть существа создания, постижимые чувством, и создания умопостижимые. Но вторые намного превышают первые, насколько ум своей красотой превосходит чувство. Опять же, с другой стороны, несозданные умопостижимые существа во многом превосходят умопостижимые создания, хотя тот и другой порядок их заметен среди существ, однако несозданные умопостижимые существа стоят ниже несозданного Единого, превосходящего ум. И отсюда становится ясным, что если ум, перешедши от деяния, стоит на том, что превосходит все существа и бывает в той высочайшей сокровенности, лежащей превыше всего постижимого чувством и умом, то это есть лучшее его взирание и созерцание как более доступное среди чувственно постигаемых тварей или даже в особенности среди деятельности. Ведь так как ум любит прекрасное от природы, то он должен всячески стремиться к лучшему не только для того, чтобы вкусить [его], но и чтобы подвергнуться лучшему и, как подобает, превосходящему ум изменению. Потому что, как сказано, что ум видит и чем он наслаждается, такое и воспринимает изменение. Однако так как изменяемость, соединенная с природой ума, никогда не отойдет от него, пока будет нынешнее (ср. Евр. 3, 13) и, по чьему-то выражению, пока не «подвигнутся тени» (Песн. 2, 17), то есть пока мы не перейдем от настоящей жизни, показывающей истину «в зеркале и гадании» (1 Кор. 13, 12), как бы во образе тени, то, уклонившись от созерцания и взирания на несозданное Единое, превышающее ум, должно стараться стать как можно ближе к умопостижаемому несозданному, чтобы опять скорее было достигнуто нами возвращение к несозданному Единому, превышающему ум. Когда же нападет густой туман, помрачающий мышление и вселяю-

помрачающей, и оуныниѣ вознивающей ко ѣже зрѣти на оумъ, на молитвы дѣлательнѣ съ сѣрдцемъ смиреннымъ ѡбращати подобаетъ намъ егò, и тьмѣ силою молитвы прешедшей, паки ꙗкоже ѡснованіе нѣкое творити чзвственнаа зданна: преджившцѣ въ сѣрдцѣ дѣйствомъ дхòвнымъ сщ҃ественнымъ свѣтѣ оумнѣ, и предсодержащцѣ оумѣ ꙗвѣ ꙗкѡ дѣлательнаа разумнѣ сѣлѡ державѣ. ꙗкѡ восходити оумъ естество ꙗмать ꙗки на нѣкое верхогоріе, ꙗли смотрилице воистиннѣ, и зрѣти многими не токмѣ невидима, но и ненскѡма и недомысленна: и егѡже кромѣ никтоже оузритъ, ниже самогò себе, ниже и наипаче б҃га. Ѡ котóрой дѣлательнѣ (добродѣтели) мимошественнѣ нынѣ оуже речи негли не далече намѣреніа бѣдетъ.

лѣ. Три дѡша внѣтрѣдѣ ꙗмать трѣбѡюща дѣлнїа, словеснѣ (часть), желательнѣ, и ꙗростнѣ. И три внѣшдѣ, желаніе славы, сласти, и многшагѡ. Сїи оубо двѣ трóицѣ разумнѣ дѡша взираючи на ѣже во плòти жителство ꙗса хр҃та четырьми своїми собòрными добродѣтельми, мѡдростїю, сїрѣчь правдою, цѣломѡдрїемъ, и мѡжествомъ, благодатїю гд̄а ꙗса исцѣлаетъ, и даетъ оумѣ своемѣ немраченнѣ возвышатиса, и бж҃ественнаа разсмотрѣвати, и зрѣти б҃га. Егда бо гд̄ь ꙗсѣ веденъ бысть въ пѣстыню дхòмъ, имѣа боренїемъ побѣдити діавола, постомъ оубѡ похотѣтельнѡю часть исцѣли: едѣнїемъ же и безмòлвною молитвою, словественнѡю: ꙗростнѡю же сопротиворѣчїемъ: сластолюбїе же, славолюбїе, и сребролюбїе: тѣми, ꙗмиже алчѣ не взыскѣ, ꙗкоже діаволъ совѣтоваше, да каменїе хлѣбы бѣдѣтъ, ниже вѣржесѣ низѣ ѡ крилѣ церкòвнагѡ, да ѡ народа ничтòже пострадавѣ низпадѣнїемъ прославитсѣ, ниже поклонїтисѣ повинѣсѣ ѡбѣщанїа ради взѣтїа богатства всѣхъ царствъ: но сопротиворѣчї-

щий в уме небрежение к созерцанию, тогда нам следует деятельно побуждать самих себя к молитвам в смиренном сердце, и когда отступит мрак пред силою молитвы и слезами, тогда опять следует делать как бы некоторым основанием для себя постижимые чувством создания, причем в сердце, вследствие заключающейся в нем духовной деятельности, оживает по-прежнему умный свет, и ум, очевидно, очень разумно занимает власть над деятельностью. Потому что, действительно, ум имеет свойство восходить как бы на какую-то горную вершину или высокое наблюдательное место и созерцать не только невидимое для многих, но и неисследимое и непостижимое. И «без этого никто не увидит» ни самого себя, ни тем более Бога (ср. Евр. 12, 14). Теперь, может быть, не будет уже далеким от цели сказать мимоходом об этой деятельности [души].

36. Душа заключает в себе три [начала], требующие деятельности: разумное, пожелательное и раздражительное, и три вне себя: стремление к славе, к удовольствию и к обладанию бóльшим. Эти две троицы душа, взирая разумно на жизнь Иисуса Христа во плоти, четырьмя своими главными добродетелями, то есть мудростию, правдою, целомудрием и мужеством, благодатию Господа Иисуса исцеляет и дает уму возможность непомраченно возвышаться, рассматривать божественное и созерцать Бога. Ибо когда Господь Иисус был возведен Духом в пустыню, чтобы преодолеть борением диавола (см. Мф. 4, 1 и сл.), то постом Он уврачевал пожелательное начало, бдением же и безмòлвною молитвою [уврачевал] разумное, раздражительное — противоречием; сластолюбие, славолюбие и сребролюбие [Он исцелил] тем, что, алкая, не пожелал, как предлагал диавол, чтобы камни стали хлебами, не бросился вниз с крыла храма, чтобы прославил Его народ за то, что Он ничего не потерпел от падения, не согласился поклониться за обещание получения богатства всех царств, но раздражительным противоречи-

емъ іаровіднымъ, мѣдрымъ, и прѣведнымъ, цѣломѣдрымъ же, и мѣжественнымъ, сатанѣ ѿрази, и насъ сіимъ оубо побѣжденію егѡ противѣ всѣкомѣ нашествію. Сіе оубо истое ктѡ и при крѣтѣ спсовѣ оўзритъ и оубѣсть: ибо молитса ли въ тогдѣшнее время спсѣ, оученикѡвъ оудаливса: Сіе ищѣленіе словѣственныха части єсть. Бодрствуетъ ли и бдитъ, и жажда терпитъ на крестѣ; сіе врачба єсть похотѣтельна. Не вопреки глаголетъ, ниже оубо притса и вопіетъ, да еще ѡболгаваемъ, и ѡ стѣжающихъ молитса ли; Сіе бл҃гочиніа єсть іаростныа: дїавола оубо сопротиворѣчемъ оударати, человекѡмъ же стѣжающимъ, іакѡ и тѣмъ стѣжаемымъ ѡ сатаны (ѡпѣцати) молчаніемъ, долготерпѣніемъ, и ѡ нихъ воздавати молитвою. Ѡплеваемъ ли єсть, зашепіе пріемлетъ, терпитъ подсмѣваніа и порѡганіе; сіе ищѣленіе єсть сластолюбіа, ѡцтомъ ли напоаетса, желчію напитоваетса, копіемъ прободаетса; сіе врачба єсть сластолюбіа. Нагъ ли повѣшаваетса подвоздшенъ, бездѡменъ на крестѣ, презрѣнъ всѣми іки нѣкїи нищъ и оубѡгъ; сіе єсть сребролюбивагѡ завѣщаніа оупраздненіе. Внѣтреннихъ оубо страстей и внѣшнихъ спситель двѣжды показѡ врачбѣ: егда въ мїрѣ іавлатиса съ тѣломъ начатъ, и егда ѡ мїра ѡити имѣаше. Тѣмже и къ немѣ, и ко оученію егѡ и ко крестѣ зрѣи, поелікѣ єсть мѡцно себе подражаніе егѡ творѣ, мѣдрѣ и прѣведнѣ, цѣломѣдреннѣ же и мѣжественнѣ іакоже онъ оупразднитъ оубо єже на слѡ дѣйствіе страстей сіихъ, и всѣхъ сіми: оупотребитъ же сіа, іакоже подобаетъ, и по сіихъ всѣа, и дѣятеленъ мѣжъ бѣдетъ воистиннѣ, и ко єже зрѣти, и къ бгѣ горѣ простиратиса и оупражнатиса во оумнѣмъ зрительствѣ готѡвѣйшѣ. И тѣакѡ оубо ѡ многихъ оумъ егѡ чѣвственныхъ зданнихъ

ем, разумным и справедливым, целомудренным и мужественным, отразил сатану, научая и нас этим поражать его при всяком нашествии. Это же самое каждый увидит и может познать и на кресте Спасителя. Ибо молится ли Спаситель в то время, удалившись от учеников (см. Мф. 26, 36), — это исцеление разумного начала. Бодрствует ли Он, бдит и выносит жажду на кресте (см. Ин. 9, 28) — это врачество пожелательного начала. Не прекословит, не спорит или не возвышает голоса (см. Мф. 12, 19 {Ис. 42, 2}), хотя на Него и клеветают, и молится за оскорбляющих (см. Лк. 23, 34) — это признак благоустроения раздражительного начала: диавола поражать противоречием, людям же оскорбляющим (как таким, которые и сами терпят насилие сатаны) воздать молчанием, долготерпением и молитвою за них. Подвергается ли оплеванию, приемлет ли заушение, выносит насмешки и глумление (см. Мк. 14, 65) — это врачевание славолюбия. Напояется ли уксусом, вкушает ли желчь, распинается, прободается копьем (см. Мф. 27, 34. 48; Ин. 19, 29. 30. 34) — это исцеление от сластолюбия. Нагой ли вешается на крест под открытым небом, бездомный, презренный всеми, как бы некий нищий и бедный, — это упразднение сребролюбивого настроения. Итак, Спаситель дважды показал врачество страстей внутренних и внешних: когда начал являться мїру с плотию и когда намеревался уйти от мїра. Поэтому взирающий на Него, на Его учение и крест и делающий себя, насколько то возможно, подобием Его, разумно, праведно, целомудренно и мужественно, как Он, упразднит злое действие этих страстей и через них всех [других]; воспользуется как должно ими и после них — всеми и будет поистине мужем, деятельным для созерцания и наиболее подготовленным, чтобы простираться к Богу и предаваться мысленному взиранию [на Него]. И таким образом, следовательно, ум его, начавши от многих постигаемых чувствами тварей, и увидев бла-

начѣнъ, и оувидѣвъ добродѣлїа ихъ благополучїе, и разумѣвъ зданнаа мысленна, и на мысленнаа незданна прешедъ, ѿкъ на лѣствицѣ степенїи оужѣ прейде четыри. По сихъ же бжественное и паче оума послѣдствуетъ емѹ невѣщанїе и молчанїе и оужасъ, и вкратцѣ рецїи, единая премїрнагв взиранїе и видѣнїе, и паче помышленїа соединенїе. Ёже ёсть безмолвїа верхъ: крайнее и совершенное желанїе елика въ настоащей жизни: истины предѣлъ: вѣры приплодїе: свѣтлое просвѣщенїе надѣемиа славы: ѡснованїе любве: правило оума: стоанїе приснодвиженїа егѡ, и недомысленно почитїе, и единовїдно оустроенїе: ёже ѿкъ во ѡбрученїи дѣланїе ёсть бѣдѹщагв вѣка: вина безмечтанныа радости: лѡжница мїра: оугашенїе мѡдрованїи плѡти: ѡбращенїе настоащагв вѣка: пристрастїе бѣдѹщагв, книга распѣтнаа страстныа жизни, соестѣствїе безстрастїа: дѡши веселое радованїе, и своихъ еа движенїи и силъ собранїе, покой же и стража: и всѣмственнѣ рецїи, бжественный разумъ и безстрастїе. Подобаётъ же смотрѣти, своимъ оунынїемъ илїи внѣшнимъ нѣкимъ ѡбстоанїемъ ѿтѣ вывшѹ оумѹ, паки на своё возвращатїса видѣнїа добрѡ сопротивъ стоащїа страсти, и далѣче творащїа егѡ своего намѣренїа ѡверженїемъ, и коликъ ѡстоитъ крайнагв желаемагв; и почтѡ; и въ чѡвственныхъ ли зданныхъ, илїи зданныхъ мысленныхъ, илїи мысленныхъ незданныхъ ёсть своё егѡ зращее; илїи пѡмыслы сѣетными, илїи потребы ради нѣкїа раздѣлаетса ѡ подлежащагв, и самагв воїстиннѹ, и единая паче всакагв единая премїрнагв, и ѡати сїце ѿже посредѣ возбраненїа; Да паки возвратїтїса единовїднѣ, ѿкоже самъ той чїнъ истазѣетъ, къ единаягв премїрнагв видѣнїю и взиранїю. Внѣ бо нѣгдѣ пре-

гоустройство их прекрасного создания, и постигши умом умосозерцаемые твари, и перешедши к несозданному умопостижимому, прошел уже как бы четыре ступени на лестнице. После же этого за ним следует божественное и превосходящее ум безмолвие, молчание и изумление — и, короче сказать, взирание и созерцание премїрного Единого и единение, превышающее мышление, которое есть верх спокойствия, высший и совершенный предмет желаний, какой только возможен в настоящей жизни, предел истины, приплод веры, светлое сияние ожидаемой славы, основа любви, правило ума, остановка его приснодвижности, недомыслимый покой и единовидное устройство, как бы в залоге деятельность будущего века, вина (причина) невообразимой радости, сокровищница мира, угашение мудрований плоти, уклонение от настоящего века, устремление к будущему, расторжение страстной жизни, тесная связь с бесстрастием, радостный восторг души и собрание, покой и охрана ее собственных движений и сил — и вообще говоря, божественное разумение и бесстрастие. Итак, уму, одержимому своею беспечностью или каким-нибудь внешним обстоянием, следует ставить своею целью возвращение к свойственной ему красоте созерцания через отвержение страсти, препятствующей ему и удерживающей его от свойственной ему цели, [ему следует обращать внимание,] насколько он отстоит от края своих желаний и почему; находится ли его созерцающее начало среди созданий, постижимых чувством, или умопостигаемых, или среди несозданных умопостигаемых; отторгается ли он суетными помыслами или в силу какой-нибудь нужды от подлежащего и одного только в действительности Единого премїрного, превышающего все единое, и таким образом следует уму устранять посредствующие препятствия, чтобы возвратиться снова единовидно, как требует самый порядок, к созерцанию и взиранию на Единое премїрное. Ибо ум, находясь где-нибудь

мірнагѡ назданагѡ паче оумѡ оумъ ѡвѣртаѡса подъ раздѣленіемъ ѣсть, и не въ воистиннѣ добрѣмъ, аще бы и двизаѡса добрѣ. Сіе бо ѣсть верховное добро, ѣже паче оумѡ пресъщественное незданное и простое единое: и сѣй ѣсть воистиннѣ крайній прѡмѡ оумѡ лежѡщъ конѣцъ. И оубо здравѡ двизаѡса оумъ тамѡ реченными ѡвѣртѡтѡса восходѡ, и ѣже паче оумѡ страждетъ соединѣніе. Гонити оубѡ подобѡетъ, елика сила, безконѣчное, и испытовати ѣже паче оумѡ, и зрѣти безвидное единое, и постизати нашѣствіемъ непостижное, да возможемъ полчити единственное единаягѡ наслѣдіе крайнягѡ бѣа, благодѡтїю гдѡ нашего иіса, и животворѡщаго дхѡ, имже просвѣщаѡми зрительныѡ сподобѡлемса благодѡти, и бѡзи положеніемъ бѣгосодѣлавшесѡ бывѡемъ даромъ бжїимъ.

лз. Въ мѣсто бжѣственнагѡ сокровѣнства возшедъ оумъ, естѣственнѣ молчанїю прилѣжитъ соединивса простотѣ, и послѣдованнѡ единственнѣ ѣже паче мысли единомѣ, ѡсѡбѡемъ причѡстїемъ дхѡ. Чтѡ бо и возглаблалъ бы превѣше своегѡ оумствованїѡ достигши, и внѣ всѡкагѡ помышленїѡ бѣвъ, и нагъ ѡнюдъ їакѡ паче ѣже помышлати; аще бо слѡво їакоже глаблати ещѣ емѣ ѡстаѣтса, їавѣ ѣсть, їакѡ и помышлатъ: всѡко бо слѡво ѣсть по помышленїи, и аще чтѡ помышлатъ, какѡ въ мѣстѣ сокровѣнства стѡ; не бѡ ѣсть тайно воистиннѣ, ѣже инѡмѣ не видѡщѣ самъ тѡй оумъ видитъ. Занѣ такѡ оубѡ мнѡга глаблаласѡ бѣша тайна, їакѡ премнѡга, илї да сїце рекѣ, всѡ елика оумъ видитъ, не вѣдѡщѣ инѡмѣ ѣже видитъ, сїѣ видитъ. Бѣдѡтъ оубо сїце тайнаѡ и безконѣчнагѡ близъ: ѣже ѣсть безмѣстно. Единое бо ѣсть воистиннѣ тайное, въ немже оумъ по всѣхъ восходитъ, їакѡ въ тѡ, ѡ негѡже

вне премїрного несозданного Единого, превосходящего ум, подвергается разделению и не для прекрасного по существу, хотя бы и прекрасно двигался, потому что верховное прекрасное есть превышающее ум пресущественное, несозданное и простое Единое, и это — действительно конечный, противоположащий предел ума. И потому ум, здраво двигаясь, оказывается восходящим туда указанным путем и ощущает единение превыше разума. Итак, насколько есть сил, следует стремиться к бесконечному, исследовать превышающее ум, созерцать безвидное Единое и непосредственно постигать непостижимое, чтобы быть в состоянии получить единственное наследие единого вышнего Бога, благодатию Господа нашего Иисуса Христа и животворящего Духа, через Которых, осияваемые, мы сподобляемся созерцательной благодати и, обожненные по положению своему, становимся богами по дару Божию.

37. Ум, взошедший в область божественной сокровенности, естественно предается молчанию, объединившись простотою и, следовательно, при участии Духа единственным образом осияваемый Единым превысшим мысли. Да и что он может сказать, достигнув превыше своей духовной постижимости, ставши вне всякого помышления и совершенно нагим, как превысший мышления? Ведь если смысл, так сказать, еще и остается в нем, то ясно, что он и мыслит. Ибо всякий смысл бывает после мысли, и если он что-нибудь мыслит, то как он стоит в области сокровенности? Ибо не то истинно тайное, что сам ум видит, если другой не видит. Так как в таком случае многое можно было бы назвать тайным, потому что очень многое, или, так сказать, все, что ум видит, видит он без ведома другого. Следовательно, при таком предположении, тайное будет даже близко к безграничному, что несообразно. Ибо одно есть действительно тайное Единое, к Которому ум восходит как к источнику, от Которого все, как

всѣ ѣсть, аще видимое, аще помышляемое. Тѣмже и той, какъ ко еже паче встѣхъ востѣкъ, и видимыхъ, и глаголемыхъ, и помышляемыхъ, внѣ и еже помышляти и видѣти и глаголати бываесть. И не оу на толико възиде, ниже въ бжественное достиже сокровенство, дондеже бы глаголати могъ: помышляесть бо. Но обаче тайное недомысленно, оубо и паче слова есть. Оубо оумъ въ мѣсто бжественнаго сокровенства возшедъ и соединився, послѣдованно молчанію прилѣжитъ не волею, но естественн и единственн паче мысли единымъ ѡставаемъ.

лн. Аще напредъ предити и предъспѣвати творити оумъ словеса естество имать, оубо возведутъ его предъспѣвша, идѣже слово не достигаесть въ вещь какъ совершаемо молчаніемъ. Аще ли же присн словеса были быша оумъ, и присн трѣбуетъ ихъ душа, азъ не вижду, кое есть оумное ѡ еже глаголати предспѣаніе: еже бо глаголати, не токму есть, во еже дѣлати полезно, но ничтоже мнѣ и во еже видѣти. Въ нюже часть оумъ восходитъ ѡ какъ во ѡбразѣ словесъ сщнихъ, къ простѣ паче слова безобразномъ, и совершенн и воистинн единомъ, вегда и всако слово мнитса (быти) чрездѣльно, или истиннѣйше реци, есть на препатіе. Словеса бо, по всемъ, въ прехожденіи сѣтъ ѡ помышленіа негли на ино помышленіе: простое же и совершенное, и безпредѣльное и безобразное, и ѡнюдъ едино воистинн и паче слова сщее, какъ словесъ востребуесть, да нѣгдѣ прейдетъ; или какъ возмогло бы ѡбѣто быти; ѡбѣтїе бо нѣкакъ слово творити ѡбѣтай имать: не ѡбѣтїе же, какъ безпредѣльно и безобразно есть. Аще же слово не бы прилѣчствовало тайномъ паче оума единомъ, не ѡбѣтѣ же сщѣ и безобразн: воистинн вос-

являемое, так и умосозерцаемое. Без сомнения, и сам ум как восшедший к тому, что выше всего, и являемого, и выражаемого словесно, и мыслимого, становится вне возможности мыслить, видеть, говорить, и он еще не взошел настолько [в высоту] и не находится в божественной сокровенности, пока может говорить; ибо он мыслит. А ведь тайное недомыслимо и, следовательно, свше разумения; значит, ум, восшедши в область божественной сокровенности и объединившись, предается молчанию в силу своего положения не добровольно, но естественно, осияваемый единственным образом Единым, превышим мысли.

38. Если слова имеют свойство заставлять ум идти вперед и делать успехи, то, следовательно, они возводят его с успехом туда, куда не достигает слово, то есть к делу, совершаемому молчанием. Если, положим, слова всегда могут быть присущи уму и душа всегда нуждается в них, то я не вижу, какой умственный успех бывает от употребления речи. Ибо пользование речью не полезно не только для делания, но в такой же степени и для созерцания постольку, поскольку ум восходит от слов, представляющих образ существ, к просто и свше слова безобразному и исключительно и истинно Единому, так как и всякое слово является предметом не главным или, вернее сказать, бывает препятствием. Ибо эти слова вообще употребляются при переходе в случае надобности от [одной] мысли к другой, то каким образом простое, самостоятельное, неограниченное, безобразное и совершенно Единое, пребывающее истинно и превыше слова, будет нуждаться в словах, чтобы куда-нибудь перейти? Или как Оно могло бы быть обнято словом? Ведь слово обыкновенно заключает в себе некоторым образом объем понятия, но это [Единое премирное] необъемлемо как неограниченное и безобразное. Если же слово не может соответствовать Единому тайному, превосходящему ум как

приличествуетъ молчаніе, оубо еже глаголати, ѡкончати предъспѣвшымъ подобаетъ ко еже молчати, понеже ко еже прѡстѣ зрѣти, и невоображеннѣ, и безъобразнѣ, предъспѣша.

лѡ. Яще словеса сѣуть оубѣдѣнныхъ (вещей), тайное же есть невѣдомо: оубо внѣ слова есть тайное. Яще бо вышше вѣдѣніа невѣдѣніе тайнаго есть, вышшее же вѣдѣніа никакоже трѣбуетъ вѣдѣніа, многѡ мнѣе слова вострѣбуетъ. Къ тайномѸ оубо прѡстѣ единомѸ возшедъ оумъ, молчанію прилѣжитъ естественнѣ, и яще не бы естествомъ и не оухищреннѣ молчалъ, не оу въ тайное и препрѡстое едино достиже возшедъ.

м. Якоже безмолвію прилѣжаще человекѣцы, и ѡ келліи ѡвогда исхѡдатъ, и самыи искѸсомъ разнство сидѣніа и исхожденіа разсѣждаютъ. Такѡ воистиннѸ и еже молчати страждѸще, и еже глаголати послѣжде приходѣще зрительнѣ слѡвѣ вжїей присѣдѣціи, вѣдатъ себѣ, что за оустроеніе сѣуть, (егда) еже молчати напѡдаетъ на на естествомъ, а не произволеніемъ. И что сѣуть, егда ко еже глаголати прекланѡются; И ещѣ, яще естествомъ найде на на еже молчати, молатса ли, или ѡниѡдъ ниже оустъ ѡверсти бысть имъ когда, стоѡщимъ во ѡномъ оустроеніи; Анггліи бо сѣуть на земліи иніи, единовиднѡ, безвїднѡ, безочеснѡ, безъобразнѡ, и прѡстѣ непрехѡдными оумѡ взираніи истинѣ совокуплѣми, точїю съ собою имѸще оужасъ и оудивленїе безъ еже помышлѣти что. Паче же по еже безочеснѣ взирати на безначальна и вжественна ѡсїанїа, и ѡнѸдъ сшѣдшѸ оумѸ ѡакѡ имѸщемѸ прелѡгъ, достизѡютъ ко еже глаголати и преходїти оумнѣ во многѡ и разлїчна прехѡженїа: и да паки тѣмъ еже молчати оустроенїе возвратїтса, ѡакѡ лѸше многѡ паче еже

непостижимому и безобразному, то Единому будетъ сообразно разве только молчаніе. Итак, успевшимъ в молчаніи следуетъ прекратить пользование словомъ, потому что они прежде достигли до простаго созерцанія безъ помощи очертаній и образовъ.

39. Если слова свойственны узнанному, тайное же неизвестно, то, следовательно, тайное вне слова. Ибо если неведение тайнаго выше знанія, превышшее же знаніе не требуетъ нисколько знанія, то оно гораздо менее будетъ нуждаться в слове. Итак, умъ, восшедшїи къ тайному просто Единому, естественно предается молчанію; и если онъ не молчитъ естественно и непринужденно, то [в своемъ] восхожденіи онъ еще не достигъ тайнаго и преупрощеннаго Единога.

40. Подобно тому какъ люди, предающїеся безмолвію, иногда выходятъ изъ кельи и самымъ опытомъ распознаютъ разницу между сиденіемъ [в ней] и выходомъ, такъ, конечно, и испытывающїе молчаніе и снова обращающїеся къ речи, присѣдающїе созерцательно славе Божїей, знаютъ о себѣ самихъ, в какомъ устроеніи застаютъ ихъ молчаніе по природе, а не по произволенію и какими они бываютъ, чувствуя склонность говорить, молятся ли они тогда, когда на нихъ самихъ найдетъ молчаніе, или даже вообще имъ бываетъ невозможно иногда и раскрыть уста в такомъ устроеніи? Ибо они те же ангелы на землѣ, единовидно, безвїдно, безочесно, безобразно и просто соприкасающїеся с истинною в непрехѡдѡщихъ взиранїяхъ ума, только ощущая в себѣ изумленїе и удивленїе, ничего не помышляя, но, скорее, безочесно устремляясь къ безначальнымъ и божественнымъ осїанїямъ. Когда же умъ какъ подверженный изменѣмости нисходитъ оттуда, то они получаютъ возможность говорить и мысленно переходить ко многимъ и разнообразнымъ переменамъ. И, чтобы снова къ нимъ возвратилось устроеніе молчанія какъ гораздо лучшее речи, они охотно

глаголати сщсее, безмолвїе лобызѧютъ и хранѧтса съ чвственными чвствъ, и всѧко оухищренїе оупотреблѧютъ, кѧкв бы возмогли бѣжѧти со ѣже глаголати и самагѡ тогѡ ѣже помышлѧти. Да мѡгѡтъ глаголати и тїи съ давидомъ: ѡнѣмѣхъ и смирихса, и оумочахъ ѡ блѧгъ (Псал. ѿи, г). Ибо и блѧгѡ глаголати, нїже естъ молчанїѡ съ разсѡжденїемъ.

ѿа. Нижѣ всѧчески иѡзавленѡ естъ бжественное, нижѣ паки тѧйно, но ѿкв оубв естъ, иѡзависѡ и сѣлѡ ѿснѣ: чтѡ же естъ по сщсествѡ, естъ тѧйно. Сѣлѡ же рѡзнствѡетъ вѣдѣти, ѣже чтѡ естъ, ѡ тогѡ, ѿкв естъ. Занѣ тѡ оубв, ѡ дѣйствиѡ иѡвлѧетса: сїе же, чтѡ естъ, ѡ сщсствѡ естъ. Ёже воистиннѡ и ѡггломъ въ бжѣ вѣдѣти ѡчѧно естъ. Естъ бо бжѣ пѧче всѧкагѡ сщсствѡ безконечнократнѣ безконечный: и пѧче всѧкагѡ оумѡ, и пѧче ѣже помышлѧемъ быти. Внегдѡ оубв оумъ достїглъ бы въ иѡвлѧющѡ, ѿкв естъ бжѣ, тогдѡ мнѡга мѡжетъ глаголати, и любовѡдрствовать иѡрднѣше, и любовѡдръ мѡжетъ глаголатисѡ и бгослѡвенъ. Егдѡ же превозникъ и превозшѣдъ ѡ тогѡ, ѿкв естъ бжественнымъ ѡбѧтъ бѡвѡ сокровѣнствомъ, мечтѧнїемъ тогѡ, чтѡ естъ дѣйствѡемъ, и ѡнѡдъ безвїденъ и невосѧженъ, и безѡчесенъ, ѿкоже подобѧетъ, бѡдетъ блѡгдѧтїю, всѧко слѡво глаголати ѡ бжѣ чтѡ мѡгѡщее, пребѡветъ недѣйствѡенно, и недвижимъ пребѡветъ оумъ едїнствѡемъ, (и) вшѣдъ въ недомыслѡенное. И тогдѡ весь тогѡ, ѣже всѣхъ внѣ естъ, бѡветъ, и дѣже ни слѡво, ни помышлѣнїе, ни оумышлѣнїе кѡе предѡспѣвѧетъ разлїчествѡюще, но простѡтѡ и непостїжнѡсть: безглѧсїе же и оужасъ, безѡбразное и безконечное и безпредѣльное: и невидимѡгѡ стрѧннымъ ѡбразомъ вїдитъ вїдѣнїе, и безвїдный вїдъ, ѡрѣшенъ и тѡй и безвїденъ въ правѡтѣ бѡвѡ, и по невидимѡ вїдимымъ ѿмъ,

предаются безмолвию, и охраняют свои чувства вместе с их впечатлениями, и всячески стараются избежать вместе с разговором и самого мышления, чтобы и им можно было говорить с Давидом: *«Я онемел, и смирился, и замолк, лишившись благ»* (Пс. 38, 3). Ибо даже и добрая речь ниже разумного молчания.

41. Божество ни вполне явлено, ни тайно, с другой стороны. Но что Оно есть — это открыто и притом очень ясно, а чтѡ Оно такое по существу — это тайно. Громадная же разница знать, чтѡ Оно такое, от знания того, что Оно существует. Ибо последнее обнаруживается из деятельности, а первое — чтѡ Оно такое — зависит от сущности, и даже ангелам отказано в знании этого относительно Бога. Ибо Бог бесконечное число раз бесконечно выше всякого бытия, выше всякого ума и помышления, поэтому когда ум достигает доказывающего бытие Божие, тогда он может много говорить и наилучшее любовѡдрствовать, может называться любовѡдром и богословным. Когда же, возвысившись и превзошедши мысль о том, что Божество есть, объѧтый божественною сокровенностию, приводимый в движение представлением себе того, чтѡ такое Оно есть, он, как естественно, действием благодати станет при этом и совершенно безвїдным, неосѧзаемым, безѡчесным, то всякое слово, мѡгущее говорить что-нибудь о Боге, остается бездейственным и ум, объединившись и погружившись в недомыслѡенное, пребѡвет без движения, и тогда, став [частью] того, чтѡ вне всего {и тогда весь становится запредельным всему мїру}, где не выступает в пестрых образах никакое слово, ни мысль, ни помышление, но господствует простѡтѡ, непостїжимѡсть, безмолвїе и изумлѣние, безѡбразное, бесконечное, неограниченное, — он вїдит стрѧнным образом вїденїе невидимѡго и безвїдный вїд, причѡм и сам он становится отрешѣнным, безвїдным в своей правиль-

и безочесно зримымъ, вкратцѣ рещи, въ себѣ вѣст-
венною и преестественною добротою ѡшарѣемъ, и соз-
давшего сего такова, прославляѣмъ бѣа.

мв. Не токмо ѣакъ прѣстѣ ѣсть бѣтъ паче всѣаки
сый сложенїа глаголетса еди́но, но ѣакъ и воистиннѣ сый
еди́нъ той во всѣхъ сщцихъ глаголемыхъ, имѣщихъ же
ѣже быти ѡ негѡ. Не воистиннѣ бо и прѣстѣ сщщее,
нѣсть еди́но. И ѣакъ такожде сый вездѣ неубѣтнѣ, и
ѣакъ еди́нъ всѣмъ неподобенъ, и чистѣ всѣхъ внѣ. И
ѣакъ присносщщенъ, ниже наченса, ниже престающъ. И
ѣакъ во всѣхъ вѣственнѣю прѣмысла своегѡ лѣчѣ пре-
чистѣ возсѣвающъ равнѣ: ѣще и не подобнѣ всѣ сїю
прїемлютъ. Ёще же оубѡ и ѣакъ во всѣхъ неударжимъ
познаваемъ, оумѡ неразлична, безвидна, безобразна,
безшарна, всѣхъ каколибо сщцихъ некасательна, и
ѡниѡдъ ѡрѣшенна, въ безконечность безпредѣлїа, вре-
мене же и мѣста и естества, и сщцихъ ѡ естествѣ
вышевосходѣща истѣзющъ, во ѣже ѡбразомъ нѣкїимъ
видѣтиса (ѡ негѡ) единовиднѣ паче соединенїа оумна.

мг. Ёгда паче ѣже помышлѣтиса бывающее между
бѣгомъ и оумомъ дѣховное совокупленїе бывѣетъ, гла-
голетса быти тогда во ѣже паче своегѡ (естества)
оумъ, преестественное, тайное еди́но чѣвствомъ оум-
нымъ совершннѡ мечтѣмъ. Обѣче самъ оумъ, ѣже
страждетъ, по своемъ естествѣ ѣсть (стражда) ѡчищ-
шемѣса благодѣтїю: сїе бо ѣсть ѣже помышлѣти оумѣ,
ѣже ѡкѣ зрѣти. Икоже оубѡ внѣтъ во тьмѣ видѣи,
видитъ оубѡ ничтѡже, обѣче видитъ ѣки еди́но ѡнѣ
тьмѣ, и видитъ, ѣакъ не видитъ. Уще бо бы покровѣнъ
былъ на ѡчию, негли бы и свѣтъ быти вознепцевѣлъ

ности и отпечатлеват на себе (ἀναχρῶννόμενος — букв.
«окрашивается») соответственное невидимо созерцаемо-
му им и безочесно зримому (καὶ ἀνομιᾶτως ἐπιβεβλημένα),
короче сказать — божественную и преестественную кра-
соту, и прославляет Бога, создавшего его такимъ.

42. Бог, Который выше всякого соединения, называется
Единым не потому только, что Он прост, но потому,
что Он один только истинно и существует во всем том,
что, как говорится, существует и имеет бытие от Него.
Ибо не истинно и не просто сущее не есть также истинно
и просто Единое. И как сущий таким же образом повсюду
непостижимо и как Единый, не похожий на все, Он со-
вершенно вне всего. Как вечный, Он не имеет ни начала,
ни конца Своего бытия, и во всем одинаково Он пречисто
сияет божественным лучом Своего промысла, хотя и не
всѣ одинаково воспринимает Его. Кроме того, как бес-
препятственно познаваемый всеми [созданиями], для того
чтобы быть видимым повсюду, единовидно превышает
мысленного единения, Он требует ума цельного, безвид-
ного, безобразного, бесцветного, неприкосновенного для
каких бы то ни было существ, вполне отрешенного, вос-
ходящего горѣ в бесконечность беспределя, времени,
места, природы и того, что относится к ней.

43. Когда бывает духовное соприкосновение, проис-
ходящее свыше мышления между Богом и умом, тогда,
как говорят, ум мысленным чувством совершенно при-
нимает образ сверхъестественного тайного Единого, пре-
вышающего собственную природу ума. Однако же то, что
испытывает сам ум, бывает сообразно с его природой,
очищенной благодатию, ибо мыслить для ума значит то
же, что видеть для глаза. Итак, подобно тому, как смот-
рящий внутрь во мраке ничего не видит кроме того, что
видит как будто один этот мрак, и чувствует, что не ви-
дит, ибо если бы он закрыл глаза, то, может быть, подум-
ал бы, что вокруг него есть свет и какие-нибудь из

Окрестъ себѣ и ѿ вещей нѣкаж. Нынѣ же видѣ, ѿснѣ видитъ, ѿкв не видитъ, и еже оубв, внѣтъ тьмы зрительнѣй пройти силѣ, и оубѣдѣти сокровеннаж, паче естество ѿчесѣ есть: а не оубв, еже видѣти, ѿкв не видитъ. Такъ воистиннѣ, и на оумѣ въ бжественнѣю востѣкшемъ сокровенность, и еже помышлѣти выше бѣвшемъ, видитъ оубв ничтоже. Ѿкѣдѣ бо; Ѿбаче видитъ, ѿкв не видитъ. И ѿкв еже не видитъ едино есть, ѿкв во мрѣцѣ нѣкоемъ сокровенно: ѿ негѣже проливаетса все кимлибо ѿобразомъ сѣще, или видимое, или помышлѣемое, аще съ тварію счислѣемое, аще присносѣщнѣ сѣще незданно. И аще бы не видѣлъ, не бы выше себѣ видѣлъ себѣ препростирѣема. Нынѣ же видѣ, ѿвлѣннѣйше видитъ, ѿкв не видитъ, сѣй паче еже видѣти. И ѿкв видѣтиса не возможно есть (томѣ) еже не видитъ. И внѣтъ оубв бжественнагв и паче оума единственнагв сокровенства внѣти и зрѣти, паче естество оума есть. А еже, воззрѣти на бжественный мрѣкъ ѿнагв сокровенства, и возмечтѣти неизреченнѣю единницѣ въ неизглаголаннѣ тайнствѣ превышележащѣю паче всѣхъ, и оубидѣти ѿкв не видитъ внѣтъ бжественнагв мрѣка ничтоже, и сѣлѣ чѣста оума свойственно есть зрѣцагв въ дѣѣ. Не вѣ затворѣно имать и смѣжающееса оумное взирѣніе и недѣйственно оумъ егда видитъ, ѿкв не видитъ, рѣзвѣ тѣчю, (ѿкв видитъ) бжественное и прѣстѣ въ сокровенствѣ едино: сѣе во невѣдѣніѣ есть знаменіе. Но егда паче ѿвѣ зрѣти имать, тогда во еже паче оума востѣчетъ, и тогда зрѣтъ своѣ незрѣніе въ прѣстѣйшагв единагв сокровенность зрѣ. Аще и ѿкв едино есть тѣ, ѿ негѣже всѣ, и ѿкв тайнѣ, и сѣлѣ ѿснѣ видитъ: что же есть, не видитъ. И за сѣа глаголетса бѣти оумъ во ѿже паче

предметов. Теперь же, видя, он ясно видит, что не видит, и чтобы зрительная сила проникла внутрь мрака и знала сокровенное, это свыше природы глаза, но это не значит, что глаз за собой не замечает того, что он не видит, таким же образом, конечно, бывает и с умом: востекши до божественной сокровенности и ставши превыше мышления, он, действительно, ничего не созерцает — да и как это возможно? — однако же он видит, что он не видит и что То, чего он не видит, есть Единое, как бы сокрытое некоторым мраком, из Которого проистекает все каким бы то ни было образом сущее, или видимое, или умоозримое, будет ли это сопричисляемое к твари или же вечносущее несозданное. И если бы он не созерцал, то он не видел бы, как он сам простирается превыше себя. Теперь же, созерцая, он весьма ясно созерцает, что он не созерцает, будучи превыше созерцания, и что невозможно, чтобы было созерцаемо то, чего он не созерцает. И свыше природы ума — войти внутрь и узреть божественную и выше ума Единую сокровенность. И только очень чистому уму, созерцающему в Духе, свойственно взглянуть в божественный мрак этой сокровенности и представить себе несказанную Единицу, лежащую превыше всего в неизглаголанной тайне, и увидеть, что он ничего не созерцает внутри божественного мрака. Ибо не замкнутый, не сомкнутый и не бездействующий мысленный взгляд имеет ум тогда, когда видит, что он не созерцает ничего, кроме божественного и просто в сокровенности Единого. И это признак неведения. Но когда он станет созерцать более ясно, тогда он восходит к превышающему ум и тогда созерцает свою собственную незрячесть, созерцая в сокровенности простейшего Единого. И хотя он даже очень ясно видит, что Единое есть То, от Которого проистихает все, и что Оно есть тайное, он не видит, что Оно такое. Поэтому и говорят, что ум устремлен в то, что превышает его собственную природу, когда он взирает в простейшую сокровенность Божию. А возможность тако-

естества своего, понеже въ простѣйшее бжїе взираетъ сокровенство. Сїе же быти емѹ, по естествѹ есть чистѹ бывшѹ, и ꙗкоже реци, по естествѹ есть емѹ въ томѹ, еже паче естества быти безочеснѣ: то есть недомысленнѣ взира́ти на бж́ественное и препростѣртое паче оума единственное сокровенство. Не во ѿмать тогда каково́лико разумѣтельное постиженіе, развѣ́ то́чию неисходнагв преестественнагв единагв. И тѹ оубо достигъ сво́йственнымъ себѣ движеніемъ, въ сто́аніе ѡканчивается и престѣтїе. Не сто́аніе глаголю ѡ́ еже зрѣти, сїе во есть неистовна страсть: но сто́аніе и престѣтїе ѡ́ еже преходити ѡ́ помышленіа въ помышленіе, илї зрительство. Оумъ бо тамъ воскочивъ, понеже во глубинѹ безконечїа, и безпредѣлїа па́даетъ во свѣтъ оуменъ, въ непостижное пришедъ бж́ественнагв ѡнагв невозрамагв сокровенства, ꙗкоже реци, исчезаетъ и стоитъ, ничто́же и́но то́чию оужасъ во свѣтлости стражда оумнѣи, ꙗ́ще и не прехо́дѹ, ѡ́баче оумнымъ просвѣщеніемъ дѣйствуетсѹ взира́а недвижнѹ въ пресщественное сокровенство, е́динственнѣ же и е́диновиднѣ ѡ́ непристѹпнѣи внѣтренности неисходнагв ѡзаренїа недоумѣва́сѹ и оудобра́сѹ. ꙗ́ще ли же бы былъ ѡ́ еже зрѣти недѣйственъ, какъ бы страдалъ, еже оужасатисѹ и просвѣщатисѹ; но сїмъ ѡ́бразомъ глаголетсѹ сто́ати тамъ достигшѹ оумѹ, ꙗ́кв не преходитъ е́диное зрѣ, и къ е́динагв свѣтлости и пристражда и ра́дѹсѹ и просвѣща́сѹ, и стоитъ недвижнѹ, ника́коже смѣжавѹа своѣ видѣнїа наслажденіе. Сїа́ во бѣгательна страсть, а́ не похва́льна, и тьмы невѣдѣнїа испо́льнѹ, нигдѣ́же ника́коже зрѣти: реченное же сто́аніе оума, по непристѹпнѹ свѣта ѡ́сїанїю бы́аетъ. И видѣнїе есть не ищѹ́цо прехо́жденїа, но по-

го состояния по природе бывает с ним в том случае, когда он станет чистым, и, можно сказать, быть таким по природе значит для него — приходиться в вышеестественное состояние, безочесно, то есть недомыслимо, устремляясь к божественной и простейшей свѣше ума Единственной сокровенности. Ибо в таком случае ум не имеет никакого познавательного восприятия, кроме мысли о непроявляющемся Едином. Но, достигнув туда свойственным ему движением, он заканчивает его остановкой и покоем. Не говорю «остановкой от созерцания», ибо это было бы болезненное состояние безумия, но я говорю «об остановке и покое» от перехода от мысли к мысли или [от созерцания] к созерцанию. Ибо ум, воспрянув туда, впадая в глубину бесконечности и беспредельности, в мысленном свете достигнув непостижимого в этой божественной необозримой сокровенности, затмевается, так сказать, и останавливается, не ощущая ничего другого, кроме изумления среди мысленной светлости. Но хотя [в этом случае] ум и не переходит [от мысли к мысли], однако он приводится в действие мысленным светом, взирая неподвижно в пресущественную сокровенность, единственно и е́диновидно повергаясь в недоумение и украшаясь неприступною внутренностию непроявляющегося озарения. А если бы он был бездействен от созерцания, то как же бы он испытывал изумление и просвещение? Но говорится, что ум, достигнув туда, останавливается в том смысле, что он не переходит [от одной мысли к другой], созерцая Единое и испытывая сверх того красоту Единого, восхищаясь и просвещаясь ею, он и останавливается без движения, но не так, чтобы он уменьшал собственное наслаждение созерцанием, — ибо это было бы слабостию, которой следует избегать, непохвальной и полной мрака неведения — не созерцать никак и нигде, — но так называемая остановка ума наступает после неприступного осияния света. И созерцание стремится не к переходу [от одной мысли к другой], но к прекращению и

чѣтїа ѿ стоа́нїа. Безконечно во ѣсть оно преестествонное и сокровеннотайное пресущественное едино и непроходно всакомъ оумъ, и ѿндѣ нѣгда зрѣти не пощцаетъ зрацаго е оума. Поелїкъ былъ бы причащенъ оумъ подобающаго емъ ѡчищенїа и бжественнаго помочи, и не ѿнакв припадаетъ ѡ бжественнаго сего видѣнїа и предобротнаго свѣтлости и безконечїа, точїю привлачїмъ ѡ нѣчесогу пристрастїа ѿмѣа, ѿлї прїа́тїемъ, ѿлї ѡ естественнаго егуже страждетъ прелога.

мд. Оумъ естество есть еже помышлѣти. А еже помышлѣти, во движенїи есть и прехожденїи. А понѣже оумъ въ бгѣ бываа, превыше помышленїа ѡбрѣтаетса и движенїа, въ лѣпотѣ сїце бы моголъ глаголатиса оумъ во еже паче естества своего быти, совершеннѣ бга мечтаа. Всако во помышленїе, ѿвѣ ѿкв ѡ вѣщи бывати естество и маетъ: а ѿдѣже вѣшь не зрїтса, помышленїе ниже раждаетса, ниже оубв ѡбрѣтаетса. Бгъ оубв ѿже никаковїмъ ѡбразомъ могой зрѣтиса вѣщнѣ, мечтаетъ оумъ естественнѣ ѡ ѿже ѡкрестъ себѣ, ѿже сїрѣчь дѣйствуетъ: ѿже мѣсто содержатъ сїлы ѡ нѣкоего происходѣщїа сїльна. Понѣже оубв оумъ во ѿныхъ всѣхъ ѡвѣче сїлы съ могощїми зрѣти, сїе ѿщетъ и на вѣѣ пострадаѣти, и не могой воїстиннѣ (паче во естества сїе всакаго зданна оума есть) ѿже ѡкрестъ бга зрїтъ, и бга безочеснѣ, еже глаголетса, простою мечтаетъ и вкщпѣ собранною мыслїю. Безмолвна же воздѣха емса, и бжественнаго прїазни бївъ ползчїтель, и дѣйствующї въ немъ бжественномъ и поклонномъ дхѣ, ѡ еже помышлѣти частѣе восхицаетса въ безвїдно и не качественно и просто оустроенїе, внѣтръ сѣрдца скорѣ входѣ сїлою дха преестествонною, и стоа въ мечтанїи бга, и ничтоже помышлѣа, но превыше еже помышлѣти

остановке [движения ума], ибо это сверхъестественное и сокровеннотайное пресущественное Единое бесконечно и непостижимо для всякого ума и не допускает, чтобы ум при созерцании, поскольку он бывает причастен подобающего ему очищения и божественной помощи, созерцал Его в каком-нибудь другом направлении; и от этого божественного созерцания, от превосходной красоты и бесконечности он уклоняется не иначе, как только отвлекаемый чем-нибудь в случае пристрастия или принятия [постороннего] или вследствие какой-нибудь естественной изменчивости, которой он подвергается.

44. Природа ума — мышление. Мышление же состоит в движении и переходе [мыслей]. А так как ум, становясь в Боге, находится превыше мышления и движения, то по справедливости можно сказать, что ум, совершенно представляя себе Бога, становится выше своей собственной природы. Ибо всякая мысль, очевидно, происходит, по самой природе, от предмета. А где не созерцается предмет, там мысли и не рождается, и не бывает вовсе. Но Бог, никаким образом не могущий быть видимым вещественно, естественно дает уму образы из предметов, окружающих его, среди которых он, очевидно, действует и которые занимают место силы, происходящей от кого-то сильного. Итак, поскольку ум привык во всем другом видеть силы вместе с сильным, то он стремится наблюдать это и относительно Бога. И не будучи действительно в состоянии [этого делать], — ибо это выше природы всякого созданного ума, — он созерцает окружающее Бога и незримо представляет себе Бога, как говорится, простою и собранною мыслию. Ощувив мирный воздух и достигнув божественного благоволения, [ум], при действии в нем самом божественного и поклоняемого Духа, от мышления чаще восторгается в безвїдно, бескачественное и простое устройство, входя очень скоро внутрь сердца преестествонною силою духа, пребывая в представле-

бываа. ѿ чесоꝝ сирѣчь ѿ ѣже ѡже ѡкрестъ вѣа помышлѣти, восхѡдитъ въ вѣжественно мечтѣнїе, ѡкоже речеса, прѡстъ бывъ, (и) глаголетса, ѡкв въ превышшемъ естества своегѡ естъ, ѡкв бываетъ превыше ѣже помышлѣти.

мѣ. всѣкомѣ чесоꝝлибо глаголемѣ тайнѣ имѣти нѣжда естъ нѣчто предѣвляемо, ѿонѣдѣже ѡкв сїе естъ тайно разѣмѣваетса. Аще бо ни, не сѣщемѣ подобно естъ наипѣче. Совершеннѣ бо не дающее ѡвлѣнїа разѣмѣвательна сѣществованїа каколибо, равнѣ возмнѣлоса бы ѿнѣдѣ никакоже сѣщемѣ. Тѣмже воистиннѣ и съ тайностїю вѣїею вкѣпѣ сѣтъ нѣкаа предѣвляема. Имже ѡки припослѣдствѣа оꝝмъ, вѣжественнагѣ сокровѣнства чѣвство прїемлетъ, постижнымъ вѣїимъ восхѡдѣ къ непостижномѣ, въ неже достїгъ вѣсть, ѡкв естъ нѣчто извѣстнѣ, ѣже извѣгѣетъ своегѡ егѡ естествонагѣ постиженїа, превыше сѣще всѣкагѣ оꝝмнагѣ постиженїа, и аггѣлска каковалибо, ѡкв сѣцагѣ превыше свѣта, и всѣкагѣ оꝝбѣ естества и сѣщества, и сѣца всегѡ винѡю, и начѣло и конѣць тѡже преестественно, и пресѣщественно всѣкагѣ превыше сѣще безконѣчнѣ сѣщества, нерожденно же и безначѣльно и безпредѣльно, и естествомъ и мѣстомъ и временемъ прѡстѣ неѡбѣемлемо, и сїе естъ едїное тайное пѣче оꝝма. И естъ вѣжественнаа постижность естествонагѣ из тогѡ происхѡдѣщи, премнѡга нѣкаа сѣщи, и насъ пѣки ѿ себѣ къ себѣ горѣ прѡстирѣющи, и ѡки возѡкрѣжающи оꝝмными рѣководженїи, и горѣ прѡстѣртїи къ начѣлѣ тайномѣ преестественнѣ едїнѣ, толїкѣ соединѣющи ны съ нїмъ, елїкѣ оꝝразѣмѣти ѡкв естъ, и ѡкв едїно естъ, ецѣ же оꝝбѣ и ѡкв всѣцемъ ѡбразомъ недѡмысленно естъ ѣже вѣдѣти, чѣдѣ естъ, по сѣществѣ сїе тайное едїно. Пре-

нии себе Бога и ничего не помышляя, но становясь выше мышления. От чего, то есть от созерцания сущего вокруг Бога, ум восходит к представлению себе божества, ставши, как сказано, простым, [почему и] говорится, что он находится в состоянии, превышающем его собственную природу, так как бывает выше мышления.

45. Необходимо, чтобы все, называемое тайным, имело чтонибудь проявляющееся, из которого бы было видно, что оно тайно. Ведь иначе оно более всего походит на несуществующее. Ибо вообще все, что не представляет проявления своей сущности, доступного каким-либо образом познанию, может быть равным вовсе нигде и никак не существующему. Без сомнения, конечно, и тайности Божией соприсущи некоторые проявления ее. Следуя за ними, ум получает ощущение божественной сокровенности, восходя от постижимого в Боге к непостижимому. Достигнув последнего, он понимает, что существует достоверно нечто, ускользящее от его собственного естественного постижения, превосходящее всякую, какую бы то ни было, умственную и даже ангельскую способность постижения, как превысшее света, причина, начало и конец всякого естества, существа и всякой сущности, само же будучи сверхъестественное и сверхсущественное, находясь бесконечно превыше всякой сущности, нерожденное, безначальное, неограниченное, просто необъемлемое естеством, местом, временем; и это есть тайное Единое превыше ума, и из Него естественно проистекает способность постигать божественное, которая, конечно, очень велика и снова простирает нас к себе горѣ, как бы окружая умственными руководствами, обращениями и стремлениями к начальному тайному преестественному Единому, настолько соединяя нас с Ним, насколько можно уразуметь, что Оно существует, что Оно есть Едино, а также и то, что во всяком случае недоступно для мышления знать, что такое по существу есть тайное Единое. Но

вѣше же оумѣ ѡбрѣтенное и извѣгающее разума какъ бы слово проходить возмогло. Слово же проходить не возможе, мысленное. Невѣщаннѣ (же) и неизреченнѣ и въ молчанїи оумѣ паче мысли единовиднѣ взираѣти ѣкѡ тайнѡ, и радоватисѣ ѣкѡ ѡ виновнѣ и промысленицѣ, и оужасатисѣ ѣкѡ ѡ превышшемъ свѣта и превышшемъ благодсти, превышшемъ премѣдрости же и превышшемъ силы, и вжественна наслаждатисѣ ѡ сегѡ радованїѣ, такожде и ѡ сщцихъ безконечныхъ и безпредѣльныхъ всѣхъ, ѣмниже зрѣтсѣ пресущественное тайное единое, ѡнюдѣ естества словесна естѣ послѣдованїе. Непослѣдовано же естѣ, въ таковыхъ сщцѣ оумѣ, словесъ оупотреблѣти и проходить преходѣщѣ: оупотреблѣмай оубо не еже молчати, но еже глаголати, совершеннагѡ ѡскѣдѣваетъ оустроенїѣ оумѣ. Сїе бо естѣ крайнее сегѡ оустроенїе, ѣкоже и ѡ ничтоже паче ѣстины предпочитѣющихъ могло бы исповѣстисѣ, еже въ крайнѣйшее дѣйства своегѡ достигнѣти: крайнѣйшее же естѣ еже къ крайнѣйшемѣ взиранїе егѡ: еже и безочеснѣ совершатисѣ глаголетсѣ: многѡ оубѡ мнѣе и неглагольно.

мѣ. Взираѣа оумѣ безочеснѡ на вжественнѣйшее единственное преначальное, и верховнѣйшее сокровенство, (и) прїѣтїе, и сїе безочеснѣ ѡнѣдѣ находитъ на оумѣ единовиднѡ, и единственновиднѡ, предобрѣтнѣя и пресвѣтлыѣ и неизреченнѣя свѣтлости исполненѣ, и въ глубинѣ оудивленїѣ и оужаса призывающе оумѣ въ молчанїи. И предѣдержавающе сердце дѣйствомъ дѣховнымъ и радостїю сладостною, онѡ бываетъ оумѣ оумно просвѣщенїе, ѡсїанїе, и вжественно по мѣрѣ раченїе, и свѣтло радованїе: ѣмать же винѣ ѡ вѣга, ѡнѣдѣже всѣкое даанїе благо, за чистотѣ оумѣ, и ѣкоже

каким образом могло бы слово проникнуть в то, что превыше ума и не поддается размышлению? Слово не может проникать это умопостигаемое [Единое], но ум в состоянии безгласно, несказанно, в молчании свыше разума единовидно взирать как на тайное, и радоваться о Нем как о причинном и промыслительном [начале бытия], и вполне последовательно для разумной природы ума изумляться [пред пресущественным Единым] как пред превышим света и превышим благодсти, превышим премудрости и превышим силы, и от этого наслаждаться божественным веселием — изумляться пред всем вообще, в чем проявляется пресущественное тайное Единое, как пред бесконечным и безграничным. Но было бы непоследовательным, чтобы ум, находясь в таких [условиях], пользовался словами и искал выхода, переходя [от мысли к мысли]. Итак, тот, кто пользуется не молчанием, но речью, далек от высокого устройства ума, ибо это высокое устройство его, как согласно могут подтвердить люди, ничего не предпочитающие истине, состоит в достижении самого высокого в его деятельности. Наивысшее же [в ней] есть взирание его к самому высокому, совершающееся, как говорят, незримо: следовательно, гораздо реже и безмолвно.

46. Когда ум безочесно (ἀνομιᾶτως) взирает к божественнейшей единственной сверхначальной и самой верховной сокровенности (κορυφαϊοτάτη ἀλοκρυφιοτήτι), то и впечатление [от созерцания] также незримо сходит отсюда на ум единовидным и единственновидным {единственным}, исполненным превосходной, пресветлой и неизреченной красоты, увлекаая ум среди молчания в глубину удивления и изумления. Занимая сначала сердце духовною деятельностью и сладкою радостїю, оно становится для ума мысленным светом, осиянием и, в соответственной мере, божественною любовїю и светлым веселием; свой же источник оно имеет в Боге, откуда исходит

вы рекъ за вещество, еже ѿ бжественныхъ по части гвлѣній писаній, и сщнихъ, и оувидѣнныхъ разумнѣ съ правотою въ безмолвіи и молитвѣ. Не бо ꙗкоже вы приключилося, взираетсѧ тайное внѣтрянѣйшее бжѣ едино паче мысли, но въ происходящей ѿ нѣдѣ свѣтлости единовиднѣй, взираніе и видѣніе преисполняющей оумное, еже не пострадавый словеснѣ же и разумнѣ, ѿвнѣдѣ восходитъ къ преестественномѣ и тайнѣ прѣстѣ единомѣ, не сердечнѣ дѣйствуемъ, ниже оубо оумнѣ ѿсѣваемъ.

мз. Свѣтлѣйшее единовидное же и единственно-видное оума въ бжѣ видѣніе взирающе на единственную бжественную сокровенность, и на изблеставяющее изъ нея сіаніе бжественно ѿзареніе прѣмшо безначальна и безконечна свѣтоиспщѣніа, не токму оустъ молчаніе истазветъ, но и оума. Мѣчно бо есть и оустѣмъ молчащымъ, внѣтръ оумѣ завѣщаватисѧ, и въ помыслы и разумнѣ преходити и оупещратисѧ: еже сѣ слово вы могло быти завѣщательно, егѡже далече есть оумъ востѣкшъ къ препростѣртой бжественной единицы невоображенной сокровенности. Ино бо есть зрительное оума, а ино еже завѣщаватисѧ и размышлати, еже есть завѣщательна слова. Ѿ сѣа вины, созданна или сложна, или инакѣ нѣкакѣ различна достигъ оумъ дѣла, пѣрвѣ видитъ, таже и размышлатъ оупещраемъ. И еще въ вещи множицею единѣй, возмоглъ вы ѿверѣсти не мала разумнѣ: въ единственнѣмъ же и единовиднѣмъ онѣмъ и внѣтрянѣйшемъ бжественнѣмъ сокровенствѣ, воспротазаетъ оубѣ и воспростираетъ зрительное своѣ око, и простотою бжественнымъ лччѣ ѿсѣваетъ, ѿнѣдѣ же не можетъ размышлати завѣщаватисѧ: избѣгаетъ бо единственна простота оум-

всякое благое даяние при посредстве чистоты ума, а вещество свое, как мог бы иной выразиться, оно получает то из божественных указаний Писаний, то из разумного и правильного созерцания существ среди безмолвия и молитвы. Ибо тайное внутреннейшее Единое божества, высшее мысли, бывает видимо не как-нибудь случайно, но в единовидном свете, происходящем оттуда, преисполняющем умственное взирание и созерцание. Но кто не испытал этого, тот разумно и сознательно восходит извне (т. е. путем внешней философии) к преестественному тайному простому Единому, не будучи ни сердечно трогаем, ни осияваем, конечно, умственно.

47. Самое ясное единовидное и единственновидное созерцание ума в Боге, устремляясь к единственной божественной сокровенности и к свету, блистающему из нее, приняв божественное озарение от безначального и бесконечного светолития, требует молчания не только уст, но и ума. Ибо возможно, что и при молчании уст ум располагается внутри себя, переходит в помыслы и мысли и разнообразит свои впечатления. Это было бы выражением внутреннего настроения, далее которого ум восходит к самой простой невоображенной сокровенности божественной Единицы. Ибо иное [дело] — созерцательное [устройство] ума, а иное — расположение и размышление, которое относится к выражению внутреннего настроения ума. Поэтому ум, вращаясь среди созданных и сложных предметов или различных в каком-либо другом отношении, сначала созерцает их и потом в таком состоянии помышляет [о них], уже разнообразя свои впечатления. Если, может быть, часто по поводу одного предмета ум может найти немало мыслей, то [при обращении] к той единственной, единовидной, самой внутренней божественной сокровенности он, правда, напрягает и простирает свое созерцательное око и освещается простотою божественного света, но вовсе не может размышлять, на-

нагѡ како́ва̀лѝво̀ прѣхо́ждѣнїѡ, ѡ̀лѝ разлї́чна завѣщанїѡ. Ѣ́кожѐ во̀ ѣ́сть та́йность, что̀ размы́шленна̀ (ѝ) ре́щїи завѣщанїемъ̀ ѝ о́усты. Сї́хъ ра́ди о́убо̀ молча́нїю̀ прилѣ́житъ̀ е́стѣственнѡ̀ ѝ о́усты̀ ѝ о́умомъ̀, въ̀ е́дїнственноѐ внѣ́треннѣ́йшеѐ бж́ественноѐ сокровѣ́нство̀ о́умнѣ̀ чело́вѣкѣ̀ востѣ́къ.

мн. Внегда̀ ѡ̀бра́щенїѐ о́ума̀ воззрї́тъ̀ соверше́ннѣ̀ къ̀ бг҃ѡ̀ ѝ пожѣ́рто̀ бѣ́детъ̀ зрї́тельноѐ е́гѡ̀ пресвѣ́тлѣ́йшимѝ бж́ественнымѝ добрѡ́ты̀ лѣ́чами, ѝ безвѣ́разнѣ̀ въ̀ простотѣ̀ е́дїнагѡ̀ та́йнагѡ̀ безвї́дна̀ взы́детъ̀ ѝ безпредѣ́лїе, ѝ бѣ́детъ̀ то́й съ̀ собо́ю̀ е́дїнъ̀ свої́мъ̀ къ̀ е́дїномѣ̀ горѣ̀ простѣ́ртїемъ̀ ѝ взиранїемъ̀ дѡ́хновенїемъ̀ на́нѣ̀ дѡ́ха: тогдѣ̀ младе́нческагѡ̀ выва́етъ̀ ѡ́убо̀ о́устроенїѡ̀, на̀ са́мѣмъ̀ мѡ́дрова́нїи, ѝ ца́рствїѡ̀ бж́їѡ̀ неизрече́ннагѡ̀ ѝ преестѣ́ственнагѡ̀ вкѡ́ша́етъ̀, по̀ словесї̀ гд҃ню: ѡ́щѐ не ѡ̀братї́тесѡ̀, глаго́лющемѣ̀, ѝ бѣ́детѐ ѡ́акѡ̀ дѣ́ти, нѐ вни́детѐ въ̀ ца́рство̀ небе́сноѐ (Матф. ѡ́, г): свобѡ́денъ̀ бо̀ тогдѣ̀ ѝ нѐудержї́мъ̀ ѡ́нїю́дѣ̀ ѡ́ всѣ́хъ̀ о́умъ̀ выва́етъ̀ всѡ́кагѡ̀ разѡ́ма, всѡ́ческагѡ̀ како́ва́гѡ̀лѝво̀ разѡ́мѣ́нїѡ̀, всѡ́кагѡ̀ сло́женїѡ̀, ѝ пестроты̀ предѣ́лы̀ превозше́дъ, ѝ горѣ̀ прости́ра́сѡ̀ къ̀ невѣ́щанномѣ̀ ѝ па́чѐ о́ума̀ невѣ́домомѣ̀. Тѣ́мжѐ вої́стиннѣ̀ ѝ молчї́тъ̀ е́стѣственнѡ̀, занѣ̀ то́кмѡ̀ па́чѐ сло́ва, но̀ ѝ па́чѐ о́умна̀ дѣ́йства̀ своѐ о́устроенїѐ, ѡ́мѡ́щѐ съ̀ та́йнымъ̀ ѝ безвї́днымъ̀ пресвѣ́тло̀ѐ ѝ ра́достно̀ѐ ѝ сла́дко̀ѐ е́лї́кѡ̀ ко̀ о́умнѣ̀ насла́женїю̀.

мф. Въ̀ видѣ̀ безвї́днѣ́мъ̀, ѝ пресвѣ́тлѣ́йшей̀ невещѣ́ственнѣ́й ѝ несложнѣ́й добрѡ́тѣ̀ въ̀ лицѣ̀ простѣ́йшемъ̀ бг҃ѡ̀ зра́тъ̀ зрї́тельнїѝ е́диновї́днѣ̀ е́дино̀, безко́нечнымѝ благо́имѝ ѡ́крестъ̀ о́убѣ́нчанна̀: безчї́сленнымѝ до́брымѝ о́укра́шенна̀: о́умъ̀ свѣ́товї́днымѝ добрѡ́тамѝ

ходясь в таком расположении. Ибо единственная простота уклоняется от какого бы то ни было умственного перехода или разнообразного настроения, и сокровенность не допускает, чтобы размысливший, что она такое, выразил это внутренним представлением или устами. Именно вследствие этого человек, поднявшись умственно до единственной славнейшей божественной сокровенности, естественно блюдет молчание и устами, и умом.

48. Когда ум в своем обращении направится всецело к Богу, и созерцательная сила его будет исчерпана пресветлейшими лучами божественной красоты и безобразно взойдет до простоты и безграничности тайного Единого безвидного, и станет он единым сам для себя вследствие собственного своего стремления к Единому и взирая при вдохновении Духа, тогда он явно бывает в младенчески безмолвном устройении по самому образу мыслей и вкушает неизреченного и сверхъестественного Царствия Божия по слову Господа, говорящему: *«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 18, 3). Ибо тогда ум становится независимым и во всех отношениях ничем не сдерживаемым, превосходит границы всякого познания, всевозможного мышления, всякого соединения и разнообразия, устремляясь горѣ к невыразимому и непознаваемому, которое превышает ума. Вследствие этого, разумеется, ум, естественно, и хранит молчание по причине своего устройства, которое не только выше слова, но и умственной деятельности, и вместе с тайным и безвидным заключает в себе сверхъестественное, приятное и сладкое в мере, необходимой для умственного наслаждения.

49. Созерцательные умы, видя Бога в виде безвидном, в преестественнейшей {пресветлейшей}, невещественной и несложной красоте, в простейшем лице как единовидное Единое, увенчанного бесконечными благами, украшенного неисчислимыми красотами, озаряющего всякий

ѣки лѣчевиднѣ ѡкрестъ ѡзарѣющій всѣ: блаженство неизреченно и неисповѣдимо: благихъ и добрыхъ источникательно, изобиліе безконечно точаще и приснотечно: славы сокровище паче исчерпаніа бездонно, и неистощимо. Мнѡга сѣлѡ веселіа. преисполняюща безочесныхъ оумь. Радости и дѣшевной сладости съ веселіемъ нетлѣннымъ по теченію приснотечнѣ ѡкрестъ текѹщѣ таинственнѡ ѡ вѣстивенныхъ ѡныхъ и превышесвѣтлыа единицы въ невходнѣмъ превыше сѣщіа сокровенствѣ: и ещѣ (зрѣтъ) колика и елика неизслѣдна проливаѣтса пѣчина ѡ ѡныхъ неубѣмлема благасти неизреченныхъ, и любвѣ несказанныхъ, и промысла недомысленна въ силѣ безпредѣлнѣй и премѣдрости неизреченнѣй, и агглы, и самѣми серафимы недомысленна, паче всѣакагѡ оума сѣща: ещѣ же и гѣже ѡ настоѣцагѡ вѣка въ насъ ѣки зачинаѣма неизреченнымъ слѡвомъ, въ вѣдѹщемъ же возѹстроѣма, и ѣки паки раждаѣма и совершаѣма, гѣже и херувимскѣ оумъ оѹжасаютъ, и тѡчїю нѣкакѡ неѣснѣ ѡ сѣмъ помыслити предложѣнїе имѹщѣ. ѿ благасти и совѣта вѣїа и любвѣ и благасти, силы же и премѣдрости и промысла вѣстивенна! воистиннѣ блаженнѣ, иже ѡстѣвишасѣ беззаконїа, и иже покрѣшасѣ грѣснѣ (Псал. ѡа, ѡ): и блаженъ человекъ, егѡже ѣще накажетъ гдѣ, и ѡ закона своего и дѣха научитъ егѡ (Псал. ѡг, вї).

н. Дѣхомъ и истинно ѡкрываѹтса въ мїрѣ оѹбѡ сѣщими невидимыхъ немогѹщимъ дѣха прїѣти стѣгѡ, гѣкоже гдѣ изрече. Ѧ иже еже ѡшельствовати предпочитѣлнѣйше естѣ, и далѣче ѡ мїра сидѣти, и сѣщихъ въ мїрѣ, и вѣстивенно благадѣтїю просвѣтнѣ мысленъ свѣтѣ ѡчесѣ сѣрдца иже востѡкъ съ высоты солнца мысленнагѡ, и быстѣ застѣплѣнїе иже оѹ вѣа, гѣкоже восхожденїа въ сѣрдцѣхъ своихъ полагаѣти, и просвѣ-

ум, как бы лучами, световидными [потоками] красоты, [видят в Нем] несказанное и неизъяснимое блаженство, обильный источник доброго и прекрасного, бесконечно текущий и неиссякающий, неисчерпаемое, бесконечное, неистощимое сокровище славы, преисполняющее незримые умы (ἀνομιᾶτους νόας — «неочитые умы») самого величайшего наслаждения, радости, сердечной сладости, чистого веселия, таинственно происходящего вечно текущим потоком из Той божественной и преестественной Единицы, Которая лежит горѣ в недоступной сокровенности. [Созерцательные умы видят] также, какое и сколь великое неисследимое и необъятное море изливается из той несказанной благасти и неизъяснимой любви, непостижимого промысленна, в неограниченной силе и невыразимой мудрости, видят недомыслимое для ангелов и самих серафимов как существующее превыше всякого ума. Видят даже и то, что с настоящего времени как бы зарождается в нас неизреченным образом, в будущем же придет в обновленное устройство и как бы возродится и совершится; что изумляет и херувимский ум, если он даже только как-нибудь слегка решится помыслить об этом. О, благасть, и совет Божий, и любовь, и милосердие! О, сила, и мудрость, и промысленна Божие! Действительно, «блаженны те, коим отпущены беззакония и коих покрыты грехи» (Пс. 31, 1) и «блажен человек, которого наставит Господь и от закона Своего и Духа научит его» (ср. Пс. 93, 12)!

50. В Духе и истине открывается невидимое для живущих в мїре, не могущих принять Святого Духа, как сказал Господь (ср. Ин. 4, 23; 14, 17). А сердечные очи тех, для которых предпочтительнее удалиться и селиться вдали от мїра и того, что в мїре, осенил божественно благадѣтїю умственный свет, «с высоты восход» (Лк. 1, 78) умного солнца, и помощь для них у Бога, так что «восхождения свои они полагают в сѣрдцѣхъ своих» (Пс. 83, 6)

ца́тисѧ вѣозрѣтельными ѡсѣанїи ꙗ́коже подобаетъ, въ сѣхъ и сѣлѡ ꙗ́снѣ зрѣтсѧ и ѡна и премнѡга вѣжественна и мѣсленна, и дѣхѡвна взиранїа достѡйна: е́ще же и вѣдѡщее вѣчное и неклѡнное возѡстроенїе преподѡбнѣ пожившимъ какъ бѣдетъ, не токмѡ чѣвственнѡ, но о́уже и па́че о́ума. Ѣнѡдъ бо ѡзмѣнатсѧ тогда всѣ сѣцагѡ па́че о́ума быва́юще, и сѣцагѡ па́че всѧкїа мѣсли и живота и наслажденїа: ꙗ́коже бѡзи положенїемъ, предъ сѣцимъ ѡ е́стества вѣгомъ, наслажда́ющесѧ и радѡющесѧ ѡ сѣцихъ па́че е́стества влѣгѣхъ произскачѣцихъ ѡ крайнагѡ и е́динагѡ е́стествомъ вѣга, ѡкрестъ сегѡ ѡвстоа́ще, и всесвѣщеннѣ соверша́юще чѣстѣ сѣлѡ вѣжественный и па́че о́ума прѡзникъ: и е́динѣ поставлѡюще прехвѡльнагѡ ѡнагѡ веселїа превеселѡ радость и торжество, со всѣми мѣсленными ѡггѡлвѣ о́украшенїи. Много нѣкое е́сть и недомѣсленно теченїе ѡно, нетѣннагѡ предовѡртныхъ радѡванїа. ꙗ́ще бо чѣвственна добрѡта чѣвствы ко о́умѣ приближшисѧ, сѣци предѣльна и скоротѣчна, ниже проста, ниже назданна, сладѡсти ѡбаче небезрадѡстны винѡвна бывати ѡвѣче, въ дѣши разсмотрѣти не далече е́сть и размѣти о́умъ ѡмѣщымъ и возслѡвное разсмотрѡщымъ, чтѡбы могли бѣти, не въ мѣсленна, но и па́че о́ума безпредѣльна сѣца и (не) тѣчна достиза́юще: незданна не наченшасѧ, ѡстека́юща ѡ вѣга, ѡ негѡже сѣтъ всѧ двѡбра и благѡа, па́че же веселїа ради и радѡванїа и вѣжественна жизни, и достѡинѣ вѣка ѡнагѡ и о́устроенїа.

Ѣа. Временнымъ же и мѣстнымъ растоа́тельнымъ прѡтаженїемъ и ѡпредѣлительнымъ е́стествомъ своѣствамъ радѡватисѧ рѣкъ, и сѣхъ прѡнстѣкъ о́умъ, нагѣ быва́етъ воѡстиннѣ е́диновѣдною простѡтѡю и жи́знїю

и просвещаются богозрительными осияниями, как подобает им, и в них очень ясно усматривается как весьма многое божественное и умственное, так и достойное духовного взгляда, сверх того — также и будущее вечное и неизбежное устройство обновления праведно поживших не только в том виде, в каком оно не будет доступно чувству, но уже и свыше ума. Ибо тогда совершенно изменятся ставшие достоянием того, что превышает ума, и сделавшиеся участниками той жизни и наслаждения превышает всякого помышления, становясь как бы богами по положению, наслаждаясь и радуясь пред сущим по естеству Богом сверхъестественным благам, происходящим от высшего и единого естеством Бога, стоя вокруг Него, и всесвященно совершая божественный и свыше ума праздник с возможно большею чистотою, и составляя одно очень радостное сердечное наслаждение этим благословенным увеселением и торжество со всеми умными чинами ангелов. Это какой-то великий и недомысленный поток чистого восторга от высоко прекрасного. Ведь если доступная чувству красота, будучи воспринята умом посредством органов чувств, несмотря на то что она ограничена и скоротечна, не проста и не несоздана, все-таки доставляет обыкновенно душе не неприятное наслаждение, то для людей, имеющих ум и разумно соображающих, не трудно заметить и понять, чем они могут стать, достигая умственного, но притом такого, которое свыше ума неограниченно и не скоротечно, не создано и не получило начала, но проистекает от Бога, от Которого происходит все прекрасное и доброе, и притом для радости, и восторга, и божественной жизни, достойно того {будущего} века и устройства.

51. Отрешившись от временных и местных протяжений, расстояний и от ограничительных свойств естеств (φύσεων) и прошедши спешно через них, ум становится действительно нагим вследствие единовидной простоты и

БЕЗХУДОЖНОЮ И БЕЗВИДНОЮ И БЕЗЪ ВСАКАГѠ ПРИКРОВА И
 ѠДѢЛНІА БЕЗПОМЫШЛЕНІЕМЪ И НЕ ГЛАГОЛАНІЕМЪ, ВЪ БЕЗ-
 НАЧАЛІЕ И НЕУБѢАТІЕ, БЕЗКОНЕЧІЕ ЖЕ И БЕЗПРЕДѢЛІЕ ПРЕ-
 ЕСТѢСТВЕННѢ ВОЗШЕДЪ СЕРДЦЕМЪ ДХОДВИЖНЫМЪ, ВЖЕСТ-
 ВЕННОЮ СИЛОЮ И ѠСІАНІЕМЪ, КЪ БЕЗКОНЕЧІЮ МНАЦЫМСА И
 СЪ САМИМЪ ТѢМЪ ВИДѢНІЕМЪ ѠУМА СПРОСТИРАТИСА. ТОГДА
 МИРЪ ВЖІЙ ВЪ ДУШИ ВОЗСІАВАЕТЪ И НЕИЗРЕЧЕННАА СТѢАГѠ
 ДХА РАДОСТЬ И НЕСКАЗАННОЕ ВЕСЕЛІЕ ЛІЕТСА ВЪ НЮ. И ЙЖЕ
 ПРЕВЫШЕ РАЗУМА ѠЖАСЪ СОДѢРЖИТЪ Ю ѠТАЙ ВОСПѢВАЮ-
 ЦУ: НЕ ІАВИТСА, НО ЗРИТСА БГЪ БОГѠВЪ ВЪ СІѠНѢ ВО ѠУМѢ
 ВЫСПРЕХОДНѢ И ВЫСОКОЗРИТЕЛЬНѢ: ГДИ БЖЕ СИЛЪ, БЛАЖЕНЪ
 ЧЕЛОВѢКЪ ѠУПОВААИ НА ТѢ (Псал. пг, и и гї).

ИВ. ВНЕГДА ѠУМЪ ВО ѠЖАСѢХЪ ѠВРѢТАЕТСА ПРОСВѢ-
 ЦЕНЪ НЕДОМЫСЛЕННА НЕГЛАГОЛАНІА, МЕЖДУ БГОМЪ И
 ВЖЕСТВЕННЫМИ СЕБѢ ЗРА, ТОГДА ІАСТЪ, ІАКОЖЕ ЁСТЬ ПРА-
 ВЕДНО ДХОВНАГѠ РАЗУМА ИСТИННАА ПЛОДЫ, И БГОДѢИСТ-
 ВУЕТСА, И РАДУЕТСА, И ВЪ ВЖЕСТВЕННА ПРЕДУСПѢВАЕТЪ
 РАЧЕНІА: ГЛАГОЛА ѠУМЪ НИКАКОЖЕ НИЧТОЖЕ, НИЖЕ ПРЕХОДА
 НѢКАКѠ НИ ВНУТРЬ НИ ВНѢ ПО ЗАВѢЩАНІЮ, НО НИЖЕ РАЗ-
 МЫШЛАА: НО ЗРА ѠУМНѢ ЕДИНСТВЕННѢ ВО СВѢТѢ ИСТИНЫ
 И ДУХА, И НАСЛАЖДЕНІЕ НЕПРЕХОДНОТВОРА ЗРИМАА.

ИГ. ЕГДА ЛИЦЕ ѠУМА ЗРАЦО ВНУТРЬ СЕРДЦА, ВИДИТЪ
 ПРОСВѢЩЕНІЕ ДХА ИЗ НЕГѠ ПРИСНОТОЧНѢ ТОЧАЩЕСА, ТОГДА
 СѢЛѠ ВРЕМѢ ЁСТЬ МОЛЧАТИ.

ИД. ЕГДА ВСЕ ѠУМНОЕ ЛИЦЕ ВИДѢТИ БУДЕТЪ БГА, ПАЧЕ ЖЕ
 ѠУМЪ ЕГДА ВЕСЬ ѠУМЪ ВНУТРЬ ДОСТИГНЕТЪ БГА, ИЛИ ДА
 ТАКѠ РЕКУ, ЕГДА БГЪ ВО ВСЕМЪ ѠУМѢ БУДЕТЪ, ТОГДА СѢЛѠ
 И БОЛѢЕ ЕСТѢСТВЕННѢ ВРЕМѢ ЁСТЬ МОЛЧАТИ.

ИЕ. ЕГДА ѠУМЪ ПРИЧАСТІЕМЪ ДУХА ЗРИТЕЛЬНѢ ВОИ-
 СТИННУ БГѠ ПРЕСТОА, СЛАВЫ ЖЕ Ѡ ЛИЦА ВЖІА И СВѢТЛО-
 СТИ, ѠБРАЗѠМЪ ПОДОВАЮЩИМЪ НАСЛАЖДАЕТСА, ПОДОВАЕТЪ
 И СѢЛѠ ВЛѢПОТУ МОЛЧАТИ, БЕЗМОЛВНѢ ЖЕ И НЕСМѢТИТЕ-

несложной и безвидной жизни, так как без всякого по-
 крова и преграды вследствие покоя мыслей и безмолвия
 он сверхъестественно достигает безначальности, непо-
 стижимости, беспредельности и безграничности в духо-
 движной божественной силе и осиянии сердца, которые,
 как кажется, вместе с самим созерцанием ума простира-
 ются в бесконечность. Тогда мир Божий восходит в душе,
 и на нее изливается неизреченная радость и невыразимый
 восторг от Святого Духа, и изумление превысшее разума
 овладевает ею среди ее тайного песнопения. Не явлен бу-
 дет, но уже *«зрится Бог богов в Сионе»* (Пс. 83, 8), в уме
 высокопарящем и обращенном горѣ. *«Господи, Боже сил,
 блажен человек, уповающий на Тебя»* (Пс. 83, 13).

52. Когда ум, просветившись, повергается в изумле-
 ние от недомыслимого безмолвия, видя себя между Богом
 и божественным, тогда он вкушает, насколько возможно,
 истинные плоды духовного разума, обоживается, ра-
 дуется, преуспевает в божественной любви, вовсе ничего
 не говоря, никаким образом не проникая ни вглубь себя,
 ни вне {внутри} по своему расположению, даже и не раз-
 мышляя, но умственно видя единственным образом во
 свете истины и духа и делая себе из видимого непрехо-
 дящее наслаждение.

53. Когда взор ума, склоняясь внутрь сердца, видит
 осияние Духа, текущее из него не иссякая, тогда именно
«время молчания» (Еккл. 3, 7).

54. Когда весь умственный взор увидит Бога, скорее
 же, когда весь ум будет в Боге или, так сказать, когда Бог
 будет во всем уме, тогда в особенности и более естест-
 венно бывает *«время молчания»* (Еккл. 3, 7).

55. Когда ум в причастии Духа, созерцательно пред-
 стоя в действительности Богу, подобающим образом на-
 слаждается славой и блеском от лица Божия, тогда впол-
 не естественно следует молчать и смотреть спокойно и
 безмолвно. Если же между умом и Богом каким бы то ни

льнѣ зрѣти. ꙗ́ще же нѣкаѣ тьма мрачна каковыи́либо ѡ́бразомъ междѹ о́умомъ и бѣгомъ припадѣтъ, внезапѹ ꙗ́ки нѣкѣи свѣтовиденъ и горѣщъ по е́стество́ннѹ слѡвѹ ѡ́гнь, метати протѣвѹ тьмѣ слѡво краткоглаго́льно о́убв, ѡ́баче бж́ественна ꙗ́влѣнїа: да та́кв скорѣе тьмѹ истребѣвѹ свѣтомъ, и тепло́тою мглѹ, и ретѣщѣйсѹ въ по́двизѣ о́умъ просвѣтивѹ же и согрѣавѹ самѣмъ сѣмъ, да па́ки мо́жетъ вкѹпѣ быти, ꙗ́коже прѣ́жде съ бѣгомъ, и зрѣти добротѹ е́гѡ, и ꙗ́коже подобѣетъ, наслажда́тисѹ е́гѡ, и о́удобрѣтисѹ и страда́ти: вкратцѣ ре́щи, ꙗ́же по о́умнѹ взирѣнїю соверша́ютсѹ, прїѣ́тїемъ животворѣщагѡ дх̄а, ѡ́ бѣа. И е́ще вои́стиннѹ прострѣ́тисѹ и ѡ́пшѣ́атисѹ и́стиною и дх̄омъ съ бѣгомъ ѡ́ всѣхъ, и самѣхъ тѣхъ, ꙗ́же ѡ́крестъ бѣа. Сїе о́убв влѣпотѹ и приличнѣ зрѣ́тельный соверша́етъ, ѡ́баче е́ди́номъ внима́аи дѣ́ланїю, ника́коже такова́гѡ да держа́тсѹ о́устро́енїа: не о́у сѣ́лѡ ꙗ́снѣ къ себѣ, и собо́ю къ бѣ́ сое́динїсѹ. Не о́убв е́сть чѹдо, семѹ ѡ́ бж́ественныхъ пѣ́ти и́ли глаго́лати ка́коливо, и мнѡ́га же, и ча́стѣ, ча́стими всѣ́кв ѡ́сю́дѹ ꙗ́ки о́убв сраже́нїи, и о́устраша́а и ѡ́гонѣа враждѹющаго на ны мно́гѡ и ра́тѹющаго о́усерднѡ: ꙗ́бо прї́детъ и семѹ послѣ́даванно вре́мѹ, терпѣ́щемъ ѡ́ дх̄нове́нїа вои́стиннѹ на́нь дх̄ѡвна, ввѣгда́ мно́гихъ бж́ественныхъ пѣ́сней и пѣ́нїй и словѣ́съ ꙗ́ки и скоро́вїдна ѡ́зарѣнїа соберѹ́тсѹ во е́динѹ вои́стиннѹ свѣ́тлостъ ѡ́гнѣа: е́гда и врага́ о́удобѣ и сме́ртною ꙗ́звою о́уазвѣ́тъ, пожига́а, сѣрѣ́чь и разсѣ́цаа, и́ли па́че истребѣ́лаа тьмѹ ѡ́нагѡ, себѣ же свѣ́тлостїю ѡ́гнѣа и согрѣ́ваа же и къ бж́ественномъ наипа́че воздви́жа рачѣ́нїю: и къ самомѹ бѣ́ сердѣ́чнѹ въ молча́нїи пѣ́снь и о́ужасъ возносѣ́: и та́инъ показѹ́а дї́вна себѣ́ сѣ́лѡ чѹдеса́: не непра́веднѡ во терпѣ́щїи гд̄а о́ублажа́ютсѹ, то́чїю ꙗ́кв прѣ́дїдѹ́щѹ вре́мени наслѣ́дствѹю́тъ ꙗ́кв кро́тцы сщ̄це

было образом случайно произойдет какая-нибудь мрачная тьма, то должно сейчас против мрака бросать как бы некоторый огонь, естественным образом световидный и пылающий, слово, хотя и краткое, но отличающееся божественной силой выражения, для того чтобы, таким образом уничтожив поскорее мрак светом и теплотою мглу и точно так же просветивши ум и согревши его этим самым, он снова, как и прежде, мог быть с Богом, и созерцать красоту Его, и как подобает наслаждаться ею, украшаться и ощущать ее — говоря вообще, [испытывать] все то, что совершается после умственного устремления через принятие животворящего Духа от Бога, и, конечно, при этом становиться простым {простретися} и, следовательно, отрешаться истиною и духом в Боге от всего, и даже самого того, что вокруг Бога. В такое состояние, как справедливо и прилично, приходит созерцательный ум. Но тот, кто предается исключительно одной деятельности, еще очень далек от такого устройства как не соединившийся очевидно еще с самим собою и через себя самого с Богом. Итак, не удивительно, что он как может воспекает и говорит много и часто о божественном, совершенно устрашая и отражая, как бы непрерывными своего рода нападениями с этой стороны, сильно враждующего и ожесточенно воюющего против нас. Ибо придет свое время и для него, под влиянием, конечно, духовного наития, когда как бы искровидное озарение многих божественных песней, пений и слов сольется в один светоч, когда он поразит врага легче, и даже смертельным ударом, то есть сожигая и разрушая или, скорее, уничтожая тьму его, а себя самого просвещая огненным сиянием, согревая и как можно более воодушевляя к божественной любви, вознося к Самому Богу в молчании сердечную песнь и изумление и представляя себе самому наиболее дивные чудеса тайн. Не без основания ведь ублажаются терпящие Господа, но, конечно, потому, что по

мысленную обетованіа землю, въ хртѣ иисѣ гдѣ нашемъ.

ѿз. Егда оумъ кимждо ѿ свѣтоліаній дха ѿсѣваемъ, ѿмрачается и недоумѣваетъ, и къ безконечному и безпредѣльному себѣ разумѣваетъ простирающуюся и измѣняема, тогда время есть молчати.

ѿз. Егда же аки свѣтлѣйшими взираниіи изнемогша ѿщѣщаетъ, и слово произнести хотѣща, да ѿ крѣпости ѿслабѣвъ, ѿобразомъ симъ полъчитъ покой: тогда естественнѣ время есть глаголати, обаче краткоглагольна и свойственна бжественна ѿсѣаніа.

ѿи. Внегда оумъ посредѣ водъ избѣгѣа мысленнаго фараѡна, пройдетъ свою ночь просвѣщеніемъ огнѣа, и покровомъ облака свой день, тогда благословнѣ молчаніа время настоитъ и безмолвіа, и начало воистиннѣ души ѿчищеніа: егда же семъ лютой мысленный амаликъ сопротивляется, и послѣдующіи емъ языцы возбраняюще преходъ къ землі обетованіа, тогда время приличествующее есть еже глаголати: но къ бгѣ дѣланіемъ оумнымъ и свойственнымъ видѣніемъ поддержимымъ егѡ рѣкамъ, ѿкоже мѡисеевымъ древле ѿ аарѡна и ѡра.

ѿѡ. Внегда ѿ бездны источникны бжественны, и мысленна взираниа ѿ сердца тѡчитса сила дхѡвна истекаюци, настоитъ естественнѣ время еже молчати. Тогда во неизреченнѣ совершается служба, еще же и поклоненіе оумомъ бжѣе, и истинною и дхѡмомъ: и сѣе истиннымъ чувствомъ оумнымъ.

ѿз. Внегда ѿ взираниа къ бгѣ оумна, ѡнюдъ словеснаа оубѡ часть души исполниса бжественна оужаса, оумнаа же видѣніа, еще же и радованіа душа, несомнѣннѣ

прошествии времени они наследуют, как и кроткие, духовную землю обетования во Христе, Господе нашем.

56. Когда ум, освещаемый каждым из светоизлияний Духа, приходит в смущение и недоумение и замечает, что он сам простирается к бесконечному и безграничному и изменяется, тогда — *«время молчания»* (Еккл. 3, 7).

57. Когда же ум чувствует, что он как бы утомился от самых ясных из созерцаний и желает выйти [из этого состояния], чтобы, ослабив напряжение, каким-нибудь образом достигнуть [в промежутке времени] отдохновения, — тогда, естественно, *«время говорить»* (Еккл. 3, 7), однако выражаясь кратко и свойственно божественному осиянию.

58. Когда ум, среди вод избегая мысленного Фараона, проходит свою ночь при освещении огня и свой день под покровом облака (см. Исх. 13, 21), тогда вслед за разумным молчанием наступает и время покоя и действительно начало очищения для души. Когда же против него выступает страшный умственный Амалик и следующие за ним полчища, возбраняющие проход в землю обетования, тогда для него наступает подходящее *«время говорить»* (Еккл. 3, 7), причем, однако, он возносится к Богу в мысленном деянии и подобающем созерцании, подобно тому как Моисей древле возносил свои руки при помощи Аарона и Ора (см. Исх. 17, 12).

59. Когда из бездны божественного источника и от умственного взирания из сердца изобильно исходит духовная сила, тогда настает естественно *«время молчания»* (Еккл. 3, 7). Ибо тогда неизреченно совершается служение и именно поклонение умом Богу *«в истине и в духе»* (Ин. 4, 24), и притом истинным духовным чувством.

60. Когда вследствие мысленного взирания к Богу разумная часть души всецело наполняется божественным изумлением, а умозрительная — видением, а душа —

тогда есть время молчати: духомъ бо благочувственнѣ истинѣ собраннѣ оумъ взираетъ, и почитаетъ покланяася со оужасомъ возсѣваемомъ въ немъ бгѣ.

ѡа. Духомъ и истинною приличнѣ бгѣ покланяющіиса и томъ слѣжащїи, ѡакоже подобаетъ, не токму не въ мѣстѣ покланяются и слѣжатъ, но ничтоже мнѣе сравна, ниже словомъ еже въ произношенїи. Иакоже бо ѡ правоты воистиннѣ вознесшеся мысленно чувство къ неписанномъ, и егѡже недино мѣсто есть покоя: никакоже хощетъ въ мѣстѣ покланятиса, такъ воистиннѣ подобающее блюдѣщо, ѡакъ истинѣ соединенно безконечномъ и безпредѣльномъ, безначальномъ же и безвидномъ и совершеннѣ простомъ и всѣчески реци паче оума, словесъ различїемъ и предѣломъ произношенїа покланятиса и послѣдованнѣ слѣжити, никакоже ѡнюдъ естественнѣ терпитъ, егда сирѣчь время прїидетъ во оумѣ ѡ посѡбїа и надѡновенїа дѡа разумъ истинны единовиднѣ ѡзаратиса: въ неже время ѡнюдъ по всемъ всѣхъ ѡрѣшенъ оумъ бѣвъ, ещѣ же и самагѡ себе изшѣдъ нѣкакъ не токму неглаголанїю, но и безпомышленїю благословнѣ прочее прилѣжитъ, ѡакъ на вышшаа и слова и оума оумнымъ свѣтомъ съ веселїемъ и оужасомъ оупражняася и зрѡ: невидимъ и непрехѡденъ нехщїреннѣ безѡчѣснымъ взиранїемъ по ѡбразѣ нѣкоемъ бѣвъ соединенїемъ еже превыше себе.

ѡв. Подобаетъ оумъ себѣ внимающѣ съ наблюденїемъ оуправлѣти своѣ оумное оустроенїе разумнѣ же и премѡдрѣ съ разсѡжденїемъ, и егда ѡщщїаетъ себе зрѡща прѡстымъ и невоображеннымъ бгѡсловїа тайны, въ молчанїи безмѡлвнѣ стоати: ѡбїе не безъ оудивленїа,

также и восторгом, тогда, без сомнения, «*время молчания*» (Еккл. 3, 7). Ибо в Духе ум весьма осязательно усматривает истину в собранном виде и, поклоняясь в изумлении, чтит сияющего в нем Бога.

61. Те, которые поклоняются Богу подобающим образом «*духом и истинною*» (Ин. 4, 24) и служат Ему как приличествует, поклоняются и служат не только не на определенном месте, но ничуть не менее также и не словесным произношением. Ибо, подобно тому как духовное чувство, возвысившись вследствие праведности, вовсе не решается поклоняться на месте Неописуемому, у Которого нет никакого «*места покоя*» (Ис. 66, 1), так, разумеется, соединенное с истинною, оно, естественно, соблюдая должное, вовсе не допускает поклоняться и, следовательно, служить разнообразием слов и ограничением произношения бесконечному и безграничному, безначальному, и безвидному, и совершенно простому, и, вообще говоря, превышему ума, всякий раз, когда, конечно, придет время уму единовидно просвещаться, вследствие влияния и наития Духа, познанием божественной истины (ср. 1 Тим. 2, 4). В это именно время ум, ставши совершенно свободным вообще от всего и даже некоторым образом вышедши из самого себя, вполне понятно, уже становится вне возможности не только говорить, но даже и мыслить, так как он с радостью и изумлением, при помощи духовного света, направляет свое внимание и созерцание к тому, что выше и слова и разума, и в единении, превосходящем его самого, становится некоторым образом недвижимым и непереходящим просто вследствие незримого устремления.

62. Уму, внимающему себе самому, должно, по справедливости, управлять собственным духовным устройением осмотрительно, разумно и мудро, и когда он заметит, что созерцает простые и невоображенные тайны богословия, то [ему следует] тотчас спокойно останавливаться в

ниже оубо далече своего сердца действема духомъ, ещѣ же и ѡсѡбѡема. Врема бо естъ тогда не токму безмолвіа всѣхъ чѡствъ ѡ чѡственныхъ ѡнюдъ, но и молчаніа ничтоже мнѣ ѡ коегѡлибо происходѡща слова. Паче же оубо разумѣтельнымъ, аще что подобаетъ рецѣи, и оумна ѡбычна безмолвіа и невидѣніа врема. Ѡнюдъ бо недвиженію ѡбчѡтиса подобаетъ, въ чѡствахъ, въ словесѣхъ, въ помышленіихъ, да оумъ примѣтѡтѣльнѡ, и ꙗкоже подобаетъ, единъ сый взирѡнемъ единовиднымъ и единственновиднымъ одинагѡ и точию трѡйственна бѣа мѡжетъ свободнѣ ѡбразомъ мѡцнымъ еже паче мысли безконечіе и безначаліе, ещѣ же и не ѡбчѡтѣе, и инѡа, единою рецѣи, вжѣственнаа и непрелѡжнаа и ѡрѣшеннаа взирѡти, и соединѡтиса соизмѣненъ сый съ видѣніемъ и простѣртъ, и ѡнюдъ бѣовиденъ бивъ вжѣственноу благодѡтїю съ весѣліемъ и оудивленіемъ. ꙗ понѣже оумъ таковѡгѡ держѡтиса оустроеніа хотѣлъ бы приснѡ, аще бы было мѡцно, но никакоже мѡжетъ, прелѡженъ же сый и съ прелѡжными живыи, и составленъ нѣкакѡ съ тѣломъ и вещьми ѡвстоѡтѣльными разумнѣ подобаетъ не ѡбчѡтиса далече единовиднагѡ взирѡніа ѡпадъ, ниже многоглаболати, но маала оубо глаболати, и сїѡ же ѡ вжѣственныхъ въ немъ ѡзаренїи, да не токму скорѣе мѡжетъ къ бжїю еже паче оума соединенію паки ѡбращѡтиса, но и свѣтлѣйше ѡщѣтитъ соединенїе, и ничтоже мнѣ и пребывѡтѣльнѣйше. Елику бо оумъ собранное хранитъ и неразлїанное каковымаи ѡбразомъ, толикѡ ѡбращенїе егѡ еже къ вжѣственному соединенію скорѣе бываетъ, и свѣтлѣйшимъ соединѡтсѡ свѣтлостемъ: ещѣ же и благопѡднѣе частомъ ѡнюдъ къ вжѣственнымъ навикновенїю.

молчании, не без удивления и притом недалеко от своего сердца, действующего в духе и, разумеется, осияваемого им. Ибо тогда *время* не только спокойствия чувств от всего доступного им вообще, но также и *молчания*, какое бы слово ни искало исхода [из уст]. Поэтому для разумеющих тогда бывает более удобный случай для умственного пребывания в спокойствии и невидении, хотя бы и потребовалось что сказать. Ибо тогда всецело должно предаваться неподвижности в чувствах, в словах, в помышлениях для того, чтобы ум непосредственно и как следует, будучи вполне единым, мог в единовидном и единственновидном взирании свободно [и] позволительным образом увидеть бесконечность и безначалие, превышающее мысль, а также и непостижимость и, вообще говоря, прочие божественные, непреложные и совершенные свойства единого и единственного триипостасного Бога, и соединяться, соизменяясь с созерцанием, упрощаясь и вообще становясь боговидным божественною благодатию с радостию и удивлением. А так как ум хотел бы держаться такого устройства, если бы было возможно, но, разумеется, вовсе не может, будучи изменяемым и живя с изменяемым и будучи соединен некоторым образом с телом и окружающими предметами, то он по разумным соображениям не должен отделяться, далеко отклонившись от единовидного взирания, и быть многоречивым, но говорить немного, и притом от божественных озарений, чтобы не только скорее ему можно было снова обратиться к единению с Богом, превышающему ум, но и чтобы ощутить более ясное единение и притом не в меньшей мере и более продолжительное. Ибо поскольку ум хранит каким бы то ни было образом собранность в себе и нерассеянность, постольку обращение его к божественному единению происходит скорее и он соединяется, при более ясных и притом, конечно, при более действительных облистаніях света вследствие совершенно непрерывного общения с божественным.

Ѣг. Внегда къ вѣстѣннѣмъ единовиднѣмъ изъвлѣнїю ѿ оумна взиранїа оумъ пристражда измѣнїа, и недоразумѣваемымъ ѡзараетса превышшимъ всакагѡ разума, и нераздѣленъ бываетъ, и простъ и безпредѣленъ, аки ѿ мрака единственнѣ ѡсѣиваемъ: добротѣ непїсаннѣ зрѣ за простоты превосхожденїе: безвиднѣ, за всакагѡ вида преимѣщество: безначальнѣ, за превышеположенїе всакагѡ начала каковымлібо ѡбразомъ: самъ оубѡ непѣвѣнъ: всѣхъ же предѣлы и каковылібо ѡбдержанїе (и) единство въ себѣ (ѡбдержанїе) всѣ исполняющѣ ѡакѡ преисполненъ: самъ же безконечнѣ сщцѣ: и кратцѣ рещи, внегда за всѣхъ сщцихъ презрѣнїе взиранїемъ единагѡ всѣ оузритъ неизреченнымъ словомъ силы оумственнѣ превыше помышленїа: тогда время еже молчати и таинственнѡ и премїрнѡ, и да такѡ рекѣ безочеснѡ и неглагольнѡ единовиднагѡ наслаждатиса вѣстѣннѣйшимъ тайноученїемъ истинны наслаженїа. Внегда же реченнаа ѡстѣпаютъ ѿ оума и ѡкрестъ егѡ зрїтса раздѣленїе: тогда время еже глаголати ѡбаче глаголати достѡйна возвожденїа къ молчанїю: лѣше во многимъ превосхожденїемъ еже паче слова благовременное могло бы глаголатиса и сѣлѡ влѣпотѣ молчанїе слова всакагѡ. Икоже и соломѡнъ дивный предѣчинївъ сїе: время молчати, таже время глаголати (Екклес. 3, 3), глаголетъ: добрѣше оубо єсть и первыа воистиннѣ части, молчанїе водїти благовременнѡ: аще ли же не оу̀ присутствѣтъ сїе, ниже оубѡ во ѡже паче слова оумъ единовиднѣ могъ бы взирати: то оубѡ еже глаголати благовременнѡ да вѣдетъ вторѡе: и да сродно вѣдетъ глаголанїе, и къ молчанїю ближнее, ѡкоже молчанїе, такъ и глаголанїе благовременнѡ да совершаетса: и къ неглаголанїю прїити да достигнетъ (тщїтса), сїмъ еже вѣстѣннаа глаголати и раз-

63. Когда ум изменяется под влиянием божественного единовидного проявления вследствие мысленного взирания, и озаряется недоразумеваемым, превышшим всякого знания, и становится нераздельным, простым, неограниченным, как бы единственным образом осияваемым во мраке, созерцающим красоту неограниченную вследствие превосходства над простотою, безвидную вследствие преимущества перед всяким видом, безначальную вследствие положения выше всякого начала во всех отношениях — [красоту, которая] сама необъятна, но заключает в себе границы всего и все содержимое в ней, все наполняет как [всем] преисполненная, тогда как сама бесконечна; короче сказать, когда вследствие презрения всего сущего ум при взирании на Единое увидит все неизреченным образом умственной силы превыше мышления, тогда «*время молчать*» (Еккл. 3, 7) и таинственно и премирно или, так сказать, незримо или невыразимо вкушать единовидное наслаждение в божественнейшем тайноучении истины. Когда же сказанного нет в уме и вокруг него замечается разделение, тогда «*время говорить*» (Еккл. 3, 7), однако говорить такое, что способно возводить к молчанию. Ибо благовременное молчание, превысшее слова, может быть названо вполне справедливо несравненно превосходящим всякое слово. Поэтому и дивный Соломон, который очень высоко ставил именно это молчание, говорит: «*Время молчать и время говорить*» (Еккл. 3, 7). Самое лучшее и, конечно, дело первой важности — блюсти благовременное молчание. Если же оно почему-либо еще не наступило и ум не достиг еще единовидно того, что выше слова, то, по крайней мере, и благовременная беседа пусть будет делом второстепенным. А чтобы речь была родственна и близка к молчанию, пусть благовременно совершается как молчание, так, конечно, и разговор, и пусть усиливается прїйти к прекращению речи тем, чтобы говорить и размышлять непрестанно о божественном,

мышлѣти вынѣ, и зрѣти тварь. И творца еѣ аки въ зеркалѣ зрѣти елика сила повѣдающая ѡ немъ. И се есть еже благовременнѣ глаголати. Подобаетъ же ꙗкоже мнитса и такъ нѣкакъ ѡбѣмшѣ назнаменати.

Ѣд. Внегда всѣ оумъ прешедъ здѣшнѣ, и превозшедъ естественнымъ образомъ радостнѣ молчитъ, тогда время наслаждатиса премірными и неизглаголанными: время ѡсѣаніа и свѣта оумна, соединеніа же оума и видѣніа простоты, безпредѣліа же и безконечіа, и пресвѣтла рѣзума: и въ краткости реци, время воспріятіа и причащеніа премѣдрости дѣховна, еже оумъ совершенъ бываеъ во оупраздненіи и молчаніи, несказанное пріемъ во оужасѣ радованіе.

Ѣе. Егда душа истины чѣвствомъ себѣ чашею благодати ꙗкѣ державною оупоевѣемъ ѡщущаетъ (Ѳал. кѣ, е), и безумнѣ бывающѣ, ꙗвѣ ꙗкѣ тогда время есть молчати.

Ѣс. Егда внутреннѣгѣ человека завѣщаніе хощетъ вопіти, гдѣ, что сѣ оумножиша стѣжающіи ми; мнози востають на мѣ (Ѳал. г, в): время есть глаголати: глаголати же ꙗкоже подобаетъ, не сѣетна на враги, обаче мѣрна и приличествующа, ꙗкоже подобаетъ.

Ѣз. Егда свѣтъ лица гдѣна знаменасѣ (Ѳал. д, з) на души, ꙗкоже ѡсюдѣ оудобрѣтиса и просвѣщатиса, и возліанію бжественна веселіа возливѣтиса на нѣ: тогда воистиннѣ время есть молчати.

Ѣи. Егда востающихъ зрѣла бы на нѣ неправедныхъ свидѣтелей, и ꙗже не вѣсть вопрошающихъ ю и смущающихъ (Ѳал. лд, аі): тогда время есть воистиннѣ глаголати, ещѣ же оубѣ и противѣ вѣщати.

Ѣф. Верховнѣйше, и ꙗкоже реци, крайнѣйше, прочее и вышнее добро ещѣ же и благо есть бгѣ, во всѣхъ сѣцихъ

рассматривать тварь и созерцать в ней, как в зеркале, Творца ее (ср. Рим. 1, 20), когда она, сколько возможно, говорит о Нем. Вот это и значит говорить благовременно. Итак, следует и выразить сообразное тому, как понял.

64. Когда ум, прошедши через все здешнее и восшедши естественным образом горѣ, радостно молчит, тогда именно время наслаждаться премірным и невыразимым, время осияния и мысленного света, единения ума и созерцания простоты, безграничности, беспредельности, пресветлого познания и, вкратце сказать, — время восприятия и усвоения духовной мудрости, посредством которой ум усовершеняется в отрешении от всего и в молчании, почувствовав среди исступления невыразимый восторг.

65. Когда душа замечает, что она «упивается» чувством истины, как бы «преисполненною чашею» (Пс. 22, 5) благодати, и становится вне себя, тогда, очевидно, бывает «время молчания» (Еккл. 3, 7).

66. Когда расположение внутреннего человека хочет восклицать: «Господи, как умножились гонители мои! Многие востают на меня» (Пс. 3, 2), — тогда «время говорить» (Еккл. 3, 7), говорить же как прилично, не пустое, но против врагов целесообразное и подходящее как должно.

67. Когда «свет лица Господня» (Пс. 4, 7) явится над душою так, что она вследствие этого станет украшаться, просвещаться и изливание божественного веселия устремится на нее, тогда, разумеется, «время молчания» (Еккл. 3, 7).

68. Когда она увидит «востающих» на нее «неправедных свидетелей» (Пс. 34, 11), допрашивающих ее о том, чего она не знает, и смущающих ее, тогда, действительно, «время говорить» (Еккл. 3, 7) и даже возражать.

69. Во всем сущем и умосозерцаемом самая верховная и, так сказать, самая высокая или даже наивысшая красо-

и разумѣваемыхъ: во всѣхъ же видимыхъ многимъ посредствомъ лучшее естествомъ есть человекъ, и изряднѣйшъ оубѣщательнѣ безъ сравненїа: благодатию же воистиннѣ и всѣхъ ангеловъ превышшїй. Премногими оубо оумъ зрительнѣ также между Богомъ и человекомъ къ сщцемъ превыше мысли приближася оужасенъ бываетъ, внигда еще избивильны просвѣтительныя благодати не прїатъ искуса: еаже дѣйственною въ сердце духовною силою вкисивъ, рекъ быхъ, негли: къ крайнѣйшемъ восходитъ добръ и благъ, (сирѣчь) къ Бѣгу, и вонъ по дару бжественнѣйшъ входитъ, и зрѣтъ единовиднѣ, и оужасаетса во глубинѣ также паче оума водворася въ молчанїи. И сїе есть воистиннѣ перваго ссвѣтства, также бы именовалъ кто негли залогъ, егуже образъ созданїа сщцихъ ссвѣтство есть вжїе: другаго же (егуже неложенъ есть прїказъ, вставленное ссвѣтство людемъ вжїимъ) больша и инаго ссвѣтства провлѣннѣ наслаждаетса, въ себѣ вбращася въ Бѣга: и себѣ познавъ также образъ по первообразїи, и вниодъ посредема Бѣга и человекъ, каква бы ни были, не токма во также паче оума и мысли преходитъ образомъ приличнымъ съ чюднымъ оужасомъ: но и радость, не также бы могъ кто реши, имать, и духовна исполнаетса радванїа, радася воистиннѣ въ молчанїи въ вгозрительныхъ на себѣ встїанїихъ и вгодѣйствѣхъ, и соединяемъ сїмъ образомъ бжественнаго и преестественнаго вжества едїницѣ въ хртѣ иїсѣ.

О. Внигда всѣхъ винословнѣ бывшихъ творитъ ватїе, также не сщчимъ сщчимъ, сщщее воистиннѣ тогда неизреченнѣ мечтаетъ паче оума дѣйства же и соединенїа оумъ зрѣ иїстиною и духомъ превосхожденїа

та, а также и благо есть Бог. Во всем же видимом человек есть лучшее [создание], по самой природе отстоящее [от тварей] на громадный промежуток, и, без всякого сомнения, он несравненно превосходнее [их], а по благодати он, действительно, превосходит даже ангелов. Именно, созерцательный ум среди очень многого, находящегося между Богом и людьми, приближаясь к тому, что превышает мысли, становится иступленным, когда он еще не испытал в избытии просветительной благодати. Вкусив же ее деятельною духовною силою в сердце, — я мог бы, пожалуй, сказать, — он восходит к самой высокой красоте и благу, то есть к Богу, входит в Него по более божественному дару и единовидно смотрит и изумляется, водворяясь в молчании в глубине, превышающей разум. И это, действительно, и есть — как, может быть, кто и назовет — залог первого празднования субботы {покоя}, образом которого служит покой Божий от творения существ (см. Быт. 2, 2–3). Другим же, большим и несколько иного рода, празднованием покоя, неложным примером которого служит остающееся «субботство для народа Божьего» (Евр. 4, 9), явно наслаждается тот, кто обратится к самому себе от Бога и познает себя самого как образ по первообразу и вообще, каково посредствующее между Богом и людьми, когда он проникает соответствующим образом не только в то, что выше ума и помышления, в удивительном изумлении, но и наполняется радостью, недоступною для выражения, и духовным восторгом, действительно восхищаясь в молчании богозрительными осияниями и божественными действиями, над ним и сверх его самого, и соединяясь во Христе Иисусе с этою Единицею божественной и сверхъестественной божественности.

70. Когда ум отделяется условно от всего существующего, как будто существующее не существует, тогда он несказанно представляет себе истинно сущее превыше умственной деятельности и единения, созерцая его «в истине и духе» (ср. Ин. 14, 17) сквозь бесконечный произ-

емъ безчисленнымъ бжественныхъ окрестъ, сщцихъ, нѣкаковымъ образомъ зримыхъ, и бываеетъ единовиднъ, или едино, да такъ рекъ, неглаголаніемъ содержимъ, исполнь любви, исполнь радости, обаче не простъ, но сщца ѿ дѣйства дха: равнагъ аггловъ наслажденіа.

Оа. Икоже весьма никакоже ѿнюдъ гди еси сществомъ постижимъ никимже нѣкимъ каковымълибо ествомъ словеснымъ же и оумнымъ, или ѿнюдъ, разумомъ зданнымъ, ни поне херувимскимъ, но превыше ѿстоиши безконечнократнѣ безконечнъ всакагъ разума: такъ вѣко и гже окрестъ тебе ѿнюдъ безконечна и безпредѣльна. Ивѣе оубв сщца и глаголюща самаго тебе превосходящимъ попеченіемъ законоположникъ ветхагъ завѣта мѡисѣю проповѣдати повелѣлъ еси: но и такъ ты паки неложнѣйшій, едино крайнаа истина, реклъ еси ѿ нѣкиихъ твоихъ, егда гависа еси имъ: обаче имене твоегѡ не ѡкрылъ еси: есть бо паче всакагъ безъ сравненіа имене, не токмъ ѿ тѣхъ, елика на земли, но и ѿ тѣхъ елика сѣтъ на небеси: сщество бо тѣ представлѡютъ полни сщци свѣта твоегѡ, но безъ подлежащагъ: воистиннъ да сице послѣдовано пресщественъ гавишиа, и помышленіе не имѡщее ѿнюдъ, нѣчто подлежащее, да превлѣннъ и паче помышленіа, и всѣхъ разумѣтиса силъ имѡщихъ безконечнократнѣ недоразумѣваемъ, и превышшій познаваешиа: времени совершеннъ зришиа вышшій, безначаленъ, саможивѡтъ сый, и безконеченъ. Мѣстна всесовершеннѣ отай извѣгѡеши разумѣніа, вездѣ внезапъ сый и превыше всегѡ, гакъ всегѡ вкѡпѣ собраніа творецъ и единъ: аще и оумныхъ ествствъ ѡбдержаніе и мѣсто сый непроходно, оума скорость превосходящъ предпостижающихъ егѡ оумшлѣ-

быток свойств божественных, окружающих сущее и видимых каким бы то ни было образом. И он становится единовидным или единым, так сказать, бывает невыразимо одержим безмолвием, становится полным любви, полным радости, и однако же не простых, но таких, которые происходят от действия Духа, [и] уподобляются наслаждению ангелов.

71. Как вообще решительно никаким образом Ты, Господи, вовсе ни для кого не постижим по существу, ни для какого бы то ни было естества разумного, умственно-го или вообще для созданного разума, хотя бы даже и для херувимского, но стоишь бесконечное число раз бесконечно превыше всякого разума: так, Владыко, и окружающее Тебя вполне бесконечно и безгранично. Вот, например, Ты заповедал Твоим несравненным попечением законодателю Ветхого Завета Моисею объявить, что Ты действительно существуешь и Сам говоришь, но опять-таки и при этом Ты, Неложнейший и единая высочайшая Истина, сказал о некоторых из Твоих избранных, что хотя Ты и явился им, однако не открыл [им] Твоего имени. Ибо оно несравненно превыше всякого имени (ср. Флп. 2, 9) не только тех, которые на земле, но и тех, которые на небесах. Ведь Тебя представляют существом те, которые полны Твоего света, но без всякого [указания] лежащей в Тебе сущности (χωρίς τοῦ ἐνυλοκεϊμένου); конечно, так, чтобы последовательным образом Ты явился Пресущественным и предметом мышления, не имеющим вообще какой бы то ни было сущности (ὄλοκεϊμένον) для того, чтобы Тебя познали ясно, сверх мышления и превыше всего, имеющего возможность быть признанным, как бесконечно Недоразумеваемого и Превышшего. Ты являешься совершенно превышим времени, безначальным, будучи саможизнью и бесконечным. Ты всецело не подлежишь понятию о месте, присутствуя повсюду сразу и превыше всего, как Творец всего в совокупности, и притом единственный, будучи однако и вместилищем и не-

нїе, ѡки превыше всегѡ и рѡка вседержительна всегѡ ѡбръѣтающься ѡбразомъ неисповѣданнымъ: ещѣ же ниже естества, и по прилѡчаю предѣломъ подлежаши: иѡво безпредѣленъ ты еси, не токму естествомъ преестествомъ неподвижимъ, но и ѡже ѡкрестъ тебѣ естествовыми, ѡкв премѡдрость превыше премѡдрости, и сила превыше силы, и любви и благасть превыше всакиа мысли и любви и благасти. Чтѡ бы кто нареклъ тѡ; Не свѣтъ ли глаголемъ непристѡпенъ; тѣмже воистиннѡ превыше свѣта еси. Чтѡ, сѡдїю ли; не всѡ ли вѣдѡща и прежде бытїа; Гдѣ сѡтъ сїа сѡдїи; тѣмже воистиннѡ паче сѡдїи многимъ посрѣдствомъ. Каковѡ же тѡ сѡдѣтеля и наречѣтъ; мгновѣнемъ воли самимъ зиждѡща, паче же едїнѣмъ, многа и различна веществовнаа; Въ невестествовныхъ же, ѡле глубины превосхожденїа! да тѡкв рекѡ, едїнѣмъ мгновѣнемъ манїа ѡже едїнагѡ естества. Дѡхѡвна бо сѡтъ, многа же и премнога завѣщанїи, ѡще ли же хѡщеши, и лицѡ различїю, чѡдное ѡнюдѡ и всакиа помышляющагѡ по превосхожденїю избѣгающе мысли. Оѡво ли сїа сѡтъ сѡдѣтеля; Никакоже. Тѣмже воистиннѡ паче сѡдѣтеля сѡздатель именованиса, и хѡдѡжникъ проповѣдѡшиса: и котѡрый здатель без ѡснованїа на ни едїномъ стоанїи зиждетъ понѣ и малѣйшее, ѡкоже ты вѡко толїкѡю же зѣмлю, сѡ толїкими же горами еа, и каменїи, и лѣсы многоразличными, ѡснованїю на ничесомъ, паче же толїкѡ оѡтвержденнѣ; Или кїи хѡдѡжникъ ѡ нигдѣже никакоже сѡщиухъ производитъ, паче же во мгновѣни по слѡвѡ, каковѡ тѡль оѡхѡдѡжественнаа, ѡкоже производши ты; Оѡво ли здателя илї хѡдѡжникова сѡтъ твоа: ктѡ рекѡ подобающаа речѣтъ; ѡнюдѡ никакоже воистиннѡ: тѣмже паче здателя и хѡдѡжника мнѡзѣмъ

проходимым обиталищем умных естеств. Ты превосходишь быстроту ума и упреждаешь его мышление, так как Ты превыше всего и неисследимым образом являешься вседержительною рукою всего и притом не подчиняешься, хотя бы случайно, даже границам природы. Ибо Ты беспределен, будучи необъятен, не только по природе, как бы сверх природы, но и окружающими Тебя естественными свойствами, как премудрая мудрость, пресильная сила, любовь и благасть превыше всякого понятия о любви и благасти. Чем назвать Тебя? Назвать ли светом, но он не есть неприступное: значит, Ты выше света. Разве судию? Но все ли он знает, и притом прежде рождения? Где это у судии? Так что, следовательно, Ты несравненно выше судии. Каким назвать Тебя и Творцом, когда Ты только мановением воли, и притом одним, зиждешь многое и различное вещественное? Среди же невестественного — о глубина превосходства! — Ты одним, так сказать, мановением Духа созидаете существо одного естества, ибо они духовны, многие же, и притом очень многие, с различиями расположений, а если хочешь, то и лиц, — творение совершенно чудное. Но то, что в силу своего превосходства превышает всякое понятие помышляющего, — дело ли это строителя? Вовсе нет! Так что Ты, следовательно, превыше строителя. Называть ли Тебя основателем и провозглашать ли художником? Но какой основатель без основы {фундамента} на никаких устоях созидает хотя бы даже и самое малейшее что-нибудь, как Ты, Владыко, основавший *ни на чем* (ср. Иов 26, 7 и Пс. 101, 26) столь великую землю со столькими горами и камнями ее, с различными растениями, и притом столь непоколебимо (ср. Пс. 92, 1)? Или какой художник из нигде и никаким образом не существующего производит во мгновение по слову такие художественные создания, какими их производишь Ты? Неужели тот, кто назовет Твои творения делом создателя или художника, скажет правильно? Вовсе не верно. Итак, на великую бесконечность

Безконечіемъ еси бже. Какѡвъ видъ любви когда, или оувѣдѣти кто могъ бы, или оуслышати, или понѣ какъ либо возмечтати, іакѡвъ всечюдная твоя благасть со сѣлѡ крѣпкими завѣщаніи показа намъ въ пріятіи еже по намъ сѣлѡ человеколюбивѣ коль паче всѣхъ надеждъ, еже воистиннѣ зрѣще, имже зрѣти мощно есть благодатію, въ простертѣ входятъ іавѣ любви и промысла страннѡбразна пччинѣ: и воистиннѣ внѣ себѣ бывають, съ лютеѣшими раченіи приличнѣ, и іаже смотреніа свойственнѣ наименовати сего воистиннѣ не вѣдѣтѣ: превосходятъ бо ѿ множайша превосхожденіа и оумъ, и слово, и всѣкъ слухъ, и мысль, завѣщаніа во человеченіа твоегѡ бже преблаже. Оцъ всѣхъ еси, и нарицаешисѣ: но неизреченнѣ отечество каковѡлибо превосходиши, и виною, и властію, и промысломъ, и содержаніемъ. Царь именѣшисѣ: но никакоже въ настоѣщемъ множае, мнѣе же въ будѣщемъ: ниже оубѡ каколибо по прешедшемъ. Но какъ; Чуденъ ѡрѣшеннѡ и прѡстѡ: царство во твое, царство всѣхъ вѣкѡвъ, единѣмъ гласомъ равнѣ настоѣщагѡ, прешедшагѡ и будѣщагѡ, и владычество твое во всѣкомъ родѣ и родѣ. Такъ во всѣхъ ѡнюдъ по всемъ безконечными мѣрами превыше еси, прѡстѡ и ѡрѣшеннѡ всѣкагѡ частнагѡ разума, да рекъ вкратцѣ подобнѣ, сѣлѡ и безконечнѣ превознесенъ, и ты непостижиме гди, и іаже окрестъ тебѣ, іаже мечтѣмъ никакѡ оумъ, оутѣшеніе имать ѡ достиженіемъ по силѣ твоѣмъ зрѣніи, и весь содѣхновеніемъ нанъ дѣа бивъ, іакѡ во мракъ вхѡдитъ тѣнственнѡ, ниже совершеннѣ могій зрѣти тѣа за славы безконечное и непристѣпное, имже ѡбразомъ премірнымъ покѡемъ оупокѡеши неизреченнѡ зрѣщымъ и любѣщымъ тѣа чѣднѡ, ниже всесовершеннѡ безъ еже зрѣ-

превыше Ты, Боже, создателя и художника. Мог ли когда-либо кто-нибудь или знать, или услышать, или, по крайней мере, как-нибудь представить себе такой вид любви, какой всечюдная Твоя благодать с очень сильными расположениями явила нам в принятии свойственного нам (в Твоем Воплощении – прим.) весьма человеколюбиво превыше всех надежд? Разумеется, те, кому по благодати дано созерцать это, входят прямо в пространную пучину любви и чудного промысла, и становятся под влиянием самых пылких порывов любви со своей стороны действительно вне самих себя, и не умеют по существу соответствующим образом назвать действий этого созидющего промысла. Ибо высочайшим превосходством превышают и ум, и слово, и всякий слух, и мысль расположения Твоего воочеловечения, преблагий Боже! Отец Ты всего и называешься им. Но Ты несказанно превосходишь какое угодно отчество и причиною, и властію, и промыслием, и назиданием, и великодушием, и терпением. Тебя называют Царем. Но столько же по отношению к настоящему, сколько и по отношению к будущему, и никак не менее, однако, и по отношению к прошедшему. Так как же? Удивительно, отрешенно и просто. Ведь «Царство Твое — Царство всех веков» вместе, одинаково настоящего, прошедшего и будущего, «и владычество Твое во всяком роде и роде» (Пс. 144, 13). Таким образом во всем, совершенно по всему Ты просто и решительно бесконечною мерою превыше всякой мудрости, будучи превознесен, сказать вкратце, равным образом высоко и бесконечно, и Ты, непостижимый Господи, и все то, что вокруг Тебя! Ум, представляя себе это каким бы то ни было образом, увлекается достижимостию Твоего видения и, всецело соединяясь с вдохновением Духа, погружается как бы в таинственный мрак, не будучи в состоянии совершенно видеть Тебя по бесконечности и неприступности [Твоей] славы. Таким именно образом посредством премірного покоя Ты оживляешь неизреченно со-

ти тѧ сѣи: тѣмже оупокоеніемъ бжественнымъ и преестественнымъ паки оупокоѣши ихъ, неизреченнѣ, недомысленнѣ, неписаннѣ, неубѣтнѣ, и вкратцѣ реци, всебезконечнѣ, сществомъ ѡвѣ ѡкв и дѣйствомъ, аминь.

Ов. Егда оумъ далече ѿ многоуміа, иначества и многочастны мысли ѿтрѣсь, превыше ѡверѣтаетса оумнагв расточеніа дхновеніемъ нань и причастіемъ стѣгв дха, соединѡющагв и, и на сердце вынѣ и присноточнѣ дышѡщагв и въ бжественныхъ мѣстѣхъ частѣ любопребываа, ѡже ѡ вѣ мечтаніи ѡки вкачествитса, ѡкв единымъ взираніемъ оумнымъ, внезапѣ толь велика, елика ѡкрестъ бга единовиднѣ ѡки въ зеркалѣ зрѣти, и неизреченнѣ рачительнѣ: тогда бжественнагв покая достигаетъ превлѣннв, помочи и бжественна міра наслаждаася, и сердечна стѣ безмолвна множицею покая, ѡ хртѣ иисѣ гдѣ нашемъ.

Ог. Егда оумъ вседѣетъ бгѣ, и молитса ѡкв нѣкїи сынѣ чадолюбивѣйшемѣ оцѣ завѣщаніи, и свѣтъ иисовъ зра, неизреченнѣ веселитса оудивлаася стѣлѣ рачительнѣ, раченіе ѡвѣ бжественно и преестественно дѣйство стѣгв дха поразумѣваа въ сердце своемъ, и превыше бжественныхъ ѡвлѣнїи и совершенствъ превозлетѣти хощетъ таинственнв и премїрнв, тогда воистиннѣ почиваетъ ѿ всѣхъ дѣлъ своихъ, превыше ѣже помышлѣти по ѣже помышлѣти бываа, и чѣднѣ наслаждаася, и воистиннѣ почиваа въ мирѣ животворящагв дха хртѣва.

Од. Почѣ бгѣ ѿ всѣхъ дѣлъ, ѡже начатъ творити (Быт. 1, 2): но по исполненіи слѣвомъ и дххомъ бывшихъ. Равнымъ ѡбразомъ и бгоподобенъ оумъ почива-

зерцающих и притом дивно любящих Тебя. С другой же стороны, ум не усовершеняется без видения Тебя. И после этого успокаиваешь их снова божественным и сверхъестественным отдохновением, Ты, Несказанный, Недомысленный, Безграничный, Необъятный и, короче сказать, Всебесконечный по существу, конечно, и по деятельности. Аминь.

72. Когда ум, удалившись от многомыслия, отряси от себя разновидности и многочастные мысли, окажется превыше умственной рассеянности при вдохновении и причастии Святого Духа, объединяющего его и непрерывно и непрестанно дышащего на сердце, и будет постоянно охотно пребывать в божественных местах, как бы упиваясь представлениями о Боге, так что одним умственным взиранием он будет сразу единовидно усматривать, как в зеркале, все то, что вокруг Бога, — и притом с несказанною любовью, — тогда явно он достигает божественного покоя, наслаждаясь, по обыкновению, глубоким и божественным миром, сердечным святым безмятежным отдохновением во Христе Иисусе, Господе нашем.

73. Когда ум беседует с Богом, как какой-нибудь сын с самым чадолюбивым отцом, молится своими душевными чувствами, и, видя свет Иисуса, несказанно радуется, изумляясь с сильною любовью, ощущая в своем сердце ясно божественную любовь и сверхъестественное действие Святого Духа, и хочет таинственно и премїрно возлетать превыше божественных явлений и совершенств, — тогда ум истинно почивает от всех дел своих, становясь после мышления превыше мышления, ощущая дивные наслаждения и действительно отдыхая в мире животворящего Духа Христова.

74. «Почил Бог от всех дел, которые начал творить» (Быт. 2, 3), — но после исполнения того, что создано в Слове и Духе. Равным же образом и богоподобный ум

етъ ѿ всѣхъ дѣлъ своихъ, ꙗже начатъ въ началѣхъ творити въ соисполненіи міра, ꙗже по добродѣтели мысленнаго, но по еже возразсмотрѣти ѿ аки возодѣлати словомъ бжїимъ ѿ дхѡмъ животворящимъ въспѣвѣсь міръ, ѿ ꙗже въ немъ мысленна доволнѡ: ѿ ѿ сїхъ взыти паки словомъ бжїимъ ѿ дхѡмъ въ реченна ѿ нѣкихъ, метѡ тѡ физїка, сїрѣчь, во ꙗже по естествовннхъ, ѿ превознїкнѣти въ прѡстаѡ ѿ ѡрѣшенна бгѡсловїѡ таинственна чдеса: тогда въ почїтїи, покѡмъ же ѿ міра оумноу истїною сѣлѡ многа наслаждаетса, ещѣ же ѿ ѡбнажѣетса свѣтомъ разума ѿ дха животворяща причастїемъ, ѡ хртѣ йисѣ гдѣ нашемъ.

Ѡе. ꙗкоже почївъ бгѡ, никакоже ѿ всѣхъ дѣлъ своихъ почї, но тѡчїю, ꙗже начатъ творити. Ѡбаче ѿ безначальныхъ ѿ незданныхъ, ѿ аки естествовннхъ сщїихъ емѡ дѣлъ не престѡ: такъ сравна бгѡподражаннѣ оумъ, словомъ бжественнымъ ѿ дхѡмъ животворящимъ испїтѡвъ, ѿ прешѣдъ вїдїмю тварь, никакоже ѿ дѣлъ естествовннѣ сщїихъ емѡ ѿ ниже наченшихса, ниже оубѡ престѡящихъ почивѡетъ ѡнїѡдъ, но ѿ вїдимыхъ дѣлъ почивѡетъ, начинающихса же ѿ престѡящихъ. Ѡ сеѡ винѡ ѿ тѣлесномѡ почїтїю по недвиженїю припослѣдствѡющѡ оупокѡбїшемѡ, небесномѡ послѣдѣетъ оума оустроенїю. ꙗще во приснодвїженъ вы не вѡлъ дхѡвенїемъ нань животворящимъ дха прїснымъ во взираїи вїдимымъ разумѣтельнѣмъ, ниже ꙗще естѡ оумно почїтїе оубѣствѣ, приснодвїжнѣ ѡкрестъ едїнаго бга едїновїднѣ ѡбращѣемо, ѿ ѡбожѡюцѡ своего причастника оупокѡенїемъ еже ѡ хртѣ несказаннымъ же ѿ неизреченнымъ.

Ѡз. Не скоръ будї, глаголетъ солѡмѡнъ, ꙗзносїти слово предъ лицѣмъ гднїмъ (Ѡкклес. 5, 1 ѿ слѣд.): ꙗкѡ бгѡ на небсї горѣ, ты же на землї долѡ, колѡ сѣлѡ ꙗснѣ

почивает от всех дел своих, которые он вначале стал творить в соисполнение міра умственного по свойствам своим, но после достаточного рассмотрения и как бы воспроизведения в Слове Божиим и животворящем Духе всего міра в совокупности с теми умственными предметами, какие в нем есть, и после восхождения от этих последних снова в Слове и Духе к так называемому у некоторых «послеестественному» (метѡ тѡ физїка) и возвышения в простые и самостоятельные таинственные зрелища богословия. Ибо тогда среди отдохновения он наслаждается наибольшим покоем и миром в умозрительной истине и обоживается во свете знания и в причастии животворящего Духа во Христе Иисусе, Господе нашем.

75. Как Бог, почивши, почил не от всех Своих дел, но только от тех, какие Он начал творить (Быт. 1, 3), — не почил Он однако от дел безначальных, и несозданных, и как бы сродных Ему, — так одинаково богоподражательно и ум, прошедши, и испїтѡвъ всю вїдимую тварь при помощи божественного Слова и животворящего Духа, и проникнув сквозь нее, вовсе не почивает от дел, сродных ему, и всего менее от тех, которые не имеют ни начала, ни конца, но он почивает от дел вїдимых, начинающихся и оканчивающихся. Вследствие этого, тогда как телесный отдых у окончившего труд наступает вслед за неподвижностью, нечто противоположное бывает следствием устройства ума. Ибо если бы он не стал приснодвїжным от животворящего непрерывного дыхания Духа в познавательном взирании на вїдимое, то он даже не знал бы, существует ли духовный покой, приснодвїжно едїновїдно существующий только вокруг Бога и обоживающий причастника своего среди невыразимого и несказанного отдохновения во Христе.

76. «Не скоръ будѣ, — говорит Соломон, — ꙗзносїть слово предъ лицѡмъ Господнїмъ: ꙗко Богъ на небѣ горѣ, ты же на землѣ долѣ» (Еккл. 5, 1 и сл.). Так он очень ясно и

и правъ предаётъ же и изъясняетъ, кое есть время молчати глаголетъ во явѣ: понеже ты долъ сый на земли предъ лицемъ гда сщцагъ на небесѣхъ горѣ еси, и толикѣмъ сподобилса еси благодати, якъ долный гърналъ мѣдрствовати и ѡбзираѣти, и оумнѣ взираа стоати предъ лицемъ гднимъ: не скоръ бѣди изнести слово, время во молчати. Не хочи сирѣчь, изнести слово оумнѣ дѣйствуемъ ѡ истины и единовиднѣ и бгovidнѣ: (сїе во есть предъ лицемъ гднимъ быти) егда многамъ окрестъ бга сщцаа единовиднѣ оумъ зрѣтъ простымъ и единственнымъ взираіемъ въ бѣѣ. Не оубо сїе страждѣ и предъ лицемъ гднимъ предстоа слово произносїти скоръ бѣди. Или якоже бы приключилоа себѣ невежественнѣ волюю оумалити и изнести, оускоралъ бы еси. Воистиннѣ же и такъ речи мочно бы было глагола сегѡ сказьющимъ разумѣніе: бѣ, егда бѣ человѣческое естество неврежденно, и сегѡ ради праведнѣ далече ѡ шѡлъ, близъ сщце бга, бга же зраце, добротѣ лица егѡ во адамѣ праотцѣ, наслаждающоса съ радостїю съ чѡдесемъ невестиственна наслажденїа, оумна, небесна, нетлѣнна. Ибо многа оубо благодать въ души первагъ человекѣ изливашеса, многими же бгovidный оумъ онагъ ѡбливашеса разумѣтельными видѣніи и горѣ простѣртїи ко бгѣ, въ чѡственнѣ раї, наслажденїе имѣвшагъ мысленнѣ, и да сїце наименю блаженнѣ жизнь: съ самѣмъ собою воистиннѣ соединѣнна и съ бгомъ, въ себѣ же пребывающа и въ бѣѣ, якоже подобаетъ единовиднагъ держащася оустроенїа и бгovidнагъ воистиннѣ: и сѣлѡ влѣпотѣ, якъ по ѡбразѣ вжїю бысть. Но сїа оубо такъ ѡ насъ, да якоже вкратцѣ речїи, ѡ бга благамъ: враждующемъ же благожрѣбію, и славѣ нашей нечестивомъ бѣсѣ оуазвеннѣ завистїю,

метко определяет и уясняет, какое бывает «*время молчания*» (Еккл. 3, 7). Ибо он говорит прямо: так как ты находишься долу на земле пред лицом Господа, сущего на небесах горѣ, и удостоился такой благодати, что, долный, ты можешь *мыслить* и обозревать *горнее* (ср. Кол. 3, 2) и, устремляясь мысленно, стоять пред лицом Господа, «*то не скор будь износить слово*» (Еккл. 5, 1), ибо [это] «*время молчания*» (Еккл. 3, 7). Не желай этого (т. е. «изнести слово»), находясь духовно под влиянием истины, и единовидно, и боговидно. Ибо это и значит быть пред лицом Господа, когда многое, находящееся вокруг Бога, ум единовидно созерцает в простом и единственном устремлении к Богу. Итак, испытывая это и становясь пред лицом Господа, не спеши произносить слово, или в таком случае ты добровольно невежественным образом поспешишь низойти и спуститься. Или же объясняющие смысл этого речения могли бы выразиться и так. Человеческая природа была некогда неповрежденною и вследствие этого, по справедливости, была удалена от бедствий, близка к Богу, созерцала Бога и наслаждалась с веселием красотой лица Его в праотце Адаме, с удивлением [испытывая] невестиственное, духовное, небесное, нетленное наслаждение. При этом и великая благодать была излита на душу первого человека, боговидный же ум его был окружаем многими познавательными созерцаниями и устремлениями к Богу, пока в раю, постижимом чувствами, он наслаждался духовным раем, так называемую блаженную жизнь, объединяясь действительно в себе и Боге, пребывая в самом себе и, как подобает, в Боге, держась единовидного и истинно боговидного устройства, — и [это] вполне справедливо, так как он был создан «*по образу Божию*» (Быт. 1, 27). Но, говоря вкратце, повсюду {таким образом} вокруг нас были эти блага от Бога. Злому же демону, враждующему из-за нашего благого жребия и славы, уязвленному завистию, это было невыносимо. Из чего это видно?

стерпимо сїе не бѣ, какъ во; и оубо многъ всегубительный сїи вѣсть прельщамъ и повѣщамъ надеждъ нашихъ, благословными аки бы совѣты, и воздвизамъ желаніе къ вышнему, нежели еже имѣахомъ, ѡбоженію, заповѣди бжїа, переводѣтель слобы, ѡболгавъ правое. Ѡ негѡже воистиннѣ погїбель прелести ѡкааннѣ пострадахомъ, и бга, и бжественна наслажденїа изгнани быхомъ, и единовидна оумна дхѡвна жизнь, и ѡ еже зрѣти мощи лице бжїе, и прославлѣтиса измѣненнымъ лучею бжественна добрѡты ѡкааннѣ ѡпадѡхомъ, и ѡбрѣтохомса, ѡкоже не подобаше, раздѣленни и раздрани на нѣкаа многа, и ѡ раздѣльныхъ жизньехъ же и иначествахъ, ѡкоже не подобаше, радѡщеса, ѡкоже и многи боги, и растоаща вмѣстѡ единачу почитати трїипостасначу бжества, воистиннѣ не сщцыа боги, но прелестны бѣсы, и тлїтельны и враждебны, погубїхомъ единое и истинное (единѣ же) и единственнѡ жизнь и чїнъ, и раздрѡхомса на многа и различна, и крѣпость наша оумна и сила, илї паче горѣ простертїе рецїи свѡйственнѣе исчезе, не нелѣпотнѣ, и во глубинѣ прїидѡхомъ, никакоже измѣрна сла, и двлаа ѡбразы бжїи, и горначу ѡбитанїа, и небесначу недостѡйни, безумнѡ мдрствовать произволихомъ. А понеже не непрелѡжно, ниже оубо непреклонно єсть наше, мѡчно єсть ѡнюдъ, и сїе благословнѣ, ѡкоже ѡ премногїа славы ѡныа въ далечайшее безславїе ѡкааннѣ поползѡхомса паки возвратїтиса и вознїкнѡти, и паки оувїдѣти честнѣйшее бжїе лице, не оубо ѡкоже прежде толїкѡ ближайше: ѡбаче далечае, и оувїдѣти и добрѡты єгѡ пострадади свѣтлость. Тѣмже и мѡисей бжественнѣйшїй, и все кѡеливо прорѡкѡвъ числѡ, и єще же и ѡтцы, иже прежде сїухъ, авраамъ ѡвѣ ѡкѡ и подобнїи

Много раз уже этот всегубитель оказывался обольстителем, преувеличивая предмет наших надежд благословными с виду советами, возбуждая пожелание более высокого обожения, нежели то, какое мы имели, и он был первый виновник порока, оклеветавший правоту заповеди Божией (см. Быт. 3, 4–5). Итак, с тех пор как мы бедственным образом испытали пагубу обмана, стали вдали от Бога и божественного наслаждения (ср. Быт. 3, 23–24), отпали жалким образом от единовидной умной духовной жизни и возможности созерцания лица Божия и славы, осиявающей нас при изменении от луча божественной красоты, — и мы оказались, к сожалению, разделенными и разодранными как бы на множество частей, находя, как не следовало, удовлетворение в различных видах и разнообразии жизни, так что вместо Единого триипостасного Божества мы чтим и многих богов, и притом отделенных расстояниями, следовательно, не богов на самом деле, а лукавых демонов, растлительных и враждебных; мы погубили истинное единое, единственную жизнь и строй ее и разодрались на множество различных частей, и наша умственная сила и напряжение, или, скорее, ближе сказать, устремление горѣ, исчезли не без причины, мы дошли до «глубины зла» (Притч. 18, 3), вовсе неизмеримого, и неразумно предпочли мыслить низменное (ср. Кол. 3, 2. б), мы, *образы Божии* (ср. Быт. 1, 27), достойные вышней и небесной жизни. Но так как наше положение не бесповоротное и действительно не непреклонное, то вполне возможно, и притом по уважительным причинам, подобно тому как мы жалким образом поползнулись от той превеликой славы до самого низкого бесславия, так возвратиться снова, устремиться горѣ и снова увидеть всечестнейшее лицо Божие, конечно не в такой близости, как прежде, но в большем отдалении, и увидеть и ощутить и блеск красоты Его. Поэтому и божественнейший Моисей, и весь сонм пророков, сколько их ни есть, и предшест-

ѐмѸ, видѣша сїе ꙗкоже достигнути мѡчно бѣ и сѣлѡ
 ꙗснѣ, и свѣтлости ꙗже ѿ ѡныхъ доброты насладишася
 доволнѣ: ещѣ же, и оужасшеся ѡ неприступнѣи славѣ
 ѣгѡ, ѡви оубо себе ѡкаша, ѡви же зѣмлю себе и пѣпелъ
 вѣннѣша и нарекоша: инии же ни понѣ зинѣти воз-
 могоша, ѡ превосхожденїи славы оувидѣннагѡ, ѣгѡже
 ради оубо хѣдогласїю и косноязычїю зазрѣша своемѸ. И
 ины нѣкїа свѣтлостїю сѣцагѡ превыше доброты видѣ-
 нїа ѡнагѡ, похвальные сѣлѡ и блаженны страсти пост-
 радаша славно, ѿ сегѡ воистиннѸ и давидъ бжествен-
 ный, желая свѣтлости доброты лица гдѣна, вопїетъ къ
 бгѸ молася: Когда прїидѸ и явлюсѡ лицѸ бгѣ моего
 (Псал. ма, г): и ещѣ же оустроенїе души, въ немже оувидѣ-
 сѡ лице гдѣне показати восхотѣвъ: Вселѣтсѡ правїи,
 глаголетъ ко бгѸ, съ лицемъ твоимъ (Псал. рѣ, дї): и
 крѣпость же еликѸ души подаетъ лице вжїе зрїмое,
 разѸмнѣ показѸа: ѿвратїлъ еси, глаголетъ, лице твоє,
 и быхъ смѣщенъ (Псал. кѣ, и). Яще же ѿвращенїемъ
 бжественнагѡ лица слѣчается смѣщенїе, оубо присутст-
 вїемъ сегѡ и призрѣнїемъ мїръ послѣдствуетъ дѸхѡ-
 венъ души, даръ толикѡ величайшъ сый, ꙗкоже по бжѣ-
 ственнѣи любви и радости явлѣтисѡ дѸвнымъ или
 дарованїа подобаетъ глаголати или понѣ плоды: и стѡ
 же живѸщыа и праведнѡ, во свѣтѣ лица гдѣна явлѣетъ
 ходїти: гдѣ, глагола, во свѣтѣ лица твоегѡ пойдѸтъ: и
 ѡ имени твоємъ возрадѸются весь день (Псал. пї, зї и
 иї), дѸхѡвный ѡнъ ꙗвѣ ꙗкѡ, поеликѸ посылаетъ внѣт-
 реннемѸ человекѸ мысленное и неизреченное солнце
 прѣчтыа и животворящыа лучы своѡ, и просвѣщѣетсѡ
 во оумѣ премїрныхъ чѸство: въ неже время взѣмлетсѡ
 ѿ земли, и на нѣо прелагаетсѡ всѡ дѸшевнаа пѡмать, и
 человекѸ той радѸетсѡ и разыгрѣетсѡ, и пѣсни ꙗкоже

венники их, например Авраам и подобные ему [совре-
 менники], даже очень ясно видели [это], насколько это
 было возможно, и вполне насладились светом красоты
 лица Божия; и при этом, пораженные неприступною сла-
 вою Его, одни *окаявали* (Ис. 6, 5) себя, другие считали и
 называли себя *землею* и *пеплом* (Быт. 18, 27), третьи ока-
 зывались не в силах даже открыть уста свои от преизбыт-
 ка славы Того, Кого они увидели. Тогда-то, конечно, они
 познавали «скудость речи» и «косность языка» (Исх. 4,
 10) своего и ... со славою испытывали и очень много не-
 которых других блаженных чувств. Поэтому, конечно, и
 боговещанный Давид, устремляясь к свету красоты лица
 Господня, в молитвенном вопле восклицает к Богу: «*Ко-
 гда приду и явлюсь лицу Бога моего?*» (Пс. 41, 3) — и где-
 то в другом месте, желая указать устройство души, в кото-
 ром было усмотрено лицо Господа, он говорит: «*Вселят-
 ся правые с лицом Твоим*» (Пс. 139, 14). Разумно же ука-
 зывая, какую силу доставляет душе созерцание лица Бо-
 жия, он говорит: «*Ты отвратил лицо Свое, и я смущен
 был*» (Пс. 29, 8). Если же вслед за отвращением лица Бо-
 жия случается смущение, то, конечно, последствием при-
 сутствия и взирания Его бывает духовный мир для души,
 дар самый великий — в такой степени, что за божествен-
 ною любовью и радостью появляются действия Духа,
 должно ли называть их дарованиями или же плодами Его.
 И Давид показывает, что живущие свято и благочестиво
 ходят во свете лица Господня, говоря: «*Господи, во свете
 лица Твоего пойдут и о имени Твоем возрадуются весь
 день*» (Пс. 88, 16–17), — разумеется тот духовный день,
 пока умное и неизреченное солнце рассеивает на внут-
 реннего человека пречистые и животворящие лучи свои и
 чувство просвещается умом премїрным. В это время вся-
 кая память души вземлетсѡ от земли и переноситсѡ на не-
 бо, и человек, просвещаясь и увеселяясь светлостїю лица
 Господня, радуется, ликует {скачет} (ср. Лк. 6, 23), поет,

подобаетъ, поставляетъ, и веселится радovanіемъ и красovanіемъ и дшшевною сладостію, коликою кто бы возмоглъ речи, свѣтася и просвѣщася свѣтлостію лица гдн. Тѣмже индѣ молитъ вѣ: Не ѡврати, глагола, лица твоего ѡ менѣ, и оуподоблюся низходящымъ въ ровъ (Псал. рѣв, 3). Тьмы бо вина есть ѡвращеніе лица гдн: ѡвращеніе же всакаго оумнаго свѣта, тѣмже влѣпотѣ, и радости дхѡвныа іакоже и ѡ себѣ глаголетъ: знаменася на мѣ свѣтъ лица твоего: и сноводитъ: далъ еси веселіе въ сердце мое (Псал. д, 3). Паки ѡ просвѣщеніи лица гдн дхѡвныа вжественныа благодати быти въ себѣ свидѣтельствуетъ даръ. И кин бы оубо были предъ лицемъ гднимъ стоаціи, и емѣ молаціиса, глаголетъ, іакв сѣтъ мысленнѣ людѣи вжїихъ богати. Свѣти бо оубо воистиннѣ, и человекѣи вжїи мнози сѣтъ: ѡваче не всѣмъ вообще вжїе зрѣти мѡчно есть лице, и жити житїе аггльско, на землїи ещѣ живѣщымъ, никакоже. Единѣхъ бо есть сїе иже сѣ премѣдростію вжественною и разумомъ служима быти вѣ непцѣущихъ, и покланѣма истинною и дхѡмъ: иже воистиннѣ и богати людстїи глаголалиса бы влѣпотѣ вжїи, многихъ зрѣнїи внѣтрѣ ѡзарившеса тѣнствы, и многїа премѣдрости и разума, иже по павлѣ никакоже всѣхъ есть, вжественна и дхѡвна глбннѣ имѣщѣ богатства. Тѣмже лицѣ твоемѣ, чдныа глаголетъ ко вѣ, іакоже речеся, давидъ, помѡлтсѣ богати людстїи (Псал. мд, гї). Сегѡ ради сїа паче всѣхъ вѣднїи, іакв паче всѣхъ вжественныа премѣдрости исполненъ солѡмѡнъ сѣльнїи, благоприличнѣ сѣлѡ оубѡ глаголетъ: не скорѣ вѣди износїти слово предъ лицемъ гднимъ: іакв вѣ на небесїи горѣ, ты же на землїи долѣ. Внегда по вжественнѣ дарѣ пришѣлъ бы еси предъ лице гдн, въ

как естественно, [хвалебные песни], веселится в восторге среди наслаждения и сердечного удовольствия, какое никто не может выразить. Поэтому он в другом месте молит Бога, говоря: *«Не отвори лица Твоего от меня, и уподоблюсь нисходящим в ров»* (Пс. 142, 7). Ибо причина мрака — отвращение лица Господня, обращение же — причина всякого умственного света, а потому, конечно, и духовной радости, как и о себе он говорит: *«Знаменался на мне свет лица Твоего»*, и прибавляет: *«Дал веселье в сердце моем»* (Пс. 4, 7–8). Опять свидетельствуя о том, что после просвещения от лица Господня ему самому ниспослан дар божественной благодати, и о том, какие именно люди стоят пред лицом Господа и молятся Ему, Давид говорит, что это только умственно *богатые* из людей Божиих (Пс. 44, 13). Ибо, конечно, святых и людей Божиих много, но чтобы вообще всем созерцать лице Божие и проводить ангельскую жизнь, когда они еще теперь живут на земле, — до этого еще далеко. Ибо это удел одних только тех, которые признают, что божеству должно служить с божественною мудростию и знанием и поклоняться *«в истине и духе»* (Ин. 4, 24). Такие именно и могут, по справедливости, называться богатыми из людей Божиих, будучи озарены тайнами многих созерцаний и имея своим *«богатством глубину»* великой божественной и духовной *«мудрости и знания»* (Рим. 11, 33), которое, по Павлу, свойственно далеко не всем (1 Кор. 8, 7). Поэтому, как сказано, и говорит чудный Давид к Богу: *«Лицу Твоему помянутся богатые из народа»* (Пс. 44, 13). Именно по этой причине славный Соломон как исполненный более всех божественной мудрости (ср. 3 Цар. 3, 12), зная это лучше всех, говорит, поучая весьма разумно: *«Не скор будь износить слово пред лицом Господним, ибо Бог на небе горѣ, ты же на земле долу»* (Еккл. 5, 1). Когда по божественному дару ты стал бы пред лицом Господа в божественном и единовидном представлении себе,

бжѣственно и единовидно мечтаніе возшедшѣ ѣвѣ ѣкв видѣнію оумѣ: (тогда) время есть молчати. Да не оубо произносити слово ни понѣ единое скорѣ буди, счѣтнѣ глаголательнѣ обычаю послѣдствѣа: ѣкв не время тогда глаголати: богъ во бываеши и ты, на землѣ ещѣ сый, вѣа сущагв на небесѣхъ зрѣ агглоподражательнѣ лицѣ. Ибо и аггли, ѣакоже сїсїтель речѣ, вынѣ видѣтѣ лицѣ небеснагв вашигв оца (Матф. ѣи, і). Тѣмже егда и во иномѣ мѣстѣ глаголюща слышиши соломѣна, свѣтъ праведнымѣ вынѣ, ѡ свѣтлоліаніа лица гдѣна сѣй страдати имѣ влѣпотѣ да не вознепщѣеши смотряа, аггловиднѣ бжѣственною блгодатію вынѣ видѣщымѣ лицѣ гдѣне. Ѣ негѡже источникнѣй изливѣетсѣ свѣтъ: агглѣ во инѣ, да не глаголю богъ, человекѣкъ той бываѣтѣ и естѣ на землѣ. Тѣмже и на смотрительнѣй благодати гдѣна дарѣ возвращаѣешисѣ, бываа ежѣ вѣтъ горѣ, сѣ ты на землѣ долѣ, богъ сирѣчь, ежѣ естѣ чѣдно: не происходѣа словомѣ, ниже помышленіемѣ преходѣа и движѣа своѣ помысленное, аки оумнѣ раздѣлаа сѣ, но единовиднѣ взираа, и аки богъ зрѣ безочеснѣ, и недвижнѣ по прѣстѣ и единственнѣй взиранію, ещѣ же и наслаждаа сѣ лицѣ гдѣна изскачѣщею свѣтлѣйшею лѣчѣю и непристѣпною. Сѣе оубо естѣ верховное и блаженное оумомѣемѣ оумѣ кѣ вѣѣ оустроеніе, ѣакоже рещи цвѣтъ оумна чистоты, вождѣлѣнное единство вѣры, совершаемо вѣ прѣвщѣеніи дѣа, бжѣственна и вѣотворѣщїа премѣдрости благослѣвнѣй плодѣ, ѡснованіе дѣховнагв мїра, ѡбиталище безмечтанна радѣсти, любвѣ бжїа двѣрь, ѡтрасль просвѣщенїа, вина источанїа ѡ сѣрдца неистоцаваѣемыхъ водѣ дѣа, ѡбразна нѣкогда манна воистиннѣй нїца же и наслажденіе дѣши, и раченіе и измѣненіе бжѣственныхѣхъ и неизглаголаннѣхъ

то есть когда созерцание ума взойдет горѣ, тогда *«время молчания»* (Еккл. 3, 7). Итак, не спеши произносить слово, хотя бы даже одно, необдуманно увлекаясь обычаем беседовать, потому что тогда не *«время говорить»* (Еккл. 3, 7). Ибо и ты, еще находясь на земле, становишься богом, ангелоподражательно созерцая лицо Бога небесного. Ибо и *«ангелы, — как сказал Спаситель, — всегда видят лицо нашего небесного Отца»* (Мф. 18, 10). Поэтому также когда слышишь, как в другом месте говорит Соломон: *«Свет праведным всегда»* (Притч. 13, 9), — то ты, соображая, прими к сведению, что они его естественно ощущают от светолития лица Господня, видя ангеловидно по божественной благодати непрестанно лицо Господа, из которого, как из источника, изливается свет. Ибо человек становится и бывает на земле тем же ангелом, чтобы не сказать богом. Без сомнения, ты возвращаешься к дару, соответствующему представлению о благодати Господней, становясь на земле низу — тем, что есть Бог горѣ, что достойно удивления. При этом ты не проникаешь в это чудо разумом, не переходишь его даже при помощи мысли и не движешь собственное суждение, как бы разделяясь умственно, но устремляешься единовидно, и наподобие Бога взираешь безочесно и неподвижно простым и единственным взглядом, и сверх того наслаждаешься самым ясным и неприступным светом, исходящим от лица Господня. Вот это, следовательно, высшее устройство ума к Богу, достойное соревнования для благоразумных, можно сказать цвет умственной чистоты, желательное *единство веры* (ср. Еф. 4, 13), совершаемое в общении с Духом, славный плод божественной и боготворящей мудрости, основа духовного мира, обиталище невообразимой радости, дверь любви Божией, отрасль просвещения, причина источания из сердца неистоцимых вод Духа, истинно питание и наслаждение души прообразовательною манною; увеличение и преобразование души; начало бо-

тѣннѣ, и ѿкровѣній начало. Единым и первым истины заключеніе, кинхлибо помысль потребленіе, всѣхъ помышленій престатіе, настоятельство превыше еже помышлѣти, вина оужаса. Къ простомъ и безпредѣльномъ и невѣименномъ, безвидномъ же и безобразномъ, некачественномъ, неакѣвственномъ, неколичественномъ, неприкосновенномъ и премірномъ, оумѣ претвореніе паче оумѣ и измѣненіе, и ѿнюдъ къ бѣговидномъ воззстроеніе. Никакоже оубо ѿ невѣжества, въ сѣе пришѣдъ оустроеніе, и ѿобразомъ нѣкимъ бѣгодѣйствемъ челоуколюбїемъ благодати, скоръ бѣди изнести слово понѣ едино предъ лицемъ гднимъ: ѿкѣ томъ единая и проста слава ѣсть, и во вѣки бѣдетъ.

Оз. Оумъ зрѣти хотѣ ѿже превыше себѣ мысленная, ѿще и не вжественною благодатию содѣйствующе къ семъ имѣлъ бы и своѣ сердце, недѣйствена и непросвѣщенна и слѣнна зрѣтъ, сегѣ ради и своѣмъ сладости свойственнѣишѣмъ ѿскѣдѣваетъ. ѿще невѣдѣнїѣ ради и мнїтсѣ оуслаждатисѣ, ѿки не оу вкѣсивый сѣмъ. Икоже оубо мнїтсѣ нѣкакѣ оуслаждатисѣ и гачмѣнный гадый хлѣбъ, ѿще и премногѣ хлѣбныѣ сладости ѿскѣдѣваюцѣ: ѿбаче за невѣдѣнїе вкѣса семїдальнагѣ хлѣба.

Он. По оумномъ сердца блгодатию соединенїи, незаблѣднѣ во свѣтѣ дѣховнѣ оумъ зрѣтъ, и простираетсѣ къ своемъ желанїю, еже ѣсть бѣгъ: внѣ ѿнюдъ бѣвѣ чѣства, безшаренѣ гавѣ, ѿкѣ и некачественѣ, и безмечтаненѣ паки бѣвѣ мечтанїи чѣственнѣхъ.

Од. Оумъ ѿ благодати ко еже зрѣти наставляемъ, воистиннѣ маннѣ вѣнѣ гастъ дѣховнѣ. Чѣственнаѣ во

жественных и невыразимых таинств и откровений, заключение из единой и первой истины, уничтожение каких бы то ни было помыслов, прекращение всех помышлений, господство над мышлением, исходная причина изумления, превысшее ума преобразование и изменение ума в простое, безграничное, беспредельное с какой бы то ни было стороны, необъятное, безвидное и безобразное, бескачественное, неразнообразное, бесколичественное, неосязательное и премірное и всецело новое устройство — в боговидное. Итак, ставши в такое устройство и обоживаемый как-либо по челоуколюбию благодати, не спешите же каким бы то ни было образом по неведению произносить даже и одно слово *предъ лицомъ Господа* (ср. Еккл. 5, 1), потому что Ему единая и простая слава будет во веки.

77. Ум, желая созерцать духовное, превысшее его самого, если и в собственном сердце не находит содействия для этого при помощи божественной благодати, — видит недеятельное, непросвещенное и слитое. Поэтому он нуждается, по крайней мере, в более существенном удовлетворении, нежели его собственное, хотя по неведению и воображает, что он наслаждается, так как ему еще не случалось вкушать его; подобно тому как и тот, кто ест хлеб из ячменя — хотя и очень много уступающий по вкусу настоящему хлебу, — однако по незнанию вкуса пшеничного хлеба, по-видимому, находит некоторое наслаждение.

78. После умственного единения сердца посредством благодати ум видит безошибочно при духовном свете и устремляется к собственному желанию, которое есть Бог, ставши совершенно вне чувства, очевидно бесцветным и бескачественным, делаясь свободным от представлений себе того, что постижимо чувствами.

79. Ум, руководимый благодатию к созерцанию, поистине всегда питается духовною манною. Ибо, действи-

манна юже израиль гадаше, имѣаше оубо сластнѣ достославнѣ силѣ тѣло питающѣ: что же сущестvomъ она бѣ, невѣдомо бѣ: тѣмже и манна нарицашеся, гавляющѣ реченію незнаемое. Что бо есть сіе; реченіе гавлетъ: и юже зрачь гадѣще существа сеа не оубѣдѣвше, недомѣтельнѣ, что есть сіе, глаголахъ; Вынѣ оубо и зрительный оудивлется во оумѣ, и къ себѣ, что есть сіе; глаголетъ, еже веселитъ оубо зримо, и оутѣняетъ оумъ дховнѣ гадомо: превосходитъ же ѿ еже размѣтиса ѿ себѣ, гакъ вжественно сщце и преестественно: и питающе чднѣ, и напоюще оумъ постиженіа оума ѿтай избѣгаетъ, не токмо гакъ непостижимо непостижимо сщестvomъ, но и гакъ безконечно и безпредѣльно.

п. Три сѣть свидѣтельствующаа истинѣ, рекъ быхъ и азъ влѣпотѣ: тварь, писаніе, въ дѣсѣ: ѿ писаніа бо и твари дховнѣ зримыхъ, зрится единая простаа истина, и ѿ сеа сложнаа. И реченными тремя пришедъ въ слѣдѣющаа два, и стоа въ нихъ оумъ незаблденъ, ѡверѣте хртѣвою благодатію пѣть. Получи бо ѿ простыа оубо истинны высотѣ мысленнѣ, и глубинѣ, ещѣ же и широтѣ безконечнѣ: иже ради и во оужасѣ бѣвъ, пристрашенъ сый поетъ. ѿ сложныа же къ реченнымъ, и сердеченъ ѡверѣте миръ и любовь и радость. Тѣмже оужасенъ сый поетъ любительнѣ. Требуетъ же человекъ временна многа растоаніа, и трѣда и терпѣніа, гакъ да чвства ѡобразомъ нѣкимъ ѡлагамъ, и оумомъ расторгъ чвственнаа, станетъ въ мысленныхъ: по нихже видѣніе истинны возсѣваетъ въ дѣши. Не оубо истиннѣ глаголю требовати въ своѣ избѣрѣтеніе таковыхъ, сирѣчь временнагѣ ко еже постигнѣтиса растоаніа, или трѣда и терпѣніа, но человека требовати сіхъ рекѣхъ. Понѣже истина оубо едино есть и

тельно, чувственная манна, которую вкушал Израиль, заключала в себе усладительную и замечательную силу питать тело. А что такое она была по существу, было неизвестно. Отсюда она и называлась манною, так как слово это обозначает незнакомое. Слово это значит: что это такое? И те, которые не знали сущности того, что они видели и ели, говорили в недоумении: «Что это такое?» (Исх. 16, 15). Так же и созерцающий все время приходит в исступление ума и говорит себе: «Что это такое, которое при созерцании увеселяет и, вкушаемое духовно, утучняет ум, само же по себе переходит границы мышления как божественное и сверхъестественное, необыкновенным образом питающее и напоющее ум; оно не поддается устройению ума не только как непостижимое по существу, но и как бесконечное и безграничное».

80. Есть три вещи, свидетельствующие об истине, — мог бы сказать основательно и я сам: тварь, Писание и свидетельство в духе, ибо из видимых духовно Писания и твари созерцается единая простая истина и сложная из нее. И кто при помощи трех сказанных предметов последовательно достиг двух из них и стал на них, тот по благодати Христовой обрел непогрешительный путь, ибо от простой истины он достигает умственной *высоты и глубины*, а также и беспредельной *широты* (ср. Еф. 3, 18). Вследствие этого, пришедши в состояние исступления, он в страхе поет. Из сложной же истины, сверх вышесказанного, он обретает и сердечный мир, и любовь, и радость. Поэтому он в изумлении поет с любовью. Но человек нуждается в большом временном расстоянии, в труде, выносливости, чтобы, отлагая некоторым образом чувства и расторгнув умом доступное им, стать на умопостигаемом, после чего воссиявает в душе созерцание истины. Конечно, я не говорю, что истина для изыскания самой себя, для того, чтобы быть постигнутой, нуждается в таких средствах, как временное расстояние, или труд, или

просто, аще и сгъбв видима показъется, и малу не ѿвсюдъ вопіетъ себе видѣти хотѣщимъ свидѣтельствующи: человекъ же сложенъ сый, и съ чѣствы сплетѣнъ, ещѣ же (и) измѣненіемъ подлежащъ и прелогъ, исходитъ овогда изъ себе: и ѿобразомъ нѣкимъ и самъ противъ себе ѿкоже не вѣсть бываесть, ѿ мнѣніа лѣкѣнѣа и невѣрїемъ недѣлѣа: и тремѣ оубо сїми, мнѣніемъ, глаголю, лѣкѣвствомъ же и невѣрїемъ, свидѣтельствѣемыа ѿ трїехъ онѣхъ истинны, ѿ писанїа и твари и дѣха сїрѣчь, окааннѣ ѿпадаесть. Тѣмже и требѣетъ ко ѿверженїю лютагѣ мнѣніа, и иныхъ ихже требовати рѣхъ, (и) ѿкѣ да смирївса оумъ вѣровати имать простотою: и потомъ сїце кѣпнѣа ѿбїе писанїемъ и тварїю въ дѣсѣ, да оубѣсть ѿснѣ не токму простѣйшю истинѣ, но и сложнѣю ѿ неа: ещѣ же что и возбраняющее егѣ вѣ и истиннагѣ видѣнїа, приложїлъ же быхъ, ѿкѣ и наслаженїа разставлѣющее. Едино оубо есть и единственно естествомъ просто перваа истина: по нейже и ѿже ѿ селъ насъ ради сложныхъ сложнаа. И сїе есть оумѣа нашегѣ послѣднее и изрѣднѣйшее прѣмѣ лежѣщее: къ немѣ же тѣнитса всѣко житѣльство и постничество водїмыхъ по разѣмѣ дѣха, ѿкѣ да оумъ нагъ, елїкѣ мѣчно, оувїдїтъ и насладїтса свѣтлостї ѿже ѿ первыа и едїныа (истинны,) и сложныа изъ неа ѿобразомъ чѣднѣмъ: еже не бы когда ѿнакѣ моглѣ быти, токму смиренїемъ и простотою съ вѣрою свидѣтельствомъ писанїа и твари въ дѣсѣ. Внегда же истинѣ оумъ въ трїехъ своихъ силахъ, ѿкоже рѣхъ, ѿкѣ въ зерцалѣ оузрїтъ свидѣтельствомъ вышеречѣнныхъ трїехъ, тогда паки ѿки ѿ сегѣ возвращѣа самъ въ себѣ бываесть мнѣнїемъ смиреннѣйшѣ и простѣйшѣ и оутвержденнѣ вѣренъ: и ѿ сегѣ радостною ногою еже оубѣ глаголетса

выносливость, но я сказал, что человек нуждается в этом; так как именно истина есть единое и простое, хотя при созерцании и показывается вдвойне и почти отовсюду громко зовет смотреть на себя, свидетельствуя сама о себе желающим. Человек же, будучи сложен, сопряжен с чувствами, подвержен переменам и изменению, по временам выходит каким-то образом из себя самого и, сам не зная как, становится против себя, вследствие мнительности поступая лукаво и недугуя неверием. И через эти три недостатка, то есть мнительность, лукавство и неверие, он жалким образом отпадает от истины, свидетельствуемой теми тремя доказательствами, то есть Писанием, тварью и духом. Поэтому он и нуждается для устранения страшной мнительности в прочем, о чем я сказал раньше: «чтобы, смирившись, ум мог уверовать в простое» и чтобы затем таким образом тотчас при помощи Писания и твари в духе он сразу ясно мог узнать не только самую простую истину, но и сложную из нее, и сверх этого также увидеть, что некогда разделяло его от созерцания в истине и — я мог бы прибавить — что удаляло его от наслаждения. Итак, первая истина есть единое и только одно простое по природе. За нею же следует и сложная из нее из-за нас сложных. И это есть крайний предел нашего ума и самый лучший предмет, к которому направляется всякая жизнь и подвижничество тех, которые руководствовались целию духа, чтобы ум в состоянии наготы, насколько можно, увидел и дивным образом насладился светом от первой и единственной истины и сложной из нее. А это не может произойти никогда иначе, как только через смирение и простоту в вере, через свидетельство Писания, твари и свидетельство в духе. Когда же ум, как бы в зеркале, увидит истину в трех своих способностях посредством свидетельства трех вышесказанных [вещей], тогда опять, как бы возвращаясь от этого [видения], он становится в себе самом гораздо смиреннее, проще и твердо верующим. И оттого он восходит, как говорится,

къ видѣнію истины восхóдитъ, лúчами ѿныѧ внúтръ ѡзарѧемь свѣтлѣе: ѿмже ѡбращѧса въ себѣ за величество славы оувидѣнное ѡ негò, схóдитъ на смиреннѣйшее, и простѣйшее, и оужасѧется вѣрою ѡдержимъ бывъ, и такъ ѧки нѣкѣй бжественный кръгъ возвкрѡжѧа и ѡбходѧ смиренїемъ, простотою же и вѣрою восходѧ и зрѧ истинѸ, и свѣтлостїю истины къ смиренїю водимъ многшѸ, и простѣйшъ въ вѣрѣ наипаче бывѧа, неперстаѣтъ совершѧа теченїе сїе, дондеже вы глагола-лосѧ сїе: днесь со смиренїемъ и простотою и вѣрою, свидѣтельствомъ писанїѧ и тварї, въ дѡсѣ зрѧ истинѸ, и паки возвращѧса на тѧ, ѡнѡдѡже подвижесѧ: и такъ ѡбожѧемь всегда благодѧтїю, и тѣми ѧже паче оумѧ ѡсѣлѧемь, и живóтъ живыѣ испóльнъ всѧкѣѧ радóсти ѡ хрѣтѣ иисѣ гдѣ нашемъ, ѧкв въ ѡбрóченїи вкúшѧетъ наслажденїѧ бѸдѡщихъ вѣчныхъ блѧгъ.

пѧ. Зрительное житїе тремѣ сїми составлѧтисѧ преестѣственнѣ ѡвыче, чїсто же и незазòрно, глаголю же вѣрою, причѧстїемъ ѧвственнымъ животворѧщагв дѡѧ, и вѣдѣнїемъ премѡдрости. Видѣнїе бо єсть, ѧкоже въ предѣлѣ рещї, рѧзѸмъ мысленныхъ въ чѡвственныхъ ѡвогдѧ же и тóнкѣхъ мысленныхъ разлѡченныхъ чѡвства, въ пришѣдшихъ въ предспѣвнїѧ. ѡ селѧ оубв винѣ трѣбѣ єсть вѣры: ѧще бо не оувѣрите, глаголетъ, ниже ѧмате оуразѸмѣти. Такожде потреба єсть и дѡѧ, понѣже дѡѧ всѧ испытѡетъ, и глубинѣ вжїѧ (ѧ Кор. в, і). Тѣмже бжественный речѣ иѡвъ: дыѧнїе вседержїтелево єсть надѡющее мѧ (иѡва лг, д). Тѧже єстѣственнѣ севò въ сѣрдцѣ ѧвѣ воскипѣвѧющее, илн, да такъ рекѸ, живѡщее и по послѣдованїю ѡживлѧющее, премїрнѣ вжественное дѣйство къ себѣ сплетѧетъ, не-изреченнѣ собираюцо оумъ, и ѡ всѧкагв паренїѧ воз-

радостною ногою к созерцанию истины, причем она светлее сияет в нем своими лучами. Обращаясь при помощи этого созерцания истины к себе самому, вследствие величия славы, которое он узрел в нем [созерцательно], он нисходит до большего смирения и простоты и поражается, объятый верою; и таким образом снова восходя как бы по какому-то божественному кругу, и идя по нему путем смирения, простоты и веры, возвышаясь и видя истину и вводимый сиянием истины к большему смирению, и становясь еще более простым в вере, ум не перестает совершать это течение, пока говорится «ныне» (ср. Евр. 3, 13), в смирении, простоте и вере, благодаря свидетельству Писания и твари, созерцая в духе истину и снова возвращаясь туда, откуда он двинулся. И таким образом обоживаемый все время благодатию и осияваемый тем, что превыше ума, проводя жизнь, полную всякой радости во Христе, Господе нашем, он как бы в предобручении вкушает наслаждения будущих вечных благ.

81. Созерцательная жизнь при помощи следующих трех [средств] естественно становится целью и безукоризненно — именно же: посредством веры, явного причастия Святого Духа и знания мудрости. Ибо созерцание, чтобы сказать определенно, есть познание умственного в постигаемом чувствами, иногда же и [познание] исключительно умственного, отделенного от чувства в людях, идущих к преуспеянию. Вследствие этого потребна и вера. Ибо «если вы не поверите, — говорит [пророк], — то и не уразумеете» (Ис. 7, 9). Также необходим и Дух, поскольку «Дух все испытует, и глубины Божиши» (1 Кор. 2, 10). Поэтому божественный Иов сказал: «Дыхание Вседержителя научает меня» (Иов 33, 4). Затем естественным образом божественная деятельность Духа, конечно, вскипающая или, так сказать, живущая в сердце и, следовательно, премїрно оживляющая, несказанно привлекает к себе ум, собирая его, удерживает его от всякого парения и дает возможность с тишиною, с большим душевным

бранаетъ егò, и подаётъ съ тишиню и мно́гою дѣшевною сладостію и оутѣшеніемъ, е́ще же и вѣ́ственною любовію оудобнѣйше вѣ́ственнаа зрѣти, и о́крестъ ихъ ѡбращатиса, и вѣ́а мечтати новобра́знь, и по ра́вности ѡ сѣмъ веселітиса, съ бо́льшими нестерпимыми раченіи, и приличнымъ ра́дованіемъ. Трѣвѣтъ же и премѣдрости, ꙗ́коже рѣхъ: ꙗ́кв премѣдрость, глаголетъ писаніе, просвѣтитъ лице́ человѣка: просвѣтитъ, ко ѣже ѡ чѣства преити въ разумѣніе оудобъ, и ѡ чѣственныхъ въ мысленнаа и вѣ́ственнаа зрительства взыти, и во ѡкровеніи оумнѣмъ неизреченна оувидѣти: просвѣтитъ, ко ѣже оузрѣти зрительнѣ, и единовиднѣ возмечтати вѣ́а пресѣщественна. Воистиннѣ блаженъ человѣкъ, е́гоже ꙗ́ще нака́жеша гдѣи, и ѡ зако́на твоегò научиши егò (Ѳал. чг, вѣ): ꙗ́кв сѣй е́сть воистиннѣ премѣдрый, наказаніемъ въ вѣрѣ пришедый, и оученіемъ дѣха научаемый неизреченнымъ вѣ́имъ. Вѣ́ла вещь е́сть, воистиннѣ премѣдрый, вѣ́рою ходѣи въ соединеніи и прѡвещеніи преестѣственнѣмъ дѣха! И воистиннѣ три сѣтъ, по рѣкшемѣ ономѣ, неѣдержима, вѣ́а, и аггѣлъ, и человѣкъ любовѣдръ: аггѣлъ и́нъ на землѣ странновбра́зень назиратель воистиннѣ видимаа твѣари, и и́скренень таинникъ вѣ́ственныхъ вѣ́ихъ незданыхъ происхожденіи, или оубв дарѡвъ хотѣлъ бы кто глаголати. Е́млаа нѣкакв и самагв невидимагв всѣцѣмъ ѡбразомъ, по внезапнѣ взиранію аггѣлоподражательнѣ познаніа вѣ́а. Такѡвъ е́сть, ꙗ́коже и въ сѣнописаніи реци, вѣ́рою и сѣымъ и животворѣщимъ дѣхомъ премѣдрый, и си́це блаженъ. ꙗ́ще и дово́льнв бѣше несомнѣнно, ꙗ́же лѣка въ е́вліи повѣдаетъ рѣкшѣ мнѣ ѡ и́сѣ гдѣ, избѣавишиа трѣдѡвъ, ꙗ́кв исповѣсти премѣдрости и благодѣти силѣ и похвалы: та́кв во сѣи на мѣстѣ полагаетъ, пиша ꙗ́кв и́сѣ преспѣва́ше пре-

наслаждением, утешением, а сверх того и с божественною любовію наиболее удобно видеть божественное, и обращаться вокруг него, представлять себе Бога необычным и подобающим образом, и одинаково радоваться о Нем с бо́льшими непреодолимыми влечениями [к Нему] и соответственным восторгом. Нуждается ум также в мудрости, как я сказал, потому что «мудрость, — как говорит Писание, — *просветит лицо человека*» (Еккл. 8, 1), просветит для легкого перехода от чувства к мышлению, для восхождения от постигаемого чувствами к умопостижимым и божественным зрелищам и для того, чтобы в умственном откровении узреть невыразимое; просветит для того, чтобы увидеть в ясном созерцании и единовидно представить себе пресущественного Бога. Воистину «*блажен человек, которого наставишь Ты, Господи, и от закона Твоего научишь его*» (Пс. 93, 12), потому что такой бывает действительно мудр, посредством вразумления приходя к вере и наставлением Духа поучаясь неизреченным тайнам Божиим. Действительно, великое дело есть человек мудрый, ходящий посредством веры в единении и сверхъестественном общении с Духом. И в самом деле, есть три предмета, как говорится, непреодолимые: Бог, ангел и муж любомудрый. [Этот последний] странным образом тот же ангел на земле, во всяком случае созерцатель видимой твари, искренний таинник несозданных божественных путей или даже даров Божиих, если кто захочет так выразиться, ангелоподражательно уловляющий некоторым образом общим взглядом познание Самого Бога, невидимого никаким образом. Таковым бывает, в общих чертах, мудрый верою во Святом Духе и таким образом он бывает блаженным. Впрочем, для меня было бы, несомненно, достаточно сказать то, что рассказывает в Евангелии Лука, именно о Господе Иисусе, чтобы быть свободным от заботы излагать значение и похвалы мудрости и благодати. Ибо в одном месте Писания он говорит так: «*Иисус преуспевал премудростию и возрастом и бла-*

мѹдростію, и вѹзрастомъ, и благодѹтїю. И пакѹ, ѹакъ растѹше и крѣплѹшесѹ дѹхомъ, исполнѹлсѹ премѹдрости (Дѹкѹи ѿ, ѿв и ѿ): нынѣ же ѹавственнѣе ѹ предлежѹщихъ рещи, оѹстремлѹющесѹ предлагѹю, и ѣже глаголетъ свѹщеннѹи солонѹнъ къ вѣѹ: ѹаже на небесѣхъ ктѹ изслѣди; волю же твою ктѹ позна, ѹще бы не ты далъ еси премѹдрость, и послалъ еси дѹха стѹаго твоего ѹ высоты; И тѹкѹ исправнѹшасѹ стези сѹщихъ на землѹи, и ѹаже тебѣ оѹгѹдна, наѹчишасѹ человѣцы, и премѹдростію твоєю спасѹшасѹ (Прем. 9, 31. ѿ. ѿ1). Зриши ли; Премѹдрость съ причѹстїемъ дѹха на елѹкѹ достигѹетъ силѹ, и кѹкѹ далече ѹ спасенїѹ течетъ, премѹдрости и дѹха ѹ вѣа не имѹи, и ниже ѹ премѹдра и причѹстника дѹха наставлѹемѹи; ѹще ѹ спсїтели, въ немже поживѣ всѹко исполненїе вѣжествѹ, таковѹ пїсана вѹша, послѣдованнѹ совѣатнѣ и всегѹ вкѹпѣ человѣческагѹ рѹда разѹмѣти не ѹстоитъ: колѹ премѹдрость съ посѹбїемъ дѹха естѹ нѹжна, и елѹкѹ милостїю силѹ и предспѣанїе полѹчїи ѹ дѹшелѹбца вѣа дѹхѹвнѹи мѹдрецъ, ѹаже на небесѣхъ изслѣдѹл, и приходѹ къ разѹмѹ совѣта вѹшнагѹ, вѣщѹ оѹжѹснал! И сїѹ оѹбѹ тѹкѹ: но понѣже толика же нынѣ проидѹхомъ ѹ зрїтельнѣмъ, подобѹло бы рещи и не лѣнитсѹ понѣ нѣколикѹ и ѹ видѣнїи сказѹти, и ѹ части подвїгнѹти, и помѹсленное ѹже съ любѹвїю слышателѹ нѣкакѹ напїтѹти. Сїе бо ѹнѹдъ повелѣвѹетъ вѣѹ словеснѹмъ преподавѹти: ѹвѣ ѹкѹ незавїстно нїжшѹмъ, и ѹ вѹшнѹхъ съ благоговѣнїемъ причѹщѹтсѹ достигнѹтсѹ мѹщнѹмъ вѣжественнагѹ просвѣщенїѹ и вѣщей мѹсленнѹхъ. Обѹче къ тождечнѹмъ, прївѣщїтельнѣ и нелѹвопоказѹтельнѣ срѣтенїѹ творїти, и бесѣды ѹаже ѹ мѹсленнѹхъ и ѹ вѣѣ. Тѹкѹ бо не тѹкмѹ правѹе же и непогрѣшное въ цѣркѹи вѣа жїва простѹло бы сѣлѹ свѣтлѣ, но и преподаѹное

годатию» (Лк. 2, 52); и опять, что [младенец] «возрастал и укреплялся Духом, исполняясь премудрости» (Лк. 2, 40). Теперь же, имея намерение сказать яснее о предположенном, я предлагаю и то, что говорит священный Соломон к Богу: «Что на небесах, кто исследовал? Волю же Твою кто познал бы, если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше Святого Твоего Духа? И так исправлись пути живущих на земле, и люди научились тому, что угодно Тебе, и спаслись премудростью Твоею» (Прем. 9, 16–19). Видишь ли, до какой великой силы доходит премудрость при участии Духа? и как далеко от спасения идет тот, кто не стяжал мудрости и Духа от Бога и даже не руководится мудрым и причастником Духа? Если подобное написано о Спасителе, в котором обитала «вся полнота» (Кол. 1, 19) божества, то, последовательным образом, не трудно будет понять и вообще относительно всего рода человеческого во всей его совокупности, насколько необходима мудрость с содействием Духа и сколько силы и успеха получает духовный мудрец от любодушного Бога, по Его милости «исследуя небесное» (Сир. 1, 3) и доходя до познания «совета Всевышнего» (Пс. 106, 11), — удивительное дело, и однако это действительно так. Но так как мы изложили столько на этот раз о созерцательном, то следовало бы сказать и не замедлить изложить, хотя несколько, и о созерцании и отчасти наставить и как бы напитать мышление расположенного слушателя. Ибо Бог решительно повелевает мыслящим [людям] как щедро уделять, конечно, низшим, так от высших с благоговением получать то, что доступно из божественного просвещения и умственных сокровищ, к людям же равного положения относиться общительно и не тщеславно и вести с ними беседы об умственных предметах и о Боге. Ибо таким образом не только сияла бы очень явно правота и непогрешительность в Церкви Бога жива, но и преподобное прекраснейшее лице любви, признак учеников Христовых, воссиявало бы непрестан-

любвѣ и предобрѣтѣйшее лице, познавательство оучениковъ хрѣстовыхъ, просвѣтилось бы бынъ въ сердцахъ нашихъ, стѣмъ дѣломъ въ ны и злѣючимся въ совершеннѣ и прѣстѣ любовь бѣа и человекѣкъ. И такъ пожали быхомъ на землѣ житіе аггловидно и воистиннѣ блаженно, и ничимже мнѣе и прѣдсладчѣйше, ѣкъ ѿ бжѣственныхъ, на нейже висятъ весь законъ и прорѣцы, и бгѣтворныа дворасленныа любвѣ завѣсаще: ѣже ничтѣже каковѣлибо дѣшѣ слажде, и паче же егда ѿ бжѣственныхъ видѣнїа и рѣзума, тѣжде же рецїи просвѣтительныа благодѣти близъ имать происхожденїе. Тѣмже иже по намѣренїю взыти благо и добрѣ дѣло полагаай къ бгѣ, ѣкоже соединитиса съ нимъ и воистиннѣ ѡбожитиса, равнѣ же рецїи, спастиса: понѣже безъ ѣже оумѣ ѡбожитиса, спастиса человекѣкъ не возмѣжно ѣсть по бгѣолаговливыхъ изавленїю, съ достижнымъ заповѣдей гдннхъ дѣанїемъ, къ сщїихъ и видимыхъ прихѣдитъ видѣнїю возмѣжномъ, ни дѣанїе имѣа слѣпо ѣки видѣнїа оуединенно, ниже оубв видѣнїе бездѣшно имѣа ѣки воистиннѣ безъ дѣанїа. ѿсюдѣ сїце съ сщїею по слѣвѣ и оумѣ прѣмѣдростїю, и писательнымъ свѣщеннымъ вѣдѣнїемъ, благимъ движенїемъ, ѣже глаголетсѣ, взирати праволчнѣ начинѣетъ въ мїръ со слѣвомъ чѣвственныхъ, ѣвлѣнїемъ безконечносїльна и безконечнопрѣмѣдра содѣтѣла, и послѣдованнѣ къ безконечнымъ сїлою же и всѣмъ рѣзлїчїемъ ѣлїкѣ по взиранїю достизѣетъ, и наслаждѣетсѣ и питѣетсѣ подобнѣ оумѣмъ въ тѣйнѣ тѣйными. И врѣмени же прѣдидѣщѣ, и безматѣжнымъ житїемъ поживъ безмѣлнѣ, и въ бжѣственныхыхъ ѣдинѣхъ любовѣдрствѣа писанїемъ и видимыми, подвизѣетсѣ, ѣкоже ѣсть мѣцно соглѣснѣ оузрѣти дѣхѣвнѣ писанїю тварь: и истиннѣ знаменїа ѣдинствѣннѣйшимъ видѣнїемъ. ѣмѣже бѣвшѣ, оумѣ ѿсюдѣ съ

но в сердцах наших, готовое излиться через Святого Духа на нас для совершенной и простой любви Бога и людей, и таким образом мы бы проводили на земле жизнь ангеловидную, истинно блаженную, равно как и самую приятную, как приверженные к той божественной и боготворной двойкой любви, на которой *«висят весь закон и пророки»* (Мф. 22, 40), слаще которой для души нет решительно ничего другого, и в особенности тогда, когда она имеет свое происхождение непосредственно от созерцания и познания Бога и божественного, другими словами — от просвещающей благодати. Итак, кто считает хорошим и прекрасным делом намеренно взойти к Богу, чтобы соединиться с Ним, и действительно воспринять обожение, иначе сказать, спастись — так как, по мнению боговещанных учителей, без обожения ума невозможно спастись человеку, — тот, при достижимом исполнении заповедей Господних, доходит до возможного созерцания сущего и являемого, причем он не имеет ни слепой деятельности как обособленной от созерцания, ни бездушно-го созерцания, каким оно, конечно, бывает без деятельности. Вследствие этого с мудростию сообразно разуму и смыслу с писанным священным знанием {со знанием Священного Писания} он таким образом начинает, как говорится, при попутном ветре, правильно взирать на мир с разумением чувственнопостижимого по указанию бесконечно сильного и бесконечно мудрого Художника и последовательно доходит до бесконечного по силе и по всеобщему различию, насколько возможно для взгляда, и наслаждается и питает подобным образом ум втайне посредством тайного. И именно, с течением времени, поживши безмятежною жизнью в безмолвии, любомудрствуя одно только божественное посредством Писания и видимого мїра, он действительно старается насколько возможно более объединяющим взглядом увидеть духовно тварь, согласно Писанию, и предзнаменования, согласно истине. Когда это бывает, тогда ум при благоволе-

любовію поклоннаго дѣла, и дѣйствіемъ еѣ, возводится въ видѣніе же и познаніе священныя истины, ꙗкоже великій глаголетъ діонисій, на степенъ священныя видѣнія, рѣчь речей второй, то есть въ бжественна зрѣнія и помышленія, безъ покрововъ и ѡбразовъ. Ѥсюдѣ прочее ꙗки нагъ оумъ къ мысленнымъ зирала нагимъ, и бжественна явленія въ себѣ мнѡжайша любѣ, своєю чистотою и къ вѣс горѣ протѣженіемъ, носить въ себѣ ꙗкѡ въ свѣтлѣйшемъ зерцалѣ нѣкоемъ солнечнымъ пресѣяющимъ лучи, и ѡ благодати по пѣти паки напѣтанъ бѣвъ, ꙗже по силѣ достижными личными, приходитъ ꙗки къ третіемъ степеніи ко мнѡгимъ ѡнымъ видѣніямъ блаженнымъ: (и) бжественна происхожденія единовиднѣе и собраннѣ ѡ многихъ иначествъ въ неизреченное непрелѡжныя и тайныя единицы возводѣ благовзирательнѣ неизреченно раченіе, со вѣсѣмъ вкѡпѣ оумнымъ чѡствомъ, ꙗки превъразѣемъ зрительный ѡ просвѣщающаго дѣла истинною и воспоминаніемъ, во ѡгнь и сердечно вжѣе вѣгодѣино раченіе: и солнце есть, по великомъ паки діонисію, единовиднаго совершенія бжественное причастіе самаго единаго, елико мѡцно достигнѣти. На таковы оубѡ степеніи трипостаснаго тайнаго единовиднаго причастія, треблаженнѣ вѣноносный и вѣгомѡдренный оумъ возлетѣа, и нестерпимыхъ ѡстенъ бжественна оупоенія и неистовныхъ егѡ раченій ꙗвѣ и пресвѣтлѣ наслаждаѣса, и оуѣзвлена любовію, и ꙗки возгарѣема себѣ разѡмѣвѣа превлѣннѣ ѡ истиннаго завѣщанія, вѣодоуховеннѣ дѣйствѣемъ есть и воистиннѣ изстѡпаетъ, вшѣдъ во извѣительныя вѣослѡвіа свѣтлымъ лицемъ тайны. Оучреждаѣса безочесными зиранми, безконечнымъ и безначальнымъ, неѡбѣтнымъ же и всѣмственнѣ несказаннымъ, и ѡнюдѣ недомысленнымъ, и меч-

нии и действию поклоняемого Духа возводится к «видѣнію и знанію священной истины», как говорит великий Дионисий (О церковной иерархии), к священной ступени созерцания, собственно говоря второй, то есть к божественным зрелищам и мыслям, без покровов и образов. Вследствие этого, конечно, ум, как бы нагой устремляясь к нагим мыслям и выше всего ставя посредством собственной чистоты и стремления к Богу отпечатлѣвать в себе, как бы в каком-то самом ясном зеркале, божественные явления, испускающие свет превыше солнечного, будучи при действии благодати воспитан снова на пути доступными для него впечатлениями, доходит как бы до третьей ступени к тем очень многим блаженным зрелищам, и при этом единовиднее и сжато он удачным образом возводит божественные проявления от многих разновидностей к неизреченной любви неизменяемой и тайной Единицы, преобразуясь со всем умственным чувством в огонь и сердечную боготворную непрестанную любовь к Богу как созерцающий под руководством истины и внушения просвѣщающего Духа. И опять, по великому Дионисію (О церковной иерархии), это есть «*божественное причастіе единовидному <совершенству>, самому Единому, насколько возможно*». Итак, блаженно возлетая на такие ступени причастія трипостаснаго Единовиднаго, ясно и светло наслаждаясь невыносимыми томлениями божественного упоения и среди него восторженными порывами любви, видя себя уязвленным и как бы сожигаемым любовью (ср. Песн. 2, 5), триблаженно богоносный и богомыслящий ум очень заметно от наступающего расположения восторгается и действительно приходит в иступление, вошедши светлым лицом в неизреченныя тайны богослѡвіа, в безочесныхъ зираніяхъ наслаждаясь безначальным и бесконечным, непостижимым, и всецело невыразимым, и совершенно недомыслимым, и при этом представляет себе как бы какоето «*бесконечное и непроходное море существа*» Божія, «*превосходящее всякую*

та́ла вѣ́ю а́ки нѣ́къю пѣ́чинѣ́ сщѣ́ствѣ́ безконѣ́чнѣ́ и не-
 прохóднѣ́, всѣ́къ превосхóдѣ́щѣ́ мýсль и в́ре́мене́ и есте-
 ства́, по б́гослóвѣ́ рѣ́кшемѣ́ (слóво на рж́твѣ́ хр́тóво). И
 сѣ́е́сть, ꙗ́коже е́ще́ свѣ́щеннѣ́ глаго́летъ дѣ́онисѣ́й, пи-
 ровѣ́нїе́ взирѣ́нїѣ́ питѣ́юще́ мýсленнѣ́ и ѡ́божающе́ всѣ́-
 каго́ къ немѣ́ горѣ́ простирающе́го́, начинающе́го́ ѡ́ба-
 че́ ѡ́ видѣ́нїѣ́ сщѣ́нїхъ́ и рѣ́зума́: ꙗ́коже ѡ́намѣ́ сѣ́й
 сщѣ́ннѣ́хъ́ та́инъ́ ꙗ́витель глаго́летъ, ꙗ́коже сщѣ́ннаѣ́
 наше́го́ сщѣ́нноначѣ́льства́ ꙗ́заснѣ́етъ зна́менїѣ́. ꙗ́коже
 о́убѣ́ и вели́кїй васѣ́лїй повѣ́даетъ глаго́ла: внегда́ ктѣ́
 зрѣ́теленъ́ ю́же въ́ видимыхъ́ добрѣ́тъ́ превозше́дъ са-
 момѣ́ предстанѣ́тъ б́гови, е́гѡ́же видѣ́нїе́ въ́ е́диныхъ́
 чѣ́стныхъ́ сердца́хъ́ ꙗ́влѣ́тисѣ́ ѡ́быче́, тогда́ къ вы́ш-
 шымъ́ б́гослóвїѣ́ предѣ́спѣ́въ, и зрѣ́теленъ́ бы́ти мо-
 жетъ́. И па́ки, на глаго́ль ѡ́нъ: за́втра предстанѣ́тъ тѣ́, и
 о́зрю, глаго́лющаго́ дх́омъ́ да́вида, вели́кїй сѣ́й глаго́-
 летъ: внегда́ предстанѣ́тъ тѣ́, и къ́ самомѣ́ ѡ́ тебѣ́ ви-
 дѣ́нїю о́умомъ́ приближѣ́сѣ́, тогда́ зрѣ́тельное́ дѣ́йство
 просвѣ́щенїемъ́ рѣ́зума́ воспрї́мѣ́. Мо́жно же́ е́сть
 о́услышати́ подобнѣ́ глаго́люща́ тако́ваѣ́ ма́гїма́ сщѣ́н-
 наго́, и показѣ́юща́ ꙗ́вѣ́, ко́ль вели́ка́ е́сть ве́щь пред-
 спѣ́анїе́ видѣ́нїѣ́ и рѣ́зумъ́ вѣ́йї, писѣ́нїемъ́ и и́ тва́рїю,
 и ꙗ́кв просвѣ́щенїе́ рѣ́зума́ ѡ́сю́дѣ́ бывѣ́ти ѡ́быче́, ꙗ́мже
 по́ взирѣ́нїю блаже́нное́ (бывѣ́етъ) ѡ́боже́нїе: ве́щь ꙗ́ще
 и нѣ́когда, (тѣ́ па́че) и ны́нѣ́ рѣ́дка́ и недóбъ ѡ́верѣ́-
 та́ема въ́ безмо́лвнїцѣ́хъ́, скѣ́дсти́ ра́ди тогѡ́, ꙗ́же ѡ́
 содержа́нїѣ́ благода́ти ꙗ́скѣ́сомъ́ возмо́глъ бы́ научїти,
 ꙗ́коже кра́йнїй безмо́лвїѣ́ о́учитель глаго́летъ сѣ́рїнъ́
 сѣ́йїй і́саакъ́ въ́ слóвѣ́, въ́ немже́ ѡ́ дх́овнѣ́мъ́ чѣ́ствѣ́
 начина́етъ ꙗ́вїе́ глаго́лати́ и сї́лѣ́ зрѣ́тельнѣ́й. Глаго́-
 летъ о́убѣ́ ма́гїмъ́ сщѣ́ннѣ́й: *“вгóдѣ́йственны́ свѣ́ты
 глаго́лемъ́, о́ученїѣ́ сѣ́йхъ́, ꙗ́кв свѣ́тъ рѣ́зума́ сотво-
 ра́ющаѣ́ и ѡ́божающаѣ́ повинѣ́ющихсѣ́:”* согласѣ́ ꙗ́вѣ́

мысль и о времени, и о природе», согласно с Богословом, который говорил об этом (Слово 38). «Это, — как еще говорит священный Дионисий (О церковной иерархии), — *есть пир зрения, умственно питающий и обоживающий всякого, кто стремится к нему горѣ»,* начинающего, однако, от созерцания и знания существ, как говорит этот священноучитель там, где он изъясняет священные знамения нашего священноначалия. Как рассказывает и Василий Великий, говоря: «*Когда кто-нибудь, перешедши созерцательным образом красоту в являемом, предстанет перед Самим Богом, видение Которого является обыкновенно только в чистых сердцах, тогда, сделав успехи в высших областях богословия, он может стать и созерцателем*» (Толк. на пр. Исаию). И опять на изречение Давида, говорящего в Духе: «*Поутру предстану пред Тобою и узрю*» (Пс. 5, 4), — Великий [учитель] говорит: «*Когда я предстану пред Тобою и приближусь умом к самому созерцанию Тебя, тогда я восприму зрительную деятельность при свете знания*» (Толк. на пр. Исаию). Подобное же можно услышать и от священного Максима, который в свою очередь говорит то же и указывает прямо, каков и сколь великий успех есть созерцание и познание Бога посредством Писания и твари и что обыкновенно происходит отсюда тот свет знания, благодаря которому бывает блаженное обожение во время взирания, — вещь если и в прежнее время редкая и с трудом встречаемая среди безмолвствующих, то в особенности теперь, вследствие недостатка в лице, которое могло бы научить при помощи опыта, почерпнутого из собственного содержания благодати, как говорит высокий учитель безмолвия святой Исаак Сирин в том слове, в котором именно он начинает беседу о духовном чувстве и созерцательной способности. Так, по крайней мере, говорит священный Максим: «*Богодейственными светочами мы называем учение святых как сообщающее свет знания и обоживающее повинующихся*» (цит. не уст.), — согласно,

всесвященномъ діонісію глаголющемъ: ѿлики ѿны вѣдѣйственны свѣты словесемъ послѣдованнмъ тайное бжественныхъ нашихъ наставникъ преданіе изъавительнѣ намъ дарова, симъ и мы тайнонаучихомса. И ѿндѣ глаголетъ: бжественный разумъ, къ немъ ꙗкоже мѣчно есть горѣ зрачыа, по мѣрѣ ихъ горѣ простираетъ и единотворитъ по простирабельномъ своемъ соединенію. И паки: всако ѿ оца движима свѣтоавленіа происхожденіе въ ны благодаѣтельнѣ приходѣще, паки ꙗкѡ единотворна сила возводителнѣ насъ возводитъ и ѡбращаетъ къ собирателю оца единствѣ, и вѣотворной простотѣ: изъ тогѡ во и въ немъ всаческа (Рим. 11. 15). Разумѣши ли, какъ возводителнѣ по ѡбращенію, сирѣчь бжественнѣ взиранію къ вѣ премодрѣ прострѣвыиса: ѿли ѿ сщнихъ, вѣа горѣ простираася видитъ, ѿли ѿ писаніа, ѿли знаменательна, ѿли каковымибо ѡбразомъ бжественна, соединѣетса съ вѣгомъ и вѣотворимъ есть, не токму же, но и богъ речеса по ѿмени таковой; елицы во, глаголетъ, оумныхъ и словесныхъ къ вѣоначальнагѡ сокровенства соединенію, елика сила по всемъ ѡбратишася, и къ бжественнымъ егѡ ѡсіаніамъ еликѡ достигнѣти мѣчно, непрестаннмъ горѣ простираютса, еже по силѣ аще лѣтъ есть рещи вѣпоподражаніемъ, и вѣескагѡ тождениенства сподобишася. ꙗкоже и григоріа сѣльнагѡ вѣословный ѡзыкъ глаголетъ ꙗвѣ: живѡтное здѣ оустроѣемо, и ѿнаму преставаѣемо, ѡ человекѣ глаголющъ, и конѣцъ тайны, къ вѣ мѣнемъ ѡбожаемо (въ словѣ на рѣтѡво хрѣтѡво, листъ рѡа). И сщенный маѣимъ, мысленный бжественнагѡ писаніа, глаголетъ, видѣ, премѡдростію разумѣвателнаа прешвращаетъ ко ѡбоженію, ѡ еже въ нихъ прешвращеніа словесства, ѡкровеннымъ лицемъ слава гѣню взираючыа. Такъ житіе зрительное трѣветъ

очевидно, со всесвященным Дионисием, который говорит (О божественных именах): *«Сколько других богодейственных светочей тайное предание боговдохновенных наших наставников ясно даровало нам, следуя указаниям людей просвещенных, тому научились и мы»*, — и в другом месте он говорит (О небесной иерархии): *«Божественное ведение горѣ устремляет тех, кто по возможности обращается к нему, в меру их разума, и объединяет в силу простого собственного единения»*. И снова: *«Всякое обнаружение светоявления, нисходящего от Отца, благодетельно проходящее к нам, опять как единотворящая сила, возвышая, упрощает нас и направляет нас к единству и боготворящей простоте собирателя Отца, ибо “из Того и в Нем все” (Рим. 11, 36)»* (О небесной иерархии). Понимаешь ли ты, каким образом мудро устремившийся, простираясь горѣ вследствие обращения, то есть божественного взирания к Богу, или видит Бога, простираясь горѣ от существ, или соединяется с Богом и обоживается от Писания, будет ли оно преобразовательное или некоторым образом божественное, и как даже таковой называется по имени богом? *«Ибо все, — говорит он, — какие только из мысленных и разумных существ по возможности направлены всецело к единству богоначальной сокровенности, непостижимым образом устремляются, насколько возможно, к божественным осияниям его посредством сильного, если позволительно так выразиться, богоподражания и удостаиваются имени тождественного с Богом»* (О небесной иерархии). Как ясно говорит и богословный язык великого Григория, выражающийся о человеке: *«Живое существо, здесь созидаемое, направляемое и переходящее в другое состояние, как высшая степень тайны, обоживается склонностью к Богу»* (ср. Слово 38 и Слово 45). И священный Максим говорит: *«Духовный образ божественного Писания посредством мудрости преобразовывает до обожения познающих мыслителей, так как вследствие преобразова-*

трѣхъ, ꙗже предрекѡхъ, вѣры, и дхѡвна причастїа и вѣдѣнїа премудрости, ѡ хрѣтѣ иисѣ гдѣ нашемъ.

пв. Зрительное съ животворящимъ дхѡмъ житїе, многихъ нѣкїихъ и досточудныхъ видѣнїй мысленныхъ зрителя исполняетъ втайнѣ, ниже тождечастнѣ, ниже оубв внезапнв: но временемъ и долгимъ любовмудремъ, такожде и по чїнѣ, и ꙗки по лѣствицѣ. И овогда оубв сегд оуслышалъ бы еси глаголюща зрѣца превосходствомъ безмѡвїа, и ѡбѣгства всѣхъ, кромѣ вѣа едїнъ есмь азъ, дондеже прейдѡ (Псал. рм, і). Иногда же ꙗки разсмѣвательно ради еже къ сщцымъ ѡбращенїа: ꙗкв возвеличїася дѣла твоѡ, гдї; всѡ премудростїю сотворилъ еси (Псал. рг, кд). И сїе: вонѡ рїзъ твоихъ (Пѣсн. пѣсн. д, і), ꙗкв вонѡ нївы исполнены, юже благословилъ еси гдї (Быт. кз, кз). Овогда возводителнѣе взирати творѣцо, и въ мысленнаа входїти восхожденїа внѣтръ дѣйствуюцо, повинѣетъ глаголати: въ вонѡ муръ твоихъ въ слѣдъ теци ѡмамъ ко вгѣ (Пѣсн. пѣсн. а, г). И сїе: вознесѣ тѡ, бже мой, црїю мой, и благословлю ѡма твоѡ въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Велїй гдѣ и хваленъ сѣлѡ, и велїчїю егѡ нѣсть концѡ (Псал. рмд, а. г). Оудивїса разсмъ твої ѡ менѣ: оутвердїса, не возмогѣ къ немѣ (Псал. рлн, с). Во иныхъ же ецѣ: ты же вышнїй во вѣкъ гдї (Псал. чѡ, ф), и пѡмать твоѡ въ родъ и родъ (Псал. ра, гї): сѣлѡ превознесѣса еси надъ всѣми боги (Псал. чс, ф): ѡ пресщественномъ зрѣнїи пѣти оуготовлѣетъ горѣ простирающїася зрителн. Иногда же во изреченїе подвижаетъ прѣлвственнв зовщїа: нѣсть подобенъ тебѣ въ возѣхъ гдї, и нѣсть

ня в них разума они открытым лицом видят, как бы в зеркале (2 Кор. 3, 18), славу Господню» (Главы богословские и домостроительные, I, 97). Эта созерцательная жизнь требует трех вышеназванных условий: веры, причастия Духа и мудрости знания во Христе Иисусе, Господе нашем.

82. Созерцательная жизнь с животворящим Духом наполняет созерцателя втайне некоторыми многими досточудными умственными зрелищами; не тотчас, не внезапно, но по прошествии некоторого времени и продолжительного научного исследования (тїс фїлософїас), а также в известной постепенности и как бы по лестнице; и иной раз ты мог бы услышать, как этот созерцающий говорит от избытка покоя и уклонения от всего, кроме Бога: «Я один, пока не перейду» (Пс. 140, 10); иногда же вследствие познавательного обращения к существам [говорит]: «Как величественны дела Твои, Господи! Все премудро Ты сотворил» (Пс. 103, 24), и следующее: «Запах одежд твоих, как запах от нивы полной, которую благословил Ты, Господи» (Быт. 27, 27). Иногда же, заставляя взирать с большим устремлением и внушая подниматься к духовным восхождениям, он убеждает говорить: «В благовонии мур твоих поспешу следом за Богом» (ср. Песн. 1, 3), и следующее: «Превознесу Тебя, Боже мой, Царю мой, и буду благословлять имя Твое во век и в век века. Велик Господь и весьма славен, и величїю Его нет предела» (Пс. 144, 1. 3). «Дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу [постигнуть] его» (Пс. 138, 6). В иных же [случаях] он готовится зрителям, устремляющихся горѣ, петь под впечатлением того, что есть пресущественного в видении: «Ты же вышнїй во век, Господи» (Пс. 91, 9), и «память Твоя в род и род» (Пс. 101, 13), «весьма превознесен над всеми богами» (Пс. 96, 9). Иногда же приводит зрителя к ясному выражению в восклицании: «Нет подобнаго Тебе, Господи, между богами, и нет (подобнаго) по делам Тво-

по дѣла́мъ твои́мъ (Псал. пѣ, ѿ). Ёще́ же го́рѣ разꙋмнѣ,
и мѣсто бѣа́ стѣ дѣ́ловнѣ зра́щымъ показꙋетъ, на ню́же
восхо́дятъ, и на не́мже стоа́тъ непови́нни рѣ́кама и
чи́стїи се́рдцемъ. Не то́чию же, но и восхо́жденїа́ си́це до
небѣ́съ, и низхо́жденїа́ до бѣ́зднъ вы́сокихъ и глѣ́бокихъ,
си́рѣчь, та́инъ дѣ́ха подаётъ ви́дѣти. И о́вогда оꙋ́бо къ
ви́дѣнїю ли́чнагѣ въ трѣ́цѣ зрѣ́тельства приво́дитъ чꙋ́д-
нѣ: о́вогда же въ ви́дѣнїе и́иса, и смотрѣ́нїа е́гѣ во
плѣ́ти, и послѣ́дствꙋющихъ е́мꙋ та́инъ преестѣ́ствен-
ныхъ со оꙋ́жасомъ взира́ти ѡбꙋчаётъ. И тогда ѡ́ню́дъ
по мно́гихъ и блѣ́женныхъ ви́дѣнїихъ, ника́коже ѡстав-
ля́етъ зра́щаго, а́ще не и въ са́маа нѣ́дра бѣ́жа нево-
вѣра́знѣ, сѣ́ле благода́ти! введётъ просвѣ́щеннаго во и́с-
тиненъ поко́й несказа́ненъ, и насла́женїе дѣ́ловно преес-
тѣ́ственно. Да не въ пи́анство глаго́лю до́брыхъ бѣ́жихъ и
бѣ́жественнѣ́йшее и́зстꙋплѣ́нїе, въ нѣ́дра о́на преблаго-
словѣ́нна: мно́гꙋ глѣ́бинꙋ и́мꙋща бѣ́жественныхъ та́инъ, и
довольнѣ́ ко ѡцѣ́щенїю пресꙋ́щества бѣ́жа приближаю-
щася. И́же нѣ́дра наслѣ́дїе ѡ́ нача́ла и́мѣ и авраа́мъ,
внегда и са́мъ бѣ́ж жре́бїи бы́сть авраа́мовъ, по е́же: азъ
е́смь бѣ́ж авраа́мовъ (Матѣ. кв, лв). Бѣ́ж оꙋ́бо и́зра́днѣ
авраа́мовъ сы́и бѣ́ж, послѣ́дованнꙋ и бѣ́жа нѣ́дра, нѣ́дра
авраа́мова сꙋ́тъ. И въ нѣ́дра оꙋ́бо бѣ́жа, или нѣ́дра
авраа́мла хотѣ́лъ бы кто́ глаго́лати возво́дѣ, вво́дитъ
со вса́кою простото́ю, съ пресꙋ́лꙋ любите́льнымъ весе-
лѣ́емъ, (и) ѡбожаётъ вои́стиннꙋ, и бла́женна возꙋст-
ро́летъ съ дꙋше́вною сла́достїю и сꙋ́льнымъ красо-
ва́нїемъ неизрече́ннымъ, житїе́ зрѣ́тельное въ дѣ́лѣ, оꙋ́мъ
премꙋ́дрости прїе́мшагѣ и поꙋче́нїе сꙋ́лꙋ твора́щагѣ
го́рѣ зрѣ́ти, ѡ хрѣ́стѣ и́исѣ гдѣ́ нашемъ, а́минь.

пг. Поне́же и тва́рь и писа́нїе бѣ́жимъ сло́вомъ про-
стро́шася, и дѣ́ловнѣ зрѣ́ма, оꙋ́мъ и вса́ си́лы е́гѣ

им» (Пс. 85, 8), а также показывает духовно созерцающим
разумную гору, на которую восходят, и святое место Бо-
жие, на котором стоят «неповинные руками и чистые
сердцем» (Пс. 23, 3–4). Но сверх того дает возможность
видеть таким образом пути восхождения до высоты небес
и нисхождения до глубины бездн, то есть до тайн Духа; и
иногда удивительным образом ставит даже перед созер-
цанием личного видения в Троице, иногда же среди
изумления располагает к созерцанию Иисуса, Его домо-
строительства во плоти и следующих за ним преестест-
венных тайн, и тогда после многих и блаженных видений
он никаким образом не оставляет созерцающего, не введя
его, небывалым образом просвещенного, — о дивная бла-
годать! — на самое лоно Божие, в истинный покой, и не-
изреченное отдохновение, и духовное и преестественное
наслаждение, чтобы не сказать упоение, красотами Бо-
жими, и в божественный восторг — в те преблагосло-
венные недра, заключающие в себе великую глубину бо-
жественных таинств и в достаточной степени прибли-
жающиеся к ощущению пресущественности Божией, в те
недра, которые в наследие свыше получил и Авраам, ко-
гда и Сам Бог стал жребием Авраама по выражению: «Я
Бог Авраама» (Быт. 26, 24). Поэтому как Бог есть Бог Ав-
раама по преимуществу, то, следовательно, и недра Бо-
жиеи суть «недра Авраамовы» (Лк. 16, 22). Итак, созерца-
тельная жизнь в Духе, возвышая, вводит в недра Божии,
или, если кто хочет иначе выразиться, на «лоно Авраамо-
во», во всякой простоте и весьма отрадном веселии; она
действительно обоживает и среди душевной сладости и
вполне невыразимого наслаждения приводит в состояние
блаженства ум, причастный мудрости и возможно более
упражняющийся во взирании горѣ на Христа Иисуса,
Господа нашего.

83. Так как и тварь, и Писание прояснены Словом Бо-
жиим и все созерцаемое, видимое духовно, утверждает ум

оутверждають къ вѣію взиранію, и разумѣнію, прежде дѣйствуемъ сердце и неподвиженъ дхѳвнѣ: премудрѣ сѣлѳ глаголетъ оуча сцѣенный дѣдъ, когда слѳвомъ гднимъ оутверждаются оумове, иже нынѣ небеса нарицають, и вса сила ихъ дхѳомъ оустъ егѳ. Когда оубо; внегодѣ авлѣетса исполнь мысленная земля, сирѣчь сердце наше милости гдни, дхѳодвижныхъ сирѣчь силы и дѣйства и движеніа благошцѣтительнѣ и іавѣ. Прежде же даже дѣйство и силѳ и движеніе въ сердце оумъ не ѳщѣтѣтъ, не токму не вѣдетъ имѣти крѣпости ѳ еже тварь и бжѣственное писаніе зрительнѣ и дхѳвнѣ разсмотрѣвати, и совокѳплѣти во єдинъ разумъ іаже въ нихъ, но и страхъ сѣлѳ множайшъ излише бываетъ, да не когда погібнетъ слѣ возмечтѣвъ. Темже оубѳ ѳще что хотѣли быхомъ восприлѣжати еже вѣа ѳ писаніа зрѣти и твари, єдиновиднѣ же и єдинственновиднѣ мнѳгѣа винѣ сѳщихъ и зрительства въ єдинъ разумъ и дхѳ собирающе, єдиновидно и просто безвидно видѣніе зраще съ безпредѣлемъ и безконечіемъ и безначаліемъ: еже внѣтръ сердца нашегѳ первѣе ѳверѣсти възыщемъ сокровище, и помѳлимъ вѣа сѣа, исполнити зѣмлю нашѳ милости своеѳ: и тогда ѳще бы была каа сила горѣ, ѳставимъ свободнѣ оумъ къ вѣію разумѣнію єдиновиднѣ, іакоже речѣса и єдинственновиднѣ, просто, безвиднѣ, присносѳщнѣ, безконечнѣ и безпредѣльнѣ, видѣніемъ и помѳщію слѳва же и дхѳа.

їд. Внегодѣ чѳвствами и простыми завѣщаніи дѳши, еже по заповѣдемъ теченіе добродѣтельми съ мудрованіемъ смиреннымъ, въ терпѣніи и оупованіи, сѳщемъ вѣрою совершающѳ человекѳ, животворѣщаа и присноисточающаа сѣагѳ дхѳа сила, негли и дѣйство въ сердце пріидетъ просвѣщѣющіи воистиннѣ силы дѳшевныа, єстѣственнѣ двѣжима превлѣннѳ и подвижающіи

и все силы его ко взиранию и разумению Бога, причем сначала духовно испытывает их действие и влияние сердца, то, в высшей степени мудро поучая, говорит в одном месте священный Давид, [что] «Словом Господним» утверждаются умы, которых он называет в данном случае небесами, «и Духом уст Его — вся сила их» (Пс. 32, 6). Когда же именно? «Когда духовная земля», то есть сердце наше, вполне ощутительно и очевидно является полным милости Господней (Пс. 32, 5), то есть духодвижной силы, действия и движения. Но прежде нежели ум ощутит в сердце действие, силу и движение, он не только не будет иметь крепости от созерцательного и духовного рассмотрения твари и божественного Писания и от сведенія в один смысл того, что в них заключается, но сверх этого ощущается и очень большой страх, как бы ему не погибнуть от несообразности своих представлений. Вследствие этого именно если бы мы, положим, вздумали предаться созерцанию Бога из Писания и твари, єдиновидно и єдинственновидно обобщая многие значения и созерцания существ в один смысл и дух, видя єдиновидное, простое и безвидное созерцание в неограниченности, беспредельности и безначальности, то постараемся прежде найти сокровище внутри сердца нашего, и умолим Святого Бога исполнить землю нашу Его милостию, и тогда, по возможности, свободно предадим горѣ ум разумению Бога, как сказано, єдиновидному и єдинственновидному, простому, безвидному, вечному, бесконечному и безграничному, при созерцании и помощи Слова и Духа.

84. Когда человек вследствие прямых и простых расположений души совершает течение в добродетелях путем добродетелей {заповедей}, со смиренными мыслями, в терпении и надежде, основанной на вере, и животворящая и приснотекущая сила и действие Святого Духа водворится в сердце, действительно просвѣщая душевные силы естественным и явным движением своим, и, утешая,

къ себѣ призываетъ, ꙗже дѣйствомъ оумъ сѣлѡ скорѣйше, ꙗ неизреченнѡ соединѣется съ нимъ, ꙗкоже быти воистиннѡ оумъ ꙗ благодати тогда безпрекословнѡ во единѡ дхъ: тогда воистиннѡ, тогда оумъ самъ ѡ себѣ приходитъ дхновеніемъ нанѡ благодати помоществоемъ ко еже зрѣти, ставъ ꙗвѣ ꙗкѡ несказанно ѡ здѣшнагѡ ѡбношеніа ꙗ ѡкрестъ скитаніа дѣйствіемъ ꙗ свѣтомъ животворѣцагѡ ꙗ стѣагѡ дха: ꙗ во ѡкровеніа приходитъ таиннѡ бжественныхъ мысленныхъ, ꙗ молчаніемъ всѣчески ꙗ безмолвнымъ своимъ естественнымъ взоромъ входити достижаетъ въ преестественна неизреченна: ꙗ толикѡ паче зрѣтъ, ꙗ вгослѣмъ бываетъ, ꙗ ко еже бга, еликѡ мощно, зрѣти горѣ простирается съ вѣжествомъ бжественныхъ, ѡ сціенныхъ собранныхъ чтеній, еликѡ по сравненію безмолвствуетъ смирается ꙗ молася дѣйствуемый ѡ бга стѣимъ дхомъ. Тогда оубо ни ѡ еже вгослѡвити есть кромѣ, но кѡпнѡ ꙗвѣ есть самою вещью вгослѡвъ, ꙗ не вгослѡвити не терпитъ, ꙗ вынѡ. Безъ дара же небесна реченнагѡ, ꙗ безъ дха ꙗвѣ приснодвижнѣ дышѡцагѡ въ сердцѣ, ѡле! еликѡ оумъ зрѣтъ, мечтаніа сегѡ сѣть: ꙗ елика вгослѡвитъ, словеса сѣетнѣ сѣть на воздухъ проливаема, чѡство души не возбѣждающа ꙗкоже подоваетъ, ꙗ ѡ слѡха дѣйствуемъ есть, ꙗ словесъ приходѣщихъ ѡвнѣдѡ: ѡнѡдѡже вселютамъ прѣлестъ мысленныхъ ꙗ самагѡ вгослѡвѣа прѣсѣлѡ слѣ прѣитъ вхѡдъ, не въ сердцѣ дѣйствуема ѡ просвѣщающагѡ дха, ѡнѡдѡже мысленныхъ единовѣднѡ ꙗ вгослѡвѣа непрелѡжнаа есть истина. ꙗбо въ немже, соборнѣ реци, сердцѣ не присутствуетъ ꙗвѣ причастникѡ животворѣцаа ꙗ просвѣтительнаа дха сила, ꙗ дѣйствомъ присноистекательнѣ ꙗли дышѡщи, хотѣлъ бы ктѡ глаголати, ꙗли текѡщи: соединеніа нѣсть тамѡ мысленна, но паче раз-

направляет к себе возможно скорее деятельность ума, и несказанно соединяется с ним, так что действительно ум и благодать в это время несомненно соединяются в один дух, — тогда, именно тогда ум сам собою, вспомоществуемый вдохновением благодати, переходит к созерцанию, невыразимо прекративши, конечно, действием и светом животворящего и Святого Духа здешнюю рассеянность и блуждание, и доходит до откровения божественных духовных тайн, и всевозможным молчанием и спокойным собственным естественным взором достигает вступления в сверхъестественные невыразимые таинства, и настолько более он созерцает и бывает богообъемлем и простирается, по возможности, видеть Бога со знанием божественного, собранного из священных чтений, насколько он разумно уединяется, смиряясь и молясь при содействии помощи Божией во Святом Духе. И поэтому он тогда не бывает также и вне богословствования, но именно одновременно с этим он на самом деле бывает богословом и не может не богословствовать даже непрестанно. Но увы! все то, что только ум видит без названного небесного дара и, следовательно, без Духа, ясно приснодвижно дышащего в сердце, — это только его мечты, и сколько бы он ни богословствовал, все это пустые слова, проливаемые на воздух, не пробуждающие как следует чувства души: ибо он находится под влиянием слуха и слов, идущих извне, откуда главным образом, к несчастию, нашло себе доступ всепагубное блуждание умопредставлений и самого богословия, а не из сердца, вдохновляемого наитием просвещающего Духа, откуда происходит единовидная истина умопредставлений и непреложная истина богословия; ибо, вообще говоря, во всем том, и конечно, и в сердце, где у причастника присутствует явно животворящая и просветительная сила и действие Духа, или дыша, если угодно так выразиться, или истекая в непрестанном обилии, — там не бывает умствен-

дѣленіе, ни сила и стоаніе, но немошь и прелогъ: ниже оубо подобнѣ свѣтъ и зрѣніе истины, но паче тма и мечтаніа сѣтное вовбраженіе, и ѿнюдъ безсловесіа и прелести пѣть. Ибо въ тріехъ чинѣхъ, или пѣтѣхъ, по отцѣмъ, проходить могой оумъ, естественнѣ сирѣчь, превышеестественнѣ, и противѣ естества: егда въ подлежащемъ нѣчто мысленно оумъ видитъ, по естествѣ зрѣтъ, обаче съ дѣйствомъ превышеестественнымъ дѣа: егда же ѱпостаснѣ зрѣтъ, а не въ подлежащемъ, вѣса негли, или аггла, аще оубо соединенъ бысть оумъ въ мірѣ, и просвѣщеніе дѣа возжигаетса сѣльнѣе, преестественнѣ зрѣтъ, іавѣ же іакъ и непрелестнѣ. Аще же зримая зра, раздѣлаетса и помрачаетса оумъ, и сила животворяща оугашаетса, противѣ естества зрѣтъ, и прелестъ естъ оно зрѣніе. Сегѡ ради горѣ простиратса оумѣ къ зрѣнію дѣовнѣ ѱпостаснѣ не подобаетъ, ниже зрѣнію вѣровати и кимлибо ѿобразомъ, не дѣйствуемѣ по предлежащимъ сердцѣ, и не движимѣ ѿ силы стѣгѣ дѣа, аще хотѣли быхомъ здравствующа быти оума и цѣломѣдренна.

пѣ. Нѣцыи небесною росію благодати распаленіе своихъ страстей пресѣлѡ дѡврѣ творѣще исцѣлѣти покѡшуютса. Ѿ нихъже воистиннѣ писано естъ: роса, іаже ѿ тебе, исцѣленіе намъ вѣдетъ (Исаіи кѣ, ѡі). Нѣкимъ же сіа реченная роса, большимъ нѣкакъ застѣпленіемъ бжественнымъ соединиса, и въ маннѣ претвориса, и аки нѣкакъ ѿ нѣкїа пшеницы хлѣботвориса сокрѣшеніемъ сердечнагѣ смиренїа, и водою слезъ, и огнемъ дѣовна разѣма: достѡйнѣ сїе и сѣлѡ влѣпотѣ пострадавши, и въ снѣдѣ аггловїднѣ приичесствующѣ бѣвши. Ѿ нихъже благословнѣ іакъ наинѡжайше речеса: хлѣбъ аггльскїй іадѣ человекѣ (Ѵал. Ѧз, кѣ). Сѣтъ иже по предспѣланїю

ного единства, но, скорее, — разделение, не бывает силы и остановки, но слабость и изменчивость, также, равным образом, нет там света и видения истины, но, скорее, мрак, и пустой вымысел мечтания, и вообще путь бессмыслия и самообольщения. Ибо ум, по учению отцов, может проходить область созерцания тремя способами, или путями, то есть естественно, сверхъестественно и противоестественно. Когда ум видит в предмете что-нибудь духовное, то он видит по природе, однако же при сверхъестественном действии Духа; когда же он случайно видит в личном образе, а не на предмете, демона или ангела, то, если ум объединен в міре и просвещение Духа возжигается сильнее, он видит сверхъестественно и, как очевидно, не заблуждаясь; если же ум, смотря на видимое, разделяется и помрачается и угасает животворящая сила, то он видит противоестественно, и это видение свойственно заблуждению. Поэтому, если только мы желаем быть в здравом и целомудренном уме, нам не должно ни простирать ум к духовному видению в личном образе, ни даже каким бы то ни было образом доверять видению, если сердце не направляет выше указанным образом своей деятельности и движения силою Святого Духа.

85. Некоторые пытаются небесною росію благодати врачевать распадение страстей своих и поступают, конечно, весьма хорошо. О них, очевидно, и написано: «Роса, которая от Тебя, исцелением нам будет» (Ис. 26, 19). А у некоторых эта так называемая роса как-то соединяется с большим божественным восприятием, и превращается в манну, и как будто бы из какого-то зернового хлеба некоторым образом делается печеным через сокрушение сердечным смирением, водою слез и огнем духовного разума, причем достойным и вполне естественным образом она подвергается этому действию [благодати] и становится настоящею ангеловидною пищею. Об этом, главным образом, применительно к смыслу, и сказано: «Хлеб ан-

вѣшшимъ нѣкимъ ѡбразомъ, вѣсть и вѣдится свое
 ѡхъ естество манны ѡвѣ. ѡ нихже еѡлѣ глаголетъ:
 рожденное ѡ дѡхъ дѡхъ есть (Іѡан. 7, 5). Первый чинъ
 есть безмолвникъ премудрыхъ: (а) ѡже по немъ, и
 молчанію прилежащихъ съ бжественнымъ разумомъ:
 третій же, простертыхъ по всемъ и измененныхъ ѡ
 хртѣ іисѣ гдѣ нашемъ.

пс. Извѣгъ благодати, ѡкоже подобаетъ, фараона
 и египта, и тамошнихъ лютей и притрѣдныхъ мыс-
 леннѣ оумъ еще же и влаюцагъ волны страстны горес-
 ти, и сланыя слобы плотскагъ житіа: и въ мысленнѣю
 пѣстыню пришедъ, ѡвѣ ѡакъ въ навикновеніе избавль-
 шееса фараонитъ мысленныхъ: и совѣтитѣ рецѣи, при-
 ключающагъ тогда евреемъ по чѣствѣ лютаа мыс-
 леннѣ и пострадавъ и избавльса, манны по послѣдо-
 ванію ѡстъ мысленнѣ чѣствомъ дѡши твердѡ, ѡже
 ѡбразъ древле ѡдѡше ісраиль чѣственнѡ. И въ нача-
 лѣхъ оубѡ ѡвогда воспоманѣвъ желаетъ мысленныхъ,
 ѡкоже чѣственныхъ ѡни мѡсъ, жертвѣ египетскихъ,
 прибѣдственнѡ ѡакъ наинмѡжайше, и ничтѡже мнѣе и
 погрѣшителнѡ, и бжественна оубѡ искѣсъ прѣмлетъ
 ѡвращеніа, дѡндеже бы мольбою пакиверѡтнагъ по-
 каеніа еѡа приличнѣ оумилостивилъ. И прочее оубѡ ѡще
 манны частѣе насыщѡется съ безмолвѣемъ, времени
 предѣдѡщѣ и благодати емѣ прилѡжшей посѡбѣе же и
 силѣ, мысленнѣю плѡть свою въ естество манны ѡбра-
 зомъ симъ прелѡжшюса, ѡкоже бы ктѡ рекъ, ѡвѣ
 зрѣтъ сѣлѡ ѡснѣ. Сѡтъ же таковѡмъ ѡдѡщемъ манны,
 вѣсы дѡхѡвны, ѡмиже прѣемла мѣрою манны, мѡжае
 никакоже собирѡетъ дневныа своеа пици: да не возчер-
 вѣвшиса, ѡакъ превѣше оумѣренности, всѡ погѣбитъ: и

гельский ел человек» (Пс. 77, 25). Но есть люди, для кото-
 рых по мере преуспѣяния каким-то более возвышенным
 образом их собственная природа явно становится и явля-
 ется манною. О них Евангелие говорит: «Рожденное от
 Духа дух есть» (Ин. 3, 6). Первый разряд — мудрых без-
 молвников, следующий за ним — подвизающихся в мол-
 чании с божественным познанием, а третий — тех, кото-
 рые вообще стали просты и изменились во Христе Иису-
 се, Господе нашем.

86. Духовно избежав по благодати, как подобает, Фа-
 раона, Египта и тамошних ужасов и тягостей, а также и
 плотской жизни, поднимающей страстные волны горечи
 и едкой злобы; ставши в духовном уединении, то есть в
 положении, свободном от духовных фараонитов, и, во-
 обще говоря, испытав и избавившись в духовном смысле
 от бедствий, тяготевших в то время чувственным образом
 над евреями, ум вслед за тем безопасно вкушает душев-
 ным чувством духовную манну, образ которой древле
 вкушал Израиль чувственно (см. Исх. 16, 35). И вначале
 при воспоминании он желает иногда духовных жертв
 египетских, как тех вещественных мяс (см. Исх. 12, 8), по
 большей части с опасностью и в такой же степени неуве-
 ренно, и, конечно, при этом он испытывает отвращение
 от себя божества, пока мольбою при снова возвращаю-
 щемся раскаянии подобающим образом не умилостит
 божества. И, конечно, если ктонибудь чаще насыщается
 манною в спокойствии, то с течением времени, когда бла-
 годать станет придавать ему значение и силу, он, очевид-
 но, очень ясно видит, как духовная плоть его некоторым
 образом претворяется в природу манны, как можно было
 бы сказать; но у такого ума, ядущего манну, есть духов-
 ные весы (ср. Лев. 19, 36) и весовые чаши, пользуясь ко-
 торыми как мерою для манны, он собирает никак не бо-
 лее того, сколько потребно для своего дневного пропита-
 ния, чтобы, собранная в количестве, превышающем уме-

спогиваетъ съ нею безпищїемъ, оумѣренности не блюдыи оумъ. Ивлєнъ же оубо былъ бы маннѣ ядыи оумъ, занє ничтѣже каковѣлибѣ ино ядыи, жизнь живѣтъ проявлєннѣ лѣшѣ, всѣкагѣ чтолибѣ и каковѣлибѣ ядѣщагѣ, глаголю же мыслєннѣ. Обѣче якоже преложїса нѣкакѣ и тѣи навѣковѣнїемъ питанїа въ качество якоже рещи маннѣ, знаменїе єсть непохотѣнїе каковылибѣ чѣждїхъ, иже бѣ желѣа первѣе, и єгда вездѣ маннѣ ясти мѣжетъ, и младєнецъ бѣдетъ вѣочєстїю прилѣпївсѣ. Обѣче же не чѣдно преложїтїсѣ комѣ въ качество (тогѣ), єгѣже частѣ кѣшѣетъ, и вѣременѣ насыщѣетсѣ долгимъ: нїже въ качество маннѣ оумѣ претворѣнїе каколибѣ пѣче подобѣющагѣ могло бы бѣти. Єстєственнѣ во частѣ прїемлемѣа пища, прелѣгѣти ѡбѣче къ себѣ питѣемое. Тогда же не токѣмъ ѡггѣа чїнъ содѣржитъ оумъ явѣ, но и вѣжєстєннагѣ сыноположенїа причѣстникъ бѣвѣетъ, достовѣрнѣ ѡ славы дѣховныѣ въ славу приводїмъ. Не токѣмъ къ єдїномѣ взїрѣа, но и самъ къ себѣ бѣвѣа єдїно, и въ сѣмъ живїи и премїрнѣ наслаждѣа. И да сїце рекѣ наслаждѣа тѣинственнѣхъ неизглаголаннѣхъ вѣовїднѣ и вѣолюбєнѣ во стѣмъ дѣѣ. И оубо нѣкакѣ по вїдимымъ и поємымъ воїстиннѣ бѣвѣа, якоже и въ качествѣ маннѣ зрѣти себѣ. Обѣче сѣи чїнъ вѣшшїи єсть и чєстнѣйшїи многѣ, познѣвагѣ себѣ маннѣ оубо ядѣща, не оубо же и въ качество нѣкое маннѣ себѣ преложєнна. Занє первѣе оубо мѣчно єсть нѣгли пострадѣти въ начѣлѣхъ въ себѣ мыслєннѣмъ соєдїнѣнїемъ оумѣ соєрѣвѣсѣ: вторѣе же явѣственнѣйша соєдїнѣнїа, и разѣмнѣхъ тѣинъ ѡкровѣнїе, и крайнѣ ѡрѣшенїа єже ѡ всѣхъ, и препрѣстѣрта оумѣствованїа явлѣнїе єсть ясно.

ренность, сделавшись добычею червей, она не погибла вся, а вместе с нею от недостатка пищи не погиб и ум, не соблюдающий меры. Может же быть заметно, что ум, ядущий манну, если он не питается чем бы то ни было другим, явно проводит лучшую жизнь, нежели всякий ядущий что бы то ни было и как бы то ни было, говорю же духовно. Однако признаком того, что и сам он от свойства питания некоторым образом переходит, так сказать, в качество маннѣ, служит отсутствие стремления к чему бы то ни было постороннему, чего он желал прежде, и когда он повсюду может есть манну и станет младенцем, прилепившись к благочестию; да ведь, конечно, и неудивительно, что кто-нибудь переходит в качество того, что он постоянно вкушает и чем насыщается в течение долгого времени. И превращение ума в свойство маннѣ не может никаким образом быть неправдоподобно, ибо постоянно и непрерывно принимаемая пища естественным образом имеет свойство превращать в себя питаемое. Тогда ум не только явно занимает положение ангела, но и становится участником божественного сыноположения, достойным образом переходя «от духовной славы в славу» (ср. 2 Кор. 3, 18), не только взирая на Единое, но и становясь сам с собою единое, и в нем он живет, и премїрно наслаждается, и, так сказать, вкушает невыразимых таинств боговидно и боголюбезно во Святом Духе, и действительно становится некоторым образом в соответствии с видимым и с воспеваемым, так что видит себя в состоянии маннѣ. В этом положении он гораздо выше и почетнее того, который знает, что он ест манну, но не превратился в некоторое состояние маннѣ. Ибо первое состояние можно иногда испытать при первоначальном собрании ума в мыслєнное единение с самим собою, второе же есть ясное проявление более очевидного единения, откровения разумных тайн, высокого отрешения от всего и наиболее упрощенного умозрения.

пз. Прѡстѣ ѣсть ѣстествомъ оумъ, занѣ и то, егѡже ѣсть ѡбразъ, прѡсто ѣсть, ѡвѣ же ѡкѡ вжѣственное. Сый оубѡ такѡвъ, прѡстѡ и дѣйствовати любитѣ. Всѡкѡ бо, тожде ѣстествомъ, любитѣ. Различенъ же ѡвѡче бывѡетѣ не себѣ ради, но чѡвствѣ ради и чѡвственныхъ, ѡмиже семѣ сѣтъ мысленныхъ преѣмства. Внѣгда же слѡво свое междѣ собою и чѡвствами съ чѡвственными поставитѣ истѡзѡюще и сѣдѡще разѡмнѣ, елику мѡчно, ниже чѡвства немоцнѣйша прилѣчествѡющагѡ поставлѡюще ниже доброты чѡвственныхъ, или помрачѡюще оунылѡ, или предпочитѡюще недѡбльственнѡ, и оумѡ державѣ сѡмъ дѡлѣ подмѣщѡще, раздѣлѡюще же цѣломѡдреннѡ прилѣчествѡющее комѡждѡ: тогда ѡбѣ оумъ самагѡ себѣ бывѡетѣ едѡнственъ и прѡстѣ, ѡкоже ѣсть ѣстествомъ, пѡки бывѡл, и раздѣльныхъ ѡстоѡл, и пѡки ѣстѣственнѣ начинѡетѣ любити едѡное и прѡстое и едѡнственнѣ и прѡстѡ дѣйствовати: ѣже оубѡ любѡл, ѡщетѣ: и ѡцѡл, летѡнѣ свое превѡше всѡкагѡ сотворѡетѣ сложѣнѡл, дѡндеже бы ѡврѣлѣ воистиннѣ и своѡственнѣ едѡное и прѡстое, ѣже ѣсть вѣтъ: егда воистиннѣ и подѣ едѡнѣма сегѡ крылѡма нынѣ оубѡ покрывѡемъ, ѡвогда же возвышѡемъ веселѡтсѡ, ѡкоже подобѡетѣ веселѡтсѡ вѣострегѡмѣ и вѣоносѡмѣ оумѣ.

пн. На разсмотрѡтельное дѡши ѡки мрѡчна нѣкаѡ девѣлѡсть нападѡши ѡже ѡ страстѣй, ѡна зрѣти вмѣстѡ сѣцагѡ сотвори: егда же частѡю молѡтѡю и исполненѣемъ заповѣдей, и горѣ прѡтѡженѣемъ къ видѣнѡю вжѡю благодѡтѡю оумъ раздѣлитѣ речѣннѡю мрѡчнѣ девѣлѡсть ѡ себѣ, ѡвѣ зрѡтѣ ѡкѡ зрѡтѣ вѣѡ, сказѡтелѡ никакоже ѡ семъ трѣбѡл, ѡкоже не трѣбѡетѣ ѡмѣцагѡ наѡчѡити зрѡцѡй чѡвственнѡ, ѡще стѡжѡющѡл и ѡсѣнѡющѡл вѣци не ѡмѡтъ на зѣницѣ ѡчесѣ. ѡкоже бо прѡсѡвоѡютсѡ чѡвственнѡ чѡвствамъ здравѡымъ сѣ-

87. Ум от природы прост, потому что просто и то, образ чего он есть, то есть божествен. Будучи же таков, он любит и просто действовать. Ибо все любит тождественное себе по естеству. Но ум ощущает разнообразные впечатления не сам собою, но посредством чувства и постигаемого чувствами, при помощи которых у него происходит восприятие умственных предметов. Когда же он поставит между собою и чувствами с предметами их постижения свое собственное разумение, которое по возможности умело разбирает и судит, и ни чувств не делает слабее должного, ни легкомысленно помрачает или неблагородно превозносит красоты чувственных предметов и пренебрежительно унижает пред ними силу ума, но благоразумно отдает каждому должное, — тогда тотчас ум становится единым с собою, приходя в прежнее состояние простоты, как он был от природы, и уклоняясь от раздельного, и снова естественно начинает любить единое и простое и деятельность единственную и простую, и, любя именно ее, он ищет, а ища — делает свой полет превыше всякого соединения [с чем бы то ни было], пока не найдет истинно и существенно Единого простого, что и есть Бог. Тогда именно одними только крылами Его то покрываемый, то возвышаемый ум веселится, как естественно ему предаваться веселию, когда он богохраним и богоносим.

88. Облако страстей, нашедшее на рассмотрительную часть души как бы некая мрачная толща, заставляет видеть иное вместо того, что есть в действительности. Когда же частою молитвою и исполнением заповедей и устремлением горѣ к созерцанию Бога ум при помощи благодати уничтожит названную мрачную оболочку, он сам собою видит ясно, что [зрит] Бога, никаким образом не нуждаясь для этого в истолкователе, как видящий чувственно не нуждается в том, кто мог бы указать, если только на зрачке своего глаза он не имеет чего-нибудь раздражающего и затемняющего. Ибо как постижимое чув-

цымъ, сице мысленна помышленіемъ оусвоаются, чистымъ сщцымъ ѿ облака страстей: и ꙗкоже ѿ чувствительна понатіа чувственныхъ есть постиженіе, такъ ѿ мысленнаго взираніа мысленныхъ зрѣніе бывати ѿбыче: по ниже безвидное благодатию и некачественное и безмечтанное и простое видѣніе: еже оудержанна имѹще оума, всѣхъ чувственныхъ же и мысленныхъ каковыхълибо ѿрѣшенна творитъ. Въ безконечіа неубѣтїа же и непредѣлїа глубинѹ егѡ со оужасомъ и оудивленіемъ, ꙗкоже не возможно есть сказати слѡвомъ, заключающе.

пѡ. Ѿ вѣко всѣхъ видимыхъ и разумѣваемыхъ сый началѡ, вседержителю! началѡ имѣа безначальность не созданне, и ѡпредѣленіе непредѣльность безконечне, и естество преестествоность неубѣте, и сщество пресществоность необышне, и видѹ оубѡ безвидіе невидиме, и свойство присносщцность нетлѣнне, и ѡбразъ неубразіе неизслѣдне, и мѣсто неуписанность непредѣльне, постиженіе же непостижность неиспытанне, и разумъ и видѣніе, невидимость же и несказанность непристѹпне и неубмысленне, и слѡво неубщанность неисповѣдиме, и сказаніе несказанность неизглаголанне, и недомысленность разумѣніе недомысленне, и ѡнюдъ положеніе еже паче всѣхъ ѡатїе. Ѿ преблаже! весь еси чѹдо и тихость и дерзновеніе и любви, и сладость и душевеселїе, и оупованїе вкѹпѣ во всѣхъ и воистиннѹ безпеченіе и радость воупостаснаа едина слава, и царство и премѹдрость и сила сегѡ ради изстѹпленіе ѿ всѣхъ видимыхъ, и покой ѿ всѣхъ разумѣваемыхъ естествоннѣ неизреченнѡ еси, и оупокоенїе къ тебѣ чѹдно зрацымъ та съ причастїемъ стѡгѡ твоегѡ дѡха. Ѿ несказанне бже!

ствами усвоается чувствами, когда они здоровы, так умопостижимое становится достоянием мыслей, чистых от облака страстей, и как от чувственного восприятия обыкновенно происходит постижение чувственного, так и от умственного взирания — видение умственного, после чего по благодати Божией бывает безвидное, бескачественное, невоображенное и простое созерцание Бога, которое, сдерживая ум, делает его свободным от всего чего бы то ни было, постигаемого чувством и умом, заключая его в глубину бесконечности, непостижимости и безграничности в изумлении и удивлении, которых нельзя выразить словом.

89. О Владыко, Вседержительное начало всего видимого и умозримого, Несозданный, имеющий безначальное началом, и Бесконечный, имеющий границу безграничное, Необъятный, имеющий преестествоное Своєю природою, Неосуществленный как имеющий существом пресуществоное, Невидимый, имеющий видом Своим безвидное, Нетленный, имеющий свойством Своим присносущее, Неисследимый, имеющий безобразное Своим образом, Безграничный, имеющий местом безграничное, Непостижимый, имеющий постижением непостижимое, Неприступный и Недомыслимый, знанием и созерцанием имеющий незримое и непознаваемое, Неисповедимый, имеющий словом безгласие, Несказанный, имеющий изъяснением неизъяснимое, Непонятный, имеющий мыслию недоступное уму, Превысший, имеющий вообще Своим положением возвышение над всем. Весь Ты — чудо, мир, упование, любовь, сладость, душевное веселие, упование во всем (букв. «во всех»), воистину свобода от забот и радость, единственная воипостасная (ἐνυπόστατος) слава, царство, мудрость, сила. Поэтому Ты, несказанный Боже, естественно становишься невыразимо отрешением от всего видимого, упокоением от всего умозримого, и в Тебе обретается дивный покой для созерцающих Тебя, с причастием Святого Духа.

Ѣ. ЧѢДИМО ЖЕ, ВЪЖЕСТВЕННОЕ СІРѢЧЬ, ЛЮБИТСА ВЪЦІШЕ: ЛЮБИМОЕ ЖЕ, ѠЧИЦАЕТЪ, ГЛАГОЛЕТЪ БГОСЛОВНЫЙ ГРИГОРІА ГЛАСЪ: ѠЧИЦАЮЩЕЕ ЖЕ, БГОВІДНЫ СОДѢВАЕТЪ: ТАКОВЫМЪ ЖЕ БЫВШЫМЪ, ІАКЪ СВОИМЪ ОУЖЕ ПРИВЕСѢДѢТЪ. Но не ТОКМУ СІЦЕ БГЪ, но и ѠЧИЩІИСА ѠНЮДЪ, ІАКЪ СВОИМЪ ДѢХОМЪ и ИСТИНОЮ ВЪЖЕСТВЕННЫМЪ и БГЪ СОВЕСѢДѢЮТЪ. ТѢМЖЕ и БГОСЛОВЪ НАВОДИТЪ: БГЪ БОГѠМЪ СОЕДИНАЛСА ЖЕ и ПОЗНАВАЛСА. ЗРИШИ ЛИ ЧѢДНОЕ СОЕДИНЕНІА; БГЪ БО, ГЛАГОЛЕТЪ, БОГѠМЪ СОЕДИНАЛСА. ИЦЕ ЖЕ ТѢХЪЖДЕ НЕКАКЪ ЕСТЬ СОЕДИНЕНІЕ, ІАВѢ ІАКЪ и СОЕДИНЕНІА ЗАВѢЩАНІА и НАСЛАДЕНІА ПОДОБНѢ СЪТЪ ТАМЪЖДЕ. ТѢМЖЕ ГЛАГОЛЕТЪ, и ПОЗНАВАЛСА. ТАКОЖДЕ ОУБѢ и БГОВІДНІИ и БОЗИ БЛАГОДАТІЮ, ІАКЪ СВОИМЪ ВЪЖЕСТВЕННЫМЪ и КЪ БГЪ ВЕСѢДѢЮТЪ и ПОЗНАВАЮТЪ, ІАКОЖЕ БГЪ ѠБРАЗѠМЪ РАВНЫМЪ ЗРИТЪ, и ПРИВЕСѢДѢТЪ, и СОЕДИНАЕТСА, по РЕЧЕННОМУ, БГОВІДНЫМЪ СЪЩЫМЪ и БОГѠМЪ Ѡ СЕА ВІНЫ ВЕЛІКІИ ПРИЛАГАЕТЪ, и НЕ НЕЛѢПОТНУ, ВЪ ІАВЛЕНІЕ: и ТОЛІКЪ НЕГЛИ ЗНАЕМЪ БГЪ ЧІСТЫМИ и БОГИ СІМИ, ЕЛІКЪ ОУЖЕ ЗНАЕТЪ ИХЪ РАВНЫМЪ ѠБРАЗѠМЪ, иже ЕСТЕСТВѠМЪ, СЪЩЫА ПОЛОЖЕНІЕ БОГИ. КОЛІКЪ ОУБѢ ОУПОДОБИЛЪ БЫ ЕСИ, ПОДОБІЕ ПОМЫШЛАА; МНОГѠ ВОИСТИННѢ БЛАЖЕНІИ СЪТЪ КЪ ВЪЖІИМЪ ЗРѢНІЕМЪ и ВИДѢНІЕМЪ ПРИЛІЧНѢ ГОРѢ ПРОСТИРАЮЩІИСА СО ВСЕЮ КРѢПОСТІЮ ДѢШИ и ВѢДѢНІЕМЪ ДѢХѠВНЫМЪ ВНЕГДА ЗРИШИ НЕПОСТИЖНОСТІЮ БГА, за ѢЖЕ ѠКРЕСТЪ ЕГѠ БЕЗНАЧАЛІЕ и НЕУБѢАТІЕ и НЕУПІСАНОСТЬ, и ѠНЮДЪ ПРИСНОСЪЦІЕ и БЕЗКОНЕЧІЕ ВСА ЧѢДЕСѢ ѢЖЕ ВЪ ВЪТѢ БЫВША ПРЕЧѢДНА и ЕЛІКА (и) ІАКОВА ОУЖАСА: ѠТОЛѢ ДѢША ИХЪ РАЧИТЕЛЬНѢ ВЪ СЛѢДЪ ПРИЛѢПЛАЕТСА БГА, и ЖЕЛАНІЕ СѢЛѠ НЕСТЕРПИМО, ВНЕГДА ВИДѢТИ ВЪЖЕСТВЕННОЕ ЛИЦЕ, и ДОБРОТѢ ЕГѠ БГОЛѢПОТНЮ, ИСТАМЪШЕ и БЛАЖЕННУ СТРАЖАДѢТЪ. И ТОГДА ПРОЧЕЕ ПОСЛѢДОВАННУ СІЦЕ ѠЧИЦАЮТЪ

90. «То, что составляет предмет удивления, то есть божественное, вызывает наиболее сильное влечение, становясь же желаемым, оно очищает, — как говорит богословный голос Григория, — очищая же, оно делает боговидным, а когда они станут таковыми, то оно беседует с [ними], как уже со своими» (Слово 38). Но не только Бог таким образом [относится к ним], но и так очищенные обращаются с божественным и с Богом как со своими, «в духе и истине» (ср. Ин. 14, 17). Поэтому и Богослов далее говорит: «Бог, соединяющийся с богами и знаемый [ими]» (Слово 38). Видишь ли ты чудо единения? Ведь [свт. Григорий] говорит: «Бог, соединяющийся с богами». Если же есть некоторым образом соединение одного и того же, то, очевидно, равным образом одни и те же бывают и душевные расположения, и наслаждения. Поэтому говорит [свт. Григорий]: «и знаемый». Точно таким же образом, следовательно, и боговидные, и боги по благодати беседуют с божественными и Богом как со своими и познают, как Бог подобным же образом созерцает, беседует и пребывает в единении с теми, которые по сказанному становятся боговидными и богами. Поэтому великий Григорий прибавляет (Слово 38), и вполне основательно, для пояснения: «И Бог, может быть, настолько познается чистыми и этими богами, насколько уже Он знает их» соответственным образом — как Бог по естеству богов по положению. В какой же именно степени мог бы ты представить себе это подобие, рассуждая правильно? Действительно, весьма блаженны те, которые должным образом со всею силою души и духовным знанием простираются к видениям и созерцаниям, когда ты видишь, как все, пребывающие в Боге, по непостижимости Божией повергаются в пречудное удивление и такой великий восторг по причине присущей Ему безначальности, необъятности, безграничности и вообще вечности и бесконечности. С этих пор душа их с любовью «прилепляется вслед Богу» (Пс. 62, 9), и, истаивая среди блаженства, какое невыносимое томление испытывают они в созерца-

сѧ ѿ вѣдѣнствѧ ѿ вѣдѣнни бывають ѿ вѣдѣнни, ѿ сѧ вѣдѣннѧ воистиннѧ соединяются. Иже воистиннѧ ѿ превосхожденіемъ оувидѣннѧ, ѿ послѣдованіемъ преестѣственнагѧ ѿ дара ѡбоженіѧ ѿ бжественнагѧ соединеніѧ знаемъ бывъ, чѣднѣ свосхищаетъ предовѣротою, сѧхъ всѧко оумное чѣство, ѿ всѧко желаніе, ѿ ѡкрестъ себѣ оуслаждающихѧ имать, ѿкв ѿнѣхъ аггелъ неизвѣжнѧ поющихъ ѿ сѧлѧ влѣпотѧ: вѣтъ стѧ въ сонмѣ богѧвъ, посредѣ же боги разсѣдитъ (Псал. пѧ, ѧ). И сѧ: вѣтъ богѧвъ гдѧ глагола, ѿ призвѧ зѣмлю, тѧ естѣ земнорѣднѧ, ѿ востѧкъ солнца до западѣ (Псал. мѧ, ѧ): тѣмже ѿ кнѧзи людстѧи собрѧшасѧ сѧ вѣдѣннѧ авраамимѣ (Псал. мѧ, і), ѿ по послѣдованію стѧша ѡкрестъ вѣтъ, ѿкоже сѧрафими стоѧхѣ ѡкрестъ егѧ, бжественна ѡсѧннѧ премірнѧхъ тѧинѧ прѣмлюще, ѿ держѧщесѧ неѡторжнѣ вѣтъ, всѣхъ безконечнократнѣ ѿзѧта сѧца безконечнѣ. Ище оубѧ чѧстѧи сѧрдцемъ, по вѣжю ѿреченію, блаженнѧ, ѿкв тѧи вѣтъ оузрѧтъ: кѧкв не превлѣннѧ блаженнѧ зрѧтельнѧи, ѡчищѧемѧ еже ѿ вѣжѧ рѧзѧма оудивленіемъ, ѿ кѣ вѣжю достѧнствѧ предсѣпаніемъ восходѧще; подовѧетъ оубѧ желѧющимъ блаженства, пострадаѧти ѿ ѡбоженіе, ѿ тѧкв недвижнѧ стѧти херѧвѧмски ѡкрестъ вѣтъ, (ѿ,) зрѧтельнагѧ держѧтисѧ всѣмъ тѧцѧніемъ ѿ вѣжества ѿ дѧннѧ ѡ хрѧтѣ ѿнѣ гдѣ.

Ѣа. Оувидѣти тѧ ѿ сѧлѧ хоцѣ, ѿ послѣдованнѧ прочее воспѣти животворѧщихъ животѣ, зрѧщихъ тѧ нѣкѧкв гдѧ бжѣ мой. Но (ѿ) хотѧ не могѣ, ѿкоже естѣ достѧннѧ, да рекѣ, ѿ недѧмѣю воистиннѧ ѿ сѣтѧю. Кѧкв оусвоѧетсѧ оумъ тебѣ, вѧко тѧворче всепремѣдре! ѿ тѧ едѧнаго зрѧ, мѧра наслаждаѧетсѧ ѿ покѧм емѣ при-

нии божественного Лица и несравненной красоты Его! И тогда последовательно они, конечно, очищаются таким образом, и, подвергаясь божественному влиянию, становятся боговидными и богами, и разумным образом соединяются с Богом. По крайней мере, такой [человек], уже ставши с преимуществом обоженных в согласии с их сверхъестественным даром обожения и единения с Богом, удивительным образом понимает всякое духовное чувство и всякое желание благодаря превосходству красоты их, и вокруг себя он имеет таких, которые с услаждением, как бы те же ангелы, поют непрестанно и вполне подобающим образом: «Бог стал в сонме богов, дабы среди богов произвести суд» (Пс. 81, 1), и следующее: «Бог богов, Господь изрек и призвал землю», то есть земнородных, «от востока солнца до запада» (Пс. 49, 1). Поэтому и «князи людские собрались с Богом Авраамовым» (Пс. 46, 10) и в последовательном порядке стали вокруг Бога, [и] словно «серафимы стояли окрест Его» (Ис. 6, 2), воспринимая божественные осияния премірных таинств и неразлучно держась Бога, бесконечное число раз бесконечно превосходящего всех. Если же «чистые сердцем», по изречению Господа, «блаженны, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8), то разве не явно блаженны созерцатели, очищаемые удивлением от познания Бога и с преуспеванием восходящие к достоинству Божию? Итак, следовательно, желающие блаженства должны подвергнуться обожению, и таким образом стать недвижно, как херувимы, вокруг Бога, и со всевозможным старанием держаться созерцательного знания и деятельности во Христе Иисусе, Господе нашем.

91. Более всего хочу я узреть [Тебя] и затем, конечно, воспеть Тебя, Животворче, Жизнь видящих Тебя где бы то ни было, Господи Боже мой! Но и желая, я не умею как достойно назвать Тебя, и поистине я недоумеваю и томлюсь. О, как располагается ум к Тебе, Владыко, Творче всемудре, и, видя Тебя одного, наслаждается миром и отдохновением, свойственным ему. К тому же, как естест-

лична. Ибо желаетъ естественнѣ, ѿкъ оумъ сый, внѣш-
нагѡ и видимагѡ ѡбношенїа свободьдса и оупразд-
нївса, ѡ себѣ помышлѣти, и паче же размышлѣти
единственною скоростїю вышшаа, и прилагѣтиса воис-
тиннѣ сщцагѡ въ себѣ неvěществіа тѡншымъ. Тѣмже
словома естественнымъ самъ ѡ себѣ аки востекѣетъ къ
всѣхъ превышшемѡ, и всѣкагѡ неvěществіа вышшемѡ
ѿвѣ ѿкъ къ тебѣ: и наипаче же дѡхѣ стѣа посѡбїемъ вѣ-
рою ѿкоже лѣпо єсть помоществѣемъ, и сїце прѡчее го-
рѣ простирѣайсѣ, илї паче воистиннѣ ѿкъ оумъ сый, ѡ
мысленныхъ, сщцихъ ѡкрестъ тебѣ аки ѡ нѣкихъ срод-
ныхъ горѣ влекѡмъ, желѣетъ тѣа и сѣлаѡ оувїдѣти со
всацѣмъ оусердїемъ дѡшевнымъ. Какѡва же страж-
детъ чѡдна и блаженна естественнѡ! Ибо понѣже есте-
ствѡ ємѡ, ѿкоже рѣхъ, оумно сщце, и всѣхъ создѣнїи
наипаче парїтельно єсть и скоро, и желанїе приличнѣ
имать мысленнаа сїрѣчь помышлѣти, ѿкоже живѡтна
чѡвственнаа ѿсти. Сїе бо ѡбразомъ равнымъ єсть єже
помышлѣти оумѡ, (ѿкоже) єже ѿсти живѡтнымъ чѡв-
ствїтельнымимъ. ѡ єже бо помышлѣти и жїти свѡйс-
веннѣ, и расти, и наслаждѣтисѣ и веселїтисѣ бывѣетъ
оумѡ, ѿкоже и чѡвствїтельнымимъ живѡтнымъ єсть ѡ
єже ѿсти. Таковѣ же страждетъ воистиннѣ ѡ єже дѣй-
ствовати, сїрѣчь, ѡ єже помышлѣти: и превосходїте-
льнѣ наипаче, вנгда достїгнетъ дѡхѡвною твоєю блѣ-
гостїю несказѣннѡ, въ тебѣ бївѡ во оуслаждѣнїе неиз-
речѣннѣа слѣвы твоєа смѣсївшеесѣ желанїе єгѡ. Имѡ-
щєе бо къ нѣчемѡ желанїе свѡйственно, чтѡ бы могло и
сотворїти, влѣпотѡ, достїгше къ прївлѣчїтельному
чесомѡ, и паче же таковѡмѡ, ѿковъ ты, да єще и прѡ-
мысла твоєгѡ къ тѡль великомѡ, ѿкоже ты, желѣемомѡ;
Ты бо црїѡ всепрѣмѡдре, всесїльне, прѣблагїй гдї, соз-

венно, ум, освободившись и упразднившись от внешнего
и видимого обращения с міром, даже стремится мыслить
о себе самом, и главнейшим именно образом с естествен-
ной быстротой размышлять о более возвышенном и об-
ращаться на самом деле к предметам более тонким, неже-
ли его собственная невещественность. Без сомнения, и
естественным образом он быстро как бы сам собою вос-
ходит к превосходнейшему из всего и превысшему вся-
кой невещественности — очевидно, к Тебе, — и, понятно,
получает помощь при этом главным образом в содейст-
вии Святого Духа посредством веры, и, конечно, таким
образом простирается горѣ, или же, скорее, как и бывает
на самом деле, ум, увлекаемый духовными предметами,
окружающими Тебя, как бы до известной степени срод-
ными ему, томится сильным желанием увидеть Тебя со
всем усердием души. Но какие чудные и блаженные впе-
чатления естественно испытывает он, так как ведь и при-
рода у него, как я сказал, будучи духовна и, конечно, бо-
лее всех созданий летуча и быстра, соответственным об-
разом имеет и предметом своего стремления духовное и
ощущает потребность мыслить, как чувственные живот-
ные — есть, ибо для ума мыслить некоторым образом
значит то же, чтѡ — есть для животных, одаренных чув-
ствами. Ибо от мышления ум получает свойство и жить, и
расти, и наслаждаться, и веселиться, как у животных,
одаренных чувствами, это же происходит от питания. По-
добное же состояние ум, конечно, испытывает от дея-
тельности, то есть от мышления в особенности, и более
всего тогда, когда его желание несказанно достигнет Те-
бя, по духовной Твоей благодати, соединившись в услаж-
дении неизреченною Твоею славою. Ибо чтѡ именно ес-
тественно может испытывать существо, имеющее осо-
бенное стремление к чему-нибудь, при встрече с чем-
либо привлекательным и в особенности с таким, каков
Ты, и притом при содействии Твоего промысла к такому
великому предмету желания, каков Ты? Ибо Ты, Царю
всемудрый, всесильный, прѣблагий Господи, создавши

дѣвъ живѣтнѣе мѣсленно оумѣ, такѣвъ зѣждеши, ꙗко-
вѣмъ ѡ твоихъ превеселѣтисѣ естѣственнѣ естѣ, и не-
изречѣннѣ во оудержаніи бжѣственнагѣ твоегѣ бѣти со
изстѣплѣнѣемъ речѣнѣа, и ꙗки неистовнѣ нѣкакѣ завѣ-
цѣнѣ имѣти къ тебѣ ѡ подобна пѣанства бжѣствена
вдохновѣнѣа. И оумѣ оубѣ такѣ добротолубивѣ крайнѣ
сѣзданѣ бѣвъ, ѡбрѣтѣетсѣ: и за ѣже добротолубивѣ
бѣти сѣлѣ, по естѣствѣ ѡ промысла, двѣрѣйшаѣа по-
слѣдованнѣ помышлѣти желѣнѣе имѣти, и приснѣ
вѣшшихъ и прѣднихъ желѣти, и прирадѣватисѣ воис-
тиннѣ ѡ лѣчихъ. Какѣвъ же ты семѣ ꙗвлѣшисѣ, и
какѣ свѣсхищѣеши егѣо премѣдрѣ, наипѣче рачѣнѣемъ
твоегѣ видѣнѣа оуслаждаѣема, и всѣхъ вкѣпѣ ѡнѣдѣ
кромѣ едѣнагѣ тебѣ изстѣпѣюща со всѣкимъ завѣ-
цѣнѣемъ дѣши! Нижѣ различѣнѣ тѣкмѣ зрѣшисѣ, слад-
чѣйшѣй, нижѣ прѣстѣ: нижѣ ѡбѣтѣ, ни не ѡбѣтѣ: нижѣ
страшенѣ ни крѣтокѣ: не нынѣ оубѣ сѣе, нынѣ же Ѧно:
да сѣце воистиннѣ ѡсѣдѣ, (и) ѡнѣдѣ, движѣнѣе оумѣ
ѣще же и прѣлогѣ, ничѣмже мѣжетѣ оуклонѣтисѣ къ
едѣномѣ чѣсомѣ ѡ сѣщихъ внѣ тебѣ за различѣе ꙗкивы,
или за прѣстѣ: за непѣстиженѣа желѣнѣе или пѣсти-
женѣа: за стрѣшнѣсть или крѣтѣсть: и ѡнѣдѣ едѣно
блѣго и добрѣ ѡбѣтѣльнѣ сѣй, и всѣхъ блѣгѣхъ и дѣб-
рыхъ творѣтельнѣо начѣло прѣвлѣго и прѣдѣбрѣ, ни въ
чѣсомѣ инѣомѣ мѣчно естѣ воистиннѣ оумѣ зрѣти и
прѣвѣватѣи, и различѣнѣ и многѣбрѣзнѣ веселѣтисѣ,
тѣчѣю въ тебѣ. Ты во всѣчѣскаѣа винослѣвнѣ имѣши въ
сѣбѣ, и прѣвѣше всѣхъ ѡбрѣтѣешисѣ, ꙗки содѣтѣль
прѣдѣбрѣ вѣзконѣчнокрѣтнѣ вѣзконѣчнѣ. ѡ сѣлѣ винѣ
едѣнѣ сѣй вѣже по сѣществѣ, различѣнѣ зрѣшисѣ дѣйствѣ-
вы за мнѣжѣство ихъ, и пѣки за велѣчѣе ихъ мнѣгѣ. Ибо
ѣже естѣ чѣднѣйшѣе и оужѣаснѣе, ꙗкѣ ꙗще и бѣвѣеши

мыслящее живое существо — ум, делаешь его способным
находить естественным образом большую радость в Тво-
их [совершенствах], ощущать невыразимый восторг с
изумлением в божественной любви к Тебе и как бы неко-
торое исступленное одушевление к Тебе от подобного
упоенного вдохновения. И ум, созданный в высокой сте-
пени любящим прекрасное, находится именно в таком
положении, а вследствие сильной любви к прекрасному,
как естественно и последовательно, он имеет сознатель-
ное стремление мыслить самое лучшее, всегда желать
высшего и дальнейшего и иметь радостное чутье от дей-
ствительности к лучшему. Каковым же Ты являешься
[ему] и как в высшей степени мудро Ты восхищаешь его в
то время, когда он услаждается влечением к созерцанию
Тебя и со всем расположением души уклоняется реши-
тельно от всего, кроме Тебя одного! Ибо Ты, сладчайший,
не являешься ни исключительно различным, ни простым,
ни постижимым, ни непостижимым, ни страшным, ни
кротким, но то тем, то другим, чтобы таким образом с той
или с другой стороны движение, а также и изменение ума
решительно не могло нисколько склониться к одному ка-
комунибудь из предметов, которые вне Тебя, вследствие
разнообразия или простоты, вследствие стремления непо-
стижимости или постижимости, вследствие страха или
кротости, и так как Ты, преблагий и прекрасный, заклю-
чаешь в Себе всецело единое благо и красоту и творче-
ское начало всяких благ и красот, то уму нельзя ни в чем
другом, кроме Тебя, вполне созерцать, пребывать и раз-
нообразно и многообразно наслаждаться. Ибо Ты со-
держишь в себе все в совокупности как разумная причина
его и обретаешься превыше всего как бесконечное число
раз бесконечно прекрасный Творец [его]. Поэтому, буду-
чи един по существу, Ты, Боже, бываешь различным об-
разом созерцаем посредством проявлений деятельности
вследствие множества их; а с другой стороны, Ты созер-
цаешься множественно вследствие безличия их. Ибо са-
мое удивительное и изумительное то, что, в чем именно

ѣвѣ постижимъ: ѿсюдѣ паки непостижимъ ѿобразомъ симъ бываеши. Иже бо по существу ты неувѣстенъ ѿнюдѣ, и по дѣйствѣ, и къ семѣ (и) по силѣ не ѿбѣм-лешиса нѣкакѣ. Мѣрѣ бо силы твоеѣ кто ѿверѣте; Премудрость же твою, кто оувѣде; Благости же твоеѣ причинѣ кто изслѣдова; И ѿнюдѣ твоихъ часогѣ кто крайнѣ чѣство прѣлтѣ; аще по симъ инѣмъ ѿобразомъ и постижимъ сый нѣкакѣ. Тѣмже прочее оумъ зрѣти ѿмысленныхъ ѣже въ видимыхъ начинаѣ, шѣдѣ восхѣдитѣ послѣдованнѣ ко ѣже ѡкрестѣ тебѣ, спсе едѣнственномѣ, и непостижномѣ: и за сладкое и сѣлѣ весѣлое постижнагѣ, и за ѣже добротолѣбенѣ быти, тциѣтса всѣмъ тцианѣемъ, и любопрѣтса нѣкакѣ ещѣ восхѣдити, еликѣ естѣ мѣчно высочѣе: а понѣже не доволѣнѣ естѣ достѣгнѣти далѣчѣе, разсмотрѣѣ, ѣкоже подобѣетѣ, избѣгающе несѣмнѣннѣ ѣкѣ превышележаще, и лѣчшее, многа нѣкакѣ оудѣржанѣ послѣдованнѣ раченоѣтѣмъ бывѣетѣ, и равнѣ неистовнѣ изнеистовлѣетса къ тебѣ, и желѣнѣмъ воздѣвѣетѣ разжѣнна въ дѣши, поджогѣ бжѣственна любвѣ постижное непостижнагѣ творѣ: и недомѣнѣе, прѣверѣтенѣе раченѣй вмѣнѣмъ: не паче оуслаждающе ѣже ѡкрестѣ тебѣ всепремѣдре постижномѣ, нѣжели возжѣгающе прѣвѣгающе, и недостѣжнымъ рѣзѣма и чѣдимъ быти сѣлѣ и желѣтиса оустроѣюще. Не токѣмъ бо что ты еси по существу, сѣе бо всѣкомѣ, и ѿнюдѣ, и каковымиѣмъ ѿобразомъ по преизлѣишествѣ недомѣнно: но (и) сѣщественна бжѣственна сила и дѣйства, и ѿнюдѣ зримыхъ ѡкрестѣ тебѣ бжѣмысленныхъ и бгѣсловимыхъ, непостижное естѣ: безконѣчнымъ ѣкоже речѣса, за величѣе, и неиспытаннымъ сѣцимъ за множѣство. Ибо симъ, аще и ѿнюдѣ въ конѣцѣ постигнѣтиса не возможно естѣ аки безконѣчнымъ, но

Ты бываешь, в том, с другой стороны, Ты опять являешься непостижимым (ἀλητος). Ведь Ты как вполне непостижим по существу и по деятельности, так сверх того никаким образом необъятен и по силе. Ибо кто нашел меру силы Твоей? Кто познал Твою мудрость? Кто исследовал пучину Твоей благи? И вообще, кто в совершенстве постиг что бы то ни было из Твоего? (ср. Прем. 9, 17; Ис. 40, 13) Однако же Ты все-таки постижим соответственно этому некоторым иным образом. Но, конечно, ум, начиная созерцать от духовного, заключенного в являемом, идя последовательным образом, восходит к Единому и непостижимому, которое вокруг Тебя, Спаситель, и по причине сладости и сильного наслаждения постижимым и вследствие любви к прекрасному он с усердием спешит и некоторым образом ревнует восходить как можно выше. А так как он не в силах проникнуть далее, то, признавая, как и должно, что ускользящее от него как лежащее превыше, бесспорно, превосходнее [его], вследствие этого он бывает одержим какою-то великою страстью любви, и равным образом восторженно одушевляется к Тебе, и возбуждает в душе пылкие желанья, делая из постижимого средство возжигать божественную любовь к непостижимому и обращая свое недоумение в орудие приобретения [разных степеней] любви. Так как постижимое относительно Тебя не столько услаждает [ум], Всемудрый, сколько воспламеняет ускользящее от него и вследствие недостижимости познания предуготовляет и сильное удивление, и особенное желанье, то я мог бы прибавить, что даже заставляет искать вовсе не того, что Ты по существу, — ведь это ни для кого решительно никаким образом не доступно; но непостижимо и то, что составляет предмет существенной божественной силы и деятельности, и вообще все духовное, созерцаемое вокруг Тебя, Боже, и являющееся предметом богословия, так оно, как сказано, бесконечно по объему и неисследимо по множеству. К тому же хотя и вообще невозможно достигнуть предела этих вещей как бесконечных, но через при-

мощно еже чрез очищеніе приближеніемъ къ тебѣ, и взираніемъ доброты твоеѧ, къ свѣтлѣйшимъ и прозрнѣйшимъ зрѣніемъ сщцихъ ѡкрестъ тебѣ приходи и ѡвожатисѧ приличнѣ. Тѣмже и ѡпалѣши оумзвлѣніемъ рачительнымъ присѣдаѣца тебѣ оума притойнш, ѡзарѧ паче и паче его, и воистиннѣ вводѧ въ нѣкаѧ въ невхѣдна тайна видѣніѧ пренебесна. ѿ единиче препѣтаѧ, и трѣце пречестнаѧ, силы и премѣдрости бездѡннаѧ глубинѡ! какъ ѿ самагѡ или начала хотѣлъ бы кто глаголати, или оубѡ черты въ бжественнѣйшій твоѣи вводити мракъ ѡчищенна законнш оума: превдѣци сегѡ ѿ славы въ слѡвѣ, множицею ѡбаче и внѣтрѣ пребываѡца пресвѣтлагѡ мрака, не вѣмъ, ѡкоже ты вѣси, или вонъже введѣнъ выстъ мѡисей дрѣвле, или ѡакъ сей ѡнагѡ ѡбразъ, или оубѡ сегѡ ѡнъ: ѡбаче ѡакъ сей превлѣннш мысленъ мракъ есть, и ѡакъ въ немъ совершаѡтсѧ бжественнѣ и преестественнѣ въ тайнѣмъ дѡшій неизреченнш дхѡвнагѡ соединѣніѧ и любвѣ тѡинства: вводимѣи со ѡсѣніемъ просвѣщаѡцагѡ дхѡсѣлѡ свѣтлѣ видѡтъ.

ѿв. Кто тѡ любѡвнѣ гдѣи трѣце зрѧ не радѡетсѧ, црѧ и непрестанна оуправитѣла и раздаѣтѣла всѡкагѡ коегѡлибо дѡра и блага, и источѣтельна всѣхъ сѣхъ сщцагѡ; и кто ѡ видѣніи вседержитѣльнагѡ владычества твоегѡ радѡватисѧ не мѡжетъ радѡстїю истинною; и вѣ ѡакъ никтоже никакоже. Рѡзвѣ сегѡ ради воистиннѣ блажѣни чистїи сѣрдцемъ, ѡакъ тѣи тѡ зрѡтъ ѡкомъ дѡшїи, радѡсть самовѣннѣ сщцагѡ и зрѡднѣ дхѡвнѣ. И радѡтсѧ воистиннѣ съ радѡстїю и многою дѡшесладѡстїю, и неснѡсныхъ раченїи исполнѡютсѧ множицею, (ѡце) и съ тѣлесными борѡцесѧ ѡвстоѡннми, и бѣсѡвскаѧ нашѣствѡ стрѡждѡще. Дхѡвнїи во свѣтѣ доброты лицѡ твоегѡ гдѣи, безконечнократнѣ безконечнш пре-

ближение к Тебе посредством очищения и через взирание на Твою красоту можно достигать более ясных и светлых видений того, что Тебя окружает, и подобным образом обоживаться. Оттого Ты и опаляешь язвою любви ум, подобающим образом пребывающий в Тебе, просвещая его все более и более и действительно вводя его в какие-то недоступные *тайные пренебесные зрелища*. О, Единиче Препетая и Троице Пречестная! Бездонная глубина силы и премудрости! Как из самого ли рабства — если бы кто хотел так выразиться — или даже из состояния приписки [к нему] Ты вводишь ум, законно очищенный, в самый божественный мрак, покрывающий Тебя, ведя его «от славы в славу» (2 Кор. 3, 18), хотя, однако же, часто он пребывает и внутри этого пресветлого мрака, в который древле был введен Моисей (см. Исх. 20, 21). Или этот есть образ того, или тот образ этого, только знаю, что это есть очевидно духовный мрак и божественным и преестественным образом в нем несказанно совершаются в тайне души таинства духовного единения и любви: те, которые вводятся с осиянием просвещающего Духа, понимают это очень ясно.

92. Кто не радуется, Господи Троица, когда с должным расположением видит, что Ты — Царь и непрестанный правитель и раздаятель всего чего бы то ни было прекрасного и доброго и источаешь богатство всего этого? И кто мог бы радоваться истинною радостью прежде видения Твоего вседержительного владычества? Очевидно, что никто никаким образом. Поэтому действительно «*блаженны чистые сердцем*» (Мф. 5, 8), потому что они видят оком души Тебя, Который воистину духовная радость по преимуществу, и радуются они с веселием и наполняются великою душевною сладостию и невыносимыми порывами любви, часто выдерживая борьбу и с телесными обстояниями и терпя от демонских нападений. Ибо духовный свет красоты лица Твоего, Господи, беско-

изъятъ ѣсть, ѣже и каколико къ печали пристѹпати мѣрс-
кой, емже ѡсѣлѡватисѧ въ нѣхъ бываеѣтъ благодѣтїю.
Сегѡ ради сладость всѧ предхѡдитъ со всѣмъ вожде-
нїемъ, и стѡе желанїе, и неизреченное раченїе. Ѡ сеѧ ви-
ны любви твоѧ нестерпимыми преестественными ѡстны
оуѡзвлены сотворѡетъ зрѡщымъ тѧ по нѣкоемѹ тѡнкѹ
помышленїю: Ѡ сеѧ вины въ воню мѣрѹ твоихъ въ
слѣдѹ тебѣ идѹще текѹтъ сѣльною и неславною крѣ-
постїю дѹшы тѣхъ, Ѡ нѣхъже зрѣшисѧ неизреченный
вѣже, и въ самыѧ себѣ привлекаѣти тѧ всѧкимъ покѹ-
шаютсѧ оухищренїемъ, побѣждены ѡнюдѹ и истаѡвше
желанїемъ твоимъ чѹднѣ. Тѣмже незавеннѣ имѹтъ
тѧ во оумѣ, зависѡще Ѡ доброты твоѧ преестест-
венныѧ. Паче же оуѣвъ вынѹ и дѹхѡвнѣ первѣе содержиши
сердцѧ ихъ и ношїю воистиннѹ и во дни, и сонъ ѡлетѣѣ Ѡ
вѣждей ихъ.

нечное число раз бесконечно возвышен над какою бы то
ни было прикосновенностию к мѣрской печали, если кому
дается по благодати освещаться им. Поэтому Ты явля-
ешься совершенным наслаждением, совершенным жела-
нием, предметом святого стремления, невыразимой любви.
Поэтому любовь Твоя невыносимыми сверхъестест-
венными жалами уязвляет тех, кто некоторым образом
видит Тебя. Поэтому, с сильным и неослабимым напря-
жением следуя за Тобой, в *благовонии мвр Твоих* (Песн. 2,
5; 1, 4) устремляются души {сердца} тех, которыми Ты
видим, несказанный Боже, и сии пытаются всячески
влечь Тебя к себе, будучи всецело побеждены и удиви-
тельным образом истаивая от томления по Тебе. Поэтому
они незабвенно имеют Тебя в уме, находясь в состоянии
восторга от Твоей преестественной красоты. Скорее же,
прежде Ты непрерывно и духовно содержишь сердца их,
конечно, и ночью и днем, и сон отлетает от очей их.....

¹[не только им... но хотя они остаются спящими все вре-
мя, однако *сердце их бдит* (Песн. 5, 2) и в таком поло-
жении, и «они радуются», как говорит пророк, «на ло-
жах своих» (Пс. 149, 5). И равным образом они видят,
привязываются и не знают, что с ними произойдет, не-
доумевают и изумляются вследствие расположения не-
сказанной светлости Твоего Лица, вследствие величия
славы святости Твоей, вследствие премирных *восхожде-
ний* Твоих, которые они полагают в себе самих (ср. Пс.
83, 6), вследствие таинственных откровений, вследствие
бесчисленных тайных и невыразимых весьма прекрас-
ных и весьма благих даров, окружающих Тебя, Отче! ...
и Ты утверди тех, которые «живут в праведности с ли-
цом Твоим» (Пс. 139, 14) ...]

¹ Испорченный отрывок, отсутствующий в славянском пере-
воде, взят в квадратные скобки.

Каллист Константинопольский

СѢЩЕИШАГѠ КЪЛЛІСТА,
ПАТРІАРХА КОНСТАНТИНОГРАДСКАГѠ.

Образъ вниманія молитвы.

Первѣ всѣхъ начинають въ тѣлесѣ подвижающагѣса и внимающагѣ молитвѣ движенія нѣкака аки възыгранія подъ кожей, ꙗже мнѣтѣса нѣкимъ быти прелесть. Приходитъ (же) и теплота ѿ почекъ ꙗкѣ ѿпощющи тѣ, мнѣтѣса и тѣ прелесть быти. Сѣ же не сѣть прелести, но естества сѣть, ꙗкоже свѣйства раждаема ѿ подвига онагѣ. ꙗще ли же кто славитъ сѣ, ꙗкѣ ѿ благодати сѣть, а не ѿ естества, сѣ есть воистиннѣ прелесть. Сѣ же какъвѣлико (сѣть) должно есть подвижающемѣса не любити сѣхъ, но ѿражати ѣ, приходитъ же и ѿна теплота ѿ сердца, и ꙗще оубѣснизходитъ оумъ въ блудныя помыслы, прелесть есть воистиннѣ: ꙗще ли же тѣло оубѣс все ѿ сердца растеpleваѣтѣса, оумъ же есть чистъ и безстрастенъ, и акибы прилѣпленъ есть во внутреннѣйшей глубинѣ сердца, сѣ есть воистиннѣ благодати, а не ѿ прелести.

Овогда оубѣс вываѣтъ въ тѣкѣ ѿверѣтающемѣса и потъ ѿ многѣа теплоты бывающѣа въ тѣлесѣ исходитъ, и тогда подвижетѣса ѿ сердца свѣтое дѣйство,

Святейшего Каллиста,
патриарха Константиноградского

Образъ внимания и молитвы

Прежде же всехъ в теле подвижающагѣса и внимающагѣса в молитве начинаются некоторые движения, как бы «възыгранія» под кожей, и они некоторыми принимаются за прелесть. Приходит [же] и теплота от почек, как бы опоясывающая их, и она кажется прелестью, но это не так: теплота эта не от прелести, но от естества, и есть последствие молитвенного подвига. Если же кто-нибудь прославляет эту теплоту как благодатную, а не естественную, то это несомненно прелесть. Но какова бы ни была эта теплота, подвижающийся должен не принимать ее, но отвергать. Приходит и другая теплота от сердца, и если ум при этом снисходит в блудные помыслы, это прелесть воистину. Когда же все тело от сердца растеpleвается, ум же остается чист и бесстрастен и как бы прилеплен во внутренней глубине сердца, то это есть несомненно действие благодати, а не прелести.

Иногда же у испытывающих такое состояние появляется и пот от обильной теплоты, бывающей в теле. И тогда подвижется от сердца святое действие, взимающее

взѣмлющо ѡки листъ нѣкій ѿ сердца, и движущю оумъ ѿ
внѣтряннѣйшихъ, ѡкѡ прилѣпши самому томѹ бжест-
венномѹ дѣйстви, ѡкоже вопіти частѡ: Іисе мой, іисе
мой. Аѣте бо во ѿверзѣніи сердца, сѣе тѣчю вопіетъ
оумъ: Іисе мой, и не можетъ все реци оумъ, еже: Гди
іисе хрѣте сѣе бжій, помилѡи мѡ, ѿ частыхъ ѿверзѣній
сердца, но тѣчю, іисе мой. Глаголющїи же, ѡкѡ всю
совершаютьъ молитѡѡ во оустроенїи таковѡмъ, прель-
щаютьсѡ: внигда бо прилѣпитсѡ оумъ, ѡкоже рѣхомъ,
бжественномѹ дѣйстви во внѣтряннѣйшее пришѣдъ се-
рдце, не можетъ множае вопіти, рѡзвѣ тѣчю, іисе мой.
Тогда оубо биваетъ ѿ стѣла сѣе молитѡѡ, и оужасъ ѿ
сердца, егда ѿ стѣгѡ дѣинства оутѣшенїе биваетъ вѣ-
лїе. И тогда скачетъ, и истекаетъ со сладостїю и слезѡ
ѿ сердца, и течетъ ѿ очїю сладчѡйше, и сѣе есть радос-
топечѡлїе. Возврѣваетъ же тогда сердце ѿ многогѡ
ѡнагѡ свѡщеннагѡ дѣинства, и биваетъ все тѣло рас-
паленно. И вопіетъ оумъ оужасаемъ: Гди помилѡи. И
ѡкоже елей въ сосудѣ полнѣ разгрѣваемъ ѿ огнѡ
сѣльнѣ, ѿ многогѡ врѣнїѡ изливаетсѡ и внѣздѡ: тѡкѡ
биваетъ и на сердце, внигда возврїтъ сѣе ѿ бжест-
веннагѡ дѣинства, изливаетъ и въ тѣлесїи теплотѡ, и
творитъ е распалено. И тогда страждѡи сѣе разѡмѣетъ,
ѡкѡ внѣтряннѡ егѡ ѡснѣ изскачѡтъ вонѡ. Биваютъ
же и ѡна нѣкам преслѡвнѡ на ѡмѡщемъ реченное оуст-
роенїе, есть егда и свѣтъ: тѣмже и просвѣщенїе внѣ-
трѣздѡ таковїи смотрѣетъ просвѣщающю егѡ пѡче
солнца, и ѿ сердца источающю свѣтъ. Биваютъ же
внѣтрѣ сердца и ѡна таинства, ѡже не мѡчно и писанїю
предѡти: видитъ бо оумъ тѡварѡ всю, и оужасаемъ ѿ
движенїѡ стѣгѡ дѣинства, и ѿ смотрѣемыхъ бжест-
венныхъ таинствѡ, возсылаетъ изъ глубиннѣ сердца славо-
слѡвїѡ, ѡже не могѡ писанїемъ изѡвїти. Вѣсь бо бы-
ваетъ человекъ тогда ѡбоженъ ѿ бжественнагѡ ѡнагѡ

как бы лист некий от сердца, и движущее ум от внутрен-
них, как бы прильпнувший к самому тому Божественно-
му действию, чтобы вопиять часто: «Иисусе мой, Иисусе
мой». Так именно, во отвержении сердца только это вопи-
ет ум: «Иисусе мой!» — и не может все произнести ум, то
есть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй
мя», — от частых отвержений сердца, но только: «Иисусе
мой». Те же, которые говорят, что в таком устройении со-
вершают всю молитву, прельщаются. Ибо, когда ум при-
лепится, как уже сказано, Божественному действию,
войдя во внутреннейшее сердца, не может взывать боль-
ше, как только: «Иисусе мой!». Тогда, подлинно, от этой
святой молитвы рождается в сердце и благоговейный
страх, когда нисходит великое утешение в душу от свято-
го действия. И тогда скачет, и истекает сладостная
слеза от сердца, и сладостно течет из очей, и это есть ра-
достопечалие. Вскипает же тогда сердце от многого оно-
го священнодействия, и бывает все тело распалено и ум в
благоговейном страхе взывает: «Господи, помилуй». И,
как елей в полном сосуде, сильно разогреваемый огнем,
от многого кипения льется чрез край, так бывает и в
сердце, когда оно возгреется от Божественного действия,
изливает теплоту и на тело и делает его распаленным, и
тогда переживающий это чувствует, как все внутренности
его готовы выскочить вон. Совершаются и другие неко-
торые чудесные тайны с имеющим указанное устройство:
бывает иногда и свет, с помощью которого делатель со-
зерцает внутри себя просвещение, озаряющее его, как
солнце, и источающее от сердца свет. Бывают внутри
сердца и другие таинства, но не могу их описать: видит
ум все творение и, ужасаемый движением святого дейст-
ва и созерцанием Божественных таинств, воссылает из
глубины сердца славословия, которых не могу изобразить
писанием. Весь человек становится тогда обоженным

двигенїа: внѣ же всакагѡ вещьнагѡ и чувственнагѡ всегѡ. И ѿкѡ недержимъ ѿ радости, ѿкоже нѣкїи многимъ вїномъ погрѣженъ. Таже по сіхъ восхищаетсѧ во видѣнїа бжественна, и видитъ таинства страшна, ѿже не могѡ написати тонкочастнѣ: видитъ бо оумъ видѣнїа бжественна, видитъ же и наслаженїа праведныхъ, и райскїа доброты. И еще высочайше восхищаетсѧ оумомъ, видитъ на небесї оужаснаа и преславнаа таинства, и елику ѡчищаетсѧ человекъ ѿ прилогъ сопротивныхъ, толїку еще видитъ и бѡльша сіхъ, ѿкоже емѡ даровалъ всесѣтый дхъ, емѡже слава во вѣки, аминь.

этим Божественным движением, вне всего вещественного и чувственного, и как бы охваченным неудержимой радостью, подобно напоенному вином. И после ум восхищается в Божественное видение и видит страшные таинства, о которых не могу писать подробно. Видит ум видения Божественные, видит и наслаждение праведных, райские красоты. Еще выше ум видит на небе страшные и преславные таинства и, поскольку возвышается человек от прилогов бесовских, постольку видит еще больше из того, что дает ему Дух, Которому слава во веки. Аминь.

Того же въ молитвѣхъ кратце.

Молитва непрестанна есть, еже призывать имя бж҃іе выиш. Аще оубо бесѣдуетъ кто, аще сѣдитъ, аще ходитъ, аще дѣлаетъ, аще ѣстъ, аще что ино творитъ. На всако бо время, и на всакомъ мѣстѣ подобаетъ призывать имя бж҃іе, ѣкоже пишетъ: непрестанно молитесь (а Сол. 5, 17). Снце бо потребляется искѣшеніе вражїе: молитися же трѣбѣ есть комѣ сердцемъ, пѣти и оусты, егда наединѣ есть. Аще ли же кто есть на кѣплицы, или съ нѣкїими ѡбрѣтаѣтся, не трѣбѣ есть оусты пѣти, но единою мыслію. Подобаетъ же и ѡчи блюсти, и долѣ зрѣти ради паренїа, и сѣтей вражїихъ. Млтва бо совершенна есть еже глаголати къ бг҃у безъ паренїа оумнагу, внегда совирати вса помышленїа съ чвствами. Наставляетъ же въ сїе человекѣ, еже оумертвѣтисѣ ѡ всакагѡ человекѣ и міра, и всѣхъ ѣже въ немъ: молитва же разумѣвается, ѣкѡ премѣняетъ смѣщенїа, егда видитъ, ѣкѡ веселитсѣ оумъ просвѣщеньсѣ ѡ гдѣ, знаменїе же есть, аще коснѣсѣ комѣ, ѣкѡ къ томѣ не смѣщѣетсѣ, аще напаствѣетъ егѡ и весь мїръ: Ибо совершеннѣ молѣйсѣ, оумерцвѣетсѣ покою своемѣ и мїрѣ. Молитва бо со смиренїемъ и трѣбомъ и

Того же слово краткое о молитве

Непрестанная молитва состоит в непрестанном призвании имени Божия. Беседует ли кто, сидит ли, ходит, делает ли что, ест ли, или занимается чем другим, должен во всякое время и на всяком месте призывать имя Божие, по завету Писания: *Непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17). Ибо таким образом уничтожаются покушения на нас врага. Молиться должно сердцем, молиться должно и устами, когда мы одни. Если же кто находится на торжище, или в обществе с другими, тот не должен молиться устами, но одною мыслию. Должно наблюдать за зрением и всегда смотреть вниз для охранения себя от развлечения и от сетей врага. Совершенство молитвы заключается в том, чтобы она произносилась к Богу без уклонения ума в развлечение, чтобы все мысли и чувствования человека собирались в единое моление. Наставляет же [молитва] в неразвлеченность человека, чтобы он умер по отношению ко всем другим [людям] и міру, и тому что в міре; молитва же познается переменяющей смущения, когда видится ум радостным, просвещенным о Господе, признак же того есть, — чтобы при касании чего-либо — не смущаться тем [человеку], даже если бы и весь мїр на него напал. Потому что в совершенстве молящийся становится мертвым к своему

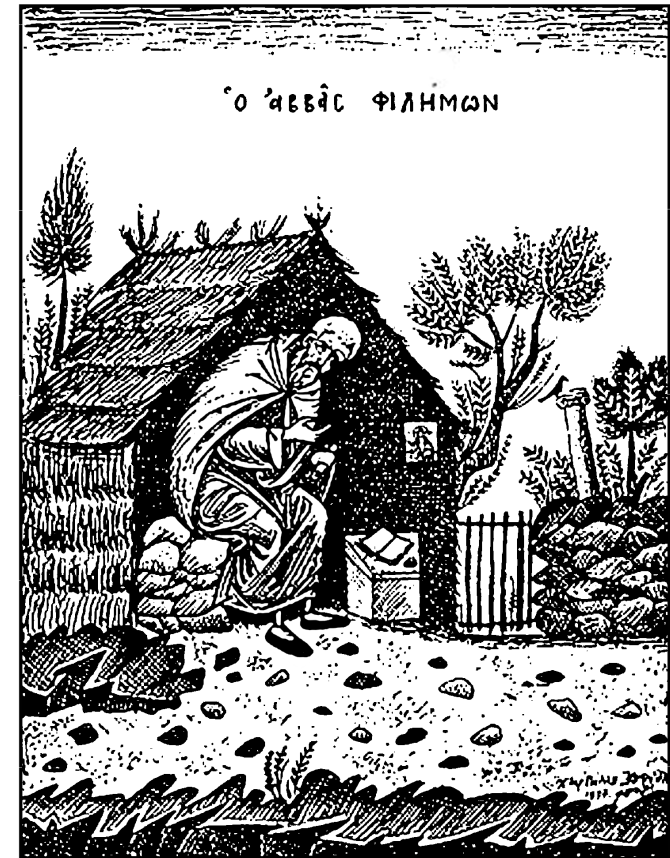
слезами, и еже не творити волю свою, пресекаетъ воспоминаніе, ꙗже (кто) что содѣла, или видѣ, или слыша, или глагола: ꙗко исправише сѣа отцы, кромѣ же труда и слезъ, и ѿсѣченіа воламъ не исправиша. Молитвѣ и пѣнію не точію оумомъ подобаетъ бывать, но и оустнами. ꙗко пророкъ дѣдъ глаголетъ: Гди, оустнѣ мои ѿверзеша, и оуста мои возвестятъ хвалу твою (Псал. ѿ, 31), и апостолъ показѣ, ꙗко ѿцѣтса и оустнѣ, рече, сердце и плодъ оустенъ (Евр. 13, 15), и ꙗже по сіхъ.

покою (почиванию) и миру. Так как молитва со смирением и трудом, и слезами, и с отложением своей воли, пресекает воспоминание о том, кто что содеял, или видел, или слышал, или говорил; ибо исполнившие так отцы, без труда, слез и отсечения своей воли не могли бы исполнить [это]. Молитва и псалмопение должны совершаться не только умом, но и устами, как говорит пророк Давид: *Господи, открой уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою* (Пс. 50, 17). И Апостол, показывая, что требуются и уста, сказал: *Будем чрез Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть, плоды уст прославляющих имя Его* (Евр. 13, 15).

ΑΒΒΑ ΦΙΛΗΜΟΝ

[КРАТКОЕ ЖИТИЕ ИЖЕ ВО СТЫХЪ ОЦА НАШЕГѠ
АВВЫ ФІЛМОНА.]

Преподобный Отецъ нашъ Філимонъ, изъ вѣночныхъ Отецъ трезвеннѣйшій и плачливѣйшій баше: въ кінхъ же процвѣтѣ лѣтѣхъ, повѣсть намъ ѡ семъ не изъави. Я ѡкв благоговѣйнѣйшій и многоискуснѣйшій, и безмолвіе, аще инъ кто ѡ старецъ, свѣловъ любавцій баше, и великагѠ арсеніа искреннѣйшій подражателъ, ѡ настоацагѠ слова хотацымъ видѣти мочно.

Въ молитвахъ бо и моленіихъ ноць и день, въ своей ѡшельнической кѣщи, ѡкв въ нѣкоемъ пространномъ чертозѣ пребываа, и приснотекущими слезъ и рыданій источниками, частѣ ѡмываа себе, не токму, еже кийлибо въ себѣ порокъ имѣаше, но и еже доврѣйшѣ баше части, и вса въспѣ чвственнаа и мысленнаа вѣлюбнѣ превозшэдъ, аки глахъ и нѣмъ предстоаше вѣ, и дивнагѠ вѣественнаа тогѠ вѣгодати сподобиса причастникъ быти просвѣщеніа, ѡ негѠже аки ѡ солнечнагѠ сѣаніа, испытаніемъ, разсѣжденіемъ, провидѣніемъ, и прозорливствомъ, крайнѣйшемъ прилѣжа безмолвію и молчанію, обильно ѡбогати себе, приснославимый Філимонъ преподобный: свидѣтель же реченныхъ достовѣрный предлежащее сѣ ѡ немъ слово, въ немъже сѣеннагѠ

АВВА ФИЛИМОН
Краткие сведения о нем

В какое время жил преподобнейший отецъ нашъ Філимон, изъ богоносныхъ отцовъ нашихъ трезвеннейшій и слезно-сокрушеннейшій, достопамятности отеческіе не сказали намъ. Но что онъ былъ мужъ благоговейнейшій, и многоопытный, и любилъ безмолвіе, более, нежели кто другой изъ старцевъ, какъ точнейшій подражателъ великаго Арсенія, это можно увидѣть изъ настоящаго слова.

Ибо въ молитвахъ и моленіяхъ день и ноць терпеливо пребывая въ пустынной своей пещеркѣ, какъ въ некоемъ чертоге, и приснотекущими источниками слезъ и сладчайшаго плача омывая себя, онъ Боголюбно поднялся не только выше всякаго (ола) зла (кака), но даже того, что является добрымъ (кала), превзойдя все мысленное (вопта) и чувственное (аистота, видимое), какъ глухой и немой всегда предстоялъ онъ Богу, и сподобился предивнаго просвѣщенія Божественной Его благодати, отъ котораго какъ отъ солнечнаго сиянія, сей приснопамятный Філимон, въ своемъ крайнемъ безмолвіи и молчаніи обогатился даромъ исследования и рассужденія, прозренія и предвиденія. Верный свидѣтель этому предлежащее о немъ слово, въ котромъ, более чемъ въ любомъ другомъ, предлагается рассуди-

трезвѣніа разсудительнѣйшее оученіе, аще и во иномъ коемъ словѣ, аки испещренна и богоистканна порфіра въ изящнѣйшую сотчеваѣтса добрѣту. Елику и къ дѣланію сопростираѣтса, и елику оумозрѣнію сопоспѣшествуетъ, долговременнымъ дѣлы испытаніемъ истинѣ оутверждаа.

Аще оубо комѣ вожделѣнно ѣсть, ѡскверненна, и безобразнаа страстей одежды, еже тожде реци, ветхаго совлециса чловѣка, въ свѣтлое же безстрастіа и благодати ѡвлециса ѡдѣланіе, еже ѣсть новыи во хртѣ иисѣ чловѣкъ, той ѡ семъ частѣ побчайса, и по силѣ самімъ побчаемаа дѣломъ исполнаа, желаемое оудобѣ полчити имать.

тѣльнейшее его учение о священном трезвении, как вышитая и богоистканная (θεοῦφαντη) порфира (πορφύρα), [с (με) силою (δύναμη) различения (διακρίσεως),] в изящную сшивается добрѣту, как с деятельной (πράξη) его стороны, так и созерцательной (θεωρία), и внушает (παρέχει) доверие (αξιοπιστία), будучи основанным на многолетнем опыте.

Итак, кому желательно сбросить с себя скверную и мерзкую одежду страстей, или, что то же, совлециса ветхого человека, и облачиться в светлое одеяние бесстрастия и благодати, которым является новыи во Иисусе Христе человек, тот часто поучаясь в сем учении старца и изучаемое по силе исполняя делом, удобно достигнет желаемого.

Ω ѿвѣ фїлїмонѣ.
Слѡво сѣлѡ полѣзно.

Рѣхъ ѡ ѿвѣ фїлїмонѣ ѡшѣлницѣ, ѿкѡ заключї себѣ въ нѣкоей пещерѣ малѡ ѡстоѡщей ѡ лавры, ромїева именованной: и трѡждѡшеса въ молитвенныхъ подвигахъ, ѡное въ мысли своей себѣ приповѣдѡа, ѣже великаго арсенїа слыша къ себѣ самомѹ глаголюща: Фїлїмонѣ, чесѡ ради ишѣлъ єси; Пребывѡше оубѡ въ пещерѣ время доволно дѣлаѡ вервь, и плетѡ кѡшницы, даѡше иконѡмѹ, и ѡ негѡ прїимѡше хлѣбы малы въ пищѹ: ничесѡже бо їадѡше, кромѣ хлѣба съ солїю, и сїѣ чрезъ многї дни. ѡсїѡдѡ ѿвѣ ѣсть, ѿкѡ ѡнюдѡ плѡти промысленїа не творѡше: внѹтрѣ бжѣственнагѡ бысть просвѣщенїа. И ѡтѹдѡ неизреченнагѡ тайновѣдѣнїа сподоблѡсѡ, въ веселїи пребывѡше. Въ церковь въ сѡбѡтѹ и въ недѣлю, єдинъ и въ размышленїи хождѡше, никомѹже поплѡщѡа приближатїсѡ къ себѣ, во ѣже не ѡторженнѹ бытї оумѹ єгѡ ѡ дѣланїа, ѣже имѣаше. Въ церкви же ставъ въ оуглѹ, и лицѣмѹ дѡлѡ понїкъ, истѡчники слѣзъ испѡщѡше, непрестѡнное имѣѡ сѣтованїе, и пѡмѡть смѣрти, и ѡбразъ сѣтыхъ ѡтѣцъ, и наипѡче арсенїа великагѡ, ємѹже и послѣдовати тѡщѡсѡ.

Об авве Филимоне
слово весьма полезное

Говорили об авве Филимоне отшельнике, что он заключил себя в некоей пещере, недалеко отстоявшей от Лавры, называемой Ромиевою, и предался подвижническим трудам, мысленно повторяя себе то же, что, как передают, говорил себе великий Арсений: Филимон, зачем исшел ты сюда? Довольное время пребыл он в этой пещере. Делом его было — вить верви и сплестать копилицы, которые отдавал он эконому, а от него получал небольшие хлебцы, коими и питался. Он ничего не ел, кроме хлеба с солью, и то не каждый день. О теле, как видно, совсем не имел он попечения, но, упражняясь в созерцании, был осеняем Божественным просвещением и, сподобляясь оттоле неизреченного тайноводства, пребывал в духовном радовании. Идя в церковь по субботам и воскресеньям, он шел всегда один в самоуглублении, не позволяя никому приближаться к себе, чтоб ум не отторгался от делания своего. В церкви же, став в углу и лицом поникши долу, испускал источники слез, непрестанное имея сетование и в уме вращая память смерти и образ св. отцов, особенно Арсения Великого, по следам которого и шествовать всячески старался.

Бывшей же ереси во александрии, и во окрестных том мѣстѣхъ, оудалиса, и ѿиде въ лавру нѣканорова именемю. И воспрѣавъ егò павлинъ бѣлюбивѣйшій, и ѿпредѣливъ емѹ въ особь ѿстоѡщемъ ѿ себѣ быти мѣстѣ, во всѣкомъ егò оустроѡетъ безмолвіи. Чрезъ цѣлой бо годъ никомѹже попѹсти ѿнюдѣ приходити къ немѹ, но ниже самъ стѹжи емѹ когда, тѣчию во время, въ неже нѹжный хлѣбъ даше. Наставшъ оубо стѣомѹ хрѣтѣмъ воскресенію, въ собраніи бывъ посреде ихъ, идѣже бывшъ ѿпѣстѣнномъ житіи разглагольствію, и разѹмѣ павлинъ блаженный, ѣкѹ и благоговѣйнѣйшемъ братѹ, сѣе есть намѣреніе изѡцнѣйшее, словеса емѹ внѣшаетъ подвижническаѹ ѿтѣцъ преданнаѹ, писаннаѹ и неписаннаѹ, всѣми показѹѹ, ѣкѹ кромѣ совершеннагѹ безмолвіѹ, не возможно оугодити бѣгѹ, ѣкоже нѣгдѣ и мѹсѣи бжѣственный отѣцъ любовѹдрствоваше: ѣкѹ безмолвіе раждаетъ подвигъ: подвигъ же раждаетъ плачь: плачь же, страхъ: страхъ же, смиреніе: смиреніе, прозрѣніе: прозрѣніе, любовь: любовь же творитъ дѹшѹ безболѣзненнѹ и безстрастнѹ, и тогда познаетъ человекъ, ѣкѹ не далече есть ѿ бѣга.

Рече оубо емѹ: подобаетъ ти безмолвіемъ совершеннѹ ѿчистити оумъ, и дати емѹ непрестанное дѣланіе дѹховное. Икоже бо око взираетъ на чѹвственнаѹ, и оудивляетсѹ видимой вещи: сице и чистый оумъ взираетъ на оумнаѹ, и ѿ дѹховнагѹ видѣніѹ восхицаетсѹ, и недѣбъ ѿторженъ бываетъ. И елику безмолвіемъ ѿбнажаетсѹ страстей, и ѿчицаетсѹ, толѣку сподоблетсѹ разѹмѣніѹ. Тогда же совершенъ есть оумъ, егда естѣственный своѣй разѹмъ поперѣтъ, и соединитсѹ съ бѣгомъ. Занѣ царское имѣѹ достоинство, ѿбницати къ томѹ не терпитъ, ниже совоздвизаетсѹ дѣльными вожделѣніи, аще и всѹ емѹ царствіѹ дарствѣши. Аще оубо хѹщеши на всѹ сѣѹ взыти добродѣтели, не бѹди попе-

Когда в Александрии и окрестностях ее появилась ересь, он удалился оттуда и отошел в Лавру Никанорову. Прияв его, боголюбивейший Павлин отдал ему свое уединенное место и устроил для него совершенное безмолвие. Целый год никому не попустил он повидаться с ним, и сам нимало не докучал ему, разве только в то время, когда подавал потребный хлеб. Настало Святое Христово Воскресение. Когда при свидании зашла у них между собою беседа, и речь коснулась пустынного жития; тогда, уразумев Филимон, что и благоговейнейший сей брат Павлин тоже питает прекрасное намерение [пустынножительствовать], богато всевает в него подвижнические словеса, — из Святого Писания и отеческие, — всем показывая, что без совершенного уединения невозможно угодить Богу, как негде любомудрствует и Моисей, богопросвещенный отец, — что безмолвие рождает подвиг, а подвиг рождает плач, плач — страх, страх — смирение, смирение — прозрение, прозрение — любовь, любовь же делает душу здоровою и бесстрашною, и тогда человек познает, что он недалек от Бога.

Он (Филимон) говорил ему: надлежит тебе посредством безмолвия совершенно очистить ум и дать ему непрестанное делание духовное. Как глаз, обращаясь на чувственное, всматривается в видимое, так чистый ум, обращаясь к мысленному, восхищается духовно созерцаемым, так что и не отторгнешь его от того. И насколько посредством безмолвия обнажается он от страстей и очищается, настолько сподобляется и ведения [оных духовных вещей]. Совершенным же ум бывает тогда, когда вступит в область существенного ведения и соединится с Богом. Тогда он, царское имея достоинство, не чувствует уже бедности и не увлекается ложными пожеланиями, хотя бы ты предлагал ему все царства. Итак, если хочешь

чителенъ ни ѿ единомъ же человекѣ. Бѣжа бѣгаи міра, и шествѣи оусерднѣи пѣтемъ стѣхъ, и имѣи ѡбразъ небрегомый, и одѣждѣ смиреннѣи и хѣдѣ: и нравъ прѡстѣ, и слово прѡсто, и стѣпаніе нетщеславно, и непритворный гласъ, и въ нищетѣ жити, и презрѣннѣи быти ѿ всѣхъ, и паче всегѡ храненіе и трезвеніе оумѡ, и во всѣхъ тѣснотѣхъ терпѣніе, и всѣ, ꙗже сѣтъ благѡмъ, невредима хранити и недвижима. И блюди ѡпаснѣи ничтѡже ѿ привходящихъ сластей прїимати: душевнѣи бо страсти, безмолвїемъ оукрощаваются, возжигаемы же и возбуждаемы паче свирѣпствовати ѡбыкѡша, и имѡщихъ тѣмъ множае согрѣшати понуждають. И ꙗкоже тѣлесныя раны повреждаемы и раздирѡемы недѡвь излѣчимы бывають: можетъ оубѡ и слово прѡздно оудалити оумъ ѿ пѡмѡти бжїей, бѣсѡмъ на сїе нѣдѡцимъ, и чѡствамъ тѣмъ повинѡющимся.

Великъ бо подвигъ и страхъ душѣ хранити. Подобаѣтъ оубѡ тебѣ оудалитисѡ ѿ всегѡ міра, и ѡторгнѣти душѣ ѿ любленїѡ тѣлесѣ, ничесогѡ имѡщѣ своегѡ, ни града, ни кѣллїи, и быти несребролюбивѣ, нестѡжательнѣ, непопечительнѣ, недрѡжелюбнѣ, человекѣскимъ дѣломъ нешѣченнѣ, смиренномѡдрѣ, милосѣрдѣ, блѡгѣ, крѡткѣ, безмолвнѣ, гѡтовѣ воспрїѡти сѣрдцемъ привходящаѡ впечатлѣнїѡ ѿ бжїественнагѡ рѡзѡма. Не бо на воскѣ возможно писати, не прѣжде загладившѣ лежащыѡ чертѣ: семѣ бо насъ наѡчѡетъ великїи васїлїи. Таковїи быстѣ ликъ стѣхъ, совершеннѣи мїрскагѡ жительства оудаленнїи, и небесное мѡдрѡванїе несмѡщенно въ себѣ хранѡще, бжїественными законѣи просвѣтїшасѡ, и благочестїивыи дѣлы и словесы ѡблїстѡша, оумертвїивѣ оуды, ꙗже на землїи, воздержанїемъ, и стѣрахѡмъ бжїимъ и любѡвїю. Непрѣстѡнно бо молїтѡвою,

достигнуть таких доброт, бегом беги от міра и со усердием теки путем святых, брось заботу о внешнем своем виде, одежду имей бедную и убранство смиренное. Нрав держи простой, речь нехитростную, ступание нетщеславное, голос непритворный. Полюби жить в скудости и быть всеми небрегомым. Паче же всего попейся о хранении ума и трезвении, будь терпелив при всяких теснотах и всячески сохраняй приобретенные уже блага духовные неповрежденными и неизменными. Внимай себе тщательно и не принимай ни одной из тайно прокрадывающихся сластей. Ибо, хотя безмолвие укрощает душевные страсти, но если давать им возгораться и истраяться, то они обыкновенно еще паче расшвирепевают, и допускающих сие еще с большею силою влекут ко греху. Так и телесные раны, будучи растираемы и раздираемы, бывают неисцелимы. Может и одно слово отдалить ум от памяти Божией, когда бесы нудят на то, и чувства соглашаются с ними.

Велик подвиг и страх — хранить душу. Итак, надлежит тебе совсем удалиться от міра и, отторгнув душу от всякого сострастия телу, стать безградным, бездомным, бессобственником, бессребренником, бесстѡжательником, бесхлопотником, бессообщником, невеждою в делах человеческих, смиренным, сострадательным, благим, кротким, тихонравным, готовым принимать от Божественного ведения вразумительные напечатления в сердце. Ибо и на воске невозможно писать, не изгладив наперед прежде начертанных на нем букв, как научает нас сему великий Василий. Таков был лик святых, которые, совсем удалившись от всех обычаев мїрских и храня в себе невозмущаемым небесное мудрѡвание, просветились Божественными законами и возблїстѡли благочестїивыи делѡи и словами, умертвїив земные члены (Кол. 3, 5), воздержанїем, Божиим страхом и любѡвїю. Ибо непрѣстѡнною

и побчѣнемъ вѣстѣнныхъ писаній ѿверзѣются дѣши оумныя очи, и зрѣтъ црѣ силъ, и бывѣтъ радость велиа, и желаніе горящее возжизѣемое въ дѣши сѣльнѣ: взимающейса и плоти ѿ дѣа, бывѣтъ челоуѣкъ весь дѣховень. Сіа блаженнагѣ безмолвіа, и тѣснѣйшагѣ подвижническагѣ житіа дѣлатели, иже ѿ всѣкагѣ челоуѣческагѣ оутѣшеніа себѣ саміхъ оудалившѣ, едіни съ едінѣмъ, иже на небсѣхъ, вѣкоу чістѣ разглагольствѣютъ.

Сіа оуслышавъ той бѣлюбивый братъ, и вѣстѣнною любовію оумзвѣвши дѣшѣ, постизѣтъ съ нимъ скитъ, идѣже велицыи ѿ стѣхъ отѣцъ благочестіа теченіе совершіша: жиша же въ лаврѣ стѣгѣ іѡанна колола, попеченіе ѿ себѣ предавшѣ строителю лавры, за еже хотѣти имъ безмолвнѣ пребывати: и пребывахѣ бжѣію благодатію во всѣкомъ безмолвіи, исхожденіа неизмѣннѣ творѣще въ сѣбѣ и недѣлю: прѣчи же днѣ седмицы, въ келліи пребывахѣ, молитвы и слѣженіа кійждо оубѣ творѣще.

Баше же стѣгѣ старца слѣженіе сицевѣ: въ ноци оубѣ поаше всю псалтирь, и пѣсни безматѣжнѣ, и глагола едіно зачало ѿ еѣліа. И потѣмъ сѣдѣше, внѣтръ себѣ глагола: гдѣ помилѣи, непрестаннѣ сице и на много врѣмѣ, іакѣ оужѣ не моци кѣмѣ гласнѣ реци, и авіе сна прѣвѣщашесѣ. И сице пакѣ во оутрѣи поаше перѣвый часъ, сѣдѣше же на мѣстѣ своемъ зрѣ къ востѣкѣ, и полѣ прѣмѣннѣ: и пакѣ и зѣстнѣ чтѣ ѿ апѣстола, и ѿ еѣліа. И сице совершашѣ по всѣкъ дѣнь непрестаннѣ полѣ и молѣса, и небеснагѣ наслаждаасѣ видѣніа, іакоже многожды къ видѣнію оумѣ егѣ возводѣтисѣ и не вѣдѣти, аще на землі баше.

молитвою и поучением в Божественных Писаниях отверзаются умные очи сердечные и зрят Царя Сил, — и бывает радость великая, и сильно воспламеняется в душе Божественное желание неудержное, причем совосхищается туда же и плоть действием Духа, и человек весь соделовается духовным. Вот чего сподобляются делатели блаженного безмолвия и теснейшего подвижнического жития, которые, удалив себя от всякого утешения человеческого, одни с Единым, на небесах сущим Владыкою непрестанно беседуют!

Выслушав сие тот боголюбивый брат и Божественною в душе уязвившись любовию, [оставляет свое место] и вместе с оным (Филимоном) достигает скита, где величайшие из отцов совершили путь благочестия. Жить они поселились в Лавре св. Иоанна Колола, передав попечение о себе эконому Лавры, так как желали пребывать в безмолвии. И пребывали они тут благодатию Божию в совершенном безмолвии, по субботам и воскресеньям исхождения творя на общие собрания церковные, а прочие дни пребывая у себя; причем каждый совершал молитвы и служения особо.

У старца святого (Филимона) было такое правило служения: ночью пропевал он всю Псалтирь и песни (9-ть, помещаемых в Псалтири), не спешно, без суетливости, прочитывал одно зачало Евангелия, потом садился и сидел, говоря в себе: *Господи, помилуй!* со всем вниманием и довольно долго, пока не мог уже возглашать сего воззвания; и наконец давал себе соснуть (вздремнуть). Потом опять на рассвете пропевал первый час и, сѣдши на свое седалище лицом к востоку, попеременно то пел [псалмы], то читал, по произволению, из Апостола и Евангелия. Так проводил он весь день, непрестанно поя, молясь и услаждаясь созерцанием небесного; ум его часто так уводим был в созерцание, что он не знал, на земле ли он находится.

Вида оубв егò братъ сице въ непрестанномъ бгò-служеніи трѣждаящася, и бжественными помышленіи всачески измѣнающася, рече къ немѹ: ты ли отче, въ толицѣи старости такъ трѣдишися, оумерщвлѣа тѣло свое и порабоцѣа е; Онъ же ѡвѣщавъ, рече: вѣрѣи чадо, толико оусердіе и желаніе къ служенію вложи бгъ въ дѣшю мою, ѣакъ не могѹ сѣльнагѹ толà напрѣженіа исполнити. Любѡвь же ѣже къ бгѹ, и вѣдѹщихъ блѣгъ оупованіе, тѣлеснѡю немощь побѣждають. Сице все желаніе воскриленно во оумѣ имаше на небо: и не во инѣа точїю времена, но и въ самое трапѣзы время.

Нѣкогда оубв сожителствѣа съ нимъ братъ нѣкій, вопроси егò: какъ бы видѣніа была тайна; Егда же оубѣдѣти хотѣаца, и прилѣжаца егò видѣ, рече къ немѹ: глаголю ти, чадо, ѣакъ ѣще кїилнво оумъ ѡчиститсѣа совершеннѣ, самыхъ службныхъ силъ, и чинѡвъ видѣніа ѡкрывѣаетъ томѹ бгѹ.

Вопроси же егò и ѡ сѣмъ: чесѡ ради отче, паче всакагѹ бжественнагѹ писанїа псалтирїю сослаждаешися, и чесѡ ради, полà тихѹ, ѣакъ съ нѣкїимъ разглагольствѣа словесы мнїишися; Онъ же къ немѹ рече: глаголю ти, чадо, сице предизобрази бгъ силѹ псалмѡвъ въ смиреннѣи дѣши моѣи, ѣакоже и во прорѡцѣ дѣдѣ: и ѡлѣчїтисѣа ѡ сладости многоразличныхъ, ѣже въ нихъ, видѣніи не могѹ, все бо бжественное писанїе ѡбѣмлютъ. И сїѣа оубв многѹ принѣждаемъ пользы ради, со многимъ смиренномѹдрїемъ, вопросившемѹ исповѣда.

Братъ нѣкій именемъ іѡаннъ, ѡ страны примѡрскихъ, пришѣдъ пристѹпи къ стѡмѹ сѣмѹ и великомѹ отцѹ фїлимѡнѹ, и державъ егò за нѡзѣ, рече къ немѹ: что сотворю отче, да спасѣсѣа; зрю бо, ѣакъ оумъ ѡвхѡдитъ и парїтъ сѣмѹ и ѡвѣамѹ, въ нѣже не подобѣетъ. Онъ же малѹ помолчавъ, рече: сїѣа страсть ѡ внѣшнихъ есть, и пребывѣаетъ: понѣже ецѣ не имаша совершенныхъ любвѣ

Брат, видя, что он так всеусердно прилежит молитвенным служениям и иногда совсем изменяется от Божественных помышлений, сказал ему: трудно, тебе, отче, в такой старости так умерщвлять и поработать тело свое? Он ответил ему: «поверь мне, Бог такое усердие и такую любовь к молитвенному служению вложил в душу мою, что я не в силах вполне удовлетворять ее к тому стремления; немощь же телесную побеждает любовь к Богу и надежда будущих благ». Так все желание его было умно воскриляемо в небеса, и это даже во время трапезования, а не только в другие времена.

Однажды спросил его живший с ним брат некий: какие бывают тайны созерцания? И он, видя его неотступность и то, что он искренно ищет назидания, сказал ему: говорю тебе, чадо, что тому, чей ум совершенно очистился, Бог открывает видения самых служебных сил и чинов [ангельских].

Спросил он его и о следующем: чего ради, отче, паче всякого Божественного Писания услаждаешься ты Псалтирию, и чего ради, поя тихо, ты представляешься будто разговаривающим с кем-то? На это он сказал ему: «Бог так напечатлел в душе моей силу псалмов, как в самом пророке Давиде, и я не могу оторваться от услаждения сокрытыми в них всяческими созерцаниями; ибо они объемяют все Божественное Писание». Это исповедал он вопрошавшему с великим смирением, пользы ради и после долгого неотступного упрашивания.

Брат некий по имени Иоанн, от приморья устремившись, пришел к святому сему и великому отцу Филимону, и обняв ноги его, сказал ему: что сотворю, отче, да спасуся? Ибо ум мой носится и парит туда и сюда, где не следует. И он, помолчав немного, сказал: сия болезнь [душевная] есть принадлежность тех, кои внешни суть, и в них она пребывает. И в тебе она есть, потому что ты не

къ вѣѣ, ещѣ бо не пришѣлъ еси въ теплотѣ любви и познаниа егѡ. Глаголетъ братъ: и что сотворю отче; Глагола емѣ: иди оуже, имѣй сокровенно поученіе въ сердце твоѣмъ, еже можетъ оумъ твоѣй ѡчистити ѡ снхъ. Братъ не оуразумѣвъ глаголемыхъ, ненадченъ сын, глагола старецъ: что есть сокровенно поученіе отче; И глагола къ немѣ: иди, трезвися въ сердце твоѣмъ, и въ мысли твоѣй трезвеннѣй со страхомъ и трепетомъ глаголи: гди иисе хртѣ помилуй ма! Ибо и блаженный диадохъ новоначальнымъ сице предааше.

Ошѣдъ оубо, и содействомъ вѣимъ, и отца молитвами безмолствовавъ, оусладиса сицевымъ поученіемъ малѣ. Икоже авте ѡстѣпи ѡ негѡ, и не можаше сѣе трезвеннѣ творити и молитиса, пришѣдъ паки къ старецѣ, случившееся емѣ возвести. Онъ же глагола емѣ: сѣе оуже позналъ еси стезю безмолвіа и дѣланіа, и іаже ѡ сегѡ сладость искѣсилъ еси, имѣй оубо въ сердце твоѣмъ сѣе всегда: аще іаси, аще пѣши, аще въ бесѣдѣ съ нѣкѣими ѡбрѣтаешиса, аще внѣ келліи, аще на пѣти, да не мимоидетъ тебѣ, трезвенною мыслию и непрелестнымъ оумомъ, сѣю молитвою молитиса, и пѣти и поучатиса въ молитвѣмъ и псалмѣхъ. Но и въ самой нужднѣй потребѣ твоѣй, да не празденъ вѣдетъ оумъ твоѣй, сокровенно поучаася и моласа. Сице бо возможеши оуразумѣти глубины вѣественнагѡ писаниа, и іаже въ немъ сокровенноу силѣ, и дати непрестанное оумѣ дѣланіе, іакѡ да исполниши апостольско слово сказѡщее: непрестанно молитеса (а Голѡн. е, 31). Внимаѣй оубо прилѣжно, и храни сердце твоѣе еже не прѣати лѣкавы помыслы, или какѡвѣа когдалибо сѣетныхъ и неполезныхъ: но всегда и спѣ, и востаѣ, и іадѣ, и пѣѣ, и бесѣдѣ, сердце твоѣе сокровенно въ мысли, овогда оубо да поучаетса во псалмѣхъ, овогда же да молитса сице: гди иисе хртѣ, сѣе вѣимъ, помилуй ма! И паки: егда поѣши

возимел еще совершенной любви к Богу, еще не пришла в тебя теплота любви и познания Его. Говорит ему брат: что же мне делать, отче? Тот сказал ему: поди возымай сокровенное поучение в сердце своем, и оно очистит ум твой от сего. Брат, не будучи посвящен в то, что этим сказывалось, говорит старцу: что же это за сокровенное поучение, отче? И он сказал ему: поди, трезвися в сердце своем и в мысли своей трезвенно со страхом и трепетом говори: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!* Так преподает новоначальным и блаженный Диадокх.

Брат пошел и, содействием Божиим по молитвам отца успокоившись, усладился таким поучением немного. Но потом это услаждение отошло от него, и он не мог уже трезвенно совершать такое делание и молиться. Почему он опять пошел к старцу и сказал ему о случившемся. Старец говорит ему: теперь узнал уже ты путь безмолвия и умного делания и вкусил происходящей от того сладости. Имей же сие всегда в сердце своем, — ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, в пути ли находишься или в келлии сидишь, не преставай трезвенною мыслию и неблуждающим умом молиться такую молитвою, петь и поучаться в молитвах и псалмах; даже при исправлении самых необходимых потребностей своих не давай уму своему быть праздным, но заставляй его сокровенно поучаться и молиться. Так можешь ты уразуметь глубины Божественного Писания и сокрытую в нем силу и дать уму непрестанное делание, да исполнишь Апостольское слово, заповедующее: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17). Внимаѣй же себе тщательно и блюди сердце свое от пріятия худых помыслов, или каких-нибудь суетных и неполезных; но всегда, и когда спишь, и когда встаешь, и когда ешь, и когда пьешь, и когда ведешь беседу, пусть сердце твоѣе втайне мысленно то поучается в псалмах, то молится: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй*

а́зѣкомъ, внима́й не ѿна́м глаго́лати о́усты, и во ѿны́хъ па́рѣти мѣ́слѣю.

И па́ки вопро́си бра́тъ: мно́гаѡ во снѣ́хъ тѣ́тѣнаѡ мечта́нїѡ зрю. Старе́ць же къ немѸ рече́: не ѡблѣ́ниши́са, ниже́ возне́радиши: но пре́жде не́же о́уснеши, мно́гаѡ моли́твы сотвори́ въ се́рдцѣ тво́емъ, и проти́въ ста́ни по́мысламъ, да не всю́дъ води́мъ бѣ́деша хотѣ́нїи дїа́воли, да бѣ́тъ воспрї́иметъ тѡ. Е́лика же си́ла въ тебѣ́, подви́жайса, да во ѡ́алмѣ́хъ и о́умнѣ́мъ поуче́нїи о́уснеши, и да не возне́радиши и по́пѸстиши мѣ́сли тво́ей воспрї́ати чѸ́ждыѡ по́мыслы: но въ ни́хже моли́лса е́си, въ тѣ́хже и по́уча́лса воскло́ни́са, ѡ́акъ да спа́щѸ ти со́щтро́битса, и воста́ющѸ со́глаго́летъ ти. Глаго́ли же и стѣ́ий сѸ́мво́лъ правосла́вныѡ вѣ́ры пре́жде не́же о́усне́ти тебѣ́. Е́же во ѡ́ бѣ́тъ пра́вѡ мѣ́слити, исто́чникъ е́сть и хране́нїе всѣ́хъ бла́гъ.

Па́ки вопро́си е́го глаго́ла: сотвори́ любовь́ ѡ́тче, рцы́ ми, ко́е дѣ́ланїе ѿма́тъ о́умъ тво́й; на́учи ма, да и а́зъ спаса́лса. Онъ же глаго́ла: что́ хо́щеша сїа́ ѿспы́товати; Онъ же воста́въ, и держа́ но́зѣ стѡ́гѡ лобыза́а, мола́ше ѿзрещи́ е́мѸ. По мно́гихъ же часѣ́хъ рече́: не мо́жеша носї́ти е́ще, мѸ́жа во е́сть въ на́выкнове́нїи бла́гихъ сѸ́цагѡ, е́же разда́ти ко́емѸ́ждо чѸ́вствѸ подо́бающее́ дѣ́ло, не во́ мо́цно е́сть ко́мѸ, не ѡ́чищшсѡ со́верше́ннѣ ѡ́ сѸ́етныхъ по́мышле́нїи мї́ра, сподо́битса си́цевѡ́гѡ дарова́нїѡ. Тѣ́мже, а́ще си́цевы́хъ желе́тель е́си, ѿмѣ́й сокро́венное́ поуче́нїе въ чи́стомъ се́рдцѣ. А́ще во превѣ́детъ не́преста́ннаѡ твоѡ́ моли́тва, и поуче́нїе писа́нїи, ѡ́верзѸ́тса ти о́умныѡ твоѡ́ ѡ́чи дѸ́ши, и бѣ́детъ е́й ра́дость ве́лїѡ, и желе́нїе не́кое неизрече́нно и крѣ́пко, возжи́заетъ и плоти́ ѡ́ дѸ́ха, ѡ́акъ все́мѸ чело́вѣ́кѸ бы́ти дѸ́ховнѸ. А́ще о́убѡ въ но́щи, а́ще во дни сподо́битъ тѡ бѣ́тъ чи́стымъ о́умомъ помолї́тиса чи́стѣ́, да не внѣ́млеши сво́емѸ пра́вилѸ: но е́лика ти си́ла е́сть, со́простира́йса при-

мя! Также когда поешь псалмы языком, внимай, чтоб не говорить одного устами, а в другом парить мыслью.

Брат спросил его еще: много суетных мечтаний вижу я во время сна. Старец сказал ему: не ленись и не малодушествуй; но прежде чем заснешь, многие сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслами покусениям диавола водить тебя по воле своей, да восприимет тебя Бог. Сколько сил есть заботься о том, чтобы засыпать с псалмами в устах и умным поучением, и никак не позволяй по нерадению уму своему принимать чуждые помыслы, но с какими помышлениями молился ты, в тех поучаясь склонись и на одр, чтобы и когда будешь спать, они пребывали в тебе, и когда пробудишься, беседовали с тобою. Проговаривай также и святой Символ Православной веры, прежде чем заснешь; ибо православствовать о Боге есть источник и охрана всех благ.

Еще спросил его брат: сотвори любовь, отче, скажи мне, какое делание имеет твой ум? Научи меня, чтобы и мне спастись. Он сказал ему: зачем это любопытствуешь ты знать? Тот встал, обняв ноги святого и, лобызая их, умолял его сказать ему это. Старец довольно времени спустя сказал: не можешь еще ты понести сего. Давать каждому чувству пригодное дело свойственно мужу, обыкшему вращаться в благах правды; и невозможно дара сего сподобиться тому, кто не стал совершенно чист от суетных помышлений мира. Потому, если ты истинно желаешь сего, держи сокровенное поучение в чистом сердце. Ибо если пребудет в тебе непрестанно молитва и поучение в Писаниях; то отверзутся очи души твоей и будет в ней радость великая, и чувство некое неизреченное и горячее, при согревании от Духа и плоти, так что весь человек станет духовным. Итак ночью ли или днем сподобит тебя Бог нерассеянно помолиться чистым умом, оставь свое молитвенное правило и, сколько сил есть, про-

лѣплѣтисѧ вѣѣ, и тоѣ просвѣтитѣ сердце твоѣ вѣ дѣхѣвнѣмъ, ѣже началъ еси, дѣланїи.

И сїе такожде приложи, ѣкѡ прїиде ко мнѣ иногда нѣкїи старецъ и вопрошенъ бывъ ѿ мене ѿ устройствїи оумѧ, рече: ѣкѡ два лѣта пребыхъ молѧ вѣга ѿ всего сердца, просѧ неослабнѡ, да дастъ ми вынѣ и нематѣжнѡ, впечатлѣвѣтисѧ вѣ сердце моему молитвѣ, юже предаде самъ своимъ ученикомъ: и видѣвъ трудъ мой и терпѣнїе, подаде прошенїе великодаровитый гдѣ.

Рече же и сїе, ѣкѡ сщцыѧ вѣ мысли ѿ сѣтнѣхъ (вещѣхъ) помыслы, недѣлѣтъ естѣ праздноу и оумнѣлымъ дѣшїи. Подобаетъ оубо по писанномъ, всѧцѣмъ храненїемъ блюсти намъ оумъ свой, и непрестаннѡ пѣти вѣ разумѣ, и чїстымъ оумомъ молитисѧ. Темже оубо братїе, хощетъ насъ вѣ, первѣе вѣ трудѣхъ, таже вѣ любви и непрестаннѣ молитвѣ явлѣти къ немѣ тцѧнїе, и тоѣ подастъ пѣть спасенїѧ. И вѣ же ѣкѡ не ины пѣть къ небсїи возводящїи, развѣ совершенное безмолвїе, и всѣхъ слыхъ оудаленїе, и благїхъ стѣжанїе, и совершенна къ вѣгѣ любовь, и ѣже быти съ вѣгомъ вѣ преподобїи и правдѣ: и аще кто вѣ сїхъ вѣдетъ, сѣлѡ вскорѣ къ небесномъ востечетъ ликѣ. Подобаетъ же всѧкѡ на сїю взыти высотѣ желѡщемъ, оумертвїти оуды, ѣже на землїи. Егда бо дѣша наша видѣнїемъ истиннагѡ блага оуслаждаетсѧ, ни къ единой же ѿ дѣйствѣемыхъ сластїю страстѣи оуклонѣетсѧ: но всѧкагѡ ѿвратївшисѧ телеснагѡ сладострастїѧ, чїстою и нескверною мыслию прїемлетъ явлѣнїе вѣга. Многа оубо намъ потреба храненїѧ, и трудѡвъ телеснѣхъ, и ѡчищенїѧ дѣшїи, да вселимъ вѣга вѣ сердца наша: да прочее безгрѣшнѡ совершимъ бжѣственнагѡ егѡ заповѣди, и самъ онъ оучитъ ны твѣрдѡ законы егѡ хранїти, ѣкоже лучїи солнечны

стирайся умносердечно прилепляться к Богу. И Он просветит сердце твое в духовном делании, за которое ты принялся.

К сему присовокупил он: некогда пришел ко мне один старец, и когда я спросил его об устройении его ума, сказал мне: два года пребыл я в молитве пред Богом, от всего сердца умоляя Его прилежно, да дарует Он мне, чтобы непрестанно и нерассеянно печатлелась в сердце моем молитва, которую предал Он ученикам Своим, и великодаровитый Господь, видя труд мой и терпение, подал мне просимое.

И вот еще что он говорил ему: помыслы о вещах суетных, бывающие в душе, суть недуг празднолюбивой и предавшейся нерадению души; почему нам надлежит, по Писанию, всяким хранением блюсти ум свой, разумно петь без рассеяния и молиться чистым умом. Итак, брате, Бог хочет, чтоб мы являли к Нему свое усердие во-первых трудами [подвижничества и доброделания], потом любовью и непрестанною молитвою, — и Он подаст нам путь спасения. Явно же, что нет другого пути, возводящего на небо, кроме совершенного удаления от всего злого, стяжания всего благого, совершенной к Богу любви и сопребывания с Ним в преподобии и правде, так что когда у кого будет сие, то он скоро востечет к небесному лику. Но при сем всякому, желающему взыти на высоту, неотложно надлежит умертвить уды (члены), сущие на земле. Ибо когда душа наша усладится созерцанием истинного блага, то уже не возвращается ни к одной из страстей, возбуждаемых сластїю греховною; но от всякого отвратившись телесного сладострастїѧ, чїстою и нескверною мыслию приемлет явление Бога. Итак, нам потребно великое себя хранение, много телесных трудов и очищения души, да вселим Бога в сердца наши, чтобы прочее безгрѣшно исполнять Божественные Его заповеди,

своѣ дѣйствиѣ испѣскаѣ, низпослѣнною дѣха благодѣтїю. Трудѣми бо ѿ искѣшенїѣми подобѣетъ ѡчїстїти намъ ѡбразъ, по немѣже выхоумъ словесни, ѿ всѣкаго разума ѿ подобїѣ вѣжїѣ прїѣтельны: всѣкой сквернѣ не примѣсна ѿ нѣкїимъ ѡбразомъ огнемъ искѣшенїѣ ѡки вопрекувана чѣвства ѿмѣще, ѿ въ царское достѡинство претворѣми. Всѣкаго бо блага причѣстно ѿ человекеское естество содѣла бѣтъ, могѣщее оумнѣ зрѣти ѡггль ликованїѣ, славу господствїѣ, сїлы, начала, власти, свѣтъ неприступный, славу превелїстающю. Егда же исправнїши добродѣтель, да не вознесѣшисѣ помысломъ твоимъ на брата, ѡакъ тебѣ исправнїшъ, томъ же вознерадѣвшъ: начало бо гордостї сїѣ ест. Всѣю сїлою блюди ничесѡже творїти человекѡубодїѣ ради. Яще же подвижаешисѣ на страсть, да не возскорбїши, ниже да оубїеши, яще не престаѣтъ брань: но востаѣвъ повѣрзи себѣ предъ вѣгомъ всѣмъ сердцемъ, со пророкомъ глагола: *Суди гдї ѡбїдащыѣ мѣ (Псал. ѡд, ѡ.)*, азъ бо не могъ противъ ѿхъ. И той зра твоѣ смиренїѣ, ѡвїѣ послетъ помошь свою. Егда же ходиши съ кѣмлібо въ пѣтї, не воспрїмнї сѣтныѣ бесѣды, но даждь оумъ дѣховное, еже ѿмѣ, дѣланїѣ, да вѣдетъ емъ ѡбычай блага, ѿ завенїѣ сладостей мїрскихъ, ѿ въ пристѣнїца безстрастїѣ достїгнетъ.

Сїми ѿ множайшими словесы побчївъ брата, ѡпѣс-тїѣ.

По малѣ же времени паки прїиде къ немъ, ѿ вопро-сївъ речѣ: что сотворю ѡтче, ѡакъ въ ноцнѣмъ моѣмъ слѣженїи сонъ ѡтѣгчѣетъ мѣ, ѿ не попѣцѣетъ трѣзвен-нѡ молїтисѣ, ниже вѣдѣти множайше, ѿ хоцѣ рѣкодѣлїѣ коснѣтисѣ, егда пою; Онъ же речѣ, егда можешн трѣз-веннѡ молїтисѣ, да не касѣшисѣ рѣкодѣлїѣ. Яще же оубнїѣмъ ѡдержнїмъ вѣдешн, малѡ подвигнїсѣ претѣ-

и чтобы Сам Он учил нас блюсти твердо Его законы, испуская, как солнечные лучи, Свои на нас воздействия вложенную в нас благодатию Духа. Трудѣми и искушениями должны мы очистить образ, по коему были мы созданы разумными и способными воспринимать всякое разумение и Богу уподобление, нося чувства, чистые от всякой скверны чрез переплавление их некако в печи искушений, и претворяемы бывая в царское достоинство. Бог и человеческое естество создал причастным всякого блага, могущим мысленно созерцать ликования Ангелов славы, Господств, Силы, Начала, Власти, свет неприступный, славу пресветлую. Но когда исправишь ты какую добродетель, смотри, да не превознесетѣ помысл твой над братом, потому что ты исправил ее, а он понерадел; ибо это начало гордостї. Когда борешься с какою страстию, смотри не унывай и не малодушествуй от того, что брань стоит упорно; но восстав, повергни себя пред лицом Бога, от всего сердца говоря с пророком: *суди, Господи, обижающих меня (Пс. 34, 1)*, ибо я не силен против них. И Он, видя смирение твоѣ, скоро пошлет тебе помошь Свою. Когда идешь с кем в пути, не принимай суетной беседы, но дай уму духовное делание, которое он имел, чтобы пребыло в нем сие благое навывковение и забвение мїрскихъ сластей, и он не исходил из пристани бесстрастїѣ.

Такими и многими другими словесами огласив брата, старец отпустил его.

Но спустя немного времени он опять пришел и, начав речѣ, спросил: что мне делать, отче? В ночном моем служении отягчѣет меня сон и не дает мне трѣзвенно молиться и побдетъ побольше; и я хочу брать в руки работу, когда пою. На это старец сказал: когда можешн молиться трѣзвенно, не касѣшисѣ рукоделїѣ; когда же объят будешн дреманием, тогда, подвигнїсѣ немного против помысла,

ци помыслѣ, и коснѣса рукодѣліа. Онъ же пакѣ рече къ немѣ: ты самъ отче, не ѡтягчаешиса ли сномъ въ служеніи твоёмъ; глагола емоу: не оудобь оубо, обаче, аще прїидетъ иногда, малѣ движѣса, и глаголю зачало ѡ еѡлїа іоанна, возводя къ бгѣ око оума, и авте исчезаетъ. Подобнѣ же и съ помыслы творю. Егда бо прїидетъ, срѣтаю егдѣ ѡгнь со слезами, и исчезаетъ. Ты же ещѣ сице не можешѣ вооружатиса: но паче держи всегда сокровенное поученіе, и избраженныа ѡ святыхъ отцевъ дневныхъ молитвы, глаголю же: третїй, шестїй, и девятїй (часъ), вечерныхъ и ношнихъ служенїа потщиса совершати: всею же силою блюди, ничесоже творити ради человекоубодїа: ниже имѣй когда вражду на брата твоего, да не ѡлчиши себѣ ѡ бгѣ твоемѣ. Тщиса невозносливъ мысль блюсти, прилежащѣ ко внѣшнимъ помысламъ. Егда въ церкви сїй, восхощеши причаститиса бжественныхъ хрстовыхъ таинъ, да не изыдеши, дондеже аще прїимеши совершенный миръ: на единѣмъ мѣстѣ стоай да не ѡтступиши ѡтуда да же до ѡпуста. Мни же себѣ на небесї стоати, и со стѣми агглы бгѣ предстоати, и сегдѣ воспрїимати въ сердце. Со страхомъ оубо и трепетомъ многимъ готовиса, да не недостойнѣ оучастникомъ будеши стѣхъ силъ.

И въ сихъ добри вооруживъ брата, гдѣ и дхѣ благодати егѣ, сегдѣ врчивъ, ѡпустї.

Къ симже повѣствоваше ещѣ и сщїй съ нимъ братъ сїа, ѡгнь сѣдѣщѣ ми иногда близъ егѣ, вопросихъ егдѣ: аще искѣсиса повѣждати наветы діаволи въ пустыни сѣдѣ; Онъ же глагола: прости брата, аще попуститъ бгѣ прїити на тѣ, ѡже претерпѣхъ искѣшенїа ѡ діавола, не мнѣ мощи тебе понести горестъ сихъ. Семьде-

претя ему, коснѣса рукоделия. Тотъ опять спросил: ты сам, отче, не отягчаешься сномъ во время служения своего? Старецъ сказал: не так-то легко; однако же, когда нападает иной разъ дремание, немного подвигнусь; но начинаю читать с начала Евангелие от Иоанна, возводя к Богу око ума, и оно тотчас же исчезает. Похоже на это поступаю я и в отношении к помыслам, именно когда найдет какой из них, я встречаю его как огонь со слезами, и он исчезает. Ты же еще не можешь так вооружаться против них; но паче держи сокровенное поучение и усердствуй совершать установленные святыми отцами как дневные молитвословия, как то часы: третий, шестой, девятый и вечерню, так и ночные службы. И всеми силами старайся ничего не делать по человекоугодию, и берегись иметь вражду с кем-либо из братьев, чтоб не отдалить себя от Бога своего. Старайся также хранить мысль свою нерассеянною, всеусердно внимающею внутренним помыслам. Когда, бывая в церкви, имеешь намерение причаститься Святых Христовых Таин, не исходи из нее, пока не получишь совершенного мира. Ставь на одном месте, не отступай от туда до самого отпуска; в себе же помышляй, что находишься на небе и со святыми Ангелами Богу предстоишь, имея воспріять Его в сердце свое; готовься же к сему со страхом и трепетом, чтоб не недостойно сопричастником быть Святых Сил.

Добре таким образом вооружив брата и предавъ Господу и Духу благодати Его, старецъ отпустил его.

К сему рассказывал еще и жившїй с нимъ братъ слѣдующее. Сидя однажды подле него, я спросил его: был ли онъ искушаемъ наветами демонскими, живя въ пустыни. Онъ же сказал: прости, братъ, — если попуститъ Богъ прїити на тебя искушениямъ отъ діавола, какимъ я подлежалъ, то не думаю, чтобъ ты могъ вынести горечь ихъ. Мнѣ семидесятїй годъ, или и съ прибавкомъ, много терпелъ я искушений, живя

сѣ́тое сѣ́ лѣ́то ѿмамъ, ѿнѣ ѿ бѣ́дѣ, во ѿскѣ́шенїихъ тер-
пѣ́, ѿ въ́ различныхъ ѿвѣ́тахъ пѣ́стынахъ въ́ безмѣ́лвїи
кра́йнѣйшемъ: то́ликии ѿскѣ́сїхса, ѿ претерпѣ́хъ ѿ
нїхъ, ѿже́ не пользѣ́ютъ е́ще не прѣ́вшымъ ѿскѣ́са без-
мѣ́лвїа, повѣ́стовать гѣ́рестъ сїхъ. Сї́е же вы́нѣ во ѿс-
кѣ́шенїихъ творѣ́хъ, всю́ наде́жду мою́ возлагѣ́хъ на бѣ́а,
прѣ́д нїмже ѿ ѿвѣ́ты ѿречѣ́нїа сотвори́хъ. И́ то́й ѿвѣ́е
всѣ́кїа скѣ́рби ѿзбавлѣ́ше мѣ́. Тѣ́мже бра́те, не ктѣ́мъ ѿ
себѣ́ промы́сленїе́ творю́. Въ́мъ во то́гѣ ѿ мнѣ́ про-
мы́слѣ́юща, ѿ легчѣ́йше несѣ́ наводї́мам мнѣ́ ѿскѣ́шенїа.
Сї́е же е́дино ѿ себѣ́ приношѣ́, е́же непрестѣ́ннѣ мо-
лї́тиса. Въ́мъ во, ѿкѣ́ е́лїкѣ́ возстаю́тъ лю́дїа, то́лїкѣ́
готѣ́ватса въ́нцы терпѣ́щемъ: залѣ́ги во сї́а сѣ́тъ ѿ
пра́веднагѣ́ сѣ́дїи. Сї́а ѿ́бо въ́дѣ́й бра́те, да не ѿу́ны-
нїемъ низпадѣ́ши, въ́дѣ́а, ѿкѣ́ посре́дѣ́ бра́ни стої́ши
подвї́зѣ́сѣ: ѿ ѿкѣ́ мно́жайшїи сѣ́тъ ѿ насѣ́ прѣ́тївѣ́
врага́ вѣ́їа ра́тѣ́ющїи. Ка́кѣ во возмѣ́жно бы́ло бы́ намъ
дерзѣ́ти прѣ́тївѣ́ та́кѣ стра́шнагѣ́ прѣ́тївнїка на́шегѣ́
рѣ́да, ѿще́ не бы́ держѣ́внѣ́йша мѣ́ деснї́ца вѣ́а слѣ́ва, со-
держѣ́ла насѣ́ ѿгражда́ющїи ѿ покрывѣ́ющїи; Ка́кѣ прѣ́-
терпѣ́ло бы́ человѣ́ческое е́стество́ навѣ́ты е́гѣ́; Ктѣ́ во,
глаго́летъ, ѿкры́етъ лицѣ́ ѿвлечѣ́нїа е́гѣ́; Въ́ согвѣ́нїе́ же
пѣ́рсей е́гѣ́ ктѣ́ внїдетъ́; Изъ́ ѿу́стѣ́ е́гѣ́ ѿсхѣ́датъ ѿкѣ́
свѣ́щїи гора́щїа, ѿ размѣ́щѣ́тса ѿкѣ́ ѿскры́ огнѣ́ннїи: изъ́
ноздрѣ́и е́гѣ́ ѿсхѣ́дитъ́ дымъ́ пѣ́щи гора́щїа огнѣ́мъ ѿг-
лїа: ду́ша́ же е́гѣ́ ѿглі́е, ѿ ѿкѣ́ пла́мы изъ́ ѿу́стѣ́ е́гѣ́
ѿсхѣ́датъ: на вы́н же е́гѣ́ водворѣ́етса сї́ла. Прѣ́д нїмъ
течѣ́тъ па́гѣ́ва: сѣ́рдце е́гѣ́ ѿжестѣ́ ѿкѣ́ ка́мень, стої́тъ
же ѿкѣ́ на́ковальна́ неподвї́жна. Возжїза́етъ бѣ́зднѣ́,
ѿкѣ́ пѣ́ць мѣ́днѣ́ю: мнї́тъ же мо́ре ѿкѣ́ мї́роварнїцѣ́, ѿ
та́ртаръ бѣ́зднї, ѿкоже́ пла́ннїка. Всѣ́ высо́кое зрї́тъ:
самъ́ же ца́рь всѣ́мъ сѣ́щымъ въ́ вода́хъ (ѿв. мѣ́, дѣ́ ѿ
слѣ́д.). Прѣ́тївѣ́ сегѣ́ бра́нѣ́ намъ́ бра́те. Таковѣ́го ѿ то-

в разных пустынях в совершенном безмолвии; что же испытал я и вытерпел от этих демонов, о горечи того не полезно повествовать тем, кои не искусили еще безмолвия. В таких искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога, Коему давал и обеты отречения, и Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого уже о себе промышления и не творю; но зная, что Он печется обо мне, очень легко переношу находящие на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтоб непрестанно молиться. Не мало помогает при сем и то упование, что чем большие нападают скорби и беды, тем большие они готовят венцы терпящему: ибо у Праведного Судии те и другие уравнивают себя взаимно. Ведая сие, брате, не поддавайся малодушию. Вступил ты в среду брани, чтоб бороться, и борись, воодушевляясь и тем, что тех, кои за нас ратуют против врага Божия, очень много, больше вражеских полчищ. Да и как можно бы было нам осмелиться противостать такому страшному супостату рода нашего, если бы державная десница Бога Слова не обымала нас, не ограждала и не покрывала? Как бы выдержало человеческое естество наветы его? Ибо как говорит Иов, *кто откроет наружную сторону одежды его? в изгибы груди его кто войдет? Из пасти его выходят как бы светильники горящие и разлетаются как искры огненные. Из ноздрей его выходит дым, как бы из печи, наполненной горящими углями. Дыхание {душа} его как угли горящие и как бы пламя из пасти его выходит. На шее его обитает сила, пред ним спешит погибель. Сердце его твердо, как камень, и упруго, как неподвижная наковальня. Он разжигает бездну, как медную печь, считает море — как бы мироварницей, преисподнюю бездны — как бы пленником. На все высокое он смотрит: он сам царь над всем, что в водах находится* (Иов. 41, 4. 11–14. 16. 23–24. 26). Вот против кого у нас брань, брате! Вот каким и коликим изобразило слово

ликаго ѡписа слово мѹчителѹ. Но над ѡнымъ повѣда законнѹ ѡноческое житїе воспрїимшымъ бываетъ оудобна, за еже не имѣти имъ чтолибо ѡ сщцнхъ егѡ, ѡ-верженїемъ мїра и величествомъ добродѣтелей, паче же ѡакѡ имамы поворающаго по насъ. Кто во пришедъ ко гдѸ, рцы ми, и страхъ егѡ во оумѣ прїемъ, не преложисѹ естествомъ; и бжественными законы и дѣлы просвѣтивъ себѣ, свѣтлѸ не содѣла дѸшѸ; и бжественными разумѣньми, и помышлѣньми ѡблнставати не оустрѡн; празднѸ же ю не поощаетъ быти; Имать во вѣа возбждающа оумъ, ненасытимѹ желати свѣта. И частѣ дѣйствѣема такова дѸша не поощаетсѹ ѡ дѸа страстьми разслаблѣтисѹ. Но ѡкоже нѣкїй царь жестоку и страшнѹ противъ враговъ дышѹ, посѣкаѹ же нещаднѹ, и никакоже вспать возвращаѹсѹ: но дѣйственнѹ рцѣ на небо воздѣваѹ, и молитвѸ оумнѹю творѹ, повѣждаетъ врага.

Повѣдаше же паки и сїе братъ той, ѡакѡ ко инѣмъ егѡ добродѣтелемъ, и сїю стажѹ: ниже когдалибо праздно терпаше слышати слово. Яце же кто ѡ невниманїѹ повѣдаше вещь не на пользѸ дѸшї, ниже ѡнюдѸ ѡвѣщаваше. Но ниже, ѡходящѸ ми иногда на послуженїе, вопрошаше, чесѡ ради ѡходиши; или паки приходящѸ ми, глагола: гдѣ былъ еси, и какѡ, или что сотворилъ еси; Нѣкогда ѡплывшѸ ми во александрию ради нужды потребы, и ѡтѸдѸ въздохъ въ царствующїй градъ ради церковныѹ кѸпли, и посѣтивъ тамѹ сщцнѹ благоговѣйнѣшнѹ братїю, возвратихсѹ, нїедїнагѡ ѡвѣта воздавъ слжителю бжїю. Пребывъ оубѡ тамѹ время доволно, возвратихсѹ паки въ скитъ къ немѸ. Онъ же видѣвъ мѹ, и ѡбрадованъ бѣ, и цѣлова мѹ, сотворивъ молитвѸ сѣде: ничесѡже ѡнюдѸ вопросї мѹ, но въ видѣнїи оупражнѹсѹ пребываше.

этого тирана! При всем том однако ж победа над ним бывает удобна для тех, которые, как следует, проходят уединенническую жизнь, по причине неимения ими в себе ничего, ему принадлежащего, по причине отречения их от мїра, по причине их высоких добродетелей и по причине того, что мы имеем Поборающего по нас. Ибо кто, скажи мне, приступив к Господу и страх Его приявши в ум, не претворился естеством и, осияв себя Божественными законами и делами, не соделал душу свою светлою и способною сиять Божественными разумениями и помыслами? Праздною же быть он никогда не дозволяет ей, имея в себе Бога, Который возбуждает ум ненасытно стремиться к свету. И душе, таким образом непрерывно действующей, дух не попускает разблажаться страстями; но как царь какой, дыша страшным гневом и прещением, нещадно посекает их. Такой никогда не возвращается уже вспять, но практикою [добродетелей] с воздеянием рук на небо и умною молитвою одерживает победу в брани.

Рассказывал еще брат тот, что при других добродетелях имел авва Филимон и такую: терпеть не мог слышать праздное слово, и если кто, забывшись, рассказывал что-либо, не относящееся к пользе душевной, то он совсем не отзывался на это. Также, когда я уходил по какому-либо делу, он не спрашивал: чего ради уходил? И когда возвращался, не говорил: где ты был? или что и как делал? Так однажды сплыл я в Александрию по необходимости, а оттуда по одному церковному делу отправился в Царьград, не дав о том знать рабу Божию; потом, пробыв там довольно времени, посетив тамошних благоговейных братий, возвратился наконец к нему в скит. Увидев меня, старец обрадовался и, по обычном приветствии сотворив молитву, сел; но ни о чем совершенно не спросил меня, а пребыл занятым обычным своим умным деланием.

Иногда оубо искусити его хота пребывахъ дни нѣкѣа, не подавъ ему хлѣба ѣсти. Онъ же не взыскаше, ниже рече что. Язъ же по сихъ, поклонивсѣ ему рекохъ къ нему: сотвори любовь отче, и рцы ми, не оскорбился ли еси, ѣкв не принесохъ ти по обычаю ѣсти; Онъ же рече, прости брате: двадцать дней аще не даси ми хлѣба ѣсти, не ктому взыщю ѿ тебе: доелѣже во терплю душию, сице и тѣломъ. Толикв бѣ въ видѣнїи истиннагв блага оупражняасѣ.

Глагола же, ѣкв ѿнелѣже прїидохъ въ скитъ, не похстихъ помыслъ моемъ изыти внѣ келлїи: и ниже инъ помыслъ въ мысль мою воспрїахъ, кромѣ страха бжїа и сдѣлицъ вѣдущагв вѣка, помышлѣа грѣшникомъ преценїе сдѣа, и огнь вѣчный, и кромѣшню тьму. И какв грѣшныхъ души ѿбитаютъ, и праведныхъ: и ѣже праведнымъ оуготованнаа благаа, и коегждо прїемлюща свою мзду по своемъ труду: ѿваго оубо за мнѣгїа подвиги трудѣвъ: ѿваго же, за милостыню, и любовь нелицемѣрнѣ: ѿваго же, за нестяжанїе, и ѿреченїе всегв мїра: инаго, за смиренномудрїе, и совершенное безмолвїе: инаго, за истинное повиненїе: другаго, за страннолюбїе. Сїа всѣа размышлѣа, не похстихъ иномъ помыслѣ дѣйствовати во мнѣ, ниже могъ ктому съ человекѣи быти, или съ тѣми оупражнѣти оумъ мой, да не ѿбжѣственнѣйшихъ помышленїи ѿлѣчѣсѣ.

Приложї къ симъ и повѣсть ѿ единомъ нѣкоемъ иночествующемъ, и глагола: ѣкв къ безстрастїю бѣ достигъ, и ѿ рѣки аггѣла хлѣбъ прїимаше въ пищу, и нерадѣнїемъ чести сѣа ѿщетїсѣ. Егда во душа крѣпость и твердость оума послабитъ, тогда ѿбѣмлетъ душа ночь. Идѣже во бгъ не возсївааетъ, всѣа ѣкв во мрацѣ расторгаютсѣ, и не можетъ къ бгѣ единомъ взирати, и трепетати словесъ его: бгъ во приближаисѣ азъ есмь, глаголетъ гда, а не бгъ издалеча. Или

Некогда, желая испытать его, я несколько дней не подавал ему хлеба поестъ. Он же ни хлеба не попросил и ничего на это не сказал. Тогда, сотворив поклон, я спросил: сотвори любовь, отче, и скажи мне, не оскорбился ли ты, что я не приносил тебе по обычаю поестъ. Он сказал: прости, брате! Если двадцать дней не дашь ты мне поестъ хлеба, я не попрошу его у тебя; ибо доколе терплю душою, терплю также и телом. Так был он занят созерцанием истинного блага.

Говорил он: с тех пор как пришел в скит, не попускал я помыслу своему выходить за стены келлии; но и в мысль свою не принимал я никакого другого помысла, кроме страха Божия и судилищ будущего века, держа в памяти угрожающий грешным Суд, и огонь вечный, и кромешную тьму, и то, как живут души грешников и праведников, и какие блага уготованы праведным и как каждый получает свою награду по труду своему: один за труды подвижничества, другой — за милостыню и любовь нелицемерную, иной — за нестяжательность и полное отречение от мїра, другой за смиренномудрие и совершенное безмолвие, тот за крайнее послушание, этот за странничество. Все сие содержа в мысли, не попускаю я иному помыслу действовать во мне и не могу уже быть с людьми или ими занимать ум свой, чтоб не отдалиться от Божественных помышлений.

К сему присоединил он и сказание о некоем уединеннике, говоря, что он уже и бесстрастия достиг, и от руки Ангела принимал хлеб в пищу, но по причине разленения (ослабления внимания) лишился такой чести. Ибо когда душа ослабит рассматрительное и напряженное внимание ума, тогда душу ту объемяет ночь. Где не сияет Бог, там все разливается, как во мраке; и не может тогда душа воззреть к Единому Богу и трепетать словес Его. *Я Бог, находящийся близко, говорит Господь, а не Бог вдали.*

оугаитса человекъ въ сокровенныхъ, и азъ не оузрю ли его; Еда небо и землю не азъ наполняю, рече гдъ (Иерем. кг, кг и кд); И ѿ инехъ мнозехъ воспоманъ подвбнаа пострадавшихъ. Къ симъ же и солемоново приведе падение, иже толкю, рече, прѣм премудрость, и ѿ всехъ славимъ баше: бѣ бо ѣкв денница оутро восходящаа, свѣтлостю премудрости всехъ просвѣщааи, но малыа ради сласти славу погуби. Страшно оубо есть нерадѣти. Непрестанно подобаетъ молитиса, да не инъ помыслъ нашедъ ѿлучитъ ны ѿ бга, и чтолибо оумъ нашемъ представлѣемое. Чисто бо сердце, все бивъ дха стѣгнъ вмѣстѣлице, всего самаго чистѣ зритъ бга.

Сѣа оубо слыша азъ, рече, и дѣлы самѣми оуразумехъ, ѣкв недѣйственны въ немъ ѿнюдъ сѣть плотскѣа страсти: вождѣтель же лчшихъ всѣчески бѣ, ѣкв всегда зрѣтиса емъ бжественнымъ дхомъ ѿбраземъ, и въздыхающъ въздыханми неизглаголанними, и въ себѣ ѿбращающса, и себѣ самаго разсудяющъ, и боащса, да не какъ что прившедшее чистотѣ оума възмѣтитъ, и скверна нѣкаа тайно привдетъ емъ.

Зра оубо азъ сѣа, жительствашъ съ нимъ братъ, рече, и ѣкв къ подражаню подобныхъ добродѣтелей възбждаемый, неѿстѣпнъ настоахъ, и частыа къ немъ вопрошенѣа творахъ. Какъ могъ, глагола, стѣжати чистый оумъ, ѣкоже и ты; Онъ же рече: иди, трѣдѣса: трѣда бо потреба, и болѣзни сердца. Не бо спѣчимъ намъ и ѿслабѣвающимъ, достѣйнаа тѣанѣа и трѣда прибывають: егда ниже ѣже на земли благѣа, безъ трѣда ѿбрѣсти кто можетъ. Подобаетъ оубо хотѣщемъ прѣити въ дховное преспѣанѣе, прѣжде всего ѿрециса

Может ли кто скрыться в тайных [местах], чтобы Я не видел его? Не Я ли наполняю небо и землю? (Иер. 23, 23. 24). И о многих других, подобное пострадавших, припоминал он. Привел и падение Соломона, который, говорит, такую получил премудрость и так будучи всеми славим — потому что как денница, утром восходящая, всех осиявал светлостю премудрости, за малую сласть потерял такую славу. Итак, страшно поблажать разленению; но надобно непрестанно молиться, чтоб другой какой помысл, нашедши, не отлучил нас от Бога, и вместо Него не приподставилось уму нашему иное что. Только чистое сердце, став вместилищем Духа Святого, чисто зрит в себе, как в зеркале, Самого Бога всего сущего.

Слыша сие, говорит живший с аввою Филимоном брат, и на дела его смотря, я уразумел, что в нем совсем перестали уже действовать телесные страсти, и что он был усердный любитель всякого совершенства, так что всегда виделся преображаемым Божественным Духом [от славы в славу] и въздыхающим въздыханми неизглаголанними, в себе с собою соображающимся и себя взвешивающим (или себя держащим ровно, как на весах), и всячески подвизающимся, чтоб что-нибудь, пришедши, не возмутило чистоты ума его и скверна какая-нибудь тайно не приразилась к нему.

Видя, говорит, сие и ревностию к подобному образу жизни возбуждаемый, я с усердным обращался к нему прошением, говоря: как и я мог бы стяжать чистоту ума подобно тебе? Он же говорил: поди — трудись, ибо для этого труд потребен и болезнование сердца. Блага духовные, достойные усердного искания и труда, не достанутся нам, если будем возлежать на одрах и спать. И земные блага никому не достаются без труда. Тому, кто желает прийти в преуспеяние, надобно прежде всего отрешиться от своих хотений и стяжать непрестанный плач и нестя-

свои́хъ хотѣ́нїи, и́ имѣ́ти всегда́ пла́чь, и́ нестѣ́жанїе: не внима́ти прегрѣ́шенїамъ и́ныхъ, но своимъ то́чию, и́ ѿ си́хъ пла́кати де́нь и́ но́щь, и́ не имѣ́ти дру́жбы съ чело́вѣкомъ. Ду́ша во скорба́щаа ѿ своѣ́мъ бѣ́дствїи, и́ па́матїю прегрѣ́шенїи о́мзвлáемаа, мерт́ва бывáетъ мї́ръ, и́ мї́ръ ѣ́и мѣ́ртвъ бывáетъ: си́рѣчь неде́йстви бывáютъ плотскїа́ стра́сти, и́ чело́вѣкъ страсте́мъ. И́бо ѿрѣ́кши́са мї́ра и́ сочета́вы́са х́рѣ́тъ, и́ въ безмо́лвїи пребывáющїи, любитъ б́га, и́ хранитъ ѿбразъ, и́ подобїе богати́тъ. Свы́ше во прїе́млетъ ѿ негѡ́ ѡ́бїа́е д́ха: и́ бывáетъ до́мъ вѣ́ий, дѣ́ла пра́ведна представлáаи б́гѡ́. И́ ду́ша ѡ́чищенна житїе́мъ, и́ свобода́ ѿ ѡ́скверненїи плóти, не имѣ́ща сквѣ́рны и́ли поро́ка, о́укра́сїтсѧ вѣ́нцемъ пра́вды, сї́аа благовидѣ́нїемъ добродѣ́тели.

Въ нѣмже во въ нача́лѣ ѿверженїа не бывáетъ пла́чь въ се́рдцѣ, ниже́ слéзы дх́ѡвны, ниже́ па́матъ вѣ́чнагѡ мученїа, ниже́ безмо́лвїе и́стинное, ниже́ непреста́ннаа моли́тва, ниже́ псалмопѣ́нїе и́ поученїе вѣ́ственныхъ писанїи, и́ ниже́ во ѡ́бычаи бы́сть, да непреста́ннымъ терпѣ́нїемъ пону́дитсѧ, и́ не хотáщѡ ѣ́мъ, ѿ о́ума сї́а дѣ́лати, и́ не пребывáетъ стра́хъ вѣ́ий въ мы́сли е́гѡ́: е́ще въ любви́ мї́ра таковы́й покóнитсѧ, и́ не мо́жетъ стѣ́жати чїстагѡ о́ума въ моли́твѣ. Благоче́стїе бо, и́ стра́хъ вѣ́ий, ѡ́чища́етъ ду́шу ѿ страсте́й, и́ о́умъ свобóденъ о́устроáетъ бы́ти, и́ къ е́стѣ́ственному видѣ́нїю ведѣ́тъ, и́ б́гослóвїа касáтисѧ творитъ, е́же во ѿбразѣ́ блаженства воспрїе́млетъ, и́ прохода́щимъ е́ ѿсю́д ѡ́брóченїа пода́етъ, и́ неподви́жнѡ сїю́ хранитъ.

Все́ю о́убо сї́лою да прилежї́мъ дѣ́йстви́номъ дѣ́ла́нїю, и́мже ко благоче́стїю возво́димсѧ е́же е́сть въ мы́сли чїстота́, е́аже пло́дъ е́стѣ́ственное и́ б́гослóвное ви-

жательность, не внимая согрешениям других, а своим только, и о них одних плача день и ночь, и не имея суетной дружбы ни с кем из людей: ибо душа, скорбящая о своем бедственном положении и уязвляемая памятью о прежних согрешениях, бывает мертва миру, как и мир умирает для нее, т. е. тогда недействительны бывают плотские страсти, и человек недействен сим страстям. К тому же отрехшийся от мира, и со Христом сочетавшийся, и в безмолвии пребывающий любит Бога, хранит образ Его и подобием Ему богатится; ибо свыше приемлет от Него подавание Духа и бывает домом Бога, а не демонов, и дела праведные представляет Богу. Так душа, став чистою по жизни, свободно от осквернений плоти и не имеющею скверны или порока, облечется наконец венцом правды и воссияет красотою добродетелей.

В ком же в начале отречения не поселяется в сердце плач, ни слезы духовные, ни память о не имеющих конца муках, ни безмолвие истинное, ни молитва непрестанная, ни псалмопение и поучение в Божественных Писаниях, в ком не обратилось сие в навык, так чтоб, по причине непрерывности приседания сему, он понуждаем был и нехотя делать то от ума, — и страх Божий не господствует в душе его, тот еще поживает на содружестве с миром и не может иметь ума чистым в молитве; ибо только благочестие и страх Божий очищают душу от страстей и, соделывая ум свободным, вводят его в естественное ему созерцание и дают ему коснуться богословия, которое приемлет он в образе блаженства (*блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*); что для сподобляющихся сего еще отселе служит залогом [будущего] и хранит [духовное их устройство] непоколебимым.

Итак, всеми силами потщимся о практическом делании [добродетелей и подвигов], которым возводимся к благочестию, то есть к мысленной (духовной) чистоте,

дѣнїе: дѣанїе бо, восхожденїе видѣнїа, ꙗкоже прозрительный и бгословнѣйшїй глаголетъ григорїа оумъ. ꙗще оубо дѣанїи вознерадивъ, всакагѡ чужди бѣдемъ любовмудрїа. ꙗще бо кто и крайнѣйшю постиже добродѣтель, обаче трѣбуетъ постническагѡ трѣда ѡбъздавающагѡ безчинныа тѣлесѣ стремленїа, и наблюденїе помысловъ имѣти. Такѡ бо едва возможемъ вселенїе полчїти хрѣтово. Елику бо въ насъ избыточествуетъ правда, толїку дхѡвное мѡжество прибываетъ. И въ совершенство пришедъ оумъ весь къ бгѡ прилѣпляется, и бжественнымъ свѣтомъ ѡсѣивается, и неизреченнаа ѡкрываются таинства. И тогда научается истинно, гдѣ есть мудрость, гдѣ есть сила, гдѣ разумъ, еже разумѣти вса, гдѣ долголетїе и живѡтъ, гдѣ свѣтъ очесъ, и мїръ: доколѣ бо во брани страстїи ѡбращается, ещѣ не можетъ къ наслажденїю сїми оудѡбно имѣти время. Добродѣтели бо и слѡвы слѣпъ содѣловаетъ оумъ. Тїи бо, да не видятъ добродѣтелей: сїи же, да не видятъ слѡбы. Егда же брани прекращенїе воспрїиметъ, и дхѡвнѡхъ сподобится дарованїи, тогда весь свѣтовидѣнъ бываетъ, частѣ споспѣшествуемъ благодатїю, и непоколебимъ въ видѣнїи дхѡвнѡхъ пребываетъ: сицевїи не пригвожденъ есть къ здѣшнимъ, но прейде ѡ смѣрти въ живѡтъ. Подобаетъ оубо достойнѡму житїа желанїемъ, и приходанїемъ къ бгѡ, непорѡчное имѣти сердце, и оустѡ чїсты: ꙗкѡ да чїсто слѡво ѡ оустѣнъ происходѡщее, достѡинѡ возможетъ воспѣти бга. Прилѣпившася бо душа къ бгѡ, непрестанно къ немѡ разглагольствуетъ. Потщїмса оубо братїа ѡный верхъ достигнѡти добродѣтелей, и не превѣдимъ на земли пригвоздившеся страстѣмъ. Подвизающїися бо, и достигнѡвый приблизитися къ бгѡ, и въ причастїи стѡгѡ свѣта быти, и любовїю тогѡ оумазвїтися, наслаждается дхѡвнымъ нѣкїимъ и непости-

плод которой — богословское созерцание естественное. Ибо деяние есть восхождение к созерцанию, как [говорит] пронизательный и богословнейший ум [Григория Богослова]. Почему если вознерадим о делании том, то будем чужды всякого любомудрия; ибо хотя бы кто достиг самого верха добродетели, все ему необходимы труд подвижничества, обуздывающего бесчинные стремления тела, и строгое хранение помыслов. И этим способом едва можем мы улучшить вселение Христа. Ибо чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и наконец ум, в совершенство пришедши, весь прилепляется к Богу и осиявается Божественным светом, — и ему открываются неизреченности таинств. Тогда истинно познает он, где мудрость, где сила, где разум для познания всего, где долголетие и жизнь, где свет очей и мир. Ибо пока занят он борьбою со страстями, дотолѣ не имеет возможности насладиться сим; так как и добродетели и пороки слепым делают ум: те, — чтоб не видел добродетелей, а эти, — чтоб не видел пороков. Но когда воспримет он покой от брани и сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздвигаемъ благодатию, весь соделованъ световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему; но пришел от смерти в живот. Тому, кто воспримет достойную жизнь и к Богу приблизиться поревнует, надлежит иметь непорѡчное сердце и уста чїстые, чтоб слово, исходя из чїстыхъ уст чїстымъ, могло достойно воспевать Бога, так как душа, к Богу прилепившаяся, непрестанно с Ним беседует. Возжелаем же, братие, достигнуть до такой высоты добродетелей и перестанем пресмыкаться по земле, прилепившись к страстям. Подвизающїися и достигши близости к Богу, причастившїися святого света Его и уязвившїися любовїю к Немѡ, наслаждается Гос-

жнмьмъ веселѣемъ гдѣ, ꙗкоже глаголетъ бжественный ѱаломникъ: Насладѣса гдѣви, и дастъ ти прошеніе сердца твоегѡ: и изведетъ ꙗкѡ свѣтъ правды твою, и судьбу твою ꙗкѡ полудне (ѱал. ѡс, д и ѡ). Какъ бо любовь дшш стѡль зѣльна, и нестерпима, ꙗкоже ꙗже ѡ бѣга раждаетса въ дшш, ѡ всѣкагѡ порока ѡчищеннѣи; и ѡ истиннагѡ оусердѣа глаголющей: оуязвлена есть любовью азъ (Пѣсн. п. в, е). Нензглагѡланна ѡнюдъ, и неисповѣдима бжественнымъ добрѡты ѡблистаніа, не извѣляетъ слово, не прѣмлетъ слухъ: ꙗще и денницы ѡзареніа речѣши, ꙗще и луны свѣтлость, ꙗще и солнца свѣтъ, всѣ недостѡйна сѣть къ подобію славы ѡныхъ, и множае къ сравненію истиннагѡ свѣта ѡскѣдѣвающаа, нежели еликѡ глѣбокаа нощь, или страшнаа тьма чистѣйшагѡ полудне. Снѣце бо и васіліи, во оучителехъ бжественный, искѡсомъ прѣемъ, и научивса предаде намъ.

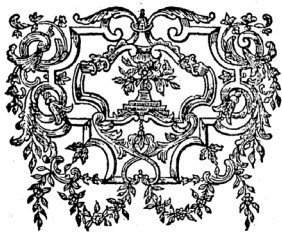
Сѣа оубѡ и мнѡжайшаа сіхъ сожителствѡаи емѡ братъ повѣда. Но и семѡ такожде ктѡ въ немъ не подивѣтса, имѣа великое егѡ смиренномѡдрѣа знаменіе; Издавна бо пресвѣтерства сподѡбивса, и небесныхъ житіемъ и разумомъ коснѡвса, снѣце бжественныхъ свѣщеннодѣйствіи оубѣгаше вѣремене, ꙗкѡ во мнѡжайшихъ егѡ подвиговѡхъ лѣтѣхъ не изволѣти къ свѣщеннѣи понѣ приближитиса трапѣзѣ, и бжественныхъ причащенію тѣинъ сподѡбентиса. Съ толікимъ ѡпасствомъ жителствѡа, егдѣ къ челѡвѣкѡмъ собесѣдованіе творѡше, не причащася: ꙗще и ничесомѡ земномѡ глаголемѡ ѡ негѡ, но на пользѡ трѣбѡущихъ бесѣдоваше. Хотѣи же бжественныхъ причастітиса тѣинъ, молитвами, и ѱалмопѣніи, и исповѣданіи бѣа оумилостивлѡше. Оужасася бо іерѡва гласа, такѡ при семъ возглашающа и глаголюща: Сѣаа стѣимъ. Глаголаше бо, всю церковь ис-

подним неким и непостижимым веселием духовным, как говорит Божественный псалом: *утешайся Господом, и Он для Тебя исполнит прошения сердца твоего; и выведет, как свет, правду твою и судьбу твою, как полдень* (Пс. 36, 4. 6). И какая любовь так сильна и так неудержима, как та, которая от Бога вливается в душу, очистившуюся от всякого зла? Такая душа от истинного расположения сердца говорит: *я уязвлена любовью* (Песн. 2, 5). Неизреченны и неизъяснимы блистания Божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажешь, на светлость ли луны, на свет ли солнца, все это неуважительно в сравнении со славою оною, и больше скудно пред лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла пред чистейшим полуднем. Так предал нам и Василий, дивный между учителями, из опыта познав сие и научившись сему.

Сие и большее сего рассказывал живший с аввою брат. Но кто не подивится в нем еще и следующему, как доказательству великого смирения его? Удостоен будучи пресвитерства давно-давно, и так преискренне коснувшись небесного, и жизнью, и разумом, он всячески избегал Божественных священнодействий, как бремени, так что в продолжение многих лет своего подвижничества он очень редко соглашался приступать к святой трапезе [для священнодействия]. Но и Божественных Таин причащаться, несмотря на такую постоянно опасливую жизнь, не причащался, когда случалось ему входить в общение и беседовать с людьми; хотя при этом не говорилось им ничего земного, но одно душеполезное для искавших беседы с ним. А когда намеревался причаститься Божественных Таин, то пред этим долго докучал Богу, умоляя Его молитвами, псалмопениями и исповеданиями. Ужасался он гласа иереева, который возглашает при

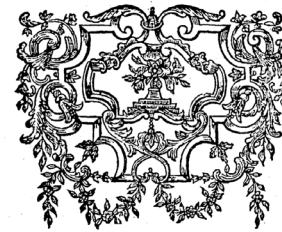
полнѣтисѧ стѣхъ аггль, и самогѡ же царѧ силъ таинственнѣ священнодѣйствуема, и претворѣма въ тѣло и кровъ въ сердцахъ нашихъ. Тѣмже и глаголаше: подбѣетъ намъ непорочно и чисто: и ѿкъ внѣ плоти същымъ, кромѣ всѧкагѡ сомнѣнїѧ и смѣщенїѧ, со дерзновенїемъ пристѣпати ко стѡмъ причащенїю пречистыхъ хрѣтѡвыхъ таинъ, ѿкъ да ѿ тѣхъ просвѣщенїѧ бѣдемъ причастницы. Мнози бо ѿ стѣхъ отецъ видахъ агглы хранѣщыѧ ихъ: тѣмже и молчанїемъ блюдоша себѣ, ни къ комѣже разглагольствуѣе.

Глаголаше же и сїе: ѿкъ ѡще потребно бѣше, самомѣ продаати свое рѣкодѣлїе, да не ѿ глаголанїѧ и ѿвѣщанїѧ, лѡжь кѧм, илї клѡтва, илї многослѡвїе, илї инъ видъ грѣхѡ послѣдѣетъ, юродъ быти притворѣсѧ стоѣше, и всѧкъ хотѣи кѣпїти, взимѡше ѿ негѡ и подаѣше емѣ, ѣже хотѣше. Дѣлаше же онъ нѣкое ткѧнїе, прїимѡше же даѣмое благодарнѣ, ничтѡже ѿнїудъ глагола сѣи воистиннѣ любомѣдрий мѣжъ.

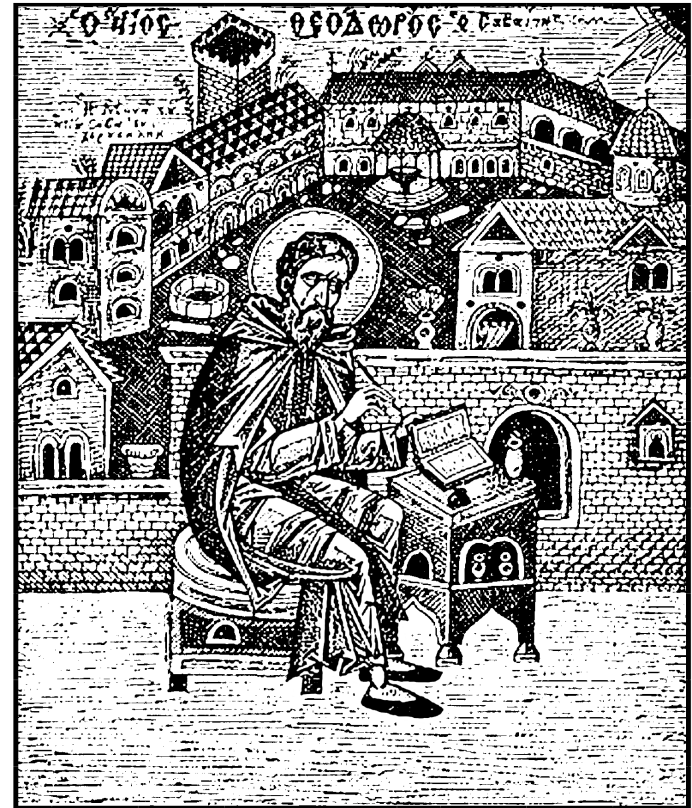

сем, говоря: *святая святым*. Ибо в это время, говорил он, вся Церковь полна бывает святых Ангелов, и Сам Царь Сил, таинственно священнодействовав, и хлеб и вино претворив в Свое Тело и Кровь, чрез Св. Причащение вселяется в сердца наши. Почему, присовокуплял он, надлежит нам лишь непорочно и чисто, и как бы вне плоти бывая, без всякого сомнения и колебания дерзать на святое причастие Пречистых Христовых Таин, чтоб сделаться причастными бывающего от них просвещения. Многие из свв. отцов видели свв. Ангелов, которые остерегали их [от всего неподобного]; почему и сами они держали себя в глубоком молчании, не говоря ни с кем.

И вот еще что говорил [брат тот], что, когда бывала старцу нужда самому продавать свое рукоделие, то чтоб не привзошла как-нибудь ложь какая, или божба (клятва Богом), или лишнее слово, или другой какой вид греха, он стоял, притворясь на вид юродивым; и всякий, желавший купить его рукоделие, брал его у него и давал за то, что хотел. Делал же он небольшие корзинки; и даваемое за них принимал с благодарностию, отнюдь ничего не говоря, сей воистину любомудрый муж.

ФЕОДОР ЭДЕССКИЙ

[Краткое житіє ѿже во сѣхъ оца нашего
Феодора Едесскаго.]

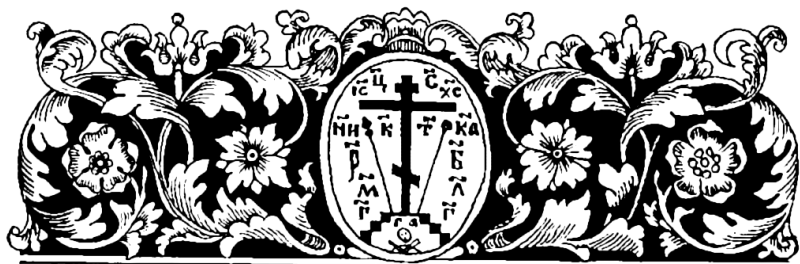
Иже во сѣхъ отецъ нашъ Феодоръ бѣ при царствованіи иракліа, и константіна брадатаго, къ шестъ сѣхъ шестъдесатое лѣто, первѣе же постническимъ житіемъ подвижавса въ обители сѣагы саввы, послѣжде избраніемъ бжественнымъ на епископскій престолъ града едеса возведеса, и многихъ чюдесъ самодѣлатель бѣвъ въ живыхъ еще, и по смѣрти, и бжественными своими оученьми, многихъ мучениковъ и спасаемыхъ показавъ, въ едионадесатый день іюля въ вѣчнымъ обителемъ престависа, іакоже въ книзѣ нарицаемѣй калокаїрини житіе егѡ списаса. Писаніа же ѿще ѡстави и ина нѣкаа, извѣстнѡ ѡ семъ сказати не можемъ. Настоящыа же стѡ главъ, егѡ трудѡми сочиненныа, въ число прочихъ постническихъ книгъ включены сѣть. Многообильный бо главы сѣа сѣеннаго трезвѣніа и дхѡвныа пользы плодъ предлагаютъ чтѣщымъ съ разсѣжденіемъ, и спасеніа себѣ желающимъ: прїидите и обильнѣйшій плодъ ѡбимите. Въ концѣ же настоящихъ сѣхъ главъ и оумозрительное списаніе имѡщее ѿма Феодора приложиса, еже тогѡжде со главами трезвеннаго разума быти, и тѣмъже словомъ послѣдовати оумоотрающе, іакѡ ѡ нѣкихъ ѡбразѡвъ и знаменій, истинномъ быти произведенію тогѡжде Феодора заключаемъ.

Краткое сведение о св.
Феодоре Едесском

Святой отецъ нашъ Феодоръ жилъ во время правления Ираклия и Константина Бородатого, около 660 года по Р. Х. Сначала проходил онъ подвигъ аскетической жизни въ монастыре святого Саввы, а потомъ Божественнымъ избраниемъ (ψήφο) возшелъ на епископскій престолъ города Эдессы. Онъ совершилъ много чудесъ и при жизни и после смерти, и божественными [своими] ученьями сделалъ многихъ свидетелями (μάρτυρες) Христовыми и многихъ спас, а 11 июля¹ отошелъ въ вечную обитель, какъ написано въ житіи, содержащемся въ книгѣ «Калокаїрини» («Лето»). Оставилъ ли онъ, кроме представленныхъ здѣсь, другіе какіе сочиненія, утвердительно о томъ сказать не можемъ. Но настоящіе 100 главъ, его трудами составленныя, включены въ число другихъ подвижническихъ книгъ. Ибо эти главы священнаго трезвенія, читающимъ ихъ съ рассужденіемъ, подають обильный плодъ духовной пользы. Желающіе спастись: приходите и собирайте обильный урожай. Въ концѣ [же] настоящихъ [ста] главъ добавлено и умозрительное [слово], которое носитъ на себѣ такъ же имя Феодорова. Заметивъ, что оно, вместе со ста главами, одного трезвеннаго характера (χαρακτήρα) и выраженія (ἐκφραση) слова; мы, по этимъ и другимъ разумнымъ (εὐλογα) признакамъ, заключаемъ, что это подлинное произведеніе Феодора.

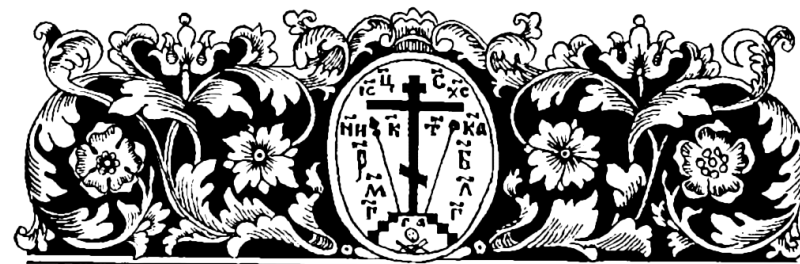
¹ По греческому Добротолубію 19-го июля.

ГЛАВЫ ДѢТЕЛЬНЫЯ ПРѢПОДАВУ ОТЦА НАШЕГУ ФЕОДОРА ЕДЕССКАГУ.

Понѣже оубо благѡго вѣа благодѣтію ѿвергшесѧ сатаны и дѣлъ егѡ лукавыхъ, ко хрѣсту приложихомсѧ банею пакибытіѧ, и нынѣ паки иноческимъ ѡбѣщаніемъ, соблюдаемъ заповѣди егѡ: сегѡ бо ѡ насъ трѣбуетъ, не точію сѡгѡвое ѡбѣщаніе, но и естественный долгъ, имже созданы бывше вѣгомъ первѣе добри сѣлаѡ, таковы и должны есмь быти. Яще бо и грѣхъ вшѣдъ ѡ невниманіѧ нашего ѣже чрезъ естество введенъ, но и паки призваны быхомъ милосердіѧ ради милости вѣа нашего, и ѡбновлены быхомъ страстію безстрастнагѡ, и цѣною искуплены быхомъ, кровію хрѣтовою. Избавлены бывше древнагѡ преступленіѧ праотческагѡ, то оубо яще будемъ праведни, ничтоже чѣдно: но ѣже ѡпасти ѡ правды, сѣ окаянно, и всѧкагѡ рыданіѧ достойно.

В. Икоже дѣло благо, кромѣ правыхъ вѣры бывающее, мертво естъ, и ѡнюдъ недействительно: такожде и вѣра едина, безъ дѣлъ праведныхъ, не избавитъ насъ вѣчнагѡ огнѧ. Любѧи бо ма, рече гдѣ, и заповѣди моѧ соблюдаетъ. И яще оубо любимъ вѣа и вѣршемъ воны, противъ заповѣдемъ егѡ дѣланіе сотворимъ, да жизнь пріимемъ вѣчную. Яще ли презримъ заповѣдей егѡ

Деятельные главы преподобного отца нашего Феодора Едесского

Поелику Бога благого благодатию, отрекшись от сатаны и дел его, сочетались мы Христу, как вначале в бане пакибытия, так теперь снова в иноческих обетах, то будем соблюдать Его заповеди. Сего требует от нас не сугубый только обет наш, но и естественный долг; потому что будучи исперва созданы Богом *весьма добрыми*, мы и должны быть таковыми. Хотя грех, привзошедший от нашего невнимания, произвел в нас и то, что неестественно нам; но, по множеству милости Великого Бога нашего, мы опять воззваны, обновлены страстию Бесстрастного и искуплены ценою крови Христа Господа, избавясь таким образом от древнего праотческого преступления. Судя по сему, если мы соделаемся праведными, то в этом не будет ничего великого; но тем паче будет достойно жалости и осуждения, если отпадем от правды.

2. Как доброе дело, без правой веры бывающее, мертво есть всецело, и бездейственно; так и вера одна, без дел праведных, не избавляет нас от огня вечного. Ибо *кто любит Меня*, говорит Господь, *заповеди Мои соблюдет* (Ин. 14, 23). Итак, если любим Господа и веруем в Него, засвидетельствуем о том исполнением заповедей Его, чтоб улучшить Жизнь Вечную. Если же в презрении у нас

соблюденіе, емуже вса повинѣтса тварь, какъ вѣрными себѣ наречѣмъ; Почтѣны сѣще паче всакѣа твари, и непокоривѣиши всѣхъ ѡбрѣтаемса всесотворшаго повелѣнію, и невозблагодѣтны ѡ благодѣти гавлающеся.

Г. Заповѣди хртѣвы блюдѣще, ничесѡже томѣ подаѣмъ, не трѣбующѣ, и всѣхъ благихъ подателю, но себѣ благодѣемъ, вѣчный себѣ исходатайствующе живѡтъ, и насладеніе неизглаболанныхъ благъ.

Д. Всакъ противлааиса намъ на исправленіе заповѣдей бжїихъ, аще и ѡтець єсть, или мати, или инъ ктолибо, мерзокъ намъ бѣди и ненавистенъ, да не оуслышимъ: любай ѡтца или матерь паче мене, нѣсть мене достѡинъ.

Е. Со всею оубо сілою понѣдимъ себѣ на дѣланіе заповѣдей гднихъ, да не оузами неразрѣшимыми похотей лѣкавыхъ и сластей дѣшегубительныхъ стѣгнемса, и речено бѣдетъ ѡ насъ безплѡдная смоковница ѡсужденіе: Постѣцы ю, да не все и мѣсто оупражнѣетъ: всакъ бо, речѣ, не творай плода добра постѣкаетса, и во ѡгнь вметѣетса (Лкѣ г, ѳ).

З. Похотѣми и сластѣми повѣждааиса и въ мірѣ живый, скорѡ въ грѣхѡвныа впадетъ мрежи: грѣхъ же єдиною сотворенъ бивъ, ѡгнь єсть въ трѡстїи, и камень съ горы свалааса, рѡнице водноє быти претворѣа. Сїа оубо реченнаа, всакими ѡбразы стажавшемѣ ихъ дѣлаютъ погнѣбель.

З. Дѡша оубо єлижды разсверѣпѣетъ, на чрезестествѡ ѡторгшиса въ сласти, жилище єсть страшныхъ свѣрей, по реченномѣ: тѣ почиютъ, речѣ, иппокентаври, тѣ вогнѣздѣтса єхїдны, и стичѣтса вѣси иппокентавры, іаже сѣтъ различныа страсти безчестїа. Да аще на єстественное взыдетъ, мѡжетъ повѣдїти єгда хѡцетъ, дѡндеже съ плѡтїю сопрѣженна єсть, и оукрѣпитъ себѣ

соблюдение повелений Его, коим покорствуєт вся тварь, то как назовем себя верными, мы, — почтенные паче всякой твари, и одни из всех их непокорные повелениям Сотворшего и неблагодарными оказывающиеся Благодетелю?

3. Заповеди Христовы соблюдая, мы ничего тем не доставляем Ему, ни в чем не нуждающемуся, и всех благ Подателю, но самим себе благодетельствуем, заслуживая себе Жизнь Вечную и наслаждение неизреченных благ.

4. Всяк противящийся нам в исполнении Заповедей Божиих, будь то отец, или мать, или кто бы то ни был, мерзок нам и ненавистен, чтоб не услышать нам: *кто любит отца или мать более, нежели Меня*, или другого кого из людей, *не достоин Меня* (Мф. 10, 37).

5. Свяжем же себя всеусильно исполнением заповедей Господа, чтоб не быть связанными неразрешимыми узами злых похотей и душетлительных сластей: в каком случае изречется и о нас присуждение о бесплодной смоковнице, гласящее: *сруби ее: на что она и землю занимает* (Лк. 13, 7)? Ибо всяк, говорит, *не приносящий доброго плода, срубается и в огонь бросается* (Лк. 3, 9).

6. Побеждаемый похотѣми и сластями и в міре обращающийся, скоро впадет в сети греха; грех же, содеянный однажды, есть что огонь в тростнике, что камень, катящийся с горы, что водотечь, расширяющаяся от прибавления притоков. Так это бывает; и всяко грех губит того, кто творит его.

7. Душа чрез грех выступает из своего естественного чина, и, дичая от сего и исполняясь терниями сластей греховных, делается жилищем страшных зверей, по сказанному: *там отдыхают онокентавры, там угнездится еж и бесы встретятся с онокентаврами* (Ис. 34, 14. 15), — кои суть различные страсти греховные. Когда же она воззовет себя в естественный свой чин (ибо может, если

люבודѣланіемъ, и такъ въ естество прійдетъ, и въ законѣ бжїи поживетъ: прежде же оугнѣздившиса свѣрїе повѣгнѣтъ, и живота нашего стражїе аггїи прійдутъ, день веселїа творяще ѡ ѡбращенїи еѣ, и дха благодать приходитъ въ ню, оуча ю разумъ: такъ да сохранена бѣдетъ во благїхъ, и на бѡльшаа възидетъ.

и. Орѣжїе отцы дхѡвное, молитвѣ оуставляють, и нѣсть мѡчно развѣ тоа на брань исходити, да не въ странѣ враговъ такъ корысть плѣнены бѣдемъ: молитвы оубо чїстыя нѣсть стажати, не пострадавшемъ ко бгѣ правымъ сердцемъ, той бо есть даи челѡвѣкъ разумъ.

ѡ. Еже стѣжати дшї ѡ страстїей, и влагати тѡй въ свары и не хотащей, ничтоже есть чѣдно: а еже коснѣти въ насъ помыслѡмъ ихъ и страсти подвижати, такъ же въ насъ сѣтъ. Первое оубо безгрѣшно есть, второе же аще мужески противѣ бравшеся повѣдимъ, вѣнець прїати сподобимса: аще ли славостїю и оустрашенїемъ повѣждени бѣдемъ, мѣкъ и томленїа достѡйни бѣдемъ.

ї. Три оубо сѣтъ рождѣственныхъ страсти, ихъ же ради бывають всѣ. Слостолюбїе, сребролюбїе, и славолубїе, имже послѣдуютъ дрѡгїхъ пать дхѡвъ лѣкавыхъ, и къ томѣ ѡ тѣхъ многое бываетъ множество страстїей, и вїды различнобразныхъ злобы. Повѣдивый оубо три начальники старѣйшыхъ, разрѣшилъ есть и пать, посемъ и всѣ повѣди страсти.

їа. Елики оубо страсти содѣахомъ, сїхъ памать дшѣ страстнѣ мѣчитъ: егда же страстнаа помысленїа ѡнюдѣ ѡ сердца ѡчїстатса, такъ ниже прилагатса къ немѣ, тогда знаменїе явлаетса ѡпѣценїа прѣжнихъ грѣхѡвъ. Дондеже оубо страстнѣ дшѣа подвижатса, повїнна явлаетса, и грѣхѡвное въ ней поз-

захочет, пока связана с плотью), укротит себя старательными над собою трудами и станет жить по Закону Божию; тогда вгнездившиеся прежде в нее звери убегут, а хранители жизни нашей Ангелы придут, днем веселия и радования соделова день ее обращения; тогда и благодать Святого Духа найдет на нее, научая ее ведению, как не только сохранить себя в добре, — но и преуспеть еще более в нем.

8. Молитву отцы называют оплотом духовным, без которого нельзя выходить нам на брань, чтоб не быть уязвленными копьями вражескими и отведенными в страну их. Но молитву действительную, чистую стяжать нельзя никому, если не приседит он Богу в правоте сердца: ибо Бог есть даи молитву молящему, и научай человека разуму.

9. То, что душу беспокоят страсти, и приступают к ней с бранию, не в нашей власти; но что замедляют в нас страстные помыслы и приводят в движение страсти, это в нашей власти. Первое безгрешно, как не в нашей власти состоящее; а второе, если мужественно воспротивясь, победим, доставляет венцы, а если, послабив, побеждены будем, подвергает мучениям.

10. Есть три главнейших страсти: сластолюбие, сребролюбие и славолубие. За ними следуют другие пять духов злобы; а от этих наконец порождается многое множество страстей и все виды разнообразных склонностей греховных. Почему победивший трех первых начальников страстей и вождей, вместе с тем низлагает и следующие за ним пять страстей, а потом покоряет и все страсти.

11. Что по страсти сделано нами, о том и воспоминация страстями возмущают душу. Но когда страстные воспоминания совсем изгладятся из сердца, до того, что и не приближаются к нему; тогда это служит признаком отпущения прѣжнихъ грехов. Ибо пока душа страстно к че-

навѣтса ѡдержаніе.

Ві. Тѣлеснымъ оубо и плотскимъ страстемъ, тѣлесными злостраданіи оумалѣтса подобаетъ: душевнымъ же и не явленнымъ смиренною мудростію, и кротостію, и любовію разорѣтса.

Гі. Похоть оубо страстнѡ оубадаетъ воздержаніе со смиреніемъ, яроссть же палѣщю оукрощѣетъ любви. Помыслы лѣкавыа собираетъ молитва простѣрта съ паматію бжїею, и такъ тричастное души ѡчищѣетса: се бо исправлѣа бжественный аплъ рече: миръ гоните и свѣтыню, безъ неѣже никтоже оузритъ гда (Евр. Ві, Ді).

Ді. Нѣщии оубо недоумѣша рѣкше, ѣакъ помыслъ ли страсти воздвиѣаетъ, или страсти помыслы; И оубо сѣ глаголющымъ, нѣкїимъ же оно, ѣзъ же глаголю, ѡ страстѣи помыслѡмъ подвиѣатса: ѣще бо не быша были въ души страсти, то не быша тѣхъ помышленїа стѣжали ѣй.

Еі. Обычай ѣсть прїснѡ борющымса съ нами врагѡмъ, возмѡжныа и готѡвыа намъ добродѣтели возбранѣти, невозмѡжныа же и неѡтвержденныа любовію крѣпкою намъ творити влагѣютъ: молчаливымъ оубо и ѡшельникѡмъ, желаніе ѡбцагѡ житїа прѣвила влагѣютъ, подъ властїю же прѣспѣвающихъ, молчаливыхъ дѣла дѣлати понѣждаютъ: и сѣю оубо лѣстїю на кѡюждо добродѣтель превзїмаютса: но мы оубо рѣзѡма не не вѣмы, всѣа дѡбраа ѣхже вѣдаѣце, во времѣа ѣхъ и въ мѣрѡ творїмъ: паки же вредное, безмѣрное и неѡтвержденное до концѣа возненавїдимъ.

Єі. Въ мїрѣ живѣщымъ и приблиѣающымса къ вѣщемъ страстѣи, бранїю по дѣанїю бѣси воюютъ и

му-либо греховному относится, дотолѣ надо признавать присушим в ней владычество греха.

12. Страсти телесные и веществолюбивые обыкновенно умяляются и увядают от телесных злостраданій (произвольных лишений и подвигов телесных); а душевные и невидимые уничтожаются смиренномудрием, кротостію и любовію.

13. Похоть страстную увядает воздержание со смиренномудрием; гнев пламенеющий укрощает любовь; помысл влающийя сосредоточивает прилежная молитва с памятию Божіею. Так очищаются все три части души. Их-то желая исправить, божественный Апостол говорил: *мир имейте со всеми и святость, кроме них никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14).

14. Некоторые недоумевают, как сказать, — помысл ли приводит в движение страсти, или страсти — помысл; так как одни говорят то, а другие — это. Я же говорю, что помыслы приходят в движение от страстей; ибо если б не было в душе страстей, то страстные помыслы не беспокоили бы ее.

15. Обычай есть у всегда воюющих против нас бесов, посильным для нас и удобоисполнимым добродетелям полагать преграды, а к непосильным и безвременным (за которые не время еще нам братья) сильное влагать стремление, именно: преуспевающих в общежительном послушании они заставляют делать дела безмолвников; а безмолвникам и отшельникам внушают держаться правила общежительного. Таким же образом они поступают и в отношении к каждой добродетели. Но мы да *не неразумѣваем умыслений их* (2 Кор. 2, 11), ведая, что все, в свое время и в своей мере делаемое, хорошо, все же безмерное и безвременное вредно.

16. Тех, кои вращаются в мїре и встречаются с предметами страстей, бесы борют, увлекая их на дела страст-

бóрютса, сѣшымъ же въ пѣстынахъ, вещь ради недостатка, помышлѣнными стѣжajúть: сѣлѡ же лютеѣши пѣрвыа втораа брань бысть. Она бо, вещь ради, времени трѣбуетъ и мѣста готѡваго, сѣа же оумà благопóдвижна нѣкакѡ и нелѣбностна: протѣвѣ тѡйже безплѡтнѣй брани, протѣвнаа брань, намъ чѣстаа молитва данà есть. Тѣмъ и повѣдѣтельна сѣа взаконѣнна есть, воорѣжajúщимса тѡю къ бранемъ мысленнымъ.

Ѱ1. Кончинѣ оубѡ страстемъ, мѣртвость бжѣственный апѡстолъ явлàа, рече: иже сѣть хрѣтѡвы, плѡть распàша со страстемъ и похотемъ (Галат. 5, 24). Егда оубѡ страсти оумертвѣмъ и похоти погубѣмъ, и плѡтскій смѣслъ повинемъ дхѡви, тогда возмемъ крѣстъ, и въ слѣдъ пойдѣмъ хрѣта. Ничтѡже бо ино ѡхожденїе ѡ мѣра есть, но оумерщвлѣнїе страстей, и явлѣнїе во хрѣтѣ сокровѣннаго животà.

и1. Ѡ востанѣа тѣлесѣ смѣрти сѣа страждущїи, и на брань по всà часы на нѡ воорѣжajúщїиса, не плѡть, но себѣ да порицajúть. Ище бо тїи не дали быша крѣпость и послàвїе тѡй, и волю еà творїли, тѡ не быша толїкѡ ѡ немъ страдали. Или не вѣдають распѣвшихъ ю со страстемъ и похотемъ, носàще тѣ якѡ да поспѣшницѣ пàче ко благѣмъ прѣтáжѣтъ, à не къ сопротивнымъ, и повинѣша ю пребывàти въ бжѣи законѣ; И тїи оубѡ тàкожде да творàтъ, и тогѡжде, егѡже и прѣдречѣннїи насладàтса покѡмъ: даждь бо, рече, крѡвь, и прїимѣ дхѣ.

ѡ1. Всàкое сложѣнїе пѡмысла, къ нѣкоей ѡречѣннѣй похоти, рѣкше мановѣнїе слàстное, грѣхъ есть инокѣ. Пѣрвѣе оубѡ пѡмыслъ прїхѡдитъ страстною частїю оумъ ѡмрачàа, тàже посѣмъ прекланàетса дшà къ

ные, а тех, которые в пустынях живут, где нет таких предметов, возмущают помыслами страстными. В этом втором виде брани гораздо труднее одержать победу, чем в первом. Там для дела требуются время, место и прочее удобство; ум же в помыслах своих удободвижен и неудержим. В противоборство сей невидимой брани дана нам чистая молитва, в коей и заповедали нам пребывать непрестанно. Она делает ум сильным в брани и всегда готовым к ней, так как может быть совершаема и без участия тела.

17. Указывая на совершенное умерщвление страстей, Апостол говорит: *а иже Христовы суть плоть распяша со страстемъ и похотемъ* (Гал. 5, 24). Ибо когда умертвим страсти, уничтожим похоти и мудрование плоти подчиним духу; тогда только берем на себя крест и последуем Христу. И удаление от мѣра есть ничто иное, как это умерщвление страстей и проявление сокровенной во Христе жизни.

18. Бедствующие от восстаний (ελασστασεις) сего тела, которое есть вместилище (εδρα) смерти (см. 7, 24), и безостановочно (αδιακοπο) почти войною его утомляемые, пусть не плоть за это осуждают, а самих себя; ибо если б они не давали ей силы, попечения о ней простирая до похоти, то не бедствовали бы столько от нее. Или не видят они распнувших плоть свою со страстями и похотями и мертвость Иисусову в мертвенной плоти своей носящих, как они имеют ее содейственницею пàче в добром, — не противоборствующею, но покорною и ведомою Законом Божиим? Пусть и они также сделают, и тогда такого же вкусят покоя.

19. Всякое сосложение помысла с какою-либо запрещенною похотию, или склонение на сласть похотную, грешно для инока. Ибо сначала помысл начинает омрачать ум вожделетельною частию, потом душа склоняется

сла́сти, не держа́щиса бра́ни, и къ томѸ сложе́нїе нари́-
четса, ѣже ꙗ́коже рече́са грѣхъ ѣсть, понѣже подви́-
за́етъ глаго́лемѸ стра́сть, посѣмъ помалѸ прихóдитъ и
въ дѣ́тельное дѣ́анїе. Βεγὼ ράδι οὐβλαζάετъ проро́къ
вавѹ́льнскїа младе́нцы разби́вшихъ ѿ ка́мень (Ψал.
рл̄с, ѳ), да оṽвѣда́тъ и́же а́лфави́тъ семѸ оṽчи́вшїиса
рече́нное.

к̄. Любвѣ́ міра́ а́ггліи слѹ́жителїе́ сѹще, ра́дѹются ѿ
на́шемъ пока́нїи, и предѹспѣ́нїи въ до́бродѣтели, и
ѿсю́дѸ тѹ́а́тса дѹ́вныхъ и́сполнитиса́ намъ бѣ́овидѣ́-
нїи, и поспѣ́шествѹю́тъ на вса́ко блага́. Бѣ́сы же гнѣ́ва
и сло́вы сѹще содѣ́тели, ра́дѹются разо́раемъ ви́даще
до́бродѣтель, и дѣ́ла́ благослóвна подвлага́ютъ, во ѣ́же
въ сра́мнаа́ мечта́нїа дѹ́шы на́ша оṽкло́нїти.

ка. Вѣ́ра ѣсть завѣ́щанїе́ блага́, та́ во ражда́етъ
намъ́ стра́хъ бѣ́гїи: то́и же на́уча́етъ на́съ за́повѣ́дей
соблюде́нїю, ѣ́же глаго́летса́ дѣ́йственно, ѿ негóже воз-
раста́етъ намъ́ блаже́нное безстра́стїе: любви́ же совер-
ше́нїе всѣ́хъ сѹщи за́повѣ́дей, вса́ сосва́зѹетъ и оṽтвер-
жда́етъ.

кв. ꙗ́коже тѣ́лесное чѹ́ство здра́во быва́а, ѿцѹ́ща́-
етъ не́кїи ѿдержа́щїи е́го недѹ́гъ, не разѹмѣ́вааи́ же,
нечѹ́ствїемъ недѹ́гѹетъ. Та́кожде и оṽмъ, свою́ дѣ́тель
спаса́емъ а́ще ста́жетъ, разѹмѣ́ва́етъ свою́ сі́лѸ: и вѣ́-
сть ѿкѹ́дѸ е́мъ стра́сти мѹ́чителнѣ́ прихóда́тъ, и къ
нїмъ́ крѣ́пкѹю́ воздви́заетъ бра́нь. Лю́то же а́ще не чѹ́-
ства́ провожда́етъ дни, съ но́щїю боро́щемъса́ оṽпо-
до́бльса́, сѹ́нїа по́мыслы бра́нныа́ вмѣ́нїа.

кг. Е́гда сло́весное на́ше неосла́бнѹ прилагáетса́ къ
бѣ́овидѣ́нїа до́бродѣтели, и по́хотное къ́ самомѸ желáю-
щи да́телю блага́хъ хр̄тѸ, ꙗ́ростное же на бѣ́сы воорѹ́-
жа́етса́, тогда́ по е́стество́у перво́здáннѸ сі́лы на́ша
дѣ́йствѹю́тъ.

на сласть греховную, не выдерживая брани, а наконец
происходит сосложение, которое, как сказано, есть грех.
Если продлится это, то отсюда порождается страстное
влечение, которое мало-по-малу приводит и к самому де-
лу греховному. По сей-то причине пророк и ублажает тех,
кои избивают о камень младенцев вавилонских (см. Пс.
136, 9). Значение сего ясно для мудрых и разумных.

20. Ангелы, будучи служителями любви и міра, раду-
ются о нашем покаянии и преуспянии в добродетели;
почему стараются наполнять нас духовными созерцания-
ми и содействуют нам во всяком добре. Напротив, бесы,
слуги гнева и злобы, радуются, когда умалется доброе-
датель, и весь труд свой обращают на то, чтоб увлекать ду-
ши наши в срамные мечтания.

21. Вера есть благо (αγαθó) внутреннего (εσωτερικῆς)
расположения (διαθέσεως) души; она рождает в нас страх
Божий; страх же Божий научает соблюдению заповедей,
или устройению доброй деятельной жизни; из деятельной
жизни произрастает честное бесстрастие; а отрождение
бесстрастия — любовь, которая есть исполнение всех за-
поведей, всех их в себе связующая и держащая.

22. Как чувство тела, когда здорово, чувствует, какой
схватывает его недуг; не распознающий же сего болит
нечувствием: так и ум, поколику хранит целую свойст-
венную ему деятельность, потолику сознает силы свои и
видит, откуда находят на него страсти, более тиранские, и
на ту часть направляет более настоятельное противобор-
ство. Но положение его бедственно, если он в нечувствии
проводит дни свои, подобясь быющемуся со врагом но-
чью, так как не видит вражеских помыслов.

23. Когда мысленная наша сила неослабно прилежит
созерцанию добродетелей, и когда к нему же одному и к
подателю его Христу Господу устремляется сила вожде-
лательная, а раздражительная вооружается против бесов;
тогда силы наши действуют по естеству своему.

кд. Тричастна ѣсть всака словеснаѧ душа, по вѣсловоу Григорію, въ словеснѣмъ составляющейса добродѣтели, смыслъ нарече и разумъ и мудрость. Въ ѧростнѣмъ же мужество и терпѣніе, въ похотнѣмъ же любовь и целомудріе, и воздержаніе. Правда же во всѣхъ сихъ несѣланна бысть достойнѣ дѣйствовати оустраша. И смысломъ оубо сопротивнымъ покорати силы, и спѣшити къ добродѣтелемъ. Цѣломудріемъ же безстрастнѣ вса созерцавати. Любовью вса человекѧ ѧкѡ и самогò себѣ любити. Воздержаніемъ ко всакой сласти пакость творящей, мужествомъ же и терпѣніемъ на невидимю брань вооружатиса. Сѣ составленіе вѣсловесныхъ душѧ азъикъ извѣщаваетъ.

ке. Цѣломудрію прилѣжай, блаженнѣю любитъ чистотѣ, юже никтоже погрѣшитъ безстрастїемъ тѣ нарѣкъ. Да оудержитъ оубо и порабѣтитъ плоть, смиреннымъ помысломъ вѣжественнѣю призываѧ благодать, и желаемѧ полъчитъ. Питай же тѣло въ воздержаніи брашенъ, дѣломъ влѣда болѣзненъ вѣдетъ. Икоже вода многа оугашаетъ пламень, такъ раждеженіе плоти и мечтаніѧ срамна, погубляетъ алканіе со смиреніемъ.

кз. Слопомнѣніѧ страсть, ѡнюдѣ да ѡстѣпитъ ѡдушѧ твоѧ, ѡ хрѣтолюбче! никакоже даждь мѣсто враждѣ: ѧкоже бо ѡгнь сокровѣнъ въ коноплѧхъ, такъ и слопомнѣніе гнѣздѧса въ сѣрдцы, паче же молиса за ѡскорбѣншаго тѧ теплѣ, и добрò твори емѣ, елику аще рѣка твоѧ можетъ, ѧкѡ да избавиши душѣ твоѧ ѡ страсти, и не безъ дерзновѣніѧ вѣдеши во время молитвы твоѧ.

кз. Въ сѣрдцы смиренныхъ почиетъ гдѣ. Въ сѣрдцы же гордыхъ страсти безчестіѧ. Ничтоже бо такъ сильнѡ возмогаетъ на ны, ѧкоже гордостнѧ помыслы. Ни-

24. По св. Григорию Богослову, разумная душа трехчастна. И он назвал добродетель мысленной силы благоразумием, ведением и мудростию; добродетель силы раздражительной — мужеством и терпением; а добродетель силы вожделетельной — любовью, целомудрием и воздержанием; а правда (δικαιοσύνη) во всех их имеет свою часть, научая действовать благообразно. Благоразумием воюет она с ангелами вражескими, защищая добродетели; целомудрием бесстрастно смотрит на вещи; любовью всех людей, как себя, любить заставляет; воздержанием отсекает всякую сласть; мужеством и терпением вооружается против невидимых браней. Такова благозвучная гармония органа душевного.

25. Тщась о целомудрии и вожделевающий блаженной чистоты, которую не погрешительно можно назвать бесстрастием, должен нещадно удручать и порабощать плоть, со смиренномудрым помыслом Божественную призывая благодать, — и получит желаемое. Откармливающий же тело без воздержания в ястии и питии, измучен будет духом блуда. Ибо как вода в большом количестве угашает пламень, так алчба и жажда, или вообще всякое воздержание со смиреніем душевным уничтожают разжжение плоти и срамные мечтания.

26. Да отступит совсем от души твоей страсть злопамятства; и отнюдь не давай места в себе вражде. Ибо что огонь, скрытый в соломе, то злопамятство, гнездящееся в сердце. Но паче молись тепле об оскорбившем тебя и по благодетельствуй ему, сколько и чем можешь, чтоб избавить душу свою от смерти и не быть бездерзновенну во время молитвы своей.

27. В душе смиренных упокоевается Господь, в сердце же гордых — страсти бесчестия; ибо ничто так не усиливает их против нас, как высокоумные помыслы; и напо-

что́же си́це и́скореняетъ сла́бе бы́лїе дѹше́вное, ꙗ́коже блаже́нное смире́нїе, тѣ́мже и́ страстоу́бїица въ пра́вдѹ наре́ченно бы́сть.

ѿн. ѿ пѹмыслѹ сла́хѹ дѹша твоѹ да ѡчища́етсѹ, и въ до́брыхъ да просвѣща́етсѹ ра́зумѣхъ, и́мѣѹ при́снѹ во о́умѣ́ рече́нное: ꙗ́кѹ сластолю́биво се́рдце, темни́ца и́ верїга е́сть во вре́мѹ исхо́да: трудолю́биво же дверь ѡ́верзена. Дѹшѹ бо вои́стиннѹ чїстѹ исхо́дащѹ ѡ́ тѣ́лесѣ а́ггліи наставля́ютъ къ блаже́нномѹ ведѹще животѹ, ѡ́скверненнѹ же и́ не пока́авшѹсѹ, о́убы мнѣ́, бѣ́сы прї́имѹтъ.

ѿѡ. Красна́ о́убѹ гла́ва о́украшена въ́нцѣмъ много́цѣннѣмъ, ка́менїемъ инді́йскимъ и́ бїсеры свѣ́тѡцїсѹ. Краснѣ́йша же несказáннѹ дѹша богата́цаасѹ ра́зумомъ вѣ́имъ, и́ свѣ́тлыми бѣ́говидѣ́нїи просвѣ́щенна, всельшї́йсѹ и́мѹщи въ нѹ сѣ́тый дѹхъ. И́ кто исповѣ́сть доврѹтъ́ блаже́ннаго то́ѹ дѹши.

ѿл. И́рости и́ гнѣ́вѹ, ѿ мнїше! не да́ждь водворї́тисѹ въ тѣ́. Мѹ́жѹ бо ꙗ́рѹ, не благоу́бразенѹ. Въ се́рдцы же кро́ткїхъ, почи́тъ мѹ́дрость. ꙗ́ще ли гнѣ́ва стра́сть ѡ́блада́етъ дѹше́ю тво́ею, лѹчшїи тебѣ́ ѡ́браща́тсѹ въ мї́ръ живѹщїи, и́ посра́мленѹ и́ небрего́мъ бѹ́деши мнїхъ.

ѿѡ. Во всѹ́кой напáсти и́ во всѹ́кой бра́ни, моли́твѹ ста́жї, непѡвѣ́дїмое о́рѹжїе, и́ хрї́товою повѣ́дїши благода́тїю. Чїста́ же сїа́ да бѹ́детъ, ꙗ́коже мѹ́дрый на́мъ о́учїтель вопї́етъ: хо́щѹ бо, рече́, моли́твы тво́рїти мѹ́же́мъ на всѹ́комъ мѣ́стѣ, воздѣ́юще преподѡ́бныѹ рѹки безъ гнѣ́ва и́ размышлѣ́нїѹ (ѡ́ Тїм. 2, 8). Таковѣ́й же не прилѣ́жаи моли́твѣ́, прѣ́данъ е́сть напáстемъ и́ стра́стемъ.

ѿв. Вїнѹ́ о́убѹ, веселї́ти се́рдце челоу́вѣкѹ (Псал. 103, 15). Но ты, да́вший о́бет пла́кати и́ рыда́ти ѡ́бѣща́всѹ, таковáгѹ о́уклонї́сѹ веселї́ѹ, и́ возвеселї́шисѹ дарова́нїи

тив, ничто так действенно не исторгает с корнем из души эти былия злые, как блаженное смирение, которое справедливо потому названо убийцею страстей.

28. Да очищается паче и паче душа твоя от злых воспоминаний, и да просвещается добрейшими помышлениями, держа всегда в уме сказанное, что во время исхода сластолюбивое сердце — темница и узы, а трудолюбивое — дверь отверстая. Ибо воистину чистым душам по исходе их из тела сопутствуют Ангелы, руководя их к блаженной жизни; души же, осквернившиеся и неочистившиеся покаянием, перехватывают, — увы мне! — бесы.

29. Прекрасна голова, украшенная драгоценною диадемою, блестящею камнями индийскими и маргаритами; но несравненно краше ее душа, богатая ведением Бога, светящаяся светозарными созерцаниями и имеющая обитающим в себе Всесвятого Духа. И кто может достойно изобразить в слове такую блаженную душу!

30. Гневу и ярости не позволяй водворяться в душе твоей: ибо муж гневливый неблаговиден (Притч. 11, 25); а в сердце кротких почиет премудрость (ср. Притч. 14, 33). Если страсть гнева возгосподствует над душою твою, то лучшими тебя найдены будут живущие в мире, и ты покроешься стыдом, оказавшись негодным монахом.

31. Во всяком искушении и во всякой брани молитву имей непобедимым оружием, — и победишь благодатию Христовою. Но да будет она чиста, как заповедует нам премудрый учитель наш, говоря: желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения (1 Тим. 2, 8). — Кто нерадит о такой молитве, тот предан будет искушениям и страстям.

32. Написано, что вино веселит сердце человека (Пс. 103, 15). Но ты, давший обет плакать и рыдать, отклони от себя такое веселье, — и будешь обрадован дарами ду-

дѣловными, веселѣса же винѡмъ, со срамными поживѣши помыслы и во многѣхъ впадѣши скорби.

лг. Праздники не винопитіемъ творѣ, но обновленіемъ оумѡ, и дѣши чистотѡю, ѡбѣдѡмъ же и вино пїѡи, прогнѣваеши пѡче праздничномъ начальника.

лд. Бдѣти въ молитвахъ и во чтенїяхъ всегда оубо, въ праздники же пѡче повелѣно намъ ѣсть. Бѡдрѡ оубо инокъ тнѣтъ рѡзумъ свой къ бгѡ въ видѣнїяхъ дѣшѡ свою насыщѡмъ. сонъ же многъ оумъ ѡдебелѣваетъ: но блюди са не вѡдѡти себѣ во бдѣнїе неподѡбно пѡмыслъ слыхъ, лѡчше бо ѣсть спѡти, нежели въ словесѣхъ и помыслѣхъ бдѣти сѡветныхъ.

ле. Смѣю питаѡ на лѡнѣ, и помыслъ лѡкавъ въ сердце, оумерщвлѣнна бѡдетѡ: ѡво оубо тѣло оумзвѣ жаломъ ѡдовитымъ, ѡвъ же въ дѣши положивъ ѡдъ смертонѡсенъ. Но исчѡдѡ смѣйна скорѡ оубѣемъ, и помыслы лѡкавыми въ сердцахъ не боли мъ, да не горѡцѣ боли имѡмы.

лз. Дѣша чистѡ сосѡдъ избрѡнъ правды наречѣнна бѡдетъ, и ѡградъ заключѣнъ, и источникъ запечатлѣнъ, и престѡлъ чѡвства. Сквернами же нечистыми ѡсквернѡщїѡса скарѣдѡ и слѡсморѡдѡ исполнитѡса.

лз. Оудобрѣнїемъ рѣзъ, исполнѣнїемъ чрева, и ѡ бесѣдъ вредныхъ, слы мъ раждѡтисѡ помыслѡмъ въ дѣши, ѡ искѡсныхъ и дѣлательныхъ ѡтѣцъ слышахомъ.

ли. Пѡхоть имѣнїѡ въ дѣшахъ инокѡвъ да не водворѡтѡса, многоимѣнный бо монахъ, корѡбль ѣсть вѡдъ исполнѣнъ, волнами печѡли трѡждѡса, и въ скорѣнѣи

ховными. Увеселяясь же виномъ, будешь проводить жизнь в сожительстве со срамными помыслами и много испытаешь печалей.

33. Праздники проводи не в винопитиях, но в обновлении ума и душевной чистоте. Наполняя же чрево яствами и винопитиями, прогневишь паче того, кому посвящается празднество.

34. Бодрствовать в псалмопениях, молитвах и чтениях повелено нам всегда, а наипаче в праздники. Бодрствующий монах утончает ум свой для душеполезных созерцаний, а многоспание одевелевает ум. Но смотри, не вдавайся во время бдения в пустые воспоминания и в помыслы греховные, ибо лучше спать, чем бодрствовать ради таких суетностей и осквернений себя неподобающими занятиями.

35. Питающий змею в лоне своем и лукавый помысл в сердце, оба умерщвлены будут: тот, в теле поражен будучи ядовитым жалом, а этот, в душу вложив смертоносный яд [помысла]. Но как поспешно побиваем мы порождения ехидн, так и помыслам злым не дадим породиться в сердце, чтоб потом не страдать от них горько.

36. Душа чистая справедливо может быть названа и сосудом избранным, и садом огражденным (κλεισμένος), и источником запечатленным (Πесн. 4, 12) и престолом чувствїя (αισθήσεως) {седалищем знания — пер. Юнгера} (Притч. 12, 23). Но душа, оскверненная нечистыми страстями, преисполнена смрадом зловония греховного.

37. Слышал я от опытных и деятельных старцев, что помыслы греховные в душе рождаются от [излишнего] украшения в одеждах, пресыщения чрева и вредных бесѣд.

38. Желание имений пусть не водворяется в душах подвижников. Многогостяжательный монах — корабль с течью, взбрасываемый волнами многозаботливости и по-

глубинѣ погрѣжаша, многимъ бо страстѣмъ сребролюбїе родительница єсть. Тѣмже и корень всемъ злѣ (а Тїм. 5, 1), въ правдѣ нарицаетса.

лѣ. Непимѣнїе и молчанїе, сокровище єсть сокровенно на селѣ монашескаго житїа, шедъ оубо продаждь имѣнїе твоє и даждь оубоимъ, и се купи селѣ, и сокровище вскопавъ себѣ некрадомо сохрани, да ѡбогатиѣши богатствомъ неистоциаемымъ.

м. Со отцѣмъ дхѣвнымъ вселивса, и пользы ѡцѣтивъ ѡ негѣ, никтоже тѣ да ѡлчи тѣ ѡ любвѣ єгѣ и совокупленїа, не ѡсуди єгѣ, ни въ чемъ же не злослови ѡбличаемъ, или бѣемъ, не вдаждь слѣха твоегѣ никому же нань глаголющъ, не сочетайса съ клеветяющимъ нань, да не прогнѣвается на тѣ гдѣ, и потребитъ тѣ ѡ книгѣ животныхъ.

ма. Ѡреченїа подвигъ, покоренїемъ, ꙗкоже и ѡ искуса навикохомъ, сегѣ же переходѣи, тремѣ да ѡградитса знаменїи орѣжїа, вѣрою, рекѣ, и надеждою, и любовїю, и подвигомъ добрымъ подвижавса, правды прииметъ вѣнецъ.

мв. Не вѣди дѣломъ отца твоегѣ судїа, но заповѣдемъ совершитель, ѡбычай бо вѣсовымъ тогѣ недостатки показовати тебѣ, да твои оуши ѡглашатъ къ глаголемымъ (ѡ негѣ) или на брани не крѣпка тѣ и страшїва покажутъ воина, или пребывати въ невѣрствїа помыслѣхъ, и расслабивше тѣ повинующася имъ слаба сотворятъ ко всѣмъ добродѣтели ѡбразъ.

мг. Отѣческихъ преслшайса заповѣдей, первыхъ ѡбѣтвѣ ѡреченїа престѣпникъ ѡбѣтаетса: послшанїе же прїемый и свою волю мечемъ смиреннаго смысла ѡсѣкъ: сей ѡбѣщанїе испѣлни, еже предъ многими послшхи хртѣви ѡбѣщася.

гружаемый в глубину печали. Болезнь любоимания (φιλαργυρία) многих страстей бывает родительницею и справедливо названа *корнем всех зол* (см. 1 Тим. 6, 10).

39. Нестязательность и молчание — сокровище, сокрытое на поле монашеского жительства. Поди же продай все, что есть у тебя, и раздай бедным, и этим купишь поле то, которое покопав и обретши сокровище, блюди его в себе тщательно от похищения, чтоб обогатиться богатством некрадомым.

40. Начав жить вместе с духовным отцом и восчувствовав пользу от него, не допускай, чтоб кто-либо отдалил тебя от любви к нему и от сожителства с ним; не осуждай его ни в чем; не говори о нем худо, хотя будешь им обличаем и даже бием; уха своего не открывай, когда кто другой станет злословить его; и отнюдь не сдружайся с тем, кто поносит его, чтоб не прогневался на тебя Господь и не изгладил тебя из книги живых.

41. Подвиг послушания утверждается на отречении от себя и от всего, как мы извели. Проходящий его да оградит себя тремя оплотами: верою, надеждою и любовїю всечестною и Божественною, чтобы ими будучи огражден, успешно мог подвигом добрым подвизаться и получить венец правды.

42. Не будь судьей дел отца твоего, но исполнителем заповедей его. Демоны, как обычно им, начнут указывать тебе на недостатки его, чтоб оглушить уши твои для уроков его, и тебя чрез то или сделать немощным и страшївым воином на брани, или одними помыслами неверия расслабить тебя и разленить ко всякому виду добродетели.

43. Не слушающий отеческих заповедей, оказывается преступником наилучших пунктов обета своего. Кто же внедрил в себя послушание и волю свою отсек мечом послушания, тот исполнил подобающее ему, что при многих свидетелях обещал он Христу Господу.

мд. Назнаменовавше разумѣхомъ, и ѣснѣ научи-
хомса, ѣкѣ въ покорѣнїи отечестѣмъ преbывающимъ,
сѣлѣ завидатъ вразѣ животѣ нашего бѣси, скрежещѣ-
ще збѣи своими на нѣ, и всѣкѣм оухищрающе кѣзни,
ѣже ѡстѣпнїти имъ и лишїтисѣ отеческихъ нѣдрѣ. И
винѣ показѣютъ имъ ѣки благослѣвны, раздражѣнїѣ
привѣдатъ, ненависть на отцѣ возставаляютъ, тогѣ
наказанїѣ ѣкѣ бѣслѣвїѣ являють, ѡбличѣнїѣ же ѣкѣ
стрѣлы и зѣщренны подтыкають. И чѣд речѣ свободѣ
сѣи, и рабѣ бѣистѣ, и пѣче рабѣ немилостивагѣ, и не-
разумнагѣ, и невѣжды, и неразсѣдїтельнагѣ, и ѣрост-
нагѣ сегѣ бѣистѣ челоѣка сѣща по всемѣ тебѣ подобна,
докѣлѣ же ѣгомъ рабѣтнымъ стираѣшисѣ, и свободнагѣ
сѣвѣта не оу зрїши. Посѣмъ гостинницы, и недѣжныхъ
посѣщенїѣ, и оубѣгихъ милѣванїѣ влагѣють. Посѣмъ
конѣчнагѣ молчанїѣ, и пѣдвиги ѣнѣческѣ ѣже въ мол-
чанїи, дѣлати похвалають, и всѣхъ слыхъ плѣвелѣ ѡб-
разъ въ сѣрдце насѣвають страдальца и воина хрѣтова
благочестивагѣ, да токѣм ѡ дѣхѣвныѣ ѡграды тогѣ иж-
денѣтъ, и ѡ безмѣлвїѣ тишины и звлѣкше, къ матѣ-
щейсѣ дѣшѣ пагѣбнѣи бѣри въ мѣре ввѣргнѣтъ. Посѣмъ
ѣкѣ плѣнника въ своѣ властѣ прїѣмше, по слыѣи тѣхъ
вѣли послѣдовати сотворѣтъ.

мѣ. Тебѣ же въ покорѣнїи ѡчи сѣщѣ, вражїѣ бо-
рѣущаѣ тѣ лѣстѣ да не оутѣитсѣ, ни ѡбѣщанїѣ своегѣ
ѣже къ бѣгѣ забывай, ни бѣсѣвскимъ нарѣганїемъ побѣ-
ждѣнъ бывай, ни ѡбличѣнїѣ, ни оукорѣнїѣ ѡбѣгай, ни
влаганїю слыхъ пѣмыслѣ повинѣйсѣ, ни люѣтости отѣ-
ческѣ бѣгай, ни самоубѣдїѣ и самовѣлїѣ дерзостїю,
смирномысленномѣ и блѣгомѣ безчѣствѣи ѣгѣ, но вла-
дычнѣе въ сѣрдцы положивъ слѣво: ѣкѣ прѣтерпѣвѣи до
конца, тѣи спасѣнъ бѣдетъ. Сѣ терпѣнїемъ тецѣ на
предлежѣщїи тѣи пѣдвигѣ, взирѣм на начальника вѣры и
совершїтѣлѣ иѣса (Ѣвр. Ѣі, ѣ и Ѣ).

44. Наблюдая за иноками, видели мы ясно и затверди-
ли, что на подвизающихся в послушании отцам сильно
злоствуют враги нашей жизни, бесы, скрежеща на них
зубами своими и всякие против них злоумышляя козни. И
чего они не делают, чего не внушают, чтоб отторгнуть их
от отеческих недр? Выставляют предлоги к непослуша-
нию, будто благословные, устроят неудовольствия, воз-
буждают неприязнь к отцу, его наставления представляют
обличениями, а обличения, как стрелы изощренные, вон-
зают в сердце. И для чего ты, говорят они, будучи сво-
бодным, сделался рабом, и рабом бессердечного деспота?
Доколе будешь ты тереть лямку рабства, не видя света
свободы? — После сего внушают: лучше бы тебе занять-
ся странноприимством, ходить за больными, пещись о
бедных. Потом расхваливают подвиг совершенного уеди-
нения и безмолвия; и всякого рода злые плевелы насева-
ют в сердце подвижника благочестия, только бы изверг-
нуть его из духовной ограды отеческой и, извлекши из
благоотпшной (ήσυχῆ) пристани, отбросить в неистовст-
вующее душетленную бурю море. Если наконец успеют
в этом, то, забрав его в свою власть, как пленника застав-
ляют его действовать по их злым хотениям.

45. Не выпускай же из памяти этой злокозненности
врагов и противоборцев твоих, находясь в послушании
отца своего духовного, и не забывай обетов звания твоего
пред Богом: ни руганиями не будь побеждаем, ни обли-
чений и поношений или насмешек не бойся, ни прилога-
ми греховных помыслов не увлекайся, ни отческой стро-
гости не бегай, ни дерзким самоугодием и самоволием не
бесчести благого ига смирения; но в сердце вложив Гос-
поднее слово, что *претерпевший до конца будет спасен*
(Мф. 10, 22) *с терпением беги на предлежащий тебе под-*

м̄с. Златарь оубо злато въ горнило вложивъ, чистѣйше творитъ ѿ, и новоначальный инокъ, покоренїа страданїемъ себѣ давъ, и всѣмъ скѣрбнымъ по бжественныхъ заповѣдехъ разжигамса, по трѣдѣхъ же и терпѣнїи и скѣрбехъ обыванїа слыа погрѣжъ, и послшанїа навѣкъ, свѣтелъ оустраѣетса, и достѣнъ бываетъ небесныхъ сокровищъ, и негнѣнщамъ пребыванїа и блженна кончины, ѿнѣдѣ же ѿнде болѣзнь всака, печаль, и въздыханїе, веселїе же и вынѣ благоуханїе насажденно ѣсть.

м̄з. Вѣра права, и соблюденїе заповѣдей, раждаетъ вжїи страхъ, и дѣже во вжїи страхъ, тѣ и заповѣдемъ соблюденїе, ѿ соблюденїа заповѣдей, составляетса дѣйственна добродѣтель, сеа же плодъ ѣсть чїста молїтва, и бгѣвидѣнїю начало, безстрастїе же достигїи, въ любѣвныа двѣри внїде, ѿ любвїи же возлюбленный оученикъ предгласї: бгѣ любви ѣсть, и пребываѣи въ любвїи, въ вѣѣ пребываетъ, и бгѣ въ немъ (а̄ Іѡан. д̄, ѡі). Благосочетаннѣ нѣкѣю главїзнѣ глаголющѣ нѣкоемъ слышахъ: ꙗкѡ ничтѣже речѣ ѿ ѡчищающихъ тѣлесѣ составляетса посѣмъ со ѡчищшимисѣ, добродѣтели же кѣпнѣ ѡчищають дѣшѣ, и со ѡчищенными спребываютъ.

м̄и. ꙗкѡ красно воистиннѣ и добрѣ мнїшеское житїе, понѣже заповѣдемъ и законѣ, имже начальницы ап̄ли, тогѡ самагѡ влѣки, ѿ стѣгѡ дѣа научишасѣ, исполнители бывають. хр̄товѣ во вѣннѣ нелицѣственнѣ подобаетъ быти, и безпечальнѣ ѿ всакагѡ мѣдрованїа и дѣанїа мїрскагѡ, ꙗкоже речѣ ап̄лѣ: никтоже вѣннѣ бываа, ѡблзетса кѣплами житѣйскими, да воевѣдѣ оубѣденъ бѣдетъ (ѡ Тїм. в̄, д̄).

виг, взирая на Начальника веры и совершителя Иисуса (Евр. 12, 1. 2).

46. Золотарь, влагая в горнило золото, делает его чистейшим, и новоначальный монах, предающий себя подвигам подчинения воле отцов, и всеми прискорбностями жизни по Богу жегомый, с трудом же и терпением великим изучающий послушание, выплавив из себя все недобрые нравы, преисполняется смирением, весь светлым соделованьем и достойным Небесных сокровищ, бескорбной жизни и блаженного пребывания, откуда отбежали печаль и въздыхание и где насаждены непрестанная радость и веселие.

47. Вера правая и глубоко внедренная рождает страх Божий; страх же Божий научает нас соблюдению заповѣдей: ибо, говорит, где страх, там соблюдение заповѣдей; в соблюдении же заповѣдей состоит деятельная добродѣтель, которая есть [чистая молитва и] начало созерцания; плод же всего сего — бесстрастие; чрез бесстрастие же водворяется в нас любовь; а о любви говорит возлюбленный ученик: *Бог есть любовь, и пребывающий в любви — в Боге пребывает, и Бог в нем* (1 Ин. 4. 16).² [Слышал некоторую хорошо составленную главу, обращенную к некоему [человеку]: «потому ничто, сказано, не сочетается от очищающих тела с очищенными; а добродетели все вместе очищают душу и сопребывают с очищенными.»]

48. Как прекрасна воистину и добра жизнь монашеская! Как прекрасна она воистину и добра, когда течет в пределах и по законам, какие положили для нее начало-водители и предводители ее, Духом Святым наученные. Ибо воину Христову надлежит быть безвещну (ничего не имущу), незабываему никакими замыслами и делами мїр-

² В рукописи Паисия Величковского к 47-ой главе идет приписка из некоей славянской книги, которая в печатном Добротолюбии является продолжением главы, но главы этой нет в греческом Добротолюбии. Мы попытались ее перевести.

мѡ. Подобаѣтъ оубо мнѣхъ невестиственнѣ быти, безстрастнѣ, всакиа похоти злыа кромѣ, не питательнѣ, не пианицѣ, не закоснивѣ, не лѣнивѣ, не сребролюбивѣ, не сластолюбивѣ. Яце бо кто ѿ сѣхъ не оудалитса, не можетъ аггльскагѡ житїа исправити, сїе же даруетса предреченнаа тшцѡшымса исправити иго благое и врема легкое, бжественной надеждѣ ѡблегчающей сїа, и все безстрастнѣ и съ покѡемъ дѣйствовати. Гладко поистиннѣ таково житїе, и дѣланїе красно, и часть благая, яже не ѡниметса ѡ души стяжавшей сїа.

н. Житейскїа ѡстѣпивый печали, и во иноческїи вшедъ подвигъ, не восхоци богатства на раздаанїе оубогимъ, есть бо и сїа лестъ лѣкавагѡ къ тшцеславию приводяща, якѡ да въ многопитанїе вложитъ ти оумъ. Яце бо и хлѣбъ токѡмъ имаши и водѣ, можеши и сими страннолюбїа творити дѣло, яце ли и сегѡ не имаши, токѡмъ предложенїемъ благимъ прїими страннаго, и слово оутѣшенїа давъ емъ: такѡ можеши страннолюбїа мздѣ прїати. Имаши бо и въ евлїи ѡ гда свидѣтельствоемю вдовицѣ (Марк. вї, мв), двѣма цѣтама токѡмъ превозшедшю богатыхъ многое подаанїе.

на. Сїа же реченнаа въ молчанїи сѣдѡшымъ заповѣдашася, сшцымъ же въ покоренїи оцемъ, единое точїю тѣмъ во оумѣ имѣти достѡитъ, еже ни въ единой ѡниудѣ дѣлательныа заповѣди ѡпадати, сїе бо исправляющїи, все сѣтъ исправльше, якоже паки и сопротивное разсмѣвай, яце ѡ таковагѡ ѡпадѣтъ житїа и опасенїа небрегомы по всакомъ ѡбразѣ добродѣтелей и житїа дхѡвнагѡ бѣдѣтъ.

скими, как говорит Апостол: *никакой воин не вмешивается в дела житейские, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2, 4).

49. Подобае убо монаху быть безвещну, бесстрастну, чужду всякого греховного похотения, не сладкоястливу, не винопийце, не вялу (νωθρός), не лениву, не сребролюбиву, не сластолюбиву, не славолюбиву: ибо если кто от всего такого не отрешится, то он не может исправно вести эту ангельскую жизнь; для тех же, кои так именно поступают, она есть иго благое и бремя легкое, так как, в таком случае, Божественная надежда все делает для них легким. Приятна жизнь сия, усладительны дела ее, блага часть ее, которая не отыметса от стяжавшей ее души.

50. Отрекшись от житейских забот и восприяв иноческїи подвиг, не возжелай богатства для раздаяния бедным, ибо и это есть одно из прельщений лукавого, ведущее к тшцеславию, чтоб ввергать ум в многоделие хлопотливое. Пусть только хлеб имеешь ты и воду, и ими одними можешь стяжать мзду странноприимства. Пусть даже и их не имея, с одним благим расположением примешь странника и дашь ему слово утешения, и таким образом можешь заслужить мзду странноприимства. Имеешь пример сему в бедной вдове, о которой Господь засвидетельствовал в Евангелии, что она своими двумя лептами, в силу благого произволения своего, превзошла подаяния богатых.

51. Это сказано тем, кои живут в безмолвии. Находящиеся же в послушании отца, одно да имеют в уме, ни в чем не отступать от заповеди отца; ибо исполняя это как следует, они исполняют все, требуемое от них; как наоборот, отступающие от точного исполнения этого долга, останутся неискусными во всяком виде добродетели и духовного жительствова.

нв. Прїимї мѡй совѣтъ ѿ хрїтолюбче, и возлюбї странствїе и любви: сїа во тѣа измѣнѣтъ твоегѡ отечества печали. Родительными печальми, и ближнихъ любовїю не прельщайса, пребыванїи ѿже во градѣхъ бѣгай, въ пѣстыни же паче терпї глагола съ дѣдомъ: сѣ оудалихса бѣгаа, и водворихса въ пѣстыни (Псал. нд, и).

нг. Осѡбна и оудаленна ѡ мїра гонї мѣста, аще и скѣдость нѣжныхъ имѣтъ, и аще ѡвстѣпѣтъ тѣа врази ѿкѡ пчелы и злыа осы, всѣкїа тїа прилагающе брани, не ѡстѣпѣй, ни оустрашайса, не преклонї имъ добротѣ шлїва слѣха, ни ѡбѣгай постническагѡ подвига, долготерпѣливнѡ же паче постраждї, полъ въ себѣ и глагола: терпѣ потерпѣхъ гдѣа, и внѣтъ мїа, и оуслыша молитвѣ моѡ (Псал. лѣ, в). И тогда оузриши вѣжїа величїа застѣплѣнїе, строенїе и инъ всѣкъ на спасенїе промыслѣ.

нд. Дрѣги имѣти тїа подобаетъ ѿ хрїтолюбче, полезныа слагаящїасѣ къ житїю дѣлы: мѣжїе во речѣ, мирны да бѣдѣтъ дрѣги твої, и братїа дѣвна, отцы стїи, ѡ нїхже речѣ гдѣ: мати моѡ и братїа моѡ сїи сѣтъ, творѣщїи волю оца моего, иже ѣсть на небѣхъ.

не. Не бѣди похотникъ брашнѡмъ различнымъ и изрѣднымъ, и ѡбѣденїи смертоносныхъ, и тѣхже ѡбычныхъ, аще мѡцно ѣсть, ѡрищайса сытости, речѣно во ѣсть: не прельщайтеса сытостїю чрева.

нз. Внѣ келлїи частое пребыванїе, да бѣдетъ тїа ѡреченно, (паче же молчати и звѡли,) ѣсть во тѣцѣтно сѣлѡ: ѡемлетъ благодать, ѡмрачатъ смыслѣ, оувадатъ же-

52. Вот и еще совет мой тебе, Христолюбче: возлюби странничество, т. е. будь как странник, чуждый для событий своей страны; не увлекайся заботами родительскими и любовями родственными; бегай бывания в городе и с терпением сиди неисходно в пустыне, говоря с пророком: *Вот я удалился, бежал и водворился в пустыне* (Пс. 54, 8).

53. Ищи мест уединенных и удаленных от мїра, и хотя будет утеснять тебя там скудость необходимых потреб, не бойся; если и враги окружают тебя, как пчелы или злые осы, всякого рода воздвигая на тебя брани и всяческими возмущая тебя помыслами, не устрашайся, не приклоняй к ним послушливого уха и не убегай с поприща состязания, но паче мужественно перетерпевай все, припевая себе и говоря: *терпеливо уповал я на Господа, и Он внял мне и услышал молитву мою* (Пс. 39, 2). И узришь величие Божие, Божие заступление, попечение и всякое спасительное о тебе промышление.

54. Друзьями должно тебе иметь таких лиц, которые были бы назидательны для тебя и сходились с тобою в образе жизни; ибо говорит Писание, мужи мирные да будут други тебе, братия духовные, отцы святые, о коих и Господь наш сказал: *мати Моя и братья Мои* есть те, которые творят волю Отца Моего, Который на Небесах (Мф. 12, 49).

55. Не будь пристрастен к разнообразным и дорогим яствам и не питайся ими пространно; ибо *сластолюбивая*, говорит Писание, *заживо умерла* (1 Тим. 5, 6). Да и не дорогими яствами, если можно, избегай насыщения. Ибо написано: *не прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24, 15).

56. Часто бывать вне келлии не позволяй себе, если ты избрал себе безмолвное житие, потому что это очень вредно, — отъемлет благодать, омрачает мысли, ослабля-

лание: сегѡ ради речено ѣсть: пареніе похоти премѣна-
етъ оумъ незлобивъ (Прем. сол. д, г), и пресѣкаетъ
многихъ благоа стремленіа: да не бѣдетъ оубо оумъ
твоѡ преклоненъ, и возматенъ молчаніа ѡбразъ.

нз. Сѣдай въ келліи своѡй небезсловесно и празд-
ности исполненно твори своѡ дѣло, безъ разума шест-
вай рече, все трѣдѣтса: но стажѡ дѣланіе благо, и
совери своѡ оумъ, (и) предъ очима кончинѡ имѣа, поман-
ни мѡрскѡю сѣтѡ, ѡакъ прелестна ѣсть, и ничтоже сѡща,
разумѣѡ страшнаго словаположеніа ѡвѣтъ, какъ хо-
тѣтъ насъ горцын сопротивницы, и животѡ нашего
врази, по ѡбразѡ представлѣти дѣланіа наша и словеса
и помышленіа лѡкаваа, ѡже мы прѡемлахомъ, тѣмъ
сѡа влагаютъ. Поминаѡ и во адѣ сѡщыа мѡки, какъ оубо
сѡтъ тамъ затворенныа дѡшы, въ каковѣ страсть и бо-
лѣзни, поминаѡ и во ѡномъ послѣднемъ воскресеніи,
хотѣщихъ слышати страшное ѡсѡжденіе, нелицемѣр-
наго сѡдѡи: поминаѡ стѡдѡ прѡемлющѡ грѣшныа, по-
мышлѣѡ поношеніе, ѡбличеніе совѣсти, ѣже тоа ѡбли-
ченіемъ изриновеннымъ быти ѡ вѣа, и вверженнымъ
быти въ вѣчный ѡгнь, идѣже плачь и скрежетъ зѡ-
бѡмъ, и другѡа мѡки всѡа воспоминаѣти не престѡи, и
теченіемъ слезъ ѡбливаѡ лице въ разумѣ, или стѡиши,
или сѣдиши: сѡми бо помыслы многи видѣхъ множество
слезъ стажавшихъ, и дѡшѣвныа сѡлы до конца ѡснѡ
ѡчѡстившихъ.

ни. Но и праведнымъ ѡадѡмаа благоа размышлѣѡ,
ѡдеснѡю хрѣта предстоаніе, блѡгословенный гласъ влченъ,
и наслѣдѡе небеснаго царствѡа, къ сѡмже и дарованіа, и
радость конца не имѡщѡю, и не преторгаемѡ печалію, и
ѡбитѣли ѡныа небесныа, и со агглы пребываніе, и ѡна
всѡа ѡвѣщаннаа гѡа любящымъ.

ет ревность. Почему и сказано: *блуждание* (περιπλάνησι)
похоти извращает (διαστρέφει) *незловивый ум* (Прем. 4,
13). Пресеки же сношения с внешними, чтоб ум твой не
сделался парительным и не возмущал порядков безмол-
вия твоего.

57. Сидя в келлии, не совершай деланий своих бес-
смысленно и времени не иждивай в праздности: ибо бес-
цельно, говорят, путешествующий — все потрудится.
Но стяжи себе благое делание, собери ум свой, пред оча-
ми имей всегда последний час смертный, помни о суетно-
сти мѡрской, как она обольстительна и вместе как нетвер-
да и ничтожна, помышляѡ об обстоятельствах страшного
на Суде испытанія, как наши горькие обличители будут
видимо представлять тогда наши деда, слова и помышле-
ния, которые они влагали, а мы принимали, приводи себе
на мысль и адские мучилища, и то, как в них заключены
будут души, представляѡ также великий онѡй и страш-
ный день, — разумею день общего воскресения, предста-
ния пред Богом и окончательного определения Судии не-
ложного, воображай имеющіе объять грешных мучения,
стыд и обличение совести, и то, как будут они отвержены
Богом и ввержены в огнь вечный, к червю неусыпающе-
му, во тьму непроницаемую, где плач и скрежет зубов,
обозревая же все другие мучилища, не переставай, стѡя,
обливать слезами лицо свое, одеяние свое и место, на ко-
тором сидишь. Такими помышлениями, как я видал, мно-
гие стяжевали себе обилие слез и дивно очищали все си-
лы души своей.

58. Помышляѡ также о благах отложенных правед-
ным, поставление их одеснѡю Христа, благословенными
их нарицающий глас Владыки — Господа, наследие Цар-
ства Небесного, превышающіе ум дары им, свет онѡй
сладчайший, радость, конца не имеющую и никакую пе-
чалию не пресекаемую, обители онѡе небесныа, сожи-

ѿд. Сѣи же помыслы да пребываютъ съ тобою, да спятъ съ тобою, и совостаютъ. Зри оубо, и не забывай сиoux николиже: но и дѣжеливо аще еси, ѿ онѣхъ памяти не изводи свою дѣшу, да и сѣи до конца ѿбѣжатъ помыслы, и оутѣшенїа бжественнагw исполненъ будеши. Сѣими бо дѣлы не ограждена дѣша, молчанїа исправити не можетъ: источникъ бо воды не имый, счетно стажа има.

ѿ. И сѣ оуставъ молчальнымъ исправити закониса: постъ елику мочно противъ силы, бдѣнїе же и на землѣ лежанїе, и ино всако слоотраданїе будущагw ради покая: недостына бо, рече, страданїа нынѣшнагw време не къ хотащей славе ѿкрытиса въ насъ (Рим. и, ии). Израднw же молитва чистаа непрестанна и неуксѣдна, сѣа оубо стѣна есть твердаа, и пристанище тихое, и двѣрымъ дѣломъ хранило, страстемъ разоренїе, дѣши благая помощь, оумъ чистота, трѣждяущимса покой, плачущимса оутѣшенїе, аггльское превыванїе. Молиса оубо, ѿ постниче! день и нощь, со страхомъ и трепетомъ, трезвымъ оумомъ и бодрымъ, да молитва твоя прїятна будетъ гдѣви: Очи бо, рече, гдѣни на праведныхъ, и оуши егw въ молитвахъ ихъ.

ѿа. Речено бысть некоему ѿ древнихъ сѣлау искѣснѣ, и влѣпотѣ, ѿакw ѿ сопротивныхъ намъ вѣсѣвъ, рече, перви въ брани начальницы, иже насъ всаа сопротивнаа дѣйствовать потыкающе, сѣть сѣи: похотѣнїа, чревоуладенїа дѣхъ, и сребролюбїа, и тцеславіа, инїи же прѣчи возслабѣюще сѣмъ ходатъ, всаа паквсти дѣшамъ нашимъ исходатѣйствѣюще.

тельство Ангелов и все другое обетованное боящимся Господа.

59. Такие помышления да пребывают с тобою за столом, да сопровождают тебя ко сну и да встают с тобою. Смотри, никогда не забывай их, но где бы ты ни был, не отводи ума своего от памятования о них, чтоб худые помыслы бежали от тебя, Божественные же утешения преисполняли душу твою. Душа, не будучи ограждена и вооружена сими помышлениями, не может исправно держать безмолвие: ибо источник, не содержащий воды, напрасно носит это имя.

60. И вот какой образ жития законоположено вести безмолвствующим: пост, сколько сил достанет, бдение, спание на голой земле и всякие другие произвольные лишения, ради будущего упокоения; ибо как говорит Писание, *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18); особенно же молитва чистая, непрестанная и непрерывная: она есть стена крепкая, пристанище благотишное, добродетелей охрана, страстей истребление, души благоустройство, ума очищение, страждущим упокоение, плачущим утешение; молитва есть сообращение с Ангелами. Молись, подвижниче, день и ночь, со страхом и трепетом, бодренным и трезвенным умом, чтоб благоприятна была Господу молитва твоя: ибо Писание говорит: *очи Господа [обращены] к праведным, и уши Его — к молитве их.* (Пс. 33, 15).

61. Неким из древних очень верно и с делом сообразно сказано, что из противоборствующих нам демонов первыми вступают в брань те, коим вверены чревоугодливые желанья, кои внушают сребролюбие и склоняют к тщеславию; другие же все, идя позади них, забирают пораженных ими.

ѿв. И воистиннѣ ѿ искѹса размѣхомъ, ѿкъ нѣсть человекѣхъ впасти въ грѣхъ, или въ которюю либо страсть, аще не первѣе ѿ нѣкоего трѣхъ сихъ исполнѣнъ оуязвленъ бѹдетъ, и инакъ нѣсть. Тѣмже и три сѣа помыслы дѣволъ иногда спсѣ принесѣ, иже гдѣ нашъ болѣе явлѣса, вспасть ѿлѹчитѣса дѣволъ повелѣ. И дастъ намъ побѣдѹ на нихъ, ѿкъ блѣгъ и человеколюбець вѣка, по всемѹ въ подобострастное намъ тѣло ѿвлѣчѣса кромѣ грѣхѹ, показавъ намъ безгрѣшнѹю и нелѣстнѹю стезю, по нейже ходѣще воображаемъ новаго человека въ себѣ, ѿновляюще по ѿбразѹ создаваемаго и.

ѿг. Совершенною ненавистію ненавидѣти бѣсы, ѿкъ спасеніа нашего враги, дѣдское оучитъ слово, и ѣсть се къ добродѣтели сѣлау полѣзно. Но оубо кто ѣсть совершенною ненавистію ненавидѣи враги, иже ни въ дѣлѣ ни въ помышленіи согрѣшивъ; аще оубо помышленіи сосѹды въ насъ сѹтъ, какъ къ нимъ совершеннѣ ненависть исправимъ; сластолюбивое во сердце сихъ николиже возненавидѣти мѹжетъ.

ѿд. Одежда брачна ѣсть, безстрастіе души словесныа, ѿ мѣрскихъ ѿлѹчившіася страстей, и всѣхъ ѿвергшіася слыхъ похотей, оумъ бѣлюбивый, бѣговидѣннѣ свѣтлыми свѣтащійса. Оумъ же подавлѣемъ ѿ безчисленныхъ страстей, и къ симъ сладцѣ прилежѣи, совлачитѣса рѣзы цѣломѹдріа, и ѿвлѣчитѣса рѣбици срамными и ѿскверненными, и постыдитѣса, ѿкоже и во еѿлѣи рѣкама и ногѣма свѣзанный во тѣмѹ кромѣшнѹю вметѣемый (Матѣ. ѣв, г): занѣ ѿ таковыхъ помыслъ и дѣланнѣ, истѣка себѣ одеждѹ, юже недостѹиннѣ вѣстѣвенныхъ словесъ, слово ѿсѣди быти.

62. И воистину, присматриваясь, узнали мы, что не бывает, чтоб человек впал в грех какой или в какую-либо страсть, если прежде не уязвлен он чем-нибудь из сих трех. Почему на эти три помысла наводил тогда диавол и Спасителя; но Господь, являсь недоступным для них, велел диаволу удалиться назад Себя, даровав и нам победу над ним, как Благой и Человеколюбивый Владыка, облечшийся в подобное нам во всем тело, кроме греха, и показавший нам неложный путь к несогрешанию, по коему идя, мы создаем в себе нового человека, *обновляемого по образу Создавшего его* (Кол. 3, 10).

63. Совершенною ненавистію ненавидеть бесов, как врагов нашего спасения, Давидское научает нас слово. И это очень пригодно в деле преуспевания в добродетелях. Но кто же будет этот, совершенною ненавистію ненавидящий врагов спасения? Тот, кто не грешит не только делом, но и мыслию. Коль же скоро сосуды любления их, т. е. причины страстей, будут в нас, то как установиться в нас ненависти к ним? Ибо сластолюбивое сердце бесильно питать в себе ненависть к ним.

64. Брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отдалившейся от мѣрскихъ сластей, отрешившейся от всех непотребных похотей и всецело посвящающей себя боголюбивым помышлениям и чистейшим созерцаниям. Коль же скоро она поблажает страстям бесчестия и в них закосневает, то совлекается сей одежды целомудрия и облачается в рваные и оскверненные рубища, как и в Евангелияхъ показывается, что *связанный оный по рукам и ногам и брошенный во тѣму кромешную* (см. Мф. 22, 13), имел из таких помыслов и деяний сотканное одеяние, которое Словом Господним сочтено недостѹиннымъ Божественного и нетленного чертога брачного.

Ѣе. Ёже ѡ самолюбіи лѣкавомъ и ненавистнѣмъ всемудръ некто вправдѣ провѣща: перваа оубо есть всѣхъ помыслъ, люта сѣа самолюбїа брань, ꙗкоже некий лютый мучитель, съ нимже и трїе, и по сихъ пать, таже и вси оумъ нашъ восхищяютъ.

Ѣс. Дивлюса, ꙗще кто брашны насыщася, можетъ безстрастїе стяжати: безстрастїе же глаголю не точїю ѡ грѣхѣ ѡчїститися по дѣйствѣ, сїе во воздержанїе глаголетса: но еже и оума ѡ страстныхъ капищъ и идолъ нечистыхъ и скверныхъ востагнѣти, и на небо возвестї, еже и вправдѣ чистота сердца именуется.

Ѣз. Оудобъ нечистю ѡчїстити дѣшъ, илї ѡчищеннѣ паки ѡсквернїти: ѡрѣкшымса же мїрскагѡ смѣщенїа, и не вкусившимъ сладости бжественна въ дѣши, и въ некиа впасти имъ грѣхї несть се чѣдно. Чѣдно же, по истиннѣ чѣдно, вкусившимъ сладкихъ бжїихъ глаголѣ, и чѣствовавшимъ въ дѣшахъ своихъ некое бжественное посѣщенїе, и ходившимъ по пѣтѣхъ спасенїа, и посемъ паки ѡбращшымса ко грѣхѣ, не оудобъ въ первый чїнъ прїитї мнѣ. Первый оубо ѡ невѣдѣнїа правыа стезї, прилѣчшася пострада: сїй же, вѣсѣ скорбь прїснѡ емъ въ зѣницы очїю влагающѣ, и немилостива вѣа емъ творящѣ, и грѣховный во оумѣ приносящѣ емъ кѡмїръ, тѣащиса въ ровъ ѡчанаїа врїнѣти и. Мужественна же дѣша и трудолюбиваа сѣлѡ исправитъ сѣа бжественнымъ посѣшенїемъ долготерпѣливнѡ человекѡлюбствѣющѣ ѡ насъ, и ѡбращася оутрѣбою неизреченныхъ щедрѣтъ, прїемлетъ насъ, ꙗкоже во еѡлїи влѣднѡгѡ ради сына, прїтчи набчїхомса.

Ѣи. Ни єдинъ же насъ своєю крѣпостїю можетъ преодолѣти кознемъ и худѣжествамъ лѣкавагѡ, но непобѣдимѡ силою хрїтѡвою. Все оубо прельстїшася естествослѡвцы творимыхъ ради въ нихъ пощенїй, своєю силою оупразднїти грѣхъ помышляюще, єдинѣмъ бжї-

65. О самолюбии, всех ненавидящем, верно сказал некто из премудрых: лютая брань самолюбия, как тиран некий, стоит во главе всех помыслов, коими три оные и пять захватывают наш ум.

66. Дивно будет, если кто насыщаясь всегда вдовольствами, возможет стяжать бесстрастие. Бесстрастием же я называю не удаление от греха делом: ибо это есть воздержание; но то, если кто пресек совершенно исхождение из сердца самих помышлений страстных, — что и называется чистотою сердца.

67. Удобнее очистить душу нечистую, нежели очистившуюся и снова уязвившуюся ранами страстей опять возвести к здравїю: ибо только что отрешившимся от мїрскихъ уз, в какие бы грехи ни случилось им впасть, доступнее достижение бесстрастїа; а тем, которые *вкусили добрыхъ глаголовъ Божиихъ* (Евр. 6, 5) и текли уже путем спасенїа, и потом опять уклонились к греху, доступ к бесстрастїю загражденъ едва преодолимыми препонами. Это по причине установившегося греховнаго навыка и укоренившейся склонности к греху, не меньше же и от того, что тогда беспривычнаго греха, вертѣсь пред очами ума, непрестанно приподноситъ ему образы сего греха. Впрочем, душа ревностная и трудолюбивая и это труднейшее дело удобно исполнитъ содействїемъ благодати Божїей, человекѡлюбно долготерпеливой к нам, к покаянїю насъ призывающей и возвращающихся с неизреченными утробами щедрѣтъ прїемлющей, какъ научаемся мы въ Евангелїяхъ прїтчею о блудномъ сыне.

68. Никто из насъ собственными силами не можетъ избежать искусствъ и козней лукаваго, но только непобѣдимѡ силою Хрїстѡвою. Потому опасно заблуждаются мечтающїе совершаемыми ими подвигами и силою воли своею упразднить грех, упраздняемый одною благодатїю

имъ хотѣніемъ оупражнѣмый, занѣ оупражненъ бысть таинства ради еже на крѣтѣ. Сегѡ ради и церковный свѣтильникъ іѡаннъ златоустый глаголетъ, ѿкѡ не довлѣетъ произволѣніе человѣческое само ѡ себѣ, аще не свѣше ктѡ прїиметъ по́моць. И́коже па́ки ничесо́же оупсѣетъ ѡ вы́шнійа по́моци, не свѣш произволѣнію: ѡбо́е во показа іуда и пѣтръ, ѡвъ оубѡ желаніе свое исполнивъ насладиса, и ѡбратитиса не хотѣ, и не свѣш тогѡ произволѣнію, ничто́же свѣше оупсѣ. Пѣтръ же по ѡверженіи пла́каса горѣцѣ, и свѣше по́моць прїатъ. Тѣмже молю́са, рече, ни всѧ на бѣа возвергшимъ спати, ни тѣащымса мнѣти своїми трѡды всѧ исправити: но показѡущымъ бѣови произволѣніе, и ѡ тогѡ по́моци просѧщымъ добрѣ, ѿкоже и псалмопѣвецъ оучитъ: *Аще не гдѣ, глагола, созиждетъ домъ, илѣ сохранитъ градъ, все ѡдѣтъ стрегѣи и зиждай* (Псал. рѣс, а).

ѿѡ. Не безвѣдно ѣсть настѡпати на аспѣда и васѣли́ска, льва же и смѣа попра́ти, аще не первѣе ѡчиститса человѣкъ, ѿкоже достѡитъ, и по́моць прїиметъ ѡ рѣкшагѡ апѡстолѡмъ: *Се дахъ вамъ вла́сть настѡпати на смѣю и на скорпию, и на всю сілѡ вражію* (Лукѣ 1, ѡ1): тѣмже въ молитвѣ повелѣно намъ ѣсть, мо́литса, не внѣти въ напѣсть, но избѣвитиса ѡ лѡкавагѡ. Аще во не сілою по́моци хрѣтѡвы, избѣвимса раздѣженныхъ стрѣлъ непрѣазненныхъ, все мнѣмъ ѡ своеѡ сілы исправити чтѡ. Хотѣи во кѡзни дѣаволи недѣйстви́твенны показати, и бжѣственныа славы причѣстникъ быти, долженъ ѣсть слезами и въздыханіемъ и безмѡлвѣемъ въ ноци и во дни искати бжѣственныа по́моци и застѡплѣніа: тогѡ же хотѣа причѣтитиса, чистѡ да стѣжетъ дѡшѡ свою ѡ всѧкѣа сладѡсти мѣрскаа и имѣніа. ѡ таковыхъ во дѡшахъ рече гдѣ: *Любѣи мѣ, заповѣди моѡ соблюдетъ, и ѡцѡ моѡ возлюбитъ егѡ, и*

Божиею {одним желанием Божиим}, потому что он ураздился через таинство на Кресте. Чего ради светило Церкви, Иоанн Златоуст говорит, что недостаточно одного усилия человеческого, если не получит он и помощь свѣше; и опять, никакой не будет пользы от помощи свѣше, если не будет собственного усилия. То и другое показывают на себе Иуда и Петр: тот, столь много прияв от благодати, не получил от того никакой пользы, потому что не приложил своего хотения и не привнес своего усилия; а Петр, хотя и ревностную изъясил готовность, но как не получил помощи свѣше, пал. Посему прошу, все возложив на Бога, как и самим не спать, так и, ревностию ревнуя, не думать все исправить собственными усилиями, но показывать Богу свое произволение и от этого добре просить Его помощи. Как и Псалмопевец научает нас, говоря: *если Господь не построит дома, напрасно трудятся строители* (Пс. 126, 1).

69. Невозможно также *наступить на аспѣда и васили́ска и попра́ти льва и змея* (Пс. 90, 13), если кто, прежде очистив себя сколько доступно то для сил человеческих, не получит на это сил от Рекшего Апостолам: *вот, даю вам вла́сть наступать на змию и скорпиона и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19). Почему и повелено нам в молитве умолять Отца Небесного: *не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго* (Мф. 6, 13). Ибо если мы силою и помощью Христовою не избавимся от разжженных стрел лукавого и не сподобимся улучшить бесстрастия, то тщетно трудимся, чая собственными силами или рвением, исправить что-либо подобное. Итак, желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, и сделаться причѣстным Божественной славы, должен со слезами и въздыханиями, с ненасытимым желанием и пламенной душою, ночь и день Божией искать помощи и Божественного заступления. Желающий же получить та-

прїидемъ къ немѸ, и ѡвїтель оу негѡ сотворїмъ (Іѡан. дї, к҃г).

Ѡ. РазѸмно сѣлѡ и благопрїятно слѡво ѡ помыслѣхъ глагола некто ѡ дрѣвнихъ: СѸди, речѣ, помыслы на сѣдїци сѣрдца, аще наши сѣть, или ѡ сѸпостатѣ нашихъ. И своѡ оубѡ намъ благїѡ, во внѣтреннѣй дѸшї хра- нїтельницѣ положи, въ некрадомомъ сокровици сїѡ хранѣ: сопротивнымъ же ранами словеснагѡ оумѡ мѣчївѣ изгони, и не давай мѣста тѣмъ во ѡкрѣстныхъ дѸшї твоєѡ: ибо сѣй, речѣ, извѣстный помыслѡвѣ испытѡ- тель, ѣсть истинный заповѣдей рачїтель.

Ѡа. Воююцыѡ на сѡ страсти и стѸжаюцыѡ тѸцѡйсѡ повѣдїти, прѡчыѡ посѡбники да прїиметъ, и сѣ ними да сошполчїтсѡ на брань, смиренїе дѸшї, рекѸ же, трѸдѣ тѣлесный, и ѡ скорбна сѣрдца со множествомъ слѣзъ молитвѸ. Икоже поетъ давідъ, виждь, глагола, смиренїе моѣ и трѸдѣ мої, и ѡпѡсти всѡ грѣхї моѡ (Псал. кд, ѣї). И паки: Быша слѣзы моѡ мнѣ хлѣбъ дѣнь и нѡчь (Псал. ма, д), и питїе моѣ сѣ плачемъ растворяхъ (Псал. ра, і).

Ѡв. СѸпостатѣ оубѡ животѡ нашегѡ оумалѣетъ мнѡгаци, и забвенїемъ наши грѣхї покрывѣетъ. И по-

ковыѡ, долженъ соделать душу свою чистою отъ всякаго сладострастїѡ мїрскаго и отъ всехъ страстей и похотей. Ибо о такихъ именно душахъ говоритъ Богъ: *вселюсь в них и буду ходить* (2 Кор. 6, 16), и Господь говорилъ ученикамъ: *кто любитъ Меня, тотъ заповѣди Мои соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы прїидемъ къ нему и обитель у него со- творимъ* (Ин. 14, 23).

70. Весьма разумное и благопрїятное слово изрекъ некто изъ дрѣвнихъ относительно помысловъ, говоря: истязуй помыслы на пороге сѣрдца (при входе въ него), наши ли они, или отъ сопротивныхъ; и родные намъ и благїе вводи во внутреннѣйшее хранилище души и храни ихъ тамъ, какъ въ некрадомой сокровищницѣ, а противническіе, бичами разумнаго рассужденїѡ помучивъ, тотчасъ изгоняй, не давая имъ покоища и мѣста даже въ окрѣстностяхъ души своеѡ, или лучше совсемъ избивай ихъ мечѡмъ молитвы и Божественнѣйшаго поученїѡ, чтобы отъ такого истребленїѡ татей страхъ напалъ и на самаго начальника ихъ. Ведай, что кто такъ тщательно истязуетъ помыслы, тотъ бываетъ истиннымъ ревнителемъ и объ исполненїи заповѣдей.

71. Усиливающийся отсечь борющїе его и смущающїе помыслы и движенїѡ, пусть побольше ополчитъ сподвижниковъ и союзниковъ (συνμάχους) и приблизитъ ихъ къ себѣ на совместное противоборство, таковы — смиренїе душевное, трудъ телесный и всякое другое подвижническое самоумерщвление, и особенно молитва изъ сокрушеннаго сѣрдца со множествомъ слѣзъ, какъ поетъ Давидъ: *посмотри на смиренїе мое и на изнеможенїе мое, и оставь все грѣхи мои* (Пс. 24, 18) и: *не будь безмолвенъ къ слѣзамъ моимъ, Господи* (Пс. 38, 13), еще: *слѣзы мои были мнѣ хлѣбомъ дѣнь и нѡчь* (Пс. 41, 4). Опять: *питье мое растворялъ слѣзами* (Пс. 101, 10).

72. Соперникъ нашей жизни диаволъ разными помыслами умаляетъ грѣхи наши и часто покрываетъ ихъ забвенїемъ,

мыслы покѹшаѣтсѧ хвалити насъ въ сѣрдцы, и безстрастны и праведны творити насъ, и неощевати ѿ соблажненїихъ нашихъ плача. Мы же братїе поминѧмъ соблажненнаѧ, аще и мнѧмъ покаанїемъ тѣмъ ѿчищеннымъ быти. Но поминѧемъ приснѧ согрѣшенїѧ, и ѿ тѣхъ непрестаннѧ плачимсѧ, да смиренїе сожителѧ блага стѧжавше, тщеславныхъ и гордостныхъ оубѣжимъ сътѣй.

Ѳг. Ниединъ же ѿ своеѧ силы трѹды претерпѣвати, и добродѣтели исправити да мнитъ: вина бо всѣхъ добрыхъ намъ есть бгѣ, ꙗкоже и слыхъ, дѹшамъ нашимъ прелестникъ. Еже бо творити ти блага, добрымъ виновномъ благодаренїе приноси: а еже стѹжати сѧ ти слыми, начальникъ тьмы тѧ приметѧй.

Ѳд. Дѣтельную силу къ разумнѣй сопрѧгїи, дѣлатель есть похваленъ, ѿ двою сладкою истѹчникъ дѹшевною свою нивъ напаетъ. Разумнаѧ бо возвышаетъ чистое сщество, лучшихъ видѣнїемъ: дѣлательнаѧ же оумерщвляетъ оуды сщцыѧ на землїи, блѹдъ, нечистотѹ, похоть слыю, нечистѹю страсть. Сїмъ же оумерщвленнымъ, добродѣтелей цвѣты краснѣ процвѣтаютъ, плодѧще дѹховный плодъ: любви, радость, миръ, долготерпѣнїе, благость, милосѣрдїе, вѣрѹ, кротость, воздержанїе. Таковїи же речѣтъ съ бгоноснымъ проповѣдникомъ: живѹ же азъ не ктомѹ, но живѣтъ во мнѣ хртѹсъ. А еже нынѣ живѹ, вѣрою живѹ сна бжїѧ, возлюбльшагѧ мѧ и предавшагѧ себѣ по мнѣ.

Ѳе. И се же ѿ тебе, ѿ хртѹлюбче, да не оутѧйтсѧ, ꙗкѡ страсть единою мѣсто ѿверѣтши въ тебѣ, и обычаемъ вкоренившисѧ, и ѧныѧ въ тѹжде мѣсто ввѹдитъ: аще бо и едина дрѹзѣи противѧтсѧ страсти, сїѧ бо

чтоб мы послабили себе в трудах и не думали более оплакивать свои падения. Мы же, братие, не дадим себе забыть о своих падениях, хотя бы казалось, они прощены уже нам в силу покаяния нашего, но всегда будем памятовать о грехах своих и оплакивать их не перестанем, чтобы, стяжав себе, яко добрую сожительницу, смирение, избежать нам сетей тщеславия и гордости.

73. Никто не думай своими силами понести труды и преуспеть в добродетели: ибо виновник всего доброго для нас есть Бог, как всего худого — обольстителъ душ наших — диавол. Почему когда сделаешь что доброе, приноси благодарение Виновнику его; и когда стужает тебе что худое, относи то к начальнику таких вещей.

74. Сочетавший с ведением соответственную деятельность есть похвальный возделыватель духовный, из двух приятнейших источников напаяющий ниву душевную. При сем ведение окрыляет ум созерцанием наилучшего, а соответственная ему деятельность умерщвляет земные члены: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть (Кол. 3, 5). Когда же эти умертвятся, тогда распускаются прекрасные цветы добродетелей, приносящие обильные плоды духовные — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22. 23). Тогда наконец целомудрый сей делатель, распявши плоть со страстями и похотями, речет с Богоносным проповедником: и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня (Гал. 2, 20).

75. И вот еще, Христолюбче, не забывай, да не утаится от тебя, что одна страсть, нашедши в тебе свое место и укоренившись до навыка, в тот же дом приводит и прочие страсти; ибо хотя страсти соперничают одна против дру-

и́звѣрѣтоша бѣси, но нашеѡ погѣбели вси согласнѡ
взыскѡють.

Ѡс. Поцѣнѣѡ болѣзни скончаваются въ безстрастіѡ
покоѣ, пи́щни же ѡбрази постизѡють въ безмѣстныѡ
стра́сти.

Ѡз. Цвѣтъ плотскій поцѣнѣемъ оувадаѡи, и волю ѡ-
сѣкаѡи но́ситъ я́звы хрѣтѡвы на мѣртвеннѣи плѡти
своеѣи.

Ѡи. Не и́считай мно́гихъ лѣтъ и́ноческагѡ житіѡ
твоегѡ, ни терпѣніѡ пѣстыннѡе, ни жестѡкихъ твоѣхъ
пѡдвигъ оуловѣнъ бѣди похвалою, но влады́чнѡе прѣснѡ
во оумѣ и́мѣи сло́во, ѣже рабѡ быти неключи́мѡ, не оу-
до́лгъ испѡлнѣвшъ: и́ е́ще бо въ ны́нѣшнемъ житіѣи
е́смь, не оу́ къ іерѡсали́мѡ призваны быхомъ, но и́ е́ще на
рѣцѣ вавѡлонстѣи сѣдимъ: и́ е́ще во е́гѣпетстѣи ра-
бо́тѣ стра́ждемъ, не оу́ е́ще зе́млю ѡбѣтованнѡю ви-
дѣвшѡ. Тѣмже оубѡ слезѣти достоитъ, и́ моли́тисѡ
могѡщемѡ спасти насъ ѡ рабо́ты го́рькагѡ фараѡна, и́
и́зѡтѣмъ быти лю́тагѡ мѡчѣнѡ, и́ возвести насъ въ
зе́млю ѡбѣтованнѡю, и́ почи́ти во стѣилици вѣїи: сѣхъ
же па́че оума́ дарѡвъ полчи́ти намъ, не ѡ́ дѣлѡ
пра́ведныхъ, и́хже мнѣмѡ сотворше, но безчи́сленноѡ
млѣтѣю вѣїею, непрестаннѡ молимѡ, днѣю же и́ но́щю
слезѡще, по глаголющемѡ: оутрѡди́хѡ въздыханіемъ
моимъ, и́змѣю на всѡкъ но́щь ло́же мое, и́ слезами
моими постѣлю мою ѡмочѡ (Псал. 5, 3): сѣю́щѣи бо
слезами, радѡстѣю пожнѡтъ (Псал. рѣе, е).

гой, равно как и виновники их, бесы, но погибли нашей
все согласно ищут.

76. Заставляющий увянуть цвет плоти подвигами, и
отсекающий всякую ее волю, — вот кто *язвы Христа*
Господа носит на мертвенном теле своем (Гал. 6, 17).

77. Подвижнических трудов конец — покой бесстра-
стия, а разнообразных утешений плоти — страсти бесчес-
тия.

78. Не позволяй себе делом многоценным считать
многолетие твоей монашеской жизни, и не будь уловлен
самовосхвалением из-за долгого пребывания в пустыне и
терпеливого подъятия там жестоких подвигов, но Гос-
поднее слово держи в уме, что ты все еще *раб неключи-*
мый (см. Лк. 17, 10), и все еще не исполнил заповеди
Владыки своего. И в самом деле, пока находимся мы в
настоящей жизни, — дотолѡ состоим невоззванными из
изгнания, но еще сидим *на реках вавилонских* (см. Пс.
136, 1), еще мучаемся деланием кирпичей египетских (см.
Исх. 1, 14), еще не увидели земли обетованной, так как не
совлеклись еще ветхого человека, *истлевающего в оболь-*
стительных похотях (см. Еф. 4, 22), еще не облеклись в
образ *небесного*, еще носим *образ перстного*. Итак, нет
нам дороги к самопохвальбе, но плакать долженствуем
мы, молясь к Могущему спасти нас от рабства горького
фараонского, исторгнуть из лютого тиранства его и ве-
сти в благую землю обетования, да обретем наконец по-
кой во Святилище Божиѡм, удостоясь поставленными
быть одесную величества Вышнего. Благ же сих, паче
ума великих, сподобиться мы можем не от дел, которые
успеем надѡлать в правде, но по безмерной милѡсти Бо-
жиеѣи. Не перестанем же проливать слезы день и ночь,
подражая рекшему: *утруди́лся я от въздыханій моих,*
каждѡю ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю

ѠѠ. Далече Ѡ себѣ многорѣчивый Ѡгонѣ дѣхъ, занѣ Ѡ негѡ всѧка люта страсть раждѧтисѧ ѡбыче. Ѡсюдѣ лжѧ, Ѡсюдѣ дерзость, Ѡсюдѣ бѣсть, Ѡсюдѣ смѣхъ, Ѡсюдѣ ѡклеветаніе, Ѡсюдѣ ѡглаголаніе, Ѡсюдѣ срамотѧ, Ѡсюдѣ бѣслѡвіе, и да не многѡ глаголю, Ѡ многоглаголаніѧ не оубѣжиши грѣхѧ. Мужъ же молчаливъ, премудрости сынъ, тѣмже свѣлѡ полѣзно ѣсть молчаніе.

ѠѠ. Ѡклеветѧющихъ насъ, и оукорѧющихъ, хвалити паче и благословити повелѣно намъ ѣсть. Егда бо съ чловѣки смирѧемсѧ, боремсѧ со бѣсы, иже совершенною ненавистію возненавидѣти наѣчихомсѧ.

ѠѠ. Бѣгай запѧти ближнемѣ ѧзыкомъ льстивымъ, да не Ѡ гвѣителя запнѣшисѧ. Слыши ѡ семъ пророка вопіюща и глаголюща: Мужа кровей и льстива гнѣшѧетсѧ гдѣ (Ѡал. ѣ, з). И, потребитъ гдѣ всѧ оустны льстивыѧ, ѧзыкъ велерѣчивъ (Ѡал. ѧі, д). Такожде бѣгай поносити прегрѣшенію брата твоегѡ, да не Ѡ блгостыни ѡпадѣши: не имѣѧй во любвѣ къ братѣ своему, не оу позна бѣга, ѧкѡ бѣга любвѣ ѣсть. Ижеже іѡаннъ сынъ громовъ вопіетъ: ѧще бо, рече, хртѡсъ дѣшѣ свою положи за ны, и мы дрѡгъ за дрѡга дѣшѣ свою положити должи есмы (ѧ іѡан. г, сі).

постель мою (Пс. 6, 7). Ибо сеющие со слезами пожнут с радостью (Пс. 125, 5).

79. Далеко отгони от себя многоречивого духа, потому что в нем кроются всезлые страсти: от него ложь, от него дерзость, от него смехотворство, срамословие, бусловие и многое другое; так что на нем верно подтверждается сказанное: *при многословии не избежишь греха* (Притч. 10, 19). — *А муж молчаливый (разумный) престол чувства* (Притч. 12, 23). Но и Господь сказал, что мы должны будем дать ответ за всякое *праздное слово* (см. Мф. 12, 36).

80. Тем, которые злословят и укоряют нас или другим каким образом нападают на нас, мы получили заповедь не тем же отвечать, т. е. не противозлословить и не противуюкорять, а напротив, добрые о них говорить речи и благословлять их. Ибо когда мы мирствуем с людьми немирными, тогда в брани, или битве, состоим с демонами; когда же с братьями состоим в неприязни и брани, тогда мирствуем с демонами, — которых научены мы совершенною ненавидеть ненавистию и непрерывную вести с ними брань.

81. Избегай словом лукавым претыкание полагать ближнему, чтоб самому не быть преткнуто от вселукавого диавола. Ибо слушай, что вопиет пророк: *кровожадного и льстивого гнушается Господь* (Пс. 5, 7) и еще: *исребит Господь все уста льстивые, язык высокомерный* (Пс. 11, 4). Равным образом избегай и осуждать брата при падении его, чтоб не отпасть от благодати и любви. Ибо кто благодати и любви к брату не имеет, тот не познал Бога; ибо *Бог есть любовь*, как взывает Иоанн, сын громов и возлюбленный ученик Христов (1 Ин. 4, 8). — Если Христос и Спаситель всех душу Свою положил за нас, то и мы должны полагать души свои за братьев (1 Ин. 3, 16).

пв. Вправдѣ наречена ѣсть любви, добродѣтелей митрополіа, глава же законѣ и пророковѣмъ. Темже тоа ради всакъ трудѣ показѣмъ, зане любви бгѣ ѣсть, и имѣлаи любовь, бга имать въ себѣ: той же не сущей, польза намъ ѣсть никаже. Глаголетъ бо возлюбленный: Бга никтоже видѣ нигдѣже, аще же любимъ другъ друга, бгѣ въ насъ пребываетъ, и любви егѡ совершенна ѣсть въ насъ. Осюдѣ оубо ѡбѣ ѣсть, ѡакъ любви вещь ѣсть, благихъ содержаща, и тѣ конецъ стѣмъ писаніемъ оуставленѣ ѡбрѣтаемъ: и несть добродѣтели ѡбразъ, имже человекъ приближаетъ къ бгѣ, аще не любовію совершается, и ѡ неа прѣмлетъ неизреченнымъ словомъ содержимъ и соблюдаемъ.

пг. Приходящю къ намъ прѣмлюще братію, ни стѣженіе, ни пакость се молчанію да мнимъ, да не ѡ оуставѣ любви ѡпадѣмъ. И не ѡакъ благодать имъ дающе прѣимемъ, но ѡакъ мы паче прѣмлюще благодать, съ мольбою и тихостію ихъ прѣимемъ, ѡкоже авраамъ патриархъ показѣ. Егѡ ради бгѡсловѣснѣйшій вопіетъ оумъ: Чадца, глагола, не любимъ словомъ, ни языкомъ, но дѣломъ и истиною (а Іѡан. г, ѡі). И ѡ семъ разсмѣемъ, ѡакъ ѡ истины есмы.

пд. Патриархъ страннолюбіа содѣла дѣло, и предъ храмомъ сѣдѣще мимоходящымъ призываа, и всѣмъ поставлаа трапѣзѣ, нечестивымъ же и иноплеменикомъ нелицемѣрнѣ: темже оубо и дивнагѡ онагѡ соубѣтованіа сподобиса, прѣемъ со агглома владыкѣ. И

82. Любовь справедливо названа матерію добродетелей, главою закона и пророков. Подыдем же всякий труд, пока уллучим преподобную любовь, и чрез нее исторгнемся из тиранства страстей, и на небеса взыдем, возносясь на крыльях добродетелей, и Бога узрим, сколько это доступно для человеческого естества. Если Бог любовь есть, то имеющий любовь, Бога имеет в себе. Когда же ее нет, то нет нам совершенно никакой пользы и совсем невозможно говорить, что мы любим Бога. Ибо св. Иоанн говорит: *если кто говорит: „я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец*” (1 Ин. 4, 20), и опять: *Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас* (1 Ин. 4, 12); отсюда явно, что любовь есть благо высшее всех благ, указанных в Писании Святом; — и нет ни одного вида добродетели, человека с Богом соводворяющей и сочетающей, которая не была бы связана с любовью и от нее не исходила, неизреченно как-то ею бывая объемлема и охраняема.

83. Принимая входящих к нам братьев, — не будем отягощаться тем или почитать то пресечением безмолвия, чтоб не нарушить устава любви, не будем также приглашать их, как добро им делающие, но паче как сами от них приемлющие добро, и странноприимем их, как обязанные им, с мольбою и лицом радостным, как показал нам пример патриарх Авраам. Почему и Богослов учит, говоря: *дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною; и вот по чему узнаем, что мы от истины* (1 Ин. 3, 18. 19).

84. Патриарх, избрав в постоянное себе делание странноприимство, сидел пред своею скиниею и приглашал мимоходящих, всем потом без различия, нечестивым и варварам, предлагая трапезу, не раздумывая. Почему сподобился и дивного оногѡ сотрапезования, странноприив

мы оубо томъ оуподобимса, да не токму агглы, но и бга приимемъ (Быт. йи, в): понеже во, рече гда, сотвористе единомъ ѿ сихъ меншихъ, мнѣ сотвористе (Матф. ке, м). Всѣмъ оубо блготворити добрò, паче же немогъ-цымъ въздати.

пѣ. Бгѡже сердце непорочно ѡ ѡметанїи заповѣди бжїа, или помышленїа противнаго прїатїемъ, той оубо наречетса чистъ сердцемъ, и влѣпотъ, и сподобитса слышати: блжени чистїи сердцемъ, ѡкв тїи бга оуз-ратъ (Матф. ѣ, и).

пѣ. Словомъ наказовати чвствїа исправити потцимса, паче же очи, и оуши, и азыкъ не страстнѡ, но на прївербїенїе наше зрѣти и слышати потцимса и глаголати направляюще сїа. Ничтоже во ѡ составъ тѣхъ на грѣхъ оудобъ поползновеннѣйше, аще и нена-ставатса словомъ, и ничтоже паки къ спасенїю ихъ го-товѣйше, владычествующъ ими словъ и правящъ, и на-наже подобаетъ и хощетъ водѣщъ. Безчинствующее же, и ѡбонанїе смѣщаетса, и ѡсзанїе сурово простирает-са, и безчисленныхъ страстей множество прихòдитъ, и творѣтъ въ нихъ, еже хотѣтъ: благочиннѡ же словомъ повелѣваемымъ имъ, многъ нѣкаковъ миръ и тишина явлѣетса.

пѣ. Икоже миро многоцѣнно аще и въ сосудѣ зат-ченно бѣдетъ, въздухъ наполнѣетъ своегò благоуханїа, не близъ стоащыа токму, но и йны далече стоащыа многи наполнѣетъ сладости: такъ и добродѣтельными дшїи благоуханїе изъ всѣхъ чвствъ исходѣ ѡ тѣлесѣ, показѣетъ всѣмъ зрѣщимъ добродѣтель. Кто во видѣ азыкъ ничесòже лживо и несочетанное вѣщающъ, нòзѣ краснѣ ходѣщъ, лицѣ къ слезамъ и къ плачъ прїснѡ

Ангелов и всех Владыку. Будем и мы прилежать странно-приимству со всем усердием и готовностью, чтоб принять не только Ангелов, но и Самого Бога. Ибо Господь говорит: *как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40). Всем хорошо благодетельствовать, но наипаче тем, кои не имеют чем воздать (см. Лк. 14, 14).

85. Кого сердце не зазрит в нарушении Заповеди Божией, или в нерадении, или в принятии вражеской мысли, тот чист сердцем и достоин услышать: *блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8).

86. Постараемся достигнуть того, чтоб разумно управлять чувствами, особенно зрением, слухом и языком, поставляя себе законом ничего ни видеть, ни слышать, ни говорить страстно, а все для пользы нашей душевной. Ибо ничто так не поползновенно на грех, как эти органы, когда они не управляются разумом; и напротив, ничто паче их не благоприятно делу спасения, когда ими правит разум, держит их в строе и ведет, куда должно и куда хочет. Ибо когда они бесчинствуют, тогда и обоняние изнеживается, — и осязание с неистовством простирается на недолжное, и бесчисленное множество страстей при-входит; когда же они разумом держатся в своем чине, тогда повсюду в нас проявляются великий мир и невозмутимая тишина.

87. Как драгоценное миро, хотя заключено бывает в сосуде, но намастив благоуханием воздух жилища, не только близко к нему, но и вдали от него стоящих исполняет приятным ощущением, так и благоухание добродетельной и боголюбивой души, всеми чувствами телесными будучи издаваемо, всем видящим сие показывает внутрь сокрытую добродетель. Ибо кто, видя, что язык не произносит ничего неуместного и неблагопристойного, а

оугото́вленно, не познаётъ внѣтърь сѣщеє въ дѣши бла-
гоуханіе. Тѣмже и спсѣ глаголетъ: такъ да просвѣтит-
са свѣчѣ вашѣ предъ человѣки, такъ да видятъ ваша
дѣла дѣла, и прославаѣтъ оца вашего, иже єсть на
небесѣхъ (Матф. 5, 16).

пн. Ёже во євѣлїи хртосъ и бгъ нашъ, тѣсный и при-
скорбный сказа пѣтъ (Матф. 3, 7 и др.), и паки тойжде,
иго благо и время легко (Матф. 11, 1), рече: какъ оубо
обоє совокѣпитса: сопротивнымъ мною быти сѣмъ: ёи
обоє совокѣплаетса, исправляющимъ сѣа съ произво-
леніемъ, и надежду, благолюбѣзна сѣтъ и рачительна,
и сладость паче, а не скорбь, любодобродѣтельнымъ ис-
ходатайствѣютъ дѣшамъ. Послѣшаи же блженнаго лѣкѣ
глаголюща, такъ вѣны бывше, рече апостоли ѡхождахѣ
ѡ лица собора радѣющеса: прежде бо во всѣкой вѣщи
приходитъ скорбь, таже потомъ веселіе и радость. Ико-
же и ѡ давіда: вечеръ водворѣлса плачь, и заѣтра ра-
дость, такъ наѣхомса глаголюща. Сѣа главїзны и
дрѣгїи конѣцъ ѡвѣтѣхъ, сицевъ: Икѣ вѣны бывше,
рече, апостоли ѡхождахѣ ѡ лица собора радѣющеса
(Дѣян. 5, 1 и др.), ибо не таковоє ранъ єстество, не
радость бо, но болѣзнь ѡбыче дѣлати. Но ранъ оубо
єстество не таково, такъже и єстество єгѡ вѣщи ѡ-
держати. Ище раны хрта ради сладость родиша, то что
дивно, ище и прочее злостраданіе, и оудержаніе тѣлесное
тоже дѣлаетъ тогѡ ради;

пф. Мѣчими и плѣнѣми ѡ страстѣи не домыш-
ляемса многаци ѡ себѣ, сѣа чєсѡ ради страждемъ;
Подобаетъ оубо вѣдѣти, такъ зане оудалѣтиса намъ ѡ
бгѡвидѣніа, такова бываѣютъ намъ плѣненїа. Ище ли

все такое, что полезно для слышащих, что глаза смотрят
скромно, слух не принимает никаких неподобающих ме-
лодий и речений, ноги ступают благообразно, лицо не ис-
кажается смехом, а скорее указывает на готовые излиться
слезы и плач. — Кто, видя все сие, не знает, какое
обильное благоухание добродетелей заложено внутри.
Почему и Спаситель говорит: *так да светит свет ваш
пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и про-
славляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 16).

88. Который путь Христос и Бог наш в Евангелии на-
именовал *тесным и прискорбным* (см. Мф. 7, 13. 14), тот
потом назвал *игом благим и бременем легким* (Мф. 11,
30). Как же то и другое, кажущееся противоположным,
видится в одном и том же? — Так: по свойству своему
путь сей жесток и труден; а по произволению совершаю-
щих его и по надеждам благим он вожделенен, возлюблен
и сладостен более, нежели скорбен для душ добролюби-
вых. Вот почему ты и видишь, что избравшие сей путь
тесный и прискорбный с большею готовностью идут по
нему, чем по пространному и широкому. Послушай, что
говорит блаженный Лука об Апостолах, как они, после
биения бичами, возвратились от лица собора, радуясь (см.
Деян. 5, 40, 41). Но ведь не таково свойство бичей, не
сладость и радость, а скорбь и болезнь причиняют они.
Если же бичи сладостны были Христа ради, что дивного,
если Его ради и другие виды злостраданий и озлоблений
плоти таковыми же бывают?

89. Мучимые и в плену держимые страстями, нередко
в недоумении вопрошаем мы в себе самих, от чего пре-
терпеваем мы это? — Ведать надлежит, что такие плене-
ния бывают с нами по причине отступления нашего от со-

же кто пригвоздитъ оумъ свой ко вѣщѣ и вѣѣ нашему, таковой дерзнетъ со пророкомъ реци: предзрѣхъ гда предо мною вѣнѣ, ѡкв ѡдеснѣю менѣ ѣсть, да не подвижѣса (Псал. ѣі, ѣ). Что же твердѣ или сладчѣе, ѣже имѣти приснѣ гда ѡдеснѣю, покрывающа и блюдѣща, и не дающа подвижатиса; а ѣже сегѣ полѣчѣти, въ нашемъ произволѣнїи ѣсть.

Ѣ. Дѡврѣ рекѡша ѡтцы и со ѡпасѣнїемъ, ѡкв не ѡврѣтѣетъ человекъ ѣнакв покѡв, ѡце не такова крѣпка стѣжетъ оумѣ, ѡкв ѡнъ тѡкмѣ и вѣѣ ѣсть въ мїрѣ, ни на чѣсѡже ѡнѡдѣ оумъ прельщѣюще. Но тогѡ ѣдїнаго любѣ, и къ томѣ ѣдїномѣ прилѣплѣасѣ, таковой въ себѣ ѡврѣщѣетъ ѣстинный покѡй, и свѡвождѣнїе страстнагѣ мѣчѣнїѣ, и спѡдѡбитсѣ воспѣти: прилѣпѣ дѣша мѡвѣ по тебѣ, менѣ же прїѣтѣ десница твоѣ (Псал. ѣв, ѣ).

Ѣа. Самолюбїе, и славѡлюбїе, и сластѡлюбїе, вѣїю пѣмѣтѣ ѡ дѣши ѡгѡнатѣ. Самолюбїе бо несказанныхъ зѡлѣ родѣтельница ѣсть, не сѣци бо пѣмѣти вѣїей, многїи и страстный мѣтѣжъ, въ насѣ мѣсто прїемлетѣ.

Ѣв. Ѣже самолюбїе своѣмѣ дѣши чїстѣвѡ вѡстѡргнѣвый, оудѡбѣ и прѡчїими страстѣми ѡвладѣти ѣмѣтѣ, благодѣти поспѣшествѣющїи. Ѣкоже пѣки гнѣвомъ и печѣлїю, слѡпомнѣнїемъ и сластѡлюбїемъ, дерзѡстїю и прѡчїими повѣждаѣйсѣ, ѡ сїхъ и ѡвладѣнъ вѣдетѣ. Самолюбїе же, глаголѣмъ, ѣже къ тѣлѣ страстное прилѣжанїе и люблѣнїе, и плотскїхъ вѡлѣ ѣсполнѣнїе.

Ѣг. Ѣже ѡце что любитѣ, съ тѣмъ несѣмнѣннѣ и неразлѣчнѣ всѣкѣ хѡщѣтѣ бѣти, и всѣмѣ вѡзбранѣющѣмѣ, дрѣжна вѣсѣды не хѡщѣтѣ ни понѣ слышѣти, и совокѣплѣнїѣ ѣхъ ѡврѣщѣетсѣ: сїце и дѣша ѡвѣ любѣ-

зерцѣнїѣ Бога. Если же кто прилепѣтѣ умѡмъ своимъ къ Богу нашему и Владыке, то, — верѣнъ Богъ, — Самъ Спасѣтель всѣхъ избавѣтѣ такую дѣшу ѡтѣ всякого пленѣнїѣ, какъ гѡворѣтѣ прѡрокъ: *всегда я видел Господа пред собою, ибо Он одесную меня, дабы не поколебаться мне* (Пс. 15, 8). Что же сладѡстнѣе, какъ имѣтѣ всегда одесную себѣ Госѡда, покрывающѣго, ѡграждающѣго и не дающѣго поколебѣтѣсь? Но спѡдѡбитѣсь сѣго ѡтѣ насъ завѣсѣтѣ.

90. Хорошо и бесспорно верно сказѣли ѡтцы, что не наѣдетъ человекъ покѡя иначе, какъ стяжавъ и утвердѣвъ въ себѣ такое внутрѣннѣе расѡположенїе, что въ мїрѣ только и ѣсть, что Богъ да ѡнъ, ѡтнѡдѣ ни къ чему не ѡбращѣясѣ умѡмъ своимъ, но Егѡ Едїного вожделевѣя и къ Немѣ Едїному прилѣпленнѣмъ пребывѣя. Такой воистѣну наѣдетъ покѡй и свѡбѡду ѡтѣ тѣранѣства страстѣй. *Прилѣнула*, гѡворѣтѣ Псалѡпѣвецъ, *душа моя къ Тебѣ, а десница Твоя воспрїѣла меня* (Пс. 62, 9).

91. Самолюбїе, сластѡлюбїе и славѡлюбїе изгонѣютъ изъ дѣши пѣмѣтѣ Бѡжїю. Ибо самолюбїе ѣсть родѣтельница многѡго зла. А когѡ прѣсекаѣтѣсь пѣмѣтѣ Бѡжїѣя, тогѡ посѣлѣетѣсь въ насъ многїи мѣтежъ страстѣй.

92. Самолюбїе бѣваетъ родѣтельницаю неѣсчѣтнѣхъ страстѣй. Почему, когѡ кто истѡргнѣтъ изъ сѣрдѣца своѣго самолюбїе, тогѡ легко вѡзѣмѣтъ сїлу и надъ другїими страстѣями, прї соѣѣйствиѣ Госѡда. Ибо изъ него ѡбыкновенно рѡждаѡтѣсь гнѣвъ, печѣль, злѡпѣмѣтѣство, сластѡлюбїе и неѡбуздѣнная дерзѡстѣ; и побѣжденнѣй ѡмъ неѣзбежно побѣждаѣтѣсь и прочїими страстѣями. Самолюбїемъ же назѣваемъ мѣ страстное расѡположенїе и любѡвь къ телѣ с ѣсполнѣнїемъ плотскїхъ пожелѣнїй.

93. Кто что любитъ, тотъ съ темъ непрѣстанно и бѣтѣ желѣетъ, и ѡтѣвращѣетѣсь ѡтѣ всего, что прѣпятѣствуетъ совѡдѡврѣтѣсь и соѡбращѣтѣсь съ любїмымъ прѣдѣметѡмъ. Явно поѣтому, что и Бѡга любѣющїй вожделевѣетъ всегда съ Нѣмъ прѣ-

цамъ бѣа, желаетъ вынѣ къ немѣ приближитиса, и съ нимъ быти. Сіе же въ насъ бываеъ, чистою молитвою елика по силѣ, и прилѣжаніемъ къ бѣхъ приснымъ: та бо приближаетъ насъ ко влцѣ, ѿкъ и намъ глаголати: вѣе, вѣе мой, къ тебѣ оутренюю, зане тебѣ единаго дѣша моа возжада (Псал. 3в, в). Оутренюетъ бо всегда ко бѣхъ, оудаливый свой оумъ ѿ всакиа злобы, и непрестаннѣ вѣественною любовію оуазвленъ.

Ѣд. Ѿ воздержаніа и смиреніа, безстрастію на-выкохомъ, а ѿ дѣлъ разумъ бывати: ѿ нихже въ разсуденіе и любовь дѣша преспѣваетъ. Бѣественною же ѡбѣмшиса любовію, крилома чистыа молитвы къ тоа высотѣ непрестаннѣ восходитъ, дондеже постигнетъ въ разумъ вѣій, ѿкоже рече апостолъ: въ мѣжа совершенна, въ мѣрѣ возраста исполненіа хрѣтова (Ефес. 4, г1).

Ѣе. Дѣлательнымъ оубѣ и добронравнымъ поработаетса похотъ и ѿростъ ѡбѣздаветса: разумомъ же и бѣовидѣніемъ оумъ возвышаетса, и вознесса ѿ плотскіхъ, приложитса къ бѣхъ истинное полчивъ блаженство.

Ѣз. Сѣ намъ первый подвигъ естъ, разорити страсти, и державнѣ повѣдити сѣа. Второй же подвигъ, еже стажати добродѣтели, и не тцѣ, ни недѣтельнѣ дѣшѣ нашѣ ѡставити. Третій же подвигъ, еже трезвеннѣ хранити дѣланій нашихъ и трѣдѣвъ плоды: не дѣлати бо намъ точію трѣды, но вѣдѣніемъ сѣа хранити повелѣнно естъ.

Ѣз. Да вѣдѣтъ чресла ваща препоясана, и свѣтільницы горацин (Лкѣи в1, лѣ), рече гдѣ: такъ себе оуготовивши, подобни сѣтъ воистиннѣ человекѣмъ чающимъ гдѣа своегѣ, да пришедшѣ и толкнѣвшѣ емѣ, абѣе ѿвѣрзѣтъ: и вшѣдѣ со оцѣмъ оубѣ и со стѣимъ дѣхомъ, обителъ въ нихъ сотворитъ. И блажени раби тѣи, ихже

бывать и беседовать. Достигается же сие нами чистою молитвою. Об ней и следует нам пещись, сколько сил есть; ибо она присвоает нас Владыке нашему. Таков был тот, кто изрек: *Боже, Боже мой! к Тебе с утра обращаюсь, возжаждала Тебя душа моя* (Пс. 62, 2). Ибо утренюет к Богу тот, кто, удалив ум свой от всего худого, непрерывно уязвленным бывает Божественною любовію.

94. От воздержания и смирения, как научились мы, рождается бесстрастие; а от веры — ведение; чрез них же душа преуспевает в рассудительности и любви. А вселившие в недра свои Божественную любовь, на крыльях чистой молитвы непрестанно востекают на самую высоту ее, *доколе все приидем в познание Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13).

95. Деятельною добродетелію поработается похотъ и обуздывается гнев; а ведением и созерцанием окрыляется ум и, вознесшись над всем вещественным, к Богу преселяется и истинное в Нем улучшает блаженство.

96. Первый наш подвигъ — умалить страсти и по силе победить их; а второй подвигъ — стяжать добродетели и не оставлять души своей пустою и недейтельною; третий же — трезвенно блюсти плоды наших добродетелей и трудов, ибо нам заповедано не только *делати* трудолюбиво, но и *хранити* бодренно (ср. Быт. 2, 15).

97. *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи*, говорит Господь (Лк. 12, 35). Доброе препоясание чресл наших, посредством которого мы делаемся хорошо приспособленными и легкими на делание, есть воздержание со смирением сердца; под воздержанием же я разумею отсечение всех страстей. А духовного свѣтиль-

прише́дъ гдѣ, ѡбръ́щетъ та́къ твора́ща (Лѹки вѣ, лѣс ѡ
лѣз).

Ѣи. Подова́етъ оубо ѡнокѸ, ѡкоже сынѸ, ѡ всегѡ
сѣрдца, ѡ ѡ всегѡ помышлѣнїа любїти бѣга, ѡ ѡкакѸ рабѸ
говѣти ѡ бо́лтиса ѡ слѣшати егѡ, ѡ разсѣжда́ти себѣ на
всѣакъ де́нь ѡ помыслѣхѸ слѣхѸ ѡ дѣлнїихѸ лѣкавыхѸ,
ѡ недостаточныа наполнѣти, ѡ исправлѣнїихѸ же не
возвышѣтиса: но раба неключима себѣ нарицѣти, сѣлѡ
лишающася ко исполнѣнїю должныхѸ: хвалїти же бѣга, ѡ
тогѡ благода́ти исправлѣнїа напи́совати: ѡ ѡни́одъ по
тщеславію илїи человекоубо́дїю не творїти что, но въ
тайнѣ творїти всѣ, ѡ то́кмѡ ѡ единагѡ бѣга хвалы
искѣти. Прѣжде же всѣхѸ ѡ надъ всѣми, пра́вою вѣрою
ѡградїти свою дѣшѸ, по бжѣственномѸ велѣнїю собѡр-
ныа цѣркви, проповѣданною ѡ сѣтыхѸ ѡтѣцѸ, ѡ бѣопрѡ-
повѣдныхѸ апѡстѡлѸ. ЖивѣщымѸ оубо та́къ возда́нїе
мно́го, жизнь безконѣчнаа, ѡбїтель неразори́ма ѡца, ѡ
сїа, ѡ сѣагѡ дѣха, е́диносѣннагѡ, ѡ трїипѡстѣснагѡ бжѣ-
ствѣ, ѡбїльнѡ подаѣтсѣ.

Ѣѡ. Конѣцъ словѸ, всѣ слыши, речѣ цѣрковникѸ, бѣга
бо́йсѣ, ѡ за́повѣди егѡ храни (Ѣкклѣс. вѣ, гѣ). А́зъ бо ти,
речѣ, гла́вный ѡ скѡрый пѣть спасѣнїа показѣю: бѣга бо́йс-
сѣ, ѡ за́повѣди егѡ соблюди. СтрѣхомѸ невѡднымѸ

ника световодитель есть чистая молитва и совершенная
любовь. Сим образом благонастроенные воистину подоб-
ны суть человекам, чающим Господа своего, которые, ко-
гда придет Он и постучит, тотчас отворят Ему, и Он, *при-*
шедши со Отцом и Святым Духом, обитель у них сотво-
рит (ср. Ин. 14, 23). И *блаженны те рабы, Господь ко-*
торых, придя, найдет их так делающими {бодрствующими} (Лк. 12, 36. 37).

98. Должно монаху, как сыну, от всего сердца и всем
помышлением любить Бога; как рабу, благоговеинство-
вать пред Ним и повиноваться Ему, и со страхом и трепе-
том заповеди Его исполнять: духом гореть, во всеоружие
Духа Святого облечену быть, на уповании получения
Жизни Вечной упокоеваться, все заповеданное неопусти-
тельно творить, трезвенствовать, блюсти сердце свое от
помыслов худых, в помышлениях благих непрестанно со-
вершать святое Богомыслие, каждодневно суд над собою
производить относительно домислов и дел, недостающее
восполнять, а соделанным не возноситься, называя себя
рабом неключимым, должного не исполнившим как сле-
дует, о всем Бога Всесвятого благодарить и Ему припи-
сывать все исправное в жизни своей, ничего совершенно
не делать по тщеславию или человекоугодию, но все тай-
но делать, от Единого Бога чая похвалы; прежде же всего
и паче всего в душе своей ограждену быть православною
верою во все догматы вселенской Церкви, преданных ей
от апостолов богопроповедников и от святых отцов; ибо
тем, которые так жительствоуют, воздаяние велико —
жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая, у Отца и
Сына и Святаго Духа, Единосушного и Триипостасного
Бога.

99. *Конец слова, все слушай: бойся Бога и заповеди*
Его храни, потому что в этом все для человека, говорит
Екклѣзиаст (Еккл. 12, 13). Я, говорит, тебе в кратких сло-
вах показываю, в чем состоит путь Божий: бойся Бога, и

мѹкѹ ради, но совершеннымъ совершѣнїе творѹщимъ, ѣгѹже любвѣ ради повелѣвшагѹ имѣти должи есмы. Яще бо страха ради мѹченїа не сотворѹемъ грѣхѹвъ, ѣвѣ ѣкѹ яще не предлежали быша намъ ѣже ѹ мѹченїи, то всѹ ѣже ко грѣхѹ творїли быхомъ, грѣхолобивѹ имѹще произволѣнїе. Яще ли же не преценїа ради мѹкѹ, возненавидѣвше слѹа, ѹ сїхъ воздержимса, любленїемъ ко влцѣ содѣлаемъ добродѣтели, боѹщеса, да не ѹпадѣмъ ввѣгда дѣлати ѣже боѹтиса, да ничтѹже ѹ заповѣданныхъ презримъ, сѣй страхъ чїстъ ѣсть, тогѹ ради винѹвенъ добрагѹ бываѹи, и ѹчищѣетъ дѹшы нашѹ, равномѹценъ сѣй любвї. Имѣѹи же сѣй страхъ, и съ нїмъ заповѣди хранѹи, сѣй ѣсть весь совершенъ челоѹбкѹ, и неѹскѹденъ ни въ чесѹмже.

р. Мужественнаѹ дѹшѹ, ѣже во всѣмъ своѣмъ житїи ѣкѹ двѹ свѣтила дѣлательное и бѹгѹвидѣтельное имѣетъ горѹщи, и тѣмъ потребнаѹ творїтъ: немужественнаѹ же пѹче изнемогаѣтъ сластьми. Сїѹ оѹбѹ разѹмѣвше, (братїе) бѣга оѹвоимса и заповѣди ѣгѹ сохранїмъ, да совершенны бѹдемъ и оѹстроены въ добродѣтелехъ, имѹще смыслъ смиренъ, и сокрѹшенно сѣрдце, и ланїты своѹ по всѹ часы слезѹми ѹмакаѹще, и непрестѹннѹ ѣже ѹ великагѹ арсенїа речѣннѹю молїтѹ поѹще гднї: вѣже, вѣже мой, не ѹстави мене, ничесѹже бо благо сотворїхъ предъ тобою, но даждь ми милосѣрдїа твоѣгѹ ради, ѹ нынѣ сотворїти начало: все бо наше спасѣнїе, въ щедрѹтахъ лежїтъ, и вѣїи челоѹбколюбїи. Ѣмѹже слаѹа во вѣки вѣкѹвъ, ѹмїнь.

заповеди Его храни. Страх же разумеется здесь не вводный, страх мучений, но совершенный и совершенство создающий, который обязаны мы иметь по любви к Давшему заповеди. Ибо если мы из страха наказания не делаем грехов, явно, что если б не предлежало подвергнуться этим ужасам, то мы, имея грехолюбивое расположение, конечно делали бы их, не останавливаясь. Если же не по страху наказания, но по отвращению к самым грехам воздерживаемся от них, то действуем по любви к Владыке своему, боясь прогневать Его. Когда боимся, чтоб не опустить чего из заповеданного, то такой страх чист, потому что бывает из-за самого добра; и он очищает души наши, равносителен будучи совершенной любви. И кто имеет сей страх и хранит заповеди, — тот есть весь оный человек, иначе человек совершенный, истинный, не лишенный ничего.

100. Мужественная душа, в течении всей своей жизни, имеет как [бы] два горящих светила: деятельное и богосозерцательное, и тем совершает необходимое; а немужественная душа более изнемогает от наслаждений. Сие ведая, будем таким страхом бояться Бога и заповеди Его соблюдать, *чтобы быть нам совершенными во всей полноте, и не лишенными* никакой добродетели (ср. Иак. 1, 4), имея мудрование смиренное и сердце сокрушенное, и щеки свои во все время слезами омоченые, и непрестанно вознося к Господу молитву божественного Арсения Великого: «Боже мой! не остави мене; ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне по благодати Твоей положить тому начало». Ибо все спасение наше — в благоутробии и челоѹколюбїи Бога. Ему слаѹа во веки веков. Аминь.

Того же преподобнаго отца нашего Феодора.

Слово умозрительное.

Коликъ великъ есть подвигъ, расторгнути крепкія сѣи оузы, и свободитиса работы вещественныя, и навывковѣніе благое стяжати. Воистинну сильнаго потребна и мужественнаго души ко оудаленію вещества. Есть же искомое, не страстей точію очищеніе, не во сѣе само въ себѣ есть добродѣтель свойственнѣ, но прѣготовленіе токму къ добродѣтели. Потребно же, кромѣ очищенія лѣкавыхъ навывковѣній, и стяжаніе добродѣтелей. Очищеніе же души есть, словесныя части, дольныхъ въ образованій, и прелестныхъ, по гласу бгослова, житейскихъ, глаголю, попеченій, и матежей, и лѣкавыхъ оуклоненій, сирѣчь безмѣстныхъ предпріятій премѣненіе, и совершенное тѣхъ въставленіе: желательныя же части, ѿнодъ къ веществѣ не оустремлѣтиса, ниже къ чвствѣ възирати, но слову быти послѣшнѣй: яростныя же послѣдовательнѣ части есть ничимже смущатиса ѿ прилѣчающихсѣ. По очищеніи же семъ, и нечистыхъ силъ оумерцвлѣніи, иль благоустроеніи, потребно и восхожденіе и въоженіе: потребно во оуклоняющемсѣ ѿ

Того же преподобнаго отца нашего Феодора.

Слово умозрительное

Сколь великъ подвигъ расторгнуть эти крепкіе узы веществулюбия, освободиться от работы ему и стяжать навывк в добродѣтели! Воистину доблестная и мужественная потребна душа, чтоб отрешиться от всего вещественнаго. Чего же после сего искать следует, есть не очищеніе только от страстей: ибо это не есть еще само по себе добродѣтель, а только приготвленіе к добродѣтели; но к очищенію недобрыхъ навывковъ должно приложить и стяжаніе добродѣтелей. Очищеніе же души есть: *по части мысленной*, — примененіе и совершенное оставленіе дольныхъ прелестныхъ нравовъ, т. е. житейскихъ забот и попеченій, худыхъ склонностей и неуместныхъ гаданій и загадываній; *по части вожделетельной* — не стремиться ни к чему вещественному и не смотреть на чувство, но быть покорнымъ разуму, *по части раздражительной*, — ничемъ изъ приключющагося не возмущаться. А после такого очищенія и истребленія всего, делающаго силы наши нечистыми, и благоустроенія ихъ, требуется и восхожденіе къ духовнымъ совершенствамъ и обоженіе: ибо

сла̀, твори́ти благо́е. Кромѣ же сегò, пѣрвѣ и ѿреци́са себѣ, та́же, крѣстъ взѣмшѸ, послѣдовати влѣѣ къ крайнѣйшемѸ ѿбожѣнїа оустроѣнїю.

И́ковòже ѣсть восхождѣнїе и ѿбожѣнїе: о́ума, совершѣннѣйшїй рáзмъ сѣцихъ, и сѣцагѸ превѣше всѣхъ (твáрей,) ѣ́ликъ пости́жно челоуѣческомѸ ѣстествоѸ: же́ла́тельными же (ча́сти,) къ пѣрвомѸ добрѸ всеконѣчное и непрестáнное восхи́ченїе, и дви́женїе: ѣ́ростнымъ же ча́сти, дѣ́йственнѣйшее и дѣ́лательнѣйшее къ же́лаемомѸ дви́женїе, и неѿторга́емое и неосла́бное, и ни ѣ́динѣмъ ѿ прилѣча́ющихса прискóрбныхъ на предлежа́щаа пресѣ́цаемое, но дерзнове́ннѸ и несовра́тнѸ шѣствя́ющее. То́ликъ же подобáетъ о́стрѣйшѸ бы́ти ко благо́мъ дви́женїю дѣши, пáче дви́женїа ѣ́а къ слáбмъ, ѣ́ликъ о́умныа красоты́ превосхóдатъ чѣственныа. То́ликъ же къ тѣ́лѸ твори́ти подобáетъ ѿбра́щенїе, ѣ́ликъ дово́льно къ попечѣнїю и снискáнїю нѣжныхъ къ составлѣнїю, да не нѣждею о́умрѣти живóтнѸ: сї́а же испрáвити о́удóбно, дѣ́лати же трóднѣйше. Не вò безъ трóда нехóдобнїе ревля́емыа навѣкнове́нїа о́нымъ искоренáти ѿ дѣши мóчно, ниже́ стажа́нїе рáзума бывáетъ безъ пóдвѣга. И́ воистиннѸ къ блаженномѸ сѣществѸ прилѣжное взира́нїе и о́устремлѣнїе многими бывáетъ трóды и вре́менемъ до́лгимъ, дóндеже въ навѣкнове́нїе такоуагѸ стремлѣнїа хотѣнїе прїидетъ съ послѣдѣющимъ томѸ: и́ многое потрѣ́бно имѣ́ти о́умѸ сопротивлѣнїе протївѸ чѣства влекѣцагѸ къ дóльнымъ: и́ сїе́ ѣсть рáть и бра́нь съ тѣ́ломъ, ѣ́же до смѣрти ѣсть непрестáннаа, а́ще и о́умалáтиса мнї́тсa о́крощѣнїемъ ѣ́рости и пóхоти, и покóренїемъ чѣствѸ превосхóдáщемъ рáзмѣнїю о́ума.

уклонившемуся от зла надлежит делать добро (ср. Пс. 33, 15). При сем отвергнуться себя должно прежде всего, и таким образом взяв крест, последовать Владыке для достижения высшего состояния обожения.

Какое же это восхождение к совершенству и обожение? По *части ума*, это — совершеннейшее ведение сущего и Того, Кто выше всего сущего, сколько это доступно для человеческого естества; *по части вожделения* — всеконечное и непрестанное вожделение и стремление к первому добру; *по части раздражения* — энергичнейшее и деятельнейшее движение к вожделенному, непрестающее и неослабное, никакими из встречающихся при скорбностей не пресекаемое в своем поступании вперед; но неудержимо, и вспять не обращаясь, шествующее. Движение души к доброму должно быть столько сильнее движения ее к худому, сколько мысленные красоты превосходят чувственные, так что и попечение ее о плоти должно быть допускаемо лишь настолько, насколько это необходимо для удовлетворения ее потребностей и поддержания жизни, чтоб иначе не довести животный организм наш до насильственного расстройства. Но установить это для себя легко; в дело же произвести весьма трудно; ибо нельзя без труда искоренить устаревшие привычки души. Как обучение какому-либо искусству не приобретается без пота: так и к блаженному естеству, — Богу, — напряженное воззрение и простирание вниманием достигается многими трудами и в долгое время, пока вожделетельная сила освоится с последствиями такого стремления и вкусит от плодов его. При этом многое ум наш должен проявлять сопротивление чувственности, влекущей к дольному, от чего брань у нас и борьба с плотью, не прекращающаяся до смерти; хотя иногда и кажется она умяляющею вследствие укрощения гнева и

Обаче сїе вѣдѣти подобаетъ, ꙗкѡ душа не просвѣщенна, зане не бываетъ ѿ вѣа вспомоцствѣема, ниже ѡчиститиса истинно, ниже къ бжественномꙋ свѣтꙋ възїти можетъ, ꙗкоже речеся. Предреченнаа бо ѡ вѣрныхъ речена быти, мнѣти подобаетъ, къ вѣщшемꙋ же сїхъ ѡбясненїю вкратцѣ рецїи ѡ различїи рѣзума.

Рѣзумъ бо сїхъ ѡво єсть по естествоꙋ, ѡво же паче естества: ꙗвно же єсть второе ѿ перваго. По естествоꙋ оꙋбѡ глаголемъ вѣдѣнїе, елико можетъ полчїти душа испытанїемъ и изысканїемъ естественныхъ оꙋпотревлѣа частей и силъ, ѡ твари и творцѣ твари, сїрѣчь елико постижнѡ свѣзанной съ плѣтїю душѣ. Речеся бо ѡ чꙋствѣ и воображенїи, и оꙋмѣ, ꙗкѡ притѣплѣетсѡ дѣйство оꙋма ѿ соединенїа съ тѣломъ и сорастворенїа: и ѿсюдъ не мѡгутъ оꙋмныа вїды быти ѡсвѣаемы: но трѣбуетсѡ къ помышленїю воображенїе сꙋщее во ѡбразѣхъ естество, и вещьественное различїе, и дебелость частей. Требꙋютсѡ оꙋбѡ соразмѣрныа вїды оꙋмꙋ во плѣти, да тѣа можетъ воспрїѣти. Сїце оꙋбо сꙋщє оꙋмꙋ, елико прїиметъ рѣзумъ по своемꙋ хꙋдѡжествꙋ естественнꙋ, таковїй рѣзумъ естественный нарицаемъ: преестественный же рѣзумъ єсть бывающее во оꙋмѣ паче хꙋдѡжества егѡ и силы, или егда рѣзумѣваемаа мѣрꙋ превосхѡдѣтъ сꙋщѡго со плѣтїю оꙋма ꙗкоже быти рѣзумꙋ, еже кромѣ тѣла оꙋмꙋ приличествуетъ. Сїе же ѿ единаго бываетъ вѣа, егда сѣлѡ ѡчищенъ ѡбращетъ онъ таковїй оꙋмъ ѿ всѡкаго вещьественнаго прїстѣрастїа, и бжественноꙋ любовїю ѡбѣтѣтъ.

похоти и подклонения чувства под иго обогатившегося опытным ведением и искусством в брани ума.

Надлежит однако ж заметить, что душа непросвещенная, как не пользующаяся обыкновенно помощью от Бога, ни очиститься не может подлинно, ни к Божественному вознестись свету, как сказано; ибо сказанное должно считать сказанным о верных. К большему же сего уяснению надобно вкратце объяснить, какое различие есть в познаниях наших.

Из здешних наземных познаний одно бывает по естеству, а другое сверх естества. Что есть это второе, явно будет из первого. Знанием естественным называем мы то, которое душа может получить чрез исследование и изыскание, естественными пользуясь способами и силами, о творении и Виновнике творения, — разумеется, — сколько это доступно для связанной с веществом души. Ибо энергия ума ослабляется от соприкосновения его и срастворения с телом, и от сего не может он быть в непосредственном прикосновении с мысленными вещами, но имеет нужду для помышления о них в фантазии, природа которой — творить образы протяженные и дебелые. Итак, ум, поскольку во плоти есть, имеет нужду в соответственных образах вещей, чтобы судить о них и понимать их. Какое теперь познание ум, таков будучи, получит этим естественным способом, такое мы называем естественным. А сверхъестественное знание есть то, которое привходит в ум путем, превышающим его естественные способы и силы, или в котором познаваемое сравнительно превышает ум, связанный с плотью, так что такое познание очевидно свойственно уму бестелесному. Бывает же оно от Единого Бога, когда найдет Он ум очищенным от всякого вещьественного пристрастия и объятим Божественною любовью.

Не разумъ же точно сице разделяется, но и добродетель. Ина бо есть, елика естество не превосходитъ, яже и естественна праведно глаголетсѧ: ина же ѿ единого дѣйствема перваго добра, сущаа паче естественныхъ силы и устроения сущи, юже преестественнѣ нареци приличнѣ подобаетъ. Такъ оубо симъ разделеннымъ, естественный разумъ и добродетель имѣти равнѣ можетъ и непросвѣщенный, преестественнѣ же никакоже. Какъ бо не причастенъ сый дѣйствующаго бжества имѣти тѣ можетъ; Просвѣщенный же обоа имать, паче же преестественнѣ добродетель нестѣжетъ всѧкъ, не стажавый первѣе добродетель по естеству. Преестественнаго же разума причастнѣ быти кромѣ разума по естеству, ничтоже есть возбраняющее. Оба же сѣ вѣдати подобаетъ, якоже чувство и мечтание или воображение имѣтъ и безсловеснаа, имать же и чловѣкъ силы сѧ, много лучшаа и вышшаа: сице и въ естественныхъ добродетелехъ и разумѣнїихъ, аще и обоа глаголютсѧ имѣти, но много лучше и выше имать онаа просвѣщенный непросвѣщеннаго. Еце же естественное предреченный разумъ, еже въ добродетелехъ и противныхъ привыкновѣнїахъ бывааетъ, сгубъ быти мнитсѧ. Овъ оубо есть простый, егда искѣсомъ не дозна любовдрствѣаи сицевыхъ устроения, яже бывааетъ, егда той смнитсѧ: Овъ дѣйственный, и якъ реци ѡдшевѣленный, егда искѣсомъ таковыхъ устроения разумъ утверждаетсѧ, яже явенъ есть, и вѣренъ, ниже ѿнюдъ смнѣнїе, и обоюдное мнѣнїе прѣмлющѣ.

Симъ такъ сущимъ, четыре нѣкаа быти мнѣтсѧ противѣщааа оумѣ къ стажанїю добродетели: первое, предпрїятїе противныхъ привыкновѣнїи, якоже предрече-

Не одно, впрочем, знание так разделяется, но и добродетель: ибо иная добродетель такова, что не превышает естества и справедливо называется естественною; иная же воздействуется от первого источника добра, и как превышающая естественные наши силы и состояние, должна прилично именоваться сверхъестественною. Объяснив это, полагаем, что естественное познание и естественную добродетель может иметь и непросвещенный, сверхъестественных же никак. Ибо как бы мог он возыметь их, не причастен будучи действующего здесь верховного Виновника? А просвещенный может иметь их обе. Прибавлю только при сем еще одно различие; сверхъестественной добродетели нельзя стяжать, не стяжав прежде добродетели естественной; знания же сверхъестественного сделаться причастным и без естественного ничто не препятствует. Ведать однако ж надлежит, что как чувство и фантазию имеют и животные, имеет их и человек, только у него эти силы гораздо лучше и выше; так и в отношении к естественным добродетелям и познаниям бывает, что их оба, и просвещенный и непросвещенный, имеют, но у просвещенного они в гораздо лучшем и высшем состоянии находятся, нежели у непросвещенного. Приложу и еще. Из познаний, называемых естественными, то, которое занимается добродетелями и противоположными им склонностями, бывает тоже двоякое: одно голое, когда философствующий о таких расположениях не испытал их на деле, — каковое познание иной раз колеблется сомнениями; а другое деятельное, и как бы сказать, задушевное, когда познание подтверждается испытанием на деле таких расположений, — каковое познание бывает очевидно и верно, никогда не колеблется и не допускает сомнений.

Между тем как это так бывает, узнаем, что есть четыре вещи, противодействующие уму в стяжании добродетели: *первое* — предрасположение к противным ей навѣ-

сѧ, оубѣщавати начинаеть долговременнымъ обычаемъ, къ земнымъ оуклонѣтисѧ: другое, дѣйство чвства въ чвственныхыхъ добротяхъ гвалююще сѧ, и привлекающее оумъ къ себѣ: третѣе же, медленность оумнаго дѣйства, юже соединенїа ради оумъ съ тѣломъ имать. Не бо, іаковò єсть видѣнїе къ видимому, и вкратцѣ рецїи, чвство къ чвственному, сицевъ оумъ къ разумѣваемому: оумъ же глаголю души єще во плоти сщїа. Понѣже неvěщественнїи оумы дѣйственнѣе постизѣютъ оумственнаѧ, нежели зрѣнїе зрїтъ видимаѧ. Но іакоже зрѣнїе тѣлоє, не іавныѧ и іасныѧ паче же смѣтныѧ и неісныѧ видимыхъ вещей воображаетъ виды обыкновеннѧ: такъ и сщїя въ насъ оумъ постизѣеть оумнаѧ: не могїи же оумныхъ добротъ созерцати іавственнѧ, не мѡжетъ потомъ и желати ѿ тѣхъ ничтѡже: по мѣрѣ бо разума бываеть и мѣра желанїа, къ чвственнымъ ѿвлекаетсѧ добротамъ, іаснѣе томъ представляющымсѧ. Подобаетъ бо єдинѣмъ ємъ воображаемымъ исполнитсѧ благомъ, аще истиннымъ, аще ли же и нї. Кромѣ же сихъ єще нечїстыхъ и чловѣконенавїстныхъ дхѡвъ коварства колїки и каковы, рецїи нѣсть мѡчно: по всемъ пѣти, оубы! дшамъ поставлаетъ многовиднѧ и многообразнѧ, чвствы, словомъ, оумомъ, всѣми, іакоже рецїи. И аще не бы на рамо воспрїемый заблѣдшее овчѧ, неизреченнымъ промысломъ зрѣщихъ на негò содѣловалъ вышшими, не избеѣгла бы никакоже сѣтей онѣхъ ни єдина душа.

И дабы всѣхъ тѣхъ избеѣжати, три намъ сїѧ потребна сѣть: ѿ нїхже первое и величайшее єсть, ко вѣсвєдшнѧ взирати и ѿ негѡ рѣкѣ помощи просїти, всю на негò надѣждѡ возлѡжшымъ, и совершеннѧ оубѣреннымъ: іакъ аще не бы тѡй споспѣшествовалъ, непременно бы настоѧла нѣжда держимымъ намъ быти

кам, которое в силу долговременного навыка влечет склониться на земное; *второе* — действие чувства, которое, увлекаясь чувственными красотами, вместе с собою увлекает и ум; *третье* — ослабление энергии ума, которому подвергается он по причине соплетения своего с телом. Ибо не в таком отношении состоят зрение к зримому, и вообще чувство к чувственному, как ум к мысленному. Говорю об уме души еще сущей в теле. Ибо безвещественные умы действительнее соприкасаются с мысленным, нежели зрение с зримым. Но как когда зрение заволокло — оно неясно, неточно и более размыто отображает в себе формы видимых им вещей, так и ум наш, хотя сознает мысленное, однако ж не может действительно зреть мысленных красот; а вместе с тем и вожделевать из того ничего он не может, так как мера расположения бывает по мере познания, и он тотчас опять низвлекается к чувственным красотам, яснее ему представляющимся; ибо он по необходимости устремляется к тому, что является пред ним добром, истинным ли, или не истинным. Кроме же всего этого еще и [*четвертое*] — нападения бесчеловечных нечистых духов. И сказать нельзя, сколько и каких сетей для уловления душ расставляют они, увы! — всюду по пути многовидно и многообразно, в чувствах, в слове, в уме, во всем можно сказать сущем, которых никак не избегла бы ни одна душа, если б Восприявший на рамо свое заблуждшее овча — тех, которые на Него очи свои устремляют, безмерным попечением Своим не делал вышшими их.

Во избежание всего сего три следующие потребны нам средства, из коих *первое* и величайшее есть к Богу очей своих вседушно обращение и от Него руки помощи испрашивание, все упование на Него возлагая, по искреннему убеждению, что если Он не заступится, то неизбежно попадем в плен тех, кои влекут нас к себе. *Второе* же,

влекѹщими насъ во ѿныа. Второе, еже и перваго мноу быти виновно, непрестанное оумъ разумѣнемъ питаніе. Разумъ же, глаголю, всѣхъ сщнихъ чвственныхыхъ и оумныхъ, аще сами по себѣ сѣтъ ѿныа, и каковѣ имѣтъ ѿношеніе къ первому началу, аки ѿтѣдѣ, и къ томѣжде восходѹщима, и къ видѣнію виновнаго сщнихъ, ѿ самаго тѣхъ созерцаніа, елику постизати мѣчно. Испытованіе бо естества вещи ѿчищаетъ оумъ ѿ страстнаго къ ѿнымъ вожделѣніа, и ѿ тѣхъ свобождаетъ прелести, и къ всѣхъ началу возводитъ, ѿ добрыхъ и чдесныхъ и великихъ, добрейшее и чдеснейшее и величайшее, паче же, еже выше доброты, и чдесе и величества есть, аки въ зеркалѣ видѣти дад. Въ сихъже оумъ присну ѿбращающа, какъ мѣчно не возжелати истиннаго блага. Аще бо къ чдѣму стремитса оумъ, многу паче къ своему. Сихъ же любовію ѿдержима сщнихъ дѣла, чесомъ ѿ долнихъ, и ѿ любителя ѿвлекати ѿбыкшихъ прилѣжати восхощетъ: но и жизнию, аже во плоти, ѿгорчаватса бѣдетъ, аки ко благимъ препитательною. Аще бо и не аснѣ, аже речеса, оумъ во плоти сщнь, взирѣетъ на оумную красоту, но сицева и толка сѣтъ оумнаа блага, аки и малое нѣкое истеченіе, и тончайшее явленіе величайша ѿныа доброты оуѣщаваѣтъ оумъ, аки вса мѣжетъ прелетѣти вещьественнаа, и ко ѿнымъ тѣю стремитса, ниже всаку ѿ сладости ѿныа ѿстѣпати, аще и въ нѣкаа гѣрестнаа впасти прилѣжитса. Третье же, быти подобѣтъ оумерщвлѣнію сопряженнаго тѣла: инаку бо не мѣчно видѣніа ѿныа приимати асныа и аственныа. Оумерщвлѣетса же плоть пощеніемъ, бдѣніемъ и долгеланіемъ, и сѣробою нѣжною ѿдеждою, и трѣды и слостраданіи. Сиче оумерщвлѣетса плоть: паче же сораспинаетса хѣтѣ, истончевѣетса же и ѿчищѣетса, и легка, и благоустрабѣнна сщни, движеніамъ оумъ послѣдетъ безъ сопротивленіа,

которое, как я полагаю, служит причиною и первого, есть непрестанное ума питание ведением. Под ведением же сим я разумею ведение всего сущего, чувственного и мысленного, как оно есть само по себе, и какое отношение имеет к первой причине, яко от Нее и для Нее сущее, и доступное для нас созерцание Виновника всего сущего, по наведению из того, что от Него. Ибо исследование естества тварей очищает от страстного к ним расположения, избавляет от прельщения ими и возводит к началу их, давая, как в зеркале, видеть в прекрасном, чудесном и великом прекраснейшее, чудеснейшее и величайшее, лучше же сказать то, что выше всякой красоты, чудесности и величия. Вращаясь всегда в таких помышлениях, ум может ли не возжелать сущего блага? Ибо если он иной раз устремляется к чуждому для него, не тем ли паче устремится к своему? Пленившись же сим душа, к чему из сущего долу позволит себе прилепиться, когда оно обыкновенно отвлекает ее от Любящего ее и любимого ею? Да она даже и жизнь во плоти станет недовольна, как такою, которая полагает ей препоны к стяжанию и вкушению истинных благ. Ибо если и неясно, как сказано, ум узревает в вещественном мысленную красоту, но мысленные блага таковы и толики, что и малое отечение из моря оной красоты и слабое лучей ее появление может убедить ум перелететь чрез все неммысленное и к тем одним благам устремиться, отнюдь не попуская себе отступать от сладости оной, хотя бы из-за сего случилось подпасть чему-либо и горькому. А *третье*, что должно быть при сем, есть умерщвление супружницы нашей плоти; ибо иначе невозможно ясно и отдельно узреть сказанные появления небесных оных доброт. Умерщвляется же плоть постом, бдением, сaniem на голой земле, суровой одеждой необходимой и утомительными трудами. Так умерщвляется, или лучше сказать — сораспинается, Христу плоть. Сделавшись же таким образом утонченною и

и совозвышается высокому удобному. Кроме же сего, всякому тцанию счетно увеличивается.

Сия честная троица, егда въ себѣ самой будетъ согласовати, раждаетъ въ души ликъ блаженныхъ добродѣтелей. Нѣсть бо мочно во украшенныхъ сею троицею, или слѣдъ злобы оберѣсти, или не быти нѣкоей добродѣтели: но не смущаетъ ли оумъ отверженіе стяжаній, и славы презрѣніе. Ибо дондеже прилѣпленна есть къ сѣмъ душамъ, многими оуазвѣляется страстьми. Изъ же, какъ невозможно возлетѣти душѣ пригвожденной богатству и славѣ, сѣла оутверждаю. Не глаголю же, какъ мочно сѣмъ прилѣжати ей, довольному въ реченныхъ трехъ подвижавшейся, какоже въ навикновеніе тѣхъ пріити. Аще бо недино вѣсть воистинну добро, точю еже паче всякаго добра, во другихъ же лучшее то, еже подобнейше первому быти оуверена есть, и сице даже до послѣднихъ: какъ оубо сребро, или злато, или ино что во пресмыкающихся по земли возлюбитъ, и восхвалитъ; Сия же и во славѣ речена да будятъ.

Но ниже крепчайша вещь, попеченіа глаголю, сопротивъ стоати слову. Во чесомъ бо попечетса ни къ чесому же во здѣшнихъ возбудайса, и обрацаайса; Попеченій бо облакъ, аки во воскрѣніа нѣкоего, во первѣйшихъ страстей, сластолюбіа, глаголю, сребролюбіа, и славолюбіа, составлетса. Ибо сихъ свободный, и попеченіа чждъ. Но ниже прозорливость разума ино быти во премудрости почитаема, первѣйша сщи возносачихъ горѣ, къ реченнымъ не достаточествуетъ. Въ разумѣніи бо добродѣтелей содержатса и разумъ блага и противнаго опаснейшее разсудженіе. Ихже ради прозорливость оума трѣбуетъ: образъ же оупотребленіа и

очищенной, легкой и благоустроенной, она удобно без сопротивления следует за движением ума и вместе с ним возвышается горе. Без сего же всякое наше старание о том оказывается тщетным.

Сия честная троица, когда бывает согласною сама в себе, порождает в душе лик блаженных добродетелей. И невозможно, чтоб в украшенных сею троицею или след греха какого оказался, или не доставало какой-либо добродетели. В таких не смущают уже ума ни стяжание, как уже брошенное, ни слава, как уже оплеванная, от которых душа, пока привязана к ним бывает, уязвляется многими страстями. И как утверждаю, что невозможно воспарить горю душе, приверженной к богатству и славе, так не говорю, чтоб было возможно заботиться о них душе, которая довольно долго подвизалась в сказанных трех духовных деланиях, так что и до навыка в них дошла. Ибо если она при таком настроении не считает истинным благом ничего, кроме блага Верховного, из прочих же благ — лучшим то, которое, как убеждена, более подобно первому; то как может она любить и благоволительно принимать злато и серебро или другое что из дольних вещей? Сие же да будет сказано и относительно славы.

Даже и эта ненасытнейшая вещь, разумею, — забота, не делает тогда нападений на разум с противной стороны. Ибо о чем стал бы заботиться ни к чему из здешнего не пристрастный и ничем из того не занимающийся? Облако забот составляется из испарений от главнейших страстей: сластолюбия, сребролюбия и славолюбия; так что свободный от этих, чужд и заботы. У названных лиц, навывших трем оным духовным деланиям, нет недостатка и в благоразумии, которое почитается другиней мудрости, и есть наисильнейшее из ведущих горю средств. Ибо в науке добродетелям заключается точное распознавание и блага, и того, что противно тому; а для этого требуется

боренію, и скъсѣ и съ тѣломъ бореніе научитъ: вина же страха, не ѡскѣдѣваетъ словѣ. Елику во больши есть любви, толіку и страхъ прѣмножитсѧ: елика надежда есть полѣчити блага, толікъ страхъ не полѣчити. Еже паче ѡбыче оугрызати оуязвленныѧ, неже тьмочисленныѧ мѣкъ преценѣиѧ. Полѣчити во блаженнѣйше, не полѣчити же окаяннѣйше. Да слово же наше правымъ и инаму прѣтемъ произыдетъ, ѡ концѧ начати подобаетъ. Сице бо все бывающее и ѡ своегѡ концѧ мнитсѧ и частей раздѣленіе, и чинъ оныхъ прѣимати. Конѣцъ оубо живота нашего есть блаженство, еже тѣжде рецѣи, и царство небесное, или бжїе. Сїе же нѣсть зрѣти владычественнѣйшю токму рецѣи, трїцѣ: но кромѣ сегѡ и бжественное прѣимати влїаніе, и іакъ рецѣи ѡбоженіе: и еже въ насъ недостаточное, и несовершенное исполнитсѧ томѣ, и совершатсѧ влїаніемъ. И сїе есть оумныхъ пища, недостаточествующагѡ бжественнымъ онымъ влїаніемъ исполненіе, и есть кръгъ нѣкїй непрестанный, ѡ тогѡжде начинайсѧ, и тѣмъже скончавайсѧ. Елику бо разѡмѣваетъ, желаетъ: и елику желаетъ, наслаждаетсѧ: елику же наслаждаетсѧ, къ разѡмѣнію паки оукрѣпляетсѧ: и паки начинаетъ недвижимое движеніе, или недвижимю недвижность. Конѣцъ оубо, елику постижно намъ, сицевый есть. Какъ же къ семѣ концѣ шествовати, разсмотрѣти подобаетъ.

Словеснымъ дѡшамъ оумнымъ сщцымъ сщцествамъ, и малѡ ѡстоѧщимъ ѡ аггльскихъ оумѡвъ, здѣ сщцее во плоти житїе въ трѣдѣ дано есть, и подвигъ. Мзда же подвига есть реченное состояніе, даръ къпнѡ и благасти бжїа, и правды достѡйный: правды оубо іакъ ѡ своихъ подвигѡвъ мнитсѧ полѣчити сїѧ благаа благасти же, іакъ всѧкїй трѣдѣ неизреченнѡ даровѣтаѧ

благоразумие. Под его же руководством опыт и борение с плотию научают, как наилучше делать добро и противиться злу. И страх присущ им. Ибо по мере того, как увеличивается любовь, возрастает и страх; и насколько велика надежда получить благо, настолько велик и страх не получить. И это гораздо более угрызает душу уязвленных любовью, нежели угрозы бесчисленными муками; ибо как получить блаженнейше, так не получить окаяннейше. Чтоб по пути нам слово и иным образом предтекло, надобно начать с конца; ибо все бывающее от конца своего получает как различение частей, так и их чинное соотношение. Конец нашей жизни есть блаженство, или, что то же, Царство Небесное, или Царство Божие. А оно само есть не зрение только царственной Троицы, но при этом прїятие и Божественного прївтечения, и как бы воспрїятие обожения, и сим прївтечением восполнение недостающего в нас, и усовершеніе несовершенного. И это-то служит пищею мысленных существ, — это восполнение недостающего чрез Божественное оное прївтечение. Здесь совершается круг некий непрестанный, от того же начинающийся и тем же кончающийся. Ибо чем более кто разумеает, тем более вожделевает, чем более вожделевает, тем более вкушает, чем более вкушает, тем более возбуждается к большему опять уразуменію; и тотчас снова начинает это недвижимое движение, или, пожалуй, недвижимую недвижность. Итак, конец жизни нашей, сколько доступно это нашему постиженію, таков. Теперь следует рассмотреть, как к нему должно идти.

Для разумных душ, кои суть умные сущности и малым чем отстоят от умов ангельских, здешняя жизнь есть борение, и жизнь во плоти дана им на подвиг. Воздаяніе же за подвиг и борение есть сказанное состояніе, — дар, достѡйный вместе и Божественной благасти, и Божественной правды: правды, потому что блага оныя достигаются не без собственных трудов и потѡвъ; благасти, пото-

сила превосходитъ. Притомъ же, ꙗкѡ и то самое, еже мощи содѣлати благо, вѣиѣ есть даръ.

Кѣи оубо здѣ подвигъ; Душа словеснаа съ животнымъ сопражеса тѣломъ, ѿ земли бытїе имѣшимъ, и къ дѡльнимъ клонѡнимса: сице же съ симъ сраствориса, ꙗкѡ единомѡ быти ѿ двѡхъ сихъ себѣ противныхъ, души и тѣла, не послѣдѡющѡ превращенїю, или смѣшенїю частей, да не бѣдетъ; но ѿ двѡхъ по естествоѡ различныхъ сѡщихъ единомѡ лицѡ быти въ двѡхъ совершенныхъ естествахъ. Такѡ оубо сѡгубоестественное нѣкакѡ бѣвши смѣшенное сїе животно человекъ, свойственнаа каждомѡ естествоѡ ѿ части ѡбиче творити, и тѣла оубо естествомъ подобныхъ желати. Желанїе бо сїе естествомъ есть вещьемъ къ подѡбнымъ себѣ, ꙗкѡ вспомоцествемъ, сїестъ ѿ соединенїа подобныхъ бытїю: тѣмже и наслаждатиса ѡными чѡствомъ естествомъ есть. Еце же тѡжкѡ сѡщѡ томѡ, полѣзно бываетъ ѡславленїе: животно оубо естествоѡ естествомъ и желательна сѡтъ сїа. Словесной же души, ꙗкѡ оумномѡ сѡществоѡ, естествомъ и желательна сѡтъ всѡ оумнаа, и тѣхъ насладенїе свойственнымъ ей ѡбразомъ. Прѣжде же всѣхъ и надъ всѣми, любовь къ бѣгу въ ней естествомъ вкоренена есть. И хощетъ оубо тѣмъ наслаждатиса, и иными оумными сѡществами: но не можетъ безпрепятственно сїе творити.

Первый оубо человекъ безпрепятственно, ꙗкоже чѡствомъ чѡственноа, сице оумомъ, оумнаа воспрїимати и тѣхъ наслаждатиса можаше. Но потребно бѣ ѡномѡ, не въ худшихъ, но въ лучшихъ оупражнѡтиса. Ѳбоа бо бѣ могїи, аще ли съ оумными пребывати оумомъ, аще ли съ чѡственными чѡствомъ. Глаголю же, не ꙗкѡ не долженъ бѣ адамъ оупотреблати чѡства,

му что дар безмерно превосходит всякий собственный труд и еще потому, что самое то, чтоб возмочь делать доброе, есть дар Божий.

Но в чем же здешний подвиг? Разумная душа сопражена с животным телом, из земли имеющим бытие и к дѡльному тяготеющим. Срастворена же она с сим телом так, что из сих двух, — души и тела, — совершенно друг другу противоположных, состоялось одно существо без превращения однако ж или смешения сих частей, — да не будет! — но так, что из сих двух, носящих свойственное им по природе их, состоялось одно лицо в двух совершенных естествах. Так двуестественным неким существом состоявшееся сие составное животное — человек, проявляет и в действии свойственное каждому в частности естеству. И телу естествомъ желать подобнаго ему — телеснаго. Такое желание подобнаго естествомъ всемъ существамъ, так как само существование их обусловливается всуществованием в себя подобнаго себе. Телу естествомъ и наслаждаться подобным в чувстве; еще же любезен ему отдых при утомлении. Вот что естествомъ и желательно животному нашему естеству. Разумной же душе, как естеству умному, естествомъ и желательно такое же умное, и наслаждение темъ свойственнымъ тому образомъ. Прѣжде же и паче всего естествомъ вкоренена в ней любовь к Богу. И она естествомъ желает наслаждаться Им и другими мысленными вещами, но не можетъ этого делать безпрепятственно.

Первый человек безпрепятственно мог как чувством чувственное, так умом умное воспринимать и наслаждаться тем. Но ему следовало преимущественно занята быть не худшим, а лучшим; хотя сам по себе мог он входить в общение и с мысленным чрез ум, и с чувственным чрез чувство. Я не говорю, что Адаму не следовало пользоваться чувством, ибо не напрасно был он обложен те-

не во все въложено бы теломъ, но какъ чувственными оуслаждаются не подобаше: но красотою тварей воспріемлющемъ къ виновнику востекати потребно быше, и темъ и всюду оуслаждаются со удивленіемъ сгубы имущи вины удивлятися создавшемъ: а не къ чувственнымъ пригвождаются, и симъ удивлятися оумноу оставивъ доброту. Ядамъ оубо такъ: егда же слѣ онъ чувство оупотребивъ, чувственней удивиса добротѣ, краснѣ явившеся плодъ къ видѣнію егѡ и добръ въ снѣдѣ, егѡже вкусивъ, остави наслажденіе оумныхъ. Темже праведный сѣдѣ, недостойна егѡ сѣдивъ тѣхъ, яже презрѣ, видѣнію глаголю, бжѣ и сщнихъ, изгна егѡ, положивъ тѣмъ кромѣшнѣ, междѣ темъ и безплѣтными сществы: не подобаше бо нечистымъ оставити свѣта, но яже возлюбѣ, темѣ похвстѣ наслаждатиса, давъ жити чувствомъ, и малыми оума слѣдами.

Всюду намъ подвигъ къ оумнымъ чувствамъ тягчайшѣ содѣлася: не во власти нашей оумными наслаждатиса, якоже чувственными чувствомъ, по реченномъ. Яще и крещеніемъ вспомошествовани есмы ѡчищаеми, и возвышаеми: ѡбаче елику возможно намъ, въ мысленныхъ оупражнатиса подобаетъ, а не въ чувственныхъ, и темъ удивлятися, и тамъ хотѣти: ѡ чувственныхъ же не чесомъже свойственнѣ удивлятися, ниже насладитиса восхотѣти. Воистиннѣ бо таковыи ни единаго къ оумнымъ слова имѣти мнится. Елику же сщество сщества толѣку и доброта доброты чднѣйша есть. Въместѣ же благолѣпнѣйшаго стѣднѣйшее, и вместѣ честнѣйшаго безчестнѣйшее желати, кое не превосходитъ безуміе; И сѣ оубо ѡ обоихъ тварехъ чувственныхъ и оумныхъ. Чтѡ же реци мѡжемъ ѡ сществѣ превыше сихъ егда и семъ предполагаемъ безвѣ-

лом; но что не следовало ему преимущественно услаждаться чувственным и ради чувственного, а следовало, усматривая чрез чувственные впечатления красоту тварей, востекать к Виновнику ее и Им услаждаться с изумлением, сугубые имея причины изумляться Создавшему, а не к чувственному прилепляться и тому дивиться, оставя мысленную красоту Создателя. Так должен был действовать Адам. Но как он, худо пользуясь чувством, чувственной стал дивиться красоте и, увидев плод прекрасным для видения и добрым в снѣдѣ, вкусил его, оставив наслаждение мысленными вещами; то праведный Судия, почетши его недостойным созерцания Бога и всего сущего, — вещей презренных им, — изгнал его, *мрак сделав покровом Своим* и всех невещественных предметов (Пс. 17, 12). Ибо недолжно было нечистому предоставлять святое; но что возлюбил он, наслаждение тем и попустил ему Бог, оставя его жить чувством с малыми следами жизни умной.

Вот от чего подвиг к достижению общения с мысленными вещами соделался для нас тягчайшим, ибо не в нашей власти умом наслаждаться мысленным так же, как чувством наслаждаемся чувственным, хотя и великую к тому получаем помощь чрез крещение, будучи им очищаемы и возвышаемы. Впрочем, сколько доступно нам, мы все же должны упражняться в мысленном, а не в чувственном; тому дивиться и того желать, из чувственного же ничему не дивиться и ничем не желать услаждаться самим по себе (как чувственным и в удовлетворение чувственности); ибо поистине она никакого сравнения не может иметь с мысленным. Видим, что как сущность сущности, так и красота красоты бывает удивительнее. Но каковы они есть, так и относиться к ним должны мы. Возлюбить же срамное паче благолепнейшего и низкое паче досточестного, всякое превосходит безумие! И это

разное вещество, и не благолѣпное;

Сѣи оубо есть подвигъ, еже внимати себѣ со опасствомъ, да оумныхъ присно наслаждаемса, къ тѣмъ и оумъ и желаніе простирающе, да николиже ѿ снхъ ѡкрадаеми бѣдемъ чвственныхыхъ, ѡвлѣкшеса ктомъ чвствомъ, ѡкв оудивлѣтиса вещьмъ ѡ себѣ самыхъ сщцымъ. Но аще и чвство подобаетъ оупотребити, сегѡ ради оупотребити подобаетъ, да ѿ тварей творца познаемъ, въ тѣхъ зраце онагѡ ѡкв въ водахъ солнце. зане ѡбрази сѣтъ въ сщцихъ первагѡ всѣхъ виновника, елику онимъ вмѣстительно. Сѣе оубо есть исправленіе наше: какъ же то исправити, разсмотрѣти подобаетъ. Речено бо есть, ѡкв тѣло наслаждатиса желаетъ собственными себѣ вещьми посре́дствомъ чвствъ, еже противно есть произволѣнію души: и елику болѣе оукрѣплѣтсѡ тѣло, болѣе желаетъ. Сегѡ оубо ради да печѣтсѡ душа, всѣмъ чвствамъ оудѡ наложити, да не чвственными наслаждаемса, ѡкоже речѣсѡ. занеже паче оукрѣплѣсѡ тѣло, паче оустремлѣтсѡ: паче же оустремлѣтсѡ, недоводержимо выва́етъ: тщѣтисѡ оубо подобаетъ душѣ, ѡ оумерцвлѣніи онагѡ постѡмъ, бдѣніемъ, стоаніемъ, долгелганіемъ, не ѡмовѣніемъ, и всѣкимъ инымъ злостраданіемъ, да оувадивъ силъ тогѡ, оудѡбъ оуправлѣмо имать и благопослѣшно къ оумнымъ своимъ дѣланіамъ. Сѣе бо бѣ подлежащее ко исправленію: но зане сѣа желати оубо оудѡбно, творити же не оудѡбно, и многоразличны сѣтъ снхъ исправленій погрѣшеніѡ, аще и вельми внемлетъ ктѡ, частѡ чвствѡ ѡкрадающѡ: третіе оумыслисѡ врачевствѡ молитва, и слѣзы.

еще когда так относятся к тварям, мысленным ли то, или чувственным. Но что сказать, если так относимся и к Тому, Кто выше всего, когда и Ему предпочитаем вещество безобразное и ничтожное?

И вот в чем теперь наш подвигъ — внимать себе со тщанием, чтобы мысленным всегда наслаждаться, к тому и ум и желание простирая, и отнюдь не позволять себе окраденными быть чувственным, увлекаясь к тому чувством до удивления ему ради него самого. Но если нужно и чувством пользоваться, надлежит пользоваться им для того, чтобы от тварей Творца познавать, в них видя Его, как в водах видим солнце, так как в сущем отображается первый Виновник всего, насколько это вмести́мо для него. Таково лежащее на нас дело; но как его исполнить, об этом следует подумать. Ибо, как сказано, тело желает наслаждаться собственными ему вещами посредством чувства, и чем более удовлетворено бывает, тем более желает. А это противно стремлению души. Почему первую заботою души да будет — всем чувствам наложить узду, чтоб не услаждаться чувственным, как сказано. Поскольку же тело чем сильнее бывает, тем сильнее стремится к своему; чем же сильнее к сему стремится, тем неудержимее бывает, то душе надлежит уси́льно стараться умерщвлять плоть постом, бдениями, стояниями, сaniem на голой земле и всякими другими лишениями, чтоб, истощив силы ее, иметь ее смиренной и благопокорливой при своих духовных деяниях: в этом и есть главное, что предлежит ей исполнить. Но как желать сего легко, а исполнять трудно, и много при сем допускается опущений против должного по причине окраденія чувством при всем внимании, то третье благоразумно придумано врачевство — молитва и слезы.

Млѣтва бо влѣгодарѣнїе ѣмать ѡ данныхъ благихъ, и прошенїе ѡставленїа грѣхѡвъ, и оукрѣплѣющыа впрѣдѣ силы. Ибо кромѣ вжественныхъ помочи, ꙗкоже и прежде речеса, ничтоже можетъ исправити душа, еце же соединенїе съ желаемымъ, и наслажденїе, и совершенное желательныхъ силы ко ономꙋ наклоненїе. Еже исправленїа часть есть изрѣднѣйшаа, дабы оувѣщати хотѣнїе, сїа, елику возможно, сѣла хотѣти. Слезы же многѣ ѣмѣтъ силѣ, и ѡ грѣсѣхъ бо оумилостивлѣютъ влѣкѣ, и прибывающыа намъ ѡ чувственныхъ сласти скверны ѡчищають, и къ гврнимъ воскрилѣютъ желанїе: и сїа сѣтъ такъ. Последующее оубо ѡ тѣхъ исправленїе, есть оумныхъ видѣнїе, и желанїе совершенное. Осюдѣ же плоти оукрощенїе, егѡже части, и пощенїе, и цѣломꙋдрїе, и прочее все единое ради дрѣгѣгѡ совершаемое: ради сихъ и съ сими млѣтва. Всакое же ѡ тѣхъ на мнѡжайшыа части раздѣлѣетса. Иакоже бо та иныхъ ради бывають, такъ инаа тѣхъ ради.

Никтоже да мнитъ славолюбїе и сребролюбїе тѣла приличествовати: тѣла бо сластолюбїе точию приличествуетъ: емже врачевствѡ полѣзно ѡверѣтеса, оумерщвлѣнїе тѣла. Реченнаа же обоа славолюбїе, глаголю, и сребролюбїе, порожденїа сѣтъ неразѣмїа. Ѣ неискꙋса бо истинныхъ благъ душа и невѣдѣнїа оумныхъ, лѡжнаа вымысли благѣа. Богатствомъ мнѣнїса воспѡлнити лишѣнїе: вкꙋпѣ же и сластолюбїа и славолюбїа ради ѡ богатствѣ печѣтса, еже само по себѣ ꙗкоже и ино кое-либо добрѡ, ѡбаче не истинное, ѡ немже глаголемъ, ꙗкѡ ѡ невѣдѣнїа истинныхъ благъ бываѣтъ сїе. Славолюбїе же, не скꙋдости ради тѣлесныхъ: ни малагѡ бо въ лишѣнїи тѣлесныхъ потребѣ оутѣшенїа ѡ тогѡ не бываѣтъ. Но ѡ неискꙋса и невѣдѣнїа первагѡ добра, и

Молитва благодарит за дарованные блага и испрашивает отпущение прегрешений и ниспослания сил на дальнейшее преуспеяние; так как без Божественной помощи душа, как сказано уже прежде, ничего не может исправно делать одна. Еще же она доставляет единение с Тем, Кого взыскала душа, и услаждение Им, и желательной силы всецелое к Нему устремление, — что наиважнейшее есть дело в достодолжной жизни, т. е. это склонение воли желать сего сколько возможно сильнее. И слезы великую имеют силу: умилоствивляют Господа о прегрешениях наших, очищают причиняемое нам чувственной сладостью осквернение и окрыляют вожеление горнего. Так вот в чем все дело: главное — созерцание мысленных, или духовных, благ и всецелое их возжелание; в силу этого порабощение плоти, которого части суть: пост, целомудрие (σωφροσύνη) и прочее, — все одно для другого подъемлемое; для того же, и вместе с тем, молитва. Каждое из этих деланий разлагается на многие части, которые однако ж все состоят в связи, так что одно другим требуется, и одно без другого не бывает.

Никто пусть не думает, что славолюбие и сребролюбие принадлежат к телесным страстям. Телесная страсть — одно сластолюбие, которое находит подобающее врачевство в умерщвлении плоти. Указанные же две страсти суть порождения неведения. Не испытав и не познав истинных благ, мысленных или духовных, душа придумала блага ложные, богатством думая утешиться в оскудении духовными благами; о богатстве печется она вместе с тем и для удовлетворения сластолюбия и славолюбия и для него самого, почитая его неким благом. О чем скажем, что все это есть порождение неведения истинных благ. Славолюбие не по причине скудости потреб телесных бывает, ибо им не телесное что-либо удовлетворяется; но по причине неиспытания и неведения первого блага и ис-

и́стиннымъ сла́вы. И сегò винóвно, и вкратцѣ рещи, всѣхъ зѡлъ корень ѣсть неразѹміе. Не возмóжно бо вещь е́стество, ꙗ́коже подова́етъ, пости́гшѹ, ꙗ́кѹдѹ произыде ка́ждое, и ка́мѹ ѡбраща́етсѹ, та́же сво́й конецъ презрѣ́вшѹ, къ земнымъ стреми́тисѹ: не бо хощетъ дѹша видимагѹ добра: ꙗ́ще же ꙗ́ навикновѣ́нїѹ и мѹчи́ма быва́етъ: но и навикновѣ́нїе повѣ́дити мóжетъ о́на. Но о́баче, е́гда е́ще не бѣ навикновѣ́нїе, по невѣ́дѣнїю прельща́шесѹ. Тѣ́мже ꙗ́ первѣ́йшихъ первѣ́тца́тисѹ подова́етъ, и ѡ сѹщихъ пра́вѹ мы́слити, та́же послѣ́довательнѣ́ хотѣ́нїе къ первомѹ добрѹ возвыша́ти: всѹ же видимаѹ презрѣ́ти, позна́вшемѹ мно́гѹ снѹхъ сче́тѹ. Чтó бо къ нашемѹ концѹ спосо́бствѹетъ;

И да рекѹ все́ вкратцѣ́: е́дино то́чїю ѣсть дѣ́ло словесныѹ въ тѣ́лѣ дѹши, своегò конца́ желати. Зане́ хотѣ́нїѹ дѣ́йство кромѣ́ разѹма не дви́жимо ѣсть. Сегò ради о́умнѣ́ дѣ́йствовати воспрїа́хомъ. ꙗ́ще ли о́убо хотѣ́нїѹ ради разѹмѣ́вати, ꙗ́ще ли же и тогò самогò ради, и хотѣ́нїѹ ради е́же и па́че мнїтсѹ. Бла́женство бо, е́гѹже не то́чїю винóвно, но и ѡбразъ здѣ́шнее подви́жническое житїе́. О́воѹ и́мать дѣ́йства, разѹмѣ́нїе же и хотѣ́нїе, снѣ́чь, лю́бовь и сла́дость. ꙗ́ще ли о́убо о́ба дѣ́йства, ꙗ́ще ли е́дино ꙗ́ двѹхъ ѣсть гла́внѣ́йшее, да люво́мѹдрствѹютъ ѡ́ семъ хота́щїе. Нынѣ́ же о́воѹ полага́емъ дѣ́йства, ꙗ́ ни́же о́во о́убо видѣ́нїе, о́во же дѣ́лнїе нарица́емъ. Не возмóжно же е́дино ꙗ́ двѹхъ безъ дрѹгагѹ ѡбръ́стїи въ высоча́йшихъ снѹхъ дѣ́йствахъ: въ ни́жнихъ же и послѣ́дѹющихъ о́нымъ, возмóжно. Е́лика же возбрана́ютъ снѹмъ дѣ́йствамъ, и́ли и къ сопроти́внымъ о́укло́наютсѹ, сла́бы нарица́емъ: е́лика же вспомо́ществѹютъ, и́ли и препа́тствїи свобо́ждаютъ, добро-

тинной славы. И не славолубия только, но, коротко сказать, и всех зол корнем служит неведение. Ибо невозможно, чтобы тот, кто, как должно, познал природу вещей и то́, откуда каждая из них и какое имеет назначение, забыв потом о своем последнем конце, устремился к земному. Душа не пожелает такого блага, о коем знает на-верное, что оно только кажется благом. Пусть даже тирански влечет ее к чему-либо привычка, она, в силу точного и ясного познания дела, может победить и самую привычку. Но и когда еще не было привычки, она по причине неведения прельщаема была. Так что более всего и пораньше надо стараться приобрести верные о всем сущем познания, и потом в соответствие тому и волю свою окрылить стремлением к Первому Благу, чтобы презреть все это (настоящие блага) и познать полную (μεγάλη) их суетность. Ибо что помогает достичь нашей цели?

И скажу кратко: у разумной, с телом соединенной души, одно дело, стремиться к конечной цели. Поскольку же сила (ενέργεια) воли (βουλήσεως) без понимания (νόηση) не движима (недействительна), то и было воспринято умное (νοεή) действие (ενέργεια) (т. е. это она должна делать с разумом). Итак, понимание для воли ли существует, или и для себя самого и для воли, что кажется справедливее (ибо блаженство, которое не только доставляет здешняя жизнь добродетельного человека, но и изображает собою, заключает в себе оба действия, — и понимание (νόηση) и желание (волю), то есть, любовь и духовное (πνευματική) наслаждение), оба ли эти действия суть главные, или одно из них, — пусть полюбоумдрствует об этом желающий. В настоящем же случае допускаем оба действия, из которых одно называем деятельностью (πράξις), а другое созерцанием. И невозможно, чтобы одно обрести без другого, когда мы говорим об этих двух высших действиях (ενέργειες); а в действиях низших

дѣтели: дѣйства же, ꙗже ѿ добродѣтелей, исправленїа:
 а ꙗже ѿ противныхъ, престѹпленїа и прегрѣшенїа.
 всакаго же дѣйства видотворное, ꙗще ли къ горшемꙋ,
 ꙗще ли къ лꙋчшемꙋ, намѣренїе крайнѣйшее, еже дѣйст-
 во есть сложено ѿ разꙋмѣнїа и хотѣнїа быти.

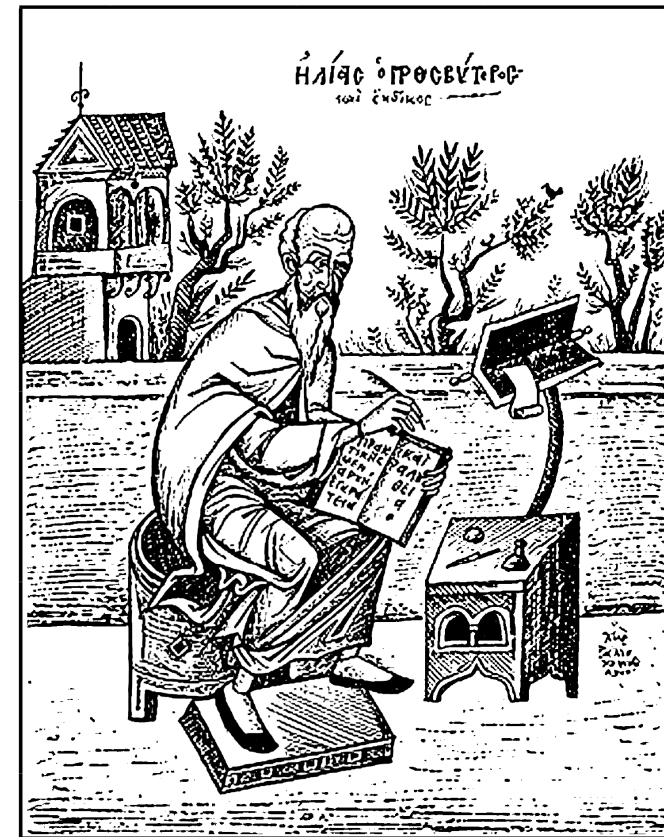
и приходящих после них — возможно. Те, которые пре-
 пятствует сим действиям, или встают против них (укло-
 няются к противоположному), мы называем пороками. А
 те, что содействуют им, или освобождают нас от препят-
 ствий, называем добродетелями. Действия добродетели
 мы называем исправлениями (каторθώματα, достижения-
 ми), а действия пороков мы называем проступками и гре-
 хами (αμαρτήματα)¹. Особенность любого действия,
 [стремится] либо к худшему, либо к лучшему, это конеч-
 ная цель (которой стремится достичь тот, кто действует);
 и это действие складывается из понимания (νόησι) и же-
 лания (βούλησι, воли).

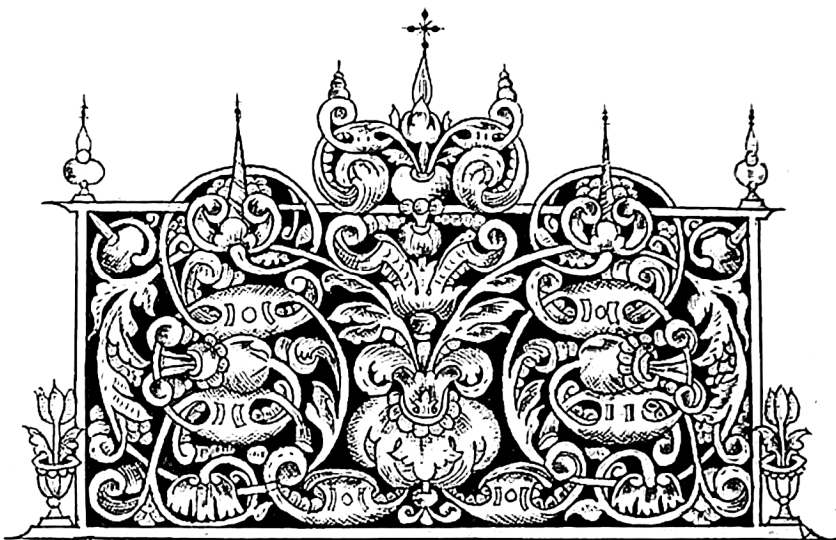

¹ Перевод из журнала «Христианское чтение»: «следствия доб-
 родетели называем совершенствами, а следствия противного —
 проступками и грехами».

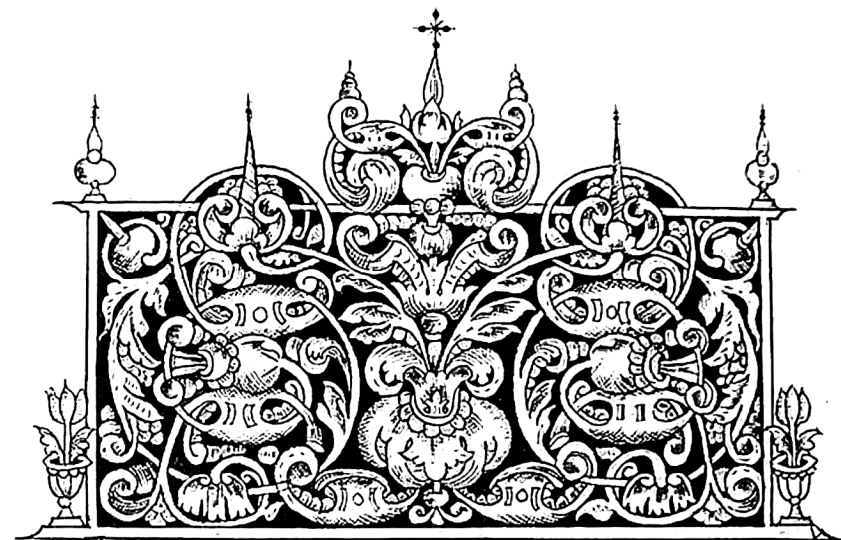
Илия Эдик

Предисловіе.

Бжественный сей отецъ илїа, ѿже и ѿдикъ (защититель) нареченъ бысть, аще илїа критскїй, ѿже бѣ оученикъ словесъ григорїа бгослова, сей есть илїи ины нѣкто, намъ неизвѣстно. Елику же онъ настоащихъ главїзнъ, ѿкѡ ѡ нѣкїихъ дѣлъ познавати мочно дѣла-телѡ, мѡжъ бѣ, аще и ины ктѡ возшедый на верхъ премѡдрости внѣшнїа, и многѡ паче дхѡвнїа, и тѡ лучшїа, силѡ бо въ словесѣхъ и преизвѣщающїю емѡ слѡвѡ добродѣтели, оудѡбнѡ всѡкъ разсудительный въ тѣхъ оуразмѣетъ. Иже и мы оувѣдѣвше, и многообильномѡ плодѡ нравственнагѡ и разсудительнагѡ оученїа оудивльшесѡ, и тѣмнї по истинѣ оусладївшесѡ, ѿкѡ нѣкїимъ листвїемъ покрѡвъ плодѡ и красотѡ благолѣпнѣйшѡ подающимъ подобїи глаголю, и реченїи добротами, имиже на ѡвѣдъ ѡцъ тѣхъ прїѡготовѡ чтенїе любѡ-цымъ ко оудовѡльствїю предлагѡемъ, и съ любѡвїю въ краснїй сей и благовѡнный цвѣтнїкъ многими и высѡ-

Предисловие

Этот божественный отецъ Илия, который был назван и Едикъ (защитник), есть ли Илия Критский, истолкователь (σχολιαστής) богословскихъ (θεολογικόν) словъ св. Григорїа Богослова, или другой какой, неизвестно. Однако, судя по предлежащим главамъ видно, что онъ былъ мужъ в высшей степени мудрый и внешнею мудростїю, и особенно [нашей] духовною; и слово его выразительно и сильно. Ибо всякий рассудительный легко можетъ понять [это] из силы его словъ и [преизобильной] славы добродетели, полученной (αλέκτησε) имъ. В этихъ главахъ мы усмотрели и восхитились (θαυμάσαμε) обильными плодами нравственного и познавательного (γνωστικῆς) учения, и поистине насладившись ими, какъ некимъ листовнымъ покровомъ, защищающимъ (σκέπη) плодъ, и великолепїемъ (υπεροχο), подающимъ благо (χάρη) и красоту (ωραίωv) реченїямъ (λέξεων), которыми авторъ (συγγραφέας) превосходно украсилъ ихъ (реченїя). Приготовя, онъ (отецъ) предла-

кими произрастѣніями словесъ духовныхъ насажденный и сладчайшими струями премудрости напоенный внити, и подъ сѣнію тогѡ сѣсти просимъ, да и тѣи не точию ѿ потѡковъ дѣятельнаго любомудрїа насладѣтса, но и плодѡвъ оумозрѣніа до сытости вкусятъ. Извѣтословіе совѣщательное тцаливыхъ любомудрцевъ тцанїемъ и трудѡмъ илїи смиреннѣйшаго пресвѣтера сочиненное источникъ оучительныхъ росъ словесъ точащїй здѣ ѡбращеши, аще искреннѣ прочтѣши.

гает их на обед, к наслаждению любящих чтение; и с любовью приглашает войти в этот прекрасный и благоухающий сад, насажденный множеством высоких произрастаний от слов духовных и напоенный сладкими потоками божественной (θείας) премудрости, и просит сесть в тени [этого сада], дабы те насладились не только от потоков деятельного любомудрия, но и до сытости вкусили плодов умозрения. «Поучительные слова», стрательно и трудолюбиво собранные любителями мудрости или сочиненные смиренным пресвитером, как источник росы поучительных слов, здесь обретешь, если [сумеешь] искренне прочесть.

Цвѣтособраніе.

Совѣтовательно любомудрець въ
тщаливыхъ, и любомудрствовано и
сотворено и лѣи малѣйшимъ пресвѣтеромъ и
ѣкдикомъ. Источникъ точящъ
праводучительныхъ росъ словесъ здѣ
и зъверяещи, аще прѣйдеш законнѣ.

Достойно всакомъ хрїстіанинѣ правѣ вѣрющею въ
вѣа, не быти безъ попеченїа, но всегда чалти и ѡжи-
дати и скѣшенїа. Да егда прїдетъ, не ѡжасаетса, ниже
смѣщаетса, но благодарнѣ терпитъ трудъ, скѣрби, и
разумѣетъ, что полъ съ пророкомъ глаголетъ: и скѣси ма-
гди, и испытай ма (Псал. ѣе, в). И не рече, ѣкв нака-
занїе твое изврати, но и справн ма въ конецъ.

Ѣ. Начало ѡубѣ добрыхъ, страхъ бжїй: конецъ же лю-
бы ѣгѡ.

Ѣ. Начало всакагѡ блага слово дѣлательно, и дѣланїе
словесно, тѣмже ни дѣланїе безъ слова блага, ни слово безъ
дѣланїа происходящее.

Цветособрание,

излюбомудрствованное и собранное
Илией Малейшим, пресвитером и Екдиком.
Источник, источающий росу нравоучительных
слов ты можешь найти здесь, если
прочтешь подобающе.

1. Христианину, право верующему в Бога, не следует
беззаботно предаваться беспечности, но всегда ожидать
искушения и быть готовым встретить его, чтоб, когда
придет, не изумляться и не смущаться, но благодарно
претерпевать тяготу скорби, держа в мысли (понимая),
что во Псалмопении говорит с Пророком: *искуси меня
Господи и испытай меня* (Пс. 25, 2), – и то, что, в другом
Псалме, Пророк не сказал: *научение Твое извратит меня*,
но, – *исправит меня совершенно* (Пс. 17, 36).

2. Начало добра – страх Божий, а конец – любовь к
Богу.

3. Начало всякого блага – разум деятельный и делание
осмысленное. Почему ни делание без разума не благо, ни
разум без дела неуспешен.

Д. Дѣланіе ѣсть тѣлесè оубв, по́стъ и вѣдѣніе: оустъ же пѣніе, и молитва, и молчаніе, слова честнѣйша. И рѣкѹ дѣланіе, ѣже о́нѣми безъ роптаніа бывающее: ногѹ же, ѣже тѣми ѿ пѣрваго повѣждѣніа совершаемое.

Е. Предварѣетъ всѣхъ сіхъ милость и истина, иже зачатіе ѣсть смиреніе, и ѣже ѿ сегò по отцѣмъ преобладающее разсѣжденіе, безъ негòже ни єдино, ни дрòгòе свòй оубидѣти конєць возмòжетъ. Дѣланіе оубв вѣсѣ словесè безчєствѹюще, здѣ и ондѣ въ безполєзныхъ аки нѣкамъ юница о́крестъ заблѣждающе ѡвѣрѣтаєтсѧ. Глòво же дѣательныхъ добродѣтели честныхъ ризы ѡмєщѹюще, нѣсть благообразно, аще и таково быти нѣкакъ мнѣніемъ вообразѹетсѧ.

Ж. Мужественная душа іакъ жена во всѣмъ своємъ житіи, аки два свѣтильника, дѣланіе же и видѣніе горѣща содержѣщи, содѣваєтъ дѹлжнаа: сопротивнаа же напротивъ, разслаблена сластьми.

З. Не довлѣетъ дѹши къ совершенномѹ слòбы избавленію, вòльное злостраданіе, аще и невòльнымъ разжигѣема не истѣетъ. Икоже во нѣкїй мечь дѹша, аще не сквозѣ о́гнь прòйдетъ и вòдѹ, сирѣчь, сквозѣ вòльныхъ волѣзни и невòльныхъ, не слòмлена сопротивленіи приключѹющихсѧ не соблюдаєтсѧ.

И. Икоже вòльныхъ искушеній три сѹть соборнѣйшихъ вины: здравіе, богатство и слава: такъ и невòльныхъ три сѹть: тщєты, дѹсѣды и немощи. Бывають же нѣкїимъ оубв на созиданіе, нѣкїимъ же на низложєніе.

4. Делание тела есть пост и бдение, а делание уст – псалмопение. Но молитва лучше псалмопения, и молчание драгоценнее слова. Рук делание есть то, что ими безропотно делается; а ног то, что ими по первому мановению (παράκίνηση) исполняется.

5. Всему этому предшествует (προϋφείται) милость и истина, коих порождение есть смирение, и из него (αυτήν) происходящая, по святым Отцам, рассудительность, без коей ни одна [из сказанных добродетелей] не может увидеть (достигнуть) конца своего. Делание презиращее иго разума (λόγου), оказывается, подобно теленку, бесполезно блуждающим там и сям вокруг бесполезных вещей (πράγματα); а разум, сбрасывающий честные одежды делания, не благообразным видится, хотя всячески ухитряется казаться таким.

6. Мужественная душа, как жена держащая два горящих светильника, – деятельный и созерцательный, – на протяжении всей своей жизни делает то, что требуется. Противное сему бывает с душой, изнеженной удовольствиями.

7. Недостаточно для души к абсолютному освобождению от злобы (κακία) добровольного (εκούσια) злострадания, если кроме этого, она не будет переплавлена (πυρώνεται) и произвольным (ακούσια). Душа, если для совершенного очищения от греха не пройдет, подобно мечу, *сквозь огонь и воду* (Пс. 65, 12), т. е. сквозь произвольные и произвольные страдания (πόνους), не может оставаться неуязвленной при встрече неприятных случайностей.

8. Как для искушений произвольных три бывают взаимно связанные (καθολικότερες) причины: здоровье, богатство и слава, так и для произвольных искушений

Ѣ. Приподсѣдствуетъ души оубо, желаніе и печаль: тѣло же, сласть и болѣзнь. Вина же болѣзни оубо есть сласть: хотѣше бо избѣгнѣти ѣже въ болѣзни приболѣзненнаго чувства къ сласти приобѣгаемъ: печали же желаніе.

Г. Завѣщательно оубо добродѣтельный имать доброе, вымышленное же тщеславный. Слобо же тщаливый оубо, свѣрхѣ имать, глѣбоко же, сластолюбивый.

д. Дѣланіе души есть, воздержаніе простотою, и простота воздержаніемъ дѣйствуема.

е. Оумъ дѣланіе ѣже въ разумѣ молитва, и въ молитвѣ разумъ.

ж. Малижды оубо и неприлѣжно въ слово ѡвертаетса, сѣа ненавидѣи: многекратнѣ же и внимательнѣе, ѣже къ винамъ ѡнаго приближалѣса.

з. Имже не по предложенію есть, ѣже клѣтиса, сѣмъ частѣ и ѣже прегрѣшати. Я имже безъ предложеніа есть ѣже согрѣшати, извѣствованно есть покааніе: и вина сегѡ не часта.

и. Чувство и совесть со словомъ на произношеніи да собираютса. Икѡ да мирное и вѣжественное слово посредѣ сихъ ѡвертѣтиса не постыждаетса продѣрзостію, или безмѣриемъ глаголемыхъ.

к. Не ѣже дѣлами не ѡбидѣи душѣ свою, сѣи и словеси несквернѣ тѣ соблюде. Нижѣ ѣже сѣми хранѣи, оубо и сквернами не ѡскверни: трѣйственнѣ бо ѣже согрѣшати бывѣетъ.

тоже три причины: потери, болезни и клеветы. Бывает все это некоторым на созидание, а другим на разорение.

9. С душою связаны (συνδέεται) — желание и печаль, в то время как с телом — удовольствие и боль. Причина боли (πόνου) — удовольствие, желая избежать мучительного (επίπονη) чувства (αίσθησις) боли (οδύνης), мы прибегаем к удовольствию. Причиной печали — является желание.

10. Добродетельный (ενάρετος) имеет доброе (καλό) по-настоящему, тщеславный же искусственно (επίπλαστο). Зло подвижника (αγωνιστή — противоборствующего) касается поверхностно, а сластолюбивого глубоко.

11. Деяние души есть воздержание с простотою и простота действующая воздержно (воздержанием).

12. Деяние ума — молитва в созерцании (θεωρία), и в молитве созерцание [Бога].

13. Не часто и не намеренно бывает не в добром чине тот, кто ненавидит зло; с тем же, кто еще лелеет причины зла, случается это часто и самоохотно.

14. Те, кто не расположены каяться, часто и грешат. А те, кто не расположены грешить, знают покаяние, но требуется оно не часто.

15. Чувство и совесть да сшествуют произносимому слову, чтобы Божественному мирному Слову не стыдно было находиться с ними, по причине дерзости (αυθάδεια) или излишества сказанных [слов].

16. Кто душу свою не делает неправою делами, о том нельзя еще утверждать, чтоб он хранил ее неоскверненной словами; и о том, кто хранит ее чистою от слов, нельзя еще утверждать, чтоб он не осквернял ее помыслами. Ибо согрешающий трояко это делает (т.е. делом, словом и помышлением).

ѡі. Не возмѡжеши лицѣ добродѣтели оувидѣти, слад-
цѣ ѣще лицѣ слѡбы смотрѡа. Ненавидимо же тебѣ тог-
да іавитса вторѡе, егда наслажденіа вожделѣннагѡ
вкѡсѣ, и таковѡгѡ видѣніа оустраніши взѡръ.

иі. Помыслы, а не дѣлы предварительнѣ рѡтѡютъ
бѣсове дѡшѡ. Самѡа бо та ѡ себѣ рѡтѡютъ дѣла. И
дѣлъ оубѡ, слѡхъ винѡвенъ и зрѣніе: помыслѡвъ же
ѡбычай и бѣсове.

ѡі. Трѡйственнѡ оубѡ согрѣшѡтельность дѡши ѡб-
рѣтаемъ: дѣлы, словесы, и помышленіи, и ѡбидѡщѣ
безгрѣшнѡ добротѡ: безъ погрѣшеніа бо, пѡть чѡвствѡ
и произнѡсное подобѡетъ соблюдати слѡво. Имже не
согрѣшѡаи, мѡжѣ ѣсть совершенъ, силенъ ѡбѡздѡти и
прѡчѡа части дѡши (іакв. г, в).

к. Шестеричнѡ раздѣлѡетса безсловеснаѡ часть дѡ-
ши. На пѡть чѡвствѡ, и на слѡво ѣже по произношенію:
ѣже съ страждѡщимъ, не раздѣльнѣ соблюдетса без-
страстнѡ сѡщее, ѡчищѡетъ же тогѡ слѡбѡ, страдѡтель-
нѡ ѡбрѣтаѡщееса.

ка. Ни тѣло безъ поста и бдѣніа ѡчиститса, ни безъ
милости и истины дѡшѡ. Но ниже оумъ безъ бесѣды и
видѣніа вѣіа. Сѡа бо сопрѡженіа сѡхъ нарѡчитѣйша
сѡть.

кв. Сограждѡемаѡ речѣнными добродѣтельными дѡшѡ
непреѡборимѡ ѡ искѡшеніи сохранѡетъ градъ свѡй, ѣже
ѣсть терпѣніе. Въ терпѣніи бо вѡшемъ стѡжитѣ дѡши
вѡша (Лѡки ка, ѡі), глаголетъ слѡво. Яще же инакѡ
имѣема вѡдѡтъ: іакоже градъ нѣкѡй неѡгражденъ, и ѡ
ѡдалѣннагѡ шѡма верѣами боѡзни потрѡсаѣма вѡдѡтъ.

17. Не можешь ты добре видеть лик добродетели, пока
с услаждением еще представляешь вид греха. Этот по-
следний тогда покажется тебе ненавистным, когда возже-
лаешь вкусить первой, и лице свое отчужишь (отстра-
нишь) от такой обrazyны.

18. Помыслами, а не делами сначала борют душу де-
моны; но, главное, конечно, у них в виду дела. Дел при-
чина — слух и зрение, а помыслов — привычка (συνή-
θεια) и демоны.

19. Трояка грешительная часть души, обнаруживаясь
в делах, словах и помышлениях. А благо негрешения
шестерою (εξαπλό): ибо для него надо блюсти непада-
тельными пять чувств и произносимое слово. *Кто не по-
грешает в слове, тот совершен; он может обуздать и
все тело*, говорит св. Иаков (Иак. 3, 2). Это же можно
приложить и к другим частям (μέρη) души {пяти чувст-
вам — Феофан}.

20. На шесть доль делится бессловесная часть души:
на пять чувств и произносимое слово, которое, когда бес-
страстно, отрезвляет все другие части, нераздельно раз-
деляясь по ним, а когда страстно, — оскверняет собою
все их.

21. Ни тело не может очиститься без поста и бдения,
ни душа — без милости и истины; а также ни ум — без
созерцания и собеседования с Богом (т. е. без молитвы).
Последняя пара [добродетелей] самая главная.

22. Взаимно огражденная сказанными добродетелями
душа сохраняет от искушений свою крепость, которая
есть терпение. *Терпением вашим спасайте души ваши*,
говорит Господь (Лк. 21, 19). Если же она в ином нахо-
дится положении; то, подобно граду, неогражденному
[стенами], при издали слышном шуме, бывает потрясаема
ударами страха.

к҃г. Не елици, ꙗже по словѣ сѣть мѣдри, сѣи и во ꙗже по разумѣ. Нижѣ елици и во ꙗже по разумѣ, сѣи и во ꙗже по чувствѣ ѡбращѣтсѣ внѣшнемѣ. Яще бо и всѣхъ подвластными имать чувство, но не равнѣ томѣ, дѣни дають. Ѿ простоты во множайшии во ꙗже по немѣ почти тати то ꙗкоже то истазветъ, не вѣдаютъ.

к҃д. По естествоу несѣкома сѣщи мѣдрость, сѣчетсѣ или раздѣллетсѣ на различныя чѣсти. Ѿвомѣ бо тоа даѣтсѣ вѣщше, Ѿвомѣ же мѣнше: донелѣже возрастши дѣятельная добродѣтели, соединившыасѣ имѣщи себѣ начальныя добродѣтели, прилично каждой исполнитъ благо. Мнози бо по ѡскѣдѣнью дѣятельныя жизни, и мѣдрствованіѣ наслѣдоваша ѡскѣдѣнїе.

к҃е. Въ свойственныхъ естествоу не мнози мѣдри ѡбращѣтсѣ: въ естественныхъ же мнози: страхомѣ бо къ тѣмѣ всеестественное мѣдрованіе ѡставивше, тамѣ оубѣ мало, въ неподобяющихъ же и не по естествоу и не похвальныхъ множайшее имѣтъ оумствование.

к҃з. Благословнаго молчаніѣ время и мѣра сѣть копирувницы: пированіе же тогѣ бываѣтъ истина. Еѣже ради ничтоже ѡ искомыхъ ѡбрѣтѣетъ входѣи лжи ѡтець въ ѡходѣцию дѣшѣ.

к҃з. Милостивъ истинно, не ꙗже подаѣи излишная, но пощѣаѣи нѣждная восхицающимъ.

к҃и. Ѿви оубѣ вещественнымъ богатствомъ прѣобрѣтають не вещьественное, милостыни законами: Ѿви же не вещьественнымъ ѡстажаваютъ вещьественное, въ чувствѣ неискѣдѣвѣющаго бывающе.

23. Не все разумные (φρόνιμοι) в слове, разумны и в духовныхъ деланияхъ; но все разумные в духовномъ, разумны и во внешнемъ. Ибо это внешнее (тело, чувства, положение), хотя всехъ держитъ на оброке (со всехъ беретъ подать); не все, однако, жъ одинаковые платятъ ему оброки; иные же и совсемъ отказываются отъ сего.

24. Разумность, по природе неразделимая, делится, однако, на разные части: ибо одному дается большая, а другому меньшая, пока деятельная добродѣтель, разрастаясь, съ помощью родовыхъ (γενικῆς, общихъ) добродѣтелей, исполнитъ по каждой изъ нихъ все возможное добро. Ибо многие изъ-за недостаточности деятельной жизни и разумности, получаютъ уменьшение (мер, частей).

25. Въ свойственномъ естествоу — не многие найдутся разумными (φρόνιμοι, мудры), а въ противоестественномъ (παρά φύσιν) многие. Ибо изъ-за трепета (δέος) къ противоестественному, они оставили всю свою естественную мудрость, и имеютъ здѣсь немного мудрости (φρόνηση). Больше же всего располагаютъ ею (т. е. умствованиемъ) в излишествахъ (περιττά) и в предпочтенияхъ не согласныхъ съ естествомъ.

26. Благословенного (εὐλογη) молчанія сотрапезники суть время и мера; трапезу же его составляетъ истина; в силу коей отецъ лжи, пришедши къ душе, страннице (отъ всего устранившейся), не находитъ в ней ничего изъ того, что обычно ищетъ.

27. Истинно милостивъ не тотъ, кто добровольно раздаетъ излишнее; но кто охотно уступаетъ необходимое расхищающимъ.

28. Одни вещьественнымъ богатствомъ стяжаютъ не вещьественное, чрезъ постоянство в милостыне-подаѣнии; а другіе не вещьественнымъ отчуждаются отъ вещьественного; темъ, что пребываютъ в чувствѣ (или вкушении) неоскудеваю-

кѡ. Любѣзно оубо всѧкомѸ богатѣти во благихѸ, но прикѡрбено бжѣственнѣ ѡбогатившемѸса, не пощщѧемѸ быти емѸ множае возвеселитисѧ ѡ томѸ.

л. Извнѣ оубо здравіе неощщетсѧ быти въ душѣ: внѣтръ же во глубинѣ чѸства ѡбиче крѣтисѧ недѸгѸ еѧ. Яце ли же подобаетъ всѧкѸ извнѣ оубо недѸгѸ оно-мѸ пожатѸ ѡбличеніи быти: внѣтръ же здравію, явѣтѸ якѸ семѸ ѡбновленіемѸ оумѧ: безѸменѸ естѸ ѡбличеніѧ ѡрѣвѧли, въ непоболѣнїѧ всегда возлежати больницѣ не стыдѧйсѧ.

ла. Да не ѡжесточишисѧ на невѡлнѣ тѧ рѸкодѣйствовавшаго, но на источившюсѧ гнѸсность воззрѣвъ, ѡкай оубо самаго себѣ: оублажи же винѡвнаго тебѣ сеѧ бывшаго пользы смотрѣніемѸ бжѣимѸ.

лв. Да ничесогу ради лютагу ѡчѧешисѧ недѸга твоегѸ, но дѣйственнѣйшими трѸдолюбїѧ лѣчѣбѧми далѣче вѸди сегѸ, ѡ душѣвнѣмѸ здравїи прилѣжай.

лг. Да не смѸтишисѧ ѡ благовременнѸ тѧ оумзвлѧющагу. Но пристѸпи къ семѸ, и покажетъ ти, елику тихѸ жгѸщее чѸство твоѣ естѸ добрѸ, и ясти имаши твоѣ приснѣдїе, сладко ѡ здравїѧ, по еже истребитисѧ, еже ѡ горести ѡметномѸ.

лд. Елику ѡщщѧеши болѣзни, толику прѣмли показѸющаго ти сїѧ ѡбличенїи. ѡчищенїѧ во совершенна, винѡвенѸ ти бываетъ, безъ негѸже въ чистѣ мѣстѣ молїтвеннѣмѸ не мѡжетъ быти оумѸ.

щего [блага].

29. Всякому приятно богату быть благами, но прискорбно, если тому, кто по Божию устроению получил богатство, не попускается подольше наслаждаться им.

30. Душа выглядит здоровой внешне, но болезнь, как правило, скрывается в глубине ее чувств. Если же теперь (тѡра) всячески необходимо (прѣлеи) болезни той внешне (ѣξω) выйти (βγει) через обличения (ελέγχων), а внутри явиться здравію обновлением ума; [то] безумен тот, кто отвергает обличения, и не стыдится безболезненно {в расслабленном бесчувствии} лежать в больнице.

31. Не оскорбляйся на того, кто против твоей воли прооперировал (χειρουργησε) тебя (т.е. обличением вывел наружу кроющееся в тебе зло); но, взирая на выброшенную нечистоту, себя окаявай {уничижай}, а бывшего причиной такого о тебе божественного (θεία) смотра (οικονομία), благословляй.

32. Не падай духом, взирая на трудность [душевной] болезни своей; но употребляя действеннейшие против нее врачевства притрудных подвигов, удаляй себя от нее, если [искреннее] имеешь попечение о здравии души своей.

33. Не избегай (αποφεύγεις) благовременно тебя уязвляющего обличением (ελεγχό). Но приблизься к нему, и оно покажет тебе, насколько добро (καλό) очищено (καθαρίζει) чувство твоѣ, и ты будешь вкушать [пищу духа] сладкую от здравия, после того, как уничтожишь горечь выметаемого [зла].

34. Чем больше чувствуешь душевные болезни свои, тем более будь благодарен тому, кто указал тебе их своими обличениями. Ибо чрез это он стал причиной совершенного очищения твоего, без которого ум не может войти в чистую область молитвы.

лѣ. Внегда ѡбличаемъ быти, илї молчати подобаетъ, илї кротцѣ ѡвѣтствовати повѣдающему. Не за еже составити своѡ ѡбличаемомъ, но за еже возставити негли преткнѡвшася въ невѣдѣнїи ѡбличающаго.

лѣ. ѡпечаившемъ праведноу, иже прежде, неже призванъ быти ѡ негѡ, кааица, ничїиже ѡ приличествующихъ ѡтщетица. А иже по оутѣшенїи, ѡ говзованїа полъ прїѡверѣтаетъ: ѡбаче прежде поверженное, иже никогдаже печали ради ѡлѣченъ ѡ сонмица ѡверѣтаица. Прилагаетъ же и мздѣ себѣ, иже согрѣшенїе полагаай верхѣ себѣ во всемъ.

лз. Ни высокоумдрый познаваетъ, іакъвѡ сѣть своѡ егѡ оумаленїа, ни своѡ смиренномудрый двѣраа. Покрываетъ во тогѡ оубѡ безумїе злое, сего же благогѡдное смиренїе.

ли. Съ равночестными гордый въ добрыхъ сравнитиса не хѡщетъ, въ сопротивныхъ же, и преимущимъ снѡсно своѣ сї прилагая вмѣняетъ оумаленїе.

лѣ. Оукоръ оубѡ крѣпкъ, разслабленъ же похвала дѣшѣ содѣловаетъ, и кѡснѣишѣ къ двѣрымъ.

лї. Составъ оубѡ богатства есть злато, добродѣтели же смиренїе. Икоже оубѡ злата лишайца оубѡгъ есть, аще внѣшнимъ и свѣтлѣишїи есть: такъ безъ смиренїа добродѣтеленъ не вѣдетъ подвижающїица.

ла. Икоже кѡпѣць безъ злата нѣсть кѡпѣць, аще и сѣлѡ къ кѡпли есть приличенъ: такъ ни безъ смиренномудрїа во ѡдержанїи сладкихъ, добродѣтели ѡбрацетсѡ ѡбвѣчайца, аще и сѣлѡ на мудрость свою оуповаетъ.

лв. Иже ѡ смиренномудрїи скорбай, нишїи своегѡ

35. Когда обличают, или молчать надо, или кротко отвечать, не для того, чтобы настоять на своем, а чтобы поправить ошибку обличителя, соблаздившегося, может быть, по неведению дела.

36. Тот, кто опечалившему праведным обличением (ἐλεῦχο) приносит покаяние прежде его призвания, — не теряет ничего из подобающего [праведному]. А если он просит прощения после призвания [к покаянию] — теряет половину плода (карлѡ). Получает все предполагающееся [от плодов] тот, кто по причине печали обличения никогда не отказывается от других и не изолируется в себя. Прилагает же себе награду и тот, кто ставит признание в своем согрешении выше себя.

37. Как высокоумдрый не знает своих недостатков, так смиренномудрый своих добрых качеств: ибо у первого все скрывает злое (какї) безрассудство (ανοησία), а у второго богоугодное смирение.

38. Гордый не хочет сравниваться (μετρίετα) в добре с равными (ίσοῦς) ему. Но в сравнении с теми, кто превышает его недостатки, считает собственные меньшими (υποφερό, терпимыми).

39. Упрек (ψόγος) делает душу крепкой, а похвала ослабляет ее и делает ленивою к добру.

40. Основа богатства — золото, а добродетели смирение. И как тот, кто лишен злата — беден, хотя внешне не кажется таковым; так и подвизающийся без смирения не бывает добродетельным.

41. Как без злата торговец не торговец, хотя бы очень способен был к тому; так без смиренномудрия подвижающийся не получит благих плодов добродетели, хотя бы очень много полагался на свое благоразумие (φρόνηση).

42. Кто заботится (ανεβαίνει, поднимается) о смирен-

возношенїа бываетъ: вышшїй же, ѿже безъ онагѡ, ниже равнѣтиса съ малѣйшими волею терпитъ, и сегѡ ради ѡ перевозлеганїихъ печаль показѹетъ.

мг. Добрѡ подвижникѹ мѡдрствовати оубѡ мѣнша паче дѣланїа своегѡ, содѣвати же лѣчша паче воленїа своеа. Такѡ во человекѡмъ оубѡ чѣстенъ, и бѣ дѣлатель ѡбрѣтаетса непостыденъ.

мд. Или направлѣтиса подобаетъ ко всѣмъ заповѣдемъ бжїимъ, или единому оубѡвити смиренномѡдрїе. Болѣщемса не страннѹ въ невѣстницѣ возлежащихъ гавѣтиса.

ме. Соединїи простотѣ воздержанїе, и спражи со смиренномѡдрїемъ истинѹ, и гавѣшиса правдѣ сопиршественникъ: на еаже трапѣзѣ ина всака любитъ собирѣтиса добродѣтели.

мс. Слепѡ есть безъ смиренномѡдрїа истина: сегѡ ради и прекословїе оупотребляетъ рководителя, и оутвердѣтиса тѡй оубѡ на нѣчесомъ трѡдѣщейса. Не ѡбрѣтающей же тѡчїю на твердыни слопомнѣнїа.

мз. Правъ блэгъ красотѹ свидѣтельствуетъ добродѣтели: оудѣсъ благосостоанїе, мирнѹ дѣшѹ.

ми. Первое оубѡ есть добрѡ, еже ни въ единой части согрѣшати: второе же, еже стыдѣнїемъ не покрывати согрѣшенїа своегѡ. Ниже оубѡ возвышатиса онѣмъ: паче же смиратиса. Ко ѡглаголемѹ самагѡ себѣ соуглаголовати, и прїимати съ радостїю запреценїе. Семѹ же не бывающѹ, не крѣпко есть все бѣгови приносимое.

мф. Къ вольномѹ слостраданїю подобаетъ, и неволь-

номудрии, тот понижает свое возношение, а возносится тот, кто не имеет смирения. Он не терпит добровольно уравниваться с меньшими (по отношению к нему) и печалится когда ему не (δεν) дают (δίνουv) первенствовать (πρωτοκαθεδρία).

43. Хорошо подвижнику думать о себе меньше, чем это соответствует его духовному (πνευματικῆ) деланию, чтобы по страху [Божию] делать еще больше. Таким образом, он будет в почете у людей, а для Бога — *делатель неукоризненный* {непостыдный} обретается (см. 2 Тим. 2, 15).

44. Боящемуся (φοβάται) оказаться чуждым находящимся на брачной вечери, необходимо или направляться ко всем заповедям Божиим, чтобы преуспеть (κατορθώσει), или заботиться об одном смиренномудрии.

45. Добавь к простоте воздержание, и с смиренномудрием сочетай истину, — и окажешься сотрапезником правды, за стол которой любит приходить всякая другая добродетель.

46. Истина без смиренномудрия слепа, по этой причине и прекословие (пререкание) имеет себе руководителя, но трудящемуся [прекословию] не на что положиться, кроме как только укрепиться злопамятностью.

47. Благой (αγαθός) нрав свидетельствует о красоте добродетели, а благопристойность членов о мирной душе.

48. Первое добро — ни в чем не погрешать; второе — не стыдиться открывать свое погрешение; но и не бесстыдствовать в нем, а больше смиряться, и когда укоряют, укорять и самому себя, и охотно принимать епитимию. Когда же этого нет, то не прочно бывает все Богу приносимое.

49. При добровольном злострадании необходимо принимать и непроизвольное, происходящее от бесов (δαίμο-

ное прїимати, ѣже ѿ дїаволъ глаголю, тщѣтъ же и немощей. Сїа бо не прїемлай, но негодѣай, подобенъ ѣсть, иже не съ солюю, съ медомъ же точїю хотѣщемъ їасти хлѣбъ свой. Иже не всегда оубо сласть имать своспитаннѣ, сытость же приснѣ сосѣда имать.

н. Владыка сый, въ рабїи ѡбразъ (Фїлїп. в, з), ѡдѣайса видитса, иже раздранныю ѡмываа ближнагѣ словесы бжественными рїзѣ, или сшиваа подаанїи: да смотрѣетъ же сїе творай, да не когда, за ѣже не їакѣ рабъ сїе совершитъ, спогубитъ и мздѣ, и присѣще томѣ власти достоинство ради тцеславіа.

на. Икоже вѣра оуповаемыхъ и звѣщенїе ѣсть: такѣ дѣши оубо мдрость, добродѣтели же смиренїе (Евр. аї, а). И чѣдо, какѣ самосовѣршеннаа, безъ слѣчаевъ несовѣршенна быша.

нв. Гдѣ сохранитъ вхожденїе твоє (Псал. рк, и), глаголетъ, и исхожденїе твоє, брашенъ їавѣ їакѣ и глаголъ воздержанїемъ. Воздержнѣ бо имый ѿ брашенъ и глаголъ, ѡ вхожденїи же и исхожденїи, похоти оубо їаже ѿ очїю оубѣгаетъ: їаость же їаже ѿ гордости оукрощеваетъ. ѡ ниже и подоваетъ прѣжде всѣхъ творїти прилѣжанїе подвижающемса, и всакимъ ѡбразомъ тцатиса подоваетъ. Сїми бо дѣанїе оубо здравствѣтъ, видѣнїе же оутверждаетса.

нг. Нѣцыи ѡ вхожденїи оубо брашенъ много творятъ прилѣжанїе: ѡ исхожденїи же глаголъ, нерадївѣ залогъ имѣтъ. Таковїи не вѣдаютъ ѡрѣвати їаость ѿ сѣрдца, и похоть ѿ плоти, по еклесїастѣ: и ниже чїстое сѣрдце созидатиса ѡбыче ѿ ѡбновїтеля дха (Еккл. аї, г).

нд. Брашенъ оубо не излишнее, ѡ меншемъ пици

вѣс), ущербов (ζημιες) и болезней. Не приемлющий покорно сих последних, но бывающий недоволен ими и ропотлив, подобен хотящему вкушать хлеб свой без соли, но с одним медом. и желающему не только жить в сытости, но и с услаждением.

50. Господином будучи, *образ раба приемлющим* (Флп. 2, 7) является тот, кто Божественными словами омывает запятнанную одежду [души] ближнего, а разодранную починает приложением заплат. Да остерегается, однако ж, тот, кто делает это не как раб (от тщеславия), чтобы вместе с наградой за то, не лишиться и присущего ему достоинства власти.

51. Как *вера есть осуществление ожидаемого* [блага] (Евр. 11, 1), так и мудрость для души, и смирение для добродетели. И удивительно, как самосовѣршенные блага (αγαθά), душа и добродетель являются неполными (ατελή) без вышеуказанных свойств: веры, мудрости и смирения.

52. *Господь будет охранять вход твой*, говорится, и *исход твой* (Пс. 120, 8), — воздержанием относительно яств и языка. Ибо кто воздержен в пище — входящей, и употреблении слова — исходящего, тот избегает похоти очей и неразумный (παράλογο) гнев укрощает, о которых более всего должна быть забота у подвижающегося, чтоб они не прорывались. От этого деятельность получает силу, а созерцание твердость.

53. Ведь некоторые о входе яств внимательную блюдут осторожность, а об исходе слов нерадят. Таковые не умеют, по Еклесиасту, *удалять гнев из сердца и похоть из плоти* (Екл. 11, 10); через что, обыкновенно, сердце чисто создается от обновляющего нас Духа.

54. Строгость пищи заключается в низком качестве

качествѣ: глагълъ же неповинное ѿ лучшемъ молчаніа
качествѣ ѿбращетса.

нѣ. Разжжѣ оутрѣбы твоѣ неждѣніемъ брашенъ, и
нстажжѣ сердце твоѣ воздержаніемъ глагълъ, и имѣти
бѣдѣши на послуженіе добрыхъ, желательное же и ѿро-
стное.

нѣ. Сласть оубо подчрѣвныхъ низпадаетъ въ пост-
ничествующихъ, тѣло состарѣвшася: ещѣ же пребыва-
етъ гортани, въ недостигшемъ снѣ праведнѣ оумѣтити.
Потщатиса оубо подобаетъ ѿ винѣныхъ винимагѣ по-
ношеніе истѣрти: ѿкъ да не страненъ тамъ ѿже въ воз-
держаніи добродѣтели ѿбрътса, стѣдомъ ѿдѣшиса.

нѣ. Нѣжно естъ вѣдѣти постникѣ, когда и кими
брашны подобаетъ тѣло ѿкъ врагѣ питати: когда же
ѿкъ дрѣга оутѣшати, и когда оутѣшати, ѿкъ немошно.
Да не оутѣтса вражѣ оубо дрѣгѣ, дрѣжнаа же врагѣ.
И ѿже сегѣ паки немошноу прилагамъ, и ѿвоихъ ѿкъ
соблазнівъ, во время искушеніа ѿбращетъ ратѣющихъ
егѣ.

нѣ. Егда паче наслаженіа, пицѣ питанійса предпоч-
теннѣйшѣ сотворитъ, тогда благодать слезъ пришед-
ши къ немѣ, оутѣшати начинаетъ. И нынѣ всакіа сла-
дѣсти забываетъ, ѿкъ оубо безъ сравненіа сладостію
сихъ поглощеннѣй бывшей.

нѣ. Разшираемомъ оубо человекѣ спрагашася слѣ-
зы: источишася же сѣа тѣсный пѣть возлюбившемъ.

нѣ. Нѣсть безъ печали ни грѣшникѣ, ни праведникѣ. Но
той оубо, ѿкъ не ѿнюдѣ ѿстави злое: сѣй же ѿкъ не оу-
совершенства коснѣса.

нѣ. Иже ѿ насъ, по силѣ добродѣтели, молитва же и
молчаніе: а ѿже не въ насъ, но ѿкъ многажды тѣлес-
нагѣ сложеніа, постъ и бдѣніе сѣть. Еже оубо подвиж-
никѣ оудобнѣйшее естъ, сѣе проходить подобаетъ.

пищи, а безукоризненность слов обнаруживается в луч-
шем качестве молчания.

55. Разожги чрево твое скудостью пищи, и сердце ис-
пытай воздержанием слов; и твои силы – вожделетельная
и раздражительная всегда будут у тебя находиться в ус-
лужении добру.

56. Плотские удовольствия исчезают у постников, ко-
гда состарится их тело. При этом остается желание на-
слаждения пищей у того, кто не смог его справедливо ус-
мирить [постом]. Именно поэтому надо избавиться позо-
ра повинного [этой страсти], чтобы не остаться без доб-
родетели воздержания, облеченным в стыд.

57. Подвижнику надо знать, когда и какими яствами
следует питать тело, враждующее [на душу] и когда сле-
дует подкреплять его [пищей] как изнемогшего друга, и
как во время болезни. Чтобы по ошибке не предложить
ему дружеского питания, когда оно враг и вражеского ко-
гда оно друг, и, раздражив его тем и другим, не найти его,
во время искушения, на стороне борющихся врагов.

58. Когда приемлющий пищу, предпочитает питание
услаждению [гортани], тогда посещает его благодать слез
и начинает утешать его так, что он забывает о всякой дру-
гой сласти, будучи вполне насыщен несравненной сладо-
стью сих слез.

59. У ищущего удобство (ἀνεση) — иссякают слезы, а
у возлюбившего путь тесный — источаются.

60. Не бывают без печали ни грешный, ни праведный;
но первый печалится о том, что еще не совсем отстал от
греха, а второй о том, что еще не достиг совершенства.

61. Молитва и молчание суть из числа добродетелей, в
нашей власти состоящих; а пост и бдение суть из числа не
[вполне] в нашей власти состоящих добродетелей; так как

Ѹв. Дѡмъ оубо дѡши ѣсть, терпѣніе: ѡбдержитса бо въ немъ. Имѣніе же, смиреніе: питаетса бо тѣмъ.

Ѹг. Во трудѣхъ не терпѣ, похвалами почтенъ не будеши: прѣжде же сласти болѣзнь оусмотревѣа, избѣжиши сеѡ печальнагѡ.

Ѹд. Да не свѣжешиса малымъ, и не порабѡтаеши болшемъ: не во ѡбыче слѡ большее, прѣжде малагѡ создѣловатиса.

Ѹе. Взирѣа къ большымъ, страшень будеши меншимъ: оудобопрезрѣнь же сими іавишиса, ко ѡнѣмъ ѡрѣкса.

Ѹз. Не возмѡжеша на бѡльшаѡ достигнѣти добродѣтели, не постизѣа верха сѡщымъ по силѣ.

Ѹз. Въ нихъже ѡбладаетъ милость и истина, во ѡнѣхъ и все чтолибо ѣсть бѡгѡгодно: та оубо никѡже сѡдитъ безъ милости, сѣа же человеколюбивѣетъ ни ѡ единомъ безъ истины.

Ѹи. Съ простотою растворивъ воздержаніе, во ѡбдержаніи будеши тамошнагѡ блаженства.

Ѹѡ. Не оубриши ѡнюдъ рѡтѡюща тѣа страсти, аще не перѡе зѣмлю, ѡ неѣже питѡхѣса, ѡставиши неурѡннѣ.

Ѹѡ. Ѹви оубо тѣлесѣ сквернѣ точию ѡчистити тѣатса: Ѹви же, и дѡши. Ѹви бо оубо противъ единагѡ по дѣйствѣ грѣха мѡжество прѣѡша, Ѹви же противъ страсти: противъ же похоти, сѣлѡ малѣйшии.

Ѹѡ. Вещество лѡкаво ѣсть, тѣла встрастіе: дѡши же сладострастіе: пристрастіе же оума. Прицѣтса же ѡнагѡ оубо ѡсзаніе: сегѡ же прѡчаа чѡвства: конѣ-

они зависят и от сложения тела. Итак, что, именно, подвижнику легче, то проходить и необходимо.

62. Дом души — терпение, ибо им она поддерживается; а имущество ее — смирение, ибо им она питается.

63. Если ты не терпел в своих трудах — похвалой почтен не будешь. И если раньше от наслаждения не усмотрел боль (οδύνη) — не избежишь печали (λύπη).

64. Не связывай себя малым, и большим не будешь поработен: ибо не бывает так, чтобы большее зло обрадовалось прежде меньшего.

65. Взирая к большим, будешь страшен малым [подвигам], но будешь пренебрегаем от меньших, если отречешься от больших.

66. Не достигнешь больших добродетелей, не постигнув вершины добродетелей, соответствующих твоей силе.

67. В которых царствует милость и истина, в них все богоугодно; ибо вторая никого не судит без милости, а первая ни к кому не проявляет человеколюбия без истины.

68. Смешавший (αναμείξεις) воздержание с простотою, причастником (ενοήσεις) будет будущего (μέλλουσα) блаженства.

69. Не увидишь совсем борющихся тебя страстей, если наперед не перестанешь возделывать землю, из которой они заимствуют себе пищу.

70. Одни стараются очистить вещество (ὕλη) тело, другие же и душу. Ибо первые воздерживаются против греха по действию, а другие — против [сагих] страстей. Очень же мало тех, кто воздерживается от [плотского] влечения.

71. Скверна для тела — укорененность в страстях, души же — в сладострастии, а ума — в пристрастии. Виновно за первое — осязание, за второе — другие чувства,

нагw же сопротѣвно завѣщаніе.

Ќв. Сладострастный оубw, близъ есть страстнагw: пристрастный же сладострастнагw: далече же ѿ обою безстрастный.

Ќг. Встрастенъ есть, ѿже согрѣшательное словѣство насильствующо имый, аще еще и не согрѣшаетъ внѣ. Сладострастенъ же, ѿже дѣйство грѣхà имый немоцнѣйше словѣства, аще и страждетъ внѣтръ. Пристрастенъ же ѿже въ свободѣ паче, нежели въ работѣ среднихъ пребывамай. Безстрастенъ же оубw есть, ѿже всѣхъ сиухъ разнствіа не вѣдый.

Ќд. Погибаетъ ѿ души встрастїе оубw постомъ и молитвою: сладострастїе же бдѣніемъ и молчаніемъ: пристрастїе же безмолвіемъ и вниманіемъ: безстрастїе же составляется ѿ памети бжїа.

Ќе. ѿ оустенъ безстрастїа, ѿкоже сотове мѣдвеннїи словеса вѣчнагw животà и скапаютъ (Пѣсн. пѣс. д, аї). Ктò оубw сподобилса вы оустнама ѿнагw прикоснѣтиса, и посреде сосцѣ ѿнагw водворитиса, и вонї сладкїа причаститиса рїзѣ ѿнагw, сїрѣчь законы оусладитиса добродѣтелей, сщїихъ паче всѣхъ, глаголетъ, аршматъ чвствїтельнагw разсѣжденїа.

Ќз. Нази самолюбїа оубw рїзы, негли сѣть мнози: любовкрашенїа же рїзы мали сѣть: тщеславїа же рїзы, ѿже и послѣднѣа глаголетса, назѣхъ ѡбращеши безстрастныхъ.

Ќз. Видимагw оубw тѣла, всака душа ѡбнажитса: грѣхòвнагw же, ѿже здѣшнагw животà, малw сладкихъ причастницы бывшїа.

за последнее — расположение к запретному (αντίθετη, противоположному).

72. Сладострастный близок к страстному, пристрастный близок к сладострастному, а бесстрастный далеко находится от обоих.

73. Страстен (Εμπληθής) тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла (λογιστικού), хотя он и не грешит еще вовне; сладострастен тот, у кого действие (ενεργεί) греха слабее разума (λογισμοῦ), хотя им овладевает страсть внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше раболепно, привязан к тому и другому; бесстрастный есть тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния греховные (кто не знает их тонкостей).

74. Истребляется из души страстность постом и молитвою, сладострастие — бдением и молчанием, пристрастие — безмолвием и вниманием. Бесстрастие же образуется (συνίσταται) памятью Божией.

75. Из уст бесстрастия, как соты меда, капают словеса вечной жизни (см. Песн. п. 4, 11). Итак, кто сподобится к устам оного прикоснуться своими устами, и посреди сосцов его водвориться (см. Песн. п. 1, 13), и ошутить сладкий аромат (μυρωδιά) его одежд? (см. Песн. п. 4, 10) — т. е. рассудительный в подвигах, стремящийся к безстрастию, умеет лучше распознавать ароматы добродетелей, известных нам чрез чувства.

76. Обнажены от одежд самолюбия возможно могут быть многие, от одежд любоукрашения (φιλοκοσμία) — немногие, а от одежд тщеславия, о котором как о последнем говорится, обнаженными обретаются только бесстрастные.

77. Видимого тела лишится всякая душа; от тела же греха — не многие из тех, кои насладились сладостями здешней жизни.

Ѡи. Мёртвѣи оубо ѿ живыхъ, вси видѣни бѣдѣтъ: оумерщвлѣни же бѣдѣтъ грѣхѣ еди́ни ѿ завѣщаніа сѣи возненавидѣвшии.

Ѡа. Кто́ себѣ прѣжде ѡбщїа смѣрти тѣлесна оуби-дѣлъ ѣсть грѣха́ нага, и́ кто́ ѣсть позна́вый себѣ же, и́ свое́ естество́, іа́ковѣ ѣсть, прѣжде бѣдѣщагѡ ѡблаже́нїа;

Ѡ молїтвѣ.

Ѡи. Егда́ посреди́ чѣственнагѡ и́ оумнагѡ свѣта сло-вѣснаа стоїтъ дѡша́, даде́са оубо ѣи, по чѣственномѡ свѣтѣ́ творїти, іа́же сѣтъ тѣла: по оумномѡ же, іа́же сѣтъ дѡха́. Но понѣже помрачїса́ оубо въ не́й свѣтъ оум-ный: оумснїса́ же дрѣвнагѡ ра́ди ѡбычаа́ свѣтъ чѣ-ственный, іа́ще вса́кѡ съ оумнымъ въ молїтвѣ́ не бѣ-детъ сѣи, ѡни́одѣ на бжѣственнаа́ взирати́ не мо́жетъ. Нужда́ же дѡшѣ́ среди́ тьмы́ и́ свѣта бы́ти: среди́ оубо тьмы́ по мечтанїю́, среди́ же свѣта́ по навикновѣнїю́ ѡбраща́ющейса́.

Ѡа. Внѣ́трѣ оубзи́хъ молїтвы́ вратѣ́, оумъ́ стра́стный внїти́ не мо́жетъ, прѣжде не́же ѡста́вити, ѣ́же по на-выкновѣнїю́, попечѣнїе́: поволїтъ́ же трѣдѣ́са неперс-таннѡ́ при сѣнехѣ́ попечѣнїа́ ѡнагѡ́.

Ѡв. Да спрѣбыва́етъ во оумѣ́ молїтва́, іа́коже въ со́лнцѣ́ лѣча́, безъ не́аже чѣственнаа́ попечѣнїа́, іа́ки нѣ-цыи́ безводнїи́ ѡблаци́ ѡкрестѣ́ лета́юще, оумъ́ возвра-на́ютъ ѿ своеа́́ егѡ́ свѣтлости́.

78. Мертвыми [физически] будут все живущие, а мертвые ко греху только те, которые возненавидели его от всей души.

79. Кто прежде общей смерти тела увидел себя обнаженным от греха? кто познал самого себя и какова его природа (φύση), прежде будущего обнажения (γύμνωση)? Душу (ψυχή) божественным *желанием* (ἐρωτα) уязвленную (Песн. п. 2, 5), умеет (Ξέρει) молитвой объединить с Женихом (Θεό).

О молитве

80. Разумная душа, находясь на грани (μεταίχημο) чувственного и умного (νοερού) света, при помощи одного может видеть и делать телесное, при помощи другого — духовное. Но поскольку в ней свет мысленный помрачился, а чувственный стал более ясным, по причине навыка к нему из начала (πτώση — падение) установившегося: то она не может всецело простереться зрением к Божественным вещам, если во время молитвы не будет вся со светом мысленным. И вынуждена душа находиться на грани тьмы и света, по склонности [вращаясь] во тьме [чувственной], мечтой (устремлением) ко свету [умному] обращаясь.

81. Ум полный страстей не может войти внутрь узких врат молитвы, прежде чем оставит беспокойства (μέριμνα, заботы), вызванные склонностью к [мнимо] значимому (αισθητά), но будет всегда страдать (υποφέρει), упражняясь у этих врат (т. е. занятый этими заботами).

82. Пусть сопребывает с умом, как луч в солнце, молитва, без коей чувственные заботы, как облака безводные вокруг носясь, мешают (εμποδίζουσι) уму достичь просветления (букв. «показать его светлость»).

пг. Сила оубв молитвы есть, алчва брашенъ вольна: алчвы же еже не слышати, ни видѣти: ѿкв не всака нжда сщнихъ въ мирѣ есть ничтоже. У сихъ не творай промыслѣнїа, зданїе оубв поста не оутвердилъ есть: молитвы же зданїю на немъ распастиса сотворилъ есть.

пд. Аще ѿлчченъ ѿ всѣхъ оумъ, ѿже по чвствѣ не вдетъ, гореносенъ быти не можетъ, и свое познати достѣнство.

пе. Днѣ оубв знаменїе есть постъ, за ѿвственное, ноци же за неавственное молитва. Обоѿ оубв сїа во обоѣмъ праведнѣ проходай, въ намѣренный достигнетъ градъ, въ немъже ѿбѣже болѣзнь и печаль и въздыханїе.

пс. Дхѣвное дѣланїе, и безъ тѣлеснагѣ притрѣднагѣ составлатиса ѿбыче. Блаженъ оубв есть, иже лчшее паче вещественнагѣ дѣла неавственное вмѣнивый дѣланїе: тѣмъ во дѣла исполнилъ есть ѿскѣдѣнїе, поживъ сокровенною жїзнїю молитвы, и ѿвною бгѣви.

пз. Терпѣти оубв насъ въ вѣрѣ, молитъ вжественный апостолъ: радоватиса же оупованїемъ: въ молитвѣ же пребывати (Рим. 12, 12), да радости въ насъ превдетъ доброе: аще же сїе, оубв не терпай, нѣсть вѣренъ. Не радѣайса же, не благонадѣженъ: ѿверже бо винѣ радости молитвѣ, внегда не пребывати въ ней.

пи. Въ мїрскихъ помыслѣхъ оумъ съ начала спрѣбывъ толикое съ тѣми любленїе стажа, колико оусвоенїе не стажалъ бы съ молитвою частою. Ибо въ нихъже, глаголетъ, коснитъ, въ тѣхъ и разширатиса ѿбыче.

83. Произвольный голод — сила молитве. Он в том [состоит], чтобы не слышать и не видеть ничего кроме необходимого. Тот кто не позаботился об этом — не укрепил здание поста, а кто не утвердил [онаго] — расщепил (ρωγμές) здание молитвы.

84. Если ум не отбросит всякое излишнее попечение о чувственном, то не может стремиться к горнему; не может понять и своего чина (αξίωμα).

85. Пост есть символ (σύμβολο) дня по причине явности его (очевидности), а молитва — ночи, по причине неявности ее (незаметности). Проходящий оба, как должно, сочетая каждое из них с другим (выполняя пост в течение дня и молитву по ночам — греч.), сумеет достичь желаемого города, откуда *болезнь, печаль и въздыхание удалятся* (Ис. 35, 10).

86. Подвиг духовный обычно можно исполнить и без соответствующего телесного труда. Ведь блажен, выбирающий лучшее — духовное делание. Кто имеет его, тот им восполняет и отсутствие дела внешнего, живя жизнью молитвы, сокровенной для других, но явной для Бога.

87. Апостол призывает нас верою терпеть, упованием радоваться, в молитве пребывать (см. Рим. 12, 12), чтоб пребыло в нас и благо радования. Если так, то следует, что не имеющий терпения, и веры не имеет. Не радующийся, не имеет доброй (καλές) надежды, ибо отверг причину радости — молитву, и не пребывает в ней.

88. Если ум, занятый мїрскими помыслами, изначально приобрел великую с ними дружбу (φιλία), сколько близости (οικειότητα) не получил бы с непрерывной (συνεχή) молитвой? Ибо в чем, говорится, ум медлит, в том и расширяется (ευρύνεται).

п̄ѡ. ꙗкоже своегѡ жилища дрѣвле раздѣливса оумъ, тамошнюю свѣтлость забылъ ѣсть: такъ подобаетъ семѹ паки въ забвеніи здѣшнихъ бывшѹ ко онѣмъ востецѣи моли́твою.

ч̄. ꙗкоже нѣкѣи младенецъ сосца оумѣрша ма́терна, ѡбращетъ оумъ моли́твѹ, не могѹщю оутѣшити егѡ. Во инако же същещи, ꙗкѡ отроча ѡ сласти оусыпающее на ѡбѣтѣахъ еа.

ча. Тамѡ, глаголетъ, на плачевнѣмъ, сирѣчь, одрѣ добродѣтельными жи́зни. По слова́мъ въ пѣснѹхъ пѣсней, рекла́ бы ѡ невеста моли́тва къ своемѹ рачителю: дамъ сосца моѡ тебѣ (Пѣсн. п. 3, 7), ꙗще при́снѡ мнѣ возложи́шиса.

чв. Любленіа съ моли́твою имѣти не можетъ, ꙗже всакагѡ не ѡрекѣиса веществѡ.

чг. Развѣ жи́зни ѡ дыханіа, внѣ иныхъ бѣди въ моли́твѣ, ꙗще хощеши съ еди́нымъ быти оумомъ.

чд. Оумѡ боголюбива свидѣтельство моли́тва мысленна, ѡ слово благоврѣменно, разѹмна помысла, ѡ еди́новидѣнъ вкѹсъ свободнагѡ да бѣдетъ чѹства. Въ си́хъ оубѡ трѣхъ (си́лахъ) здравствовати дѹшевнаа глаго́лютса.

че. Оугладитиса добрѣ подобаетъ ѡ оумагчитиса, ꙗкоже дѣтѣи естествомъ мола́цагѡса. ꙗкѡ да по естествомъ онѣхъ, ѡ сегѡ естествомъ благопокорнѣ при́метъ ѡ моли́твы вчиняемое и́зясненіе. Тѣмже да не неради́тъ, ꙗже совокупѣтиса съ нею любѡй.

чз. Не вси тожде намѣреніе въ моли́твѣ имѣтъ, но ѡвъ оубѡ сѣе, ѡвъ же ино, ѡвъ оубѡ моли́тса, ꙗще мѡчно, съ моли́твою быти сѣрдцѹ егѡ всегда: ѡвъ же, во еже ѡ превзыти то. ѡвъ же да не помысли въ моли́твѣ просѣцаѣтса. Вси́ же мола́тса, илѣ соблюде́ни быти во

89. Как древле, ниспав из своего жилища (κατοικία), ум забыл о его [преславной] светлости; так теперь, забыв о всем здешнем, должно ему опять простираться туда молитвою.

90. Что для малыша иссохшие сосцы матери, то для ума молитва, не дающая ему утешения. Когда же она инаковою бывает (т. е. исполняет ум утешением); тогда он уподобляется малышу, от удовольствия засыпающему в объятиях матери.

91. Там, т. е. на скорбном (πένθητι) ложе (κρεβάτι) добродетельной жизни, по словам Песни песней, говорила невеста молитва к своему желанному (εραστή) (собой увлеченному), дам тебе груди мои (Песн. п. 7, 13), если отдашь себя целиком.

92. Не может содружиться с молитвою тот, кто не отрекся от всего вещественного.

93. Кроме жизни и дыхания, стань вне всего прочего в молитве, если хочешь быть только (μόνο) с умом.

94. Ума боголюбивого свидетельство есть мысленная молитва и своевременное слово разумного помысла, и чтобы одиночный (ενιαία) вкус был свободен [от] чувства. В этих трех, [как] говорится (λέγεται), происходит добро (καλά) души (оздovarливаются душевные силы).

95. Естеству молящегося должно выровняться и умягчиться, чтобы с готовностью, как это происходит у детей, принять развитие [разума]. Так что не будь беспечен (αμελείς), желающий соединиться с ней.

96. Не все одну и ту же имеют цель в молитве; но одни одну, а другие другую. Иной молится, чтоб, если возможно, сердце его всегда было с молитвою, другой чтоб все выше и выше восходить в ней; третий, — чтобы [стяжать навык] не быть пресекаемому в молитве помыслами;

благихъ, и ли не свѣдѣни быти слыми.

Ѹз. Яще ѿ молитвы никтоже не смиренъ бываеть. Ибо сокрушается со смиреніемъ моляса. Не оубо со смиреніемъ молитса, иже извнѣдѣ дерзай.

Ѹи. Къ вдовицѣ, яже сѣрваго ѿ ѿмщеніи подвижаше сѣдїю, взирай моляса (Лук. 11, 5), не стѣжитъ сї, когда законѣнїе благихъ ѿбѣтованій.

Ѹф. Не превѣдетъ съ тобою молитва, въ помышлѣмыхъ внѣтрѣ оудѣ, и глаголемыхъ внѣ оудѣ, мѣдлющѣ ти. Таже же оузритса ѿбращающаа ко ѿсѣцающемѣ еа ради многшаа.

р. Яще не внѣтрѣ души вхѣдѣтъ глаголы мѣтвы, не оубо на ланитѣ лица слезы ѡкрестъ изливатиса попщѣни вѣдѣтъ.

ра. Прозавнѣтъ земледѣльцѣ оубо рѣкоѣтиа не на лицѣ сѣменамъ повѣрженнымъ земли. Инокѣ же слезы истекѣтъ, не безъ труда дѣйствующемѣ глаголы молитвы.

рв. Ключъ небесагѣ царства, єсть молитва. Сїю держай, якоже подобаеть, зрїтъ въ ней ѿложеннаа благѣа дрѣгѣмѣ еа: єдина же настоѣщаа ѿвсмотрѣеть, иже дерзновенїа во ѡнѣи не имыи.

рг. Не можетъ оумъ во время молитвы со дерзновеніемъ глаголати къ бгѣ: растерзалъ єси оузы моѣ, тебѣ пожрѣ жѣртвѣ хвалы (Псал. рѣ1, 3. и), яще не боѣзни, и оунынїа, многоспанїа и сладѣстїа, ѿ ниже єже согрѣшати, желанїемъ лѣчшихъ не ѿторгнетса.

все же молятся, [говоря обще,] или чтобы сохранену быть в добре, или чтоб не быть увлечену во зло.

97. Если от молитвы никто не бывает не смиренным: ибо всякий, когда молится, сокрушается во смирении; то очевидно, что не молится во смирении тот, кто вовне обнаруживает [горделивую] дерзость.

98. Молясь, помни вдову, подвижную жестокосердого судью оказать ей справедливость; и не станешь унывать (см. Лук. 18, 3), нескоро получая просимое (испрашиваемое молитвою).

99. Не будет с тобой молитва [внутренняя], если часто отвлекаешься на внешние помыслы и беседы (ομιλίης). Она обращается к тому, кто лишается ради нее многого.

100. Если слова молитвы не войдут во глубины души, то слезы не омоют щек лица.

101. Прорастут (βλαστήσουν) колосья земледельца, который не оставил семени на поверхность земли (т. е. посадил их в землю). И истекут слезы монаха, который не проходит слова молитвы без особого труда (т. е. прилагает особые усилия).

102. Ключ в Царство Небесное – молитва. Держащий ее, как следует, зрит обетованные друзьям ее блага. Кто же только настоящее видит, тот, не возымел еще дерзновения в ней.

103. Не может ум во время молитвы с дерзновением говорить пред Богом: *Ты расторг узы мои, Тебе принесу жертву хвалы* (Пс. 115, 7–8); если он вожделением лучшего (θεῖων, божественного) не отторгся от боязливости и разленения (ραθυμία), многоспанья (πολυπνία) и многоедения (καλοφαγία), которые вызывают грехи.

рѢ. Внѣ пѣрвыа завѣсы стоитъ, въ мѣтвѣ парѣй: внѣтръ же бываѣтъ, ѿже ѣдинодвѣжнѣ совершаѣи тѣ. Ѣдинъ же во стѣахъ стѣихъ приниче, ѿже съ миромъ ѣс-тѣственнѣхъ пѣмыслъ, и ѿже ѡ всѣахъ оумъ преимѣщѣ, разсмѣтрѣаи, и нѣкоегѡ ѡнѣдѣ бѣоавлѣнѣа сподоб-лѣемъ.

рѢ. Внѣгда ѡ внѣшнѣхъ оупразднѣвшисѣ дѣша со-вокѣпитсѣ съ молѣтѡю, тогда ѡки нѣкѣи пламѣнь ѡ-крѣживши сѣю, ѡна ѿахъ желѣзо ѡгнь, разжѣннѣ всю со-дѣловаѣтъ, и ѣсть дѣша оубѡ тѣаждѣ, не ктѡмѣже ѡса-зѣема. Нижѣ во разжѣнное желѣзо внѣшнѣми прикосно-вѣнѣи ѡсазѣемо ѣсть.

рѢ. Блѣженъ ѣсть, ѿже въ житѣи сѣмъ тѣахъ зрѣтеленъ бѣити сподѡбивисѣ, и своѣ ѣстѣствѡмъ брѣнное чѡловѣ-коподѡбѣе, благодѣтѣю ѡгненнѡ оубѣдѣвъ.

рѢ. Вводѣмымъ оубѡ тѣажѣкъ, ѿакоже нѣкѣи вѣа за-кѡнъ налагаѣтсѣ молѣтѡи: прѣдѣспѣвшымъ же, ѿахъ рачѣнѣе спорѣваѡщее ѡлчѣщаго, ѿакоже къ пѣровѣнѣю многѡждѣвнѣ.

рѢ. Дѡбрѣ проходѣщимъ дѣятѣльнѡю добродѣтель, ѡвогда оубѡ молѣтѡа, ѿахъ ѡблакъ ѡсѣнѣаѡци, палѣте-льнѣа возбранѣтъ ѡ нѣхъ пѡмыслѣ: ѡвогда же ѡки кѣплѣми слѣзъ сѣхъ ѡрошаѡци, показѣтъ дѣхѡвнѣа видѣнѣа.

рѢ. Сладка оубѡ сладѡсть гѣслѣмъ оударѣемымъ ѡ нѣкоегѡ, внѣдѣ ѡбрѣщѣтсѣ: дѣша же несогласѣющѣ съ нѣю въ молѣтѡвѣ тѣинственнѡмъ въ дѣсѣ приглашѣнѣю, благодѣмѣнна не ѡбѣче бѣвати. ѡ чѣсѡмъ бо помѡлим-сѣ, ѿакоже подѡбаѣтъ, не вѣмы (Рѣм. ѿ, кѣ), и прѡчѣа, въ сѣе вѡдѣитъ молѣщагѡсѣ.

104. Тот, кто оставляет ум блуждает во время молит-вы, стоит вне первой завесы (см. Евр. 9, 2-3); тот же, кто практикует единодвижную (μονολόγιστη) молитву (дви-жимую единым помыслом) — внутри первой завесы (во святая). Единственно проникает внутрь второй завесы (во святая святых) тот, кто имея мир естественных (φυσικόν) мыслей (λογισμῶν), наблюдает и за (σχετικά) миром (εἰρήνη, покой), *превышающим всякий ум* (Флп. 4, 7), и достаивающийся неких богоявлений (θεοφάνειας) оттуда.

105. Когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда как бы пламя некое окру-жает ее и делает ее всю, как железо, огнем проникнутою. И тогда все та же душа бывает неприкосновенной, подоб-но раскаленному железу, которого не может коснуться никто.

106. Блажен тот, кто в этой жизни удостоился такой меры (μέτρα), чтобы видеть естество брѣнного (πῆλινο, глина) тела пылающим (πύρινο) благодатѡю.

107. Для новоначальных закон молитвы тяжѣл, как не-кий тиран (αφέντης); а для преуспѣвших, как желание (ἐρωτας), толкаѡщее голодного на роскошный пѣр.

108. У добре проходѣщих дѣятѣльную жизнь, молитѡа иногда, подобно облаку осеняя их, укрѡщѣет палящие их помыслѣ, а иногда, как бы каплями дождевыми орошая их, показѣвает им духовнѣе созѣрцѣния (θεωρίες).

109. Сладка мелѡдия (μελωδία) гѣтары (κιθάρας), иг-раемая кем-то (κάποιον). Душа же, не созвучная (не со-гласная) молитѡе и тайнѡму приглашѣнѣю (προσφώνηση) Духа (Πνεύματος), не может бѣть умиленной. Это опре-дѣляет (διαπίστωση) бѡжественнѣй Павел: *ибо не знаем, о чем, и как нам дѡлжно молѣтѣся* (Рѣм. 8, 26) и проч., в это приводит молящѣгѡсѣ.

Тогѡжде раздѣлительны.
Просвѣщается оумъ, раздѣлительнаго видѣнїа
къ высотѣ взытъ бивъ, сїа прочетъ слова:
помирается же пакн впадѣнїи въ страсть.

а. Нужно есть вѣдѣти раздѣлительномъ, когда оубо
оумъ егѡ во странѣ раздѣлїи есть: когда же во стра-
нѣ помыславъ, и когда въ странѣ чвственнѣй. И въ
сей пакн, въ сщїихъ ли во время, или въ чрезвременнохъ
паче ѡбрѣтается.

б. Въ раздѣлїи ихъ не сїи оумъ, въ помыслахъ всако
есть: въ помыслахъ же сїи, въ раздѣлїи ихъ нѣсть: въ
чвствѣ же бываа, со всѣми есть.

г. Черезъ раздѣлїе оубо оумъ преходитъ къ мыслен-
нымъ, чрезъ помыслъ же къ словеснымъ слово: къ дѣла-
тельнымъ же, чрезъ мечтанїе чвство.

д. Самъ въ себѣ оумъ собираемъ, ничтоже ни ѡ сщ-
цихъ по чвствѣ, ни ѡ сщцихъ по помыслахъ видитъ: на-

Главы гностическіе.
Кто прочтет эти слова, у того просветится ум,
поднявшись на высоту разумительных
(γνωστικῆς) созерцаний. Снова же омрачится,
если вернется к страсти

1. Рассудительному (γνωστικός) необходимо знать, ко-
гда его ум в области смыслов (νοημάτων), когда в области
(χώρο) помыслов (λογισμών), а когда в области (χώρο)
чувств. И в этой последней (τελευταίο) опять, когда в ве-
ществе (πράγματα) вовремя, а скорее более не вовремя
обретается.

2. Когда ум находится не в смыслах, то всецело в по-
мыслах; будучи в помыслах — находится не в смыслах; в
чувствах же бывая — со всеми обретается (βρίσκεται).

3. Черезъ понимание (νόημα, смысл) ум приходит к
мысленному; черезъ помысел — к разумному (λογικό) сло-
ву, а черезъ чувство воображения (φαντασίας) — приходит
к действиям.

4. Когда ум собирается в себя, он ничего не видит ни
от чувства, ни от помысла, но только (μόνο) обнаженные

ги во оумь и бжественны лчы точацыа миръ же и радость.

Е. Ино есть оумъ вещи, и ино слово егѡ, и ино еже чвствомъ возводимое, и то оубв есть естество, сїе же случай: сегѡ же различїе подлежащагѡ.

Ж. Многи пѣти проходѧ оумъ, несытенъ показѡетсѧ. Къ единомѡ же пѣти собираемъ молитвы, прѣжде совершенства оутѣснѧемъ видитсѧ молѧсѧ, причѧстникѡ ѡпѣщенъ быти къ тѣмъ, ѡ нихже изыде.

З. Обвыше низведенъ бывъ оумъ, не востекѧетъ паки тамѡ, аще не совершенное долныхъ сотворитъ презрѣнїе, ѡ бжественныхъ оупражденїемъ.

И. Аще дшш твою не можеш съ единѣми сотворити сщцими въ ней помыслы, понѣ тѣло твоѣ оудинайтисѧ понѣди, еже ѡ немъ злострадѧнїе вынѡ помышлѧа: такѡ во со временемъ милостїю бжїею, и на первое востецїи возможеши благорѡдства достѡинство.

Ф. Дѣлательный оубв, покарѧти оумъ оудѡбнѣ можетъ молитвѣ: зрительный же, молитвѡ оумѡ. Той оубв ѡ видимыхъ собираѧ ѡбразѡвъ чвство: сїи же дшш къ сокровеннымъ во ѡбразѣхъ словесемъ преводѧ, и той оубв тѣлесъ повинѡетъ оумъ словеса не вѣдѣти: сїи же безтѣлесныхъ словеса разѡмѣвати. Безтѣлесныхъ же сщть словеса тѣлесъ, сѡйства же и сщества ихъ.

Г. Егда оумъ твой тѣлесъ, и имѣнїи, и брашенъ сладострастїа свѡводиши: тогда и еже аще твориши, даръ чїстъ бгѡви вмѣнитсѧ. Воздастсѧ же тебѣ, еже ѡверстисѧ сѣрдца твоегѡ очесемъ, и ѧснѣ поучатисѧ внѣтръ написаннымъ во оумѣ словесемъ бжїимъ, ѧже паче мѣда

(γυμνά) умы (νοερά) духов (πνεύματα) и божественное сияние (λάμψεις), источающее мир и радость.

5. Одно дело ум (περιεχόμενο, содержание) вещи (πράγματος), другое слово (έννοιά, представление) [объекта] и третье — воспринимаемое (αντιληπτό) чувством. И первое — естество, второе — случайное [свойство естества], а третье — различие (διαφορά) подлежащего (υποκειμένου, субъекта).

6. Ум, проходящий многие пути, кажется ненасытным. А собираемый молитвой к одному, видится утесняемым прежде достижения совершенства, умоляя того, кому принадлежит, быть отпущенным к тому, из чего вышел.

7. Ум, низведенный сверху, не возвратится туда снова, если не презрит полностью долнее (κάτω, нижнее), посвятив себя Божественным деланиям (ασχολία, занятиям).

8. Если ты не можешь душу объединить с присущими ей помыслами, [то] по крайней мере заставь свое тело уединиться, чтобы всегда помышлять о убогости (злострадании), которому оно подчинено. Так, со временем и с милостью Божией, сможешь вернуться и к первому достоинству (αξίωμα) божественного (θείας) благородства.

9. Делатель легко может подчинить ум молитве; созерцатель — молитву уму. Первый закрывает чувство от воображаемых образов, второй душу переносит к сокровенным в формах (σχήματα) слов. И первый повинует свой ум не ведать плоть слова, а второй постигает бесплотное слов. Бесплотное же слов во плоти — свойства и сущность их.

10. Когда освободишь ты ум свой от всякого пристрастия к телам, яствам и деньгам; тогда что ни будешь делать, все то вменится в чистый дар Богу. И воздано тебе будет за то тем, что откроются очи сердца твоего и ты будешь ясно поучаться в нем словам (λόγους) Божиим, кои

и́ со́та, мы́сленномѸ твоѸмѸ вмѣ́натсѧ горта́ни, изда-
ва́емою ѿ́ ни́хъ сла́достію.

а́и. Не возмо́жешѸ тѣ́лѣсѸ, и́ имѣ́ній, и́ ненѸ́жныхъ
бра́шенъ, желáніѧ вы́шшій сотвори́ти о́умъ, а́ще не въ
чи́стоѸ пра́ведныхъ мѣ́сто введе́ши е́го. Въ нѣ́мже сме́р-
ти же и́ бѣ́а па́мать, па́ки и́стѣ́кши ѿ́ земна́гѸ се́рдца
и́згла́дитъ все́ желáніѧ воста́ніе.

б́и. Ничто́же, ни мы́сли сме́ртныхъ страши́йшее, ни
вѣ́іѧ па́матѸ дивнѣ́йшее. Та́ бо о́убѸ є́сть печа́ли спа-
си́тельныхъ пода́тельна, сѣ́ѧ же весе́ліѧ дарова́тельна:
пома́нѸхъ бо, глаго́летъ проро́къ бѣ́а, и́ возвесели́хсѧ
(Псал. Ѡ́з, д̄). И́ премѸ́дрый: помина́й послѣ́днихъ твоѡ́, и́
во вѣ́ки не согрѣ́шиши (Сѣ́рѧх. 3, л̄ѧ). Не возмо́жно же
второ́гѸ комѸ во о́усвоѣ́ніи бы́ти, и́скѸ́са те́рпкости пер-
ва́гѸ не прѣ́емшѸ.

ѓи. До́ндеже сла́вѸ вѣ́ію ѿ́кровѣ́нныхъ лицѣ́мъ не
о́увидитъ о́умъ, не мо́жетъ ду́ша глаго́лати въ чѸ́ствѣ́хъ
своѣ́мъ: а́зъ же возра́дѸюсѧ ѿ́ гдѣ́, возвеселю́сѧ ѿ́ спа-
се́ніи е́го (Псал. л̄д, ѧ̄). Покрѡ́въ бо лежи́тъ самолю́біѧ на
се́рдцѣ́ е́ѧ, ко́ еже не ѿ́кры́тисѧ е́й ѿ́сновáніемъ вселѣ́н-
ныхъ, і́ѧже сѸ́ть словеса́ бывшихъ, еже́ не ѿ́емлетсѧ ѿ́
неѧ, кро́мѣ во́льныхъ и́ нево́льныхъ тѣ́лѸ.

д́и. Не по вѣ́гствѣ́ ѿ́ е́гѣ́пта, і́же є́сть по дѣ́йствѸ
грѣ́хъ: ниже́ по прѣше́ствіи мо́ря, рабо́ты, глаго́лю, і́ѧже
по о́усвоѣ́нію: но по пребыва́ніи, еже́ въ пѸ́стыни, посредѸ
лежа́щей дѣ́йствѸ и́ движе́ній зло́бы, і́зраи́левъ наро́до-
води́тель согла́дати мо́жетъ зе́млю ѿ́вѣ́товáніѧ, і́ѧже
є́сть безстра́стіѧ: зри́тельную посыла́ѧ и́ назирáтель-
нѸю свою́ силѸ.

слаще меда и сота покажутся умной гортани твоей, по
причине издаваемой ими сладости (γλυκύτητα).

11. Не можешь ты сделать ума своего высшим похотения тел, денег и яств, если не введешь его в чистую страну праведных, в коей, внедрившись память о смерти и Боге, уничтожит в земном (γῆιν) сердце всякое восстание земных похотений.

12. Ничего нет страшнее мысли о смерти, и удивительнее памяти Божией; [ведь] первая есть подательница спасительной печали, а вторая исполняет веселием. Ибо Пророк Давид поет: *вспоминал я Бога и веселился* (Пс. 76, 4); а Премудрый учит: *помни о конце твоём, и вовек не согрешишь* (Сир. 7, 39). Не может никто усвоить второго, если не получил терпкий (στρυφνότηας) опыт первого.

13. Пока ум не узрит славы Божией откровенным лицом (2 Кор. 3, 18), дотолѣ душа не может возглашать в чувствѣ своем: *я буду веселиться о Господе* (Пс. 103, 34), *возрадуюся о спасении Его*, которое пошлет (στείλει) мне (μου) (Пс. 34, 9). Потому что покрывало самолюбия лежит на сердце ее, чтобы не открылся ей фундамент (θεμέλια) міра, который есть логосы (λόγοι) созданий (δημιουργημάτων). Это покрывало не снимается с души без добровольных и невольных трудов (κόπους).

14. Не после бегства из Египта, которое есть [пресечение] грѣха в действіи, и не после перехода моря против склонения, говорю, к рабству [грѣха]; но после пребывания в пустыне, которая находится среди действий (ενεργήματα) и движений злобы (после претерпѣнія всяких скорбей), предводитель народа Израилева смог увидеть обетованную землю, которая есть бесстрастие, посылая соглядатаями (κατασκόπους) зрительную (οπτική, визуальную) и созерцательную (θεωρητική) свою силу.

ѿ. Сѣдѣщій оубо въ пустыни, сирѣчь въ недействіи страстей, слухомъ единѣмъ блаженнаго оныя имѣтъ благодѣя землі. ꙗкоже въ ней смотрѣвшій въ разумѣ, ꙗвѣ ꙗкоже тѣмъ видимыхъ видѣніа быша. Сподобльшійся же въ нѣмъ внѣти, всѣмъ чувствомъ истекѣющихъ ѿ нея, ꙗкоже млеко и медъ, перваго, глаголю, и втораго видѣніа словесъ насытитишася.

ѿ. Не оубо сраспѣтсѣ хрѣтъ, ещѣ естественна движѣніа имѣи плѣти. Нижѣ спогрѣвѣса душѣвными помышлѣніи привлекаемый. Какъ оубо воскреснетъ съ нимъ таковой во обновлѣніи жизни жити;

ѿ. Трѣмъ сщцымъ въ души ѿбдѣржнѣйшимъ добродѣтелямъ: постъ, молитвѣ же и молчанію: нѣждно есть сщцемъ оубо ѿ молитвы, избѣвѣтисѣ хотѣщѣ, въ нѣкоемъ естественномъ видѣніи почивати. Сщцемъ же ѿ молчаніа во правоучительной бесѣдѣ, во второй же благодѣтнѣй пици постѣщемъсѣ.

и. Дѣндеже въ бжественныхъ есть оумъ, спасаетъ еже по подобію, благо же и милосердѣ ѿвѣтѣтася. Въ сщцихъ же по чувствѣ бывъ, ꙗкоже оубо благовременнѣ, и приличнѣ сходитъ, искѣсь да и прѣмла во онѣхъ, благодѣтствѣ пакѣ къ себѣ возвращаетсѣ. Внѣ времени же, и потребы, ꙗкоже нѣкѣи воевода не ѿсмотрѣивъ ѿвѣрѣтсѣ, многое своеѣ прѣстѣцѣа силы, внигда рѣтоватисѣ.

ѿ. Внѣтрѣ сокровѣнный въ насъ безстрастѣа рай, ѿвѣрѣтъ есть имѣщаго праведники прѣати. Обаче не вси внѣ ѿнаго ѿвѣрѣтсѣ, елици внѣтрѣ содержѣмаго быти не возмогоша.

15. Те, которые сидят в пустыне, то есть в бездействии страстей, — по одному слуху узнают о благах блаженной земли обетованной; те соглядатаи (обозревающие в познании) получают некоторые простые (απλή) идеи (ιδέα) созерцания видимых (ορατόν). Войти же в нее (в землю) сподобившиеся, всем чувством (αίσθησή) из нее истекающими, как молоко и мед, первого, говорю, и второго созерцания (θεωρία) словами насытятся.

16. Еще не сораспялся Христу имеющий естественные движения плотские; и не умер с Ним тот, кто носит плохие (κακές, злые) душевные воспоминания (ενθυμίσεις). Итак, как же он будет воскресать вместе со Христом, чтобы *ходить в обновленной жизни* (см. Рим. 6, 4)?

17. Трѣмъ существеннѣйшимъ (главнѣйшимъ) добродѣтелямъ [соответствуютъ:] постъ, молитва и молчаніе; имеющему [желаніе] прекратить молитву [на время] необходимо — отдохнуть в некотором естественномъ (φυσική) созерцаніи (θεωρία); желающему прекратить молчаніе — в нравоучительной бесѣдѣ; желающему прекратить пост — в разрешенной (επιτρέπεται) пицѣ.

18. Пока ум пребывает в божественномъ — хранит божественное подобіе, оставаясь при этомъ благимъ и милосерднымъ. Когда же пребываетъ (βρεθει) в осязаемомъ (αισθητά, чувственномъ), если подобающе и благовременно нисходитъ (κατεβαίνει), предоставляя и получая опытъ, снова возвращается къ себѣ, обретая (ξαναβρίσκοντας) свою прочностъ (ευρωστία). Если же спускается не во время и безъ необходимости — находится какъ неосмотрительный военачальникъ (στρατηγός), который теряетъ во брани множество силъ.

19. Рай безстрастѣа, сокрытый внутри насъ, — это образъ рая, который будетъ встречать (υποδεχθει) призванныхъ праведниковъ. Однако не все те, кто не смогли войти во внутренний рай, окажутся вне Рая.

к̄. Чувственное оубв со́лнце, стра́нны своа́ лѹчы ѿ хра́мины затворѣнна́а сотвораетъ: мы́сленное же не мо́жетъ испѹстити́ сладкихъ лѹчей на дѹшѹ ѡжида́ющую, но не имѹщую чѹствѹ затворѣнныхъ ѿ ви́димыхъ.

ка. Разумѣтеленъ е́сть, иже сѹждѣнїа оубв своа́ велелѣпнѹ, дѹшї́ же восхожденїа смиренномѹдреннѣ располага́ай.

кв. Пчела́ оубв цвѣтнїкѹ ѡлета́ющи, ѿонѹдѹ ме́дѹ вины́ прїѡврѣтаетъ: дѹша́ же вѣки ѡвхода́щи различны, ѿсю́дѹ сладость во оумѣ пѹщаетъ.

кг. Поа́дшїи оубв е́лень смїевъ, їадъ оугасїти къ воднымъ течѣтъ исто́чникѹмъ: дѹша́ же стрѣла́ми бжѣственными оу́звлена, непрестаннагѹ влечѣтса ко оу́звївшемѹ раченїемъ.

кд. Тонцыи оубв по́мыслы во оу́единѣнной жїзни прозвба́ютъ: оу́мышленїа же въ раздѣльной: во многобезмолвнѣи́ же дѹшї, по́мыслы оубв ѿгна́шася: оуми́ же то́чїю на́зи тѣлесъ къ то́и приближа́ютъ, иже ѡ про́мыслѣ и сѹдѣ́ словеса́, аки нѣкаа ѡснованїа землї ѿкрыва́юще, то́и їзавла́ютъ.

ке. Въ раздѣльной жїзни мѹжескїи́ полъ и жѣнскїи́, прѡстѣ́ видѣтиса не ѡбыче. Гїе́ во во їноческѹ ѡврѣщѣтса, въ ней же мѹжа́ и жены́ различїе, за еже по подѡбїю во хрѣ́тѣ їисѣ́, не познаѣтса.

кз. По́мыслы, ниже́ безсловесна́а ча́сти сѣтъ дѹшї (не вѹ е́сть въ безсловесныхъ по́мыслъ) ниже́ оумныхъ: зане́ ни во а́гглѣхъ е́сть: са́мыа же тоа́ словесна́а сѣще рожденїа, їакѹ лѣствїцѹ мечтани́е оупотребля́юще, восхо́датъ оубв къ оумѹ ѿ чѹства, їа́же сѣтъ ѡнагѹ, томѹ возвѣща́юще: низхо́датъ къ немѹ ѿ негѹ, їа́же сѣтъ ѡнагѹ, совѣтѹюще.

20. Чувственное солнце посылает свои лучи от закрытого дома[-шара] [на всех]; а мысленное [солнце] не может испустить сладких лучей на душу ожидающую его, но не имеющую затворенных чувств от [всего] видимого.

21. Разумный (Γνωστικός) есть тот, кто снисходит к осязаемому (αἰσθητά) с величием (μεγαλοσύνη), а восхождения души — устраивает со смиренномудрием.

22. Пчела облетая луга, находит там источники меда; а душа обходя различные века (αἰώνες), оттуда вливает (χύνει) в ум сладость.

23. Олень поедаящий змей, идет к водным источникам погасить жжение (κάψιμο) яда, а душа раненая божественными стрелами, постоянно влечется к Узвившему ее желанием (έρωτα).

24. В уединенной жизни рождаются (γεννιούνται) простые помыслы, а в раздваивающейся — разнообразные (πρόσθετοι, дополнительные) помыслы. Но у много безмолвствующей души помыслы отгоняются, к ней приближаются только бестелесные умы, открывая слова о промысле и суде, как некое основание (θεμέλια) земли.

25. В раздваивающейся жизни мужчины и женщины обычно не могут видеться в простоте. Это происходит только в уединенной жизни, где благодаря Иисусу Христу, не познается различие ни мужеского пола, ни женского (Гал. 3, 28), по причине божественного (θείας) подобия (ομοιώσεως).

26. Помыслы — ни от неразумной (άλογο) части души (ибо нет помыслов у бессловесных), ни от умной (нет их и у ангелов). Они (помыслы) являются порождением разума (λογικής), используя его воображение (фантазию) как лестницу, восходят они от чувства к уму, и от него (чувства) тому (уму) вещают, сходят же от ума к чувству, оставляя то, что уму сказали.

кз. И́коже нѣцыи и́з глубины возводими, и нѣчесогу въ по́мощь іа́тиса покѣшающеся, лѣкавіи по́мыслы ѡб-ра́щѣтса, іа́коже кораблю бѣдствѣющей слобѣ слезѣ потѣпомъ.

кн. По подлежащемъ качествѣ души, или іакъ морс-тін разбойницы потоплѣти, или іакъ гребцы вспомо-ществовати бѣдствѣющей, иже ѡ ней собираются по-мыслы. Ови оубо въ пучинѣ влекѣши неподобныхъ по-мыслѣ: Ови же ближайшій путь избирающе, къ тѣхъ брегѣмъ корабль оуклоняютъ.

кф. Седмѣмъ тщеславіа помыслѣ сѣщѣ желающаа, іакъ послѣднѣа, ѡринѣти душа, аще не тѣхъ, иже прѣ-жде егѡ, совлечѣтса. Не возмѣжетъ въ ѡсмаго иже по тѣхъ ѡблещиса, егѡже и жилище невѣсно нарицѣти вѣсть бжѣственный апѡстолъ, и воздыханми ѡблещиса (в Кор. 5, 2), мощи егѡ ради вѣдствѣющихъ нагнѣмъ сѣщымъ.

л. Къ совершеннѣй оубо молитвѣ, аггльстѣи прихо-дити ѡбыкѡша помыслы: къ среднѣй же, дхѡвнѣи: къ водительнѣй же, естествослѡвнѣи.

ла. И́коже благородное зерно класомъ, такъ и чисто-тѣ видѣнїа, молитвою іавлѣтиса ѡбыче. Имѣтъ же ѡвъ оубо къ возбранѣнію птицѣ сѣменособиратель-ныхъ, аки нѣкаа кѡпїа, ѡкрѣжающыа ѡсти: ѡвъ же, любомѣдрствѣющыа во искѣшенїахъ помыслы ко ѡнѣхъ потрѣблѣнію.

лв. Видимаа оубо душевнаа, дѣлнїа ради посрѣв-рена, іакоже крилѣ голубинѣ сѣтъ: разѡмѣваемаа же, глаголю же междорѣмїа, видѣнїа ради іакъ въ блещанїи злата сѣтъ (Псал. 33, 1). Не оукрашившаа бо душа полетѣти и почїти не мѡжетъ, и дѣже всѣхъ веселѣ-щихса жилище есть.

27. Как некоторые выплывающие из глубины, не могут не за что удержаться, такими обретутся и лукавые помыслы, в то время, как их корабль злобы будет потоплен слезами.

28. В зависимости от качества души, вокруг нее собираются помыслы или как пираты, чтобы ее утопить, или как [добрые] гребцы, чтобы помочь ей в случае опасности. Одни влекут корабль души в пучину неподобающих помыслов (λογισμῶν), а другие стараются привести его к мирным берегам, избирая ближайший путь [к спасению].

29. Душа, желающая отбросить седьмой и последний помысел — тщеславие, не может этого сделать, если не совлечется шести (ἑξί) предыдущих, не может и в восьмой войти, который, знай, апостол называет *небесным жилищем*, [и] в которое *воздыханиями* можно *облечься* (2 Кор. 5, 2), по причине освобождения от вещества.

30. К совершенной молитве приходят [обычно] ангельские помыслы. К средней молитве — духовные; а к начальной (εἰσαγωγική) — естественно-разумные (φυσιολογικοί).

31. Как качество зерна [обыкновенно] проявляется в колосе, так и чистота созерцания — в молитве. Первый колос [служит] для отгнания птиц, поедающих семена, как бы копьями окружая ость (ἀγανα). А вторая любо-мудрствует в искушениях, прекращая помыслы.

32. Видимые [части] души, по причине действия, уподобляют *серебристым крыльям голубки*. Невидимые (умопостигаемые) [части], по причине созерцания — *блестящим как золото междоплечьям* (Пс. 67, 14). Потому душа, так не украшенная, не может *полететь и успокоиться* (Пс. 54, 7) туда, *где жилище всех веселящихся* (Пс. 86, 7).

Того же главы главные и деятельны и зрительны.

Поле здѣ плодовъ
исполнено духовнаго дѣланія и видѣнія.

лг. Начатки гумна и точила, древле оубо древнимъ приносити во храмъ повелѣно бысть: нынѣ же мы дѣлательныя оубо (добродѣтели) начатки воздержаніе подобаетъ бг҃у приносити, и истинѣ: зрительныя же добродѣтели, любовь, и молитва. Оными оубо, похоти безсловесныя и гѣрости вины пресѣцающе: сими же мысли тщетныя, и ꙗже ѿ ближнаго навѣты.

лд. Дѣлательныя оубо (добродѣтели) начало, воздержаніе и истина: среда же, целомудріе и смиренномудріе: конѣцъ же еѣ, помысловъ миръ и стѣна тѣла.

ле. Дѣланіе еѣсть, не еѣже дѣлати прѣстѣ мощи двора, но и еѣже ꙗкоже подобаетъ дѣлати та, время и мѣръ и дѣваемъ сприносащѣ дѣющемъ.

лз. Видѣніе еѣсть, не еѣже видѣти точію, ꙗкоже сѣть тѣлеса еѣстествомъ, но еѣже и словеса и хъ къ чесомъ зрѣтъ.

лѣ. Нѣсть ни дѣланіе оутвержденно безъ видѣнія, ни видѣніе истинно безъ дѣланія. Подобаетъ во и дѣланію достословнѣ быти, и видѣнію дѣлательнѣ: да тѣмъ оубо некрѣпка ѡбръѣтаетса слово, симъ же сильна добродѣтель, во благоволѣніи благости.

Того же главы практические и созерцательные

Луг, здесь исполненный
плодов духовной практики и созерцания.

33. Давно древним [людям] заповедано приносить в храм *начатки от гумна и точила* (Исх. 22, 29). А сейчас мы должны приносить Богу, как начатки деятельной [добродетели], воздержание и истину, а как начатки добродетели созерцательной — любовь и молитву: теми отсекая стремления неразумной (παράλογος) похоти и гнева, а этими — суетные помысли (σκέψεις), и оговоры (επιβουλές, угрозы) от ближнего.

34. Начало деятельной добродетели – воздержание и истина, середина — целомудрие и смиренномудрие; конец (совершенство) же ее – мир помыслов и освящение (αγιασμός) тела.

35. Дело [состоит] не только в том, чтобы просто делать добро (καλά), но и в том, чтобы делать, как следует, т. е., чтобы делающий соблюдал [в отношении к делаемому] и время и меру.

36. Созерцание не только в том, чтобы видеть (θεωρεῖ) в уме, что существа (ὄντα) телесны, но и [чтобы видеть] логосы их и для чего они предназначены (αποβλέπουν).

37. Как действие (дело) без созерцания не бывает твердо: так созерцание без [соответственного] действия (дела) не бывает истинно. Ибо нужно, как делу быть проникнуто созерцанием, так [и] созерцанию утверждаемому действием: чтобы одним — обессиливать зло, а другим — в силе являть добродетель в (μὲ) благоволении (διάθεσι) доброты (καλοσύνης).

лн. Конѣць оубв дѣательныхъ, оумерщвлѣнїе страстѣй: конѣць же разумѣваемыхъ, видѣнїе добродѣтелей.

лѡ. Икоже вещество зрѣнїю очесъ, такъ дѣанїе зрѣнїю оума: и іакоже око лицъ, такъ оумозрѣнїе дѣанїю іавлѣется.

лѣ. Въ поприци дѣательныхъ добродѣтели, мнози оубв текзтъ: єдинъ же прїемлетъ почестъ, прѣжде концѣ тоа прїити во видѣнїе желанїя.

лѣа. Оумилѣнїе оубв питїе прїемлетъ дѣательный въ молитвѣ: чашею же державною оупоевѣется зрительный. Той оубв во іаже по естествоу любовѣдрствѣи: сѣй же и себѣ не вѣдый вьнегда молїтисѣ.

лѣв. Не поощѣаемъ єсть дѣательный въ дѣхѡвнѣ видѣнїи намнѡзѣ терпѣти: ѡвѣртѣется во іакъ страннопрїѣтъ бѣвъ нѣкїимъ, и ѡ ѡнагѡ хрѣмины скѡрѡ ѡтай исхѡдѣ.

лѣг. Икѡ во врата оубв вхѡдатъ дѣательнїи заповѣдей бжїихъ, вьнегда молїтисѣ: іакѡ во дворы же добродѣтелей съ пѣсньми зрительнїи благодарѣще: ѡви оубв іакѡ разрѣшенни вѣша ѡ оубзѣ: ѡви же іакѡ и плѣнники іаша рѣтѣющыи ихъ.

лѣд. Подѡбѣетъ по державѣ дѣательныхъ (добродѣтели) и державѣ видѣнїѣ ѡвѣртѣатисѣ. Да не по подобїю кораблѣ неравнаѣ вѣтрила ѡвносѣщѣ, или вѣдѣ претѣрпитъ вѣтрѡвъ сѣльностїю, за немѣренность ихъ, или тцѣтѣ дѣхѡвъ за малость іаже въ ладїи.

лѣе. Гревцы оубв мысленнагѡ кораблѣ, разумѣй благочестїивыѣ помыслы: вѣсла же, живѡтныѣ сїлы дѣшевыѣ, іарость, и желанїе, хотѣнїе и произволѣнїе. Сїхъ дѣательный оубв въ трѣбованїи єсть всегда: не всегда же и зрительный. Во время во молїтвы радѡватисѣ сѣй всѣмъ рѣкъ, самъ себѣ на кормїлѣхъ разумѡмъ посаж-

38. Итог деятельной жизни — умерщвление страстей, а конец жизни разумной (γνωστικόν) — созерцание добродетелей.

39. Как материя по отношению к форме (μορφή) {слав. «зрению глаз»}, так деяние по отношению к зрению ума (созерцанию). И как глаза к лицу, так и созерцание к деянию.

40. На поприще деятельной добродетели многие *бегут, но один получает награду* (1 Кор. 9, 24), — тот, кто прежде конца ее (жизни?) желает достичь созерцания.

41. Деятельный в молитве принимает питье умиления, а созерцатель *напивается чашей* державной (Пс. 22, 5). Первый *любомудрствует* по естеству (φυσικά), а второй и себя не ведает во время молитвы.

42. Деятельный не имеет сил долго быть в духовном созерцании, потому что он там в качестве гостя и он быстро выходит из этого дома (т. е. созерцания).

43. Все деятельные (делатели) когда молятся, как во врата заповедей Божиих входят. [А] Созерцатели входят с песнями во дворы добродетелей, когда хвалят. Первые благодарят, потому что освобождены от оков, а вторые, как взявши в плен врагов, сражающихся против них.

44. Нужно по силе деяния соответствовать и силе созерцания, чтобы не как корабль, имеющий не равные паруса, или пострадает от сильных ветров, из-за их чрезмерности, или из-за малости по отношению к судну.

45. Считаю гребцами мысленного (воображаемого) корабля благочестивые помыслы, веслами — жизненные (ζωτικές) силы души: гнев, желание, намерение и произволение (βούληση). Они всегда нужны деятельному, а созерцателю не всегда. Ибо во время молитвы, всем сказав «радоваться», сам себя определяет рулевым, и бодрствует

дѣла, чрезъ всю бодрствоваше въ видѣнїи нощь, хвалѣнїа приносѧ содержителю всегѡ. Яще нѣгдѣ и пѣснь нѣкъю рачительнѡ воспрїемла къ своей напѣваетъ души, инѡгѡ мѡра ѡ далече смотрѧ возвышенїа, и шумнаа движенїа, бжественными оужасаемь судьбами же и ѡправданїи.

мз. Иже посредѣ сїи дѣанїа и видѣнїа, ниже всѧко вѣслами ѧкоже корабленицы, творитъ плаванїе, ниже всѧкѡ мысленными вѣтрилами: но ѡбѣма потребѡ оудовоплаванїа дѣлаетъ, сладцѣ носѧ и труды дѣанїа, мѣры ради видѣнїа: и словеса несовершеннагѡ видѣнїа, ради помѡци ѡ дѣанїа.

мз. Зрительный оубѡ съ произволѣнїемъ естество имѣа стекѡщее, ѧкоже нѣкаково теченїе безъ труда творитъ плаванїе: дѣятельный же сопротивлѡющеесяа ѡбрѣтаа произволѣнїю оусвоенїе, многѡ помысловъ терпитъ бурю, и малѡ не во ѡчѡанїе бѣдствуетъ тѣжести ради прїитїи.

ми. Ниже нїва не добрѣ воздѣлана бѣвши, многѡ говзѡвѡтельно и чисто воздаа ти сѣма сѣющемѡ ѡбиче: ниже дѣятельнѡю (добродѣтель) прохѡдаи, яще не прилѣжнѣ сїю и безъ ѧвлѡтельства прохѡдитъ, яже ѡ млтвы оузритъ плодъ многѡ же и чїстѡ.

мѡ. Попираемой частѣ, подобна естѣ земля мысль, непрестанными молитвами слѣдами оутираема. Онаа во глѡдка бѣдетъ, и сїа права къ подѡтїю: Онаа оубѡ ногѡ магкихъ, а сїа молитвѡ чїстыхъ.

н. Во вещѣственныхѡхъ оумѡ споспѣшника имѡть помысла: въ невещѣственныхѡхъ же, яще тогѡ не ѡставитъ, пакѡстника имѣти бѣдетъ пакѡсти дѣющаго.

в созерцании всю ночь, вознося хвалу Тому, кто удерживает все. И иногда улавливает (πιάνει) любовную (ερωτικό) песню и поет в своей душе, издалека смотря на высокие волны и шумные движения в бурном (τρικυμισμένης) море, удивляясь Божественным (Θεού) судам (κρίσεις) и оправданиям.

46. Находящийся между деянием и созерцанием, ни на одних только веслах плывет, ни только с мысленными парусами, но с обоими, как моряки (ναυτικοί) пользуется в своем путешествии (ταξίδι); сладко нося и труды делания, по мере созерцания, и слова (λόγους) несовершенного созерцания [пользует], по причине помощи от делания.

47. Созерцатель имеет естество (φύση) в соответствии с его произволением, плывет без особых усилий, словно несомый течением. А деятель обретает усвоение (т. е. естество), сопротивляющееся его произволению, терпит большую бурю от многих помыслов, и может чуть ли не в опасность отчаяния прийти, по причине их неистовства (σφοδρότητα).

48. Поле, которое не возделывается (καλλιεργήθηκε) хорошо, как правило, не многоплодно и не дает чистого плода сеятелю (γεωργό). И деятель, если не усердно добродетель совершает и не очевидно (επίδειξη), — не увидит от молитвы большого и чистого плода.

49. Мысль (Η διάνοια), обрабатываемая (τριβεται, утираемая) от непрестанных действий молитвы, похожа на постоянно пресованную (πατιέται) землю. Эта земля становится гладкой, а мысль — прямой (ευθεία). И земля становится пригодной для приема необурых (ευαίσθητα, чувствительных) ног, а мысль — для чистой молитвы.

50. В вещественном ум помощником имеет помысел, а в невещественном, если не оставит того, то привлечет (букв. будет иметь) делающего пакости сатану (см. 2 Кор. 12, 7)

Иа. Покрѡвъ оубо имать дѣятельный на сердце своемъ въ молитвѣ, разумъ чувственныхъ, ѡкрытиса за оусвоеиѣ не могущій: единый же зрительный за неударжное, ѡкровеннымъ лицемъ зрѣти ѡ части можетъ слава бжїю.

Ив. Молитва ѡже съ духовнымъ видѣниемъ, земля ѡбѣтованная есть: въ нейже течетъ ѡкъ млеко и медъ, разумъ ѡже ѡ промыслѣ и судѣ словесъ бжїихъ. А ѡже съ некимъ естественнымъ (видѣниемъ) египетъ есть, въ немже дебелишихъ похотей память въ молачихса вываетъ. Простая же (молитва) манна есть ѡже въ пустыни, ѡже за единовидное нетерпѣливымъ оубо затворяючи желаніемъ ѡбѣтованныхъ добра. Терпачымъ же въ таковой оутѣсненной пици, виновна бываючи лчшагв вквса и пребывающагв.

Иг. Дѣаніе съ видѣниемъ оубо, ѡкъ тело съ духомъ владычественнымъ: безъ видѣнїа же, ѡкъ плоть съ дхѡмъ произволительнымъ вмѣнитса.

Ид. Словесная душа дворъ оубо есть чувство: храмъ же мысль: архіерей же оумъ. Во дворѣ оубо стоитъ оумъ, ѡ безсловесныхъ пресѣцаемый пумыслъ: во храмѣ же, ѡже ѡ благовременныхъ: ни ѡ единагв же ѡ сїхъ, ѡже въ бжественное стїилище сподобивыйса внїти.

Ие. Плачь оубо и пѣснь, и горе, въ домѣ дѣятельной души труда ради ѡбрѣтаетса: гласъ же радованїа и исповѣданїа (ѡал. ма, ѣ) разума ради, въ домѣ зрительной слышитса.

Из. Дѣятельный оубо, желаетъ разрѣшитиса трудѡвъ ради, и со хртѡмъ быти: зрительный же благо-

51. Деятельный имеет покрывало на сердце во время молитвы, по причине познания (γνώση) чувственных (внимания к чувственному), которое (покрывало) не может быть снято из-за отношений с ним (чувственным). [Лишь] один созерцатель, не имеющий такого препятствия, может *открытым лицом* отчасти зреть славу Божию (2 Кор. 3, 18).

52. Молитва происходящая с духовным созерцанием — это земля обетованная, *где течет молоко и мед* (Исх. 3, 8), познание слов, связанных с промыслом и судом Божиим. Молитва с неким естественным созерцанием — Египет, в котором у молящихся бывает память материальных (υλικόν) вожелений (επιθυμιών). А молитва простая — манна в пустыне (см. Чис. 11, 7), эта манна не открывается для тех, кто не терпеливо желает обетованного добра (καλά). Но тех, которые терпят в утесненной (στενόχωρη) пище, приводит к лучшему вкусу, который не теряется.

53. Деяние с созерцанием, как тело с *владычественным Духом* (Пс. 50, 14), а деяние без созерцания — как плоть, объединенная (ενωμένη) с духом непостоянно (ευμετάβολο).

54. Двор разумной души есть чувство; храм — мысль (η διάνοια); архиерей — ум. Итак, на дворе стоит ум, пресекаемый неразумными помыслами; в храме — пресекаемый благовременными помышлениями; сподобившийся же войти в Божественное святилище — не касается ни одного из них.

55. В доме души деятельной пребывают *рыдание, жалость и горе* (Иез. 2, 10), по причине тяготы трудов; а в душе созерцательной слышится *глас радования и исповедования* (Пс. 41, 5), по отрадности познания.

56. Деятельный, по причине тяжести, *имеет желание разрешиться и быть со Христом* (Филип. 1, 23); а созер-

воли́тъ ꙗ́че во плѣти пребыва́ти (Філіп. а̅, к̅г. к̅д). И за ра́дость ю́же пріѣмлетъ ѿ моли́твы, и за ближнагѡ пребыва́ющю ꙗ́кѡ польза.

ѿз. Въ словеснѣйшихъ оубо, видѣніе предварѣтъ дѣланіа: въ простѣйшихъ же, видѣніа дѣланіе, во єдинъ оубо конѣцъ обоа ѡканчавлющася. Сокращенѣйшее же сїе ѡвѣститсѧ, въ нѣхже видѣніе предварѣтъ дѣланіа.

ѿн. Ра́й єсть видѣніе мысленныхъ. Въ сѣй оубо разумѣтельный, ѡакѡ во своѣй домъ внѣтъ вхѡдитъ моли́твою: дѣлательный же ѡакѡ пѣтникъ ѡвѣститсѧ, желѧа оубо внѣтъ принїкнѣти. Не пощѧемъ же, за єже превзыти оꙗꙗꙗ ꙗ́че дѡвоу нагѡ вѡзраста єгѡ.

ѿо. Тѣлесныа оубо страсти, свѣрѣмъ подобни сѣтъ, птицамъ же дѡшевные: и ѡвы оубо ѡсѣнѧетъ ѿ словеснагѡ винограда дѣлательный, не ктомъже и птичныа, ѡце во видѣніи дѡвоу не вѣдетъ. ѡце и ѡакѡ напѧче творитъ тѣнїе ѡ внѣтвенныхъ храненїи.

ѿз. Иже во нравномъ благолѣпїи лѣчшїй єсть, дѣлательный быти не мѡжетъ. ѡце и тѡй по патрїархѡ авраамѡ не вѣ вѣдетъ, ѡакѡ оубо землїи своєа єстѣственнагѡ закона: а ѡакѡ сродства сверстныа сѣбѣ по оꙗꙗꙗ жизни. Таѡкѡ во и сѣй ѡакѡ печѧть прїиметъ врожденныа сласти ѡмѣтїе: на нѣйже иже ѿ рожденїа покрѡвѡ ѡблежѧщѡ, совершенной свободѣ не пощѧетъ подѧтисѧ намъ.

ѿа. Нижѣ жревлѡ весно́ю при ѡслухѡ быти, и ѡже въ нѣхъ ѡсти претерпѣваетъ: нижѣ новообучаемый оумъ стѣсненїе ѿ моли́твы на долѣѣ терпѣти мѡжетъ, сладѣцѡ ꙗ́че хотѧ ѡкоже жревлѡ на ширѡтѡ єстѣственнагѡ исхѡдити вѣдѣнїа, нежели во ѡалмопѣнїи и чтенїи ѡбрѣтаемагѡ.

цательный благоволит более *оставаться во плоти* (Филип. 1, 24). И от радости, которую принимает от молитвы, и от пользы, бываемой для ближнего.

57. У более одаренных (προικισμένους) в разуме (λογικό), созерцание предшествует деянию, у менее одаренных деяние предшествует созерцанию. И оба, в конечном итоге, приводят к одному и тому же концу. Но это будет происходить скорее у тех, у которых созерцание предвзает деяние.

58. Созерцание мысленных вещей есть рай. В него разумный (γνωστικός) входит молитвой, как в свой дом; а деятельный, в отношении к нему, выглядит как прохожий (περαστικός), желающий попасть внутрь, но не способный, потому что забор превышает его духовный возраст.

59. Телесные страсти подобны зверям, душевные — птицам. От первых ограждает забор (φράχτη) из разумного винограда делателя, но не от птиц, если он не достиг духовного созерцания. Даже если много будет прилагать усилий ко внутреннему хранению.

60. Делатель не может украсить совершенным благообразием нравственным, если, подобно патриарху Аврааму, и он не *изыдет из дома своего*, — естественного закона, *и от сродства своего*, — сравнившейся с ним самоугодливой жизни. Ибо таким образом и он, как печать, *получит обрезание* родительного (γενικής, общего) удовольствия (ηδονής) (Рим. 4, 11), по причине которого от рождения лежит на нас покрывало. не дающее нам принять совершенную свободу.

61. Весной жеребенок не терпит долго находится в яслях, в которых вкушает пищу; так и ум новообучаемый (νεοδιδάκτος) не может долго терпеть тесных пределов молитвы. Больше желая выйти к широте обзора естественного созерцания, которая обретается в чтении и псалмопении.

ѿв. Икоже чресла оубо имать преподсана (Ефес. 5, 11) постомъ и бдѣніемъ дѣятельная добродѣтель животныхъ силы свои: и якоже свѣтильники горѣща, молчаніемъ же и молитвою разумѣтельными зрительная добродѣтель поставляюща мысленныхъ силы: то оубо онѣмъ словѣство яко пѣстѣна, сіа же сімъ яко невѣстокрасителя слово взалогственное.

ѿг. Несовершенный оумъ въ плодовиный виноградъ молитвы не пощадѣется входить, въ едина же и едва яко къ верхогроздїицамъ ницъ прѣстаа ѱалмѣвъ изглашенїа.

ѿд. Икоже не вси къ бесѣдѣ царя входить совѣдovati съ нимъ могутъ: такъ ниже къ бесѣдѣ мѣтвы идошїи во видѣнїи еже во онѣи оувидѣнїи бѣдѣтъ.

ѿе. Ипрости оубо оузда благовременное бываѣтъ молчанїе: желанїа же безсловесна, соумѣреннаа снѣдь: не оудободѣрна же помысла единомысленнаа молитва.

ѿс. Иже въ дольнюю глубинѣ поныраѣи чувственагъ ради, и иже въ разумѣтельную мысленнагъ ради висера, да того изнесѣтъ, аще не ѡбнажитса ѡвъ оубо одежды, сей же чувства, ѡба взыскѣмагъ погрѣшаѣтъ.

ѿз. Внѣтръ оубо мысли своеа входи оумъ внигда молитса, яко съ невѣстою женихъ въ чертозѣ бесѣдѣа. ѡбращѣтса. Непощадѣмый же внїти, внѣ стоа стена вопїѣтъ: кто введѣтъ мѧ во градъ ѡгражденїа; или кто наставитъ мѧ (ѱал. 124, 1), до еже не зрѣти въ сѣты и неистовленїа лѣжнаа (ѱал. 124, 2), внигда молитса мн;

ѿи. Икова безъ соли гортани вмѣняемаа естъ пища, такова и безъ оумиленїа вмѣнитса оумѣ дѣйствуемаа молитва.

62. Как *чресла препоясанные* (Лк. 12, 35) постом и бдением, деятельная добродетель удерживает жизненные силы; и как *светильники горящие* (Лк. 12, 35) в молчании и молитве созерцательная добродетель содержит свои разумные (γνωστικῆς) силы. И первым разумность (λογισμὸ) как воспитатель (παιδαγωγός); а вторым [она, как] украшатель невесты (души) внутреннее (εσωτερικόν) слово (λόγος).

63. Ум несовершенный в обильный виноградник молитвы не впускается; ему дается доступ только к повторению псалмов, как нищему достаются *останки от обранья винограда* (Второз. 24, 21).

64. Как не все, достаивающиеся говорить с Царем, приглашаются и к столу его: так не все приступающие к молитвенному собеседованию [с Богом] достигают молитвенного созерцания, которое оно предлагает.

65. Узда гневу — благовременное молчание; бессловесному похоти — умеренное питание; а неудержимому помыслу — единомысленная (μονολόγησθη) молитва.

66. Как ныряющий в глубину, чтоб достать оттуда чувственный жемчуг, так и желающий погрузиться в глубину (βυθόν) познания (γνωστικόν), чтоб обрести там жемчуг духовный, не достигнут желаемого и искомого, если первый не обнажится от одежд, а второй от всего чувственного.

67. Ум, внутри сердца сосредоточивающийся во время молитвы, бывает как жених беседующий со своею невестою в чертоге (θάλαμο); а не входящий внутрь себя, как стоящий вне брачного чертога, воздыхая кричит: *кто введет меня в укрепленный город* (Пс. 59, 11)? или *кто направит меня* (Пс. 107, 11), чтобы *не смотреть на суету и ложные волнения* (Пс. 39, 5) во время молитвы?

68. Как несоленая пища для гортани, так будет выглядеть и молитва, проходима без сокрушения (κατάνυξη), для ума.

ѢѢ. Взыскѹющаа оубо ещѣ душа моли́твѣ, бола́щей при рождѣніи е́сть подобна: пости́гшаа же ро́ждшей, испо́льнъ бѣвшей ѿ рождествѣ ра́дости.

ѢѢ. Дре́вле оубо а́мврѣй на горѣ сїѡнѣ жи́тельствова́и (Μωϋσ. ᾱ, μα), исхода́ поража́ше нѣдѣщихса прохѡдити (ϞϞδ. ᾱι, ϕι), нынѣ же лѣка́вое забвѣніе возбранѣетъ покѹша́ющихса прѣжде чистоты на вы́шшю и безмо́лвнѣйшю взы́ти моли́твѣ.

ѢѢ. Чістыа моли́твы во враждѣ мно́зѣ ѡбыко́ша бѣти бѣсове. Оубо́саетъ же сіхъ не мно́жество ψαλμѡвъ, ѣакоже внѣшніа сопѣста́ты во́инство, но трѣхъ соглѣсїе, оубо́ма къ словѣ, и слова къ чѹвствѣ.

ѢѢ. Проста́а оубо моли́тва, ѣакъ хлѣ́въ ѣаві́тса мола́щымса, оубо́рѣпла́юци: а ѣаже съ нѣкимъ видѣніемъ, ѣакъ е́лей оубо́рѣна́юци: безвѣднаа же ѣакъ вїно́ благово́нно: е́гѡже насыща́ющіиса несы́тнѡ и́зстѹпа́ютъ.

ѢѢ. Ді́вій оубо Ѡсе́лъ, гра́да глаго́летса, мно́гѣ наро́дѣ смѣ́атиса, и є́диноро́гъ же ни ѡ когѡ привѣзѡватиса мо́гій. Оубо́мъ же, на́д е́стество́мъ и на́д прѡтивѣестѣственными воцарѣвса словеса́, сче́тѣ оубо́ насмѣва́етса пѡмыслъ: мола́са, и ни ѡ чесо́гѡ, мо́жетъ ѣаже по́д чѹвствомъ ѡблада́емъ бѣти.

ѢѢ. Жѣзлѣ оубо на псы́ потрѣса́и, разсвирѣ́питъ на себѣ: бѣсы же, чістѣ понѣжда́ииса моли́тиса.

ѢѢ. Подоба́етъ подви́зѡющемса чѹвство оубо́ свое въ є́диновѣднѡю состѣговати пи́щѣ: оубо́мъ же въ є́динопѡмысленнѡю моли́твѣ. Та́кѡ бо не оубо́рѣжымъ бѣвѣ ѡ страстѣй, и во е́же восхища́тиса ко гдѣ́ прїидетъ внегда́ моли́тиса.

69. Душа, еще ищущая молитвы, подобна жене, исполненной муками родов; а душа, получившая молитву, подобна уже родившей, и радости исполненной по причине рождения (см. Ин. 16, 21).

70. В древности Аморе́й, обитавший на горе [Сионской], поразил *по упорству своему взошедших на гору* (Второз. 1, 44). Ныне же злое забвение отгоняет тех, которые, прежде достижения чистоты (αγνεΐα, целомудрия), покушаются взойти на самый верх молитвы чистой (αλλόττης, простой) [и безмолвной].

71. Бесы по естеству (φύσεως) испытывают большую ненависть к чистой молитве. Ужасает их не множество псалмов, как войнов множество внешних противников, но согласие трех: ума к слову, и слова к чувству.

72. Простая (ψιλή, тонкая) молитва как хлеб укрепляет молящихся, молитва с каким-либо созерцанием, как елей умащающий; а молитва без воображений (безвидная), как вино ароматное (ευωδιαστό), которым ненасытно пьющие приходят в иступление (см. Пс. 103, 15) (т. е. опьяняются).

73. Дикий осел, как говорится, *смеется над городским многолюдством* (Иов 39, 7); и единорог никем не может быть привязан (см. Иов 39, 10). Ум же, управляющий над естеством и противоестественными мыслями (λογισμοῦς), насмехаясь над суетой помыслов, молится, не попадая под власть никакого чувства.

74. Угрожающий палкой псам, возмущает их против себя. И тот, кто пытается достичь чистой молитвы — злит (εξαγριώνει) бесов.

75. Подвижнику необходимо чувство [телесное] ограничить (περιορίζει) единовидным (μονοειδή, одним видом) пищи, а ум — одномысленною (μονολόγιστη) молитвою. Ибо так, став неудерживаемым страстями, будет он в состоянии восторгаться к Господу во время молитвы.

Ѡз. Сладострастнїи молѧщесѧ ѧки блѧтнїи сѣще, ѧкоже жѧбы ѧмѣтъ развлѧкѧющыѧ ѧхъ помыслы: мѣрнострастнїи же, оумозрѣнїѧ ѧкв слѧвїи оуслаждающыѧ въ єдиной на другѣю вѣтвь, сї єсть въ различнаѧ оумозрѣнїѧ прехожденїемъ: молчанїе же свѣйственно єсть безстрастнымъ, и многа тишина помыслѡвъ, и мыслей, ввездѧ молїтисѧ ѧмъ.

Ѡз. Дрѣвле оубо мѡѡсѣова марїамъ сѡпостѧтѡвъ паденїе вїдѣвши, тѣмпѧнъ взѣмши, предначѧ поѡщымъ побѣдїтельнаѧ (Исхѡд. єі, к): нынѣ же въ благохваленїи побѣждшыѧ страсти дѡшї, лѣчшѧ въ добродѣтелехъ любви возстѧвши, гѣсль ѧже съ пѣснїю ѧкв нѣкое вїдѣнїе оумотрѧющи, таковымъ ѡбразомъ дрѣвле содѣланныю ѡ доброты превосхожденїи, не прѣстаѣтъ ѡ ѧже ѡ ней радѡущихсѧ хвалїте вѣѧ.

Ѡи. Ввездѧ частостїю ѧже въ молїтвѣ, оудѣржана вѣдѣтъ словеса ѡсалмѡвъ къ сѣрдцѣ молѧцагѡсѧ: тогда и тѡ ѧкв землѧ блѧга, начинаѣтъ сѧмо ѡ себѣ ѧносїти: ѧкв шїпки, вїдѣнїе безтѣлесныхъ: и ѧкв крїны, свѣтлаѧ тѣлеса, и ѧкв цвѣты мїродыхѧнны, различное бжѣственныхъ сѣдѣбъ и невѡбозрїмое ѧносїти начинаѣтъ.

Ѡѧ. Съ веществѡмъ оубо свѧзѧвсѧ плѧмень, свѣтоносенъ бывѧѣтъ, ѡ вещества же разрѣшївшисѧ дѡшѧ, вѣгонѡсна ѡверѣтѧѣтсѧ. И ѡнъ взимѧтисѧ ѡбыче дѧже до подгнѣта: сїѧ же дѧже до заключенїѧ єже въ бжѣственномъ раченїи.

Ѡї. Совершеннѡ ѡрѣкшѧвсѧ себѣ дѡшѧ, и всѧкѡ къ молїтвѣ простѣршѧвсѧ, не єгда хѡщѣтъ бывѧѣтъ дѡлѣ, вѣше тѡари ѡверѣтѧѡщѧвсѧ: но єгда праведнѡ бїти возмнїтсѧ всѧ нѧша вѣсомъ и мѣрою оуправлѧющемъ.

Ѡѧ. Єгда ѡ дѡшї оубо оунїнїе ѡгнѧно вѣдетъ, ѡ мысли же лѣкѧвство ѧзвержетсѧ: тогда оумъ нѧгъ бївъ

76. Сладострастные молясь, как увязшие в тине, имеют отвлекающие их помыслы как жаб; умерившие [отчасти] страсть созерцанием — как соловьев (αηδόνια), услаждающих их то со дной ветки, то с другой, то есть переходением в различные умозрения; бесстрастным же свойственно молчание и полная тишина помыслов и мыслей, когда они молятся.

77. В древности Мария, сестра Моисея, когда увидела поражение врагов, взяла барабан и воспела победную песнь (см. Исх. 15, 20. 21). Теперь же поется похвала души, победившей страсти, и получившей лучшую добродетель любви, поет [она] и играет на гитаре (κίθαρα), как будто бы участвует в некотором созерцании, и, так, от сотворенной красоты (ομορφία), вместе с окружающими ее добродетелями (αρετές), не перестает радоваться и возносить хвалу Богу.

78. Когда частою молитвой задержатся в сердце молящегося слова псалмов; тогда он, как плодородная земля, и сам от себя начинает произрастать как розы — созерцание бестелесных, как лилии (κρίνα) — созерцание (θεωρία) [чистых] тел, и как фиалки (μενεξέδες) — созерцание разнообразных и нераскрытых (ανεξίχνιαστον) божественных судеб (αποφάσεων, решений).

79. Пламя, связавшись с веществом, несет свет, а душа разрешившись от вещества несет божественность (θεοφόρος). И первое поднимается, пока есть дрова; а вторая (душа), пока не достигнет конца (τέρμα) божественной любви (έρωτα, желания).

80. Душа, совершенно отрешаясь от себя и всецело предаваясь молитве, не когда сама хочет спускается вниз, т. к. находится над тварью, но когда посчитает правильным Тот, Который мерою и весом управляет всей нашей (μας) жизнью (ζωή).

81. Когда от души отгонится уныние (ακηδία), а из разума (διάνοια) изгонится лукавство (πονηρία, хитрость),

простотою, и жизнию безхудобною, и безъ всакаго на стѣдѣ прикровеніа, пѣснь оубо поетъ и сей новъ бгови, благодаритъ же пѣснь брацаа съ веселіемъ, сею будѣщаго обновленіа празднуетъ житіа.

пв. Егда въ бжественнаа дѣйства дѣйствоватиса начинаетъ молѣщаася душа, тогда подобенъ и та ѿкоже въ пѣсняхъ невѣста къ подоборавнымъ, сицеваа возглашаетъ: Братъ мой послѣ рѣкъ свою сквозѣ скважню, и рѣво моє вострепетѣ ѿ негѣ (Пѣсн. пѣсн. ̅, ̅).

пг. И воинъ ѿ брани возвративсѣ, тѣжестъ ѡрѣжій ѿлагаетъ. И дѣятеленъ помыслы, во видѣніе градый. Нижѣ во той развѣ точію во брани потребѣ имать ѡрѣжій: нижѣ сей помыслѣвъ, ѿще не ѡтай пребываетъ въ тѣхъ, во ѿже подъ чѣвствомъ.

пд. Дѣятельни оубо въ каковомъ сѣть положеніи, зрѣтъ тѣлесѣ: зрительный же въ каковомъ естествоѣ. Едини же прозрительни сѣще зрѣтъ свѣйство ѡбоихъ.

пе. Въ свѣйствахъ оубо тѣлесныхъ познаютсѣ безтѣлеснаа: въ безтѣлесныхъ же слово пресѣчное: къ немѣже разрѣшитсѣ всакаа добраа душа тѣшитсѣ.

пз. Слова безтѣлесныхъ, ѿкоже кости сѣтъ чѣвственными прикрываемы, иже никтоже оувидитъ, внѣ не бывшихъ пристрастіа чѣвственныхъ.

пз. ѿлагаетъ и воинъ ѡрѣжій, ѡставивъ брань: и зрительный, помыслы, восходѣ ко гдѣ.

пи. И военачальникъ на брани лишасѣ корысти, въ печали пребываетъ: и дѣятельный въ молитвѣ видѣ-

тогда ум становится обнаженным в простоте, и жизни нелицемерной (αυτοκρίτη), которая не покрыта постыдными действиями, поет он новую песнь Богу, благодарит, в веселии (ευφροσύνης) играет мелодию (μελωδία) в честь (εορτάζοντας) обновления (εγκαίνια, открытия) будущей жизни.

82. Когда молящаяся душа начинает иметь (έχει) божественнейшее переживание (εμπειρίες), тогда как невеста в Песни говорит, подобному ей, такие слова: *Брат мой (αγαπημένος, возлюбленный) протянул руку свою чрез отверстие, и внутренность моя взволновалась от него* (Песнь п. 5, 4).

83. Воин, возвратившись с брани, слагает с себя тяжесть вооружения. Так и деятельные (πρακτικός) слагают помыслы (λογισμούς), входя в созерцание. Ибо, как тот вне брани не имеет потребность в оружии, так и этот в помыслах, если втайне не пребывает в чувственном (находится под чувством).

84. Деятельный зрит (θεωρούν) в каковом внешнем (εξωτερική) положении (κατάσταση) существа (όντα) (т. е. их физич. тела); а созерцательный в каком естестве. Только прозрительные (γνωστικοί) зрят логосы (λόγους) сущих (όντων) и обоими способами (τρόπους).

85. В свойствах телесного познается безтелесное, в безтелесном же сверхсущное (υπερούσιος) слово, которого спешит достичь всякая борющаяся (αγωνιζόμενη) душа.

86. Слова бесплотного как кости, покрытые чувственным; они (слова) не будут видны тем, кто не освободился от чувственного пристрастия.

87. Воин слагает оружие, когда кончится брань (сражение); а созерцатель – помыслы, когда восходит ко Господу.

88. Воевода печалится, не получив трофеев на войне; а проходящий деятельную жизнь скорбит, когда не спо-

нїа дхѡвнагв.

пѡ. Ёленъ оубв на тѣлесныхъ водъ течеть источники, ѡ свѣрм оугрызѣнъ бѣвши, душа же сладчайшею стрѣлою оумзвѣившиса молитвенною, на безтѣлесныхъ лучи.

ч. Нижѣ тѣлесное око зерно пшеничное оувидѣти можетъ, нижѣ оумъ дѣтеленъ естество свое. Яще не ѡбнажитса: онѡ оубв влагалица: сей же оусвоенїа окрестъ покрывающагв егѡ.

ча. Скрываються звѣзды при восхожденїи солнца: помыслы же ѡсквдѣвють, оумъ къ царствїю своему возвращающиса.

чв. По концѣ дѣятельности, дхѡвнаа видѣнїа ѡблѣвшѣ оумъ, аки нѣкаа сѡлнечныхъ лучи ѡ ѡпредѣлающагв превознїкша, мнѣтса извнѣздѣ егѡ приходїти свѡйственна сѣща, и за чистотѣ тогѡ ѡбемлюца.

чг. Таквѡ и оумъ зрїтеленъ изглаголати можетъ, егдѡ свѣше съ небесъ снїдетъ естества нѣждами преклонѣнъ, ѡкоже и вѣщавый: бжественныхъ доброты что есть чднѣйшее; и каа мысль вжїа велелѣпїа ѡвраннѣйша; Каа же такъ любви сѣльна и нестерпїма, ѡкв ѡ вѣа вывающаа во ѡчищеннѣй ѡ всѡкїа слѡбы души, и ѡ завѣщанїа глаголющей: ѡкв оумзвѣенна есмь любовїю азъ (Пѣсн. в, е).

чд. Онагв есть еже глаголати: согрѣаса сердце мое во мнѣ, и въ побчѣнїи моемъ разгорїтса огнь (Псал. лн, д), не оутрѡждающагвса въ слѣдъ вѣа послѣдовати молитвою, нижѣ денъ человекъ желющагв оувидѣти.

че. Да глаголетъ и дѣятельнаа душа по ѡложѣнїи слыхъ, ѡкоже онаа въ пѣсни къ лѡкавымъ демѡнамъ и помыслѡмъ, взирѣти на сѣты и неистовленїа лѡжнаа ю паки нѣдацымъ: совлекѡхса рїзы моеѡ, какъ ѡбле-

добляется духовного созерцания в молитве.

89. Олень бежит на источники водъ вещественные (см. Пс. 41, 2), когда ранен зверем; а душа, пораженная сладкой стрелою молитвы, стремится к духовным (асѡмѡτων, бестелесным) озарениям (ламψειс) (под лучи Духа).

90. Какъ глазъ телесный не можетъ видеть пшеничное зерно, такъ умъ деятельный — свое естество, если они не обнажатса: зерно от оболочки, а умъ от отношения съ видимымъ (αισθητά, осязаемым), окружающимъ его.

91. Звѣзды скрываютса съ восходомъ солнца; а помыслы оставляютъ умъ, когда онъ возвращается въ свое царство.

92. После окончания деятельности, духовные созерцания льются (ξεχύνονται) на умъ, какъ солнечные лучи, выглянувшие изъ-за горизонта (ορίζοντα). И кажется что они выходятъ изъ ума какъ его собственные, и принятые по причине его чистоты.

93. Когда созерцательный умъ сойдетъ съ небесъ ради потребности естества, тогда говоритъ со сказавшимъ (Василиемъ Великимъ): что есть удивительнее Божественной красоты? И какаа мысль (έννοια) милее великолепия Божїа? И какаа любовь такъ сильна и неудержима, какъ вожделение Бога въ душе, очищенной отъ всякой злобы? И отъ расположения (διάθεσι) говорящей: я уязвлена любовїю [Твоей] (Песн. п. 2, 5).

94. Онъ можетъ сказать: *согрелось сердце мое во мнѣ и въ размыслѣнїи моемъ возгорелся огонь* (Пс. 38, 4), тотъ, кто не перестаетъ приближаться къ Богу черезъ молитву, и не желаетъ человеческого дня (т. е. земного благополучїа) (Иер. 17, 16).

95. Деятельная душа, когда отложитъ все злое (какѡν), подобно невестѣ въ Песняхъ, да скажетъ лукавымъ демѡнамъ и помысламъ, понуждающимъ ее снова *смотреть на суету и ложные волнения* (Пс. 39, 5): *я сняла съ себя одежду мою;*

кѣса въ ню; оумьхъ нозѣ мой, какъ ѡскверню ихъ;
(Пѣсн. ẽ, ҃)

ѿс. Души блголюбивыя єсть глаголати дерзajúщиа къ бгѣ: возвѣсти ми пастырю добрый, гдѣ пасеши овецъ твоѣ, и гдѣ почивати твориши въ полуднѣ агнецъ твоймъ; да сѣмъ послѣдующи, не бѣдѣ ꙗкѡ ѡблагающаама надъ стады дрѣгѡвъ твоихъ (Пѣсн. ̑, 5).

ѿз. Ищущии молитвенное дѣятельнаа оудержати слово душа, и не могущи, такова ꙗкоже ꙗже въ пѣснехъ и та вопіетъ: На ложи моемъ въ нощехъ и скахъ, егѡже возлюбихъ: и скахъ, и не ѡверѣтохъ егѡ, воззвахъ егѡ, и не послѣша мене (Пѣсн. ҃, ̑). Востанѣ оубѡ молитвою притрѣднѣйшею, и ѡбшѣдше во градѣ, на стѡгнахъ, и на торжищахъ, поищѣ егѡже возлюбихъ, негли ѡбращетса мною, ꙗже во всемъ сѣмъ сый, и всегѡ вѣѣ. Насыщѣса внигда ꙗвѣтимиса славѣ твоѣй (Псал. 51, ẽ1).

ѿи. Егда всѣ слезна ѡ радости ꙗже въ молитвѣ начнетъ бивати душа, тогда и та не ѡвинючиса, ꙗкѡ къ своему сѣ женихѣ невеста вопіетъ: Да снидетъ братъ мой въ вертоградъ свой, и да ꙗстъ слезъ моихъ, ꙗкѡ плодѡвъ дрѣвесныхъ (Пѣсн. ẽ, ̑), содѣланное оутѣшеніе.

ѿѡ. Егда дѣятельнаа душа ѡ множества и доброты тварей чѣдитиса начнетъ творцѣ, и наслаждатиса сщцею ѡ нихъ сладостію, сими и та оужаснѣса вопіетъ: Чтѡ оукрасилса єси женишѣ, радѡ оца твоегѡ; цвѣтъ полный и кедръ егѡ, ꙗкоже кедры ливанстїи. Подъ сѣнь егѡ восхотѣхъ и сѣдохъ, и плодъ егѡ ꙗвѣса сладокъ въ гортани моемъ (Пѣсн. ̑, ̑, ҃).

р. ꙗще царѣ подѣмлай въ дѡмъ свой, такъ свѣтель ѡверѣтаетса и знаменитъ, и всѣкѣа радости испѡлнь, кольми паче душа црѣ царей внигда ѡчїстїтиса ѣи подѣмшаа по нелѡжномѣ ѡнагѡ ѡбѣщанію. Обаче бла-

как же мне надевать ее? я умыла ноги мои; как мне грязнить их (Пес. пес. 5, 3)?

96. Благословенна душа, любящая Бога, если с дерзновением может взывать к Богу: *Возвести мне, Пастырь добрый, где посеешь овец Твоих? и где даешь отдых в полдень овнам Твоим, чтобы, последуя им, мне не ходить вокруг стад друзей твоих* (Пес. пес. 1, 6)?

97. Деятельная душа, которая стремится удержать слово молитвы и не может, подобно невесте в Песни вопиет: *по ночам я искала на ложе моем того, кого возлюбила душа моя, искала его и не находила его, звала его и он не слышал меня. Встану же через упорную (εὐτακίη) молитву и кругом обойду город: и на рынках, и на площадях [побываю], и буду искать того, кого возлюбила душа моя.* (Пес. пес. 3, 1. 2). Может быть я найду того, кто всегда здесь и вне всего; и насытюсь, когда явится мне слава Твоя (Пс. 16, 15).

98. Когда душа от радости молитвы бывает вся в слезах, тогда она, небоязненно восклицает, как та невеста к жениху: *пусть сойдет брат мой в сад свой и вкушает прекрасные плоды* (акрѡдрѡа) (Песнь 4, 16) утешения, которые созданы трудом моих слез.

99. Когда деятельная душа, наблюдая за величїем красоты созданий (На. Сол. 13, 5), начинает восхищаться Творцом и получать удовольствие от этого, тогда с удивлением восклицает: «Как ты украсился, жених мой, в саду (кѣлѣ) отца (патѣра) твоего? исполненного полевых цветов и кедров, как кедров Ливанских. *В тени его я люблю сидеть и плод его сладок в гортани моей* (Песнь 2, 1-3).

100. Если принявший в дом свой Царя, чрез это самое становится славным и знаменитым, и этою преисполняется радостью более всякой другой радости; то насколько большей должна [преисполняться радостью] душа, по

гоговѣишъ сѣлѡ таковаа севѣ оудержати должна ѣсть. Внѣ оубо помѣщѣши все ѣже не ко оупокоенію онагв мнѣщееса: внѣтръ же вводѣши все егѡ ко онагв оугождѣнію.

рѧ. Ужидѣай звѣнъ быти ѡ царѣ воутрѣе, ѡ чесѡмъ въ попеченіи иномъ видѣнъ бѣдетъ, точїю ѡ побченіи словесъ ко онагв сѣщицъ оугождѣнію. Сїе влудѣши дѣша, не іавитса не оуготѡвленна къ тамошнемъ сѣдїицѣ.

рѢ. Блаженна дѣша, іаже, за іаже днесь прїити чѣсти гдѣ своего, ничтѡже вмѣнѣющаа весь трѣдъ дневній ниже ноцній за ѣже авїе воутрѣе сегѡ чѣсти іавлѣтиса.

рГ. Всѧ оубо видитъ бгѣ, зрѣтъ же бгѣ, зрѣцїи ничтѡже вневдѣ молїтиса. И еліцы оубо зрѣтъ бгѣ, и оуслышаваеми сѣтъ ѡ негѡ, еліцы же не сѣтъ оуслышаваеми, ниже зрѣтъ егѡ, блаженъ же вѣрѡай, іакъ видимъ ѣсть ѡ бгѣ: не подвигнетса во ногѣ егѡ безъ оугождѣнїа онагв.

рД. Внѣтръ насъ сѣцагв царствїа (δὲκ τῆς γῆς, καὶ) влгѣа, иѣже добролюбиво ѡко не видѣ, и слѣхъ честолюбивъ не слыша, и на сѣрдце тцѣ дѣа сѣа не взыдѡша, ѡбрѡченїа сѣтъ имѣщицъ даѣтиса праведникѡмъ влгѣ, въ вѣдѣшемъ царствїи ѡ бгѣ, и иже въ сїхъ не наслаждѣайса, иже сѣтъ плоды дѣа, въ наслажденїи онѣхъ быти не мѡжетъ.

рЕ. Дѣательныхъ помыслы, еленамъ оуподѡбїшаса. Икоже во сїи овогдѣ горѣ сѣтъ на высотѣхъ, ради страха ловцѣвъ: овогдѣ же низѣ во оудѡлїахъ ради желанїа сѣщицъ въ нїхъ: такъ и тїи, ниже всегда въ

очищении своем принявша в себя Царя Царей (см. Апок. 19, 16) по неложному Его обещанию (см. Ин. 14, 23). Однако такая душа должна держать себя с большим почтением (εὐλάβεια), чтобы вытаскивать наружу все то, что не служит к Его принятию, а внутрь принимать все то, что служит к Его угождению.

101. Ожидающий на утро быть позванным от Царя, о чем еще будет заботиться, как не о изучении слов, которые ему (Царю) нравятся? Если душа этому будет следовать, то исполняющая это душа не окажется неподготовленной к будущему суду.

102. Блаженна душа, которая, в ожидании, что ныне придет Господь ее, ни во что совершенно ставит труд целого дня, — а затем и ночи, ожидая, что при наступлении утра, Он тотчас явится ей.

103. Бог видит все; Бога же видят одни те, которые не зрят (θεωροῦν) ничего [иного] во время молитвы. И которые видят таким образом Бога, те и услышаны бывают от Него; которые же не бывают услышаны, те и не видят Его. Блажен, кто верует, что его видит Бог. Ибо не сдвинется его нога с места (θέσθ) (см. Пс. 15, 8) без Его желанія.

104. Блага Царствїа, существующего *внутри нас* (Лк. 17, 21), которых добролюбивый *не видал глаз, и не слышало честолюбивое ухо, и что на сердце*, лишенное Духа Святого, *не приходило* (1 Кор. 2, 9). Они суть залогов благ, которые будут дарованы праведным в будущем Царстве от Бога. Кто не наслаждается здесь этими плодами Духа (см. Гал. 5, 2), тот не может сподобиться наслаждения и теми в будущем (μελλοντα).

105. Помыслы деятельных похожи на оленей. Ибо как эти находятся иногда в горах, из-за страха охотников; а иногда в долинах, из-за желанія к расположенному в них (долинах). Так и эти (деятельные), не всегда могут быть в

видѣнїи дхѡвнѣмъ быти мѡгѡтъ ради нѣмощи ихъ: ниже приснѡ въ естественнѣмъ, занѣже не приснѡ покѡла ихъ. Обаче зрительнїи земныхъ видѣнїи презрители бывають.

рѡ. Капли оубо росы, земли оупоевають бразды: завѣщанїа же душѣвнаа въ молитвѣ, слѣзнаа воздыханїа ѡ сердца издають.

рѡ. Разумѣваемаго въ трѣхъ бжества, никтоже оузритъ въ видѣнїи, вещьественнаа двоицы, и близкїа той едїнїцы превыше не явївыиса, ниже сѣа бѣдетъ вышшїи, не соделавъ свой едїнъ въ познаваемыхъ оумъ.

рн. Не толїкѡ не оудѡбнѡ ѡбращетсѡ пресѣщїи пѣть рѣкїи, дабы не стремїтисѡ долѣ, колїкѡ стремленїе оума оудержати, да въ видимыхъ не разсѣваѣтсѡ, къ гврнїмъ же и срѡднымъ молащемѡсѡ, егда восхѡщетъ, совозвѡдїтсѡ: аще сїе оубѡ и по естествоѣ, тѡже паче естества бываѣтъ.

рѡ. Учищаемїи внѣтрѣ въ видимаа оумъ направляюще, толїкагѡ исполнаются оужаса, и толїкїа радости, їакѡ ничтѡже їно ѡ земныхъ вмѣстїтїи мѡгѡтъ, ниже аще бы и всѡ стекалїса къ нїмъ вожделѣннаа.

рї. Довлѣють тѡчїю реченїи закѡны естества, да чѡдїмсѡ ѡнѣмъ: разсѡждаемїи же вертограда ѡбращѣтсѡ благоцвѣтнїи, їакоже ѡ невѣснагѡ сладкопїтїа чїстыми цвѣты точаще дхѡвнагѡ пированїа сладость.

рїа. Росїстыми оубѡ цвѣты цвѣтнїкѡвъ царїцѡ роа ѡкрѡжаютъ пчѣлы: во оумиленїи же бывающемъ непрестаннѡ души, їакѡ свойственны оумныа сїлы ѡкрѡжающе, вкѡпѣ соделовають желательнаа.

духовном созерцании, по причине своей слабости; и не всегда пребывают в естественном созерцании, потому что [не всегда] желают отдыха. Но помыслы (λογισμοί) созерцательных становятся превыше (υπεροπτικοί) земных (χαμηλά, низких) созерцаний.

106. Капли росы освежают землю. А расположения (διαθέσεις) души в молитве, от сердца изводят слезные вздохи.

107. Никто не достигнет созерцания божества, понимаемого как Троица, и если не преодолет двойственности вещества, став выше ее, и не приблизится к той единице (μονάδα), не соделав свой ум единым в познаваемых (т. е. желая умом единого богопознания из двойственности единением ума зрит Единого в Троице).

108. Не настолько трудно заградить поток реки, чтобы не стремиться вниз, сколько обуздать влечение и рассеивание ума по видимым, но молясь, когда он хочет, обратиться к небесам (ουράνια) и родственному. Если же первое по естеству, то второе — против естества.

109. Очищающие и направляющие ум от видимого внутрь, исполняются таким изумлением и такой радостью, что ничего [больше] не могут вместить из земного, даже если бы их окружило все [теми] желаемое.

110. И только названных законов естества, достаточно, чтобы восхищаться ими. Когда снова разумеются и представляются как цветущий сад, где (который) струится (αναβλύζουιν) сладость духовного праздника (πανδαισίας), как нектар (νέктар) небесный (ουράνιο) из чистых (αγνά) цветов (λουλούδια).

111. В освеженных цветочных лугах, пчелы окружают свою королеву. И душу, бываемую в непрестающем умилении (κατάλυξη, почтении, преданности), как друзья (φίλες) и близкие (οικείες), окружают умные силы, помо-

рѣі. Во видимѣмъ оубо мірѣ, ѿкъ ѿнъ нѣкїй видимъ ѣсть міръ человекъ. Въ разумѣваемѣмъ же помыслъ, небесѣ бо и земли, и сущихъ посредѣ, сїй ѿнѣхъ ѣсть возвѣститель. Оумъ же и чувства, и ѣже ѿнѣмъ исповѣдатель ѣсть помыслъ, ѿже кромѣ, ѿба міра глаха были быша.

р҃гї. Не такъ съ радостїю ѿпущенъ бывъ плѣнникъ временемъ шествуетъ ѿкъ оумъ оусвоенїа свободенъ бывъ къ небеснымъ ѿкъ ко своимъ шествуетъ радующеюся ногою.

р҃дї. Не со вниманїемъ молащесѣ, иноязычникъ оубо псаломъ вмѣнитсѣ, и той псалмъ ѿкъ иноязычникъ, и ѿкъ неистоващесѣ ѿба бѣсомъ.

р҃еї. Не тожде ѣсть, ѿмже міръ распѣтсѣ, и ѿмже міръ: ѿвымъ бо гвоздїа, постъ, и бдѣнїе: ѿвымъ же нестяжанїе, и оуничженїе. Кромѣ же вторыхъ, труды первыхъ бесполезни.

р҃ѕї. Никтоже чїстѣ помолїтисѣ можетъ, добротолубивою страстїю и честолубивою держимъ: сїхъ бо ѿдержанїемъ, и сщетства помыслы оусвоенїе ѿмщце, ѿки оужи ѿнѣмъ сплетяющесѣ бывають, низвлагаще ѿки птиць свѣзани возлетѣти похшающесѣ оумъ во время молитвы.

р҃ѕї. Не возможно во время молитвы мирнъ быти оумомъ, другїню не стажавшемъ воздержанїе и любовь: то бо юже на дшш ѿ тѣла враждъ разорїти приподвїзаетсѣ: сїа же юже на ближнаго гда ради и ѿсюдъ преимщїй всѣкъ оумъ міръ приходѣць ѿвїтель творїти въ такъ оумирившемсѣ ѿвѣщаваетсѣ.

гающие исполнить ее (της) желанїя (επιθυμїες).

112. [Именно] в видимом міре, как другой [некий] мір, видится человек; а в міре мыслимом (νοητό) — помысел (λογισμός). Ибо человек посланец (μηνυτής) небес и земли, и того что между ними; а помыслы — толкователь (εξηγητής, интерпретатор) ума и чувств, и того, что связано с ними. Без которых (без ума и чувств) оба міра были бы глухи.

113. Освободившийся пленник, после долгого плена, идет не с такой радостью; как ум, освободившийся от связи с веществом, шагая с радостью, устремляется к родственному (οικεία, близкому) ему небесному.

114. Для того, кто молится невнимательно, рассеиваясь в молитве, псалом вмѣняется (λογαριαστέї) инородным (βαρβαρικός, варварским), и он чужеземец (варвар) для псалма. И оба будут для демонов — безумны (μανιακοί).

115. Не одно и то же — те, для которых *мір распят* и которые *для міра* (см. Гал. 6, 14). Ибо для одних гвоздями служат пост и бдение, а для других нестяжанїе (ακτημοσύνη, нужда) и униженїе (καταφρόνηση, презрение) [другими]. Без второго, труд первых бесполезен.

116. Никто не может молиться чисто, если одержим красотолубивой и честолубивой страстїю. Потому что одержый ими (αισθητά, видимым) и суетными помыслами, как птица (σπουριτί, воробей) оплетается веревками и тянется вниз, и ум его не способен подняться вверх во время молитвы.

117. Невозможно уму быть мирным в молитве, если наперед не обретет он содружества с воздержанїем и любовью; ибо первое из них подвизается уничтожить вражду тела против души, а второе вражду души к ближнему, Бога ради, от чего приходит наконец *мир, превосходящий всякий ум* (Фил. 4, 7), и творит себе обитель у того, кто так умиротворяется (см. Иоан. 14, 23).

рѣи. Нуждно ѣсть въ цѣтвїе вѣіе подви́зajúщсѧ
внїти (Матф. 11, 12), избы́точествовати во благѣхъ
дѣлꙋ правды егѡ, въ милостынахъ оубѡ ѡ лишѣніѧ по-
да́ніемъ, во трудѣхъ же ѣже ѡ міръ изречѣніемъ ѣже
ѡ гдѣ терпѣніѧ.

рѣі. Нижѣ ѡскѡдѣвай въ добродѣтели за нерадѣніе,
нижѣ избы́точествуй за возношенїе, внѣтрѣ пристѧ-
ница ѣже въ безстрастіи ѡбращѣтсѧ: ни єдинъ бо, ни
дрꙋгїй, ѣже ѡ правды въ наслажденїи бысть благѣхъ,
срѣдственникꙋ ѡбращѣющсѧ въ нїхъ, ѡскѡдѣнію, и
превосхожденїю.

рѣк. Нижѣ землѧ, ѧще не оумно́жено земледѣльцеви
сѣмѧ, даровати ѣмать, богѧта мѡжетъ содѣлати егѡ,
тѡчїю на сѣмѧ подающи, илї и малъ нѣкїй прилѡгъ.
Нижѣ дѣлательными совершѧемое, ѧще не лѣшее пѧче
произволѣніѧ егѡ тѣанїе ко вѣѣ ѡбращѣтсѧ, праведна
содѣлати мѡжетъ.

рѣл. Не всї не любѧщїи ближнѧго ненави́дѣти мѡ-
гꙋтъ, нижѣ не ненави́дѧщїи егѡ любїти. И ѣно оубѡ ѣсть
ѣже завїдѣти ѡнаго предспѣанїю: ѣно же ѣже предпѧ-
тїемъ томꙋ не бывати къ предспѣанїю. Послѣднїѧ же
слѡбы стѣпень ѡбращѣтсѧ, ѣже не тѡкмѡ оугрызѧемꙋ
быти ѡ ѡнагѡ предпочтѣніихъ, но и ѡволговати ѡнагѡ
дѡбраѧ, ѣкѡ не таковѧ сѣща.

рѣв. Ины сꙋтъ тѣлесныѧ страсти, и ины дꙋшевныѧ.
Ины же по естествꙋ, и ины ѣже протївꙋ естества. И
ѣже ѡвы оубѡ ѡрѣвѧѧй, ѡ ѡвѣхъ же прѡмысла не тво-
рѧй, подѡбенъ ѣсть человекꙋ, ѡплѡтъ оубѡ высѡкъ по-
кровѣнъ на свѣри поставляющꙋ, собслаждающсѧ же
птицамъ ѣдꙋщимъ мысленнагѡ вїнограда грѡздїѧ, во-
истиннꙋ свѣтлѧ.

рѣг. Вопервыхъ дꙋшѧ въ мечтѧнїи бывѧетъ слѧгꙋ,
тѧже въ желѧнїи, посѣмъ въ слѧсти, илї въ печѧли, тѧже

118. Тот, кто борется, чтобы войти в Царство Божие
(см. Мф. 11, 12), должен быть обильным в благих делах
правды его, в милостыне чрез подавание *от лишения сво-*
его (Мр. 12, 44; Лк. 21, 4), и трудах ради мира, с терпени-
ем предрешенного (αλόφαση), поданного (παρέχει) Госпо-
дом.

119. Ни бедный в добродетели, по причине нерадения,
ни богатый, по причине высокомерия (οίηση), не достиг-
нут гавани бесстрастия; потому что ни один, ни другой,
не насладились благих дел правды, находясь между не-
достатком и преизбытком.

120. Ни земля не может сделать богатым земледельца,
если не умножит его семя, отдавая только вложенное (по-
саженное) или с небольшим прибавком. Ни совершаемое
деятелем не может сделать его праведным, если не пре-
взойдет лучшее его произвольное устремление к Богу.

121. Не все те, кто не любит ближнего, его ненавидят;
или те, кто его не ненавидят — любят его. И одно [дело]
завидовать процветанию ближнего, а другое становится
препятствием его успеху. А последняя ступень злобы яв-
ляется в том, чтобы не только печалиться (λυπάται) о иму-
ществе (προτερήματα) другого, но и оговаривать его доб-
ро, как не таковое.

122. Иные страсти телесные, и иные душевные. Одни
свойственные естеству, а другие противоестественны.
Тот, кто отталкивает телесные и естественные страсти, а
о других не заботится — подобен человеку, строящему
высокий и плотный забор от зверей, но радующемуся то-
му, что птицы поедают гроздья словесного (λογικῆ) ви-
нограда (поистине славного), не скрываемого от них.

123. Сначала душа представляет себе зло, затем желѧ-
ет, потом испытывает удовольствие или сожаление об

сице въ чѣствѣ, и посѣмъ во ѡсмазаніи видимомъ, и неавномъ во всѣхъ, съ послѣдующимъ, помысломъ, кромѣ перваго движенія, емже пріатѣ не бывшѣ, все ѣже по немъ зло недѣйственно ѡбращается.

рѣд. Приближающіиса оубо къ безстрастію, мечта-ніи единѣми колеблеми сѣть, желаніи же, оумѣреннѣ страсіи, въ чѣствѣ же бывають злаго. Слобопотребляющіи оубо потребнаа, но скорбѣщи, во ѡсмазаніи же сопрывающіи съ нимъ безпечальнѣ.

рѣе. Сласть во всѣхъ оубо тѣлесныхъ сѣдалище имать оудесѣхъ, не всѣмъ же такожде стѣжаючи видитса, но ѡвѣмъ оубо наипаче въ желательной части души, ѡвѣмъ же въ яростной, инѣмъ же въ словеснѣй, чревобѣсіемъ, яростию и лѣкавствомъ, виною всѣхъ скверныхъ страстей.

рѣз. Нѣждно оубо ѣсть чѣства іакъ вратѣ ѡверзати града: нѣждно же не пощѣати во ѡверзеніи нѣждныхъ совходити іазыкомъ, хотѣщимъ браней и рати виннымъ бывающіа.

рѣз. Сласть оубо, мати желанія: ярости же ѡстрожелчѣе, зависти же лѣкавство бываеѣ: не имать же мира съ послѣдними, противѣ начальныхъ не подвижѣиса, ниже въ пристанище оумѣреннострастіа мѡжетъ вхѡдити нѣждею заповѣди дѣлаа.

рѣи. Прилоги ѡражающіи не пощѣаютъ внѣтрѣ словеснаго винограда, іакъ свѣрѣмъ, помыслѡмъ вхѡдити, и сѣцихъ ѣгѡ на вѣдѣ вывати. Сочетавающіиса же оубо, но не сослаждающіиса, прѡстѣ вхѡдити тѣмъ пощѣаютъ. Не касѣтиса же ничесогѡ сѣцихъ ѣгѡ, сладецѣ же оубо сочетавающіиса со страстѣми чрезѣ помыслы, въ сосложеніе же не приходѣщи, оуподѡбшасѣ ѡставльшимъ вѣпри дивіа внѣтрѣ сѣла, и ѡплѡта

этом, потом чувствует, а затем осязает явно или скрыто. Все этапы сопровождают помыслы, за исключением первого шага, если он не будет принят, то все зло, которое после него, обретается бездейственным.

124. Те, кто близок к бесстрастию, колеблются (σαλεύονται) только фантазиями (φαντασίαις), в то время как умеренно страстные — желаниями. В чувстве злого бывают те, кто злоупотребляет вещами (πραγμάτων), но сожалеют об этом. Входят в контакт со злом те, кто не чувствует никакого сожаления.

125. Удовольствие было установлено во всех телесных членах, но не во всех оно одинаково беспокоит. Одного наиболее [беспокоит] в желательной части души, другого в яростной, третьего в разумной, через обжорство (чревоугодие), гнев (οξύθυμία) и лукавство, причины всех скверных страстей.

126. Необходимо открывать чувства, как городские ворота; но также необходимо вместе с нужным не впускать (επιτρέπομε) народы, желающие войны (Пс. 67, 31), и бывающие причиной брани (μάχης).

127. Удовольствие есть мать желания; желчность (οξύθυμία, вспыльчивость) — гнева; лукавство — зависти. Не имеет мира с последними тот, кто не противостоит первым. Не один не может войти в гавань смягчения (μετριασμού) страстей, если делает (εργάζεται) заповеди через понуждение (насилие над собой).

128. Те, кто отражает прилоги помыслов (λογισμών) — не допускают помыслам, как зверям, входить внутрь разумного (словесного) винограда, чтобы причинить ему вред. Те, которые сочетаются со своими помыслами (λογισμούς), но не получают удовольствие от них — просто допускают входить им в виноградник, но [не допускают] ни к чему прикасаться в нем. Те, кто с удовольствием сочетаются со страстями через помыслы, но не достаточно,

внѣти, въ сѣтѣсти же тогò вѣноградныхъ быти грѣздѣи не попѣстѣвшымъ. Таже ѡбрѣтоша тогò сѣлы своєа крѣпльша, въ сосложѣнѣи множицею страстѣи ѡбрѣтѣющеся.

рѣѡ. Не оу̇ достѣже въ простотѣ еще трѣбѣай прилѣжанѣи ѡ плѣтѣ воздержанѣи: совершѣнный бо, глаголетъ, не воздержитса, но еще подвижѣайса. Подѣбенъ же естѣ имѣщемъ вѣноградъ или нѣвѣ, не посреде̇ многихъ инѣихъ вѣноградъ или нѣвѣ, но во оу̇глѣ нѣгдѣ: и сегò ради трѣбѣуемъ многа хранѣнѣи, и трезвѣнѣи. Въ простотѣ бо пришедшагѡ ѡ̇ сегò вѣноградъ неприкосновѣнъ вывѣетъ. Икоже царю̇ или инѣомъ комъ вкѣпѣ начальствѣущѣ страшнѣ, и ѡ̇ единагѡ слѣха, татѣмъ же и приходѣщымъ, оу̇жасѣтиса творѣщымъ начинанѣе.

рѣл. Мнози оу̇бѡ на крѣстѣ злострадѣнѣи восхѣдатъ, мали же и гвѣздѣи егѡ прѣемлютъ: трѣдѡвъ бо и скорбѣи таже по произволѣнѣи послѣшливи мнози, безъ произволѣнѣи же приходѣщихъ, едини мѣрѣ семъ совершѣннѣ оу̇мѣршѣи и покѣю егѡ.

рѣа. Всѣхъ оу̇бѡ кожаныхъ рѣзѣ мнози совлекѣшася, послѣднѣи же таже тѣсслѣвѣи, едини иже матери егѡ самогѣдѣи возгнѣшѣвшѣи.

рѣв. Похвалѣ челоѣкѣ и ѡтрѣдѣ тѣла прѣемлѣи, оу̇бѡ не стерпѣѡмъ же, сѣи послѣднѣи тѣсслѣвѣи рѣзы нагѣ бѣѡвъ, со многими въздыхѣнѣи възыскѣемагѡ жилища нѣнагѡ въ свѣтлѣстѣ ѡсѣдѣ спѣдѣбиса ѡблѣщѣиса.

рѣг. Ино дѣйство, и ино дѣйствованѣе, и сѣе оу̇бѡ грѣхѡ совершѣшагѡса естѣ показѣтельно, то же сладѣ-

чтобы согласиться с ними — уподобляются позволившим дикому кабану войти внутрь ограды (см. Пс. 79, 14) и поля, но не позволяя ему полностью насытиться виноградом. Но они находят его сильнее, если соглашаются со множеством страстей.

129. Кто не достиг еще простоты, тому необходима ограда — воздержание. Не (Δεν) совершенный еще тот, говорит [Писание], кто воздерживается, он еще борется (см. 1 Кор. 9, 25). Он похож на того, кто имеет виноградник или поле не среди других виноградников или пашней, но в уединенном месте, а потому требует многого хранения и трезвения. Ибо виноград пришедшего в простоту для всех бывает неприкосновенен, как будто принадлежит какому-то царю или другому управляющему, внушающему страх вора́м и прохожим от одного слышания [о нем].

130. Многие поднимаются на крест злострадания (κακοπάθειας); но немногие принимают и гвозди его. Ибо многие принимают послушно (υπάκουα) их добровольные (θεληματικούς) труды и скорби (θλίψεις); а из идущих непреднамеренно (αθέλητους), только одни совершенно умершие для мѣра и отдыха (ανάπαυσή) его.

131. Многие сняли [с себя] все *кожаные одежды* (Быт. 3, 21), а последнюю [одежду] — тѣсслѣвѣе, только те, кто возненавидел (σιχάθηκα) мать его — самоугождение.

132. Тот, кто предлагает (προσφέρονται) телесный комфорт и людскую похвалу, но сам не принимает ее, тот обнажился от последней одежды — тѣсслѣвѣи, со многим стенанием *желая одеться небесным жилищем* (2 Кор. 5, 2), еще здесь (εδώ) удостоивается одеться в тамошнюю светлѣстѣ (λαμπρότητα).

133. Одно действие (ενέργεια), другое дело (ѣруо, работа), второе показывает исполненный грех, а действие

стра́стиа е́динагѡ внѣтърьѡу дѣйстви́емагѡ, но не внѣ: ꙗ́коже ѿ своеѡ оубѡ не прехо́дѡщи земли, да́нь же носѡщи ѡба́че нача́льствѡющимъ то́у желáннѡю.

рл̄д. Вкѡсѡ держа́щсѡ въ сластѣхъ, не возмо́жно ꙗ́кѡ всѣмъ чѡствамъ не спослѣдствовати, ꙗ́ще хлáднѣишихъ ꙗ́ мирна бы́ти мнáтсѡ подчрѣвнаѡ, ꙗ́коже ꙗ́же состарѣвшисѡ, разжжéнѡ не стра́ждѡщихъ ѿ оуба́дэ́нѡ. Но не за ѣже не раждáти цѣломѡдренна неплóды прелюбодѣйстви́ющѡ сѡждéна вѣдетъ. Цѣломѡдрествовати же всáкаго не стра́ждѡщаго внѣтърь, рекли бы́хомъ ни зрѣнѡемъ оу́слажда́ющагосѡ.

рл̄е. Въ пи́ци ꙗ́ зрѣнѡи ꙗ́ глáсѣхъ желáтельное дѡши ѡбличáетсѡ, ꙗ́ковò есть: оу́сладительными же ꙗ́ ꙗ́накѡ сѡщими во вкѡсѣ, ꙗ́ зрѣнѡи, ꙗ́ слѡхѣ, ꙗ́ли ꙗ́кѡ оу́потреблáюще ꙗ́хъ, ꙗ́ли ꙗ́кѡ слѡупотреблáюще, ꙗ́ли срѣдственнѡ ко ѡво́имъ ѡбрѣтáющесѡ.

рл̄з. Въ нѡхъже стра́хъ не предвара́етъ, ꙗ́кѡ ѡвцы, не ꙗ́мѡще пáстырѡ въ смѡщэ́нѡи пóмыслы ѡбра́щѡтсѡ, во благочинѡи же ꙗ́ внѣтърь ѡгрáды сѡщымъ по благозакóнѡю, послѣдѡющѡ ꙗ́ли предидѡщѡ емѡ.

рл̄з. Вѣры сынъ есть стра́хъ, заповѣдей же сѡи́ есть пáжитникъ: ꙗ́ ꙗ́же мáтерь не стáжáвий, ѡвчá ꙗ́вѡтсѡ, ꙗ́же ѡ гдѣ́ пáжити не сподобѡтсѡ.

рл̄и. Ѳви оубѡ нача́ла е́дина ꙗ́мѡтъ дѡбрыхъ, Ѳви же ꙗ́ сѡхъ среды Ѳви же ꙗ́ концы ꙗ́хъ: безъ нѡхъже ꙗ́кѡ во́инъ на́гъ кѡждѡ ѡбра́щѡтсѡ, ꙗ́ли санѡвникъ безъ ѡбрѡкѡвѡ. ꙗ́ сегѡ рáди тѡи оубѡ своѡ тѡкмѡ хрáминѡ, ѡ начина́ющихъ тѣи стѡжáти соблюдáѡ, сѡи́ же не въ чѣсти прилѡчнѣ ѡбрѣтáѡсѡ, сѡ нѡмиже ꙗ́ще собира́етсѡ.

— внутри действующее сладострастие, но не снаружи. Как и те, которые не уезжают со своей земли, но платят угнетателям (δυνάστες) желаемую [ими] дань (налоги).

134. Поскольку вкус держится в удовольствиях, [то] невозможно не следовать за всеми чувствами, даже если холодны и мирны подчревные [желания], как у пожилых, которые не возбуждаются, потому что увяли. Но чистый (στεῖρα, стерильный) в прелюбодеянии, не будет считать себя целомудренным [только] потому, что не рождает плода. Разумно будет говорить, что он целомудр, если не страдает [от этого] внутри и не услаждается (θέλγεται) зрением [этого].

135. Качество (ποιότητα) желательного (επιθυμητικού) [начала] души проверяется (ελέγχεται) в пище, формах и голосах, соблазнительных (θελκτικές) и не заманчивых (θελκτικές), а именно: или просто используя вкус, зрение и слух; или злоупотребляя ими; или находясь в среднем состоянии.

136. У которых страх [Божий] не предшествует, в тех помыслы находятся в смятении, как овцы без пастыря (Мк. 6, 34). Но когда страх предшествует или следует с ними, тогда они в благочинии и внутри ограды.

137. Страх [Божий] есть сын веры; сам же он есть пастырь (βοσκός, пастух) исполнения заповедей. Тот, кто не приобрел матери его (т. е. веры), тот не сподобится стать овцой паствы Господней.

138. Одни имеют только начатки добрых (καλόν), другие середину их, а третьи и окончания их; без них каждый будет обнаружен или как простой (απλός) воин или как чиновник (αξιωματικός) без оплаты (μισθοδοσία). И по этой причине первый (воин) только свой собственный дом охраняет от покушающихся его повредить, а второй не имеет соответствующей чести (τιμή, цены, стоимости), если с кем-нибудь (όποῖους) сталкивается (συναντά).

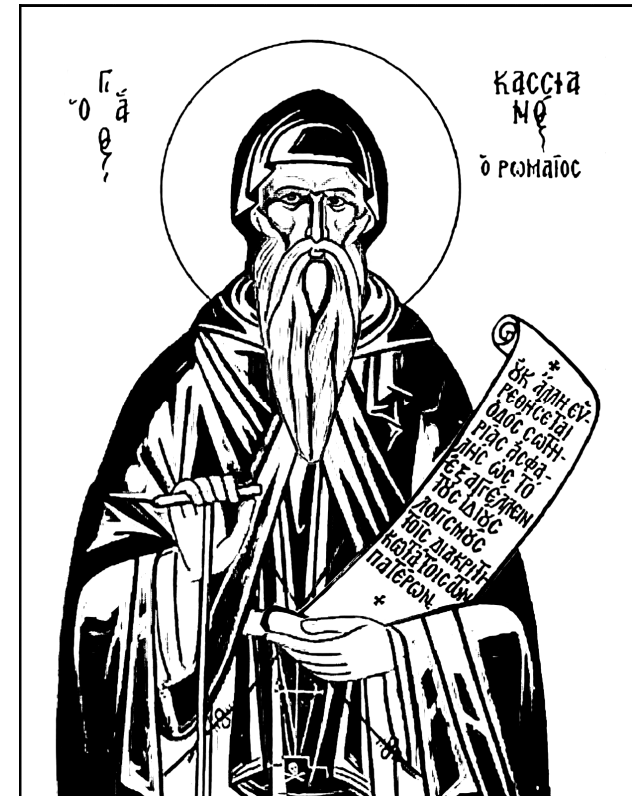
рѣѣ. Подѣщяющїи насъ со сластьми ходїти гортанїю
 несовершенныхъ сѣщїихъ, подобно нѣчто творятъ срѣ-
 зовати побѣждающимъ раны во здравїе оуже пришѣд-
 шымъ, или красты за сладость чесати, или возжигяющаа
 огнѣвицѣ їасти, или разграждати вїноградъ свой, и
 попщяти входїти їакъ вѣпрю дивїю мудрованїю плоти,
 и мысли благїа їакъ грѣздїа пождати, їмже повино-
 ватїса не подобаетъ, ниже безвременными прекланя-
 тїса ласканїи, человекъ же и страстей, оукрѣплати же
 паче оплотъ воздержанїемъ, дондеже престанутъ и
 свѣрїе плотскїа страсти рыкати, и їакъ птицы помыс-
 лы не сходїти губїти вїноградъ, гобзющѣ дѣшѣ ви-
 дѣнїи, їаже во хрїтѣ їисѣ гдѣ нашемъ, їмже слава во
 вѣки, аминь.

139. Те, кто призывают нас следовать за ними к удо-
 вольствиям гортани, в то время как мы несовершенны,
 делают что-то подобное тем, кто призывает нас к рассе-
 чению собственных зажитых ран или для удовольствия
 расчесывать паршу (ζύνομε), или есть то, что вызывает
 лихорадку, или *снимать ограду* с виноградной лозы и по-
 зволять входить *дикому кабану* — мудрованию плоти,
 чтобы он *поел* (Пс. 79, 14) наши благие смыслы (έννοϊες,
 понятия), как виноградные грозди. Не стоит им повино-
 ваться (πειθόμαστε, убеждаться), не преклоняться перед
 беспокойной (ενοχλητικές) лестью (κολακεϊές) людей и
 страстей. Но укреплять ограду воздержанием, пока не пе-
 рестанут плотские страсти, как звери рычать, и помыслы,
 как птицы спускаться и губить виноград — душу, про-
 цветающую созерцаниями о Иисусе Христе, Господе на-
 шем, Которому слава во веки. Аминь.

Кассиан Римлянин

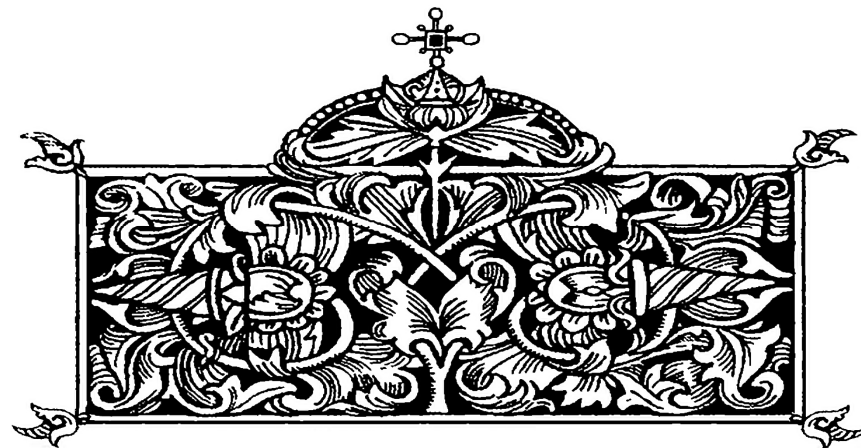

Ѡ преподобномъ кассіанѣ.

Преподобный Ѡтець нашъ кассіанъ римлянинъ живаше въ царство феоодосіа юнѣйшаго, въ лѣто Ѡ хрѣта четыреста тридесать третіе. Ѡ трудолюбиву сочиненныхъ имъ словъ, Ѡ осми помыслѣхъ, и Ѡ разсужденіи здѣ положишася, ѡкв всѣхъ пользѣ и благодѣти источающыя. Поминѣетъ же Ѡ сихъ и премудрѣйшій фѡтій сими словесы глагола: въ чтеніи рѣз, страницѣ сѣе и сѣс. И второе, рече, есть преподобнаго кассіана слово, Ѡ осми помыслѣхъ: на чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль и оубныніе, тщеславіе же и гордыни касѣетса. Полѣзна же, ѡще что ино сѣть словеса сѣа изволающымъ трудолюбивыи воспрѣати подвигъ. И третіе же сѣ сими кѣпну слово прочтенѡ нами. Оубитъ онъ въ томъ, что есть разсужденіе, и ѡкв сѣе болшее есть иныхъ добродѣтелей, и ѡквдѣ раждѣетса, и ѡкв множае свѣше сѣодѣць есть даръ, и прѣча.

Ѡ семъ преподобномъ и цѣковъ, кѣ февруаріа мѣа творѣ памѣть, чести ми же и хвалѣми оублажѣетъ егѡ.

О преподобном Кассиане

Святой отец наш Кассиан Римлянин жил во время правления Феодосия Младшего, в год 433-ий¹ от Рождества Христова. Из слов, трудолюбиво им сочиненных, здесь находятся: «О восьми помыслах» и «О рассуждении», как источающие всякую пользу и благодать. Вспоминает о них и премудрый Фотий, говоря такие слова (в чтении 197, на стр. 265 и 266): «и второе, говорит, слово преподобного Кассиана о восьми помыслах: на чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль и уныние, а также тщеславие и гордыню. Эти слова [о помыслах], как никакие другие полезны для проходящих аскетический подвиг. И третье маленькое (мικρός) слово, прочтенное вместе с ними, учит о том, что такое рассуждение. Говорит о том, что рассуждение величайшая добродетель из всех, из чего рождается, и о том, что оно есть основной (κυρίως) небесный дар и проч.».

Память о преподобном Кассиане Церковь празднует 29 февраля, награждая его почестями и похвалой.

¹ В греческом Добротолюбии: «451-ый»

СѢ́АГѠ КАССІ́АНА РІ́МЛЯНИНА,
Ѡ ѠСМИ СТР́АСТНЫХЪ ПО́МЫСЛѢХЪ.

Предъ симъ Ѡ ѡбразѣ ѡбщежитіи сочинивше слово, паки въ настоѡщемъ на ваши дерзнувше молитвы, предпріѡхомъ написати Ѡ Ѡсми помыслѣхъ грѣхѡ: Ѡ ѡбладѣніи глаголю, ѡ блѡдѣ, Ѡ сребролюбіи, гнѣвѣ, печѡли, оубныни, тщеславіи ѡ гордыни.

Ѡ воздержаніи чре́ва.

Первоначальнѣ Ѡ воздержаніи чре́ва нами речѣтса, противолежѡщемъ чревообладѣнію: Ѡ ѡбразѣ поцѣніѡ ѡ качествѣ ѡ количествѣ брашенъ: ѡ сѡ не Ѡ себѣ речѣмъ, но ѡже пріѡхомъ Ѡ стѣхъ ѡтецъ. Онѡ оубв не ѣдино правило поцѣніѡ, ниже ѣдинъ ѡбразъ пріѡтѡ пици, ни тѣюжде мѣрѡ предаша: за ѣже не всѣмъ тѣюжде имѣти крѣпость, ѡли вѡзраста ради, ѡли нѣмоци ради, ѡли по навикновѣнію ради свѡйства тѣла. Въ ѣдиномъ же всѣмъ тѡ предаша намѣреніи, вѣгати многоѡстѡ, ѡ ѡвращѡтисѡ ѡзлішества брашенъ. Повседнѣвное съ оуб-

Святого Кассиана Римлянина для епископа Кастора, о восьми помыслах злобы (κακίας)

Ранее я составил слово «о правилах общежитий», а теперь, еще более воодушевленный вашими молитвами, попытаюсь написать о восьми помыслах злобы: о чревоугодии, говорю, блуде, о сребролюбии, гневѣ, печали, унынии, тщеславии и гордыни.

О воздержании чрева

Сначала я буду говорить о воздержании чрева, как противоположном чревоугодию: о правиле поста, качестве и количестве пищи; и это я не от себя говорю, но как принятое от святых отцов. Итак, они дали нам не одно правило поста или одну меру еды, потому что не все имеют одинаковую силу, возраст, здоровье или привычку по причине свойства тела. Но они дали нам все для одной цели: чтобы избегать переизбытка и переполнения чрева излишней пищей. Они также нашли, что повседневное умеренное принятие пищи более полезно и способствует

мѣренностію пріятіе пиши полѣзнѣйшее искѹсіша быти, и чистотѣ споспѣшествꙋющее паче, нежели чрезъ три или четыре дни, или до седмицы простирающеся пощениіе. Ибо, рече, безмѣрнѣ простирающійся на пощениіе, выше мѣры потѣмъ частѣ оꙋпотревлѣетъ пищѹ: ἵακω ὡς ἐγὼ, ὁσοῦνὰ οὕτως ὡς ἐγὼ ἐκπερναγὼ ἀνεθένα ἴσμεν ἄγειτ' τὸ σῶμα, ἢ κτ' δὲ πνευματικῶν ἐργασίῳ ἀνεπιτέλετο βλάπτει: ὁσοῦνὰ γὰρ ποσὸν τὸ ἄσπερον ὡς ἀπαιτούμενον, οὐκ ἔστιν ἢ ἀσθενεῖ τὸ σῶμα. ἢ παρὸν: не всѣмъ прилично быти искѹсіша оꙋпотревлѣніе сѣлїи и овощѣи, ниже всѣмъ мощи оꙋпотревлѣти пищѹ сꙋхагѹ хлѣба. И инѡмꙋ оꙋбꙋ рѣша, двѣ литрѣ гадꙋщѹ хлѣба еще алкати: инѡмꙋ же гадꙋщѹ литрꙋ или шесть оꙋнгїи, насыщѣтисѹ. Всѣмъ оꙋбꙋ, ἵαкоже предречеся, единꙋ предѣлꙋ воздержанїа предѣша, еже не прельщѣтисѹ насыщѣніемъ чрева, ниже привлечѣтисѹ сластїю гортани. Ниже бо различїе качества брашенꙋ тѣчїю, но и количество множества онѣхꙋ разжженна стрѣлы блꙋдѹ ὡβѣче возжигати. Иковѣлико когда пиши наполнѣмо чрево, блꙋдное сѣма раждѣетъ. И паки, не тѣчїю пїанство вїна мѣсль оꙋпоевати ὡβѣче, но и сытость воды, и всѣхꙋхꙋ брашенꙋ извѣтокꙋ ὡς ἀπαιτούμενον ἢ ἀρῶν τὸ σῶμα ἐκπέφραται. Ἐπιπορευόμενον γὰρ ἢ ἄλλοις βρασίοις πῆλινον ἀποστρέφει τὸ σῶμα, ἢ ἄλλοις τὸ σῶμα ἐκπέφραται, ἢ ἄλλοις τὸ σῶμα ἐκπέφραται, по прорѡкѹ (Ἰεζек. 51, 10).

Немощь тѣлеснаѹ чистотѣ сѣрдца не сопротивлѣетсѹ, егда подаемꙋ тѣлꙋ, ἵαже немощь трѣбꙋетъ, а не ἵаже сласть хѡщетъ. Брашенꙋ оꙋпотревлѣніе, елику послꙋжити кꙋ житїю прїемлетсѹ, а не елику работати стремлѣніемꙋ пѡхоти. Оꙋмѣренное и сꙋ разумомꙋ пиши прїятїе здравїа причѣстно бѣваетъ тѣлеснагѹ, а не свѣтїню ὡемлетъ. Предѣлꙋ воздержанїа, и правило преданно ὡ отѣцꙋ извѣстно естѣ сїе: вкꙋшающемꙋ каковꙋлико

чистоте, чем пост на протяжении трех, четырех, или даже семи дней. Ибо, говорят они, кто постится слишком долго, тот потом и ест слишком много пищи. И потому: иногда от чрезмерного поста ослабевает тело и становится неспособным к духовному служению; а в другие времена, отягощенное массой съеденного, делает душу унылой и вялой. И еще они опытно узнали, что не всем уместно употребление зелени и овощей, и что не каждый может употреблять в пищу сухой хлеб. Один человек, говорили они, может съесть две литры (λίτρας) (около 680 гр.) хлеба и по-прежнему быть голодным, в то время как другой может съесть одну литру (около 340 гр.), или только шесть унций (около 180 гр.), и насытиться. Как я уже говорил, отцы дали всем один основной принцип воздержания: *не прельщаться насыщением чрева* (Притч. 24, 15), и не привлекаться наслаждением гортани. Ибо не только разнообразие пищи разжигает множественные стрелы блуда, но и ее количество. Какой-нибудь вид пищи, заполняющий чрево, порождает блудное семя. Это касается питья не только большого количества вина, опьяняющего наш ум, но и чрезмерного употребления воды, и любой другой пищи, делающей его сонным и отяжеленным (ζαλίξει, оглушенным). Содомляне были уничтожены не потому, что употребляли слишком много вина и других продуктов, но из-за переизбытка хлеба, как говорит Пророк (см. Иез. 16, 49).

Телесные болезни не являются препятствием к чистоте сердца, при условии, что мы даем телу то, что требует болезнь, а не то, что требует наше желание удовольствия. Пищи принимается столько, сколько требуется для поддержания жизни; а не столько, сколько необходимо для порабощения нашим стремлениям похоти. Умеренное и разумное принятие пищи способствует здоровью тела, без лишения его святости. Точное правило воздержания, за-

пищѣ, ещѣ желанію въ нѣмъ сщщѣ, ѿ тоѣ воздержатисѣ, и не ѡжидати насыщеніѣ. И апостолъ рекшій, плоти оугодѣи не творити въ похоти (Рим. гл. ді), не нужное жизни ѡкормленіе возбрані, но сластолюбное прилѣжаніе ѿрече.

Притомъ же къ чистотѣ совершеннѣй души, единое воздержаніе браненъ не сильно, аще не и прочыя добродѣтели соединятсѣ. Тѣмже смиреніе съ послушаніемъ и тѣла оудроченіемъ многу намъ пособствують. Воздержаніе ѿ сребролюбїа, не точію, еже не имѣти сребра, но и не вожделѣти стяжати оное, къ чистотѣ души протеводствуетъ. Гнѣва оудаленіе, печали, тщеславіѣ, гордыни, всѣ сіѣ главнѣю души чистотѣ содѣловають. Частнѣ же цѣломудрїемъ, сіестъ, чистотѣ души израдну воздержаніе и постъ исправляетъ. Не возможно бо чревомъ насыщенномъ противъ дѣха блуда ратовати въ мысли. Тѣмже первый намъ да бѣдетъ подвигъ, еже ѡвладати чревомъ, и порабоцати тѣло: не точію постомъ, но и бдѣніемъ, и трѣдомъ, и чтеніемъ, и еже собирати сердце въ страхъ геенны, и въ желаніе царствїа небеснаго.

Ѿ страсти блуднѣй и похоти плотскѣй.

Вторый намъ подвигъ есть противъ страсти блуда, и похоти плоти: сіѣ похоть ѿ перваго возраста начинаетъ стѣжати человекѣ. Великій сей подвигъ и лють, и сгубѣ имѣщѣ борѣбѣ. Понѣже инымъ порокамъ въ душѣ точію имѣщымъ брань, сей же сгубѣ есть въ душѣ и тѣлѣ составляемый: и сегѡ ради сгубѣ бореніе воспрїѣти подобаетъ. Ни бѡ доволно есть единое тѣлесное пощеніе къ стяжанію совершеннаго цѣломудрїа и истиннаго чистоты, аще и сердца не бѣдетъ сокращеніе, и

вещанное святыми отцами это, чтобы вкушающий какую-либо пищу перестал есть еще будучи голодным, и не ждал пресыщения. И Апостол говорит: *попечения о плоти не простирайте до похотей* (Рим. 13, 14), он не запрещает нам предоставлять необходимое для жизни, но запрещает сладострастную заботу (φροντίδα).

Кроме того, одного воздержания от пищи не достаточно для совершенной (τέλεια) чистоты души, если отсутствуют другие добродетели. Смирение, например, с послушанием и утруждением тела, во многом нам способствуют. Воздержание от сребролюбия не только в том, чтобы не иметь серебра, но и не желать обрести оное: это приводит нас к чистоте души. Свобода от гнева, печали, тщеславия, гордыни также вносит свой вклад в чистоту души вцелом; в то время как благоразумные (σωφροσύνης) пост и воздержание приводят к частному (определенному) целомудрию души. Ни один насыщенный чревом не может мысленно бороться против духа блуда. Поэтому необходимо, чтобы нашим первым подвигом стало сдерживание чрева и подчинение тела, и не только постом, но и бдением, и трудом, и чтением, и чтобы собирать сердце страхом геенны и желанием Царствия Небесного.

О блудной страсти и похоти плотской

Вторая наша борьба против страсти блуда и желания плоти, это желание, начинает беспокоить человека со времен его ранней юности. [И] эта суровая битва должна вестись двояко, ибо она происходит не только в душе, как в случае с другими пороками, но в душе и теле. Поэтому мы должны бороться на два фронта. Ибо не достаточно только телесного поста для приобретения совершенного целомудрия и истинной чистоты; если не будет сокрушения сердца, и непрестанной молитвы к Богу, и частого

моли́тва къ бгѣ непреста́ннаѧ, и́ частое писа́нїи побѣ́-
 нїе, и́ трѣдѣ, и́ рѣкодѣ́лїе: ꙗ́же мо́гутъ непосто́ннаѧ
 дѣши́ стремле́нїѧ оудѣ́рживати, и́ ѿ скверныхъ мечтáнїи
 возвра́щати ю́. Прѣ́жде же всѣ́хъ споспѣ́шествуетъ
 смире́нїе дѣши́, е́гѡже кромѣ́, ни блѣдѣ, ни ѿно́ что́ воз-
 мо́жетъ кто́ побѣ́дити. Предварíteльнѣ́ оубо́ подобá-
 етъ всáкимъ хране́нїемъ блюсти́ се́рдце ѿ скверныхъ
 помысла́въ: ѿ сегѡ́ бо происхо́дѧтъ, по гдню́ сло́вѣ,
 помышле́нїѧ зла́ѧ, оуби́йства, прелюбоде́ѧнїѧ, любо-
 де́ѧнїѧ (Матѣ. ѳі, ѳі), и́ прѡ́чаѧ. И́бо и́ поце́нїе, не
 то́чию къ оудрѣ́ченїю тѣ́ла на́мъ оузакóнено́ е́сть, но и́ къ
 трезвѣ́нїю оума́, да не мно́жествомъ бра́шенъ помра-
 чивса́ и́знемóжетъ къ наблюде́нїю помысла́въ. Подобá-
 етъ оубо́ не то́чию въ тѣ́лесномъ поце́нїи всáко тѣ́ѧнїе
 ꙗ́влѧти, но и́ во внимáнїи помысла́въ, и́ въ дѣ́ловномъ
 побѣ́нїи: ѿ́же кромѣ́ не возмо́жно къ высотѣ́ и́стин-
 на́гѡ цѣ́ломѡдрѣ́ѧ и́ чистоты́ взы́ти. Прили́чествуетъ
 оубо́ на́мъ ѡчища́ти пе́рвѣе, по гдню́ сло́вѣ, внѣ́треннее
 сткла́нницы и́ блю́да, да вѣ́детъ и́ внѣ́шнее чи́сто
 (Матѣ. кѣ, кѣ).

Сегѡ́ же ра́ди ꙗ́ще е́сть въ на́съ тѣ́ѧнїе по а́плѣ, за-
 ко́ннѡ подви́зѧтисѧ и́ оубѣ́нчѧтисѧ побѣ́дившимъ не-
 чи́стаго вѣ́са блѣ́днаго, не ѡ́ на́шей силѣ́ и́ по́дви́зѣ
 дерза́нмъ, но ѡ́ по́моци вл́ки на́шегѡ бгѣ́: не преста́етъ
 бо челове́къ ра́тѡемъ бы́ти ѿ дѣ́ха сегѡ́, до́ндеже вои́с-
 тиннѣ́ вѣ́ровати вѣ́детъ, ꙗ́кѡ не своимъ тѣ́ѧнїемъ, ни
 своимъ трѣ́домъ, но бж́имъ покрóвомъ и́ по́моцию и́з-
 бавлѧ́етсѧ сегѡ́ недѣ́га, и́ на высотѣ́ чистоты́ восхо́-
 дитъ: и́ па́че е́стества́ е́сть ве́щь, и́ нѣ́кїимъ ѡ́бразомъ
 внѣ́ тѣ́ла бывáетъ, и́же разже́нїѧ плóти и́ сла́сти то́ѧ
 попра́вий.

размышления над священными писаниями, и труда, и ру-
 коделия, которые могут сдерживать беспорядочные стре-
 мления (орμές) души, и отвращать ее от скверных фанта-
 зий. Прежде всего помогает [этому] смирение души, кро-
 ме него никто не может победить ни блуд, ни какую иную
 страсть (πάθος). Итак, в первую очередь необходимо *со*
всею заботливостью хранить сердце (Притч. 4, 23) от
 скверных помыслов, ибо, по словам Господа, *из сердца*
исходят помышления злые, убийства, прелюбодеяния,
любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления (Мф. 15,
 19). Ибо и пост узаконен нам не только для умерщвления
 (κακοπάθεια, злострадания) тела, но и для хранения ума
 бдительным, чтобы он не помрачился от множества пи-
 щы, и не стал неспособным к наблюдению за помыслами.
 Поэтому мы не должны тратить все наши усилия на те-
 лесный пост, но должны и обращать внимание на наши
 помысли и духовные размышления, помимо них невоз-
 можно взойти на высоту истинной чистоты и целомудрия.
 Как наш Господь сказал, необходимо *прежде очистить*
внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внеш-
ность их (Мф. 23, 26).

Поэтому, если есть в нас старание (φροντίδα, забота),
 по Апостолу, подвизаться законно и увенчаться (см. 2
 Тим. 2, 5) победой над нечистым духом блуда, [то] мы не
 должны уповать на свои собственные силы и подвиг, но
 на помощь Владыки нашего и Бога. Потому что не пере-
 стает нападать на человека этот дух, пока он искренне не
 поверит в то, что не своими собственными усилиями, но
 Божьей защитой и помощью освобождается от этой бо-
 лезни и достигает высоты чистоты. И это превосходит ес-
 тество, [но] кто подчинил раздражение плоти и удоволь-
 ствие, каким-то [необъяснимым] образом выходит за пре-
 делы тела.

И сегò ради, не възможно єсть челоувѣкѹ (да такъ рекѹ) своимъ крыломъ къ высокои сей, и небесной почести стѣни возлетѣти, и подражателю аггѣлъ быти, аще не благодать вѣжѣа, сегò ѿ земли и вѣага возведѣтъ. Ни єдиноу во иноу добродѣтелю ѿбложенныя плотию челоувѣцы дѣхѹвнымъ паче подобатса аггѣломъ, ꙗкоже цѣломѹдремъ. Сею во єще на земли сѹще и пребывающе, имѹтъ по апостолѹ житїе на небсѣхъ (Філіп. ̄, ̄).

Знаменїе же, єже добродѣтель сїю совершєннѹ стѣжати намъ, єсть, єгда ни єдиномѹ ѿбразѹ сквернагѹ мечтанїа во снѣхъ дѣша внимаетъ. Аще бо и не вмѣнаетса въ грѣхъ таковоє движєнїе, ѿбаче знаменїе єсть, ꙗкѹ недѹгѣетъ дѣша, и страсти не избависа. И сегò ради случаютса намъ во снѣхъ сквернаа мечтанїа, ѿбличєнїе быти предварившагѹ оҹнїнїа, и сѹщїа въ насъ немоци, вѣровати должни єсмы: сокровєнный въ тайностѣхъ дѣши недѹгъ ꙗвлєнъ творѣщѹ, случаютса въ сонномъ видѣнїи скверномѹ искѹшенїю. Темже и врачъ дѣшъ нашихъ, въ тайныхъ дѣши цѣльвѹ положи, идѣже и винѹ недѹга вѣдѣше быти, глагола: ꙗкѹ всѣкъ, иже воззрїтъ на женѹ, ко єже вожделѣти єа, оҹже любовдѣйствова съ нею въ сѣрдцѣ своемъ (Матф. ̄, ̄): не толикѹ любопытнымъ, и блѹднымъ ѿчи исправлѣа, єликѹ внѹтрѹ водрѹженнѹ дѣшѹ, ꙗже данымъ на вѣаго ѿ вѣа ѿчи, слѣ оҹпотребї. Сегò ради и премѹдраа прїтча не глаголетъ: всѣцѣмъ храненїемъ блюди твои ѿчи, но всѣцѣмъ храненїемъ блюди сѣрдце (Притч. ̄, ̄): ѿномѹ наипаче налѹжиши врачевствѹ храненїа, во єже хѹцетъ ѿчеса оҹпотреблѹюцемѹ.

Таким образом, не может человек (так скажу) на своих крыльях подняться к этой высокой и небесной награде (βραβεΐο) святости (αγιουσύνης), и стать подражателем Ангелов, если благодать Божия не вознесет его от земли и грязи (λάσπη). Потому что никакой другой добродетелью люди в теле более не уподобляются ангелам, как силой своего благоразумия (σωφροσύνης), ибо с этой добродетелью, еще будучи на земле, они, по Апостолу, обретают *жительство на небесах* (Филип. 3, 20).

А знаком, что мы полностью приобрели эти добродетели, является то, что наша душа не принимает ни одного образа скверной фантазии во время сна. Даже если движение (κίνηση) подобных образов и не вменяется во грех, ибо это признак того, что душа [еще] больна и не освободилась от плотской (σαρκικό) страсти. И по причине входящих к нам во время сна скверных фантазий, как доказательства ранее и теперь существующих в нас уныния и немощи, мы должны верить, что скрытый в тайниках нашей души недуг становится очевидным, и который случается в сновидении во время скверного искушения. Вот почему Врач наших душ положил в тайниках наших душ лекарство, ведая что там же находятся и причины болезни, и говоря так: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Он стремится не только к исправлению любопытных и блудных наших глаз, но и к исправлению пребывающей внутри нас души, которая неправильно употребляет глаза, на благо данные ей Богом. Об этом и мудрая Притча не говорит: «со всяким усердием храни свои глаза», но: *со всею заботливостью храни сердце* (Притч. 4, 23), то есть положил ему в первую очередь врачевание хранением сердца, которое лечит глаза от того, что он желает.

Тѣмже сїе да вѣдетъ сердца нашегѡ предѡхраненїе: да егда въ нашей мысли пѡмать вѣдетъ жены, дїавольскимъ сладѣйствомъ произрастшаа, аще случитса мѡтере, или сестры, или ииѣхъ нѣкїихъ женъ благоговѣйныхъ, скорѡ сїю изгонимъ ѿ сердца: да не на многѣ пребывающимъ намъ въ сїей пѡматї, слыхъ прелестникъ ѿ сїихъ лицъ низведетъ и низринетъ мысль въ сквернаа и вреднаа помышленїа. Икоже и ѿ бга къ первоузданномѹ даннаа заповѣдь повелѣваетъ блюсти главу смїевѹ (Быт. 3, 15): сїестъ вредныхъ помысловъ начала, ииже ползти въ души нашаа покѹшаетса: да не главы прїатїемъ, иже есть прилогъ помысла, прочее тѣло смїа, сїестъ, сласти сосложенїе прїимемъ. И ѿ сего абе на беззаконное дѣанїе низведетъ мысль. Но приличествуетъ по писанномѹ, во оутрїа избивати вса грѣшнаяа земли (Псал. 101, 5). сїрѣчь свѣтомъ разума разсѹждати и потреблати грѣхѡвныа помыслы ѿ земли, иже есть сердце наше, по оученїю гдню: и доколѣ еще младенцы сѹтъ сыны вавїлонскїи, слыи, глаголю, помыслы, сїихъ разбивати и сокращати ѡ камень, иже есть хртѡсъ (Псал. 136, 9). аще во нашихъ сосложенїемъ возмѹжаютъ, не безъ великаа въздыханїа и тѡда повѣдени быти мѡгутъ.

Къ реченнымъ же ѡ бжественнагѡ писанїа, доброесть и словеса стїихъ ѡтець воспоманѹти. Речено бысть оубо стїимъ васїлемъ, епископомъ кесарїи каппадокїйскїа: и жены не знаю, и дѣвственникъ нѣсмь. Толикѡ вѣдаше, иакѡ не въ тѣлеснѣмъ тѡчїю воздержанїи ѿ жены, даръ дѣвства исправлѣетса, еликѡ въ душевнѣй свѣтѡсти и чистотѣ, иже страхомъ бжїимъ исправлѣтиса ѡбыче. Глаголютъ же и сїе ѡтцы: иакѡ не возмѡжно намъ добродѣтель чистоты совершеннѡ стѹжа-

Это же пусть будет для нашего сердца предосторожностью и охранением (προφύλαξη), когда придет на память мысль о женщине, возникшая от дьявольского злодействия, или память о матери, или сестре, или иных каких благочестивых женщинах, то сразу изгоним из нашего сердца, чтобы не стать нам долго пребывающим в этой памяти, и дьявол, прелестник злого, не бросил нас в пропасть вредных и скверных помышлений. Как и заповедь Бога, данная первому человеку, повелевает *следить за головой* змея (Быт. 3, 15), т. е. за началами вредных помыслов, с помощью которых он пытается проникнуть в души наши. Да не примем его голову, которая является прилогом помысла, чтобы не принять все остальное тело змея, которое есть сосложение с удовольствием, отправляющее нашу мысль (διάνοια, разум) к противоправным действиям. Но по Писанию долженствует нам *по утру избивать всех грешников земли* (Пс. 100, 8), то есть светом познания (γνώσεως) различать и истреблять (εξολοθρευόμε) греховные помыслы от земли, которая есть наше сердце, по учению Господа. И пока младенцы еще сыны Вавилона, говорю, помыслы, их необходимо *разбивать о камень* (Пс. 136, 9), который есть Христос. Если же по нашему сосложению злые помыслы возмужают, то без великого въздыхания (στεναγμό) и усилия не могут быть побеждены.

К сказанному от божественного Писания хорошо вспомнить и слова святых отцов. Например, св. Василий, епископ Кессарии Каппадокийской, говорил: «я не знал женщины, и я не девственник». Он знал, что дар девственности достигается не столько воздержанием от женщины, сколько душевной святостью и чистотой, которая достигается страхом Божиим. Отцы также говорят: мы не можем полностью приобрести добродетель чистоты, если предварительно не приобретем истинное смирение серд-

ти, аще не первѣе истинное смиренномудрїе въ сердцѣ нашемъ стѣжемъ: ни разума истиннаго сподобитиса, доколѣ въ тайныхъ души страсть блвднаа присѣдитъ. Но, да ѿже сътъ, исправленїа целомудрїа, и ѿ апостола покажемъ, единое егѡ воспоминавше реченїе, ѡкончимъ слово: миръ имѣйте и стѣнию со всѣми, иже кромѣ никтоже оузритъ гда (Евр. вѣ, дѣ). Икоже бо ѡ семъ глаголетъ ѿвѣ, ѡ иже приложи рекїи: да никтоже блвдодѣи, или сквернителъ, ѿкоже исамъ (Евр. вѣ, зѣ). Елику оубв небесное и аггльское есть исправленїе стѣни, толикв тѣжшими сопротивникввъ навѣты ратвемо есть. И сегѡ ради тцѣатиса должны есмь, не точїю воздержанїю тѣлесномѡ ѡбвчатиса, но и сокрвшенїю сердца, и частымъ молитвамъ со въздыханїи: ѿкв да печь наша плѡти, юже вавлѡнскїй царь похотными разженїи возжигаетъ на всѣкъ день, росюо пришествїа стѣагв дѡха оугасимъ.

Къ симъ велико намъ оружіе брани есть, есть по вѣвдѣнїе. Икоже бо сохраненїе дня ноцнью оустраетъ свѣтыню: сице и ноцное по вѣвдѣнїе, дневнью души предѡготовляетъ чистотѡ.

Ѡ сребролюбїи.

Третїй нашъ подвигъ, противѡ дѡха сребролюбїа. Странна сїа брань, и извнѣ естества познаваема, ѡ невѣрїа винѡ во иноцѣ ѡбрѣтаюци. Ибо иныхъ страстей, ѿрости, глаголю, и вожделѣнїа, раздраженїе ѡ тѣла мнитсѡ имѣти вини, и нѣкїимъ ѡбразомъ, ѿкв врожденныє, ѡ рожденїа имѡще начало: тѣмже и многимъ временемъ повѣждаютсѡ: сребролюбїа же недѡгъ извнѣ приходѡщъ, оудѡвѣе ѡсѣцѣатиса можетъ, аще при-

ца; не можем удостоится и истинного божественного (θεїα) познания (γνώση), пока страсть блуда скрывается в тайниках нашей души. Но вспомним высказывание Апостола о том, как велико достижение целомудрия, и на этом окончим слово: *мир имейте со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Что это говорится о нашей теме (θεμα) можно увидеть из сказанного ниже: *не было у вас какого блудника, или нечестивца, как Исав* (Евр. 12, 16). Итак, насколько больше небесное и ангельское достижение святости, настолько тяжелее заговоры (συνωμοσίαι) и хитрости (δόλους) от нападающих врагов демонов (δαίμονες). И по причине этого мы должны обучаться не только телесному воздержанию, но и сокращению сердца, и частым молитвам с въздыханиями (στεναγμούς), и как печь в нашей плоти, которую Вавилонский царь ежедневно разжигает похотными раздражениями желанїа (επιθυμίας), угасить росюо пришествїа Святого Духа (см. Дан. 3, 19).

Великим оружием в этой брани, наряду с этим, является бдение по Богу. Ибо как внимание (προσοχή) и охранение (προφύλαξη) в течении дня подготавливают к ночной святости; так и ночное бдение по Богу подготавливает душу к дневной чистоте.

О сребролюбии

Наша третья борьба против духа сребролюбия. Удивительна эта брань, и познается она вне человеческого естества; причина же ее — обнаруживаемое неверие в монахах. Ибо иные страсти, гнев, говорю, вожделение и раздражение, от тела имеют свои причины, и неким образом, как врожденные, начало берут с самого рождения. Вот почему эти страсти и побеждаются в течении долгого времени; а недуг сребролюбия приходит извне, поэтому и

лѣжаніе полѹчитъ и вниманіе. Вознерадѣнъ же бѣвъ, пагубнѣйшій иныхъ страстей, и недовоимѣтенъ вываѣтъ. Корень бо всѣмъ слымъ сребролюбіе єсть (1 Тим. 5, 1), по апостолѹ.

Смотримъ же сице: тѣлесѣ естественнаа движѣніа, не точію въ дѣтахъ зраѣса, въ нихже не оу размѣніе добра же и зла єсть, но и въ малѣйшихъ и млекопитаемыхъ младенцахъ, иже ниже слѣда сласти въ себѣ имѹще естественное обаче во плоти ѡзначаютъ движѣніе. Подобно и іарости острота во младенцѣхъ видима єсть, егда сопротивоащица ихъ ко ѡскорбившимъ зримъ. И сїа глаголю не естество порицаа, іакъ грѣхъ виновно, да не бѹдетъ. Но да покажѹ, іакъ іарость и желаніе, аще и на благо ѡ содѣтеля врождены человекѹ, но обаче мнитса, іакъ ѡ естественныхъ нѣкакъ въ сопротивоестественнаа ѡпадаютъ небреженіемъ. Ибо тѣлесное движѣніе, къ чадородію, и потомственномѹ роду превыванію, не къ блѹдѹ ѡ содѣтеля дадѣса: и іарости же движѣніе, спасительнѣ намъ всѣаса іаритиса на слобѹ, а не на єдиноплемѣннаго свирѣпствовати. Не оубо, аще и слѣ сїа оупотреблаемъ, грѣшно єсть естество, или содѣтеля ѡбвинимъ: іакоже ни давшаго ножъ къ нѹжданой и полѣзной потребѣ, аще прѣмый и къ содѣланію оубійства той оупотреви.

Сїа же рѣхомъ показати хотѣще, іакъ сребролюбїа страсть, не ѡ естества винѹ имать, но ѡ єдинагоу слаго и растлѣннагоу произволѣніа. Сѣй бо недѹгъ, егда хладнѹ и неврнѹ въ началѣ иночества ѡбращетъ дѹшѹ, праведнымъ нѣкіа и по видимомѹ благословнымъ нѣкіа вини ѡной подмѣцетъ, ко єже оудержати чтолибо ѡ нихже стажа.

удобнее может быть побежден, если прилагать усилия с усердием и вниманием. Но если пренебречь, то оно становится разрушительнее другихъ страстей, и тяжело побеждается. *Ибо корень всехъ золъ єсть сребролюбіе* (1 Тим. 6, 10), по Апостолу.

Давайте поразмыслимъ следующимъ образомъ: естественные движения тела есть не только у детей, в которыхъ различіе (крїстї, осмысленіе) добра и зла еще (акѡма) не существует, но и в малышахъ, пьющихъ молоко, которые не имеютъ ни следа удовольствїа, но знакъ, что движение плоти происходит [и] в ихъ естестве. Также наблюдается у малышей и жало гнева, когда зрим (влѣломе) ихъ пробуждающими гневъ противъ оскорбившихъ. И это я говорю не для того, чтобы обвинять естество, какъ причину грѣха, да не будетъ! Но чтобы показать, что гневъ и желаніе, хотя и насаждены Творцомъ на благо человеку, но думается, что из-за небрежнаго обращенїа отпадаютъ отъ свойственнаго естеству къ противоестественному. Потому, что движение плоти было дано Творцомъ для рожденїа потомства и продолженїа человеческого рода, а не для блуда; и движение гнева было присвоено намъ для спасенїа, чтобы гневаться на злобу, а не вести себя какъ звери по отношенїю къ нашимъ братьямъ. Итакъ, если мы используемъ гневъ и желаніе (похоть) на зло, то это не человеческое (анθρωπινη) естество грѣховно, не вина Творца, давшего ножъ для необходимаго и полѣзной работы, даже если взявшїй и употребилъ его для убїйства.

Это я сказалъ, чтобы показать, что страсть сребролюбїа вытекаетъ не отъ нашего естества, но только отъ одного злого и извращеннаго использования нашей свободной воли. Ибо эта болезнь (сребролюбіе), когда в началѣ иноческой жизни (подвижничества) находитъ душу холодной (хλιαρή) и неверной, то предлагаетъ намъ различные предлоги (проφάσεις), кажушіеся правильными (δίκαιες) и

Написѹетъ во въ мысли ѿнокъ старости долготѹ, и немощь тѣла, и ѿкъ даемыа потребы ѿ общежитїа не сѹть довольни ко оутѣшенїю, не глаголю, немощствѹющѹ, но и здравомѹ, и ѿкъ здѣ не бываѣтъ попеченїе по достоанїю ѿ недѹгѹющихъ, но и сѣлѹ вознерадѣнно, и ѿкъ, аще не имать сокровенно злато, окааннѣ оумретъ. Послѣдї же подмѣщеть, ни пребывати мощи намнѹзѣ въ монастырѣ тѹготы ради дѣлѹ, и отѣческїа ради строгости. И егда таковыми помышлєньми прельститѹ мысль, ко еже аще и єдинѹ пѣназѹ оудержати: тогда склоняетъ егѹ и рѹкодѣлїю ѿтай аввы научитисѹ, ѿ негѹже возмѹжетъ желаемое себѣ сребро оумножити. Тѣмже и надеждами безвѣстными прельщяетъ окааннаго, предлагаа томѹ ѿ рѹкодѣлїа прївѣрѣтенїе, и ѿ сегѹ ѿслабѹ и безпечалїе, и весь помышлєнїю ѿ прївѣрѣтенїи вдавсѹ, ничесѹже ѿ сопротивныхъ сматрѣетъ: ни гнѣва неїстовство, аще когда случитсѹ емѹ въ оубытокъ впасти: ни помраченїе ѿ печали, аще лишитсѹ надежды прївѣрѣтенїа: но бываѣтъ, ѿкоже ѿнымъ чрево бѣ, такъ семѹ злато. Тѣмже и блаженнїи аплѹ сїе вѣдый, не тѹчїю корень всѣмъ слымъ (а Тїм. 5, 1), но идолослѹженїе тѹ наречѣ.

Зрїмъ оубѹ, въ коль великъ грѣхъ недѹгъ сїей человекѹ влечѣтъ, ѿкъ и во идолослѹженїе (Колос. 3, 5), ввергнѹти егѹ: ѿвратївъ во сребролюбецѹ оумъ свой ѿ любвѣ вжїа, идолы человекѣскїа, извѣанныа златомъ любитъ. Сїими же помыслы ѿнокъ помрачївсѹ, и на горшее простїраа, ни єдино оужѣ послѹшанїе имѣти можетъ: но негодѹетъ, смѹщяетсѹ, и прѹтивѹ коегѹждо дѣла рѹпщетъ, прекослѹвитъ, и неєдиноѹ же прѹчее благоговѣнствѹ въ немъ хранїмъ, ѿкоже конь жесто-

благословными (ευλογοφανείς), чтобы удержать тѹ, что она [от него] приобрела.

Ибо она навеваѣ картину в мысли монаха, что он будет иметь длительную старость и телесные болезни; и она говорит, что предоставляемого монастырем недостаточно ни для больного, ни для здорового; и что здесь (т. е. в общежитии) недостаточная забота о недужных, но и забота эта с большим невниманием (αμέλεια); и что если у него не будет припасено. Последняя мысль, которую она навеваѣ, что он не сможет долго оставаться в монастыре по причине тяжести работы и строгости настоятеля. И когда она такими размышлениями прельстит разум, чтобы получить хотя бы один динар (δηνάριον), тогда уговаривает его тайно научиться рукоделию от настоятеля, от которого (рукоделия) сможет увеличить столь желанное серебро. И затем она обманывает окаанного скрытыми надеждами, предлагая ему прибыль от рукоделия, и от этого отдых и беззаботность (αμερμνησία). И он, весь отдавшись помышлению о прибыли, никакого другого зла не замечает (προσέχει): ни безумие гнева, если когда случится ему впасть в убыток; ни помрачение от печали (λύπη); но как для других бог — чрево (Флп. 3, 19), для него бог — золото. Во почему Апостол, зная это, называет сребролюбие не только корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), но также идолослужением.

Давайте посмотрим на то, в какое великое зло тащит человека эта болезнь, чтобы (ὥστε) ввергнуть его в идолослужение (см. Кол. 3, 5); ибо после того, как сребролюбец отвращает свой ум от любви (αγάπη) к Богу, он любит идолы (εἰδωλα), то есть изображения человеческие на золотых монетах (νομίσματα). Этими помыслами монах помрачается и, переходя к худшему, вовсе уже не может иметь послушания; но возмущается (αγανακτεῖ), считая (νομίζει), что страдает (πάσχει) незаслуженно (ἀδίκῃ), и

чѣйшъ по стремнінамъ нѣситса: ни повседневною пищею довольствася, ꙗвнѡ ѡ себѣ повѣдаеть, ꙗкѡ ѡнѹдъ сегѡ ѡнъ терпѣти не мѡжетъ, и бѣа не тамѡ тѡчїю бѣти глаголетъ, ни своемѹ спасенїю во ѡномъ заключеннѹ мѣстѣ: и ꙗкѡ, ꙗще не оудалїтса ѡ монастырѣ ѡнагѡ, погїбнетъ. И такѡ растлѣнномѹ семѹ мнѣнїю, содѣйственника имѣѡ сохраненны сребренники, ꙗкоже крїлы сїми легѡкъ бѣвѡ, и изшествїю ѡ монастырѣ почѣася: тѣмже горделивѡ и жѣстокѡ протївѹ всѣмъ завѣщанїамъ ѡвѣщаваетъ, и ꙗкѡ странна, и ѡнѣкѹдѹ пришѣдша себѣ вмѣнѣѡ, ꙗще чтолибо оувїдитъ въ монастырѣ исправленїа требѹющее, небрежѣтъ и презираетъ, и порицаетъ всѡ въ монастырѣ бывающаѡ. Тѣже вины взыскѹетъ, ꙗмїже бы прогнѣвалса, илї ѡскорбилса, да не покажетса легкомысленнымъ, егда безъ вины изъ монастырѣ изыдетъ. ꙗще же и иного когѡ возмѡжетъ шептанїи и сѣсловїи прельстївѡ, извести изъ монастырѣ, ниже сїѣ ѡрицаетса сотворїти, хотѣѡ имѣти своеѡ слабости споспѣшника. Сїце же возжїгаемъ огнемъ своихъ пѣназей сребролюбївїи, никогдѣже безмѡлвствовати возмѡжетъ въ монастырѣ, илї подъ правиломъ жителствовати. Егда же сегѡ бѣсѡ, ꙗкоже волкъ, изъ оградѣ восхїтитъ, и ѡлчївѡ стада, готѡва къ снѣденїю поїметъ: тогда дѣла, ꙗже во ѡбщежитїи во оуставленныѡ часы творѡше нерадївѡ, тѡ въ келлїи нѡчь и дѣнь со многїмъ оусердїемъ творїти егѡ оустроѡетъ. И ни молїтвѡ ѡбыкновенїа, ни пощенїи ѡбразѡ, ни бдѣнїи правило хранїти попѣщаетъ: но сребролюбїа неїствовствомъ сегѡ связавѡ, всѡко тцанїѣ ѡрѹкодѣлїи имѣти оувѣщаваетъ.

Недѹга же сегѡ трї сѣтъ ѡбрази, иже равнѡ ѡвергаетъ бжѣственное писанїѣ, и оученїѣ ѡтѣцѡ. Едїнѡ оубѡ, иже оустроѡетъ ѡкалнныѡ инокї, ꙗже въ мїрѣ не

противъ каждаго дела (εργασία) ропшет, спорит, и не имѣя никакого благоговенїа (опасенїа), ведетъ себя какъ свирѣпейшїи (σκληρότατο) конь, несетса к обрывам; и не удовлетворяясь каждодневной пищей, жалуется, что он никогда не смиритса с такими условиями. И говорит, что Бог не только здесь находится, что спасенїе его не заключено только в этом месте; и он заключает, что если он не выйдет отсюда, то погїбнет. И так, растлѣнный этим мнѣнїем, имѣя сребренники в запасе, чувствует (αισθάνεται) себя легким какъ крылья, и этим (αυτά) уходу из монастыря научается. От этого он надменно и грубо отвечает на все приказанїа и, какъ чужестранный и посторонний чувствуя себя в монастыре, если что-либо увидит в монастыре требѹющее исправленїа, — пренебрегает, презирает и винит все, что в нем делается. Потом старательно выискиваетъ предлоги к огорченїю и гнѣву, дабы не казалось, что он по легкомысленности и безъ причины выходит из монастыря. А если кого еще сможетъ прельстїти своими сплетнїями и пустыми (μάταια) словами, чтобы вытащить из монастыря, то он делаетъ это, желая имѣть помощника своей слабости. Таким образом, воспламеняемый огнемъ своихъ денегъ, сребролюбївїи никогда не можетъ безмолвствовать в монастыре, ни жить по установленному правилу. А когда дьяволъ (διάβολος), какъ волкъ его схватит, вытѣщит из оградѣ и, отлучив от стада, получитъ готовымъ къ сѣденїю; тогда дела, которые в общежитїи в установленное было скучно (βαριόταν) совершать, он начинаетъ творить в келлїи дѣнь и нѡчь, с большим усердїем. И [страсть эта] не позволяетъ ему ни совершать обыкновенныѡ молитвы, ни соблюдать посты, ни блюсти правило бденїи; но, связавъ его безумїемъ алчности, убеждаетъ все старанїе прилагать к рукоделию.

Существуетъ трї вида болѣзни, которые в равной степени запрещаютъ божественныѡ Писанїа и ученїа Отцов. Итак, первый побуждаетъ окаянныхъ монаховъ собирать и

имѣахъ, сѣмъ стажати и обратити. Други же, иже рас-
кавѣатиса творитъ имѣни единою ѿрекшихса, побуж-
даа ихъ искати, иже бѣ принесѡша. Третьи же, въ на-
чалѣ невѣрїемъ и хладностїю инока свѣзавъ, не попу-
щаеетъ емѹ совершени ѿрещиса вещь мїра: страхъ
представлаа оубожества, и невѣрїе бжїа промысла: и
престѹпника показѡа своихъ ѡбѣтвѣхъ, иже исповѣда
ѡрицаа мїра. Сїхъ же трѣхъ ѡбразѡвъ примѣры въ
бжественномъ писанїи, иже речеа, ѡсѡбденны ѡбѣ-
тохомъ. Ибо гїезїи (д Цар. ѣ, кѡ), имѣниа, иже первѣе
не имѣ, восхотѣвъ стажати, ѡпадѣ прорѡческїа благо-
дати, юже оучитель въ чинѣ наслѣдїа ѡставити емѹ
хотѡше: и вмѣстѡ благословенїа, вѣчнѡ проказѡ прорѡ-
ческою клѣтвѡю наслѣдства. И иуда восхотѣвъ взѣти
имѣниа, иже первѣе ѡстави хртѹ послѣдѡа, не точию
къ преданїю вѣки поползѡвса (Матѡ. кѡ, ѣї), лика
апѡлскагѡ ѡпадѣ, но и самѹ во плѡти жизнь свою насї-
льственною смѣртїю сконча. Ананїа же и сапфїра (Дѣян.
ѣ, а), сохранише нѣкаа ѡ тѣхъ, иже стажахъ, апѡлскими
оусты смѣртїю наказѹются. Моисей же великїи во вто-
розаконїи таинственнѣ заповѣдаеетъ ѡбѣщавѡущимса
ѡрещиса мїра, и страхомъ невѣрїа паки держащимса
земныхъ вещей: аще кїи, рече, человекъ страшливъ, и
слабъ сердцемъ, да не исхѡдитъ на брань: да идетъ и
возвратитса въ домъ свой, да не когда оустрашитса
сотворитъ сердца братїи своихъ (ѣ Моис. к, и). Есть ли
сегѡ свидѣтельства твердѣйше что, илї иаснѣйше; не
сїми ли оубѡ оучимса ѡрицающїиса мїра, совершениѣ
ѡричатиса, и такѡ на брань исхѡдити, да не полагающе
начало славо и растлѣнно, ѡвращаемъ инѣхъ ѡ еѹлс-
кагѡ совершѣнства, и воазнь имъ влагаемъ; а понѣже
дѡбрѣ речѣнное бжественнымъ писанїемъ, блаженнѣе
ѣсть паче даати нежели прїимати (Дѣян. к, лѣ), слѣ
толкѹютъ, нѣдаще то къ своѣй прѣлести, и къ сребро-

приобретать то, чего они прежде не имели, когда жили в
мїре. Второй побуждает тех, кто покался и отрекся от
мїрских благ, принеся их Богу, снова желать их и возвра-
щать то, что оставили. А третий, связав в начале монаха
неверием и холодностью [души], не допускает ему со-
вершенно отречься от мїрских дел (асχολїе); производит
в нем страх нищеты и недоверие к Божьему промыслу; и
делает (κάνει) преступником своих обетов, которые он
дал при отречении от мїра. Примеры этих трех видов
сребролюбия, как я уже сказал, осуждается в Священном
Писании. Ибо Гїезїи, желая приобрести то, чего и пре-
жде не имел, не только не удостоился получить благодать
прорѡчества, которую должен был иметь от своего учите-
ля по наследственному порядку, но вместо благослове-
ния, по проклятию Елисея поражается проказою (см. 4
Цар 5, 21, 27). И Иуда, желая получить деньги (χρήματα),
которые прежде, следуя Христу, отвергал, не только пре-
дал Господа и потерял чин апостольства, но и жизнь
окончил насильственной смертью (см. Мф 27, 5). Анания
и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владе-
ли, из уст апостольских наказываются смертью (см. Деян
5, 1–10). А Великий Моисей во Второзаконїи таинствен-
но заповедует тем, кто обещает отречься от мїра, и стра-
хом неверия (απιστίας) снова держатся за свои земные
вещи (πράγματα): *кто боязлив и малодушен, тот пусть не
идет на битву, но возвратится в дом свой, дабы он не
сделал робкими сердца братьев его* (Втор. 20, 8). Что оче-
виднее или яснее этого свидетельства? Не этим ли
учимся, что, отрицаясь от мїра, должны полностью
отречься от него, и так идти на войну; дабы не положить
слабое (νοθή) и продажное (διεφθαρμένη) начало, от-
вратив других от Евангельского совершенства и вложив в
[их сердце] страх? Что справедливо говорит Божествен-
ное Писание: *блаженнее давать, нежели принимать* (Де-
ян. 20, 35); толкующие Его неправильно, в порыве

любѣа желанію. мысль реченнагѡ превращающе, и гдѣне оученіе глаголющее: *ѿще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твоє, и даждь нищимъ, и имѣти имаша сокровище на небесѣхъ, и гради въ слѣдъ мене* (Матф. 5, 1, 2): *и сѣдутъ не стажаніа быти блаженнѣйше своимъ владѣти богатствомъ, и ѿ избытка того даати трѣбующимъ.*

Да вѣдѣтъ таковыи, ѿкъ не оуѣтрекѡшасѧ міра, ниже възидѡша на иноческое совершенство, понѣже стыдѣтсѧ ѡ хртѣ со апломъ воспріати нищету, и дѣланіемъ рѣкъ себѣ и трѣбующимъ служити, дѣломъ исполнити иноческій обѣтъ, и со апостоломъ прослѣвитсѧ, расточившимъ прѣжнее богатство, во ѡлчѣ и жаждѣ, въ зимѣ и наготѣ (в Кор. 1, 6, 7), съ павломъ да подвижутся добрымъ подвигомъ.

Ибо ѿще бы имѣли прѣжнее богатство нужднѣйшее къ совершенству раздѣлъ самъ апостолъ, не бы пренебрегъ первый свой санъ: нарочита бо себѣ глаголетъ быти и гражданинъ римлянъ. И во іерусалимѣ, иже продахъ домы свои и села, и полагахъ цѣны онѣхъ при ногѣхъ апостолъ, не бы сѣ творили, ѿще бы сѣдено вѣдѣли ѿ аплъ, блаженнѣйше быти своимъ имѣніи питатисѧ, а не трѣдомъ своимъ, и ѿ ѡзыкъ приношеніемъ. Ииснѣ же ѡвлѣтъ ѡ сихъ реченный апостолъ въ посланіи къ римлянамъ, такъ глагола: *Нынѣ же гради во іерусалимъ послужити стѣимъ, благоволиша бо, и должи имъ сѣть* (Рим. 15, 1, 2 и 3). И самъ такожде оузамъ и темницамъ и стѣженію путешествова частиѣ подверженъ бывъ, и припинаемъ ѿ сегѡ, ѿкъ ѡбыче своимъ рѣкама прѡбрѣтати себѣ потребна, и извѣщаетъ, ѿкъ трѣбованіа сѣа прѣа, ѿ братіи пришедшихъ къ немъ ѿ македоніи, глагола: *скѣдость бо мою исполниша*

(βιάζονται) к обману и желанию сребролюбия, искажают мысль сказанного и учение Господа, говорящего: *если хочешь быть совершенным, продай имение твоє и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесахъ; и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Они рассуждают, что лучше блаженно владеть своим богатством, чем быть бедным (ακτημοσύνη), дабы от избытка его подавать тем, кто нуждается.

Пусть таковые знают, что они еще не отреклись от міра, не достигли монашеского совершенства, потому что стыдятся с Апостолом Павлом принять нищету во Христе, и кормить себя трудом (εργασία) рук, и служить нуждающимся (см. Деян. 20, 34), и делом исполнить монашеский обет, и прославиться с Апостолом. И после этого, раздав прѣжнее богатство, *в гладе и жажде, на стуже и в нагоде* (2 Кор. 11, 27) с Павлом подвизаться добрым подвигомъ (2 Тим. 4, 7).

Ибо если бы сам Апостол понимал, что обладание прѣжним богатством необходимо для [достижения] совершенства, то не пренебрегал бы своим первым статусом Римского гражданина (см. Деян. 22, 25). Также и те, кто в Иерусалиме продали свои дома и поля, и приносили цену проданного и клали у ног Апостолов (см. Деян. 4, 35); они не творили бы это, если бы знали, что Апостолы считают более блаженным кормиться от собственных денег (χρήματα), а не своим трудом, и приношением от язычников. Еще более ясно учит об этом святой Апостол в послании к римлянам, говоря так: *А теперь я иду в Иерусалим, совершить служение святым...* ибо они (Македония и Ахавия) *хотели помочь им, да и обязаны были* (Рим. 15, 25–27). И сам Апостол, поскольку часто подвергался узам, темницам, или утомлению от путешествия, и потому не имел возможности своими руками приобретать себе необходимое, учит, что это он получил от своих

братіа пришѣдше ѿ македонїи (в Кор. аї, ф). И фїлїппїсїемъ пишѧ глаголетъ: вѣсте же и вы фїлїппїсіане, ѡакъ ишѣдшымъ намъ ѿ македонїи, ни єдина цѣрковь ѡбщевасѧ въ слово даанїа и прїятїа, точїю вы єдини. Иакъ и въ солѹнь и єдиноу, и двѣци въ трѣбованїе мое послѣсте ми (Фїлїп. д, єі и ѕї). Да вѣдѣтъ оубо по мнѣнїю сребролюбивыхъ и сїи блаженнѣйшіи апостола, понѣже ѿ своихъ имѣнїй емѹ они подадохъ трѣбванїа. Но никто развѣ въ послѣднее безвмїе пришѣдъ, рецїи дерзнетъ сїе.

Ище оубо хощемъ євѣльскомѹ повелѣнїю, и всей оной ѿ начала на аплѣхъ ѡснованной цѣркви послѣдовати, не нашимъ мнѣнїемъ повинимсѧ, ниже добрѣ реченнаѧ слѣ развѣмїмъ: но ѿвергше хладное и невѣрное мнѣнїе, воспрїимимъ истинѹ євѣліа. Такъ во возмѡжемъ и отѣческимъ стопамъ послѣдовати, и оученїа ѡбщежительнагѹ никогдаже ѡстѹпїти, и сегѹ мїра воистиннѹ ѡрецїисѧ. Благо оубо єсть здѣ и слово стѣгѹ воспоминаѹти. Глаголютъ, стѣгомъ васїлію єпископѹ кесарїи каппадокїйскїа къ нѣкоемѹ сѹгклїтикѹ хладнѣ ѡрѣкшемсѧ мїра, и имѣвшѹ нѣкаѧ ѿ своихъ имѣнїй, глаголѹ такѡвъ рецїи: и сѹгклїтика погубїаѹ, и инокѧ не сотворїаѹ єсї.

Подобаетъ оубо всѧкимъ тцїанїемъ ишѣцѣати ѿ нашеѧ дѹши корень всѣмъ слымъ, иже єсть сребролюбїе, ишѣстнѹ вѣдѹщымъ, ѡакъ пребывающѹ кореню, оубѡвно вѣтви возрастѡютъ. Добродѣтель же нестѣжанїа ишпрѣвїти недѡбно єсть не во ѡбщежитїи пребывающымъ: въ томъ во и ѡ самыхъ нѹжныхъ потребахъ не печемсѧ. ѡсѹжденїе оубо ананїи и сапфіры предъ очїма имѹще, оужаснїмсѧ ѡставлѣти себѣ что когда ѿ прѣжнагѹ имѣнїа: подобнѣ гїезїева оубоавшесѧ наказанїа, иже за сребролюбїе вѣчнѣй проказѣ преданъ, блюдемсѧ не собирѣти себѣ имѣнїй, ѡже ни въ мїрѣ имѣахомъ

братьев, пришедших из Македонии, говоря: *недостаток мой восполнили братия, пришедшие из Македонии* (2 Кор. 11, 9). И к Филиппийцам пишет: *Вы знаете, Филиппийцы, что... когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду.* (Флп. 4, 15–16). Итак, по мнению сребролюбцев, и эти, подавшие необходимое от своего имущества, будут блаженнее Апостола. Но да не будет никто настолько безумен, чтобы осмелиться сказать это.

Итак, если мы хотим последовать Евангельской заповеди и всей этой, от начала Апостолами основанной, Церкви, то не будем полагаться на свое мнение и худо понимать сказанное [отцами]; но отвергнув холодное и неверное мнение, воспримем истину Евангелия. Ибо так сумеем последовать и по отеческим стопам, и не отступим от монастырского постановления, и истинно отречемся от этого мира. Хорошо здесь вспомнить и слово святого Василия, епископа Кесарии Каппадокийской, одному сенатору, который, с холодностью отрекшись от мира, оставив для себя нечто из своих богатств, сказал такие слова: «ты и сенаторство потерял, и монахом не сделался».

Итак, поэтому надо с особой тщательностью отсекаать от души корень всяких зол, который есть сребролюбие, хорошо зная, что, когда остается корень, легко прорастают ветви. Но добродетелью нестяжания это исправить трудно, если пребывать не в монастыре, ибо там у нас нет заботы ни в чем необходимом. Итак, имея перед нашими глазами осуждение Анании и Сапфиры, убоимся что-нибудь удерживать из того, что, отрекаясь от мира, мы обещали совершенно оставить. Устрашимся также примером Гиезия, который за вину сребролюбия подвергся наказанию вечной проказой; остережемся приобретать

Еще же иудини помышляюще оудавленіемъ кончинѣ, оубоимса воспріимати что когда, іаже ѿрицающеся презрѣхомъ. Надъ всѣми же сіими, предъ очами имѣюще присно безвѣстность смѣрти, да не какъ, въ онъ же часъ не чаемъ, прійдетъ гдѣ нашъ, и ѿверщитъ ѿскверненнѣ сребролюбіемъ совѣсть нашѣ, и речетъ намъ, іаже во еѿлїи речѣна быша богатомъ оному: безумне, въ сїю нощь дѣшѣ твою истажѣтъ ѿ тебе, а іаже оуготовалъ еси, кому вѣдѣтъ (Лѣкнѣ вї, к) ;

Ѡ гнѣвѣ.

Четвертый намъ подвигъ противъ дѣха гнѣва. И потреба естъ, да съ вѣгомъ смертоносенъ іадъ сегѡ изъ глубины дѣши нашеѣ иэсѣчемъ. Семѣ бо въ сѣрдцѣ нашѣмъ присѣдаѣщѣ, и очеса сѣрдца нашегѡ темными смѣщеніи ѡслѣпѣющѣ, ни разсѣжденіе полезныхъ стажати мѡжемъ, ни дѣховнагѡ разума ѡверѣсти постиженіе, ни совѣта блага совершенство оудержати, ни жизни истиннаѣ быти причастницы, ни зрѣніѣ вѣественнагѡ и истиннагѡ свѣта пріимателенъ оумъ нашъ вѣдетъ. Сѡмтѣса бо, глаголетъ, ѿ іарости Ѡко мое (Псал. 5, и): но ниже вѣественнаѣ премѣдрости причастницы вѣдемъ, аще и сѣлѡ мѣдри по мнѣнію ѿ всѣхъ почитаемса. Понѣже, писано естъ, іарость въ нѣдрѣ безумныхъ водворѣтса (Екклес. 3, і): но ниже спасительнаѣ разсѣденіѣ и совѣты стажати мѡжемъ, аще и мѣдри ѿ человекъ мнимса: писано бо естъ, гнѣвъ и мѣдрихъ погѣблѣетъ: не ѡкормленіѣ правды трѣзвеннымъ сѣрдцемъ оудержати возмѡжемъ: писано бо естъ, іакъ гнѣвъ мѣжа правды вѣїѣ не содѣловаетъ (Іак. 1, к): но ниже ѿ всѣхъ похвалѣемѡю крѡтость и благообразіе мѡжемъ стажати: писано бо естъ, мѣжъ

имения, которыми и прежде не владели в міре. Наконец, будем помнить смерть Иуды через повешение, остережемся снова приобретать какие-то вещи, о которых мы уже отказались. Но прежде всего этого будем иметь всегда перед глазами память смертную, чтобы в час, который не знаем, Господь наш придя (Мф. 24, 44), не нашел совесть нашу оскверненной сребролюбием, и не сказал нам, как тому богачу во Евангелии: *безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил* (Лк. 12, 20)?

О гневѣ

Четвертый подвигъ предлежит нам против гнева. И необходимо, с помощью Божией, исторгнуть смертоносный яд гнева из глубины души нашей. Ибо если он гнездится в сердце нашем и ослепляет очи сердца нашего мраком смущений, то мы не можем приобрести ни рассудительности полезного [для нас], ни постижения духовного знания (γνώση); не можем исполнить ни совершенства благого намерения (σκέψεως), ни стать участниками истинной жизни, ни сподобиться созерцания божественного и истинного света умом нашим. Ибо говорит Писание: *помутилось от гнева око мое* (Пс. 6, 8); но не можем мы быть участниками божественной премудрости, даже если бы всеми признавались весьма мудрыми, ибо сказано: *гнев пребывает в сердце безумных* (Еккл. 7, 10); ни даже приобрести спасительных рассуждений (σκέψεις) и советов, хотя во мнении людей и кажемся мудрыми, ибо *гнев губит и разумных* (Притч. 15, 1); ни соблюдать законы правды трезвенным сердцем, ибо писано, что *гнев человека не творит правды Божией* (Іак. 1, 20); никаким образом не можем приобрести уважаемой кротости и порядочности (κοσμιότητα), ибо писано: *муж же гневливый*

гърыи не благоверáзень (Притч. 11, кѣ). Хотáи оубо къ совершёнствѣ прити, и желáа дхóвнымъ подвигомъ законнѣ подвизáтиса, всáкагѣ порока, гнѣва же и гáрости чѣждъ да бѣдетъ. И да слышитъ, что томѣ сосѣдъ избранный заповѣдаетъ: *Всáка, глаголетъ, горестъ и гнѣвъ и гáрость, и кличъ и хлá, да възметса ѿ васъ, со всáкою слóвою (Ефес. 4, 1а).* Егда же рече, всáка, ни еди́нъ винъ гáрости, илѣ гáкѣ нѣжднъ, илѣ благослóвнъ намъ ѡстави. Хотáи оубо согрѣшающа брата испрáвити, илѣ запрещёти томѣ подáти, да тщи́тса себѣ не смѣщённа хранити, да не когда ино́го оубрачевáти хотá, себѣ недѣгъ навлечётъ, и речётса емѣ еѵльскѣи ѡный глаголь: *Врачъ исцѣлиса самъ (Лѣкн 1, кѣ).* И пáки: *Что видиши сѣчець, иже во оцѣ брата твоегѣ, бревна же еже ёсть во оцѣ твоёмъ, не чѣши (Матѣ. 3, г).* Ѣ каковы́алибо когда вины движенѣа гнѣва воспалившиса ѡслѣплáетъ ѡчи дхóвныа, и не ѡставляётъ оубидѣти солнце правды, гáкоже положи́вый на ѡчию златѣа листы, илѣ оловáнныа, равнѣ возбранѣ зрительнѣю силѣ, и никакоже дра́гость златáго листа различѣ сотвори: *си́це ѿ кое́алибо когда вины благослóвныа сѣрѣчь, илѣ не благослóвныа гнѣвѣ възжéгшеса зрительнаа сила дхóшѣ помрачáетса.*

Тогда то́чию по естествоу гáрость оупотреблáимъ, егда противѣ страстнѣмъ и сластолюбѣвымъ помыслѣмъ сѣю подвизáемъ. Си́це бо насъ и пророкъ оучитъ глагола: *Гнѣвайтеса, и не согрѣшáйте (Псал. 1, е),* сѣестъ, на свои́а страсти гнѣвѣ подвизáйте. И на лѣкавыа помыслы, и не совершаю́ще подметáемаа ѿ сѣхъ, согрѣшáйте. И сѣю гáвѣ мыслъ гáвлáетъ приложённое: *еже бо глаголете въ сердцахъ ва́шихъ на ло́жахъ ва́шихъ оуми́литеса: то ёсть, егда прѣидѣтъ въ сердце ва́ше лѣкави́и*

не благовиден (Притч. 11, 25). И так, стремящийся к совершенству и желающий законно подвизаться духовным подвигом, должен быть чужд всякого порока гнева и ярости. И пусть слушает, что заповедует ему сосуд избранный: *всякое, говорит, раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас (Еф. 4, 31).* А когда говорит слово «любой», то не оставляет нам никакого предлога к гневу, даже если он кажется необходимым и полезным. Желающий исправить согрешающего брата, или сделать ему запрещение, сам должен стараться быть невозмутимым (ατάραχος), чтобы когда желает исцелить другого, самому не впасть в недуг, и сказано было ему Евангельское слово: *врач! исцели самого себя (Лк 4, 23);* а также: *что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату своему: дай я выну сучок из глаза твоего; а вот, в твоём глазе бревно?* (Мф. 7, 3). От какой бы причины ни возбудился гнев, он ослепляет очи душевные и не позволяет видеть Солнца правды; как положивший на глаза золотой лист, или оловянный — в равной степени блокирует зрительную силу, и никакая ценность золотого листа не сделает различие; так и от любой какой причины, то есть благословной или не благословной, возгоревшийся гнев помрачает духовное (πνευματικῆ) зрение (όραση).

Только в том случае мы используем гнев по естеству, когда употребляем его против страстных и сластолюбивых помыслов. Ибо так нас и пророк учит, говоря: *гневаясь, не согрешайте (Пс. 4, 5),* то есть подвизайтесь на свои страсти и гнев, и на свои злые помыслы, и не грешите, выполняя то, что они диктуют вам. И эту мысль явно подтверждает продолжение: *о чем говорите в сердцах своих, [о том] сокрушайтесь {умиляйтесь} на ложах ваших (Пс. 4, 5),* то есть когда придут в ваше сердце лука-

пóмыслы, и́згоня́ще тѣмъ гнѣвомъ, и́же протѣмъ тѣмъ, по и́згна́нїи же о́ныхъ а́ки на лóжи безмóлвіа дѣши ѡбръта́ющеса, тогда оумилитеса къ пока́нїю. Согласу́етъ же семъ и́ блаженны́й павелъ, оупотребивъ свидѣ́тельство реченіа сегѡ, и́ приложивъ: Солнце да не за́йдетъ въ гнѣвѣ́ вашемъ: ниже дадите мѣста дїаволъ (Ефес. д, кз и кз). Сїесть, не содѣлайте, да солнце правды хрѣтосъ, прогнѣвлѣнїемъ и́ сосложѣнїемъ слыхъ помыслѡвъ за́йдетъ ѡ сердце́ въшихъ: да не ѡхожденїемъ сегѡ ѡбръщѣтъ въ васъ мѣсто дїаволъ. Ѡ семъ солнцѣ и́ бгъ чрезъ прорóка глаголетъ: бо́щымса же и́мене моего, возсїаетъ солнце правды: и́ исцѣлѣнїе въ крилѣ́ егѡ вѣдетъ: а́ще же и́ по писмени разумѣти бѣдемъ реченное, ни до захожденїа солнечнагѡ пощѣено́ есть намъ храни́ти гнѣвъ.

Что оубѡ ѡ сїхъ речемъ: и́же свирѣпствомъ и́ неистовствомъ стра́тнагѡ оустроенїа, не то́чїю да́же до захожденїа сегѡ солнца соблюда́ютъ гнѣвъ, но и́ на множайши дни простира́юще о́ный оумолчава́ютъ дрѡгъ ѡ дрѡга, не ктомъ оубѡ глаголы и́зносáще егѡ: молчанїемъ же дрѡгъ ко дрѡгѣ іадъ слопомнѣнїа въ пáгубѣ́ свою оумножа́юще: не вѣда́ще, іакѡ подова́етъ, не то́чїю ѡ выва́ющагѡ по дѣйствѣ́, но и́ ѡ сщцагѡ въ мысли гнѣва воздержáтиса: да не тьмо́ю слопомнѣнїа оумъ помрачївса, ѡпадѣтъ свѣ́та разума и́ разсѣжденїа, и́ лишїтса ѡвїтанїа стáгѡ дха. Сегѡ бо ра́ди и́ гдѣ во е́влїихъ повелѣва́етъ ѡста́вити даръ предъ олтаремъ, и́ смири́тиса съ братомъ (Матѡ. е, кд): зане́ нѣсть мо́цно семъ благопрїáтнѣ́ быти, іа́рости и́ слопомнѣ́нно храни́мымъ въ насъ. И́ апóстолъ тако́же глагола: Не престáннѡ моли́теса (д Сол. е, зї): и́ на всáкомъ мѣстѣ́ воздѣ́вати преподѡ́бныа рѣки безъ гнѣва, и́ размыслѣнїа семъ насъ побѣа́етъ. Ѡста́етса оубѡ, и́ли никогда́же моли́тиса, и́ по томъ повиннымъ быти апóстольс-

вые помыслы, — выгоняйте их с гневом, а по изгнании, находясь в тишине (ησυχία) души (ψυχής), как в постели, покайтесь с сокрушением. Согласен с этим и блаженный Павел, воспользовавшись свидетельством этого стиха, и прибавив: *да не зайдет солнце во гневѣ вашем; и не дайте места диаволу* (Еф. 4, 26. 27). То есть: не делайте так, что Солнце правды (Христос), гневливостью вашей и согласием со злыми помыслами, зашло от сердец ваших, дабы с отхождением Его дьявол не нашел в вас место. Об этом солнце и Бог говорит через пророка: *а для вас, боящихся имени Моего, взойдет Солнце правды, и исцеление будет в лучах Его* (Мал. 4, 2). Если же буквально будем понимать сказанное, — нам не разрешается поддерживать гнев даже до заката.

Что же сказать о тех, кто из-за свирепости (αγριότητα) и неистовства (μανία) их страстного (ψυχικής) состояния (καταστάσεως), не только до заката поддерживает гнев, но и продлевает его на многие дни? Но молчат, не выражая гнев в словах; а молчанием, к своей гибели, умножают яд злопамятности друг на друга; не зная, что мы должны избегать гнева не только в том, что делаем, но и в наших мыслях; иначе наш разум омрачится нашей злопамятностью, отпадет от света духовного (πνευματικής) познания и рассуждения, и лишится обитания [в нем] Святого Духа. Вот почему и Господь в Евангелиях повелевает оставить наш дар (подношение) перед алтарем и примириться с нашим братом (см. Мф. 5, 23–24); потому что невозможно быть приветливым (ευπρόσδεκτο), если сохраняется в нас гнев и злопамятность. Но и Апостол учит тому же, говоря: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17); и: *на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2, 8). Таким образом, нам остается выбор или никогда не молиться, и по-

комѸ заповѣданію, илѣ тѣащымса хранѣти повелѣнаа, безъ гнѣва и слопомнѣніа сѣ творѣти. И понѣже множицею ѡскорбѣвшюса братію, илѣ смѣтившюса презираемъ, глаголюще, не ѡ нашеа вины скорбѣтъ ѡнѣ: врачъ дѣшъ и звѣты дѣшѣ и зъ корене ѡ сѣрдца и зъ торгнѣти хотѣ, не точію аще мы вѣдемъ ѡскорблѣни на брата, повелѣваѣтъ ѡставити даръ и смиритиса, но аще и той ѡскорбѣтса на ны праведнѸ илѣ неправеднѸ, ѡправданіемъ врачевати егѡ, и тогда приносѣти даръ. Но что на мнѡзѣ во еѣльскихъ и апѡстольскихъ заповѣданіахъ оѸкоснѣваемъ: мѡчно ѣсть и ѡ вѣтхагѸ законѡна семѸ научитиса, иже и снизхожденіе во истазаніи имѣти мнѣиса, сѣа глаголетъ: Да не возненавидиши брата твоегѸ въ сѣрдцѣ твоемъ (Г МѡѸс. ѡі, зі). И пакѣ: пѣтѣе слопомнѣтелей въ смѣртъ, и здѣ не точію, иже по дѣйствѸ гнѣвѸ возбранѣетъ, но и иже въ мысли наказѣетъ.

Тѣмже подобѣетъ бжѣственномѸ законѸ послѣдѸющимъ, всею сілою подвижатиса противѸ дѣха гнѣва, и противѸ внѣтръ насъ крѣюцагѸса недѣга, а не противѸ человекѸ иаротъ подвижающимъ, въ пѣстыню и оѸединѣніе ѡходити, иакѸ тамѸ, сѣрѣчь не сѣщѸ подвижѣщемъ ны на гнѣвѸ, и иакѸ оѸдѡбнѸ во оѸединѣніи добродѣтель долготерпѣніа исправити. Ѣ горѡсти во и ѡ ѣже не хотѣти себѣ оѸкорѡти, и приписовати своемѸ нерадѣнію вины смѣщеніа, ѡ братіи ѡити желаемъ. Донѣлѣ же оѸбѸ нашеа немоци вины инѣмъ приписѣемъ, не возмѡжно ѣсть намъ къ совершенствѸ долготерпѣніа достигнѣти.

Начало оѸбѸ нашегѸ исправленіа и міра, не ѡ долготерпѣніа ближнагѸ къ намъ сѣщагѸ исправлѣетса, но ѡ нашегѸ къ ближнемѸ незлобіа. Егда же подвига долготерпѣніа оѸдалающеса, въ пѣстыню ѡходимъ и оѸе-

этому быть виновными в нарушении этой заповѣди Апостола, или заботясь о том, чтобы соблюдать заповѣданное и молиться без гнева и злобы. И поскольку мы по большей части презираем обиженных и оскорбленных братьев, говоря, что они оскорбились не по нашей вине, то Врач душ, знающий все сокровенное, желая с корнем исторгнуть из наших сердец поводы к гневу, велит нам оставить дар и примириться (συνδιαλλαγοῦμε) [с братом]; но если и он оскорбится от нас справедливо или несправедливо, исцелить его своим объяснением, и уже тогда приносить свой дар. Но что нам долго останавливаться на заповѣдях евангельских и апостольских, когда и древний закон, который, кажется, и считается более снисходительным, говорит: *не враждуй на брата твоего в сердце твоём* (Лев. 19, 17), и опять: *пути злопамятных к смерти* (Притч. 12, 28); и здесь злость запрещается не только в деле, но и в мыслях.

Также, следуя божественному закону, мы должны бороться изо всех сил против духа гнева и болезни, которая скрывается внутри нас, а не скрываться в пустыне от людей, вызывающих гнев, и уходить в уединение на том основании, что там, по крайней мере, никто не сможет спровоцировать нас на гнев, и то, что в уединении добродетель долготерпения может легко быть получена. Наше желание оставить наших братьев происходит из-за нашей гордости, потому что мы не хотим винить себя и приписывать собственному невниманию (αμέλεια) причины смущения (ταραχῆς). Таким образом, пока мы приписываем причины наших слабостей другим, мы не можем достичь совершенства долготерпения.

Таким образом, основная часть нашего исправления и спокойствия достигается не за счет долготерпения ближнего к нам, но от нашего незлобия к нему. А когда, ради подвига долготерпения, мы удаляемся в пустыню и уеди-

диненіе: елики ѿ нашихъ страстей не оуврачеванны, тѣды ѿнесемъ, покровенны, а не истреблены сѣть. Ибо пѣстына и ѿшельство страстей не избавльшимса, не точїю хранити тѣмъ вѣсть, но и прикрывати оныя знаетъ, и не ѿщѣпати самымъ въ себѣ, коею страстїю побѣждаются, пощѣаетъ. Напротивъ же, мечтанїе добродѣтели таковымъ подмѣщаетъ, и ѿкъ долготерпѣнїе и смиренїе исправиша, оувѣрлетъ ихъ, дондеже нѣсть раздражамъ и искѣшамъ ихъ. Егда же случитса вина нѣкаа подвижущаа ихъ и возбѣждающаа, абїе внѣтръ крыемаа страсти, и прѣжде тащїимса, ѿкоже кони не ѿбѣзданны ѿ своихъ станей изскочивше, и въ долгомъ безмолвїи и праздности питавшеса, свѣльнѣе и свирѣпѣе къ гибели влекѣтъ своего всадника. Множае бо въ насъ свирѣпѣютъ страсти не имѣще ѿ человекъ ѿбѣченїа, и самѣ тѣ сѣнь терпѣнїа и долготерпѣнїа, юже ѿбразнѣ непщевачомъ, смѣшенїи бывше съ братїею имѣти, небреженїемъ подвига и оуединенїа погубляемъ. Икоже бо свѣрїе ѿдомѣтнїи, въ пѣстыни и во своихъ лѣжахъ покѣщеса, тогда свое неистовство показѣютъ, егда ѿщѣтатъ когдѣ приближающаса: такъ и страстнїи человекы, не по любви къ добродѣтели, но нѣждою пѣстыни безмолвствѣюще, тогда дѣшевнїи ѿдѣ изрыгаютъ, егда прїимѣтъ приближающагоса и раздражающаго. И сегѣ ради совершенство кротости взыскѣющимъ, всако тѣанїе должно быти, не точїю на человекы не гнѣватиса, но ниже на безсловесныа, ни на бездѣшныа вѣщи. Помню бо себѣ, егда въ пѣстыни пребывахъ, на трѣсть пишѣщю ѿростїю подвигшись, на дебелость тоа, или тонкость прогнѣвлахса: и на древо паки, егда посѣщїи сїе восхотѣвъ, не скѣрѣвозмогахъ. И паки, на камень огнеиспѣщателенъ, егда тѣщѣсѣ ми извести о҃гнь, не скѣрѣо҃гнь изкочїи. Такъ гнѣвъ распротѣршсѣ, ѿкъ и на нечѣвственныа вѣщи износїти

нение, то незалеченные страсти остаются внутри нас и никуда не исчезают. Ибо пустыня и уединение у тех, кто не освободился от страстей, знай, не только сохраняет страсти, но и покрывает их, не позволяя ощущать страсть, которой они побеждаются. Наоборот, они навязывают нам иллюзию добродетели и убеждают нас верить, что мы добились долготерпения и смирения, потому что там никто не присутствует, чтобы спровоцировать и проверить нас. А когда встретится какой-нибудь случай к раздражению, то внутри сокрытые страсти тотчас, как необузданные кони, с рвением вырываются из своих затворов, утучневшие от долгого безмолвия и праздности (αργία), и с большей неистовостью (σφοδρότητα) и свирепостью (αγριότητα) влекут своего всадника к гибели. Потому что страсти становятся более жестокими, когда лишены испытания от людей. Не упражнясь из-за безопасности и уединения, мы губим и малое терпение, которое, казалось, имели, находясь вместе с братьями. Ибо как ядовитые звери, покоящиеся в пустыне и своих логовищах, когда кто-то подходит, показывают свое неистовство; так и страстные люди не из-за любви к добродетели пребывают в тишине (ἡσυχάζουν), но из-за потребности пустыни. Когда же кто приближается и раздражает их, тогда они скрытый яд и злость души тотчас изливают. Именно поэтому ищущие совершенства должны приложить все усилия, чтобы избежать гнева не только по отношению к людям, но и к животным и даже неодушевленным предметам. Ибо помню себя пребывающим в пустыни, когда я гневался (θυμωσα) на тростник за то, что мне не нравилась его толщина и стройность; также сердился и против дерева, когда не мог срубить его сразу. И еще гневался на камень, высекающий искру, когда пытался зажечь огонь, но не смог это сделать быстро. Так всеобъемлющ был мой гнев, что он возбуждался даже

Ѣныи.

Ѣще оубо желаемъ получить блаженство гдѣне, не точию, иже по дѣйстви гнѣвъ, якоже речеся, должны есмь оудерживати, но и иже въ мысли. Нижѣ бо толикъ пользуетъ, въздвати оуста во время ярости, и не износити глаголы неистовы: елику, въчищати сердце ѡ паматословѣа, и не въращати въ мысли своей лукавыхъ помысловъ на брата. Кореніа бо согрѣшеній ѡсѣщати заповѣдетъ еѣльское оученіе, паче, нежели плоды. Кореню бо ярости изсѣченъ ѡ сердца, ни ненависть, ни зависть дѣломъ содѣтеса. Ибо ненавидѣи брата своего, человекоубійца речеся (а Іуан. г, еі): оубиваа егò воображеніемъ ненависти въ мысли, егòже кровь, не мечемъ изліаннъ человецы видатъ, но мыслию и расположеніемъ оубіенное бгѣ зрѣтъ. Иже не точию ѡ дѣланіихъ, но и ѡ помыслѣхъ и произволѣніи единомъ коемъждо или вѣнцы или мѣки воздаетъ, якоже самъ чрезъ пророка глаголетъ: Се азъ градъ собрати дѣла и помысленіа ихъ. И паки апостолъ глаголетъ: междѣ собою помыслѡмъ ѡсѣждающимъ и ѡвѣщавающимъ, въ день, егда сѣдитъ бгѣ тайнаа человекомъ (Рим. в, еі и ѣі). Самъ же вѣла оуча ны, іакъ подобаетъ всакъ гнѣвъ ѡлагати, глаголетъ во еѣлїихъ: Гнѣвайса на брата своего все, повиненъ естъ сѣдѣ (Матф. е, кв). Такъ бо вѣрнаа преписаніа ѡвѣржатъ. Еже во все, ѡ прилога положенò естъ, іавѣ, іакъ ѡ подлежаціа воли приписовавагъ. Намѣреніе бо гдѣне, корень и искрѣ гнѣва ѡсѣщати всеми ѡбразы намъ хощетъ, и ни единъ винѣ гнѣва себѣ хранити: да не благословнв, сирѣчь въ началѣ двїжими, послѣдї же въ неистовство безсловесныа ярости впадѣмъ.

Недѣга же сегò совершенное врачевствò сїе естъ: да вѣрѣемъ, іакъ ни въ правдѣ, ни въ неправдѣ лѣтъ естъ

против неодушевленныхъ предметов.

Итак, если мы желаем получить блаженство (макариσμό) Господа, мы должны сдерживать не только внешние выражения гнева, но и который в мысли. Ибо не столько пользы в том, чтобы сдерживать уста во время гнева и не произносить яростные (μανιασμένα) слова; сколько в очищения сердца от злопамятности и в том, чтобы не вить (стриφοуυρίζομε) лукавые помыслы против брата. Ибо Евангельское учение заповедует пресекать больше корни пороков, нежели плоды, которые после истребления из сердца, больше не будут произращать делом ненависть и зависть. *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15), именно потому, что желает убить его изображением ненависти в сердце. Люди не видят, чтобы его кровь была пролита мечом; но Бог видит, Который не только за дела, но и за желания воли и намерения (λογισμοῦς) воздаст каждому или награду, или наказание, как Он сам говорит через пророка: *вот Я иду собрать все дела и помыслы их* (ср. Ис. 66, 18). И Апостол говорит: *мысли их то осуждают, то оправдывают одна другую в день, когда... Бог будет судить тайные дела человеков* (Рим 2, 15–16). Но и сам Господь (Κύριος), уча нас изгонять всякий гнев, говорит в Евангелии: *всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду* (Мф. 5, 22): точные (ακριβή) копии [Евангелия] таким содержат этот отрывок. Ибо слово «напрасно» является более поздним (μεταγενέστερον) добавлением (προσθήκη). Потому что намерение Господа состоит в том, чтобы отсекал корень (ρίζα) и искру гнева всеми способами, а не хранить в себе ни одного повода для него. Чтобы движимые в начале, как бы (τάχα) разумной (εὐλογα) причиной, не впади в неистовство неразумного гнева.

Полное излечение этой болезни состоит в следующем: чтобы быть уверенным, что нам нельзя сердиться ни по

намъ подвижати ѿрость. Дѹхъ бо гнѣва мысль помрачѣвшѹ, ни разсѹжденїа свѣтъ, ни прѣвагѹ совѣта оутвержденїе, ни правды оуправленїе въ насъ ѡбращетсѹ: ниже ѿ храмомъ стѣгѹ дѹха дѹши нашей быти мѡцно, дѹхъ гнѣва мысль помрачѣвшѹ ѿ возѡбладѣвшѹ нами. Наконецъ же всегѡ, подобаетъ безвѣстное смѣрти на всѣкъ день предъ очима ѿмѡщымъ хранити себѣ ѡ гнѣва, ѿ вѣдѣти, ѿкъ ни цѣломѹдрїа, ни ѡреченїа всѣкагѹ вещества, ни пощенїи же ѿ бдѣнїи кѣлико польза, аще ѡ гнѣва ѿ ненависти держими, повинни сѣдѹ ѡбращетсѹ.

Ѡ печѣли.

Пѣтый намъ подвигъ естъ противъ дѹха печѣли, помрачающагѹ дѹшѹ ѡ всѣкагѹ дѹхѡвнагѹ зрѣнїа, ѿ возбранѣющагѹ ю ѡ всѣкагѹ благодѣланїа. Егда бо лѣкавый сѣй дѹхъ ѡбѣметъ дѹшѹ, ѿ всю тѹ помрачитъ: ни мѣтвы со оусердїемъ совершати пощѣаетъ: ни въ пользе свѣщенныхъ чтенїи пребывати: кроткъ ѿ благоѹмленнѹ къ братїи человекѹ быти, не терпитъ: ѿ ко всѣмъ дѣлѹ начинанїамъ, ѿ къ самомѹ житїа ѡбѣтѹ ненависть влагаетъ. И всѣ прѡстѣ спасительныхъ совѣты дѹшевныа печѣль смѣтивши, ѿ крѣпость еѣ ѿ терпѣнїе разслабивши, ѿкъ безднѹ ѿ безчѡвственнѹ содѣлываетъ, ѡчѣланїа свѣзавши помысломъ. Всегѡ ради, аще намѣренїе естъ намъ подвижатисѹ дѹхѡвнымъ подвигомъ, ѿ побѣдити сѣ бѣгомъ дѹхи лѣкавствїа, всѣцѣмъ храненїемъ соблюдаимъ своѣ сердце ѡ дѹха печѣли. Икоже бо моль рїзѹ, ѿ червь древо, сїце печѣль дѹшѹ человекѣскѹ пощѣаетъ: оуклонѣтисѹ всѣкїа благїа бесѣды оувѣщавающїи, ѿ ни ѡ ѿскреннихъ дрѡгѡвъ слѡ-

справедливым, ни по несправедливым причинам. Ибо дух гнева сразу помрачает наш разум (διάνοια) и мы лишаемся света рассудительности, твердости правильного совета и направления правды; и душа наша не сможет быть храмом Святого Духа, если если дух гнева помрачит и овладеет нашим разумом. Наконец, каждый день нам нужно иметь перед глазами неопределенность времени нашей смерти, чтобы хранить себя от гнева, и знать, что ни благоразумие (σωφροσύνη), ни отречение от материального (υλικού) мїра (κόσμου), ни пощения, ни бдения не принесут нам никакой пользы, если мы обнаружим вину на страшном суде, будучи рабами злобы и ненависти.

О печали

Наша пятая борьба против духа печали (λύπης), который затмевает способность души к духовному созерцанию и препятствует ей ко всем добрым делам. Когда этот злобный демон захватывает нашу душу и полностью ее помрачает, то не дает ей: ни молиться с усердием, ни с пользой заниматься священным чтением; не допускает человеку быть спокойным и кротким с братьями, и ко всем ко всем монашеским (μοναχικῆς) обязанностям влагает ненависть. И смутив (ανακατάσει) всякий спасительный совет душевный, ослабляя ее деятельность и выносливость (καρτερία), делает ее безумной (ηλίθια) и парализованной, связывая помыслом отчаянья. Поэтому, если у нас есть цель подвизаться духовным подвигом и с Божьей помощью победить дух лукавства (πονηρά), [то] мы должны с большим (μεγαλύτερη) вниманием (προσοχή) охранять наше сердце от духа печали; как моль съедает одежду и червь дерево, так и печаль душу человеческую: она уговаривает человека избегать любого хорошего духовного (πνευματικῆς) общения, и не принимать слово со-

во совѣта прїимати ѡставляюци, ни блáгъ ѡвѣтъ илѣ мїренъ имъ подати попѣщяюци: но всю дѡшѡ ѡбѣмши, гóрести тѣ и оуныніа исполнѣетъ. И наконѣцъ предлагаетъ ѣи бѣгати человѣкъ, ѣакъ винóвныхъ ѣл смѡщѣніа бѣвшихъ. И не ѡставляетъ тѣ познати, ѣакъ не ѡвнѣ: но внѣтръ имать крѣпощїеца недѣгъ, ѣже тогда ѣвлѣетца, ѣгда искѡшенїа предстáвше, движенїемъ въ ѣвлѣніе ѡный произведѣтъ. Никогдѣ же бо ѡ инáгъ повредїтца человѣкъ, аще не внѣтръ имать хранїмы страстѣй винѣ. И сегѡ рáди всѣхъ содѣтель, и врачъ дѡшѡ нашихъ бѣгъ, ѣдинъ извѣстнъ вѣдый ѣзвы дѡшѣвныа, не сопревыанїа съ человѣки заповѣдаетъ ѡставляти, но сѡщыа въ насъ порóквѡ ѡсѣщати винѣ. И вѣдѣти, ѣакъ дѡшѣвное здравїе, не въ оудаленїи ѡ человѣкъ исправлѣетца, но въ пребыванїи съ добродѣтельными и подвизѣ. ѣгда оубѡ за нѣкїа благослóвныа акибы винѣ братїю ѡставляемъ, не винѣ печáли ѡсѣкóхомъ, но тóчїю ихъ премѣнїхомъ крѣпощѣса внѣтръ недѣгъ, и инѣми вещьми тѣа возбѣждающѣ.

Сегѡ рáди протївѣ внѣтреннихъ страстѣй всáкїи намъ да бѣдетъ подвигъ. Сїмъ же бо благодатїю и содѣйствомъ бжїимъ ѡ сѣрдца извѣрженнымъ бѣвшимъ, не глаголю съ человѣки, но и съ дївїими свѣрьми оудóбнѡ поживемъ, по речѣнномѡ ѡ блжѣннагѡ їова: свѣрїе дївїи примирáтца тебѣ (їов. 5, 18). Предварїтельнѡ оубѡ подвизáтиса подобаетъ протївѣ дѡха печáли, ввергающа дѡшѡ въ ѡчáлнїе, ѣакъ да ѡженемъ сегѡ ѡ нашегѡ сѣрдца. Сѣи же бо кáинѡ не попѡсти по братѡбїйствѣ покáмтиса, ниже їздѣ по преданїи влѣки. Въ ѡной тóчїю печáли пребывáимъ, ѣже ѡ покáнїи согрѣшенїи, съ надѣждою благою вывáемой: ѡ нейже апóстолъ речѣ: ѣакъ печáль, ѣже по бѣзѣ, покáнїе нераскáнно во спа-

вета от близких друзей или не давать мирного ответа им; но захватив всю душу, наполняет ее недовольством (δυσарέσκεια), скукой (πλήξη) и унынием (μελαγχολία). И наконец, предлагает избегать людей, как ставших причиной ее смущения. И не позволяет душе понять, что не снаружи, а внутри кроется недуг, который проявляется [во время] искушений, нападающих и выявляющих его. Ибо никогда не повреждается человек другим, если только не хранит причины страстей в себе. По этой причине Бог, Творец всего и Врач человеческих душ, один точно знающий [наши] душевные раны, заповедал не оставлять общество людей, но отсекал существующие в нас причины зла (κακίας), которые внутри (μέσα) нас. И мы знаем, что здоровье души не достигается удалением от людей, но пребыванием и подвижничеством (εξάσκησις) с добродетельными (ενάρετους) людьми (ανθρώπους). Когда мы оставляем братию по некоторым, как кажется, разумным (εύλογες) причинам, то не отсекаем причины печали, но только переключаем их, ибо сокрытая внутри нас болезнь будет опять показывать себя при других обстоятельствах.

Вот почему весь подвиг должен быть против кроющихся внутри нас страстей. Ибо если они благодатию и помощью Божией искоренятся из нашего сердца, [то] не только с человеками, но и дикими зверями легко сможем жить, по сказанному блаженным Иовом: *дикие звери будут в мире с тобою* (Иов. 5, 23). Итак, в первую очередь необходимо подвизаться против духа печали, ввергающего душу в отчаяние, чтобы изгнать его из нашего сердца. Ибо этот дух не позволил ни Каину покаяться после братоубийства, ни Иуде после предательства Господа. Только в одном случае надо считать печаль полезной, когда она возникает от покаяния в грехах, соединенная с благою надеждою [будущего блаженства]. О ней святой

сѣнїе содѣловаеть (в Кор. 3, 1). Печаль во ѣже по вѣѣ, надеждою покаанїа питающаа дѣшѣ, съ радостїю соединѣнна ѣсть. Тѣмже ко всакомѣ благомѣ дѣланїю оусердна и послѣшна оустраѣеть челоуѣка, оудобопритѣнна, смиренна, кротка, незлобива, ко всакомѣ трѣдѣ благомѣ и злостраданїю терпѣлива, ѣкѣ сїесть печаль по вѣѣ сѣщи, и ѡ сегѡ плоды дѣа сѣагѡ познаваются въ челоуѣцѣ, сїрѣчь, радость, любви, миръ, долготерпѣнїе, благодсть, вѣра, воздержанїе: ѡ сопротивнымъ же печали плоды познаваемъ лѣкаваагѡ дѣха, ѣже сѣтъ: оунынїе, нетерпѣнїе, ѣрость, ненависть, прекослѡвїе, ѡчаланїе, къ молитвѣ лѣность. Кѡеа печали тѣкѡ должни ѣсмы оуклонѣтисѡ, ѣкоже влѣдѡ и сребролюбїа, и ѣрости: и прѡчихъ страстѣй. Врачѣтсѡ же онѡ молитвою, и на вѣа надеждою, и поученїемъ вѣжественныхъ словесѣ, и съ челоуѣки благоговѣйными пребыванїемъ.

Ѡ оунынїи.

Шестїй намъ подвигъ ѣсть противѣ дѣха оунынїа, сопрѣженнаа и содѣйствующаа дѣхѣ печали. Лютъ сѣй и тѣжкїй вѣсѣ, и ѣноки прїснѡ рѡтѣа, ѣже въ шестїй часѣ нападаеть на ѣноки разслабленїе и оужасѣ томѣ влагаа, и ненависть дѣлаа, и къ самомѣ томѣ мѣстѣ и къ сожительствующымъ братїамъ и ко всакомѣ дѣланїю и къ самомѣ вѣжественныхъ писанїи чтенїю, подмѣца ѣмѣ и помыслы прѣхожденїа, и ѣкѡ, ѡце не преселїтсѡ ко ѣнымъ мѣстамъ, сѣетенъ ѣмѣ вѣсѣ трѣдѣ и врема вѣдетъ. Къ сїмъ всѣмъ и глѡдъ томѣ влагааеть ѡ шестѡмъ часѣ, ѣлїкѣ не бы слѡчилсѡ ѣмѣ ѡ трїднѣвнаагѡ пощенїа, ѣлї должайшаагѡ пѣтї, ѣлї тѣагѣчайшаагѡ трѣдѡ. Тѣже помыслы томѣ влагааеть, ѣкѡ ни-

Апостол говорит: *печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 10). Ибо эта печаль ради Бога питает душу надеждою, которая рождается покаянием, смешанным с радостью. Таким образом, эта печаль делает человека послушным и готовым на всякое доброе дело, легкодоступным (ευκολοπλησίαστο), смиренным, кротким, незлобным, терпеливым ко всякому доброму труду и злостраданию, как происходящая от любви к Богу, и обладание этими качествами показывает плоды Святого Духа в человеке, то есть: *радость, любовь, мир, долготерпение, благодсть, веру, воздержание* (Гал. 5, 22). А от бесовской печали мы познаем плоды лукавого духа, которые есть: уныние, нетерпение, гнев, ненависть, прекословие, отчаяние, леность (οκνηρία) в молитве. Этого вида печали мы должны избегать, как блуда, сребролюбия, гнева и остальных страстей. Эта печаль лечится молитвою, надеждою на Бога, поучением в слове Божиим и общением с благочестивыми людьми.

Об унынии

Наша шестая борьба против духа уныния, который действует рука об руку с духом печали. Лют и тяжек этот дух, он всегда сражается с монахами, на которых нападет около шестого часа (в полдень), вызывая у них слабость и страх, и внушая ненависть против того места, где подвизаются, и против сожительствующей с ними братии, и ко всякому труду, и даже к самому чтению божественных Писаний. Он говорит монаху, что он должен пойти в другое место и что, если он не сделает это, то все его усилия и время будут потрачены впустую. В дополнение ко всему этому влагает ему около шестого часа (в полдень) голод, который не случается от трехдневного поста или после долгого путешествия или тяжелого труда. За-

кѣимъ же инѣмъ ѡбразомъ возмѡжетъ недѡга сегѡ, и тѡжести избѡвѣтисѧ, тѡчѣю за ѣже исхѡдити частѡ, и приходѣти ко братѣи ѡкви пользы радѣ, или посѣщенѣа болѡщихъ. Ёгда же не возмѡжетъ сѣми тогѡ прельстити дѡхъ ѡный, тогда снѡмъ тѡгчѡйшимъ погрѡзѣвъ ёгѡ, сѣльнѣйшѣи и крѣплѣйшѣи на негѡ бывѡетъ, не инѡкѡ низлагѡемый, тѡчѣю молитѡвою, и оудалѣнѣемъ празднослѡвѣа, и побѣнѣемъ вѣжественныхъ словѣсъ, и во искѡшенѣихъ терпѣнѣемъ. Яце бо не сѣми ѡрѡжѣи оутвержденна ѡбращетъ ѡнъ инока, оустрѣливъ своими ёгѡ стрѣлами, непостоянна тогѡ показѡетъ, и скитатѣла содѣловаетъ, и оунѣла и прѡздна, и монастыри многи ѡбхѡдити оустрѡетъ: и ни ѡ чѣмъ же инѡмъ пещисѧ, развѣ, ѣже смотрѣти, гдѣ ѡбѣды и пиры бывѡютъ. Ничтѡже бо ино мѣсль оунѣлагѡ мечтѡетъ, тѡчѣю ѡже ѡ сѣхъ глѡмлѣнѣа. И тѡкѡ ѡ сѣхъ и въ мѣрскѣа вѣщи ёгѡ вплѣтѡетъ, и помѡлѡ льститъ тѡковѣми приврѣднѣми оупражденѣми, дѡндеже и ѡ самагѡ тогѡ инѡческагѡ ѡбѣта совершѣннѡ ёгѡ изведѣтъ.

Сѣи недѡгъ тѡгчѡйшъ быти вѣжественный апѡстѡлъ свѣдый, и хотѡ ёгѡ ѡ дѡшъ нашихъ, ѡкѡ премѡдръ врачъ, изъ корене истѡргнѣти, винѣи наипѡче, ѡ нихъже раждѡетсѧ, показѡетъ, и сѣа глагѡлетъ: повелѣѡемъ вамъ, братѣе, ѡ имени гдѡ нашего иѣса хрѣта, ѡлѡчатисѧ вамъ ѡ всѡкагѡ брата безчѣннѡ хѡдѡца, а не по предѡнѣю, ѣже прѡша ѡ насъ. Сѡми бо вѣсте, кѡкѡ лѣпо ёсть (вамъ) подѡбитисѧ намъ: ѡкѡ не безчѣнновахѡмъ оу васъ, ниже тѣне хлѣбъ ѡдѡхѡмъ оу когѡ, но въ трѡдѣ и подвизѣ, нѡщѣ и дѣнь дѣлающе, во ѣже не ѡтѡгчѣти никогѡже ѡ васъ: не ѡкѡ не ѡмамы властѣи, но да себѣ ѡбразъ дѡмы вамъ, во ѣже оупѡдѡбитисѧ намъ. Ибо ёгда вѣхѡмъ оу васъ, сѣе завѣщавѡхѡмъ вамъ, ѡкѡ яце ктѡ не хѡщѣтъ дѣлати, ниже да ѡстъ. Слышимъ бо нѣ-

тем он представляет в его мысли, что никаким другим способом не может он избавиться от этой болезни и тяжести (βάρος), как только постоянным посещением братьев, якобы для помощи или уходом за больными. Когда дух уныния не может привести его в заблуждение таким образом, тогда он погрузив его в глубокий сон, атакует его сильнее и ожесточенней; и он не может быть иначе побежден, как только молитвою, воздержанием от празднословия, поучением в божественных словах и терпением искушений. Ибо если найдет он инока под защитой этих орудий, то поражает его своими стрелами, делая его неусидчивым (ἀστατο) и скитателем унылым и праздным, и побуждает его посетить многие монастыри. И не заботиться он ни о чем другом, как только найти место, где пиры и обеды (т. е. получить что-нибудь поесть и попить). Потому что разум (διάνοια) унылого ничем не наполнен, как только глумлением этих мыслей. И от них связывает его и в мѣрские вещи, и мало-по-малу так запутывает во вредных занятиях, пока полностью не изведет его от монашеской жизни (ζωή).

Божественный Апостол, зная насколько тяжела эта болезнь, как премудрый врач желая вытащить ее вместе с корнем из наших душ, открывает нам причины, от которых она рождается, и говорит: *Завещаем (παραγγέλλομε) вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего беспорядочно и не по преданию, которое приняли от нас. Ибо вы сами знаете, каким образом вы должны подражать нам; ибо мы у вас не бесчинствовали, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, дабы не обременить кого из вас: не потому, чтобы мы не имели власти, но дабы в себе показать вам образ, чтобы вы подражали нам. Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не*

кѣмъ безчѣннѣ ходѣиша оубо васъ, ничтоже дѣлающе, но лѣкавнѣ ѡбходѣиша. Таковыи повелѣваемъ, и молимъ ѡ хрѣстѣ иисѣ, да съ безмолвѣемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ѡдѣлѣтъ (ѿ Сол. г, ѿ и слѣд.). Слышимъ, какъ ѡбъясняетъ намъ показѣтъ винѣ оубо нынѣ апостолъ, безчѣнными бо нарицаетъ, не дѣлающе: единѣмъ симъ глаголомъ, многѣмъ словѣмъ ѡбъяснѣнъ. безчѣнный бо, и неблагоговѣенъ ѣсть, и продѣрзливъ въ словесѣхъ, и на оуборѣнїе скорѣ, и сегѡ ради къ безмолвѣю неспособенъ, и оубо нынѣмъ рабѣ. Повелѣваетъ оубо ѡбъяснѣнъ ѡмъ сѣхъ, то ѣсть оубо ѡдѣлѣнъ ѡмъ ѡмъ гвѣнѣтельнагѡ недѣла. И не по предѣнїю, ѣже прѣдѣнъ ѡмъ насъ: речѣнѣмъ симъ ѡмъ гвѣнѣнъ гордыхъ тѣхъ быти, и презрѣнѣнъ, и апостольскихъ предѣнїи разрушѣнѣнъ. И паки глаголетъ: ни тѣмъ хлѣбъ ѡмъ когѡ, но въ трудѣ, и подвижѣ, нощь и день дѣлающе (ѿ Сол. г, и). Оубо учитель ѡмъ языкѡвъ, проповѣдникъ ѣвѣлїа, восхищенъ до третїагѡ небесѣ, глаголаѣмъ гдѣ повелѣвша проповѣдающе благоговѣстїе, ѡмъ благоговѣстїа жїтїи, въ трудѣ и подвижѣ нощь и день дѣлаетъ, во ѣже бы не ѡмъ гвѣнѣнѣтїи никогѡже. Чтѡ оубо мы сотворимъ оубо нынѣмъ ѡмъ дѣла, и тѣмъ ѣсенъ покой гонѣнѣ: иже ни цѣрквей попечѣнїе, ни проповѣдъ ѣвѣлїа врѣченѣ ѣсть, но своеѡмъ тѣмъ дѣшїи попечѣнїе: тѣмъ же ѡмъ вѣнѣ показѣмъ раждаемъ вредъ ѡмъ празности, наноситъ: ничтоже дѣлающе, но лѣкавнѣ ѡмъ обходѣиша: ѡмъ празности бо лѣкавнѣ ѡмъ обходѣнїа безчѣнїе, ѡмъ безчѣнїа всѣмъ слова. Оубо строѡмъ же паки цѣлѣбѣ иѣмъ, прилагѣетъ: таковыи повелѣваемъ въ безмолвѣнѣ дѣлающе своимъ хлѣбъ ѡмъ исти. И призапрѣтѣнѣнѣ же глаголетъ: ѡмъ же ктѡ не хощетъ дѣлати, ниже да ѡмъ исти (ѿ Сол. г, ѿ и г).

Сими апостольскими оубо нынѣмъ, иже во егѣпѣтѣ стѣи отцы наказани бывше, ни во единѡмъ врѣмѣмъ празнымъ

ешь. Но слышим, что некоторые у вас поступают беспорядочно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещиваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб (2 Сол. 3, 6–12). Услышим, как четко Апостол описывает причины уныния. Тех, кто не работает, он называет «непослушными» (ἀτακτοὺς), открывая в этом слове много злобы. Ибо непослушный (ἀτακτοὺς) человек не благоговеин, дерзок в словах и быстр на укорение, и поэтому не способен к безмолвию и является рабом уныния. Поэтому Павел повелевает избегать таких людей, то есть удаляться как от заразной (κολλητική) болезни. Словами «а не по преданию, которое приняли от нас» он дает понять, что они гордятся и разрушают апостольские предания. И снова он говорит: ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день. Учитель народов (εθνῶν), проповедник Евангелия, восхищенный до третьего неба; тот, кто знал, что Господь повелел проповедникам Евангелия жить от благовествования (1 Кор. 9, 14) в труде и подвиге день и ночь трудится, чтобы никого не обременить? Что же будем делать мы, унывающие от дела и ищущие телесного покоя, которым не поручена ни проповедь Евангелия, ни забота о Церкви, кроме заботы об одной нашей душе? Также, более явно показывая ущерб, рождаемый от празности, добавляет: ничего не делают, а суетятся. Ибо от празности рождается пытливость, то есть любопытство, любопытство рождает — бесчинство (αταξία), а от бесчиния происходит всякая злоба. Для исцеления их он прилагает лекарство, прибавляя: таковых увещиваем, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб. И еще с большим запрещением говорит: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

Святые отцы из Египта, которые были воспитаны на основе этих апостольских поучений (διαταγές), не позво-

быти инокомъ поощають, а наипаче юнымъ: вѣдуще, ѿкъ терпѣнїемъ дѣланїа и оунынїе ѿгоняють, и пищу себѣ прїобрѣтають, и трѣбующимъ помогаютъ. Не точїю во своеа ради потребы дѣлають, но и страннимъ, и нишымъ, и сщцымъ въ темнищахъ ѿ своего трѣда подавають, вѣрюще таковое благотворенїе жертвѣ свѣтѣ, благопрїятнѣ быти бгѣви. И сїе же глаголють отцы, ѿкъ дѣлааи со единѣмъ вѣсомъ брань творитъ, и ѿ него ѿскорблѣетса: праздный же, ѿ мнѣжайшихъ дѣхѣвъ плѣнаемъ бываеть.

Добро же есть къ сїмъ, и слово воспоманѣти аввы мѡѡсеа искѣснѣйша во отцѣхъ, еже ко мнѣ провѣща. Бывшъ бо ми мало время въ пѣстыни, стѣжїмъ бывъ ѿ оунынїа, и пришедъ къ немѣ и рѣхъ, ѿкъ вчера стѣлѣ стѣжїмъ быхъ ѿ оунынїа, и иже немогшїи стѣлѣ не перѣвѣ избавилъ быхъ са тогѣ, аще не быхъ шель и пришелъ ко аввѣ павла. ѿвѣща же ми на сїе авва мѡѡсеа, и рече: не такъ: не свободилъ еси себѣ ѿ сегѣ, но паче предалъ еси себѣ томѣ, и порабѣтилъ. Вѣждь оубо, ѿкъ тагчѣае тѣ, ѿкъ чинъ свой ѡставивша, ратовати имать, аще наконецъ терпѣнїемъ и молитвою и рѣкодѣлемъ то побѣдїти не потцїишиса.

Ѿ тщеслѣвїи.

Седмїи намъ подвигъ противъ дѣха тщеслѣвїа. Многообразна сїа и тончайша страсть, и не скорѣ ни ѿ самагѣ искѣшаемагѣ постижаема. Ибо инѣхъ страстѣи прилѣзи гвлѣннѣйши сѣтъ, и оудѣбнѣйшѣ нѣкакѣ къ нимъ брань имѣтъ, дѣши познающеи сѣпостѣта, и со-противорѣчїемъ, и молитвою сегѣ аввѣ низлагающеи. Тщеслѣвїа же злѣба, многообразна сѣци, ѿкоже рече са, недовопопѣждаема есть. Ибо во всѣкомъ начинанїи, и въ зрацѣ, и въ словѣ, и молчанїи, и въ дѣлѣ, и въ

ляют монахамъ быть праздными ни в какое время, особенно молодымъ; потому что они знают, что терпениемъ труда монахи и уныние отгоняют, и пищу добывают, и помогаютъ нуждающимся. Они работаютъ не только для собственныхъ потребностей, но от своихъ трудовъ подаютъ странникамъ, нищимъ и узникамъ темницъ; веруя что такая благотворительность является святой жертвой, благопрїятной Богу. Также отцы говорят, что работающїи монахи воютъ с однимъ бесомъ и страдает (στενοχωρεῖται) отъ него, а праздного захватываютъ тысячи злыхъ духовъ.

Хорошо же къ этому вспомнить слово, сказанное мнѣ аввою Моисеемъ (Ливїйскимъ), достойнейшего (ἀξιος) изъ отцовъ. После некоторого времени пребывания въ пустыне, где меня досаждалъ духъ унынїа, пошелъ я къ аввѣ Моисею и сказалъ: «вчера я былъ тяжко ослабленъ болезнью унынїа и не могъ освободиться отъ него иначе, какъ побывавъ у аввы Павла». На что онъ отвѣтилъ мнѣ: «нетъ, ты не освободилъ себя отъ него, но еще больше предался и порабѣтился ему». Итакъ, знай, что теперь унынїе сильнее будетъ нападать на тебя, какъ на оставивша свой [монашескїи] чинъ, если, наконецъ, не позаботишься (φροντίσεις) побеждать его терпениемъ, молитвою и рукоделиемъ.

О тщеславии

Наша седмїа борьба противъ духа тщеславїа. Многообразна и тонка эта страсть, и она не быстро распознается самимъ искушаемымъ. Ибо нападенїа (προσβολές) другихъ страстей болѣе заметны и поэтому с ними какъ-то легче сражаться, душа распознаетъ врага и тотчасъ изгоняетъ его противоречїемъ и молитвой. А злоба тщеславїа многообразна, какъ сказано, и труднопобеждаема есть. Ибо она проявляется (φανερόνεται) въ каждомъ действии (πράξη), внешнемъ видѣ, словѣ, молчанїи, делѣ, бденїи, постѣ, мо-

вдѣніихъ, и въ пощеніихъ, и молитвѣ, и въ чтеніихъ, и въ безмолвіи, и долготерпѣніи. Всѣми бо сіими покусается воина хрѣтова оустраелити. Ибо егѡже не возможетъ многоцѣнными одеждами къ тцеславію прельстити, сего хѡдобю ризою покусается искушати. И егѡже не возможе чѣстїю возвысити, сего акнвы терпѣніемъ безчѣстїа въ гордыню возноситъ. И егѡже не возможе склонити искуства ради словесъ тцеславитиса, сего молчаніемъ ѡкв безмолвника сирѣчь льститъ. И егѡже не возможе склонити многоцѣнными брашны раславитиса, сего пощеніемъ къ похвалѣ раславлаетъ. И прѡстѣ, всако дѣло, всако начинаніе винѡ брани подаетъ лукавомѡ семѡ бѣсѡ.

Еще же къ сїмъ, и ѡ достѡинствѣ мечтати подмѣщетъ. Помню бо нѣкоего старца, егда въ скитѣ превахъ, шедша въ келлію нѣкоего брата посѣщенїа ради, иже приближивсѡ къ двери егѡ, слышитъ внѣтръ глаголюща егѡ: и возмнѣвъ старецъ, ѡкв ѡ писанїа поучаетсѡ онъ, стѡ послушати: и ѡщѣщаетъ измлающасѡ ѡ тцеславіа, и себѣ самагѡ рѡкополагающа во діакона, и ѡглашеннымъ ѡпѣстъ подающа. Икв оубѡ слыша сїа старецъ, толкнѡвъ во дверь, внїде, и срѣтѣ егѡ братъ поклонисѡ по ѡбываю, и молаше оуразумѣти ѡ негѡ, аще многъ часъ имать предъ дверїю стоа. Старецъ же прїатнѡ къ немѡ ѡвѣща: нынѣ, глаголетъ, прїидѡхъ, егда ты ѡпѣстъ ѡглашеннымъ совершалъ еси. Братъ же сїа слышавъ падѣ при ногѡ старца, и молаше егѡ молитисѡ ѡ немъ, ѡкв да избавитсѡ ѡ сеа прелести. Сїа же воспоманѡхъ показати хотѡ, въ колїкое нечѡвствїе привѡдитъ человекѡ сїа бѣсѡ.

Хотѡи оубѡ совершеннѡ подвижатисѡ, и вѣнцемъ правды оувазїтисѡ, всѣми ѡбразы да потцїтсѡ многообразнаго сего свѣра повѣдити, предъ очїма имѣа всегда дѡдомъ реченное: гдѣ рассыпа кѡсти человекѡ-

литве, чтении, безмолвии и долготерпении. Через все это оно старается поразить воина Христова (т. е. монаха). Если не может прельстить к тцеславию роскошными одеждами, то стремится искушать ветхими одеждами (он начинает от этого страдать). Кого не может возвысить прельщением чести, того возносит в гордыню терпением бесчестия. И кого не может склонить его гордиться искусством красноречия, того склоняет посредством молчания, заставляя думать, что он достиг безмолвия. И кого не может склонить расслаблением от роскошной пищи, того расслабляет похвалою от поста. И проще сказать, всякое дело и всякое начинание подает этому лукавому духу причину к брани [против нас].

К этому оно даже заставляет нас мечтать о должности священника. Когда я жил в пустыне скитской, помню одного старца, который, идя в келью одного брата для посещения, когда приблизился к двери его, то услышал того внутри говорящим; и подумал старец, что тот поучается Святым Писанием, и встал послушать его. Затем он понял, что от тцеславия брат лишился разума (логїка) и, самого себя рукоположив в диакона, совершает увольнение оглашенных. Когда старец услышал это, он толкнул дверь и вошел. И брат, встретив старца, по обычаю поклонился ему и спросил давно ли он пришел и долго ли стоял у двери. А старец ласково ему отвечал: я пришел сейчас, когда ты делал отпуст оглашенным. Когда же брат услышал это, он упал в ноги старцу и просил его помолиться за него, чтобы избавиться от этой прелести (плана). Это я вспомнил, желая показать, в какое бесчувствие (αναίσθησία) приводит человека этот дух.

Итак, желающий в полной мере подвизаться и быть увенчанным венцом правды, всеми способами должен стараться победить этого многообразного зверя, всегда имея

Угодникъвъ (Ψал. ѿв, 5): и ничтоже да творитъ възираа человеческую похвалу, но въгда мзды точно да взыскуетъ. И въвергаа присно приходящымъ въ сердце его помыслы, и похваляющимъ его да уничижаетъ себя предъ Богомъ: такъ во возмощетъ съ Богомъ избавитса духа тщеславия.

О гордыни.

Осмый намъ подвигъ есть противъ духа гордыни. Лютѣйшій сей, и всѣхъ первыхъ свирѣпѣйшій. Совершенныхъ наипаче ратца, и едва не на высотѣ добродетелей возшедшымъ покшамса низвертити. Икоже недугъ губителенъ и тлетворенъ, не единъ оудъ тела, но все растлѣваетъ: такъ и гордыня, не часть души, но всю тѣ растлѣваетъ. И въ инѣхъ оубо страстей каждо аще и смущаетъ душу, но къ единой сопротивляющейся ей добродетели брань твора: и сию побѣдити любопрася, въ части помрачаетъ душу и смущаетъ ю. Гордыни же страсть всю тѣ помрачаетъ, и въ послѣднее паденіе низводитъ.

И да яснѣе оуразумѣемъ реченное, смотримъ сице: чревоубіе, воздержаніе тщиася растлѣти: блудъ, цѣломудріе: сребролюбіе, нестяжаніе: ѿростъ, кротость, и прочіи злобы виды сопротивныя тѣмъ добродетели. Злоба же гордыни, егда повладаетъ окаанною душою, икоже нѣкѣй лютѣйшій мучитель, великъ градъ и высокъ прѣемъ, весь той низвращаетъ, и до основанія раскopyваетъ. И свидѣтель сего ангелъ оный падый съ небесе гордости ради: иже въ Бога созданъ бывъ, и всакою добродетелію, и премудростію оукрашенъ, не влчнѣй

перед глазами сказанное Давидомъ: *Господь рассыпал кости човекоугодниковъ* (Пс. 52, 6). Он не должен ничего делать с целью людской похвалы, но искать вознаграждение только от Бога (Θεό). И всегда отвергая приходящие в его сердце помыслы, возносящие ему хвалу, уничижать себя перед Богомъ. Таким образом, с Божьей помощью, вы сможете избавиться от духа тщеславия.

О гордыни

Наша восьмая борьба против духа гордыни. Этот зверь самый лютый, свирепее всех предыдущих. Особенно старается низвергнуть совершенных и почти уже поставленных на вершину добродетелей. И как заразная (κολλητική) и смертельная болезнь разрушает не просто один из членов тела, но все тело; так и гордыня не только часть души, но всю ее уничтожает. И каждая из других страстей смущает (ταράζει) душу, но [яростнее] нападает на сопротивляющуюся ей добродетель. И пытаюсь ее победить помрачает и смущает душу отчасти (т. е. часть души, связанную с этой добродетелью). А страсть гордыни помрачает всю душу, и низвергает ее в крайнее падение.

Чтобы лучше понять смысл сказанного, давайте рассмотрим следующее: чревоугодие пытается развратить воздержание; блуд — целомудрие; сребролюбие — нестяжание; гнев — кротость; и все другие виды злобы — противостоящие им добродетели. А злоба гордыни, когда овладеет (κυριεύσει) несчастной душою, как жестокий (φοβερότατος) мучитель (τύρρανος), взяв высокий и славный город, весь его до основания разрушает. Свидетель тому ангел, который упал с небес из-за своей гордости. Будучи созданный Богом и украшенный всякою добродетелью и премудростью, он хотел приписать это не Гос-

благодати восхотѣ сѣа приписати, но своему естеству. Темже и равна себѣ мнѣше быти бгѣ. И сѣю егѡ мысль ѡбличаа пророкъ глаголетъ: Рѣклъ еси въ сердце твоѣмъ: сяду на горѣ высѡцѣ, поставлю престолъ мой на ѡблацѣхъ, и буду подобенъ вышнему (Исаїи дѣ, гѣ и дѣ). Ты же человекъ еси, а не бгѣ. И паки ины пророкъ глаголетъ: Что хвалишися во словѣ сильне (Псал. ѡа, гѣ) ; и прѡчаа псалма. Сѣа оубѡ вѣдаще, оубоимса, и всацѣмъ хранѣнемъ соблюдемъ свое сердце ѡ смертноснагѡ дѡха гордыни, приснѡ къ себѣ апѡстолово, егда добродѣтель нѣкѡю исправимъ, глаголюще сѣе: не азъ же, но благодать бжїа, ѡже со мною (а Кор. еѣ, гѣ). И сѣе ѡ гда реченное: Икѡ безъ мене не можете творити ничеѡже (Иѡан. еѣ, е). И еже ѡ пророка: аще не гдѣ созиждетъ домъ, все трѡдишася зиждущїи (Псал. рѣс, а). И еже: ни хотѡцагѡ, ни текѡцагѡ, но милѡюцагѡ бга (Римл. ѡ, зѣ). Ибо аще и наипаче вдетъ ктѡ воспаленъ оусердїемъ, и тцѡателенъ произволѣнемъ, плѡтїю ѡбложенный и крѡвїю, не возможетъ къ совершенствѣ достигнѡти, тѡчїю милѡстїю хртѡвою и благодатїю егѡ. Ибо и ѡакѡвъ глаголетъ: всако даѡнїе благо свѣше естъ (ѡак. а, зѣ). И апѡстолъ павелъ, что во ймаши, егѡже нѣси прѡалъ; аще же и прѡалъ еси, что хвалишися, ѡакѡ не прѣемъ (а Кор. д, зѣ), но ѡакѡ ѡ своїхъ возносѡйся; и ѡакѡ благодатїю и милѡстїю бжїею спасенїе намъ бываеетъ: свидѣтель истиненъ разбойникъ ѡный, ѡже не добродѣтели возмездїе царствїе небесное прѡатъ, но благодатїю бжїею и милѡстїю.

Сѣа ѡтцы наші вѣдаще, всї единомысленнѡ предаша, не инакѡ моцїи къ совершенствѣ добродѣтели достигнѡти, тѡчїю смиренїемъ, еже ѡ вѣры, и страха бжїа и крѡтѡсти, и совершенна нестѡжанїа прибывати ѡбы-

подней благодати, но своему естеству, и потому посчитал себя равным Богу. Обличая это, Пророк говорит: *а ты говорил в уме (vov) своем: взойду на небо, сяду на горе высокої, поставлю престол мой, поднимусь выше облаков, и буду подобен Всевышнему*. А все-таки (ѡмос) ты человек, а не Бог (Ис. 14, 13–14). И еще другой Пророк говорит: *Что хвалишься злобою, сильный (Пс. 51, 3)?* [И об этом же продолжает в других псалмах]. Зная это, будем бояться и всяким вниманием охранять свое сердце от смертоносного духа гордыни, всегда говоря себе, когда исправим некую добродетель, слово Апостола: *не я, но благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10), а также сказанное Господом: *ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). А также слово Пророка: *Если Господь не построит дома, напрасно трудятся строители* (Пс. 126, 1). А также: *все зависит не от хотения, ни от подвига, но от помилования Божия* (Рим. 9, 16). Ибо если даже кто-то будет воспламенен искренней (ѡлѡвермї) готовностью и ревностным произволением, будучи облеченный в плоть и кровь, то не сможет достичь совершенства ничем, кроме как благодатью Христа. И Иаков говорит: *[всякое доброе даяние] и всякий совершенный (ѡфѣлмї, полезный) дар (ѡреѡ) приходит свѣше* (Иак. 1, 17). И Апостол Павел: *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что же хвалишься, как будто не получил* (1 Кор. 4, 7), но хвастаешься как-будто они твои? А что благодатью и милостью Божией бывает нам спасение, этому истинный свидетель разбойник, получивший в награду Царствие Небесное не за добродетель, но по благодати и милости Божией (см. Лк. 23, 43).

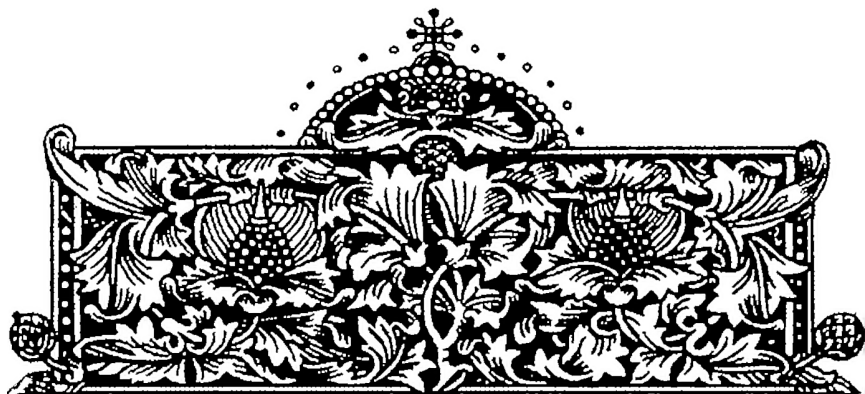
Наши святые отцы, в едином мнении друг с другом, передали это нам, зная, что невозможно иначе достигнуть совершенства добродетели, как только через смирение. Смирение же достигается верой, страхом Божиим, крото-

че: ѿмиже ѿ совершеннаꙗ любви исправлѣетсѧ, благода-
тїю ѿ человеколюбіемъ гдѧ нашегѡ іиса хрѣта, ѿмѡже
слава во вѣки вѣкѡвъ, аминь.

стью и совершенным нестяжанием. Этими же добродете-
лями (аретѣс) достигается (каторθώνεται) и совершенная
любовь, через благодать и человеколюбие Господа наше-
го Иисуса Христа. Ему же слава во веки. Аминь.

ТОГѠЖДЕ ПРЕПОДОБНАГѠ КАССІАНА
КЪ ЛЕОНТИИ И ГЕРМАНА, Ѡ СЪВѢЩАХЪ ОТЕЦѢХЪ,
ИЖЕ ВЪ СКИТСѢ, И Ѡ РАЗСУЖДЕНІИ, СЛОВО
ПОЛЪЗЫ МНОГІА ИСПОЛНЕНО.

Егда оубо въ пустыню скита, идеже ѡ иншкѣ искусс-
нейшии отцы, привяхомъ, азъ же и сватый гер-
манъ, иже ѡ перваго возраста другъ мой духовный
бысть во училищахъ, и въ воинствѣ, и въ иноческомъ
житіи: оузрехомъ авво мωυσεα, мужа свата не точію
дѣлательными добродѣтели, но и бгѡвидѣнемъ духов-
нымъ сїающа. Сега оубо молихомъ со слезами, реци
намъ слово назиданїа, имже возможемъ достигнути со-
вершенства. Иже многу молимъ бывъ, рече: чада, всѣ,
глаголетъ, добродѣтели и начинанїа намѣренїе нѣкое
имѣтъ: къ немуже взирающїи самїхъ себѣ оуправляю-
ще, желаемаго конца достизаютъ. Ибо земледѣлецъ,
овога солнца зной, овога же мрѡза хладъ терпѡщи,
оусерднѡ землю воздѣлываетъ, намѣренїе имѣщи чїстѣ
тѣ ѡ тернїа и быліа показати: конецъ же, еже ѡ
плодѡвъ наслажденїе. И куплю дѣющїй, ни іаже ѡ морѡ,
ни іаже ѡ землїи бѣдѣ боѡщїа, оусерднѡ себѣ предаѣтъ
куплѣ: намѣренїе имѣщи, еже ѡ тоѡ прїобрѣтенїе: ко-

Преподобного отца Иоанна Кассиана
к епископу Леонтию, о святых отцах, пребы-
вавших в скитской пустыне, и о разсуждении,
слово большой пользы исполненное.

Когда в скитской пустыни, где жили среди монахов
искуснейшие отцы, пребывал и я со святым Герма-
ном, давним моим другом и в учении, и в воинстве, и в
монашеской жизни; нашел я авву Моисея, приятно сияв-
шего между этими прекрасными цветами (άλλων, други-
ми) не только деятельными добродетелями, но и лухов-
ным созерцанием. Желая вместе с аввою Германом полу-
чить от него наставление, у аввы Моисея со слезами про-
сили слова назидания. Наконец, убежденный нашими
просьбами, он начал так говорить: Все искусства и науки
имеют какую-нибудь цель, т. е. назначение, и свой конец.
Так земледелец, перенося иногда жару, иногда холод, не-
утомимо воздѣлываетъ землю: он имеет целью очистить ее
от терния и травы, а концом — наслаждение от плодов.
Купец, несмотря на опасности, предстоящие ему на море
и на суше, смело предается купле: он имеет целью при-
быток, а концом — наслаждение от прибытка. Воин не

нѣць же, ѣже ѿ прїѡбрѣтенїа наслажденїе. И вѡннствующїи ни на вѣдѣ, ꙗже ѿ браней, ни на злостраданїа, ꙗже ѿ странствованїа зрѣтъ, намѣренїе имѡще, ѣже ѿ мужества, оупсѣанїе въ достѡинствѣ: конѣць же, ѣже ѿ достѡинства прїѡбрѣтенїе. Имать оубо и нашъ обѣтъ намѣренїе и конѣць свой, ѡ немже всѣкїи трѡдъ и подвигъ претерпѣваемъ оусѣрднѡ. Сегѡ бо ради постъ и недѣнїе не стѡжѣетъ намъ: вѣдѣнїи трѡдъ оуслаждаетъ, чтѣнїе и побчѣнїе писанїи любѣзно вывѣетъ: трѡдъ дѣла, и повинѡвенїе, и всѣхъ земныхъ вещей ѡбнаженїе, и въ сей пѡстыни пребыванїе сладостнѡ совершаютсѣ. Вы же, презрѣвшѣ отечество, и родъ, и весь мїръ, и странствованїе воспрїавше, и къ намъ человекѡмъ грѡбнымъ и невѣждамъ пришѣдше, рцыте мнѣ, коѣе ѣсть ваше намѣренїе, и на каковїи конѣць зрѣще, сїе сотворїсте;

ѡвѣщавше же рѣхомъ: царствїа ради небеснагѡ.

Ничтѡ авва мѡисей, добрѡ, глаголетъ, ѡ концѣ рекѡстѣ. Коѣе же ѣсть намѣренїе, на неже зрѣще и не оуклоняюцесѣ ѿ правагѡ пѣтїи, мѡжемъ достїгнѡти царствїа небеснагѡ, не рекѡстѣ. И егда не вѣдѣти исповѣдахомъ, старецъ ѡвѣща: конѣць оубо нашегѡ обѣта, ꙗкоже речесѣ, царствїе ѣсть вѣжїе, намѣренїе же, сѣрдца чистѡта, безъ неѣже не возможно ѣсть онагѡ концѣ достїгнѡти. Въ сѣмъ оубо намѣренїи всегда нашъ оумъ да бѡдетъ: и ꙗще когда случїтсѣ на мѣло времѣ сѣрдцѣ ѿ правагѡ оуклонїтсѣ пѣтїи, автѣ егѡ да возведѣмъ, ꙗкоже тектонїческимъ правиломъ намѣренїе оуправляюще. Сїе и блаженнїи пѡвелъ свѣдый глаголетъ: заднаѣ оубо забывѣа, въ преднаѣ же простираѣсѣ, къ намѣренномъ текъ, къ почести вышнагѡ званїа вѣжїа (Филп. ̑, ̑и и ̑и).

Сегѡ оубо ради намѣренїа и мы всѣ содѣваемъ, сегѡ ради всѣ презираемъ, и отечество и родъ, и богатство и весь мїръ, да чистѡтѣ сѣрдца стѣжемъ. ꙗще же намѣ-

смотрит ни на опасности в сражениях, ни на трудность в походах: он имеет целью повышение в чине, а концом — пользу от чина. Так и наш обет имеет свою цель и свой конец, для достижения которого мы охотно сносим всякий труд и всякую тягость. Поэтому воздержание поста не утруждает нас, труд бдения нас услаждает, чтение и испытание писаний происходит с охотою, трудность работ, послушание, нестяжание, лишение всех земных вещей и пребывание в пустыне с приятностью совершаются. А вы, презревшие отечество, род свой, весь мїръ, принявшие странствование и пришедшие к нам, людям грубым и необразованным, скажите мне: какая ваша цель? И какой конец имели вы в виду, сделав это?

Мы в ответ на это сказали: ради Царства Небесного.

На это авва Моисей ответил: вы хорошо сказали о конце. Но не сказали, какова та цель, взирая на которую и не уклоняясь от правого пути, мы можем получить Царство Небесное. Когда мы признались, что не знаем, старец отвечал: конец нашего обета, как сказано, есть Царство Божие, а назначение наше, т. е. цель — чистота сердца, без которой невозможно достичь этого конца. Итак, к этой цели да будет всегда устремлен ум наш, и если случится, что сердце наше несколько уклонится от правого пути, мы тотчас обратим его и как бы по правилу архитектурского искусства направим к цели. Об этом же и Апостол Павел говорит: *забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3, 13. 14).

Ради этой цели мы все переносим и делаем. Для нее все оставляем: родителей, отечество, достоинства, богатства, забавы и удовольствия этого мїра, чтобы приобре-

ренїа сегѡ забвенїе сотворїмъ, нѣждно ѣсть, ѣкѡ во тьмѣ ходѣщимъ, и кромѣ прѣвагѡ пѣтї шестѡвѡ-
 цымъ, многѡ претыкѣтисѧ, и многѡ заблѣждѣти. Сїе
 во мнѡгимъ прилѣчїсѧ, иже въ началѣ ѡреченїа,
 презрѣвшїе богатство, и сребро, и весь мїръ, ѡбїе ѡ кир-
 кѣ, и иголѣ, и трѡсти, и книзѣ воздвїзѣютъ ѣрость и
 гнѣвъ: не бї же пострадали, ѡце бї помнили намѣре-
 нїе, коегѡ ради всѧ вещи презрѣша. Ради бо ближнихъ
 любвї богатство презираемъ, да не ѡ сѣмъ тѣжѣшесѧ,
 и гнѣва страсть оумножѣюще, ѡпадѣмъ любвѣ. Егда
 оубѡ въ малыхъ вещьехъ слѡвы гнѣва показѣемъ къ
 братѣ, ѡпадѡхомъ намѣренїа, и польза ни едина намъ
 ѡреченїа. Еже и блаженный апѡстолъ свѣдый рече: ѡце
 предѣмъ тѣло мое во еже сжеци ѣ, любвѣ же не ѣмамъ,
 никаѧ польза ми ѣсть (ѧ Кор. гї, г). Тѣмже наѡчаемсѧ,
 ѣкѡ не ѡбїе лишенїю и ѡставленїю вещьей совершенство
 послѣдствѣетъ: но по исправленїи любвї, еѧже свѡй-
 ства самъ апѡстолъ ѡписѣетъ: любы, глаголѧ, не за-
 вїдїтъ, не превозносїтсѧ, не гордїтсѧ: не ищетъ сво-
 ихъ сї, не раздражѣетсѧ, не мыслїтъ зла (ѧ Кор. гї, д).

Сїа же всѧ чїстотѣ содѣвѣютъ сѣрдца. Селѧ ради
 подобѣетъ всѧ творїти: и богатство презрѣти, и по-
 ценїа и вѣнїа сладостнѡ претерпѣвѣти, и въ чтѣ-
 нїихъ и ѡалмѣхъ пребывѣти. Обѧче ради предреченныхъ
 не пренебреци ѡнѡю, ѡце когда случїтсѧ по нѣкоемѣ
 нѣжномѣ, и по бзѣ оупражненїю ѡ ѡбѣчнѡгѡ поста вос-
 патїтисѧ. Не толїкъ бо ѣсть прїбытокъ ѡ поста, ко-
 лїка тщета ѡ гнѣва: ниже толїка ѡ чтенїа польза, ко-
 лїкъ вредъ, презрѣти брата и ѡпечалїти егѡ. Ибо по-

сти постоянную чїстоту сѣрдца. Если же забудем эту
 цель, то обязательно нам, как идущим во тьме и не пря-
 мым путем, часто спотыкаться и многократно заблуж-
 дать. Это со многими случилось, кто презрев огромные
 богатства этого мїра, и не только многие тысячи золота и
 серебра, но и множество поместий, после, как мы видели,
 возмущались гневом из-за ножичка, грифеля, иглы, пис-
 чего пера. Они не возмущались, если бы помнили что
 презрели богатство ради любви к ближнему[, чтобы не
 ссорились (φιλονεικούμε) о нем и растущим (μεγαλώ-
 νοντας) настроением (διάθεση) гнева не отпали от любви
 (αγάπη). И хотя все свои богатства из любви к Христу
 расточили, однако, удерживая прежнее прїстращїе сѣр-
 ца к вещам маловажным и по их поводу иногда гневаясь
 [на брата], во всем остаются бесплодными, пустыми, так
 как будто они не имели апѡстольской любви. Блаженный
 Апѡстолъ, предвїдя это в духе, говорит: *если я раздам все
 имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не
 имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 3). Этим
 ясно доказывается, что совершенство не приходит тотчас
 с нищетою, расточением всех богатств или с отвержени-
 ем достоинств, а состоит в любви, свойства которой Апо-
 столъ описывает, и которая состоит только в чїстоте сѣр-
 ца: *любовь не завидует, не возносится, не безчинствует,
 не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла* (1 Кор.
 13, 4–6).

Итак, для этой чїстоты нам следует все делать и же-
 лать; для нее в пустыню надо удаляться, для нее нужно
 предпринимать посты, бденїа, труды, нищету телесную,
 чтение и другие добродетели, чтобы через них сделать и
 сохранить сѣрдце наше чїстым от всех вредных страстей.
 И если по требованїю какого-либо нужного и предпри-
 нимаемого для Бога дела мы вынуждены оставить их (т.
 е. пост, бденїе и проч.), то не следует нам впадать в
 скорбь, гнев или негодование, для подавления которых

сты, и бдѣніа, и побчєніе писаній, и лишєніе богѣтства, и ѿречєніе всегѡ міра, нѣсть совершєнство, ꙗкоже речеся, по совершєнства орѣдіа. Понєже не въ сіихъ ѡбрѣтѣется совершєнство, но сіими прѡобрѣтѣется. Все оубо постѡмъ и бдѣніемъ и нестѣжаніемъ и чтєніемъ писаній хвалимся, егда ни ꙗже къ бгѡу, ни ꙗже къ ближнемъ, любви не исправимъ. Исправимый бо любовь, въ себѣ имать бга, и оумъ егѡ приснѡ съ бгомъ єсть.

На сіе германъ: и ктѡ мѡжетъ плѡти сєй сопрѣженый имѣти оумъ приснѡ съ бгомъ, ꙗкѡ да ничтѡже ино помышлетъ, ни ѡ посѣщеніи больныхъ, ни ѡ пріятіи страннѡхъ, ни ѡ рѣкодѣліи, ни ѡ прочиѡхъ требованіахъ тѣла, нѣждныхъ сщцихъ и непремѣнныхъ: наконецъ, какѡ возмѡжетъ оумъ человѣка, невидимаго и непостижимаго бга приснѡ зрѣти, и неѡлчєнъ ѡ негѡ быти;

Мѡѡсєй рече: зрѣти приснѡ бга и неѡлчєнъ ѡ негѡ быти, тѣмъ ѡмже неощѣете ѡбразомъ, не возмѡжно человѣкѡ плѡть носѣщемъ и немоци сопрѣженномъ: инѣмъ же ѡбразомъ возмѡжно зрѣти бга, бга бо видѣніе многообразнѡ постигається и зрѣтсѡ. Ибо бгѡ не въ єдинѡмъ блаженномъ и непостижимѡмъ егѡ сщцествѣ познавается: сіе бо въ бѣдѡщемъ вѣцѣ святѡмъ егѡ єдинѡмъ предѡстѡвисѡ: но ѡ величєства и доброты егѡ тварей, и ѡ бываемагѡ по всѡкъ дєнь оустроєніа егѡ и промыслєніа познається: и ѡ правды егѡ, и ѡ чѡдєсѡ, ꙗже во всѡкомъ рѡдѣ во святѡхъ своиѡхъ ꙗвляеть. Егда бо помыслимъ неизмѣримѡю егѡ силѡ, и недрємлющее егѡ ѡко, тайнаа сердцеъ зращее, и

мы должны будем совершать пост, бдение и прочее. Ибо не столько приобретаем от поста, сколько теряем от гнева, и не столько получаем пользы от чтения, сколько вреда от презрения брата. Итак, посты, бдения, упражнение в Св. Писании, нищета, расточение всего имущества не составляют совершенства, но только средства к совершенству; поскольку не в них состоит конец жизни монашеской, но посредством их достигается конец. Напрасно мы хвалимся чтением Писаний, постом, когда ни к Богу, ни к ближнему любви не имеем (не достигаем). Обретший в себе любовь, обретает в себе Бога и ум всегда пребывает с Ним.

На это Герман отвечает: «Кто же, облеченный слабой плотью, может всегда заниматься этим созерцанием так, чтобы никогда не думать о приходе брата, о посещении больного, о рукоделии или о человеколюбии, или принятии странников, или посещении другими и о прочих необходимых и неизбежных потребностях тела? Наконец, как может разум (διάνοια) человеческий всегда видеть невидимого и непостижимого Бога и быть неразлучен с Ним?»

Авва Моисей сказал: «Правда, таким образом, как вы говорите, невозможно человеку, связанному немощью плоти, непрестанно созерцать Бога и быть неразлучным с Ним. Но нам следует знать, что созерцание Бога многообразно бывает. Ибо Бог познается не в одном блаженном и непостижимом существе Своем, что предоставлено святым Его в будущем веке, но познается также из величества и красоты Его творений, из ежедневного Его устройства и провидения, из правосудия Его, из чудес, которые Он являет в каждом роде над святыми Своими. Ибо когда мы помыслим о беспредельном Его могуществе, о неусыпном Его оке, которое видит тайны сердечные и от которого ничто не может скрыться, то, объятые сердечным

ѣкъ ѿ негѡ ничтѡже сокровѣнно быти мѡжетъ: тогда страхомъ сѣрдца ѡдержими, оудивляемса и поклоняемса емѸ. Егда помыслимъ, ѣкъ изочтены оу негѡ сѣтъ капли дождя, песокъ моря, и свѣзды неба, оужасаемса ѡ величїи естества и премѸдрости егѡ. Егда помыслимъ ѡ неизглаголаннѣй и неисповѣдимѣй егѡ премѸдрости и челоувѣколѡбїи, и ѡ непостижимѣмъ долготерпѣнїи, носѡщемъ безчисленнаа беззакѡнїа грѣшникѡвъ, прославляемъ егѡ. Егда помыслимъ ѡ величїи егѡ къ намъ любви, ѣкъ ничтѡже благо сотворшымъ намъ, благоизволи челоувѣкъ быти, бгѡ сый, да спасетъ ны ѿ прѣлести: возбѸждаемса къ любленїю егѡ. Егда помыслимъ, ѣкъ врага нашего дїавола самъ въ насъ побѣждаа, за едино наше произволѣнїе и ко благомѸ преклонѣнїе, вѣчнѡю намъ дарствѸетъ жизнь, поклоняемса емѸ. Сѣтъ же и ѡна таковаа неисчетнаа бгѡзрѣнїа, ѣже по мѣрѣ дѣланїа нашегѡ, и по мѣрѣ ѡчищенїа, въ насъ возраждаютса, ѡмиже зрїтса бгѡ и познаваѣтса.

Паки вопроси германъ: ѡкъѸдѸ вываѣтъ сїе, ѣкъ многажды не хотѡщимъ намъ мнѡгаа помышлѣнїа и слыѣе помыслы стѸжаютъ, и вмалѣ невѣдѸщимъ намъ, тайнѡ и тонкѡ привхѡдаѣце, ѣкъ не точїю не моции возбранїти внїти ѡмъ, но и затрѸднѣнїю мнѡгомѸ быти, познавати ѡныхъ; и аще возмѡжно мысли всеконѣчнѡ празднои и никакѡ нестѸжимой быти ѿ сїхъ, научїтиса хѡцѣмъ;

МѡѸсѣй речѣ: мысли нестѸжимѣй быти помышлѣнїи сїми, невозмѡжно: прїати же сїа, и пребывати въ нихъ, илї ѡвергнѸти а, всакомѸ тѣацѣмѸса возмѡжно. Ѣкоже во прїитїи тѣмъ, нѣсть ѿ насъ: сїце ѡгнѡнїе ѡныхъ, во власти нашей ѣсть. Такожде и исправлѣнїе нашеа мысли въ нашемъ ѣсть изволѣнїи и тѣанїи. Егда во разѸмнѡ и частѡ побѸаемса законѸ бжїю, во ѡал-

страхом, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслим, что Он знает число дождевых капель, песка морского и звезд небесных, то поражаемся величием естества и премудрости Его. Когда помыслим о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и челоуколюбии, о непостижимом долготерпении, переносящем бесчисленные падения грешников, то прославляем Его. Когда помыслим о великой любви Его к нам, по которой Он не погнушался для нас, ничего доброго не совершивших, сделаться челоуком, чтобы избавить нас от обольщения, то пробуждаемся к любви Его. Когда подумаем, что Он сам, побеждая в нас врага нашего, дьявола, дарует нам жизнь вечную за одно проявление воли и расположение к добру, то поклоняемся Ему. Есть и другие бесчисленные, подобные этим, созерцания, через которые Бог становится видимым и понимаемым, и которые раскрываются в нас по качеству жизни и по чистоте сердца.

Снова спросил Герман: «От чего это бывает, что многие вожделения и суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведома обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем воспрепятствовать их входу, но с великим трудом можем узнать их? И, если это возможно, мы хотим научиться, чтобы наш разум (διάνοια) стал совершенно свободным от этих помыслов (λογισμοῦς) и не тревожился (ενοχλεῖται) совсем (διόλου)».

На это авва (αββάς) Моисей ответил: «Не возмущаться духу этими помыслами невозможно; но принять их или отвергнуть — это по силам всякому, кто при помощи Божией употребит для этого старание. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или принятие их состоит в нашей воле. Если разумно и тщательно поучаемся в законе Божьем, упражняемся в псалмах и пении, пребы-

мѣхъ же и пѣснехъ глаголемъ, въ постѣхъ же и бдѣнїихъ пребываемъ, и поминаемъ частю бѣдущаа, царствїе небесное, и геенны огнь, и вса дѣла бжїа, тогда помыслы оумалаютса, и мѣста не ѡвртѣаютъ. Егда же въ мїрскихъ попеченїихъ и плотскихъ вѣщехъ пребываемъ, и бесѣдамъ суетнымъ и празднымъ себѣ предаемъ, множатса въ насъ злые помыслы. Икоже бо мельницѣ ѡ водѣ двїжимѣй, не возможно престати ѡ двїженїа: во власти же есть приставника мельницею житю молотѣ или кѡколь: сице мысль наша приснодвїжима сщїи не можетъ престати ѡ помыслѡвѣ. Въ насъ же есть дати ей или дхѡвное поученїе, или тѣлесное дѣланїе.

На сїа двѣящїхса насъ видѣ старецъ и измѣвѣающїхъ, и ко словесемъ егѡ насытымъ желанїемъ расположенныхъ, не многѡ оумолчавъ, паки рече: понеже въ долготѣ толїкѡ слово простре ваша любовь, и еще послѣшати желаете: и ѡ сегѡ нещїю, їакѡ воїстиннѡ оученїа совершенства жаждете. Хоцѣ оубо вамъ ѡ изрѣднѣйшей добродѣтели, ѡ разсѣжденїи сїестъ глаголати, їаже междѡ инѣми добродѣтельми, їаки градъ верхѣ стоащѣ, и царица есть: и показати преимущество тоа, и высотѣ, и пользѣ, не точїю нашими словесы, но и дрѣвними мнѣнїи отецъ, гдѣ благодать по достоанїю и желанїю слышачїихъ, повѣдающимъ подающѣ. Есть бо не мала добродѣтель, но ѡ нарочитѣйшихъ стѣагѡ дха дарованїи сщїаа, ѡ нїхже глаголетъ апѡстолъ: ѡвомѣ даѣтса дхѡмъ слово премѣдрости, инѡмѣ же слово разума, ѡ томже дсѣ, дрѣгомѣ же вѣра тѣмъ же дхѡмъ, инѡмѣ дарованїа исцѣленїи, дрѣгомѣ же разсѣженїа дхѡвѡмъ (а Кор. вї, и и ѣ). Таже исполншѣса исчисленїю дхѡвныхъ дарованїи, присовокѣплаетъ: вса же сїа дѣйствуетъ єдинъ и тойже дхѣ. Зрїте оубо, не зем-

ваемъ в посте и бдени, непрестанно помнимъ о будущемъ, о Царстве Небесномъ, о геенне огненной и о всехъ делахъ Божїихъ, то злые помыслы уменьшаются и не находятъ места. Когда же, наоборотъ, занимаемся мїрскими заботами и плотскими делами и вдаемъся в суетные и праздные беседы, тогда злые помыслы умножаются в насъ. Такъ Деятельность души хорошо сравнивается съ мельничнымъ жерновомъ, который отъ стремительного течения воды быстро вертится кругомъ. Онъ не можетъ перестать крутиться, будучи двїжимъ водою. Но во власти приставника состоитъ — пшеницу ли молотъ или житю, или куколь растирать. Такъ и мысль наша не можетъ быть свободна отъ помысловъ, но в нашей силе заняться рукоделиемъ или поучениемъ духовнымъ».

Старецъ, видя наше удивление и восхищение (θαυμασμό), и что ненасытно (αχόρταγο) желаемъ слышать слова его, немного помолчавъ, опять началъ говорить: Поскольку желание ваше продолжило разговоръ на столь долгое время и вы еще желаете слушать, такъ что я могу заключить, что вы действительно жаждете познать путь къ совершенству, то я хочу побеседовать съ вами о превосходномъ благе рассудительности, которая среди другихъ добродетелей есть какъ бы некоторый укрепленный и главный городъ, — и показать превосходство ее, высоту и пользу, руководствуясь не только собственными понятиями и примерами, но и мнениями дрѣвнихъ отцовъ. По достоинству и усердїю слушающихъ благодать Господня внушаетъ слово говорящимъ. Рассудительность есть не малая какая добродѣтель и не можетъ быть приобретена только человеческимъ стараниемъ, а подается по божественной благодати и дару. Она причисляется къ особеннымъ дарамъ Св. Духа, о которыхъ говоритъ Апостолъ: *одному дается Духомъ слово мудрости; иному вера, темъ же Духомъ; иному дары исцелений темъ же Духомъ; иному различение*

ный, ниже малый есть разсужденіа даръ, но вѣѣа благодати величайшій даръ. Емѣже ѡце ѡнокъ всею сілою и тцѡнїемъ не послѣдуетъ, и входѡщихъ въ него дѡхѡвъ разсужденїю твѣрдѡмъ помысломъ не навѣикнетъ, нѣжно есть емѣ ѡкѡ въ ноци заблѡждшемѣ, не тѡчїю въ лютѣйшѡ слѡбы ѡамѡ впадѡти, но и на равныхъ и правыхъ мѣстѣхъ претыкѡтисѡ.

На пѡмѡть оубо мнѣ прїиде ѡногдѡ въ лѣтѣхъ ѡности моеѡ, въ предѣлѣхъ Фиваїды, идѣже блаженный антѡнїй пребѡваше, старцемъ собравшимсѡ къ немѣ, и взысканїе съ нимъ творѡщимъ ѡ совершенствѣ добродѣтели: кѡа сіестъ всѣхъ была въ большѡмъ добродѣтели, и могѡщаѡ ѡнока ѡ сѣтей дїавѡла, и прѣлести егѡ безвредна сохраниѣти. Кїиждо оубо по понѡтїю своеѡ мысли давѡше мнѣнїе. И ѡвїи глаголахѣ постъ и вѣнїе: ѡкѡ сіи истончѡваѡщейсѡ мысли и чистотѣ присѡщей, оубѡвѣ къ бѣѡ моци привліжитисѡ. ѡвїи же, нестяжанїе и презрѣнїе своїхъ вещей: ѡкѡ ѡ сегѡ мысли многоплетѣнныхъ вѣрвїи мїрскагѡ попеченїа избѡавшейсѡ, оубѡвѣ моцно къ бѣѡ привліжитисѡ. ѡвїи же мїлостыни добродѣтель предпочтѡша, ѡкоже гдѣ во еѡлїи глаголющѣ: прїидїте благословеннїи оцѡа моегѡ, наследѡйте оугѡтованное вамъ царствїе ѡ сложенїа мїра: взалкахсѡ бо, и дасте мї ѡсти (Матѡ. кѣ, лд и лѣ), и прѡчѡ. И егдѡ сімъ ѡобразомъ разлічными добродѣтельми кїиждо по своемѣ мнѣнїю глаголаше пѡче моци чѡлѡвѣкѣ привліжитисѡ къ бѣѡ, мимоїде мнѡга часть ноци въ прѣнїи сѣмъ. Послѣжде всѣхъ блаженный антѡнїй ѡвѣщѡ: сіѡ всѡ, ѡже рекѡсте, и нѣжна

духов; и после исчисления духовных даров прибавляет: *все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно* (1 Кор. 12, 8–11). Итак, видите, что дар различения или рассудительности есть не земной и не малый, но величайший дар божественной благодати. Если монах не будет искать его со всем старанием и с помощью здравого рассуждения не приобретет этого распознавания входящих в него духов, то он, как блуждающий ночью в густой тьме, не только обязательно будет падать в глубокие рвы пороков, но часто спотыкаться и на гладких, ровных местах.

Помню, когда я еще в молодые годы находился в пределах Фиваиды, где обитал блаженный Антоний, старцы собрались к нему для рассуждения о совершенстве. С вечера до утра продолжалось собеседование, исследовали, какая добродетель больше всех, какая бы могла всегда сохранять монаха невредимым от сетей обольщений дьявола и вести прямым путем к верху совершенства. Одни видели это в усердии к посту и бдению, потому что посредством их утончается дух, приобретает чистота сердца и тела, и потому удобнее можно соединиться с Богом. Другие видели в нестяжании и презрении всех вещей, от которых отрешившись, как от задерживающих уз, дух свободнее приближается к Богу. Иные считали необходимым отшельничество, т. е. удаление в пустыню на уединение, в котором пребывающий может дерзновеннее молиться и лучше прилепляться к Нему. Некоторые утверждали, что надо исполнять обязанности любви или человеколюбия, потому что преимущественно за это Господь в Евангелии обещает Царство Небесное, говоря: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня* и пр. (Мф. 25, 34, 35). Когда таким образом каждый по-своему представлял различные добродетели, посредством кото-

сѣть и полѣзна ищущимъ бѣ, и къ немѹ прїити желѣющимъ: но симъ добродѣтелемъ прїимѹщества подати не поощряетъ намъ то, ѣкѡ ѡбрѣтохомъ мы многихъ и въ постѣхъ и вѣдѣніихъ ходившихъ, и въ пѣстыню самихъ себѣ ѡлчившихъ, и въ нестѣжани крайнѣйшемъ претерпѣвшихъ такъ, ѣкѡ ниже дневныя пищи себѣ ѡставити: и милостыню исправившихъ толѣкѡ, ѣкѡ не долѣти имъ имѣній къ раздаѣнію: и по сихъ ѡкааннымъ ѡпадшихъ добродѣтели, и къ нечестїю поплзшихся, что оубо ихъ совратитиса правагѡ пѣти содѣла; Не ино что, по моемѹ мнѣнію, развѣ ѣкѡ не имѣлахъ они дарованїа разсѣжденїа. Сїе бо оучитъ человекѣ ѡставлати въ обоѣмъ безмѣрїе, и пѣтемъ царскимъ шествовати: и не поощряетъ, да ѡ десныя страны ѡкрадаемъ бѣдетъ безмѣрнымъ воздержанїемъ, ниже да ѡ страны шѣмъ къ нерадѣнію низвлечѣнъ бѣдетъ и разслабленїю. Ибо ѡко нѣкое дѡши и свѣтильникъ разсѣженїе естъ, по ономѹ еѡльскомѹ глагѡлющемѹ: свѣтильникъ тѣло естъ ѡко: ѣще оубо ѡко твоѣ прѡсто бѣдетъ, все тѣло твоѣ свѣтло бѣдетъ: ѣще же ѡко твоѣ тѣмно бѣдетъ, все тѣло твоѣ тѣмно бѣдетъ. Ибо такъ имать: занѣ всѣ помышленїа и дѣланїа разсѣженїе человекѣ испытѹюци, раздѣллетъ, и ѡлчаетъ всѣкое лѣкавое и вѣс неугѡдное дѣло, и далѣкѡ ѡ негѡ творитъ прелесть.

И семѹ научитиса кїждо мѡжетъ и ѡ повѣствованїемъ бжѣственныхъ писанїй. Саулъ бо оный первыи воспрїавый царство ісраїлево, понѣже не имѣаше ѡчесѣ разсѣженїа, ѡмрачився мыслїю, не разумѣ разсѣдїти, ѣкѡ паче приношенїа жѣртвы, оугѡдно бѣ вѣгови повинѣтиса заповѣданїю стѣгѡ самѡила (ѡ Цар. 1, ѡ). И ѡ нихъже нещевѡ оугѡдїти вѣс, сими прогнѣвллетъ егѡ, и ѡвѣрженъ бывѣетъ царства (ѡ Цар. 11, ѡ и 12). Не бы

рых человек удобнее может приблизиться к Богу, и уже большая часть ночи прошла в этом исследовании, блаженный Антоний наконец стал говорить: все это, о чем вы говорите, нужно и полезно ищущим Бога и желающим прийти к Нему. Но всем этим добродетелям отдать первенство не позволяют бесчисленные опыты и падения многих. Ибо некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них средств для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не что иное, как недостаток в них рассудительности. Ибо она учит человека идти царским путем, сторонясь крайностей с обеих сторон: с правой стороны не допускает обольщаться чрезмерным воздержанием, с левой — увлекаться к беспечности и расслаблению. Рассудительность в Евангелии называется глазом и светильником души, как говорит Спаситель: *Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно* (Мф. 6, 22. 23). Это потому, что рассудительность, исследуя все мысли и дела человека, отлучает и отстраняет всякое зло и неугѡдное Богу дело и удаляет от него всякое обольщение.

Всякий может видеть это и из повествований Св. Писания. Саул, которому первому вверено было Израильское царство, поскольку не имел рассудительности, будучи помрачен разумом, не мог понять, что повинование воле св. Самуила (1 Цар. 10, 1) было гораздо угоднее Богу, нежели принести жертву (1 Цар. 10, 8); и чем думал угождать Богу, тем прогневал Его, и отвержен от царства

сїе претерпѣлъ, ѿще вы свѣтъ разсѣжденїа въ себѣ стажа́лъ.

Сїе и́ апостолъ солнце и́менуетъ, по речѣнномъ ѿ негѡ: солнце да не зѣдетъ во гнѣвѣ вашемъ (Ефес. 4, 26). Сїе и́ нашеѣ жизни глаголетсѣ ѡкормленїе, по писанномъ: въ нѣхже нѣсть ѡкормленїа, падаютъ ѡкъ листвїе (Притч. 11, 4). Сїе совѣтомъ въ писанїи глаголетсѣ, егѡже кромѣ да ничесѡже творїмъ, ѿ писанїа научаемсѣ. И́ ниже сїе дѣхѡвное вїно, е́же веселїтъ сердце человѣка, безъ совѣта пїти ѡставлаетсѣ, по глаголющемъ: съ совѣтомъ вїно пїй (Еккл. 31, 3. Притч. 1, 4): и́ паки, ѡкоже глаголетъ, градъ стѣнами разорѣнъ, и́ неугражденъ, та́къ мѡжъ творѣи что́ безъ совѣта (Притч. 14, 12). Въ сѣмъ премѡдрость, въ сѣмъ разумъ и́ чѣство состоѣтъ, и́хже кромѣ ниже внѣтряннїи нашъ дѡмъ зїждитисѣ мѡжетъ, ниже дѣхѡвное богатство собрано быти, по речѣнномъ: съ премѡдростїю зїждетсѣ дѡмъ и́ съ разумомъ и́справлаетсѣ, и́ съ чѣствїемъ и́сполнѣютсѣ сокровїца богатства (Притч. 13, 12). Сїе речесѣ и́ твердаѣ пища и́мѡщиныхъ чѣствїа ѡбѣченна долгимъ оученїемъ въ разсѣденїи добра́ же и́ сла́. Сїми оубо ѡвственнѣ показѣтсѣ, ѡкъ ниеди́на безъ дарованїа разсѣденїа добродѣтель составитсѣ, и́ли тверда́ до конца́ пребыти мѡжетъ. Всѣхъ бо добродѣтелей ма́терь и́ хранительница е́сть разсѣденїе.

Сїе оубо положенїе и́ мнѣнїе антѡнїа, е́мѡже соединомысленнїи и́ прочїи отцы́ быша. Но да и́ ѿ новѣйшихъ и́ въ наша́ времена́ бывшихъ оуказанїи оутвердимъ положенїе стѣгѡ антѡнїа. Воспоманїте и́ вы старца и́рона, и́ ѡкаанное паденїе, е́же пострадѣ пре́жде малы́хъ сїихъ днѣй предъ очїима́ нашими. Кїнмъ ѡбразомъ; посмѣанїемъ дїавола ѿ высоты ѡныа́ житїа́ во глубинѣ смѣрти сведесѣ. Сего́ бо помнимъ пѣтдесѣтъ лѣтъ въ пѣстыни пребывша, вели́кю жестѡкость житїа́ и́ крѣп-

(1 Цар. 15, 19. 23), чего не случилось бы, если бы снискал себе свет рассудительности.

Рассудительность и́ Апостолъ называет солнцем, когда говорит: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Она называется также кормилом жизни, как сказано в Св. Писании, *при недостатке попечения* (управления) *падет народ* (Притч. 11, 14). Она в Св. Писании называется советом, без которого мы не можем ничего делать, так что без него не позволяет пить и́ само духовное вино, веселящее сердце человека, по следующему изречению: *с советом все делай, с советом пей вино* (Притч. 31, 4), и́ еще: *что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим* (Притч. 25, 28). В ней состоит премудрость, в ней разум и́ смысл, без которых нельзя ни созидать внутреннїи наш дом, ни собирать — духовное богатство, как сказано: *с премудростїю устрояетсѣ дом и́ разумом укрепляется* (ψηλόνει, растет выше) *и́ с мудростїю* (φρόνησι) *наполняются кладовые всяким богатством* (Притч. 24, 3). Она называется крепкой пищею, свойственной тем, которые навыком приучили духовные (πνευματικά) *чувства к различению добра́ и́ зла* (Евр. 5, 14). Из этого ясно открывается, что без дара рассудительности не может стоять никакая добродѣтель или пребывать твердой до конца́. Ибо она есть мать, хранительница и́ управительница всех добродѣтелей.

Вот мнение и́ решение св. Антонїа, с которым и́ прочие отцы́ согласны были! Но чтобы решение св. Антонїа утвердить новейшими примерами и́ опытами наших времен, вспомните о жалком падении старца Ирона, которому он подвергся перед нашими глазами несколько дней назад; как он, прельщенный дьяволом, с такой высоты жизни низвергся в бездну смерти. Мы помним, что он пятьдесят лет пребывал в пустыне, вел самый суровый образ жизни, хранил строгое воздержание, пребывал в

кое воздержаніе стажавша, и въ глубочайшей пѣстыни, паче всѣхъ, иже здѣ, пребывша, и оудиненіе возлюбльша. И по толицѣхъ трудѣхъ и подвижѣхъ поруганъ ѿ діавола, и въ тагчайшее паденіе поползньвса, вса иже въ пѣстыни отцы и братію въ нештѣшный плачь вверже. Не бы сѣе претерпѣлъ быхъ, аще бы былъ оутвержденъ разсуденіа добродѣтелию, иже научила бы егò не своемъ помыслѣ, но совѣтѣ отѣцъ и братій повинѣтиса: толікѣ бо своемъ помыслѣ послѣдѣа, пощеніе и ѿлѣченіе ѿ человекъ люблѣше, іакѣ ниже въ празникъ стѣа пасхи прибыти въ церковь, да не пришѣдъ въ собраніе и со отцы и братією, іадый съ ними кѣпнѣ, понужденъ вѣдетъ прѣати овоци, или ино что, приносимое на трапѣзѣ, и возмнѣтъ себѣ ѿпадша своегò намѣреніа и правила. Снѣце оубо намнѣзѣ своимъ хотѣніемъ прельстѣвса, аггела, сатанина прѣемъ, семъ іакѣ аггелъ свѣта поклонѣса: иже повелѣ емъ въ полноци въ глубочайшій кладезь воврещи себѣ, да познаетъ искѣсомъ, іакѣ никакоже каковѣлибѣ оужѣ вѣдѣтѣ подпадѣтъ, великихъ ради егò добродѣтелей, и бгѣогòдныхъ трудѣдѣвъ. Сѣи же не разсудѣвъ помыслѣмъ совѣщаваѣущагѣ стѣа, но помрачѣвса мыслію, вверже себѣ въ полноци въ кладезь. И не по мнѣзѣ, оувѣдѣвше братіа случѣвшееса, едва со мнѣгимъ трудѣмъ возмогòша ѣле жива сѣца извлещи егò. И по извлеченіи живъ двѣ дни, въ третій оумре, ѿставивъ братій и старѣцѣ пафнѣтїю плачь нештѣшный: иже человекѣлюбѣемъ подвигѣса мнѣгимъ, и поманѣвъ мнѣгїа егò труды, и мнѣгочисленны лѣты, іаже въ пѣстыни претерпѣ, не ѿлѣчї егò ѿ поминовѣніа, и приношеніа почнѣвшихъ, іакѣ да не причѣтѣса къ оумѣршымъ насильственнѣ.

Что рекъ ѿ онѣхъ двѣхъ братѣхъ, иже пребывахѣ ѿбѣ онѣ полъ пѣстыни фиваиды, ідѣже иногò блаженый антѣнїи пребываѣше. Снѣ бо неразсуднымъ помыс-

глубокой пустыне и более всех, здесь живущих, предавался уединению. Но после таких трудов и подвигов он, поруганный дьяволом, подвергся тягчайшему падению, причинив безутешную скорбь живущим в пустыне отцам и братьям. От этого не пострадал бы он, если бы обладал добродетелью рассудительности, которая научила бы его повиноваться не собственному помыслу, но совету отцов и братьев. Следуя собственному помыслу, он до того заботился о посте и уединении от людей, что и в праздник святой Пасхи не приходил в церковь, опасаясь, чтобы, сойдясь с отцами и братьями и едя вместе с ними, не вкусить овощей или чего-либо другого, предложенного на трапезе, и не показаться отпадшим от своей цели и правила. Итак, долго прельщаемый своею волею, он принял к себе ангела сатаны и, поклонившись ему, как ангелу света, получил от него повеление — в полночь броситься в глубокий колодец, чтобы опытом удостовериться, что он по заслугам своих добродетелей и трудов уже не подвергнется никакой опасности. Не размышляя в уме своем о том, кто это советовал, омрачившись рассудком, он в полночь бросился в колодец. Немного спустя братья, узнав о случившемся, с великим трудом смогли вытащить его полумертвого. Прожив после извлечения два дня, в третий он помер, оставив безутешную печаль братьям и настоятелю Пафнутию, который, будучи движим великим человеколюбием и помня великие его труды и многочисленность лет, проведенных им в пустыне, не лишил его поминовения и приношения за усопших, чтобы он не был причислен к самоубийцам.

Что сказать о тех двух братьях, которые обитали по ту сторону пустыни фиваидской, где жил некогда блаженный Антоний? Они, будучи движимы необдуманной

ломъ подвигшесѧ, взѧша себѣ мнѣніе ѣдти во внѣт-
реннѣйшѣ пѣстыню великѣ сѣщѣ, и невоздѣланнѣ, сѣж-
дше въ самѣхъ себѣ не прѣати пици ѿ человекѧ, ѧще не
юже ѣмъ гдѣ чѣдодѣйствѣмъ подастѣ. И егда заблѣж-
дающихъ онѣхъ по пѣстыни, и изнемогающихъ гла-
домъ, издалеча мазѣки оузрѣша, сѣй же ѧзыкъ, малѣ не
всѣхъ дѣкихъ ѧзыковъ паче дѣвѣй и жесточайшѣ єсть,
преложивше ѿ вѣжественнаго промысленїа, срѣднѣю
жестокостѣ въ человекѣлюбїе, съ хлѣбы срѣтоша ѣхъ:
єдинъ оубѣ ѿ предреченныхъ двѣхъ братѣвъ, рассѣж-
денїю емѣ пришедшѣ, съ радостїю и благодаренїемъ
воспрїа хлѣбы, помысливѣ, ѧкѣ не бы такѣ сїи жестоки
и дѣвѣи и прїснѣ радѣющїисѧ ѿ кровѣи человекѣстѣи
сострадали ѣмъ изнемогшымъ оужѣ, и пицѣ принесли,
ѧще бы не бѣ подвигъ ѣхъ на сїе. Другїй же пицѣ
ѿвергши, ѧкѣ ѿ человекѣкѣ емѣ принесеннѣ, и пребывѣ
въ неразсѣдномъ совѣтѣ, нѣмоцїю нѣдѣнїа ѣдше.
ѧще оубѣ въ началѣ и сѣлѣ слѣ оѣоє совѣщавше,
безсловеснѣ и гибельнѣ мыслѣ себѣ прѣаша, оѣаче
єдинъ, прившедшѣ емѣ рассѣженїю, сїе, єже дерзостнѣ
и неразѣмнѣ ѿпредѣли, дѣбрѣ испрѣви: другїй же въ
неразѣмноѣ предпрѣтїи пребывѣ, и рассѣженїа кро-
мѣ ѿбрѣтшисѧ, смѣрть, юже гдѣ ѿвратїти восхотѣ
самъ себѣ навлечѣ.

Что же рекѣ и ѿ ономъ; єгѣже ѣма не хоцѣ рецїи,
занѣ єщѣ живѣ єсть: ѣже дѣмѣна многожды, ѧкѣ аггѣла
воспрїимъ, и ѿкровенїа ѿ негѣ прѣемлѣи, и свѣтѣ час-
тѣ свѣщнѣи въ кѣллїи своѣй зрѣци, послѣдї же по-
велѣваетъ емѣ своегѣ сына сопребывающа емѣ въ мона-
стырѣ въ жѣртѣвѣ принестї бѣ, ѧкѣ ѿ сѣгѣ равнѣа
патрїархѣ авраамѣ чѣсти сподѣбитисѧ ѣмѣщїи. Єгѣже
совѣщанїемъ толїкѣ сведесѧ, ѧкѣ дѣломъ закланїе сы-
на совершилъ бы, ѧще не бы сѣгѣ оузрѣвѣ сынъ кромѣ
ѣбѣчѣа нѣжѣ извѣстрающа, и оузы гѣтѣвѣаца, ѣмнѣже
єгѣ ѧкѣ всесоженїе свѣзѣти хотѣше, бѣгствомъ спа-

мыслью, вознамерились идти во внутренность обширной,
невозделанной пустыни, решив не принимать пищи от
человека, кроме той, какую Господь чудесно подаст им.
Когда они блуждали по пустыне и изнемогли от голода,
издалека увидели их мазики, — народ из всех диких едва
ли не самый дикий и жестокий. По действию промысла
Божия они переменили свойственную им жестокость на
человеколюбие и встретили их с хлебами. Один из ука-
занных братьев, обретя разум, с радостью и благодарно-
стью принял хлебы, рассуждая, что столь дикие, жестокие
и всегда жаждущие крови человеческой люди не оказали
бы сострадания к изнемогшим и не принесли бы пищи,
если бы Бог не побудил их к этому. Но другой, отказав-
шись от пищи, так как она принесена была людьми, и оста-
вшись верным безрассудному обещанию, умер от голо-
да. Хотя оба они, имев сначала весьма худое намерение,
были полны безрассудной и гибельной решимости. Впро-
чем один, образумившись, исправил то, что безрассудно и
неосторожно предпринял; а другой, не имея рассудитель-
ности, сам себе причинил смерть, которую Господь хотел
отвратить.

Что сказать о том, имя которого я не хочу назвать, по-
тому что он еще жив. Он, часто принимая демона за анге-
ла, получая через него откровения и часто видя свет без
светильника в своей келье, наконец получает от него по-
веление принести в жертву Богу своего сына, находивше-
гося с ним в монастыре, чтобы таким образом удостоить-
ся чести патриарха Авраама. Советом демона он до того
был прельщен, что действительно совершил бы заклание
своего сына, если бы сын не заметил, что отец его против
обыкновения точит нож и готовит путы, чтобы ими свя-
зать его для принесения в жертву, и не спасся бегством.

сѣнїе оубѣдѣлъ.

Многѡ бы бѣло прѣлестъ ѡнѡю месопотамїна повѣствовати, ѿже толико воздержанїе показавъ, и въ кѣлїи заключенъ лѣта многѡ бѣвъ, такѡ послѣдї дїавольскими ѡкровенїи и сновидѣнїи посмѣанъ бѣсть, ѿкѡ по толицѣхъ трудѣхъ, и добродѣтелехъ, ѿмїже всѧ тамѡ сщцыи ѿноки превосходѣше, во іудейство и ѡбрѣзанїе впадѣ. Ибо хотѣи егѡ дїаволь прельстїти, многѡжды ѡвлѣше емѡ истиннаа сновидѣнїа: да сїми благопрїятнѡ сотворїтъ, юже хотѣше, на послѣдокъ предложїти емѡ, прѣлестъ, показѣтъ оубѡ емѡ во єдїнѡ нощь народѡ хрїстїанскїи со апѡстолы и мѣченики: мрѣченъ и всѧкагѡ срама пренспѡлненъ, и въ скорби и плачѣ истѡавшїи: и вопреки іудейскїи народѡ съ мѡисѣемъ и прорѡки свѣтлымъ ѡгнемъ ѡсѣлавѣемый, и въ радѡсти и веселїи пребывѡющїи: совѣща прелѣстникѡ, ѿкѡ ѡще хѡщетъ блаженства и радѡсти народѡ іудейскагѡ причастїтїса, ѡбрѣзанїе емѡ прїати: ѣже оубѡ прельщенъ и сотворї. Ивѣ оубѡ ѡ всѣхъ реченныхъ, ѿкѡ не бы такѡ ѡкааннѡ и бѣднѡ ѡсмѣани бѣша реченши всї, ѡще бы дарованїе разсѡжденїа бѣша стѡжѡли.

На сїѡ германъ речѣ: и новыми оубазанїи, и положенїи древнихъ ѡтѣцъ доволнѡ показасѡ разсѡжденїю истѡчникомъ и коренемъ и главою и союзомъ бѣти всѣхъ добродѣтелей. Но кїимъ ѡбразомъ можѣтъ тѡ стѡжѡти, желѡемъ научїтїса: и какѡ оубразѡмѣти истинное и ѣже ѡ бѣга разсѡжденїе и лжеименное и прїтворное, дїавольское;

Тогда авѡ мѡисей речѣ: истинное разсѡжденїе не прїхѡдїтъ, ѡще не ѡ истиннагѡ смиренїа, да не тѡчїю ѿже творїмъ, но и ѿже помышлѡемъ, ѡкрывѡемъ ѡтцѣмъ: и да ни въ чѣмъ же своемѡ помыслѡ вѣрѣемъ, но и

Долго было бы рассказывать о прельщении этого месопотамлянина, который, оказав такое воздержание и проведя много лет в келейном заключении, наконец осмеян был дьявольскими откровениями и сновидениями, так что после таких трудов и добродетелей, которыми превосходил всех находившихся там монахов, впал наконец в иудейство и обрезание. Дьявол, желая прельстить его, часто показывал ему истинные сновидения, чтобы через это расположить его к принятию того оболъщения, в которое хотел ввести его после. Итак, в одну ночь показывает ему с одной стороны народ христианский с Апостолами и мучениками мрачным, покрытым всяким бесславием, изнуренным от скорби и плача, а с другой — народ иудейский с Моисеем, патриархами и пророками — в сиянии лучезарного света и живущий в радости и веселье. Между тем прельститель советовал ему принять обрезание, если хочет участвовать в блаженстве, и радости народа иудейского, что прельщенный действительно и исполнил. Из всего сказанного видно, что все, о ком мы говорили, не были бы осмеяны столь жалким и бедственным образом, если бы имели в себе дар рассудительности.

После этого Герман сказал: и новейшими примерами, и мнениями древних отцов доказано, что рассудительность есть источник и корень всех добродетелей. Но мы желаем знать, каким образом можем приобрести ее, и как можно отличить истинную, от Бога происходящую рассудительность от ложной, притворной и дьявольской?

Авѡ Моисей отвечал: истинная рассудительность приобретается только истинным смирением, первым доказательством которого будет — открывать отцам не только дела, но и думы, ни в чем не доверять своему по-

во всѣмъ словесѣмъ старецъ да послѣдѣемъ, и онѣ бѣти добрѣ вѣрѣемъ, еже аще онѣ искѣсатъ. Сіе же дѣланіе не точію истиннымъ разсѣжденіемъ и правымъ пѣтѣмъ инока невредима пребывати оустроаетъ, но и ѿ всѣхъ сѣтей дѣвольскихъ безвредна того сохраняетъ. Не возможно бо естъ сѣдомъ и совѣтомъ предсѣвшихъ свою оуправляющею жизнь, прелестію вѣсовскою пастти: ибо и прежде неже сподобитиса комѣ дара разсѣденія, само то еже явлати и ѿкрывати злыя помыслы отцемъ, оувадаетъ оныя, и немоцнѣйшыя творитъ. Икоже бо смій ѿ темныхъ норы изнесенный на свѣтъ, тѣнитса вѣгство оупотребити и сокрытіе: такъ и лѣкавыя помыслы израднѣйшею исповѣдію и изглаголаніемъ явлени бывше, тѣатса вѣжати ѿ человека: и да добродѣтель сію извѣстнѣе и ѿ примѣра оувѣсте, аввы серапіѡна дѣло, еже той приходѣщимъ предѣхраненіа ради произносаше частѣ, повѣмъ.

Глаголаше бо такъ: егда вѣхъ юнѣйшій, сопрывахъ со аввою моимъ, и іакоже іадѣхомъ воставъ ѿ трапѣзы, по дѣйствѣ вѣсовскомъ крадахъ паксамъ, и сегѣ іадѣхъ отай аввы моего. Икоже оубѣ пребывахъ сѣе творай время немало, возвладанъ бывъ не могѣхъ побѣдити, точію ѿсѣждаемъ быхъ ѿ своеа совѣсти, старецъ же стыдахса реци. Слѣчиса же по смотренію чело-вѣколюбца бѣа братіи нѣкоей прити къ старецъ пользы ради, и вопросиша егѣ ѿ своихъ помыслѣхъ. Сѣвѣца же старецъ: іакъ ничесѣже такъ вредитъ иноки, и радостотворитъ вѣсы, іакъже таити своа помыслы ѿ дѣховныхъ отцевъ, глаголаше же имъ и ѿ воздержаніи. Сімъ же глаголемымъ въ себѣ пришедъ и помысливъ, іакъ бѣѣ ѿкры старецъ согрѣшеніа моа: оумилівса начахъ плакати, и извергохъ паксамъ ѿ нѣдра моего, егѣже слѣ прѣвыкохъ красти: вергнувъ же себѣ на землю, просихъ прощеніа ѿ прошѣвшихъ, и молитвы ѿ оутверженіи

мыслу, но во всемъ следовать наставленіямъ старцевъ и считать хорошимъ или худымъ только то, что они признаютъ такимъ. Такой способъ не только помогаетъ монаху безопасно пребывать в истинной рассудительности и на правомъ пути, но и сохранитъ его невредимымъ отъ всехъ сетей дѣвольскихъ. Ибо невозможно пасть отъ бесовскаго прельщенія тому, кто свою жизнь располагаетъ не по своему сужденію, а по совету преуспѣвшихъ. Ибо прежде чѣмъ кто-либо удостоится дара рассудительности, само объявленіе и открытіе передъ отцами злыхъ помысловъ иссушаетъ ихъ и ослабляетъ. Ибо какъ змей, извлеченный изъ темной норы на свѣтъ, старается убежать и скрыться, такъ и злыя помыслы, будучи обнаружены откровеннымъ признаніемъ и исповѣдію, стараются бежать отъ человека. Но чтобы точнее понять вамъ эту добродѣтель изъ примѣра, я расскажу одно дело аввы Серапіона, которое онъ самъ часто рассказывалъ приходившимъ для предохраненія.

Онъ говорилъ такъ: «въ юныхъ лѣтахъ я жилъ со своимъ наставникомъ аввой Феоноу. Когда мы принимали пищу, я, вставая изъ-за стола, по внушенію дѣвола кралъ сухой хлебецъ и елъ его тайно отъ своего аввы. И поскольку я делалъ это долгое время, то страсть эта овладѣла мною такъ, что я не могъ преодолѣть ее; я былъ осуждаемъ только своею совестью, а сказать объ этомъ старцу стыдился. По усмотренію челоколюбиваго Бога случилось некоторымъ братьямъ для своей пользы придти къ старцу, и они спрашивали его о своихъ помыслахъ. Старецъ отвѣчалъ имъ: ничто столько не вредитъ монахамъ и ничто столько не радуется бесовъ, какъ утаиваніе своихъ помысловъ отъ духовныхъ отцовъ; говорилъ имъ и о воздержаніи. При этомъ разговорѣ я пришелъ въ себя, думалъ, что Богъ открылъ старцу мои прегрѣшенія и, умилившись, началъ плакать, вынулъ изъ-за пазухи хлебецъ, который обычно кралъ, и, упавъ на землю, просилъ простить мнѣ прошѣдшее и молиться объ обретеніи твердости въ буду-

вѣдѣщихъ. Тогда глагола старецъ: чадо, свободило тѣ и мнѣ молчащѣ исповѣданіе твое, и оумзвляющаго тѣ вѣса молчаніемъ, изрѣкши ꙗже въ тебѣ заклалъ еси, егѡже даже до нынѣ ѡбладати тобою сотворилъ еси, ни противѣглагола, ни ѡбличаа егѡ: не котомъ оужѣ ѡ нынѣ мѣсто имѣти вѣдетъ въ тебѣ, ѡ сердца твоегѡ въ ꙗвлѣніе изведенъ бѣвъ. Ещѣ же не сконча старецъ глагола, и сѣ дѣйствиѣ видѣно бѣсть, ꙗкѡ свѣща ѡгненна извлекаемаа ѡ нѣдра моегѡ, и испѡлни домъ словѡна, ꙗкоже непщевати присѣщымъ, ꙗкѡ множество жѡпела естъ горящее. Тогда оубѡ рече старецъ: сѣ моихъ словесъ и твоегѡ свобожденіа подаде гдѣ оуказаніе бѣвшихъ знаменіемъ. Таку оубѡ ѡстѡпи ѡ менѣ исповѣдію страсть чревоугодіа и діавольское дѣйствиѣ оно, ꙗкоже котомъ ниже въ мысль мнѣ прѣити таковагѡ желаніа. Се оубѡ и ѡ реченныхъ ѡ аввы серапіѡна навчаемса, ꙗкѡ тогда сподобляемса дарованіа истиннагѡ разсѣжденіа, егда не сѣдищѣ мысли своеа повѣрати ѡ мамы, но оученію и изѡбраженію отѣцъ. Ибо не инѣмъ порокомъ сице діаволъ по стремнинамъ несѣтъ ѡнока, ꙗкоже сѣмъ, дабы повинѣти егѡ ѡметати совѣтованіа отѣцъ, своемъ же послѣдовати мнѣнію, и своей воли. Подобаше же намъ и ѡ человѣческихъ худѡжествъ и знаній примѣры прѣемлющымъ наказоватиса. Яще бо сѣ и рѣкама ѡсказающе, и очима видаще, и оушима слышаше, сами ѡ себѣ исправити не можемъ: но трѣбѣемъ добрѣ оучащагѡ и оуправляющагѡ: какѡ не безѡмно дѡхѡномъ худѡжествѣ, всѣхъ худѡжествъ трѣднѣишемъ, непщевати не трѣбовати оучителя; еже и невидимо, и сокровенно естъ, и единою чистотою сердца зримо: сегѡ худѡжества неимѣніе, не привременнѣ тцетъ, но дѡши погибель раждаетъ и смѣртъ вѣчнѣ.

Германъ рече: извѣтъ намъ стыда и прикрѣтитѣ прирѣдныа воѡзни раждати ѡбыче, ꙗкѡ многажды нѣщын ѡ отѣцъ слышавше ѡ братїи помыслы, не точїю сїхъ не

щем. Тогда старецъ сказал: сын мой! признание твое и при моем молчании освободило тебя от этого плена; открыв свои поступки, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании. До сих пор ты допускал ему обладать тобою, не противореча ему, не обличая его, а теперь, будучи выведен из твоего сердца и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старецъ не окончил еще речи, как показалось, будто горящая свеча вышла из моей пазухи и наполнила дом зловонием, так что присутствующие думали, будто горит сера. Тогда старецъ сказал: вот Господь явно подтвердил тебе истину моих слов и твоего освобождения. Таким образом, от признания этого отступила от меня страсть чревоугодия и ее дьявольское действие, так что с тех пор даже на ум не приходило мне такое пожелание». Итак, вот и из повести аввы Серапиона мы научаемся, что тогда мы удостоимся даров истинной рассудительности, когда станем доверять не внушениям своего разума, но учению и наставлению отцов. Ибо дьявол никаким другим пороком настолько не возносит монаха на стремнины и не приводит к смерти, как тем, что убеждает его пренебрегать советами отцов и последовать своему мнению и своей воле. Даже взяв примеры из человеческих искусств и наук, мы можем получить наставление. Ибо, если и руками осязая их, и глазами видя, и ушами слыша, не можем сами преуспеть в них, но нуждаемся в учителе, то не безумно ли думать, что не требует наставника труднейшая из всех наук — наука духовная, которая есть невидима, сокровенна и созерцаема одной чистотою сердца, незнание которой рождает не временный ущерб, но гибель души и вечную смерть?

Германъ сказал: «предлог нашей стыдливости и утаивание помыслов происходит обычно от вредного страха, потому что некоторые отцы, выслушав помыслы своих

исцѣлиша, но и оукориша ихъ, и въ ѿчяніе ввергоша: ꙗкоже бо и мы сами сѣе оувѣдѣхомъ случшееса въ час-тахъ сѣрии. Братъ бо нѣкій нѣкоемъ изъ сѣщихъ тамъ старецъ изрече свои помыслы со всакою простотою и истиною не стыждаемъ ѿбнаживъ тайнамъ своего сердца. Онъ же ѡбѣе оуслышавъ, начатъ негодовать, и смѣщатиса противъ брата, оукорамъ его ѡ таковыхъ слыхъ помыслѣхъ, ꙗкѡ ѿ сего многимъ ѡ семъ слышавшимъ стыдѣтиса извѣщавати свои помыслы старцемъ.

Авва мѡисей рече: добро оубо есть, ꙗкоже предрѣхъ, не тайти свои помыслы ѿ отца: ѡбаче не кимлибо глаголати, но старцемъ дхѡвнымъ и разсуденіе имѣющимъ извѣщавати, не лѣтъ ради посѣдѣвшимъ: понеже многіе на возрастъ старости зраце, и свои помыслы изрече, вмѣстѡ врачевствъ неискѣствомъ слышавшихъ въ ѿчяніе впадоша. Бѣ бо нѣкій ѿ братіи сѣлѡ тцаливъ, и сѣлѡ ѿ бѣса влѣднагѡ стѣжаемъ, прїиде къ нѣкоемъ старцу, и возвѣсти емъ свои помыслы: онъ же оуслышавъ неискѣсенъ сый, негодуѡ, ѡкаанна глаголаше быти брата, и недостѡйна иноческагѡ ѡбраза, ꙗкѡ таковыа прїимша помыслы. Сѣа оуслышавъ братъ ѿчялвса, и ѡставивъ свою келлію, въ мѣръ возвратиса. По вѣію же смотренію срѣтаетъ его авва аполлѡсъ ѿ старецъ искѣснѣйшій: и видѡ его смѣщенна, и сѣлѡ драхла, вопроси его, глагола: чѡдо! каа вина толїкїа скорби; Онъ же въ началѣ ѿ многагѡ оунынїа ничесѡже ѡвѣща. Послѣди же многѡ молимъ бывъ ѿ старца, ꙗже съ нимъ бывша изрече, глагола: ꙗкѡ помыслы многажды стѣжаютъ мѣ, и шѣдъ повѣдахъ нѣкоемъ старцу, и по словѣ его нѣсть мѣ спасенїа надежды: ѿчялвса оубѡ ѡхожѣ въ мѣръ. Сѣа отецъ аполлѡсъ оуслышавъ, много молаше и оувѣщаваше брата глагола: не двнїса, чѡдо, ниже ѿчялвайсѡ. Изъ бо въ толїцѣмъ возрастѣ и сѣдинѣ сый, сѣлѡ ѿ сїхъ

братевъ; не только не исцеляли их, но укоряли и повергали в отчаяние. Такое происшествие, случившееся в Сирии, знаем мы сами. Некий брат одному из находящихся там старцев рассказал свои помыслы со всею простотою и истиною и, не стыдясь, обнажил тайны своего сердца. Но тот, услышав это, стал негодовать на брата, укорял его за такие худые помыслы, так что многие, слыша это, стали стыдиться открывать свои помыслы старцамъ».

Авва Моисей сказал: «полезно, как я сказал, не скрывать своих помыслов от отцов; впрочем, не всякому нужно говорить, а открывать старцам духовным, имеющим рассудительность, посевшим не от времени. Ибо многие, доверяя летам старца и открывая свои помыслы, вместо исцеления, впали в отчаяние по неопытности духовников. Был один брат, очень старательный, но, терпя жестокие нападения от беса блуда, пришел к некому старцу и рассказал ему свои помыслы. Тот, будучи неопытен, услышав это, вознегодовал на брата, имевшего такие помыслы, называя его окаанным и недостойным монашеского образа. Брат, услышав это, отчаялся о себе и, оставив свою келью, возвратился в мѣръ. Но по Божию промыслу встречается с ним авва Аполлос, опытнейший из старцев; видя его смущение и великую печаль, спросил его: сын мой! какова причина такой скорби? Он сначала не отвечал от великого уныния, но после многих увещаний старца рассказал ему о своих обстоятельствах. Часто, говорил он, помыслы смущают меня; я пошел и открыл такому-то старцу и, по словам его, нет мне надежды на спасение; в отчаянии я иду в мѣръ. Отец Аполлос, услышав это, долго утешал и вразумлял брата, говоря: не удивляйся, сын мой, и не отчаивайся о себе. Я, будучи так стар и сед, терплю жестокие нападения от этих помыслов. Итак, не малодушествуй в таком искушении, которое ис-

пóмыслѡвѣ стѣжаюсѧ. Не ѡчашвайсѧ оубѡ ѡ толицѣмъ раждеженіи, ѣже не толикѡ человѣческимъ тѣаніемъ врачуетсѧ, ѣлику вѣимъ человѣколѡбїемъ: точию послѣшай мѧ днесь, и возвратисѧ въ келлію твою: сотвори же братѣ сїце. И ѡшѣдъ ѡ негѡ авва аполлѡсѣ, иде въ келлію къ запретившемѣ брата старцѣ, и ставъ внѣ, моли бѣа со слезами глагола: гдѣи! искѣшенїѧ пользы ради наводѧи, ѡбрати брань брата на сегѡ старца: да искѣсомъ въ старости своѣи научитсѧ, ѣмже въ долгомъ времени не научисѧ, ѣкѡ да состраждетъ рѣтѣемымъ. Егда же молитѡвѣ сконча, зрїтъ еѣѡпа стоѧща близъ келліи, и стрѣлы пѣцающа на старца: ѡ нїхже оубѣзленъ ѧки ѡ пѣанства сѣмѡ и ѡвѡмѡ ѡбращашесѧ, не могїи же терпѣти, ишѣдъ изъ келліи, тѣмже пѣтемъ, ѣмже и младшїи, въ мїръ идѡше. Авва же аполлѡсѣ разѡмѣвъ бѣвшее, срѣте егѡ, глагола: камѡ идѣши; Каа же вина ѡвѣмлющегѡ тѧ смѣщенїѧ сегѡ; Оубѣдѣвъ же, ѣкѡ познана сѣтъ ѣже ѡ немъ стѡмѣ, стыдѧ ради ничесѡже глаголаше. Рече же емѣ авва аполлѡсѣ: возвратисѧ въ келлію твою, и котѡмѣ оубразѣнїѧ немоць твою: и ѣмѣи илї непознана себѣ быти ѡ дїавола, илї презрѣнна: занѣ не сподѡбилсѧ еси, ѣже противѣ негѡ врани. Чтѡ глаголю врани; Прираженїѧ егѡ ни до единагѡ дне понести возмоглъ еси. Сїе же тебѣ слѣчисѧ, ѣкѡ юнѣйша ѡ ѡбщегѡ врага рѣтѣема прїѡвъ, вмѣстѡ ѣже на пѡдвигъ повцрѣати егѡ, въ ѡчашнїе вверглъ еси: не помысливъ премѣдрѡе ѡное заповѣданїе глаголющее: избавити ведѡмыхъ на смѣртъ, и искѣпїти оубывѡемыхъ не поцадиши. Но ниже прїтчѣ сїсїтелеѧ нашегѡ глаголющѡ: трѡсти сокрѣшенны не прелѡмнши, и лѣна внѣмшасѧ не оугасїши (Матѣ. ѣі, к̄). Никтѡже бо вражїѧ снести возмоглъ бы навѣты, ниже горѡщее естество раждеженїе оугасїти, ѧще бы не вѣїѧ благодѡтъ сохранила человѣческѡю немоць. Тѣмже испѡлнївшѣсѧ

целяется не столько человеческим старанием, сколько человеколюбием Божиим. Только послушай меня теперь, возвратись в свою келью. Брат сделал это. Авва Аполлос, расставшись с ним, пошел в келью старца, отлучившего брата, и, став возле нее, со слезами молил Бога так: Господи! посылающий искушения на пользу нашу, пошли напасти брата на этого старца, чтобы в старости своей по опыту он узнал то, чему не научился за столь долгое время, — узнал, как сострадать поражаемому дьяволом. После окончания молитвы видит эфиопа, стоящего близ кельи и бросающего стрелы в старца. Уязвленный ими, как от вина колебался он и, не в силах снести, вышел из кельи и пошел в мїр тем же путем, которым шел и младший брат. Авва Аполлос, узнав это, вышел к нему навстречу и спросил у него: куда ты идешь и какая причина такого твоего смущения? Тот, думая, что святому известно случившееся с ним, от стыда ничего не отвечал. Тогда авва Аполлос сказал ему: возвратись в свою келью, отсюда познай свою немощь и считай себя или неизвестным прежде дьяволу, или презренным от него. Ибо ты не удостоился вступить в войну с ним. Что я говорю — в войну? Ты и единого дня не мог выдержать его нападения. Это случилось с тобою за то, что ты, приняв у себя младшего брата, который вел войну против общего врага, вместо того, чтобы поощрить его к подвигу, вверг его в отчаяние, не подумав, чего требует премудрая заповедь: *избавь ведомых на смерть и выкупи убиваемых, не жалея [денег]* (Притч. 24, 11); и даже о чем говорит притча, относящаяся к Спасителю нашему: *трости надломленной не преломит и льна курящегося не угасит* (Мф. 12, 20). Ибо никто не мог бы устоять против коварства врага и даже пригасить пламенное движение природы, если бы благодать Божия не помогала немощи человеческой. Итак, когда исполнилось это спасительное благодеяние Божие, ста-

ѣже ѡ насъ спасительномъ семъ смотрѣнію ѡбщими молитвами вѣа молимъ, ѡакъ да на тѣ пщѣнный вѣчь ѡведѣтъ. Онъ бо сокращатиса творитъ, и пакы возставалетъ: порази, и рщѣ егѡ исцѣлиша: смираетъ и выситъ: мертвитъ и живитъ: низводитъ во адъ, и возводитъ. Сѣа рекъ, и помолвса, авѣе ѡ наведенныа емъ брани избави: совѣтова емъ просити ѡ вѣа, да дастса емъ азыкъ оученїа, еже разумѣти во время, егда подобаетъ рещи слово. ѡ всѣхъ оубв реченныхъ набуаемса, ѡакъ не инъ ѡбращетса пѣть спасенїа непретковененъ, ѡакоже извѣщавати помыслы своа рассудительнейшимъ отцемъ, и ѡ сїхъ къ добродѣтели оуправляемымъ быти, а не помыслъ своемъ и рассуденїю послѣдовати. Нижѣ бо аще бы по случая случилоса комъ быти оу единачу старца простѣйша, или оу не многихъ неисквсныхъ, ради сего подобаетъ бѣгати, извѣщавати помыслы своа исквснейшимъ отцемъ и презирати преданїе предковъ. ѡакъ бо и тїи не сами ѡ себѣ движими, но ѡ вѣа и вжественныхъ писанїи предаша послѣднемъ роду вопрошати предшпѣвшихъ.

Мощно есть и ѡ иныхъ многихъ въ вѣгодухновенномъ писанїи ѡбрѣтаемыхъ набучитиса: израднѣе же и ѡ повѣсти, ѡаже ѡ сѣемъ самѣилѣ, иже ѡ младенчества возложенъ бывъ вѣови матерїю, и сподобвса вжественныа бесѣды, не вѣрова своемъ помыслъ, но единою и дважды званъ бывъ ѡ вѣа, востекаетъ ко старцу илию, и оученїемъ тогѡ ѡбразуетса, и наставлетса, какъ подобаетъ ѡвѣщавати вѣови: и егѡже своимъ званїемъ достѡйна себѣ вѣ сдѣи, семъ хощетъ ѡбразованїемъ и повелѣнїемъ старца набученъ быти, ѡакъ ѡ негѡ сїрѣчь ко смиренїю наставитиса имѣщ.

И павла такожде собѡю призываа и предразглагольствѣа хртѡсъ, могїи авѣе ѡвѣрсти ѡчи егѡ, и совершенства пѣть сказати, ко ананїи посылаетъ, и ѡ негѡ

нем общими молитвами просить Бога, чтобы Он отнял простертый и на тебя бич. *Он поражает, и Его же руки исцеляют* (Иов. 5, 18); *умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит, унижает и возвышает* (1 Цар. 2, 6, 7). Сказав это и помолившись, тотчас избавил его от наведенной на него напасти и советовал ему просить от Бога, чтобы дал просвещенный (φωτισμένη) язык, дабы знать как надобно говорить слово (ср. Ис. 50, 4). Из всего сказанного познаем, что нет другого надежнейшего пути к спасению, как открывать свои помыслы рассудительнейшим отцам и иметь их руководителями к добродетели, а не следовать собственному помыслу и рассуждению. Даже если выпадет случай столкнуться с одним простым, или с несколькими неопытными старцами, — не стоит из-за этого избегать открывать свои помыслы старцам опытным и презирать предание (παράδοσι) предков. Ибо и они не по собственному побуждению, но по внушению от Бога и Божественного Писания заповедали младшим спрашивать старших.

Как приятно Богу это установление, можно видеть из Св. Писания, особенно из истории св. Самуила. Он, будучи с младенчества посвящен матерью Богу и удостоясь беседы с Богом, не поверил своему помыслу, но, дважды воззванный Богом, спешит к старцу Илию и от него получает наставление и правило, как подобает отвечать Богу; таким образом и того, кого Бог удостоил собеседования с Собѡю, Он восхотел руководить учением и наставлением старца, чтобы через то вести его к смиренїю.

И Христос, Сам призывая Павла и разговаривая с ним, хотя мог тотчас открыть глаза его и показать путь к совершенству, но отсылает к Анании и повелевает от него

повелѣваетъ научитисѧ пѹти истины, глагола: востани, вниди во градъ, и тамъ речетсѧ ти, что ти подобаетъ творити (Дѣян. ф, 5): оуча ны сими пстводствѹ предъспѣвшихъ послѣдовати: да не когда ѿ павла добръ глаголанное, слѣ разумѣемое, примѣръ къ самонравію бѣдетъ потомственномѹ рѣдѹ, комѹждо хотѣщѹ подобнѣ павла ѿ бѣа, а не ѿ отѣцѹ на истинѹ наставлятисѧ. И ѿкѹ сѣа такѹ сѣтъ, мѹцно ѣсть не ѿ реченныхъ тѹчїю научитисѧ, но и ѿ тѣхъ, ѿже дѣлы самѣми показѧ сѣи апѹстолѹ, въ нихъже пишеть, глагола: Икѹ въздохѹ во іерусалимѹ согладати петра и ѿкѹва, и предложихѹ имѹ благовѣствованїе, ѣже проповѣдѹю, да не какѹ вотщѣ текѹ, илї текѹхъ, аще и споспѣшествовавшей емѹ благодати стѣгѹ дѣа сілою знаменїи, ѿже творѣше (Галат. а, ии, и в, в). Ктѹ оубѹ сице гордѹ, и кичливѹ ѣсть, да по своемѹ мнѣнїю и разумѣнїю ходитѹ, егда сосѣдѹ избранный, ѿкѹ трѣбоваше самѹ совѣта ѿ преднихъ егѹ апѹстѹла, исповѣдаетѹ. Ивѣ оубѹ сими доказѧсѧ, ѿкѹ никомѹже пѹть совершенства гдѹ ѿкрывѣетѹ, тѹчїю дѣхѹвными отцы на ѹный наставляемѹмѹ. Икоже и прорѹкъ глаголетѹ: воспроси отца твоего, и возвѣститѹ тебѣ, старцы твоѧ, и рекѹтъ тебѣ (Ѣ Мѹѹс. лѹ, 3).

Всѣю оубѹ сілою и всѧцѣмѹ тѹцїемѹ благое разсѣдѣнїа дарованїе въ себѣ дѹлжни есмѹ стѣжати, ѣже възможетѹ ны ѿ ѹбогѹ преизлишества невредимы сохранити. Ибо, ѿкоже глаголютъ отцы, крайности ѹбою странѹ равнѹ вредѣтъ: и избытокѹ поста, и насыщенїе чрева, и безмѣрїе вѣдѣнїа, и сытость сна, и прѹчѧа избыточествїа. Ибо оубѣдѣхомѹ нѣкихъ чревоѣсїемѹ оубѹ не побѣжденныхъ, безмѣрнымѹ же постѹмѹ низверженныхъ, и къ тѹйже страсти чревоѣсїа поплзшихѧ за приходѣщїю ѿ безмѣрнагѹ поста нѣмоць.

научиться пути истины, говоря: *встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать* (Деян. 9, б), этим научая нас следовать опытнейшим. Но да не будет когда-либо достойный пример Павла для малоопытных, худо понимающих его, поводом к своенравию, по которому каждый хотел бы, подобно Павлу, быть ведомым к истине самим Богом, а не отцами. А что это истинно, можно видеть не только из вышесказанного, но и из того, что Апостол показал на деле, как говорит в послании: *ходил я в Иерусалим видѣться с Петром... и предложил благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался* (Гал. 1, 18; 2, 2), хотя и сопутствовала ему благодать Св. Духа в силе знаменїи, которые он творил. Поэтому кто будет настолько горд и кичлив, чтобы стал основываться на собственном мнении и суждении, когда сосуд избранный сознается, что он имел нужду в совете предшествовавших ему Апостолов? Таким образом, совершенно ясно доказывается, что Господь никому не открывает пути совершенства, кроме руководимых духовными отцами, как и через пророка говорит: *спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор. 32, 7).

Итак, всей силою и со всей тщательностью мы должны стараться смирением приобрести себе благой дар рассудительности, которая может сохранить нас невредимыми от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с той и с другой стороны одинаково вредны, — и излишество поста и пресыщение чрева, чрезмерность бдения и продолжительность сна и прочие излишества. Ибо знаем мы некоторых не побежденных чревоугодием, но низложенных безмерным постом и впавших в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

И азъ во помню иногда таково нечто себе пострадавши, и на толицѣ воздержавсѧ, ѿкоже ми забыти желанїѧ пици: и два и три дни пребывающѣ ми безъ снѣди, и ниже ѿнюдъ пици желающѣ, аще бы не быша инии къ той мѣ побѣдили. И пакы ѿ очю моею, навѣтомъ діаволимъ, такъ сонъ ѿступи, ѿкв на множайшы нощи безъ сна пребываа, молихъ гда малу сна прїѣти ми, и тяжчае бѣдствовахъ безмѣрнагв ради неаденїѧ и бдѣнїѧ, нежели чревобѣденїѧ ради и исполненїѧ сна.

Таковыми и толикими оученїи насъ стѣий мовсеѣ возвесели, ѿкоже намъ воспользовавшымсѧ славити гда, толикѣ премѣдрость подающаго боащымсѧ егв. Емѣже подобаетъ честь, и держава во вѣки, аминь.

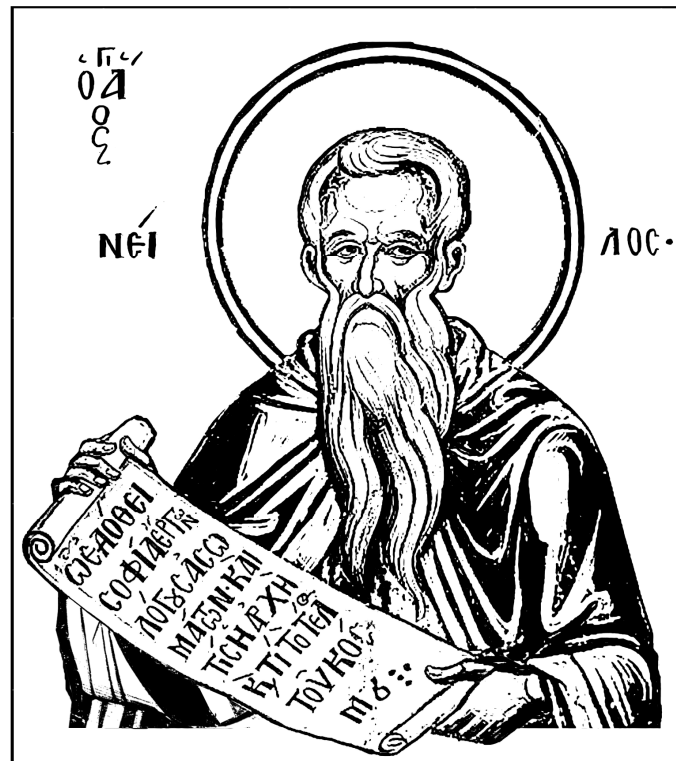

Помню, что и я испытал нечто подобное, постясь до того, что потерял желание есть и пребывал два или три дня без пищи, пока другие не побудили меня к принятию ее. Также по коварному действию дьявола сон до того удалился от глаз моих, что я, проведя много ночей без сна, молил Господа, чтобы немного соснуть мне. И я был в большей опасности от неумеренности в посте и бдении, нежели от чревоугодия и долгого сна».

Таковыми-то, столь высокими наставлениями возвеселил нас блаженный Моисей, так что мы, получив назидание, прославили Господа, дающего такую премудрость боящимся Его. Ему же подобает честь, и держава во веки, аминь.

Нил Постник

[КРАТКОЕ ЖИТІЕ НЖЕ ВО СТЫХЪ ОЦА НАШЕГѠ
НИЛА ПОСТНИКА.]

Преподобномъ нилѠ отечество бѣ константинополь, наставникъ же бжественный златоустъ. Лѣто же, въ неже процвѣтѣ, четыреста четыредесать второе. Блгородствомъ и богатствомъ изъвѣловаше многимъ, и предсѣдатель поставленъ бысть отечества. Но таже всѧ оставивъ, и пришедъ въ синайскую гору, постническое избрѧ житіе. Многъ же сый въ мудрости и внѣшней и дхвнѣй, различнаа писаніа остави дхвныа мудрости, и неизреченныа благодати исполненнаа. Ѡ нихже мы по образѠ пчелы, собравше ѡ молитвѣ слово, на стѠ пѧтдесѧтъ три главы раздѣленное, и надписаніе ѡ постническомъ подвигѣ имѡщее: сими ѧкѠ нѣкїими пчельными сотами чтѣщихъ оучреждаемъ. Мѣда бо воистиннѠ и амбросіи, и нектара сладость источаютъ, и многообильныа пользы изъавляютъ плодъ.

Оупоминаетъ ѡ семъ и премудрѣйшій фѡтїй въ чтенїи са, на страницѣ сѣс, сице глагола: и нила монаха слово прочтенѠ, на стѠ пѧтдесѧтъ три главы раздѣляющееса. Въ сихъ бжественный мужъ изъавляетъ мѧтвы образъ. Мнѡга же и ѧна сѣтъ достохвѧльнаа егѠ въ дѣлахъ совершенство, и въ словесѣхъ силѠ свидѣтельствующаа.

Нил Постник
Краткие сведения о нем

Родиной святого преподобного Нила был Константинополь, наставником — святой Иоанн Златоуст, а год, в который он процвел — 442-ой по Р. Х. В изобилии имея благородство и богатство, он служил (χηματισε) префектом столицы Византии. Но потом, все оставив, пришел на гору Синайскую, где избрал подвижническую жизнь. Имея высокий уровень образования (μορφωση), светского и духовного, он оставил нам несколько сочинений, исполненных духовной мудрости и невыразимой сладости, из которых мы, по образу пчел, собрали слово о молитве, разделенное на 153 главы, и имеющее надписание о постническом подвиге. Их, как пчелиные соты, предалагаем читателям. [Соты], воистинну, источающие мед и амброзию, и сладостный нектар, и подающие обильный плод [душевной] пользы.

Есть упоминание о Ниле и у премудрого Фотия (в чтении 201, стр. 266), который говорит: «Прочтено и слово монаха Нила, разделенное на 153 глав, в которых [сей] божественный муж раскрывает путь (τροπο) молитвы. И многие другие замечательные дела (εργα)..., свидетельствующие о совершенстве дела (εργα) и силе слов.

Преподобнаго отца нашего Нила постника предисловіе ѿ мѣтвъ.

Жегома мѧ пламенемъ нечистыхъ страстей блгопріѧзненнѣ прохладилъ еси прикосновеніемъ бголюбивыхъ твоихъ писаній, изнемогающій мой оумъ въ срамнѣйшихъ оутѣшивъ, подражамъ великомъ наставникъ и оучителю блженнѣ. И не дивно. Тебѣ бо приснхъ часть бысть назнѧменанна, ѧкоже и блгословенномъ ѧквѣ. Добрѣ бо послуживъ рахили ради, и прѧвъ лию, взыскъши и вождѣемъ, ѧкоже и сѧ, сіестъ, исполнивъ седмины (Быт. 29, 20–30). Язъ же не могъ ѡврещисѧ, ѧкв всю нощь трѣждьсѧ ничесѡже ѧхъ: ѡбѧче по глаголѣ твоемъ, ввергъ мрежъ, ѡвртѡхъ рыбъ множество (Іѡан. 1, 13), не мнѡ оубв ѧкв великихъ, ѡбѧче стѡ и патдесѧтъ и три. И сѧ послѧвъ въ кошницѣ любви, равночисленными главами повелѣніе сотворивъ.

Дивлюсѧ же тебѣ и сѣлѡ оубѧжаю изрѧднѣйшее твоѡ произволѣніе, ѧкв главнзны ѡ мѣтвъ видѣти хѡщеши. Не прѡстхъ бо тѣхъ хѡщеши, ѡ рѣкѣ, и на хартїи

Преподобного отца нашего Нила предисловие к молитве.

Меня опалял лихорадочный жар нечистых страстей, когда ты, по своему обыкновению, прикосновением своих боголюбивых писем вновь возродил меня, ободрив ум мой, изнуренный самыми постыднейшими [искушениями], блаженно подражая тем самым великому Наставнику и Учителю [нашему]. И это неудивительно: уделом твоим, как и благословенного Иакова, всегда было славное. Ведь хорошо послужив ради Рахили и получив Лию, ты [теперь] добиваешься и возлюбленной, из-за нее; вероятно, исполнив уже седмицу лет (Быт. 29, 20–30). Что же касается меня, то я не отрицаю, что, потрудившись всю ночь, ничего не поймал (Лк. 5, 5). Однако, по твоему совету забросив сети [еще раз], выловил множество рыб — не думаю, что больших, но числом, тем не менее, сто пятьдесят три (Ин. 21, 11). И посылаю тебе их в корзине любви, исполнив твое повеление через такое же количество глав.

Я удивляюсь и ревностно желаю подражать твоему прекрасному стремлению получить главы о молитве. Ибо ты не просто возжелал иметь их, запечатленных руками и

черниломъ написанныхъ, но въ оумѣ любовію и незло-
помнѣніемъ водруженныхъ. Но понѣже всѣ сѣть двой-
ственна, ѿ нѣхъже єдино противно єдиному, по глаголѣ
премудраго сѣраха, воспріими къ писмени, и дѣхомъ
оуразумѣй, ѿкъ всѣкомъ писмени оумъ предшествуетъ.
Не сѣщъ во семъ, ниже писма бѣдетъ. Тѣмъже и молит-
вы двойственъ ѡбразъ: єдинъ оубо дѣятельный, дрѣ-
гій же оумозрительный: сице и числа: сѣмое оубо число
єсть количество, знаменѣемое же числомъ єсть качест-
во.

На сто бо и пѣтдесѣтъ три главы слово ѿ молитвъ
раздѣливши, євѣльскій ѡброкъ тебѣ послахомъ, да ѡб-
рѣшиши символическаго числа сладость, и ѡбразъ тре-
ѡгольный, и шестиѡгольный: ѡво оубо благочестное поз-
наніе трѡицы, ѡво же и ѡписаніе міра сегѡ и зѣвлѡющѣ.
Но и сѡтное число по себѣ четверѡгольно єсть: пѣт-
десѣтное же трѣци, трѣѡгольно и крѡгло. Двадесѣтъ-
осмеричное оубо трѣѡгольно: крѡглое же двадесѣтопа-
теричное: пѣть бо кратъ пѣть, двѣдесѣтъ пѣть. Тѣмъ-
же и маши четверѡгольный. ѡбразъ, не тѡчїю четве-
рицею добродѣтелей, но и вѣка сегѡ мудроє познаніе
двѣдесѣтъ пѣтомъ числѡ подобное, ради крѡглоты вре-
мѣнъ. Седмица бо по седмицѣ, и мѣсѣцъ по мѣсѣцѣ
движитса и ѿ гѡда въ гѡдъ лѣто ѡбращѣетса, и время
по времени, ѿкоже въ движенїи солнца и лѣны весны и
лѣта, и ѿже потѡмъ зрїмъ. Треѡгольное же знамено-
вати мѡжетъ тебѣ стѣмъ трѡцы познаніе. Инакъ: ѿще во
множествѣ, число прїѣти стѣ пѣтидесѣти трѣхъ, тре-
ѡгольное сѣщѡ разумѣй, дѣятельное, єстѣственноє, и
бѣгослѡвное: илї, вѣрѡ, надеждѡ, и любовь: зѣлѡто, сребрѡ,
каменїе честное: но число оубо сицевѡ, главъ же скѡ-
дѡсть да не прѣзриши, ѿкъ вѣдый насыцѣтисѣ и лишѣ-
тисѣ. Єй оубо, и ѿкъ помнѣщїй двѣ вдовїцы лѣпта
не ѡвѣрѣгшаго, но и пѣче богѣтства многихъ и нѣихъ вос-

с помощью чернил на хартии, но захотел обладать ими,
незыблемо укорененными в уме любовью и непамятозло-
бием. Но поскольку, согласно премудрому Иисусу, *все
они – в двойне, одно напротив другого* (Сир. 42, 25), то
прими [мой дар] и по букве, и по духу. Ведь ум предше-
ствует всякой букве, а если его нет, то не бывает и буквы.
Поэтому и образ молитвы двойственен: один — деятель-
ный, другой — созерцательный. Подобным же образом
дело обстоит и с числом: то, что в нем очевидно, есть ко-
личество, а смыслом его является качество.

Разделив сочинение о молитве на сто пятьдесят три
[главы], мы послали их тебе, как евангельское воздаяние,
дабы обрел ты приятное услаждение символическим чис-
лом, также найдя здесь фигуру треугольника и шести-
угольника, указывающие одновременно и на благочести-
вое ведение Троицы, и на очертание этой вселенной. Ибо
число сто само по себе — четырехугольно, а пятьдесят
три — треугольно и сферично. Двадцать восемь — тре-
угольно, а двадцать пять — сферично, поскольку пятью
пять будет двадцать пять. Таким образом, ты имеешь фи-
гуру четырехугольника благодаря четверице добродете-
лей, а также в числе двадцать пять имеешь фигуру круга,
[обозначающую] посредством кругового вращения вре-
мен премудрое ведение века. Ибо время катится неделя за
неделей, месяц за месяцем, год за годом и пора за порой,
как это мы видим в движении солнца и луны, весны и ле-
та, и т. п. Треугольник же, вероятно, обозначает ведение
Святой Троицы. Или иначе: если ты мыслишь число сто
пятьдесят три, то оно, вследствие своего обилия и в каче-
стве треугольника, есть [любомудрие] деятельное, естест-
венное и богословское. Оно также есть вера, надежда и
любовь, или золото, серебро и драгоценные камни. Тако-
во то, что относится к числу. Что же касается глав, то не
пренебрегай их скудостью, как научившийся и *терпеть*

прїимшаго Ѡнымъ: тѣмъ же благоволенїѣмъ и любви плѣдъ вѣдый сохраниѣти прииснымъ твоимъ братїѣмъ, молиса ѡ болащемъ, ѣкѡ да здравъ бѣдетъ, и взавъ прочее ѡдръ, да ходитъ благодатїю хрїтовою, аминь.

а. Яще кто восхотѣлъ бы благовонный аїміамъ оустроїти, чїстый лїванъ, и кассїю, и Ѡнихъ, и стактъ, равнѡ да слѣжитъ по законѣ (вѣ Мѡис. ѡ, ѡе). Сїѡ же сѣтъ четверїца добродѣтели: яще бо исполнены и равны сѣтъ, не преданъ бѣдетъ оумъ.

б. Учїишиса дѡша исполненїемъ заповѣдей, непоколебимъ чїнъ оумѡ оустроѣетъ, прїѣтеленъ тѡй творѣнїи искѡмагѡ оустроенїѣмъ.

в. Молїтва єсть беседа оумѡ къ бгѡ. Каковѡ оубѡ трѣбуетъ оустроенїѣмъ оумъ, да возможетъ не измѣннѡ воспросїратїса къ своемѡ влѣцѣ, и совесѣдовати емѡ ничесомѡже посреди сѣщѡ.

г. Яще къ сѣщей на земли кѡпинѣ горѣщей приближитїса покѡсивыйса мѡисей возбранѣетса, дѡндеже иззѣетъ сапогї ѡ ногъ (Исхѡд. вѣ, вѣ): какѡ ты всѡкое чѡство и помышленїе превозходѣщаго вїдѣти, и совесѣдникъ томѡ бѣти хотѣи, не ѡрѣшиши ѡ себѣ всѡко помышленїе прїстрѣстнѡ;

д. Перѡе ѡ прїѣтїи слѣзъ молиса, ѣкѡ да плачемъ оумѡгчїши сѣщю въ дѡшѣ твоѣй жестѡкость, и исповѣдавъ на тѡ беззакѡнїѣ твоѡ гдѡви, ѡпѡценїе ѡ негѡ полѡчїши.

е. Источѡй слѣзы ко исправленїю всѡкагѡ прошенїѣмъ: сѣлѡ бо радѣетса влѣка, со слѣзѡми молѣщїса тебѣ.

голод, и быть в недостатке (Флп. 4, 12). Помни о Том, Кто не отверг двух лепт вдовицы, но принял их благоклоннее, чем богатство многих других (см. Лк. 21, 3). Поэтому, познав плод благоволения и любви, будь внимательным к искренним братьям своим, молись о немощном, чтобы он стал здоров и, взяв постель свою, мог ходить (см. Мк. 2, 11) через благодать Христову. Аминь.

1. Если бы кто-нибудь пожелал приготовить благовонный фимиам, то он, согласно закону, сложил бы в равной мере ливан чистый, кассию, оних и стакти (см. Исх. 30, 34). И это есть четверица добродетелей. Когда они наличествуют в полной и равной мере, то ум не будет предан.

2. Душа, очистившись полностью заповедей, приготавливает незыблемое положение ума, делая его способным воспринять искомое состояние.

3. Молитва есть беседа ума с Богом. Какого же состояния должен достичь ум, чтобы он был в силах неизменно простираться к своему Владыке и беседовать с Ним без всякого посредника?

4. Если Моисею, пытавшемуся приблизиться к купине [неопалимой], пылающей на земле, было запрещено это до тех пор, пока он не снимет обувь с ног (см. Исх. 3, 5), то разве тебе, желающему созерцать Того, Кто превыше всякого чувства и мысли, и стать собеседником Его, не должно снять с себя всякую страстную мысль?

5. Прежде всего молись о даре слез, дабы через сокрушение смягчить существующую в душе твоей грубость и, исповедовав свои беззакония Господу (см. Пс. 31, 5), получить от Него прощение.

6. Пользуйся слезами для осуществления всякого прошения. Ибо весьма радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами.

з̄. Я́ще исто́чникъ слѣзъ и́зливáеши въ моли́твѣ тво́ей, ника́коже возно́си́са въ себѣ, ꙗ́кѡ па́че мно́гихъ сый. По́мощь бо воспрі́а моли́тва твоѡ, ꙗ́кѡ да возмо́жеши о́у́серднѡ исповѣ́дати твоѡ прегрѣ́шеніа, и о́умилостивити влѣ́кслеза́ми. Да не въ стра́сть о́убо пре́ложиши страсте́й ѿвраще́ніе, да не мно́жае прогнѣ́ваеши да́вшаго ти благода́ть.

ӣ. Мно́зи слеза́ще ѡ грѣ́сѣхъ, забыв́ше слѣзъ на мѣ́реніе, возне́истовствоваше со́врати́шася.

ѡ̄. Сто́й терпѣ́ливиѣ, и моли́са крѣ́пцѣ, и ѿвраща́йса попече́ній и по́мыслѡвъ нахо́жденіа: смѣ́щajúтъ бо и стѣ́жajúтъ ти, да крѣ́пость разсла́бятъ.

ї̄. Е́гда зра́тъ тебѣ бѣ́сове о́у́сердствѹю́ща и́стиннѡ моли́тиса: тогда́ вла́гаютъ помы́шленіа нѣ́кїихъ потрѣ́бъ ꙗ́кыи нѣ́жныхъ, и помалѣ́ возбѹ́ждаютъ ѡ́ нихъ па́мать, дви́жуще о́умъ ко взыскáнію тѣ́хъ, и ꙗ́кѡ не ѡ́верѣ́таа, сѣ́лѡ о́уны́ваетъ и печáлетъ. Е́гда же ста́нетъ на моли́твѣ, воспомина́ютъ е́мѹ ѡ́ взыскáнныхъ и́ воспо́маненныхъ, ꙗ́кѡ да подви́гшиса о́умъ къ о́увѣ́дѣнію ѡ́нѣхъ, погѣ́битъ пло́дъ моли́твы.

ѡ̄і. Подви́жайса о́устро́евати о́умъ тво́й во вре́мѡ моли́твы, да бѹ́детъ гла́хъ и́ немъ, и возмо́жеши помо́литиса.

ѡ̄і. Е́гда я́ще срáщетъ тѣ́ искѹ́шеніе, и́ли прекослѡ́віе раздра́житъ, и́ли къ со́противномѹ вкѹ́пѣ подви́гнѹти ꙗ́рость, и́ли нѣ́кїй нелѣ́пый и́знестї глаго́ль, помани́ моли́твѣ, проти́вѹ ѡ́нагѡ сѣ́дъ, и я́вїе безчи́нное въ тебѣ́ дви́женіе о́укроті́тса.

ї̄і. Е́лика я́ще сотвори́ши ко ѿмщѣ́нію бра́та ѡ́бидца́гѡ тѣ́, всѡ́ въ со́блазнъ тебѣ́ бѹ́дутъ во вре́мѡ млѣ́твы.

7. Если ты изливаешь потоки слез в молитве своей, нисколько не превозносишь этим, считая себя выше многих. Ибо молитва твоя приняла помощь [свыше], дабы мог ты ревностно исповедовать грехи свои и слезами умилоствовать Владыку. Поэтому не превращай в страсть защиту от страстей, дабы не прогневать Даровавшего тебе благодать.

8. Многие плачущие о грехах [своих] забыли о цели слез и, впав в безумие, отвратились [от пути истинного].

9. Стой [на молитве] прилежно и молись усердно, отвращаясь от попечений и рассуждений, овладевающих тобой. Ибо они приводят в замешательство и смущают тебя, чтобы ослабить силу твою.

10. Когда бесы видят твою ревность к истинной молитве, тогда они подкладывают мысли о неких вещах, якобы необходимых. Спустя краткое время они возбуждают память о них, подвигая ум на поиски этих вещей, а поскольку он не находит их, то вскоре падает духом и скорбит. Во время, стояния на молитве бесы [еще раз] напоминают уму об искомым вещах, заставляя вспомнить о них, дабы он, побуждаемый к ведению их, утратил плодотворную молитву.

11. Стремись к тому, чтобы во время молитвы ум твой стал глухим и немым, и тогда сможешь молиться.

12. Когда случится с тобой искушение, либо вступишь в спор и, раздраженный противоречием, проронишь непочтительное слово, тогда вспомни о молитве и о суде, который влечет она, — и сразу успокоится в тебе беспорядочное движение.

13. То, что ты сделаешь в отмщение брату, обидившему тебя, станет преткновением для тебя во время молитвы.

Ді. Млтва ѣсть, крѳтѳсти ѿ безгнѣвїа прозвѣнїе.

Еї. Млтва ѣсть, радѳсти ѿ блѳгодаренїа предложенїе.

Ѕї. Млтва ѣсть, печали ѿ оунынїа ѿгнание.

Зї. Шедъ, продаждь имѣнїе твоє, ѿ даждь нищымъ (Матф. ѳї, ка), ѿ вземъ крестъ ѿвержиса себе (Матф. хї, ка), да возможеши безматѣжнѳ помолитиса.

Иї. Аще хѳщещи похвально молитиса, ѿвержиса себе (Матф. хї, ка), во время молитвы, ѿ мнѳгаа лютаа терпѳа, ѿ молитвѣ любовѳдрствѳи.

ѳї. Еже аще прискорбнѳ терпѳа любовѳдрствовать бѳдещи, сегѳ плодъ во время молитвы ѿбращещи.

к. Хотѳа помолитиса ѿкоже подобаетъ, да не ѿпеча- лиши дѳшѳ: аще же нѳ, все течещи.

ка. Устави даръ твоѳ, глаголетъ, предъ олтаремъ ѿ шедъ прежде смирса съ братѳмъ твоимъ (Матф. е, ка), ѿ тогда пришедъ помолитиса безъ смѳщенїа: сло- помнѣнїе во помрачаетъ оумъ молѳцагвса, ѿ потемна- етъ егѳ молитвы.

кв. Печали ѿ слопомнѣнїа себе собирающїи, подобни сѳть водѳ черплющимъ, ѿ въ кадѳ продѳбленнѳю вли- вающимъ.

кг. Аще терпѳливъ еси, приснѳ съ радѳстїю помолитиса.

кд. Молѳщса тебѣ лѳпоподобнѳ, сицевѳа тѳ срѳ- щѳтъ вещи, ѿкѳ да вознепщещи праведнѳ быти всѳ- чески на ѿрѳсть возбѳждатиса: нѣсть же праведна ѿрѳсть противѳ ближнѳгѳ ѿнѳдъ. Аще во пощещи, ѿбращещи ѿкѳ мѳчно ѿ кромѣ ѿрѳсти, добрѣ быти ве- щѳ. Всѳко оубѳ оупотреблѳй тѳцание, да не подвижешиса на ѿрѳсть.

ке. Зри, да не мнѳйсѳ инѳго врачевати, самъ неис- цѣленъ бѳдещи, ѿ даси препинание молитвѣ твоѳй.

14. Молитва есть побег [от древа] кротости и незлоби- вости.

15. Молитва есть плод радости и благодарения.

16. Молитва есть защита от печали и уныния.

17. Уходя [от мира], *продай имение твое и раздай ни- щим* (Мф. 19, 21) и, взяв крест, *отвергнись себя* (Мф. 16, 24), дабы ты смог молиться нерассеянно (без развлече- ния).

18. Если желаешь достохвально молиться, отвергайся себя каждый час и, претерпевая многочисленные и суро- вые испытания, любомудрствуй о молитве.

19. Какие бы тяготы ты ни претерпел, подвизаясь в любомудрии, плод его обнаружишь во время молитвы.

20. Если желаешь молиться как должно, не ввергай в печаль душу. Иначе — всеу подвизаешься.

21. [Писание] гласит: *Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим* (Мф. 5, 24); тогда, придя, будешь молиться не- возмутимо. Ибо памятозлобие затемняет владычествую- щее начало души молящегося и омрачает молитвы его.

22. Накапливающие в себе огорчения и памятозлобие подобны тем [людям], которые черпают воду и льют ее в продырявленную бочку.

23. Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с ра- достью.

24. Когда молишься как должно, тогда могут возник- нуть перед тобой такие вещи, с которыми ты сочтешь справедливым обойтись, пользуясь гневом. Однако во- обще нет праведного гнева на ближнего. Ибо если ты приложишь старание, то найдешь, что возможно уладить дело и без гнева. Поэтому употребляй все средства, чтобы не разразиться гневом.

25. Смотри, как бы под предлогом врачевания другого не стать тебе самому неисцеленным и не поставить пре- грады молитве твоей.

кз. Щадѣй ѣрость, пощадѣніе ѡбръщєши, и мѡдра себѣ покажеши, и въ молѣціхса бѣдеши.

кз. Протѣвѣ ѣрости ѡполчѣайса, похотѣніа не потерпитъ когдѣлибѣ, тѣ бо вины дѣстѣ ѣрости, и тѣ смѡщѣетъ оумное око, повреждѣа оустроеніе молѣтвы.

ки. Не єдиными внѣшними ѡбразы молѣса, но возбѣждѣй оумъ твоѣй къ чѡвствованію дѡховныхъ молѣтвы со многимъ страхомъ.

кф. Овогдѣ оубѣв внезапѣ стѣвѣ на молѣтвѣ дѡбрѣ помѡлишса: овогдѣ же и сѣлѣ трѡдѣвса, не оумлѣчиши намѣреніа, ѣкѡ да єще пѣче пощєши, и прѣемъ бѣдеши имѣти неѡемлемое исправленіе.

л. Предстѣвшѣ аггѣлѣ, внезапѣ всѣ ѡстѣпѣютъ стѣжѣющѣи намъ, и ѡбрътѣетса оумъ во мнѡзѣй ѡслабѣ здравѣ молѣса: овогдѣ же ѡбѣчнѣй брани намъ належѣщей: бѡретса оумъ, и не пощѣетса возникнѣти многоразличными страстьми. ѡбѣче на мнѡзѣ ищѣа ѡбръщєтъ и толкѣщѣ ѡвѣрзєтса ємѣ.

ла. Не молѣса твоимъ бѣти хотѣніамъ не бѣ всѣкѡ согласѣютъ хотѣнію бѣію. Но пѣче, ѣкоже наѡчилса єси, молѣса, глагола: да бѣдетъ во мнѣ вола твоа. И во всѣкомъ дѣлѣ тѣкѡ єгѡ проси, да бѣдетъ вола єгѡ (Матѣ. 5, 1). Хѡщєтъ во благає и полѣзное дѣши твоєй, ты же не всѣкѡ сєгѡ взыскѣши.

лв. Мнѡжицею помѡливса, просѣхъ бѣти мѣ, єже непщєвѣхъ дѡбрѣ бѣти, и пребывѣхъ въ прошєніи безсловєснѣ нѣдѣщи волю бѣію: и не ѡдѣвѣ ємѣ, да єже вѣстѣ полѣзное, то пѣче оустрѡбитъ, и прѣемъ оубѣв, воз-

26. Воздерживаясь от гнева, ты и сам обретишь прощение [от других] и покажешь себя разумным, войдя в число молитвенников.

27. Вооружаясь против гнева, никогда не допускай к себе похоть. Ибо она поставляет вещество для гнева, который замутняет умное око, расстраивая молитвенное состояние.

28. Молись не только внешними телодвижениями, но побуждай ум свой обращаться с великим страхом к чувству духовной молитвы.

29. Иногда, лишь только станешь на молитву, сразу начинаешь хорошо молиться, а иногда, и много потрудившись, не можешь достичь цели. [Это случается для того], чтобы ты с еще большим усердием взыскивал духовного совершенства и, обрета его, сохранил бы его нерасхищенным.

30. Когда [к нам] приближается Ангел, то отступают докучающие нам [бесы] и ум обретает великую отраду, молясь с бодрой полнотой здоровья. Однако иногда обычная брань поглощает нас, и ум сражается, не имея возможности возвести очи горе. И это потому, что прежде он был заражен многоразличными страстями. Тем не менее, если он будет больше искать, то найдет; если же будет сильнее стучать, то ему отворят (ср. Мф. 7, 8).

31. Не молись об исполнении желаний своих, ибо они не всегда созвучны воле Божией. Лучше молись, как тебя научили, говоря: *да будет воля Твоя* на мне (Мф. 6, 10). И во всяком деле так проси Бога, чтобы была Его воля. Ибо Он желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда ищешь этого.

32. Часто, молясь, просил я, чтобы исполнилось то, что казалось мне благом, и, неразумно упорствуя в прошении, силой понуждал волю Божию, а не предавал [себя] Богу, чтобы Он домостроительно устроил [все], по-

скорбѣхъ послѣднѣи сѣлѡ, занѣ не паче боли вѣѣи проси́хъ быти: не бо сицевѡ ми случисѡ вещь, ꙗковѣ мнѣхъ.

лг. Что́ есть благо, развѣ бгѣ: тѣмже оубо томѣ ѡдадимъ всѡ ꙗже ѡ насъ, и благо намъ будетъ. Благій бо всѡкъ, и благихъ дарѡвъ есть податель.

лд. Не скорби, не прѣмла ѡбѣ ѡ вѣа прошеніе, еже просиши. Хощетъ бо тебѣ множае ѡблагодѣтельствовати, пристѣжаща емѣ въ молитвѣ. Что́ бо есть выше; ꙗкѡ еже собесѣдовати бгѣ, и къ немѣ соединеніемъ ѡбѣатѣ быти.

ле. Безматѣжнаѡ молитва есть, крайнее разумѣніе оума.

лз. Молитва есть восхожденіе оума къ бгѣ.

лз. ꙗще помолитисѡ вожделѣеши, ѡстави всѡ, да всѡ наслѣдиши.

ли. Молисѡ первѣе, ѡ еже ѡчиститисѡ страстей: второе, ѡ еже избавитисѡ ѡ невѣдѣніѡ и забвеніѡ: третіе, ѡ еже не быти искѣшенѣ и ѡставленѣ.

лф. Единыѡ ищи въ молитвѣ твоѣи правды, и царствіѡ, сіесть добродѣтели и разума: и прѡчаѡ всѡ приложатсѡ ти.

лм. Праведно не точиѡ ѡ своѣмъ ѡчищеніи молитисѡ, но и ѡ ѡчищеніи всѡкагѡ единоплеменнагѡ, да аггльскомѣ подражаеши ѡбразѣ.

ла. Зри ꙗще воистиннѣ бгѣ предстоиши въ млтвѣ твоѣи, не похвалою ли человѣческою повѣждаешисѡ, и сїю оуловлати тцишисѡ, ꙗкоже прикровеніе имѣѡ прѡтаженіе молитвы;

лв. ꙗще съ братіею, ꙗще наединѣ молишисѡ, подвижайсѡ, не ѡбываемъ, но чѣвствіемъ молитисѡ.

сколько Он лучше меня ведаёт, что мне полезно. Однако, получив [просимое], я затем сильно мучился из-за того, что не уповал на волю Божию, ибо [обретенная вещь] обманывала мои ожидания.

33. Что является благом, кроме Бога? Поэтому предадим Ему все, касающееся нас, и нам будет хорошо. Ибо Благой, конечно, есть и Податель благих даров.

34. Не печалься, не получая от Бога сразу то, о чем просишь. Ибо Он желает полнее облагодетельствовать тебя, постоянно и напряженно молящегося к Нему. Ведь что может быть возвышенной устремленности к собеседованию с Богом и к общению с Ним?

35. Нерассеянная молитва есть высшее мышление ума.

36. Молитва есть восхождение ума к Богу.

37. Если с пылом жаждешь молиться, отрекись от всего, чтобы наследовать все.

38. Молись, во-первых, об очищении от страстей; во-вторых, об избавлении от неведения и забвения; в-третьих, [об освобождении], от искушения и богооставленности.

39. В молитве своей ищи только правды и Царства [Божия], то есть добродетели и ведения, а все остальное приложится тебе (ср. Мф. 6, 33).

40. Праведно [молиться] — значит молиться не только о собственном очищении, но и о всяком единоплеменнике своем, дабы подражать ангельскому образу [жизни].

41. Смотри, действительно ли Богу предстоишь в молитве своей, или поддаешься соблазну человеческой похвалы и за ней охотишься под благовидным предлогом продолжительной молитвы.

42. Молишься ли ты с братией или наедине, подвизайся молиться не по привычке только, но с чувством.

мг. Чувствіе єсть моли́твы, внима́ніе со благоговѣніемъ, и оумилѣніемъ, и болѣзнію души, во исповѣданіи прегрѣшеній съ воздыханіи сокровѣнными.

мд. Я́ще ѡкрада́емъ быва́етъ оумъ тво́й е́ще во вре́мѣ моли́твы, не оумъ разумѣ ꙗко ѿнокъ моли́тса, но е́ще мѣра́ніи єсть, внѣшнюю хра́миню оукраша́ющею.

ме. Мола́са, па́мать твою̀ сілою храни, да не своа́ приложитъ тебѣ, но къ разумѣ предсто́аниа себѣ подви́зай. Сѣлѡ во ѡбыче оумъ ѡкрада́емъ быти ѡ па́матѣ во вре́мѣ моли́твы.

мс. Или́ дрѣвнихъ дѣлъ мечтаниа приво́дитъ тебѣ па́мать мола́щася, или́ нѡвыа попеча́ніа, или́ лице ѡскорбѣшагѡ.

мз. Сѣлѡ завидуетъ бѣсъ челове́къ мола́щемуся, и вса́къ оупотребляетъ ко́знь повреди́ти тогѡ намѣреніе. Не преста́етъ оубѡ помышлѣніа ѡ вѣщехъ подви́зати па́матію, и вса́ стра́сти возбѣждати плѡтію, да воспла́тити возмо́жетъ иза́щнѣишемъ егѡ течѣнію и шествию къ бгѡ.

ми. Егда́ мно́гаа содѣлавъ вселѡка́вый бѣсъ, не возмо́жетъ воспла́тити пра́веднагѡ моли́твѣ, ма́лѡ послаблѣетъ, и послѣднѣ ѡмщеваетъ емѡ помолѣвшася. Или́ бо на гнѣвъ тогѡ воспали́въ, собира́емое ѡ моли́твы изра́днѣишее въ немъ оустроѣніе истреблѣетъ, или́ къ сла́дости безсловѣснѣй подви́гнѣвъ, ѡскорблѣетъ оумъ.

мф. Помолѣвса ꙗкоже подова́етъ, ѡжди́ай ꙗже не подова́етъ, и сто́й мужественно храни пло́дъ тво́й. На сѣе во ѡ нача́ла вчини́лса єси, дѣлати и храни́ти. Не оубѡ содѣлавъ ѡста́виши нестрѣго́мъ трѣдъ: ꙗ́ще же ни, ничтѡже пользовалса єси мола́са.

43. Чувством молитвы является глубокое раздумие, сопровождающееся благоволением, сокрушением и мучкой душевной при исповедании прегрешений с беззвучными стенаниями.

44. Если во время молитвы ум твой отвлекается, то он осознает, что это молится не монах и что он является пока мирским, украшающим, внешнюю скинию.

45. Молясь, будь предельно бдительным в отношении к памяти своей, дабы не предложила она тебе свои [греховные воспоминания]. Наоборот, подвигай себя к ведению служения [своего]. Ибо ум во время молитвы может быть похищен памятью.

46. Когда ты молишься, то память вызывает в тебе либо мечтания о прошлых делах, либо новые заботы, либо представляет тебе лицо обидчика.

47. Бес весьма завидует молящемуся человеку и использует все средства, чтобы сбить его с цели. Поэтому он не перестает с помощью памяти вызывать мысли о вещах, а с помощью плоти опрокидывает на землю страстями, дабы только помешать его шествию благим путем подвижничества и вознесению к Богу.

48. Если наилукавейший бес, многие употребив [хитрости], не может помешать молитве праведника, то он немного отступает, но затем, когда молитва закончена, мстит ему. Ибо этот бес либо возжигает гнев в нем, разрушающий наилучшее состояние [души], возникшее в результате молитвы, либо побуждает к неразумному наслаждению и глумится над умом.

49. Помолвившись как должно, ожидай недолжного, однако стой мужественно, охраняя плод свой. Ибо для этого ты и предназначен изначально: *делати и храни* (Быт. 2, 15). А поэтому, возделав, не оставляй без охраны добытое трудом, иначе не будет тебе никакой пользы от молитвы.

ї. Всяка составляема брань между нами и нечистыми бесами, не в иномъ бываесть, развѣ в духовнѣй молитвѣ. Сѣлѡ бо сопротивна имъ есть и ненавистна: намъ же спасительна, благодѣтнѣйша.

їа. Чтѡ хощутъ беси содѣвати въ насъ; чревонеистовство, блѡдъ, сребролюбїе, гнѣвъ, и слопомнѣнїе, и прѡчаш страсти, да ѡдебелѣвъ ѡ нихъ оумъ, не возмѡжетъ, ѡкоже подобаетъ, помолитиса. Безсловесной бо части страсти начальство прїимше, не пощцаютъ томъ словеснѡ двжитиса.

їв. Добродѣтели прохѡдимъ по словесамъ бывшихъ, и словеса по ѡсуществовавшемъ словѣ: слово же въ оустроенїи молитвы ѡвлѣтиса ѡбѣче.

їг. Оустроенїе молитвы есть, навикновенїе безстрастное, крайнѣйшимъ раченїемъ на высотѣ мысленнѡ восхщающе любомъдрствующїй оумъ.

їд. Не точїю надъ ѡростїю и вожделѣнїемъ подобаетъ владычествовати воистиннѡ молитиса хотѣщемъ, но и внѣ помышленїа пристрастнаго быти.

їе. Любѡи бѣа, съ нимъ ѡкѡ со оцѣмъ приснѡ бесѣдуетъ, ѡврацѡася всякаго помышленїа страстна.

їз. Не иже полчи, безстрастїе, оуже и молитса истиннѡ. Мѡжетъ бо въ простыхъ помышленїихъ быти, и въ разсмотрѣнїи тѣхъ пребывати, и далече ѡстоати ѡ бѣа.

їз. Не егда не коснѣтъ оумъ въ простыхъ помышленїихъ вещей, оуже и мѣтвы мѣста достиже: мѡжетъ бо въ видѣнїи приснѡ быти вещей, и въ размышленїихъ ѡ тѣхъ почѣтиса, ѡже ѡще и прѡсти глаголы сѣтъ, но ѡкѡ вещей сѣцаѡ оумозрѣнїа воображаютъ и ѡбразуютъ оумъ, и далече ѡвѡдѣтъ егда ѡ бѣа.

50. Всякая брань, возникающая между нами и нечистыми бесами, ведется только из-за духовной молитвы и ничего другого. Ведь для них она чрезвычайно неприятна и тягостна, а для нас — спасительна и благотворна.

51. Что угодно бесам возбуждать в нас? — Чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, памятозлобие и прочие страсти, дабы ум, одевшись ими, не мог молиться, как должно. Ибо страсти неразумной части [души], начиная властвовать над умом, не позволяют ему двигаться разумно.

52. Мы домогаемся добродетелей ради логосов тварных вещей (τοὺς λόγους τῶν γευονότων); к ним стремимся ради Слова, дающего бытие [этим логосам], а это Слово обычно открывается [нам] в состоянии молитвы.

53. Состояние молитвы есть навик бесстрастия, который с помощью наивысшей любви восхищает любомудренный ум на духовную высоту (букв. «восхищает к умопостигаемой высоте»).

54. Желаящему истинно молиться должно владычествовать не только над яростной и желательной [частями души], но и быть вне всякой страстной мысли.

55. Любящий Бога всегда беседует с Ним, как с Отцом, отвращаясь от всякой страстной мысли.

56. Достигший бесстрастия не обязательно сразу [сподобляется] истинной молитвы. Ибо он может еще заниматься простыми мыслями и развлекаться рассмотрением их, а поэтому быть весьма далеким от Бога.

57. Но и когда ум не задерживается на простых мыслях о вещах, это еще не означает, что он уже достиг места молитвы. Ибо возможно всегда пребывать в созерцании вещей и постоянно размышлять о логосах их, которые, хотя и являются простыми высказываниями, но, как представления о вещах, запечатлевают и оформляют ум, а поэтому и уводят его далеко от Бога.

ѿн. ꙗ́ще не вы́ше видѣ́нїѧ тѣ́леснагѡ е́стества о́умъ
вѣ́детъ, не о́у соверше́нное вѣ́же мѣ́сто видѣ́: мо́жетъ бо
въ ра́зумѣ мы́сленныхъ бы́ти, и пестри́тисѧ тѣ́ми.

ѿѡ. ꙗ́ще моли́тисѧ хо́щещи, вѣ́а потре́ба даю́щагѡ
млѣ́твѡ мола́щемусѧ. Тѣ́мже призыва́й е́го глаго́ла: да
свѣ́титсѧ ѿ́ма твоѐ, да прї́детъ ца́рствїе твоѐ (Матѡ.
5, ѡ): то́ есть, сѣ́ый дхъ, и е́динокрѡ́дный тво́й снъ. Снѣ
во ѡ́вѣчїи, глаго́ла: дхѡмъ и́ истинною клѧ́нѣтисѧ о́цѡ
(ѿѡан. 4, 24).

ѿ3. Дхѡмъ и́ истинною мола́йсѧ, не ктомѡ ѡ́ тва́ри
творца́ чествѣ́етъ, но ѡ́ самогѡ тогѡ́ воспѣ́ваетъ.

ѿ4. ꙗ́ще вѣ́слѡвъ е́си, ѿ́маши моли́тисѧ и́стинноу: и́
ꙗ́ще и́стинноу мо́лишисѧ, вѣ́слѡвъ е́си.

ѿ5. Е́гда о́умъ тво́й мно́гимъ къ вѣ́ж желѧ́немъ, по-
ма́лѡ ѧ́ки о́удалѧ́етсѧ ѡ́ плѡ́ти, и всѣ́хъ, ꙗ́же ѡ́ чѡ́ства,
ѿ́ли па́мѧти, ѿ́ли ра́створѣ́нїѧ ѡ́враца́етсѧ помы́шлѣнїи,
благоговѣ́нїѧ кѡ́пнѡ и́ ра́дости бы́вѡ и́сполненъ: тогдѧ́
непщѣ́й при́ближившасѧ тогѡ́ къ предѣ́ламъ моли́твы
бы́ти.

ѿ6. Сѣ́ый дхъ со́страждѡщѣ́ нашей не́мощи, и́ къ не-
чи́стымъ сѡ́щымъ на́мъ прихѡ́дитъ: и́ ꙗ́ще ѡ́враца́етъ
о́умъ то́чию и́стиннолю́бноу е́мѡ мола́щїйсѧ, нахѡ́дитъ на
негѡ́, и́ все ѡ́крѡ́жающее е́го по́мыслѡвъ, ѿ́ли помы́шлѣнїи
ѡ́полчѣ́нїе прогонѧ́етъ, возбѡ́ждѧ́ тогѡ́ къ лю́бви дхѡ́в-
ныѧ млѣ́твы.

ѿ7. И́нїи о́убѡ и́змѣ́ненїемъ тѣ́ла, водворѧ́ютъ во
о́умъ по́мыслы, ѿ́ли помы́шлѣнїѧ, ѿ́ли видѣ́нїѧ: гдѣ́ же
напрѡ́тивъ творї́тъ, въ са́мый о́умъ вхо́дѡ влагѧ́етъ
томѡ́ ра́зумъ, ꙗ́же хо́щетъ, и́ о́умѡмъ нево́здержѧ́нїе
тѣ́ла о́уक्रѡ́ца́етъ.

58. Даже если ум оказывается превыше созерцания те-
лесного естества, это не означает, что он узрел совершен-
ное место Божие. Ибо он может [все время] пребывать в
ведении умопостигаемых [вещей] и рассеивать свое вни-
мание на них.

59. Если желаешь молиться, то тебе нужен Бог, да-
рующий молитву молящемуся. Поэтому призывай Его,
говоря: *Да святится имя Твое; да придет Царствие
Твое* (Мф. 6, 9–10), то есть Святой Дух и Единородный
Сын Твой. Ибо так научил [нас Господь], говоря: Отцу
должно *поклоняться в духе и истине* (Ин. 4, 24).

60. Молящийся в духе и истине читит благоговейно
Творца, не [исходя] от тварей, но [исходя] от Него Само-
го воспеваает Его.

61. Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а
если истинно молишься, то ты — богослов.

62. Когда ум твой, [возжигаемый] пылкой любовью к
Богу, постепенно отрешается от плоти и отвращается от
всех мыслей, исходящих от чувства, памяти и темпера-
мента, и в то же время становится преисполненным благо-
говения и радости, тогда считай, что ты приблизился к
пределам молитвы.

63. Святой Дух, сочувствуя нашей немощи, посещает
нас, даже если мы нечисты; и если Он находит, что с лю-
бовью к истине молится ему только ум, то нисходит на
него и разгоняет всю фалангу обступивших его помыслов
и [греховных] мыслей, обращая его к пылкому желанию
духовной молитвы.

64. Тогда как прочие производят в душе помыслы,
мысли и представления, пользуясь изменениями тела,
Господь делает противоположное: Он входит в сам ум и
влагает в него ведение о тех вещах, какие Ему угодны;
посредством же ума Он унимает и невоздержанность те-
ла.

ѿе. Никто́ любашій истинно́ю моли́твѣ, и гнѣвалъ-
сѧ, и ли́ сло́помнащій, внѣ́ есть порица́нїа: подобенъ бо
ѣсть о́стрѡ зрѣти хотѧщемъ, и своѧ́ о́чеса смѣщаю-
щемъ.

ѿс. Я́ще моли́тисѧ желаеши, ничто́же ѡ́ сопротив-
ля́ющихсѧ моли́твѣ творї: да бѣ́ приближивсѧ, сопѣт-
ствовати бѣ́детъ тебѣ́.

ѿз. Да не ѡ́бразѣши бѣ́жествò въ себѣ́ мола́сѧ, ниже́
ко ѡ́бразѣ́ ко́емъ попѣстиши вообража́тисѧ твоѣмъ
о́умъ, но неvěщественнѣ́ къ неvěщественномъ пристѣпи
и о́уразѣ́мѣши.

ѿи. Блюди́сѧ сѣ́тѣй противникѡвѣ́. Быва́етъ бо ввѣг-
да́ моли́тисѧ ти́ чїстѡ и несмѣ́еннѡ, ввеза́пѣ́ предста-
ти тебѣ́ ѡ́бразѣ́ не́коемъ страннѣ́ и чѣ́ждѣ́, во ѣ́же
мнѣ́нїе тебѣ́ привести́ нещѣ́юща бѣ́жествò бы́ти та́мѡ:
да ввеза́пѣ́ ѡ́кровѣ́нное, коли́чественно бѣ́жествò бы́ти
о́увѣ́ришисѧ: не коли́чественно же ѣ́сть бѣ́жествò и не-
ѡ́бразова́нно.

ѿѡ. Е́гда не возмо́жетъ па́мать подвї́гнѣти въ мо-
ли́твѣ́ завїстливый бѣ́сѣ́, тогда́ раство́ренїе тѣ́ла воз-
бѣ́ждаетъ, во ѣ́же сотвори́ти странно́ не́кое мечтáнїе
о́умъ, и ѡ́бразова́ти е́го. Обы́чай же имѣ́ай въ помыш-
ленїихъ бы́ти, о́удобнѡ́ преклоня́етсѧ: и къ неvěщест-
венномъ ра́зумъ, и безвї́дномъ тѣ́аисѧ, прельца́етсѧ,
ды́мъ вмѣ́стѡ свѣ́та ѡ́бѣ́мѧ.

Ѧ. Стáни на стра́жи твоѣ́й стрежа́ о́умъ тво́й ѡ́ по-
мышленї́й во вре́мѧ моли́твы: прошенї́е испóлнити, и
ста́ти въ своѣ́й тишинѣ́: да состра́ждѣ́щї́ неvěдѣ́-
щымъ, и къ тебѣ́ прї́детъ: и тогда́ прї́мѣши да́ръ мо-
ли́твы благосла́внѣ́йшїй.

Ѧа. Не возмо́жеши чїстѡ́ моли́тисѧ дѣ́лы соплетá-
емъ ве́щественными, и попеченї́и непрестáнными колѣ́в-

65. Никто не может избежать упрека, когда при любви к истинной молитве человек впадает в гнев или памятозлобие. Ибо такой человек уподобляется тому, кто желает быть зорким и повреждает собственные очи.

66. Если желаешь молиться, не делай ничего противоположного молитве, дабы Бог, приблизившись [к тебе], сопутствовал с тобой.

67. Молясь, не облакай в самом себе Божество в зримые формы и не позволяй, чтобы ум твой запечатлевался каким-либо [чувственным] образом, но приступай к Нематериальному нематериально, и [тогда] постигнешь [Его].

68. Остерегайся ловушек супротивных [сил]. Ибо бывает, что когда ты молишься чисто и безмятежно, то вдруг предстанет пред тобой некий чуждый и инородный образ, дабы ввести тебя в сомнение и [внушить мысль], будто Божество находится в некоем определенном месте и будто сразу Оно открывается тебе, как нечто количественное, тогда как это Божество лишено формы и величины.

69. Когда завистливый бес не может возбудить память во время молитвы, тогда он принуждает телесный темперамент произвести некое чуждое представление в уме и придать ему форму. А поскольку ум обладает обыкновением пребывать в умозрениях, то он легко уступает и, устремляясь к нематериальному и безвидному ведению, обманывается и наполняется дымом вместо света.

70. Стой на страже своей (см. Авв. 2, 1), охраняя ум свой от мыслей во время молитвы, дабы исполнить прошение и быть незыблемым в собственном покое, а также чтобы Сочувствующий неведующим и тебя посетил, — тогда и получишь преславнейший дар молитвы.

71. Ты не сможешь чисто молиться, если поглощен материальными вещами и взбудоражен постоянными за-

лѣмъ: моли́тва бо ѣсть ѿложеніе помышлѣній.

Ѡв. Не мо́жетъ свѣ́занный теши, ниже о́умъ стра́сти раво́тающій, моли́твы дх́овныа мѣсто ви́дѣти: влекомъ бо и носимъ бывае́тъ ѿ стра́стнагѡ помысла, и не вози́мѣтъ стоа́нїа незы́блемагѡ.

Ѡг. Егда́ чи́стѣ о́уже и безстра́стнѣ о́умъ моли́тсѧ, тогда́ не ктомѡ ѿ шѣи́хъ прих́одѧтъ къ немѡ бѣси, но ѿ десны́хъ. Предлага́ютъ бо е́мѡ сла́вѡ бж́ію и ѡбразова́нїа нѣкаа чѡствѡ прїѧтнаа, ѡкѡ возмнѣ́ти конѣчнѣ полчи́ти е́мѡ ѣже ѡ моли́твѣ предвоспрїѧ́тїе. Сїе же сказа́ прозорли́вый мѡжъ ѿ стра́сти тщесла́віа быва́ти, и ѿ бѣса прикаса́ющагѡсѧ сщ҃емѡ въ главнѡмъ мо́згѣ мѣстѡ.

Ѡд. Мнѡ бѣса прикаса́ющагѡсѧ рече́нномѡ мѣстѡ ѡбраща́ти свѣ́тъ ѡже ѡкрестъ о́ума, ѡкоже хо́цетъ: и си́це дви́жимѣй бы́ти стра́сти тщесла́віа, въ помыслѣ ѡбразѡ́щемъ о́умъ легкомы́сленнѣ къ дости́женїю бж́е́ственнагѡ и сщ҃ественнагѡ ра́зѡма. Не стѡжа́емъ же си́цевый ѿ плотскї́хъ и нечи́стыхъ страсте́й, но чи́стѣ о́убѡ предста́въ, мни́тъ не ктомѡ дѣ́йствѡ нѣкоемѡ прѡ́тивнѡ бы́ти въ немѡ. Тѣмже неощѣ́етъ бж́е́ственно бы́ти ѡвлѣнїе, быва́емое е́мѡ ѿ бѣса, мно́гѡ сѣлѡ хї́трость о́употребля́ющагѡ, и чрезъ мо́згъ сопрѡ́женный томѡ свѣ́тъ прѣмѣна́ющагѡ и ѡбразѡ́щагѡ ѡный, ѡкоже предрѣ́хомъ.

Ѡе. Бж́ій а́ггѡлъ предста́въ, сло́вомъ е́динымъ все́ сопро́тивля́ющее дѣ́йство ѡгонѧ́етъ ѿ насъ, и дви́житъ свѣ́тъ о́ума непреле́стнѡ дѣ́йствовати.

Ѡз. Е́же глаго́летсѧ во ѡкровѣ́нїи, взѧ́ти а́ггѡлѡ фї́мїамъ, да да́стъ моли́твамъ стѣ́ихъ (ἰωάν η, γ), мнѡ благода́ти бы́ти чрезъ а́ггѡла дѣ́йствѡемѣй: ра́зѡмъ бо влага́етъ и́стинныа моли́твы, во ѣ́же ста́ти прѡ́чее внѣ

бота́ми. Ибо моли́тва есть отрешение [ума от всяких] помыслов.

72. Не может связанный бежать; и ум, рабски служащий страсти, не может зреть место духовной молитвы, ибо он влачится и кружится страстной мыслью и не в силах обрести неподвижное постоянство.

73. Когда, наконец, ум начинает чисто и бесстрастно молиться, тогда бесы нападают на него уже не слева, а справа. Они [образно] представляют ему славу Божию и принимают вид чего-либо угодного чувству, так что ему кажется, будто он уже совершенно достиг цели молитвы. Это, как сказал преизобилующий ведением муж, происходит от страсти тщеславия и от беса, прикасающегося к определенному месту мозга.

74. Я думаю, что бес, прикасающийся к названному месту [мозга], отвращает свет, окружающий ум. И таким образом страсть тщеславия проникает в разумную часть души, настраивая ум на легкомысленный лад для того, чтобы стало ошупываемым божественное и сущностное ведение. Поскольку же уму не докучают плотские и нечистые страсти, но в чистоте предстоит он [в молитве], то ему кажется, что в нем отсутствует всякое вражеское действие. Поэтому он принимает явление, произведенное в нем бесом, за явление божественное. А бес, проявив чрезвычайное искусство, [действует] на сопряженный [с умом] свет, изменяет его и, как мы уже сказали, формирует тем самым ум.

75. Ангел Божий, представ [перед нами], одним только словом отгоняет от нас всякое вражеское действие и позволяет свету ума действовать неуклонно.

76. Когда в «Апокалипсисе» говорится об Ангеле, который приносит фимиам, чтобы дать его [в помощь] молитвам святых (см. Откр. 8, 3), то я думаю, что здесь подразумевается благодать, приводимая в действие Ангелом.

вса́кагѡ смѣщенїа, оубны́нїа же ѿ лѣности оумѣ.

Ѡз. Фїалы съ ѡумїа́мы, моли́твы бы́ти глаго́лютса стѣхъ, ѿже двáдесать ѿ четы́ре старцы́ приноша́хѡ (Апок. ѿ, ѿ). Фїалъ же разумѣетса дрѡжество, ѿже къ бгѡ, ѿли соверше́нна ѿ дхѡвна́ любовь, въ нейже моли́тва дѣйству́етса дхѡмъ ѿ истиною.

Ѡи. Ёгда́ непщѣши не трéбовати тебѣ́ слéзъ въ моли́твѣ твоёй ѡ грѣсѣхъ, зри, коли́кѡ ѡстои́ши ѡ бгѡ, до́лженъ сый вы́нѡ бы́ти въ нёмъ, ѿ тёпльше просле́зиши́са.

Ѡѡ. Вои́стиннѡ вѣдый мѣры твоѡ, сла́дцѣ да воспла́чеши, ѡкаева́а себе́ по исáю: ка́кѡ нечїсты оустнѣ́ ѿмы́и, ѿ посредѣ́ сицевы́хъ, сїрѣчь, сопроти́вны́хъ люде́и сый, дерза́еши ко гдѡ́ саваѡѡ́ предста́ти (Исáи ѿ, ѿ).

Ѡи. Ёще ѿстиннѡ моли́ши́са, мно́гое ѿзвѣщенїе ѡбраще́ши: ѿ а́гглі прїидѡтъ къ тебѣ́ ѿкоже ѿ къ данїїлѡ́ (Дан. ѿ, кѡ), ѿ вины́ быва́емыхъ возвѣста́тъ ти.

Ѡа. Вѣжда́, ѿкѡ стїи́ а́гглі оубѣщава́ютъ насъ къ моли́твѣ, ѿ сопредсто́ятъ намъ ра́дующеса́ вкѡпѣ, ѿ мола́щеса ѡ насъ. Ёще оубѡ вознера́димъ, ѿ прїимемъ́ помы́слы проти́вныа, сѣлѡ́ раздража́емъ ѿхъ, ѿкѡ тїи ѡ насъ подви́заетса́ толи́кѡ: мы́ же ниже́ ѡ себе́́ хо́щемъ оумилостивлáти бгѡ, но презира́юще своё́ слѡжéнїе, ѿ тѣхъ влѡ́ ѿ бгѡ ѡставлáюще, бѣсѡмъ́ нечїстымъ́ совесѣ́дѡемъ.

Ѡв. Моли́са́ крѡ́ткѡ ѿ несмѣщеннѡ, ѿ по́и разумнѡ ѿ согла́снѡ, ѿ бѡдеши ѿкѡ птенéць ѡрлїи́ въ высотѡ́ вземлёмый.

[Эта благодать] созидает ведение истинной молитвы, так что ум, наконец, твёрдо пребывает вне всякого смятения, уныния и нерадения.

77. Чаши, полные фимиама, которые, как говорится, суть молитвы святых и которые принесли двадцать четыре старца (Откр. 5, 8), [нужно понимать так]: «чаша» есть привязанность к Богу, или совершенная и духовная любовь, в которой и осуществляется молитва в духе и истине.

78. Когда кажется тебе, что если ты молишься, то не нуждаешься в плаче о грехах, [сразу] обращай внимание на то, сколь далек ты от Бога, хотя обязан всегда пребывать в Нем, — тогда прольёшь более горячие слезы.

79. Поистине, познав пределы свои, ты станешь охотно сокрушаться, сетуя на самого себя подобно Исаии: как, будучи нечистым и находясь среди народа такого, то есть среди супротивников, ты дерзаешь предстоять Господу Саваофу (см. Ис. 6, 5).

80. Если истинно молишься, то обретешь полноту удостоверенности и Ангелы соберутся к тебе, как к Даниилу, и просветят тебя относительно логосов тварных вещей.

81. Знай, что святые Ангелы побуждают нас к молитве и стоят рядом с нами, радуясь и молясь о нас. Но если мы нерадивы и восприимчивы к супротивным помыслам, то весьма сердим их, потому что в то время, как они столь подвижутся ради нас, мы не желаем молить Бога о самих себе, но пренебрегаем своим служением и оставляем Владыку и Бога их, идя на встречу с нечистыми бесами.

82. Молись кротко и невозмутимо, пой псалмы разумно (ср. Пс. 46, 8) и благозвучно — тогда будешь, как молодой орел, взмывающий в высоту.

пг. Псалмопѣніе оубо страсти оукроцаетъ, и невоздержанію тѣла мірствовать содѣловаетъ: молитва же свое оумѣ дѣйствіе дѣйствовать оустраоетъ.

пд. Молитва есть, подобающее достоинству оума дѣйствіе, или лучшее и чистое тогò оупотребленіе.

пе. Псалмопѣніе оубо многоразлична премудрости есть: молитва же, предначинаніе есть невестественнаго и многоразличнаго разума.

пс. Разумъ изрэднѣйшій есть: споспѣшникъ бо есть молитвы, мысленною силою оума возбуждающей къ видѣнію бжественнаго разума.

пз. Яще не оу пріалъ еси дарованіе молитвы, или псалмопѣніа, проси неѡстѣпнѡ, и воспріимеши.

пи. Рече же имъ и притчѣ, какъ подобаетъ имъ всегда молитиса, и не стѣжати си (Лкѣ иі, а). Тѣмже не оунывай, ниже изнемогай, іакъ не пріемыи: пріимеши бо послѣдї. И приложї притчѣ: яще и бѣа, рече, не боюса, и человекъ не срамляюса, но зане трѣды ми даетъ жена, сотворю сѣдъ еа (Лкѣ иі, д). Сїце оубо и бѣ сотворитъ ѡмщеніе вопїющихъ къ нему день и ноць вскорѣ. Благодшествовѣи оубо терпѣа крѣпцѣ въ свѣтѣи молитвѣ.

пф. Не хоци, іакоже ти мнитса, но іакоже бѣ оугòдно, быти іаже ѡ тебѣ: и будеши не смѣщенъ и блгодаренъ въ молитвѣ твоей.

ч. Яще и съ бгомъ мнишиса быти, блюдиса ѡ бѣса влднаго: сѣлѡ бо есть прелѣстникъ, и завистнѣйшій, и хоцетъ крѣпчайшъ быти подвига, и трезвеніа оума твоего, іакъ и ѡ бѣ ѡвлеци тогò со благоговѣніемъ и страхомъ предстаѡца емѣ.

ча. Яще молитвѣ прилѣжиши, оуготѡвнса протїв нападенїи бѣсовскихъ, и терпѣливнѡ вїенїа ихъ сноси. Іакъ бо свѣри дївїи найдѣтъ на тѣа, и все твоє ѡсло-

83. Псалмопение усыпляет страсти и успокаивает невоздержанность тела; а молитва приготавливает ум осуществлять то действие, которое ему свойственно.

84. Молитва есть действие, подобающее достоинству ума, или наилучшее и подлинное его употребление.

85. Псалмопение относится к многоразличной премудрости, молитва же есть введение в нематериальное и немногоразличное ведение.

86. Прекраснейшее дело — ведение, ибо оно содействует молитве, побуждая мыслящую силу ума к созерцанию Божественного ведения.

87. Если ты не получил еще [благодатного] дара молитвы и псалмопения, будь настойчив и получишь.

88. *Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать* (Лк. 18, 1). Поэтому не унывай и не падай духом от того, что до сих пор не получил. Получишь позднее. А к притче [Господь] добавил [также слова]: *Хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как женщина не дает покоя, сотворю суд ей* (Лк. 18, 4–5). Так и Бог защитит вскоре вопиющих к Нему день и ночь (Лк. 18, 7). Поэтому радуйся, с трудолюбием и терпением пребывая в святой молитве.

89. Не желай того, что тебе кажется правильным, но желай того, что угодно Богу, — и будешь безмятежным и благодарным в молитве своей.

90. Даже если тебе кажется, что ты уже [пребываешь] с Богом, остерегайся беса блуда, ибо он весьма обманчив и завистлив. Этот бес желает быть более проворным, чем движение и трезвение ума твоего, чтобы отвлечь его от Бога, — даже тогда, когда он предстоит перед Ним с благоговением и страхом.

91. Если ты усердно занимаешься молитвой, то готовься к нападкам бесов и терпеливо переноси удары би-

БАГЪ ТЪЛО.

Чв. Оустрой себѣ, ѿкъ иꙗкꙋ иꙋскꙋснꙋй подвижникъ: ѿще вnezапѣ оꙋзриши мечтанїе, не колеблѣса, ѿще мечь противѣ тебѣ иꙋвлечѣнный, или свѣщѣ горѣщꙋю, не смѣщайса, ѿще зракъ нѣкїи стꙋднꙋй иꙋ кровавꙋй, никакоже низпадай дꙋшею: но стои исповѣдаѣ доброе исповѣданїе, иꙋ небоꙋзненнꙋ възриши на враги твоѣ.

Чг. Скꙋрвнаѣ терпѣи, иꙋ радꙋстнаѣ полꙋчитъ: иꙋ въ горестнꙋхъ пребываѣи, сладостнꙋхъ не лишѣтса.

Чд. Зри, да не прельстѣтъ тѣ нѣкїимъ видѣнїемъ лꙋкавїи бѣси, но бꙋди внимѣи, ѡбратѣса на молитвꙋ иꙋ призывѣи бѣга, да, ѿще ѡ негꙋ єсть помыслъ, самъ тѣ просвѣтитъ: ѿще же ни, ѿбїе прелѣстника ѡженѣтъ ѡ тебѣ, иꙋ дерзѣи, ѿкъ не постоѣтъ пси, тебѣ теплѣ къ бѣгꙋ молѣнїемъ притекающꙋ. ѿбїе во невидимꙋ иꙋ невлѣннꙋ бжїею силою бїеми далѣче прогонѣтса.

Чє. Праведно єсть, ниже коварства сегꙋ тебѣ не вѣдѣти ѿкъ иꙋногдѣ раздѣлѣютъ себѣ бѣси: иꙋ ѿще возмнѣиши поꙋмоци възысковати, вхꙋдѣтъ прочїи во ѡбразѣхъ аггѣльскихъ, пѣрвыхъ ѡгонѣюще, во єже тѣ прельстѣтисѣ ѡ нꙋхъ мыслїю, ѿки воистиннꙋ сꙋщымъ аггѣлꙋмъ.

Чз. Смиренномꙋдрїю многꙋ прилѣжи иꙋ мужество, иꙋ не прикоснетса дꙋши твоеї прилогъ бѣсовскїи, иꙋ рана не приблизѣтса тѣлеснꙋ твоемꙋ, ѿкъ аггѣлꙋмъ своимъ заповѣсть ѡ тебѣ, сохрани ти тѣ (Псал. ч, г), иꙋ невидимꙋ всѣкое сопротиволежащее дѣйство ѡженѣтъ ѡ тебѣ.

чей их. Ибо как дикие звери нападут они на тебя и изъязвят все тело твое.

92. Приготовься, как опытный борец, не колебаться, если вдруг увидишь [некое] видение; не страшиться, если [узришь] меч, вытасченный против тебя, или факел, направленный прямо в очи тебе; не падать духом, если [предстанет перед тобой] некий лик, безобразный и кровавый. Наоборот, стой [непоколебимо], исповедуя доброе исповедание (см. 1 Тим. 6, 12), и с легким сердцем взирай на врагов своих!

93. [Достоинно] переносящий печали обретет и радости, а мужественный в тягостях не лишится и [духовной] сладости.

94. Смотри, чтобы лукавые бесы не обольстили тебя каким-либо видением, но будь внимателен, обращаясь к молитве, и призывай Бога, чтобы, если мысль [исходит] от Него, Он Сам просветил тебя, а если нет, чтобы Он поскорее отогнал от тебя искушителя. И дерзай, ведь псы (бесы) не устоят, если ты прибегнешь к горячему призыванию Бога в молитве (ἐντευξις, просьба). Тогда бесы, незримо и неявно бичуемые Божией силой, далеко убегут [от тебя].

95. Надлежит не быть тебе в неведении относительно и следующего коварства бесов: временами они разделяются между собой, и, если ты кажешься ищущим помощи против одних, то другие приходят в ангельских видах и [как бы] изгоняют первых для того, чтобы ты обманулся их умыслом (букв. «сознание, дух, воля, мнение, намерение»), приняв их за подлинных Ангелов.

96. Радей о многом смиренномудрии и мужестве, и тогда нападки бесов не коснутся души твоей, а удары бичей их не приблизятся к телесной храмине твоей, потому что Ангелам Своим заповедает о тебе — хранить тебя (Пс. 90, 11). И Ангелы незримо отразят от тебя всякое вражеское действие.

ѿз. Шѹмы, тѹпоты, вѹпли и вѹенїа ѿ бѣсѹвъ оѹслышитѹ, чїстѣй прилѣжай молїтвѣ: но не падѣтъ, ниже предастѹ помыслѹ, глагола къ бг҃у: не оѹбоюса зла, ѿкв ты со мною еси (Ѹал. кѹ, д) и подѹбнаа.

ѿи. Во время сицевыхъ искѹшенїи краткѹю, но непрерывнѹю молїтвѹ имѣй.

ѿѹ. Яще претїти бѹдѹтъ ти бѣсове внезапѹ ѿ воздуха проавївшеса, и оѹжасїти тебе, и восхїтити оѹмъ твої, да не оѹбоїшиса ихъ, ниже всаку смѹтїшиса ѿ ихъ прещенїи. Оѹстрашаютѹ бо тебе искѹшающе, еда какъ внимаеши имъ, или конечнѹ ихъ презрѣль еси.

р. Яще бг҃у вседержителю, и содѣтелю, и промыслителю вселеннѹ предсталъ еси въ молїтвѣ, что сице безсловеснѹ предстоїши, ѿкв мїмѹ претїи тебѣ непревборїмый страхъ егѹ, и комарѹвъ и жѹкѹвъ боїтиса; Или не слышалъ еси глаголющагѹ: гд҃а бг҃а твоегѹ да оѹбоїшиса (Ѹ Млѹс. 5, гї); и паки: егѹже вса боїтсѹ, и трепещѹтъ ѿ лица силы егѹ (Ѹ Парал. л5) и прѹчаа.

ра. Икоже хлѣбъ пища естѹ тѣлесї, и добродѣтель дѹши, сице и оѹмѹ дѹховнаа молїтва, пища естѹ.

рв. Не фарїсейски, но мытарски молиса въ сїеннѣмъ мѣстѣ молїтвы: да и ты ѿправдишиса ѿ гд҃а.

рг. Подвїзайса не проклинати когѹ въ молїтвѣ твої, да не ѿже зїждеши, разориши, ненавиستنѹ твора молїтвѹ твою.

рд. Должникъ тѹмою талантъ, да накажетѹ тѹ ѿкв яще не ѿставїши клеветѹ, ниже самъ получиши ѿставленїе: предаде бо егѹ, глаголетѹ, мѹчителамъ (Мѹ. иї, лд).

97. Радеющий о чистой молитве слышит исходящие от бесов шумы, топот и голоса, но он не падет ниц от них и не потеряет голову (букв. «и не предаст [своего] разумения»), а, обращаясь к Богу, скажет: *Не убоюсь зла, ибо Ты со мною* (Пс. 22, 4) и тому подобное.

98. Во время таковых искушений пользуйся краткой и напряженной молитвой.

99. Если бесы будут угрожать тебе, внезапно появляясь из воздуха, чтобы поразить тебя и похитить ум твой, не бойся их и не обращай внимание на страдание их. Ибо они пугают тебя, испытывая, принимаешь ли ты их всерьез, или уже полностью презрел их.

100. Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю всего предстоишь в молитве, почему предстоишь Ему так неразумно и пренебрегаешь неодолимым страхом Его, пугаясь комаров и тараканов? Или не слышишь глаголющего: *Господа Бога твоего бойся* (Втор. 10, 20) и *Которого все боятся и трепещут от лица силы* Его (2 Пар. 36, молитва Манассии) и далее.

101. Как хлеб есть пища для тела, а добродетель — пища для души, так и духовная молитва является пищей для ума.

102. В священном месте молитвы молись не как фарисей, но как мытарь (см. Лк. 18, 10–14), дабы и тебе быть оправданным Господом.

103. В своей молитве старайся не призывать проклятий на голову какого-либо [человека], дабы не разрушить того, что строишь, и не сделать мерзкой молитву свою.

104. Задолжавший десять тысяч талантов (см. Мф. 18, 24–35) пусть служит уроком тебе: если ты не простишь должнику [своему], то и сам не получишь прощения [долга]. Ибо [Писание] гласит: *Отдал его истязателям* (Мф. 18, 34).

рѢ. Уста́ви потре́бы тѣла во вре́мѧ стоа́нїѧ на мо-
ли́твѣ: да не водо́мъ ѿ блохи, и́ли вши́цы, и́ли комара,́
и́ли мѣхи, ѿтщети́чисѧ вели́кагѡ прибѣ́тка моли́твы
твоеѧ.

рѢ. До́йде до насъ, ѡ́къ нѣ́коемѣ ѿ стѣ́ихъ мола́щсѧ,
толи́къ противѣста́ лука́вый, ѡ́къ вкѣ́пѣ́ внего́да́ воздѣ-
ва́ти рѣ́цѣ, то́мѣ ѡ́къ львѣ́ превбра́зитсѧ, и́ воздвиг-
нѣ́ти пра́мѡ пре́днїѧ но́ги и́ своѧ́ ко́хти ѿ обо́ихъ
стра́нъ въ два́ чре́сла вонзѣ́ти подви́жника, и́ не ѿста́-
пи́ти, пре́жде а́ще рѣ́цѣ ѡ́пѣ́ститъ: то́йже ника́коже ѡс-
ла́ви стѧ́, до́ндеже ѡ́бычныѧ моли́твы и́сполнилъ ѣ́сть.

рѢ. Си́цевѧго оу́вѣ́дѣхомъ и́ въ ро́вѣ́ безмо́лвство-
ва́шаго і́ѡанна ма́лаго, па́че же превѣ́лаго и́нокѧ, и́же
не дви́жимъ пребы́сть ѿ вѣ́жїѧгѡ собесѣ́дованїѧ, бѣ́сѣ въ
вї́дѣ́ смїѧ ѡ́вви́всѧ ѡ́крѣ́гъ ѣ́гѡ, и́ і́ады́щѣ ѣ́гѡ плѣ́ть,
и́ въ лице́ ѣ́гѡ и́зрыга́ющѣ.

рѢ. Чита́лъ е́си всѧ́къ и́ житїѧ́ скї́тскихъ и́нокѡвъ,
ѡ́коже рече́, ѡ́къ глаго́лющѣ́ аввѣ́ Феодо́рѣ́ сло́во бра́тїи,
прї́идѡ́ша двѣ́ е́хїдны подѣ́ но́зѣ́ ѣ́гѡ: ѡ́нъ же несмѣ́щеннѡ
сотвори́въ тѣ́лѡ ѡ́къ ко́марѣ́, прїѧ́ ѡ́ныѧ внѣ́търь, до́нде-
же преста́ глаго́лати сло́во: и́ тогда́ ѡ́ныѧ показа́ бра́тїи,
повѣ́ствѡ́лѡ ѡ́ нихъ.

рѢ. Ѹ́ инѣ́мъ па́ки что́хомъ дѣ́хѡвнѣ́мъ бра́тѣ́, ѡ́къ
мола́щсѧ е́мѣ́, е́хїдна прише́дши коснѣ́сѧ но́ги ѣ́гѡ: ѡ́нъ
же не пре́жде ѡ́пѣ́сти рѣ́цѣ, до́ндеже ѡ́бычно́ю соверши́
моли́твѣ́, и́ ничто́же вре́жденъ бы́сть возлюбї́въ бѣ́
па́че себѣ́.

рѢ. Не высокопа́рно ѡ́ко и́мѣ́й въ моли́твѣ́ твоѣ́й, и́
ѡ́вѣ́ргсѧ своѧ́ плѣ́ти и́ ду́ши, по о́умѣ́ живїи́.

рѢ. И́но́мѣ́ нѣ́коемѣ́ крѣ́пкѡ мола́щсѧ стѣ́омѣ́ въ
пѣ́стыни́ безмо́лвствѡ́ющѣ́, бѣ́си предсто́авшіи́ чрезъ́
двѣ́ седми́цы, ѡ́браца́хѣ́ и́ потра́сахѣ́ на воздѣ́хъ взѣ́м-
лю́ще ѣ́гѡ на рогози́нѣ́, и́ ниже́ всѧ́къ мо́гли́ свести́ о́умѣ́

105. Предстоя в молитве, не обращай внимания на
нужды тела, дабы, будучи укушенным блохой, вошью,
комаром или мухой, не лишиться тебе великой выгоды от
молитвы.

106. Дошло до нас, что одному из святых, когда он
молился, лукавый противоборствовал настолько, что
стоило ему простереть руки, как лукавый преображался в
льва и, встав прямо на задние лапы, поднимал передние,
вонзая когти в бока подвижника и не отступая, в ожида-
нии, что тот отпустит руки. Но святой никогда не ослаб-
лял рук, не завершив обычной молитвы своей.

107. Таковым же был, как мы знаем, и Иоанн Малый,
а лучше сказать, наивеличайший монах, безмолвствовав-
ший в яме. Вследствие своего постоянного сопребывания
с Богом он оставался неподвижным, когда бес, в виде
дракона, обвивался вокруг него, кусал плоть его и рыгал в
лицо его.

108. Ты, конечно, читал жития тавеннисийских мона-
хов, где говорится, что когда авва Феодор держал слово к
братиям, две ехидны подползли под ноги его, а он невоз-
мутимо накрыл их ступнями, словно сводом, и держал их
там до тех пор, пока не закончил речь. Лишь после этого
он показал их братиям, объяснив, в чем дело.

109. О другом духовном брате мы также читали, что
когда он молился, ехидна подползла и вцепилась в ногу
его. Но он опустил руки только тогда, когда завершил
обычную молитву свою. И сей возлюбивший Бога паче
себя не потерпел никакого вреда.

110. Во время молитвы держи потупленными очи свои
и, отрехшись от плоти и души, живи соответственно уму.

111. Еще на одного святого, безмолвствовавшего в
пустыне и усердно молившегося, бесы в течение двух не-
дель наступали таким образом: они играли им, как мячи-
ком, бросая в воздух и ловя на подставленную тростнико-

εγω̅ ω̅ горчайшїа молитвы.

рѣі. Ино́мѸ па́ки вѣлюбівѸ, ѿ мо́литвѸ мы́слию тво́ра́щѸ, въ пѣстыню ходя́щѸ а́гглі предста́ша два, ѿ ємѸ, ѿмѸще єго̅ посре́дѣ, сопѣтствовахѸ: ѿнѸ же ниже́ сїмѸ вна́тъ вса́кѡ, да не лѣчшагѡ ѡтцетїтса. Помнаше бо а́постольское сло́во глаго́лющее: ни а́гглі, ни нача́ла, ниже́ сїлы возмо́гутъ на́съ разлѣчїти ѡ́ любви хрїто́вы (Рїм. ѱ, ѿи).

рѣі. Равноа́ггльннй выва́етъ ѿнокъ мо́литвою, же́лающїй видѣ́ти лице́ о́ца, ѿже на нѣсѣхѸ.

рѣі. Не ѿщїи ѡ́но́дѸ зра́ка ѿнѸ ѡ́браза прїа́ти во вре́ма мо́литвы.

рѣі. Не жа́лай а́гглы видѣ́ти, ѿнѸ сїлы, ѿнѸ хрїта́ чѸственнѣ, да не конѣчнѣ несмы́сленѣ бѣдеши, во́лка вмѣстѡ па́стыря прїема́а, ѿ вражде́бннмѸ бѣсѡ́мѸ покланя́са.

рѣі. Нача́ло преле́сти о́ума, тцесла́віе, ѡ́ негѡ́же двї́жимый о́умѸ во ѡ́бразѣхѸ ѿ зра́цѣхѸ покѸша́етса ѡ́пїсати бжество́.

рѣі. Я́зѸ моѸ возглаго́лю, єже ѿ ю́нѣйшнмѸ реко́хѸ: блаже́нѸ о́умѸ, ѿже во вре́ма мо́литвы соверше́нное безвїдїе стажа́.

рѣі. Блаже́нѸ єсть о́умѸ, ѿже безмо́лвнѡ мола́са, мно́жайшее жа́ланїе прїснѡ къ вѣ́ прїемлетъ.

рѣі. Блаже́нѸ єсть о́умѸ, ѿже во вре́ма мо́литвы не́вещество́нѸ ѿ нестажателенѸ выва́етъ.

рѣк. Блаже́нѸ єсть о́умѸ, во вре́ма мо́литвы соверше́нное терпѣ́нїе стажа́выи.

рѣа. Блаже́нѸ єсть ѿнокъ, вса́ человекїи ѿкѡ вѣа, по вѣ́ разѸмѣва́аи.

вую циновку. Однако так и не смогли низвести ум его долу от пламенной молитвы.

112. Другому боголюбивому [подвижнику], шедшему по пустыне и творившему мысленно молитву, предстали два Ангела и, встав по бокам, стали свершать путь с ним. Но он совсем не обратил внимания на них, дабы не потерпеть ущерба в лучшем. Ведь он помнил слова Апостола: *Ни Ангелы, ни Начала, ни Силы... не могут отлучить нас от любви Христовой* (Рим. 8, 38–39).

113. Монах становится равным Ангелам, когда желает видеть *лицо Отца Небесного* (Мф. 18, 10).

114. Во время молитвы не взыскуй никогда лицемерия [какого-либо] лика или вида.

115. Не желай видеть чувственным образом ни Ангелов, ни Силы, ни Христа, дабы не стать полным безумцем, принимая волка за пастыря и поклоняясь [вместо Бога] супротивникам бесам.

116. Начало прельщения ума — тщеславие; побуждаемый им, ум пытается описать Божество в [каком-либо] лике или виде.

117. Я буду говорить свое — то, что говорил и новоначальный: блажен ум, который во время молитвы стяжал совершенную свободу от материальных образов.

118. Блажен ум, который, предаваясь молитве без развлечения, всегда приобретает все большую любовь к Богу.

119. Блажен ум, который во время молитвы становится нематериальным и отрешенным (букв. «нестяжательный») от всего вещественного.

120. Блажен ум, который во время молитвы стяжал совершенное нечувствие (ἀναίσθησία, в полож. смысле).

121. Блажен монах, который всякого человека считает за бога после Бога.

рѣв. Блаженъ ѣсть ѿнокъ, всѣхъ спасеніе и преспѣланіе ѿакъ свое, со всакою радостію зрѣи.

рѣг. Блаженъ ѣсть ѿнокъ, всѣхъ отрѣвіе себѣ быти нецѣлѣи.

рѣд. ѿнокъ ѣсть ѿ всѣхъ ѿлчѣвшійся, и ко всѣмъ присоединенный.

рѣе. ѿнокъ ѣсть единого себѣ со всѣми нецѣлѣи, зане въ коемждо себѣ неиземлемо мнитъся зрѣти.

рѣз. Гей молитвѣ совершаетъ, иже приснхъ все первомыслѣ свое бгови плодоноситъ.

рѣз. Всака ложь, и всака клѣтвѣ ѿвергни ѿакъ ѿнокъ, молитиса хотѣи: аще же ни, все воображаеши несвойственное.

рѣи. Аще дѣломъ молитиса хощеши, ничесѣже да воспріймешѣ ѿ плоти, и не будешѣ имѣти облакъ протѣи ѿвмрачающій тебѣ во время молитвы.

рѣф. Вверѣи вѣхъ потребѣхъ тѣла, и гвлѣнъ будешѣ, ѿакъ и дѣа потребѣхъ вверѣеши емѣ.

рѣл. Аще полчѣши ѿветованіа, царствовать будешѣ. Къ тѣмъ ѿвѣмъ зриаа, сладостно понесѣши настоящю ницетѣ.

рѣа. Не ѿрицайсѣ ницетѣи и скорби, вещества свободныа молитвы.

рѣв. Да будѣтъ тебѣ тѣлесныа добродѣтели въ залогъ дѣшевнымъ, и дѣшевнымъ дѣшнымъ, и сѣи невестественномъ и сщѣственномъ познанію.

рѣг. Блюдѣи моласѣ ѿ помыслѣ: аще ѿдѣбнхъ ѿртишитъся, ѿкѣдѣ бысть то: да не ѿтай нападѣніе претѣрпиши, и прельстѣи предасѣ себѣ.

рѣд. Овогда бѣси подмѣщѣтъ тебѣ помыслы, и паки возбѣдаютъ тебѣ сѣсть молитиса на нихъ, или пре-

122. Блажен монах, который смотрит на спасение и преуспевание всех с великой радостью, как на свои собственные.

123. Блажен монах, который считает себя прахом, попираемым всеми (см. 1 Кор. 4, 13).

124. Монах есть тот, кто, удалившись от всех, со всеми соединен.

125. Монах есть тот, кто считает себя единым со всеми, поскольку он желает видеть в каждом без исключения самого себя.

126. Тот успешно свершает молитву, кто всю первую мысль свою плодоносит Богу.

127. Если желаешь молиться как монах, избегай всякой лжи и всякой клятвы, иначе напрасно принимаешь несвойственный тебе вид.

128. Если желаешь молиться в духе, не тащи вверх ничего плотского, и тогда не будет облака, затмевающего [очи] твои во время молитвы.

129. Вверх Богу [все] телесные потребности [свои], и ясно будет, что ты доверяешь ему и потребности духа.

130. Если достигнешь обетований, будешь царствовать. Поэтому, устремляя взор свой на них, ты должен охотно переносить скудость здешней жизни.

131. Не отказывайся от бедности и скорби, которые суть вещество невесомой молитвы.

132. Пусть телесные добродетели в тебе будут залогом душевных, душевные — залогом духовных, а духовные — залогом нематериального и сущностного ведения.

133. Молясь, наблюдай за помыслом: если он легко успокоился, [проследи], откуда это произошло, дабы не попасть тебе в засаду и, впад в обман, не предать самого себя.

134. Бывает, что бесы внушают тебе помыслы, а затем побуждают противостоять этим помыслам в молитве и

кослѡвити ѿмъ, и самоизвѡльнѡ оустѣпáютъ, да прельстишися, возмечтáвъ ѡ себѣ, ꙗкѡ началъ еси побѣждáти помыслы и оустрашáти бѣсы.

рлѣ. ꙗще мѡлишися на стрáсть илѣ бѣса стѣжáющаго тѣ, помани глаголющаго: Поженѣ врагѣ моѣ, и постигнѣ ѡ, и не возвращѣся, дѡндеже скончáютсá: ѡскорблю иѣхъ, и не возмѡгѣтъ стáти: падѣтъ подъ ногáма моѣма (Псал. 31, ѡи), и прѡчáа. Сѣѡ же благовременнѡ возглаголеши, смиренномѣдрѣемъ себѣ воурѣжáа противѣ сопротивобѡрцевѣ.

рлѣ. Не мни стáжати добродѣтель, прѣжде неже дáже до крѡве еѡ рáди ѡполчилъ еси. Подобáетъ бо дáже до смѣрти противитисá грѣхѣ мѣжественно и непорѡчнѡ (Евр. 11, д), по бжѣственномѣ апѡстолѣ.

рлѣ. ꙗще воспѡльзѣши когѡ, повредишися ѡ инагѡ: ꙗкѡ да ѡслобáемый речеши, илѣ сотвориши чтѡлибо безмѣстное: и слѣ расточиши, ꙗже дѡбрѣ собралъ еси: тѡ бо естъ намѣренѣе лѣкавыхъ бѣсѡвъ. Тѣмже внимáти подобáетъ разѣмнѡ.

рли. Нападѣнѣа ѡ бѣсѡвъ навѣдѣннаа прѣемли, тѣцáса, кáкѡ избáвитисá ѡ порабоцѣнѣа иѣхъ.

рлѣ. Нѡщѣю оубѡ возмѣцáти чрезъ самѣхъ себѣ ищѣтъ дѣхѡвнаго оучитѣла лѣкавѣи бѣси: и днѣмъ чрезъ чѡловѣки, ѡбстоáнѣи, и клеветáми, и слоклѡченѣами егѡ ѡкрѣжáюще.

рм. Не ѡвергáи оусмарѣи: ꙗще бо и вѣюще попираютъ, и растáгающе строгáютъ, но ѡнѣми ѡдѣáнѣе твое свѣтло бывáетъ.

рмá. Елику не ѡвергáса еси стрáстѣй, но оумъ твой сопротивлáетсá добродѣтели и истинѣ, не ѡвращѣши благовѡнна фѣмѣама въ нѣдрѣ твоѣмъ.

[внутренне] спорить с ними. Тогда [бесы] добровольно отступают, дабы ты, впад в прелесть, возомнил о себе, будто начал уже побеждать помыслы и устрашать бесов.

135. Если в молитве противоборствуешь какой-либо страсти или бесу, докучающим тебе, вспомни слова [Псалмопевца]: *Буду преследовать врагов моих и достигну их, и не возвращусь, пока они не погибнут. Стесню их*, [так что] *они не смогут встать, падут под ногами моими*. (Пс. 17, 38–39) и так далее. Их говори вовремя, облачаясь в броню смиренномудрия против противников своих.

136. Не думай, что уже стяжал добродетель, если прежде не сражался за нее вплоть до крови. Ибо должно до крови сражаться, безукоризненно *подвизаясь против греха*, согласно божественному Апостолу (Евр. 12, 4).

137. Может случиться, что, оказав помощь какому-либо [человеку], ты потерпишь ущерб от другого, а поэтому, обиженный, скажешь или сделаешь что-нибудь неприличное [в отношении к ближнему]. Тем самым ты дурно растратишь то, что хорошо собрал. А это и является целью лукавых бесов. Поэтому следует быть разумно бдительным.

138. Подвергаясь нападкам бесов, принимай их, но имей попечение о том, чтобы избежать рабства их.

139. Ночью лукавые бесы просят [Бога, чтобы Он отдал им] духовного учителя и [они могли бы] сами устрашать его; днем же они [нападают] на него через людей, опутывая его сетью несчастий, клевет и опасностей.

140. Не проси пощады у сукновалов. Ибо если они бьют, топчут ногами, растягивают и лощат, то от этого одеяние твое становится только [более] светлым.

141. Поскольку ты не отречея от страстей и ум твой сопротивляется добродетели и истине, ты не обретешь благовонного фимиама в недре своем.

рмв. Помолитиса ли хощеши: преставлсѧ ѿ здѣ сщцихъ, жителство на небесѣхъ имѣи вынѣ, не словомъ прѣстѣ нагимъ, но дѣланіемъ аггльскимъ, и разумомъ бжественнѣйшимъ.

рмг. Яще бѣдствѧ токму помниши сдѣно, ѣкѡ страшенъ и немытнй естъ, не оу научилсѧ еси работати гдни со страхомъ и радоватисѧ емѣ съ трепетомъ (Псал. ѳ, аі). Вѣждь бо, ѣкѡ и въ дхѡвнѣхъ ѡслабахъ и пированіихъ, паче со страхомъ и благоговѣніемъ слжити емѣ подобаетъ.

рмд. Вѣдѡщій мужъ, не прѣжде конѣчнагѡ поканіѧ воздержасѧ ѿ печальныѧ пѧмѧти прегрѣшеній, и бѣдѡцагѡ въ вѣчномъ огнѣ праведнагѡ ѡ тѣхъ истѡзаніѧ.

рме. Прегрѣшенми ѡдержимый и распаленіемъ гнѣва, и дерзай неблагоговѣннѡ прострѣтисѧ къ познанію бжественнѣйшихъ вещей, или и къ невеличественнѣй пристѡпѣти молитвѣ, сей да прійметъ апльское запрѣченіе, ѣкѡ несть безвѣдно емѣ, нагою и непокровѣнною главою молитисѧ (а Кор. аі, д). Должна бо, глаголетъ, сицевѧ дѡша на главѣ власть имѣти предстоѧщихъ ради аггль, благоговѣніемъ и смиренномудрїемъ подобающимъ ѡдѣанна.

рмс. Якоже болащемѣ очима не воспользуетъ въ постѡнномъ полудни и сѣльнѣйшемъ знби, непокровѣнное и напряженное солнца зрѣніе: сице и страстномѣ и нечистомѣ оумѣ, сщцѧ въ дѡсѣ и истиннѣ страшныѧ и преестественныѧ молитвы вовбраженіе никакоже воспользовати мѡжетъ: но и напротивъ, къ негодованію противъ себѣ таковыи возбѣждаетъ бжествѡ.

рмз. Яще съ даромъ пришѣдшаго ко олтарю, не прїѧ ничтѡже прїемлай, и ничесѡже трѣблай, дѡндеже смиритсѧ съ ближнимъ скорѣющимъ на него (Матф. ѳ, кг): смотри, коликагѡ храненіѧ, и разсѣжденіѧ потреба, да

142. Жаждешь молиться? — Тогда переселись отсюда и всегда имей *жителство на небесах* (Флп. 3, 20). И имей не только на словах, но ангельским деланием и божественным ведением.

143. Если только в несчастиях ты вспоминаешь о Судии и о том, сколь грозен и неподкупен Он, то ты еще не научился работать *Господу со страхом* и радоваться *пред Ним с трепетом* (Пс. 2, 11). Знай, что в духовных отрадах и праздниках Ему должно служить с большим благоговением и трепетом.

144. Тот муж обладает духовным разумением, который до совершенного покаяния не перестает со скорбью вспоминать о грехах [своих] и о праведном за них взыскании в вечном огне.

145. Одержимый грехами и гневом, но бесстыдно дерзающий простираться к ведению божественных вещей и приступать к нематериальной молитве, пусть услышит Апостольское запрещение, [гласящее], что не безопасно ему молиться с обнаженной и непокрытой головой. Ибо таковая душа, говорит [Апостол], *должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов* (1 Кор. 11, 10), облачившись в стыд и подобающее смиренномудрие.

146. Как страдающему болезнью глаз не принесет пользы напряженное смотрение на палящее солнце в самый полдень, когда взгляд не прикрывается ничем, так и уму страстному и нечистому совсем не принесет пользы мысленное представление о внушающей трепет и сверхъестественной молитве в духе и истине. Наоборот, [подобная дерзость] навлечет на ум негодование Божества.

147. Если Самодостаточный и Нелицеприятный не принимал приходшего с даром к алтарю до тех пор, пока он не примирился с ближним, огорчающимся на него (см. Мф. 5, 23–24), то заметь, сколь великой должна быть

благопріятный бѣѹ на мысленномъ жѣртвенницѣ фѹ-
мїамъ принесемъ.

рїи. Не бѣди словолубивъ, ниже славолюбивъ: аще
же нї: не ктомъ на хребтѣ твоемъ, но на лицѣ твоемъ
дѣлають грѣшницы: и бѣдеши порадованїе имъ во вре-
мя молитвы, влекомъ и прельцаемъ ѿ нихъ помыслы
безмѣстными.

рїѡ. Вниманїе молитвы ищущее молитвѹ ѡбръ-
щетъ: молитвѣ бо и нѣчто ино паче вниманїа послѣд-
ствуетъ, ѡ немже тѣхнїса подобаетъ.

рїн. Икоже всѣхъ чѹствъ лучшее есть зрѣнїе: сїце и
всѣхъ добродѣтелей, молитва есть бжественнѣйша.

рїа. Молитвы похвала не прѡстѹ, количество, но ка-
чество: и сїе іавѣ творятъ вшедши въ црковь помо-
лїтиса (Лѹкїи иї, і): и, вѣ же молащеса не лишше гла-
голите, и прѡчаш (Матѡ. 5, 3).

рїв. Елико оҹгожденїю внемлеши тѣла, и оҹмъ твоѣ,
краснаѹ ѡбѣмлетъ житїа сегѡ, не оҹ молитвы оҹзрѣлъ
еси мѣсто: но еще далече блаженный тоа пѹть ѡстоитъ
ѡ тебѣ.

рїг. Егда ставъ на молитвѹ выше всѣкїа инїа
радости бѣдеши, тогда воистиннѹ ѡбрѣлъ еси молитвѹ.

[внутренняя] бдительность и различение, чтобы мы могли
кадить благоприятным Богу фимиамом на духовном
жертвеннике.

148. Не будь словолубивым и славолюбивым, иначе
не только на *хребте* твоём, но и на *лице* твоём будут де-
лать грешники (см. Пс. 128, 3). И будешь ты во время мо-
литвы посмешищем для них, увлекаемый и обольщаемый
ими на чудовищные помыслы.

149. Внимание, взыскующее молитву, ее и обретет,
ибо как раз молитва, а не иное что, следует за вниманием,
и именно ею и следует ревностно заниматься.

150. Как зрение лучше всех чувств, так и молитва бо-
жественнее всех добродетелей.

151. Похвала молитве — не одно количество, но и ка-
чество. Это показывают вошедшие в храм помолиться
(Лк. 18, 10) и слова: *А молясь, не говорите лишнего* (Мф.
6, 7) и последующее.

152. До тех пор, пока ты обращаешь внимание на со-
ответствующее [молитве положение] тела, а ум твой пе-
чется об удобствах [телесной] скинии, ты еще не узрел
места молитвы и далеко отстоишь от блаженного пути се-
го.

153. Когда, предстоя в молитве, ты окажешься пре-
выше всякой другой радости, тогда действительно обре-
тешь, наконец, молитву.

Того же преподобнаго и богоугоднаго отца нашего
нила постника, слово постническое, весьма
нужное и полезное.

Любомудрствовати похвсѣшася и ѿ эллиновъ мнози, и ѿ иудеевъ не малѡ. Едины же истинныи премудрости поревноваша ученицы христовы. Понеже едины они премудрость имѣху учительницю, деломъ подобающее сицевому начинанію житіе показываю. Перви во якоже на позорищи играліиное дѣйствіе притворяюще, чуждимъ себе украшали и влечемъ: има тцѣтно вземающе, любомудрїа истиннаго не имѣше: въ хламидѣ, и брадѣ, и жезлѣ любомудрїе показывающе: телѣ оуждающе, и похотемъ яко владычицамъ служаще: чреву сщце рави, и подчревнымъ сластемъ, яко дѣло естественное прїемлюще оныя: гнѣву повинующеся, и славу чуждашеся, къ богатымъ трапезамъ яко псицица алчнѡ наскачущи, не вѣдающе, яко прежде всего свободны быти подобаетъ любомудрецѣ: и паче богати, да не рабѣ вѣдетъ страстемъ: нежели да не рабѣ вѣдетъ кому крпленный: человекѣ во быти рабомъ, ничимже мнѡ не повреди право живущаго: страстемъ же яко владыки имѣющіи служити сластемъ, срамъ нанесѣ и смѣхъ многъ.

Того же преподобного отца нашего Нила,
слово подвижническое, весьма
нужное и полезное.

Многие из эллинов и немалое число иудеев предназначились к любомуудрствованію, но одни ученики Христовы возревновали об истинном любомуудрїи, потому что они одни имели учителем самую Премудрость (Христа), показывающую на деле, какой образ жизни приличен такому предназначению. Ибо первые, как бы представляясь действующими на позорище, украшали себя чужою личиною, нося на себе одно имя и будучи лишены истинного любомуудрїа. Вѣтхим плащом, бородою и жезлом выказывали они свое любомуудрїе, но заботились о теле, служили похотям, как господам, были рабами чрева, допускали грубые удовольствїа как дело естественное, покорствовали гневу, любили славу, с жадностию, подобно псам, кидались на роскошныя трапезы, не зная того, что любомуудрому прежде всего должно быть свободным и паче всего избегать того, чтобы быть рабомъ страстей или наемником и слугою невольников. Ибо, кто жил как должно, тому нимало не повредило, что был он рабомъ у людей, а у кого господами страсти, тот, служа удовольствїямъ, подвергается стыду и возбуждает великій смех.

Сътъ оубо оу нѣхъ ѿнюдъ ѿ дѣланїи вознерадѣвшїи, словесное любовѣдрїе, ꙗкоже мнѣтъ, воспрїавшїи: высокоумдрцы нѣцыи сѣще, и недоувѣрѣемыхъ сказателе. И небесе величество, и солнца мѣры, и звѣздъ дѣйствїа вѣдѣти возвѣщающе, оводѣ же и бгословствовати покѣшающїи сѣ, идѣже и истина непостїжна, и гаданїе привѣдственнo, живѣще же валѣющїих сѣ свїнїи безчестнѣе. ꙗще же и нѣцыи быша дѣлательнїи, сїхъ быша хѣдшїи, славамъ и хваламъ продавшїи трѣды. Ничесогѡ бо инагѡ радї, развѣ показанїа и тцеславїа радї, оумышлѣхъ сїи окааннїи мнѡгаа: и малость и оуничиженїе, за сицевое премѣнающе злостраданїе. Сїе бо, еже молчати всегда, и былїемъ питатисѣ, и рѣбїицами власными покрывати тѣло, и въ дельвѣ заключившим сѣ пребывати, ни единагѡ воздаанїа по смѣрти чающимъ, всѣагѡ безумїа есть далече. Вкѣпѣ съ сѣю жїзнїю ѡкончавати воздаанїа добродѣтели, и подвигъ предложити вѣнцевъ время себѣ немѣщїи, и боревъ всегдашнюю, почестей лишѣннѣю и потыканїа, ничтѣже кромѣ потѡвъ имѣщаа.

Ѿ иудей же елїцы сїе избрѣша житїе, сътъ иѡнадава сыны, всѣхъ сїце жїтїи хотѣщихъ предающїих сѣ, въ тожде возводѣтъ жїтельство: въ кѣщахъ ѡбитѣютъ всегда (їерем. ѡе, 5): ѿ вїна же и всѣхъ къ сластолюбїю влѣкѣщихъ воздержавающесѣ, и пищѣ имѣще простѣю, и потрѣвѣ тѣла оумѣреннѣ: сѣлѡ оубо прилѣжаще правосчительномѣ навѣковенїю, въ оумозрѣнїи мнѡжае пребывають: ѿсюдѣ же и ессїи именѣют сѣ, сїе гвалѣющѣ имени.

И прѡстѣ, есть оу нѣхъ исправлѣемо любовѣдрїа намѣренїе, никакоже дѣлѡмъ противнымъ сѣщымъ обѣтѣ. Но каа подвигѡвъ польза имъ, и прїтрѣднагѡ пребыванїа, подвигоположника, оубївшымъ хртѣа, и сїмъ

Иные из них вовсе не радят о деятельной жизни, занимаются же, как думают, любомудрием умозрительным, вдаются в исследования трудные, толкуют о том, чего и доказать нельзя, хвалятся, что знают величину неба, меру солнца и действительность звезд. А иные покушались иногда и богословствовать, хотя в этом и истина неисследима, и догадка опасна; жили же бесчестнее во грязи валяющихся свиней. Если же некоторые вели и деятельную жизнь, то стали хуже первых, подъяв труды для славы и похвалы, ибо не из чего иного, как из желания показать себя и из славолюбия, предназначали многое сии жалкие, дешевую и ничтожную награду прїав за таковое злострадание: потому что всегда молчать, питаться травою, прикрывать тело худыми рубищами и жить, заключившись в бочке, не ожидая за сие никакого воздаяния по смерти, хуже всякого безумия. Это значило настоящею жїзнїю ограничивать награды за добродетель, налагать на себя подвиги, за которые нет и времени получить венцы, вести непрестанную борьбу без всяких за нее воздаяний, быть в состязаниях, ничего не доставляющих, кроме пролития пота.

Из иудеев же читателями этого образа жизни оказываются потомки Ионадавовы, которые, принимая всякого желающего так жить, подчиняют тому же уставу, сами живя всегда в куцах, воздерживаясь от вина и от всякой роскоши, довольствуясь бедною трапезою, соразмерною с телесною потребностью. Поэтому они как весьма заботятся о нравственном образовании, так и проводят много времени в умозрениях, почему и называются ессеями, так что самое имя дает видеть в них людей мудрых.

Одним словом, по их мнению, цель любомудрия вполне достигается, когда дела нимало не противоречат обету. Но что пользы от подвигов и многотрудного боре- ния для них, отринувших Законоположника Христа? И у

во подобнѣ трѣдѣвъ погибаетъ мзда, ѿвергшимся раздаѣтеля почестей, и истинныя жизни: и сегѡ ради въ любомѣдрїи погрѣшившимъ. Любомѣдрїе бо єсть нравѡвъ оустроенїе, со мнѣнїемъ истиннагѡ ѡ вѣствѣ познанїа. Въ семъ же погрѣшиша ѡбо, іудей и єллини, пришедшю съ небесъ премѣдрость ѿринѡвшїи, и кромѣ хрїта любомѣдрствовать покѣсївшеся, томъ єдиномъ дѣломъ и слѡвомъ истинное любомѣдрїе показавшѣ.

Сей бо первый къ томъ житїемъ пѣть ѡкры, жителство показавый чисто, и вышшѣ приснѡ тѣлесныхъ страстїи дѡшѣ носѣ: послѣдї же и сїю презрѣвъ, єгда оустроѣемое ѡ негѡ спасенїе челоѡкѡвъ възыскываше смѣрти. Оуѣа сїми, іакѡ подобаетъ любомѣдрствовать правѡ изволающѣ, ѡрециса всѣхъ сладостныхъ житїа, трѣды же и страсти дѡблественнѡ побѣждати, презирающѣ тѣло: имѣти же ниже дѡшѣ честнѣ: и сїю оуѣсѣрднѣ предавати, єгда ради показанїа добродѣтели, ѡложити бы ю потребно было. И семъ, воспрїимше, подражаша житїю стїи апѡли, вкѡпѣ внегда званнымъ имъ быти, ѿвергшеся животѡ, и презрѣвше ѡтечество, родъ, имѣнїе, къ жестѡкомъ и притрѣдномъ ѡвїе премѣнїшася житїю, скѡзъ всѣ прошѣдше неѡдѡбства, ѡскорѡлѣми, ѡслоблѣми, гонїми, наготѡюще, самыхъ нѡждныхъ не имѡще, послѣдї же и на смѣртъ дерзнѡша, дѡбрѣ во всѣмъ оуѣчителю подражавше, и житїемъ ѡставивше израднѣйшїи ѡбразъ жителства.

Но єгда написовати ѡ сегѡ ѡбразѡ хрїтіане своѣ житїе дѡлженствѡюще, или не восхотѣша, или изнемогѡша къ подражанїю: не мнози же нѣцыи возмогѡша выше мїрскихъ возникнѣти смѡщенїи, и извѣгнѣти сѡщїа во градѣхъ єври, и сїце внѣ мѡлѡвъ бѡвшѣ, оуѣдиненное ѡблѡбызати житїе: изѡбразенїе апѡльскїа сотвориша добродѣтели: стѡжанїю нестѡжанїе предсѡждше, безпечѡ-

них гибнет также мзда за труды, потому что отреклись от Раздаятеля наград истинной жизни, и потому далеки от любомудрия. Ибо любомудрие есть исправление нравов, при истинном ведении Сущего. И далеки от него те и другие, и иудеи, и єллины, отвергнувшие Премудрость, снисшедшую с Небес, и покусившиеся любомудрствовать без Христа, Который один и делом и словом указал истинное любомудрие.

Он первый жизнью Своею проложил путь к сему любомудрию, показав образ чистого жития, возносясь всегда душою выше телесных страстей, а напоследок, когда домостроительствуемое Им спасение людей потребовало смерти, не пощадил и души; и тем научая, что вознамерившемуся право любомудрствовать должно отречься от всего приятного в жизни, трудиться же, пренебрегая телом, господствовать над страстями и не высоко ценить самую душу, но, когда и ее должно положить для показания добродетели, охотно предавать ее. И сей-то заимствовав образ жизни, святые Апостолы подражали оному. Как скоро были призваны, отрешились они от жизни мїрской, в ничто вменили отечество, род, имение, немедленно вступили в жизнь суровую и многотрудную, преодолевали все неудобства, *скорби, озлобления* (Евр. 11, 37), подвергаясь гонениям, наготуя, терпя недостаток в самом необходимом, а впоследствии отваживаясь и на смерть. Во всем прекрасно подражали они Учителю и в жизни своей оставили образец наилучшего жития.

Но поелику все христиане, будучи обязаны по сему образцу начертывать жизнь свою, или не восхотели, или не имели сил к подражанию, немногие же возмogli стать выше мїрских мятежей, избежать бурной городской жизни и, таким образом поставив себя вне волнений, возлюбить иноческую жизнь, то одни последние соделали жизнь свою отпечатком апостольской добродетели, стя-

лїа ради: пици же прїѣмащеннѣй прѣстѣ оуготованнѣю предпочѣтше ради оукрощенїа страстѣй, малою пицею потрѣбѣ испѣлннша тѣла: одѣждѣ магкихъ и кромѣ потрѣбы, ѣкѣ челоѣческагѣ сластолюбїа оумышленїе презрѣвшѣ, прѣстѣю нѣжды ради тѣла и неизбраннѣю оупотреблѣхъ рїзѣ, не любовѣдро бїти нещевѣвшѣ попеченїе ѣже ѡ небесныхъ, къ долѣ лежащымъ, и свѣрѣмъ безъ трѣда прибывающимъ ѡбращати: не вѣдѣша оукрашенїа, внѣ члѣвѣческихъ бївшѣ страстѣй, не бѣше оу нїхъ лихѣимствѣаи, илї лихѣимствѣемый, сдѣай илї сдѣимый.

Имѣше во кїждѣ сдѣно немытнаго своѣ совѣсть, не инѣ оубѣ богатѣшесѣ, инѣ же нищѣтствовашѣ: ниже инѣ оубѣ истаивашѣ глѣдомъ, инѣ же расторгѣшесѣ прѣсыщенїемъ: восполнѣше во ѡскѣдѣвающихъ потрѣбѣ избыточествующихъ щедролюбїе. И бѣше рѣвенство, и равножїтельство, ради прѣимѣществующихъ къ смиреннѣйшымъ добровѣльнагѣ ѡбщѣнїа и звѣрженнѣ сщцѣ неравенствѣ: пѣче же ниже тогда бѣ рѣвенство: творѣше во и тогда неравенство, смиратисѣ пѣче тѣащнхъ оусѣрдїе: ѣкоже творїтѣ нынѣ пѣче прослѣвитисѣ любоврѣщнхъ безѣмїе.

И звѣрженна бѣ тогда зависть, и згнѣнна ненависть, оудаленѣ тѣеслѣвїе, истребленѣ гордость, разрѣшено все крамолѣ винѣвное: къ оумноженїю во страстѣй мѣртвы нѣкакѣ бѣша, и нечѣвственнї: ниже во снѣ мечтѣнїе тѣхъ прїемлюще, занѣже добрѣ съ начала ѡвратїтисѣ илїмъ сїхъ воспоминѣнїа: ѡ повседнѣвнагѣ подвига, и терпѣнїа, на сицевѣе навѣкновѣнїе возшѣдшїи. И прѣстѣ, свѣтїильникї бѣша во тѣмѣ свѣтѣащїи, и свѣзды постѣаннѣа мрачнѣю житїа нѣщѣ просвѣщаю-

жанию предпочтѣ нестяжательность, чтобы ничем не развлекаться, предъ пищею изысканною отдавая преимущество наскоро уготованной, чтобы, телесной потребности удовлетворяя снѣдию, какая случилась, предотвратить темъ восстанїе страстей; возгнушавшись же одеждами пышными и сверхъ потребности сделанными, какъ примышлениемъ челоѣческой роскоши, по нужде тела употребляли они рїзу простую и нехитрую, презревъ наслажденїа, признавъ нелюбомудреннымъ деломъ оставїть попеченїе о Небесномъ, а занимать умъ темъ, что лежитъ на землѣ и само собою достается зверямъ, не знали они мїра, ставъ вне челоѣческихъ страстей: не было между ними ни прѣимуществующаго, ни уступающаго прѣимущество, ни судящаго, ни судящагося.

Ибо у каждаго неподкупнымъ судїею была своя совесть, и не случалось, чтобы одинъ богатѣлъ, а другой обнищевалъ, одинъ истаивалъ голодомъ, а другой расседался отъ прѣсыщенїа, потому что скудость недостаточныхъ восполнялась щедростїю избыточествующихъ. Были у нихъ равенство и одинаковость правъ, а неравность изгонялась добровѣльнымъ соединенїемъ прѣимуществующихъ съ низшими. Лучше же сказать, не было тогда равенства, потому что и тогда производило неравности усердїе старающихся болѣе смириться, какъ нынѣ производитъ ихъ неистовое стремленїе усиливающихся болѣе прославиться.

И згнѣнна была у нихъ зависть, не имѣла мѣста ненависть, бежало отъ нихъ тѣеславїе, уничтожена была гордость, истреблено все, что могло стать причиною возмущенїа, — для сильнейшихъ страстей были они какими-то мертвецами и бесчѣвственными, даже и во снѣ не мечтѣвшими о нихъ, потому что вначалѣ ежедневными подвигами и терпѣнїемъ прекрасно отклонили отъ себя и памятованїе о страстяхъ. Однимъ словомъ, утвердившись въ такомъ состоянїи, стали они какъ бы свѣтїильниками, сияющими

цыя: и пристанищъ защитницы въ себѣ не ѡбщреваети: всѣмъ оудобно показующи избѣгати прираженіа страстей безвредно.

Но неблаженное оно жителство, и еже на небѣхъ пребываніе, ꙗкоже ѡбразъ временемъ ѡ нераденіа списывающихъ, по малѣ оумалѣмый, въ крайнее неподобіе приходитъ, и далече ѡ первоначальнаго ѡбраза ѡстоитъ. Паки во распеншии мѣрѣ, и ѡвергшии житіе, и ѡрѣкшии быти человекѣ, и ко безтѣлесныхъ естество безстрастїа единообразіемъ востекати подвижующица, возвратихомса вспять къплани житейскими, и прѣвербѣтени безчестнѣйшими, помрачающе добръе пожившихъ, цѣломудріе, и блгохвалимыхъ быти могущихъ ради своеа добродѣтели, хвалимымъ быти творяще своимъ невниманіемъ. И рукоятъ рала держимъ, ѡбразъ храняще честенъ: оуправлени же не бывающе въ царствїи небесное за ѡбраценіе вспять, и за бытїе должныхъ со многимъ противашесѣ тщаніемъ (Лѹкѣ ѡ, 36). Не котомъ во оудобъ продаемое и оудобъ ѡвербѣтаемое къ жизни оу насъ въ тщанїи есть, ниже безмолвіе, ко оудаленїи ѡ древнихъ сквернъ полезное оучрежденѣ есть. Стѣженіе же дѣлъ, ко истинномъ намѣренїю безполезно имѣщее тщанїе предпочтеса: и ѡ веществѣ попеченїе, спїсительна повѣди оувѣщанїа (Матѡ. 5, 18).

Гдѣ во всѣмъ ѡ попеченїа ѡ земныхъ ѡводѣщѣ, и единаго искати црствїа небнаго повелѣвшѣ, ꙗкѡ противнымъ пѣтемъ потшавшесѣ шествовати, пренебрегохомъ владычни заповѣди: и ѡ промышенїа онаго ѡстѣпльше, въ рѣкахъ положихомъ надеждѣ. Томъ бо глаблющѣ (Матѡ. 5, 15): Воззрите на птицы небныа, ꙗкѡ не стѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и оцъ нашъ небный питаетъ ихъ. И паки (Матѡ. 5, 18):

во тьме, неблуждающими звездами, озаряющими мрачную ночь жизни, окружающею их неволненностию указуя всем, как удобно укрыться в пристань, безвредно избежав нападения страстей.

Но и это строгое житие, этот Небесный устав жизни, подобно изображению, которое от нерадения по временам списывающихъ делается постепенно менее похожим, напоследок дошли до несходства и стали совершенно далекими от первообраза. Распявшиися мѣру, отрешившиися от жизни мѣрской, отрехшиися от того, чтобы жить, как прочие люди, подвизавшиися же неизменною бесстрастїа преложиться в естество бесплотныхъ Сил, снова обратились назад к житейскимъ занятїям, к постыднымъ промыслам, помрачая строгое житие проводившихъ оно прежде прекрасно и своею невнимательностию делая, что хулятъ тех, которые могли быть восхваляемы и прославляемы за ихъ добродетель. Держимся еще за рукоятъ рала (плуга), храня честную наружность, но стали уже непригодными для Небесного Царствїа, потому что возвратились вспять и с великимъ тщанїемъ держимся того, что обязаны были забыть, стараемся уже не о жизни, не требующей издержекъ и хлопот: безмолвіе не признается у насъ потребнымъ к избавленїю себя от застаревшихъ нечистот, уважается же множество дел, требующее заботы, бесполезной для истинной цели, и соревонованїе о вещественномъ препобедило спасительные советы.

Господь вовсе освободилъ насъ от попеченїа о земномъ и повелелъ искать одного Небесного Царствїа, а мы, как бы стараясь идти противнымъ путемъ, не обратили на сїе вниманїа, отрехшиися от Владычныхъ заповѣдей и от Господнею о насъ попеченїа, возложили надежду на собственные свои руки. Ибо Господь говоритъ: *Взгляните на птицъ небесныхъ: они ни сеютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ* (Мф. 6, 26); и еще: *По-*

Смотрите кри́нъ сѣльныхъ, какъ растѹтъ, не трѹждѹтса, не прѹдѹтъ. Но и пѹры, и влагѹлица и жезла носѹти возбранѹвшѹ, и єдинѣмъ ходѹти непрелѹжнѣйшимъ повелѣвшѹ ѡбѣтовѹнѣмъ, ѣже апѹломъ во бл҃гтворенѣе прѹчихъ челѹвѣкъ посылаемымъ заповѣда рекъ (Матѹ. 1, 1): Достѹинъ дѣлатель мзды своеѹ: извѣстнѣйшее въ промышлѣнѣи подобѹющихъ ѡбѣтовѹнѣ ѡное пѹче нашегѹ попеченѣа вѣдый.

Мы же зѣмлю, єлѹкѹ ѹще мѹжемъ стажѹти, не ѡрицаемса: ѡвѣцъ же стада, и волы ѡрѹщыа, видѹмъ и величествѹмъ добры, и ѡслы ѹпитѹнныа кѹпѣемъ: да тѹа ѹбо подаѹтъ волнѹ къ потрѣбѣ избѹильнѹ: волы же, сѹщымъ ѡ земледѣлѣа прѣготовлѣнѣмъ слѹжаще, намъ ѹбѹ пищѹ, себѣ же и прѹчимъ живѹтнѹмъ кѹрмъ подаѹтъ: бременѹносѣцаа же подѹремнаа, своѣй странѣ ѡскѹдѣваѹщаа, ѡ дальныа страны прѹвозѹимыи восполнѹщаа: нѹжнѹю пищѹ да прѣготовлѹютъ не сладѣтельнѹ намъ собнѹжаѹщаа житѣе: не тѹчѹю же, но и ѡ хѹдѹжествѹ избѹираемъ прѹвѣточнѣйшаа, и ѡнѹдѹ не подаѹщыа вѣмене пѹмѹти бж҃ѣа все къ себѣ влекѹщаа ѹпражнѣнѣе, ѡсѹдѣвшѣе, ѣакоже мнѣтса, промыслѣтѣла нѣмоць, илѣи себѣ ѡ пѣрвомъ ѡбѣтѣ. Ѣще бо и не слѹвомъ сѣе испѹвѣдѹемъ, ѣвлѣемъ дѣлы, радѹщесѹ житѣйскихъ челѹвѣкъ прѣвѣванѣю, єгда тѹажде, ѣаже и ѡни ѹмышлѣемъ. Єда какъ и мнѹжае въ тѣлесныхъ прѣвѣваемъ трѹдолѹбѣихъ, ѣакъ ѹжѣ мнѹгимъ прѹшвѣрѣтенѣе нещевѣти бл҃гочѣстѣе, и ни чѣсогѹ инѹгѹ ради дрѣвнее ѡное ѹмышлѣти безмѹбнѹе и бл҃женное житѣе, тѹчѹю, ѣакъ да прѣтворнымъ бл҃гочѣстѣемъ, прѣтрѹднѹхъ слѹженѣи избѣгнемъ: свобѹдѹ же наслаждѣнѣа стажавшѣе, невозбраннѹ на ѹгѹднаа намъ стрѣленѣе прострѣмъ: со мнѹгимъ безстѹдѣемъ кѣчащесѹ прѣд простѣйшими, ѡвогда же и прѣд прѣнѣщѣими, ѣакъ винѹ наглѣства, а не смиренѣа и крѹтѹсти, вознепчѣвав-

смотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут (Мф. 6, 28). Он запретил даже иметь суму, мешок и жезл (см.: Лк. 9, 3; 10, 4), повелел же довольствоваться одним нелживым обетованием, которое, посылая учеников Своих благодетельствовать прочим людям, изрек так: *Ибо трудящийся достоин пропитания* (Мф. 10, 10). Ибо знал, что обетование сие в промышленности о потребном для нас тверже нашей действительности.

А мы не отказываемся приобретать, сколько можем, земли, закупаем стада овец, рабочих волов, отличных по виду и по величине, откормленных ослов, чтобы овцы в обилии доставляли нам шерсть для изделий, а волы, служа произведениям земледелия, давали и пищу нам, и корм себе и другим животным; подъяремные же вьючные животные, недостающее в одной стране восполняя привозимым из других стран, снабжали приправами необходимую пищу, увеличивая тем приятность жизни. Да и из искусств те, которые выгоднее и вовсе не оставляют нам времени вспомнить о Боге, похищают же у нас весь наш досуг, предпочитаем мы, осудив, как видно, или Попечителя в немощи, или себя самих за прежнее исповедание; и хотя не признаем сего словом, но обличаем себя в этом делами, восхищаясь жизнью мирян, когда занимаемся тем же, чем и они, и даже, может быть, больше их проводим времени в телесных упражнениях. Почему многие и благочестие почитают уже средством к приобретению и думают, что сия безмятежная и блаженная древле жизнь занимается не иным чем, как тем, чтобы, под видом притворного благочестия, избежать трудных служений и, приобретши же свободу наслаждаться беспрепятственно, простирать свои стремления к чему угодно, с великим бесстыдством величаясь пред низшими, а иногда и пред теми, которые имеют преимущество, как будто бы добро-

ше быти добродѣтельное житіе.

Сегò ради и ѿчествовати насъ долженствующихъ, ѿкъ простый народъ зримса: и ѿ пришельцовъ и всакихъ человекъ: наипаче на торжищахъ смѣшени бываемъ: ничтоже паче прочихъ, ѿкоже подобаше, изрядно имущие: не ѿ жительства, но ѿ образа познаватиса хотяще, и сущихъ въ добродѣтели ѿрицаюцеса трудовъ, за тѣмъ славы безумно желаемъ. Сѣнь бывша нѣкогда истины показующе.

И нынѣ нѣкто воспріавъ почтенный сей образъ, и никакоже скверны души ѿмывъ, ниже впечатлѣнныхъ образы вѣтхихъ прегрѣшеній изгладивъ изъ мысли своей, но еще, еда какъ сихъ мечтаными безстыдства, и нравъ не оу во оугожденіе обѣтъ наставивъ, ниже оубѣдивъ, что есть, еже по вѣзѣ любоводріа намѣреніе, оуже фарисейскъ бровь притвори, велемудрствъ образомъ: и ѿвходитъ ордѣа носъ, иже художествъ не научиса: и вѣдѣніе возвѣщаетъ явлѣмымъ образомъ, егуже ниже краемъ оустъ вкѣси: камень вмѣстѣ пристанища, и вмѣстѣ храма гробъ повѣпленный: и вмѣстѣ овцы волкъ, на пагубѣ прельщеныхъ ѿвертѣася явлѣніемъ. Егда бо сицевѣи изъ монастырей извѣгше, занеже жестокости житіа понести не восхотѣша, пиршествуютъ во градѣхъ, тогда прочее ѿ нужды чревныхъ преклоняюще быю, на ѿбольщеніе иныхъ, образъ благочестіа ѿкъ прелесть ѿвносамтъ, вса дѣяти терпяще, елика потреба понуждаетъ тѣла. Ничтоже бо нужды естѣственнымъ насилуваннѣе, къ неприступнымъ приступъ оубоженъ оумышляющіа.

Наипаче егда и праздность привѣдетъ къ томъ. Почивса, какъ и коварнѣе оумышленіа оупсѣваютьъ почи-

детельная жизнь почитается поводомъ к самовластию, а не к смирению и скромности.

Посему и те, которые должны уважать нас, смотрят на нас как на бездельную толпу: люди чиновные и разночинцы смеются над нами больше, чем над толкущимися на рынках, потому что не имеем, как следовало бы, никакого отличия пред прочими, хотим быть известными не по жизни, но по одежде, от трудов для добродетели отказываемся, а славы за оные желаем с неистовством, показывая в себе одну тень прежней истины.

И ныне иной, приняв на себя этот почтенный образ, но не омыв еще душевных нечистот, не изгладив в сердце своем отпечатлевшиеся следы прежних грехов, даже, может быть, еще бесчинно любуясь их представлением и нрава своего не обучив сообразоваться с данным обещанием, не зная, какая цель любомудрия по Богу, подымлет брови по-фарисейски, высоко думая об одном внешнем образе как о преуспянии в добродетели, и всюду ходит, нося с собою снаряды, которыми действовать не научился, видимою внешностию показывает в себе знание, которого не отведывал и краями уст, оказываясь вместо пристани подводною скалою, вместо храма повѣпленным гробом (см.: Мф. 23, 27), вместо овцы волком — на гибель уловляемых видимостию. Ибо, когда таковые, бежав из монастырей, потому что не перенесли строгости жизни, дают себе свободу в городах, тогда, уже тревожимые потребностями чрева, к обольщению многих приемлют на себя образ благочестия как приманку, будучи готовы делать все, к чему принуждает телесная нужда, потому что всего сильнее понуждения естественной необходимости, которая в затруднительных обстоятельствах искусно измышляет из оных исход.

Особливо же когда присоединяется и умышленная праздность, тогда с большею хитростию находит себе ме-

таютъ оубо сн дѡмы богатыхъ, не мѣнѣе ласкателей: на торжищахъ же ѡкъ рабы кѡпленные къ нимъ притекаютъ, приближающихся ѡгоняюще, ѡрѣваяюще же всѣхъ, оудѡбный проходъ имъ подати тѣятса, и сѣа творятъ трапѣзы ради, къ сладостнымъ ѡствѣтамъ желаніа оукроцавати не ѡбѣчавшеса: и ѡ мѡисѣа заповѣданный потребы ради рылецъ за поясомъ носити не восхотѣвше. Вѣдѣли бо бы сѣе стажавшии, ѡкъ всакаго оуслажденіа брашенъ предѣлъ, глѡдъ бываѣтъ, и протѣа снѣдъ потребѣ исполняющаа тѣла, безвременнаго вожделѣніа прикрываѣтъ безобразіе (ѿ Мѡис. кѡ, гѣ).

Сегѡ ради имѡ вѣжѣе хѣлѣтса, и превожделѣнное житіе сѣлаѡ вѣсть презрѣнно: и истинно по добродѣтели живущихъ стажаніе, прелестъ возмнѣса. И ѡтѡгчаваются оубо грады ѡ всѣе ѡбходѣщихъ: стѣжаѣми же бывають сѣщѣи въ домѣхъ, и самыи ихъ зракъ имъ непрѣятенъ, зрачимъ ихъ безстѣднѣе нищихъ при вратѣхъ пребывающихъ. Мнози же и прѣаты въ дѡмы, и благочестіе нѣкое притворяюще, и мысль коварнѡю притворства личиною прикрывше, послѣди же ѡкрадше тѣхъ ѡндѡша, ѡкоже на всю ихъ жизнь безчестію разлитиса оустрѡбвше.

Сн оубо ѡкъ гѣвители изгоняются изъ градѡвъ, сѣщѣи иногда цѣломѡдренницы: и ѡкъ нечистѣи, ненавидими бывають не мѣнѣе проказою ѡдержимыхъ: и разбойникѡмъ, и стѣнъ прокопѣтелемъ восхотѣлъ бы кто вѣрити пѡче, неже ѡноческое житіе проходѣщимъ: оудѡбѣе къ предохранѣнію ѡвнѡю хитрость, неже въ тайнѣ сѡзмышленное достовѣрїе непѣюще. И снхъ оубо, ниже начавшихъ благочестіе, ниже оубѣдѣвшихъ сѣщѣе ѡ безмѡлвіа прѣвѣрѣтенїе, ѡ нѣжды ѿгда какъ нѣкіа понѣжденныхъ къ ѡноческомъ житію безразсѣд-

сто всякий предлог. Поэтому они так же неотступно, как тунеядцы, стоят при дверях богачей, подобно невольникам, бегают пред ними на площадях, расталкивая подходящих к ним близко, разгоняя встречных, стараются доставить им удобнейший проход и делают это по нужде в трапезе, не научившись удерживать сластолюбия при лакомых яствах и не восхотев, по Моисеевой заповеди, носить за поясом лопатку, чтобы ею при нужде ископать яму (см.: Втор. 23, 13). Ибо употреблявшие оную знали, что пределом всякого наслаждения снѣдами бывает гортань и что случайно восполняющее телесную скудость прикрывает неприличие безвременного пожелания.

Посему-то и имя Божие хулитса, и жизнь вожделенная соделалась предметом омерзения, и приобретение людей, живущих истинно добродетельно, почитается обольщением, и города обременяются ходящими туда и сюда без дела, и владельцы домов терпят беспокойство, чувствуют неприятность при самом взгляде, видя, как они просят подавания с бесстыдством, стоя при дверях, а многие, получив себе пристанище в доме, прикрывшись ненадолго притворною набожностью и личиною лицемерия оградившись от подозрения в злонамеренности, впоследствии же ограбив домовладельца, уходят и тем делают, что вообще о монашеской жизни рассеивается худая слава.

Так наконец бывшие некогда наставниками целомудрия изгоняются из городов как губители оного; и не находят себе доступа, как нечистые, наравне с одержимыми проказою. Иной скорее вверится разбойникам и подкапывающим стены, нежели проходящим монашескую жизнь, рассуждая, что удобнее остеречься от злоумышляющего явно, нежели от внушающего доверие с умыслом заманить в сети. И сии-то, не положившие и начала богочестивой жизни, не познавшие, в чем заключается польза безмолвия, и, может быть, какою-нибудь необходимо-

нх: и купили винѣ къ снисканію нѣжныхъ непцѣющихъ вещь, ѣже бы, мню, честнѣе проходили быша, не ко всѣхъ двѣремъ приходѣще, но большее пріятіи стыдѣніе показовали бы ѡбразомъ, и хотѣщихъ подааніе тѣлѣ нѣждно пріятти: неизвѣстно, аще любослѣствующихъ безмѣрнаа вожделѣніа возвновило лакомотво, и неисцѣльнѣ болащихъ исцѣлѣити трѣдно.

Какъ бо бы кто и мѡгъ сказаѣи здравіа польза, во здравіи никогдаже бывшимъ, но ѡ самыхъ пеленъ въ разслабляющемъ совоспитаннымъ недѣзѣ, и неблагополѣчїе естества ѡбычай быти непцѣующымъ, ничимже различествовати томъ ѡ естественныа силы мнѣще. Излишно бо ко исправленію всѣкое слово, егда слышащихъ оуклонѣющесѣ къ худшемъ тцѣаніе, словесемъ полѣзнаа совѣщающимъ сопротивлѣетсѣ: и наипаче егда корысти надежда питаѣтъ вожделѣніе, заграждаѣтъ совѣтъ слухъ всѣчески страсть, ѣкакъ ни единачу цѣломудреннымъ наставленіамъ ѡвѣртѣти вхѡда, ѡвращеннѣи сщцей къ вожделѣнію сквернопривыточества мысли.

Мы же, ѡ возлюбленни, иже любѡвію добродѣтели непцѣемъ ѡставивше житіе, и ѡвѣргшесѣ мїрскихъ похотѣи, и послѣдовати ѡвѣщаавшесѣ хртѣ, что паки свѣзѣемсѣ житѣйскими попеченьми; и слѣ зидемъ ѣже добръ разорихомъ первѣе; Что неприличнѣ проходѣщихъ звѣаніе своѣ слосовѣтїю прѡвѣцаемсѣ, немощнѣишихъ желаніа возжигѡюще, своимъ ѡ сщетныхъ тцѣаніемъ, и быхомъ неискѣснѣишимъ лихонманіа пѣтъ;

Врачевати бо, не повреждаѣти оудовьпоползновенныхъ, и вмѣстѣ, ѣже оугѡдно намъ, полѣзное имъ пред-

стию побужденные безъ рассужденія приступити къ монашескому житію, и почитающие монашество случаемъ купле для приобретенія необходимаго, вели бы себя, какъ думаю, благочестнее, если бы не ходили по дверямъ всякого, но предлогомъ къ стыду — собирать обильныя подаянія — имели бы и свою одежду, и желающихъ в дань телу приносить не одно необходимое, а что обрела роскошь прихотливыхъ по неумеренности пожеланій. Но трудно врачевать страждущихъ такою неизлечимою болезнїю.

Может ли кто истолковать пользу здоровья темъ, которые никогда не вкушали здоровья, но с самыхъ пеленъ росли вместе с изнурительною болезнїю и по привычке о порче своего естества думаютъ, что в этомъ нетъ никакого недостатка противъ естественнаго состоянія? Всякое слово будетъ напрасно и не исправитъ, когда старательность слушающихъ, уклонясь къ худшему, имеетъ противное расположение къ тому, что предлагается какъ советъ, а наипаче, когда надежда выгодъ питается пожеланіемъ и страсть заграждаетъ слухъ для всякаго совета, такъ что советы объ целомудреніи не находятъ никакого доступа, когда сердце устремлено къ корыстолюбїю, какъ оно ни гнусно.

Но мы, возлюбленные, которые по любви къ добродѣтели, какъ думаемъ, отрѣшились отъ мїрской жизни, отрѣклись отъ мїрскихъ похотей и обещались идти вслѣдъ за Христомъ, для чего снова вдаемсѣ в житейскую рассеянность и назло себѣ созидаемъ то, что прежде такъ прекрасно разорили? Для чего принимаемъ участіе в худомъ умыслѣніи проходящихъ дело свое, не какъ было имъ должно, своимъ стараніемъ о суетномъ воспламеняя пожеланія немощныхъ, для простодушныхъ соделываемсѣ путемъ къ любостыжанію?

Отъ Господа повелено намъ врачевать, а не раздражать поползновенныхъ и прежде нравящегося намъ — имѣть в

лагати, ѿ гда повелѣса намъ: ѿкъ да не безразсуднымъ своимъ мы слѣдующе хотѣнимъ, многихъ ѿ простѣйшихъ преткнѣтиса сотворимъ, вина имъ люботцательнаго ѿ земныхъ попеченіа сѣще. Почто за велико вмѣняемъ вещество, еже презирати надчихомса; богатствомъ и стажанми ѿдержажеса, и на мнѡга и неполѣзнаа попеченіа оумъ раздѣляюще: иже тцаніе насъ оубо оудаллетъ ѿ нѣжданѣйшаго вниманіа, и нерадѣти ѿ душевныхъ блгихъ оустраетъ: въ велию же погибель ведетъ зѣлющихъ къ житейскимъ вещемъ, свѣтлое и высочайшее нещюющихъ блаженство быти, еже ѿ богатства наслажденіе: любовдрствовать ѿбѣщавающихса, и превыше сластей быти хвалащихса, но паче ихъ самѣхъ ѿ сихъ тцанихса; Ничесоже сице въ мченіе влечетъ неизбѣжно, ѿкъ еже мнѡгіа своихъ творити зѡлъ ревнители: бываетъ бо подражавшихъ погибель, приложеніе мченіа оучившемъ: и не ѿвергнувшихъ, ѿкъ срамно подражаніе, ѿсѣжденіе не мало, ѿкъ оучители зѡлъ быша: иже оученіе понѡснѣйшее сдѣвше избѣгали, цѣломдренный оупотребивше помысль.

Тѣмже никтоже да смѣщаетса глаголемыми, или исправите погрѣшительнѣ, многихъ ради нерадѣнїа, къ срамотѣ имени бываемаа, или и имени ѿвергнитеса. Ище бо любовдрствовать предлежитъ, излышна сѣть стажанїа, любовдрїю и самаго тѣла ѿчѣденіе чистоты ради души оубѣщающѣ. Ище же стажавати и сладкаа житїа прїати нѣкимъ естъ зѡлъ вожделенно: почто слѡвомъ любовдрїе чествуютъ, дѣломъ ѿчѣденіе къ ѡномъ произволающе, и дѣланїа ѡбѣта чѣждаа содѣвающе, честными оукрашающе себѣ именованїи;

виду полезное ближнему, чтобы, следуя безрассудным своим пожеланиям, не довести до преткновения многих из людей простых, став для них поводом к соревнованию о земном. Для чего вещество, которое научены мы пренебрегать, ставим в великое, имея привязанность к деньгам и имуществу, деля ум на многие и бесполезные заботы? Старание о сем как нас отклоняет от тщательного попечения о необходимейшем и приводит к тому, что не радеем о благах душевных, так в глубокую ведет пропасть тех, которые увлекаются житейскою пышностью и наслаждение, доставляемое богатством, почитают высочайшим благополучием, когда видят, что обещавшиеся любовдрствовать и хвалившиеся, что они выше удовольствий, стараются об оных больше их самих. Ничто не ведет так к неизбежному наказанию, как это — многих делать ревнителями худых своих дел: потому что погибель подражателей делается приращением наказания научившему и тем, которые не отказываются от подражания, как дела гнусного, угрожает немалое осуждение, когда бывает у них и учитель худых дел, которых избежали водящиеся целомудренным помыслом, признав учение предосудительным.

Поэтому никто да не оскорбится сказанным, но или да исправит, что погрешительно по равнодушию многих делается к стыду имени, или да откажется и от имени. Ибо если предлежит нам любовдрствовать, то обладать имуществом излишнее дело для любовдрия, которое дает обет для душевной чистоты быть чуждым самого тела. А если для кого вожделенно приобретать именование и наслаждаться житейскими приятностями, то для чего чествуют они любовдрїе слѡвом, чуждаясь онога на деле, и, украшая себя досточестными именованїями, совершают дела, противные тому, что обещают.

Егда не срамно быти мнѣмъ, ѿ мѣншихъ, и́хже мѣрскими и́менѣемъ, ѿ престѹплѣнїи законоположенїи спасїтеля поношаѣми, пренебреженнымъ егѡ заповѣдемъ ѿ долженствѹющихъ оҹчїтиса, оҹчїмы бывающе; Егда бо прѣцимса намъ глаголютъ: рабѹ хрѣтовѹ не подобаетъ сварїтиса, но крѡткѹ быти ко всѣмъ: и паки любопрѣцимса ѿ имѣнїихъ, илї стажанїихъ: аще вземлетъ рїзѹ твою кто, глаголетъ, и срачицѹ взѣти ѡстави емѹ (Матф. 5, 40): что ино творѣтъ развѣ оҹкурающе насъ, посмѣваютса и рѹгаютса, сопротивнаа ѡбѣтѹ нашемѹ видѣше дѣла наша. Илї бо не нѹжно прѣтиса, стажанїа прїтѣзѹющимъ, и всѣ елика ѡтѣхъ попеченїе нѣдїтъ содѣвати.

Разорїи кто предѣлъ винограда, и къ своей присовокупїи странѣ: и́нъ вѹстїи скѡтъ, и́нъ водѹ текѹщю въ вертоградъ ѡведе и́нды: и́бо іарїтиса подобаетъ, и неїствовствѹющихъ хѹдшемъ быти, сїмъ всѣмъ ѡмщенїе дающѹ: и къ сѹдилищамъ пригвожденъ быти, въ видѣнїи сѹщихъ оҹпражнѣтиса долженствѹющемѹ оҹмѹ, и въ слохїтрство дѣлательно прелагати силѹ зрїтельнѹ, да намъ ничтѡже насъ пользѹющихъ благохспѣваетъ ѡвїлїе вещей. Почтѡ чѹждаа іакѹ своѣ прїтѣжаемъ, тѣжки себѣ ѡковы веществѹа оҹстроающе, ѡкаевающаго сицевыхъ не слышаще; Горе бо, глаголетъ прорѡкъ, оҹмножающемъ себѣ не сѹцаа егѡ, и ѡтагчающемъ оҹзѹ свою тѣжцѣ (Іавак. 5, 5). Аще бо легки сѹтъ гонѣнїи, по глаголющемъ: скорѣйшїи быша гонѣнїи васъ паче ѡрловъ небесныхъ (Плач. іерем. 4, 1): мы же ѡтагчаемъ себѣ мѣрскими вещми, іавѣ іакѹ кѡснѣе двїжѹщесѹ къ теченїю, оҹдѡбнѹ ѿ враговъ іаты бѹдемъ. И́хже бѣгати научїи ны павелъ глагола: бѣгайте лихонманїа (1 Кор. 6, 18): егда и благохспѣнїи, внегда теци и́мъ къ почеси аще не крѣпкою силою

Потом не будем почитать для себя постыдным, что те, которых признаем низшими и называем мѣрянами, укоряют нас в нарушении Законов Спасителя и те, которые должны у нас учиться, учат нас пренебреженным нами заповедям Господним. Ибо, когда ссоримся и скажут они нам: *Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем* (2 Тим. 2, 24) и еще когда спросим о деньгах и имуществе и заметят они нам: *Хотящему взять у тебя рубашку, отдай и кафтан* (Мф. 5, 40), тогда иное ли что сделают, как, издеваясь над нами, осмеют и пристыдят нас за противоречие дел данному обету? Ибо нет необходимости ссориться с оспаривающим у нас имение и делать все то, к чему принуждает заботливость о нем.

Один перенес между виноградника и часть присоединил к своему, иной на поле твое пустил скот, другой отвел воду, текущую в сад: ужели должно за это бесноваться, стать хуже неистового, всем таковым готовить мщение, к судилищам пригвоздить ум, который обязан заниматься созерцанием Сущего, и созерцательную силу обратить на делопроизводственную хитрость, чтобы с успехом изобиловать тем, что для нас нимало не полезно? Для чего оспариваем чужое как свое, уготовляя себе тяжкие оковы вещества, и не слушаем того, кто называет таковых злосчастливыми? Пророк говорит: *Горе обогщающему себя не своим, и отягчающему чрезмерно узы свои* (Авв. 2, 6). Ибо если преследующие нас легки, по слову сказавшего: *Преследовавшие нас были быстрее орлов небесных* (Плач. 4, 19), а мы обременяем себя мѣрскими делами, то явно, что, медленнее двигаясь в течении своем, легко будем уловлены врагами, от которых спастись бегством научил Павел, говоря: *Избегайте блуда* (1 Кор. 6, 18) и лихоимства». Иногда и со всею готовностью текущие к почеси, если несутся не с напряженным усилием, оста-

текутъ, многѡ ѿ постиженїа ѡстаютьса гонящихъ враговѡвъ, скорѣйшыа еда какѡ стѡпы имѡщныхъ.

Великое къ добродѣтели тѣащымса естъ препятїе, къ мїрскїмъ вещьмъ пристрастїе, и дѡшї и тѣлѡ множицею погїбель содѣвающее. Чтѡ во навѡфеа иїльтанина погѡбї, не виноградъ ли завїстный виноградъ емѡ смерти бысть, къ зависти подвиговѡвъ противѡ негѡ сосѣда ахаава (ї Цар. ка, з и и); Чтѡ же два полуплѣмена внѣ земли ѡбѣтованїа пребыти оустроїи, не множество ли скотѡвъ; Чтѡ же и лѡта ѡ авраама ѡлчи, не пасомыхъ ли множество, непрестанныа пастухѡмъ воздвижащее свары (Быт. гї, з), послѣдїи дрѡгъ ѡ дрѡга ѡтѡргшее ихъ;

Ище оубо не тѡкмѡ къ зависти и рвенїю раздражаютъ завистливыхъ противѡ стажанїа имѡщнымъ: но и ѡ лѡщихъ ѡбѡдатъ стажавшихъ тѡ, и сродствѡ пресѣкаютъ, и на дрѡги имѣти враждѡ оустроають: и къ вѡдѡщей жизни ничїмже ѡбще, и къ настоащей ничїмже ѡсѡбнѡ пользѡютъ: почтѡ служенїа вѡїа оудалившеса, всї вываемъ сѡетни; еда бо мы емѡ совершающїи жизнь свою; Бгѡ естъ сїѡ оустроевалї, и человекѡское оубѡ тѡанїе не оулчившее вѡїа помѡци, по нѡждѣ не достигаеть конца: вѡїе же смѡтрѣнїе, и кромѣ человекѡскагѡ содѣйствїа, совершеннаа подаеть влагал. Чтѡ пользова ѡнѡхъ своѡ тѡанїе, къ нїмже глаголаше бгѡ: сѣасте многѡ, и внесѡсте малѡ (їггѡа а, з), ѡдѡнѡхъ ѡ (їггѡа а, д) ѡ рѡкѡ ващею;

Чтѡже по добродѣтели жившымъ ѡскѡдѣ ѡ нѡждныхъ, ниже ѡнѡдѡ пекѡщымса ѡ тѣхъ; Не четїредесятъ ли лѣтъ въ пѡстынѣ їсраїль питашеса (в Мѡїс. зї, лѡ), ничїмже ѡ тѣхъ іаже ѡ земледѣлїа наслаждающеса; И не вострѡбоваша брашна: море новосодѣловаше пїцѡ нечаемѡ, крастели и зрыгал: небо же маннѡ

ются далеко позади, не получив желаемого потому, может быть, что более ускорены шаги преследующих врагов.

Поспешающим к добродетели великим служит препятствием пристрастие к делам мїрским, часто причиняющее гибель и душе и телу. Ибо что погубило израильянина Навуфея? Не завидный ли виноградник соделался причиною его смерти, возбуждив к нему зависть в соселе Ахаве? Что два с половиною колена заставило остаться вне земли обетования? Не множество ли скота? Что и Лота разлучило с Авраамом? Не великое ли число овец, возбуждив непрестанные ссоры между пастухами, и самих наконец разделило друг с другом?

Посему если имена завистливых возбуждают к убийству владеющих ими, самих владельцев отклоняют от занятия важнейшим, расторгают узы родства, друзей доводят до вражды, не имеют ничего общего с Жизнїю Будущей да и телу не приносят никакой великой пользы, то для чего же, оставляя служение Богу, всецело предаемся суете? Ибо не мы сами промышляем о том, что нужно для нашей жизни. Все домостроительствует Бог: человеческое старание, если нет Божїей помѡци, по необходимости не достигает конца, Божїе же Домостроительство и без человеческого старания доставляет совершенные блага. Какую пользу принес собственный труд тем, которым Бог сказал: «Вы сеяли много, а получили мало... то Я развеял (Агг. 1, б. 9) от домов ваших?»

Живущим же добродетельно разве не доставало чего необходимого? Не совершенно ли не заботились они об этом? Разве израїльтяне, сорок лет не пользуясь ничем от земледелия, не питались, не имея недостатка в пище? Но и море творит вновь необычайную пищу, подав от себя перепелов, и непричастный влажности камень, распав-

низводѧ (Д Мѡѡс. аї, ла), дождь необычный и странный. Камень же влаги непрічастный расторгенъ подааше стрѣи водѣ обильны: ризы же и сапоги слѣжаху все время неветшаеми. Кімъ же земледѣлемъ при потоцѣ ила питашесѧ; не враны ли емѣ приношаху пицѣ (Г Цар. 31, 5); Не въ сарептѣ ли пришедшѣ вдовица, и нѣжныхъ требующаѧ, хлѣбѣ подааше, ѡ оустѣ чадѣ своихъ ѡавши; Да покажетъ, ѡакъ и естество предпочтѣннѣйша есть добродѣтель.

И сїѧ предивна оубо, обаче не недѣвна: мощно бо и не ѡдѣши жити, егда хощетъ бгѣ. Какъ бо ила чотырѣдесѧти днѣи пѣтъ соверши въ крѣпости ѡди единыѧ; Какъ же мѡѡсѣи вѣсемьдесѧти днѣи на горѣ моласѧ бгѣ, человекскїѧ не вкушѣ пици превысть (Е Мѡѡс. а, иї); по чотырѣдесѧти днѣхъ снишѣдѣ, и ѡ сотворѣнїи слѧнїѧ телчнагѡ разаривсѧ, ѡвѣ сокрѣшивъ скрижали, на горѣ востечѣ, и толикожде паки днѣи превывъ на горѣ, сице вторыѧ скрижали прїемь снїде къ людемъ (Е Мѡѡс. і, д); Кїи же помыслѣ человекчѣ винѣ чѣдесѣ сегѡ представити мѡжетъ; Какъ слабое тѣла естество, толико подвижно оукрѣписѧ, ничесомѣже восполнѡющѣ истоцаваемѡ по всѧкъ дѣнь дыханїемъ силѣ; Разрѣшаѣтъ же сїѣ недоумѣнїе вжественное слѡво, егда глаголетъ: не ѡ хлѣбѣ единомъ живѣ вѣдетъ человекъ, но ѡ всѧкомъ глаголѣ, исхѡдѡщемъ ѡзо оустѣ вжїихъ (Мат. д, д).

Почтѡ оубо небесное житѣльство на зѣмлю низвергаѣмъ, въ вѣщественныхъ оуглаблѡющесѧ попечѣнїахъ, и въ гнѡи ѡдѣваемсѧ, питаемїи нѣкогда на багрянїцахъ (Плач. іерем. д, е); ѡкоже ѡ нѣкїихъ іеремїѧ рыдалѧ глаголѡше. Егда бо свѣтлыми и разжѣнными ко бгѣ восхѡдимъ мыслѣми, на багрянїцахъ питаемсѧ: егда же сицевѡ ѡставивше оустроѣнїе, земнымъ примѣшаемсѧ вѣцѣмъ, въ гнѡи ѡблѡчаемсѧ. Почтѡ надѣждѣ

шись, доставляет в обилии воду, и небо низводит манну, этот необычайный и небывалый дождь, и одежды и обувь, не ветшая, служат все время. Какую землю возделывая на потоке, питался Илия? Не вороны ли приносили ему пищу? А когда пришел в Сарепту, вдова, нуждающаяся в необходимом, не доставляла ли ему хлеб, похищая его из уст детей своих, чтобы соделалось явным, что добродетель предпочтительнее естества.

Хотя сие и необычайно, однако же справедливо, потому что можно прожить и без пищи, когда угодно то Богу. Ибо как Илия совершил сорокадневный путь *подкрепившись* единой *пищей* (3 Цар. 19, 8)? Как Моисей, в семьдесят дней беседуя на горе с Богом, пребыл не вкусившим человеческой пищи? Ибо, сошедши по прошествии сорока дней, когда, раздраженный слиянием тельца, разбил скрижали, немедленно снова возшел на гору и, еще столько же дней проведя на горе и потом прияв вторые скрижали, снишел к народу. Какое же человеческое рассуждение возмѡжет представить достаточное объяснение такого чуда? Как достало (хватило) текучего естества человеческого, истощаѡмого столько времени, между тем как ничто не восполнѡло ежедневно утрачиваемой силы? Но недоумение сие решает Божие слово, когда говорит: *Не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа* (Втор. 8, 3).

И посему для чего Небесное житѣльство совлекаем на землю, обременя вѣщественными бедствованиями? Для чего *воспитанные* некогда на *багрянїцах*, одеваемсѧ в *гнои*, как в Плаче сказал о некоторых Иеремїѧ (см.: Плач. 4, 5)? Ибо, когда упокоѡваемсѧ на помышлѣнїях свѣтлых и пламенеющих, тогда одеваемсѧ (*υτυνόμεστε*) в *багрянїцу*, а когда, вышедши из такового состоянїя, вмѣшиваемсѧ в дела земные, тогда одеваемсѧ в *гнои*. Почему же, ос-

на бѣа ѡста́вьше, плѡть мѡщцы оутверждаемъ, владычнє промыслѣнїе своимъ приписѡюще рѡкамъ, ѣже въ величайшїй грѣхъ себѣ вмѣнитиса ѡвѣ заклѡ, наложившаго рѡкъ на оустѡ ѡблѡвызѡти (ѡва ѡа, кѡ); Мы сїе творити нынѣ не страшимса. Обычай бо многимъ, рѡцѣ лѡвызѡти, ѡ ѡнѣхъ имѣти довольство глаголюще.

Ихже гадательнѣ назнаменѡа законъ глаголетъ: иже ходитъ на лапахъ, нечистъ: и иже ходитъ на четырёхъ всегда, нечистъ (Г Мѡѡс. ѡа, кѡ). На лапахъ же ходитъ, на рѡки ѡпирающїиса, и всю на нихъ надеждѡ имѡщїй: на четырёхъ же ходитъ, на чѡвственнѡа вѣщы оупѡвающїй, и къ оупражнѣнїю въ тѣхъ непрестанномъ свѡй оумъ пригвождающїй. ѡ многихъ же ногѡхъ ѣсть, крѣпкѡ тѣлесныхъ держайса. Сегѡ ради премѡдрый приточникъ, не двѣ ногѡ имѣти совершенномъ хѡцетъ, но ѣдинѡ, и сїю не частѣ къ тѣлеснымъ вѣщѣмъ двѡжимѡ. Не оучащѡй, глаголетъ, вносити ногѡ твоѡ къ дрѡгѡ твоѡмѡ, да не когдѡ насыщѡса тебѣ, возненавидитъ тѡ (Притч. кѣ, зѡ). Ище бо не частѣ хѡтѡ ѡ потребѣ тѣла стѡжающїй, тѡ бо ѣсть сицевыхъ дрѡгѡвѡ намѣренїе, ѡкоже къ своимъ оученикамъ глаголетъ спситель: вы дрѡзи моѡ ѣстѣ (ѡан. ѣа, дѡ): ище сїе почастѡ творитъ, ненавистенъ бывѡетъ.

Что оубѡ постраждетъ, и какѡ не мерзокѡ бѡдетъ, въ сїхъ непрестаннѡ оупражнѡющїиса потребѡхъ, и никакоже къ горнѣй возбѡждающїиса жизни; Понѣже не имѣетъ голени верхѡ ногѡ, давы скакѡти на нихъ ѡ землѡ. Икоже бо голени соединѣнїемъ всѣ оубѡ прѣмлютъ пѣрвѣе на себѣ вѣмѡ тѣла, малѡ же привлѡжшаса землѡ, ѡвѣ ввыспрѡ воскочити оустроѡютъ: сїце разсмѡтрѡющїй свѡйство вѣщѣй пѡмыслѡ, ѣгдѡ потребѡ ради тѣла смиритса, ѡвѣ потѡмъ горѣ легкое возсылѡетъ мѡдрѡванїе, ничтѡже ѡ брѣнныхъ съ тѣмъ возвышѡа пѡмыслѡвѡ.

тавив надежду на Бога, мышцу свою делаем опорю плоти, Промышление Владыки приписывая рукам своим? И что, как испытал Иов, вменено ему в великий грех, то есть, положив на уста руку, лобызать ее (см.: Иов. 31, 27), то не боимся мы делать ныне. Ибо у многих в обычае целовать руки и говорить, что от рук у них изобилие.

Их-то давая разуметь под образами, говорит Закон: «Кто ходит на руках, тот не чист, у кого много ног, также не чист и, кто ходит всегда на четырех, не чист» (см.: Лев. 11, 27. 42). Ходит же на руках, кто на них опирается и на них возлагает всю надежду; ходит на четырех, кто, предавшись делам чувственным, ими занимает непрестанно владычественный ум, а многоножен, кто отовсюду окружен телесным. Поэтому премудрый Приточник хочет, чтобы совершенный имел даже не две ноги, но одну и та редко двигалась для дел телесных. *Редко*, — говорит он, — *вступай ногою твою к другу твоему, чтобы пресытившись тобою он не возненавидел тебя* (Притч. 25, 17). Если кто редко приступает ко Христу с прошением о потребности телесной, то возлюблен Им будет, ибо сие служит целию таковых друзей, как говорит Спаситель ученикам Своим: *Вы друзья Мои* (Ин. 15, 14). Если же будет делать это часто, то соделается ненавистным Ему.

Кому же внушит доверенность и не будет мерзок всегда тревожимый сими потребностями и никогда не восстанавливаемый к правой жизни, потому что не имеет голени выше ног, чтобы на них воспрянуть от земли? Как голени, сгибаясь сначала, принимают на себя всю тяжесть тела, а приблизившись несколько к земле, делают, что немедленно подымлется оно вверх, так помысел, различающий дела естественные, вслед за тем, как унижится до потребности тела, быстро подымлет горѣ легкую мысль, не вознося с собою ни одной из порочных нечистот.

Ѣже во имѣти прѣвыа голени, бываѣтъ и не сѣлѡ сластолюбивымъ, и долѡ лежащимъ всегда: но бываѣтъ и сѣлимъ силамъ, занѣ ниже всѣчески трѣбовати имъ тѣлесныхъ, ниже свое къ тѣмъ имѣти соизволѣнїе. Сїе бо предзнаменѡ великїй Іезекїиль глаголетъ: ѡкв бѣша голени ихъ прѣвы, и пернаты нозѣ ихъ (Іѡан. 4, 3): Ѣже гавлаѣтъ непоколебимѡ мыслѣ, и выстродвижимое къ оумнымъ сществѣамъ ѡнѣмъ стремлѣнїе. Человѣкомъ же довлѣѣтъ голени имѣти преклонѣемыа, и оводѣ оубо къ тѣлеснымъ нѣждамъ, оводѣ же къ горѣ стремлѣющимся дѡшевному оупражнѣнїамъ оупотреблѣти ѡныа. Рѣди оубо сщцагѡ съ горними силами сродства дѡши, частократнѡ къ ѡнѣмъ восходїти: рѣди же тѣла, толїкое ѡ земныхъ попечѣнїе имѣти, елїкѡ потреба принѣждѣѣтъ.

Всегда же насладительныхъ приготовлѣнїй желѣти, не чисто ѣсть воистиннѡ, и неприлично человѣкѡ, благословѣсное иискѡсившемъ познѣнїе. Ѱпредѣлѣннѣ бо, и на четїрехъ ходѣщее, а не прѡстѡ речѣ, нечисто быти, но ѡще всегда на четїрехъ ходїло бы. Дадѣ бо сщчимъ въ тѣлѣ время низходїти къ потребѣ тѣла. Ибо іѡнафанъ съ наасомъ бранѣ имѣи аммонїтѡмъ, на четїрехъ ходивъ побѣдї (1 Цар. 11, 1), занѣ нѣждѣ естества тѡчїю слѡжаше: подобаше бо бранѣ имѡщѣ съ плѣжѡщимъ на персѣхъ смїемъ, (тѡ бо насъ толкѡетсѡ) нѣкое в малѣ хождѣнїемъ на четїрехъ ѡбразѡвати къ немѡ подобїе: и сїце востѡвшѡ въ правѡтѡ своѡ, покорїти тогѡ со многѡ оудѡбностїю.

Что тѡкожде и ѡ іевосфѣи повѣсть не наказѡѣтъ ли насъ ѡ тѣлесныхъ не сѣлѡ пецисѡ, ниже чѡвствѡ свое врѡчїти хранѣнїе (1 Цар. 11, 1): сїи бо царѣ сїи, и на ѡдрѣ своемъ почивѡмї, женѣ двѣрь стреци, повелѣ, прїидѡша же рїхѡвѣ и ваана, и ѡбрѣтше вратника пше-

Иметь прѣвыа голени свойственно и тем, которые весьма преданы удовольствїям и всегда остаются долѡ, но свойственно также и Небесным Силам, потому что во все не имеют они нужды в телесном и не требуют для се-го сгибать голени. Это подразумеваѣя, как думаю, сказал великїй Іезекїиль, что голени их прѣвыа и ноги их покрыты перьями (Иез. 1, 7), чем изображается непреклонность воли и скородвижность оногѡ естества в помышлѣнїях. А челѡвеку достатѡчно имѣть сгибающїеся голени, и употреблѣать для восхождѣнїй, иногда телесных, а иногда духовных, возводѣщих горѣ, и, по сродству души с Горними Силами, часто вместе с ними созерцѣать Небесное, а по усилю телѡ, столько озабочивѣться землѡю, сколько принѣждѣѣтъ к тому потребность.

Всегда же пресмыкѣться в служащем к наслаждѣнїю — подлинно нечистѡе дело и не прилично челѡвеку, полчившему в удел разумное вѣденїе. Ибо Закон ходѣщего на четїрех назвал нечистым с ограничѣнїем, и не просто, но если ходит на четїрех всегда (Лев. 11, 42), потому что сущим в телѡ дал время нисходїти до потребности телѡ. И Ионафан, воѡя с аммонїтянїном Наасом, ползущїи (περλάτῃσεν) (1 Цар. 14, 13) на четїрех, одержал побѣду, потому что послужил одной только нужде естества. И сражающѡмусѡ с ползающим на персѣх змїем (так толкуѣтся имя Наас) должно было преобразѡваться несколько до сходства с ним в том, чтобы так же ходити на четїрех, и потом, встав и прїняв свойственное себѣ положѣнїе, с бѡльшим удобством преодолѣть его.

Чѡму научѣет нас и истѡрїя Іевосфѣя? Не тому ли, что не должно крепко занимѣться телесным и охранѣнїе себѡ вверѣть чѡвствѡ? Іевосфѣй, царѣ, почивѡл в ложнїце, а при вратах у себѡ, как сказѡно, дозволїл стѡять женнїне. Прїшедшїе с Рїхѡвом, нашѣдшї, что прїврат-

нищѣ ѡчищающа и дремлюща: оутайвшеся внидо́ста, и оуби́ста иевосо́феа (ѿ Цар. д̄, 5̄). всѧ во спáтъ, и оумъ, и дѡшá, и чѡство, тѣлеснымъ прилѣжащихъ.

Ѹже бо вратникѣ ѡчища́ти пшеницѣ, показѡетъ прилѣжное мысли въ тѣлесныхъ оупражненіе. И не прѡстѣ, но съ нѣкѣимъ тѣхъ чистотѣ оумышляющыа тцѧнїемъ. Иѧкѡ бо не въ видѣ повѣсти семѣ оучитъ писаніе, ѧвѣ ѡтѣдѣ: какѡ бо царь женѣ вратника имѣ, долженъ сый ѡ множества оубженосцевъ сохрãнѧемъ быти, и всãкъ оокрестъ себѣ имѣти досто́инства сѣбѣ: Или какѡ сице бѣ оубогъ, ѧкѡ ѣю пшеницѣ ѡчища́ше; Но мно́жичею къ повѣсти примѣша́етсã ѣже пãче слѡва, рãди истинны повѣстїю знаменѡемыхъ. Коегѡждо бо оумъ, ѧкоже царь внѣтръ пребывãетъ, вратника чѡствѣ имѣа мысль: ѧже егдã тѣлеснымъ себѣ ввѣритъ, тѣлесное же ѣсть, ѡчища́ти пшеницѣ: оудобнѡ оутайвшеся на вѣтници, оумерцвãютъ оумъ. Сегѡ рãди великъ въ праотцѣхъã авраãмъ, не ввѣрãетъ женѣ стрещїи дѡверь, вѣдый оудовопрельщãемое чѡство, ѧкѡ зрѣнїемъ чѡственныхыхъ оуслажда́емо, раздвоãетъ оумъ, и оувѣща́етъ сопричастїтисã слãдкихъ съ тѣмъ кѡпнѡ, ãще и неизвѣдно было бы причащени́е то ѧвнѡ. Но сãмъ онъ присѣдитъ бжѣственнымъ оубѡ помышленїамъ ѡверстий подаã вхѡдъ, мїрскимъ же попеченїамъ заклочãа дѡверь. Чтѡ бо нãмъ ѡ сѡетнагѡ въ сїхъ трѡдã въ жизнь пользы прихѡдитъ; Не весь ли трѡдъ челоѡбъчъ, по екклесїастѣ, во оустã егѡ (Ѹккл. 5̄, 3̄), пища же и ѡдѣанїе, по ãплѡ, доѡвольна къ снабдѣнїю окаанныа плѡти (ã Тим. 5̄, и); Чтѡ оубѡ безконѣчнаã творимъ, и трѡдимсã на вѣтръ, ѧкоже глаголетъ соломѡнъ (Ѹкклес. 5̄, 5̄); Тцѧнїемъ ѡ земныхъ, возбранãюще дѡшы къ бжѣственныхыхъ блãгъ наслажденїю и плѡть любãще и грѣюще мно́жае потрѣвнагѡ, ãки врагã ѡ ближнихъ и прѡтив-

ница, очищая пшеницу, вздремала, тайно вошли и умертвили Иевософея, которого нашли также спящим. Ибо все погружается в сон — и ум, и душа, и сердце, и чувство, когда преодолагает телесное.

То, что привратница очищала пшеницу, показывает, что мысль прилежно занималась телесным и не слегка, но с каким-то тщанием заботилась о чистоте сего. Ибо, что не в виде только истории пересказывает о сем Писание, явствует из следующего. Почему женщина была привратницею у царя, которого должно было окружать множество воинов и оказывать всю честь, подобающую его сану? Или почему царь был столько скуден, что привратница очищала пшеницу? Но к истории нередко примешивается и несообразное по той причине, что означаемое тем истинно. Ибо ум у каждого, как царь, пребывает где-то внутри, придверником чувств имея сердце, и, когда оно вверяет себя телесному (ибо телесное дело очищать пшеницу), тогда злокозненные без труда тайно умерщвляют ум. Поэтому-то великий Авраам не вверяет женщине охранение двери, ибо знает обманчивость чувства: как оно, услаждаясь видением чувственного, разъединяет ум и убеждает вместе с ним приобщиться приятного, а это приобщение очевидно бывает опасно. Напротив того, сам он находится при двери, делая открытым доступ Божественным помышлениям и заклочая дверь мїрским заботам. Ибо что доставляется нам в жизни суетною попечительностью о сем? Не *весь труд человека*, по слову Екклезиаста, *для рта его* (Еккл. 6, 7)? Пищи же и одеяния, по словам Апостола, достаточно к поддержанию этой жалкой плоти (см.: 1 Тим. 6, 8). Посему для чего же без конца и, как говорит Соломон, *трудимся на ветер* (ср.: Еккл. 5, 15), тщательно о земном препятствуя душе наслаждаться Божественными благами, любя плоть и покоя ее более чем нужно? Из соседей воспитываем ее во врага и

ныхъ тѣхъ питаемъ, ѿкъ не точію ѡбюдной тоа быти брани, но ѿ многаго преизбыточества и крѣпчайше ѿ подвижающейса противъ души, почестей и вѣнцевъ желати;

Каако бо есть потреба тѣлесѣ, ѿкъ тѣмъ извѣтъ творяще въ нервшімаа недоумѣніа желаніе свое протазаемъ; Хлѣбъ есть всако и вода: не не источницы ли оубо избвильное подають питіе; хлѣбъ же не оудобьснискиваемъ ли есть рщѣ имѹщымъ, и ѿ таковыхъ трѣдѹвъ избыточествовати можемъ, ѿ нихъ же и потреба исполняется тѣлесѣ и малу, или ничтоже ѿнюдъ ѡбременяющее; ѡдѣаніе ли многъ подають трѣдъ; Нижѣ сѣ, аще не къ ѡбычнѹ киченію, но къ потребѣ взираемъ единѣи. Кіако бо магкіа одѣжды, кіи же вѣссонъ или порфѹръ, или хламѹдъ первыи носаше чловѣкъ; Не ѿ кожъ ли емѹ одѣаніе имѣти (Быт. 7, ка), и не быліемъ ли питатиса создатель заповѣда; Сіако положивъ предѣлы потребѣ тѣла, сице повелѣвъ и издаче ѡвращаа нынѣ ѡказѹемю въ жителствѣ нелѣпотѣ чловѣка.

Не глаголю же, ѿкъ и нынѣ питати вѣдетъ всакоу бл҃гочествѹющихъ насъ, иже птици питатъ небеснымъ: и ѡдѣетъ, иже кріны сельнымъ толикою ѡдѣа славою. Занѣ никакоже оубѣщати мѹцно многу ѡстоащихъ сеа вѣры. Кто бо не со смиреніемъ подастъ нѹжнаа по добродѣтели живѹщемъ;

Аще бо чловѣцы варвары, и брани закономъ плѣнившіи іерусалимъ, вавѹлѹнчане, добродѣтель почтѹша іеремин, и всакое емѹ подавахъ служеніе тѣлесное избвильнѣ, не точію къ пици потребнаа давшѣ, но и сосѹды, имже ѡбычай служити іадѹщымъ: какъ не почтѹтъ житіе добродѣтельно единоплеменники, и помыслъ ѿ наказаніа варварскаго паче ѡчистившіи къ разѹмѣнію благихъ, и добродѣтели ревнители! аще бо и

противника, так что не только борьба между ними делается сомнительною, но, с великим приращением в силах подвизаясь против души, радуется она, что не попускает душе достигнуть почестей и венцов.

В чем состоит потребность тела, под предлогом которой простирает оно пожелание до бесполезного затруднения? Без сомнения, в хлебе и воде. И разве источники не доставляют в обилии воду? Разве хлеб не приобретается удобно всяким, у кого есть руки? Можем добывать его и другими работами, которыми и потребность телесная удовлетворяется, и мы мало или не вовсе развлекаемся. Но не требует ли великой заботы одежда? Нимало, если будем иметь в виду одну потребность, а не обычную нашу изнеженность. Ибо первый человек носил ли какие как бы из паутиной ткани одежды, или какой виссон, или порфиру, или шелковую ризу? Не из кож ли уготовал ему одѣяния Создатель? И не знаками ли повелел питаться? Сии пределы положил Он телесной потребности. Такой дал устав и далеко отстранил распространяющееся ныне неблагоприличие человека.

Не говорю же о том, что живущих хорошо, без сомнения, и ныне препитают Питающий птиц небесных и оденет такую славою Облекающий полевые лилии, не говорю, потому что никак невозможно убедить так много отступивших от сей веры. Но живущему добродетельно кто даже с прошением не предложит потребного ему?

Если вавилоняне, люди-варвары, по праву войны взяли Иерусалим, уважили добродетель Иеремии и щедро оказали ему всякое телесное пособие, дав не только нужное для пропитания, но и сосуды, употребляемые обыкновенно при столе, то не уважат ли добродетельной жизни с детства паче варваров очистившие ум для уразумения прекрасного и ревнители добродетели? Ибо если сами по немощи естества не могут соделаться подвижниками

не возмо́гша то̀а̀ дѣлатели бы́ти за не́мошь е́стества̀, но о́баче почита́ютъ добродѣ́тель, и подви́жникомъ о́нымъ о́удивля́ются. Ктѝ о́увѣща̀ сммані́танинѝ сотвори́ти е́лїссею̀ горницѝ, и поста́вити трапѣ́зѝ тамъ, и престѝ́ль и свѣ́щникъ (д Цар. д, і); Не добродѣ́тель ли мѝжа; Чтѝ же вдови́цѝ о́нѝ преклонї̀, гла́дѝ всю̀ странѝ потре́бля́ющѝ, своѝй потре́бѣ̀ предпочтї́ти проро́ка слѝжѣ́нїе (д Цар. зї, вї); Воїстиннѝ, а́ще не бы́ любово́дрїемъ и́лїи восхїщена̀ была̀, не бы́ ма́лое о́утѣше́нїе жи́зни своѝа̀ и ча́дѝ ѡ́емши, о́устѝпи́ла бы́ томѝ. Ю́же во ма́лѝ потѝ́мъ помышля́ше сме́рть, пре́жде вре́мени сїю̀ и́збра̀, да щедролю́бнѝ о́учредї́тъ страна́наго.

Сотвори́ же таковы́ми и́хъ до́блество, и въ трѝда́хъ неосла́бность, и житѣ́йскихъ вещьѝ презрѣ́нїе. Ницѣ́тъ бо стѝжа́вшѝ, и въ то́мъ да́же ничесѝ́же тре́бовати пре́спѣ́вшѝ, безтѣ́леснымъ сї́ламъ о́уподо́бїшася̀. Тѣ́мже и незнаменї́ты сѝще по тѣ́лесномѝ, и несла́вны, всѝ со́держа́щихъ, и дѣ́йствѝющихъ бы́ша крѣ́пльши, съ то́ликимъ дерзнове́нїемъ, ца́рскимъ вѣ́нцемъ съ о́украше́нными разглаго́льствѝюще, съ е́лїкимъ ниже́ тїи съ подро́чными себѣ̀. На ка́мъ бо о́рѝжїа̀ надѣ́лсѝ, на кѝю́ же сї́ла ко а́хаавѝ глаго́лаше и́лїа̀: Не развраща́ю а́зъ ісра́илѝ, но развѣ́ ты, и до́мъ о́тца̀ твоегѝ̀ (г Цар. иї, иї); Ка́къ же мѝсѝ́ей ста̀ на брань протї́вѝ фара́онѝ, ничтѝ́же имѣ́а, кромѣ́ добродѣ́тели, де́рзости поможе́нїе; Ка́къ же е́лїссе́й собра́вшѝа̀ на брань во́инствѝ и двѝмъ ца́ремъ ісра́илевѝ и іѝдїнѝ, глаго́ла іѝра́мѝ: Жї́вѝ гдѝ́ сї́ла, е́мѝ́же предсто́ю предѝ́ нїмъ: іа́кѝ а́ще бы́хъ не лице́ іѝсафа́та ца́рѝ іѝдїна а́зъ прїа́лѝ, то̀ воззрѣ́л ли бы́хъ на тѝ, и видѣ́л ли бы́хъ тѝ (д Цар. г, дї);

Ниже́ во́инства подви́гшася̀ о́убо́авсѝ, ниже́ іа́ростї о́устрашї́всѝ ца́ревы, е́мѝ́же во вре́мѝ брани вѣ́роа́тно и безсловѣ́сное вози́мѣ́ти стре́мленїе по́мыслѝ подѝ

оной, то чтут добродетель и удивляются ее подвижникам. Кто убедил сонамитянку устроить Елисею горницу, поставить там *постель, стол, седалище и светильник* (ср.: 4 Цар. 4, 10)? Не добродетель ли сего мужа? Что склонило оную вдовицу, когда всю землю истощил голод, служение Пророку предпочесть собственной нужде? Без сомнения, если бы не изумляло ее любомудрие Илии, то не предложила бы ему и малого утешения в жизни, взяв оное у себя и у детей и из щедрости к пришельцу преждевременно избрав смерть, которую незадолго пред тем живо себе представляла.

Соделали же их таковыми мужество, неутомимость в трудах и небрежение о делах житейских. Ибо, возлюбив умеренность и в том, чтобы не оскудевать, преуспев, так сказать, тем, чтобы иметь мало нужд, приблизились они к бесплотным Силам. Почему, будучи невидны по телу и незнатны, соделались могущественнее заведующих всем, с таким дерзновением беседовали с облеченными в диадему, с каким те не говорят с подданными. Ибо, на какое надеясь оружие или какую имея силу, сказал Илия Ахаву: *Не развращаю (парасѝроѝ) я Израиля, но ты и дом отца твоего* (3 Цар. 18, 18)? Как и Моисей с ревностью противостоит фараону, не имея иного напутствия к отважности, кроме добродетели? Как Елисей, когда войско двух царей, израильского и иудейского, соединилось на брань, сказал Ахавову сыну: *жив Господь сил (δυνάμεων), перед Которым я стою в день сей, если бы это не было ради Иосафата, царя Иудейского, то не взглянул бы на тебя и не видел бы тебя* (4 Цар. 3, 14)?

Не утрашился он подвигшегося воинства, не убоился раздражительности царя, который, вероятно, по случаю войны управлялся неразумным стремлением и у которого

вѣга рѣди смѣщенѣ бывшѣ, что бо мѡжетъ таково царѣ, каково добродѣтели; Како порфирѣ растѡрже рѣкѣ, ꙗкоже милѡтъ илѣи; Како же дѣадѣма болѣзни исцѣлѣи, ꙗкоже апѡстольстѣи сѣдари; Ѡбличѣи иногда прорѡкъ царѣ законпрестѣпльша едѣнѣ, со всѣмъ сѣща воѣнствомъ. И понѣже ꙗрѡсть ѡбличѣнѣе возвѣди, простѣръ царѣ рѣкѣ ко прорѡкъ и егѡ не ꙗтъ, и рѣкѣ иссохшѣю не возмѡже возвратѣти къ себѣ (Ѣ Цар. Ѣ, д). И бѣ пѡдвигъ добродѣтели, и власти царскѣмъ. И побѣда добродѣтели бѣсть. Не брасѣ прорѡкъ, и добродѣтели низложѣи противника. Празденѣ бѣше подвижникъ, и вѣра дѣлаше. Спѡборники царѣвы свидѣтели пѡдвѣга бѣша. И рѣка стѣ свидѣтельствѡющѣмъ добродѣтели побѣдѣ.

Сѣмъ же творѣхѣ, занѣ дѣши едѣнѣи житѣи предѣизбрасѣ, тѣла и тѣлесныхъ потрѣбѣ ѡврацѣющесѣ: и всегѡ вышшими ихъ творѣше, еже ни въ чесѡмъже потрѣбѣ имѣти. Паче бо ѡставѣти тѣло изволахѣ, и ꙗже во плѡти житѣи свѡводѣтѣсѣ, неже предѣти добродѣтели достѡнство, и потрѣбы рѣди тѣлесныхъ ласкѣти когѡ ѡ богѣтыхъ. Мы же егѣдѣ въ трѣбованѣи чесогѡ бываемъ, ѡставѣвѣ дѡблественнѡ подвижѣтѣсѣ къ скѡрбныхъ, ꙗкоже псицица съ весѣлымъ движѣнѣемъ хвѡстѣ, ласкаютсѣ къ повергѣющимъ кѡстѣ въ малѣ не нагѣю, илѣи крѣпѣицы: сице къ богѣтымъ привѣгѣемъ, благодѣтелими ихъ нашими и хрѣстѣанѣмъ попечѣтельми нарицѣюще, и всѣкѣю ихъ безнѣжнѡ похвалѣюще добродѣтели, ꙗще и въ крайнемъ сѣтъ нечѣстѣи, да совершатъ искѡмое, не испѣтѣюще стѣихъ житѣмъ, ихъже сѣрѣчь ревновѣти добродѣтели предположѣхомъ.

Прѣидѣ къ елѣссею неемѣнѣ князь сѣирыскѣмъ (дѣ Цар. е, а), многи принѣсѣ дары съ собѡю. Что оубѡ прорѡкъ; едѣ ли срѣте; едѣ ли прѣтече; Не чрезъ едѣнаго ли ѡтрока потрѣбѣ, еѣже рѣди прѣидѣ, сказа; ниже предѣ ли-

помысел был возмущен борьбою. Власть царя земного в состоянии ли сделать что подобное добродетели? Какая порфира разделяла реку, как милоть Илиина? Какая диадема прекращала болезни, как апостольские главотяжи? Пророк один обличил беззаконного царя, окруженного всем воинством, и поелику обличение возбудило гнев, царь, простерши на Пророка руку, и его не коснулся, и иссохшую руку не мог пригнуть к себе. Произошла прѣмежду добродетелию и царским могуществом, и победа добродетели оказалась сильнейшею: Пророк не боролся и добродетель обратила в бегство противника, подвижник оставался в бездействии, но действовала вера, спѡборники царѣ соделались судьями борьбы и рука стала свидетельницею победы добродетели.

Совершали же они это потому, что рассудили жить единою душою, презирая тело и телесные нужды, и то, что не имели ни в чем потребности, делало их выше всего. Ибо скорее решились бы оставить тело и освободиться от жизни во плоти, нежели изменить добродетели и для телесной потребности польстить кому-либо из живущих в изобилии. А мы, когда имеем в чем надобность, подобно молодым псам, которые, весело махая хвостом, ласкаются к бросающим голую, может быть, кость или крошки, сбѣгаемъ к богатым, называя их благодетелями и попечителями христиан, и, одним словом, приписываем им всякую добродетель, хотя они до крайности порочны, только бы успеть нам в желаемом; не любопытствуем узнать, как жили святые, соревновать добродетели которых, конечно, и мы предполагали.

Пришел некогда к Елисею Нееман, сирийский военачальник, принеши с собою многие дары. Что же Пророк? Оказал ли ему услугу? Поспешил ли к нему навстречу? Не чрез отрока ли одного объяснил ему потребность его,

цѣ прїѣтъ егѡ (дѣ Цар. ѿ, і), да не принесѣнныхъ ради исцѣленїе подати возмнїтсѧ. Сїѧ же рекѡшасѧ, не да наѡчимсѧ гѡрдости, но да не потребы ради ласкаемъ любѧщихъ ѡнаѧ, ꙗже мы презирѧти ѡбѣщавѧемсѧ.

Почтѡ оубѡ мы ѡстѧвнвѡ намѣренїе фїлосѡфїи, земледѣлїю и кѡпли прилѣжимъ; Чтѡ велїе предѣ бѡгомъ, ꙗще свое въ томъ мы емѡ привносимъ попеченїе, да и ѡбщее такожде съ нїмъ наше бѡдетъ земледѣлїю прилѣжанїе; Человѣческое тщанїе зѣмлю разсѣкаетъ и сѣмена вметѧетъ: Бѡгъ же дождѧми благовременными напоевѧетъ сѣмена въ мѧгкихъ нѣдрахъ земли коренїю распростирѧтисѧ оустроевѧѧ: солнце возсїѧвѧетъ согрѣвѧющее зѣмлю, и теплотѡю выспрь возводѧщее растѣнїѧ, дыханїѧ вѣтрѡвъ посылѧетъ вѡзрастѡ питѧемыхъ плодѡвъ соразмѣрнаѧ: тонкими оубѡ дыханьми подѡвѧѧ въ началѣ на зеленѣющее полѣ, да не зноѡными поглаждаемѧ дѡновенїи, ѡпалѧтсѧ посѣѧннаѧ: крѣпчѧйшими же прираженїи вѣтрѡвъ, во влагалищахъ млѣчный сокъ зѣрна въ созрѣнїе приводѧ, во врѣмѧ млаченїѧ зноѡ подаѧ подобѡющїи: во врѣмѧ же вѣанїѧ спосѡбныѧ вѣтры: и ꙗще бы едино чтѡ ѡ сїхъ ѡскѡдѣло, сѣтенъ ꙗвїлсѧ бы челѡвѣчскїи трѡдъ, и прѧздно бѡло бы наше тщанїе, не запечатлѣнно бѡжїими дарѧми.

Многажды же и ѡ сїхъ къ совершенїю ѡскѡдѣ ничтѡже: ѡбѧче дѡждь великъ и безвремененъ бѡвѡ, илї млачїимый ещѣ клѧсъ, илї и чїстѡ согромажденнѡ пшеницѡ оувлечѣ. Ѳвогда же и въ сѧмой житницѣ червь растлїи, и зѣ сѧмыхъ оустѡ, ꙗкоже рецїи, готѡвѡ похїтивѡ пїцѡ.

Гдѣ оубѡ намъ, и къ чесомѡ полѣзно наше тщанїе, бѡгъ кормїло вещь держѧщѡ, и всѧ дѣйствѡющѡ, ꙗкоже хѡцетъ, и стрѡбѡщѡ; Но въ немоцехъ оутѣшенїѧ трѣ-

за которою пришел, не приняв его даже и на глаза к себе, чтобы не подумал, будто бы ради принесенного дано ему уврачевание? Не для того сие сказано, чтобы научились мы высокомерию, но чтобы ради телесной потребности не льстили заботящимся о том, что дали мы обет пренебрегать.

Посему для чего же мы, оставив цель любомудрия, занимаемся земледелием и торговлею? Что великого привносим Богу своею заботою? Чтобы явствовало, что попечение о земледелии есть общее дело, человеческое старание рассекает землю, влагает семена, а Бог повременными дождями орошает землю, способствуя посеянному распространять корни в размягченных недрах земли, изводит солнце, согревающее землю, и, теплотою вызывая растения вверх, посылает веяния ветров, соразмерные возрасту воспитываемых плодов. Вначале нежными дыханиями провеваает покрывающуюся зеленью равнину, чтобы горячими ветрами не пожечь согреваемых солнцем посевов, а сильными порывами ветров приводит в зрелость во влагалищах млековидный сок плода, во время молотбы дает потребный жар, а во время веяния — пригодные ветры. Если не будет доставать чего-либо этого, то суетным окажется человеческий труд и ни во что обратится наше старание, незапечатленное Божиими дарами.

Но нередко ни в чем этом не бывает недостатка, чтобы все пришло в совершенство, и сильный дождь, случившийся не вовремя, уносит или требующий еще молотбы колос, или благовременно собранную пшеницу. А иногда в самой житнице губят ее червь и тля, похищая, так сказать, из самых уст готовую трапезу.

Посему в чем и на что нам полезно наше старание, когда Бог правит кормилом и все движет и ведет, как Ему угодно? Скажем ли, что тело в немощах имеет нужду в

бѣдетъ тѣло, речетъ кто: и елико лучше есть оумрети, неже содѣлати что ѡбѣтъ неподобіющее. всачески же, аще жити намъ еще хощетъ бгъ, то или силъ подаетъ тѣлу, аки и трудъ ѡ недуга нести могущю: или и вѣнцы пріати за доблесть: или средство извѣрщитъ ко оутѣшенію изнемогающаго: и не ѡскудѣтъ извѣрщитіе источникъ премудрости. добръ оубо возлюбленіи, и сѣлѡ добръ, къ древнемъ взыти блаженствъ, и древнихъ житиельства: бѣдетъ бо то всѣмъ, акоже мнѡ восхотѣвшимъ оудбно. аще же и бѣдетъ трудъ нѣкій, не безплоденъ бѣдетъ, довольное имѣай оутѣшеніе, предпшествовавшихъ благохваленіе, и имъ послѣдствующихъ исправленіе. не малое такожде бѣдетъ прѡвѣрщитіе начавшимъ сицевѡ житіе, и потѡмствъ ѡставльшимъ житиельства изъщнаго ѡбразъ, изнемогшихъ ѡбореніе.

Да бѣжимъ аже во градѣхъ и весехъ пребываній, да сщїи во градѣхъ и весехъ текѹтъ къ намъ. Пустыни возлюбимъ, да привлечемъ нынѣ бѣгѹщыа ѡ насъ, аще любезно всачески сѣ нѣкїимъ. Ибо ѡ инѣхъ съ похвалою писано есть, аки ѡставиша грады и ѡвиташа на камнехъ, и быша аки горлицы скорбѹще (Іезек. 3, 51): и крестителъ іѡаннъ въ пустыни ѡвиташе, и вси къ немѹ исхождахѹ живщїи во градѣхъ (Мѡ. а, д), и ко зрѣнію оумѣнна поаса потщѹшася въ шелквыа ѡдѣвни одѣжды: и непокровенное избирѹхѹ злостраданіе, позлащенныа имщїи дѡмы, и на оукрашенныхъ многоцѣнными каменїи одрахъ оупокоенію возлеганіе на песцѣ предпочиташеса. И всѡ имъ быша стерпїма, аще и паче ѡбычаа бывающаа, ѡвлегчаваше бо въ прискорбныхъ чвствїе, желаніе видѣти человекѡ: жестокаго житїа трудъ ѡемлаше чѡдо добродѣтели.

утешении? Но сколько лучше умереть, нежели сделать что-либо не приличное нашему обету! Конечно же, если угодно Богу, чтобы мы еще жили, то или телу даст крепость, равносильную немощи, чтобы перенести нам трудность недуга и за мужество приять венцы, или примыслит средство к утешению страждущего, и не окажется недостаточным к спасению это примышление в Источнике спасения и премудрости. Посему прекрасное, подлинно прекрасное, возлюбленные, дело — снова войти в первобытное блаженство и взяться за житие древних, потому что, как думаю, удобно это всякому желающему. А если и потребуется какой труд, то не будет он бесплоден, достаточное имея для сего облегчение в славе предшествовавших и в исправлении тех, которые будут последовать. Ибо для начавших таковой образ жизни и оставляющих по себе другим образец совершенного жития немалую составит выгоду восприятие оставленного.

Будем избегать пребывания в городах и весях, чтобы живущие в городах и весях притекали к нам; устремимся в пустыню, чтобы привлечь к себе, если кому вполне приятно это, бегущих теперь от нас. Ибо в похвальной песни о некоторых написано, что оставили города, поселились на камнях и стали *как тоскующие голубки* (Іез. 7, 16). И Иоанн Креститель пребывал в пустыне, и все города со всеми жителями приходили к нему, чтобы увидеть кожаный пояс, стекались облеченные в шелковые одежды, соглашались беседовать под открытым небом имеющие у себя с позлащенными крышами дома, и упокоения на убранных драгоценными камнями ложах славнее стало возлежание на песке, и все было для них сносно, хотя делалось против обычая, потому что любовь к добродетели мужа отнимала у них ощущение скорбного, а удивление тому, что видели, закрывало трудность суровой жизни.

Толикъ ѣсть добродѣтель богатства честнѣйши, и житїе безмолвно имѣнїи многихъ славнѣше. Колики во оно время бѣша богати, и высокоумдрствующи въ славу, и оумолчани сѣть: и чѣдо неславнаго даже до нынѣ воспѣвается, и память пустынножителя всѣмъ ѣсть любезна. Приснопоема во добродѣтели слава, вѣсть посылаетъ свои доброты возвѣщающю. Оречемъ оубо скотопасства, да пастьерскїи чинъ воспрїимемъ: оставимъ куплю поносимъ, да многоцѣннью стажемъ маргаритъ: вѣжимъ дѣланїа земли, тернїе и волчецъ возвращающїа, да дѣлатели и хранители рая бѣдемъ. Всѣмъ ѡвергнемъ, и безмолвное изберемъ житїе, да посрамимъ нынѣ намъ въ поношенїе стажанїе вмѣнающихъ.

Ничто во такъ постыждаетъ порицающихъ, ѡкъ въ поношаемыхъ исправленїе съ кротостїю. Бываетъ во поношаемыхъ премѣненїе, поношающимъ посрамленїе. Срамно же и сїе нещю, и ѣсть срамно воистиннѣ, ѡ немже и ѡ всѣхъ достойнѣхъ посмѣваемы бываемъ. Нынѣ во нѣкто пришедъ къ иноческому житїю, и обычаи точїю подвига оубѣдавъ, какъ молатса, сіестъ, и когда, и кое ѣсть жителства оустановленїе, оучитель ѡвѣе, имже не научиса, бываетъ, и исходитъ, множество оученикѡвъ привлекаа, самъ ещѣ требующїи оученїа, и толїкѡ паче, еликѡ оудобнѣе сїе дѣло вознепщева: не вѣдый, ѡкъ всѣхъ ѣсть тагчайшее ѡ душахъ прилѣжанїе, требующихъ первѣе ѡчищенїа ветхихъ сквернъ, послѣди же многоаго вниманїа, дабы воображенїа оученїи прїати добродѣтели, ничесѡже паче тѣлесна подвига мечтавый, какъ исправитъ нравы подчиненныхъ, какъ премѣнитъ лѣкавымъ обычаемъ ѡдержимыхъ; Какъ ратѣемымъ ѡ страстїи поможетъ, ниже ѡнюдъ мысленнью брань вѣдый; Или какъ на брани прилѣчающыася

Столько-то добродетель досточестнее богатства и жизнь безмолвная славнее множества денег! Сколько было в то время богачей, высоко думавших о своей славе? И о них молчат, их предали забвенїю, а муж неславный доныне воспевается с удивленїем, и память пустынножителя для всехъ вожеленна, потому что добродетели свойственно быть славною и слух о себе посылать вестникомъ добротъ своихъ. Откажемся от скотопитанїа, чтобы воспрїять на себя пастьерское званїе. Оставимъ постыдную куплю, чтобы приобрести *драгоценный жемчуг* (ср.: Мф. 13, 46). Бежимъ от воздѣлыванїа земли, произращающей тернїа и волчцы, чтобы соделаться делателями и хранителями рая. Бросимъ все и изберемъ жизнь безмолвную, чтобы пристыдить техъ, которые укоряютъ насъ ныне за пристрастїе къ любостыжательности.

Ибо ничто не посрамляетъ такъ нападающихъ, какъ сопровождаемое скромностїю исправленїе укоряемыхъ, потому что происшедшая в укоряемыхъ перемена обращается въ посрамленїе укоряющимъ. Гнуснымъ же почитаю, и действительно гнусно то, за что все справедливо надъ нами посмеваются. Иной, едва приступивъ къ иноческой жизни, узнавъ только первые правила подвижничества, немедленно вызывается быть учителемъ в томъ, чему и не учился: какъ молиться, когда и какой наблюдать уставъ в пище; влечетъ за собою рядъ учениковъ, когда самъ имеетъ нужду в обученїи, и темъ в большей мере, чемъ более удобнымъ почелъ для себя это дело, не зная, что изъ всего труднаго самое труднейшее — имѣть попеченїе о душахъ, которые прежде всего нужно очистить отъ застаревшихъ нечистотъ, а потомъ с великою внимательностїю довести до того, чтобы впечатлелись в нихъ уроки добродетели. А кто не представляетъ себе ничего болѣе, кроме телеснаго подвижничества, тому какъ исправить нравы подчиненныхъ? Какъ переделать техъ, надъ которыми возобладала худая привычка? Какъ по-

ра́ны оувра́четъ, са́мъ ещѣ лежа́й въ ра́нахъ, и ѡбвѣ-
за́нїи тре́буй; Или вса́кое оубо хѣдо́жество вре́мене и
оуче́нїа тре́буетъ мно́гакѡ ко и́справле́нїю: е́дино ли
хѣдо́жество хѣдо́жествъ безъ оуче́нїа сни́скиваетсѧ: и къ
земледе́лїю не дерзне́тъ пристѹпїти неиску́сный, ниже́
враче́бнои хїтрос́ти нена́ченъ пристѹпїтъ ко враче́б-
нымъ дѣла́мъ. Ѡблїчїтсѧ бо се́й, ꙗ́кѡ не то́кмѡ нич-
то́же пользова́ый бола́щихъ: но и та́жшю оустро́ивый
болѣ́знь: то́й же ѡрїмю́ зѣмлю ѡладенѣ́вшею и былі-
емъ заробѣ́шею содѣ́лавый: къ е́диномѹ же вѣ́честїю
ꙗ́кѡ всѣхъ легча́йшемѹ дѣ́лѹ дерзнове́ннѡ пристѹпа́ютъ
то́мѹ не ѡбучївшїисѧ: и недобѣ́ исправля́емое, оудобно
возмнѣ́сѧ бы́ти мнѡгимъ: и е́же не оу́ себѣ, па́велъ гла-
голетъ, дости́гша соверше́ннѡ (Фїлїп. г, вї), то́ они
позна́вшихъ себѣ оутвержда́ютъ, ниже́ са́мое то́, ꙗ́кѡ не
зна́ютъ вѣ́дущїи. Сегѡ́ ра́ди оудобѣ́ призира́емо житїе́
бы́сть, и прохода́щїи е́ ѡ всѣхъ поноша́емѡ быва́ютъ.
Кто́ бо не посме́етсѧ, вчера́ въ корчѣ́мницѣ́ ви́дѡ водо́
носа́ща, днесѣ́ ꙗ́кѡ оучїтеле́ добродѣ́тели, ѡ оучени́кѹ
ѡкро́жаема: или́ не вда́внѣ́ бѣ́дѹ гра́дскихъ оудали́вша-
сѧ, нынѣ́ со мно́жествомъ оучени́кѡвъ чере́з все́ съ гор-
достїю то́ржице́ идѹща: а́ще же бы́ша бы́ли оувѣ́рены
и́звѣстнѡ, ꙗ́кѡ мно́гѹ е́сть трѹ́дѹ наста́влати про́чихъ
во благо́честїи, и послѣ́дѹющее́ томѹ оувї́дѣли бы вѣ́д-
ствїе́ соверше́ннѡ, вса́кѡ бы ꙗ́кѡ превосхода́щагѡ и́хъ
си́лѹ ѡреклі́сѧ дѣ́ла: но донелѣ́же сегѡ́ не вѣ́датъ, и
сла́вѹ непцѹ́ютъ бы́ти нача́льствовати на́ и́ными, доб-
ровольнѡ па́даютъ въ ро́вѹ, и въ гора́щю пѣ́ць вско-
чїти легкѡ бы́ти мнѡгѹ, на смѣ́хѹ оубо подви́зѹще
вѣ́дащихъ вчера́шнее́ и́хъ житїе́, вѣ́ же къ негодова́нїю
ѡ си́цевѡй и́хъ дерзос́ти.

А́ще бо и́ліа ничто́же и́збави ѡ́ гнѣ́ва вѣ́жїа, ни ста́-
рость че́стна, ни пре́жднее́ дерзнове́нїе, ни сва́щенничес-

мочь боримымъ страстями, не зная вовсе, что такое мыс-
ленная брань? Или как уврачевать приятые на брани яз-
вы, когда сам еще лежит в язвах и имеет нужду в повяз-
ках. Всякое искусство для успеха в оном требует времени
и многого учения. За одно искусство искусств берутся не
учась. И за земледелие не отважится приняться неопыт-
ный; не посвященный во врачебное искусство не берется
также за сие дело. Ибо они изобличат себя: один тем, что
не окажет пользы больным, но даже болезнь их сделает
больше тяжкою, а другой тем, что и хорошую землю об-
ратит в бесплодную и негодную. На одно только богочес-
тие, как дело удобнеее, отваживаются необучившиеся,
и многими это неудобоеисполнимое дело почитается лег-
ким. Чего и Павел признает себя не *достигшим* (ср.: Флп.
3, 13), о том, будто бы в точности познали сие, утвер-
ждают не ведущие того самого, что не знают сего. Посе-
му-то монашеская жизнь и соделалась презренною и про-
ходящие ее у всех в посмеянии. Да и кто не посмеется,
видя, что вчера носившего воду в корчме сегодня как
учителя добродетели с подобострастием окружают уче-
ники или утром удалившийся от общественных дел, по
неудаче в них, вечером со множеством учеников, велича-
ясь, ходит по всей площади? Если бы вполне были они
убеждены, что великий труд — привести кого-либо к бо-
гочестию, и в точности знали, какою опасностью сопро-
вождается дело, то, конечно, отказались бы от оногo как
превышающего их силы. Но пока не знают этого и на-
чальствовать над кем-нибудь почитают славою, бросаю-
тся в такую пропасть и почитают легким ввергнуться в го-
рящую печь, а сим возбуждают смех в знавших их вче-
рашнюю жизнь и прогневляют Бога такую опрометчиво-
стию.

Если ни почтенная старость, ни давнее дерзновение,
ни священнический сан не отвратили Божия гнева от

кое достѣинство, пренебрѣгшаго чадъ исправленіе: какъ что ѡзметъ нынѣ ѿ сицеваго негодованіа, ни ѿ прежнихъ дѣлъ достовѣрїе имѣвшихъ оу бѣга, ниже вѣдущихъ ни грѣхъ свойство, или исправленіа ѡбразъ: но неискъсннхъ любленіа ради славы пристѣпующихъ къ бѣдственномъ дѣлу; Сего ради по видѣнію фарїсеями оучителей гдѣ нарицаше: горе вамъ, глагола, книжницы и фарїсеи лицемѣри, ѡакъ преходите море и сѣшѣ, сотворити единого пришельца, и егда вѣдетъ, творите егдѣ сына геенны сѣгъбѣйша васъ (Матф. кѣ, еі): самою же истиною, ѡныхъ оукореніемъ предвѣщаа ѿ имѣвшихъ послѣжде тѣмъжде оуловитиса прегрѣшеніи: да семъ внѣмлюще, горе, оудержатъ себе ѿ безвременнаго желаніа челоувѣческаго славы, страшное помышляюще ѡкажанство свое.

Да оувѣщаетъ такожде и ѡвѣ ихъ, или подобнѣ емъ пециса ѿ подчиненныхъ, или ѡрѣциса сицеваго начальства, егда тѣмъжде ѡже и ѡнъ творити не вѣдатъ, ниже тѣмъжде ѿ вѣренныхъ себе тѣцаніе имѣти хочѣтъ. Яце бо ѡнъ, и ѿ сѣщихъ въ мысли сквернъ синовомъ чистымъ быти хотѣи, жертвы всѣ дни ѿ нихъ приношае, глагола: негли когда сынове мои согрѣшиша, и въ мысли своей злаа помыслиша противъ бѣга (ѡв. а, е): какъ сїи и ѡвнхъ прегрѣшеніи разсматрѣти невѣдущїи, ради сѣщаго еце въ помыслѣ ихъ ѿ борьбы со страстїи помраченіа, пристѣпуютъ къ начальствованію надъ другїи, и врачеваніе иныхъ прѣмлютъ не оу своа страсти исцѣлившѣ: ниже своєю побѣдою иныхъ къ подобномъ побѣжденію наставити могѣще;

Подобаетъ бо первѣе вратиса со страстїи, и во многомъ трезвенїи случѣющаася на брани пѣматїи предавати: и такъ ѿ своего искъса иныхъ оучити боренію, и побѣду имъ оудобнѣйшѣ творити, ѿ ѡбразѣхъ

Или, вознерадевшего об исправлении детей, то избавятъ ли ныне от сего гнева не приобретшие доверия Божия прежними делами, не знающие или свойства греха, или способа к исправлению, но из любви к славе неискусно берущиеся за страшное дело? Посему-то Господь хотя, по видимому осуждая фарисеев, сказал: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратитъ хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас* (Мф. 23, 15), однако же в действительности укоризною им вразумляет тех, которые впоследствии впадут в те же прегрешения, чтобы, слыша сие: *Горе, удержались от безвременного пожелания, признав, что угрожающее им бедствие страшнее людской славы.*

Да убедит их и Иов или подобно ему заботиться о подчиненных, или отказаться от такового начальства, как не умеющих поступать так же, как и он, даже не хотящих прилагать такое же старание о находящихся под их попечением. Ибо если он, желая, чтобы дети его были чисты от мысленных скверн, ежедневно приносил за них жертвы, говоря: *Может быть, сыновья мои как-нибудь согрешили и в разуме своем дурное помыслили против Бога* (Иов. 1, 5), то как же сии, не умея различить и явных грехов, потому что рассудок их помрачает пыль, возметаема в борьбе со страстями, приступают к начальству над другими и принимают на себя врачевание других, не врачевав еще своих страстей и не имея сил, вследствие своей победы, и иных так же вести к победе?

Ибо прежде должно побороться со страстями, и со многим трезвением предать памяти, что было во время брани, и потом по испытанному на себе сообщить и другим правила борьбы, и соделать для них победу удоб-

брани сказа́въ прѣжде. Бѣсть во нѣцыи ѡдолѣвшїи стра-
стѣмъ великіа ради, мнѡ, жестокости житїа, и не вѣ-
даще ѡбраза побѣды, занѣ аки въ ноцной брани послѣ-
доваша сраженїамъ, ниже вражіа навѣты разсмотрѣхѹ
оумомъ. Сїе гадательнѣ твораше и исхъсь, въ ноци
іорданъ прехо́дѣше во́инствѹ, повелѣвъ изъ рѣки ка-
менїе взимати (ис. нав. д, е), и внѣ рѣки столпоу-
разнѹ поставивъ, ѡбѣлїти и написати, іакѹ преидѡша
іорданъ, назна́менѡа, іакѹ подова́етъ тайна́а прїст-
ра́стнагѹ житїа помышленїа въ іавленїе изводїти, и
іавѣ творїти, и не завїствовати и́ныхъ знанїю, да не
то́чїю прешѣдый разѹмѣетъ ѡбразъ прехо́женїа, но да
и то́жде творїти изво́люющїи, о́добное по ѡномѹ о́чѣ-
нїю прехо́женїе сотворѣтъ, и и́ныхъ исхъсь да бѣдетъ
и и́нымъ о́чѣнїе.

Но сїа о́убѹ ниже зрѣтъ тїи, ниже и́ныхъ глаголю-
щихъ слышатъ: є́диномѹ же тѣхъ внѣмлюще о́убѣренїю,
іакѹже наёмникѹмъ рабскаа повелѣва́ютъ слѹженїа
братїамъ, въ сѣмъ всю сла́ву полага́юще, да начальст-
вѹютъ мно́жайшими. И є́сть имъ ревнованїе, да не ме-
ньше прѡчихъ ѡбщежитѣльствѹ во исхо́женїихъ ихъ
іакѹ раби послѣдствѹютъ имъ, торжниковъ паче, неже
о́учїтелей ѡбразъ показѹюще.

Бгда во слѡвомъ повелѣвати о́добно бїти нецѹ-
ютъ, аще бы и тѣжка быша повелѣва́емаа, дѣломъ же
о́учїти ниже малѹ терпѣтъ, іавно всѣмъ своѣ творѣтъ
намѣренїе, іакѹ не пользовати приходѣщымъ, но свою
стра́сть совершїти тѹащесѹ, начальство воспрїма́-
ютъ сїе. Да на́бчатсѹ же тїи, аще хѡщѣтъ, ѡ гедеѡна
(сѹд. 5, аї), и авїмелѣха (сѹд. 6, аї), іакѹ не слѡво, но
дѣло возбѣждѣетъ подвла́стныхъ къ подражанїю: сѣмѹ
о́убѹ сотворшѹ себѣ вре́ма, дре́во, та́же носѣщѹ тѡ и
глаголющѹ: є́же видѣсте ма́а творѣща, сотворїте и вы.

нейшею, сказав наперед способы, как вести брань. Ибо
иные и преодолели в себе страсти, может быть, долго-
временным строгим житием, но не знают способа победы,
потому что, как в ночном сражении, не следовали они за
ходом всего дела и ум их не познал в точности вражеских
злоумышлений. Сие-то, изображая в образах, учинил Ии-
сус Навин, когда войско ночью переходило Иордан, при-
казав из среды реки взять камни и вне реки сложить из
них столп и написать, как перешли Иордан, означая сим,
что глубокие помышления страстного жития должно де-
лать явными и во всей ясности предавать их позору, а не
утаивать по зависти сего знания от других, чтобы не один
перешедший знал способ перехода, но и намере-
вающиеся сделать то же удобно совершили сей переход
по данному им уроку и опыт одних соделался наставле-
нием для других.

Но не видят сего наши учителя, не слушают, когда го-
ворят другие, смотрят же только на одно свое убеждение,
и братиям, как наемникам, предписывают рабские служ-
бы, в том поставляя всю славу, чтобы начальствовать над
большим числом, и соревнуют в том, чтобы не меньше
прочих, во время шествий своих, водить за собою не-
вольников, показывая из себя более торгашей, нежели
учителей.

Ибо, когда почитают легким делом приказывать сло-
вом, хотя приказываемое и тяжело, а учить делом не со-
глашаются, тогда ясною для всех делают цель свою, что
принимают на себя начальство сие, потому что стараются
не пользу доставить приходѣщим, но исполнить свое удо-
вольствие. Пусть же, если угодно, поучатся у Авимелеха
и Гедеона, что не слово, а дело приводит подначальных к
подражанию. Авимелех, нарубив охапку дров, понес и
сказал: *что я делал, сотворите* и вы (ср.: Суд. 9, 48), а
Гедеон, ведя на общее дело, идет сам впереди и говорит:

Сїе же дѣло предлагамъ ѿнѣ всѣмъ ѡбще, и себѣ предвчинамъ въ дѣланїе, и глагола, ѿ менѣ видите, и сице творите. И апостолъ глаголай, ѿкъ требованїю моемъ, и сщцымъ со мною, послужистѣ рѣцѣ мои сїи (Дѣан. к, лд): и самъ гдѣ творай и тогда оучай (Дѣан. а, а): когдѣ не оубѣраютъ, за достовѣрнѣйшее почитати еже дѣлы, неже еже словеса бывають оученїе;

Сїи же къ сицевымъ оубв образумъ смѣжаютъ ѡчи свои, горделивѣ же ѿже подобають дѣлати, повелѣваютъ. Егда же оубѣдѣти что себѣ ѿ сихъ возмнѣтъ слышанїемъ, ѿкоже оукорѣмїи ѿ пророка ѡ неискусствѣ своемъ пастыри, мечъ на мышцѣ носатъ. Тѣмже и мышца ихъ изсыхають, и десное ѡко ихъ ѡслаблѣетсѣ. Нерадїмо бо гордынѣ ради десное дѣланїе, вкѡпѣ съ собою погашають и свѣтъ видѣнїа. Сїе же жестоку и безчеловѣчнѣ пасщїи страждутъ, егда скорѣ ко ѡмщенїю имѣтъ силѣ: авїе бо зрительнаѣ помышленїа ѿ десныхъ, оугасають: паки же дѣланїа не имѣша видѣнїа, оубадають, ниже дѣлати что, ниже зрѣти могущымъ, не по бедрѣ, но на мышцѣ мечъ преподсавшимъ. На бедрѣ бо носачъ мечъ (ѿ Мѡѡс. лѣ, кз), оупотребляющїи сѣкущее своѣ собственнаѣ страсти слово: на мышцѣ же, казнь скорѣ имѣщїи на чуждаѣ прегрѣшенїа.

Сїце бо и наасъ аманїтанинъ (а Цар. аї, а), иже сказѣтсѣ смїи, претѣ прозорливомъ їсраїлю, извертѣти все десное егѡ ѡко, да ни єдино помышленїе десное въ немъ сщще, къ десномъ дѣланїю ведѣтъ стажавшаго є, вѣдый винѡвно сїе великагѡ преспѣанїа ѿ видѣнїа къ дѣланїю градущымъ: бывають бо сицевымъ невинно содѣанное ими, ѡстрозрительными вѣдѣнїа ихъ ѡчесы предсмѡтреное. А ѿкъ легкомысленныхъ человекъ и неединѣ ѿ себѣ пользы имѣщихъ, єсть еже на дїиными

Смотрите на меня и сделайте то же (Суд. 7, 17). И Апостол, который говорит: *нуждам моим и нуждам бывших при мне служили эти мои руки* (Деян. 20, 34), и Сам Спаситель, Который делает, а потом учит, кого не убедят учение делом почитать убедительнейшим учения словом?

Но они смежают глаза для сих образцов, с высокомерием же предписывают, что должно делать. А когда, по видимому, и знают нечто такое по слуху, тогда, подобно осуждаемым у Пророка за неопытность пастырям, носят меч на мышце, почему, кроме мышцы, у них и десный глаз слепнет (ср.: Зах. 11, 17), потому что десная (правая) деятельность, по неразумию оставляемая в нерадении, вместе с собою угашает и светлость созерцания. Сему подвергаются те, которые строго и бесчеловечно наказывают, как скоро получают в руки власть налагать наказания: в них созерцательные помышления, принадлежащие к числу десных, вскоре угасают, а также деяния, будучи лишены созерцания, увядают, потому что не могут ни делать, ни видеть что-либо те, у кого не *при бедре* опоясан меч, а *на мышце*. При бедре же прикрепляют меч, которые Божиим словом пользуются против страстей своих. И носят его *на мышце*, у которых в руках власть наказывать чужие грехи.

Так и аммонитянин Наас (что толкуется как *змеи*) угрожает прозорливому Израилю выколоть у всякого десное око его (см.: 1 Цар. 11, 2), чтобы никакое правое помышление возобладавшего им не руководило к правой деятельности, ибо знал, что сие бывает причиною великого успеха в поступающих от созерцания к деятельности, потому что у таковых содеянное делается невинным, будучи предусмотрено прозорливыми очами ведения.

воспріати начальство, ꙗвно и ѿ искꙋса: не бо избралъ бы кто безмолвіа и видѣніа вкꙋсивый, нѣколикѡ безмолвствовати наченшій, житейскими попеченьми स्वाзати оꙋмъ: оꙋдаливъ егѡ ѿ вѣдѣніа, и горѣ сꙋща, мнꙋгама постизающа, къ земнымъ низвлеціа вещьемъ: ꙗвнѣ же и ѿ славыа причти ѡныа, юже іѡаѡамъ мꙋжемъ сꙋхемскимъ предложі, глагола: идрꙋще идрѡша дрѡва дѡбравніи помазати себѣ цара (Суд. ѡ, и), и рѣша виноградъ, царствꙋи надъ нами (Суд. ѡ, вѣ), и рече имъ лоза виноградная: еда ѡставлю плодъ мой блáгъ, егѡже прослави бгъ и человекꙋцы, и пойдꙋ владѣти дрѡвами (Суд. ѡ, а1);

Подобнѣ же и смоковницѣ ради своеа сладости, и масличинѣ ради своеа тꙋчности ѡвергшимса (Суд. ѡ, ѡ), терніе, дрѡво безплодное и бодистое, сꙋхъ начальство воспріа (Суд. ѡ, вѣ), ниже свою имꙋщее тꙋчность, ниже подчиненныхъ дрѡвъ. Не бо райскаа дрѡва, но дѡбравнаа просащаа начальства, рече притча. Икѡ бо виноградъ, и смоковница и маслина ѡрекѡшася начальствовати надъ дрѡвами дѡбравными, паче своимъ веселашымса плодомъ, неже начальства достѡинствомъ: сице въ себѣ нѣкїи зраціи плодъ добродѣтели, и ѿ сегѡ пользꙋ ѡщꙋщающи, аще и мнози къ сицевѡмꙋ начальствꙋ понꙋждаютъ, ѡрекаютса, свою ꙗже ѿ многихъ чѣсти пользꙋ предпочитающе.

И еже кленаше въ притчѣ дрѡвамъ, сїе и человекѡмъ, кꙋплани ѡбазꙋющимса, ꙗкоже дрѡвамъ ѡнѣмъ прилꙋчается подобнѣ: или бо да изыдетъ, рече, ѡгнь изъ терніа, и поасть дрѡва дѡбравнаа (Суд. ѡ, вѣ), или ѿ дрѡвъ да изыдетъ и поасть терніе. Завѣтѡмъ бо сꙋщымъ бесполезнымъ, нꙋжно бѣдствію воспослѡдовати покарꙋющимъ себѣ наставникꙋ неискꙋснꙋ, и самѣмъ

А что принимать начальство над другими свойственно людям легким, для которых у себя дома нет никакой выгоды, — это явствует из опыта, потому что вкусивший безмолвия, начавший сколько-нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от ведения, когда он большею частью парит превыспренно, обращать к делам земным. Но еще более явствует это из пресловутой оной притчи, которую Иоафам предложил сихемлянам, говоря: *Пошли некогда деревья лесные помазать над собою царя и сказали лозе виноградной: царствуй над нами. И сказала им лоза виноградная: оставлю ли я хороший плод мой, которым прославляют Бога и людей, и пойду владеть деревьями* (Суд. 9, 8–9, 11–13)?

Когда, подобно сему, отказались и смоковница по своей сладости, и маслина по своей тучности, терн, дерево бесплодное и колючее, принял на себя начальство над ними, не имея тучности ни в себе самом, ни в деревьях подчиненных, потому что деревья, требующие над ними настоятельства, притча назвала не садовыми, но лесными. А как виноградная лоза, смоковница и маслина отказались начальствовать над деревьями лесными, увеселяясь более плодом своим, нежели начальническим саном, так усматривающие в себе какой-либо плод добродетели и ощущающие от сего пользу, хотя бы многие принуждали к таковому начальству, отклоняют от себя честь, воздаваемую многими, предпочитая тому пользу свою.

Что покушался терн в притче сделать с деревьями, то случается и с людьми, составившими подобные договоры. Ибо или *выйдет*, как сказано, *огонь из терновника и пожжет* (Суд. 9, 15) деревья лесные, или изыдет огонь из дерев и поаят терние. Когда составляются бесполезные договоры, тогда необходимо последовать опасности как для подчинивших себя неопытному учителю, так и для

начальство воспріемлющимъ ѿ неповиновеніа оучащихся. Ибо оучителя неискѹство погубляетъ оучащихся. И оученическое нерадѣніе, бѣдствіе принѣситъ оучителю, и наипаче егда ѿ невѣжества егѡ ѡслабѣвають ѡни. Ниже бо предъ оучителемъ сокровенно что быти долженствуетъ ко исправленію подначальныхъ ѡносѣеся, ниже ѡни презираѣти что ѿ заповѣданій оучителя своего должны сѣти. Ибо и сѣмъ, дабы оустрѣбити себѣ, и томѹ, егда презритъ согрѣшающихъ, тѣмъ же есть, и бѣдственно.

Ниже да вознепщуютъ ѡрады и наслажденіа извѣтъ быти вещь: всѣхъ бо есть притрѣднѣйше оуправляѣти душами. Безсловесными бо оуправляющіи и скотами, ни въ чемъ же противѣщася имѹтъ стада, и сего ради имъ начальство благоспѣшно бываѣтъ множицею: надъ людьми же начальствующимъ различіе нравовъ, и лѣкавство сердца ихъ, трѣднѣйшее творѣтъ начальство. И подобаѣтъ воспріемлющимъ ѡное, ѣкѡ на подвигъ притрѣднѣйшій идѹщимъ оукрѣпитиса, да и всѣхъ прегрѣшеніа со многими понесѹтъ незлѣбѣемъ, и въ неизвѣстныхъ невѣдѣніа ихъ ради, оучатъ ихъ долготерпѣливѡ.

Сего ради, кѹпѣль воли во храмѣ на себѣ держатъ, свѣщникъ же весь твердъ и ѡбточенъ бысть оустрѣбѣнъ: ѡвлающіи оубѡ свѣщникѹ, ѣкѡ свѣтити инымъ предпріемляи, долженъ всеми твердъ быти частми, и ничтоже легко имѣти или тщѣтно: и всѣ ѡбточити излишнѡ, елика не имѣахѹ оуказаніемъ жителства непорѣчнагѡ пользовати зращихъ. Подъ кѹпѣлю же тельцѣмъ ѡвлающимъ, ѣкѡ ничесогѡже ѿ находѣщихъ пріимшѹ сицевѡ дѣло ѡрицѣтиса подобаѣтъ: но и времена и сквернѹ носити меньшихъ, дѡндеже безбѣдственно есть носити. Всѣкѡ бо, ѣще хѡщѣтъ кто чиста содѣлати дѣланіа приходѣщихъ, нѣжно и самомѹ

самыхъ принявшихъ на себя начальство по невнимательности учащихся. Ибо и неопытность учителя губит учащихся, и нерадение учениковъ вводитъ в опасность учителя, особливо когда ученики лѣнятся по недостатку сведений у учителя. Ибо и от учителя не должно быть скрыто чтолибо, способствующее исправленію подчиненныхъ, и учащиеся обязаны не оставлять в небреженіи ни одного изъ повеленій учителя. И имъ ослушаться, и ему не обратиться вниманія на погрѣшающихъ — опасно и губительно.

Да не почитаютъ дела сего предлогомъ къ покою и наслажденію. Всего многотруднее начальствовать надъ душами. Надзирающие надъ бессловесными и скотами не встречаютъ в стадахъ ни в чемъ противоречія, и потому нередко надзоръ надъ ними бываетъ благоуспѣшенъ. А настоятелямъ надъ людьми различіе нравовъ и хитрость разума дѣлаютъ настоятельство весьма труднымъ, и приступающимъ къ оному должно умастити себя какъ на многотрудный подвигъ, чтобы и недостатки всехъ переносить со всякимъ терпѣніемъ, и великодушно научать ихъ тому, что сокрыто отъ нихъ по неведению.

Поэтому умывальницу во храме держатъ на себе воли, а свѣщникъ устроенъ былъ весь плотно вылитый и выточенный. И какъ свѣщникъ означалъ, что поставленный просвѣщать другихъ долженъ быть во всехъ частяхъ твердъ, не имѣть ничего легкого или пустого и что в немъ должно быть сглажено все излишнее, что для взирающихъ не было бы полезно видеть в образцѣ неукоризненного житія, такъ воли подъ умывальницею означали, что приступающій къ делу подобнаго рода не долженъ отказываться отъ всего, что ни приблизится къ нему, но носить и тяготы, и нечистоту низшихъ, пока носить это безопасно. Ибо если будетъ содѣлывать чистыми деянія приходѣщихъ, то, конечно, необ-

нѣкоей прѣвѣщѣи сквернѣ. Занѣ и крѣпѣль ѡчищаю-
щи ѡмываемыхъ рѣцѣ, сама прѣмлетъ ѡнѣхъ сквернѣ.
Ѡ страстѣхъ бо разглагольствующѣ, и иныѣ Ѡ сице-
выхъ сквернѣ ѡчищающѣ, не возможно не ѡскверненѣ
прейти. Гамалъ бо памать ѡсквернѣти мысль глаго-
лющагѡ ѡбыче. И аще же и не глабоку, гнѣсными
вапами назнамѣнетъ начертанѣмъ, но ѡбаче лице оумѣ
сквернитъ словесѣ исхожденѣемъ, аки шарами нечѣс-
тыми возмѣщающи.

Подобаетъ же и начальникъ сице быти вѣдущѣ, аки
да ничтоже Ѡ оумышленѣи вражѣихъ оутѣено вѣдетъ
предъ нимъ. Да тайнамъ вѣреннымъ емѣ боренѣмъ Ѡкро-
веннѡ покажетъ, и ѡ навѣтахъ противника предгла-
гола, безъ труда повѣдѣ имъ подастъ, и вѣнценосцы Ѡ
подвига возведетъ ихъ. Но не мнози сицевыи и не
оудобѣ ѡбрѣтаемы сѣтъ.

Великѣи оубо павелъ ѡ себѣ сѣ свидѣтельствуетъ,
глагола: не не разумѣваемъ бо оумышленѣи егѡ (вѣ Кор.
вѣ, аі). Чудный такожде иовъ недоумѣла ѡ сицевомъ,
глаголетъ: кто ѡкрыетъ лице ѡбличенѣмъ егѡ; въ сог-
бенѣе же персей егѡ кто внидетъ; двѣри же лица егѡ кто
ѡверзетъ (Иова ма, д); а еже глаголетъ, сѣ естъ:
нѣсть, глаголетъ, видимое лице на немъ, многими бо
одеждами покрываетъ лукавство: лъстѣ видомъ прелѣ-
стнѡ, присѣдитъ же ѡтай стрѡмъ погѣбель. И да не и
себѣ сопрѣчислитъ къ невѣдущимъ, аже въ немъ, гла-
голетъ знаменѣмъ егѡ авѣ, вѣдый чудное въ немъ все
дѣйство. Очи егѡ, глаголетъ, видѣнѣе денницы, оутрѡба
же егѡ щиты мѣданы (Иова ма, з). И сѣ глаголетъ,
ѡбличѣмъ егѡ коварство: аки да прѣемла ѡнъ ѡбразъ на
себѣ свѣтоносца, привлекаетъ къ себѣ зрацыма, оухищ-
рающѣ емѣ сѣ: внѣтренними же щиты смѣртъ прибли-
жающимъ содѣловающѣ. И прѣтча такожде вѣдѣст-

ходимо и самому ему стать причастнымъ некоторой не-
чистоты. Так и умывальница, очищающая руки умывающего
их, сама принимает в себя нечистоту его. И тому, кто рас-
суждает о страстях и в других истребляет подобные
скверны, невозможно миновать того, чтобы не осквер-
ниться, потому что самое памятование обыкновенно осквер-
няет мысль говорящего. И хотя не живыми красками
напечатлеывает образы срамного, однако же надолго
сквернит ум, возмущая потоки слова нечистыми имено-
ваниями.

Да и настоятелю должно быть столько сведущим, что-
бы ни один из замыслов врага не оставался ему неизвест-
ным, и мог он порученным ему до подробности указать
тайные ухищрения в борьбе, и, предсказывая злоумыш-
ления противника, без труда провозгласить им победу, и
увенчанными извести с подвига. Но редко и нелегко сыс-
кивается такой настоятель.

Сие самое свидетельствует великий Павел, говоря:
Ибо нам не безызвестны его умыслы (2 Кор. 2, 11). А
чудный Иов, недоумевая о подобном сему, говорит: *Кто
откроет наружную сторону одежды его? в изгибы груди
его кто войдет? Двери пасти его кто отворит?* (Иов.
41, 4–5). И сие значит: не видно лица у него, потому что
закрывает лукавство многими одеждами, уловляет об-
манчивою видимостию, а втайне коварно устраивает ги-
бель. И чтобы не сопрѣчислить и себя к не знающим
свойств врага, Иов сказывает признаки его, как ясно
знающий все его странности, и говорит: *Глаза его бле-
стят, как денница* (Иов. 41, 9); *чрево его медные щиты*
(Иов. 41, 6). И сие говорит, обличая его злотворность, по-
тому что, преобразуясь в образ денницы (звезды), ухищ-
ряется привлекать к себе взирающих на него, а щитами,
которые внутри его, уготовляет смерть приближающимъ.
Да и прѣтча дает уразуметь опасность дела, говоря:

веннѣ быти вещь ѡбличающе, глаголетъ: разсѣцаѣи дрова, бѣдѣ прїиметъ въ нихъ, аще спадетъ сѣчиво (Екклес. і, ѳ): раздѣлаѣи во словомъ вещи, и нещѣмаѣ соединитисѣ ѡбличаѣи ѡ соединенїѣ, и чѣжда всѣчески едино ѡ другѣмъ показати хотѣи, истиннаѣмъ благѣмъ ѡ мнїмыхъ таковыхъ, аще не ѡвсюдѣ оутверждено имать слово, бѣдѣ прїемлетъ въ слышающихъ, ѡпадшѣ оутверженїѣ словѣ, соблазна винѣ слышающимъ подающѣ.

Сїце нѣкто ѡ пришѣдшихъ къ еліссееу, сѣкій древо при іорданѣ, и сѣкірѣ въ рѣкѣ впадшей, бѣдство зрѣи, ко оучителю возопї глагола: горе мнѣ господїне, и сїе заемное (д Цар. 5, д и е). Сїе же страждѣтъ неискуснымъ оученїемъ оучити покусѣющїисѣ, и къ концѣ прїити не могѣщїе, зане не по силѣ своей глаголютъ. Егда же посредѣ слышащихъ въ сопротивномъ предлежащемъ чесомливо ѡбличени бѣдѣтъ глаголющїи, тогда невѣдѣнїе свое исповѣдѣютъ ѡ оупотребленномъ имї глаголѣ скорбѣще: тѣмже и великій еліссей, древо во глубинѣ вверже, и на верхѣ всплыти желѣзо сотвори (д Цар. 5, 5), недоумѣваемое ѡ оученика и во глубинѣ крїтисѣ нещѣемое ѡкрївъ помышленїе, и предъ очї слышащихъ то представивъ. Іорданъ же покаанїе знаменѣетъ. Тамъ бо совершашесѣ ѡ іwannа крещенїе покаанїѣ: ѡ покаанїи безъ испытанїѣ рекїи, и ѡкрїтїемъ сокровенныѣмъ благасти въ презрѣнїе прїити слышающимъ оустрѣбывїи. Во іорданѣ взѣ сѣкірѣ, добрѣ воистиннѣ и явившесѣ древо иносїтъ ѡ глубинѣ желѣзо, и на верхѣ всплыти творїтъ. Прѣжде оубо крестѣ сокровенно бысть ѡ покаанїи слово. Тѣмже и восхотѣвїи рецїи что ѡ немъ, ѡбличисѣ безразсѣднѣ дерзнѣвъ. Послѣ же крестѣ явнѣ всѣмъ бысть во свое время древомъ показанное.

Колующий дрова потерпит беду от них: если спадет топор (Еккл. 10, 9–10). Кто разбирает вещь в слове своем, и в том, что почитается соединенным, расторгает связь, и разделяет, что одно другому было совершенно чуждо, с намерением показать действительно доброе в почитаемом таковым, тот, если не оградит отовсюду слова, *потерпит беду* в слушающих, как скоро спадает сие ограждение со слова, подавая учащимся повод к соблазну.

Так один из учеников Елисея, рубя деревѣ при Иордане, когда секира упала в реку, видя беду, воззвал к учителю: *О, господин, и это заемное* (4 Цар. 6, 5). Сему подвергаются те, которые предпринимают учить понаслышке и не в состоянии бывают достигъ цели, потому что говорят не по собственному разумению. Когда в продолженїе беседы уличаются, что сказали нечто противорѣчащее предположенному, тогда признаются в незнаниї, подвергаясь беде от употребленного слова. Потому и великий Елисей, ввергнув в глубину древо, сделал, что выплыло желѣзо; и тем мысль, которую утратил ученик и которая почиталась сокрытою во глубинѣ, Пророк уяснил и представил взору слушающих. Вот Иордан означает слово покаянїя, ибо там совершалось Иоанном Крещенїе покаянїя. Но кто слово о покаянїи изрек неточно, обнаруженїем же сокровенной доброты заставил слушателей прїити в небреженїе, тот поверг секиру в Иордан. Явно же, что явившееся древо вынесет секиру из глубины и заставит всплыть. Ибо прежде Креста слово о покаянїи было сокрыто, потому и намеревавшийся сказать о нем что-либо был обличен, как отважившийся преждевременно, но после Креста оно для всех стало явным, как в свое время показанное древомъ.

Сїа же глаголю, не ѿвращаа ѿ начальствованїа надъ иными, ниже возбранаа наставляти нѣкихъ изъ новоначальныхъ ко благочестїю: но оувѣщаваа первѣе навѣстити добродѣтели, разсмотрѣа величество вещи, и не скорѣе предавати себѣ намѣренїю: прїятнаа оубѣе помышляюще, и ѿ оученикъ почтенїе, и ѿ внѣшнихъ слава: ѿ послѣдующемъ же бѣдствїи не разсуждающе, и не прежде мирнаго состоанїа браннаа ордѣа въ сосѣды претворати земледѣльческїа. Повнегда бо вса покорити страсти, и ниѿкъдѣже ктомѣ бранемъ стѣжати, ниже ко оупотребленїю защитительныхъ ордѣй нѣждѣ имѣти, добродѣе воздѣловати иными: но егда ѿбладають страсти, и востають брань плоти, по мудрованїю плоти, не подобаетъ оудерживати рѣкъ ѿ ордѣй, но въ тѣхъ непрестанно имѣти онаа: да не врема къ нападенїю, наша прїимше ѿслабѣ навѣтницы, безъ труда ѿдолбють насъ.

Икѣ бо добрѣ ѿ добродѣтели подвижающимся, и ради многаго смиренномудрїа, не оупобѣдити мнѣцымъ, глаголетъ оувѣщательнѣ слово: Раскѣйте мечи ваша на рала, и копїа ваша на серпы (Исаїи 5, 4). Оувѣщаваа имъ, да побѣдивъ враговъ, не все прочее оупражняють себѣ, но на польза иныхъ ѿ браннаго оустроенїа ѿвращаютъ силы душевныа къ воздѣланїю оубѣхъ, елицы ещѣ въ дѣлѣхъ славы извѣточествуютъ: такѣе прежде сицеваго оустроенїа, или ради неискѣса, или высокоумїа ради предпрїавшимъ паче своеа силы, совѣтуетъ противное, глагола: Раскѣйте рала ваша на мечи, и серпы ваша на копїа (Иоил 3, 10).

Каа бо и польза земледѣлїа, брани зѣмлю ѿбдержачей, и наслажденїе плодовъ врагомъ паче, неже трудившимся обильно подающей: сегѣ ради еда какѣ и сѣцымъ ещѣ въ пустыни и съ различными брань имѣцымъ ѣзыки израильтанымъ, не повелѣваетъ къ зем-

Говорю же сие, не то внушая, чтобы ни для кого не быть путеказателем, и не возбраняя кого-либо из юных путеводить к богочестию, но советуя приобрести сперва навык к добродетели, соответственный величию дела, и не поспешно предаваться достижению цели, помышляя только о приятном — об услугах учеников и о доброй славе у внешних, опуская же из виду последующую за сим опасность, и прежде установления мира бранных орудий не переделывать в земледельческие орудия. Когда покорены все страсти, ниоткуда не беспокоят уже враги и оборонительных орудий не нужно употреблять в дело, тогда хорошо воздѣлывать души других. А пока самовластвуют еще страсти, продолжается еще брань с мудрованием плоти, не должно отымать рук от оружия, но непрестанно надлежит иметь их под руками, чтобы злокозненные нашего упокоения не обратили в случай к нападению, не пленили нас без пролития крови.

Ибо как доблестно подвизавшимся за добродетель и по великому смиренномудрїю думающим, что еще не одержана победа, слово Писания подает такой совет: *Перекуйте мечи свои на орала и копыя свои на серпы* (ср.: Ис. 2, 4), внушая им не нападать уже понапрасну на побежденных врагов, но для пользы многих душевные силы от бранного навыка обратить к возделанию тех, которые обилуют еще плодами порочных дел, так тем, которые, не пришедши в такое состояние, по неопытности или по неразумию принялись за дело, превышающее их силы, советует противное, говоря: *Перекуйте плуги ваши на мечи и серпы ваши на копыя* (Иоил. 3, 10).

Ибо что нам пользы в земледелии, когда страна объята войною, которая препятствует воспользоваться произведениями земледелия, и оно доставит обилие скорее неприятелям, нежели трудившимся? Посему-то, может быть, и израильтянам, боровшимся еще в пустыне с раз-

ледѣлю прилѣжати, да не браннымъ воспатитѣ ѡбщеченіямъ. Во время же міра ѿ враговъ, сїе оупотреблѣти совѣтуетъ глаголѣ: *Ѣгда внїдете въ зѣмлю, юже азъ дахъ вамъ, и почиетъ земля (Г Мѡѡс. кѣ, в), не будете сѣяти: повинетсяъ бо сїе оу негѡ: и праведно, прежде бо совершенїа насаждаема не бывають извѣстна, колеблющимся еще въ непостоянномъ обычаѣ насаждати долженствующимъ. Чинъ бо и послѣдованїе, аще во иномъ часѣ, то и въ дѣлѣхъ благочестїа есть, и подобаетъ ѿ началъ приводити. Презрѣвши бо начало, и любосластнѣйшими прельстившеся, и по нуждѣ ходити послѣдованїемъ чїна оубѣщаваютсѣ. Икоже іаковъ красотю рахїли привлеченный, презрѣ болѣзнь линыхъ очесъ (Быт. кѣ, зї), обаче не извы въ стажанїи сицевымъ добродѣтели трудѣ: исполни седмины и сѣл (Быт. кѣ, кз). Подобаетъ оубо законнѡ подвигъ проходить хотѣшемъ, не ѿ конца къ началумъ ни возводитсѣ, но ѿ начала преиспѣвати къ совершенствѣ.*

Такъ бо и самъ получитъ искѡмое, и знаемыхъ не оуборнѡ наставитъ къ совершенствѣ добродѣтели. Но мнози ни единачѡ трудѣ сопривнесше, ниже мало илї велико дѣло блгочестїа исправивше, безъ рассужденїа на йма текѣтъ, не бѣдственно то быти нещюще. И не точїю не ѡрицаютсѣ поощрающимъ ихъ нѣкїимъ къ дѣлѣ, но и ѡходѣще стѡгны всѣхъ влекутъ прилчѣющихсѣ, всѣкое ѡбѣщавѡще оугожденїе, іакоже съ наемники завѣтъ ѡ пици и ѡ одеждѣ полѡжше.

Нужда же такъ любѣщимъ начальство, и хотѣющимъ со множествомъ во исхѡдѣхъ іавлѣтисѣ и на рѣ-

ными народами, не дозволяетъ Богъ имѣть попеченїе о земледелии, чтобы не воспрепятствовало сїе воинскимъ упражненїямъ, а после покоренїа неприятелей советуетъ заняться онымъ, говоря: *«А когда войдете в землю обетованїа, посадите в ней какое-либо дерево (Лев. 19, 23) плодovitое, но прежде, нежели внїдете, не насаждайте».* Ибо в первомъ повеленїи подразумевалось и последнее; и сїе справедливо, ибо насаждаемое прежде совершенства не бываетъ прочно, особливо когда желающие насаждать носятѣ еще непостояннымъ нравомъ. А порядокъ и последовательность, если в иномъ чемъ, то и в делахъ богочестїа, имѣютъ место и должны быть вводимы в постановленїа с самого начала. Ибо утратившіе из виду то, что составляетъ начатки, и уловленные обольстительнымъ после по необходимости убеждаются сообразоваться с последовательностью порядка. И какъ Іаковъ, увлекшїсь красотю Рахили, презиралъ немощъ очей Лииныхъ, однако же не бежалъ от труда по приобретенїи таковой добродетели, но *окончилъ неделю этой (Быт. 29, 28)*, такъ и желающему законно устроиться в образѣ жизни должно не от конца возводиться къ началу, но от начала с успехомъ простираться къ совершенству.

Ибо такимъ образомъ и самъ достигнетъ желаемаго, и подчиненныхъ неукоризненно приведетъ къ концу добродетели. Но многїе, не приложивъ никакого труда, не совершивъ ни малого, ни большего дела богочестїа, безъ рассужденїа гонятсѣ за именемъ, выказывая страшное омраченїе ума, не признавая в этомъ опасности, и не только не отказываютсѣ, когда другїе призываютъ ихъ къ делу, но, обходя закоулки, насильно влекутъ встречающихся, обещая всякую услугу, какъ составляющие договоры с наемниками о пище и одежде.

А при такой любви къ делу, когда хотятъ с толпою показываться на распутияхъ, покоиться, опираясь на руки со-

ководящихъ почивати, и всакъ видъ авлаати настав-
никъвъ, какъ притворный образъ вземшимъ, дабы не
оставленнымъ быти ѿ авлающихъ сие имъ служение:
оугождати многу сластемъ ихъ, и похотми носитиса
невозбранну по пропаstemъ, также всадникъмъ пс-
тившимъ оудъ, и самопроизвольное имъ течение по-
пстившимъ, также ѿ сего по стремнинамъ носитиса:
и на всакого нападати стоацаго на ногахъ, никомже
сщцъ ѿражающъ и безчиннымъ стремленіамъ воспа-
цающъ.

Но да послышаютъ сицевии блаженнаго езекиила,
окааваяцаго иныхъ сластемъ вещества подающихъ: и
за оугождание коегждо хотеніемъ, себѣ горе сокрви-
цествующихъ: глаголетъ бо: Горе сшивающимъ воз-
главицы подъ всакій локоть рѣки, и сотворяющимъ по-
крывала надъ всакью главъ всакаго возраста, еже раз-
вратити души (Езек. 11, 11) горсти ради ачмене, и ради
оукрѣха хлѣба. Сице же и тии потребнаа тѣла ѿ по-
дающей собирающе, и въ швенныхъ какъ ѿ рѣвицы тка-
нѣхъ возпокоевающеса, ѿкровенною главою моли-
са, или пророчествовати должныхъ сщцихъ, покрывала-
ми срамляютъ мужественное оустроение возложеніемъ
покровеній въ женское претворяюще, и души погуб-
ляюще, имже не подобаше оумрети. И наипаче подобаше
послышающимъ истиннаго оучителя хртѣа ѿрешица,
елика сила, иныхъ оуправленіа. Глаголетъ бо къ своимъ
оученикамъ: вы же не нарицайтеса оучители (Матф. 23,
11). Аще же петръ и іоаннъ и всемъ лику апостольскомъ
совѣтоваше далече быти сицеваго дѣла, и недоволю-
щихъ себѣ нещевати къ сицевомъ достоинствѣ: кто
оубо вѣдетъ прочее, паче онѣхъ ѿ себѣ мечтаетъ и дос-
тоинствѣ прѣвцаайса, егже возбранени быша апос-
толи: или негли глаголай, не нарицайтеса оучители, не
да вѣдѣтъ, но да не нарицаютса, возбраняетъ.

проводников, и вполне выдержать лицо учителя, — как
принявшие на себя такое лицедейство, чтобы не оставили
их оказывающие им эту услугу, необходимо им и в удо-
вольствие служащих сделать многое, и дать свободу их
пожеланиям, подобно вознице, опустившему бразды и
дозволившему коням бежать свободно, нестись по стрем-
нинам и пропаstem и ударяться обо все, что под ногами,
потому что некому остановить и удержать беспорядоч-
ных стремлений.

Но таковые да слышат, как блаженный Иезекииль оп-
лакивает сожалеющего о доставляющих пищу наслажде-
нию других и уступчивостию желаніям каждого сокро-
вицествующих себе горе, ибо говорят: *Горе сшивающим
подушечки под всякий локоть руки и делающим покрыва-
ла на всякую голову всякого возраста, чтобы развратить
души: из-за горсти ячменя и из-за куса хлеба* (Иез. 13,
18–19). Так и они, из подающих собирая себе потребное
для тела и довольствуясь как бы из лоскутьев собранны-
ми припасами, обязанных молиться или пророчествовать
с открытою головою пристыжают покрывалами, мужест-
венное состояние возложением покрывал обращая в жен-
ственное и губя души, которым не должно умирать. Им
наипаче, покорившись Истинному Учителю Христу, над-
лежало из всех сил отказываться от попечения о других.
Ибо ученикам Своим говорит Он: *А вы не называйтесь
учителями* (Мф. 23, 8). Если и Петру, и Иоанну, и всему
лику Апостолов советует оставаться вдали от такого дела
и почитать себя малыми для сего достоинства, то после
сего кто же вообразит о себе, что он выше Апостолов, и
себе присудит достоинство, которое возбранено было им?
Или, может быть, Сказавший: *Не называйтесь учителями*
— возбраняет не быть, а называться только учителями?

ѿще же бы кто не по своемѹ хотѣнію, занѣ еди́наго или́ друго́го воспріа, принужденъ былъ и́ множайшыа наставляти: первѣе себѣ о́паснѹ да и́скѹситъ, ѿще мѡценъ ѣсть, дѣломъ паче, неже слѡвомъ оу́чити, ꙗ́же подобаетъ творити, ѡбразъ вса́кїа добродѣтели своѣ житіѣ предлагаа оу́чающимся. Да не переписѹюще ѡтѹдѹ безобразіемъ паденіа помрачатъ красотѹ добродѣтели, потѡмъ да вѣсть, ꙗ́кѡ не мѣнѣѡ ѡ подначальныхъ, какъ и ѡ себѣ подвижатиса долженъ. ꙗ́коже бо ѡ себѣ, такъ и ѡ тѣхъ воздастъ слѡво, еди́ною воспріавый спасеніе ихъ. ꙗ́ко стѣмъ тѣаніе бысть, дабы не меньшими себѣ ѡставити въ добродѣтеляхъ оу́чениковъ, но ѡ первагѡ состоаніа преводити въ лѹчшее состоаніе.

Такъ апѡстолъ павелъ онисіма ѡ вѣглеца (слѹгн) мѹченика сотвори. Илиа же ѡ ѡратела пророка еліссѣа постави. Моисей же исѹса всѣхъ юнѣйша на лѹчшее оустрои. Или́ же самѹила, и́ большаго себѣ показа. Ёсть ли же и́ си́хъ тѣаніе содѣйствова имъ къ стажанію добродѣтели: но по всемѹ винѡвно предспѣаніа имъ бысть, ѣже имѣти оу́чителей, возмѡгшихъ возженнѹю и́скрѹ оу́сердіа въ большее предспѣаніе возвѣати и́ возсіати сотворити. Сегѡ ради и́ оустѡ бжїа быша, егѡ хотѣніа человекѡмъ завѣщавшїи. Слышаша бо сегѡ глаголюща: ѿще и́зведеши честнѡе ѡ недостѡйнагѡ, ꙗ́кѡ оустѡ моа́ бѹдеши.

Чїнъ же оу́читела и́ езекиілю бгѣ предлагаетъ, начаа каковыхъ и́ и́з каковыхъ подобаетъ оу́чениковъ прїѹготовлѡти. Сыне бо, глаголетъ, человекъ, возми себѣ плїнаѹ, и́ положиши ю́ предъ лицемъ твоимъ, и́ да напишеша на ней градъ іерѹсалимъ (Езек. д, а). Знаменѡа, ꙗ́кѡ ѡ персти храмъ стѣий, оу́ченика оу́читель содѣловаетъ. Добро же и́ стѣ: положиши егѡ предъ лицемъ твоимъ.

Если же кто произвольно, потому что принял одного или двоих, принужден бывает начальствовать и над многими, то прежде всего пусть тщательно испытает себя, делом ли, паче нежели словом, способен он научить тому, что делать, представив жизнь свою в образец добродетели учащимся, так что списывающие с сего образца не умалят красоту добродетели безобразием погрешности против подлинника. Потом пусть знает, что о подчиненных не меньше он должен беспокоиться, чем и о себе, потому что как за себя, так и за них даст отчет, как скоро принял на себя спасение их. И для святых особым попечением было — учеников своих оставить не меньшими себя в добродетели и из прежнего состояния привести в состояние лучшее.

Так апостол Павел Онисима из бежавшего раба соделал мучеником; Илиа из землепашца приуготовил пророка Елисея; Моисей Иисуса паче всех украсил совершенствами; Или́ достиг, что Самуил оказался даже выше его. Ибо если и старательность самих учеников содействовала им к приобретению добродетели, то главною виною их преуспѣяния послужило то, что они встретили учителей, которые так прекрасно возмѡгли затлевшую искру усердия возжечь в большей силе, и она соделала их светоносными, отчего стали они устами Божиими, послужили людям сообщением им воли Божией, потому что слышали Сказавшего: *Если изведешь драгоценное из ничтожного, то как уста Мои будешь* (Иер. 15, 19).

А к чему способен учитель, внушает Бог Иезекиілю, научая, какими и из каких должен он уготовлять учеников, ибо говорит: *Сын человеческий, возьми себе кирпич, и положи его пред лицом своим и начертай на нем город Иерусалим* (Иез. 4, 1), означая сим, что учитель делает ученика из брения святым храмом. Прекрасно сказано и сие: *Положи его пред лицом своим*. Ибо усовершеніе в

Та́кѡ во скóрый оуспѣхъ вѣдетъ оученикъ, ѣжели предъ лицемъ оучителя вѣдетъ всегда. Чáстыя во дóбрыхъ примѣрѡвъ дѣйствиа, подóбныя ѡбразы начертáютъ не сѣлѡ въ жестóкихъ и затвердѣлыхъ дѡшáхъ. Сегѡ рáди гѣзій и їѡда подпáдѡша, ѡвъ оубѡ татьбѣ, ѡвъ же предáтельствѣ. Понѣже оудалишася ѡ очей настáвника, ѡкѡ аще бы превыша оу цѣломудренныхъ, не бы прегрѣшиша, понѣже опáсность слѣдетъ настáвникѣ ѡ нерадѣнїа оученикѡвъ, ѡ чѣмъ въ слѣдующемъ ѡбáснїаъ говорá: И положиши сковрадѣ желѣзнѣ междѣ тобою и междѣ плїнфою, и вѣдетъ стѣнà междѣ тобою и междѣ еà (Ѣзек. д, г). Не хотáщїи во препода́ти лѣнáщемуся наказáнїе, по ѣже сотворїти емѣ ѡ персти градѣ, вспáть вѣгѡщымъ ѡ сицевáгѡ оустроенїа прецѣннымъ мѡки приглаголати дóлженъ. Да ѡныя сѣще стѣнà разлчїтъ невинѡвнаго ѡ винѡвнагѡ. Сїе повелѣваá вгѣ Ѣзекїаю, глаголетъ: Сынѣ человекѣ, стража дáхъ тá дѡмѣ їсрáнлевѣ. И аще видиши мечъ градѣщѣ, и не проповѣси имъ, прїиметъ же нѣкоего ѡ нїхъ, дѡшѣ егѡ ѡкѡ ѡ рѡки твоєаъ взыщѣ (Ѣзек. лг, зї и нї).

Сицевѣ стѣнѣ положи и мѡусей севѣ, глагола їсрáльтяномъ: Внемлї севѣ, да не взыщешн послѣдовати имъ, по ѣже истребїти нїхъ ѡ тебѣ: бывáетъ во нже не радївѣйше мѡсли внемлющымъ своей, послѣ ѡсѣченїа страстей, ѡкѡ вѣтви нѣкїа возницáти начинáютъ ѡбразы дрѣвнїхъ мечтáнїй: имже аще дáстъ ктѡ мѣсто чáстѣ нападáти на владычество, и не возбранїтъ вхѡдѣ имъ, аѡтѣ воспрїиметъ страсти, подвижническое севѣ по побѣдѣ пáки творá житїе. Бывáетъ во, чтѡ и оукроцѣннымъ страсти, рáвнѡ кáкъ и волы привыкшїе травѣ їасти, чрезъ нерадѣнїе оукроцевáющагѡ, пáки содѣловаютсá дїкими, и подѡбнѡю свѣрáмъ воспрїемлѡтъ жестóкость. А дабы сїе не моглѡ бытъ, глаголетъ:

ученике произойдет скорее, если будет он всегда в виду у учителя: частые напоминания о прекрасных образцах начертывают сходные подобия в душах не очень жестоких и упорных. Гиезий и Иуда оттого впали, один в хищение, а другой в предательство, что удалялись от очей учителя, а если бы каждый из них пребывал при целомудрившем его, то не согрешили бы они. А что учителю угрожает опасность от нерадения учеников, сие изобразил Бог в следующих за тем словах, сказав: *И положи железную сковороду между тобою и городом, и будет она стеною между тобою и между ним* (Иез. 4, 3). Кто не хочет сам разделять наказания с предающимся нерадению, после того как сделал его из плинфы (кирпича) городом, тот должен напоминать ему о наказаниях, забываемых возвращающимися вспять из такового состояния, чтобы наказания сии, став стеною, отделяли невинного от виновного. Сие-то повелевая, Бог Иезекиилю говорит: *Сын человеческий, Я поставил тебя стражем дома Израилева и, если увидишь меч идущий, и не засвидетельствуешь им, и отнимет от них чью-либо душу, от твоей руки взыщут* (Иез. 33, 7. 3. 6, 8).

Такую стену полагает для себя Моисей, говоря израильтянам: *«Внимай себе, да не взыщешь последовать им, по истреблении их* (Втор. 12, 30) *от тебя»*. Бывает же сие с теми, которые не обращают тщательного внимания на свое сердце: по отсечении страстей, как некие отпрыски начинают возникать в них образы давних представлений, и если даст им кто свободу часто западать во владычественный ум и не возбранит входа, то снова откроет в себе приют страстям, после победы делая жизнь опять небезопасною от борений. Ибо страстям, когда они даже укрощены и, подобно волам, приобучены есть сено, свойственно, по нерадению укротителя, снова делаться дикими и приходиться в зверскую свирепость. Посему-то, чтобы не

НЕ ВЗЫЩЕШИ СЛѢДОВАТИ ИМЪ, ПО ИСТРЕБЛЕНІИ ИХЪ Ѡ ТЕБѢ, ДАБЫ ЧРЕЗЪ ВЗЫСКАНІЕ ДУША НАВЫКШИ ѠНЫХЪ ОУСЛАЖДАТИСЯ ТАКОВЫМИ МЕЧТАНЫМИ, НА ПРЕЖНІМ ПАКИ НЕ ВОЗВРАТИЛАСА СЛОДѢАНІА. СІА ВѢДАА БЛАЖЕННЫЙ ІАКОВЪ БЫВАЕМА ІАКВ ВІДИМА И ЧАСТѢ РАЗМЫШЛАЕМА, ТАКОВАА ПАЧЕ ВРЕДАТЪ МЫСЛЬ, ВПЕЧАТЛѢВАА НА НЕІ ІАСНѢЙШЫА И ІАВНѢЙШЫА ѠБРАЗЫ СРАМНЫХЪ МЕЧТАНІЙ ВЪ СѸКІМАХЪ СКРЫВАЕТЪ БОГИ ЧѸЖДЫА (Быт. 12, 30). Ибо трудъ иждиваемый для страстей сокрываетъ и погубляетъ Ѡныя не на краткое нѣкое время, но даже до днѣшнаго днѣ, сіесть, все время. Понѣже всемѸ вѣкѸ сораспростираетса слово сїе, нынѣ, настоащее всегда знаменѸа время.

СѸкіма же мыща сказѸетса, ѣже іавлаетъ Ѡ страстѸхъ трудъ. Тѣмже даетъ и іосифѸ сѸкімѸ (Быт. 12, 30) израдныи на страсти ратѸющемѸ въ нѸхъ трудъ.

Ибо сими, іаквѸ, мечемъ и лукомъ, взѸти глаголай сѸкімѸ, показѸетъ, іакв вранію и трудомъ Ѡблада страсти, сокрывъ Ѡныя въ сѸкімстѢй землі. Мнітса же, какв противно іавлѸтиса, ѣже боги скрыти въ сѸкімѢхъ, и ѣже полагаѸти ідѸла въ тайнѢ. То оубѸ єсть похвально, ѣже въ сѸкімѢхъ скривѸти, сїе же оукоризненно, ѣже полагаѸти ідѸла въ тайнѢ. Сїце оубѸ и сѸ клятвою положи сїе рекій, проклѸтъ положивый ідѸла въ тайнѢ. Не сегѸ во мѸцно въ землі всачески скрѸти, и положити въ тайнѢ. Ибо въ землі сокрѸтое, и не ктомѸ чѸствѸ іавлѸемо, временемъ и Ѡ пѸмѸти изглаждѸетса, а ѣже въ тайнѢ положенное, Ѡ дрѸгихъ можетъ быѸти сокрѸенно, Ѡ самагѸже положившагѸ зрѸмо прѸснѸ, пѸмѸть возѸвновлѸетъ ідѸлоносѸмо Ѡтай.

произошло сего, сказано: «*Да не взыщешь последовать им, по истреблении их* (Втор. 12, 30) от тебя», чтобы душа, при взыскании восприяв навык услаждаться такими представлениями, не возвратилась к прежней порочной жизни. Великий Иаков, зная, что бывает это и что подобные вещи, если часто их видеть и часто о них думать, всего более вредят сердцу, самые ясные и открытые образы срамных представлений — богов чуждых — запечатав, сокрывает в Сикимех (Быт. 35, 4), потому что сей труд в борьбе со страстями сокрывает и губит их не на краткое какое-либо время, но *даже до нынешнего дня* (Быт. 35, 4), то есть на все время, ибо слово *днесь* спротяжено всему веку, означая всегда настоящее время.

А слово *Сикимы* толкуется: возложение на плечи, что означает труд в борьбе со страстями. Посему Иаков и Иосифу, боровшемуся со страстями, за труд в этой борьбе дает преимущественное достояние — Сикимы.

Ибо и сам Иаков, говоря, что взял Сикимы *мечом и луком* (Быт. 48, 22), показывает, что борьбою и трудом возобладал над страстями, скрыв их в земле сикимской. По видимому же, противное нечто представляется в том, чтобы скрыть богов в Сикиме, и в том, чтобы положить идола в сокровении (*тайном месте*), ибо первое — скрыть в Сикимех — похвально, а последнее — положить идола в сокровении — укоризненно. Так с клятвою постановил сие Закон, сказав: *Проклят, кто поставит идола в тайном месте (сокровении)* (Втор. 27, 15), потому что не одно и то же навсегда скрыть в земле и положить в сокровении: сокрытое в земле и не являющееся уже чувству со временем изглаживается и из памяти, а положенное в сокровении, хотя утаивается, может быть, от посторонних, но, часто видимое самим положившим, обновляет воспоминание, втайне носящее в себе кумир.

Всѣмъ бо помыслъ срамный воображаемъ въ мысли, извѣстно есть тайно: сице оубо срамъ есть на средѣ предлагати сицевымъ помышлѣнїемъ. Сомнительно оубо и въ тайнѣ полагати извѣстно, сомнительнѣйше же и слѣдовать и испытывать оужь изглаженнымъ образамъ, оудобно мысли паки оуклоняющейся ко ѿринутой страсти, и сластей чашицѣ вѣсѣвъ, ѿтлагчяющей даже до земли. Сицево бо навикновенїе добродѣтели есть нечто оудобнопреклонное съѣмъ, аще вознерадитъ, ко сопротивнымъ преклоняющимся.

Сїе бо въ гаданїи намъ знаменати ѿбыче писанїе, егда глаголетъ, земля, въ нюже идете, передвижѣма есть въ передвижанїи людей іазыческихъ. Вкѣпѣ бо аще подвигнетъ ко противнымъ навикновенїе имѣши добродѣтели, сподвижесѣ и сїа. Земля бо передвижѣма есть. Тѣмъже нѣжно въ началѣ не давати привхода въ мысль мечтанїемъ помыслѣвъ ѿбыкшихъ вредити, ниже поощати ей нисходити во егѣпетъ, ѿнѣдѣ бо ко ассїріанамъ низводитсѣ. Аще бо въ помраченїе нечистыхъ помыслѣвъ снїдетъ мысль, сїе бо егѣпетъ скажетсѣ, нѣждею прочее и нехотѣща ѿ страстей къ дѣланїю влечѣтсѣ. Сегѣ ради въ гаданїи и законоположникъ запрещѣмъ тайное въ сласть вхожденїе, главѣ змїа блюсти повелѣ, зане и той пѣтъ блюдетъ (Быт. 3, 15). Тамъ оубо намѣренїе, а семѣ дѣйствїе предлежитъ, егѣже аще не воспрїиметъ вложити оугрызѣнїемъ їадъ не оудобно можетъ. Намъ же тцѣнїе самое, сломити прираженїе сласти. Сїе бо сокрушеннѣй, слабое есть дѣйствїе.

И посемѣ можетъ быть и самѣонъ не зажегъ бы иноплемѣнныхъ нивы, естливы ѿбратѣ главы лисицѣ, не связѣлъ ѿшибѣ ко ѿшибѣ, (хвосты) (Сѣдей 1, 1). Возможнъ бо лѣкавыхъ помыслѣвъ ѿ привходѣвъ оуразѣмѣти коварство, и начинанїа презрѣвъ, котѣрыа по-

Ибо всякий срамной помысел, образуемый в мысли, есть сокровенное изваяние. Так, постыдное дело — такие мысленные представления обнародовать, опасно и полагать изваяние в сокровении, еще же опаснее идти вслед и отыскивать уничтожившиеся уже образы, тогда как сердце удобно склоняется снова к изринутой страсти и на сторону идолов до земли перетягивает чашу весов. Ибо таково свойство добродетели: она весьма чувствительна и, если вознерадим, очень удобно перетягивается на противную сторону.

Сие-то изображает, кажется, Писание под образом, когда говорит: *Земля, в которую идете вы* подвижна есть в передвижении *иноплемѣнныхъ людей* (1 Езд. 9, 11). Ибо, как скоро имеющий навык к добродетели подвижна к противоположному, вместе с сим подвижна и добродетель, потому что земля подвижна есть. А потому надобно вначале не давать доступа к сердцу представлениям, обыкновенно повреждающим помысел, и не позволять ему удаляться в Египет, потому что оттуда насильно отводится к ассиріянам. Если сердце ввергается в омрачение нечистыхъ помыслов (ибо так толкуется Египет), то уже насильно и поневоле увлекается к страстному деланїю. Посему и Законоположникъ, заграждая вход сластолюбію и выражая сие в образе, повелел блюсти главу змїа, потому что и он блюдет пята (см.: Быт. 3, 15). У него целию такое действие, за которое если не возьмется, то нелегко ему будет влить яд при угрызѣнии, а нам предлежит по печение сокрушать самое нападенїе сластолюбія, потому что, по сокрушенїи оно, действие змїа слабо.

Может быть, и Самсон не пожег бы нивы иноплемѣнников, если бы, отвратив головы у лисиц, не связал их хвостами. Ибо, по предварительнымъ действиямъ в состоянїи быв угадать козни ухищренныхъ помысловъ, невзирая на начала (потому что помыслы ухищряются сделать их

мыслы оухищренны стараются повидимомъ содѣлать начинаніа честными, дабы воспріати конецъ. И ѿ сравненіа концевъ, взаимны съ другими доказывается непристойность помысловъ. Связа ѿшибъ ко ѿшибъ (Сздѣй еі, д), и оустрой между ѿнѣми свѣщѣ ѿбличеніе.

И да іаснѣе бѣдетъ глаголемое: въ двѣхъ разсужденіахъ ѿкрою реченное. Бѣдетъ бо сіе и ѿ прочихъ оувѣреніе истинное. Многажды ѿ тщеславіа приходитъ помыслъ блѣда, и хотѣа честнымъ показѣетъ преддверіа во адъ ведущихъ путей: однакъ скрываетъ гибельныя мѣста, имиже въ тайныя селеніа смѣрти низводитъ слѣдующихъ безразсудны за ѿнымъ: предполагаетъ бо ѿвогда оубо священство, ѿвогда же житіе инока совершенно. Многихъ же для пользы приходящихъ творитъ къ немъ, и благохваленіе ѿ слова же и дѣаніа егѡ мечтати оуготовляетъ (оустроеваетъ). И егда довольны егѡ сіими прельстивъ помыслы, ѿлѣчитъ многѡ ѿ естественнагѡ трезвеніа, тогда собесѣдованіе честнымъ сирѣчь жены предизобразивъ, къ согласію на скверное дѣло влечетъ, совѣсти дерзновеніе въ крайній низводѣ срамъ. И такъ, хотѣщій ѿшибы связати, да взирѣетъ на концы помысловъ: тщеславіа оубо мздѣ, и блѣда безчестіе, и егда сопротивляющыася ѡбоа зрѣтъ іаснѣ, тогда да помышляетъ, что сотворилъ самшѡнъ, паки чревоугодіа помыслъ конецъ имать блѣда, помыслъ же блѣда конецъ имать печали: ѡбѣ бо оуныніе и печаль слѣдуетъ за повѣжденнымъ сицевыми помыслы, по истребленіи да помышляетъ оубо подвижающійся не ѿ наслажденіи брашенъ, ниже ѿ радости рѡскоши, но ѿ концахъ ѡбоихъ, и егда ѿбращетъ скорь послѣдующю за ѡбоими, да вѣсть ѿшвомъ ѿшибъ связавый, и ѿбличеніе иноплемѣнныхъ потребивъ нивы.

видимо досточестными, чтобы достигнуть конца) по взаимном сличении крайностей мог он обличить несообразность помыслов, связав хвост с хвостом и между ними поставив свечою обличение.

И чтобы утверждаемое сделать более ясным, раскрою сказанное в приложении к двум помыслам, ибо будет это истинным удостоверением и в рассуждении прочих помыслов. Нередко от тщеславия происходит помысел блуда и, хотя досточтимыми показывает преддверия путей, ведущих в ад, однако же скрывает те гибельные способы, которыми неразумно последующих ему вводит в тайницы ада. Ибо выставляет на вид иногда священство, а иногда совершенную монашескую жизнь, представляет, что многие приходят ради пользы, доводит до мечтания о прославлении за слово и дело и, когда, достаточно упитав его такими мыслями, отведет от естественной трезвенности, тогда, живо изобразив ему встречу с женщиною, конечно, честною, влечет к совершению срамного дела, свободу совести низведя до крайнего стыда. Посему намеревающийся связать хвосты пусть возьмет концы двух помыслов: конец тщеславия — честь и конец блуда — бесчестие — и, когда ясно увидит, что они противоположны, тогда пусть думает, что поступил, как Самсон. И еще помысел чревоугодия концом имеет помысел блуда, а помысел блуда концом имеет помысел печали, потому что печаль и уныние немедленно следуют в побежденном таковыми помыслами, по отрезвлении его. Поэтому подвижающийся пусть размышляет не о наслаждении снедами и не о приятности удовольствия, но о конце того и другого и, когда найдет, что за обоими помыслами следует печаль, тогда да знает, что связал он хвост с хвостом и нивы филистимлян уничтожил обличением.

Ѣще оубо толикаго вѣдѣніа и опыта трѣбуетъ на страсти брань, да разумѣютъ воспріавшіи надъ другими начальство, коликаго имъ потреба разума, да и въ послѣшаніи сѣщихъ, мудреннѣе ведѣтъ къ почести вышнаго званіа, и всемъ къ брани надлежащемъ явнѣ да оучатъ, ѣкѣ не точію маніемъ рѣкъ на воздѣхъ побѣдѣ образовать, но и на самой противѣ врага брани благовременна наносити емъ пораженіа, да не все простираютъ на воздѣхъ рѣцѣ, но самаго оутѣснѣтъ противоборца: нагаго бо подвига, сей подвигъ (ѣсть) трѣднѣйшій. Тамъ бо подвижникъ въ тѣлесѣ преклоняется, оудобно могуща востати: здѣ же души низпадаютъ, ѣже единою низложенна, не оудобно ѣсть воздвигнути.

Ѣще же кто ктомъ пристрастнѣ житіе гонѣши, и ѡбагрѣнъ въ крови, предпріалъ бы храмъ бѣа изъ разумныхъ душъ создати, всѣмъ оуслышитъ сей: ѣкѣ не ты созиждеша мнѣ домъ (в Цар. 3, 6), ѣкѣ мѣжъ кровей еси ты: мирнаго бо ѣсть оустроеніа созидати храмъ бѣа. И мѡисей пріемъ скінію, внѣ стана водорзійный, явлаетъ, ѣкѣ далечайше ѡ браннаго сматеніа подобаетъ быти наставникъ, и далече сматеннаго жити воинства, къ мирномъ и небранномъ преселившася житію. Но егда ѡбращѣтсѣ такъвыа наставники, трѣбуютъ оучениковъ такъ ѡвергшихсѣ себе, и своихъ хотѣній, во еже ничесѡ бездушна тѣла имъ носити, или вещества подлежащаго художникъ. Да ѣкоже душа въ тѣлѣ дѣйствуетъ, еже хощетъ, ничтоже тѣлѣ противотворѣши, или, ѣкоже художникъ въ веществѣ свое показетъ художество, ничимъже ѡ вещества восплаемый къ намѣренію своемъ: такъ наставникъ оученикамъ добродѣтели вѣрѣ да содѣлаетъ, имѣщій повинующыася, и ничемъ не прекословаша.

Посему если брань со страстями имеетъ нужду в таком сведеніи и в такой опытности, то восприемлющие на себя предстоятельство надъ другими да знаютъ, сколько потребно имъ веденія, чтобы и подчиненнымъ благоразумно указать путь к почести вышнего званія (Флп. 3, 14), с ясностию научить всему, что нужно в борьбѣ, и самому не представлять только образъ победы, ударяя руками по воздуху, но вести действительную борьбу съ противником, наносить ему смертельные удары и не понапрасну разводить в воздухѣ руками, но сокрушать самого противоборца. Ибо борьба сия гораздо труднее борьбы телесной: тамъ гибнутъ у борцовъ тела, которые безъ труда можно выпрямить, а здѣсь падаютъ души, которые, если однажды испровергнуты, едва уже могутъ быть восставлены.

Если же кто, борясь еще со страстною жизнью и будучи обагрѣнъ кровію, предприметъ изъ разумныхъ душъ создать Божій храмъ, то онъ, безъ сомненія, услышитъ: *Не ты построиши Мнѣ* (2 Цар. 7, 5) храмъ, *ибо ты кровопийца* (2 Цар. 16, 8); чтобы построить храмъ Богу, нужно мирное состояніе. И Моисей, который пріемлетъ скинію и ставитъ ее вне стана, даетъ симъ видѣть, что учителю должно быть какъ можно далѣе отъ браннаго шума и, решившись вести жизнь мирную и невоинственную, поселиться вдали отъ обагрѣннаго кровію воинства. Когда найдутся такіе учителя, имъ нужны ученики столько отрѣкшіеся отъ самихъ себя и своей воли, что ничемъ не отличаютъ себя отъ неодушевленнаго тела или отъ вещества, даннаго въ руки художнику, чтобы какъ душа въ телѣ производитъ, что хощетъ, и тело нимало ей не противодействуетъ и какъ художникъ показываетъ на веществѣ искусство свое и вещество не препятствуетъ намеренію его, такъ учитель въ ученикахъ производилъ познанія добродѣтели и они были ему послушны и ни в чемъ не прекословили.

Ѣже бо испытовати наставника оустроеніа, и испытовати хотѣть повелѣніа, ѣсть восплащати своемъ предспѣланію. Не бо совершенно, ѣже благословно и вѣрно явлѣется неискусенъ, сѣе и истинно благословно ѣсть. Инакъ бо худобникъ, и инакъ не худобный сѣдитъ ѡ принадлежащемъ къ худобеству. Ибо за правило тотъ нащкъ, а сѣе правдоподобіе оупотреблѣетъ, котороє рѣдкѡ свывѣется истинною, а многожды наипаче ѡстоитъ ѡ правоты, въ прелести имъщи свойство. Что бо, по видимомъ, кажетса меньше сего, какъ то, когда кормчикъ во время неправмаго ношеніа корабля, по мнѣнію знающихъ прамое плаваніе, велитъ сѣсть на потоплаемю странѣ, ѡставивъ возвышенную; и вѣтръ на тѣ странѣ паче стремѣщса и ѡбращающса, которю ѡтмготитъ повелѣлъ; и не пристойнѣе ли бы казалоса повелѣть возвышенную стѣнѣ ѡременитъ, и не переходить на находящюса въ опасности; Но однакъ кормчикъ паче ввѣраютса плавщіе, нежели своимъ мнѣніамъ: ибо оубѣждаетъ ихъ нужда, повиноватиса искѣствѣ въ рѣкахъ власть имъщаго, хотѣ бы такое оубѣжденіе по видимомъ и не имѣло своегѡ событіа.

Оубо ввѣрившіе инымъ свое спасеніе, ѡставивъ правдоподобнаа, искѣствѣ ведѣщаго да повинуютса, своихъ помыслѣвъ оныхъ вѣдѣніе достовѣрнѣйшимъ сѣлаще. И первѣе оубѡ ѡрицающіиса, ничего гѡ внѣ да не ѡставлѣютъ, ананіи оубоавшеса тагчайшаго примѣра, который ѡ человекъ возмнѣвъ оутанити ѡдѣленіемъ (мзды) (Дѣян. 5, 3), ѡ гѣа въ татѣвѣ ѡсѣжденіе пріятъ.

Но ꙗкоже себѣ, такъ и своѡ всѡ да предадѣтъ, добрѣ вѣдѣвше, ꙗкѡ оудержанное частѡ къ себѣ мысль влекъщи, ко многому оубѡ привлечѣтъ лѣчшихъ: послѣди же и всѣчески изведѣтъ ѡ братства. Сего бо ради жи-

Пожелать с пытливостию изведывать распоряжения учителя и оценивать его приказанія значит препятствовать собственному своему преуспѣянію. Ибо, конечно, не то в действительности основательно, что кажется основательным и вероятным неопытному. О касающемся до искусства иначе судит художник и иначе не знающий искусства. Одному правилом служит его сведеніе, а другому — вероятность: вероятное же редко попадает на истину, а чаще уклоняется от правильности, вводясь в обольщеніе сродностию. По видимому что кажется неразумнее сего, если кормчий, когда корабль несется косвенно к плаванію, называемому у мореходцев прямым, велит, оставив край корабля, поднятый над водою, садиться на край, погруженный в воду, между тем как ветер сильнее давит и погружает тот край, который велел он обременить! И хотя вероятность советует обременить край, поднятый вверх, и не переходить на край, которому угрожает опасность, однако же пловцы слушаются более кормчего, нежели своих примышлений. Необходимость убеждает их поработиться искусству того, кому поручено их спасеніе, хотя видимое не удостоверяет их в том, что происходит на деле.

Посему вверившіе другим собственное свое спасеніе, оставив вероятное, да уступят искусству сведущего, его сведеніе признав достовернейшим своих рассуждений. И во-первых, отрехшись от себя, ничего, даже и самой малости, да не оставляют вне, убоявшись примера Анании, который, думая утаить от людей собственность, свыше пріял осужденіе за татѣбу.

Но да предадут как самих себя, так и все свое, вполне зная, что оставленное, непрестанно привлекая к себе мысль, сильно будет отвлекать от лучшего, а напоследок и вовсе отторгнет от братства. Посему-то Дух Святыи на-

тїа дрѣвнихъ написа дхъ стїи, да коегѡждо, іаковѡ оубо оубо начинающихъ житїе, ѿ своихъ примѣровъ приведѣтъ къ истинѣ: какъ оубо елїсей, прилѣпившись оучителю, ѡстави мїръ; Сїла, глаголетъ, въ волѣхъ: и дванадцать сѣпрѣтъ волѡвъ предъ нимъ, и закла волю, и испече а въ сосѣдѣхъ волѡвыхъ (Г Цар. ѡ, ка). Сїе же теплотѣ оусердїа въ гаданїихъ предлагаетъ. Не рече бо, продамъ сосѣды, волѡвъ дѡлжнымъ оустрѡю ѡбразомъ: ниже, іакъ прѡданаа сїа бѡльшю потребу принести имѣлахъ, помышлѣше. Весь же бѣвъ желанїа влекѡщаго егѡ къ собесѣдованїю оучителя, презрѣ видимаа, и паче, іакъ ѡвлекѡщаа ѡ праваго изволѣнїа, ѡрециса сїхъ тѣа-шеса, вѣдѣвъ медленность и раскѡнїа винѣ многажды.

Какъ оубо гдѣ богѡтомъ совершенство, ѣже по бѣтъ предлагѡщи житїа, продати имѣнїа, и дати нищымъ повелѣ (Матѡ. ѡ, ка), и ничтѡже себѣ ѡставити, аще бы не вѣдалъ, чтѡ ѡставляемое такоже всѡкомъ развлечѣнїю мыслей бывѣтъ винѡвно; Мнѡ же, іакъ для сегѡ и мѡисей, ѡчїстити себѣ хотѣщимъ великою молитвою, повелѣлъ все изнѣрити тѣло, и совершенно ѡложити попечѣнїе ѡб имѣнїихъ. Вторѡе же, сродство и свойство сїце да завѣдѣтъ, іакъ никакоже ѡ нихъ имѣти помышлѣнїе.

Аще бо кравы въ колесницѣхъ впряженныа кївѡта, забыти естество кївѡтъ сотвори: и телѡтѡмъ ихъ заключѣннымъ въ дѡмѣ, и никомъ сѣщѣ понуждающѣ, безжалобно совершиша пѣтъ, не оуклонѡющеса на деснѡа или шѡла, ниже рыканїемъ въ разлѣченїи чадѣ бѡлѣзнь іавившыа, но и тѣжестїю кївѡта ѡскорблѣемыа и насїлїемъ естества вїею понїклыа, іакъ по правїлшествѡющихъ ко правѣ оуклонѡхѡса, побѣждѣни чествованїемъ на нихъ лежѡщаго кївѡта. Аще оубо кравы ѡныа тѡкѡ расположены бѣша, Chesѡ радї и иже оумный

писал житїа святыхъ, чтобы каждый из проходящих какой-либо образ житїа возводился к истине подобными примерами. Посему для чего Елисей, подчинившись учителю, отрекся от мїра? Сказано: *Он пахал волами, и двенадцать пар [волово] было у него, и заколол волово, и зажегши плуг волово, изжарил мясо их* (3 Цар. 19, 19. 21), а сие дает разуметь горячность усердїа; не сказал: «Продам супруги волово и распоряжусь как должно», не стал рассуждать, что проданные волю принесут больше пользы, но, всецело предавшись пожеланїю, влекущему его к сопребыванїю с учителем, пренебрег видимое и постарался паче освободиться от сего, потому что отвлекало оно от правого преднамеренїа; знал же он, что замедленїе часто бывает причиною перемены в намеренїи.

Посему и Господь, предлагѡя богѡтому совершенство житїа по Богу, повелел ли бы продати именїе и отдать нищим, а себе ничего не оставлять, если бы не знал, что оставляемое, равно как и все именїе, делается причиною развлечѣнїа? Думаю же, что и Моисей, когда намерѡвающимся очїститься в великой молитве повелевает обрїти все тело (см.: Лев. 14, 9), предписывает сим совершенное отреченїе от имущества. А во-вторых, так да забудут сродство и свойство, чтобы вовсе никогда не утрудять себя и напомниманїем о них.

Если ковчег сделал, что коровы, впряженныа в колесницу его, забыли свое естество и, когда тельцы их заперты были дома и коров никто не понуждал, безошибочно совершили путь, не уклонившись ни направо, ни налево (1 Цар. 6, 12), даже обращенїем выи не показав привязанности к дѣтям и мычанїем не выразив болезнованїа о разлуке с рожденными, но, и обремененныа тяжестью ковчѣга, и влекомыа назад полновластною силою естества, идя как бы по правїлу, никуда не совратились с прямого пути, благоговенїем к возложенному на них ковчѣгу препѡ-

кѣвѣтъ подѣти ѿмѣщымъ, тѣжде не подобаетъ творити; Подобаше оубо и паче, да не ѿ безсловеснаго естества въ потребныхъ дѣлѣхъ, словесною славою побѣжденно ѡбличитса, еже не творити онаа разумомъ, ꙗже по нѣждѣ творятъ безсловеснаа.

Можетъ быть и ѿсифъ сегѡ ради заблуждаетъ на поли, понѣже въ именахъ сродства искаше совершенства предѣла: потомѹ человекъ желающій знати истинѹ, спрашиваетъ оу негѡ причины заблужденіа, и оузнаетъ, что причиною томѹ есть къ своимъ пристрастіе: ꙗко не рекъ бы пасти ихъ, но имѣть ѡ нихъ попеченіе, ꙗже не бы имѣлъ погрѣшительнаго ѡ хитрости сужденіа. Глаголетъ бо къ немѹ: ѿидѡша ѡсюдѹ, слышахъ бо ихъ глаголющихъ, пойдѣмъ въ дофаимъ (Быт. 37, 17): Дофаимъ же сказуетса, ѡскѹдѣніе многое, научаа ещѣ заблуждающаго въ тѣлесныхъ сладострастіахъ. Понѣже инакъ не можно полжити совершенства, развѣ ѡставивъ совсѣмъ свѡйственное тѣлѹ пристрастіе.

И ꙗже бо ѡставитъ кто харранъ (Быт. 37, 17), еже знаменуетъ чѹства: пещеры бо сказуютса, и ѡ юдоли хевронѣи изыдетъ смиренныхъ дѣлѣхъ, и ѡ пустыни (Дѣл. 13, 15), въ нейже заблужденіе бываеетъ възыскующемѹ совершенства, въ довольное же ѡскѹдѣніе не преселитса, ни едина польза емѹ бываеетъ ѡ сѣтнаго труда, ради склонности (любви) къ сродствѹ лишающемѹса совершенства. Не точію же, но и гдѣ запрѣцаа вѣтъ мари въ сродницѣхъ ищущей егѡ, и любящаго отца или мать паче егѡ, недостѡйна себѣ сѣдѣщи (Лук. 11, 27): привноситса пристоинѹ чрезъ то не имѣти сродническихъ свѣзей. Послѣ же сихъ исправленіе совѣтовати подобаетъ имъ, естли бы ещѣ нѣкоторые были вновѣ матѣжей (міра) оудалившіесѹ, безмолвіе водити, и не

бедив естественную сострадательность, то почему же не делать того же самого намеревающимся подыять мысленный ковчег? И должно сделать даже большее, чтобы в делах необходимых над природою разумною не оказалось превосходства в естестве бессловесных, когда разумный не делает по рассудку того, что бессловесные делают по необходимости.

А может быть, и Иосиф заблудился в пустыне потому, что в сродстве имен искал предела совершенства. Почему человек, с желанием дознати истину спросивший у него о причине скитания, когда узнал, что причиною — пристрастие к своим (Иосиф, если бы не имел ошибочного суждения об искусстве, спросил бы не о том, где братья пасут, но где кормят стада), говорит ему: *Они ушли отсюда, ибо я слышал, как они говорили: пойдѣмъ в Дофаим* (Быт. 37, 17) (а Дофаим толкуется: достаточное оставление), научая сим, что заблуждается привязанный еще к телесному и что невозможно иначе достигнуть совершенства, как достаточно оставив пристрастие к плотскому сродству.

Ибо если кто оставит Харан, что означает чувства (ибо Харан толкуется: пещеры), и выйдет из юдоли Хеврон, то есть низких дел, и из пустыни, по которой скитается ищущий совершенства, но не переселится в достаточное оставление, то не будет ему никакой пользы от долговременного бедствования, как уклонившемуся от совершенства по привязанности к сродству. Да и Господь, исправляя мысль Богородицы Марии, искавшей Его между сродниками (см.: Лук. 2, 44), и признавая недостойным Себя, кто любит отца или мать паче Его, выразительно внушает сим оставление родственных уз. По преуспѣянии же в этом недавно еще освободившимся от мятежей советовать должно пребывать в безмолвии, и частыми выходами не растравлять ран, наносимых сердцу посредством

ча́стими привхо́ды (по́мыславѣ) чрезъ чѹства быва́е-
мыа рѣны мы́слию па́ки раздира́ти, ниже́ вѣтхимъ пре-
грѣше́ній їдѹламъ привноси́ти ины́а ѡбразы: но оу́кло-
на́тиса ѡ прибавле́нїа но́выхъ, имѣ́ти же всѣ́кое тща́-
нїе ко изглажде́нїю дре́внихъ мечта́нїй.

Притрѹдно бо вно́вь ѡрѣкшимса безмо́лвїе: тогда́ бо
па́мать имѣ́а вре́ма, всѣ́кѹю воздви́заетъ внѹ́тръ ле-
жа́щю нечистотѹ, не пра́зна сѹщи пе́рвѣе сїе́ творі́ти,
ра́ди мно́жества и́злішнихъ ве́щей: имать бо съ трѹ-
до́мъ и́ по́лезное, оу́дала́ющи оу́мъ вре́менемъ ѡ стѹ-
же́нїа сра́мныхъ по́мыславѣ. Я́ще бо имъ и́змы́ти пред-
лежитъ дѹшѹ, и ѡчи́стити ѡ всѣ́хъ скве́рнѣ: оу́дала́ти-
са всѣ́чески ѡ ве́щей до́лжны, и́миже скве́рна оу́мно-
жа́етса, и́ мно́гое благоразѹмно́мъ да́ти оутѣше́нїе, и́
далѣ́че ѡ раздража́ющихъ бы́ти, и́ безразсѹднѣйшихъ
люде́й и́звѣ́гати сожи́тельство, оу́едине́нїе лобыза́ю-
щымъ люво́мѹдрїа ма́терь.

Е́сть же оу́добно па́ки тѣ́мже подпа́сти сѣ́тѣмъ, и́х-
же и́збавитиса вознепцева́ша, е́гда безво́зненнѹ въ
сма́тенныхъ наро́дѣхъ сопребыва́ти тща́тса. Безпо́лез-
но бо пресе́лившемса къ добродѣ́тели, въ тѣ́хже ве-
ща́хъ нахо́дитъ оу́веселе́нїе, я́же презрѣ́вѣ, оу́дали́са.
Привлека́тельна бо о́быкновеннѹ быва́етъ привы́чка: да
не ѡ мно́гагѹ тща́нїа быва́емое безмо́лвїе, сра́мныа на-
чина́нїа па́ки возвенова́тъ, и́ па́мать забвѣ́нныхъ
сла́хъ дѣ́ла содѣ́лаютъ. Подобенъ: бо е́сть оу́мъ неда́в-
нѹ ѡ сла́бы оу́дали́вшихса, тѣ́ла послѣ́ до́лгїа болѣ́зни
востава́ти нача́вшѹ, е́мѹже и́ ма́лый слѹчай къ воспрї́-
а́тїю болѣ́зни причїно́ю быва́етъ, не оу́ въ си́лѣ оутвер-
ди́вшѹса держа́нїей: ѡскѹдѣ́ваютъ бо и́ сегѹ́ мыс-
ленныа си́лы, и́ развїва́ютса, я́коже подова́етъ бы́ти,
не па́ки те́щи стра́сти о́бычай имѹ́щїа въ мно́голю́д-
ствѣ́ смѹще́нїемъ раздража́тиса. Сегѹ́ ра́ди пребыва́ти
внѹ́тръ ке́ллїи, дабы́ ничегѹ́ не постра́дати ѡ́ всегѹ́-

чувств, и к старым кумирам грехов не привносить новых
изображений, но отклонять нападение новых представле-
ний, употреблять же все старание об изглаживании ста-
рых.

Трудно безмолвие для отрекшихся недавно от міра,
ибо тогда память, воспользовавшись временем, приводит
в движение всю хранящуюся в ней нечистоту, не имев
досуга делать это прежде по множеству неистоимых
дел. Но после трудности доставляет безмолвие и пользу,
освобождая со временем ум от смущения скверными по-
мыслами. Ибо если предлежит кому омыwać и очищать
душу от всего оскверняющего, то обязаны они удаляться
от всех дел, от которых умножается нечистота, давать
рассудку большую тишину, устраняться от раздражающе-
го, избегать сожительства со сродниками, возлюбив уе-
динение — сию матерь любомудрия.

Но легко им снова впасть в сети, от которых почитали
себя освободившимися, когда небоязненно стараются
быть в сообществе с толпами людей всякого рода. Ибо
перешедшему на сторону добродетели нет пользы увесе-
ляться теми же делами, от которых, сам осудив их, бежал.
Привычка — сильный поток, почему должно бояться,
чтобы в достигнутом с великим тщанием безмолвии не
возобновить опять гнусных предначинаний и не привести
на память забытых худых дел. Ибо ум едва только уклони-
вшихся от порока подобен телу, начавшему восстано-
вляться в силах после долговременного недуга, для кото-
рого, как неукрепившегося еще совершенно, и маловаж-
ный предлог бывает причино́ю возвращения болезни. И в
этих людях колеблются, слабеют разумные силы, почему
должно бояться, чтобы не возвратилась страсть, обыкно-
венно раздражаемая, когда кружимся в народной толпе.
Посему-то и Моисей не хотевшим что-либо потерпеть от

бѣтеле, хотѣшымъ мѡѡсѣй повелѣ, глаголюци: да не изыдете кѣждо ѡ дверей дѡмѡ вашегѡ, да не всегѡ-бѣтель кѡснетса васъ. Іереміа же сѣе повелѣвати ѡбыче, егда глаголетъ: Не исходите на нѣвы, и на пѣти не ходите, понѣже мечъ вражій ѡбитаетъ ѡкрестъ (Лѡкѣ 5, кѣ).

Дѡблественныхъ во подвижниковъ дѣло есть, еже вкѡпѣ оустѡпати врагѡмъ. Яще же кто былъ бы ѡ немощныхъ во все братиса, безопаснѡ въ дѡмѣ пребываетъ, оутвержденіе безвѣдное ѡ безмѡлвіа себѣ подающа (ѣ Мѡѡс. к, и). Такѡвъ бѣ исхссъ навѣнъ, ѡ нем же писано есть: слѡга же исхссъ (сынъ навѣнъ) юноша не исхождаше изъ скѣни (ѣ Мѡѡс. лг, аі). Вѣдаше во во ѡтрочествѣ исходащихъ, ѡ братіи тѣла и плѡти другѡвъ, ради оутреннѣа брани оубиваемыхъ, научасъ изъ повѣсти ѡ ѡвелѣ.

Не меньше же и ѡ історіи ѡ дѣнѣ мѡчно есть совершеннѡ семѡ научитиса, ѣкѡ юныа воистиннѡ и женскіа мысли есть, свѣрхъ своегѡ состоаніа дѣло предпринимати, и ѡ себѣ, ѣкѡ довольныхъ, предразсѡжденіемъ прельщатиса. Ибо естьли бы она безразсѡднѡ не предпріала оузнатъ другѣхъ домашнѣа дѣла, ѣкѡ могѡщаа, то есть, и никакоже помышлала ѡ тѣхъ имѣти оутѣшеніе, не бы безвременнѡ растлѣса критическаа привлѣкательность дѡши, прельщеннаа вовбраженіемъ чѡствъ, не оу законнымъ и мужественнымъ бесѣдовавши слѡвомъ. Сѣю страсть сожительствѡющю (рѡднѡю) чѡловѣкомъ вѣдѣвъ бѣ, мнѣніе ѡ себѣ глаголю, и хотѣщи искоренѣа сѣе исторгнѣти ѡ навѣковѣнѣа нашегѡ, глаголетъ къ мѡѡсѣю: благочинны сотвори сыны ісраилевы. Якѡ еже безразсѡднѡ начинати брани свѣрхъ силы, чѡждь есть благочиніа ѡбычай. Тѣмже не подобаетъ присоединати себѣ прѣжде навѣковѣнѣа градскимъ возмѡщеніамъ, но далечайше оубѣгати подоба-

погубляющего повелел пребывать внутри затворенных дверей, сказав: *«Никто не выходите за двери дома своего (Исх. 12, 22), да не коснется вас погубляющий»*. То же, кажется, повелевает и Иеремия, когда говорит: *«Не выходите на поле и на дороги не ходите, ибо меч врагов отовсюду окружает (Иер. 6, 25)»*.

Мужественным подвижникам свойственно и смело вступать в брань с неприятелями, и невредимо избегать их злоумышления. А если кто не в состоянии еще бороться, то безукоризненно пусть останется дома, в безмолвии находя себе безбедную безопасность. Таков был Иисус Навин, о котором написано: *«А слугитель Иисус, юноша, не отлучался от скинии (Исх. 33, 11)»*. Ибо, наученный сказанием об Авеле, знал, что выходящие в поле по давнему соперничеству убиваются телесными братьями и друзьями по плоти.

Но не меньше сего и из сказания о Дине в точности можно дознать, что подлинно девическому и женоподобному разуму свойственно приниматься за то, что выше нашего состояния, и обольщаться мыслию, что и для сего достанет моих сил. Если бы Дина не предалась поспешно обозрению того, что у туземцев, конечно предположив, что имеет достаточные к тому силы, и нимало не увлеклась приятностию видимого там, то не растлила бы безвременно душевной рассудительности, уловленной представлением чувств прежде, нежели законно вступила в собеседование с мужеским разумом. Бог, зная, что страсть сия (разумею самомнение) водворилась у людей, и желая с корнем исторгнуть оную из нашего навыка, говорит законодателю Моисею: *«И благоговейными сделайте сынов Израилевых (Лев. 15, 31)»*, ибо знал, что чуждо благоговению — поспешно приступать к подвигам не по силам. Поэтому не усовершенствовавшись не должно вмешиваться в общественные мятежи, но бежать от них как

етъ, далече ѿ ѡглашающихъ звѣквѣ представляющихъ мысли.

Не многа бо есть польза ѿ вещей оудалившимся, и потомъ занимающимся ѡбъ нихъ слѣхами: и градъ ѡставившимъ, дѣйстви при вратѣхъ, ꙗкоже лѣтъ, присѣдѣти (Быт. ѡ, а), сѣцагѣ тамъ исполненнымъ смѣщеніемъ: внѣ же по великомъ мѡисею оудалѣтиса подобаетъ, да не точію дѣла, но и гласи престанѣтъ сѣхъ, ꙗкоже глаголетъ: егда изыдѣ изъ града, прострѣ рѣцѣ мой ко гдѣ, и громи престанѣтъ (в Мѡис. ѡ, ка).

Тогда бо истинное безмолвіе, егда не точію дѣйства, но и ꙗже ѡкрестъ ихъ пѣмѣти оупражняющимся, время подають дѣши впечатлѣннымъ ѡбразы зрѣти, и противъ коегѣждо подвижѣтиса, и изсѣцати изъ мысли. Привходящимъ же и инымъ воображеніемъ, не можно прѣжде бѣвша воображеніа изгладити, когда рассѣденіе ещѣ занимаетъ настоящимъ, и трѣдъ ихъ ко истребленію страстей долженъ быти тагчайшей, прѣавшихъ силъ (страстей) ѿ временнагѣ оумноженіа, и по подобію истѣчника непрестаннымъ стремленіемъ, привходящими мечтаніи зрительность дѣши наводняющимъ.

ꙗкоже бо истѣчника теченіе сѣхо видѣти хотѣши, съ намѣреніемъ видѣть нѣкоторыа вещи познаніа достѣйныа въ немъ лежащыа, никакой пользы не получаютъ, изчерпѣа въ ѡномъ мѣстѣ водѣ, въ котѣромъ искѣмое положеннымъ быти мнѣтъ: потомъ что изчерпѣемое мѣсто вдрѣгъ наводнѣетъ истѣчникомъ. Но когда вышшее теченіе воспѣненѣ вѣдетъ, безъ трѣда имъ днѣ авлѣетъ, ѡскѣдѣвшей водѣ самѣи ѡстѣпающей, и сѣхъ имъ подающей зѣмлю къ познанію желаемыхъ вещей. Такъ и оупразднѣти и дѣятельное страстей воображеніе оудѣбнѣ вывѣетъ, когда ѡни извнѣ ничегѣ чувствѣмъ не приподають: сѣмъ же привносѣ-

можно далее, поставив мысль вдали от раздающегося шума.

Ибо немного пользы устранившимся от житейских дел оглашаться молвою о них и, оставившим город, подобно Лоту, сидеть при вратах действований, исполняясь тамошнего смятения. Но, по примеру великого Моисея, должно удалиться вне, чтобы не стало не только дел, но и гласа о них, как говорит он: *Когда выйду из города, простру руки мои на небо к Господу, и громы перестанут* (Исх. 9, 29).

Ибо тогда бывает истинная тишина, когда не только действия, но и памятования о них, утихнув, дают душе время прийти в состояние увидеть впечатленные образы, вступить в борьбу с каждым из них и исторгнуть его из сердца. Когда же образы привходят одни за другими, тогда невозможно изгладить прежних отпечатков, потому что рассудок занят новыми образами и труд отсечь с ними страсти по необходимости делается тягостнейшим оттого, что, постепенно возрастая, приобретают они силу и, подобно рекам, при непрестанном течении вновь вливающимися представлениями помрачают душевное зрение.

Как желающие ложе реки увидеть сухим (может быть, ради чего-либо лежащего там и достойного исследования) никакой не получают пользы, исчерпывая воду на том самом месте, на котором, по их мнению, лежит искомое ими, потому что опустевшее место тотчас вновь наполняется притекающею водою (а когда преградят течение сверху, без труда откроется дно, так как оставшаяся вода стечет сама собою и сухою оставит им землю для желаемого исследования), так удобно бывает истощить деятельные образы страстей, когда чувства ничего уже не доставляют извне; когда же, подобно потоку, дают они новые и новые ощущения, тогда не только трудно, но и

цымъ по подобію теченіа, чѣства, не тѣчю трѣдно, но и всѣчески не возмѣжно ѡчиститъ оумъ ѿ толікагѡ волненіа. Яще бо и не стѣжуютъ страсти ради частыхъ собесѣдованій, времени движеніа не ѡвертѣюще, но оубѡ въ тайнѣ ѡбращающеса, паче возрастаютъ, силѣ свою ѿ времени пріемлющыа.

И ѡкоже частѡ попираема земля, яще и терніа имать, не изпѣщѣетъ оубѡ ѡныа: возбранѣетъ бо естество попираніе ногъ, глабоки же въ нѣдрѣхъ сеа (земли) кореніа простѣрши, крѣпки и сѣлѡ разцвѣтшыа, егда времени пощѣающѣ восхожденіе полѣчатъ, произрастаютъ. Сиче и страсти частыми собесѣдованіями возникнѣти въ іавленіе возбранѣемы, крѣпльши бываютъ, и безмѡлвіе довольнѡ подавши, со мно́гою силою настѣпаютъ, тѣжкѡ и привѣдственнѡ въ началѣ вознерадѣвшымъ ѡ брани протівѣ ихъ творѣще брань. Сегѡ ради и пророкъ погубити сѣмѡ ѿ вавѡлна повелѣваетъ, ѡкѡ ещѣ во влагаліахъ чѣствѣ сѣтъ ѡбразы, истребити совѣщавѡщи ихъ, да не падши на землю мѣсли произрастѣтъ, и обильными и бесполезными дождѣми непрестаннѡгѡ пощѣеніа оупоенны, многѣ слѡбы принесѣтъ плодѣ. Инѣ же пророкъ и оублажаетъ не дожидѡущыа цвѣта страстѣй, но оу самагѡ ещѣ сосца прищѣщыа (прирожденныа) растлѣвѡущыа: блаженѣ, глабола, иже имѣтъ и развѣтѣтъ младѣнцы твоѡ ѡ камень (Псал. рѣс, ѡ). Тѡже и великій іѡвѣ любуемѡдрствѣа ѡ сѣвѣ, сицевѡ нѣчто гадѣтельствѣетъ: въ водѣ оубѡ цвѣсти папірѣ и бѣтомѣ (рѡдѣ травѣ) глаболющи, и всѡкомѣ слѡкѣ, лишившемѣса истѡчника, ищсѣшатиса, и еже, мѣрмикѡлеонѣ (лѣвѣ мравіевѣ) погиве, ѿ немѣніа пѡжити, сицевѡ нѣчто знаменовати ѡбѣче.

Восхотѣвый бо великій іѡвѣ навѣтѣтъ страсти показати, сообразѡмѣ еа бесѣдѣ, ѿ дерзостнѣйшагѡ льва, и

невозможно совершенно очистить ум от такого прилива. Ибо страсти хотя и не беспокоят, не находя случая к возбуждению в частых свиданиях с людьми, однако же, неприметно возвращаясь, более и более укрепляются, со временем приобретая новые силы.

Как часто попираемая земля, ежели и есть на ней терния, не производит их вновь, потому что попираие ногами препятствует росту (но эти терния, в недрах ее распростирая глубокие, сильные и весьма сочные корни, как скоро дозволит время взойти, дают ростки), так страсти, которым частые свидания с людьми препятствуют выказываться наружу, воспользовавшись безмолвием, делаются более сильными и нападают с великою лютостию, тяжкою и опасною делая брань для тех, которые вначале не радели о борьбе с ними. Посему-то и Пророк повелевает: *Истребите семя (спѣрѡ) от Вавилона* (Иер. 50, 16), советуя истреблять образы, пока они еще во влагаліахъ чувств, чтобы, пав на землю сердца, не дали ростков и, напоенные обильными и бесполезными дождями последовательного ими занятия, не принесли стократных плодов порока. А другой Пророк и ублажает тех, которые не дожидаются зрелости страстей, но истребляют при самых сосцах, говоря: *Блажен, кто возьмет и розобьет младенцев твоих о камень* (Пс. 136, 9). А может быть, и великий Иов, любуемудрствуя сам с собою, дает разуметь кого-либо подобного, говоря, что в воде растут *тростник и камыш*, а лишившись напоения, *всякое растение изсыхает* (ср.: Иов. 8, 11–12). И сказанное: *Мраволев погиб, потому что не имел пищи* (Иов. 4, 11), кажется, означает нечто подобное.

Ибо великий Иов, желая показать злокозненность страсти, избрал для нее сложное наименование, составив

ѡ ѣже всѣхъ славѣйшаго мравѣа сложивъ ѣма. Прираженѣа бо страстѣй ѡ малыхъ начинаются мечтанѣй, по примѣру мравѣа, скрытнѣ приползающе: конечнаа же къ великой возносятся тѣжести, ѣкѡ не меньшее льва нападенѣа прилчившесѡ подати бѣдствѣе. Тѣмже подобаетъ подвижникъ тогда сражаться со страстьми, егда ѣкѡ мравѣй приходитъ, въ приманъ малюю пищу подмѣщѣи. Яще бо до львиныа достигнѣтъ крепости прѣити, не оудобъ побѣждаемы бывають, или пища ѣмъ не подати. Пища же ѣхъ, ѣкѡ оуже множицею речесѡ, чрезъ чѣства привходѣщи чѣственныхыхъ (вещей) ѡбразы. Сѣи бо питають страсти, кождо мечтанѣе но воспрѣтѣи. вожражающе противъ дѣши.

Сегѡ ради ѣ храмъ ѡпѡны законоположникъ оустрѡи, знаменѣа, ѣкѡ подобаетъ, ѣкѡ храмъ чистъ свою мысль блюсти хотѣщимъ (в Мѡѡс. кѡ, а): ѣкоже тамъ сѣтъ на ѡкнахъ, дабы ничтѡ ѡ нечистыхъ не могло вползти, оустрѡисѡ, тѣкѡ ѣ чѣствамъ возбранѣнѣа помыслѡвъ вплетѣти, не оудобный бѣдѣцаго сѣжденѣа вползающимъ нечистымъ мечтанѣамъ заграждающа вхѡдъ. И еда не сегѡ ли ради ѡхозѣа разболѣсѡ, занѣ ѡ ѡпѡны падѣ; ѣже бо возданѣа словеса во время ѣскѣшенѣй скривѣти (лѡжно оумствовати), низведенномъ ко страстѣмъ ѡ ѡпѡны пѣсти ѣсть (д Цар. а, в). Чтѡ же сѣа болѣзни ѣсть трѣднѣйше;

Тѣлесѣе бо ѣсть болѣзнь, ѣже пѣче естества ѣмѣти стѣхѣй равновѣсѣа, ѡ едѣныа сѣлы въ ѣное пѣче естества преложившѣасѡ: дѣши же, ѣже оуклонѣтисѡ правѣаго помысла недѣготворными побѣжденными страстьми. Вицевы сѣти видѣнѣемъ, ѣже слышати могѣщаго соплетѣ соломонъ, глаголющи: Очи твоѣ егда оѣзрѣтъ чѣждѣю, оѣста твоѣа тогда возглабѡютъ сквернаа (Притч.

из имен самого отважного льва и ничтожнейшего всех тварей муравья, потому что нападения страстей начинаются маловажными представлениями, неприметно вкрадываясь наподобие муравьев, а последствия делаются весьма важными для подвергшегося сим нападениям и не меньше опасны, как и нападение льва. Почему подвижнику надлежит тогда бороться со страстями, когда приступают они, как муравей, приманкою предлагая свою ничтожность. Ибо, если успеют достигнуть крепости льва, делаются непреоборимыми и сильно угнетают, если не давать им пищи; пищею же их, как говорено уже было неоднократно, служат посредством чувств входящие образы страстей, потому что образы сѣи питают страсти, каждый кумир преемственно водружая в душу.

Поэтому и в храме Законодатель устроил *решетчатые окна* (Иез. 41, 16), означая сим, что вознамерившимся сохранить сердце свое чистым, как храм (подобно тому как там решетчатыми окнами сделано, что не могло входить ничто нечистое), должно оградить чувства забралами помыслов — страхом будущего Суда, забралами, которые бы преграждали вход вновь рождающимся и вторгающимся нечистым образам. И посему-то, может быть, занемог *Охозѣа*, так как *упал из окна* решетчатого (ср.: 4 Цар. 1, 2), ибо, во время искушений предавшись удовольствиям, оставить без внимания учение о воздаянии значит упасть из окна решетчатого. Что же тяжелее этого недуга?

Ибо болезнь телесная есть противоестественное состояние, когда равновесие стихий преобладанием одной выведено из естественного состояния. Болезнь же душевная есть уклонение от правого помысла, когда душа преобездана болезнетворными страстями. Таковую решетчатую преградою зрение способного слышать оградил Соломон, говоря: *Когда глаза твоѣ увидят чужую* [же-

кѣ, лѣ). Сквернаа глаголюци, ꙗже по грѣсѣ срѣтитиса ѿмѣщаа во время воздаянїа, сїа бо помышленнаа съ подобающимъ оустроенїемъ, оудерживаютъ всако при- вѣдственнѣ очесъ зрѣнїе: ꙗже же ѿ оустроенїе помысла, каковомъ быти подобаетъ во время оно. Возлежиши бо, глаголетъ, ꙗкѡ въ сердце мора, и ꙗкѡ кормчїи во мно- зѣи вѣрѣ (Притч. кѣ, лѣ).

ꙗже бо возможетъ кто во времени съ разжизаю- щимъ зрѣнїемъ брань имѣти, таку подвижна себе со- творитъ въ преценныхъ наказанїахъ, ꙗкоже въ мори ѡбуреваемый: безъ труда бо побѣдитъ брань твора- щихъ, не ѡщущаа наносимыхъ ранъ. ꙗкоже реши: бїютъ мѧ, и не оутрѣдїхса, разсѣкоша мѧ, азъ же не вѣдѣхъ. Тїи бо бїахъ, глаголетъ, и посмѣватиса неп- цевѧхъ, азъ же ниже зашениа ѡщущахъ. Стрѣлы бо младенецъ быша, ниже ко прелестамъ ихъ ѡбратїхса, ꙗкѡ ниже быти ихъ вмѣнаа. Таку и дѣдъ презираа сицевыхъ противникѡвъ глаголаше: оуклоняюцагвса ѡ менѣ лѡкавагв не познахъ, ниже, егда приходяше, гла- голетъ, ниже, егда оудалашеса, ѡщущенїе прїахъ (Псал. ѣ, д).

ꙗ же ниже сїе самое свѣдый, ꙗкѡ чѡствамъ къ чѡствѣемымъ ѡщенїе оубѡ есть много, прелестъ же ѡ ѡщенїа оудобнѡ бываетъ: и не ꙗже ѡ сїхъ тцетъ предвїдащїи, но небрежнѡ вдавающїйсѧ имъ, каку во время прелести оуразумѣетъ навѣтъ, не бывъ прежде надченъ сїхъ разсѣженїю; ꙗкѡ бо чѡствамъ брань бываетъ съ чѡственными, и дани возлагаютъ чѡств- веннаа на побѣжденнаа чѡства. Сїе ꙗвно есть ѡ ассїрианъ съ содомлаанами. Повѣствовательнѡ писанїе четырѣхъ царей ассїрійска ꙗзыка ввѡдитъ къ пяти ца- рѣмъ, ꙗже ѡкрестъ содома, первѣе оубѡ согласїе, и сою- зы, и жертвы мирныа на морѣ сланомъ: потомъ раб-

ну], тогда уста твои заговорят кривое (страва) (Притч. 23, 33), называя кривым, что после греха встретит душу во время воздаяния. Размышление о сем и приведение се- бя в надлежащее состояние отклоняет всякое опасное зрение очей. Соломон сказал и о том состоянии помысла, какое должно быть в это время: Ты будешь лежать как бы среди моря, как кормчий при большом волнении (Притч. 23, 34).

Ибо если кто во время борьбы с раздражающим его зрением в состоянии будет угрожающими наказаниями привести себя в такое противоборство, в каком бывает человек, обуреваемый в море, то он без труда одолеет по- борающих его, не чувствуя наносимых ударов, так что скажет: Били меня и мне не было больно, издевались надо мной и я не понимал (Притч. 23, 35), то есть: «Они били меня, думая надругаться, а я не чувствовал ударов, пото- му что раны от них [тоже, что] стрелы младенцев (Пс. 63, 8), не обратил внимания и на обольщение их, не показав и вида, что замечаю присутствие их». Так и Давид, прези- рая таковых сопровитников, сказал: изменчивого ко мне лукавого я не знал (Пс. 100, 4), то есть не чувствовал, ко- гда пришли и когда удалились.

А кто не знает даже и того самого, что у чувств есть великое общение с чувственным и что от сего общения легко впадаем в обольщение, тот, не подозревая, какой бывает вред от чувств, и неосторожно увлекаясь ими, как и во время обольщения узнает злокозненность, не научившись наперед различать сего? А что у чувств бывает борьба с чувственным и чувственное налагает дани на побежденные чувства, сие явствует из войны ассириян с содомляанами. Писание исторически излагает сие пред- приятие четырех царей ассирийского народа против пяти царей содомских, описывая сначала совещание, союз и мирные жертвы при море Соленом, потом рабство пяти

ство пати, на дванадесать лѣтъ: потѣмъ въ трѣтѣемъ на десать ѿстѣплѣнїе (Быт. дї, г̃ и д̃): въ четвѣртомъ же на десать брань возложеннѣю ѿ четвѣрехъ на пать, и плѣнныхъ вземлющихъ ихъ (Быт. дї, ѳ).

И повѣствованїе оубо здѣ конѣць имать. Мы же ѿ сѣа повѣсти наѣчѣмса, ѣже въ насъ, и ѣже чѣствъ на чѣственнаа бранн. Кїиждо бо изъ насъ ѿ рожденїа даже до дванадесать лѣтъ не оубо разсѣжденїе ѿчїстивый, покорѣтъ безъ разбѣрѣ чѣства чѣственнымъ, ѣкоже владыкамъ слѣжащымъ къ повелѣваемымъ. Зрѣнїе оубо видимымъ, слышанїе же гласѣмъ, вкусъ же влажнымъ, парамъ же ѿбонанїе, ѿсазанїе же, трѣгати ѿбыкшымъ ѣное чѣственнымъ. Не могущїи ѿбрѣсти нїедїнаго воспанїа съ разсѣжденїемъ воспрїати ѣныа по причїнѣ юношества, егда же разсѣдокъ въ зрѣлость прїидетъ, и вредъ начнетъ ѿщѣпати, ѿ ѿриновенїи ѣвїе помышлѣетъ, и бѣгствѣ ѿ сицевѣаго порабощенїа. И ѣще крѣпкїи бывъ разсѣжденїемъ сїю оутвердїтъ мысль, свободенъ всѣчески пребывѣетъ жестѣкихъ избѣжавъ владыкъ. Ище же немоцнѣйшее бѣдетъ имѣть въ предпрїятїи разсѣденїе, паки плѣненнѣа чѣства предастъ побѣжденнѣа господствѣ чѣственныхъ, и рабство прочее мѣчїтельное терпѣщымъ кромѣ кїалибо благоа надежды.

Сегѣ бо ради и въ повѣствованїи пать царїи побѣжденнѣа ѿ четвѣрехъ, соввергаются въ кладѣзи смоланнѣа (Быт. дї, г̃): да мы наѣчїмса, ѣакъ чѣственными побѣжденнѣа, ѣакъ во рѣахъ, илїи кладѣзѣхъ каждамъ чѣствомъ, ѣже по немъ (по чѣствѣ) ѿвращаются въ чѣственномъ. Ничесѣже паче видимыхъ помышлѣюще прочее, за ѣже земными свѣзати желанїе, и наслажденїе, ѣже здѣ вещей возлюбїти паче, неже оумныхъ.

Такъ и возлюбивый господїна своего рабъ, и женѣ и дѣти, ѿвергающїисѣ истиннѣа свободы ради тѣлесна-

царей в продолжение двенадцати лет, после сего отпадение их в тринадцатый год, а в четырнадцатый войну, в которой четыре царя нападают на пятерых царей и берут их в плен (см.: Быт. 14, 1–11).

И сказание оканчивается этим, а мы из сего сказания научаемся тому, что касается нас самих, и познаем борьбу чувств с чувственным, ибо каждый из нас до двенадцати лет от рождения, не имея еще чистого рассудка, бессознательно подвергается рабству (и чувства выполняют приказания вещей чувственных, как их владык: зрение — вещей видимых, слух — звуков, вкус — соков, обоняние — запахов, осязание — всех чувственных вещей, какими в движение приводится чувство сие) и человек по младенчеству не в состоянии бывает различать и разрешать своих ощущений. А как скоро рассудок станет приходить в зрелость и начнет чувствовать вред, немедленно замышляет отступничество и бегство из такого рабства. И если человек, укрепившись рассудком, утвердится в этом решении, то навсегда останется свободным, спасшись бегством от жестоких владык. Если же решимость его в сем предприятии слаба, то человек чувства свои, побежденные владичеством чувственного, снова предает в плен, и остаются уже они в мучительном рабстве без всякой благой надежды.

Посему-то пять царей, по сказанию, побежденные четырьмя царями, бегут к *смоляным колодцам* (ср.: Быт. 14, 10), научая тем нас, что побежденные чувственным, как бы в пропасти или кладези, в каждое чувство низвергают все чувственное, а именно что ощутимо для каждого из них, не помышляя уже более ни о чем видимом, потому что погрузились пожеланием в земное и наслаждение здешним возлюбили паче наслаждения мысленным.

Так и раб, возлюбивший господина своего, жену и детей, по сродству с телесным отрекаясь от истинной сво-

гѡ сродства, рабѣ во вѣки вывѣетъ проверченное шиломъ имѣла о҃҃хо (Ѫ Мѡѡс. ка, е и Ѫ): да не естественною слѣха слѣшаючи скѣажинною прїиметъ иногда слово свободы, но рабѣ пребѣдетъ всегда, возлюбивый настолѣща. Сегѡ ради и рѣкѣ ѣмшїа за ятра жены, внегда битиса двѣмъ мужемъ, ѡсѣцати законъ повелѣ (Второз. ке, ай). И҃кѡ врани с҃щей помыслѡвъ ѡ избранїи мїрскихъ и небесныхъ благъ ѡставивъ избранїе небесныхъ, раждающихса и тлѣнїа с҃щихъ емлеса: ради рожденныхъ бо, рожденїа гави вѣщи. Никала о҃҃гѡ польза ѡрециса вѣщей, не пребывающимъ въ разсѣжденїи, но влекѡмымъ, и ѡставляющимъ помыслѣ, и за еже частѡ ко ѡставленнымъ возвращатиса ко ѡнымъ гавляющимъ пристрастїе, якоже жена лѡтова. ѡбратившиса бо стоїтъ, даже до нынѣ примѣръ невѣрющимъ, превращенна въ столпъ сланный (Быт. ай, кс). Толико бо ѡбычай, егѡже ѡбразъ сїа, не возвратнѡ хотѣщыа о҃҃далигиса, къ себѣ ѡбращаючи.

Чесѡже и повелѣвающей законъ входящемѣ во храмъ, по совершенїи молитвы, не во ѡнѡю возвращатиса дѣрь, еѡже внїде: но противною исхѡдїти, не возвратнѡ еже право шествїе творѣщѣ: развѣ еже не подобаетъ о҃҃силїю правоты въ добродѣтели, противными о҃҃клонѣтиса недѡмѣнми. Частыа бо къ тлѣмъ, ѡ нїхже изыдѡхомъ, восклоненїа всѣчески ѡ ѡбыкновенїа къ заднимъ влекѣтъ, и прѣднее ѡслабивъ стрѣмленїе все противвлекѣтъ, и возвратитиса ко дрѣвнимъ о҃҃строєваютъ слѣмъ.

Люто во ѡбычай о҃҃держати о҃҃ себѣ, и не попѣстїти паки къ первомѣ навикновенїю востати добродѣтели. Навикновенїе бо ѡ ѡбычаа, ѡ навикновенїа же естество вывѣетъ: естество же преложїти, и премѣнїти трѣдно. Яце бо и о҃҃клонїтсѣ малѡ нѣждею, абїе къ себѣ

боды, делается вечным рабом, провертев ухо шилом (см.: Исх. 21, 5–6), чтобы не воспрїять когда-либо слова о свобѡде, услышав естественным отверстїем слуха, но, возлюбив настоящее, навсегда пребывать рабом. Посему-то и руку жены, взявшей за ятра (яички), когда быются между собою два мужа, Закон повелел отсечь (см.: Втор. 25, 11–12), потому что во время борьбы помыслов о выборе мїрских и Небесных благ, оставив сей выбор, взялась она за служащее к рождению и растлению (Законодатель родотворными членами означил дело рождения). Посему отрѣкаться от мїрских дел нет пользы для тех, которые не остаются при своей решимости, но снова увлекаются и уступают помыслу, а потому часто возвращаются к оставленному и ѡъявляют тем о пристрастїи своем к этому, как и жена Лотова, оглянувшись назад, донїне стала примером для непокорных, превратившись в соляной столп (см.: Быт. 19, 26). Такова и привычка, изображенїем которой была жена Лотова и которая вознамерившихся удалиться невозвратно возвращает к себе.

Что же говорит и Закон, который повелевает вошедшему в храм, по совершении молитвы, не возвращаться теми же вратами, которыми вошел, но выходить в противоположные врата, совершая путь по прямому направлению и не обращаясь назад (см.: Иез. 46, 9)? Не то ли, что усилия в прямом шествїи к добродетели не надѡбно ослаблять сомнениями? Ибо частые склонения к тому, от чего мы удалились, без сомнения, повлекут вспять от навыка, и, ослабляя стремление вперед, всецѡло привлекут к себе, и заставят возвратиться к прежним худым делам.

Ибо привычка сильна на то, чтобы удержать при себе и не позволить снова возвратиться к прежнему навыку добродетели, потому что от привычки происходит навык, а навык обращается в природу; превратить же и изменить природу трудно. Если и поколебать ее несколько насили-

возвращается. Движимое оубо ѿ своихъ предѣловъ, не всачески преходитъ, аще не паки многъ трудъ оное тѣмже пѣтѣмъ вспасть теши оустроитъ, ѿкв ко ѡставленномъ ѿ ѡбычаа паки прити. Зри бо ѡбычаамъ послѣдующю дѣш, какъ идламъ присѣдитъ, прилѣпивъ себѣ неврѣзнымъ веществамъ: и при хотѣемъ на высочайшаа рководити словѣ, не присѣдѣши, ѡвергаетъ совосхожденіе, глаголющи: не могъ востати предъ тобою, ѿкв ѡбычаа женскаа ми сѣтъ (Быт. 1а, 1е).

Иже бо житѣйскимъ вещамъ приѡспокоевѡущааца ѿ многа времени дѣша присѣдитъ, самимъ оубо по себѣ безврѣзнымъ, худобествомъ же человѣческимъ, ѡбразъ прѣмлющимъ. Каа бо неврѣзана вещь богатство, и слава, и прочіа житіа вещи ничесѡже имѣшиа ѿвн, ниже раздѣльн, подобѣемъ же оудовообманчивымъ представлѡущиа истинѣ въ принѣтїи по вса дни на себѣ различныхъ премѣненїи. ѡбразъ же налагаемъ мы вещамъ, егда къ ничесомѣже полѣзнымъ вымышляемъ видъ полѣзныхъ вещей помысламъ человѣческимъ.

Егда бо нѣжнѡ тѣла потребѣ вымыслами въ непристойное распространѣемъ многоцѣнїе, пища оубо безчисленными приправлѡуще сластѣми и оуготовлѡуще, ѡдежды же къ роскоши и оудовольствїю любочѣстнѡ распецрѡюще. Аѣте ѡсѣждаеми ѡ сѣтѣ сѣи, ѿкв все и тцѣтн, малыми могущей исполнѣтиса потребѣ, сладостными иждивенїи пиры оукрашѡуще, ѡправданїа ѿкв ѡ подобѡущихъ творимъ. Чтѡ ино; Развѣ безврѣзными веществами ѡбразъ ѡбложити любопримса: добрѣ же и еже, присѣдѣющю сїмъ рекѡхомъ сицевѣ дѣш. Иже бо ѡ реченныхъ сицевыа оу себѣ сѣженїа оутвердившаа, прилѣписа сїмъ вещемъ, ѡбычаю прочее, и не истинѣ слѣжѡщи: и ѡбыковенїи, ѿкв мѣсач-

ем, то скоро возвращается сама в себя, но, исторгнутая из своих пределов, не достигает совершенства, если великий труд не даст ей возможности снова возвратиться назад тем же путем, чтобы от приобретенной привычки опять перейти к оставленному навыку. Посмотри на душу, следующую своим привычкам, как она восседает на идолах, пригвоздив себя к не имеющим образа веществам, и отрекается от восхождения к учению, которое готово руководить ее к высшему, и говорит: *Не могу я встать пред тобою, ибо у меня обыкновенное женское* (Быт. 31, 35).

И душа, с давнего времени упокоеваящаяся делами житейскими, восседает на идолах, которые сами по себе не имеют образа, но приемлют образ от человеческого искусства. Ибо богатство, слава и прочее житейское — не что-либо, не имеющее образа, но не имеют они в себе ничего определенного и членораздельного, привлекательным подобием подделываются под истину, ежеминутно превращаясь из одного вида в другой, образ же даем им мы сами, когда о том, что не пригодно ни к чему полезному, человеческим помыслом составляем полезное представление.

Ибо, когда удовлетворение необходимым потребностям тела простираем до огромных издержек, приправляя пищу тысячами сладостей, богато испещряя одежду до роскоши и пышности, а потом, обвиняемые в той суетности, что по-пустому и напрасно величались роскошными издержками на такую потребность, которой можно удовлетворить малым, придумываем оправдание, что поступаем как должно, тогда что иное делаем, как не усиливаемся придать образ не имеющим образа веществам? Справедливо же такую душу назвали мы и восседающею на них, ибо душа, утвердившая в себе таковые суждения о сказанном, пригвозждается к здешнему, служа уже идолам, а не истине и не имея сил возвратиться к ней, но

ною нечистотою сихъ ѡскверняюци естество. Ёже бо сидѣти, праздность благихъ, и сластолюбїе, писанїе здѣ глаголетъ: праздность оубо, егда глаголетъ, сѣдѣщихъ во тьмѣ, и сѣни смертнѣй, свѣзаннѣхъ ницетѡю и желѣзомъ (Исаїи ѱ, в): тьма бо и пѣты возбраненїа дѣланїа сѣтъ: сластолюбїе же, егда рече ѡ ѡбратившихся сердцемъ во египетъ, и дрѣгъ ко дрѣгѣ глаголющихъ: воспоманѣхомъ, егда сѣдохомъ надъ котлы масными, и їадохомъ маса до сытости (в Мѡѡс. 31, г). Воистиннѣ бо надъ котлы сѣдѣтъ сластолюбцы, сладострастнымъ и непрестаннымъ жаромъ желанїа возжигающе, сластолюбїа же чревоугодїе мѣтерь. Сїа бо раждаетъ сластолюбїе, а вскорѣ и многїа иныя страсти. Ѣ сегѡ бо, їакъ ѡ корене, восхѡдатъ произрастающыя прѡчїа страсти, и помалѣ къ рѡждшемѣ (сластолюбїю) присоединившесѣ, до небесѣ досазѣемыя испѣцаютъ слѡвы. Сребролюбїе бо, и їарость, и печаль, чревоугодїа сѣтъ їзчѣдїа и ѡрасли.

Потреба бо первѣе богатства ѡвжѡрливомѣ вожделѣнїе прїснѡ пребывающее исполнити, аще и сїе никѡлиже исполнѣетсѣ. Къ возбраняющимъ же стажанїю сихъ нѣжно двїгатисѣ їарости. Печаль же неминѣемѣ слѣдетъ їарости не пришедшей въ дѣйство ради нѣмоши. Ибо на персехъ и чревѣ ходѣщїй, егда оубо їмать творительныя сладстѣй вещества, на чревѣ ходитъ, егда же сихъ не їмать на персѣхъ, идѣже їарость. Сластолюбїивїи бо лишѣемы сладстѣй гнѣваются и ѡгорчѣются.

Тѣмже великїй мѡѡсѣй слѡво сѣдное возлагѣетъ на персехъ свѣщенника (в Мѡѡс. кн, а), въ гаданїи їавляющїи, їакъ подобѣетъ тѣмъ стремленїа їаростныя страсти оуправлѣти помыслѡмъ: слѡво бо сѣдное, есть

привычками, какъ месячною нечистою, оскверняя природу всего здешнего. Под словом же *села* (Быт. 31, 34) Писание понимает здесь леность к деланию доброго и сластолюбие, — леность, когда говорит: *Сидящих во тьме и тени смертной, окованных скорбию и железом* (Пс. 106, 10), потому что тьма и оковы служат препятствием к деланию, — сластолюбие же, когда говорит об обратившихся сердцем во Египет и рассуждающих друг с другом: «Вспомнили мы, когда мы сидели у котлов с мясом и ели мясо *досыта* (Исх. 16, 3)». Ибо подлинно сидят над котлами те, которые изнеженною и непрекращающею горячностью разжигают в себе пожелания. Матерь же сластолюбия — чревоугодие, ибо оно порождает сластолюбие, а может быть, и многие другие страсти; от него, как от корня — отпрыски, возникают прочие страсти и, в скором времени став деревьями, на породившей вырастают в достигающие до небес пороки, потому что сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и отростки чревоугодия.

Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетворение пламенеющего всегда вожделения, хотя оно никогда не удовлетворяется, а на препятствующих приобретению денег необходимо возбуждаться гневу; по необходимости также следует печаль, когда гнев по бессилию не перешел в дело. Ибо и ходящий *на груди и чреве* (ср.: Быт. 3, 14), когда есть у него вещества, производящие удовольствие, ходит на чреве, а когда недостает сего, пресмыкается на персях, где кроется гнев, потому что сластолюбцы, лишаясь удовольствий, гневаются и огорчѣются.

Посему великий Моисей на перси (груди) иерею возлагает слово, знаменательно сим означая, что стремления страсти гнева должно обуздывать помыслѡм, потому что слово судное есть разумная сила. И иерей сдерживает

слово разсѣденіа. И сѣи оубо словомъ держитъ страсть, несовершенъ бо ѣсть: совершенный же мѡисей все вземлетъ ѣростное: не бо слово носитъ, но самъ грѣдь вземлетъ. Взавъ бо, глаголетъ, мѡисей грѣдь, ѡлчѣи ю възложеніе предъ гдемъ (Г Мѡис. ѥ, кѡ). Иныи же сѣть, ѥже ниже всю ѡсѣкнѣвъ ѣрость, ниже словомъ держаще страсть, но трѣдомъ побѣждающе. Сѣи же сѣть, ѥже малѣю персь съ мышцею ѡемлющѣи: мышца бо трѣда и дѣланіа знаменіе.

Такожде и ѣже на чрѣвѣ ходити, сласть, истиннѣйшее подобіе ѣсть, понѣже бо вина сластей сѣе (чрево): исполнѣвшася бо чрѣвѣ, желаніа и иныхъ страстей вываютъ крѣпльшыа, въ скѣдости же сѣщемъ, мирныа и спокойнѣйшыа: и здѣ оубо ѣсть различіе предспѣвающаго и совершеннаго. Мѡисей бо оубо совершеннѣу сласть брашенъ ѡвергающе, измы оутрѣвѣ и ноги водою (Г Мѡис. ѡ, дѣ): оутрѣвѣ оубо сласть, ноги же восхожденіа и прѣспѣваніа въ гаданіи показѣющѣи: прѣспѣвающѣи же, ѣже во чрѣвѣ мыетъ, не чрево все. И сѣе же: измы же, и ѣже, мыютъ, многое ѥмѣтъ различіе. Ово оубо ѣсть произвѣльно, ово же ѡ повелѣніа вываемо.

Подобаетъ бо совершенномъ самопроизвольномъ оусердїемъ двѣгатиса къ дѣланіамъ добродѣтели, прѣспѣвающемъ же оубѣщаніемъ наставника оубѣраемъ: сѣлѡ же прилѣжнѣу навлюдатъ сѣе: ѣкѡ малѣ грѣдь всю ѡемлетъ, оутрѣвѣ же не вземлетъ, мыетъ же. Мѣдрый бо всю ѣрость мѡжетъ ѡринѣти, и ѡсѣщѣи: оутрѣвѣ же ѡсѣщѣи не мѡжетъ. Нѣжныа бо брашна ѣстество нѣдитъ оупотреблѣти, и воздѣржнѣйшаго: не ходѣщыа же правымъ и твѣрымъ словомъ дѣши, но блѣдныи поврежденныа сластѣми, сегѡ ради разгарѣетса чрево. Понѣже ѣще и вмѣстѣлица тѣла исполнѣютса, пребыва-

страсти разумом, потому что несовершен; совершенный же Моисей всецело отлучает от себя все гневное, потому что не слово носит, но отлучает самую грудь, ибо сказано: *И взял Моисей грудь, и принес ее, возложив перед Господом* (Лев. 8, 29). Иные же как не отсекают всецело гнева, так и разумом не сдерживают страсти, но препобеждают ее трудом; и это суть те, которые отъемлют грудь вместе с *плечом* (ср.: Лев. 9, 21), потому что *плечо* есть знак труда и делания.

А подобным образом и сие: *Ходить на чреве* (ср.: Быт. 3, 14) — по самой истине означает удовольствие, потому что чрево есть ближайшая причина удовольствий. Когда оно наполнено, тогда сильны пожелания и других удовольствий, а когда оно в оскудении, пожелания сии остаются более покойными и невозбужденными. И здесь есть разность между преуспевающим и совершенным, ибо Моисей, совершенно отринувший наслаждение *снѣдями, и утробу и ноги вымыл водою* (Лев. 8, 20), под утробою давая разуметь удовольствие, а под ногами восхождения и преуспеяния. Преуспевающий же измывает то, что в утробе, а не целую утробу. Великая также разность в словах *вымыл* и *вымоют* (Чис. 8, 7), ибо первое добровольно, а последнее делается по приказанию.

Как совершенному должно с самопроизвольным усердием возбуждаться к добродетельным поступкам, так преуспевающему надлежит покоряться наставлению настоятеля и с крайнею заботливостию всю грудь отлучать, а утробу не отлучать, а измывать. Ибо мудрый в силах всецело отринуть и искоренить гнев, но не может отсечь утробы, потому что природа принуждает и самого воздержного употреблять необходимые снѣди. Когда же душа не водится правым и твердым законом, но растлена прелюбодейными удовольствиями, тогда сожигается за сие утроба, так как вожделение остается ненасыщенным,

етъ жаждущее вождельнїе, послѣдуетъ же за возгорѣ-
нїемъ чрева пастї стегнѹ (д̄ Мω̄с. ѿ, ка). Немоцнѧ во
бываетъ мѣсль къ произведенїю добрыхъ дѣлъ, горѧщѹ
чревѹ ѿ множества брѧшенѹ, и дх̄овнымъ разорѣетъ
трдѹ. Сїѧ во стегномъ законное въ гаданїи представи
слово. Тѣмже оубо сластолюбивый на чревѣ ходитъ
весь, къ наслаждительнымъ оуклонѧющимся сластемъ: на-
чавшїи же добродѣтельно житїе, тѣмъ чрева ѿемлетъ,
оутѣчнѧющихся тѣло пицей ѿрицающихся: прѣспѣваю-
щїи же, ѧже сѹтъ въ чревѣ, мѣетъ: совершенный же все
измываетъ чрево, излишнимъ ѿ нѣжныхъ потребы всѧ-
чески ѿметѧючи, сѣлѹ же прилично ѧже на перси и
чревѣ прилѣжитъ, сїе, пойдѣши: сласть во не стоѧ-
чимъ и покаячимся, но движѹщимся и смѣщенїѧ ис-
полненнымъ свѣйственна ѣсть, паче же надъ сілою чре-
вовѣсїѧ свѣйственнѣйше ѣсть похотей движѣнїе влѣд-
ныхъ. Тѣмже и естество свѣйства сїхъ показати хо-
тѧщи страстѣи, подъ чревомъ оудѣвнымъ къ соитїю поло-
жи оуды, близости свѣйство показѹючи. Яще во не-
моцнѧ ѣсть сїѧ страсть, ѿ недостатка превышележа-
щѧво немоществѣтсѧ, яще же воспалѣтсѧ и подвиг-
нѣсѧ, ѿтѣдѣже рѹководствѣемѹ ѧмать сілѹ. Не точїю
же сїхъ, чревовѣсїе питѧтельно ѣсть, и кормитѣльно, но
и всѣхъ благъ истребительно бывѣетъ, ѿдержѧщей во
сѣи страсти, и начѧло воспрїѧвшей, падати и истреблѧ-
тисѧ благїѧ ѿбычанїемъ, воздержанїе, целомудрїе,
мѹжество, терпѣнїе, и прочымъ всѣ добродѣтели: сїе во
въ гаданїи іеремїѧ ѧвѣ рекїи: Якѹ разрѹши ѿкрестъ
стѣнѹ іерлїма архїмагїрѹ вавїлѹнскїи (Іерем. нв, дї),
страсть чревовѣсїѧ архїмагїра прорекїи. Якоже во архї-
магїрѹ всѧко ѧмать тцїанїе, чревѹ работати, и худѹже-
ства извѣрѣтѣетъ, безчїсленнымъ сласти оустроѧючи:
такѹ чревовѣсїе всѧко движетъ оухищрѣнїе, слѣжѧщи
ѧже къ гортѧни сласти, ѿемлетъ же и низлагѣетъ ѿп-

хотя и переполнены телесные приемники, последует же
расторжение утробы, по причине опадения лона (см.: Чис.
5, 22), ибо бессильным делается сердце к рождению доб-
рого. С воспламенением утробы от многоценности снедей
расслабевают и духовные силы, ибо их слово Закона под-
разумевало под словом *лоно*. Посему сластолюбец ходит
на чреве, излившись весь в усладительных удовольстви-
ях. А начинающий добродетельную жизнь отъемлет тук
(сало) от утробы, отказываясь от снедей, утучняющих те-
ло. И преуспевающий измывает то, что в утробе, а совер-
шенный измывает всю утробу, совершенно отвергая из-
лишнее для необходимой потребности. Весьма же кстати
к словам *на груди твоей и чреве* приложено: *Будешь хо-
дить* (Быт. 3, 14), потому что удовольствие возможно не
неподвижным и покоящимся, но движущимся и испол-
ненным смятения страстей. Чревоугодию же паче сего
сродственно сладострастное движение. И сама природа,
желая показать сродство их, орудиям сожития назначила
место под чревом, сею близостию означая тесную связь.
Ибо если ослабевает сия страсть, то ослабевает от оску-
дения того, что выше, — чрева, а если усиливается и при-
ходит в движение, то оттуда подается ей сила. Но не сей
только страсти питателем и воздоителем бывает чрево-
угодие: оно истребляет в человеке все доброе. Ибо, как
скоро возобладает и возьмет верх, обыкновенно упадают
и истребляются добрые качества: воздержание, целомуд-
рие, мужество, терпение и все прочие добродетели. Сие-
то приточно изобразил Иеремия, сказав: «*Стену Иеруса-
лимскую вокруг разрушило* (Иер. 52, 14) архимагир (на-
чальник телохранителей) вавилонский», назвав архима-
гиром страсть чревоугодия. Ибо как архимагир прилагает
все старание услужить чреву и придумывает тысячи ис-
кусственных способов доставить удовольствие, так и чре-
воугодие все приводит в движение, служа удовольствию

лѡтъ добродѣтелей, брашенъ многоразличіе.

Сласти бо и приправленіа, (брашенъ) ꙗже оуже добръ оукрѣпленныа добродѣтели навѣты и разореніа бывають, крѣпость ѡныа и твердость потрѣсающыа, и долъ низвергающыа. ꙗкоже и злишество истребляетъ добродѣтели, такъ и оумѣренность обыкновенно разрушаетъ оплотъ слыхъ дѣлъ: ꙗкоже бо стѣнѣ іерусалима, мирныа души вавилонскій разорил архимагиръ, сласти плотскіа художествомъ оустроеніа брашенъ возбдѣвъ: такъ и сосѣдъ для квашеніа хлѣба ꙗчменна израильтанъ ѡбращающиса, скініи низложи мадианитѡвъ.

Простаа бо пища ѡбращаема и преиспѣвающи на многѣ, разрушаетъ желаніа блуда. Мадианиты бо страстей блуда несѣтъ знаменіе: сіи бо сѣтъ ꙗже блуды приввѣдшии израилю, и многое множество прельстившии юношей. Сѣлъ же прилично скініи оубо ꙗмать писаніе мадианитъ, стѣнѣ же іерусалимъ: вса бо ѡдерживаа добродѣтель, тверда и извѣстна. Содерживаа же слобѣ, ѡбразъ есть и стѣнѣ, ѡ мечтаніа ничимже различествующаа.

Сегѡ ради градѡвъ вѣгаша стѣи и совѣствованіа многыхъ оуклонисася паче же ꙗзвоносныа болѣзни тлетворное вѣдѣще развратныхъ людей сожитіе. Сегѡ ради ничесѡ пріемлюще ѡвнопитальны стѣжаніа ѡставиша, ѡрицающеся еже ѡ сѣхъ попеченіа (развлеченіа). Сегѡ ради илѣа оубо ѡставивъ іудею, ѡвиташе въ кармильстѣй горѣ (ѣ Цар. ии, мв), пѣстыннѣй и свѣрей исполненнѣй, и кромѣ дрѣвъ въ оутѣшеніе пици нечегѡ немущей. Довольствовася оубо плодами сѣхъ, потрѣбѣ естества исполняющи. Елїссей же подобно тѡежде имѣ житіе, съ иными благими, и еже въ пѣстынѣхъ оусерднѡ жити ѡ оучителя воспріавъ, и іѡаннъ же въ пѣс-

гортани: и разнообразие снедей низлагает, и истребляет твердость добродетелей.

Ибо сладости и приправы и для хорошо уже утвердившейся добродетели делаются осадными и стенобитными орудиями, колеблющими и ниспровергающими ее твердыню и укрепление. Но как роскошь губительна для добродетели, так умеренность обыкновенно разрушает так же укрепления порока. Как стену Иерусалима, то есть души умирной, разорил архимагир вавилонский, повременным искусством вринув ее в плотские удовольствия, так *катящееся тесто* израильского ячменного хлеба ниспровергло *шатер Мадиами* (ср.: Суд. 7, 13).

Ибо умеренный образ жизни, катясь и преуспевая, по большей части уничтожает блудные страсти. Мадианитяне служат образом блудных страстей, потому что они приводят к Израилю блудниц и обольщают великое множество юных. Весьма же прилично сказано в Писании, что мадианитяне имеют шатры, а Иерусалим стену, потому что объемлющее добродетель укреплено и твердо, а содержащее в себе порок есть одна видимость, шатер, ничем не отличается от призрака.

Посему-то святые убежали городов и отвращались многолюдных встреч, зная, что обращение с людьми развратными гораздо тлетворнее заразной болезнью. Посему, ничего не взяв с собою, оставили имущества свои в добычу другим, отказавшись от развлечения ими. Посему-то Илия, оставив Иудею, обитал на пустынной и наполненной зверями горе Кармильской, кроме дерев, ничего не имея к утешению себя пищею, потому что довольствовался древесными плодами, ими удовлетворяя необходимой потребности. Подобно и Елисей вел такую же жизнь, заимствовав у учителя с другими добрыми качествами и любовь к пустынножитию. И Иоанн, живя в пус-

тыни ѡвнтающи иордана, акриды їадаше, и медъ дивїи, показющи многимъ, какова єсть безматѣжнаа потреба тѣлесє, и поношаа имъ попечительное наслажденїе. Нѣгли же и вообще сицевый мѡисей полагаєтъ законъ, ѡ маннѣ израильтанѡмъ заповѣдаа, еже довольное дню собирать точїю (ѿ Мѡис. 51, д): дневнѣ тайнѡ быти повелѣваа человекѣскѣ житїю, и не приготавлиаема, почитаа сїе за подобающее словесномѣ естество, довольнымъ быти прилѣчившимся, пробихъ же вещь раздательемъ исповѣдати бѣга. Или тѣ, кои впрѣдѣ дѣлаютъ приготавлиенїа, кажутца не вѣрити промыслъ и благодати бжїей, їакѡ не всегда источающей на человекѣки прїсныа дары.

И вкратцѣ реци, сегѡ ради вси стїи, їже не бѣ достоинъ весь мїръ, ѡставиша вселеннѡю, въ пѣстынахъ скитающеа и въ горахъ и въ вертепахъ, и въ пропастьехъ земныхъ, и проидоша въ мїлѡтехъ, и въ козїнхъ кожахъ, лишени, скорбѣще, ѡслоблени (Евр. 11, 38. 37), слонравнѣйшихъ человекѣскихъ ѡбѣгающе слобѣ, и їаже во градѣхъ волнѡщихъ и премѣнающихся вещь. їакѡ да не оусїлїемъ стремленїа, їакоже ѡ насїлїа истощника, внесены бѣдѣтъ въ неразличающее многихъ вещь смѣшенїе, радѡщесѡ же сожитїю со звѣрьми, їакѡ ѡ сїхъ вредѣ меньшїи, нежели ѡ человекѣкѣ, бываєтъ: сѣдиша оубо, паче человекѣкѣ їакѡ навѣтныхъ бѣгати, ввѣратисѡ же звѣремъ їакѡ дрѡгѡмъ: ниже бо сїи оучатъ слобѣ, они и добродѣтели чѣдѣтсѡ, и онѡю чѣдѣтъ. Лице оубѡ данїїла погубїша, їакоже мнѣша, человекѣцы, спасоша же львы, їже ѡ ненависти неправеднѡ ѡсѣжденна, сїи сохранише, и правдѣ въ человекѣцѣхъ безмзды ѡставленнѡю, сїи правый ѡ неправеднѡ ѡсѣжденномъ сѣдѣ возвѣстївшїи, и бысть добродѣтель мужа человекѣкомъ оубѡ ненависти и вражды случай, звѣремъ же стыдѣнїа и чествованїа вина.

тыне иорданской, вкушал акриды и дикий мед, показывая многим, как не трудно удовлетворять потребности телесной жизни, и укоряя за обременительное наслаждение. А может быть, что и Моисей, вообще предвозвещая что-либо подобное, дает израильтянам закон о манне — собирать ее изо дня в день, прикровенно повелевая сим, чтобы содержание человеческое было только однодневное, а не вперед заготовленное, ибо почитал приличным разумной природе довольствоваться тем, что есть, а раздаятелем прочего признавать Христа. Заботящийся же о том, что впереди, показывает тем, что не верит Божией милости, как будто она не всегда источает людям неистошимые дары.

И кратко сказать: посему-то все святые, *которых не был достоин мїр*, оставили обитаемую вселенную, *блуждали по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли, и скитались в овечьих и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления* (Евр. 11, 38. 37), бегая человеческих благовидных пороков и странных дел, наполняющих города, чтобы силою их стремления, как потоком, не быть насильно увлеченными в безразличное смешение толпы, радуясь же пребыванию со зверьми и вред от них почитая меньшим вреда от людей, лучше же сказать, бегая от людей, как от злокозненных, и доверяясь зверям как друзьям, потому что они не учат пороку, но дивятся добродетели и чтут ее. Так Даниїла погубили, как им думалось, люди, а львы спасли; и они, сохранив осужденного по ненависти несправедливо, дали тем знать, что нет справедливости у людей, провозгласив правдивый суд над осужденным несправедливо; и добродетель мужа соделалась для людей предлогом к зависти и раздору, а для зверей поводом к уважению и чести.

Ѣлицѣмъ оубо любовь къ лучшей жизни привселіса, поревнимъ добродѣтелемъ стыхъ, и оудалившеса повелѣній рабскихъ тѣла, свободѣ гонимъ: и ѿ зиждителя въ пѣстынѣ ѡставленнаго дивѣаго ослѣ (Іѡва лѣ, ѿ), и оукореніа трѣвѣющаго дани, не слышащаго, и посмѣвающагоса многѣ народѣ града, аще и до нынѣ время носити, оустроихомъ того, страстемъ и слобамъ подпрѣгнувши, но нынѣ оубо разрѣшимъ ѿ оузъ, аще и прекословатъ, не естествомъ господіе, но ѿ ѡбычаа господство притажавши: всѣчески слышающе, не ѡзыкомъ единѣмъ, и простымъ гласомъ, но расположеніемъ глаголюще намъ: іакѡ гдѣ егѡ трѣвѣетъ (Матѣ. кѣ, г), аѡте же послютъ ѡ, да оукрашенный апостольскими одеждами, колесница слова бѣдетъ: или на прѣжней ѡставленный пажити, создаи всѣкагѡ цвѣтѣщагѡ да ищетъ, еже естъ процвѣтающимъ бжѣственнагѡ писаніа слѣдѣа глаголамъ, рѣководитиса въ чѣдное житіе, и пищѣ вкѣпѣ и оувеселеніе плодоносѣщее многое. Вкѣпѣ же и искати подобаетъ, какѡ создаи всѣкагѡ цвѣтѣщагѡ ищетъ, иже въ пѣстыни ѡставленный ѿ бѣа дивѣи ослѣ, пищѣ имѣа пѣстыннѣ, и сѣнь имѣщій, сланость сланости и пѣстыни, іакѡ большею частію не совѣмъ къ произрастѣнію злака сѣщей оудобнѣй; аще не оубо кто речетъ, не имѣти страстей, доволно естъ, искати видѣніа въ бжѣственныхъ словесѣхъ, ко иѣсѣшенію влаги страстей.

ѡставимъ житейскіа вѣци, и ко блѣгамъ дѣшии возникнемъ. Докѡлѣ въ дѣтскихъ оувеселеніихъ превываемъ, мѣжественнагѡ николиже воспріемлюще мѣдрованіа; Докѡлѣ тѣаніемъ славлше ѡтрокѡвъ дѣемъ, ниже ѿ нихъ въ преспѣаніе большихъ дѣлѣ рѣководими бываемъ; Онѣ премѣнѣа вѡзрасты, и оустроеніа ко играмъ премѣнаютъ, и еже къ вѣществамъ оудобнѣ

Посему, в ком всеяна любовь к улучшению, поревнуем добродетели святых и, отказавшись от служения повелениям плоти, поищем свободы, пойдем вслед *дикого ослѣ*, отпущенного Создателем в пустыню, не слушающего *угрозъ сборщика податей* и смеющегося *над городским многолюдством* (ср.: Иов. 39, 5. 7). И если донныне готовили мы его к ношению бремени, наложив на него ярмо греховных страстей, то разрешим, по крайней мере, от уз. Если и будут прекословить сему не урожденные господа, но приобретшие владычество по навыку, то, конечно, слыша, если только услышат, что не одним языком и не просто голосом, но внутренним расположением говорим им: *Господь его требует* (Мф. 21, 3), немедленно отпустят его, чтобы, украшенный апостольскими ризами, соделался колесницею Слова или, отпущенный на древнюю пажить Слова, *вслед всякого злака искал* (ср.: Иов. 39, 8), то есть, следуя исполненным силы изречениям Божественного Писания, путеводился ими в жизнь неукоризненную, приобретая вместе и обильную пищу, и великое наслаждение. Но должно при сем доискаться, как пущенный Богом в пустыню дикий осел *вслед всякого злака* ищет, имея *жилищемъ пустыню и обиталищемъ солончаки* (ср.: Иов. 39, 8. 6), когда солончак и пустыня большею частью не очень способны к произращению травы. Разве скажет кто, что для того, в ком не было страстей, при истреблении в себе питающего страсти достаточно взыскать поучения Божественным словесам.

Оставим дела житейские и обратимся к душевным благам. Долго ли будем оставаться при детских игрищах, нимало не восприемля мужественного образа мыслей? Долго ли будем в поступках неможнее самых малых младенцев, и их примером не руководствуясь к преуспеянию в важнейшем? Они с изменением возраста изменяют и

ѡставлѡютъ пристрастіе¹. Карїи бо негли ѡмъ и лодыжки и шары, игры есть вещества, и къ сїмъ пристрастны сѣтъ, дондеже еще несовершеннѡ мѡдрованїе ѡмѣтъ, и честна нещѣютъ сїа: аще же преѡспѣлавъ кто вѣдетъ мѡжъ, ѡвергши онаа, и ѡ дѣлѣхъ со многимъ тцанїемъ прилѣжати вѣдетъ.

Мы же преѡхѡмъ въ ѡтрочествѣ, оудивлѡющеса достѡйнымъ икры и смѣха, и коснѣтиса тцанїа лѣшихъ вещей, и воспрїати помыслъ мѡжѣмъ подобающїи ѡставивъ, въ земныхъ оуслажденїихъ пребываемъ, смѣхъ подающе разсѣждающимъ вещи по слѣдствїю естества. Иакоже бо срамно мѡжа совершенна зрѣти въ персти сѣдѡца, и на песцѣ оутѣхи дѣтскїа пишѡца, сице срамно, и многѡ срамнѣе есть наслажденїе вѣчныхъ благовъ содѣловающихъ, въ персти валѡющихса зрѣти, непристойностїю предначинанїи посрамлѡющихъ совершенство ѡбѣтованїа. Сегѡ же намъ винѡвно, иакоже ѡбыче, еже ничесѡже помышлѡти больши зримыхъ, ниже ѡ сравненїа скѡдости настоѡщихъ, преимѣщество познати иаже тамъ благовъ, прежде ѡсїаннимъ намъ ѡ свѣтлости иаже здѣ мнимыхъ честныхъ ѡбдержатиса, и къ сїмъ пригвождѡти вожделѣнїе. Прїснѡ бо за неимѣнїемъ лѣшихъ, почитѡтса хѣждшаа, ѡныхъ наслѣдствѡюще мѣсто. Иако аще бы ѡмѣли ѡхѡмъ высочайшее ѡ вѣдѡщихъ понѡтїе, не бы къ сїмъ зїающе преѡхѡмъ.

Начнемъ оубо оустранѡтиса настоѡщихъ, презирѡимъ стажанїа, и богатство, и всѡ потоплѡющаа помыслъ, и погрѣженъ низносѡщаа ѡный: ѡринемъ ѡбременѣнїе, и да малѡ возникнетъ корабль, и вѣржемъ ѡбвѣреваемѡ и ѡ сосѣдѡвъ многїа, дабы кормчїи оумъ,

расположение к играм и легко оставляют пристрастие¹ к служившему забавою. В детстве служат им забавой, может быть, орехи, кости, шары, и к ним бывают пристрастны, пока не придут в совершенный разум, и почитают для себя достаточным заготовлять это. Но как скоро, преуспев, делается кто мужем, бросает сие и с великим тщанием принимается за дела.

А мы остаемся в младенчестве, дивясь тому, что свойственно детству и достойно осмеяния, не хотим позаботиться о лучшем и подумать о том, что прилично мужам, но, оставив это, забавляемся делами земными, доставляя повод к смеху тем, которые судят о делах сообразно с естественным порядком возрастов. Как срамно глядеть, когда совершенный муж сидит на куче золы и чертит на пепле детские забавы, так срамно, и гораздо срамнее, видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей и несообразностию поступков срамят совершенство обета. А причиною сего у нас, как кажется, то, что не представляем себе ничего важнее видимого, из сравнения малоценности настоящих благ не познаем превосходства благ тамошних, и, озаряемые блеском благ, почитаемых здесь досточестными, останавливаемся на них, и к ним прилепляемся пожеланием. Ибо при отсутствии лучшего всегда высоко ценится худшее, заступая место лучшего. А если бы имели мы более высокое понятие о благах будущих, то не останавливались бы с удивлением на благах здешних.

Поэтому начнем устраняться настоящих благ, пренебрежем и имущество, и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысел, выбросим груз, чтобы ладия сколько-нибудь поднялась из воды; обуреваемые, выкинем и многие снаряды, чтобы мог спастись ум (кормчий) вместе

¹ родъ дѣтскихъ игрѡшекъ.

¹ Род детских игрушек.

съ соплывѹщими спасти́са мѡгъ пѡмыслы. ꙗ́ще бо на мѡри плывѹще, ѡбщреваемъ презира́ютъ ѡмѣнѣ, и тѡжестъ своими рѹкѡми въ мѡре вверга́ютъ, за вторѡе ѡмѣнѣ жи́знь сѡда́ще: и да не напѡлненный корѡбль бѣдствѹетъ тѡгостѣю брѣмене подавлѡемый, ѡблегчѡютъ сѣй, лѹчшаѡ почти́ ѡзъ вещь во глѹбинѹ мѣщѹще. Чесѡ же рѡди и мы, рѡди лѹчшѣѡ жи́зни, не презира́емъ влекѹщаѡ въ бѣзднѹ дѹшѹ; чесѡ рѡди не мѡжетъ стра́хъ бѣжѣи, е́лику мѡжетъ мѡря стра́хъ; Тѣи вождѡлѣюще приврѣменнаѡ жи́зни, тщѣтѹ кѹпли не за вели́ко сѡда́тъ: мы же вѣчнаѡ жи́зни вождѡлѣѣти глагѡлющѡса, ниже́ врѣменнаѡ презира́емъ: но желѡемъ пѡче съ брѣменемъ погѣбнѹти, нежели спасти́са, ѡныхъ лишѡемъ.

Совлечѡмъ, молю, всѡ: на́гъ бо стои́тъ прѡтивникъ. Нижѣ бо борѹщѣисѡ ѡблечѣнни борѹтсѡ, наги́хъ ѡныхъ на поприще подви́жничѣскѣй вывѡдитъ закѡнъ: ꙗ́ще жаръ, илѣи ꙗ́ще хлѡдъ, тѡкѡ вхѡда́тъ ѡдѣжды внѣ ѡсѡтавлѡюще. ꙗ́ще же ктѡ ѡ ѡныхъ ѡбнажѣнѣѡ ѡречѣтсѡ, и по́двигѡ ѡречѣсѡ: мы же по́двизѡтисѡ заповѣдѹемъ, и со врагѡми мно́гѡ чувственнаѹхъ сѣльнѣйшими борѹщѣисѡ, не тѡчѣю не совлекѡисѡ, но и безчи́сленнаѡ на ра́менахъ бременѡ носѡще покѹша́емсѡ по́двизѡтисѡ, мно́гѣѡ врагѡмъ прѡтивѹ самѣхъ себѣ подаѹще прѣѡтѣѡ.

Кѡкѡ бо бра́тисѡ бѹдетъ къ дѹховѡмъ слѡбы, вождѡлѣющѣй стѡжѡнѣй, ѡвсю́дѹ о́добнѡ зашѡемъ; кѡкѡ же бра́тисѡ бѹдетъ прѡтивъ дѹха сребролю́бѣѡ, ѡбладѡемъ богѡтствомъ; кѡкѡ же потечѣтъ на на́гѡ всѡкагѡ попечѣнѣѡ бѣсы, безчи́сленными попечѣнѣми свѡзанный, бѣжѣственномѹ глагѡлющѹ писѡнѣю: на́гъ побѣгнетъ въ тѡй дѣнь (ꙗ́мѡс. ѳ, 51);

На́гѣи, не ѡдѣждами мно́гѡшвѣнными попечѣнѣѡ житѣйскиѹхъ дѣлъ свѡзанный: на́гѣи, не стѡжѡнѣй и богѡт-

с плавающими добрыми (καλούς) помыслами (λογισμούς). Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают груз в море, имущество ставя ниже жизни, чтобы корабль, обременяемый тяжестью груза, не подвергся опасности, зачерпнув в себя воды, облегчают его, бросая в глубину, может быть, и дорогие редкости, то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему не столько силен страх Божий, сколько силен страх моря? Те из любви к временной жизни невысоко ценят утрату того, что везут, а мы, говоря о себе, что вожделеваем Вечной Жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть вместе с грузом, нежели спастись, лишившись его.

Посему, умоляю, совлечемся всего — противник стоит обнаженный, потому что борцы не вступают в борьбу одетыми: закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли так они выходят, вне поприща оставляя одежды. Если же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, когда у нас борьба с сопротивниками, которые гораздо деятельнее борющихся чувственно, не только не совлекаемся одежды, но, тысячи бремени неся на плечах, вступаем в подвиг, доставляя тем противникам множество удобств захватить нас.

Как сражаться с духами злобы домогающемуся имуществ, когда отовсюду удобно наносятся ему удары? Как бороться с духом сребролюбия осыпанному деньгами? Как обогнать обнаженных от всякого попечения демонов облекшемуся в тысячи забот? Божественное Писание говорит: *Нагим убежит в тот день* (Ам. 2, 16).

Наг, кто не облечен в многочисленные рубища заботы о делах житейских, наг, кому многосложные помыслы о

ства многовещественными къ теченію восплащаемый помыслы: не оудобъ плѣннѣмъ бо, и ли не плѣннѣмъ, навѣтѣющымъ ѣсть нагій. И ꙗкоже бы былъ нагъ великій іосифъ, не ѡбрѣла бы за ꙗже оухватити египтянка, ꙗкоже глаголетъ бж҃іе слово, ꙗко оухвати егѡ за ризы, глаголющи: лѣзи со мною (Быт. 48, 11). Ризы же сѣуть вещи телесныя, чрезъ нѣже влечетъ держаща сласть: и ѡбдержимомъ сими нѣжно борюща привлекаются вземлющими. Сѣи оубо цѣломудрїи подвижникъ, ꙗкоже видѣ и ѡ нѣжныя потребности тѣла влекома себѣ насилѣмъ къ ѡбщенію и соединенію сласти, оузнавъ, ꙗко нагомъ подобаше сопребывати могущей оудержати господѣ, и насилovati, ѡставивъ ризы оубѣжѣ, и изыде вонъ, ꙗкоже въ раю, добродѣтелию нагъ ходящій въ подражаніе первосозданнаго, иже изряднѣю чѣсть ѡ бѣга наготѣ прїавъ имѣ, доколѣ чрезъ преслушаніе потребѣ оудѣждѣ возимѣ. Доколѣ оубо подвижался со врагѣи со вѣтѣющими разрушити заповѣдь бж҃ію, нагъ ꙗко подвижникъ на поприщѣ бысть: побѣжденъ же и боленъ бывъ по достоанію ѡблѣкся, наготѣ съ подвижническимъ чиномъ ѡложивъ.

Сегѡ ради приточникъ къ оустрѡителю подвиговъ слово глаголетъ: возми ризѣ егѡ, прїиде бо (Притч. 13, 11). Доколѣ оубо бѣ вне поприща, добрѣ ризы не подвижающихся оупотребляше, подвижническое мужество ризами чувственными прикрывающи. Но понѣже на подвигъ прїиде, вземли ризѣ егѡ: нагъ бо подвижатся подобаетъ, паче же не нагъ точію, но и елемъ ѡблѣченъ. Еже бо ѡбнаженъ быти, не оудобоемлема творитъ противникъ подвижника: елей же, ꙗко и схваченъ будетъ когда, избѣгнѣти изъ ѡблѣченъ оустроаетъ.

И сегѡ ради противники перстїю ѡсыпати тѣются противникѡвъ, да перстїю скользкость елей ѡжесто-

деньгах и имуществе не препятствуют в скорости бега, потому что нагого трудно и даже невозможно уловить злоумышляющим. Если бы великий Иосиф был наг, то египтянка не нашла бы, за что ухватить его, ибо говорит Божественное слово: *Ухвати его за одежду, говоря: ложись со мной* (Быт. 39, 12). Одежда же суть дела телесные, за которые влечет преобладающее сластолюбие; и кто заботится о них, тому необходимо увлекаться, борясь с совлекающими. Так, подвижник целомудрия, как скоро увидел, что и необходимою потребностью тела насильно увлекается к удовольствию общения и единения, познав, что должно было нагим жить при госпоже, которая могла удержать и принудить его, *оставил одежду свою в руках ее и побежал вон* (Быт. 39, 13), как в раю, ходя в добродетели нагим в подражание первозданному, который, в преимущественный дар прияв от Бога наготу, хранил ее, пока преслушанием не доведен до потребности одежд. Ибо, пока боролся с сопротивниками, внушавшими нарушить Божию заповедь, как борец на поприще, стоял нагим; побежденный же и оставивший борьбу, как и следовало, был облечен в ризу, с прекращением подвижнического состояния оставив и наготу.

Посему-то Приточник, обращая речь к умушающему, говорит: *Отними у него одежду, ибо прошел (перасе мѣса)* (Притч. 27, 13). Пока был вне поприща, хорошо пользовался и одеждами неборющихся, облечением в одежды скрывая в себе мужество борца. Но поскольку вступил в подвиг, *отними одежду его*, потому что бороться должно нагому, и не только нагому, но даже и умашенному. Обнажение делает, что борца не за что ухватить противнику, а умашение елеем, если и будет схвачен, дает возможность ускользнуть из рук схватившего.

Почему противники стараются друг друга осыпать землю, чтобы, пылью придав шероховатость гладкости

чѣвъ, оудобоёмлемы тѣмъ къ поиманію содѣлаютъ. ꙗ́же ѣсть тамъ персть, сѣ въ нашемъ подвигѣ земныя вещи: ꙗ́же ѣсть тамъ елей, сѣ здѣ нерадѣніе ѡ вещахъ: ꙗ́коже тамъ ѡблѣанный елеемъ оудобнѣ разрешаетъ глаголемыя оу нихъ свѣзаніа ѡ сплетеніа сѣти: ꙗ́ще же воспріиметъ персть, не оудобѣ избѣглы бы рѣки приражающагѡса: такъ здѣ, ни ѡ часѡмъ же пекѡщійса неудобовлаемъ ѣсть ѡ діавола, пекѡщійса же ꙗ́ попеченыи ꙗ́къ перстію нѣкоею ѡ жесточающій легкость оума, неудобѣ избѣгнетъ рѣки ѡнагѡ.

Совершенныа души ѣсть, безпопеченіе, несовершенныа же, попеченыи оудрѣчатса: ѡ совершеннѣи бо души речено, ꙗ́къ крѣнь ѣсть въ терніи (Пѣсн. пѣсн. в, в). Сѣ же со многопекѡщимса безпопечительнѣ живѡщю души ѡвлѣетъ. Крѣнь бо ꙗ́ во евлѣи безпопечительнѣю ѡзначаетъ души: ни трѣждаетса бо, глаголетъ, ни прѣдетъ, ꙗ́ большею соломоуна ѡвлечеса славою (Матѡ. 51, кн): ѡ ѡмѡщихъ же многое попеченіе въ тѣлесныхъ, всако житіе нечестиво въ попеченіи. ꙗ́бо воистиннѣ ѣсть нечестиво, ѣже всемѣ житію сопростирати попеченіе ѡ тѣлесныхъ, ꙗ́ ни единое ѡ вѣдѡщихъ ѡвлѣти тѣаніе: ꙗ́ ради тѣла оубѡ, хотѣ не многоагѡ трѣбѡщагѡ времени, все ѡждивати время: души же ради толикою ѡмѡщей долготѣ прѣспѣаніа, ꙗ́къ не долѣти всемѣ житію къ совершенствѣ еѣ, ниже малѣ времени оудѣлати. ꙗ́ще же ꙗ́ нѣкое (время) возмнѣмса оудѣлати, не тѣательнѣ ꙗ́ нерадѣнѣ ѡной сѣ подаемъ, ѡ тѣеславіа видимыхъ прельщѣаеми, ꙗ́ подобнѣ страждѡще тѣмъ, ꙗ́же ѡ сквернобразныхъ блѣдницѣ привлекѡтса, ꙗ́же немѣнѣемъ природныа красоты, лѡжнѣю хитростнѣ для зрѣщихъ оустроевѡютъ, вымыслѣнѣи притираніи неблагобразіе ѡсправляюще: единойды бо сѣтою настоѡщихъ побѣжденни срамъ веществѡ зрѣти не мѡжемъ, ѡ пристрастіа ѡбольщѣаеми.

елея, сделать противника удобоудержимым, когда будет схвачен. Но что там — пыль, то в нашем подвиге дела земные, и что там — елей, то здесь неимение попечений; и как там умащенный удобно разрешает так называемые у них прицепки, а если падет на него пыль, с трудом избегает руки противоборца, так и здесь не пекущийся ни о чем неудоболовим для диавола, а кто заботится и попеченіями, как бы пылью какою, придает шероховатость гладкости непопечительного ума, тот с трудом избавляется из руки диавольской.

Не иметь попечений свойственно душе совершенной, а сокрушать себя заботами — душе нечестивой, ибо о совершенной душе сказано, что она *как лилия между тернами* (Песн. 2, 2), а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живет без попечений. Лилия и в Евангелии означает душу, не имеющую попечений, ибо сказано: *ни трудится, ни прядет*, а паче Соломона облекается *славою* (ср.: Мф. 6, 28–29). О тех же, которые имеют много забот о телесном, говорится: *Вся жизнь нечестивого в заботе* (Иов. 15, 20). И подлинно нечестиво на целую жизнь распростирать попечение о телесном и не оказывать никакого старания о будущем; для тела, хотя оно и не требует большего о нем тѣанія, тратить все время, а для души, у которой такой длинный путь к прѣспѣанію, что не достанет и целой жизни для довершения оногѡ, не уделить и сколько-нибудь времени. Ибо если и уделяем по видимому несколько, то делаем это лѣново и нерадивѡ, уловляемые блистательностию видимѡго, подвергаясь тому же самому, что терпят обольщѣаеми гнусными распутными женщинами, которые, по недостатку красоты природной, примышляют поддельную для обмана зрителей, примышленіем притираний поправляя свое безобразіе. Ибо, однажды будучи прѣпѡбеждены сѣтнѡстию настоѡщагѡ, не в состояннѣи мы видѣть гнуснѡсть веществѡ, обманываемыи пристрастіем.

И сего ради при нуждѣи не пребываемъ потребѣ: сѣтотъ же стѣжающею житію предпоставивъ, различными стѣжаними оупокоеваемса не зраще, ѿкъ мѣра стѣжаніа, есть потреба тѣлесѣ: превосходящее же сѣю, неукрашеніе прочее, и не к томѣ потреба есть. Икоже во соразмерный тѣлѣ хитѣнъ, и потреба и оукрашеніе есть: ѿвсюду же долгій, и ногамъ соплетаются, и влекущійса по землѣ, кромѣ нечестности и воспаченіе ко всакомѣ дѣланію бываеетъ: такъ превосходящее потребѣ тѣла стѣжаніе, и къ добродѣтели есть препятіе, и многое имать ѿсужденіе оу могущихъ распознавати естество вещей.

Нижѣ во ѿ чувственныхъ прельщеннымъ внимати подобаеетъ, нижѣ ради непрываніа въ мысленныхъ, пристрастнымъ къ дѣльнымъ послѣдовати безразсуднѣ подобаеетъ: тожде бо есть, сѣдѣи слѣпыхъ имѣти ради цвѣтѣвъ, или глѣхихъ для звѣковъ мѣсикійскихъ, лишенныхъ ордѣи къ разсудженію вещей. И сѣмъ вѣрити, ѿкъ по разсудженію избравшимъ наслаженіе настоящихъ: слѣпи бо сѣтъ, нуждѣишагѣ ордѣи разсѣдка лишены, коимъ обыкновеннѣ разсудаемы бываютьъ вещи тщательнѣ и безпристрастнѣ.

Единъ ѿ сихъ вѣ ахаръ, сынъ харминъ, исповѣдующій исѣсѣ въ скініи предъ народомъ, ѿкъ оукраденнаа сокрови въ землѣ, и сребро сокровенно подъ ними (исѣс. нар. 3, 3а): многообразнаа бо вещества, и свѣтлаа за вышшаа сѣдѣвъ, разѣмъ же подъ ними сокровѣвъ, праведнѣ прельцаеетса по подобію безсловеснагѣ, покарѣмса и предамса мечтанію оугоднагѣ, за еже снѣти разсѣдкѣ ѿ господственныхъ престѣловъ, и въ чинѣ рабѣвъ паче ѿсужденныхъ быти: аще бо былъ сѣи въ своемъ поставленѣ чинѣ, и сѣдѣ ввѣренный себѣ производилъ на

И потому-то не останавливаемся на необходимой потребности, но, поставив для себя целию неумеренное пресыщение жизнью, домогаемся всякого рода приобретений, не примечая того, что мерою приобретения служит телесная потребность и престающее меру сию есть уже бесчине, а не потребность. Как соразмерная с телом рубаха составляет и потребность, и украшение, со всех же сторон обвислая, опутывающая ноги и влекущаяся по земле при безобразии делается препятствием во всякой работе, так и имение, превышающее телесную потребность, и для добродетели служит препятствием, и подвергается великому порицанию тех, которые в состоянии исследовать природу вещей.

Посему не должно обращать вниманія на тех, которые обольщены чувственным, и безрассудно следовать тем, которые, по невнимательности к мысленному, пристрастились к земному. Это значило бы то же, что для цветов сделать судьями слепых или для мусикійских звуков — глухих, лишенных способностей судить о том, что оценивается, и им поверить, как по разуму избравшим наслаждение настоящими благами. Ибо слепы те, у кого самых необходимых способностей судить лишен рассудок, которому обычно произносить суд о достойном уваженіи и о безразличном.

Одним из них был Ахар, сын Хармии, признавшийся Иисусу, что в шатре (σκηνή) [жизни] скрыл украденное под землю и под этим зарыл серебро. Ибо, кто пестрые и блестящие вещества ценит выше, а разум зарывает под ними, тот естественно обманывается, падая подобно бессловесному и предаваясь представлению понравившегося, потому что рассудок низвел он с правительственного престола и поставил наряду с подчиненными, вернее же сказать, наряду с подсудимыми. Ибо если бы он пребывал в собственном своем достоинстве и ему вверен был суд

ѡвладѣемыми вещами, истинное и справедливое изрѣкль бы ѡпредѣленіе, возбранивъ текуще стремленіе къ прелѣстнымъ. Добрò оубо въ предѣлѣхъ потребы пребывати, и старатиса всею сіа не превосходити. Яще бо кто малу преведѣтсѡ ѡ желаніа къ сладостамъ житѣйскимъ, ни единое прочее слово оудѣрживаетъ къ преднимъ стремленіе. Ёже бо паче потребы, предѣлъ ни единъ. Но неразумное тцаніе и некончаемый счетный трудъ, ёже къ сімъ желаніе оумножаетъ винъ, ѡакоже плама приложеніемъ вещества питающій вожделѣніе.

Егда бо единое предѣлы прешѣше естественна нѣжды, въ вещественномъ начнѣтъ оупсѣвати житіи, къ хлѣбѣ оубо прилагати сладкое прибавленіе хотѣтъ: къ водѣ же потребное вино, и ѡ сегò многоцѣнное: въ одеждахъ же потребныхъ ходити не терпѣтъ, но первѣе оубо ѡ волнѣ свѣтлыа кѣпѣютъ, самой цвѣтъ волны избирающе: ѡвѣе преходѣтъ ѡ сіхъ къ сотканымъ ѡ льна, и волны имѣющимъ оустроеніе: ѡвѣе шелквыа содѣваютъ, и сіа простыа оубо первѣе, ѡвѣе же изпещреннаа браньми, и свѣрьми, и повѣствованіи много-различными. Сосѣды же серебряны, и позлацены оустро-аютъ, не тѣчю ѡаствамъ слѣжащыа, но и живѣтнымъ и одрамъ излишнѡ предлежащыа.

И что потребно немѣренное оныхъ болѣе предлагаати любочестіе, когда и до нечестнѣйшихъ даже потребъ сіе простираютъ: ниже сосѣды испражненіа оудостоевающе ѡ инѡгѡ вещества стрѣити, яще не и семѡ срамномѡ дѣлѣ слѣжити вѣдетъ серебрò. Такогѡ бо сласть даже до послѣднихъ себѣ простираючи, и безчестнаа издѣлаа многоцѣннѣемъ вещества почитаетъ: сіе же паче естества ёсть имѣти прочее.

над видимым, то произнес бы правдивый и верный приговор, не дав воли стремлению к тому, что обманчиво. Посему прекрасно оставаться в пределах потребности и стараться всеми силами не преступать оных. Ибо если кто хотя несколько увлечен пожеланием к приятностям жизни, то никакой разум не остановит уже стремления вперед: тому, что сверх потребности, нет уже предела, но ничем не ограничивающиеся старания и нескончаемая суетность непрестанно будут увеличивать труд над этим, питая пожелание, подобно пламени, которое питается подкладыванием дров.

Когда преступившие однажды пределы естественной необходимости начинают преуспевать в вещественной жизни, тогда желают они, чтобы к хлебу прилагалась приятная еда, а к воде — сперва обыкновенно употребляемое, а потом и более дорогое вино, одеждami же обыкновенно употребляемыми не соглашаются довольствоваться, но сперва покупают одеяния из шерсти, и притом более блистательные, подбирая и самый цвет шерсти, потом от сих одежд переходят к приготовляемым вместе из льна и шерсти, после сего делают одежды шелковые, и те сперва простые, а потом испещренные изображениями сражений, зверей и всяких историй; приобретают и сосу-ды серебряные и позолоченные, не только служащие для пиршеств, но и в излишестве поставляемые для животных и при ложах.

И должно ли больше сего говорить о сей излишней расточительности, когда простирают ее и на самые бесчестные потребности, и сосу-ды для извержений не почитая приличным делать из иного вещества, если на такое служение не будет употреблено серебро? Так сластолюбие простирается до крайности и самые бесчестные дела чтит драгоценностию вещества. Но это значит вести себя неестественно.

Ѣже бо по естествоу житію, намъ же и живѡтнымъ, тожде оуставлено ѿ творца. Се бо дахъ вамъ, глаголетъ бгъ человекѹ, всакѹ травѹ сѣменную, вамъ бдетъ въ снѣдь, и всѣмъ свѣремъ (Быт. 1, 29–30). Общю оубо прїавши съ безсловесными пицѹ, и сїю вымыслѣньми къ роскоши ѡбративши, какъ не безсловеснѣйшими почтенѣ были благословеннѡныхъ; яще же свѣри пребывають въ предѣлахъ естества, ничтоже преложивше ѿ повелѣній бжїихъ: мы же разумомъ почтенные совершени дрѣвнагѡ оуклонилиса законоположенїа. Какїа бо оу безсловесныхъ яствы, какїа хлѣбники и поварѡвъ худѡжества, бѣдномѹ чреву оустраютъ сласти: не прѣжнюю ли простотѹ любатъ, травѹ гадѹще, и малыми довольствуемы, и ѿ источника оупотребляющаа питїе, и сїе почти не частѣ: тѣмже и подчревныа сласти оумалаютъ, ни единою тѣсною пицею желанїа привоспалающе, ниже мѡжа и жены вѣдѹще различїе.

Едино бо имъ время лѣта сїе подаетъ чувствїе, егда естества законъ къ сѣанїю подобнагѡ сонтїе имъ въ продолженїи рода извербѣте. Въ иное же время такъ другъ друга чуждаются, якъ забвенїе прїати совершени такоагѡ желанїа. Человѣкомъ же ѿ многоцѣнїа брашенъ, блднѡа ненасытимаа страсть совозрастающа, неистовыа привсѣа желанїа, ни единое время побитиса ѡставляющаа страсти.

Понѣже оубо многъ въ стѣжанїахъ вредъ припослѣдуетъ, и всѣмъ страстемъ, якъ недѡготворнаа вина, подаетъ слѹчай: сїю истребїмъ винѹ, яще промыслѣемъ ѡ дѡшевномъ благоустроенїи, не стѣжанїемъ страсть сребролюбїа исцѣлимъ: вѣжимъ бесполезныхъ человекѡвъ собранїи, оуединенїе лобызающе. Привредно бо и мирномѹ оустроенїю тлетворно выветъ съ сѣетнѣйшими сожитїе. Якоже бо на воздухѣ заразитель-

Естественный образ жизни один и тот же определен Создателем и нам, и животным. *Вот, Я дал вам,* — говорит Бог человеку, — *всякую траву в поле, вам и зверям будет в пищу* (Быт. 1, 29–30). Посему, получив общее с бессловесными пропитание и своими примышлениями превратив оное в более роскошное, не по справедливости ли должны мы быть признаны неразумнейшими бессловесных, если звери остаются в пределах естества, не нарушая постановленного Богом, а мы — люди, одаренные рассудком, совершенно отступили от древнего законоположения? Ибо какие лакомства у бессловесных? Какие хлебники и повара тысячью искусств уготовляют услаждение бедному чреву? Не любят ли они древней скудости, питаясь травой, довольствуясь тем, что случилось, и в питье употребляя воду, и ту иногда редко? Потому и плотским удовольствиям предаются они реже, не воспаменя пожеланий никакою утучняющею пищею и не всегда зная различие мужского и женского пола.

Ибо чувство это дает им одно время в году, в которое естественный закон средством к продолжению рода избрал собирать их для посеяния подобных себе: в другое же время до того они чуждаются друг друга, что совершенно забывают о сем пожелании. А в людях от дорогих яств ненасытимая похоть любодейства всеяла неистовые пожелания, ни в какое время не позволяя утихнуть страсти.

Посему, так как приобретение имущества сопровождается великим вредом и, как нечто болезнетворное, служит поводом ко всем страстям, устраним самую причину, если только промышляем о благосостоянии души. Страсть сребролюбия уврачуем нестяжательностию. Возлюбив уединение, будем бегать сборищ людей бесполезных, потому что пагубно и тлетворно для мирного состояния пребывание с людьми легкомысленными. Как

номъ бываемые, всачески недѣлѣютъ: такъ и въ чело-
вѣцѣхъ нерадивыхъ сопривывающіе оучаствуютъ въ
слабѣ оныхъ. Что бо къ томѹ общее имѣтъ въ мірѣ,
ѡрѣкшіеса міра; Никтоже бо воинъ бываа ѡбазветса
къ плами житѣйскими, да воеводѣ оугоденъ бѣдетъ (Ѣ
Тим. Ѣ, д). Ибо въ кѡплѣ оупражненіе браннаа воз-
браняетъ подвиги. Искѣсны же искѣсными во бранѣхъ
сражающеса, какъ станемъ; Паче же, аще подобаетъ
истиннѡ рещи, такъ лѣностнѡ и нерадивѡ боремса,
ѣкѡ ниже лежащемѹ врагѹ можемъ противитса, и
стоащіе на падшаго врага навѣтовать.

Ѣже бо страждѣтъ иже на бранѣхъ ради сребро-
любїа, оубїенныхъ совлачающе, по побѣдѣ множицею
оубиваеми ѡ лежащихъ: и ради сквернаго прибитка
послѣ почестей погивающе: бѣднѣ страждемъ, лежащѣ
врагѹ и издыхающѣ приближающеса. Икоже бо тїи же-
ланїемъ богатства испытывающе мѣртвыхъ, множицею
къ полумѣртвомѹ нѣкоемѹ пришѣдше, и совлачающе,
тайнѡ прїавъ смертоносное пораженіе, падѡша, слава
ѣже при побѣдѣ прїаша безразсѣднѡ посрамивъ: такъ
мы, егда цѣломѹдрїемъ и воздержанїемъ повергли вар-
вара, илї мнїмса низвергнѣти, тогда возлюбивше одѣ-
жды ѣже оокрестъ егѡ, ѣже естъ оу челоѡкѣкъ чѣстна,
богатства, силы, благоустроенїа славы: приближаемса
къ немѹ прїати чтолибо желающе ѡ негѡ, и такъ оуми-
раемъ, самїхъ себѣ на заколеніе ведѹще.

Такъ погивѡша пать дѣвѣ чистотою оубѡ погубив-
шыа врага, немилосѣрдїа же ради, ѣже сребролюбїе раж-
даетъ, самїхъ себѣ на мечъ егѡ оустремившыа, котѡ-
рый лежа погубити стоавшыа не мѡгъ. Ничегѡ оубо ѡ
негѡ да не восхѡщемъ, да не вкѡпѣ съ егѡ вещьми и дѹ-
шѹ погубїмъ. Зовѣтъ бо и нынѣ къ онымъ, и склоняетъ
всѣхъ, аще ѡбращетъ наипаче преклоняемыхъ. Аще бо
самагѡ гда призываше глаголюци: сїа вса тебѣ дамъ,

бывшие в заразителном воздухе непременно делаются
больными, так и проводящие время с людьми всякого ро-
да приобщаются их пороков. Ибо что общего с міром у
отрекшихся от міра? *Никакой воин не вмешивается в дела
житейские, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2, 4).
Занятие куплями препятствует воинским упражнениям. А
не упражнявшись, как устоим в борьбе с искусившимися
в брани? Лучше же сказать, если уже говорить правду,
так лениво и нерадиво боремся, что не можем противить-
ся и поверженному уже врагу, и мы, стоящие, подверга-
емся злоумышлениям падшего.

Что терпят во время войны по сребролюбию обираю-
щие мертвых, часто после победы убиваемые лежащими
и ради гнусной корысти жалко гибнущие после приобре-
тенных трофеев, то же терпим ныне и мы, приближаясь к
низложенному и издыхающему врагу. Как те, по страсти
к деньгам, обыскивая мертвых, нередко, подошедши к
иному полумертвому и раздевая его, неприметно получа-
ли смертный удар и падали, неразумно посрамив славу,
приобретенную победой, так и мы, когда целомудрием
или воздержанием низлагаем или почитаем себя низло-
жившими варвара, тогда, обольстившись его одеждами,
которые у людей признаются дорогими, богатством, вла-
стию, здравием, честью, приближаемся к нему, желая
что-либо взять у него, и таким образом умираем, сами се-
бя предавая на убиение.

Так погибли пять дев, чистотою и воздержанием
умертвившие, а жестокосердием, какое порождается
сребролюбием, сами себя повергшие на меч, когда враг,
как низложенный, не мог умертвить их, твердо стоявших.
Посему не пожелаем ничего вражеского, чтобы с принад-
лежащим ему не погубить и душу. Ибо и ныне приглаша-
ет и побуждает к этому всех, особенно если найдет по-
слушных ему. Если и Самого Господа призывал он, гово-

ѡще па́дъ поклонѣши́са ми́ (Матѣ. ̑, ̑): ꙗ́ прельсти́ти покѡша́етса мни́мыми въ житїи́ свѣ́тлыми таковы́хъ не трѣ́бующагѡ: ка́къ же о́удобоёмлемыхъ чело́вѣкъ не возмни́тъ прельсти́ти, склѡнныхъ сѡщи́хъ къ наслажде́нїю чѡственны́хъ вещь; О́упражни́мъ, (подви́гнемъ) о́умъ ко благочѣ́стїю, ѡ́ще же тѣлѣ́сный ꙗ́справиса по́двигъ (ѡбѡ́ченїе) тѣлѣ́сный бо по́двигъ въ ма́лѣ ѣ́сть полѣ́зенъ, Ѡ́троческимъ при́личенъ о́ученїамъ: благочѣ́стїе же на все́ полѣ́зно ѣ́сть (Тїм. ̑, ̑), о́устроѡ́ющее въ дѡши́ благостроѣ́нїе жела́ющимъ проти́въ врагѡ́въ ст-расте́й побѣ́ды.

И́коже бо въ Ѡ́трочески́хъ ꙗ́гра́хъ бѣ́гающимъ под-ви́жникомъ тѣ́ло о́упражни́ти, ꙗ́ члѣны двї́гати ча́стѣ, мѡ́жествѡ́ же ꙗ́ подви́жнческїа́ крѣ́пости до́блественнѡ́ прилѣ́жати, ꙗ́ къ свѡ́щеннымъ прїѡ́готовлѣ́тиса под-ви́гомъ, благопристо́бно ѣ́сть: та́къ начина́ющимъ бла-гочѣ́стїе, прилѣ́жнѡ́ дѣ́йствиа́ (страсте́й) возбранѣ́ти. Любї́тельно бо быва́етъ, ѡ́ще ѡ́держатъ вла́сть на́д страсте́ми возжїга́емї вѡ́дчи ѡ́ совоспїтаннѡ́хъ сла-сте́й, ꙗ́ ѡ́ навькновѣ́нїа ко сла́бимъ нево́лею почти́ нѡ́дими: сѡ́щымъ же въ чїнѣ́ дѣ́лательныа́ добродѣ́тели, ꙗ́ ѡ́ о́управлѣ́нїи помышлѣ́нїа прѡ́чее пекѡ́щимса, вса́кимъ тѡ́цїанїемъ храни́ти подо́ба́етъ ра́зумъ, ꙗ́къ да не стро́и-нѡ́ двї́женъ бї́въ, низведѣ́тса къ чѣмѡ́либѡ ѡ́ несовер-ше́нныхъ.

И́ прѡ́стѡ ре́ци: Ѡ́вымъ о́убѡ ѣ́сть тѡ́цїанїе, тѣлѣ́сныа́ о́управлѣ́ти двї́женїа́: Ѡ́вымъ же стремлѣ́нїа о́удѣ́ржи-вати по́мысла, къ е́диномѡ́ любовѡ́дренномѡ́ при́лично склѡ́нѣтиса житїю́: ни́единомѡ́ мї́рскомѡ́ мечтѡ́нїю раз-влѣка́ющѡ ѡ́ бѡ́жественны́хъ размышлѣ́нїи ра́зумъ. Подо-ба́етъ бо о́устремлѣ́нномѡ́ бї́ти всемѡ́ желѡ́нїа бѡ́-честївагѡ́ къ вожде́лѣнномѡ́, ꙗ́къ ѡ́нїю́дъ не ѡ́брѣ́тати вре́мене чело́вѣческимъ помышлѡ́мъ дѣ́йствовати своѡ́ стра́сти. ѡ́ще бо вса́каа́ стра́сть, е́гда во ѡ́бдержї́момъ

ря: *Все сие дам Тебе, если, нав, поклонишься мне* (Мф. 4, 9), и тем, что почитается блистательным в свете, покушался обольстить Того, Кто не имеет в сем нужды, то ужели не помыслит обольстить удобоуловимых людей, склонных к наслаждению вещами чувственными? Будем же обучать себя благочестию, если имеет успех и обучение телесное: *ибо в телесном упражнении не много пользы, уподобляясь урокам, какие преподают детям, а благочестие на все полезно* (1 Тим. 4, 8), уготавливая в душе здравие желающим победы над противоборными страстями.

Как борцам, обучающимся еще на детских играх, прилично упражнять тело, часто приводит в движение члены, а возмужавшим в искусстве борьбы должно заботиться о подвижнической крепости и умягчать себя на священные подвиги, так начинающим учиться богочестию надлежит тщательно сдерживать деятельные силы: для них важно, если возобладают над страстями, будучи раздражаемы удовольствиями, в которых выросли, и почти невольно вовлекаемы в привычные худые дела, а пришедшие уже в состояние деятельной добродетели и заботящиеся о том, что разумно, обязаны со всем тщанием охранять рассудок, чтобы при беспорядочном движении не увлечься к чему-либо несовершенному, и притом недуманно.

Одни должны стараться о том, как управлять телесными движениями, а другие о том, как обучать стремления рассудка, стройно направляться к единому любомудренному поведению так, чтобы ни одно мїрское представление не отвлекло рассудка от Божественных помышлений. Ибо вожделение богочестивого должно быть всецело устремлено к вожделеваемому, чтобы вовсе не оставалось времени приводить в действие свои страсти по чело́веконенавистным помыслам. Если каждая страсть,

двѣжетса, содѣржитъ помыслъ плѣненъ: чегѡ же ради и ревность къ добродѣтели праздна сщцѣ ѿ прочихъ мысль не оудержитъ; Кѡе бо чѣвствіе внѣшнихъ іаракційса прѣмлетъ, съ мечтаніемъ ѡскорбѣвагѡ въ мысли борющійса; Желѡющій богатства, егда совосхищѡемъ ѿ мечтаніа, на приносѡщыа привѣтокъ вещества прилѣжнѡ взираетъ, ненаказанный же, множицею и собесѣдѡа ѡ чемъ съ нѣкѣими, скрываетъ въ себѣ чѣвства, и вожделѣнный ѡбразъ въ мысли прѣавъ съ ѡнымъ разглагѡльствѣетъ, забывъ настоѡщаа, и столпъ сѣдитъ безгласный, ничегѡ не вѣдаа ѿ бывѡемыхъ во ѡчесѣхъ, или постигѡемыхъ, оуглубившиса же во внѣтреннаа весь ѣсть мечтаніа.

Таковѡю дѡшѣ почти ѡдѣленнѡ сидѡщю именуется законъ, егда далѣкѡ ѿ чѣвствъ сидѡщи составлѣетъ свое дѣйствіе, ничесѡже совершеннѡ ѿ внѣшнихъ воспрѣмлющи, ради ѡбдержѡцагѡ ю сквернагѡ мечтаніа.

Ѣще же сіа такѡ ѡбдержѡтъ помыслъ ради пристрастіа, и праздно быти чѣвства оустроевѡетъ, кольми паче любовѡдрѣа раченіа ѡрециса, и чѣвственныхъ, и чѣвствъ сотворитъ оумъ, превыспренна восхищѡущи егѡ, въ видѣніи оумныхъ оупражнѡа, іакоже во сѣкѡмѣ, или жегѡмѣ, не бы вшелъ помыслъ, развѣ стѣснѡущіа страсти, ради ѡбдержѡщіа болѣзни: такѡ ниже чтолибо пристрастнѡ помышлѡющѣ, ещѣ помыслити мѡцно иное что, развѣ ѡбдержѡщіа страсти мысль, весь помыслъ своимъ качествѡмъ занѡвшіа. Болѣзнь во не прѣмлетъ трѡда, ниже печаль радости, ниже оунылость веселіа, ниже пакн трѡдъ сильный творитъ сладость, ниже ѡбѣмлющаа печаль радость имать припрѡженнѣ себѣ, ниже оунылость соединенѡ съ веселіемъ: но вкѡпѣ имѡтъ едина къ дрѡгой прѡтивныа страсти, и въ тѡежде не соединѡютса никѡгдаже, ниже преклонѡютса къ

когда приходит в движение, в обладаемом ею держит рассудок связанным, то почему же и ревности к добродетели не удержать мысль свободно от прочих страстей? Ибо приемлет ли извне какое ощущение раздраженный, борясь мысленно с представлением оскорбившего? А также жадный до денег, когда, увлеченный мечтанием, пригвождает взор к тому, что доставляет прибыль? Нередко развратный, сидя в обществе с другими, смежает свои чувства и, занявшись любимым лицом, с ним беседует, забывая присутствующих, сидит безгласным столпом, не зная ничего, что делается или говорится на глазах его, но, углубившись внутрь себя, весь занят своим представлением.

Такую, может быть, душу слово Божие именуется сидящею, когда она, став вдали от чувств, останавливает собственную свою деятельность, вовсе не приемля в себя ничего внешнего, по причине занимающего ее скверного представления.

Если же и сие, по причине пристрастия, столько овладевает помыслом и чувства приводит в бездействие, то кольми паче любовь к премудрости, восхитив ум в превыспреннее и заняв созерцанием мысленного, заставит его отречься от чувственного и от чувств? Как у человека, которого режут или жгут, помысел не пойдет далее ощущаемого страдания по причине преобладающей боли, так и тому, кто помышляет о чем бы то ни было со страстию, невозможно не устремлять всего внимания на ту страсть, которая занимает его сердце и помысел всецело соделала однокачественным с собою, потому что удовольствие не дает места скорби, радость — печали, веселие — унынию, а обратно, преобладающая скорбь не допускает удовольствия, овладевшая печаль не сопрягается с радостью, уныние не срастворяется веселием. Противоположные страсти несоединимы между собою, никогда не сходятся

дружескомъ сообщенію, ради ѿ естества въ нихъ непримиримыя вражды и чужденіа.

Да не оубо чистота добродѣтели помыслы мірскихъ вещей потемнитса: ниже воображеніа ясность, тѣлесными да возмѣтитса попеченьми: да ѿобразъ истиннаго любоводріа сіающій своею красотію, не ктомъ поношáетса ѿ дерзновенныхъ оустѣнъ: ниже вина посмѣаніа невѣдѣніа ради пишущихъ да бѣдетъ, но да хвалитса: аще не ѿ человекъ, но оубо ѿ вышнихъ силъ, или ѿ самаго вѣки хрѣта, ѿ негѣже и стїи искаша хвалы: іакѡ великій дѣдъ, поправый человекѣскою славою, и ѿ бѣа хвалы ища, ѿ тебе хвала моя, глаголюци, и ѿ гдѣ похвалятся душа моя. Человекѣцы бо множицею, и по зависти ѡклеветываютъ благѡа: вышнее же позорице нелицепріятно сѣдитъ дѣла, и истинною бываемыа награждаетъ подвиги. Сїе оубо насъ, что и нѣжно есть, оусладити пріятностію дѣла, да оусладитъ зрѣлице: ѿ человекѣцъ же, кони, какъ за дѡбрыа дѣла воздааніа оучинитъ, такъ и за худыа наказатъ не мѡгутъ, не многѡ глаголати потребно, хотѣ они или по зависти, или по пристрастію добродѣтельными дѣла худыми наименованіаи помрачáютъ, бѣ и аггломъ извѣстное житїе погрѣшительными ѡглаголѡютъ худѣньми. Воспоследѣдетъ бо воистинно во время воздааніа добродѣтели живущимъ, не ѡ предразсужденіа человекѣкъ, но ѿ самыа дѣла истины, награженіе вѣчныхъ благъ: иже да бѣдетъ всѣмъ намъ оублачити, благодатїю и человекѡлюбїемъ гдѣ нашего іиса хрѣта, съ нимже оцѣ слава, всѣмъ стѡмъ дхѣ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкѡвъ, аминь.

вместе, не вступаютъ в дружеское общеніе по естественно непримиримой вражде и отчужденію.

Поэтому чистота добродетели да не возмущается мыслями о делах мірских, ясность созерцания да не приводится в смущеніе телесными заботами, чтобы и образ истинного любоводрія, сияя свойственною ему красотію, не былъ порицаемъ дерзновенными устами и по неопытности пишущихъ оный не соделался предметомъ осмеянїа, но восхваляли его если не люди, то, по крайней мере, Горніе Силы или Сам Владыка Христос, от Которого и святые взыскаютъ похвалы, какъ великій Давид, поправъ человеческую славу и испрашивая похвалы у Бога, говорит: *От Тебя хвала моя* (Пс. 21, 26); и еще: *Господомъ будетъ хвалиться душа моя* (Пс. 33, 3). Люди часто по ненависти чернятъ и хорошее, а зрелище горнее нелицеприятно судитъ дела и приговоръ о сделанномъ произноситъ по самой истинѣ. Поэтому сїе зрелище, которому необходимо услаждаться усладительностію делъ, да будетъ услаждено. А что касается до людей, которые не могутъ ни воздать награды жившимъ хорошо, ни наказатъ жившихъ иначе, то не великая важность, если, или по зависти, или по пристрастію дела добродетели омрачáя именами порока, жизнь, признанную Богомъ и людьми, чернятъ вымышленными хулами. Ибо во время воздаянїа жившимъ хорошо, безъ сомнѣнїа не по людскому мнѣнїю, но по самой действительности совершенного в жизни, последуетъ воздаянїе вечныхъ благъ, которые да сподобимся получить и все мы по благодати и человекѡлюбїю Господа нашего Иисуса Христа, с Которымъ слава Отцу вместе со Святымъ Духомъ, ныне и присно и в беспредельные и нескончаемые веки вековъ! Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ:

Иоанн Карпафский

1. Краткое сведение о св. Иоанне Карпафском..... 4
2. Преподобного отца нашего Иоанна Карпафского к монахам, находившимся в Индии, писавшим к нему. Сто утешительных глав..... 5
3. Иже во святых отца нашего Иоанна Карпафийского Слово подвижническое и очень утешительное к обратившимся [к нему] монахам из Индии, восполняющее число ста глав..... 36

Блаженный Диадок

4. Краткое сведение о Диадокхе Фотикийском..... 44
5. Блаженного Диадокха, епископа Фотики указание последних пределов или верха совершенства главнейших добродетелей..... 46
6. Блаженного Диадокха, епископа Фотики, что в древнем Эпире Иллирийском, подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного, каким знанием надлежит нам, по путеводительству Господа, достигнуть предъявленного совершенства, чтобы каждый из нас плодоносил семя слова по образу обозначенных в евангельской притче..... 47

Никита Стифат

7. Краткое сведение о нем..... 108
8. Никиты преподобного монаха и пресвитера святейшей обители Студийской, — деятельных глав сотница первая 110
9. Вторая сотница естественных психологических глав — об очищении ума..... 147
10. Третья умозрительных глав сотница — о любви и

Содержание

- совершенстве жизни 188

Каллист Катафигиот

11. Главы Каллиста Катафигиота, о божественном единении и созерцательной жизни 235

Каллист, патриарх Константиноградский

12. Образ внимания и молитвы 329
13. Того же слово краткое о молитве..... 332

Авва Филимон

14. Краткие сведения о нем..... 335
15. Об авве Филимоне слово весьма полезное 337

Феодор Эдесский

16. Краткая биография..... 356
17. Деятельные главы преподобного отца нашего Феодора Едесского..... 357
18. Слово умозрительное..... 387

Илия Эдик

19. Предисловие..... 402
20. Цветособрание, излюбомудрствованное и собранное Илией Малейшим..... 404
21. О молитве..... 416
22. Главы гностические..... 421
23. Главы практические и созерцательные..... 427

Кассиан Римлянин

24. О преподобном Кассиане..... 447
25. О восьми помыслах злобы..... 448
  - о воздержании чрева..... 448
  - о блудной страсти и похоти плотской..... 450
  - о сребролюбии..... 454

о гневе.....	461
о печали.....	467
об унынии.....	469
о тщеславии.....	472
о гордыни.....	474
26. Слово к епископу Леонтию большой пользы исполненное.....	477

Нил Постник

27. Краткие сведения о нем.....	497
28. Предисловие к главам о молитве.....	498
29. Главы о молитве.....	500
30. Слово подвижническое, весьма нужное и полезное.....	520

